

ISSN 2074-1847

ДОНИШГОҶИ МИЛЛИИ ТОҶИКИСТОН
ТАДЖИКСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ПАЁМИ ДОНИШГОҶИ МИЛЛИИ
ТОҶИКИСТОН
(мачаллаи илмӣ)

ВЕСТНИК ТАДЖИКСКОГО
НАЦИОНАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА
*(на
учный журнал)*

5(61)

БАХШИ «ФИЛОЛОГИЯ»

СЕРИЯ «ФИЛОЛОГИЯ»

ДУШАНБЕ: «СИНО»
2010

**ДОНИШГОҲИ МИЛЛИИ ТОҶИКИСТОН
ТАДЖИКСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ**

**МАҶАЛЛАИ ИЛМӢ СОЛИ 1990 ТАЪСИС ЁФТААСТ.
НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ ОСНОВАН В 1990 ГОДУ.**

**Ҳайати таҳририя:
Редакционная коллегия:**

**Саидов Н.С. – гл. редактор, доктор философских наук, профессор
Каримов М.Б. – зам. гл. редактора, доктор химических наук, профессор
Мирбобоев Р.М.- зам. гл. редактора, кандидат экономических
наук, доцент
Исматов С.М. - зам. гл. редактора, кандидат филологических наук, доцент**

Аъзои ҳайати таҳририя:

Члены редколлегии:

**Касымова М.Н. - доктор филологических наук, профессор
Кабиров Ш. - кандидат филологических наук, доцент
Низомов М. - кандидат филологических наук, доцент**

Маҷалла бо забони тоҷикӣ, русӣ ва англисӣ нашр мешавад.
Журнал печатается на таджикском, русском и английском языках.

**© Донишгоҳи миллии Тоҷикистон, 2010
Паёми Донишгоҳи миллии Тоҷикистон
Вестник Таджикского национального университета**

ЗАБОН

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ГЛАГОЛОВ В СТРУКТУРЕ НАУЧНЫХ ТЕКСТОВ ПО ТЕХНОЛОГИИ ПРОИЗВОДСТВА КОНДИТЕРСКИХ ИЗДЕЛИЙ

Х.К. Каримбаева

Технический университет Таджикистана им. М.С. Осими

Глагол – самая сложная и самая ёмкая часть речи, он наиболее конструктивен по сравнению с другими частями речи и считается организующим центром, основой части предложений в тексте. Глагольные конструкции имеют решающее влияние и на именные словосочетания. Проведенный нами анализ лексико-грамматического состава терминологии производства кондитерских изделий таджикского и русского языков позволяет констатировать, что в ее функции наряду с существительными могут выступать и глаголы.

Значение глагола, как неоднократно отмечалось в лингвистической литературе, своеобразно, потому что в нем пересекаются, «причудливо взаимодействуя, лексическое и грамматическое, собственно знаковое и структурное значение» [Уфимцева, 1986, 128]. Поэтому наряду с именем существительным глагол является одной из главных частей речи в структуре научного текста.

В тексте учебника по технологии производства кондитерских изделий [Алет, Папук 2002], состоящего из 120 795 слов, методом сплошной выборки было зарегистрировано 11824 глагола, что составляет 9,79 %). При этом следует указать как на тематическое, так и на количественное многообразие глаголов в тексте. В научных текстах употребляются широкие классы глаголов, выполняющие важную роль в создании лексико-грамматического содержания научного стиля, так как лексико-грамматические и семантические особенности глагола как особого лексико-грамматического класса слов все более способны реализовать в тексте информативность.

Немаловажное место в научном тексте по технологии производства кондитерских изделий занимают общепотребительные глаголы. В круг названных глаголов в научном тексте сферы технологии производства кондитерских изделий входят:

1) глаголы состояния: *казаться* более темной, *являются*, *отличаться* большим содержанием, *представлять* собой химически чистую сахарозу, *являться* показателем, *обладать* бактерицидными свойствами -

2) глаголы изменения состояния: *измениться*, *превращаться* в липкую массу, *приобретать* затхлый, гнилостный, плесневелый запах, *разлагаться*, *разлагать* на декстрины (под действием ферментов), *становиться* (липким и незластичным), *образоваться* вязкий коллоидный раствор, *становиться* особенно сильной, *становиться* горькой, *разрушаться* – мубаддал карда шудан, табдил дода шудан, баркарор шудан, ба хамираи часпак табдил шудан; пайдо кардан; ҳосил кардан, гирифтаг: буи ругубатнок, магор (зах) пайдо кардан; чудо кардан, таҷзия кардан, чудо карда шудан, таҷзия карда шудан: (дар зери таъсири ферментҳо) ба декстринҳо таҷзия кардан (таҷзия карда шудан); ҳазм кардан; часпак шудан; ба вучуд овардан, пайдо кунондан, падид овардан: маҳтули коллоидии ёзанда; моддаи ширешӣ ҳосил кардан; тағйир ёфтган; табдил ёфтган, мубаддал шудан, дигаргун шудан;

3) глаголы, характеризующие наличие связи, отношения зависимости: *связать*, *относиться*, *касаться*, *установиться*, *причисляться* - *вобаста будан*, *мансубият доштан*, *мансуб будан*, *алоқаманд будани* др.

4) глаголы применения: *применять* при изготовлении мучных кондитерских изделий (печенья, тортов), *применяться* для ..., *истифода кардан*, *истифода бурдан*, *кор фармудан*; *истеъмол кардан*, *истеъмол карда шудан*.

5) глаголы предназначения: *предназначать*, *предназначаться*, *использовать* в..., *использоваться* при..., *рекомендоваться* - *тағын кардан*, *муқаррар кардан*, *муайян кардан*, *тағын карда шудан*, *муқаррар карда шудан*, *муайян карда шудан*;

6) глаголы возрастания и уменьшения: *возрастать*, *повышать* пищевую ценность, *снижаться*, *снижать* влагоемкость, *увеличиваться* кислотность, *набухаемость*, *уменьшать* набухание белков муки, *ускорять* – *афзудан*, *зиёд шудан* *зиёд карда шудан*; *афзоёндан*; *бардоштан*; *паст карда шудан*, *кам карда шудан*; *паст шудан*, *кам шудан*; *паст паст (кам, суст) кардан*, *суст кардан*, *кам кардан*; *баланд шудан*, *баланд карда шудан*;

7) глаголы производства: *производить*, *выпускать*, *пускать* в производство; *образовать* клейковину - *сохтан*, *сохта баровардан*, *истехсол кардан*, *ҳосил кардан*, *тайёр кардан*; *вырабатывать* - *кор карда баромадан*; *моддаи ширешӣ ҳосил кардан*;

8) глаголы структуры и состава: *состоять* из воды, сахарозы, декстринов; *содержаться*, *содержать*

достаточно влаги, много белков и жиров; в кукурузе содержится много питательных веществ; - аз об сахароза ва декстринхо *ибораг будан, мавчуд будан; доштан*. микдори кофии нами, сафедахо ва равган доштан; *будан*. дар таркиби чуворимакка бисёр моддаҳои физодор *хаст*;

9) глаголы, обозначающие продолжительные действия и состояния: *быть, находиться* - *будан, вуҷуд доштан*;

10) глаголы освоения: *освоить, поглощать, растворяться* в воде, *усваиваться* - хал шудан: дар об хал шудан - чаббидан, ба худ кашидан, макидан, дарун кашидан; фуру бурдан, аз худ кардан, ба худ кашидан;

11) глаголы направленного действия: *придать* аромат, *придать* липкость, *воздействовать, активизировать, влиять* на хлебопекарные свойства муки, *оказывать влияние* - *хуштам кардан, болазат кардан, зуворо кардан; часпак кардан, таъсир кардан, таъсир расондан, фъол кардан*;

12) глаголы опосредованного действия: играть роль, выполнять роль антикристаллизатора, иметь (большое) значение, иметь (значительное, незначительное, огромное) влияние – *накшера пайдо кардан, бозидан, ахамият пайдо кардан, истифода бурдан*;

13) глаголы, характеризующие один из определенных этапов действия: *начинать, закончить, завершать, продолжать, приступить* - *сар кардан, қат кардан, оғоз намудан, ба итмом расонидан, давом додан* и др.

Среди глаголов, употребляющихся в научном тексте по технологии производства кондитерских изделий, важное место занимают также конструкции с глаголами мыслительной деятельности. В целом наиболее частотными являются конструкции со следующими глаголами:

1) глаголы, выражающие значения комментирования: *раскрыться, описываться, рассматривать, обобщать подходы (аспекты), характеризовать, дать характеристику, рассмотреть источники, объяснять, комментировать, выяснять, уточнять; определяться* - *шарҳ додан, эзоҳ додан, аниқ кардан, муайян намудан, маълум карда шудан, ошкор карда шудан, дида шудан, муоина карда шудан, баҳо дода шудан, тавсиф кардан, баён кардан; дида баромадан, муҳокима кардан*;

2) глаголы, выражающие значение доказательства, констатации, обозначая оценку или результаты исследовательской деятельности: *внести вклад, выводы позволяют, впервые представляется* описание, результаты исследования *могут быть использованы*, исследование *может послужить* (основой для проведения), результаты анализа *позволяют сделать вывод*, исследование *имеет особое значения* для... , исследование *показало, что...*, *позволяет прийти к заключению*, особенно важно *выделить* (в нашем исследовании), *намечаются дальнейшие перспективы, выдвигаются основные положения, анализ позволяет выявить* - *саҳми арзанда гузоштан, натиҷаи тадқиқот нишон медиҳад...*, бори аввал *нишон дода шудан*, тадқиқот аз он *муҳим аст*, ки... , исбот карда шудааст... , ақида рондан..., шаҳодат овардан, тасдиқ намудан и др.;

3) глаголы описания, анализа исследовательской деятельности: *определить ядро и периферию, проследить, привести доказательства, уделять* внимание, *изложить, обнаруживать* – муайян кардан, далел овардан, диққат додан, изҳор намудан, таҳлил намудан, фикр кардан, таҳлил кардан, омехтан, ақида рондан и др.;

4) глаголы процесса исследования: результаты исследования *были представлены; формулируются* основные выводы, *обосновывается* выбор темы, *использоваться* корпус, *следуя* точке зрения (ведущих отечественных специалистов), представляется важным *отметить (проследить)*, можно *ознакомиться*, *были выбраны* на основании ... , в качестве... *были отобраны* и др. – *пешниҳод карда шудан, тасвир карда шудан; асоснок карда шудан; истифода шудан; ба инobat гирифтан, пайравӣ кардан; қайд кардан, интиҳоб карда шудан* и др.;

5) глаголы с конструкциями обоснования: недостаточно изученными *остаются*, ранее *не подвергалась исследованию, требует* своего решения, *объясняется* тем, что, *не уделяться* внимание, *учитывать* проблему, *являться* важнейшим аспектом, *рассматривать* в качестве новой сферы, *представлять* собой отдельную проблему, решение *могло бы способствовать, посвящаться* исследованию, *вопрос касается* – *нокифоя боқӣ мондан; мавриди тадқиқот нагаштан; талаб мекунад, ки тадқиқ гардад; тадқиқоти доманадор зарур будан; тадқиқоти минбаъда бо он зарур шуморида мешавад, ки...; эзоҳ (шарҳ) дода шудан; диққати зарури дода нашудан, масъалаи ...-ро ба эътибор гирифтан; масъалаи алоҳида ба шумор рафтан; ҳалли онмасъаларо ҷиддан омехтан; мусоидат намудан; масъала ба ... дахл доради др.*

6) глаголы, выражающие значения воздействия речи: *подчеркнуть, оценить* положительно, *признать, следует согласиться, выразить* свое несогласие, *принять, возразить*, - таъкид кардан, эътироф кардан, розӣ будан (нашудан), мақбул доништан, қабул кардан, зид баромадан, норозигӣ, (норизоӣ) изҳор намудан, розӣ набудан и др.;

7) глаголы, выражающие значения вопроса и ответа: *вопросить, осведомиться, задать вопрос, спросить, ответить, заявить желание, желать, - савол додан, посух додан, сухан додан, чавоб додан, хохиш намудан, пурсидан* и др.

8) глаголы, выражающие значение письменного или устного представления: *отражать, выразить, отметить, выразить мысль, вести разговор, высказать мысль - инъикос кардан, зикр намудан, тазаккур додан, қайд кардан, сухан рондан, изхор намудан, фикр рондан* и др.;

Важность глагольного компонента как семантического организатора текстов и терминологическую систему данной сферы науки подчеркивает также то, что, как показывает собранный нами материал, среди существительных, употребляемых в качестве терминов технологии производства кондитерских изделий, в русском языке значительное место занимают отглагольные существительные: *подслащивание < подслащивать, подщелачивание < подщелачивать, разрыхление < разрыхлить, брожение < бродить, охлаждение < охладить, вытечка < вытечь, отделка < отделать* и др. То же самое, хотя в меньшей степени, касается таджикского языка: *ширин кардан – ширинкунӣ, майда кардан – майдакунӣ, ишқоркунӣ, туруш шудан – турушшавӣ, тобидан – тобиш, пухтан – пазиш, пухтупаз* и др. В отличие от производных глаголов существительные в однокоренных словах обозначают более обобщенное значение, что и способствует их терминологическому употреблению. Поэтому важной является также роль глаголов в формировании словообразовательного гнезда, целиком употребляющегося в научном тексте.

Часто производные глагольные существительные образуют вместе с вспомогательными глаголами особые составные сочетания, которые также способны употребляться в качестве терминов: *производить подслащивание, производить разрыхление, производить охлаждение, производить вытечку* и др. – *ширин кардан, нарм кардан, хунук кардан* и др. Исторически все составные глаголы таджикского языка – одного из ведущих способов образования глаголов в современном таджикском языке – представляют собой подобные сочетания, ср.: *кор* ‘работа’ – *кор кардан* ‘работать’; *бозӣ* ‘игра’ – *бозӣ кардан* ‘играть’, *ичро* ‘выполнение’ – *ичро намудан* ‘выполнять’ др.

Глаголы определенной семантики наравне с однокоренными отглагольными существительными могут употребляться в качестве термина (сравните: *подслащивать муку - → подслащивание муки - ордро ширин кардан - → ширинкунони орд; охладить полуфабрикат - → охлаждение полуфабриката - хунук кардани маҳсулоти нимтайёр - → хунуккунии маҳсулоти нимтайёр*, однако в зависимости от своих грамматических свойств, связанных с категориальным значением личных форм глагола, в котором важным является не только конкретизирующее значение процесса, но и значение отношения между субъектом и объектом действия, обозначаемый глаголами понятийный аспект в семантической структуре глагола несколько уже. В этом отношении всецело права В.П.Даниленко, которая утверждает, что именно с этим аспектом семантической структуры глагольного слова связано то, что «для словаря более приемлемой считается форма имени существительного, а в текстах это понятие реализуется в личных формах глагола» [Даниленко 1977, 51].

Таким образом, глаголы имеют широкое употребление в научных текстах по технологии производства кондитерских изделий и играют большую роль в образовании лексического состава научного текста данной сферы науки.

В то же время следует обратить внимание на семантические особенности функционирования глаголов в научном тексте, при котором под влиянием терминологического окружения текста они подвергаются различной степени терминологизации, что прежде всего проявляется в семантической адаптации к условиям научного текста: сужение лексического значения, употребление только в нейтральном значении и т.п.

Глаголы в тексте образуют различные структурные типы словосочетаний, которые характеризуются различной степенью устойчивости - от свободных до синтаксически и семантически устойчивых, в целом дают общую характеристику грамматическим особенностям научных текстов. Большинство стандартизованных конструкций основывается на синтагматических свойствах глаголов. Как показывает приведенный выше иллюстративный материал, глаголы при этом сочетаются с существительными, имеющими терминологическое значение. Поэтому синтагматическое использование глаголов в сочетании с терминами существительными в данном случае выполняет функцию способа терминологизации глаголов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Апет Т.К., З.Н. Пашук. Технология производства мучных кондитерских изделий: Учеб. пособие / Т.К. Апет, З. Н. Пашук. - Мн.: Вышшк., 2002. - 399 с.
2. Даниленко В.П. Русская терминология: Опыт лингвистического описания. - М.: Наука, 1977. - 246 с.
3. Даниленко В.П. Терминологизация разных частей речи (термины-глаголы) // Проблемы языка науки и техники. - М.: Наука, 1970. - с. 40
4. Уфимцева А.А. Лексическое значение. - М.: 1986.

ГЛАГОЛЫ В СТРУКТУРЕ НАУЧНЫХ ТЕКСТОВ ПО ТЕХНОЛОГИИ ПРОИЗВОДСТВА КОНДИТЕРСКИХ ИЗДЕЛИЙ

Статья посвящена проблеме использования глаголов в научных текстах по технологии производства кондитерских изделий. Автор выделяет тематические группы глаголов, употребляемых в языке научного текста, выявляет их роль в семантической организации текста указанной научной сферы, а также устанавливает особенности терминологизации общеупотребительных глаголов в структуре научного текста.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: научный текст, глагол, классы глаголов, лексико-грамматические и семантические особенности, общеупотребительные глаголы, отглагольные существительные, синтагматические свойства глаголов, стандартизированные конструкции, терминологизации глаголов.

VERBS IN THE STRUCTURE OF SCIENTIFIC TEXTS ON TECHNOLOGY PRODUCTION OF CONFECTIONERY

The article is devoted to the problems of used verbs in scientific texts on technology production of confectionery. The author picks out thematic groups of verbs used in scientific texts, elicits their role in semantic organization of text pointed in scientific sphere, and establishes the feature of terminologization of current verbs in the structure of scientific text.

KEY WORDS: scientific text, verb, classes of verbs, lexical-grammatical and semantic features, current verbs, verbal noun, syntagmatic character of verbs, standardized constructions, terminologization of verbs.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: *Х. К. Каримбаева* – старший преподаватель кафедры иностранных языков Технического Университета Таджикистана имени ак. М.С. Осими.

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СТРУКТУРЫ ТЕКСТА РАССКАЗА

З. Мухторов

Таджикский национальный университет

Вопросы анализа и интерпретации структуры текста в настоящее время являются одной из наиболее важных проблем лингвистики текста. Наряду со структурой отдельного текста и отдельной речи важно определить наиболее полную и универсальную структуру текста и речи в конкретном языке. С этой целью исследование структуры речи и текста лучше всего начать с анализа и исследования особенности текста рассказа, так как такие виды текстов имеют относительно известную зафиксированную структуру речевой деятельности человека. Кроме того, можно полагать, что рассказ является самым основным типом речи, и соответственно выводы, сделанные при анализе особенностей текста рассказа, несомненно, имеют самую общую применимость. В данной статье будут описаны основная структура и другие особенности текста рассказа как одного из наиболее распространенных видов текста. Общеизвестно, что наиболее хорошо структурированные тексты могут быть разделены на три части, **введение**, **основная часть** и **заключение** (См.: 2, 34; 3, 87). Почти такое разделение допустимо также и для других типов речи. Ниже будем рассматривать каждую часть текста рассказа в отдельности.

Введение рассказа можно делить на две части: первая часть включает название текста и установочную информацию, где указывается направление речи и цели рассказа. Во введении также определяется жанр рассказа, например если текст рассказа начинается словами «Был один пастух...», или же «Давайте, я Вам расскажу про...», то вполне определено, что дальнейшая информация выражается в форме жанра сказки, исторического очерка и рассказа.

Название рассказа или текста рассказа также относительно может определить жанр. Название текста рассказа – это, прежде всего слово или фраза, описывающая историю, природу или ситуацию. Текст рассказа больше всего будет иметь то ли описательного характера, или является поведенческой речью (См.: 9, 37). Приведем примеры текстов рассказа на таджикском языке с вариантом перевода на русский язык:

Ҳикоят[1]

Шунидам, ки ба рӯзгори Соҳиб пире буд ба Зангон ғақеху муҳташам аз асҳоби шофеъӣ, муфттиву музаккар ва музаккии Зангон **буд**. Ва чҷавоне **буд** алавӣ, писари раиси Зангон. Ҳамчунин ғақеху музаккар **буд**. Ва пайваста ин ҳар ду бо якдигар дар мукошафат **буданд**. Бар сари минбар якдигарро **таънаҳо заданд**. Ин алавӣ рӯзе бар сари минбар ин пирро **кофир хонд**. Хабар бад-он шайх бурданд. Вай низ бар сари минбар алавиро ҳаромзода хонд. Хабар ба алавӣ бурданд. Сахт аз ин сухан малул бишуд. Дарҳол барҳост ва ба шаҳри Рай рафт ва пеши Соҳиб аз он пир гила кард ва биғиристу гуфт:

- Нашояд, ки ба рӯзгори ту касе фарзанди расулро ҳаромзода хонад.

Сохиб аз ин пир дар хашм шуд ва қосиде фиристод. Ва ин пирро ба Рай оварданд ва ба мазолим бинишаст бо фуқаҳо ва содот. Ва он пирро бифармуд оварданд ва гуфт:

- Эй, шайх, ту марде аз чумлаи имомони шофеъӣ бошӣ ва марде олиму пир ва ба лаби гӯр расида. Шояд, ки фарзанди расулро ҳаромзода хонӣ? Акнун ин ки гуфтӣ, дуруст кун ё на туро укубат кунам ҳар чи балеғ бошад, то халқ аз ту ибрат гиранд ва дигар кас ин бедабиву беҳурмати накунад, чунон ки дар шаръ воҷиб аст.

Пир гуфт: - Бар дурустии сухани ман гувоҳи ман ҳам худ ин алавист. Бар нафси ӯ беҳ аз ӯ гувоҳ махоҳ. Аммо ба қавли ман ӯ ҳалолзодаест пок ва ба қавли худ ҳаромзода.

Сохиб гуфт: - Ба чӣ маълум кунӣ?

Пир гуфт: - Ҳама Зангон донанд, ки никоҳи падари ӯ бо модари ӯ ман бастаам. Ва ӯ бар сари минбар маро кофир гуфтааст. Агар ин сухан аз эътиқод гуфтааст, пас никоҳе, ки кофир бандад, дуруст набошад. Пас ӯ ба қавли худ ҳаромзода аст. Ва агар бе эътиқод гуфт, дурунгуӣ бошад.

Пас пир гуфт: - Ба ҳама ҳол дурунгуӣ аст, ё ҳаромзода. Ва фарзанди расул дурунгуӣ набошад. Чунон ки хоҳед, шумо ӯро ҳамехонед. Бешак, аз ин ду бар як чиз бибояд истодан.

Он алавӣ саҳт хичил гашт ва ҳеҷ ҷавоб надошт. Ва ин сухан наандешида гуфт, то бар вай вубол гашт. Пас, эй писар, сухангуӣ бош, на ёфагуӣ, ки ёфа гуфтан дуввуми девонагӣ бошад. Ва бо ҳар ки сухан гуӣ, бингар, то сухани туро харидор ҳаст ё на.

Переводной текст на русский язык:[2]

Рассказ. Слышал я, что во времена Сахиба **был** один старик в Зангане, правовед и уважаемый человек из сподвижников (имама) Шафии, да помилует его аллах. **Был** он муфти, проповедником и сборщиком заката в Зангане. И **был** один юноша, алид, сын раиса Зангана, тоже правовед и проповедник. **Постоянно** эти двое **разоблачали** друг друга и корили друг друга с минбара. Этот алид как-то раз **обозвал** с минбара того старца **неверным**. Сообщили об этом шейху, он тоже обозвал с кафедры того алида незаконнорожденным. Об этом сообщили алиду, он сильно расстроился. Тотчас поднялся он, отправился в город Рей и пожаловался Сахибу на того старца. Он плакал и говорит: «Не подобает, чтобы в твоё время кто-либо обзывал потомка пророка незаконнорожденным».

Сахиб разгневался на старца, послал гонца, старца привели в Рей, и Сахиб сел разбирать жалобу с правоведом и сеидами. Приказал привести старца и сказал: «Шейх, ты муж из числа шафиитских имамов (да помилует его аллах), человек ты ученый, стоишь на краю могилы. Годится ли, чтобы ты обзывал потомка пророка незаконнорожденным? Теперь доложи истинность того, что ты сказал, если же не сможешь, я тебя покараю самой сильной карой, как это положено и по шариату, чтобы люди поучились на твоём примере и никто не смел поступать так невоспитанно и непочтительно».

Старец сказал: «Свидетель правильности моих слов - сам же этот алид, не ищи против него свидетеля лучше его самого. По моим словам, он законнорожденный и чист, по собственным его словам - незаконнорожденный». Сахиб спросил: «Чем докажешь?» Старец ответил: «Весь Занган знает, что брак его отца с его матерью скрепил я, а он на кафедре назвал меня неверным. Если он эти слова сказал по убеждению, то брак, скрепленный неверным, - недействителен, тогда он, по его же собственным словам, незаконнорожденный. Если же он сказал это не по убеждению, он лжец и необходима ему кара». Потом старец добавит: «Как бы там ни было, или он - лжец, или незаконнорожденный, а потомок пророка лжецом быть не может, зовите же его, как хотите!»

Тогда алид очень устыдился и никакого ответа не нашёл. Сказал он эти слова необдуманно, вот и стали они ему бедой.

Как мы видим в начале текста приводится «**Шунидам, ки ба рӯзгори...**» «**Слышал я, что во времена...**» и в таких случаях применяются глаголы прошедшего времени в повествовательной форме типа **буд «был», таънаҳо заданд «разоблачали»** и когда наступает кульминационный период, тогда меняется время глагола и действия инсценируется глаголами настоящего времени **кофир хонд «обозвал неверным»**, что больше всего подобное оформление речи свойственно жанру рассказа. Таким образом, по употреблению различных форм глагола в тексте возможно делить текст на определенные структурно-содержательные единицы как введение в текст рассказа, основная часть и заключение текста рассказа, которые в свою очередь делятся на различные подструктурные части типа название текста, апертюра, открытие, как составляющие введения текста, предкульминация, кульминация, посткульминация, как составляющие основной части текста, закрытие, оценка, как составляющие части заключительной части или концовки текста. Ниже приведем таблицу, где текст разделен на вышеперечисленные структурные и подструктурные части, которыми можно назвать коммуникативные разделы:

Введение	Название	Хикоят
	Аппертура	Шунидам, ки ба рӯзгори Соҳиб пире буд ба Зангон
	Открытие	фақеҳу муҳташама аз асхоби шофегӣ, муфливу музаққар ва музаққии Зангон буд. Ва ҷавоне буд алаві, писари раиси Зангон. Ҳамчунин фақеҳу музаққар буд. Ва пайваста ин ҳар ду бо якдигар дар муқошафат буданд. Бар сари минбар якдигарро таънаҳо заданд.
Основная часть	Предкульминация	Ин алаві рӯзе бар сари минбар ин пирро кофир хонд. Хабар бад-он шайх бурданд. Вай низ бар сари минбар алавиро ҳаромзода хонд. Хабар ба алаві бурданд. Сахт аз ин сухан малул бишуд. Дарҳол барҳост ва ба шаҳри Рай рафт ва пеши Соҳиб аз он пир гила кард ва бигиристу гуфт: - Насояд, ки ба рӯзгори ту касе фарзанди расулро ҳаромзода хонад. Соҳиб аз ин пир дар ҳашм шуд ва касиде фиристод. Ва ин пирро ба Рай оварданд ва ба мазолим бинишаст бо фуқаҳо ва содот. Ва он пирро бифармуд оварданд ва гуфт: - Эй, шайх, ту марде аз ҷумлаи имомони шофегӣ бошӣ ва марде олимӣ пир ва ба лаби гӯр расида. Шояд, ки фарзанди расулро ҳаромзода хонӣ? Акнун ин ки гуфти, дуруст кун ё на туро укубат кунам ҳар чи балеғ бошад, то халқ аз ту ибрат гиранд ва дигар кас ин беадабиву беҳурмати накунад, чунон ки дар шаръ вочиб аст. Пир гуфт: - Бар дурустии сухани ман тӯвоҳи ман ҳам худ ин алавиаст. Бар
	Кульминация	Пир гуфт: - Ҳама Зангон донанд, ки никоҳи падари ӯ бо модари ӯ ман бастаам. Ва ӯ бар сари минбар маро кофир гуфтааст. Агар ин сухан аз эътиқод гуфтааст, пас никоҳе, ки кофир бандад, дуруст набошад. Пас ӯ ба қавли худ ҳаромзода аст. Ва агар бе эътиқод гуфт, дуруғӣ бошад.
	Посткульминация	Пас пир гуфт: - Ба ҳама ҳол дуруғӣ аст, ё ҳаромзода. Ва фарзанди расул дуруғӣ набошад. Чунон ки хоҳед, шумо ӯро ҳамехонед. Бешак, аз ин ду бар як чиз бибояд истодан. Он алаві сахт хичил гап ва ҳеҷ ҷавоб надошт.
Заключение	Закрытие	Ва ин сухан наандешида гуфт, то бар вай вубол гап.
	Оценка	Пас, эй писар, сухангӯ бош, на ёфагӯӣ, ки ёфа гуфтан дувуми девонагӣ бошад. Ва бо ҳар ки сухангӯӣ, бингар, то сухани туро харидор ҳаст ё на.

Введение	Название	Рассказ
	Апеллура	Слышал я, что во времена Сахиба был один старик в Зангане,
	Открытие	законоведи уважаемый человек из стодвижников Хрмама! Шафии, да помилует его аллах. Был он муфти, проповедником и сборщиком заката в Зангане. И был один юноша, алид, сын раиса Зангана, тоже законоведи проповедник. Постоянно эти двое разоблачали друг друга и корили
Основная часть	Предкульминация	Этот алид как-то раз обозвал с минбара того старца неверным. Сообщили об этом шейху, он тоже обозвал с кафедрой того алида незаконнорожденным. Об этом сообщили алиду, он сильно расстроился. Тотчас поднялся он, отправился в город Рей и пожаловался Сахибу на того старца. Он плакал и говорил: «Не подobaет, чтобы в твое время кто-либо обзывал потомка пророка незаконнорожденным».
	Кульминация	Сахиб разгневался на старца, послал гонца, старца привели в Рей, и Сахиб сел разбирать жалобу с законоведами и сеидами. Приказал привести старца и сказал: «Шейх, ты муж из числа шафилитских имамов Хда помилует его аллах, человек ты ученый, стоишь на краю могилы. Годится ли, чтобы ты обзывал потомка пророка незаконнорожденным? Теперь доложи истинность того, что ты сказал, если же не сможешь, я тебя покараю самой сильной карой, как это положено и по шариату, чтобы люди поучились на твоём примере и никто не смел поступать так невоспитанно и непочтительно».
	Посткульминация	Старец ответил: «Весь Занган знает, что брак его отца с его матерью скрепил я, а он на кафедре назвал меня неверным. Если он эти слова сказал по убеждению, то брак, скрепленный неверным, — недействителен, тогда он, по его же собственным словам, незаконнорожденный. Если же он сказал это не по убеждению, он лжец и необходимо ему кара».
	Закрытие	Потом старец добавил: «Как бы там ни было, или он — лжец, или незаконнорожденный, а потомок пророка лжецом быть не может, зовите же его, как хотите!»
Заключение	Оценка	Тогда алид очень устыдился и никакого ответа не нашёл. Сказал он эти слова необдуманно, вот и стали они ему бедой.

Таким образом, коммуникативные разделы текста можно дифференцировать на следующие три основные части: введение, основная часть, заключение. Данная таксономия может охватить почти все известные виды текста, в основном, такие как художественные, научные, публицистические, деловые. Ниже можем рассматривать обычный художественный текст по этой таксономии, которая приведена в таблице. Вышеназванные три основных раздела текста в свою очередь классифицируются на определенные шаги, которые логично и последовательно составляют текст как завершённую

коммуникативную единицу (См.: 2, 46). Первая часть является **введением текста**, который в свою очередь делится на следующие шаги:

1. Название - слово или фраза, название рассказа, имена основных лиц, название действия или образа действия, образа основного лица, название пространства или времени, качества основного лица, качества действия, качества пространства или времени.

2. Открытие - слово, фраза, предложение, или параграф. Апертура или шаблонное открытие, описание пространства или времени, начало действия лица, отношение аудитории, шаблоны для привлечения аудитории или читателя, установка, описание действия участников или обстоятельства. В данной части текста чаще глаголы состояния или же глаголы прошедшего времени. Объем части открытия может состоять из одного или двух предложений, иногда может состоять из абзаца.

Следующая часть текста является основной частью, которая делится на нижеследующие компоненты:

1. Предкульминационная часть. Эпизоды предкульминационного момента - развитие времени, местоположение, участники. Объем – несколько абзацев, параграф. Глаголы действия, умеренное развитие процесса и появление новых реалий и действий, обостряющие процесс.

Объем части предкульминационного момента - несколько предложений, абзац или несколько абзацев.

2. Кульминационная часть.

Эпизоды кульминационного момента - пиковые устройства маркировки - маркированные части предложений, фраз и словосочетаний. Выделяется и изменяется стиль, динамические глаголы.

Концентрация участников – изменение стиля речи, посредством изменения времени глагола.

Объем части **кульминационного момента** - предложение, несколько предложений, абзац, реже несколько абзацев.

3. Посткульминационный момент. Развязка - обычные грамматические особенности, изменение среды и атмосферы происходящего и особенности происходящего.

Объем части **посткульминационного момента** – предложение, несколько предложений, абзац, несколько абзацев.

Чаще всего по объему предкульминационный момент больше чем кульминационный и посткульминационный моменты, которые могут состоять из нескольких абзацев.

Третьей завершающей частью текста является заключение, которое состоит из нижеследующих компонентов:

1. Закрытие - фраза, предложение, или абзац с выводом или резюме.

2. Оценка – урок, мораль, предупреждение, жизненный опыт.

Следует отметить, что данная классификация указывает также и очень гибкий характер структуры текста, так как разделы и их внутренние компоненты могут оформляться различной последовательностью, соблюдая логическое единство, правильность и целостность содержания всего текста.

ЛИТЕРАТУРА

1. Унсур-ул-маоли Кайковус. Насихатнома. – Душанбе, 1968. с. 24–25.
2. Энциклопедия персидско-таджикской прозы. – Душанбе, 1986. с. 29–30.
3. Ахманова А.С. Логические формы и их выражения в языке. Мышление и язык. Москва, 1957. – с. 166–212.
4. Долгова О.В. Синтаксис, как наука о построении речи. Москва, 1980.
5. Зарубина Н.Д. Текст. лингвистический и методический аспекты. – М., 1981.
6. Золотова Г.А. Роль ремы в организации и типологии текста/Синтаксис текста. – М., 1979. с. 133.
7. Облокулова С. Структурно-синтаксические особенности сложного синтаксического целого/Труды Самаркандского университета.- Самарканд, 1975. -с. 93-95.
8. Шарипова С. Совершенствование монологической речи студентов национальных групп языкового ВУЗ-а. Дисс. канд. пед. наук – Душанбе, 1978.
9. Солганик Г.Я. Синтаксическая стилистика. Москва. Турсунов Б., Облокулова С. Библиографический указатель по вопросам сложного синтаксического целого, присоединения, парцелирования. – Самарканд, 1982.
10. Wiesemann, Ursula. Discourse analyses.-Kio das Cobras. Brazil, 2002. -256 p-s.

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СТРУКТУРЫ ТЕКСТА РАССКАЗА

Статья посвящена вопросам структуры и семантики текста как коммуникативная единица языка в сравнительном плане на материалах таджикского и русского языков. В качестве примера используются тексты из таджикской классической литературы.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: текст, структура, семантика, коммуникативная единица, поток информации, сопоставление.

TEXT STRUCTURE AS COMMUNICATIVE UNIT

Article about a text structure problem as communicative unit of language in the comparative plan of materials of the Tajik and Russian languages. Examples are resulted from materials of the Tajik classical literature and their translation variants in Russian.

KEY WORDS: text, structure, semantics, communicative unit, a stream of the information, comparison.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: *Зайиуди Мухторов* – доцент кафедры истории языка и типологии Таджикского национального университета. **Тел.:эфон:** 951825658; **Email:** mukhtorov67@gmail.com

ДАР БОРАИ БАЪЗЕ ВИЖАГИҲОИ «ФАРҲАНГИ ТАФСИРИИ ЗАБОНИ ТОҶИКӢ» (2008)

Г.С. Юнусова

Донишгоҳи давлатии Хуҷанд ба номи Б.Ғафуров

Фарҳангшиносӣ ва ё луғатнависӣ яке аз саҳифаҳои пурбаракати таърих, фарҳанг ва улуми тоҷик дар бостону замони кунун маҳсуб меёбад. Дар таҳия баррасӣ ва омӯзиши луғату фарҳангҳои гуногунҷанбаю дорой арзишу ҳадафҳои мухталиф як гурӯҳ олимон, аз қабилӣ С. Айни, Р. Ҳошим, В.А. Капранов, Ҳ. Рауфов, С.Ҷ. Арзуманов, Р.Л. Неменова, Т. Зехнӣ, Н. Маъсумӣ, А. Нуров, А. Сангинов, М. Фозилов, А. Халилов, А. Отахонова ва дигарон хидмати шоиста кардаанд.

Пошхӯрии ИҶШС дар охири садаи XX ва соҳибистиклол шудани Тоҷикистон боис гардид ва имконият дод, ки ба арзишҳои миллии назару бархӯрди тоза мабзул гардад. Бар илова, дар давраи истиқлолияти комили Тоҷикистон сиёсати забонӣ бо назардошти талаботу тақозои рушди ҳамаҷонибаи забонҳои ин кишвар ва дар мадди аввал, забони тоҷикӣ раҳандозии тарҳрезӣ гардид. Роҳбарияти Тоҷикистон, дар симои раиси Ҷумҳур Эмомалӣ Раҳмон, ки шахси дӯстдори бемисли миллат, забон, фарҳанг ва анъанаҳои таърихӣ тоҷикон мебошад, ба қорҳои ибратомӯзу ҷавонмардонае даст зад, ки қаблан ягон роҳбари сатҳи аввали ҷумҳурӣ ба чунин қорҳои созанда тавачҷӯх зоҳир накарда буд. Яке аз қорҳои хайри роҳбари давлат ин муносибати бемушобихаи эшон дар мавриди рушду тарракӣ бахшидани фарҳанги кунунии мардуми таърихкӯхани тоҷик мебошад. Яке аз дастурҳои муҳим ва пураҳамият барои олимони забоншинос аз ҷониби роҳбари давлат ин таҳия ва танзими фарҳанги нави тафсирии забони тоҷикии адабӣ маҳсуб меёбад ва он мебоист тамоми ғановат ва боигарии луғавии забони тоҷикии адабиро аз оғози амалкард то имрӯз дар сафҳаҳои худ ҷой мекард.

Ниёзмандӣ ба таҳияи фарҳанги тафсирии забони тоҷикии адабӣ ва дархости роҳбари давлат дар мавриди ба таври таъҷилӣ омода намудани чунин луғат аз ҷониби луғатшиносии тоҷик сабабҳои воқеиро доро мебошад, ки зикри онҳо шарт ва зарур аст:

1) забон падидаи иҷтимоӣ буда, тағйирот ва дигаргуниҳои ҷомеа ҳамзамон ва ба таври фаврӣ ё очил дар он, дар мадди аввал, забони адабӣ, инъикос ва таҷассум меёбад. Аз ин рӯ, бо мурури замон ин тағйирот дар таркиби луғавии забон мақоми истифодаи ҳамаҷонибаро касб менамояд ва луғатшинос муваззаф аст, ки ин равандро дар сафҳаҳои луғату фарҳангҳои гуногунвазифа сабт намояд ва аз рӯи тақозои анвои луғатҳои тафсир ва ё ташреҳи онҳоро пешкаш намояд;

2) дар садаи XX дар луғатшиносии тоҷик вобаста ба талабот ва ниёзмандии соҳибони забони тоҷикӣ луғату фарҳангҳои гуногун ва аз лиҳози дарбаргирии маводи серсоҳа арзи вучуд кардаанд, ки дар байни онҳо луғату фарҳангҳои дузабонаю бисёрзабона ва истилоҳотӣ мақоми шоистаро касб намудаанд. Ба хусус, луғатҳои тоҷикӣ-русӣ (1954, 2004–05, 2006), русӣ-тоҷикӣ (1933–34, 1949, 1957, 1981, 1985) луғатҳои соҳавӣ, соҳавӣ-истилоҳотӣ ва монанди онҳо. Мутаассифона, дар ин аср тавачҷӯх ва майл ба луғату фарҳангҳои тафсирӣ камтар сурат гирифтааст ва албатта ин сабабҳои хешро доро мебошад: а) баъди Инқилоби Шӯравӣ тавачҷӯхӣ мардуми Шӯравӣ асосан ба омӯзиш ва тарғиби забони русӣ, ки сиёсати забони кишвар мановар онро хосатан дифоъ мекард, равона гардида буд; б) омӯзиш ва ошноии амиқи забони русӣ таҳия ва таснифи луғатҳои дузабонаи русӣ ва забонҳои миллиро тақозо менамуд ва ин раванд аз ҷониби садри ҷомеа ҳамаҷониба дастгириро пуштибонӣ карда мешуд; в) тавачҷӯх ба таҳияи фарҳангу луғатҳои тафсирӣ дар луғатшиносии тоҷик танҳо дар нимаи дуюми солҳои 50-уми асри XX сурат гирифт ва аввалин фарҳанги тафсирии забони тоҷикӣ, ки баъди пирузии Инқилоби Октябр таҳия ва омода карда шуд, «Фарҳанги забони тоҷикӣ» (иб. аз 2 ҷилд, М.1969.) ба шумор мерафт.

Ҳамин тавр баъди 52 соли пирузии Инқилоби Шӯравӣ «Фарҳанги забони тоҷикӣ» нашр гардид ва ин ҳодисаи бузурги илмӣ фарҳангӣ маҳсуб меёфт, зеро:

1) баъди инқилоби Октябр, хосатан пас аз солҳои 50-уми асри XX зарурияти таъбу нашри осори ниёгону ачдодонамон чун масъалаи доғ ва мубрами ҳаёти маданият фарҳангии мардуми мо пазируфта шуд ва он таҳияи фарҳанги тозаи тафсирии забони тоҷикиро ба алифбои дастрас тақозо менамуд;

2) ба роҳ мондани таъбу нашри осори гузаштагонанон, ки бо алифбои миллимон – алифбои арабиасосӣ форсии тоҷикӣ (ё дарӣ) китобат шудаанд, тақозо менамуд, ки ин осор ба алифбои кунунии кириллиасос баргардонида шавад ва ин амалро саҳл пазируфта нашояд;

3) истифода аз осори ниёгон, ки дар даври замони гузаштаи дуру наздик китобат шудаю вижагиҳои луғавиро доро мебошанд, барои ҳазм кардан ва кашфи дурусту саҳеҳи маъноӣ онҳо ба луғату фарҳангҳои тафсирии ба соҳибони забон дастрасу оммабоб зарурият пайдо гардид. Аз ин рӯ, эҳсоси ин ниёзмандӣ ба луғатнигорону фарҳангнигорон имконият фароҳам овард, ки онҳо ба таҳия ва омода намудани фарҳанги тафсирии забони тоҷикӣ аз кунанд, зеро на ҳамаи соҳибони забон имконият доштанд, ки аз фарҳангҳои тафсирии мавҷудаи гузаштагонанон, аз қабилӣ «Фарҳанги ҷаҳонгирӣ», «Бурҳони қотей», «Ҷароғи ҳидоят», «Шуёс –ул-луғат», «Баҳори аҷам» ва амсолашон мавриди баҳрабардорӣ қарор диҳанд, чунки монсаи ҳатти ноошно ва фаромӯшшудаи воқеъан миллию ачдодӣ-алифбои арабиасосӣ форсии тоҷикӣ ба ин имконият фароҳам намеовард. Дар ин бора мурағибони «Фарҳанги забони тоҷикӣ» хеле воқеъбинона менигаранд, ки «Яке аз муҳимтарин соҳаҳои маданияти имрӯзаи тоҷик омӯхтани мероси адабии гузаштагон аст, ки доираи васеи хонандагонро торафт бештар ҷалб менамояд. Нашри осори намояндагони барҷастаи адабиёти классикии форс-тоҷик сол ба сол меафзояд. Вале мавҷуд ва дастрас набудани фарҳангҳо, ки ба талаботи хонандагони имрӯзаи тоҷик ҷавоб дода тавонад, дуруст ва саҳеҳтар фаҳмидани ин осорро дар бисёр мавридҳо душвор мегардонад» [1].

Иҷмолан, бояд тазаққур дод, ки то ба имрӯз дар бораи хидматҳои шоистаи мурағибону муҳаррирони ин фарҳанги фархунда ва дорои аҳамияти бавижа дар иртиқоти сатҳи забондонии соҳибони забон, аҳамияти илмӣ амалӣ, бисоҳира бурду боҳти он ба таври воқеъбинона баррасӣ ва тақризе дар илми забоншиносӣ тоҷик таҳия ва нашр нагардидааст. Ва ин «Фарҳанг» дар солҳои манзури ҷоп гардид, ки дар сиёсати миллию забонии ҳукумати давр ба таъриф ва тавсифи арзишҳои русию байналмиллалгарой равона гардида, маҳз дар заминаи ҳамин меъёр арзёбӣ баррасӣ сурат мегирифт. Азбаски маводи фароғири «Фарҳанги забони тоҷикӣ» аз асри X то ибтидои асри XX муайян шудааст, воқеист, ки дар он калимоти марбути давраи шӯравӣ таърихи мо, ба хусус луғатҳои русию байналмиллалӣ дар ин фарҳанг ҷойгирин нагардидаанд ва ин боиси қадр нашудани ин фарҳанг дар доираҳои расмӣ воқеъан ҷомеа қарор гирифт, ки ҷои таассуф аст.

Баъди пош хӯрдани Давлати Шӯроҳо зарурияти таҳия ва омода намудани луғати нави тафсирии забони тоҷикӣ ба арсаи ҳаллу фасл гузошта шуд. Ва ба ҳамагон маълум аст, ки «Фарҳанги забони тоҷикӣ» соли 1969, яъне беш аз 40 сол пеш ба нашр расида буд. Бар илова ин луғат дар заминаи фароғирии маводи давраи классикии адабиётанон, яъне асрҳои X ва оғози асри XX, тартиб дода шудааст. Бо иборати дигар он таҳаввулотӣ сифатӣ микдорӣ, ки дар асри XX (давраи шӯравӣ) ва оғози асри XXI (давраи истиқлолият) руҳ додаанд, таҷассум ва инъикоси хешро дар ин фарҳанг дарнаёфтаанд ва воқеан аксунонида ҳам наметавонист. Маҳз барои пур кардани ҳолигии талабот ба фарҳанги нави тафсирий бозғимом ва саъю талошҳои қарандони шӯбаи луғатнигорӣ Пажӯҳишгоҳи забон ва адабиёти ба номи А. Рӯдакии АУҶТ «Фарҳанги тафсирии забони тоҷикӣ» (фароғири беш аз 80 ҳазор калимаю ибора; иборат аз ду ҷилд) – ро соли 2008 ба ҷоп расонид ва ҳоло дар истифодаи соҳибони забон қарор дорад. Бурду боҳти ин фарҳанг мавзӯи баҳси дигар аст ва мо онро ба вақти дигар воқеъан гузорем, зеро арҷгузорию баҳои соҳибони забон нисбати ин фарҳанг як наво нест ва муқарризон на ҳамеша назар ва бадхӯрди воқеъбинона нисбати ин фарҳанг иброз кардаанд. Дар бораи бурду боҳти ин фарҳанг дар сафҳои рӯномаи «Озодагон» чанд тақриз ба нашр расидаанд, вале аз мутолиаи онҳо бармеояд, ки муаллифон аз таҳлили воқеъбинона ва илмӣ гурез намуда, бештар ба услуби ҳангомаҷӯӣ даст задаанд, ки боиси таассуф аст [2]. Муаллифону мурағибони фарҳанг низ ҷавобномаҳои хешро дар мавриди тақризҳои нашршуда дар рӯномаи «Озодагон» ба нашр расонида, бо диди хеш мавқеъ ва усули таҳияи «ФТЗТ»-ро дифоъ намудаанд [3]. Ва мо тасмим гирифтаем, ки дар мавриди дигар оид ба ин масъала баррасии хешро пешниҳод кунем.

Ҷизи муҳим ва афкори шоиста он аст, ки «ФТЗТ» баъди қарқард ва қовишу заҳматҳои беш аз сисолаи мурағибони собиқу ҳозирин он имрӯз ҷоп шуд ва дастраси алоқамандони забони ноби тоҷикӣ қарор гирифт [4].

Бояд эътироф кард, ки мурағибону муҳаррирони «ФТЗТ» дар таҳия ва таснифи он аз дастоварду таҷоруби фарҳангнигорӣ беш аз ҳазорсолаи форсу тоҷик, инчунин равияҳои пешгоми шӯравӣ, Эрон ва Афғонистон дар таҳияи луғатнигорӣ асри XX ҳамаҷониба ҳадафи баррасӣ ва омӯзиш қарор дода, дар мавриди зарурӣ ба онҳо тақия намуда, чун сарҷашмаи баҳрабардорӣ

пазируфтаанд. Тавре ки мураттибони «ФТЗТ» иброд медоранд, дар таҳияи он нуктаҳои зерин мадди назари эшон қарор гирифтаанд, ки зикри онҳо хеле ба маврид мебошад:

1. Инъикоси вижагиҳои умдаи забони тоҷикӣ адабии давраи классикӣ то садаи XX ва дар ин замина баҳрабардории фишурда аз «ФЗТ» ва луғату фарҳангҳои давраи классикӣ бидуни овардани шохидҳо аз осори шоирон ва адибони давраи замонаҳои гуногун;

2. Истифодаи васеъ бурдан аз комёбию дастовардҳои фарҳангсозону луғатнигорони ҳамзабонони хеш – Эрону Афғонистон ва дар ин замина аз фарҳангу луғатҳои ҳамзабононамон интихоби луғату вожаҳои серистеъмоли барои ҳама фаҳмову муштарак;

3. Интихоб ва истифодаи воҳидҳои луғавӣ аз забони тоҷикӣ муосир, аз ҷумла забони гуфтугӯӣ, ки дар фарҳангу луғатҳои пешину қаблӣ ҷойгузин нашудаанд [5].

Қобили қайд аст, ки «ФТЗТ» дар майдони ҳолӣ арзи вучуд накардааст, балки таҳиягарон, мураттибон ва муҳаррирон он дар ихтиёри хеш сарчашма, мавод, луғатҳои гуногунпеша, фарҳанги ҳамгуну ҳамноми онро дар ихтиёр доштаанд. Ва аз муҳтавои муқаддимаи фарҳанги мазкур низ бармеояд, ки дар таҳия, танзим, тартиб ва омода намудани шакли ниҳойии фарҳанг сарчашмаҳои зерин ба вижа аҳамияти ҷашмрас доштаанд:

а) захираи бойи ганҷинаи барғаҳо - вожаҳои мисолдори аз адабиёти гуногунчанба ва матбуоти даврӣ ҷамъовардаи шӯъбаи луғати Пажӯҳишгоҳи забон ва адабиёти ба номи Рӯдакӣи АУҶТ (ҳоло шӯъбаи фарҳангнигорӣ ва истилоҳоти ҳамин пажӯҳишгоҳ), ки миқдори онро беш аз як млн. қаламдод мекунад;

б) ба сифати сарчашмаи асосӣ истифода кардан аз «Фарҳанги тоҷикӣ ва русӣ» (иборат аз ду ҷилд: Душанбе, 2004 ва 2005; нашри дуюм, Душанбе, 2006) ва сабаби интихоби он бо ин сифат иборат аз он аст, ки дар ин фарҳанг аксари тағйиротҳои луғавии забони муосири тоҷикро баъди пошхӯрии Давлати Шӯравӣ ва давраи соҳибистиклолии ҶТ дар худ акс ва таҷассум намудааст [ниг. б]

в) интихоб ва баҳрабардори аз воҳидҳои луғавии забони зиндаи халқ, ки сохти шинам ва ифодаи маъноӣ волоро доранд ва онҳо дар осори адибони давр мавриди истифода қарор гирифтаанд, дар фарҳангҳои таҳияшуда ҷойи худро наёфтаанд;

г) дар баробари фарҳангҳои тафсирии тоҷикӣ ва форси гуногунчанба, маводи луғатҳои дузабонии тоҷикӣ - русӣ ва русӣ - тоҷикӣ, форсӣ – русӣ ва русӣ - форсӣ, энциклопедияи советии тоҷик (иборат аз 8 ҷ.), энциклопедияи адабиёт ва санъат (иборат аз се ҷилд) ва луғатномаҳои муътабарӣ дигар («Луғатнома»-и Деххудо, «Фарҳанги нафисӣ»-и Алиакбари Нафисӣ, «Фарҳанги Амид»-и Ҳасани Амид, «Фарҳанги форсӣ»-и Муҳаммади Муин, «Фарҳанги бузурги сухан»-и Ҳасани Анварӣ ва ғайраҳо дар таҳияи «ФТЗТ» ба таври васеъ истифода бурдаанд;

ғ) мусаввадаи «Фарҳанги забони ҳозираи тоҷик», ки аз ҷониби луғатнигорони маъруфи тоҷик Р.Ҳошим, Х.Рауфзода, А.Сангинов ва дигарон омодаю ҷоп шуда буд, бо сабабҳои маълум солҳои 80-уми асри XX аз ҷоп набаромад ва он ҳамчун манбаъ ва асоси «ФТЗТ» маҳсуб мешавад.

Ҳамин тавр, аз ҷоп баромадани «ФТЗТ» фароҳам овард, ки тағйир, такмил ва дигаргуниҳои ҷашмраси забони тоҷикӣ адабӣ дар садаи XX ва оғози қарни XXI таҷассум ва инъикоси хешро дар он сабт гардонад ва тавассути он дастраси соҳибони имрӯзу ояндаи забони тоҷикӣ шаванд. Инчунин бо эътирофи мусаннифону муҳаррирон «ФТЗТ» имкон медиҳад, ки тамоми мафҳуму зухуроти дар садсолаи гузашта дар қалимаву истилоҳоти забони тоҷикӣ ифодагашта мавриди тавачҷӯҳи ҳамзабонон (форсизабонону даризабонон – Г.Ю.) қарор гиранд [7].

Хеле бамаврид аст қайд намоем, ки «ФТЗТ»-ро (бо дархост ва пешниҳоди роҳбари Давлати тоҷикон, Президенти кишвар, муҳтарам Эмомалӣ Раҳмон (22 июни соли 2007) аз ҷониби донишмандони луғатшиносии Пажӯҳишгоҳи забон ва адабиёти ба номи Рӯдакӣ ба ҷоп омода намуд ва он соли 2008 ба ифтихори «Соли забон» аз ҷоп баромад. «ФТЗТ» асари луғатнигорӣ куллан тозаҷод набуда, балки он шакли такмилёфта ва таҳрирхӯрдаи «Фарҳанги забони ҳозираи тоҷикӣ» маҳсуб меёбад, ки мусаввадаи он барои нашр солҳои 80-уми садаи XX дар Пажӯҳишгоҳи забон ва адабиёти Рӯдакӣ омода шуда, вале бо сабабҳои айнию воқеии ҳамон давр иҷозати ҷопро ҳосил накарда буд. Ба ҳар сурат баъди такмил, таҳрир ва таҳия аз ҷониби як гурӯҳ муаллифони нав он ҷун асари комили фарҳангнигорӣ аз ҷоп баромад ва мавриди истифодаи соҳибони забон қарор гирифтааст, ки ин аҳамияти амалии фарҳангро бозгӯ менамояд.

Муҳимтарин масъалае, ки дар робита ба нашри «ФТЗТ» имрӯз матраҳ мегардад, ин тафовут ва вижагиҳои ин фарҳанг аз «Фарҳанги забони тоҷикӣ» будааст. Муқарризон ва мувоҳидони бурду бохти ин фарҳанг бар он ақидаанд, ки «ФТЗТ» аз лиҳози дарбаргирии маводи ташреҳӣ ва усулҳои интихоби моддаҳои луғавӣ аз «ФЗТ» фарсахҳо дар канора қарор дорад. Ба ақидаи муқарризон «ниҳоди баланпоӣ - Пажӯҳишгоҳи забон ва адабиёти Рӯдакӣ дар таснифи нокомонаи ин китоб, ки фарҳанг номгузори шудааст, натавонистааст ҳурмати мақоми илмӣю адабию ҳунариро ҳифз кунад. ... Ин ниҳод ҳадди ақал «Фарҳанги забони тоҷикӣ»-и ҷопи Маскавро, ки аз нодиркитобҳои тиллоӣ

асри бистуми форсигӯени Варорӯд аст, мехвари кор қарор меод. . .» [8] Ба ақидаи Ҷ. Холиқназар бошад, «Се сол қабл, вақти шунӣдам, ки Пажӯҳишгоҳи забон ва адабиёти ба номи Абуабдуллоҳи Рӯдакӣ дар тараддуди нашри фарҳанг аст, хурсанд шудам. Ман он вақт гумон карда будам, ки «Фарҳанги забони тоҷикӣ» [1969] бо такмили тасхеху таҷдиди назар ва бо рафеи саҳву ғалатҳо ва иштибоҳҳо дубора рӯйи ҷопро мебинад. Зарурати ин кор солиёни дарозе пеш аз ин - дар поёни солҳои 80-уми садаи гузашта, дар он рӯзгороне, ки бозсозӣ ба бедорӣи миллат тақон бахшид, ба миён омода буд», «хангоме ки фарҳанги тозанаширо дидам, яқин ҳосил кардам, ки ... ин на нашри «Фарҳанги забони тоҷикӣ», балки мухтасари он бо ҳазфи шоҳидҳои маъноияш (ки қиммати баланди фарҳанг маҳз дар ҳамин буд) ва ботакмил (иловаҳои бунёдӣ) буд» [9].

Ҷойи таасуф аст, ки муқарризони муҳтарам дар баррасӣ ва андешаҳои худ танҳо нуқс ва камбудҳои «ФТЗТ»-ро ҷустуҷӯ намуда, ба ин амали хеш ба асари тозанашири фарҳангшигори тоҷик воқеъбинона ва ҳолисона баҳо доданро салоҳ надонистаанд ва ин бархӯрдро набояд шоиста арзёбӣ кард. Як далели он ки «ФТЗТ» аз лиҳози маводи тафсири беш аз 80 ҳазор моддаи луғавиро дар бар гирифтааст, бозгӯи хидматҳои ҷашмраси таҳиягарони воқеии луғат ва муҳаррирони кунунии он маҳсуб мебад. Ба назари мо, ин яке аз вижаҳои шоистаи «ФТЗТ» ба шумор меравад ва дар як фарҳанг чунин миқдори калимаҳо ибораҳо гирд оварда, бо онҳо тафсиру ташреҳи маъноӣ пешниҳод намудан амалест қобили таъриф ва тавсиф. Ва як нуқтаи муҳим дар робита ба баҳодихии фарҳанг, аз ҷумла «Фарҳанги забони тоҷикӣ», баъди ҷопи он сурат гирифт, боис гардид, ки дар ҳамон давра ба қадри «Фарҳанги забони тоҷикӣ» нарасиданд ва он шоистагии ягон мукофот ё ҷоизаро соҳиб нашуд. Имрӯз бошад мо ба «ФТЗТ» айнан мисли «ФЗТ» муносибат карда дар атрофи он баҳси яктарафаро салоҳ донистанием, ки корест ғалат ва амалест номатлуб. Умуман, баррасии ин фарҳанг ҳаматарафа, бо дарназардошти муайян кардани бурду боҳти ин луғат бояд сурат гирад ва ин имконият медиҳад, ки мақому манзалати онро воқеъбинона дар фарҳангшигории садаи бистум муайян кунем ва ин амали хайру илмӣ хоҳад буд дар мавриди «ФТЗТ».

Қобили қайд аст, ки яке аз вижаҳои ҷашмраси «ФТЗТ» мавриди тафсиру ташреҳ қарор гирифтани калимаҳои иқтибосии русӣ-байналмилалӣ (ё интернационалӣ) ба ҳисоб меравад ва мавқеи муайянро дар фарҳанг соҳиб шудани онҳо сабабҳои айнию воқеиро доро мебошад, ки аз инҳо иборат мебошанд:

1. «ФТЗТ» фарогири ваъи амалкард ва тасвири таҳаввулоти таркиби луғавии забони тоҷикии адабӣ дар садаи XX ва оғози қарни XXI ба шумор меравад, ки яке вижаҳои он ба таври фаровон ба таркиби луғавии забони тоҷикии адабӣ ворид гардидани иқтибосоти калимаҳои русӣ байналмилалӣ будааст;

2. Дар садаи XX (то пошхӯрии ИҶШС) барои забонҳои халқҳои шӯравӣ (миқдорашон беш аз 130) забони русӣ чун забони ҳоким ва давлатӣ ба ҳайси сарчашмаи инкишофи таркиби луғавии онҳо пазируфта шуда, тамоми иқтибосоти воҳидҳои луғавӣ аз забонҳои дунё тавассути он ва дар шакли талаффузи русиашон ба забонҳои халқҳои шӯравӣ ворид мегардиданд ва ин раванд дар заминаи сиёсати забонии давр танзиму раҳандозӣ мегардид;

3. Дар ин давра калимаҳои русӣ байналмилалӣ фаровон дар забони тоҷикии адабӣ мавриди истифода қарор гирифтанд ва қисме аз онҳо аз қабилҳои калимаҳои ғайри забонамон маҳсуб мебаданд. Ва қобили тазаккур аст, ин қабилҳои калимаҳо дар «ФЗТ» мавриди ташреҳ қарор нагирифта буданд ва ин сабабҳои худро дошт: аввалан, маводи «Фарҳанги забони тоҷикӣ» то оғози асри XX-ро дар бар мегирад; сониян, ба таври фазун ворид шудани калимаҳои русӣ байналмилалӣ маҳз баъди Инқилоби Октябр сурат гирифт, ки «ФЗТ» аз зикри ташреҳи онҳо ҳадафи хеш қарор надода буд.

Таҳлил ва баррасии маводи «ФТЗТ» аз лиҳози баромади забонӣ имкон дод, ки мо миқдори калимаҳои иқтибосии аз лиҳози баромади забони русӣ байналмилалӣ муайян созем. Тибқи баррасии мо дар «ФТЗТ» дар ҳудуди 2576 калимаҳои русӣ интернационалӣ ва ё калимаҳое, ки дар таркибашон унсурҳои луғавии русӣ байналмилалӣ ба назар расид, мавҷуд мебошанд. Аз онҳо, 1774 воҳидҳои луғавии русӣ ва интернационалии шаклан бидуни тағйир ба забони тоҷикии адабӣ ворид гардид ва 832 воҳидҳои луғавӣ, ки дар таркибашон унсурҳои луғавии русӣ байналмилалӣ доранд ва дар заминаи усулҳои калимасозии забони тоҷикӣ калимаҳои нав сохтаанд, иборат мебошанд. Дар байни калимаҳои иқтибосии ба истилоҳ русӣ байналмилалӣ мақоми аввалро калимаҳои иқтибосии баромадашон ҷунонӣ ишғол мекунанд, умуман, аз 843 калима ва воҳидҳои луғавии дар таркибашон решаи ҷунонӣ дошта, ки аз онҳо 585 калимаҳои соф ҷунонӣ ва 258 калимаҳои дар таркибашон решаҳои ҷунонӣ мавҷуд буда мебошанд. Аз забони русӣ бошад, ҳамагӣ 86 калимаҳои соф русӣ ва ё воҳидҳои луғавии дар таркибашон унсурҳои луғавии русиасл дошта ба назар расид, ки таносуби онҳо чунин аст: 56 калимаҳои соф русӣ ва 30 калимаҳои дар таркибашон унсурҳои луғавии русиасл. Барои боз ҳам ба таври аниқ дар бораи калимаҳои иқтибосии русӣ байналмилалӣ ҳосил намудан ҷадвали зеро пешниҳод мекунем, ки манзараи воқеии калимоти иқтибосии русӣ интернационалии «ФТЗТ»-ро

манзури қазовот ва баррасии воқеӣ мегардонад. Калимаҳои иқтибосии русӣ ба байналмилалӣ ва мансубияти забонии онҳо

Ҷадвали 1

№	Аз рӯи забонӣ мансубияти	Ҳамагӣ	Калимаҳои соф иқтибосӣ	Калимаҳои, ки дар таркибашон унсури иқтибосӣ доранд	Эзоҳ
1.	Юнонӣ	843	585	258	
2.	Лотинӣ	660	456	204	
3.	Фаронсаӣ	431	308	123	
4.	англисӣ	163	110	53	
5.	олмонӣ	103	61	42	
6.	Баромади забонашон номаълум	124	63	61	
7.	русӣ	86	56	30	
8.	итолиявӣ	52	41	11	
9.	арабӣ	16	10	6	
10.	ҳолландӣ	14	10	4	
11.	испанӣ	7	6	1	
12.	хитой	15	2	13	
13.	славакӣ	9	6	3	
14.	аврупой	6	1	5	
15.	ҳиндӣ	4	2	2	
16.	яхудӣ	3	3	-	
17.	японӣ	3	2	1	
18.	бурятӣ	2	1	1	
19.	булғорӣ	2	2	-	
20.	башқирдӣ	2	1	1	
21.	литвагӣ	2	2	-	
22.	тибетӣ	2	2	-	
23.	осетинӣ	2	1	1	
24.	хакасий	2	1	1	
25.	чехӣ	2	-	2	
26.	шумерӣ	2	1	1	
27.	эфиопӣ	2	1	1	
28.	эскимосӣ	2	1	1	
29.	эвенкӣ	3	2	1	
30.	эстонӣ	1	-	1	
31.	удмуртӣ	2	1	1	
32.	украинӣ	2	1	1	
33.	чувашӣ	1	-	1	
34.	лаҳистонӣ	1	1	-	
35.	озорбойҷонӣ	1	-	1	
36.	португалӣ	1	1	-	
37.	ветнамай	1	1	-	
38.	шведӣ	1	1	-	
39.	ирландӣ	1	1	-	
	Ҳамагӣ	2576	1744	832	

АДАБИЁТ

1. «Фарҳанги забони тоҷикӣ» (аз асри X то ибтидои асри XX), иборат аз ду ҷилд, Ҷилди I – Москва: СЭ, 1969, с.10.
2. Дар ин бора нигаред: Обид Шукӯрзода. Ахлот: тӯда, хона, ҷой // Озодагон, 27.08.2009, с.12-13; Ёктами Холиқназар. Инфиҷор дар қаламрави забон // Озодагон, 17.12.2009, 24.12.2009.
3. Назарзода С. ва дигарон. Иқдоми фарҳангдӯстона хатокорист? // Озодагон, 8.11.2009, с.12-13; Назарзода С. ва дигарон. Бӯхтон дар қаламрави забон // Озодагон, 17.03.2010, с.12-13.
4. Назарзода С. ва дигарон. Бӯхтон дар қаламрави забон, с.13.
5. Фарҳанги тафсирии забони тоҷикӣ (иборат аз ду ҷилд), Ҷ. 1 – Душанбе, 2008, с.9.

6. Фарҳанги тоҷикӣ ба русӣ. Нашри дуввум бо илова, такмил ва ислоҳ. Зери таҳрири Д.Саймиддинов ва дигарон. – Душанбе, 2006, с. 9.
7. ФТЗТ – Ҷ1, с.9.
8. Обид Шукӯрзода. Ахлот: тӯда, хона, ҷой // Озодагон, 27.08.2009.
9. Ёктами Холиқназар. Инфичор дар каламрави забон // Озодагон, 17 ва 24.12.2009.

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ТОЛКОВОГО СЛОВАРЯ ТАДЖИКСКОГО ЯЗЫКА (2008)

В данной статье впервые сделана попытка определения места и положения толковых словарей таджикского языка, изданных в советское время. На базе изучения лексикографических специфик толковых словарей, изданных в наше время – «Лугати нимтафсилӣи забони адабии тоҷикӣ» С.Айни («Неполный толковый словарь литературного таджикского языка» С.Айни), «Словаря таджикского языка» (М., 1969, в 2-х томах), устанавливаются и интерпретируются их значимая и доминирующая роль в составлении «Толкового словаря таджикского языка» (Душанбе, 2008г.).

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: толковый словарь таджикского языка, место и положение толковых словарей таджикского языка, лексикография, литературный таджикский язык, значимая и доминирующая роль толковых словарей. Таджикского языка.

ON SOME PECULIARITIES OF THE TAJIK INTERPRETATION DICTIONARY (2008)

In the article we make the first endeavour to determine the place and state of Tajik interpretation dictionaries published in the Soviet period. Having studied lexicographic peculiarities of Tajik interpretation dictionaries published nowadays – “Lugati nintafsilii zaboni adabii Tojik” by S. Aini (Non-Exhaustive interpretation Dictionary of Literary Tajik Language’ S.Aini), “Tajik Language Dictionary” (Slovar Tajikskogo yazyka) (M.1969, in 2 volumes), we qualify and interpret their significant and domineering role in the composition of the Tajik interpretation dictionary (Dushanbe, 2008).

KEY WORDS: the explanatory dictionary of the Tajik language, a place and position of explanatory dictionaries of the Tajik language, a lexicography, literary Tajik language, a significant and dominating role of explanatory dictionaries the Tajik language.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Г.С. Юнусова – соискатель кафедры стилистики и культуры речи таджикского языка Худжандского государственного университета им. Б.Гафурова. **Телефон:** 92-792-22-52

ТЕРМИНОТВОРЧЕСТВО – ПЕРВАЯ ФАЗА ФОРМИРОВАНИЯ НАУЧНОГО СТИЛЯ НАЦИОНАЛЬНОГО ЯЗЫКА (ОПЫТ ИБН СИНО И ДРУГИХ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ МИНУВШИХ ПОКОЛЕНИЙ)

Ширин Хаитова

Таджикский национальный университет

Основная фаза процесса формирования таджикского научного языка, а более конкретно – научного стиля таджикского классического языка начинается со времени появления «Донишнаме» Абуали ибн Сино. Князь философов в этом своём философском произведении, первым среди таджикско-персидских мыслителей, разработал теоретические и лингвистические основы научного стиля своего родного языка и этим же открыл путь для дальнейшего развития таджикско-персидской науки и философии. Многочисленная научная и философская терминология, созданная Ибн Сино, играла весьма важную роль в многовековой истории таджикско-персидского языка. Многие авиценновские научно-философские термины сохранили свою преемственность и в современном таджикско-персидском языке. К ним относятся, например: *казия* (суждение), *мукаддима* (введение), *арӯз* (метрика, просодия), *араз* (субстанция), *хитоба* (риторика), *шеър* (поэтика), *муғолата* (софистика), *тамсил* (уподобление), *толий* (последующий) *мукаддам* (предшествующий), *изофа* (изафет. дополнение), *хамлий* (категоричный), *мавзӯ* (объект), *мобъдаттабиъа* (метафизика), *фалсафа* (философия), *хикмат* (философия, мудрость).

Ибн Сино являлся основоположником метода буквального перевода арабских заимствований на таджикский язык, который считается одним из самых продуктивных методов создания таджикской научной терминологии. Этим методом первым пользовался сам Ибн Сино, в своей «Донишнаме». На основе применения этого метода осуществляется непосредственное заимствование слов и терминов чужого языка с последующим их переводом. Используя этот метод, Ибн Сино в «Донишнаме» употребляет арабские заимствования как в оригинале, так и в их таджикско-персидском переводе, например: *илм* – *дониш*; *исм* – *ном*; *фёъл* – *куниш*; *нафс* – *ҷон*; *ҷузъ* – *пора*; *тахт* – *фурусӯ*; *тараф* – *канора*; *қурб* – *наздиқӣ*; *қасд* – *оҳанг*; *мутаҳаррик* – *чунбанда*; *ҳаракат* – *чунбиш*; *каммият* – *чандӣ*; *кайфият* – *ҷароӣ*; *тӯл* – *дарозӣ*; *арз* – *пахно*; *умқ* – *ситабро*; *суқун* – *оромӣш*; *таркиб* – *омезиш*; *дафъатан* – *ба як захм*; *мовароуттабиъа* – *он чӣ берун аз табиат аст*; *нафси нотика* – *ҷони*

сухангӯё; мухаррик би-л-қаср – чунбанда ба ситам. Следует отметить, что только в «Донишنامه» существует несколько тысяч подобных заимствований.

На основе другого важного терминотворческого метода, изобретенного Ибн Сино и использованного в «Донишنامه», создавались смецанные (двуязычные, сложносоставные) термины, одни части которых состояли из заимствованных арабских элементов, а другие части – из элементов заимствующего языка. Данный метод в современной лингвистике известен как метод полубуквального перевода. К числу подобных сложносоставных терминов, существующих в «Донишنامه» относятся: *ғизоғар (кухарь, производитель пищи, повар), илми пешинагон (наука древних); ҳадди миёнагин (средний термин); қувваи зоишдеҳ (порождающая сила); қувваи ёддошт (сила вспоминания); қувваи хирад (сила разума); чойгоҳи ҷисм (местоположение тела); пазирои ҳаракат ва гардиш (воспринимающий движение и вращение); чунбонандаи фоил (активный субъект движения); фалаки моҳ (надлунное небо).*

Следующим методом, широко использованным в «Донишنامه» являлся метод семантического (текстуального) комментирования термина, например: «*Ба тозӣ номро «исм» хонанд ва маар «қуниш» - ро нахвиён «фель» хонанд ва мантиқӣён «қалима» хонанд*»(10;34). (В арабском языке «ном» («имя») обозначается словом «исм», однако «деяние» обозначается арабскими грамматиками словом «фель» («глагол»), а логиками – словом «қалима» («слово»)).

Ибн Сино при выборе того или иного персидского слова в качестве термина обязательно указывает на его терминологическое значение, чтобы читатель не понимал данное слово в его обычном значении. Таким же образом, одновременно используя арабские термины и их таджикско-персидские эквиваленты, мыслитель способствует читателю глубже понимать смысл арабских научных терминов.

В дальнейшем, терминотворческий опыт Ибн Сино и терминологическая система «Донишنامه» были широко использованы в философских трудах Носира Хусрава, Умара Хайяма, Газзали, Насириддина Туси, Бобоафзала Кошони и других таджикско-персидских мыслителей. В целом, начиная со времени самого Ибн Сино и до Ахмада Дониша, все таджикско-персидские мыслители воспользовались авиценновской терминологической системой.

Ибн Сино также внёс огромный вклад в развитие таджикской медицинской науки и терминологии. Основная заслуга Князя философов заключается в том, что он освободил медицину от магии и колдовства и от теоретических разногласий различных медицинских школ, включил её в круг аналитических и доказательных наук. Ибн Сино на основе обобщения практического и теоретического опыта авестийской, сасанидской, греческой, римской, арабской медицины и медицинского опыта других народов создал новую медицинскую систему и назвал её «Каноном врачебной науки». Следует отметить, что Ибн Сино писал свои медицинские труды как на арабском, так и на родном языке, к сожалению от последних сохранилась лишь одна книга под названием «Рағшиноси» («Ангиология»)(6). Одна из важных стилистических особенностей данного авиценновского произведения заключается в том, что в нем автор одновременно использует и арабскую и таджикскую терминологию по данной отрасли медицины. При этом, однако, он использует таджикские термины в качестве основной терминологии, а арабские – для их комментирования и разъяснения. Многие термины, использованные в «Ангиологии», не наблюдаются в других медицинских произведениях саманидского периода, поэтому можно полагать, что их непосредственно выдумал и создал сам Абуали ибн Сино(3; 12).

В целом, в развитии научного стиля классического таджикско-персидского языка и обогащении его терминологического фонда участвовала целая плеяда ученых и мыслителей саманидского периода, труды которых требуют всестороннего лингвистического исследования. Даже существуют некоторые по сути научные произведения на таджикско-персидском языке, которые написаны раньше «Донишنامه». Например, «История Табари» Абулфазла Балъами по истории(1), «Тарчумаи «Тафсири Табарӣ» («Перевод «Комментарии Табари» к Корану»)(7) – коллективный труд группы мавераннахрских ученых, написанный по поручению саманидского царя Мансура ибн Нуха (962 – 976) и ряд медицинских трудов на таджикско-персидском языке были написаны задолго до появления «Донишنامه».

После падения Саманидского государства, в периоде Гезневидов, Сельджукидов и Хорезмшахов развитие научного стиля таджикско-персидского языка и деятельность по созданию таджикской научной терминологии значительно замедлялось, но всё же продолжалось до нашествия монголов в Среднюю Азию. Из числа важных научных произведений данного периода можно отметить : религиозно-философские труды и поэзию Носира Хусрава (1004 – 1088); философские произведения Афзалиддина Кошони (вторая половина XII – первая половина XIII вв.) под названиями «Созу перояи шохони пурмоя» («Припасы мудрых царей») и «Ал-муфид ли-л-мустафид» («Польза для

пользователей»); «Таърихи Байхақӣ» («История Байхаки») ** – труд крупнейшего таджикско-персидского историка газневидского периода Абулфазла Байхаки (995 – 1077); «Сийёсатнома» («Политические наставления») - Абуали Хасана ибн Али ибн Исхака, известного под прозвищем «Низамулмулк» - высокообразованного министра Сельджукидов; «Хадоиқ – ус – сеҳр» («Волшебный сад») Рашидаддина Ватвота по поэтике; «Мақомоти Хамиди» («Хамидовы ступени») Хамидаддина Балхи по литературоведению; «Чаҳор мақола» («Четыре статьи») Низами Арузи Самарканди и «Синдбадنامه» Захири Самарканди по культурологии; «Кимиёи саодат» («Эликсир счастья») и «Илми ладунӣ» («Сокровенное знание») Абухамида Мухаммада Газзали (1058 – 1111) по суфизму и суфийской теории познания; «Захираи Хоразмшоҳӣ» («Хорезмшаховый клад») – десяти томный энциклопедический медицинский труд Зайниддина Исмоила Джурджани (ум. в 1135/1137г.); труды Абулкаси́ма Махмуда Замахшари Рази (1074 - 1143) и Абубакра Абдулкахира ибн Абдурахмана Джурджани по грамматике, синтаксису и морфологии и др.

Нет сомнений, что при условии комплексного лингвистического исследования вышеназванных и других классических научных произведений можно выявить в них достаточно огромное число таджикской научной терминологии по философии, медицине, антропологии, психологии, психоанализу, юриспруденции, астрономии и другим отраслям наук. По справедливому замечанию известного таджикского ученого М. Н. Косимовой, каждый таджикский ученый и научный специалист должен изучать историю формирования научного стиля таджикского классического языка и его древнюю терминологию. Изучая историю формирования научного стиля и научной терминологии классического таджикско-персидского языка, наши отечественные научные специалисты могут усвоить богатый терминотворческий опыт своих великих предшественников и систематизировать созданную ими научную терминологию в целях их дальнейшего практического применения (4;3). В целом, творческое изучение научного наследия и опыта прошлого необходимо и это способствует национализации современных и самых новейших научных знаний и открытий.

Таким образом, на основе вышеприведенного краткого анализа истории формирования научного стиля таджикского классического языка и её терминологии можно убедиться в том, что научный стиль и научная терминология национального языка появляются не стихийно и не на пустом месте, а являются результатом вполне сознательной научно - познавательной и терминотворческой деятельности научных школ и отдельных культурных личностей. Как это выяснилось при определении терминотворческих методов Князя философов и языка научных терминов «Донишنامه», основным источником научной терминологии этой книги являлся родной язык мыслителя и он лишь в исключительных обстоятельствах использовал арабские заимствования. Подобные методические и стилистические особенности характерны почти всем научным произведениям наших предков - великих средневековых таджикско-персидских ученых.

В общем, можно сказать, что научный стиль классического таджикского языка развивался в двух формах – прозаической и поэтической и корифеи таджикской науки смогли в обеих формах выявить и описать сущность и природу материального и духовного мира. После нашествия монголов научная деятельность таджикских ученых по изучению физического материального мира под негативным воздействием всеохватывающего социально-политического и экономического кризиса была приостановлена. Лояльность монгольских правителей и их престолонаследников к проблеме развития наук ещё больше ухудшила положение науки.

При таких тяжких обстоятельствах научные и интеллектуальные предприятия могли продолжаться лишь в тех отраслях наук, которые более или менее были независимы от объективных и социальных факторов воздействия. К таким отраслям прежде всего относится мистицизм, занимавшийся изучением духовного мира и сущностной природы человека, которые согласно убеждению, общепринятому среди последователей всех религий, считаются относительно свободными от воздействия объективных и социальных факторов. Поэтому духовный мир, хотя всегда являлся центральной темой рассуждения таджикско-персидских мыслителей и мудрецов*,† однако после монгольского разрушительного нашествия в исламский мир, из всех наук, изучавших духовность, смог

* По сведениям источников, названный труд состоял, первоначально, из тридцати томов. Дошедшая до нас часть этой книги, состоящая из десяти томов в историографической литературе известен также под названием «Таърихи Масъуди», так как в ней освещаются события. Имевшие место во время правления Султан Масуда Газневидского.

* Проблематике духовности в таджикской философии, суфизме и классической литературе посвящены десятки произведений, отчасти философские четверостишия Умара Хайама, газели Хафиза, «Гулистан» Саади, «Маснави» Джалаладдина Руми, мистическая поэзия Бедия, которые и ныне имеют весьма широкую и многонациональную аудиторию своих читателей.

развиваться только суфизм, который занимался изучением духовного мира методом его изоляции от материального физического мира.

Многие исследователи причину многовекового кризиса естественных наук связывают, наряду с исламским учением, с правовыми традициями ханафитской школы, с практикой и теорией суфизма, которые глубоко укоренились в национальном сознании таджиков. Однако это не совсем удачная находка, ибо все упомянутые учения призывают человека к познанию не только духовной природы человека, но и объективной материальной природы. ведь не зря многие таджикско-персидские мыслители и мудрецы, например, Носир Хусрав, Руми, Джами и др., отождествляли природу с Кораном. если согласиться с этим, тогда можно констатировать, что ни религия, ни религиозное право и ни суфизм не являются причиной глубокого средневекового кризиса науки и научной деятельности, которым были охвачены не только исламские регионы, но и все остальные регионы мира. Следовательно, основную причину кризиса науки в средневековье следует искать в других факторах.

Если верно проследить на исторические реалии прошлого, можно выяснить, что на Западе первые реальные возможности высвобождения науки из многовекового кризиса появились лишь в XVII, после изобретения математической логики или же разработки новых методов научного исследования со стороны Ф. Бэкона (1561–1626), Р. Декарта (1596–1650), Б. Спинозы (1632–1677) и других ученых. Бэкон, чтобы спасти экспериментальные науки из кризиса, разработал теорию двойственной истины. Он в этой теории ставил между методами познания религиозных истин и методами достижения философских знаний своеобразную «китайскую стену». Согласно Бэкону, основным предметом теологии является познание Бога, а её задачей – обоснование и защита религиозного убеждения. Философия же, согласно Бэкону, должна направить свой взгляд на природу и объективный мир, её основной задачей является изучение законов природы, разработка и реализация методов научного познания естественного мира и т. д. (5;82-92).

Бэконовская теория в дальнейшем была принята со стороны других европейских ученых и благодаря её реализации в европейском обществе произошли великие научно-технические революции. В свете этой теории европейским ученым – естествоиспытателям удалось сделать важные научные открытия. Указывая на различные направления и особенности развития западной и восточной культур, которые особо сильно проявились под воздействием научно-технических революций на Западе. Мухаммад Икбол в одном своем стихотворении посвященном Гёте, отождествлял Запад с человеком, бегущим от Бога и ищущем укрытие в недрах материального мира, а Восток – с человеком, узревшим Бога и невидящем того, что происходит в его реальном окружении.

Таким образом, можно заключить, что основную причину кризиса науки в средневековом исламском мире нельзя связывать с религиозными и мистическими учениями, ибо эта причина была связана с отсутствием научных методов познания естественного мира.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абуали Мухаммади Балъамӣ. Таърихи Табарӣ. Составители: М. Умаров, Ф. Бобоев, Д. Каноатов. – Т. 1 и 2. - Техрон: Алхудо, 2001.
2. Ибни Сино. Осори мунтахаб. – Душанбе, 1980. – с. 34.
3. Илолов М. И. Абуали ибни Сино ва тамаддуни ҷаҳонӣ // Ибни Сино ва фарҳанги замони ӯ. – Душанбе: Дониш, 2005. с. 12
Сино Абӯалӣ. Осори мунтахаб. – Т. II. – Душанбе. 1983.
4. Қосимова М. Н. Истилоҳоти қадимаи тоҷикӣ (маълумоти мухтасар). – Душанбе: Сино, 2007. – с. 3.
5. Радугин А. А. Философия: курс лекций. – М.: Библионика, 2006. – с. 82-92
6. Сино Абӯалӣ. Осори мунтахаб. – Т.2.-Душанбе, 1983.
7. Тарҷумай «Тафсири Табарӣ» (дар ду китоб ва ҳафт мучаллад). – Ч. 1-2. – Хучанд: «Нури маърифат», 2007.

ТЕРМИНОТВОРЧЕСТВО – ПЕРВАЯ ФАЗА ФОРМИРОВАНИЯ НАУЧНОГО СТИЛЯ НАЦИОНАЛЬНОГО ЯЗЫКА (ОПЫТ ИБН СИНО И ДРУГИХ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ МИНУВШИХ ПОКОЛЕНИЙ)

Основная фаза процесса формирования таджикского научного языка, а более конкретно – научного стиля таджикского классического языка начинается со времени появления «Донишنامه» Абуали ибн Сино. Ибн Сино внес огромный вклад в развитие таджикской медицинской науки и терминологии. Данная статья посвящена изучению первой фазы формирования научного стиля национального языка на примере опыта Ибн Сино и других представителей минувших поколений.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: терминотворчество, формирование научного стиля национального языка, развитие таджикско-персидской науки, научный стиль таджикского классического языка.

TERM CREATIVE - THE FIRST PHASE OF FORMATION OF SCIENTIFIC STYLE OF THE NATIONAL LANGUAGE (EXPERIENCE OF ABUALI SINO AND OTHER REPRESENTATIVES OF THE PAST GENERATIONS)

The basic phase of process of formation of the Tajik language of science, and it is more concrete - scientific style of the Tajik classic language begins since occurrence «Donishnoma» Ibn Sino. Ibn Sino has brought the huge contribution to development of the Tajik medical science and terminology. Given article is devoted studying of the first phase of formation of scientific style of a national language on experience of Ibn Sino and other representatives of the past generations.

KEY WORDS: term creative, formation of scientific style of a national language, development of the Tajik-Persian. science, scientific style of the Tajik classic language.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: *Ширин Хаитова* – кандидат филологических наук, начальник Управления научно-исследовательских работ Таджикского национального университета. **Телефон:** 221-71-87 (раб.), 907-70-77-44 (моб.)

ШАРҲИ МУРОДИФҶОИ ҶУФТ ДАР «ФУТУВВАТНОМАИ СУЛТОНӢ»-И ҲУСАЙН ВОИЗИ КОШИФӢ

У. Саъдуллоев

Донишгоҳи миллии Тоҷикистон

«Футувватномаи султонӣ» аз ҷиҳати фаро гирифтани асосҳои футувват ва роҳу равиши ҷавонмардон комилтарин асари тарғиботи дар таърихи адабиётмон ба ҳисоб меравад.

Муродифот яке аз қабатҳои луғавии таркиби луғавии забон маҳсуб ёфта, калимаҳои аз ҷиҳати маъно наздик ва баъзан баробаре буда, бо хусусиятҳои услубӣ аз ҳамдигар фарқ мекунад.

Перомунӣ вожаи муродиф Муҳаммад Ғиёсуддин менигорад, ки «... лафзе, ки ба лафзи дигар дар маънӣ шарик бошад» (5, 251). Забоншинос М.Н. Қосимова манбаъҳои пайдоиши муродифотро чунин шарҳ додааст: «Синонимҳо яке аз воситаҳои бойшавии таркиби луғавии забон ва инкишофи нутқ буда, дорои хусусиятҳои гуногуни услубианд. Манбаъҳои пайдоиши синонимҳо дар забон, аз рӯи тадқиқи забоншиносон, чунинанд: а) калимасозӣ; б) ворид шудани калимаҳо аз забони гуфтугӯӣ ва шеваҳо; в) иқтибоси калимаҳо аз забонҳои дигар; г) эвфемизмҳо» (4, 86). Забоншинос М. Муҳаммадиев қайд мекунад: «Синонимҳо яке аз воситаҳои муҳимми пурра ва ҷозибанок тасвир намудани предмет ва ҳодисаву воқеаҳои гуногун мебошанд. Онҳо воситаи бой намудани таркиби луғавӣ, дилҷасту муҳтасарбаёнӣ ва дар шаклу намудҳои бехтарин ифода намудани фикр мебошанд» (8, 17) ва ҷойи дигар меафзояд: «1. Синонимҳо калимаҳои ҳаммаъно аз решаҳои гуногунанд, ки таркиби луғавии забонро бой мекунад; 2. Синонимҳо яке аз бехтарин воситаҳои баёнӣ тобишҳои маъноии мафҳум, ҳолат ва рӯҳияи шахсу предмет мебошанд; 3. Синонимҳо барои тасвири характеристикаи предмет ба кор бурда мешаванд; 4. Синонимҳо барои аз такрори калима худдорӣ кардани муаллиф (гӯянда), бо мақсади шаклҳои гуногуни ифодаҳои дар забон бударо истеъмом кардан ва бо ин восита сахтӣ, равшанӣ ва қувваи бадеии гуфтаи худро таъмин намудан ба кор бурда мешаванд» (7, 79). Албатта, яке аз сабабҳои истифодаи муродифот гурез аз такрори ноҷост. Аз ин рӯ, нависанда барои ифодаи як мағлаб аз калимау ифодаҳои гуногуни ҳаммаъно истифода мебарад, ки ин боиси фасоҳату назокати суҳан ва зебову ва таъсирбахшии фикр мегардад.

Дар забони тоҷикӣ муродифҳои ҷуфт ё ҷуфтистеъмом, ки аз ду калима иборатанд, хеле зиёд мебошанд. Муродифҳои ҷуфт як маъноро пурра ифода менамоянд ва алоҳида ҳам истеъмом мешаванд. Муродифҳои ҷуфт аз ҷиҳати сохт ва ҷойи ҷузъҳо ба ибораҳои фразеологӣ монанданд. Аз тарафи дигар, фарқашон аз ибораҳои фразеологӣ дар он аст, ки онҳо аз ду калима иборат мебошанд ва аксар ба маънии луғавии худ меоянд (ниг.: 2, 45) ва муҳаққиқ М. Аминов қайд мекунад, ки синоним ва ҷуфтҳои синонимӣ яке аз категорияҳои лексикӣ буда, нависанда ва гӯяндаро водор месозад, ки то ҳадди имкон фикрашро аниқ ифода намояд, назокату нафосат, савти суҳан ва мучаззабии онро ба ҳадди балоғат расонад. Нависанда ба тӯфайли синоним ва ҷуфтҳои синонимӣ имконият пайдо мекунад, ки бе такрори номатлуб ҳодисаву воқеотро бо тамоми ҷузъиёташ ба назари хонанда ҷилвагар созад (ниг.: 1, 14-16).

Оид ба муродифи ҷуфт дар асарҳои тадқиқотӣ ва мақолаҳои илмӣ як қатор маълумотҳо оварда шудаанд. Вале муродифоти ҷуфтро пурра ҳалшуда ҳисобидан мумкин нест, чунки дар хусуси муайяну маънидод кардани муродифҳои ҷуфт фикру ақидаҳои мухталиф ҷой доранд. Забоншинос Б. Сиёев дар асоси 72—ҷуфти муродифот, ки қисме аз онҳо чандин маротибагӣ дар асар такрор шудаанд, мақолаи муфассале иншо намудааст (ниг.: 9, 25). Ӯ зиёд истифода бурдани муродифҳои ҷуфтро боиси нафосату равонии гуфтор меҳисобад. Ҷуфтҳои мазкур дар асарҳои як қатор забоншиносон бо истилоҳҳои

гуногун зикр шудаанд. Муҳаққиқони соҳаи забоншиносӣ муродифҳои чуфтро ҳар хел ном ниҳодаанд, ки, аз як тараф, омӯзишу таълимиро душвор созад, аз тарафи дигар, истилохро хароб мекунад. Забоншинос М. Муҳаммадиев (8, 82) ҳангоми тадқиқи муродифоти забони адабии ҳозираи тоҷик бо мисолҳои, ки дар онҳо пайвастиҳои мазкур ҷой доранд, воҳурда, онҳоро «чуфтҳои синонимӣ» номида таъкид мекунад, ки ин гуна ҳамроҳ омадани муродифот маъноӣ калимаро таъкид ва пурра менамояд. Забоншинос Ш. Кабиров ин навъи чуфтҳоро «синонимҳои пай дар пай» ном бурдааст (ниг.: 3, 48-52). Пас кадом навъи истилоҳҳои зикршударо метавон мувофиқ донист?

Ду ва зиёда калимаҳои мустақилмаъноро ибора гӯянд, ки байни ҷузъҳои алоқават тобеъият шарт буда, як ҷузъ асосӣ ва дигарӣ тобеи он буда, мафҳуми мураккабро ифода мекунад. Истилоҳи «ибора», «ибораҳои синонимӣ» ба ин навъи чуфт мувофиқ намеояд. Перомунӣ истилоҳи «воҳидҳои чуфт» бояд қайд кард, ки азбаски дар забон воҳидҳои забонӣ (фонема, морфема, калима, ибора, ҷумла) хеле бисёранд, истилоҳи зикршуда мафҳуми васеъ дошта ҷи гуна воҳид будани он равшан намегардад. Дар мавриди «таркибҳои чуфт» ҳаминро бояд қайд кард, ки таркиб аз як вожаи мустақил ва вожаҳои ёридиҳанда ва баъзан вожаҳои мустақили дар якҷоягӣ як мафҳумро ифодакунанда иборат бошад, аммо ин навъи муродиф аз ду вожаи мустақилмаъно иборат аст. Истилоҳи «синонимҳои пай дар пай» ба як қатор муродифот, ки пай дар пай меоянд (се, чор ва зиёда калима), хос аст. Забоншинос М. Муҳаммадиев (7, 92-93) чунин навъи муродифҳоро «чуфтҳои синонимӣ» меномад, ки ба ҳар сурат ба мақсад наздик аст. Агар чунин навъи муродифҳоро «муродифҳои чуфт» ном барем, шакли маъноӣ ин гуна муродифҳоро хуб ифода мекунад, зеро ки онҳо аз як чуфт, яъне аз ду калима иборат буда, дар баробари ин бо ҳам муродифанд. Ба ҳамин тарик, муродифҳои чуфт таркиби луғавию боигарии забон ва инкишофи тадриҷии онро нишон дода, мақсади гӯяндаро хеле мукаммату мувофиқи мақсад нишон медиҳад.

Дар «Футувватномаи султони» чунин навъи муродифҳо фаровон истифода шудааст ва муаллиф ин гуна муродифотро барои боз ҳам қувватноку таъсирбахш гардонидани каломӣ хеш баён доштааст.

Муродифҳои чуфти «Футувватномаи султони»-и Кошифиро аз ҷиҳати баромад ба панҷ гурӯҳ метавон ҷудо намуд:

а) Тоҷикиву тоҷикӣ: Дар асар муродифҳои чуфте корбурд доранд, ки ҳар ду вожа аз ҷиҳати баромад тоҷикӣ мебошанд:

Ҳафтум, мударрик бошад, яъне **тезхушу зирак**, то роҳи дурустро ба зудӣ дарёбад (45)*.

Дар матн вожаҳои **тезхушу зирак** муродифҳои чуфт буда, дар луғат ҳар ду вожаро чунин шарҳ додаанд: **тезхуш** – тезфаҳм, зирак (11, 360), **зирак** – оқил, бофаросат, доно, тезфаҳм (10, 452).

б) Тоҷикиву араби: Ба ин гурӯҳ муродифҳои чуфтистеъмоле дохил мешаванд, ки аз ҷиҳати баромад калимаи якум тоҷикӣ буда, калимаи дуум араби аст.

Ёриву мадад:

Дар мисоли «Ҳаштум, ҳамкорони худро **ёриву мадад** расонад (105)» вожаҳои **ёриву мадад** муродифҳои чуфт махсуб меёбанд. Вожаи **мадад** аз ҷиҳати баромад араби буда, дар луғат чунин маънидод шудааст: 1) ёри, кӯмак, 2) ёридиҳанда (10, 618). Дар матн ба маънии ёри ва кӯмак истифода шудааст.

Меҳру муҳаббат: Агар пурсанд, ки маънии шамъ чист, биғӯй: Дилсӯзӣ ва **меҳру муҳаббат** ва афрӯхтагӣ (120).

Вожаи **меҳр** дар луғатҳо ба маънии муҳаббат, луғфу марҳамат, офтоб ва номи моҳи шамсӣ омадааст (6, 324; 10, 684).

Вожаи **муҳаббат** арабист ва дар луғат меҳр, дӯстдорӣ маънидод шудааст (10, 797).

Ба ҳамин монанд чуфти **кинаву адоватро** (...кибр, кинаву адоват; гурур; фиску фасод; озмандӣ; ... (46)) метавон дар асар муродифҳои чуфт ном бурд.

в) Арабиву тоҷикӣ: Дар мавриди муродифоти чуфти арабиву тоҷикӣ забоншинос С. Ҳалимов чунин қайд мекунад: «Калимаҳои араби дар забонамон қатори нави синонимҳоро ба вучуд оварданд ва чуфтҳои синонимӣ (молу хоста, адлу дод, сабру шикебо) захираҳои услубии забонамонро бой гардонд» (12, 20).

Дар асар муродифҳои чуфте корбаст шудаанд, ки калимаи якум араби буда ва дуумин тоҷикӣ. Масалан: **мушфику меҳрубон:**

Агар пурсанд, ки адаби шайхӣ чист, биғӯй: Он, ки назари хиёнат ба ҳеч кас накунад ва бар ҳама **мушфику меҳрубон** бошад (44).

Вожаи **мушфиқ** араби буда, вожаи **меҳрубон** аз ҷиҳати баромад тоҷикӣ.

* Хусайн Воизи Кошифӣ. Футувватномаи султони. Бо эҳтимоми Муҳаммад Чаъфари Маҳҷуб. – Техрон, 1350. – 1350. – 426 с. Минбаъд дар қавсайн ба саҳифаҳои ҳамин асар ишора мешавад.

Вожаи мушфик дар «Ғиёсуллуғот» чунин шарҳ ёфтааст: меҳрубоникунанда ва тарсанда, бар касе меҳрубонӣ (6, 269). Калимаи меҳрубон дар луғат чунин маънидод шудааст: меҳрубон–пурмуҳаббат, дӯстдорикунанда, навозишкор, мушфик (10, 684).

г) **Арабиву арабӣ:** Дар асар муродифҳои чуфте қорбаст шудаанд, ки аз ҷиҳати баромад ҳар ду калима арабӣ ҳастанд.

Уҷбу наҳват: Панҷум, нафӣи **уҷбу наҳват** аст, яъне ҳарчанд аз вай аъмоли шоиста дар вучуд аст, бояд ки бад-ӯ мағрур нашавад ва муаччаб нагардад, ки иблис ба воситаи наҳват малъуну мардуди абад гашт (31).

Вожаҳои **уҷб** ва **наҳватро** дар луғат аз ҷиҳати баромад арабӣ донидаанд ва ҳавобаландӣ, худписандӣ, ғурур маънидод кардаанд (10, 402).

Ҳусну ҷамол, ҳилаву мақр, фиску фасод, лаҳву лаъб: Агар пурсанд, ки ғусли мурид чист, бигӯй: Он, ки аз сӣ сифат пок бошад: сарватдӯстӣ, ҷоҳталабӣ; ҳуббӣ; ному номус; майли **ҳусну ҷамол** ба нопокӣ; хирс, ҳасад; **ҳилаву мақр**; кибр; кинаву адоват; ғурур, **фиску фасод**; озмандӣ, ғафлат; шакку ваҳм; дуруғ, бўҳтон; нифок; риё; ҳаромхӯрӣ; ҳавас; тамаъ; **лаҳву лаъб**; ғаразпардозӣ; тақсир дар тоат, фаҳш; суҳанчинӣ; айбҷӯӣ; ғаммозӣ ва дуруӣ (46).

Дар мисоли мазкур **ҳусну ҷамол** (хусн - хушрӯӣ, зебоӣ, ҷамол (11, 760)), (ҷамол - хушрӯӣ, зебоӣ, хусн (10, 771)), **ҳилаву мақр** (ҳила –1) мақр, фиреб, дасиса; 2) чора, тадбир (11, 744)), (мақр – ҳила, фиреб (10, 626)), **фиску фасод** (фиск – берун шудан аз роҳи ҳақ ва дурустӣ, қорҳои ношоҷам, бадахлоқӣ, фосиқӣ, фиску фучур, фасоди ахлоқ, вайронии ахлоқ (11, 435)), (фасод –1) табоҳӣ, вайронӣ, бетартибӣ, зиштқорӣ, бадахлоқӣ, 2) фитна, балво, саркашӣ, исён, 3) зоеъшавӣ, қостан, камшавӣ ва беҳуда аз даст рафтани; нобудшавӣ (11, 424)), **лаҳву лаъб** (лаҳв –1) бозӣ, бозӣ қардан, он чи, ки кас вақти худро бо он хуш мекунад; 2) шодӣ, хурсандӣ, тараб, айшу ишрат (10, 599)), (лаъб – 1) бозӣ қардан, бозӣ, 2) айшу ишрат, тараб, хушӣ (10, 597)) муродифҳои чуфт буда, аз ҷиҳати баромад арабиву арабӣ мебошанд.

ғ) **Тоҷикиву юнонӣ:** Дар асар муродифи чуфте истифода гардидааст, ки ҷузъи яқум тоҷикӣ буда, ҷузъи дуюм юнонӣ аст:

Аввал - дӯстии дунё, дуюм - ҳубби ҷоҳу мол, сеюм - ҳубби **ному номус**, ҷаҳорум - майли ҳусну ҷамол ба нопокӣ (40).

Вожаи **ном** аз ҷиҳати баромад тоҷикӣ буда, дар фарҳанг ба ду маънӣ омадааст: 1) калимае, ки барои муайян қардани шахсе ё чизе қор фармуда мешавад, исм; 2) *мачозӣ* шӯҳрат, овоза (10, 867). Дар асар ба маънии мачозии шӯҳрат, овоза ба қор рафтааст.

Баромади вожаи **номусро** дар «Фарҳанги забони тоҷикӣ» юнонӣ қайд кардаанд ва ба маъниҳои 1) обрӯ, шараф, қадру иззат, исмат; 2) овоза, шӯҳрат тавзеҳ ёфтааст (10, 869). Дар асар ба маънии шӯҳрат қорбаст гардидааст.

Ҳамин тарик, муаллиф муродифҳои чуфтро барои боз ҳам пуробуранг гардидани асар қорбаст намуда, асари ҳешро боз ҳам ҷаззобтару хонданбобтар кардааст.

АДАБИЁТ

1. Аминов М. Баъзе хусусияти услубии чуфтҳои синонимӣ // Мақолаҳои Советӣ, №3, 1981. - с. 14-16.
2. Забони адабии ҳозираи тоҷик. Қисми 1.-Душанбе, 1973.-458 с.
3. Кабиринов Ш. Синонимҳои пайдарпай дар «Таърихи Бадахшон» // Мақолаҳои доир ба забон ва адабиёти тоҷик. - Душанбе, 1983.-с.83-85.
4. Қосимова М.Н. Таърихи забони адабии тоҷик (асрҳои 9-10). Қисми 1.-Душанбе, 2003. -490 с.
5. Муҳаммад Ғиёсуллоҳ. Ғиёсуллуғот. Ҷ.1. Душанбе: Адиб, 1987.-398 с.
6. Муҳаммад Ғиёсуллоҳ. Ғиёсуллуғот. Ҷ.2. Душанбе: Адиб, 1988.-390 с.
7. Муҳаммадиев М. Баъзе хусусиятҳои лексикаи «Шоҳнома».-Душанбе: Маориф ва фарҳанг», 2005.-138 с.
8. Муҳаммадиев М. Синонимҳои забони ҳозираи тоҷик.-Душанбе, 1962.-162 с.
9. Сиев Б. Таърихи воҳидҳои чуфт дар забони адабии тоҷик //Мақолаҳои Советӣ.-1969, №9.-с.26- 36.
10. Фарҳанги забони тоҷикӣ.- М.: СЭ. 1969. Ҷ.1.-951 с.
11. Фарҳанги забони тоҷикӣ.- М.: СЭ. 1969. Ҷ.2.-949 с.
12. Ҳалимов С. Таърихи забони адабии тоҷик. (асри X). -Душанбе, 1979.-101 с.

О ПАРНЫХ СИНОНИМАХ В «ФУТУВВАТНОМАИ СУЛТОНИ» ХУСАЙНА ВОИЗА КОШИФИ

Данная статья посвящена изучению и исследованию использования парных синонимов в произведении Хусайна Воиза Кошифи «Футувватномаи султони».

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: парные синонимы, «Футувватномаи султони» Хусайна Воиза Кошифи, использование парных синонимов в «Футувватномаи султони».

ABOUT PAIR SYNONYMS IN «FUTUVVATNOMAI SULTONI» HUSAYNA VOIZI KOSHIFI

Given article is devoted studying and research of use of pair synonyms in product of Husayna Voizi Koshifi «Futuvvatnomai sultoni».

KEYWORDS: pair synonyms «Futuvvatnomai sultoni» Husayna Voizi Koshifi, use of pair synonyms in «Futuvvatnomai sultoni».

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: У. Саъдуллоев - соискатель кафедры истории языка и типологии факультета таджикской филологии Таджикского национального университета. **Телефон:** 918-68-80-55

ГЛАГОЛЬНЫЕ КОНСТРУКЦИИ С МОДАЛЬНЫМИ ГЛАГОЛАМИ *ШОЯД* И *МАУ* В ТАДЖИКСКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Исмоилзода Эрадж

Таджикский национальный университет

В таджикском языке модальный глагол **шояд** по своим лексическим особенностям входит в группу модальных глаголов, выражающих возможность, который подвергаясь изменениям со времен древнего языка сохранил только одну форму – *шояд*, утратив свое первоначальное лексическое значение. В лексическом плане модальный глагол **шояд** широко используется в современном таджикском языке для выражения отношения возможности совершения действия, которое может произойти, но и может не произойти. Возможность – его общее значение, но в разных условиях контекста могут усиливаться и другие его оттенки, такие как предположение, упрек, замечание, предположение, просьба, совет.

Предметом споров модального глагола **шояд** отражаются, во-первых, в его первоначальной форме, которая в грамматике таджикского языка представлена как модальный глагол **шоистан**, т.е. в форме инфинитива (см.:2,183) и, во-вторых, в его синтаксической функции.

Действительно в истории языка модальный глагол **шоистан** употреблялся в форме инфинитива, и в зависимости от него образовывались некоторые грамматические формы. Б.С. Сиёев подчеркивал употребление модального глагола **шоистан** в форме инфинитива: “*Гуфт шоисти ки пайгамбар инро дуст боздошти*” (6,97). Однако модальный глагол, утратив эти формы, сохранил только одну форму, которая является неизменяемой формой. В современном таджикском языке форма **шоистан** модального глагола **шояд** не употребляется в глагольных конструкциях, и также не участвует в образовании других глагольных форм, которые образуются от инфинитива, поэтому форму **шоистан** относительно его без функций логично сократить на **шояд**.

По поводу синтаксических функций модального глагола **шояд** в предложении нет определенного определения. Так как, Арзуманов С.Д. дает следующее определение: “... аорист 3-го лица единственного числа **шояд** в современном таджикском языке употребляется главным образом, как вводное слово”. Однако следует отметить, что в грамматике современного таджикского языка отмечено, что вводные слова в таджикском языке выделяются знаками препинания от других частей речи (см.:2,358), т.е. запятой. Например:

Албатта, ман он кафшро гирифта набурдам (2,1,98).

Однако модальный глагол **шояд** не выделяется знаками препинания в предложении, как вводные слова.

Шояд онҳо гунчишк нестанд, мурзакони дигаронанд ва сеози суруди саҳариашон ҳамин тавр чирқ-чирқи гунчишкро менад? (2,2,354).

Ки медонад шояд ин вазирай нав ба вай имкон медиҳад, аз наздик фаҳмида донанд, ки ҳамаи шубҳаҳои ӯ дар бораи Асадгалат будааст ва дар натиҷа бо ӯ оштии мешавад... (2,2,339).

А.З. Розенфельд определяет модальный глагол **шояд**, как опглагольное модальное слово в предложении (см.:5,361). С другой стороны, противоречие заключается в том, что М. Ибрагимова характеризуя модальные слова, определяет в них морфологическую неизменяемость (см.:3,18). Однако глагол **шояд** может употребиться в отрицательной форме. Но в данных условиях он не выполняет функцию модального глагола.

Лекин тухмро чӯча гуфтан нашояд! (2,2,18).

Дар ин солу замона баҳар кас бовар кардан нашояд! (2,2,132).

Ба ин суоли Махсумҷон тааҷҷуб нашояд (2,2,19).

Отрицательная форма глагола **шояд**, образуется с помощью отрицательной частицей на-, которая присоединяется к форме аориста и требует после себя полного инфинитива основного глагола. Данное сочетание является безличной конструкцией и характерно только для художественной литературы.

Данные мнения сводятся к тому, что модальный глагол **шояд** сочетаясь с основным глаголом, представляет синтаксическую единицу, которая выполняет роль модального составного сказуемого.

Аналогом МГ **шояд** в английском языке является МГ **may**, который также выражает возможность совершения действия. Дефектность модального глагола **may** заключается в отсутствии неличных форм

глагола, как модальный глагол **шояд**, который его дефектность определяется отсутствием неспрягаемых форм глагола. Отсутствие неличных форм модальных глаголов объясняется исторически.

Модальный глагол **шояд** ограничен грамматическими формами, являющийся дефектным глаголом, поскольку имеет только одну форму - форму аориста третьего лица ед. ч. **шояд**, и также он не имеет неличных форм глагола (см.:5,60).

Сходство модального глагола **шояд** заключается в том, что в английском языке модальный глагол **may** также неименуется, как дефектный глагол. Его дефектность определяется отсутствием неспрягаемых форм глагола, т.е. он не имеет ни форму инфинитива, ни Participle I (причастие настоящего времени) и ни форму Participle II (причастие прошедшего времени), ни Gerund. Отсутствие неличных форм модального глагола **may** надлежит, с одной стороны, считать следствием его дальнейшего исторического развития со времен древнего языка, которое привело к утрате имевшихся неличных форм вместе с утратой первоначальных более конкретных значений, и, с другой стороны, закономерной особенностью модальных глаголов в языке (см.:4,28-40).

Различные оттенки значений модальных глаголов ассоциируются с различными формами следующего за ним глагола.

Предикативность модального глагола **шояд** определяется в глагольных конструкциях, в которых носителем основного лексического значения и грамматической характеристики является основной глагол, т.е. модальный глагол **шояд** не функционирует, как глагол модификатор. Модальный глагол **шояд** в отличие от модальных глаголов **тавонистан** и **хостан** не имеет глагольных конструкций двойного согласования и употребляется в препозиции к основным глаголам. Основной глагол располагается после него в соответствующей форме времени, лица и числа. Спрягаемые формы модального глагола **шояд** отражены во временных формах изъявительного, условно-сослагательного и предположительного наклонения.

В изъявительном наклонении модальный глагол **шояд** придает конструкции разные оттенки значения, в которых основной глагол употребляется в настояще-будущем, простом прошедшем, прошедшем длительном, преждепрошедшем и основном перфектном времени.

Спрягаемые формы модальный глагол **may** отражены в Indicative и Subjunctive Moods. Отличительная особенность модального глагола **may** заключается в том, что он функционирует как глагол модификатор, выражая грамматическую характеристику конструкции.

Indicative Mood модального глагола **may** соответствует изъявительному наклонению модального глагола **шояд**, выражая возможность совершения действия основного глагола, не противоречащую объективной действительностью. Его семантический диапазон в данном наклонении охватывает большинство его модальных значений. Реализация этих значений зависит от грамматических форм модального глагола **may**. Парадигма Indicative Mood модального глагола **may** отражена в настоящем и прошедшем времени в сочетании с формами Indefinite Infinitive, Perfect Infinitive, Continuous Infinitive основного глагола.

Данный грамматический формы модальных глаголов **шояд** и **may** выражают следующие значения:

а) Возможность совершения действия, которое может произойти, но и может не произойти в настоящем или будущем времени, т.е. когда говорящий не вполне уверен в возможности совершения действия. Данные конструкции могут употребиться также в вопросительных и отрицательных предложениях.

Шояд вучуди онҳо ба мамлакат касароти калон мерасонад?(2,2,372). (May their exist hurt to our country?).

You may wonder how a small child, only nine years old, can know these things (2,3,257). (Ту шояд хайрон шавӣ, ки чӣ гуна тифли хурде, ки ҳамагӣ нӯҳ сол дорад, ҳамин чизҳоро доништа метавонад).

б) Возможность совершения действия, основанная на просьбе или разрешении - когда говорящий склоняется к исполнению желаемого.

Шумо ки аз они худӣ ва одами дилпурмешудагӣ ҳастед, мегӯям, шояд ягон маслиҳати нек медиҳед (2,2,129). (You are from ours and trustful man; I am saying that you might give me a good advice).

Аналогом МГ **may** в значении просьбы выступает конструкция с модальным глаголом **шояд** в сочетании с формой аориста и с формой настояще-будущего времени основного глагола в вопросительных предложениях.

Однако значение разрешения, выраженное модальным глаголом **may**, не наблюдается в глагольных конструкциях с модальным глаголом **шояд**. В данном случае при даче данного смысла употребляется наиболее подходящая глагольная форма **мумкин будин** или **тавонистан** на таджикском языке.

Well, that's all, you may leave (2,6,113). (Хуб, ҳамааш ҳамин, ту метавонӣ равӣ).

I will take it as a sign that we may pass the Bridge (2,12,11). (Ман ин нишонро барои аз кӯтрук гузашта тавонистанамон мегирам).

в) Упрек или замечание – когда говорящий выражает отношения недовольства к совершению действия основного глагола.

Воқеан, шояд худат дойра мезанӣ? (2,2,22). (Actually you may play yourself on doira).

Oh, they may, in years to come (2,12,33). (Онҳо метавонанд баъд аз чанд сол баргарданд).

б) **Предложение или совет** – когда говорящий имеет намерения о совершении действия.

... **шояд** аз даму нафаси шумо **шифо ёбанд?** (2.1,168). (... *might they be recovered by your hand?*)

Well, that's all, you **may leave** (2.11,113). (*Хуб, ҳамааш ҳамин, ту метавонӣ равӣ*).

Условно-сослагательное наклонение глагольной конструкции с модальным глаголом **шояд** очень широко используется для выражения оттенков значения предположения в таджикской художественной литературе. Основной глагол употребляется в препозиции к модальному глаголу в трех формах: настояще-будущее время, прошедшее время, определенное время. Значения предположения с большой степенью неопределенности и сомнения или догадки о возможности действия основного глагола выражает глагольная конструкция с модальным глаголом **шояд** в предположительном наклонении, в которых основной глагол употребляется в двух формах времени, настоящего времени и прошедшего времени.

Значениям, выражаемым глагольной конструкцией с модальным глаголом **шояд** соответствует форма Subjunctive mood модального глагола **may**, которая омонимична к форме прошедшего времени –**might**. Она может сочетаться с тремя грамматическими формами основного глагола, Indefinite Infinitive, Perfect Infinitive и Continuous Infinitive, которые употребляются в постпозиции к модальному глаголу без частицы **to**.

Они выражают значение возможности, основанное на предположении - когда говорящий выражает отношения возможности совершения действия в будущем времени. Данные конструкции встречаются в вопросительных и отрицательных предложениях.

Исо ин газали худро дар вақти сисолагиаш гуфтааст ва умед кардааст, ки дар чиҳилу панҷсолағӣ шояд аз шасти қашшоқӣ раҳой ёбад (2.1,109). (*Iso had written this his poetry at his thirtieth ages and hoped that in forty-five years he might be rid of poverty*).

Think you might find this useful for next year (2.6,16). (*Фикр кун, ту шояд ин фоида соли оянда истифода кунӣ*).

Если значение предположения происходит в момент речи, то модальный глагол **шояд** употребляется в сочетании с определенной формой основного глагола, который соответствует сочетанию **might** с Indefinite Continuous в английском языке. Например:

Шояд мӯйсафеди бетавфиқи ту даст пеш гирифта, бо қону дил ба ваъзӯии он занак гӯш карда истодагист! (2.2,206). (*Your old man having taken two his hands with all his heart might be listening to chatting of that woman*).

He couldn't help imagining what Stan might be telling his passengers in a few nights' time (2.6,35). (*Ў тасаввур карда наметавонад, ки Стан шояд дар муддати як чанд шаб бо мусофиронаш ягон гап гуфта истодагист*).

Если значение предположения относится к прошедшему времени, то модальный глагол **шояд** сочетается с прошедшей формой, который соответствует сочетанию **might** с Indefinite Perfect. Например:

Духтури муҳтарам шояд шунида бошад, ки қоидаҳои дар муддати зимистон ниғаҳдории аккумуляторҳо худ ба сари худ як боби томи дониши техникист (2.2,127). (*The respected doctor might have heard that the rules of keeping accumulators constitute one full unit of technical knowledge*).

I think I might've left it in the bar (2.6,53). (*Ман шояд инро дар тарабхона фаромуш карда бошам*).

Грамматическое сходство модальных глаголов **шояд** и **may** заключается в глагольной категории лица и числа, т.е. они не спрягаются в глагольных сочетаниях, но их выполняемые грамматические функции отличаются тем, что модальный глагол **шояд** в глагольных конструкциях не выполняет роль глагола модификатора, как модальный глагол **may**, являющийся грамматическим центром в сочетаниях. Выражение лица и числа в глагольных конструкциях с модальным глаголом **шояд** происходит флективным образом, личными глагольными окончаниями - **ам, -ӣ, -ад, -ем, -ед, -анд** в основном глаголе, а в глагольных конструкциях с модальным глаголом **may** она выражается личными местоимениями, сопутствующими глаголу.

Шояд худатон ба ақидае омада бошед, ки ин ирсист, аҷдодист (2.3,150). (*You might have come yourself to a conclusion that it is instinctive, hereditary*).

Actually, I thought I might be in line for it(2.5,50). (*Дар ҳақиқат, ман фикр мекардам, ки шояд розӣ мешавам*).

Исходя из этих свойств, предикативная конструкция выглядит так

Предикативная конструкция модального глагола шояд
Предикативная конструкция модального глагола may

Личные местоимения + mav + V в соответствующей форме инфинитива

шояд + V в соответствующей форме времени + личные глагольные окончания

Другая отличительная особенность выявляется из позиции употребления модальных глаголов. Место употребления модального глагола **may** в глагольных конструкциях строго фиксировано, он употребляется в препозиции к основному глаголу. “В английском предложении соблюдается строгий порядок слов, - отмечает Т.А. Барабаш, - сигнализирующий синтаксические связи, существующие между этими словами” (1,216).

А.М. Собир изучая эти свойства пишет: “... по сравнению с английским языком, в таджикском языке наблюдается более свободный порядок слов” (7,98). Модальный глагол **шояд** может употребиться в отдаленности от основного глагола. Это объясняется стилистической выразительностью.

Место модального глагола **шояд** к примыкающему глаголу довольно разнообразно, т.е. его место не фиксировано, в чем и проявляется отличительная особенность. Он может придти в начале, в середине предложения в отдаленности от основного глагола, который стоит в конце. Так как он с примыкающим глаголом образуют модальное составное сказуемое, и, если модальный глагол **шояд** употреблен, то его роль в предложении не меняется, он считается частью модального составного сказуемого, употребленной в отдельности, сохраняя свое модальное значение.

I think it may be that death will be really a release (2.4,90). (Ман фикр мекунам, ки шояд ин ҳамон маргест, ки озодии ҳақиқӣ мебошад).

Боз суханони ӯро аз хотир набароварда бошӣ, шояд гапҳои дигар гуфта бошад? (2.1,149). (So you have not forgotten his words, might he have said anything else?)

Таким образом, анализируя грамматические особенности модальных глаголов **шояд** и **may** можно утверждать следующее: функционально они являются служебными, образуя сложное модальное сказуемое, каждый из компонентов которых имеет свое грамматическое значение; в сочетаниях с глаголами они не спрягаются по лицам и числам, но в конструкции с модальным глаголом **шояд** в отличие от модального глагола **may** основным глаголом является глагол модификатор; они употребляются в препозиции к основному глаголу, но модальный глагол **шояд** может стоять отдельно от основного глагола; они не имеют неличных глагольных формы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Барабаш Т.А. Грамматика английского языка. – М.: Высшая школа, 1983. – 240 с.
2. Грамматикаи забони ҳозираи тоҷик. Қисми 1. – Душанбе: Дониш, 1985. – с. 182-191.
3. Ибрагимова М. Модальные слова и модальные частицы в таджикском и русском языках. Автореф. канд. дис. – Душанбе, 1971. – 20 с.
4. Ильин Б.А. Современный английский язык. – М., 1948. – 348 с.
5. Розенфельд А.З. Глагол. Выпуск 4. – Сталинабад: Изд-во АН Тадж. ССР, 1954. – 80 с.
6. Сиёев Б.С. Очеркҳо доир ба таърихи феълҳои забони адабии тоҷик. – Душанбе: Дониш, 1968. – 167 с.
7. Собир А.М. Сравнительная типология и обучение типам и структурам сказуемого в английском языке. – Душанбе: Мағбуот, 2002. – 64 с.
8. Айни С. Кулӣёт. Чилди 6. Ёддоштҳо. Қисми 1 ва 2. – Душанбе: Нашрдавтоҷ, 1962. – 414 с.
9. Икромӣ Ч. Дувоздаҳ дарвозаи Бухоро. – Душанбе: Ирфон, 1984. 432 с.
10. Amy Tan. The Joy Luck Club. – New York: IVY Books, 1990. – 339 p.
11. Maugham W.S. The Painted Veil. – М.: Manager, 2004. – 272 p.
12. Michael Crichton. Disclosure. – New York: Ballantine Publishing Group, 1993. – 193 p.
13. Rowling J.K. Harry Potter and the Prisoner of Azkaban. – London: Bloomsbury, 1999. – 318 p.

ГЛАГОЛЬНЫЕ КОНСТРУКЦИИ С МОДАЛЬНЫМИ ГЛАГОЛАМИ ШОЯД И MAY В ТАДЖИКСКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Данная статья посвящена сопоставительному анализу грамматических особенностей глагольных конструкций с модальными глаголами в таджикском и английском языках.

Автор на основе примеров из художественной литературы выявил сходство и отличительные грамматические особенности модальных глаголов **шояд** и **may** в таджикском и английском языках.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: модальные глаголы, неспрягаемые формы, инфинитив, наклонение, временные формы, дефектность, глагольные конструкции, категория, глагол модификатор.

CONSTRUCTIONS WITH MODAL VERBS ШОЯД AND MAY IN TAJIK AND ENGLISH LANGUAGES

This article is considered the comparison of a modal verb **шояд** in Tajik and **may** in English languages.

The author bases on the concrete examples tried to reveal distinction and general features of these modal words in comparing languages.

KEY WORDS: modal verbs, nonfinite forms, Infinitive, Mood, Tense form, defects, verb constructions, category, main verbs.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Эрадж Исmoilзода - аспирант кафедры истории языка и типологии факультета филологии ТНУ. Телефон: 918-31-03-88.

ИСТИФОДАИ УСУЛҲОИ РИВОҶ ДОДАНИ МАЛАКАҲОИ ТАДҚИҚОТӢ ҲАНГОМИ ТАЪЛИМИ ЗАБОН БА ДОНИШЧӢЁН

Қ. Мухторӣ, С. Низомова
Донишгоҳи миллии тоҷикистон

Дар шароити кунунии ба камол расонидани насли наврас ва ҷавонон таҳияи дастурҳои таълимию методӣ, китобҳои дарсӣ чун ҳамешагӣ аз масъалаҳои асосии дидактикӣ боқӣ мемонанд. Дар мавриди назарияи таълим дар мактабҳои таҳсилоти умумӣ дар илми педагогикаи тоҷик қорҳои шоёне ба анҷом расидаанд. Садҳо мақолаву дастурҳои таълимию методӣ ва китобҳои дарсиро метавон номбар кард, ки танҳо дар даҳсолаи охир таълиф гардидаанд. Онҳо дар асоси назарияҳои илмӣ, асоснок, таҷрибаҳои муаллимон таҳия мешаванд. Дар илми назарияи таълими аврупоӣ, русӣ доир ба масъалаи методикаи таълим дар муассисаҳои таҳсилоти олии касбӣ қорҳои зиёде анҷом дода шудаанд, ки танҳо чанде аз онҳо, ки дар садаи ХХI таълиф гардидаанд, дар феҳристи адабиёт овардаем. Дар мавриди мушкilotи таълими донишчӯёни муассисаҳои таҳсилоти касбӣ тадқиқоти илмиро, ки бевосита ба ин масъала бахшида шуда бошад, дар илми педагогикаи тоҷик ном бурдан наметавон. Дастурҳои таълими, ки барои донишчӯён пешниҳод мегарданд, ба ягон методикаи махсус таъяс намекунад. Албатта, таълим дар ин зинаҳо нисбат ба таълим дар мактабҳои таҳсилоти умумӣ фарқи калон дорад. Аввалан, таълим дар муассисаҳои таҳсилоти касбӣ характери додани дониши илмиро дорад. Шояд ба ҳамин сабаб дар таълим дар ин зина асосан ба додани маълумот тавачҷӯх зоҳир мегардаду ба методика чандон аҳамият дода намешавад. Дуввум, хатмқунандагони ин муассисаҳо бе омодагии касбӣ ба таълим ҷалб карда мешаванд. Дастурҳои таълимию методие, ки аз ҷониби муҳаққиқони зиёд таҳия ва пешниҳод мегарданд, ба назарияҳои махсус, дастурҳо таъяс намекунанд. Мисоли ин гуфтаҳо риоя нашудани қоидаҳои оддитарини ороиш аст, ки метавонад ба сатҳи қабули мазмун таъсири ҷиддӣ расонад, ё дар дастурҳо оид ба саволномаҳои тестӣ риоя накардан ба қоидаҳои таҳияи саволномаи тестӣ аст. Бо ин, гуфтани нестем, ки таҳияи ягон маводи фундаменталиро мо ба нақша гирифтаем ё пешниҳоди шумо месозем. Ин ҷо доир ба истифодаи матнҳои илмӣ дар дарсҳои услубшиносӣ, инчунин забони тоҷикӣ ба донишчӯён чанд масъаларо гуфта гузаштанием. Дар боло қайд карда шуд, ки мақсади таълим дар муассисаҳои таҳсилоти миёна ва олии додани маълумоти илмӣ доир ба фан аст. Дар китобҳои дарсии мактабҳои олии, дар дастурҳои таълимию методӣ чун қоида дониши аллақай ба исботрасида, паҳлуҳои баҳснокиашон кам пешниҳод карда мешавад. Агарчи, донишчӯ вазифадор аст, адабиёти иловагии доир ба мавзӯ мавҷударо мустақилона хонда, мулоҳиза намояд, ғаёол гардонидани ӯ ҳангоми дарс муҳимтар аст. Яке аз роҳҳои ба тадқиқоти илмӣ ҷалб кардани донишчӯён низ ба миён гузоштани проблемаи баҳсталаби илмӣ аст. Ҳар як мавзӯе, ки дар дарс таълим дода мешавад, паҳлуи баҳсталаб ва ҳалношуда дорад. Агар муаллим ҳамин гуна мақолаҳо, ки ба масъалаи баҳсноки мавзӯ бахшида шудааст, пайдо намояд ва онро ба мавзӯ алоқаманд созад, аз ҳар гуна дарси лексионӣ самаранок хоҳад буд. Ин гуна мақола, бемуболиға, аз маводи пурраи китоби дарсӣ доир ба мавзӯ арзиши чандин қарат болотар дорад. Чунончи, дар дарси улубшиносӣ ҳангоми таълими мавзӯи «Меъёри забони адабӣ ва услубиёти он» истифодаи мақолаи Садриддин Айнӣ «Забони тоҷикӣ» (*мачаллаи «Раҳбари дониш».-1928.-№11-12*), ки имрӯз ба тифайли нашр гардидани ин мақола ва мақолаҳои дигари баҳсноки муҳаққиқон дар солҳои 20-уми асри ХХ доир ба забони тоҷикӣ (1) хеле муҳим аст. Ин мавзӯ аз мавзӯҳои аввалин дар таълими фанни услубшиносӣ аст. Барои ин муаллимро зарур аст, ки пеш аз ҳама, вазифаи мавзӯи мазкурро муайян кунад. Ривоҷ додани малакаҳои тадқиқотӣ мақсади як дарси аудиторӣ буда наметавонад (ниг.: 2). Мақсад аз кулли мавзӯҳо ё бобу фаслҳои алоҳида омада мебарояд ва дар дарсҳо пайи ҳам бо иҷрои қадам ба қадами вазифаҳои ҷудоғона мо ба он ноил мегардем (ин масъала мавзӯи баҳси дигар хоҳад буд). Аз ин рӯ, омӯзгорро лозим мешавад, ки пеш аз ҳама, вазифаи дарси мазкурро муайян кунад ва робитаи мавзӯро бо маводи мақолаи илмӣ ба мавзӯ пешниҳодшаванда пайдо намояд, донанд, ки қадом масъаларо дар маркази диққат қарор диҳад, то мулоҳизаронии донишчӯён маҳз ба ҳамон паҳлуи масъала оварда расонад.

Вазифаҳои мавзӯи мазкурро метавон чунин пешниҳод намуд. Донишчӯ дар охири ин дарс:

- дар зинаи дониш: мафҳуми меъёри забони адабиро медонад, мафҳуми шеваҳои забонро медонад, медонад, ки проблемаи забони адабӣ таърихи пайдоиш дорад;
- дар зинаи фаҳмиш: робитаи меъёри забони адабӣ ва қисматҳои забонро мефаҳмад;
- дар зинаи иҷро: аҳамияти риояи меъёри воҳидҳои забонро (фонема, калима, воҳидҳои наҳвӣ) шарҳ медиҳад, ба андешаҳои муаллифи мақола баҳои таҳлилии медиҳад.

Дарс бо саволгузории муаллим оғоз мешавад. Пеш аз гузоштани савол муаллим таъкид мекунад, ки танҳо фаҳмиши худатонро гӯед, аз ҳамдигар напурсед, ба додани ҷавоб саросема нашлавед, аввал

чавобатонро ба дафтар нависед, сипас баён кунед. Чавобхоро дар қолаби ифода, ибораҳои кӯтоҳ қайд кунед, ҷумла насозед, қоида набароред:

«1. Ба андешаи шумо меъёри забони адабӣ гуфта чиро меӯянд?»

Чавобҳои ғирфташуда дар тахтаи синф аз ҷониби муаллим пайи ҳам сабт карда мешаванд. Ҳамаи андешаҳо шунда мешаванд. Андешаҳои тақроршаванда ишора карда мешаванд, ки ин тақрор аст ва дар ин маврид ба саволи дигар гузаштан мумкин мегардад.

Барои фикр кардан ба донишҷӯён 3-5 дақиқа вақт ҷудо кардан кифоя аст. Дар ин ҷо низ ду чиз муҳим аст: Якум, муҳим аст, ки донишҷӯ дар дарси ин муаллим худро озод ҳис кунад. Раҳёфти муаллим характери авторитарӣ надошта бошад. Чавобҳои донишҷӯ мавриди танқид ва мазаммати муаллим ва донишҷӯени дигар қарор нагирад. Дуюм, суръати андешаронии донишҷӯён тезонида шавад. Маҳдудияти вақт таъкид карда шавад. Чавобҳои дар тахтаи синф сабтшуда ҳоло таҳлил карда, дуруст ё нодуруст гуфта намешаванд. 5-7 дақиқа барои навиштани чавобҳои донишҷӯён кифоя аст. Аз донишҷӯён хоҳиш карда мешавад, ки андешаҳои дар тахта навишташавандаро баробари муаллим нависанд.

Муносибат ба баррасии саволи дуҷумлӣ низ чунин аст.

«2. Меъёри забони адабӣ чӣ гуна муайян карда мешавад? Ҳангоми муайян кардани меъёри забони адабӣ чиро ба асос мегиранд?»

Ба ин тарик, 20-25 дақиқаи аввали дарс ба ин саволҳо бахшида мешаванд. 3 дақиқаи аввал барои қисмати ташкилии дарс кифоя аст. Шарт нест, ки муаллим ҳозирро ғойб кунад. Ин вазифаи муаллим нест.

Сипас, муаллим матни мақоларо ба донишҷӯён пешниҳод мекунад ва хоҳиш мекунад, ки онро хонда бароянд. Матни мақолаи Садриддин Айний, ки барои мулоҳиза пешниҳод карда мешавад, 6 саҳифаи ҷопи компютери андозаи 14 аст. Муаллим метавонад онро ихтисор кунад, ба андозаи 2-3 саҳифа. Аммо мо пешниҳод мекардем, ки се саҳифаи аввали он пурра ғирфта шавад, зеро, то ин ҷо қисми мантиқан назариявии мақола аст, аз аввал то ин ҷумла: «Дар ин ҳол як атоми нимсаводи тоҷик ё як муаллими камқуввати тоҷик ин гуна китобхоро чӣ гуна фаҳмида метавонад?»

Аммо ба донишҷӯён матн қисм - қисм хонда ё дар қоғаз пешниҳод карда шуда, таъкид мешавад, ки танҳо аз аввал ин қисматро хонда бароянд:

«Аз рӯи шунда, дар болои хостани забон дар адабиёти нави навиштаи тоҷик ду фикри асосӣ меравад: яке, қабул кардани забони умумии форсӣ, ки аз он ҳамаи форсизабонони ҷаҳон ғойда бурда тавонанд, дигаре, забони содаи атоми тоҷик.

Қасоне, ки тарафдори фикри авваланд, меӯянд; адабиёт ва матбуоти тоҷикӣ қорандаи тухми инқилоб дар шарқи форс аст. Агар мо забони адабиёти нави тоҷикро ба забони содаи тоҷикӣ баста монем, вазифаи байналмилалӣ худро адо карда наметавонем.

Қасоне, ки фикри дуввумро пеш меронанд, меӯянд; вазифаи аввалини мо равшан кардани фикри атоми тоҷик, паҳн кардани илм ва дониши шӯроӣ дар байни оммаи тоҷик ва оммаи кардани инқилоби маданӣ дар байни тоҷикон аст. Агар мо байналмилалӣ мекунем гуфта, забони адабиёти тоҷикро аз доираи тоҷикон берун барорем, қисми атоми тоҷик аз ғизои дониш маҳрум мегардад».

Сипас, чунин саволгузори кардан мумкин мегардад: **«Шумо ҷонибдори қадом андеша ҳастед? Фикри аввал ба шумо писанд аст ё фикри дуюм? Марҳамат, ба шумо 5 дақиқа вақт, фикри худро асоснок кунед».** Интиҳобан, шундаи 3-4 фикр дар худуди 7-10 дақиқа кифоят аст. Сипас, хондани идомаи матн то охир хоҳиш карда мешавад. Барои пурра хондан ва мулоҳиза кардани ин матн 10 дақиқа басандагӣ мекунад. Пас аз хониши қисмати боқимондаи матн аз донишҷӯён пурсида мешавад, ки мисолҳои дар мақола овардашуда ба қадом қисматҳои забон дахл доранд. Барои ин фаъолият низ ҷудо кардани 5-7 дақиқа басанда аст. Дар матн мисолҳо аз қисмати фонетика, калимашиносӣ, калимасозӣ ва шаклсозӣ (морфология), иборасозӣ ва ҷумлабандӣ (наҳв) оварда шудаанд. Ҳангоми зарурат донишҷӯён ба он раҳнамоӣ карда мешаванд, ки дар ҷор сатҳи проблемаи забони адабӣ мулоҳизаронӣ кардани муаллифи мақола нишон дода шавад (яъне, фонетика, калимасозӣ ва шаклсозӣ, наҳв).

Дар охир 20-25 дақиқаи дарс ба фаъолияти бевоситаи тадқиқоти донишҷӯён ҷудо карда мешавад. Савол барои фаъолияти муваққилана метавонад чунин бошад: **«Меъёри забони адабӣ ба қадом қисматҳои забон дахл дорад? Оё ҳамаи воҳидҳои забон: фонема, калима, воҳидҳои наҳвӣ ба маҳаки меъёри забони адабӣ ҷен карда мешаванд? Марҳамат, мулоҳизаҳои худро хаттӣ сабт кунед, ба шумо 15 дақиқа вақт дода мешавад»**

Дар 10 дақиқаи боқимондаи вақт 2-3 нафарро интиҳобан пурсидан мумкин аст. Дарси оянда бошад, бевосита бо лексияи муаллим дар бораи «Меъёри забони адабӣ ва шеваҳои забони тоҷикӣ» оғоз мегардад. Донишҷӯён дар асоси донишҳои ҳосилкардаи худ дар атрофи мавзӯ баҳси нав ташкил карда метавонанд. Умуман, вобаста ба мавзӯ маводи назариявиро аз сарчашмаҳои гуногун (адабиёти

илмии тавсияшаванда дар атрофи мавзӯ) бо усулҳои гуногун: рӯзномаи дубахша, диаграммаи Вен, инсерт (бо ин усулҳо низ дар оянда мавод пешниҳод хоҳад гашт) пешниҳод кардан мумкин аст.

АДАБИЁТ

1. Забони тоҷикӣ дар маърази баҳсо. Маҷмӯаи мақолаҳо. Мураббон Шақурӣ М., Одинаев Н.-Душанбе, 2006.-54бс.
2. Интерактивные методы обучения и преподавания. Составители: Сафин Д., Мусина Р., Мухтори К. и др.-Душанбе, 2006.-37бс.
3. Лазарева И.А. Возможности повышения качества учебного процесса при использовании методов активного обучения. // Инновации в образовании.-2004.-№3.-с.52-60.
4. Подлатов Ю.Г. К вопросу о психолого-педагогической диагностике преподавателей военного вуза// Инновации в образовании.-2004.-№3.-С.83-86.
5. Пугачевский О.О. Психологические основы организации активного обучения в системе повышения квалификации педагогических работников// Инновации в образовании.-2004.-№3.-с.87-103.
6. Чернилевский Д.В. Дидактические технологии в высшей школе. -М.: ЮНИТИ, 2002.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МЕТОДОВ РАЗВИТИЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ МЕТОДОВ НА УРОКАХ ТАДЖИКСКОГО ЯЗЫКА ДЛЯ СТУДЕНТОВ

В статье предложены интерактивные методы преподавания таджикского языка с использованием научных статей как наглядного материала по теме урока. Авторами тщательно распределено временно-процессуальный ход занятия.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: язык, интерактивные методы, диагностика, обучение, преподавание, метод, навыки, знания.

USAGE OF METHOD OF IMPROVING RESEARCH SKILLS DURING LANGUAGE TEACHING

Such kinds of articles are in great demand not only for student, but for teachers too, because the present article is full of useful advices. Using many scientific literatures the authors showed the significance of present method in teaching language in higher schools, and gave some useful practical exercises. It will be a producible teaching manual for teachers.

KEY WORDS: language, interactive methods, diagnostics, training, teaching, methods, skills, knowledge.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ: К. Мухтори – доцент кафедры стилистики и литературного редактирования факультета таджикской филологии Таджикского национального университета.

С.Низомова - доцент кафедры стилистики и литературного редактирования факультета таджикской филологии Таджикского национального университета.

ВИДЫ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ С НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫМ КОМПОНЕНТОМ СЕМАНТИКИ

М.Х. Ходжиева

Таджикский государственный институт языков им. С. Улугзаде

В последнее время появились многочисленные работы, в которых выявляются и исследуются факты отражения в языке культурной специфики народа. Изучение лексических единиц с точки зрения отражения в них национально-культурных особенностей позволило исследователям выделить в их семантике особую социально-культурную сему или «культурный компонент». [Комлев (1969), Верещагин, Костомаров (1990), Томахин (1980)].

Возникшая новая семантическая структура фразеологизма зависит от экстралингвистических факторов. Следовательно, во фразеологии наиболее ярко отражается своеобразие жизни и быта того или иного народа. Предметом фразеологии как раздела языкознания являются исследования категориальных признаков фразеологизмов, на основе которых выделяются основные признаки фразеологичности и решается проблема сущности фразеологизмов как особых единиц языка. Во фразеологии закрепляются и передаются результаты культурного, национального, исторического опыта народа. Фразеология, обладая «культурной памятью», воздействует на воспроизведение культурных традиций носителей языка, а также на формирование национально-культурного менталитета.

Изучение русской фразеологии в этнологическом плане представляет большой интерес. У разных народов множество излюбленных устойчивых единиц, отражающих представление о разных сторонах жизни, особенностях исторической судьбы, представляющих национальный быт, традиционную народную культуру.

Большое значение для этнолингвистики приобретают фразеологизмы, в которых присутствуют ярко выраженный национально-культурный компонент семантики. Исследование проблемы существования особого компонента в значении слова интересует русских лингвистов уже на протяжении нескольких десятилетий [Н.Г. Комлев, О.С. Ахманова, Г.Д. Томахин].

Национально-специфичным компонентом Н.Г. Комлев называет «слово, отражающее предмет или явление действительности определённого социума, которая не только означает его, но и создаёт при этом культурный фон» [Н.Г. Комлев (1969)]. В семантике такой единицы содержится компонент, фиксирующий именно данный социальный фон, в котором слово существует.

Вопрос отбора и классификации единиц с национально-культурным компонентом семантики тесно связан с проблемой реалий. Термин «реалия» используется в лингвистике, литературоведении, переводоведении и лингвострановедении. Различные подходы к трактовке реалий привели к возникновению большого количества слов-терминов, используемых для обозначения сходных с реалиями явлений.

О реалиях С. Влахов и С. Флорин говорят как об особой категории средств выражения. Это «слова и словосочетания, называющие объекты, характерные для жизни одного народа и чуждые другому, которые, будучи носителями национального и исторического колорита не имеют точных соответствий в других языках». [С. Влахов и С. Флорин (1980)].

Другое определение реалий даёт В. Россельс: «Реалия – предмет, понятие, явление, характерная для истории, культуры, быта, уклада того или иного народа, страны, не встречающееся у других народов. Реалия также как и слово, обозначает предмет, понятие, явление. Реалия представляет также фразеологизмы, пословицы, поговорки, присловия» [В. Россельс (1955)].

А.В. Фёдоров пишет о словах, «обозначающих реалии общественной жизни и материального быта», то есть таких, которые обозначают «чисто местное явление, которому нет соответствия в быту и в понятиях другого народа», а в другом месте предлагает обозначать их как «названия - реалии» или «слова- реалии» [А.В. Фёдоров (1983)].

Большинство авторов отмечают, что именно взаимозависимость языка и культуры определяет появление национально-культурного компонента значения слова.

Термин «единицы с национально-специфичным компонентом значения» предусматривает сравнение с семантической системой другого языка и позволяет увидеть особенности мироведения определённой нации, которое отражает исторические, географические и прочие реалии данного народа.

Фразеологизмы НСК можно классифицировать по ряду особенностей:

1. По способу выражения НСК – всем составом фразеологизма или только отдельным лексическим компонентом;

2. По наличию в его составе лексемы с НСК;

3. По лексико-семантическим группам слов с НСК.

Для классификации фразеологических единиц с НСК можно выделить следующие фразеологизмы:

1. Фразеологические единицы, не имеющие в своём составе лексем с НСК, но отражающие национально-специфические понятия всем своим составом (*пошёл берёзки считать*).

2. Фразеологические единицы, включающие лексемы с НСК и одновременно передающие национально-специфические понятия всем своим составом (*свадебный караван*).

3. Фразеологические единицы, включающие лексемы с НСК, но не передающие всем своим составом национально-специфическое понятие, это т.н. фразеологические единицы, которые могут иметь эквиваленты фразеологического или лексического характера в других языках (*ломаного гроша не стоит*).

Такие группы фразеологизмов, возможно, выделить только при сопоставлении конкретных языков, потому что возможность подбора эквивалентов предопределена особенностями конкретных языковых систем, опирающихся на определённые этно-специфические языковые картины мира.

Однако, до настоящего времени нет полной и непротиворечивой классификации всех национально-специфичных слов, хотя о видах реалий, об их делении по тем или иным признакам писали многие известные учёные - лингвисты.

Внутри каждой группы ФЕ можно выделить тематические подгруппы единиц с НСК. В группу ФЕ, не имеющих в своём составе лексем с НСК, но отражающих национально-специфические понятия всем своим составом, можно включить, например, такие единицы, как «*хлеб-соль*».

У многих народов хлеб и соль были и остаются важными продуктами питания, и их нельзя отнести к реалиям быта именно русского народа, однако именно у славян они стали ритуальными атрибутами. Хлеб и соль – традиционный символ гостеприимства и радушия на Руси.

Группа ФЕ, отражающих национально – специфические понятия всем своим составом, достаточно многочисленна. Богатая история русского народа ярко представлена в устойчивых выражениях, например, от эпохи борьбы с татаро-монгольским игом осталась пословица «*нежданный гость хуже татарина*».

Каждый народ имеет ряд своих традиционных примет, суеверий, которые понятны лишь носителям данной культуры. Примером этого может служить русская ФЕ «*Чёрная кошка дорогу перебежала*» (началась полоса неудачи, несчастий), а также «*чёрная кошка дорогу перебежала между кем-либо*» (произошла ссора, размолвка). Эти выражения восходят к распространённому суевию древности – наделять «злых духов», колдунов, ведьм способностью воплощаться в черную кошку или зайца.

ФЕ, не имеющие в своём составе слов с НСК, отражают национально-специфические понятия, связанные с обычаями, приметами.

В группу ФЕ, не включающих лексемы с НСК и одновременно передающих национально-специфические понятия всем составом, в качестве стержневого компонента которых содержатся географические реалии, можно отнести следующие ФЕ, например: «*Велика Россия, а отступать некуда: позади Москва*». Использование лексемы «Москва» в ФЕ связано с историческим фактом: в октябре-ноябре 1941 года дивизия под командованием генерала И.В. Панфилова вела оборонительные бои под Москвой. Оразив многочисленные атаки врага, почти все солдаты-панфиловцы погибли, но не пропустили фашистские войска к Москве.

«Москва... как много в этом звуке...» представляет собой цитату из романа в стихах А.С. Пушкина «Евгений Онегин» и имеет семантику - особое значение Москвы в истории страны, в жизни каждого русского человека.

Оборот «Свадебный каравай» содержит в качестве основного компонента лексему «каравай» - традиционный каравай хлеба с солью, подаваемый молодоженам во время свадьбы и связан с ритуально-обрядовыми действиями на русской традиционной свадьбе.

Значительный пласт в русском языке составляют ФЕ исторического характера, включающие лексемы с НСК и одновременно передающие национально-специфические понятия всем своим составом. Группа ФЕ, своей образностью восходящих к неким историческим фактам, представляет значительный интерес в плане сопоставления и отражения наиболее важных событий истории страны во фразеологии. Данные фразеологизмы имеют в качестве стержневого компонента экзотизм (*царедворец, царство, помещик, кабала, вече* и др.) Например, выражение «*лукавый царедворец*» из трагедии А.С. Пушкина «Борис Годунов» (1825) закрепилось в языке как устойчивое, характеризующее хитрого, ловкого человека, умеющего всегда угодить начальству.

Выражение «*тёмное царство*» - это атмосфера самодурства, косности стало известным после появления в печати статьи Н.А. Добролюбова «Тёмное царство» (1859-1860), посвящённой произведениям А.Н. Островского, который описал быт купеческой России.

Фразеологический оборот «*попадать в кабалу к кому-либо*» обозначает оказываться в подчинённом, зависимом положении у кого-либо. В Древней Руси *кабалой* называлось долговое обязательство, письменный документ о займе или закладе имущества. В кабальной записи предусматривалось, что в случае, если должник не погасит долга, заимодавец превращает его в крепостного. В русский язык слово кабала пришло из татарского со значением «*заемная записка*».

Развитие общества, различные социально-экономические процессы, протекающее в нём, находят своё отражение в языковой системе, чутко реагирующей на малейшие изменения в окружающей действительности.

Следствием этого становится возникновение неологизмов, обозначающих новые реалии. Переломные эпохи характеризуются большим количеством новообразований, возникающих в лексике тех сфер общественной жизни, которые претерпевают наибольшие изменения. Часть из них впоследствии уходит из активного словоупотребления, становясь признаком той эпохи, которая их породила. При этом исчезают из нашей речи не отдельные слова, а словообразовательные цепочки.

Е.Д. Поливанов отмечал, что «лексика (с фразеологией) – единственная область языковых явлений, где само содержание культуры отражается более или менее непосредственно. Вот почему здесь быстрее всего (даже в пределах языка одного и того же поколения) может обнаружиться результат социально-экономической мутации» [Е.Д. Поливанов (1968)].

Фразеологизмы с личными именами собственными составляют значительный пласт идиоматического фонда любого языка. К данной группе фразеологизмов можно привести примеры из подгруппы с личными именами собственными простых людей в русском языке.

Фразеологизм «*наготовить как на Маланьину свадьбу*» означает очень много (о еде, угощении) и восходит к старинному народному обычаю, связанному с празднованием Нового года. *Маланьина свадьба* – это нечто вроде символической встречи Старого и Нового года; выражение «*наготовить как на Маланьину свадьбу*» первоначально значило «*заготовить столько еды, сколько наготовит хорошая хозяйка в канун Нового года*».

В литературных произведениях имена собственные могут приобретать независимое употребление, становясь символом. Для более глубокого понимания таких фразеологизмов необходимо знание содержания произведения. «Базаров» - так называют тех представителей разночинно-демократической интеллигенции 60-х годов XIX века, которые вступили в резкую идеологическую борьбу с либерально-дворянской интеллигенцией предшествующего поколения; (также Обломов, Манилов, Молчалин и др.).

Таким образом, ФЕ, включающие лексемы с НСК и одновременно передающие национально-специфические понятия всем своим составом, несут в себе важную лингвострановедческую информацию.

Весь объем значения таких единиц является культурно маркированным. Их культурное содержание определяется исключительностью их значения.

В русском языке национально-специфические ФЕ, имеющие в своем составе лексемы с НСК, чаще всего выражают универсальные понятия. К этой группе можно отнести ФЕ, которые имеют в своем составе географические реалии. Например: «*В Тулу со своим самоваром не ездят*» имеет значение «с собой не следует брать то, чем славится то место, куда направляются», так как Тула – крупный промышленный город недалеко от Москвы, старейший центр металлургии. До революции славился производством оружия и металлургических изделий домашнего обихода, в частности, самоваров.

«*Язык до Киева доведет*» обозначает, что расспросы помогут найти то, что надо. Как известно, Киев был столицей первого русского государства – Киевской Руси. После принятия христианства на Руси, в Киеве стали строиться церкви и монастыри. Со всех уголков русской земли шли сюда молиться, и считалось, что Киев всем известен, что можно дойти до него, даже не зная дороги, а только расспрашивая о ней у встречных.

Выражение «*Сирота казанская*» имеет значение «человек, притворяющийся несчастным, обиженным, беспомощным, чтобы вызвать сочувствие жалостливых людей».

Реалия в составе ФЕ и паремий может означать некий предмет быта, свойственный только данному народу или несущий отличную от других национальных культур смысловую нагрузку, но при этом сами ФЕ и паремии могут обозначать универсальные понятия. Такого рода стержневые компоненты можно встретить в следующих устойчивых выражениях: «*лыка не вяжет*» – очень пьяный человек, не способный координировать свои движения и связно говорить.

Фразеологизм «*тянуть канитель*» употребляется в значении медленного, нудного, затяжного дела, досадной потери времени. Данное выражение – бывший термин мастеров золотошвейного дела. В старину медные, золотые и серебряные нити для изготовления церковных риз, офицерских эполет и для вышивки по бархату изготавливали вручную, кустарным способом: раскаляли металл и осторожно выпягивали клещами тонкую проволоку, которая называлась канитель. Процесс этот был длительным и кропотливым – отсюда и переносное значение этого выражения.

Исконно русское выражение «*дым коромыслом*» о большом шуме, гаме, беспорядке, суматохе и ссоре в каком-либо помещении отражает специфику отопления русской избы, которая строилась без трубы. Дым из печи шел прямо в избу, выходя через волоковое окно или дымоволок в сенях. В зависимости от погоды дым шел либо прямо вверх (столбом), либо выходил клубами, а потом выгибался дугой (коромыслом) [Фелицина Мокиенко (1990)].

Национально-культурный компонент, передаваемый расчлененно, элементами состава ФЕ, фиксирует в языке важность реалий, описывающих быт народа.

Национальные блюда всегда являлись визитной карточкой того или иного народа. Реалии, обозначающие наименования блюд, популярных в том или ином народе, обоснованно причисляются учеными к «национальным реалиям» [Влахов, Флорин (1980)].

Наличие в ФЕ такой реалии порой бывает достаточно, чтобы породить ассоциации, связанные с данным народом и данной страной. Для русского народа выделяем реалии «*калач*», «*квас*», «*кисель*», «*щи*», «*блины*» и т. д.

«*Тёртый калач*» говорят одобрительно или иронично об опытном, бывалом человеке, которого трудно обмануть.

Выражение «*калачом не заманишь*» означает «никакими уговорами, никакими средствами не заставить кого-либо зайти или заехать куда-либо».

Квас – национальный русский напиток, приготовляемый на воде из хлеба или сухарей с солодом. Хлеб и квас были «минимумом питания» в крестьянской России. С этим национальным русским напитком связан ряд пословиц и поговорок: «*Перебиваться с хлеба на квас*» жить в крайней бедности; «*Часом с квасом, порой с водой*» – впроголодь и др.

В соответствии с современными направлениями в лингвистике изучение фразеологии возможно с новых позиций, позволяющих рассматривать ФЕ как специфическую языковую единицу, семантика которой осуществляет диалектическую связь языковой и внеязыковой действительности.

Выявлению слов с национально – специфичным компонентом значения, способствует сравнительно – сопоставительный метод. В качестве единиц фигурируют те факты действительности, которые объективно присутствуют только данной этнокультурной общности.

Национально - культурная специфика проявляется, особенно в словах с ярко выраженной коннотацией, понятиях, относящихся к безэквивалентной лексике. Однако, это тема специального исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Влахов С. и Флорин С. «Непереводимое в переводе». М., 1980.

2. Верецагин Е.М., Костомаров В.Г., «Лингвострановедческая теория слова». М., 1980.
3. Верецагин Е.М., Костомаров В.Г., Язык и культура. М., 1990.
4. Воробьев В.В. Лингвокультурология. Монография. М., 2006.
5. Воробьев В.В. Лингвокультурология. Теория и методы. М., 1997.
6. Комлев Н.Г. «Компоненты содержательной структуры слова». М.; 1969.
7. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. М., 2008.
8. Поливанов Е.Д. Статья по общему языкознанию. М.; 1968.
9. Россельс В. Перевод и национальное своеобразие подлинника// Вопросы художественного перевода. М., 1955.
10. Фёдоров А. В. Основы общей теории перевода. М., 1983.
11. Фелицына В.П., Мокшенико В.М. Русские фразеологизмы. М., 1990.

ВИДЫ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ С НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫМ КОМПОНЕНТОМ СЕМАТИКИ

В предлагаемой статье рассматриваются некоторые аспекты изучения фразеологизмов с национально-специфичным компонентом, а также лексических единиц с точки зрения отражения в них национально-культурных особенностей.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: этнолингвистика, национально-специфичный компонент, культурный фон, переводоведение и лингвострановедение, национально-культурные особенности, фразеологические единицы.

KINDS OF PHRASE LOGICAL UNITS WITH A NATIONAL-CULTURAL COMPONENT OF SEMANTICS

Recently there were numerous works in which the reflexion facts in language to cultural specificity of the people come to light and investigated. Studying of lexical units from the point of view of reflexion in them national-cultural features has allowed researchers to allocate in their semantics special welfare to this or? A cultural component? A phrase logical unit? To pull bother? It is used in value of slow, tiresome, long business, annoying time losses.

KEYWORDS: the ethno linguistics, national-specific component, cultural background, national-cultural features, phraseological units.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: *М.Х. Ходжаева* – старший преподаватель кафедры русского языка Таджикского государственного института языков им. С. Улугзаде. **Телефон:** 935-36-82-62

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ И МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ

А.А. Нозимов

Таджикский государственный институт языков им. С. Улугзаде

Современное общество остро нуждается в осмыслении коммуникативных процессов, происходящих в нем. С одной стороны, необходимо исследовать тенденции, которые способствуют объединению цивилизаций, народов и культур, с другой стороны, нуждаются в осмыслении фактов, обуславливающих сохранение национальной идентичности культур в условиях их тесного взаимодействия. В обществе, культуре и языке в равной мере наблюдаются обе тенденции – к обособлению и унификации, и обе они в равной степени актуальны для исследования.

Большинство стран мира сейчас являются мультикультурными и степень их мультикультурности в условиях глобализации постоянно повышается, что ставит на повестку дня научное осмысление этого явления в рамках лингвокультурологии, а также исследование его лингвокультурных последствий.

Значительная часть коммуникативных процессов в мире приходится на межкультурное общение, что создает немалые трудности для сторон, в нем участвующих. Это обстоятельство также свидетельствует о важности исследований в интегрированной сфере культуры и коммуникации.

В последнее время закономерно возрастает интерес исследователей к проблемам межкультурной коммуникации, лингвокультурологии, национального менталитета и коммуникативного поведения, другим аспектам диады «язык и культура». «... Язык не существует вне культуры... Как один из видов человеческой деятельности, язык оказывается составной частью культуры, определяемой как совокупность результатов человеческой деятельности в разных сферах жизни человека: производственной, общественной, духовной» [Тер-Минасова 2000, 15]. Именно потому, что язык является составной частью культуры, вопросы, связанные с культурно-обусловленными законами языкового общения, входят в сферу лингвокультурологии, которая, в свою очередь, является частью лингвокультурологии.

Термин «лингвокультурология» появился в 90-е годы XX века в работах отечественных лингвистов Н.Д. Арутюновой, В.В. Воробьева, В.А. Масловой, Ю.С. Степанова, В.Н. Телия и других исследователей, что стало важной приметой интегративных процессов в отечественной гуманитарной науке. Установлению тесной связи языка и культуры посвящены многочисленные работы С.Г. Тер-Минасовой.

Лингвокультурный подход представлен в трудах таких отечественных ученых, как Н.Л. Грейдина, В.И. Карасик, Ю.Н. Караулов, О.А. Леонтович, Г.Г. Слышкин, И.А. Стернин, М.А. Стернина, Н.В. Уфимцева и др. Лингвокультура изучается с позиций лингвистики, психолингвистики, социолингвистики, лингводидактики.

Традиционный для лингвистики взгляд на соотношение языка и культуры «заключается в попытке решить лингвистические задачи, используя некоторые представления о культуре» [Маслова 2004, 9]. А.Т. Хроленко считает, что лингвокультурология ориентирована на выявление связей между языком, этническим менталитетом и культурой, причем любой из трех феноменов может быть исходной точкой анализа – «выбор зависит от профессиональной ориентированности исследователя» [Хроленко 2006, 28].

По мнению некоторых учёных, лингвокультурология – не является частью лингвистики, изучающей язык сквозь призму культуры. Представляется очень важным, что язык служит для лингвокультурологии не объектом изучения, но «зеркалом», «копилкой», «носителем» и «инструментом» культуры, и её интересует то, какие элементы культуры и каким образом отражаются, хранятся, передаются и формируются с помощью языка.

Лингвокультурология рассматривается нами как особый раздел культурологии, изучающий отражение культуры в языке и использующий языковой материал для исследования явлений культуры. Следует подчеркнуть, что материал исследования в лингвокультурологии не исчерпывается языковым: она изучает также другие формы социального взаимодействия, имеющие значение для данной культуры: различия коммуникативного поведения, ритуалы, стратегии вежливости, невербальные знаки. Методология лингвокультурологии находится в процессе становления. До сих пор не определён научный статус лингвокультурологии как науки, не сформулированы цели и задачи этой науки, не выявлена специфика основных лингвокультурологических понятий, в достаточной степени не исследованы с культуроведческой точки зрения формы совместного хранения языка и культуры в сознании.

«В качестве особых языков в культуре задействованы и акты человеческого поведения, имеющие высокую информационную значимость, и художественные образы в разных видах искусства, и специальные церемониальные, ритуальные и обрядовые ситуации, совершаемые по особому сценарию, ... и символические черты любых продуктов материальной деятельности человека» [Флиер 2000, 253].

Лингвокультура как часть культуры народа, представляющая собой совокупность явлений культуры и явлений языка, взаимосвязанных друг с другом и отраженных в сознании отдельной личности, должна изучаться лингвокультурологией как с точки зрения ее проявления в процессах коммуникации, так и с точки зрения ее формирования.

Лингвокультурная компетентность является частью культурной компетентности личности, проявляется в общении и представляет собой совокупность взаимосвязанных представлений об общих нормах, правилах и традициях вербального и невербального общения в рамках данной лингвокультуры. Лингвокультурная компетентность включает институциональный, конвенциональный, семиотический и лингвистический

Многообразие существующих концепций культуры связано с различием подходов к ее изучению, разнообразием научных интерпретаций этого явления в рамках гуманитарных дисциплин – философии, социологии, психологии, лингвистики. В работе предлагается широкое антропологическое понимание культуры как набора артефактов, обязательных и приемлемых форм поведения, а также представлений и ценностных ориентаций (т.е. всего, что люди имеют, делают и думают как члены некоторого сообщества). Для дальнейшей разработки положений лингвокультурологии особенно важными являются нормы и правила коммуникативного поведения, связанные с ценностными представлениями, убеждениями и верованиями, а также их сходства и различия, особенно остро проявляющиеся во взаимодействии культур.

В мультикультурных обществах, таких как США и Россия, действуют две противоположные тенденции: культурной диверсификации и ассимиляции, единство и борьба которых принимают различные формы и во многом формируют векторы развития общества. Рассмотрение указанных тенденций важно как в теоретическом плане – для дальнейшего осмысления категорий культурологии, так и в практическом – для формулирования национально-культурной политики современной России.

Изучение проявлений мультикультурализма важно также для формирования межкультурной компетентности у носителей русской культуры, особенно молодежи. На уровне вербального поведения перенос части правил языкового такта, характерных для англоязычных культур, в русскую лингвокультуру позволит избежать вербальной агрессии и дискриминации по расе, национальности, полу, возрасту и физическим данным.

Различие между культурной компетентностью и лингвокультурной компетентностью – это различие части и целого: лингвокультурная компетентность – это та часть культурной компетентности, которая ответственна за коммуникативное поведение личности в рамках данной лингвокультуры. При этом стратегии коммуникативного поведения гораздо шире понятий «речь» и «дискурс», т.к. включают цепочки культурно-обусловленных вербальных и невербальных действий, в свою очередь состоящих из знаков разного типа,

поэтому они заметно выходят за рамки языковых явлений, изучаемых лингвистикой. За рамки лингвистики выходят и ценностные представления, нормы, правила, относящиеся к области культуры и определяющие выбор коммуникативных стратегий. Из этого следует, что лингвокультурная компетентность есть феномен культуры, а не феномен языка.

Лингвокультурная компетентность может быть присуща членам различных субкультур (социальных, профессиональных, возрастных и пр.) внутри национальной культуры, однако чаще приходится иметь дело с национальной лингвокультурной компетентностью.

Национальная лингвокультурная компетентность обретается отдельными субкультурами и отдельными индивидами в том объеме, который они в состоянии и имеют возможность усвоить и который они считают необходимым и достаточным для общения внутри и за пределами данной национальной общности. Лингвокультурная компетентность личности как ментальная сущность подлежит теоретическому (культурологическому, лингвистическому и дидактическому) осмыслению.

В сложном понятии национальной лингвокультурной компетентности исследователи выделяют несколько составляющих: институциональную компетентность (знание о политических и правовых институтах общества); конвенциональную компетентность (знание обычаев, традиций и этикета); семиотическую компетентность (знание разного рода символов, присущих данной культуре, например, символов социальной престижности); коммуникативную компетентность (владение культурно-обусловленными нормами вербального и невербального общения), включающую лингвистическую компетентность (владение языком в нескольких его социальных вариантах: устным и письменном, официальном и разговорном, профессиональном и политическом и т.п.).

Степень владения перечисленными составляющими в значительной мере определяет лингвокультурную компетентность личности. Не вызывает никакого сомнения, что в наибольшей степени всеми составляющими национальной культурной компетентности владеют так называемые интеллектуалы, или – интеллигенция). Интеллектуалы представляют собой доминантную субкультуру, которая стремится, но не всегда может стать общенациональным образцом. Интеллектуалы – это сравнительно небольшая группа образованных и эрудированных людей, мотивированных на рефлекссию и формулирование правил, ценностей и норм человеческого общежития. Ни в одном обществе они не составляют большинства даже в городской культуре, тем более в Таджикистане, где до сих пор не сформировался так называемый средний класс, в котором, как правило, и существуют интеллектуалы – врачи, преподаватели, менеджеры, адвокаты и т.п., т.е. служащие, доход которых позволял бы им не только работать для заработка, но также потреблять, обрабатывать и производить интеллектуальную информацию. Тем более ответственна миссия таджикской интеллигенции по сознательному формулированию ценностных ориентаций и внедрению в более широкие слои населения всех форм культурной и лингвокультурной компетентности в изменившейся социально-политической и экономической обстановке.

Задача интеллигенции в период экономической и политической нестабильности – сохранить мировые достижения культуры и передать их следующим поколениям. Гуманитарные дисциплины – культурология, лингвокультурология, регионоведение, межкультурная коммуникация – важнейшая среда для осуществления этой миссии в науке и образовании.

Структура лингвокультурной компетентности как явления сознания включает две составляющих: интракультурную компетентность – знание норм, правил и традиций собственной лингвокультурной общности, и межкультурную (или интеркультурную) компетентность – знание общих лингвокультурных норм, правил и традиций другой лингвокультурной общности. У носителя конкретной лингвокультуры та или иная составляющая может быть представлена более или менее объемно; в процессе обучения, культурного, социального, лингвистического развития личности их содержание и соотношение могут меняться.

Носитель культуры и языка может обладать межкультурной компетентностью трех уровней – низкого, среднего и высокого.

Носители культуры и языка, у которых преобладают стереотипные представления о другой лингвокультуре, не подкрепленные практическим общением с ее представителями, демонстрируют низкий уровень межкультурной компетентности, реализующийся в отсутствии или крайней ограниченности коммуникативных компетенций.

Носители культуры и языка, профессионально изучающие иностранный язык, имеющие опыт специального изучения другой лингвокультуры и опыт общения с ее представителями (непосредственный или опосредованный книгами, фильмами и т.п.), представляют средний уровень межкультурной компетентности, реализуемый в ограниченном наборе коммуникативных компетенций (например, бытовая и профессиональная).

Высокий уровень межкультурной компетентности свойственен людям, которые свободно владеют родным и иностранными языками, имеют достаточно обширные знания и опыт общения как минимум в двух

лингвокультурах, практически знакомы с обеими лингвокультурами, владеют разнообразными межкультурными коммуникативными компетенциями.

Лингвокультурные коммуникативные компетенции – это знания, необходимые и реализуемые в конкретных коммуникативных сферах и ситуациях в форме конкретных речевых высказываний или конкретного коммуникативного поведения и обусловленные той частью лингвокультурной компетентности, которая была усвоена данной субкультурой или личностью. Лингвокультурные коммуникативные компетенции формируются из личного опыта общения, а также в процессе обучения конкретному виду общения на родном или иностранном языке (деловому, академическому, повседневному, профессиональному, устному, письменному и пр.). Лингвокультурные коммуникативные компетенции являются предметом изучения лингводидактики. Разграничение понятий и терминов представляется важным для дальнейшего развития концептуальной базы лингвокультурологии как самостоятельной области исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – М.: Гнозис, 2004.
2. Лотман Ю.М. История и типология русской культуры. С.-Петербург: Искусство-СПб, 2002.
3. Маслова В.А. Лингвокультурология. – 2-е изд. – М.: Академия, 2004.
4. Слышкин Г.Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. – М.: Академия, 2000.
5. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация: (Учебное пособие). – М.: Слово, 2000. Тер-Минасова С.Г. Война и мир языков и культур: вопросы теории и практики. – М.: АСТ, 2007.
6. Флиер А.Я. Культурология для культурологов. – М.: Академический Проект, 2000.
7. Хроленко А.Т. Основы лингвокультурологии. – М.: Флинта, 2006.

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ И МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ

В данной статье автором подвергнута исследованию проблемы связанные с деятельностью языков в межкультурной коммуникации и трудности формирования языковых и культурных связей, которые создают возможности успешного обеспечения межкультурных связей и являются предметом изучения лингводидактики. Лингвокультурные коммуникативные компетенции – это знания, необходимые и реализуемые в конкретных коммуникативных сферах и ситуациях в форме конкретных речевых высказываний или конкретного коммуникативного поведения и обусловленные той частью лингвокультурной компетентности, которая была усвоена данной субкультурой или личностью.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: лингвокультурология, межкультурная коммуникация, лингвокультурные коммуникативные компетенции.

LINGUOCULTUROLOGY AND INTERCULTURAL COMMUNICATION

In the article examined range of issues related to the functioning of languages in a multicultural environment, with the problem of the formation of linguistic, cultural communicative skills, enabling successful communication and dialogue between cultures that is the subject of study linguodidactics.

The article characterized the novelty of the approach to solving the problems of studying various spheres of human communication in the native and foreign language (business, academic, daily, orally, in writing, etc.).

KEY WORDS: linguoculturology, intercultural communication, multicultural environment, functioning of languages,

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: *А.А. Нозимов* – кандидат филологических наук, проректор по науке Таджикского государственного института языков им. С. Улугзаде.

ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ: АСПЕКТЫ ДЕФИНИЦИИ И ПРОБЛЕМА ИХ РАЗГРАНИЧЕНИЯ (СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОГО, РУССКОГО И ТАДЖИКСКОГО ЯЗЫКОВ)

А.Ш. Шарипов, М.М Саидов

Худжандский государственный университет им. Б. Гафурова

Язык, являясь важным средством человеческого общения, одновременно выступает носителем национально-культурной семантики, отражающей особенности природы, характер экономики и общественного устройства страны, особенности быта, обычаев и историю народа. «Она присутствует на всех уровнях языка, но наиболее ярко проявляется в пословицах и поговорках, которые непосредственно и прямо отражают внеязыковую действительность, называют предметы, явления и ситуации окружающего нас мира». (Верещагин/Костомаров 1983; 1988; 1989).

Пословицы и поговорки (далее: Посл. и Пог.), являясь результатом длительного развития, фиксируют и передают от одного поколения другому сведения об общественной жизни людей, о всех сферах деятельности человека со сложностями быта и его противоречий. Поэтому они важны не только как элементы процесса коммуникации, но и как источник различной общественно-значимой информации.

Национально-культурная семантика языка – это продукт истории, включающий в себе прошлое культуры, и чем богаче история народа, тем ярче и содержательнее его Посл. и Пог.

Пословицы и поговорки немецкого языка, как и любого другого языка, отличаются весьма специфическим содержанием, своеобразной синтаксической структурой и коммуникативно-прагматическими функциями. Отсюда возникают определенные трудности для практики преподавания, особенно для их усвоения со стороны изучающих немецкий язык как иностранный.

В предлагаемой статье предпринимается попытка рассмотреть существующие определения Посл. и Пог. и внести ясность в проблему их разграничения. Материалом исследования послужили примеры из немецкого, русского и таджикского языков.

Вопросы определения Посл. и Пог, общее и отличительное в них, необходимость их разграничения неоднократно становились предметом дискуссии и вызывали острую полемику в языкознании. В работах лингвистов и фольклористов предпринимаются попытки дефинировать данные языковые явления, провести границу между ними, опираясь при этом на определенные критерии и принципы.

Мнения и точки зрения по поводу определения Посл. и Пог. достаточно противоречивы и доходят порой до взаимоисключающих. Так, например А.Тейлор полагает, что определение пословиц весьма трудное и неблагоприятное занятие. По его мнению, если даже собрать в одну группу все элементы, составляющие пословицы и подчеркнуть в каждом самое основное, то даже и тогда нельзя найти определенного стандарта (Тейлор 1962: 3-5). Другой английский лингвист А.Дэндис считает почти невозможным предложить краткое и в тоже самое время приемлемые для работы определения пословиц, особенно такие, которые охватили бы все пословичные фразы (Dundes 1975:961 - 973).

Однако в свое время В.И.Даль, известный собиратель пословиц и поговорок русского языка, настоятельно указывал на необходимость научного определения единиц пословичного жанра. Касаясь данного вопроса, он подводит под понятия «поговорки» два типа образований: это устойчивые предложения типа «У него в глазах двоится», «Язык лыка не вяжет» и словосочетания в форме предложений «Он чужими руками жар выгребает» (Даль 1999:155). В то же время, в предисловии к сборнику пословиц «Напутное» В.И.Даля, мы находим следующее определение: пословица – «это коротенькая притча, суждение, приговор, поучение, высказанное обиняком и пущенное в оборот под чеканом народности», поговорка же – «окольное выражение, переносная речь, простое иносказание, без суждения, заключения (...), это одна первая половина пословицы (Даль 1999:334)».

Специфика возникновения пословиц состоит в том, что они представляют собой обобщение и суждение, соотносимые с определенной ситуацией из жизненного опыта человека. Являясь результатом устного народного творчества, семантика пословиц и поговорок отражает обобщение жизненного опыта людей и народную мудрость, они функционируют как минимальные самостоятельные тексты. Именно эти факторы дают основание ряду авторов (Н.Н. Амосовой, А.М. Бабкину, В.П. Жукову, М.Д. Городниковой, В.Н.Телия и др.) отнести их к явлениям фольклора и не рассматривать в качестве объекта фразеологии. Однако эти обстоятельства не должны быть решающими в споре о фразеологической принадлежности пословиц и поговорок (Ройзензон 1973; Степанова/Чернышева 1986:193).

В фразеологических исследованиях последних десятилетий изучение Посл. и Пог. занимает значительное место. Понимание пословицы как законченного, образного или лишенного образности изречения, имеющего назидательный смысл и характеризующегося особой ритмической и фонетической организацией, имеет давнюю традицию и международное хождение.

Достаточно обоснованные и аргументированные определения Посл. и Пог. и вместе с тем, принципы их разграничения предлагаются в концепциях русских фразеологов.

Основным критерием разграничения Посл. и Пог. в данной концепции является их содержательный аспект, то есть семантический критерий. А.И.Молотков, например, указывает, что классическое предложение – пословица по своему смыслу всегда **д в у п л а н о в о**: оно имеет одновременно **п р я м о й п л а н с о д е р ж а н и я** высказывания, точно соответствующий значению слов, образующих его, и **и н о с к а з а т е л ь н ы й п л а н с о д е р ж а н и я** высказывания, совсем не соответствующий значению слов, образующих такое предложение-пословицу (Молотков 1978:15) (Разрядка наша – А.Ш, М.С.).

Согласно точке зрения В.П.Жукова, и пословицы и поговорки имеют форму законченного предложения, в основе которого лежит суждение. Отсюда автор дефинирует пословицы как народные изречения, которым присущ одновременно буквальны́й и переносны́й или только переносны́й план содержания. Так, пословица «Чем бы дитя не тешилось, лишь бы не плакало» отличается двойным планом значения - буквальны́м и иносказа́тельны́м. Напротив, пословица «Горбатого могила исправит» имеет только о́бразны́й план.

Под Пог. понимаются краткие народные изречения (нередко назидательного характера), имеющие только буквальны́й план содержания и в грамматическом отношении представляющие собой законченные предложения (Жуков 1991:374).

Аналогичные рассуждения по поводу дефиниции Пог. можно найти у В.П.Фелициной. Поговорками она называет языковые афоризмы, отличающиеся особой краткостью и имеющие, как правило, только буквальны́й план содержания, например: «Коса – девичья краса», «В тесноте – да не в обиде», «Поживем - увидим» (Фелицина 1980:7).

Основополагающим при определении и разграничении Посл. и Пог. является также характер отношений между вещами и ситуациями реальной жизни, «поскольку характер отношений между вещами и составляет основной смысл всякой пословицы и поговорки» (Пермяков 1968:26). «Если допустим, речь идёт о каком-нибудь небольшом (по росту и по возрасту), но хорошем и умном человеке, опытном и умелом работнике, мы вспомним пословицу: «Мал золотник, да дорог», если говорится о человеке, умеющем выпутаться из любых неприятностей, нам в голову придет ... поговорка: «сухим из воды выйдет/выходит». И это вполне естественно, ведь каждое из упомянутых выше изречений соответствует описанной ситуации, то есть передает то же соотношение объектов, о котором шла речь. Иначе говоря, мы подбираем клише по характеру ситуации. Но тогда выходит, что пословицы и поговорки - не что иное, как знаки определенных ситуаций или определенных отношений между вещами. А раз они знаки, то не так важна их «отделка», их внешняя образность, как то, что они означают, какова суть передаваемой ими жизненной (или мыслимой) ситуации» (Пермяков 1968:26). Знаковая природа пословиц и поговорок служит автору основанием вывода о том, что «сами эти ситуации относятся ко всем изречениям, их обозначающим, как инварианты – к своим вариантам. Иначе говоря, все пословицы одного смысла (одной ситуации) являются вариантами, а сама эта ситуация – их инвариантом. Но если так, то чтобы классифицировать пословицы по их смыслу, следует составить классификацию самих ситуаций» (Пермяков 1968:27) (здесь и далее подчеркнуто нами – А.Ш. М.С.).

Европейская традиция определения Посл. и Пог. и их разграничения нашли свое отражение и в немецкой фольклористике и лингвистике. В немецкой фразеологии при инвентаризации языковых явлений пословично-поговорочного характера традиционно используются термины «Sprichwort»- (пословица) и «sprichwörtliche Redensart»- (поговорка).

Основополагающими для дефиниции и классификации Посл. и Пог. немецкого языка были труды Фридриха Зайлера, который заложил основы их лингвистического исследования в немецкой паремииологии (Seiler 1918; Seiler 1922; Seiler 1924).

Согласно определению Ф. Зайлера (принятому вслед за ним многими немецкими фразеологами), пословица - это имеющее обращение в устах народа, замкнутое в себе изречение поучительной тенденции возвышенной формы (... im Volksmund umlaufende, in sich geschlossene Sprüche von lehrhafter Tendenz und gehobener Form (Seiler 1922; 1967:2)). Для определения пословицы Ф.Зайлеру служат четыре аспекта: носитель (Träger), структура (Struktur), функция и стиль. Поучительность (Lehrhaftigkeit) может быть функцией пословицы, но это не обязательно. Например, иностранцу, которому немецкий язык даётся трудно, учитель говорит: „Aller Anfang ist schwer“ – «Лиха беда начало» - и это не означает, что он читает ему мораль, а хочет воодушевить его. Под выражением „gehobene Form“ понимаются особые стилистические признаки пословицы (Seiler 1922; 1967:2-8).

Поговорки (sprichwörtliche Redensarten), по Ф.Зайлеру, - это устойчивые выражения, употребляемые в разговорном и литературном языке, придающие речи свежесть, естественность и некоторую грубость. Поскольку они родственны с пословицами и имеют хождения в устах народа, то они получили название sprichwörtliche Redensarten – «поговорка». (Man nennt sie, weil sie mit den Sprichwörtern verwandt und wie diese volksläufig sind, sprichwörtliche Redensarten (Seiler 1922:1967:11)).

К таковым относятся в первую очередь, краткие восклицания как проявление чувств, посредством которых в повседневной жизни определенному состоянию души и настроению придают крепкое выражение, например, Schwamm darüber! Fort mit Schaden! Wenn schon, denn schon! Ja, Kuchen! Wer es glaubt, wird selig! и др.

Не менее важной, как считает Ф. Зайлер, является, кроме вышеступивших, та огромная масса поговорок, которые при употреблении нуждаются во включении в свой состав одного из членов

предложения, без которого они неполны и бессмысленны: j-m geht ein Licht auf, mit j-m ins Gericht gehen. В большинстве случаев в состав таких поговорок нужно включить субъект предложения, чтобы они стали полноценными: Er (wer?) hat Lehrgeld zahlen müssen, hat aufs Korn genommen, hat das Pulver nicht erfunden и т.д. (Seiler 1922; 1967:11).

Рассуждая о границах между Посл. и Пог., Ф. Зайлер отмечает, что поговорки (sprichwörtliche Redensarten) не возникли путем сокращения пословиц, точно также, как и пословицы – путем расширения поговорок. Напротив, оба явления с самого начала бытуют рядом, также как их психологической причиной является именно желание говорящего высказаться действительно, выразительно, если возможно, наглядно-образно (Seiler 1922; 1967:12).

В. Мидер предлагает в качестве рабочего определения пословицы следующую формулировку: Пословицы – это общественные, устойчиво-оформленные предложения, которые в четкой и краткой форме выражают какое-либо жизненное правило или мудрость (Mieder 1977:3).

Для Л.Рёриха пословица – это законченное предложение, которое выражает суждение, касающееся нашего поведения или побуждения к определенному поведению (Unter einem Sprichwort verstehen wir einen festgeprägten Satz, der eine unser Verhalten betreffende Einsicht oder eine Aufforderung zu einem bestimmten Verhalten ausspricht). К данному определению Л.Рерих добавляет такие признаки пословицы, как законченность и устойчивость формы (Röhrich/Mieder 1977:15).

Л. Рёрих считает, что понятие «поговорка» в широком смысле является синонимом понятия «идиоматическое выражение», дефинируемое В.Фридрихом как выражения, целостное значение которых иное, чем сумма отдельных значений слов его составляющих (Friederich 1956). Во всех идиоматических выражениях языковая образность давно поблекла, их прямое значение исчезло (Röhrich/Mieder 1977:15).

В концепции немецких фразеологов разница между пословицей и поговоркой лежит в иной плоскости, а именно в их форме, структуре и функции (Röhrich/Mieder 1977:15). Пословица имеет форму законченного предложения в устойчивой и неизменяемой формулировке, например, «Man wird so alt wie 'ne Kuh und lernt immer noch dazu». Поговорка же представляет собой глагольное выражение как, например, «für j-n Kastanien aus dem Feuer holen», «j-m ein X für ein U vormachen». Пог. должны быть сначала включены в предложение, чтобы возникло устойчивое высказывание. Будучи глагольными выражениями, они изменяемы во времени и лице; все это должно быть сначала оформлено. «В этом смысле поговорки являются еще неоформленным языковым сырьём (...). В отличие от Посл. поговорки не обнаруживают устойчивого оформления. Им не присуща поучительная или этическая направленность. Они не представляют собой мудрые изречения. Только становясь предложениями, они приобретают целостное содержание» (Röhrich/Mieder 1977:16).

Кроме указанных фразеологизмов немецкие лингвисты включают в состав поговорок также устойчивые выражения, имеющие неизменяемую структуру и представляющие собой форму предложения. Рёрих/Мидер относят восклицания типа «Das geht auf keine Kuhhaut! Das geht über die Hutschnur! Es ist höchste Eisenbahn! Da hast du die Bescherung! Viel Geschrei und wenig Wolle! Hals und Beinbruch! Jetzt ist Sense! Du ahnst es nicht!»

Общее в поговорке, что объединяет её с пословицей – это выразительная, яркая и легко запоминающаяся образность, которая, как и в пословице, прочно установилась в её первоначальной форме. «Пословичность» поговорки заключается в относительной устойчивости её словесного состава (Röhrich/Mieder 1977:17).

Такое важное семантическое свойство как буквальный и переносный план содержания пословиц и поговорок, которое служит фразеологии как основной критерий их разграничения, становится также объектом внимания немецких фразеологов, однако не в качестве критерия разграничения, а как предмет анализа их внутренней и внешней формы (Röhrich/Mieder 1977:52-65) (Подчеркнуто нами – А.Ш., М.С.). Переносное, метафорическое значение Посл. и Пог., их образность рассматривается авторами как базис, основа внутренней формы, которая, по мнению авторов, нередко затрудняет реципиенту понимание смысла Посл. Пословичная образность более выразительна, ярка и легко запоминаема. Образность Посл. должна сойтись конкретно, однако редко подразумевает обозначаемое. Посл. подразумевает часто нечто совершенно иное, чем то, что выражено в её первоначальном словесном составе. Пословицы Stille Wasser sind tief (В тихом омуте черти водятся), Keine Rose ohne Dornen (Нет розы без шипов), Man muss das Eisen schmieden, solange es heiß ist (Куй железо, пока оно горячо), Bellende Hunde beißen nicht (Лающие собаки не кусаются) не являются высказываниями о гидрологии, ботанике, зоологии и металлообработке.

Образная оболочка абстрактной мысли придаёт Посл. не только наглядность, но и двусмысленность. В этом смысле почти все Посл. имеют двойную сферу функционирования: прямую,

буквальную и переносную. Таким образом, в Посл. следует разграничивать две разные формы выражения, а именно: прямую и переносную, иносказательную (Röhrich/Mieder 1977:55).

В Посл. с прямым значением реальная речевая ситуация совпадает с содержанием высказывания, они покрывают друг друга. Хотя реальная речевая ситуация должна совпадать с её значением, все же эта речевая ситуация довольно редко есть конкретно мыслимое, чаще всего это лишь переносное значение. В большинстве случаев образная Посл. употребляется только в переносном, иносказательном значении (Röhrich/Mieder 1977:55).

В новейших западногерманских исследованиях по фразеологии Посл. разграничивается как подкласс с синтактико-текстграмматическим критерием в рамках референциальных фразеологизмов (Burger 2007). Согласно данной точке зрения, Посл. – это замкнутые предложения, которые никаким своим лексическим элементом не должны быть привязаны к контексту. Это формальное свойство, часто обозначаемое как «замкнутая форма», рассматривается автором как выражение семантической специфики пословиц (Burger 2007:106).

При определении Посл. Х. Бургер ссылается на Г.Л. Пермякова, который дефинирует её прежде всего как «знак и модель для типичных реальных или мыслимых жизненных ситуаций» (Пермяков 1986:10). В языковом отношении этому соответствует часто форма «обобщающих предложений» (Wer A sagt, muss auch B sagen – т.е. каждый, кто говорит А, должен сказать и Б; Lügen haben kurze Beine – у любой лжи ноги коротки и т.д.) (Burger 2007:106).

Функция Посл. все же не исчерпывает себя в этом обобщающе-референциальном аспекте, они являются одновременно указанием, инструкцией для действия, или толкованиями действия, в моделируемых ими ситуациях. Этот деятельностный аспект имеет по меньшей мере два изменения:

Первое: Посл. могут считаться отражением убеждений, оценок и норм, которые в определенном контексте культуры и времени претендуют на социальное признание. П. Гржибек называет это «общественной функцией пословицы» (Grzybek 1984:225).

Второе: эта функция служит фоном для тех задач, которые они могут выполнять в различных ситуациях общения. Поскольку они являются «микротекстами», то они образуют тем самым законченную синтаксическую единицу, оставаясь при этом различнейшим образом функционально закрепленной за соответствующим контекстом /ситуацией общения, для которой они хотели бы стать моделями (Burger 2007:107).

В.Флайшер определяет пословицы (со ссылкой на Ф.Зайлера и Г.Пойкеса) как устойчивые конструкции предложений с поучительной тенденцией, которые относятся к повседневной жизни (Fleischer 1997:76). Он подчеркивает, что пословицы имеют устойчивый, неизменный лексический состав, в большинстве случаев обобщенное метафорическое значение, которое не совпадает с непосредственно изложенным в предложении положением вещей. В ней содержится «глубокий смысл, который предстоит раскрыть и не выражен в буквальном значении слов» (Fleischer 1997:76).

В советской германистике подобные языковые явления исследовал А.Д. Райхштейн (Райхштейн 1971). При классификации устойчивых фраз немецкого языка он пользуется терминами русской фразеологии «пословица» и «поговорка».

В концепции А.Д. Райхштейна Посл. (Sprichwort) в обобщенной форме констатирует свойство людей и явлений, даёт им оценку или предписывает образ действий, имеет назидательный смысл. Посл. представляют собой законченные высказывания, выражающие определенные воззрения, имеющие зачастую идеологическое содержание. Они чаще всего употребляются в совершенно конкретной ситуации, но не обозначают её отдельных элементов, а ставят всю ситуацию в связь с какой-либо общей и общеизвестной закономерностью, которую они выражают (Райхштейн 1971:41-42).

Необходимость выразить обобщение приводит к стабилизации структуры пословицы, т.е. грамматическая форма Посл. соответствует характеру их содержания – они имеют в основном форму повествовательных, отчасти побудительных предложений; вопросительные и восклицательные конструкции для них не характерны (Райхштейн 1971:43). Фактическое обобщенное содержание пословицы не выводимо от значения её компонентов. Это значит, что пословицы идиоматичны. Элементом их содержания является «цитатность», т.е. ссылка на авторитет общепринятого мнения, на которое как бы опирается говорящий, воспроизводя пословицу в традиционной форме (Райхштейн 1971:47). При разграничении Посл. и Пог. А.Д. Райхштейн учитывает степень обобщенности их значений как основной классифицирующий критерий. По Райхштейну, Пог. – это разговорные всесторонне устойчивые фразы, способные выражать только частный смысл и, в отличие от пословиц, не содержат обобщений о закономерных связях действительности. Частный смысл, свойственный поговоркам, проявляется в том, что в речи Пог. всегда конкретна, всегда используется говорящим для оценочной характеристики единичной, конкретной ситуации (Райхштейн 1971:73-77).

Рассуждая о механизмах разграничения Посл. и Пог., А.Д. Райхштейн указывает, что в структуре поговорок наименование предмета (субъекта суждения) отсутствует, и его место занимает местоименные слова *ich, du, es, das, so, darauf, darüber, davon* и т.п. Указывая на тот или иной единичный предмет, они играют роль конкретизаторов, четко выражая частный смысл поговорки. В пословицах – фразах с обобщающим смыслом – местоимения, указывающие на конкретное лицо или предмет, отсутствуют. Именно наличие местоименного слова-конкретизатора в большинстве случаев позволяет отличить повествовательную поговорку от близких по структуре пословиц (Райхштейн 1971:80-81), ср.

Поговорки:

Umgekehrt wird ein Schuh daraus. So schnell schießen die Preussen nicht.

Wer es glaubt, wird selig.

Пословицы:

Umgekehrt ist auch etwas wert.

Eile mit Weile.

Wer leicht glaubt, wird leicht betrogen.

Таджикские лингвисты пользуются при определении понятий «пословица» и «поговорка» различными терминами, но наиболее распространенными в соответствующей литературе являются заимствованные с арабского языка термины «зарбулмасал» и «мақол». По мнению Б. Тилавова, до 50-х годов прошлого столетия термин «зарбулмасал» механически понимается как «пословица», «мақол» – как «поговорка». Он указывает на спорность данного вопроса и в целях определения данных понятий и их дифференциации предлагает следующую формулировку: Для пословицы характерно полное выражение мысли, наличие законченного суждения и вывода в отличие от поговорки, которая выражает мысль неполно. Поговорка отличается своей краткостью, незавершенностью умозаключения (Тилавов 1967:24).

В концепции Н.Маъсуми пословицы состоят из двух частей, где выявляется их двуплановость. В первой части дается описание событий или общее рассуждение, во второй обычно делается вывод: «Бори кач ба манзил намеравад», «Сад задани сӯзангар, як задани оҳангар». Поговорка – это только суждение, т. е. она соответствует первой части пословицы (Маъсуми 1952:95-102).

На наш взгляд, в данных определениях Посл. и Пог. учитывается только логический аспект данных языковых явлений, их лингвистическая сущность остаётся нераскрытой.

Рассуждая о соотношении между терминами «зарбулмасал» и «мақол», Б.Тилавов ссылается на определения А. Мирзоева, Н.Маъсуми, А.К. Писарчик и М. Хамиджановой, концепции которых основываются на высказываниях В.И. Даля о пословицах и поговорках. При этом он указывает на противоречия между определениями указанных таджикских авторов и собственным (Тилавов 1967:26). Касаясь вопроса о разнице между «зарбулмасал» и «мақол», он полагает: «Зарбулмасал» и «мақол», по сути одно и то же; как в литературном, так и в разговорном языке эти слова часто употребляются как синонимы. Но существует тенденция отличать «зарбулмасал» от «мақол» не по их синтаксической или логической структуре, а по способу поэтического выражения мысли (Тилавов 1967:25). В чем же состоит суть «поэтического выражения мысли», автором не эксплицируется. Помимо этого он указывает, что «терминологически зарбулмасал» не совпадает с пословицей, а «мақол» – с поговоркой. В таджикском языке пословицы и поговорки иносказательного характера называют «зарбулмасал», а пословицы и поговорки, выражающие мысль в прямом значении – «мақол» (Тилавов 1967:27).

Как мы видим, рассуждения Б. Тилавова об определении «зарбулмасал» и «мақол» и их дифференциации, на наш взгляд, несколько противоречивы, порой запутаны и не вносят необходимой ясности в проблему.

Таким образом, анализ точек зрения на данную проблему в таджикском языкознании свидетельствует о том, что авторы (А. Мирзоев, В. Асрори, Н. Масъуми, А. Писарчик и М. Хамиджанова, Б.Тилавов) при определении и разграничении Посл. и Пог. основываются больше на логических критериях и не учитывают их языковых особенностей. Нам представляется, что в языковедческой работе не следовало бы смешивать семантические (=языковые) категории с категориями логики во избежание возникновения терминологической путаницы.

В этом отношении, на наш взгляд, более обоснованно рассуждают фразеологи советского периода, которые разграничивают Посл. и Пог., используя при этом в качестве критерия их семантику и функции (см. об этом упомянутую выше концепцию русских фразеологов Г.Л. Пермякова, А.М. Молоткова, В.П. Жукова, В.П. Фелициной и их последователей).

Возражая против механического перенесения принципов классификации и дифференциации единиц одного языка на явления другого языка, мы, тем не менее, не отрицаем их важности и полезности при таксономических описаниях того или иного языка, тем более в работе сопоставительного характера, поскольку полагаем, что особенности устройства и организации одной языковой системы могут в определенной степени способствовать видению и выявлению закономерностей и специфики организации другой.

В своих дальнейших размышлениях об определении и дифференциации Посл. и Пог. мы придерживаемся концепции фразеологов советского периода.

Из столь обширных рассуждений исследователей становится очевидным тот факт, что среди фразеологов зарубежной германистики нет единства мнений по вопросу дефиниций Посл. и Пог., критериев и механизмов их разграничения, в отношении использования адекватной их лингвистической сущности терминологии. Нет единства мнений по этому поводу и среди таджикских лингвистов. Достаточно указать на то, что термины «пословица» и «поговорка», каждый в свою очередь, применены в концепции зарубежных германистов к совершенно разным объектам. Так пословицы охватывают как полностью переосмысленные (*Viele Köche verderben den Brei* = У семи нянек дитя без глаза), так и не переосмысленные (*Irren ist menschlich*=Человеку свойственно ошибаться) коммуникативно значимые высказывания, в то время как первые действительно являются пословицами, а вторые – поговорками.

Под термин *sprichwörtliche Redensart*[1] (поговорка) ряд фразеологов-германистов (Seiler, Röhrich/Mieder, Райхштейн) подводят одновременно два различных языковых явления: с одной стороны, полностью идиоматичные, частично идиоматичные и неидиоматичные ситуативно-обусловленные высказывания типа *Hals- und Beinbruch!*= Ни пуха, ни пера!; *Abwarten und Tee trinken!* *Das kommt in den besten Familien vor* (известные как *Satzidiome*), а с другой глагольной – глагольные фразеологизмы типа *Maulaffen feilhalten* – «разинуть рот», *das Kind mit dem Bade ausschütten*= «выплеснуть ребенка вместе с водой» (*Wortidiome* [2]). Такое положение вещей приводит к терминологической путанице и разночтениям.

Однако, более детальный анализ показывает, что языковые единицы типа *Maulaffen feilhalten* – «разинуть рот» отличаются устойчивостью структуры, идиоматичностью, образностью значения и, самое главное, их семантика соответствует семантике слова или словосочетания, т.е. они лексикализованы. Отсюда, по нашему убеждению, они не могут считаться поговорками (*sprichwörtliche Redensart*), поскольку в основе целостного значения *п о г о в о р к* лежит не понятие, а суждение, в структурно-грамматическом же отношении они представляют собой законченные предложения. Эти свойства не присущи фразеологическим единицам типа *Maulaffen feilhalten*. К тому же большинство толковых словарей немецкого языка[3] относят их к фразеологическим единствам, что является дополнительным аргументом в пользу вышесказанного.

Анализ новейшей научной литературы и наблюдения над языковыми примерами позволяют сделать вывод о том, что фразеологические объекты, причисляемые отдельными немецкими авторами к поговоркам (*sprichwörtliche Redensart*) как *Ach du meine Güte! Das geht über die Hutschnur! Du kriegst die Motten! Da hast du die Bescherung!* следовало бы назвать иным термином, а именно, «коммуникативные выражения» („kommunikative Formeln/ Routineformeln“), исходя из их языковой сущности и речевых функций как достаточно полное и наиболее точное отражение особенностей данных языковых единиц. Материалы новейших фразеологических исследований свидетельствуют о правильности нашего мнения.[4]

Подобные устойчивые фразы отличаются структурой полного или сокращенного предложения (ср. *Das dicke Ende kommt noch!* – Дело добрым не кончится!, *Wir sprechen uns noch!* – Мы поговорим ещё!, *Schwamm darüber!* – Плюнь ты на это!, *Nach mir die Sintflut!* – После меня хоть потоп!). Речь идёт об относительно устойчивых «готовых к употреблению», часто экспрессивно оценочных высказываниях: это устойчивые коммуникативные выражения, обслуживающие процесс общения и служащие высказываниями вежливости, приветствия, знакомства, одобрения, порицания, проклятия, соболезнования и т.д. В смысловом отношении данные высказывания тесно связаны с предыдущим контекстом и речевыми ситуациями. Они встречаются в составе более широкого речевого контекста, прагматически нагружены и выполняют функции речевых действий как угроза (*Wir sprechen uns noch!*, *Gnade dir Gott!*), радость, хвала (*Alle Wetter! Gott sei Dank! Das nenne ich die Arbeit!*), возмущение (*Jetzt ist Sense! Das ist ja die Höhe!*), испуг (*Heiliger Schreck! Himmel und Wolken!*), одобрение (*Kopf hoch! Immer Mut!*), согласие (*Und ob! Das will ich meinen!*), несогласие (*Nicht im Geringsten!*) и т.д.

Высказывания такого рода могут быть полностью идиоматичными (*Ach, du grüne Neune!* – выражения удивления или испуга), частично идиоматичными (*Abwarten und Tee trinken! Umgekehrt wird ein Schuh daraus!*) и неидиоматичными (*Was nicht ist, kann ja nicht werden!*)(*Wotjak 1996:4-9; Wotjak 2005:373*).

Что касается термина *sprichwörtliche Redensart* (поговорка), то он больше всего отражает лингвистическую сущность таких языковых единиц как *Aller Anfang ist schwer* – Лиха беда начало, *Erst die Arbeit, dann das Vergnügen* – Кончив дело, гуляй смело. *Ende gut, alles gut* – Конец - делу венец, известные и признаваемые в немецкой фразеологической литературе как пословицы неидиоматичного характера (см. об этом *Wotjak 2005:373; Burger 2007:33-55*), а в русской фразеологии как поговорки.

Основанием подобной перестановки акцентов служат следующие особенности указанных фразеологизмов:

- По своей форме и синтаксической структуре они представляют собой цельные предложения;
- В содержательном отношении они содержат рекомендацию, совет, напоминание, констатацию фактов, являются меткими выражающими, содержащими суждения и выводы;
- Чаще всего они рифмованы;
- В отличие от Посл., которые употребляются в переносном значении, указанные единицы употребляются в своем прямом значении, адекватно отражая соответствующую речевую ситуацию, ср: Ende gut, alles gut – Кончив дело, гуляй смело употребляется в той ситуации, когда какая-либо работа закончилась успешно, без провала или же задание/поручение выполнено без каких-либо затруднений;
- Термин Sprichwörtliche Redensart (поговорка) отражает их сходство с пословицей только в формально-структурном плане, т.е. они также, как и Посл., имеют форму предложения;
- Первая часть термина - sprichwörtlich - сигнализирует о его содержательно-функциональной близости, но не идентичности с пословицами.

Из вышеизложенных рассуждений можно сделать вывод о том, что при таком подходе будет внесена ясность и упорядоченность в их терминологическое назначение, учитывая их лингвистическую сущность; иными словами, согласно нашей классификации, онтологическая сущность данных языковых единиц адекватно отражается соответствующими терминами. В итоге исчезает терминологический «конфликт», терминологический «разнобой», существующий до настоящего времени в фразеологии немецкого, русского, таджикского и других языков.

В свою очередь мы предлагаем в качестве рабочего следующее определение пословиц и поговорок:

Пословица – фразеологическая единица, имеющая структуру законченного предложения, отличающаяся устойчивостью состава и полной или частичной идиоматичностью и выражающая обобщенную мысль; такая единица воспроизводится в речи в готовом виде и употребляется в переносном значении, т.е. имеет иносказательный план содержания «ср. Чомаи бомаслихат кӯтоҳ намеояд. Аз чумчук тарси, арзан накор. Санги вазнинро об намебарад. Сари дарахти мевадор хам аст; Viele Köche verderben den Brei; Stille Wasser sind tief. Wie die Saat, so die Ernte»

Поговорка – это лишенное образности всесторонне устойчивое высказывание фразеологического характера, имеющее форму законченного предложения и выражающее частный смысл; она употребляется в адекватных ее содержанию речевых ситуациях в прямом смысле и неидиоматична, ср.: Аз бекор худо безор. Ба як чавонмард чихил хунар кам аст. Дили нохохам узри бисёр дорад. Aller Anfang ist schwer. Ende gut, alles gut.

ЛИТЕРАТУРА

1. Термин «Sprichwörtliche Redensart», который в немецко-русских словарях значится как «поговорка», понимается и используется носителями языка и немецкими фразеологами как обиходно – разговорное выражение, но не как лингвистический термин (см. об этом: Burger 2007:36).
2. Термины Wortidiome, Satzidiome принадлежат Б. Вотьяк (Wotjak 2005).
3. Duden Universalwörterbuch (= DUW), Großes Wörterbuch Deutsch als Fremdsprache (=LDaF), Wahrig, Deutsches Wörterbuch (=WDW), Duden, Redewendungen (Duden Band 11), Wörterbuch Deutsch als Fremdsprache de Greyter Verlag (GDaF).
4. F.Seiler, L.Röhrich/W.Mieder и их последователей. (ср. работы Coulmas 1981; Korhonen 1995; Wotjak 1996; Wotjate 2005).
5. Верещагин Е.М. Костомаров В.Г. Язык и культура. Изд. 3-е, перераб.доп. Русский язык. 1983.-248 с.
6. Даль В.И. Пословицы русского народа М. 1999.
7. 3. Жуков В.П. Лексический состав пословиц и поговорок // В.П. Жуков. Словарь русских пословиц и поговорок. Изд. 4-е, испр. доп. М.1991, с.374-76.
8. 4. Молотков А.И. Фразеологизмы русского языка и принципы их лексикографического описания. // Фразеологический словарь русского языка. М. 1967.
9. Пермяков Г.Л. Основы структурной паремииологии. М., 1988.
10. Пермяков Г.Л. От поговорки до сказки М.: «Наука», 1970.
11. Пермяков Г.Л. Паремииологический сборник. М. 1978. – 348 с.
12. Писарчик А., Точидиннов С., Хамиджанова М. Зарбулмасал ва мақолҳои тоҷикӣ. Нашриёти давлатии Тоҷикистон. Душанбе, 1960.
13. Райхштейн А.Д. Немецкие устойчивые фразы. М.: Просвещение, 1971.
14. Ройзензон Л.И. Лекции по общей и русской фразеологии. Уч.пособие. Самарканд, 1973.
15. Степанова М.Д., Чернышева И.И. Lexikologie der deutschen Gegenwartssprache. М. 1986, с. 193.
16. Тейлор Арчи. Пословицы и индекс к пословицам. Пенсильвания 1962. Перевод с английского языка Шварца Э.А. Душанбе 1973.

17. Тилавов Б. Поэтикаи зарбулмасал ва мақолҳои халқии тоҷикӣ. Душанбе «Дониш» 1967.
18. Тилавов Б. Зарбулмасалҳои машҳур. Душанбе: «Дониш», 1983.
19. Фелицина В.П., Прохоров Ю.Е. Русские пословицы, поговорки и крылатые выражения. Лингвострановедческий словарь М.: Русский язык, 1980.
20. Чернышева И.И. – Фразеология современного немецкого языка. М.1970.
21. Чернышева И.И., Стапанова М.Д. Лексикология немецкого языка. М., «Высшая школа», 1986.
22. Burger Harald: Phraseologie. Eine Einführung am Beispiel des Deutschen. Erich-Schmid Verlag, 3., bearbeitete Auflage. Berlin, 2007.
23. Coulmas Florian: Routine im Gespräch. Zur pragmatischen Fundierung der Idiomatik. Akademische Verlagsgesellschaft Athenaion: Wiesbaden 1981.
24. Dundes Alan. On the Structure of the Proverb.-In: Proverbium 25, 1975, P.961-973.
25. Eismann W., Grzybek P. Sprichwort, Sprichwörtliche Redensart und Phraseologismus. Vom Mythos der Nicht-Trennbarkeit und Sprachbilder zwischen Theorie und Praxis. Bochum, 1994.
26. Fleischer Wolfgang: Phraseologie der deutschen Gegenwartssprache. 2., durchgesehene und ergänzte Auflag., Max Niemeyer Verlag Tübingen, 1997.
27. Korhonen Jarmo: Studien zur Phraseologie des Deutschen und des Finnischen, Brockmeier Verlag Bochum, 1995, S. 43-48.
28. Seiler Friedrich: Das deutsche Sprichwort, 1918.
29. Seiler Friedrich: Deutsche Sprichwörterkunde. G.H. Beck'sche Verlagsbuchhandlung, München, 1922; 1967: Unveränderter Nachdruck der 1922 erschienenen Ausgabe.
30. Seiler, Friedrich: Das deutsche Sageswort und das andere, 1924.
31. Röhrich Lutz: Das Große Lexikon der sprichwörtlichen Redensarten in 3 Bänden. Herder-Freiburg-Basel-Wien, 1991.
32. Röhrich Lutz/Mieder Wolfgang: Sprichwort. Merzlersche Verlagsbuchhandlung, Stuttgart, 1977.
33. Pernjakow Grigorij Lvovič: Dreihundertz allgemeinebräuchliche russische Sprichwörter und sprichwörtliche Redensarten. Moskau, Leipzig, 1986.
34. Peukes G: Untersuchungen zum Sprichwort im Deutschen. Semantik, Syntax, Typen. Philologische Studien und Quellen. Berlin, 1977 (Studien zur Phraseologie 7).
35. Wotjak Barbara. Redewendungen und Sprichwörter. Ein Buch mit sieben Siegeln? – In: Fremdsprache Deutsch, Zeitschrift für die Praxis des Deutschunterrichts. 2/1996, с.4-9.
36. Wotjak, Barbara: Routineformeln im Lernwörterbuch, 2005.

ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ: АСПЕКТЫ ДЕФИНИЦИИ И ПРОБЛЕМА ИХ РАЗГРАНИЧЕНИЯ (СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОГО, РУССКОГО И ТАДЖИКСКОГО ЯЗЫКОВ)

В предлагаемой статье предпринимается попытка рассмотреть существующие определения пословиц и поговорок и внести ясность в проблему их разграничения. Материалом исследования послужили примеры из немецкого, русского и таджикского языков.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: прямой и иносказательный план содержания, критерии разграничения, логические и семантические категории, суждения и понятия, пословица и поговорка, сопоставительный анализ.

PROVERBS AND SAYINGS: ASPECTS OF THEIR DEFINITION AND DIFFERENTIATION ON THE BASIS OF GERMAN, RUSSIAN AND TAJIK LANGUAGES' MATERIALS

The problems of definition and principles of proverbs and sayings' differentiation on the basis of German, Russian and Tajik languages' materials are reviewed in the article. The conception and standpoints of linguists on the problem of lingual phenomena data differentiation are also analyzed there too. In their turn, the authors offer their new own criteria and principles of proverbs and sayings' delimitation in comparative languages.

KEYWORDS: the direct and allegoric plan of the maintenance, criteria of differentiation, logic and semantic categories, judgments and concepts, a proverb and a saying, the comparative analysis.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ: *АШ Шарифов* – кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкого языка факультета иностранных языков Худжандского государственного университета им. Б. Гафурова.

М.М. Саидов – аспирант кафедры немецкого языка факультета иностранных языков Худжандского государственного университета им. Б. Гафурова.

КАЛИМАҲОИ *ДАСТ*, *ЧАШМ*, *САР* ДАР ТАРКИБИ ВОҲИДҲОИ ФРАЗЕОЛОГИИ ЗАБОНИ ТОҶИКӢ ВА ТАРҶУМАИ ОН БА ЗАБОНИ ОЛМОНӢ (ДАР АСОСИ ПОВЕСТИ С. АЙНИ «МАРГИ СУДХӢР»)

Т.С. Талабов

Донишгоҳи миллии Тоҷикистон

Воҳидҳои фразеологӣ яке аз қисмҳои муҳими лексикаи забони тоҷикӣ маҳсуб ёфта, дар онҳо хусусиятҳои муҳими таърихӣ ва фарҳангӣ ва иҷтимоии мардуми тоҷик инъикос ёфтаанд.

Омузиши нисбатан васеи воҳидҳои фразеологӣ дар забони тоҷикӣ асосан солҳои 60-уми асри XX оғоз ёфтааст.

Дар бораи воҳидҳои фразеологӣ забоншиносони машҳури рус В.В. Виноградов, С.В. Хушенова, Т.В. Строева, А.Д. Райхштен, А.В. Федоров, Г.А. Пермяков, В.Фляшер, И.И.Чернышева, Е.М. Солодухо тадқиқот бурдаанд. Забоншиноси рус Агрипола Е. Ибораҳои содаи фразеологӣ, таркибҳои фразеологӣ ва идиомаҳои фразеологизмҳо мешуморад.

Дар илми забоншиносии тоҷик низ доир ба воҳидҳои фразеологӣ тадқиқотҳои зиёди бунёди аз ҷониби забоншиносон ба анҷом расонида шудааст. Доир ба масоили мазкур заҳматҳои профессор Ҳ. Мачидов назаррас аст. Ҳ. Мачидов дар тадқиқотҳои худ доир ба паҳлуҳои гуногуни воҳидҳои фразеологӣ забони тоҷикӣ китоби худ «Фразеологияи забони ҳозираи тоҷик» андешаҳои ҷолибе баён кардааст.

Ҳамчунин забоншинос М.Фозилов воҳидҳои фразеологӣ забони тоҷикиро ҳамҷоварӣ намуда, дар ду ҷилд онҳоро мурағаб сохтааст.

Бо вучуди тадқиқотҳои зиёд ҳанӯз ҷанбҳои алоҳидаи воҳидҳои фразеологӣ забони тоҷикӣ ба таҳқиқу баррасии илмӣ ниёз доранд. Бояд зикр кард, ки масоили муқоисаи воҳидҳои фразеологӣ забони тоҷикӣ бо забонҳои дигар бо таври бояду шояд мавриди баҳси илмӣ қарор нагирифтаанд.

Тавре ки маълум аст, мардум тавассути воҳидҳои фразеологӣ мақсад, ҳиссиёти худро ба таври киноя, муболиға баён мекунанд. Дар баробари забони гуфтугӯи воҳидҳои фразеологӣ дар асари бадеӣ низ мавқеи муҳим дошта, ба адибон имконият медиҳанд, ки фикру андешаҳои худро ба таври ҷолиб баён созанд.

Нависандаи машҳури тоҷик Садриддин Айни дар асари худ «Марги судхӯр» аз воҳидҳои фразеологӣ ба таври васеъ истифода бурдааст. Ҳангоми мутолиаи ин асар пай бурдан мумкин аст, ки Садриддин Айни аз воҳидҳои фразеологӣ, ки дар таркибашон вожаҳои ифодагари узви бадани инсон мавҷуд аст, васеъ истифода кардааст.

Ин асари устод С.Айни тавачҷӯҳи тарҷумонҳои гуногунро ҷалб кардааст. Аз ҷумла, забоншиноси олмон Манфред Лоренс, ки яке аз нахустин аспирантони Донишгоҳи миллии Тоҷикистон маҳсуб мешавад, повести «Марги судхӯр»-и С.Айниро ба забони олмонӣ тарҷума кардааст. Сабаби ба тарҷумаи ин асар рӯ овардани ӯ ин буд, ки ӯ медонист, ки забони тоҷикӣ ба олмонӣ ба ҳамдигар қаробати ҳешутаборӣ доранд.

Аз дидгоҳи пайдоиш байни баъзе вожаҳои забони тоҷикӣ ва олмонӣ монандиҳо ба назар мерасад.

Мисол: *der Bruder, die Mutter*-бародар, модар.

Монандии ин калимаҳо дар ҳарду забон аз он шаҳодат медиҳад, ки онҳо муносибати ҳешутаборӣ доранд. Тарҷумон дар тарҷумаи асар аз усулҳои гуногуни тарҷума ба монанди тарҷумаи айнан, маҷозӣ, лексикӣ, тахтулафзӣ истифода бурдааст. Дар баробари монандиҳо дар тарҷума, фарқиятҳо низ дида мешаванд.

Мақсади мо таҳлили монандиҳо ва фарқиятҳои воҳидҳои фразеологӣ дар асари С.Айни «Марги судхӯр» ва тарҷумаи олмонӣ ҳамин асар бо номи «*Der Tod des Wucherers*» мебошад.

То ҳол ба омузиши дақиқи ин мавзӯ дар илми забоншиносии муқоисавӣ кори зиёд ба сомон нарасидааст. Фақат ҳаминро бояд қайд кард, ки баъзе аз забоншиносони тоҷик дар дохили қорҳои илмиашон дар атрофи ин мавзӯ андешаронӣ намудаанд. Махсумов Б. дар мақолаи ҳеш «Ибораҳои фразеологӣ бо калимаи даст» овардааст. Калимаҳои *даст*, *чашм*, *сар* яке аз ҷузъҳои серистеъмоли ибораҳои рехта аст. Азбаски мавзӯ доманадор аст, мо танҳо ифодаи калимаҳои *даст*, *чашм*, *сарро* дар таркиби воҳидҳои фразеологӣ ва тарҷумаи онҳоро дар забони олмонӣ мавриди омузиш қарор хоҳем дод.

Калимаҳои *даст*, *чашм*, *сар* дар таркиби воҳидҳои фразеологӣ забони тоҷикӣ, махсусан забони асари «Марги судхӯр»-и Садриддин Айни зиёд истифода мешавад. Дар таркиби воҳидҳои фразеологӣ калимаҳо асосан ба маънои маҷозӣ меоянд. Дар забони асари «Марги судхӯр»-и Садриддин Айни

воҳидҳои фразеологӣ бо калимаҳои *даст*, *чашм*, *сар* ифодаёфта хеле зиёд ба чашм мерасанд, ки ҳоло бевосита ба таҳлили он рӯ меорем:

...Коришкамба бошад, дар бобати қарзидиҳӣ ва пулгирӣ сар меҷаҳадки сир намедҷаҳад. Бинобар ин, аз ин «қайвони дуло» қарз мегирам [2.1, с.52]	<i>Kori –Ischkamba dagegen wurde sich eher den Kopf abschlagen lassen, als ein Geheimnis zu verraten. Deswegen war ich gezwungen, mir das Geld bei diesem zweibeinigen Scheusel zu leihen [2.2, s. 75]</i>
--	--

Воҳиди фразеологӣ сар додану сир надодан - ба маъноҳои *сирро фош надодан* асосан ҳоси услуби гуфтугӯ аст.

Воҳиди фразеологӣ *сар додану сир надодан* асосан ҳоси услуби гуфтугӯ аст.

Ин воҳиди фразеологӣ дар забони олмонӣ чунин тарҷума мешавад: *eher den Kopf abschlagen lassen, als ein Geheimnis zu verraten*, [с.-52] Дар забони олмонӣ ба маънои «*сар додану сир надодан*» зикр мешавад, ки маънои «*сирро фош накардан*»-ро ифода менамояд.

Таркиби фразеологӣ *ба даст даровардан* дар сарчашмаҳо ба маънои *соҳиб шудан, аз худ кардан, ба тасарруфи худ даровардан, дастгир кардан* зикр шудааст. Дар мисолҳои зерин ба маънои *соҳиб шудан* қор фармуда шудааст [Ф.И.Р. ч.1 с.303]

-Дирӯз ба ман як кас ҳучраи ройгон ваъда карда буд. Агар он ҳучра ба даст надарояд , аз он шуморо гирам мешавад. [2.1, с.36] Дар он вақт ихтиёр ба дасти шумоён мешавад , ки ҳар касеро аз аҳолии деҳа муносиб бинетон, он заминқоро ба ҳамон кас меҷаҳетон. [2.1, с.101]	<i>Gestern hat mir ein Mann versprochen, er würde mir eine Zelle umsonst überlassen. Sollte er sein Versprochen nicht halten, kann ich Ihre Zelle nehmen [2.2, s. 50]</i> <i>Das Land wird Ihnen so oder so gehören, das heist, Sie werden es dem Bauern geben, der Ihnen dafür geeignet erscheint. [2.2, s. 154]</i>
--	--

Ин воҳиди фразеологӣ дар забони олмонӣ бо шакли зайл тарҷума мешавад: *Ihnen dafür geeignet erscheint*. Онҳо чи аз ҷиҳати маъно ва чи аз ҷиҳати қолаб мувофиқанд.

Дар забони тоҷикӣ ибораҳои фразеологӣ *аз даст рафт* ба маънои *маҳрум гардидан* аз ҷиҳе истифода шудааст.

Коришкамба дар ҳолате, ки салтан калонаш каловавор ба гарданаш фуромадагӣ буд монанди навагарон ба ҳар тараф ҳам хӯрда, торҳои риши худро бо ангуштонаш канда: « вой хонаам сӯхт, вой чонам ба лаб омад, вой чонаки азизам аз даст рафт! » гӯён фарёд мекашид [2.1, с.135]	<i>Wie ein Klagweil wiegte Kori sich von einer Seite auf die andere und zeterte, während er sich den Bart raufte: O weh, ich bin verloren, oh, mein schönes Geld, du lieber Gott. [2.2, s. 207]</i>
---	---

Ибораи фразеологӣ *ба даст даромадан* чи дар забони адабӣ ва чи дар гуфтугӯ маъмул мебошад. Ин таркиб дар забони матбуот хеле зиёд истифода шуда, дар сарчашмаҳо бо маънои *соҳиб шудан* ба ҷиҳе, *ҳосил шудан* зикр шудааст. [Ф.И.Р. ч.1 с. 303]

Баъди ин суҳан ман зуд аз суфача бархостам, зеро нишонан ҳавлии Коришкамба, ки мақсади ман аз он ба даст даромада буд . Акнун мебоист ман ба зудӣ ба хонаи ӯ мерафтам. [2.1, с. 80]	<i>Nach diesem Worten erhob ich mich von der Sofa, weil ich nun Kori-Ischkambas Adresse erfahren und obendrin alle notwendigen Erläuterungen dazu bekommen hatte-und das war an diesem Tag mein Hauptziel gewesen. Jetzt konnte ich geradewegs zu Kori-Ischkamba gehen. [2.2, s. 40]</i>
--	--

Ибораи фразеологӣ *дарди сар додан* дар тарҷума ба маънои *касоро ташвиш додан, бесаранҷом кардан, безор кардан* омадааст. Дар ҷумлаи зерин ин таркиби фразеологӣ бо варианти *касоро ташвиш додан* зикр шудааст.

... ва ҳамаи муомилаи байни худро дар ҳузри онҳо бо вексал мекунад. Мо чаро бе гувоҳии қорвонбошӣ ва калонтарини савдогарон ва бе нишон додани вексал ба як одами баобруй дарди сар диҳем . [2.1, с.141]	<i>Das Verhältnis, in dem ihr heutzutage zueinander steht, wird von den Wechsel bestimmt. Wozu sollen wir einem angesehenen Mann Kummer bereiten und ohne Wissen des Boi etwas gegen seinen Angestellten unternehmen? Sie können doch auch kein Dokument vorweisen. [2.2, s. 215]</i>
---	--

Ибораи фразеологӣ *паси сарро хоридан* чи дар забони олмонӣ ва чи дар забони тоҷикӣ маъмул аст. Дар сарчашмаҳои илмӣ ба маънои: *мачбур шудан, ночор, ноумедона, маъюсона, фикр ва андешақунон омадааст*. [Ф.И.Р. ч. 1с.812]

Ин ибораи фразеологӣ дар забони олмонӣ хангоми тарҷума қолаби тоҷикиро нигоҳ намедорад, вале аз ҷиҳати маъно мувофиқат мекунад.

Ошхонадор ҳанӯз он ошери, ки ман барои ӯ « қажқи чашм » гӯён гузошта будам, кашиди нагирифта будааст. Бойбача ба ивази он ба ошхонадор пул дода, вайро ба табақчае кашиди гирифта, оварда	<i>Er erhob sich und ging zu Standbesitzer, der den Rest Pilaw noch nicht aus dem Topf herausgenommen hatte. Der junge Mann bezahlte den Pilaw, schutelte ihn auf einen Teller und brachte</i>
--	---

<i>пеши ман ниҳод.[2.1,с.40]</i>	<i>ihn mir. [2.2,s.57]</i>
----------------------------------	----------------------------

Ибораи фразеологӣи *ҳаҷқи чашм* дар асари «Марги судхур»-и Садриддин Айни серистифода буда, ба маънои *музди кори касеро додан* истифода шудааст. Дар мисоли зерин ибораи фразеологӣи *ҳаҷқи чашм* тарҷумаи маҷозӣ шудааст.

Ибораи фразеологӣи *гардам аз саратон, аз саратон гардам* дар ҷумлаҳои фразеологӣи яктаркиба истифода шуда, дар шакли тасрифӣ шаҳ шуда меояд. Дар баъзе ҳолатҳо шакли эҳтиромӣ низ мегирад.

<i>-Ин аберааш: гардам аз саратан-гӯфт Кори дар ҳолате, ки даҳонаш пури ош буд ва суҳанаш базӯр фаҳмида мешуд.[2.1,с.39]</i>	<i>Das ist bereits ein Urenkel, mein Bester! Antwortete Kori. Sein Mund war so vollgetopft, dass wir die Worte kaum verstanden.[2.2,s.54]</i>
--	---

Дар охир ҳаминро гуфтаниам, ки дар асари «Марги судхур»-и С.Айни истифодаи калимаҳои *даст, чашм, сар* бисёр ба чашм мерасанд ва ҷузъи асосии воҳидҳои фразеологӣ ба шумор мераванд. Аз рӯи ақидаи А.Блюма фразеологизмҳо дар забони муосири англис гурӯҳи калонеро ташкил медиҳанд. Яке аз аъзоҳои серистеъмоли ин гурӯҳ калимаи *даст* мебошад. Баъди вай калимаҳои *чашм, сар, пой, китф* ва ғайраҳо меоянд. [А. Блям 2000]. Дар забонҳои гуногун калимаҳои узвҳои бадан на танҳо дар ҷумлаи ишпинок мекунад, ичунин характери маҷозӣ доранд. Узвҳои бадан дар идиомаҳо, зарбулмасалҳо истифода шуда, тавассути онҳо одамон кӯшиш мекунад, ки фикр ва мақсади худро расонад, ё ки таъсирбахш гардонад. Бинобар ин, одамон ба ёрии ин калимаҳо мешитобанд. Мисол:

- etwas an den Fingern herzahlen* – панҷ панҷа барин донистан.
- j-m den Kopf verdrehen* – сари касеро гаранг кардан.
- j-s Herz gewinnen die Herzen brechen* – ошиқ шудан.
- in den Obren liegen* – бекор гаштан.
- den Kopf verlieren* – сару калобаро гум кардан.
- in den Obren liegen* – хира шудан, дар чони касе задан.

АДАБИЁТ

1. Manfred Lorenz «Der Tod des Wucherers» Verlag Kultur und Fortschritt, 1966. Berlin 256s.
2. Садриддин Айни «Марги Судхур» - Самарқанд, 1952.- 159 с.
3. Б.П.Шекасюк «Новый Немецко-Русский фразеологический словарь. Москва. 2009. 859 с.
4. Муллоҷон Фозилов. «Фарҳанги ибораҳои рехтаи забони ҳозири тоҷик» ҷилди 1,2. 952 с.
5. Махьяновой Гульназ Замиловны. «Фразеологические единицы немецкого языка с компонентом часть тела». Выпускная работа. Оренбургский Государственный Педагогический Университет. 2005. 52с.
6. Х.Мачидов. «Фразеологияи забони ҳозири тоҷик». Душанбе. 1982. 103с.

СЛОВА «АСТ, ЧАШМ, САР» В СОСТАВЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ ТАДЖИКСКОГО ЯЗЫКА И ИХ ПЕРЕВОД НА НЕМЕЦКИЙ ЯЗЫК (НА ОСНОВЕ ПОВЕСТИ С. АЙНИ «СМЕРТЬ РОСТОВЩИКА»)

В статье рассматриваются слова «даст», «чашм», «сар» в составе фразеологических единиц на материале произведения С.Айни «Смерть ростовщика» и даются переводы этих оборотов на немецком языке.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: фразеологические единицы, даст, чашм, сар, переводы, частотные слова, прямое, переносное значение, части тела.

THE WORDS “HAND”, “EYE”, “HEAD”, IN THE PHRASE LOGICAL UNITS IN TAJIK LANGUAGE AND IT’S TRANSLATION IN GERMAN. IN AYNIS POEM “MARGI SUDKHUR”

In this article has given information about the word of “hand”, “eye” “head” of physiological units at the material of Ayni’s roman “Margi sudkhur” and given the translation of that words in deutch language.

KEY WORDS: phaseologikal units, hand, eye, head, traslutions figuering words, direct, figuratire words (meanings), parts of body/

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Т.С. Талабов – асситстент общеуниверситетской кафедры немецкого и французского языков Таджикского национального университета. **Телефон:** 93-584-81-29

КОНТЕКСТУАЛЬНАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ФОРМ СИНТАКСИЧЕСКОЙ СВЯЗИ УПРАВЛЕНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА И ОТБОР ПАДЕЖНЫХ ФОРМ ПРИ ИНТЕНСИВНОМ ОБУЧЕНИИ РЕЧИ

Ф.М. Хамрокулов

Худжандский государственный университет им. Б. Гафурова

Синтетический строй русского языка и, в первую очередь, русская падежная система - фактор, усложняющий овладение русским языком, способствующий созданию представления о русском языке как языке, чрезвычайно трудном для изучения. На занятиях практикой речи то и дело возникают вопросы, значение которых выходит за пределы индивидуального и частного интереса. Вызывающие их явления связаны с развитием языка, его полнокровным противоречивым функционированием, живой стилистикой. Они либо не замечаются носителями языка как естественные элементы среды, либо, попадая в светлое поле сознания, волнуют их больше чем иностранцев, вызывая горячие споры и несогласие. В употреблении языка такие явления требуют свободного и осмысленного выбора, а относящиеся к ним вопросы не имеют однозначного ответа. Тут необходимы разъяснения, сопоставления, исторические справки, ссылки на авторитеты.

Как известно, грамматическая информация каждого языка может быть содержательной (основной) и избыточной (вспомогательной). Основная грамматическая информация выражает понятия или связи, объективно существующие, т.е. она сообщает о реальных экстралингвистических фактах и отношениях, а не об особенностях слов, обозначающих эти факты, явления, отношения.

Вспомогательная информация относится к плану выражения и говорит об особенностях структуры кода, а не о содержании сообщения, закодированного в символах того или иного языка.

Понятие содержательности грамматической информации тесно связано с понятием семантической значимости формы в предложении.

Синтаксема – элементарная (минимальная) единица синтаксического уровня языка, характеризуемая морфологическим оформлением, категориально-семантическим значением и определенным набором синтаксических функций.

Связанные синтаксеммы реализуют свои значения только в словосочетании в качестве зависимых элементов, их функция в предложении – распространение других синтаксем (*соответствовать данным, выделять энергию*).

Свободные синтаксеммы – это самостоятельные семантико-синтаксические единицы. Они могут входить в состав словосочетания, могут в качестве самостоятельной единицы входить в состав предложения и даже функционировать автономно.

Конструктивно-обусловленные синтаксеммы реализуют свое значение, как и связанные, исключительно в синтаксическом контексте, но в составе не словосочетания, а целого предложения. В отличие от свободных синтаксем конструктивно-обусловленные самостоятельного номинативного значения не имеют (открыт Менделеевым).

Исходя из этого, при рассмотрении падежных форм существительных необходимо установить, какую синтаксему представляет та или иная словоформа, т.е. к какому из трех функциональных типов синтаксем (свободных, обусловленных или связанных) она принадлежит.

Значение связанных синтаксем, как уже говорилось выше, реализуется в словосочетании, куда они входят в роли зависимого компонента. Падежная форма связанной синтаксеммы является только показателем её синтаксической зависимости от другого слова и, следовательно, передает не- реальное, содержательное значение, а отражает только внутрисистемные связи русского языка. Общее значение словосочетания, в которое входит связанная синтаксема, выводимо из семантики его компонентов; падежная флексия синтаксеммы в формировании этого общего значения не участвует.

Однако следует отметить, что даже и в этих случаях адекватность понимания, как правило, будет обеспечена широким контекстом; преувеличение роли формальных показателей в разрешении такого рода омонимии связано с тем, что при анализе примеры изолируются от контекста.

Умение ориентироваться в структуре предложения, опирается на нее при понимании предложения, при определении важности в нем данного слова – умение чрезвычайно важное для развития способности к беспереводному пониманию текста. Форма может не иметь самостоятельной семантической значимости и не быть высокочастотной, но выступать в качестве яркого формального ориентира для определения структуры предложения. Например, форма творительного падежа, занимающая по частотности пятое место среди падежных форм и реализующая свое значение, как правило, в составе словосочетания (чаще всего она выступает как связанная или обусловленная синтаксема: являться основателем, служить примером, называться щелочью), должна быть, тем не менее введена в грамматический минимум, поскольку

существительное в этой форме входит в состав предикативной группы; знание формы творительного падежа позволит быстро выделить эту группу и провести при необходимости последующий анализ предложения. Отсюда третий критерий, который должен учитываться при отборе падежных форм, - критерий структурной значимости падежной формы.

Учет трех названных критериев (семантической значимости, частотности, структурной значимости) полагает определить роль падежных форм в процессе понимания текста и в соответствии с этим наметить пути решения вопроса о включении / невключении той или иной падежной формы в грамматический минимум высказывания.

В работе над созданием текста высказывания и его редактирования часто приходится сталкиваться с вопросами синтаксического управления – выбором надлежащей падежной формы и подходящего предлога. Несмотря на значительную стабильность конструкций с управлением, нередко наблюдаются случаи колебания, вариативности, вызывающие затруднения.

В самом деле, многие, вероятно, задумывались над вопросом, как лучше (правильнее) сказать: *предостеречь* от кого – чего или *предостеречь* против кого – чего, *извериться* в ком – чем или *извериться* в кого – что, *иммунитет* к чему или *иммунитет* против чего, *нужный* кому или *нужный* для кого и т.п. В чем смысловое различие между сочетаниями *удостоить* чего – *удостоить* чем, *удовлетворять* что – *удовлетворять* чему, *обеспечить* кого чем – *обеспечить* кому что, *работать* вечерами – *работать* по вечерам и т.д.? В чем стилистическое различие между сочетаниями *идти* за водой – *идти* по воду, *пройти* около километра – *пройти* с километр, по возвращении *из отпуска* – после возвращения *из отпуска*, *дай* ножичек – *дай* ножичка и т.д.?

При отборе материала естественно встает вопрос о сущности синтаксического явления, называемого управлением.

Понятие управления формулируется неоднозначно. В широком смысле слова под управлением можно понимать связь, получающую свое выражение в любой падежной или предложно-падежной форме, зависящей от господствующего слова.

Критерием для отбора были не столько «трудности» самого управления (большая их часть знакома человеку, владеющему литературным языком), сколько затруднения, возникающие при выборе вариативных конструкций, различающихся смысловыми или стилистическими оттенками. Сюда относятся случаи глагольного и именного управления:

1) Двухвариантное управление типа:

- а) ждать, желать, просить, требовать... кого – чего и кого – что;
- б) дарить, жаловать, обеспечить... кого чем и кому что;
- в) взять, выпить, добавить, принести... что и чего;
- г) выведать, добиваться, допытываться, узнать... от кого и у кого;
- д) возбудить, выявить... в ком и у кого;
- е) вертеть, вращать... что и чем;
- ж) бороться (борьба), сражаться... против кого – чего и с кем – чем;
- з) лекарство, средство... от чего и против чего;
- и) выгодный, дорогой, доступный... для кого и кому;
- к) готовый, способный... к чему и на что;

2) трехвариантное управление типа:

- а) вспоминать, говорить, знать... что, о чем и про что (ряд можно продолжить, включив в него стилистически окрашенные предлоги *насчет*, *касательно*, *относительно*);
- б) говорить, грустить, скучать, тосковать... о ком, по кому – чему и по ком – чем;
- в) взыскивать, собирать, требовать... от кого, с кого и у кого;
- г) алчный, жадный, падкий... до чего, к чему и на что.

Включены конструкции с глаголами, указывающими на перемещение в пространстве, типа *перевалить*, *переехать*, *перейти*, *перепрыгнуть*, *переступить*... что и через что.

Значительную группу составляют конструкции, указывающие направление действия и место действия, типа *повесить*, *положить*, *поместить*, *поставить*... куда (на что, во что) и где (на чем, в чем).

Примеры употребления конструкций можно представить в форме речений, отдельных предложений и цитат из художественной и общественной, политической литературы, научной и деловой речи.

КОНТЕКСТУАЛЬНАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ФОРМ СИНТАКСИЧЕСКОЙ СВЯЗИ УПРАВЛЕНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА И ОТБОР ПАДЕЖНЫХ ФОРМ ПРИ ИНТЕНСИВНОМ ОБУЧЕНИИ РЕЧИ

В статье характеризуются факторы, усложняющие овладение русским языком – контекстуальная обусловленность использования форм синтаксической связи управления русского языка и отбор падежных форм при интенсивном обучении русской речи,

а также явления, вызывающие употребление связи управления. На материале словаря представляется грамматическая информация о содержательной (основной) и избыточной вспомогательной лексике, основанной на связи управления, которая требует свободного или осмысленного выбора. На лексическом иллюстративном материале характеризуются грамматические информации, выражающие понятия или связи, объективно существующие в рамках различных конструкций, а также дается вспомогательная информация, относящаяся к плану выражения и особенностям структуры кода содержания сообщения, закодированного в этих символах. **КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:** синтаксический строй русского языка, русская падежная система, падежные формы, грамматическая информация языка, семантическое значение.

КОНТЕКСТУАЛЬНАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ФОРМ СИНТАКСИЧЕСКОЙ СВЯЗИ УПРАВЛЕНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА И ОТБОР ПАДЕЖНЫХ ФОРМ ПРИ ИНТЕНСИВНОМ ОБУЧЕНИИ РЕЧИ

The article dwells on the factors complicating the mastering of the Russian language – contextual preconditioning concerned with the usage of the forms of syntactical link – that of government – and selection of case form in the process of intensive tuition in Russian discourse; the phenomena causing the usage mentioned being considered too. Resorting to dictionary material the author presents grammar information as to content (basic) vocabulary and surplus auxiliary one related to the link of government that requires free or cogitated choice. Grammar information expressing notions or links objectively existing in the frames of different constructions is presented on illustrative lexical material; the author adduces also auxiliary information referring to the plane of expression and the peculiarities of the content code structure lying in these symbols.

KEYWORDS: a syntactic system of Russian, Russian case system, case forms, the grammatical information of language, semantic value.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: *Ф.М. Хамрокулов* – декан факультета русской филологии Худжандского государственного университета им. Б.Гафурова

МУАРРАБОТ ДАР «ФУТУВВАТНОМАИ СУЛТОНӢ»-И ХУСАЙН ВОИЗИ КОШИФӢ

У. Саъдуллоев
Донишгоҳи миллии Тоҷикистон

Таркиби луғавии забон ҳамеша дар инкишоф аст ва он ҳама гуна навигариҳои дар ҳаёти ҷамъият баамаломадаро ба воситаи калимаҳо дар худ инъикос менамояд. Асоси таркиби луғавии забонро калимаҳои худӣ забон ташкил медиҳанд.

Вожаҳои тоҷикӣ дар давру замони гуногун ба забони арабӣ иқтибос шуда, баъд аз гузашти муддати муайяне аз нав ба забони тоҷикӣ пас баргаштаанд. Яке аз сабабҳои асосии тағйири овоз гирифтани вожаҳои тоҷикӣ иваз шудани фонемаҳои аслии тоҷикии **г,п,ж, ч** ба овозҳои **қ,ҷ,ф,ш** аст. Чунон ки забоншинос М.Н. Қосимова зикр мекунад: «Дар осори асрҳои IX-X аз сабаби дар забони арабӣ набудани якчанд фонемаҳои забони тоҷикӣ ё ки дар забони арабӣ душворталаффуз будани як қатор калимаҳои забонҳои эронӣ як гурӯҳ калимаҳои забони тоҷикӣ муарраб шудаанд» (8, 85).

«Футувватномаи султонӣ» боарзишгарин осори панду ахлоқии Хусайн Воизи Кошифӣ буда, дар заминаи футувватномаҳои қаблӣ... ба вучуд омадааст... Аз ҷиҳати дар бар гирифтани асосҳои футувват ва роҳу равиши ҷавонмардон комилгарин асари тарғиботӣ дар таърихи адабиётмон ба ҳисоб меравад...» (9, 11).

Дар асар теъдоди вожаҳои муарраб 5-то мебошад.

Сарвол: Иброҳим алайҳиссалом **сарволро**, ки дар форсӣ зерчома гӯянд ва аҳли Ироқ барои эшон муқаррар кард ва ӯ як ҷузв аз ҳирқа аст, чунончи, футувват як ҷузв аз тариқат аст ва ба воситаи он, ки майл карданд, илми футувват машҳур шуд (3)*.

Ин вожа дар «Фарҳанги забони тоҷикӣ» ҳамчун калимаи арабӣ ба маънии эзор, лозимӣ, почома бидуни мисол оварда шудааст (20, 203).

Дар «Луғатнома»-и Деҳхудо вожаи мазкур муарраб зикр гашта, бо ишора ба фарҳанги «Мунтаҳоулараб» шакли ҷамъии арабии он ба сурати *سروايل* *sarāvīl* ва шакли дигари он бо ишора ба «Фарҳанги Онандроҷ» чун *سرواله* *sarvāla* нишон дода шудааст. Ин калима бо мисоле аз «Фарҳанги Онандроҷ» ва «Ғиёсуллуғот» ҳамчун «шалвор, зерчома, пойчома» маънигузорӣ гардидааст (2, 13630).

Ин вожа зоҳиран муарраби калимаи *شلول* *šalvār/šulvār* аст, ки дар повараки «Бурҳони қотъ» ба он ишора гардидааст (15, 1289). Ба ақидаи мусаннифи ин фарҳанг Муҳаммад Муин, *سربال* *sarbal* шакли

* Хусайн Воизи Кошифӣ. Футувватномаи султонӣ. Бо эҳтимоми Муҳаммад Ҷаъфари Махҷуб. – Техрон, 1350 ш. – 426 с. Минбаъд дар қавсайн ба саҳифаҳои ҳамин асар ишора мешавад.

дигари муарраби ин вожа мебошад ва асли он калимаи сохта буда, решаи он *شال* *šal* «рон» ва *وار* *vār* пасванди нисбат аст. ӯ бо далел ба осори илмӣ ва манобеи решашиносӣ роиҷ будани ин калимаро дар дигар забонҳои эронии ғарбӣ ва шарқӣ нишон додааст (15, 1289). Пайдоиши решаи калима *šal* ҳанӯз дуруст муайян нагардидааст, аммо маншаи хиндуэронӣ (ориёӣ) доштани он аз эҳтимол дур нест.

Агар жарфтар назар андозем, асли вожаи зикршуда тоҷикиву форсӣ, ки ин фикрро Мухаммад Ғиёсуддин такмил бахшида, равшантар чунин баён доштааст: «Зоҳиран дар асл шалвор бувад, ки мураккаб аст аз шал, ки (ба фатҳи шини мӯъҷама) ба маънии рон аст ва вор, ки калимае ба маънии лоиқ бошад. Пас «лом»-ро ба «ро»-и мӯҳмала ва «ро»-и мӯҳмаларо ба «лом» бадал кардаанд, шарвол ҳосил шуд. Баъдуху муарраб карданд. Ба қоидаи таъриб «шин»-и мӯъҷамаро ба «син»-и мӯҳмала бадал намуданд ва аввалро касра доданд, чаро ки вазни фаълон дар каломӣ аъроб наёмада, илло хазъол сарвол шуд» (13, 421).

Ибриқ: . . **ибриқ** бардоштан ба дасти чап, асо доштан ба дасти рост ва охир коса доштан (83).

Ин вожа дар «Фарҳанги забони тоҷикӣ» ҳамчун калимаи арабӣ ба маъниҳои «зарфи чунбаку дастадор барои об ё май, кӯзача; офтоба, зарфи майнӯши» тафсир гардидааст (19, 464) ва Мухаммад Ғиёсуддин меафзояд, ки ованди чармини лӯладор, бад-он вузӯъ кунанд ва ин муарраби обреза аст (13, 32). Муарраб будани ин вожа дар «Фарҳанги тафсирии забони тоҷикӣ» низ ишора шудааст (21, 533). Дар матн ба маънии кӯзача барои об нӯшидан ва таҳорат кардан корбаст шудааст.

Аммо манбаъҳои дигар ва далелҳои илмӣ нишон медиҳанд, ки зоҳиран калимаи мазкур аслан арабӣ нест. Масалан, дар «Луғатнома»-и Деххудо бо иттиқо ба сарчашмаҳои хаттӣ ва ба хусус фарҳанги арабии «Тоҷуларӯс» ду шакли форсии ин калима *أبريق* ва *أبريز* оварда шуда, «ибриқ» чун шакли муарраби он тавзеҳ гардидааст, ки «абориқ» (*البريق*) шакли ҷамъии арабии он аст. Ҳамчунин бояд зикр кард, ки дар «Луғатнома» ба ҷуз чанд маъниҳо, ки дар «Фарҳанги забони тоҷикӣ» оварда шудааст, ба мафҳуми «зарф» иртибот дорад, боз маъниҳои дигари маҷозии ин калима («Вазне муодили ду ман; шамшерӣ неки тобон; камони дурахшон; зани бисёр соҳибҷамоли тобонбадан») низ бо истинод ба фарҳангу маъхазҳои марбута зикр гардидааст (2, 312).

Далели ҷолиби дигар ин аст, ки куҳантарин манбаъ, ки аксари фарҳангҳо ба он таъяс кардаанд, мисраи маъруфи як рубоии Хайём аст («Ибриқи майи маро шикастӣ. . .»), аз ин рӯ, корбурди ин калима дар осори пеш аз асри XI то ҳол ба назар нарасидааст.

Дар сурате ки **ибриқ** ҳамчун муарраби **обреза** пазируфта шавад, лозим меояд, то шакли роиҷи ин вожа дар замони иқтибоси он дар забони арабӣ муқаррар карда шавад, зеро имкони ба сурати **ibriq** даромадани **abrez** амалан вучуд надорад. Аз ин рӯ, шаклҳои қадимитари ин вожаро бояд ҷуст, ки аз рӯи таҳаввули савтӣ ба шакли муарраби он наздиктар бошад. Шакли таҳаввули таърихӣ ин вожаро метавон ба сурати ***āp-rika- > *ab-rika- > *ab-rik > ibriq** барқарор кард, ки калимаи таърихан мураккаб буда, решаи аввали он **āp- (> ap- > ab- > ib-)** 'об' аст. Мук. шавад: авестой *āp-* f. 'Wasser' (3, 329), авестой *ā/āp-*, хиндӣ қад. *āpa-*, *ap-* (18, 432). Решаи дувуми ин вожа ***rik- (> riq)** аст; мук. шавад: авестой *raek-* 'linquere' (3, 1479); решаи **RAIK**, авест. *raek-*, **riśya-* «мондан, тарҷ кардан», хиндӣ қадим *riśya-*, *riktā*, сакоии хутанӣ *pij-* «қафо гузоштан» (< **raikaya-*) (5, 115), паҳлавӣ *rēz- : rēxt*, форсӣ ва тоҷикӣ *rez- : rext* «рехтан» (18, 304). Аз ин реша дар забонҳои гуногуни эронӣ калимаҳои зиёде бо маъниҳои гуногун маншаъ гирифтаанд (муфассалтар ниг.: 10, 65; 11, 68-69; 12, 536 - 549; 7, 349; 1, 45; 17, 73).

Вожаи **обреза** аз ду реша иборат аст, **об** ва **рез** (рехтан). Вожаи **об** дар порсии қадим **apī**, авестой **ap**, суғдӣ **ap**, санскрит **āpa** (**āp**) (6, 63) ва дар калимаи мазкур (ибриқ) шакли «иб»-ро гирифтааст. Ҷузъи дуум бошад, **рез** аз рехтан, дар форсии миёна **retin**, суғдӣ **wirec**, ки дар калимаи мазкур шакли **риқро** гирифтааст. Сабаби шакли дигар гирифтаи ин аст, ки вожаи **обреза** дар қолаби арабии ифғил ҷойгир кардаанд, ки дар натиҷа вожаи **обреза** ба шакли **ибриқ** мубаддал гаштааст.

Дин: Аз суҳанони ақобири дин ҳар калима, ки бишнавад ба сурати он қаноат накунад. . . (178).

Дар матни мазкур ба маънии мазҳаб, кеш корбаст шудааст. Дар забони арабӣ вожаи **дин** серистеъмол аст ва шакли ҷамъии ин вожаро «адён» сохтаанд. Нуктаи дигарро бояд қайд кард, ки баромади вожаи зикршударо дар «Фарҳанги забони тоҷикӣ» ва «Фарҳанги тафсирии забони тоҷикӣ» аз забони арабӣ медонанд ва ба ду маънӣ шарҳ додаанд: 1) мазҳаб, кеш; 2) тарик, оин (19, 380; 21, 453). Муаллифони «Ғиёсуллуғот» ва «Фарҳанги форсӣ» Мухаммад Ғиёсуддин ва Мухаммад Муин овардаанд, ки **дин** дар форсӣ номи бисту чаҳорум аз ҳар моҳи шамсӣ аст. Мухаммад Ғиёсуддин меафзояд, ки **дин** дар арабӣ ба маънии подош додан; ва ба маънии ҳисоб, чунон ки «молики явмуддин» (молики рӯзи ҳисоб) ва билфатҳ (яъне дайн) дар арабӣ маънои воме, ки дар фулон рӯз адо карда хоҳад шуд. Агар вақти адои он муайян набошад, онро қарз гуянд (13, 352-353).

Деххудо зикр кардааст, **دین** калимаест, ки дар забонҳои мухталифи ориёӣ ва соми ба маъноҳои гуногун роиҷ аст ва дар забони арабӣ вожаи иқтибосист, ки ба воситаи забони оромӣ аз забони аққадӣ ворид гардидааст (ниг.: 2, 11417).

Дар повараки «Бурҳони қотей» вобаста ба манбаъҳои решашиносии эронӣ мавҷудияти калима ба суратҳои гуногун таъкид гардидааст: авест. **daēna-**, паҳлавӣ **dīn**, позанд **dīn**; **dāēna-** аз масдари авестоии **dā-** «шинохтан ва андешидан». Дин дар «Готҳо» ба маъниҳои мухталиф – «кеш, хасоиси руҳӣ, ташхиси маънавӣ ва вичдон» ва ҳамчунин номи яке аз эздони зардуштӣ, ки ниғаҳбони рӯзи 24-уми моҳи боязид аст, омадааст. Зикр мешавад, ки Берунӣ мавҷуд будани калимаи دین dīn-ро ҳамчун номи ин рӯз дар забонҳои хоразмӣ ва суғдӣ ёд кардааст. Аммо «дин» дар арабӣ аз решаи дигар (< аккадӣ dīnu, dēnu «қонун, ҳақ ва доварӣ») аст, яъне баромади сомӣ дорад (ниг. 15, 916).

Бояд зикр намуд, ки дар сарчашмаҳои илмӣ ба маънои «оин, мазҳаб» истеъмоли гардидани ин калима низ ба мушоҳида мерасад. Дар бораи шакли авестоии ин вожа (daēnā- f. 'Religion') ва соири маъниҳои он Х. Бартоломе иттилои муфассал додааст (3, 662-665) ва ҳамчунин Б. Қариб мавҷудияти ин вожаро дар забони суғдӣ (dūn, dēn «дин, оин, мазҳаб») баррасӣ намудааст (7, 149-150).

Муҳаққиқ Артур Чефрӣ менигорад: «Ин вожа ду маъниро ифода кунад: 1) дину мазҳаб; 2) доварӣ ва ҳукм. Дар маънии дину мазҳаб вожа аз решаи эронӣ гирифта шудааст. Дар забони паҳлавӣ мо вожаи «дин» ба маънои мазҳаб ва динро дорем, ки аз «динак» ба маънои қонуни динӣ, ҳамдин ба маънои қонуни динӣ, ҳамдин ба маънои ҳамдину ҳаммазҳаб ва «диноқ» ба маънои одами мазҳабӣ ва мутадаийин ва мӯмин омадааст. (Ҳарчанд ки эҳтимол дорад, ки худ ин вожаи эломии «диэн» гирифта шуда бошад). Гузашта аз он вожаи «дин» дар форсии қадим аз он гирифта шудааст. Дин ба маънои доварӣ ва ҳукм гирифта шуда, аз оромӣ аст. Муҳаққиқ Ведан Гран ба ихтилофи акониди Артур Чефрӣ чунин менигорад: «Ҷойи таъҷуб аст, ки муаллиф (яъне Артур Чефрӣ) мегӯяд, ки вожаи авестоии «диэно» худ эҳтимолан аз вожаи эломии «дин» гирифта шудааст. Дар ҳақиқат вожаи «диэно» ҳамон вожаи санскрити дехшност. Боре сурати саҳеҳи вожа дар паҳлавӣ «дин» аст» (4, 3–4).

Аз навиштаҳои боло бармеояд, ки ақидаҳои донишмандон дар атрофи вожаи **дин** мухталифанд. Мавриди зикр аст, ки вожаи **дин** дар порсии қадим дар шакли **daina** вучуд дошт (ниг.: 16, 29). Дар забони порсии қадим ду дифтонг **ai** ва **av** истифода мешуд. Дар вожаи «**daina**» дифтонги «**ai**» ба назар мерасад. Агар дифтонги «**ai**» пеш аз овозҳои сонорӣ «**m**» ва «**n**» ояд, ба овози «**ф**» бадал мегардид. Дар натиҷа вожаи «**daina**» шакли «**dīn**»-ро гирифт. Ба мисоли вожаи «**saima**» - «**sim**». Дар забони форсии миёна дар шакли «дин» истифода мегардид (дар ин давра китоби динӣ бо номи «Динкарт» мавҷуд буд).

Сироч: Вожаи мазкурро дар «Фарҳанги забони тоҷикӣ» ва «Фарҳанги тафсирии забони тоҷикӣ» шакли арабишудаи чароғ // чироғ медонанд (20, 242; 22, 250) ва ба маънии чароғ ва офтоб меояд (13, 419). Аммо Деххудо бо тақия бар чанд фарҳанги арабӣ ин калимаро чун вожаи арабӣ зикр кардааст (2, 13548). Муҳаммад Муин низ ин калимаро арабӣ ташхис додааст, ки соғоӣ шакли чамъи он аст (14, 1849).

Дар «Бурҳони қотей» зайли повараки چراغ čarāy/čīrāy омадааст, ки ин калима форсист ва ба сурати سراج дар забонҳои оромӣ, суриёний ва арабӣ низ ворид шудааст (15, 625).

Сабаби шакли дигар гирифтани вожаи **чироғ** дар забони арабӣ набудани фонемаи «ч» мебошад, ки ба «с» мубаддал гардидааст.

Дар асар дар дохили оя чунин омадааст: Чунончи Худои Таъоло мефармояд: Ва чаала ашшамса **сирочан** (16,71), пас чун шаб дарояд ба ивази чароғи офтоб, чароғи дигар бояд (377).

Чавҳар: Бидон, ки фақр чавҳарест аз кони вилоят берун омада ва ахтарест ба осмони ҳидоят тобон шуда (40).

Дар «Ғиёсуллуғот» чунин шарҳ ёфтааст: «муарраби гавҳар аст, ба маънии санги қимате ва асли ҳар шайъ ва хулосаи он ва ба истилоҳ чизе ки ба зоти худ қоим бошад ва ин чавҳар зидди араз аст ва араз онро гӯянд, ки ба зоти худ қоим набошад, балки қиёми араз ба василаи чавҳар бошад, чунон ки лавҳ ва нақш. Пас лавҳ чавҳар аст ва нақш араз; ва чомаву ранг; чома чавҳар аст ва ранг араз. Ва Алихони Орзу дар «Сироч» навишта, ки чавҳар муарраби гавҳар аст ва ба маънии мавҷи оҳан ва мавҷи чӯб ва устухон ва ин итлоқи форсиёни арабидон аст ва илло дар арабӣ ба ин маънӣ ёфта нашуда» (13, 250). Дар «Фарҳанги забони тоҷикӣ» ҳам вожаи чавҳарро муарраб аз вожаи гавҳар медонанд (20, 767) ва вожаи гавҳар чунин маъниҳоро ифода мекунад: 1) марворид, санги қиматбахо; 2) *фалсафӣ* асл, зот, асли ҳар чиз, сиришт, муқобили араз; 3) *мачозӣ* наҷод, насаб; 4) *мачозӣ* фарзанд; 5) *киноя* аз сухани мавзуни фасеҳ ва балеғ; 6) *мачозӣ* ашк, оби дида; 7) *мачозӣ* дандон (19, 248). Сабаби шакл гирифтани вожаи гавҳар ба чавҳар набудани фонемаи «г» дар забони арабӣ мебошад, ки дар натиҷа фонемаи мазкур ба овози «ч» бадал гаштааст.

Хулоса, теъдоди муарработ дар асар зиёд нест. Вожаҳое, ки мавриди шарҳ қарор додем, аз ҷумла вожаҳои **сарвол** ва **ибриқ** дар асар камистеъмоли буда, вожаҳои **дин** ва **сироч** серистеъмолианд.

АДАБИ ЁТ

1. Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка, том 2. – Л., 1973. – с. 45.
2. Алиакбар Деххудо. Луғатнома. – Теҳрон, 1377. Чопи дуввум. – Ҷ.1-15. – 23902 с.

3. Bartholomae Chr. Altiranisches Wörterbuch. Zusammen mit zum Altiranischen Wörterbuch von Christian Bartholomae. Mit einem persischen Vorwort von Badr al-zanan Gharib. – Teheran: Asatir, 2004. – 1999 с.
4. Баҳоуддини Хуррамшоҳӣ. Калимаҳои форсӣ дар Қуръони маҷид // Чашмаандоз. 2001. №2. -с.3-4.
5. Emmerick R.E. Saka grammatical studies. – Leiden, 1968 (Oriental Series, vol. 20). – с. 115.
6. Каримов А. Хрестоматияи забони паҳлавӣ. - Душанбе, 1978. - 146 с.
7. Gharib B. Sogdian Dictionary. – Tehran: Farhang Publications, 1995. – 517+57с.
8. Қосимова М.Н. Таърихи забони адабии тоҷик (асрҳои 9-10). Қисми 1. - Душанбе, 2003. - 490 с.
9. Қурбони Восеъ. Назаре ба «Футувватномаи султони», «Ахлоқи мӯҳсинӣ» ва «Рисолаи Ҳотамия»-и Хусайн Воизи Кошифӣ // Футувватномаи султони. Ахлоқи мӯҳсинӣ. Рисолаи «Ҳотамия» - Душанбе: Адиб, 1991. – с. 11.
10. Morgenstierne G. An etymological vocabulary of Pashto. – Oslo, 1927. – с. 65.
11. Morgenstierne G. Indo-Iranian frontier languages, vol. II. – Oslo, 1938. – 679 с.
12. Morgenstierne G. Etymological vocabulary of the Shughni Group. – Wiesbaden, 1974. с. 86.
13. Муҳаммад Ғиёсуддин. Ғиёсуллуғот. Ҷ.1. - Душанбе: Адиб, 1987. -с.398.
14. Муҳаммад Муин. Фарҳанги форсӣ. - Техрон, 1996. Ҷ.2. -2274 с.
15. Муҳаммадхусайни Бурҳон. Бурҳони қотеъ. Бо эҳтимоми Муҳаммад Муин дар чаҳор ҷилд. – Техрон, 1362. – 2469 с.
16. Саймиддинов Д. Форсии бостон. - Душанбе, 2007. - 211 с.
17. Соколова В.С. Генетические отношения язгулямского языка и шугнанской языковой группы. – Л., 1973. – с. 73.
18. Стеблин-Каменский И.М. Этимологический словарь ваханского языка. – Спб.: Петербургское востоковедение, 1999. – 478 с.
19. Фарҳанги забони тоҷикӣ. - М.: СЭ. 1969. Ҷ.1. -951 с.
20. Фарҳанги забони тоҷикӣ. - М.: СЭ. 1969. Ҷ.2. -949 с.
21. Фарҳанги тафсирии забони тоҷикӣ. Ҷ.1. – Душанбе, 2008. – 950 с.
22. Фарҳанги тафсирии забони тоҷикӣ. Ҷ.2. – Душанбе, 2008. – 945 с.

АРАБИЗМЫ В «ФУТУВВАТНОМАИ СУЛТОНИ» ХУСАЙНА ВОИЗА КОШИФИ

Статья посвящена изучению и исследованию использования арабизмов в «Футувватномаи султони» Хусайна Воиза Кошифи. В данном произведении использованы пять арабизмов и к каждому из этих слов дается подробное разъяснение в данной статье.
КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: арабизмы, использование арабизмов в «Футувватномаи султони» Хусайна Воиза Кошифи.

ARABIC WORD IN THE «FUTUVVATNOMAI SULTONI» HUSAYNA VOIZI KOSHIFI

Article is devoted studying and research of use of Arabic words in Husayna Voizi Koshifi. In the given product five Arabic words are used and to each of these word the detailed explanation in given article is given.
KEY WORDS: Arabic words, use of Arabic words in the «Futuvvatnomai sultoni» Husajna Voizi Koshifi.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: У. Саъдуллоев - соискатель кафедры истории языка и типологии факультета таджикской филологии Таджикского национального университета. **Телефон:** 918-68-80-55

ГУНАҲОИ (ВАРИАНТҲОИ) ВОҲИДҲОИ ФРАЗЕОЛОҒИ ДАР ЗАБОНИ ТОҶИКӢ ВА АРАБӢ

З. Шарипова
 Донишгоҳи миллии Тоҷикистон

Яке аз гурӯҳҳои маъноии воҳидҳои фразеологӣ ин гунанокӣ (вариантнокӣ) мебошад. Гунаҳои воҳидҳои фразеологӣ қолабҳои таркибан тағйирёфтаи ҳамон як фразеологизм мебошад. Гунаҳои воҳидҳои фразеологӣ аз ҳамдигар ва пеш аз ҳама аз инвариант асоси қолабии фразеологизм бо чанд ҷузъ, ё унсурҳои грамматикӣ худ фарқ мекунанд. Ҷиҳати умумии вариант бо инвариант сохти ягона, умумияти маъно ва образи заминии онҳо аст. Масалан фразеологизми **бо як тир ду нишон задан**-ро инвариант гӯем, ибораҳои **бо як тир ду сайд задан**, **бо як тир ду фохта задан** вариантҳои он мебошанд. Ин вариантҳо танҳо бо яке аз ҷузъҳои дохилиашон (сайд, шикор, фохта) аз ҳам фарқ мекунанд. Қолаб, маънои умумӣ, образ дар ҳамаи вариантҳо як аст.

Вариантҳои фразеологӣ аз ҳам бо мавқеи истеъмолиашон фарқ мекунанд. Масалан, агар ибораи **бо як тир ду нишон задан** характери умумистеъмолии дошта бошад ва дар забони адабӣ ва гуфтугӯи баробар ба кор бурда шаванд, пас варианти **бо як тир ду сайд задан** бештар дар гуфтугӯ ба кор бурда мешавад ва варианти **бо як тир ду фохта задан** характери шевагӣ дорад.

Роҳҳои ба вучудии вариантҳо гуногунанд. Онҳо бештар бо мақсадҳои услубӣ ба вучуд оварда мешаванд. Дар мавриди тасвири воқеа барои ба мазмуни ягон фразеологизм илова намудани

тобишҳои нави семантикӣ ва обуранги бадеӣ баъзе чузъ ва унсурҳои грамматикӣ фразеологизм иваз ё партофта мешавад, гоҳҳо ин ё он чузъи воҳиди фразеологӣ меафтад, ки аз ин семантикаи фразеологизм тағйир наёбад ҳам, он ба тобишҳои нави ҳиссӣ экспрессивӣ соҳиб мешавад. Масалан, дар иборай **худро ба нодонӣ задан, худро ба нофаҳмӣ задан**, ҷиҳати ҳиссӣ экспрессивии вариантҳо афзудааст. (3,59)

Вариантҳои воҳидҳои фразеологӣ бештар дар натиҷаи ивазшавӣ иловашавӣ ва афтидани унсурҳои лексикиву грамматикӣ фразеологизмҳо ба вучуд меоянд.

Ивазшавии унсури таркибӣ. Дар натиҷаи ивази яке аз чузъҳои синонимӣ ва ё аз ҷиҳати маъно наздик, инчунин унсурҳои дигари грамматикӣ варианти нави он пайдо мешавад. Масалан, **пои касеро аз осмон овардан, линги касеро аз осмон овардан; аз фикр гузарондан, аз ҳаёл гузарондан, аз дил гузарондан; тарсу харос, тарсу бим, тарсу ваҳм.**

Иловашавии унсури нав. Ба таркиби воҳиди фразеологӣ калима ё унсури грамматикӣ дохил мегардад, ки дар натиҷа фразеологизм ба

обуранги иловагӣ соҳиб мешавад: **лаб кушодан, лаб ба сухан кушодан; оҳ кашидан, оҳи чуқур кашидан, оҳи сард кашидан, оҳи бадард кашидан; ҷон супурдан, ҷон ба ҷаббор супурдан, ҷон ба ҷонофарин супурдан.**(3,59)

Афтидани унсури таркибӣ: Агар дар натиҷаи иловашавии чузъҳои нав чунин вариантҳои ба вучуд оянд, ки онҳо бо обуранги тозаӣ худ фарқ карда, гоҳҳо ба фразеологизм табдил ёбанд, пас вариант дар натиҷаи афтидани ин ё он чузъ ба вучуд омада обуранги тару тозаӣ ибтидоии худро ҳам гум мекунад. Масалан, иборай «ба осмон бардоштан» аз «ба осмони ҳафтум бардоштан» ба вучуд омадааст, ё ин ки ба ҳамин монанд: **ангушти хайрат газидан аз ангушти хайрат ба дандон газидан; афти кор- аз афти кор; мардуми чашм аз мардумаки чашм** пайдо шудаанд.(3,60)

Мо мехоҳем, тағйирёбии унсури таркибии вариантҳоро дар мисолҳои тоҷикӣ ва арабӣ нишон диҳем. Инчунин бояд зикр кард, баъзе фразеологизмҳо дар забони тоҷикӣ вариантҳои зиёд доранд, вале дар забони арабӣ фақат як варианти он вучуд дорад ё ин ки баръақс дар забони арабӣ фразеологизм варианти зиёд дорад, аммо дар забони тоҷикӣ онро танҳо як иборай фразеологӣ ифода мекунад.

Масалан дар забони тоҷикӣ **ба чашм, бо ҷону дил**- дар мавриди ризомандӣ, хуб шудааст, бо ҷонам. Дар забони арабӣ бошад طاعة و سمعا - яъне бо ҷону дил итоат мекунам; على الرأس و العين - ба чашм (лафз.ба сару чашм).

Фразеологизми **ба сар хоридан вақт надоштан** дорои чунин вариантҳост: **ба сархорӣ вақт наёфтган, ба сархорӣ даст нарасидан, ба сар хоридан даст нарасида мондан**-маъноӣ бениҳоят серкор буданро дорад. Дар забони арабӣ бо як ибора ифода мешавад: أصنع نون من القز (лафз.серкоргар аз кирмҳои абрешим); غرق للأفغان فى شيء-

Мафҳуми касеро саҳт ҷазо додан, касеро танбеҳ додан дар фразеологизми **онаи зори касеро нишон додан** ифода шудааст, ки аз он чунин вариантҳо ба вучуд омадааст: **очаи зори касеро нишон додан, очаи зори касеро аз Учқўргон нишон додан.**

Дар забони арабӣ ин ибора чунин садо медиҳад:

أريه نجوما حمراء فى عز الظهير - модари зори касеро нишон додан (лафз.ситораҳои сурхро дар нисфирӯзӣ ба касе нишон додан).

Фразеологизми **як себу ду тақсим, як себу ду пора, як себу ду кафон** варианти ҳамдигар буда, маъноӣ хеле ба якдигар монанд, айнан якхелро ифода мекунад. Варианти ин фразеологизм дар забони арабӣ чунин

аст: طبق الأصل - وقع الحافر على الحافر як себи ду кафон, ду чизи ба ҳам монанд (якхела мувофиқ афтода); طبق الصورة - як себи ду кафон (бо ҳам монанд).(4,77)

Чуноне ки дар боло қайд кардем баъзе фразеологизмҳо дар забони арабӣ дорои вариантҳои зиёданд, вале дар забони тоҷикӣ танҳо як ибора метавонад ин мафҳумро ифода кунад. Чунончӣ: **аз об хушк баромадан**- яъне гуноҳро карда бе ҷазо мондан вариант надорад, аммо дар забони арабӣ ин иборай фразеологӣ се вариант дорад: -أزاج و لاج -Аз об хушк берун шудан (лафз.чобук, чолок); من العجين -أزاج منه طاهر الذيل -аз об хушк баромад (лафз.чун муй аз хамир баромадан); -أزاج منه طاهر الذيل -аз об хушк баромад (лафз. доман тар накарда баромадан).

Мафҳуми рӯ гардондани бахт аз касе, ноомади кор, пеш нарафтани кори касе дар фразеологизми **бахт гаштан, бахт баргаштан, хок хӯрдани тир, тири касе хок хӯрдан** ифода шудааст.

Дар забони арабӣ низ ин фразеологизм вариантҳои зиёд дорад. Чунончӣ: **الحظ خته** бахти касе нахандидан (омад накардан);

مراهه -ноком шудан, тираш хок хӯрд (ба мақсадаш нарасид), -حالت عنه السعلة -бахти касе аз ӯ рӯ гардондан, -عليه كانت لوله -бахти касе нахандидан(омад накардан); -سقط كورق الخريف - ноомади кор (мисли барги тирамоҳ афтидан).

Тири касе ба хадаф расидан, тири касе ба нишон расидан, тири касе ба нишон хӯрдан варианти якдигаранд ва антоними фразеологизми дар боло зикршуда буда, маънои баръакси онро медиҳад, яъне ба мақсади худ ноил шудан, омад кардани кор. Дар забони арабӣ ин мафҳумро чунин фразеологизмҳо ифода мекунанд: *لخترق السهم الرمية* - тир ба хадаф расидан; *حزق السهم* - тир ба нишон расидан; *أصلب المحز* - ба нишон расидан.

Ибораҳои фразеологизми **мӯҳр бар лаб задан, мӯҳр бар лаб доштан, мӯҳр бар лаб ниҳодан** варианти якдигар буда, маънои хомӯш буданро ифода мекунанд. Эквиваленти арабии ин ибораҳо чунинанд: *بكم* - лаб аз гуфтор бастан; *ضرب جارا من الصمت حول* - мӯҳри хомӯшӣ задан бар (лафз. Девори хомӯшӣ задан бар чизе).

Мафҳуми хоб накардан, бедорхобӣ кашидан дар фразеологизмҳои **ситора шумурдан, мижа назада баромадан, мижа ба мижа назадан, мижа таҳ накардан** таҷассум ёфта, силсилаи вариантҳои ташкил медиҳанд. Дар забони арабӣ бошад, чунин аст: *ظلم يبرش يحدى عينه طول الليل* - Тамоми шаб мижа бар ҳам назадан; *يرقب النجم* - хоб нарафттан, шабзиндадорӣ кашидан (ситора мушоҳида кардан), *جفيه* - чашм напушидан, мижа таҳ накардан.

Ибораи фразеологизми **аз тағи замин мор гузарад, мефаҳмад, дар тағи замин мор чунбад, мефаҳмад** мафҳуми аз ҳама чиз хабардор будан, зирак хушёр буданро ифода мекунанд. Ин ибора дар забони тоҷикӣ вариант надошта, дар забони арабӣ якчанд вариант дорад: *يعرف ما وراء الأكمة* - аз тағи дарёи шӯр хабар дорад (лафз. Дар паси теппа чӣ ҳаст, медонад); *عرف خفيا الأمور* - аз ҳама розҳо огоҳ будан, аз тағи дарё хабар доштан; *يعرف مدخل الشيء ومخرجه* - ҳама чизро медонад, аз тағи дарёи шӯр хабар дорад.

Аз қаҳру ғазаб фурумадан, ором шудан, аз шаст ва ғурури худ гаштан, ба муросо омадан - ин маъно дар чунин фразеологизмҳо, ки варианти якдигаранд, инъикос шудаанд: **аз дами худ фурумадан, аз чаҳл фурумадан**. Варианти арабии ин фразеологизмҳо чунинанд: *جرع غصص الغبط* (лафз. хашмро фуру бурдан); *لهب فلان خبا* - оташи ғазабро хомӯш кардан.

Барои ифода кардани маънои миёни ду зиддият, ду қувва, ду кас овора мондан, фразеологизмҳои зеринро ба кор мебаранд: **«Дар миёни обу оташ мондан»; «дар миёнаи (мобайни) ду оташ мондан»; «аз пеш ҷар аз пушт табар»**. Дар забони арабӣ бошад ибораҳои, ки чунин маъноро медиҳанд инҳоянд: *بين المطرقة والسندان* (лафз. миёни чакуш ва сандон будан);

لا فز. миёни Ханаву Манна будан (Ханаву Манна номҳои занона буда, барои образнок ифода намудани маънои миёни ду зиддият будан ҳамин ифодаро истифода мебаранд); *الرحي* (лафз. миёни осиеби дастӣ ва ҳолати ногувор мондан).

Хулоса, воҳидҳои фразеологизми мафҳуми умумибашарӣ доранд, вале дар ҳар забон бо таровату назокати тозае чилвагар мешаванд, ки онҳо ҳосил ҳамон забонанд. Донишмандони маъноҳои нозуки воҳидҳои фразеологизми дар баён намудани матнҳои тарҷумавӣ ва тарҷумашаванда бағоят зарур аст.

АДАБИЁТ

1. Авалиани Ю.Ю., Мирсаидов Ҷ. Дар бораи фарқи муродифот ва вариантҳои ибораҳои фразеологизми /Масъалаҳои филологияи тоҷик/ Душанбе, 1967. с. 134-139.
2. Баранов Х.К. Арабско-русский словарь. Москва, 1996, т 1. – с. 134.
3. Маҷидов Х. Фразеологияи забони ҳазираи тоҷик. – Душанбе: Маориф, 1982.
4. Саидрахмон Сулаймонӣ. Фарҳанги арабӣ- тоҷикӣ. Душанбе, 2005, ҷ 1-с. 196.
5. Талбақова Х. Синонимика ва вариантҳои воҳидҳои фразеологизми // Паёми Донишгоҳ. – Сино; 1993 №4. – с. 102- 108.
6. Улуғзода С. Фирдавӣ. – Душанбе, Адиб, 1997. с. 71.
7. Фозилов М. Фарҳанги ибораҳои рехтаи забони ҳазираи тоҷик. Душанбе, 1964, ҷ 2. с. 592.
8. Ҷалилов Х. Муродифоти воҳидҳои фразеологизми // Мактаби советӣ, 1969, №6. – с. 20-22.
9. Юсупова М. Синонимикаи фразеологизмҳои // Армуғони олимони ҷавон. – Душанбе, 1966. с. 159-170.

ВАРИАНТЫ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В ТАДЖИКСКОМ И АРАБСКОМ ЯЗЫКАХ

В статье сопоставляются варианты фразеологических единиц в таджикском и арабском языках и рассматриваются пути их появления в этих языках.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: вариантность, группа, инвариант, компонент, значение, состав, слово, выражение, изменение, присоединение.

CHOICES OF PHRASEOLOGICAL UNITS OF TAJIK AND ARABIC LANGUAGES

In the article there are choices of phraseological units in Tajik and Arabic languages juxtaposed and the ways of their appearance in those languages gets considered.

KEY WORDS: variance, group, invariant, component, meaning, structure, word, expression, change, joining (combination).

К ВОПРОСУ О СОПОСТАВЛЕНИИ НАИМЕНОВАНИЯ ЛИЦ ПО ПРОФЕССИИ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО И ТАДЖИКСКОГО ЯЗЫКОВ)

Т. Мухиддинова

Таджикский национальный университет

Начиная с раннего возраста, когда мы начинаем понимать членораздельную речь, мы начинаем задавать массу вопросов. Большинство этих вопросов касаются ряда окружающих нас вещей, но вместе с ними мы задаемся вопросом статуса, профессии того или иного человека.

Со временем мы изучаем слова связанные с особенностями той или иной специальности и профессии. Закономерно, но факт, что с профессиональной лексикой различных наук, техники и производства мы знакомимся на протяжении всех лет, а вместе с тем мы познаём различные виды и наименования профессий. Вряд ли, кто-нибудь спрашивал себя. «А каким образом формировалось слово профессия?»

В данной статье изложен вопрос о соотношении названий лиц по профессии в современном английском и таджикском языках. Весьма интересным является и то, что в ней даются разнообразные подходы к ономаσιологической системе двух вышеуказанных языков.

Появление и укрепление в языке существительных, называющих лицо по выполняемым ими занятиям, тесно связано с развитием промышленности, с дифференциацией производственных процессов, появлением новых ремесел.

Современный таджикский язык постоянно пополняется новыми наименованиями лиц по профессии – преимущественно заимствованного характера, лишь малая часть которых попадает в лексикографические издания. Словари и справочники не успевают за изменением ситуации в сфере экономики, культуры и общественного сознания. Что касается классификатора профессий и должностей, то он еще более пассивно реагирует на неологизмы в области наименований лиц по профессии, отражая лишь отобранные речевой практикой, устоявшиеся обозначения.

Вместе с тем «продвинутые» работодатели и владельцы компаний, фирм и холдингов регулярно размещают в средствах массовой информации объявления, в которых приглашают на работу различных специалистов под наименованиями, малоизвестными не только для большинства обывателей, но и для представителей соответствующих сфер деятельности.

Для лингвиста важно, что новейшие наименования отвечают определенным потребностям общества. Так, например, развитие в Таджикистане вызвало появление целого ряда новых обозначений: *эколог, футуролог, менеджер, суфлёр, шахтёр, софист, ассистент, маркетолог, риэлтер, трейдер* и др.

В данных номинациях вербализованы представления о таких новых профессиональных функциях лиц, как организация общественного дела, обеспечение работниками.

Во всех приведенных случаях мы имеем дело с заимствованиями из других языков.

Разновидности ономаσιологических структур определяются характером отношения деятеля к различным моментам целесообразной деятельности (т.е. социальными факторами) и именуемыми в языке средствами формального выражения этих отношений.

Для производных слов ономаσιологические структуры тесно связаны со словообразовательными, что, как отмечают многие ученые, определяет теснейшую связь ономаσιологии и словообразования.

Ономаσιология (от греч. - *имя и слово, учение*) - отрасль семантики, изучающая наименования, использование языковых средств для обозначения внеязыковых объектов. В отличие от семасиологии, отражающей направление от средства выражения к выражаемому значению.

Ономаσιологический анализ названий лиц по профессии даёт возможность распределить их по трем классам, характеризующимся общностью ономаσιологических структур.

А - наименования, в основе которых лежит ономаσιологическая категория носителя отношений к целесообразной общественно-полезной деятельности (труду);

Б - наименования, в основе которых лежит категория носителя отношения к предмету труда, объекту профессиональной деятельности;

В - наименования, в основе которых лежит ономаσιологическая категория носителя отношения к средству труда.

Эти отношения могут быть дифференцированы в зависимости от слово-образовательных мотивационных отношений внутри производных слов.

А. Наименования, в основе которых лежит отношение к труду. В рамках этого класса наименований можно выделить три словообразовательно-семантических подкласса:

а) наименования первого подкласса указывают на действие, которое непосредственно выполняет лицо: *варильщик, наполнитель, классификатор, маскировщик, верстальщик, выдувальщик, сопровождающий, выпускающий, рассевной, тормозной* и т.п.

б) наименования второго подкласса указывают на отношение участия в действии, а не на непосредственное выполнение действия.

Социальное явление связанное с заменой ручного труда машинным находит отражение в смысловой структуре наименований: они семантически мотивируются словосочетаниями, включающими название технологического процесса: (*бродильщик* – “вести процесс брожения”, *выщелачиватель* – “вести процесс выщелачивания”, *адкеллизатор* – “вести процесс бакелизации” и т.п.).

Однако изменения семантической структуры слов над влиянием развития техники не приводит сразу к изменению словообразовательной структуры слов. Структурно все наименования этого подкласса, также, как и первого, соотносятся с глаголами: *бродильщик* - *бродить*, *выщелачиватель* – *выщелачивать*, *бакеллизатор* – *бакеллизовать*.

Возникает напряжение: подобные названия неточно передают характер отношения к действию (*бродильщик* – «*тот, кто бродит*») и поэтому в официальной сфере общения заменяются более точными составами наименованиями: «*аппаратчик брожения*», «*аппаратчик бакелизации*», «*аппаратчик выщелачивания*» и т.д.

Рассмотрим анализ военного наименования лиц по профессии в таджикском и английском языках.

С приобретением суверенитета каждая из республик постсоветского пространства пошли своим путем развития. Исходя из национальных интересов и особенностей, избрав, путь построения светского государства суверенный Таджикистан за более чем одно десятилетие сделал большой скачок, что привело к коренному изменению государственного, политического и общественного строя молодого таджикского государства.

Исходя из требований международного права, признавшего суверенный Таджикистан как равноправный субъект мирового сообщества, возникла необходимость из демократических принципов привести в соответствие международных норм внутренние законодательные акты. В связи, с чем плодотворная, законодотворческая деятельность его парламента, значительное количество законов регулирующих все аспекты правоотношений, между его субъектами. Вот тут и проявился потенциал терминообразования таджикского языка и с другой стороны творческий подход специалистов и законодателей в деле обогащения лексического состава таджикского языка новыми терминами и понятиями военного характера.

Для военной сферы характерно острое противоборство номинативных элементов разновременных английских и таджикских периодов в интенсивности создания наименований лиц. Важнейшие понятия военного дела в английском языке получают наименования в средне – ранне английские периоды, когда шёл бурный процесс освоения военного опыта континентальных стран и вместе с ним заимствование обозначений фрагментов военной деятельности.

Высокая активность позднее - английского периода связана с неуклонным развитием военного дела в Англии и США в конце XVII-XX вв., в результате чего эти страны стали лидирующими военными державами мира.

Разработка новых военных лиц, совершенствование в структуру вооружённых сил и видов боевых действий обусловлено с появлением новых профессий, понятий военной деятельности и их действий.

Суффиксы существительных английского языка разнообразны по происхождению. Имеются суффиксы, засвидетельствованные только в качестве морфем, и суффиксы, возникшие из самостоятельных слов в процессе словосложения суффиксов исконных и заимствованных.

Все производные существительные подразделяются на образования с помощью агентивных суффиксов и на образования с помощью абстрактных суффиксов.

В создании военной терминологии наименований лиц в современном таджикском языке участвует множество различных словообразовательных суффиксов, но не все они обладают одинаковой продуктивностью. Основные суффиксы, с помощью которых образуются термины от различных частей речи, следующие: кадровый состав военных профессий: *captain* – капитан, *General* – генерал, *soldier* – солдат, *major* – майор, *descent* – десант *commander* – командир.

Модель N + навард = N: Происхождение этого суффикса неясно. Присоединяясь к конкретным именам существительным, он образует наименования лиц деятеля: *бахрнавард* - *seafarer*, *обнавард* - *waterman*, *дарёнавард* – *waterfinder*.

Термины, выражающие командный состав армии и войско ранговскую иерархию, являются важнейшей частью военной лексики “Шахнаме” и содержат примерно 57 единиц. Из этого числа только персидско-таджикские термины *лашикаркаши* - *commander*, *ситаркаши* – *leader* относятся непосредственно к военной тематике.

Модель V + N - синтаксическая, эндоцентрическая модель с существительными этой модели обозначают лицо: *қозғй* (судья) - *judge*, *мудофиакунанда*, *ҳимоятгар* - *advocate*.

Переходим к рассмотрению транспонирующих и не транспонирующих суффиксов.

Суффиксы и суффиксоиды – *гар*, - *гор*, - *гон*, - *анда*, - *янда*, - *й*, - *чй*, являются суффиксами существительного и употребляются весьма продуктивно для выражения имени деятеля. (В негативных)

Например,

- *гар* {
 - ҳимоятгар, ҳомй, тарафгир - *intercessor*
 - даъвогар – *plaintiff*
 - тахфифгар – *compilato*
- *гор* – сабаб*гор* – *indicator*
- *гон* – гарав*гон* – *hostage*
- *чй* – мочаро *чй* – *adventurer* (*adventuress*).
- *янда* – рабоя*янда*, дуздйи (занон ва бачагон) – *abductor*
- *анда* – айбдоркун*анда* – *accuser*
- *хоҳ* – мутлақият *хоҳ* - *absolutist*
- *чй* – тӯхмат *чй* – *slanderer*
- *параст*, *боз* – расмият *параст*, қоғаз *боз* (*амалдори калон*) – *bureaucrat*
- *й* пора*дех* - *briber*
- *ар* – пора*ар* – *bribe taker* {
 - фирор *й* – *refugee*
 - вас *й* – *administrator*
- *хур* – суд *хур*, фоида *хур* – *caterpillar*
- *гард* – овора*гард* – *wanderer*

Из этого следует, что сфера употребления этих суффиксов и суффиксоидов велика. В английском языке эти термины в основном передаются с помощью существительных – *or*, - *er*, - *ist*, - *at* (в словах заимствованных с русского языка) и в отличие от таджикского языка женский род некоторых терминов выражается с помощью (*ess, ix*) если в таджикском языке эти суффиксы являются не транспонирующими, то в английском языке они являются транспонирующими.

Например, суффиксы - *er*, - *or*, - *ar* являются отлагольными суффиксами образующими существительные.

- *манд* – нашгья *манд* – *drug addict*
- *гир* – ичора *гир* – *tenant, employer*.

Сложных слов, образованных из двух или трёх основ.

Например: *айбдоркунанда* – *accuser*

Модель N + V ~ V^{sub. er, or, al}

по ней образуются слова со значением имени человека совершающего разного рода преступления.

- одам*кйш* – *killer*
- одам*дузд* – *abductor*
- одам*хур* – *cannibal*
- пора*дех* - *briber*

По этой модели также образуются слова со значением профессии. Каждая новая профессия может быть номинирована. Этой моделью со вторым компонентом «*шиносй*» хукук*шиносй* – *jurisprudence* (*нақши*) ангушт*шиносй* – *ductiloscropy*. Этот термин в таджикском языке тоже означает дактилоскопия, но мы предлагаем точный перевод этого варианта – (*нақши*) ангушт*шиносй*.

По этой модели в основном образуются имена деятеля.

Например, айбдоркунанда – *accusatory*, хукук*кунанда* – *assailant*, суғурта-кунанда – *assurer*. Причастия настоящего времени гиранда, диҳанда, шаванда являются продуктивными.

Таким образом, стремительное развитие наименований лиц, особенно одной из важнейших ее составляющих – сферы услуг, не только потребовало привлечения большого числа новых специалистов, но и привело к обогащению таджикского языка целым рядом заимствованных единиц, в которых объективированы новые актуальные знания.

Выявленные единицы военной лексики, а также проведенный анализ их средств выражения на материале английского и таджикского языка.

При этом мы исходили из важнейшего положения современного языкознания - определения языка, как системно - структурного образования, так как понятие системы и структуры стали основополагающими теоретическими понятиями, принимающимися почти всеми лингвистами разных школ и направлений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Русско-английский словарь. Москва, «Русский язык», 1990. Составители О.С. Ахманова и Е.А.М. Уилсон.
2. Словарь военных терминов (русско-таджикский). Под общей редакцией генерал-полковника Ш. Хайруллоева. 476 с. Душанбе-2003.
3. Табаров С. «Луғати русӣ-тоҷикии истилоҳоти адабиётшиносӣ». Душанбе; Маориф, 1980.

К ВОПРОСУ О СОПОСТАВЛЕНИИ НАИМЕНОВАНИЯ ЛИЦ ПО ПРОФЕССИИ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО И ТАДЖИКСКОГО ЯЗЫКОВ)

В статье в сжатой форме делается попытка к изучению структуры, ономазиологии и семантики наименований лиц по профессии в английском и таджикском языках. Проводится анализ наименований лиц по профессии в военной сфере. Для военной сферы характерно острое противоборство номинативных элементов разновременных английских и таджикских периодов в интенсивности создания наименований лиц.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: ономазиология, вербализованный, целесообразная, дифференцированы, потенциал, продуктивный агентивный.

TO THE QUESTION ON COMPARISON OF THE NAME OF PERSONS BY A TRADE (ON A MATERIAL OF ENGLISH AND TADJIK LANGUAGES)

The article succinctly attempt to study the structure and semantics onomasiology names of persons in the profession in English and Tajik languages. The analysis of names of persons in the profession in the military sphere. For the military sector characterized by an acute confrontation between nominative elements of different time periods of English and Tajik in the intensity of a person names.

KEY WORDS: onomasiology, verbalized, it is appropriate, differentiated, motivational, lawmaking, the potential productive agentive.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: *Т. Мухиддинова* - аспирантка общеуниверситетской кафедры английского языка Таджикского национального университета. Телефон: 919-18-78-76.

ЧУМЛАҲОИ САВОЛИИ ЭҲСОСӢ

С. Собирҷонов
Донишкадаи молияи Тоҷикистон

Чумла воҳиди асосӣ ва муҳимгарини нутқ буда, танҳо тавассути он мубодилаи афкор ба амал меояд. Маҳз ба гуфайли он мақсадҳои мухталифи гӯянда ва эҳсосоти ӯ баён мегардад. (6).

Аз ин рӯ, дар забоншиносии тоҷик ва байналмилалӣ вобаста ба мақсади баёни фикр ва оҳанги гуфтор чумлаҳои ба навҳои гуногун ҷудо кардаанд. Дар навбати аввал чумлаҳои ба се навъ: хабарӣ, саволӣ, хитобӣ; ҳамчунин, ба хабарӣ, саволӣ, амрӣ ва баъдтар ба чор гурӯҳ: хабарӣ, саволӣ амрӣ ва хитобӣ; инчунин ба хабарӣ, саволӣ, амрӣ ва хоҳишмандӣ (оптативные) гурӯҳбандӣ намудаанд. (5,7,6,33). Дар баробари ин, вобаста ба муассирии тарзи баёни фикр ё эҳсосот чумлаҳои ба ду навъ: чумлаҳои хитобӣ ва ғайрихитобӣ ҷудо кардаанд. (19,33).

Дар илми нахви муосири рус бо назардошти вазифаи муҳобиротии чумла, ки вазифаи гурӯҳе аз онҳо хабар (ахборот, маълумот) додан бошад, гурӯҳи дигарашон шунавандаро ба хабар (ахборот, маълумот) додан водор менамояд, ба ду гурӯҳ: ғайрисаволӣ (маълумотдиҳанда - хабарӣ, амрӣ, хоҳишмандӣ) ва саволӣ (маълумотпиранда-талабкунандаи маълумот), тасниф шудаанд. (33). Чумлаҳои саволӣ аз рӯи вазифаи муҳобиротиаш дар муқобили чумлаҳои ғайрисаволӣ-хабарӣ, амрӣ, хоҳишмандӣ ва хитобӣ истода шунавандаро ба ҷавоб додан, маълумот ё ахбор додан водор менамояд. Дар баробари ин, чумлаҳои саволӣ вобаста ба мавриду шароити нутқ ва оҳанги гуфтор ба чумлаҳои ғайрисаволӣ-хабарӣ, амрӣ, хитобӣ гоҳо муродиф шуда меоянд. (8,33,17). Аз ин рӯ, чумлаҳои саволиро ба чумлаҳои саволиии хоса (аслӣ) ва ғайри хоса (ғайриаслӣ) ҷудо намудаанд. Сохти маъноии чумлаҳои саволиии хоса сода буда, танҳо аз пурсиши холис иборат бошад, сохти маъноии чумлаҳои саволиии ғайрихоса мураккаб буда, онҳо дар баробари ифодаи савол тобишҳои гуногуни маъноӣ (тасдику инкор, фармоишу хоҳиш) ва эҳсосоти мухталифи гӯяндаро бо обуранги бадеии муассирона баён менамоянд.

Бояд таъкид намуд, ки бештари чумлаҳои саволиии ғайрихоса (мураккабмазмун) эҳсосоти гӯяндаро низ ифода намуда, эҳсосомез мебошанд.

Профессор А.И.Смирницкий дар китобаш «Синтаксиси забони англисӣ» бо таъкид менависад: «Ифодаи эҳсосот самти (чиҳати) дуҷуми ҳар як нутқ ба шумор меравад. Дар нутқ мо ҳамеша ду вазифаи бо ҳам мувоҷиҳа мекунем: интеллектуалӣ, яъне баён намудани мазмуни муайян ва эҳсосот, яъне-баёни ҳиссиётҳои гӯянда. Ин ду маврид-ифодаи фикр ва ифодаи ҳиссиёт дар ҳама ҳолатҳо аз ҳамдигар фарқ мекунанд. Тавассути забон ҳиссиётро ифода кардан мумкин аст, аммо ин вазифаи асосии забон нест. Вазифаи асосии забон баён намудани фикр буда, чун воситаи мубодилаи афкор

хизмат кардан аст. Эҳсосот бошад, тавассути воситаҳои мухталифи дигар: ишора, овоз, садои баланд, ханда, гиря ва ғайра ифода мегардад. Дар доираи лексика (лугат) барои ифодаи ҳиссиёт воҳиди махсуснидо ба шумор меравад. Дар доираи нахв (синтаксис) бошад, ҷумлаҳои қолибан муайяни хосае дар баёни эҳсосот меоянд. Ҳамин тавр, ҷумлаҳои эҳсосӣ (эмотсионалӣ) дорои сохти ба худ хос мебошанд» (38).

Бояд хотирнишон намуд, ки дар байни ҳелҳои дигари мухобиротии ҷумлаҳо бештар аз ҳама ҷумлаҳои саволий дорои тобишҳои мухталифи эмотсионалӣ- эҳсосӣ мебошанд.

Ҷумлаҳои саволии эҳсосӣ вобаста ба тобишҳои обуранги бадеиашон, тарзу воситаҳои ифодаашон ва сохти таркибиашон ба навъҳои гуногун ҷудо мешаванд. Дар мақолаи мазкур танҳо ҳелҳои маъноии онҳо бо тарзу воситаҳои ифодаашон мавриди баррасӣ қарор гирифтааст.

Ҷумлаҳои саволии эҳсосӣ аз рӯи тобишҳои обуранги бадеиашон ба ду навъ ҷудо мешаванд:

1. Ҷумлаҳои саволии эҳсосие, ки тобишҳои обуранги бадеии мусбат доранд;

2. Ҷумлаҳои саволии эҳсосие, ки тобишҳои обуранги бадеии манфӣ доранд.

1. ҶУМЛАҲОИ САВОЛИИ ЭҲСОСИЕ, КИ ТОБИШҲОИ ОБУРАНГИ БАДЕИИ МУСБАТ ДОРАНД

Ҷумлаҳои саволии эҳсосии дорои тобишҳои маъноии мусбатбуда бо тобишҳои гуногуни маъноӣ ва тавассути воситаҳои мухталифи ифода ва қолабҳои муайяни ҷумлаи саволий сурат мегиранд.

Ҷумлаҳои мазкур дар ифодаи тобишҳои зерин меоянд:

1. **Тобишҳои иловагии тавсифӣ** – баҳодихӣ: Дар ин навъи ҷумлаҳо одатан эҳсосот, тавачҷӯҳи баланд ё майлу рағбати зиёди гуянда нисбат ба табиат, одамоне предметҳои ҷудогонаи зебою дилрабо ифода меёбад. Ҷумлаҳои мазкур вазифаи асосии худ-пурсишро аз даст дода, тавассути баландшавии оҳанги эҳсосот вазифаи баҳодихӣ-ситоишу тавсиф доданро ба ҷо меоранд. Сохту қолаби ҷумлаҳои мазкур низ гуногунанд. Онҳо сода ва мураккаб мешаванд. Дар таркиби ҷумлаҳои мазкур одатан ҷонишинҳои саволий -чӣ, - чӣ ҳел (чӣ навъ...), дар паҳлуи ё худ пеш аз исму сифатҳои таъкиду тавсифшаванда меоянд:

а) Пеш аз исми омадани ҷонишини саволии – чӣ: Вах, чӣ қадду чӣ рӯ, чӣ хусну ҷамол? (9). Гораш чӣ тарона мебарорад? Савташ чӣ навою нола дорад? (10). Қаҳрамони ҳикояти Максим Горький. Данко чӣ тимсолест?!? (21).

б) Пеш аз сифатҳои омадани ҷонишини саволии чӣ ва чӣ гуна: Вах, чӣ хуш боғи дилқушост ин, Чӣ хуш обу чӣ хуш ҳавоаст ин? (11). Бевафоев. Овозаш чӣ гуна маҳин?! Ҳай! Забонаш ҷунон ширин?! (18).

Дар мисолҳои боло ҷумлаҳои саволии эҳсосӣ тавассути оҳанги саволу хитобомез, таъкиди дараҷаи баланди аломатро ифода кардаанд. Ҷонишини саволии чӣ, чӣ гуна, ки дар баёни пурсиш одатан шиддатнок талаффуз мешаванд, аммо дар баёни ифодаҳои эҳсосӣ шиддатнокии онҳо паст мегардад. Хатти ҳаракати оҳанг дар маркази оҳанги ҷумлаҳои мазкур болорав аст.

Нидоҳои ваҳ, ҳай оҳанги хитобомез ва эҳсосомези ҷумларо пурқувваттар менамоянд.

Тибқи андешаи олимони адабиётшинос ва забоншинос ифодаи тобишҳои эҳсосӣ (эмотсионалӣ) яке аз хусусиятҳои хоси забони назм ба шумор меравад.

Ба гуфтаи устоди шодравон профессор Шарифҷон Ҳусейнзода «Шеър зодаи ҳиссу тафаккур аст... шеър пеш аз наср ба вучуд омада, баробари тараққи ҳаёти ҷамъиятӣ, баланду нармтар гардидани эҳсосотро тароват медиҳад. Қофия ва радиҷҳо, ки ҳамоҳангии шеърро муайян месозанд, натиҷаи муташаққил шудани **ҳиссу тафаккури** шоир аст.

Шоир ҳис ва риштаҳои ҳаёлотӣ худашро, ки дар натиҷаи робита ва алоқа бастанӣ он бо дунёи хориҷӣ ба амал меояд, мунтазам ва мурағаб карда, ба шакли ороштае ҷилвагар месозад» (39).

Дар ғазали зерини Камоли Хучандӣ тавассути ҷумлаҳои саволии эҳсосӣ ҳиссиёти баланди мафтунӣ ошиқ ва дараҷаи беҳудуди ҳусни ҳар як узви амали маъшуқа таъкид шудааст:

Ин чӣ сарви қад, ин чӣ рафтор аст?

Ин чӣ ширинии даҳан, чӣ гуфтор аст?

Ин чӣ мӯест, в-ин чӣ зулфи дароз?

Ин чӣ дилбанду в-ин чӣ дилдор аст?

Ин чӣ ҳамдам, ҳамнишин, чӣ қарин?

Ин чӣ мӯнис, чӣ ҷон, чӣ ғамхор аст? (16).

Дар мисоли боло ҷумлаҳои саволии эҳсосӣ тавассути оҳанги саволиро эҳсосӣ ба маънои тавсифу таъкиди дараҷаи беҳудуди ҳусн омадаанд.

2. **Тобишҳои иловагии дилсӯзӣ, навозиш, тасалӣ додан:**

Ҷумлаҳои саволии эҳсосӣ барои ифодаи ҳиссиётҳои сузу гудоз, таассуф, дилсӯзӣ ва ранҷурию ноумедӣ, биму ҳарос, таъкиди тавсифу ифтихормандӣ истифода мешаванд, ки ин тобишҳои эҳсосӣ тавассути оҳанг, муносибатҳои тарафайни маъноии байни ҷумлаҳои саволиро хабарӣ воҳидҳои луғавӣ, мухотаб ва дигар воситаҳои лексикӣ-грамматикӣ ифода меёбанд:

Ҳама чӣ донӣ, эй моҳруи мушкинмӯй,

Ки холи банда аз ин пеш бар чӣ сомон буд? (27)

Чахоно, чӣ бинӣ ту аз баччагон,
Ки гаҳ модарӣ, гаҳ модандаро? (28)

Бо касон буданат чӣ суд кунад,
Ки ба гӯр-андарун шудан танхост? (29)

Андеша кунам ҳар шабу гӯям: Ё раб,
Ҳичрон-ш чунин аст, висолаш чун аст? (30)

Дар мисолҳои боло, дар байти аввал ҳиссиёти таассуф, сӯзу гудоз; дар байти дуввум ҳиссиёти дилсӯзӣ бо эътироз, дар байти охир таъкиди дараҷаи ғами ҳичрон ва висол ифода ёфтааст.

Дар мисоли зерин ҷумлаҳои саволии эҳсосӣ тавассути оҳанг ва алоқаи тарафайни маъноии ҷумлаҳои саволиро хабарӣ, яъне ба тариқи саволу ҷавоб ҳиссиёти мамнунию ифтихормандии беҳад зиёди ошиқро хеле муассир ифода кардаанд:

Омад бари ман. Кӣ? Ёр. Кай? Вақти сахар.

Тарсанда. Зи кӣ? Зи хасм. Хасмаш кӣ? Падар.

Додам-ш ду бӯса. Бар кучо? Бар лаби тар.

Лаб буд? На! Чӣ буд? Ақик! Чун буд? Чу шакар. (31)

- **Хайр, чӣ шудааст?** Замин рафта ба осмон часпидааст-мӣ, духтарам? (12). Султон. Вай **далачонакам! Далачон**, ба шумо **чӣ шуд!**? (1):-Далеш, **ба шумо чӣ шуд?**-гуфта пурсид занаш аз ӯ. (3).

3. **Тобишҳои иловагии хушнудӣ, хурсандӣ:**

- **Э, ман чӣ гӯям!** Ман чунон хурсанд, ки агар пару болам мебуд, парида ба пешвози Фузайл мерафтам. (13).

3. ҶУМЛАҲОИ САВОЛИИ ЭҲСОСИЕ, КИ ТОБИШҲОИ ОБУРАНГИ БАДЕИИ МАНФӢ ДОРАНД

Як гурӯҳ ҷумлаҳои саволии эҳсосие ҳастанд, ки онҳо бо тобишҳои иловагии ҳисси изтироб, нафрат, сарзаниш, эътироз, тамасхур, киноя ва дигар тобишҳои манфӣ омада, эҳсосоти ҷаҳду ҷадал, қаҳру ғазаб, сузу гудоз ва андӯху биму харос, ваҳму воҳима ва ноумедии гӯяндаро тавассути оҳангҳои мухталифи гуфтор, воҳидҳои луғавӣ, нидоҳо, воҳидҳои лексикӣ-грамматикӣ, сохти ҷумла ва дигар унсурҳои забонӣ ифода мекунанд:

1. **Ифодаи ҳисси изтироб:** Гурӯҳе аз ҷумлаҳои саволии эҳсосӣ дар баёни ҳолати рӯҳии гӯянда омада, ба ҳаяҷони саҳт ва қаҳру ғазаб омадани гӯяндаро низ мефаҳмонанд. Дар ин маврид оҳанги гуфтор хеле шиддатнок мегардад, имою ишора ва ҳаракатҳои хархелаи мимикӣ низ оҳанги изтиробро қувват медиҳанд; Падар. Аҷобо, нахондудӣ кунад?

Модар. Худо нигоҳ дорад. Аз авлоди мо ягон кас ҳоло ҳаққи мардум нахӯрдааст. Падар. (Мушт ба миз қўфта) **Набошад, аз осмон афтид-мӣ ин пул ба ӯ!** (2): Собир чӣ? (Ба сари Шарофат даст бардоштани мешавад). **Ҳоло ту маро аз хавли худам дафъ мекуний!** (19).

Садкаи Сарам. Ман аз шумо барин тағо... **Чӣ? Чӣ гуфти!** (34)- **Эй воҳ, ин чӣ ҳол?**-гӯён фарёд кард.

Дар мисолҳои боло изтироб асосан тавассути оҳанг (интонатсия) ва нидоҳои эй воҳ сурат гирифтаанд.

Қисме аз ҷумлаҳои саволии эҳсосомез тавассути оҳанг (интонатсия) ва воҳидҳои луғавӣ низ изтироби гӯяндаро мефаҳмонанд:

Сержант. Дар ин ҷо **чӣ номаъқули** карда истодааст? (24); ...ин **чӣ беодобӣ, ин чӣ гап?** (15).

2. **Ифодаи сарзаниш.** Ифодаи сарзаниш дар ҷумлаҳои саволии эҳсосӣ вобаста ба ифоданокию муассирӣ, таъсирнокӣ ва оҳанги гуфторашон ду навъ мешавад:

а) Ифодаи сарзанише, ки танҳо тавассути оҳанг (интонатсия) бо андаке нармӣ ва истиҳола ифода гардидаанд: - **Шумо чӣ хел одам!** Гапро мефаҳмед, ё не? (35); - **Гавдаат нисфи шаб барину аз як ҷондори беэзор метарсӣ? Шарм намедорӣ!** (40);

- Модаговро ба эчкамар монондай! Хунҷӯш шудааст! Ҳамаи ту то кай бепарво мегардӣ?! (41); Ҳой мардак!-ногаҳон бонг зад мироб.- Аз айбу шарм хабар доред ё не?! (36); Лейтенант: **Ин чӣ худсарӣ?** Ба ман роҳ диҳед, дар акси ҳол маҷбур мешавам... (25); Дашаҳола. **Шуморо чӣ чин задааст?** Як йигити сиёҳчашму сияҳабрӯ, барно бошад, эҳтимол то армия дар вазифаи калон будагистед, ҳамин тавр не? (26); Ту фарзанди ҳамин кишвар-ку, охир!-саҳт карда гуфт рафикаш ба Бекназар.

- **Туро чӣ чини қаҳақ зад?** (22).

Дар ҷумлаҳои саволии эҳсосии дар боло зикршуда оҳанги гуфтор чандон шиддатноктар нест. Тавассути ҷумлаҳои саволии эҳсосии мазкур гӯянда аз гуфтани сухани қабеҳ ё аз истифодаи калимаҳои

қабехмаъно худдорӣ кардааст. Бояд таъкид намуд, ки дар он тарзи баён одоби сарзаниш риоя шудааст ва таҳаммули гуянда хувайдо гардидааст.

б) Ифодаи сарзанише, ки бо оҳанги шиддатнок ва калимаҳои қабехмаъно бо тобиши дашном ифода ёфтаанд:

- **Ин чӣ беҳурматист, беодоб? – Ту чӣ бедор ё магар дар хоб? (14)- Ту сарлучи безор чӣ гуфта истодаӣ?!**

Аммаи Қосим дасти холиашро шоф карда, ба сари муаллима чиррос зад. (35).

- Хай бача! **Ту чӣ ахмақӣ карда истодаӣ?!** (37); Мулло Даврон (ба шӯр омада) чаро бе рухсати ман медарой, бефаросат?! Ман ба ту чӣ гуфта будам?!

- Товариш, **лаънатӣ Кринский чӣ шуд?**-гуфта пурсид. (4).

Дар мисолҳои боло ҷумлаҳои саволии эҳсосӣ тавассути оҳанги шиддатнок ва калимаҳои қабехмаъноӣ **беодоб, ахмақ, бефаросат, лаънатӣ** ва ибораи **сарлучи безор** ранҷишу сарзаниш ва дашноми гуянदारо бо ҳиссиёти қаҳру ғазаб ифода кардаанд.

2. Ифодаи эътирозу норозигӣ бо изтироб:

Ҷумлаҳои саволии эҳсосӣ барои ифодаи ҳиссиёти эътирозу норозигӣ бо изтироб ба таври силсила (якҷанд ҷумлаи саволи паси ҳамдигар) омада, зина ба зина тобишҳои иловагии эҳсосиро равшантар баён менамоянд:

- Ман?...ба чои модар туро калон карда, гунаҳкор шудам? Ту бигӯ, ки писарамро кай меорӣ? Агар ту маҳмадоноӣ мамлакат бошӣ, чаро зӯрат фақат ба ҷияни худӣ мерасад? А? Золим гӯям, боз саҳт ҳам мерасад? (23)

Бояд таъкид намуд, ки доираи тобишҳои маъноӣ ҷумлаҳои саволии эҳсосӣ хеле васеъ ва доманадор буда, дар ҳаҷми як мақола баррасӣ намудани тамоми он тобишҳои маъноӣ ғайриимкон аст. Хулоса, ҷумлаҳои саволии эҳсосӣ дорои тобишҳои ҷилоҳои гуногуни маъноӣ буда, яке аз омилҳои ҳусни сухан ба шумор меравад ва дар ташаккули ифоданокию муассирии сухан мақоми хосае дорад.

Ҷумлаҳои саволии эҳсосӣ дорои хусусиятҳои ба худ хос мебошанд:

1. Ҳаҷму худуди созмони ҷумлаҳои саволии эҳсосӣ хеле маҳдуданд.
2. Хатти ҳаракати оҳанг (лаҳн) дар маркази оҳангии ҷумлаҳои мазкур болорав аст.
3. Ифоданокии тарзи баён дар онҳо пурқувват аст.
4. Ҷиҳати муассирии ҷумлаҳои мазкур нармтару гуворотаранд.
5. Ҷумлаҳои мазкур гоҳо мақсади асосии гуянदारо ба таври пушида ифода мекунанд.
6. Дар охири бештари ҷумлаҳои мазкур аломати саволу хитоб гузошта мешавад.

Хулоса, ҷумлаҳои саволии эҳсосӣ ҳамчун омилҳои ифоданокию муассирии тарзи баён дар ташаккули ҳусни баён мавқеи муҳим дорад.

АДАБИЁТ

Абдумалик Баҳорӣ. Меҳмони серӯза.-Д.: Маориф, 1981, с.103.

Ҳамон ҷо, с.6.

Айни С. Куллийёт. ҷ.3.-Сталинобод: Нашр.дав.Точ., 1960, с.469.

Ҳамон ҷо, с.276.

Бузургзода Л. Синтаксиси мухтасари забони тоҷикӣ.-Сталинобод: Нашр.дав.Точ., 1942, с.8-9.

Грамматикаи забони адабии ҳозираи тоҷик. ҷ.2.-Д.: Дониш, 1986, с.207-215.

Грамматикаи забони тоҷикӣ. Синтаксис. Китоби дарсӣ барои мактабҳои олий.-Д.: Нашр.дав.Точ. 1963, с.90-91.

Грамматика русского языка. Т.2. ҷ.1.-М.: изд-во АН СССР, 1960, с.355-369.

Дехотӣ А. Куллийёт. ҷ.2.-Д.: Ирфон, 1965, с.73.

Ҳамон ҷо, с.183.

0

Ҳамон ҷо, с.8.

1

Ҳамон ҷо, с.200.

2

Ҳамон ҷо, с.124.

3

Ҳамон ҷо, с.156.

4

Иқромӣ Ҷ. Тахти воҷгун.-Д.: Ирфон, 1974, с.63.

5

Қамоли Хучандӣ. Ҷазалҳои мунтахаб. Сталинобод: Нашр.дав.Точ., 1953, с.101.

- 6
7
8
9
0
1
2
3
4
5
6
7
8
9
0
1
2
3
4
5
6
7
8
9
0
1
- Камолиддинов Б. Хусни баён.-Душанбе: Ирфон, 1989, с.
- Қаххорӣ А. Таркиш.-Д.: Ирфон, 1981, с.186.
- Ҳамон ҷо, с.105.
- Қосимова М.Н., Камолиддинов Б. Маҷмӯаи машқҳои синтаксисии забони тоҷикӣ.-Д., 1976, с.51-54.
- Мухаммадиев Ф. Палатаи кунҷакӣ.-Д.: Ирфон, 1974, с.213.
- Ҳамон ҷо, с.326.
- Мухаммадиев Ф. Сози мунаввар.-Д.: Ирфон, . . . , с.147.
- Ниёзӣ Ф. Асарҳои мунтахаб. Ҷ.1.-Душанбе: Ирфон, 1974, с.48.
- Ҳамон ҷо, с.290.
- Ҳамон ҷо, с.297.
- Осори Рӯдакӣ.-Сталинобод: нашр давл. Точ., 1958, с.
- Ҳамон ҷо, с.39.
- Ҳамон ҷо, с.47.
- Ҳамон ҷо, с.139.
- Ҳамон ҷо, с.152.
- Руднев А.Т. Синтаксис простого предложения.-М.: 1960, с.32-34.
- Русская грамматика. Т-2. Синтаксис.-М.: 1980, с.92-402.
- Саттор Турсун. Аз субҳ то шом.-Д.: Ирфон, 1979, с.35.
- Ҳамон ҷо, с.85.
- Ҳамон ҷо, с.153
- Ҳамон ҷо, с.36
- Смирницкий А.И. Синтаксис английского языка.-М., 1952, с.258-263.
- Хусейнзода Ш. Баҳс ва андеша.-Д.: Ирфон, 1964, с.116-122.
- Ҳусейнов Х. Ҳикоеҳои Вахш.-Д.: Маориф, 1981, с.18.
- Ҳамон ҷо, с.22.

ВОПРОСИТЕЛЬНО – ЭМОЦИОНАЛЬНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Вопросительно – эмоциональные предложения, являясь средством выразительности языка, имеют огромное значение в выражении образности речи. Достижимые исследования в данном направлении смогут сыграть значимую роль в совершенствовании разделов учебников и научно-академической грамматики по проблемам, связанным с вопросительными предложениями, поэтому изучение данной проблемы имеет важное научное и практическое значение.

В данной статье вопросительно-эмоциональные предложения по своим экспрессивно-эмоциональным окраскам делятся на две группы: 1) вопросительные эмоциональные предложения, имеющие положительные экспрессивно-эмоциональные окраски; 2) вопросительные эмоциональные предложения, имеющие отрицательные экспрессивно-эмоциональные окраски.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: грамматика, вопросительно-эмоциональные предложения, средства выразительного языка, образность речи, вопросительные предложения,

INTERROGATIVE EMOTIONAL SENTENCES

Interrogative Emotional Sentences, the investigated resulted of which have not been seriously researched yet, play an important role in expressiveness and efficiency of elocution, and is of scientific and practical important in improvement of the part of interrogative sentences of textbooks and the scientific academic grammar of the language.

In the given paper according to their literary emotional shades Interrogative Emotional Sentences are divided into two groups, i.e. into Interrogative Emotional Sentences with positive shade of meaning and the ones with negative shades of meaning. And various emotional – notional shades of each of these groups of sentences and manners and means of their expressions have been defined and the results of these searchers are of educational and scientific importance.

KEYWORDS: grammar, interrogatively-emotional offers, means of expressive language, figurativeness of speech, questions, (сах. 63)

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: *С. Собирджонов* – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой языков Таджикского финансового института. **Телефон:** 907-90-70-03

ХАТАРИ АЗБАЙНРАВИИ ЗАБОНИ ИШКОШИМӢ

З.О.Назарова, Н.О.Назаров

Институти улуми инсонӣ ва Институти забон ва адабиёти ба номи Рӯдакии АИ ҶТ

Забони ишкошимӣ чун дигар забонҳои помирӣ, аз қабилӣ забонҳои бехати помирии мансуб ба гурӯҳи чанубӣ-шарқӣ эронӣ мутааллиқ ба забонҳои хонаводаи ҳиндуаврупоист.

Варианти дигари номи забони ишкошимӣ – *гънӣ* (*гънӣ зъйк* ‘забони рӯнӣ’) мебошад, ки ба топонимия мансуб аст. Вай аз номи деҳаи Рн маншаъ мегирад, ки бошандагонаш ишкошими-забонанд.

Азбаски Ишкошим ноҳияи маъмури буда, дорои гурӯҳҳои гуногуни этникӣ ва забонист*, иддае аз ҳамсоғон сарфи назар аз иттилооти таърихӣ, ба забони ишкошимӣ аз рӯи рашк муносибат мекунад. Ба қавли онҳо, ин истилоҳ маҳсули таҳаюли забоншиносон буда, ин забон танҳо «забони рӯнӣ» мебошад.

Забони ишкошимиро ҳамсоғони тоҷикзабони мардуми Помир, инчунин ваҳониҳо ба таври зайл ном мебаранд: ишк. *гънӣ зъйк / гънӣгӣ*, ваҳ. *gani zik / gani*, бад.-тоҷ. *zʒboni gъnӣ / gъnӣg* ‘забони рӯнӣ’.

Ба ақидаи муҳаққиқи забони ишкошимӣ проф. Т.Н. Пахалина этимологияи топонимияи Ишкошим (*saka-kTama* ‘страна саков’) ҳиндуориёни буда, маънояш замини сақоҳо мебошад [Пахалина, 1976].

Новобаста ба он ки забони ишкошимӣ мувоҷеҳи азбайнравист, то ба ҳол ваъи забонии он ғайр аз 1-2 мақола мавриди омӯзиш қарор нагирифтааст [Назарова, 2003; Müller, 2005].

Ҳоло таҳдиди аз даст рафтани ин забон чи дар миёни забоншиносон ва чи афкори чомеа изтироб ба вучуд овардааст.

Бинобар кам будани ишкошимизабонон ин забон ба «Китоби сурх»-и Юнеско (1995), ҳамчун забони азбайнраванда, дохил гардидааст.

Тъдоди гӯйшварони ба забони ишкошимӣ тақрибан ҳазор нафар буда, ҳамаи онҳо дар деҳаи Рни ноҳияи Ишкошими ВМКБ Тоҷикистон, ки дар сарғаҳи рости дарёи Панҷи марзи Афғонистон ҷойгир шудааст, зиндагӣ мекунад.

Ба забони ишкошимӣ, ҳамчунин дар баъзе хонаводаҳои деҳаҳои Сумҷин (Ҷумҳурии

* Бояд хотирнишон намуд, ки дар ноҳияи Ишкошим се гурӯҳи этникӣ: ишкошимиҳо, ваҳониҳо, тоҷикзабонҳо будубош доранд. Ишкошимиҳо ба забони ишкошимӣ, ваҳониҳо ба забони ваҳонӣ, тоҷикзабонҳо ба лаҳҷаи чанубии забони тоҷикӣ (лаҳҷаи бадахшонӣ) мутакаллиманд.

* Безаминӣ бештар аз он сар мезанад, ки заминдорони хурд аз судхӯрон қарзи фонизнок мегиранд. Аксари деҳқонон заминҳояшонро ба ҳамсоғони нисбатан сарватманди худ ё тоҷирони дигар навоҳи дар гарави қарзҳои фонизнокӣ баланд мегузоранд. Баъдан аз ӯҳдаи пардохти қарзҳо набаромада маҷбур мешаванд, ки заминҳои худро бифурӯшанд (Окимбеков, 144).

Тоҷикистон) ва деҳоти Султон Ишқошими давлати Афғонистон (Хирманӣ, Заргарон, Бошанд, Шехч, Усост Боор, Дорванд) тақаллум мекунад, вале тарзи гуфтори онҳо дорой вижагиҳои овоии хоше мебошанд.

Дар забони ишқошими Афғонистон ва деҳаи Сумчин овозҳои тсеребралӣ *s, d, T, z, t*, нестанд; ишк. (рӯнӣ) *сьроТ*, ишк. (афғ.) *сьроџ*, сумч. *сьроџ* ‘пас, ақиб’; ишк. (рӯнӣ) *udel*, ишк. (афғ.) *udel*, сумч. *udel* ‘порӯ’; ишк. (рӯнӣ) *Ток*, ишк. (афғ.) *џок*, сумч. *џок*; ишк. (рӯнӣ) *кџук*, ишк. (афғ.) *кџук*, сумч. *кџук* ‘буққа, барзагов’; ишк. (рӯнӣ) *џџ*, ишк. (афғ.) *џџ*, сумч. *џџ* ‘хурд’ [Назарова, 1998].

Гуруҳи дигари ишқошимзабонон маскунӣ қисмати шарқӣи вилояти Бадахшонӣ Афғонистон (деҳоти Хирманӣ, Шехч, Бошанд, Боор, Дорванд, Заргарон) мебошанд. Вазъи сотсиолингвистӣи забони ишқошимӣ мураккаб мебошад. Ҳолати лингвистикӣи забони ишқошимӣро омилҳои сиёсӣ, демографӣ ва иқтисодӣ печида месозанд.

Тибқи тавсифи муҳаққикон дар ибтидои асри ХХ теъдоди ишқошимзабонони Афғонистон ба 1500 нафар расида, музофоти калони Султон Ишқошим бо он шӯҳрат касб карда буд. Вале ишқошимзабонони Афғонистон зери таъсири забони дарӣ ё ба қавли онҳо порсӣ қарор гирифта, забони худро аз даст додаанд. Насли калонсол ханӯз бо ин забон мутақаллиманд, аммо аз он дар муҳити хонаводагӣи ҳам истифода намебаранд ва қорбурди онро ҳам зарур намешуморанд. Чудо гаштани мардуми ишқошимзабонони Афғонистон аз қисмати ҳамворнишин, чангҳои пайдарпай, бӯҳрони иқтисодиёи ақибмонӣ, шароити номусониди кӯхистон онҳоро ба асимиллятсия (омезиш) маҷбур кардааст. Солҳои охир дар Султон Ишқошим (маркази маъмурии вулусволии Ишқошим) шумори хочагиҳои камзамин ва безамин афзоиш ёфт, зеро аксари деҳқононе, ки дар гузаштаи начандон дур соҳиби киштзор буданд, бенаво шуданд.

Дар бобати вазъи демографӣи мардуми Ишқошими Тоҷикистон ин нуктаро бояд зикр кард, ки тибқи иттилооти муҳаққикон миёнаҳои асри ХХ теъдодашон аз 400–500 нафар то охири аср ба 1000 нафар расид. Мутаассифона, дар ҳоли ҳозир раванди камшавӣ ба мушоҳида мерасад. Ин раванд бо сабабҳои зайл робита дорад:

Бояд тазаккур дод, ки бӯҳрони иқтисодӣ, ҳамчунин нобасомониҳои солҳои навадум дар Тоҷикистон ва пайомадҳояш: ҷараёнҳои муҳочиратӣ, бекорӣ... ба вазъи забонӣи Помири ғарбӣ, хусусан ба ақаллиятҳои этникӣи он таъсири манфӣ гузошанд.

Бекорӣ ва бӯҳрони иқтисодӣ дар Помир то ҳол як қисми ҷавонони ишқошимӣро барои дарёфти пул ба тарқи ватан ва муҳочирати қорӣи Русияю дигар кишварҳои муштарақулманоеъ водор мекунад. Муҳочирон дар бисёр мавридҳо дар ҷойҳои нав муқим гашта, оилаҳо ташкил медиҳанд. Оиладоршавӣи омехта ва муҳити забонӣи бегона мунҷар ба он мегардад, ки насли нави ишқошимӣҳои муҳочир забони худро ба бодӣ фаромӯшӣ месупоранд.

Дар солҳои охир аз сабаби бӯҳрони иқтисодӣ мизони тавваллуд рӯй ба таназзул ниҳодааст (қаблан дар ҳар хонавода 6-8 кӯдак буд, ҳоло бошад то 3-4), марғу мири кӯдакон авҷ гирифта истодааст, дараҷаи дарозумрӣ, хусусан дар байни мардон коҳиш ёфта истодааст.

Таъсири забони тоҷикӣ нисбати забони ишқошимӣ баръало дида мешавад. Забони расмӣи ишқошимӣҳо забони мактаб, радио ва матбуот тоҷикӣст. Ба ғайр аз ин, сабаби дигари он робитаҳои наздики забонӣ ё қаробати минтақавӣи забони ишқошимӣ бо лаҳҷаҳои бадахшонӣ-тоҷикӣ мебошад. Ишқошимзабонон бо ғӯишварони лаҳҷаи ҷанубӣи забони тоҷикӣи Бадахшон дар ҳамсоғӣи умр ба сар мебаранд. Ҳамаи маросимҳои суннатӣ – сурудҳои тӯёна, маросимҳои дафн ё мазҳабашон бо шеваи бадахшонӣ, ки моҳиятан дар Помир нақши *lingua franca*-ро иҷро мекунад, амалӣ мегарданд.

Ба ҳамин сабаб, дар забони ишқошимӣ нисбат ба забонҳои дигари помирӣи вожаҳои иқтибосӣи тоҷикӣ зиёдтар ба ҷашм мерасад. Дар ҳаёти рӯзмарраи худ ишқошимӣҳо аз забонашон истифода мебаранд. Вай барои онҳо забони асосӣи муошират буда, барои кӯдакони синни томактабӣ ягона василаи иртибот маҳсуб меёбад.

Соҳибони забони ишқошимӣ донандаи яқчанд забонанд. Онҳо бо забонҳои тоҷикӣ, вахонӣ, шугнӣи ва русӣ озодона гуфтугӯ мекунад ва баъзеашон забони англисиро медонанд.

Дар робита бо мардуми ишқошимзабони деҳаи Сумчин бояд тазаккур дод, ки новобаста ба он ки теъдодашон аз чанд хонавода ба 365 нафар расидааст, вазъи забонӣ дар онҳо низ ташвишвар аст. Онҳо 20 км. дур аз маркази ноҳия дар ихотаи соқинони тоҷикзабон зиндагӣ мекунад. Имкони зуд зуд вохурданро бо мардуми ишқошимзабони деҳаи Рн надоранд. Дуруст қайд мекунад, ки 85% соҳибзабонони деҳаи Сумчин бо саканаи тоҷикзабон издивоҷ кардаанд, занонашон дар хона бо забони модариашон ҳарф мезананд, дар натиҷа фарзандонашон забони ишқошимӣи худро аз даст дода, омехта шудаанд. Дар натиҷаи назарсанҷӣи ҳамаи кӯдакон забони асосиашонро тоҷикӣ мешуморанд [Müller, 2005, 239]. Дар ин деҳа фақат калонсолон ба забони ишқошимӣ гап мезананд. Мутаассифона, дар ин ҷо забони ишқошимӣ бо мурури замон рӯ ба коҳиш аст.

Аммо дар дехоти Рн, бар хилофи Сумчин ва дехоти Султон Ишкочими Афғонистон занон бо кӯдаконашон бо забони ишкочимӣ тақаллум мекунанд (гарчанде, ки қисми зиёди онҳо (50%) вахонизабонанд), аз ин сабаб забони ишкочимиро ҳамчун забони падарӣ (*to-zvīk*) ном мебаранд.

Дар аввалҳои солҳои 90 дар Тоҷикистон ба забонҳои бехатти помирӣ таваҷҷӯҳ зоҳир намуда, қорҳои сохтан ва таҳияи хат барои забонҳои помирӣ роҳандозӣ шуд.

Рӯзномаи «Фарҳанги Бадахшон» нашр шуд, ки дар он мавод бо забонҳои помирӣ, аз он ҷумла бо забони ишкочимӣ ҷоп гардид [Пахалина; Назарова 1998]. Аммо, мутғасифона, ҷанги шаҳрвандӣ дар Тоҷикистон ҳамаи масоили вобаста ба рушди забонҳои камшуморро ба тавқиф гузошт.

Ба ғайр аз ин, дар соли 1993 зимни ҳамапурсии роҷеъ ба таҳияи хат барои ҳамаи забонҳои помирӣ, дар мактабҳои ибтидоӣ даровардани забони модарӣ, дар байни дигар забонҳои помирӣ танҳо аксари ишкочимзабонон ҷавоби манфӣ доданд. Онҳо чунин мешуморанд, ки азбаски забонҳои помирӣ дар маҷмӯъ ва забони миноритарии ишкочимӣ бахусус барои ояндаи фарзандонашон имтиёз намендихад, бояд ба забонҳои боҳайсиат таваҷҷӯҳ дода шавад. Таълими забонҳои тоҷикӣ, русӣ ва англисиро тақвият бояд дод. Ин тарзи бархӯрди соҳибзабонон нисбат ба забонашон вазъи забониро дучанд душвор мекунад. Зоҳиран, ин равиши мураккаб иштибоҳи ишкочимзабонони Афғонистони ҳамҷавор ва лаҳҷаи зебои онро тақрор мекунад.

Ҳамин тавр, вазъи забонии ишкочимзабонон, тақдирӣ забони ишкочимӣ, ки тахминан баъд аз 50 сол хатари аз байн рафтани он дар назар аст, аз ҷониби муҳаққиқон ва афкори умум бояд ҳадафи таҳлилу баррасӣ ва изтироб қарор гирад.

Дар ҳоли ҳозир бисёр масоили мубрами забони ишкочимӣ ҳалли худро наёфтаанд. Ин, қабл аз ҳама, масъалаи сохтани хат, таҳияи китобҳои дарсӣ, тартиб додани луғот ба забони ишкочимӣ, тарбияи мутахассисони варзидаи забоншинос, таълими забони ишкочимӣ, омода кардани муаллимон ва ғайра...

Ҳалли масъалаҳои фавқуззикр дар амри ниғаҳдорӣ ва рушди забону фарҳанги нотақрори мардуми ишкочимӣ ҳиссаи босазо хоҳад гузошт.

АДАБИЁТ

1. Назарова З.О. (1998). Система ишкочимского глагола в сопоставлении с бадахшанско-таджикской. М. 1998. – 140 с.
2. Назарова З.О. (2003). Языковая ситуация на Западном Памире (на материале ишкочимского языка). II Международная научная конференция “Язык и культура” М. 2003. pp. 162-163.
3. Müller K. & Tiessen C. (2005). Ishkashimi: A Father's language. In Studies in languages of Tajikistan. pp. 223-250.
4. Окимбеков У.В. (2006). Социально-экономическое состояние высокогорных районов афганского Бадахшана. Памирская экспедиция (статьи и материалы полевых исследований). М. 2006. 142-154.
5. Пахалина Т.Н. & Назарова З.О. (1997). Ишкочимский язык // Языки Российской Федерации и соседних государств. Энцикл. Т. I. М.: Наука, 1997.

УГРОЗА ИСЧЕЗНОВЕНИЯ ИШКАШИМСКОГО ЯЗЫКА

Ишкочимский язык, как и другие памирские языки, – один из бесписьменных памирских языков, принадлежащий к группе восточно-иранских языков индоевропейской семьи.

Из-за малочисленности носителей ишкочимский язык был включен в “Красную книгу” (Юнеско 1995) как находящийся на грани исчезновения. В настоящее время остаются неразрешенными многие актуальные вопросы, касающиеся ишкочимского языка. Это, прежде всего, проблема создания письменности, подготовка учебников, составление словарей ишкочимского языка, воспитание высококвалифицированных специалистов-языковедов, преподавание ишкочимского языка, подготовка учителей и т.п.

Решение этих и вышеперечисленных вопросов обеспечит сохранение и развитие языка и уникальной культуры ишкочимского народа.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: восточно-иранские языки, памирские языки, ишкочимский язык, исчезающие языки, миноритарный язык, бесписьменный язык.

ENDANGERED ISHKASHIM LANGUAGE

The Ishkashim language (one of Pamir Languages) relates to one group of Eastern-Iranian languages of the Indo-European family. It has no script and written tradition, and is limited to the use at home. The Ishkashim language is severely endangered and is spoken by a small minority group (less than 1000 speakers) in Ryn village of Ishkashim district. It is included into “Red books on Endangered Language” (UNESCO 1995).

The linguistics associates Ishkashim with the land of Saka tribe (Saka-Kšama – land of Saks) and Ishkashimi language is believed to be remnant of the ancient tribe once widely used in the whole region.

KEY WORDS: the East Iranian languages, Pamir languages, the Ishkashim languages, disappearing languages, minority language, writer languages.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ: З.О. Назарова – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела памирских языков Института гуманитарных наук АН РТ.

УТВЕРЖДЕНИЕ КАК РЕЧЕВАЯ ТАКТИКА В ПУБЛИЧНОМ ДИАЛОГЕ

Р.А. Усмонов

Российский университет дружбы народов

С целью убедить собеседника в чем-либо говорящий высказывает свое мнение или суждение, репрезентируемое, как правило, речевыми актами «утверждение». Данное явление обусловлено фактом динамичности аргументации, поскольку это всегда процесс. Неудивительно, что аргументация связана прежде всего с предикацией, поскольку любая мысль предикативна. Утверждение, согласно классификации А.А. Романова, относится к иллюкутивному классу репрезентативов. Репрезентатив обозначает утверждение чего-либо, информирование о чем-либо и может быть представлен формулой: S утверждает, что p, где S – говорящий, а p – содержание высказывания. Репрезентативные речевые акты представляют собой наиболее многочисленную группу речевых манифестаций. Они включают такие речевые высказывания, как описание факта или действия, доказательство определенной истины, суждение по конкретному предмету общения. В терминологии Дж. Серля и Д. Вандервекена они именуются ассертивами. По существу и по названию они не отличаются от ассертивов Дж. Лича. В системе Г.Г. Почепцова ассертиву соответствует констатив. Констативы фигурируют также в терминологии многих других авторов. Особенностью классификации В.М. Павлова является то, что в рамках констативов выделено большое количество подклассов. Среди них можно назвать ассертивы, предикативы, ретродиктивны, дескриптивны, информативны и т.д., всего 15 подклассов. Некоторые составители классификаций параллельно с таксономией речевых, или иллюкутивных актов строят таксономию психологических состояний. Такая таксономия предложена, например, Дж. Личем. Параллелизм между иллюкутивными типами и психологическими состояниями не случаен. Как отмечает В.В. Богданов, «для нормального осуществления того или иного речевого акта говорящий должен находиться в соответствующем психологическом состоянии: для утверждения чего-либо говорящий должен верить в то, что утверждаемое есть правда, если только он не делает оговорки, что утверждает нечто со слов других лиц». Григорьев Е.И. называет подобные утверждения экспликативами. Термин является производным от латинского слова «*explikatus*» (развитие, развертывание, объяснение) и обозначает представление события или факта.

Для эксплицитного утверждения используется ряд лексических и грамматических средств, призванных обеспечить связность и действенность аргументации. Говорящий избирает такие средства вербализации, которые, по его мнению, сохраняли бы текущий фокус или указывали бы на перемещение внимания с одного фокуса на другой. Языковые единицы или речевые конструкции, помещаемые в аргументативный фокус, с точки зрения аргументатора должны обеспечить наибольшее воздействие на адресата. Такие средства можно именовать аргументами.

Среди лексических средств, активно фигурирующих в аргументативном дискурсе, выявлены такие, как перформативные глаголы говорить, утверждать, полагать, думать, заметить и др. Например: **"Замечу лишь,** вчерашние слова имама: «Пусть злопыхатели отряхнут с ног своих пыль афганских гор!» /Из речи лидера Партии исламского возрождения Мухиддин Кабири, 26 ноября 2006 г./

Активную роль в формировании убеждающих высказываний играют модальные слова со значением уверенности, обладающие скрытым перформативным характером. Скрытый перформативный характер обусловлен самой семантикой модальных слов, в которой заложена их соотношенность только с говорящим, т.е. «автоцентричность». С помощью таких слов, как действительно, конечно, определенно, однозначно, разумеется, само собой разумеется и др. говорящий может выразить определенную степень уверенности в высказываемом суждении. Например: «Уже с одиннадцати я начал ко всем приставать: «Мы, наверное, опоздаем с принятием закона» /Из диалогов в кулуарах таджикского парламента, март 2008 года/.

Наиболее активны в плане выражения уверенности модальные частицы ведь, же. Особенность функционирования названных частиц заключается в том, что они предполагают модальность утверждения, но никак не связаны с логическим значением истины, что означает более указание на известность пресуппозиции слушающему: «Нельзя же допустить, чтобы ее уволили. Она же все-таки кормит мать и сестер» /Из диалогов в кулуарах таджикского парламента, июнь 2008 года/.

В публичном диалоге немаловажную роль в создании прагматического эффекта убеждения в истинности слов говорящего играет выбор слов определенной семантики. Среди них следует отметить использование таких глаголов как знать, видеть и т.п., существительных, имеющих семантику обобщающего характера: человек, люди, структивы, выраженные порядковыми числительными во-первых, во-вторых, в-третьих, наречиями, определяющими последовательность аргументаций наконец.

Обобщающий характер репрезентируют также высказывания с местоимением мы - «мы инклюзивное» (термин Ю.Д. Апресяна). Например: «Да, мы потерпели поражение, так как были столь наивны, что верили в народ. Нам казалось, что он сам может добыть то, что теперь, расплачиваясь ценой своей свободы, получает из рук повелителей. Мы воображали, что он могуч, богат, трезво оценивает свое положение и полон веры в Аллаха» /Из речи лидера Партии исламского возрождения Мухиддина Кабири, 26 ноября 2006 г./

Характерной чертой функционирования местоимения мы в публичной диалогической речи является его способность демонстрировать собеседнику сопричастность адресанта к происходящему, т.е. включение говорящего в личную сферу адресата: «Я пришел говорить с вами, рабочие туннеля! И вы меня знаете! Вы кричите, что я убил тысячи человек. Это ложь! Судьба сильнее человека. Работа убила эти три тысячи человек. Работа ежедневно убивает сотни людей на земле! Работа - это битва, а в битве бывают убитые!» /Из речи агитатора религиозно-экстремистской организации «Байат», январь 2004 года/

Репрезентативную функцию в публичном диалоге осуществляют не только утвердительные высказывания. Нами выявлены случаи использования вопросительных предложений для выражения утверждения, получивших название риторических вопросов. Отличительной чертой этих утверждений является то, что они более экспрессивны, окрашены определенными эмоциями говорящего. Риторические вопросы не требуют ответа, хотя и обращены к собеседнику, они призваны оказать определенное воздействие на адресата. Так, произнося риторический вопрос, говорящий побуждает слушателя самому найти ответ и, в то же время, убеждает его в этом единственно правильном ответе. Например: «Разве я Вас об этом не предупреждал?»; «Разве законопроект неинтересный?» Чтобы ярче акцентировать какое-либо суждение, адресант может предварить его вопросительными высказываниями. При этом не исключено, что ответ, как правило, негативный, прозвучит также в форме вопросительного предложения. Очевидно, что использование в публичном диалоге риторических вопросов, выполняющих функцию подключения адресата к речетворческому процессу, в частности, к поиску ответа на поставленный вопрос, способствует достижению определенной коммуникативной цели: убедить слушающего в истинности слов говорящего.

Для выражения утверждения говорящий может активно использовать полувопросы (термин Л.М. Михайлова), т.е. вопросительные предложения с прямым порядком слов. При употреблении таких конструкций адресант, опираясь на денотативную ситуацию, уверен, что собеседник подтвердит сделанное им сообщение. В подобных вопросах модальность задана и сигнализируется не только порядком слов, но и удостоверительными формами типа не правда ли?, не так ли? Например: «Ведь почти три года уже, не правда ли?»

Противительные союзы в простом и сложносочиненном предложениях — еще одно активное средство для манифестации рассуждений в аргументативном публичном диалоге, особенно часто встречающееся в ответной реплике собеседника. Например: «Чего же он хочет, чтобы и нас всех отправили на пенсию? Так, что ли? Вот уж кому надо было снять голову».

В публичном диалоге в организации аргументации могут быть использованы прагмалингвистические средства. Так, в репрезентативных высказываниях могут содержаться указания на статус говорящего, его личный опыт, знания в определенной области, а также приводятся ссылки на высказывания выдающихся и менее выдающихся, но авторитетных личностей. При этом активно используются такие речевые клише как по моему мнению, на мой взгляд, как полагает господин Н, как говорит госпожа Х и т.п. Например: «На мой взгляд, христианство - прекрасная вещь; но тому, что говорит этот православный священник, ни один человек не верит» /Из выступления сторонника Исламского движения Узбекистана, 3 августа 2009 года/.

Ссылка может осуществляться не на какое-либо конкретное лицо, а на общепринятые суждения. В таком случае речь идет о высказываниях-сентенциях. Введение их в речь говорящего способствует достижению коммуникативной цели говорящего, поскольку его установка подкрепляется мнением большинства. Например: «Употребление алкоголя - дело не шуточное. Поверьте мне. Истинный мусульманин должен подальше держаться от этого зелья неверных» /Из речи сторонника «Аль-Тахрир», 5 сентября 2007 года/.

Итак, в публичном диалоге утверждение, или репрезентативное высказывание, представлено на поверхностном уровне такими лексическими и грамматическими средствами как перформативные глаголы, модальные глаголы и частицы, повествовательные и вопросительные предложения, а именно, риторические вопросы, полувопросы, противительные союзы в простом и сложносочиненном предложениях, повтор слова и словосочетания, слова с обобщающей семантикой, порядковые числительные и наречия, обозначающие последовательность аргументаций, высказывания сентенционального характера, цитирование, прагмалингвистические средства. Названные средства обеспечивают сохранение аргументативного фокуса, равно как и перемещение внимания с одного фокуса на другой. Особую роль в акцентировании и перемещении фокуса играют риторические предикаты, тема-рематическое членение.

Как правило, в аргументативных текстах публичного диалога репрезентативы манифестируются комплексным использованием перечисленных средств, что способствует интенсификации иллюкативной силы убеждения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Романов А.А. Лингвистическая мозаика: избранное. М.: ИЯ РАН, 2006. с. 61.
2. Searle J.R. Foundations of Illocutionary Logic. Cambridge: University Press, 1985. p. 12-20.
3. Leech G.N. Principles of Pragmatics. London, New York: Longman, 1983. p. 211-212.
4. Почепцов Г.Г. Прагматика предложения // Теоретическая грамматика современного английского языка. М., 1981. с. 164-281.
5. Павлов В.М. О лингвистическом подходе к исследованию структуры текста // Материалы V Всесоюз. симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации. М., 1975. Ч. 1. с. 42.
6. Богданов В.В. Классификация речевых актов // Личностные аспекты языкового общения, Калинин. гос. ун-т. Калинин, 1989. с. 25.
7. Григорьев Е.И. Основы фонопрагматики немецкого языка: монография. Днепропетровск: Навчальна кн., 1997. с. 31.
8. Милосердова Е.В. Семантика и прагматика модальности. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1991. с. 111.
9. Апресян, Ю.Д. Перформативы в грамматике и словаре // Изв. Акад. наук СССР. Сер. лит. и яз. 1986. Т. 45. № 3. с. 208-223.

УТВЕРЖДЕНИЕ КАК РЕЧЕВАЯ ТАКТИКА В ПУБЛИЧНОМ ДИАЛОГЕ

В статье показывается что в публичном диалоге утверждение или репрезентативное высказывание, представлено на поверхностном уровне. Аргументация связана прежде всего с предикацией, поскольку мысль предикативна. Репрезентативные речевые акты представляют собой наиболее многочисленную группу речевых манифестаций.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: высказывание-единица речевого общения, аргументация-приведение доказательства, утверждение – положение, мысль которую доказывают; риторический – утверждение в форме вопроса.

THE STATEMENT AS SPEECH TACTICS IN PUBLIC DIALOGUE

In article the statement or the representative statement is shown that in public dialogue, presented at superficial level. The argument is connected first of all with It is active, as thought statements. Representative speech certificates represent the most numerous group speech demonstrations.

KEYWORDS: the statement-unit of speech dialogue; the proof argument-reduction; the statement - position, thought which prove; rhetorical - the statement in the form of a question.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Р.А. Усмонов – кандидат филологических наук, доцент., докторант кафедры русского языка и методики его преподавания Российского университета Дружбы народов.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ НОМИНАЦИИ ТАДЖИКСКОГО И УЗБЕКСКОГО ЯЗЫКОВ

Р. Хидиров

Таджикский государственный педагогический университет им. Садриддина Айни

В мире не существует языка, который развивался бы в изоляции от внешней среды, поэтому его развитие осуществляется под влиянием соответствующих закономерностей. Закономерность развития языка имеет два вида факторов – внутренние факторы развития языка и внешние факторы. Оба вида факторов характерны и для развития таджикского и узбекского литературных языков конца XX и начала XXI веков. Внутренние факторы развития сопоставляемых языков изучаемого периода характеризуются тем, что многие слова появились путём активизации употребления отдельных лексических единиц, которые находились в пассивном слое словарного состава таджикского и узбекского языков как устаревшие слова. Некоторые лексические единицы под влиянием изменений в общественной жизни таджикского и узбекского народов приобрели новое значение.

Рассматриваемыми языками было также заимствовано большое количество лексических единиц из русского языка, причиной чему явилось присоединение Средней Азии к России. Денотативные основы этих слов тесно были связаны с политической, экономической, духовной и идеологической жизнью народа, которые оказались качественно «новыми» для общественной жизни того времени таджикского, узбекского и других народов Средней Азии.

Лексические элементы тюркских (в том числе, узбекского) языков встречаются и в языках других нетюркских народов. Так, например, русским языком заимствованы многие слова тюркского происхождения, функционирование которых продолжается и ныне. Такой характер носят лексемы словарного состава русского языка типа *кибитка, колтак, алмаз, кирпич, товар, деньги, арбуз, изюм, камыш, латиа, баллон, шашлык, кумыс,*

ярлык, хан, казак, карандаш, арча, амур, аксакал, джигит, бай, батыр и ряд других (6, 68).

Тюркизмы их встречаются не только в лексическом фонде русского языка, они функционируют также и в арабском языке. В.М.Белкин отмечает наличие в арабском языке лексемы типа *бурги винт; калаюз болт; карвоз карбос; буза пиво; байроқ знамя; ароба арба; бизиз шило; тамга марка; козон казан; аврак документ; калам отделение*, которые были в различное время заимствованы арабским языком из тюркских языков (1, 10). Следует отметить, что большинство из перечисленных слов в лексикографических источниках таджикского и узбекского языка толкуются с пометой «слова арабского происхождения». Что касается современного состояния, то если в таджикском языке весьма велико число используемых арабских слов, то многие из этих арабизмов в лексике узбекского языка не встречаются.

Процесс заимствования таджикских лексических элементов хронологически распадается на два периода: 1) заимствование общеиранских слов в древнейшую эпоху через посредство других языков; 2) заимствование таджикских слов после установления непосредственных языковых контактов между русскими и таджиками, начиная со второй половины XIX в. классическая таджикско-персидская литература IX-XIV вв. оказала существенное влияние на формировавшиеся в то время тюркские литературные языки народов Средней Азии и Кавказа (вспомним, например, основные вехи творчества основоположников классической узбекской литературы Навои и азербайджанской литературы Низами), через посредство которых таджикские (шире-иранские) слова проникали в русский язык ещё в древнерусскую эпоху. Тематические рамки всех заимствований в период IX и до второй половины XIX в. были узки, а количество заимствованных слов весьма незначительно, однако слова типа *амбар* прочно вошли в лексическую систему русского языка ещё до установления тесных и непосредственных языковых контактов русского и таджикского народов. Поскольку эти слова проникали устным путём и через посредство других (в основном, тюркских языков), они подвергались значительным фонетическим изменениям (11, 10).

Таджикские заимствования в русской речи отражают различные реалии, среди которых особое место занимают наименования предметов домашнего обихода: *дастархан, палас, хурджун*; национальных музыкальных инструментов: *чанг, рубаб, дойра*; рода занятий людей: *деджанин, арбакеши, дервиши* и т.д.

Язык как богатство народа характеризуется, такой особенностью, как передача от одного поколения другому поколению. Все экономическое и духовно-моральное богатство народа отражается и сохраняется в его языке, в котором важную роль играют слова, образующие в совокупности общий лексический фонд языка. Все единицы языка, в том числе, и слова, вырабатываются в языке. Такой характер свойственен и заимствованным словам, и словам-дериватам, которые появились в языке посредством определенных способов словообразования. Н.А.Добролюбов пишет, что те слова, которыми пользуется народ, никогда не исчезают. Каждое усвоенное в языке слово служит для передачи определённых понятий общественной жизни народа и поэтому, национализируясь, приобретает качество «народности».

Развитие одного языка невозможно без влияния на него другого языка, что является закономерным процессом в развитии и обогащении языков. Взаимовлияние языков друг на друга – социальное явление положительного характера. Любого характера новости о явлениях, предметах и их взаимоотношения передаются посредством акустических и графических средств, а также через лучи и сигнальные референты. Естественно, что между референтами и сигналами отсутствует диалектическое согласованное соотношение, устанавливаемое самим человеком благодаря его жизненной практике, в которой важную роль играет коммуникативно-речевой навык человека. В данном процессе языковые знаки (слова и другие единицы языка) функционируют в качестве коммуникативных средств. Отсюда можно прийти к выводу о том, что в коммуникативном процессе языковые единицы, в основном, слова приобретают качества психолингвистического характера, объединяя одновременно в себе два плана – план содержания и план выражения. Эти два плана языковых единиц или лингвистического знака сохраняются в сознании человека как явление мышления. Мышление и язык неразрывно связаны между собой, они неотделимы друг от друга. Развитие и обогащение языка определяется развитием и обогащением мышления или наоборот, чем характеризуется взаимосвязь языка и мышления и их явления.

Взаимосвязь языка и мышления как один из сложнейших и важнейших объектов и лингвистики, и философии, что не является основным объектом нашего исследования, потому что данная проблема имеет принципиальное значение для широкого круга общественных наук. Данный объект, кроме философии, является объектом также социологии, этнографии и т.п.

Исследуя взаимоотношения языка и мышления, В.Гумбольдт пишет, «язык есть не только средство общения, но и необходимое условие осуществления процессов абстрактного, обобщенного мышления, чем определяется его психологический характер. Важность взаимосвязи языка и мышления характеризуется ещё тем, что в силу необходимости мышление всегда связано со звуком языка, иначе оно не достигает ясности, и представление не может превратиться в понятие. Неразрывная связь мышления, органов речи и слуха с языком обуславливается первичным и необходимым устройством человеческой природы» (5, 67).

Взаимосвязь языка и мышления обнаруживается в основном в лексике языка, в которой важную роль играет взаимосвязь отдельных лексем и соответствующих им вещей объективного мира. Вещь объективного

мира и слова языка совпадают друг с другом прежде всего в сознании. Поэтому весь внешний мир приходит через слова и отыскивается в них, слово – это коллективная память носителей языка, «памятник культуры», зеркало жизни нации, осваиваемое слово – ключ к образу жизни соответствующего народа, вообще ключ к знаниям (8, 17).

О двух взаимосвязанных между собой планах слова, о которых шла выше речь, можно сказать, что звуковое строение слова называется планом его выражения. Другой план слова называется планом содержания, с этой точки зрения слово совпадает с семемой. Семема является познавательным планом слова. План выражения (лексема) и план содержания (семема) слов не-отделимы друг от друга, чем определяется взаимосвязь слова и понятия: «лексическое значение тесно связано с понятием». Понятие привязано к лексеме (к плану выражения слова – Р.Х.) и принадлежит языку. Формирование понятия представляет собой познание действительности и тем самым это формирование оказывается процессом. В начале развития лексического понятия в нём может быть только одно значение, которое является основным функционально-семантическим признаком данной лексемы.

Знаковый характер слова определяется взаимосвязью его двух сторон – планом выражения и планом содержания. Ещё А.А.Потебня обратил особое внимание на семантическое содержание слова. Слово со своим семантическим содержанием представляет понятие, являясь его символом или знаком. Суть семантического содержания слова не отрицает перцептивного его плана. Перцептивный план слова определяется его фонетическим строением. Важность перцептивного плана слова характеризуется тем, что семантическое содержание слова выявляется через его перцептивный план, т.е. звуковое строение. В письменной речи перцептивный план слова выражается графическим его представлением, т.е. комбинацией определённых букв. Заимствование слов осуществляется сохранением его планов и выражения, и свершения, чем определяется нормальное функционирование слова в другом языке, куда оно перешло.

Язык – это, прежде всего, способ организации информации, обозначающий возможность передачи сегментов информации при помощи материальных явлений. Материальными явлениями сегментов информации являются слова независимо от их исконности и заимствованности, а также слова независимо от характера функционирования, являются ли они устаревшими (архаизмами, историзмами) или неологизмами – это уже не-важно. Таким образом, слово – основное материальное средство при передаче какой-нибудь информации. Любая информация тесно связана с понятием речевого отрезка. Речевой отрезок – продукт главной способности языка, способности организовать информацию так, что сегмент информации может быть передан при помощи материальных явлений. Речевой отрезок представляет собой систему материальных явлений, связанную определённым образом с организованным сегментом информации. Речевой отрезок имеет, следовательно, две стороны: внешнюю, материальную, формальную и внутреннюю, смысловую, содержательную. В соответствии с этим разграничиваются два плана речевого отрезка. План выражения отрезка – это то, что непосредственно воспринимается органами чувств. План содержания речевого отрезка – это то, что понимается, усваивается из него (4, 89). Все новые лексические единицы участвуют в отрезках речи, в ней они получают «путёвку» для дальнейшего функционирования в качестве собственных средств языка определённого периода.

Слова или выражения употребляются в функции носителей определённых понятий, привязанных к какой-либо лексеме и принадлежащих языку.

Употребление новых языковых единиц и их овладение тесно взаимосвязано с понятием так называемой «семантической доли».

Семантическая доля – понятие психологическое, которое характеризуется своим объективным характером. Объективный характер «семантической доли» определяется тем, что посредством этого понятия определяется основной признак семантического строения слова, которое логически приравнивается к понятию реального значения слов.

Семантическая доля в заимствованных, вновь восстановленных или производных новых словах сразу не осознаётся потому, что слова и выражения, которые только что начинают своё функционирование, не обладают реальными значениями, чем они являются понятными и общеупотребительными для всех носителей языка определённой эпохи.

Семантическая доля как логико-содержательное понятие относится к плану содержания лексических единиц. Семантическая доля тесно связана с познанием. Поэтому значение отдельных лексем, например, терминов, будет одинаково осознано теми, кто имеет общую профессию и знания на одном уровне.

Семантическая доля относится к понятию плана содержания слова. Что касается плана содержания слова, то в науке о языке велись и ведутся затяжные споры по поводу того, какой категории человеческой психики соответствует семантика слова (вопрос о семантике слов – отдельная область лингвистических исследований). Постепенно берёт верх точка зрения, согласно которой планом содержания слова является так называемое лексическое понятие, – естественно онтологически, потому что гносеологически семантику слова не только допустимо, но и необходимо членить и расслаивать (7, 58).

План выражения языковых средств – это есть перцептивное их ощущение. Так, план выражения слова – это есть лексемы (10, 30). Слова в отношении понятия плана выражения являются объектом ономаσιологии, а в отношении понятия плана содержания они являются объектом семасиологии.

В одном и том же слове синхронно-синкретически переплетены свойства и ономаσιологии, и семасиологии, чем определяется сложность лингвистического аспекта слова, что касается и слов - заимствованных и вновь восстановленных слов.

Ономаσιологическим планом слова связаны с процессом номинации, что тесно связано с опытом. Любое наименование в языке является результатом опыта. Длительность опыта может быть самой различной. Человек может изучать и познавать мир в течение многих лет, он может поверхностно ознакомиться с ним, увидев его впервые. Но длительность опыта в данном случае не имеет никакого значения. Важно, чтобы опыт этот был, так как опыт предшествует наименованию. Появление наименований каких-либо предметов или явлений невозможно представить вне человеческого опыта.

Ономаσιология есть совокупность знаний об объективном мире, его явлениях и взаимосвязях между этими явлениями. Объективный мир и его явления являются объектом экстралингвистики, т.е. не лингвистики в чистом виде. Ономаσιология и её процесс в целом является объектом лингвистики, а любые взаимосвязи между явлениями объективного мира влияют на состояние (развитие и усовершенствование) языка в качестве неязыковых (экстралингвистических) его факторов.

Основным объектом нашего исследования является ономаσιологический процесс, который наблюдается в лексике таджикской и узбекской литературной речи конца XX и начала XXI веков, где речь идёт о существенных неязыковых факторах, под влиянием которых активизировался ономаσιологический процесс за счёт появления многих новых лексических единиц и выражений, большинство из них незнакомо и непонятно для носителей таджикского и узбекского языков изучаемого периода. Непонятность вновь появившихся лексических единиц объясняется, прежде всего, тем, что они не были понятны для носителей данного периода в плане выражения и плане содержания этих слов, поэтому не была установлена их семантическая доля у носителей языка.

Между ономаσιологическими и семасиологическими процессами наблюдается взаимосвязь, суть которой заключается в том, что ономаσιологический процесс первичен в отношении семасиологического процесса.

Ономаσιологическим процессом обусловлено возникновение новой лексической единицы, семасиологическим процессом определяется её функционирование в языке и дальнейшая судьба.

Кроме этого, ономаσιология, занимается и определением экстралингвистических основ появления названия (слов) вне зависимости от того, являются они основательными или нет. При ономаσιологическом процессе выражаются те аспекты языка, которые составляют материал, на котором он построен, что соответствует его словарному составу, а единицей словарного состава, как известно, является слово лексема.

Ономаσιология изучает появление слов. Определяя слово, и указывая на связь звучания и значения, А.А.Потебня рассматривает слово как единство членораздельного звука и значения, либо как «звуковое единство с внешней стороны и единств» представления и значения с внутренней. Определение слова как единства звука и звучания предусматривает ещё наличие третьего элемента - представления, под которым А.А.Потебня понимал содержание мысли или способ изображения данного значения. Таким образом, «всякое слово без исключения состоит из трёх элементов: во-первых, членораздельного звука, без которого слова быть не может; во-вторых, представления и, в-третьих, значения слова» (9,127).

Любое слово обладает возможностью создания вместе с новым значением и нового представления. В значениях слов обобщаются ощущённые представления. До появления слова и вне его имеется и другое значение, не связанное со словом, что совпадает с понятием (2,76). Процесс наименования понятий тесно связан с ономаσιологическим процессом. Дальнейшее его функционирование с определёнными значениями в языке относится к семасиологическому процессу. У многих слов два этих процесса будут соотносительно взаимосвязаны друг с другом, чем определяется симметрия между двумя планами слов – планом выражения и планом содержания.

Однако симметричность между двумя планами слова не всегда соблюдается, иногда появляется нарушение соотносительности между ними, что характеризуется асимметрией в их функционировании. Нарушение соотносительности между этими двумя планами слова не отвечает принципам нормальной коммуникации, что приводит к необходимости выявлять и находить другие слова, которые, заменяя их, функционируют в качестве новых наименований определённых понятий. Все эти процессы носят ономаσιологический характер.

Ономаσιологический процесс – явление положительное, в результате чего язык и его лексика обогащаются за счёт новых слов, новых наименований, большинство которых начинают своё активное функционирование в языке.

Ономаσιологический процесс связан и с пуристическими течениями. Цель пуристического течения ясна: исключить из языка чужие, иностранные слова и вместо них восстановить употребление отдельных слов, которые находились в пассивном слое лексики как устаревшие. Кроме этого, под давлением пуристических

тенденций образуются многие слова-дериваты на основе словообразовательных способов родного языка. Можно наблюдать влияние пуристического течения на таджикский и узбекский литературные языки конца XX и начала XXI веков, что выражается старанием выпеснить и прекратить функционирование лексем типа *район, инженер, адрес, самолёт* и др. Вместо лексемы *район* начали употребляться лексические дублеты ***ноҳия, туман, депара, деҳа***; вместо лексемы *инженер* - лексический дублет ***муҳандис***; вместо лексемы *адрес* – ***сурони, минзил, кўнага***; вместо лексемы *самолёт* ***тайёра***. Все перечисленные слова являются арабскими заимствованиями.

Появление новых терминов или переименование понятий - результат ономаσιологического процесса. При появлении новых слов или замены одной лексемы другой следует уделять особое внимание на общенародность этих слов, учитывая объективное (реальное) и субъективное (нереальное) их значение. А.А.Потебня утверждает, что невозможно найти двух людей, которые однозначно представляли бы значение одной и той же лексемы, которой называется определённое явление объективного мира. Общенародный характер слова обеспечивается реальным его значением, что играет немаловажную роль при коммуникативном процессе. Субъективное значение слов может препятствовать их общенародному характеру, ибо оно является совершенно «собственным» и субъективным значением.

В процессе переименования «старых» слов новыми или образования новых слов большую роль играет принцип лингвистической экономии. История ономаσιологических процессов свидетельствует о том, что в некоторых языках употребляются устойчивые односложные формы слов. Так, например, в древнегреческом языке огромное количество слов состояло только из одного слога. Небольшое количество типов слогов в китайском языке сильно ограничивало дистиктивные возможности языка даже при наличии тональной системы. В то же время во французском, а также в таких языках, как испанский и португальский, сложные слова вообще не образуются.

Влияние принципа лингвистической экономии наблюдается и в узбекском языке. Многие словосочетания под воздействием данного закона языка превращены в простые слова, истинная морфемно-словообразовательная структура которых осознаётся только через серьёзные этимологические изыскания. Такими являются слова в таджикском языке *харгӯш* (<*хар-калон гӯш*) *заяц*; *ҳалқароҳ* (<*ҳалқа роҳ*) *кольцевая дорога*; а в узбекском *иштон* (<*ич-ки тун*) *иштан*; *қирғоқ* (<*куруқ ёқ*) *берег*; *сузмоқ* // *юзмоқ* (<*сувни узмоқ*) *плавать*; *қуёв* (<*қуданинг ўғли*) *зять*; *ойдин* (<*ойли тун*) *лунный*; *ёноқ* (<*ён ёқ*) *скула* и др. (3, 8).

Процесс номинации осуществляется разными способами и типами. Образование идиоматических выражений также представляет особый тип номинации. К способам номинации можно отнести также калькирование и заимствование. Каждый из этих способов обладает собственной, иногда неповторимой спецификой, которую следует учитывать при изучении различных проблем номинации (12, 155).

Следует особо подчеркнуть, что «национализация» языка не должна осуществляться за счёт отстранения иноязычных лексических единиц, многие из них уже превратились в собственные единицы языка, в котором они употребляются под знаком «заимствованные», полностью ассимилируясь в нем. В свою очередь, необходимо учитывать и то обстоятельство, что нет необходимости в функционировании некоторых иноязычных лексем, которые не полностью освоены носителями языкового общества. А.П.Сумарков справедливо полагает, что «заимствованные (иностраные) слова без необходимости испортят язык» (12, 152).

Период конца XX - начала XXI веков характеризуется своеобразными сложными социолингвистическими условиями, при урегулировании которых возникли важные неотложные задачи, в первую очередь, перед лингвистами, а также перед социологами. Для целенаправленного решения этих задач нужно принимать во внимание основные закономерности языка, чем определяется его развитие и усовершенствование (3,7). Переименование отдельных понятий и образование новых лексических дериватов осуществляется двумя способами:

1) заимствование из других языков или восстановление ранее имевших в языке слов названий для наименования понятий, которые возникли в конце XX – начале XXI веков в литературном таджикском и узбекском языках;

2) заимствование и восстановление слов-названий для переименования или конкретизации значений отдельных понятий, которые имелись и раньше.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белкин В.М. Арабская лексикология.- М: Из-во МГУ, 1975.-400 с.
2. Берёзин Ф.М. История лингвистических учений. /Учебник для филол. спец. вузов, 2-е изд., испр. и допол.-М.: Высшая школа, 1984. - 319 с.
3. Бердалиев А. Нутқнинг баъзи коммуникатив-психологик асослари. /Нутқ маданияти масалалари. – Тошкент, 1993. - 5-8 б.
4. Григорян В.М. Материалы к словарю синонимов. – Ереван, Изд-во Ереванского ун-та, 1958. – 284 с.
5. Гуломов А. Сузлар ҳаётидан. /Ўзбек тили ва адабиёти, 1969. -6-сон. -12-13 б.

6. Кондрашов Н.А. Основные вопросы русского языка. – М.: Просвещение, 1985. - 128 с.
7. Костомаров В.Г. Русский язык для иностранных студентов. – М.: Рус. яз., 1987. – 384 с.
8. Панфилов А.К. Сборник упражнений по стилистике русского языка. – М.: Просвещение, 1989. – 206 с.
9. Потебня А. А. Из записок по русской грамматике. – М., 1958. – т. 1-2. – 350 с.
10. Толстой С.С. Основы перевода с английского языка на русский. – М.: Изд-во ИМО, 1957. – 200 с.
11. Шамсиева М.В. Фонетическое освоение иранских слов в русском языке / Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1973. – 21 с.
12. Языковая номинация / Общие вопросы. – М.: Наука, 1977. – т. 1. – 360 с.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ НОМИНАЦИИ ТАДЖИКСКОГО И УЗБЕКСКОГО ЯЗЫКОВ

Сложные социолингвистические условия, которыми характеризуется период конца XX - начала XXI веков, ставят перед языковедами неотложные задачи, включая переименование отдельных понятий и образование новых лексических дериватов. В статье указаны способы реализации данной задачи, основными из которых являются заимствование из других языков, восстановление слов-названий для наименования или переименования отдельных понятий, имевшихся в таджикском и узбекском языках.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: ономазиология, семасиология, номинация, заимствование, семантическая доля.

THEORETICAL ISSUES OF NOMINATION IN TAJIK AND UZBEK LANGUAGES

The research topic of the article is onomasiological process, which is observed in Tajik and Uzbek literature of late XX and early XXI centuries. The author shows the positive influence of the onomasiological process, as a result of which the language and its content are enriched with new words, names, new terminology and new notions. The article also offers information about puristic processes, as well as various means and types of nomination.

KEY WORDS: onomastics, semasiology, nomination, borrowings, semantics.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: *Р.У. Хидиров* – канд. фил. наук, старший преподаватель кафедры таджикского языка Таджикского государственного педагогического университета им. Садриддина Айни. **Телефон:** 918-66-61-32

ВОЖАҲОИ СЕРМАӢНОИ ИФОДАКУНАНДАИ УЗВИ БАДАН ДАР «ЁДДОШТҲО»-И С. АЙНИ ВА ТАРҶУМАИ АНГЛИСИИ ОНҲО

Н. Туйғунов

Донишгоҳи миллии Тоҷикистон

Забон баробари пайдоишаш рӯ ба инкишоф меорад. Дар рафти инкишофу такомул он аз бисёр роҳу восита, омилу боисҳо истифода мебарад. Таркиби луғавии ҳар як забон дар шароити махсус, доираи ҷудогона, бо вижагиҳои умумию хусусӣ падидаи омада, ба дараҷаи лозимӣ инкишоф ёфта, ғайи мегардад ва ба ҷомеаи муайяне хидмат мекунад. Ҳар як забон давраҳои гуногуни таърихро аз сар гузаронида, дар давоми тараққиёташ калимаҳои тобишҳои гуногуни маъноиро ба худ мегиранд, яъне маъноҳои навро ба вучуд меоваранд. Дар ҳар як забон вожаҳои сермаъноро вохӯрдан мумкин аст, ки хусусиятҳои сермаъноии онҳо ҳосил ҳамон забон мебошад. Вожаҳои сермаъно аслан ду ва ё зиёда маъноҳои луғавиро ифода мекунанд.

Мусаллам аст, ки лексикаи ифодагари узви бадан дар ҳар як забон нишонҳои боигарии ҳамон забон аст. Зеро лексикаи ифодагари мафҳумҳои узви бадан яке аз қабатҳои луғавии ин ё он забон, аз ҷумла забонҳои англисӣ тоҷикиро фаро гирифта, дорои вижагиҳои хос мебошад. Ин гурӯҳи калимаҳои дорои таърихи тӯлонӣ мебошанд. Онҳо асосан ба гурӯҳи вожаҳои худӣ мансуб буда, тобишҳои гуногуни маъноиро соҳибанд. Инчунин ин гуна вожаҳо дар калимасозиву иборасозии забони бадеӣ нақши муассире доранд. Бинобар он, дар осори бадеӣ ва дар забони гуфтугӯи вожаҳои ифодагари мафҳумҳои узви бадан хеле фаровон мавриди истифода қарор гирифта, дар забони тоҷикӣ бештари онҳо ба гурӯҳи калимаҳои сермаъно дохил мешаванд. Муҳаққиқ А. Муминов сермаъноии вожаҳои тоҷикиро тадқиқ намуда, дар мавриди вожаҳои ифодагари узви бадан чунин навиштааст: «Полисемия дар асоси калимаҳои решагӣ (исм) сар, по, чашм, дил, даст ва ғайра тадқиқ меёбад» [1.7.3]

Вожаи дил дар таркиби луғавии забони тоҷикӣ аз серистеъмолтарин калима маҳсуб ёфта, вожаи аслан тоҷикӣ мебошад. Маънои луғавии ин калима узви хунгардонӣ (ба шакли халтаҷаи мушакӣ), ки дар тарафи чапи сарии сини инсон ва ҳайвон воқеъ буда, ба маънои дарун, дохил, миёни чизе мебошад.

[1.9.370]. Дар таркиби луғавии забони тоҷикӣ вожаи дил ба маънои сермаъноӣ ва дар таркиби воҳидҳои фразеологиву ифодаҳои рехта чунин маъноҳоро молиқ аст: 1. дарун, дохил, миёни чизе, 2. ботин, хотир; чон, рӯх; 4. фикр, андеша, 5. майл, хоҳиш, ҳавас, 6. дилбар, ёр, маҳбуба, дӯст; 7. далерӣ, шучоат, чуръат; Дар таркиби воҳидҳои фразеологӣ ба чунин маъноҳо меояд: дили вайрон, дили шикаста, дили ғамзада, ғамгин, афгор; дили кабоб - киноя аз дили дар оташи ишқсӯхта, азобдида, дили ошиқ; дили осуда дили беғам, дили бедард; дили парешон дили ошуфта ва музтариб; дили пурсухан киноя аз дили пурасор; бодонишу маърифат; дили сангин - киноя аз дили бераҳм, дили саҳт; дили танг, дили бесабру қарор; дили хафа; хогири малул, ғамгин; дили хоки тира - киноя аз қабр, гӯр; дили шаб - нимаи шаб, нисфи шаб; дили чамъ - хотирчамъӣ, осудахотирӣ; дил бад қардан а) хиёнатандешӣ қардан; нияти бад қардан; б). маънос шудан, ноумед гаштан; дил баргирифтан - киноя аз дил қандан; розӣ шудан ба ҷудой; дил бардоштан - тарқи муҳаббату дилбастагӣ қардан; тарқ қардан; дил барқандан аз қасе, аз чизе... дил барқандан аз қасе чизе; дил бастан - муҳаббат бастан, мафтун шудан; дил бохтан а) ошиқ шудан; б) саҳт тарсидан; дил бурдан - мубтало қардан, шефта намудан; қасеро ба худ моилу роғиб намудан, дил буридан аз чизе - дил қандан, тарқи чизе қардан; дил додан, дил доштан, дил пур аз оташу бод доштан; дил дуздидан; дил дуним шудан; дил қашидан ва ғайра [1.9.370].

Дар фарҳанги забони англисӣ [1.8.536] вожаи дил- heart ва маъноҳои онро чунин шарҳ додаанд: Калимаи дил-heart ҳамчун исм- 1. a heart- *дил, қалб. (маънои маҷозӣ) - рӯх*, 2. далерӣ, мардонагӣ, 3. ҳиссиёт, муҳаббат, ишқ, 4. азиз, меҳрубон (дар муқолама), 5. узак, дила, мағз, 6. моҳият, ҷавҳар, асл, 7. маркази шаҳр, мавқеи мобайнӣ, 8. серҳосилӣ, пурҳосилӣ (ҳок), 9. дила (тех), 10. таппон (дар қимор), 11. дарун, дохил, 12. майл, хоҳиш, ҳавас.

Мавҷудияти муродифот дар ин ё он забон ин нишонаи пурғановат ва дорои таркиби луғавии ғанӣ будани он забонро далолат мекунад. Вожаи дил-heart ҳамчун вожаи ифодакунандаи узви бадан дар фарҳангҳои синонимии забони англисӣ дар маънои аслиаш ҷой дода нашудааст. Агарчанде он ба гуруҳи калимаҳои сермаъно дохил шавад ҳам, онро дар фарҳангҳои синонимии забони англисӣ дар маънои маҷозиаши овардаанд:

Heart-n- *асос, мақсад, ҷавҳари ғаф-1. center, core*: The heart of the problem was that we didn't believe anything Jack said. *Ҷавҳари ғаф дар он аст, ки мо, он чи ки Чек гуфт, бовар накардем. Ҷиҳати асосии масъала дар он аст, ки мо, ҳар чизеро ки Чек гуфт, бовар накардем* [1.13.175].

2. heart- *ҳиссиёт, эҳсосот- sympathy, feeling, sentiment*: Dave has so much heart he'd do anything for you. *Чек одами дилқушод аст. Ў барои шумо ҳама корро мекунад* [1.13.175].

Дар ҳамин маъно дар фарҳанги дигари забони англисӣ [1.14.92] чунин оварда шудааст: Heart-дил муродиф аст бо калимаҳои *-core, nucleus, kernel, interior, center, character, disposition, courage, hardihood, nature, life, feeling, benevolence*. [1.14.92]

Вожаи дил-heart дар калимасозии забон низ хело ғаёъл мебошад. Аз он калимаҳои нав дар забон ба вучуд меоянд, ки дорои маъноҳои гуногун буда, дар таркиби ибораҳои муҳаббатӣ вохӯранд:

heartache, heart-beat, heartbreaking, heartbroken, heartburning, heart-disease, hearten, heartburn, heart-failure, heart-felt, heart-free ва ғайраҳо [1.8.358].

Дар асари «Ёддоштҳо» С.Айнӣ вожаҳои ифодагари узвҳои бадан ниҳоят фаровон истифода шудаанд. Истифодаи онҳо чи дар маънои асли ва ҳам маҷозӣ, дар таркиби ибораҳо ниҳоят зиёд ба ҷашм мерасанд. Махсусан, вожаи дилро устод С.Айнӣ дар асари мазкур бештар қор фармудааст. Дарачаи истифодаи вожаҳои ифодагари узвҳои баданро дар муқоисаи тарҷумаи англисии ин асар қариб баробар шуморидан мумкин аст, ба истиснои ҳолатҳои тарҷума нашудани онҳо дар тарҷумаи маъноии якҷанд муҳаббатӣ. Махсусан, вожаи дил хусусиятҳои сермаъногии худро дар асар нигоҳ дошта, ҳамчун вожаи ифодагари мафҳуми узви бадан дар таҷассуми воқеаҳои ҳодисаҳои асар, ҳаҷасозӣ, тасвири манзара, ҳолатҳои рӯҳии персонаж фаровон қорбаст гардидааст. Мутарҷими асар ҳангоми тарҷума аз усулҳои гуногуни тарҷума истифода намуда, асолати асари тарҷумашавандаро нигоҳ доштааст. Фаровон иштирок намудани онҳо дар калимасозӣ, ҳам дар маънои асли ва ҳам маҷозӣ омадани онҳо, пайдо шудани муродифоти мувофиқи ибораҳои фразеологиро ҳангоми тарҷума ба забони англисӣ дар рафти таҳлил дарқ қардан мумкин аст. Масалан, барои тақвияти ҳамин гуфтаҳо намунае чанд аз мисолҳои асари мазкур меоварем:

- Ahmad closed his eyes, praying that he wouldn't see anything. A moment later his heart skipped a beat, as the fancies became even more real;... [2.2. 214].

...Аҳмад ҷашмашро пӯшид. Баъд аз чанд сония дилаш тангӣ қард, ҳаёлот боз ҳам воҳимадортар гардид: гуё як чиз омада ба қардани ӯ савор шудани аст ва меҳоҳад, ки ўро бугӣ қарда кушад. [2.1.72].

Ҷасорат, далерӣ:

- Офарин ба дилу ҷигарат! Агар монанди ту чор ҷўра бошем, ҳарамон дар қўчаи хиёбони Бухоро ҳанг хоҳад зад. [2.1.59]. -A third yelled sarcastically, "Hurrah for such a brave fellow! If we had four more like you, our donkeys would bray in the streets of Khiyobon in Bukhara!" [2.2.205]

Ё дар мисоли дигар:

Бо ин дилу гурдаат имшаб роҳи хонаатро чи гуна меёбӣ? [2.1.59]. – One asked him how he would get home on his own that night, and . . . [2.2.205]

Ботин, вучуд:

-Аз набудани онҳо дар дили ман як ҳисси рашк пайдо шуд [2.1.17]- I thought that the two of them had gone off with the musicians, leaving me behind, and I was jealous. [2.2.40].

Ё дар мисоли дигар:

... таъсири он зарба ханӯз аз дилам нарафта буд... [2.1.98] – now, although thye marks of Sayid-Akbar's slap had long vanished from my face, its inner effects were still with me [2.2..117].

Вожаи дил-heart чи дар забони тоҷикӣ ва чи англисӣ, махсусан дар таркиби воҳидҳои фразеологӣ зиёд ба чашм меҳӯрад. Ҳамин гуна ибораҳо ба монанди *аз тахти дил, дилтанг шудан, дили касе аз тангӣ кафидан, дилаш сӯхтан, дили касе кушода шудан* ва ғайраҳо дар ҳарду забон мушоҳида кардан мумкин аст, ки онҳо дар асари «Ёддоштҳо» фаровон истифода шудаанд. Дар тарҷумани англисии ҳамин асар унсурҳои номбаршуда омаданд. Масалан, иборайи **аз тахти (сидқи дил)- from the bottom of one's heart:**

... ятим ба бой аз тахти дил фарзандвор хизмат кардан гирифтааст... [2.1.41]- the orphan served the rich man like a son from the bottom of his heart. . . [2.2.62]. Иборайи дил сӯхтан- to be sorry for smth, smb.

Дили ман ба холи ӯ бисёр месӯхт, ҳар вақт нон хӯрам, як порчаашро ба ӯ меодам... [2.1.87] – I felt very sorry for him, and each mealtime I slipped him a handful of dried apricots or mulberries. 2.2.106].

Иборайи **ба дили касе саҳт расидан- to be hurt:**

Ҳарчанд «бад» гуфтани ӯ падарамро дар дили ман саҳт расида бошад ҳам... [2.2.27] Although I was hurt by this insult, it was clearly one way out of this kind of danger. [2.2.240]

Иборайи **дилтанг шудан- to be depressed:**

Дили ман аз пургӯйи мизбонамон танг шуд ва аз Иброҳимхоча хоҳиш кардам, ки маро зудтар ба сайроғ барад... [2.1.107] – I was depressed by our voluble host's lecture, and begged Ibrohim Khoja to hurry up and take us to the fair.

Мавриди зикр аст, ки хусусияти сермаъноии калима комилан ба мазмуну мундариҷаи ҷумла алоқаманд аст. Зеро фаҳмиши дурусти муносибати маъноии калима дар матн мавқеи муҳим дорад.

Яке аз вожаҳои сермаъноии ифодакунандаи узвҳои бадан вожаи **сар-head** мебошад. Бояд гуфт, ки ҷиҳати муҳими калимаи сермаъно он аст, ки паҳлуҳои гуногуни ҳодисаҳои воқеиро дар шакли як калима акс мекунад ва ҳамаи он маъноҳо ба ҳам алоқамандӣ доранд. **Сар-** вожаи аслии тоҷикӣ буда, дар фарҳанги паҳлавӣ сар, нӯг, оғоз, маънидод шудааст [1.2.144]. Ин вожа яке аз вожаҳои сермаъноии забони тоҷикӣ буда, дар «Фарҳанги забони тоҷикӣ» чунин маъноҳояш оварда шудааст: сар – 1 калла, яке аз узвҳои бадани инсон ва ҳайвон, ки аз гардан боло воқеъ буда, мағз, чашм, гӯш, бинӣ, даҳон ва ғ. дар он ҷой гирифтааст; 2. раис, сарвар, сардори лашкар; 3. оғоз, аввал, ибтидо, асос; 4. болои чизе; рӯи чизе; 5. нӯги чизе, қисми интиҳои чизе (ришта, сӯзан, ҷӯб ва ғ.). 6. маҷ. фикру андеша; қасду ирода; 7. маҷ. майлу рағбат; ишқу муҳаббат. 8) шумораи асп, ҳар (нумератив); 9) нафар, кас 10. Бо изофа бо пешояндҳо ҳамчун пешоянди номии таркибӣ бо маънои гуногун: сари... назди... пеши... болои...; аз сари... а) аз роҳи...; аз рӯи...; ба тариқи...; б) ба сабаби...; аз рӯи...; аз роҳи...; ба муносибати...; в) барои...; ҷиҳати...; сари безабон- сари ҳайвон; сари даст-панҷаи даст; сари дафтар-сардафтар, саромад...; сари моя-сармоя; молу мулк- сарват; асл ва бунёд; сари мӯй-киноя аз миқдори бисёр каме; сари сабз- киноя аз хушу хурраи, беғамӣ; сари хирағи- сари пур аз савдои ботиландешӣ, шӯру ғавғо ва худсарӣ, саркашӣ; сари хок- қабр; як сар а) якбора, рост; б) тамоман, аз сар то ба по; сару қор- алоқа, муносибат; сару сомон, сареву сомоне - ба сариштагӣ, саранҷомӣ; тартиб ва интизом (дар рафти қор ва зиндагӣ); сар афроҳтан - киноя аз фаҳр кардан; сар бурдан а) халос шудан; б) киноя аз берун шудан аз итоат, нофармон шудан, сар даровардан бо касе, ба касе майл кардан, лутфу марҳамат кардан; сар додан а) худро фидо кардан, худро қурбон кардан; б) раҳо кардан-равон кардан; сар кашидан-бар касе исён кардан; ҷангҷӯӣ кардан; бо касе; сар ниҳодан а) сар фуру андохтан-сар ҳам кардан, б) итоат кардан-фармонбардор шудан; в) мурдан-вафот кардан ва ғайра; [1.10.194-200].

Забоншинос Ҳ. Маҷидов маъноҳои дигари ин вожаҳо дар асари худ ҷой дода, онро бо мисолҳо шарҳ додаст. Масалан, хӯша, лӯнда – сари ангур, сари қанд; мӯйҳо - сари сафед; ихтиёр – сари ёри, сари идора ва ҳаёт, зиндагӣ. [1.5]

Вожаи **сар-head** дар фарҳанги забони англисӣ [1.11.535] чунин шарҳу тафсир шудааст: **head-**дар забони англисии қадима- *heafod, hafola*, асримиёнагӣ- *heved, hed*, олмонии муосир- *haupt*; забони готӣ *haubir*, яке аз узвҳои бадани инсон ва ҳайвон, ки аз гардан боло воқеъ буда, мағз, чашм, гӯш, бинӣ, даҳон ва ғ. дар он ҷой гирифтааст. Ин вожа ҳам дар забони тоҷикӣ ва ҳам англисӣ ба гурӯҳи калимаҳои сермаъно дохил мешавад. Дар фарҳанги забони англисӣ [1.8.357]. маъноҳои зерини он оварда шудааст: 1. ҳамчун исм-head- сар, калла; 2. одам, инсон; 3. (дар шакли ҷамъ) сари чорво, fifty heads of

cattle- панҷох сар чорво; 4. роҳбар, пешво, доҳӣ; 5. роҳбари мактаб; 6. чизе ки намуди сарро дорад, а head of cabbage- як дона карам; 7. қобилият; ақл; 8. қисми пеши чизе, the head of the mountain- куллаи кӯх; 9. қисми болоӣ (зинапоя, саҳифа ва ғ); 10. қисми нуғи (пеши) киштӣ; 11. димоға; 12. сари болин; 13. болооби дарё, сарғаҳи дарё; 14. нуғ, сар, боло, қисми боло; 15. сараки мех, сӯзан; 16. давраи авҷи беморӣ; 17. кафк; гули сари сабад; 18. сарлавҳа, унвон; 19. қисми пеши танга; 20. дастаи корд, мӯҳраи табар; 21. санги кулф; 22. (шакли чамъ) маъдан (дар кӯх); омехтаи маъдани нави аъло ; 23. фоида, даромад (ҳангоми резиш); 24. асосӣ, аввалиндарача. Ҳамчун феъл-verb: to head- роҳбарӣ кардан; бурдан(корро), to head the list- дар ҷои аввал будан; 2. ба самте равон шудан; сарлавҳа гузоштан, номидан; 3. сарчашма гирифтган (мас. дарё ва ғ); 4. бо сар задан, кӯфтган (бо тӯб), бо сар бозидан. [1.8.358].

Вожаи **cap-head** ҳамчун исми ифодагари узви бадани инсон дар фарҳангҳои синонимии забони англисӣ дар маънои асли оварда нашудааст. Дар фарҳанги синонимӣ [1.13.174] муродифоти онро дар маънои маҷозиаши чунин шарҳ додаст:

Head- n. 1. supervisor, leader, commander, director, chief- роҳбар, роҳбалад, кумандон, сарвар, мудар: *We went to talk to the head of the English department about our grades. Мо ба назди мудир бахши англисӣ барои дар бораи баҳоҳоямон сӯҳбат кардан рафтем.* [1.13.174]

2. source, start, beginning, origin- сарчашма, пайдоиш, оғоз, асл: *It took explorers many years to find the head of the Nile. Барои пайдо кардани сарчашмаи Нил тадқиқотчиён чанд сол сарф карданд.* **vb.** феъл-lead, direct, command-роҳбарӣ кардан, фармонравой кардан, роҳбаладӣ кардан: *Isaac will head this project and tell the workers what they must do. Исаак ҳамин лоихаро роҳбарӣ хоҳад кард ва ӯ ба коргарон чи кор карданашонро мегӯяд* [1.13.174].

adj. сифат- chief, leading, principal, main- асосӣ, роҳбарона, аввалиндарача: *The head man of the tribe signaled that we were to put down our weapons. Сарвари қабила ишора кард, то ки яроқҳоямонро ба замин гузорем* [1.13.174]. Дар фарҳангҳои дигар [1.14.92] калимаи **cap-head** бо муродифоти зерин оварда шудаанд: **head-cap** top, crown, chief, leader, ruler, mind, source, section, division, topic, gathering, culmination, crisis, leadership, guide, commander.

Дар асари «Ёддоштҳо»-и устод С.Айни аён мегардад, ки **вожаи cap-head** чун ифодагари мафҳуми узви бадани инсон хусусиятҳои сермаъногиро зоҳир менамояд. С. Айни вожаи мазкурро васеъ истифода намудааст. Дар маънои маҷозиаши муродифи он дар тарҷумаи англисии асар фаровон қорбаст гардидааст, ки тавонистааст маънои асосии ҷумлаҳои тоҷикиро нигоҳ дорад. Албатта, дар тарҷума мутарҷим кушидааст ибораву ҷумлаҳоеро, ки бо ин вожа қорбаст гардидаанд, дақиқ баён созад, зеро тавассути густурдагии маъно, маҷозият, кӯтоҳӣ ва дурахшии маъно ибораҳои фразеологӣ дар забон нақши муҳимро мебозанд. **Дар маънои асли:**

... дар худ ҳафт **сар** пайдо мекунад ва бо осмон нигоҳ карда, дароз шуда рафта мегирад, ба ҳаде ки рафта-рафта **сараш** ба осмон мерасад [2.1.49] - ...and finally would change into a black, evel looking man with seven heads on his shoulders, who would gradually grow taller and taller until his heads reached the sky... [2.2.69].

Ё дар мисоли дигар, ки вожаҳои дигари ифодакунандаи узвҳои бадан (сар, чашм, даҳон) дар маънои аслиашон омадаанд:

«Одаму ақл гуфтаанд. Агар ақл набошад, **сар-кадӯи хушк, даҳан – тубаки бекор ва чашм- шишаи ҳоли будааст-дия!** [2.1.70]- Be reasonable! Without reason, the head is nothing but a hollow gourd, the mouth is a useless jug, and the eyes are empty glasses!" [2.2.33].

Ё дар мисоли дигар, ки ҳангоми тарҷума зарурати тарҷумаи вожаи **cap-head** намондааст, яъне тарҷумаи маъноӣ дар забони англисӣ хусусияти тоҷикии онро нигоҳ доштааст:

.. ба оғӯш кашада, **сару рӯямро** аз бӯсаи сероб тар кард [2.1.84] - ...for she laughed loud and long hugged me again and smothered my face with wet kisses ..[2.2.104].

Роҳбар, пешво: Дар он ҷо қаймоқи гап қордонӣ ва қордорҳои **сарқори** нави рӯдқовӣ буд [2.1.76]. – the chief topic of the conversation was the expertise and achievements of the new boss of the canal project. [2.2.96].

Фикр, ақл: ... ҳамаи инҳо дар як ҷо аввалин бор **ба сари** ман чамъ шуда буданд [2.1.19] – though I was very young at that time, the memory of this episode stayed with me [2.2.41].

Оғоз, аввал: ... шамол аз **сари** шом сар шуда буд, падарам ба замини гандумпоя об сар дод [2.1.50] – one evening when we were on our own, since the wind had risen at sundown, my father started to water his wheat field. ... [2.2.71]

Ба ҷуз вожаҳои зикршуда, дар «Ёддоштҳо»-и С.Айни бисёр вожаҳои дигари ифодакунандаи узви баданро, ба монанди **гурда, сина, сандуқи сина, шикам, ангушт, оринҷ, гӯш, по, забон, зону, абрӯ, камар, миён, лаб, чашм, ҷигар, бурут, банд, бугум, риш, захра** ва ғайраҳоро вохӯрдан мумкин аст, ки онҳо дар асар фаровон истифода шуда, ба забони англисӣ тарҷума шудаанд. Дар мисоли вожаҳои сар ва дил нишон додани сермаъногии қисме аз вожаҳои ифодагари узви бадан аз он шаҳодат медиҳанд,

ки устод С.Айнӣ вожаҳои ифодагари узви баданро бо пахлуҳои мухталифашон фаровон корбаст намудаанд. Тарҷумаи англисии асар низ, ки тарҷумаи бевосита мебошад, дар пурра ва сахт баён намудани ин гуна таркибу ибораҳо ҳолӣ нест. Дар он новобаста аз сарфи назар кардани баъзе ҷузъиётҳо ибораҳои муодили мувофиқ дар аксар маврид истифода шудаанд, ки фикри нависандаи асарро пурра ба забони дигар инъикос кардаанд.

Бо воситаи асарҳои тарҷумавӣ саҳифаҳои торики таърихи халқи тоҷик ба хонандагони ғайритожик равшан мешавад, аммо муҳим он аст, ки воситаҳои тасвири бадеӣ, асоси миллиӣ, ҷанбаи умумибашарӣ дар тарҷума дуруст инъикос гардад, ба забони тарҷума гузаранд. [1.6]

Ин гуфтаҳо аз он гувоҳӣ медиҳанд, ки устод С. Айнӣ ба эҷодиёти халқ ва осори гаронбаҳои гузаштагонамон бо як эҳтироми хоса менигарист. Аз ин хотир, осори устод С. Айнӣ пур аз ифодаҳои маҷозӣ, воҳидҳои фразеологӣ, зарбулмасалу мақолҳои халқист, ки дар офаридани ин унсурҳои луғавӣ ва воҳидҳои забонӣ нақши вожаҳои ифодагари узви бадани инсон хеле беш аст.

АДАБИЁТ

1. Динес Л.А. Структура и семантические особенности составного термина.- Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1984. с.98.
2. Каримов А. Хрестоматияи забони паҳлавӣ.- Душанбе, 2007.-243 с.
3. Қосимова М.Н. Таърихи забони адабии тоҷик (асрҳои 9-10). Қисми 1.-Душанбе, 2003. -490 с.
4. Мамадназаров А. Фарҳанги англисӣ-тоҷикӣ. Душанбе, 2007.1080 с.
5. Мачидов Х. Забони адабии муосири тоҷик. Ҷилди 1.-Луғатшиносӣ. -Душанбе, 2007.-243 с.
6. Мирзоева М.М. Воҳидҳои фразеологӣи асарҳои С.Айнӣ ва усулҳои тарҷумаи онҳо ба забони русӣ, Душанбе: Матбуот, 2008.160с.
7. Муминов А. Полисемия ва антонимия. // Мачмуаи филологӣ.-Душанбе: УДТ, 1971.-с.72-76.
8. Мюллер В.К. English - Russian dictionary.- Москва, 1969,-912 с.
9. Фарҳанги забони тоҷикӣ. Ҷ.1. - М.: СЭ. 1969-951 с.
10. Фарҳанги забони тоҷикӣ. Ҷ.2. – М.: СЭ. 1969-949 с.
11. Henry Wyld. The Universal dictionary of the English language. London.-1934.pp/1678. ...
12. Franklin J., W. Michael. Webster's encyclopedic Dictionary. Chicago.-1942.569pp.
13. L. Urdang. Dictionary of synonyms and antonyms. USA.- 1985, pp. 441.
14. New Webster's Dictionary of the English Language. College Edition, USA, Fifth Print, 1989.-1856 pp.
15. Чамшедов П. Фарҳанги тоҷикӣ ба англисӣ. Душанбе, Пайванд, 2007. 1202 с.
16. Айнӣ С. «Ёддоштҳо».- Ҷ.1.2.-Душанбе: Адиб, 1990.- 352 с.
17. J. Perry, Rachel Lehr. The sands of Oxus (Reminiscences). –Mazda publisher, Costa Mesa, California. 1998, pp.275.

МНОГОЗНАЧНЫЕ СЛОВА ОБОЗНАЧАЮЩИЕ ЧАСТИ ТЕЛА В «ВОСПОМИНАНИЯХ» С.АЙНИ И ИХ ПЕРЕВОД НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК

В статье автор рассматривает некоторые аспекты употребления многозначных слов, обозначающие части тела, а также их непосредственный перевод на английский язык в «Воспоминаниях» С.Айни.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: многозначные слова, аспекты употребления многозначных слов обозначающих части тела, непосредственный перевод многозначных слов на английский язык в «Воспоминаниях» Садриддина Айни.

POLYSEMANTIC WORDS DENOTING THE PARTS OF THE BODY IN «REMINISCENCES» OF S. AYNI

The article deals with some aspects of polysemantic words denoting the parts of the body, as well as their direct English translation in «Reminiscences» of S. Ayni.

KEY WORDS: multiple-valued words, aspects of the use of multiple-valued words designating body parts, direct transfer of multiple-valued words into English language in Memoirs Sadriddin Ayni

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: *Н. Туйгунов* – старший преподаватель общеуниверситетской кафедры английского языка Таджикского национального университета. **Телефон:** 93-555-13-04

ТАФОВУТИ КАЛИМА ВА ИБОРАҲОИ ЗАБОНИ ТОҶИКӢ ДАР МУҚОИСА БО ЗАБОНҲОИ РУСӢ ВА АНГЛИСӢ

М. Ҳомидова, А. Байдуллоев

Донишгоҳи давлатии омӯзгории Тоҷикистон ба номи Садриддин Айни

Ислохоти сохтори маориф дар Ҷумҳурии Тоҷикистон ба такмили мундариҷа ва сохти маълумот, аз он ҷумла маълумоти олии омӯзгорӣ равона карда шудааст. Қонуни Ҷумҳурии Тоҷикистон «Дар бораи маориф», консепсияи миллии маълумот ва стандартҳои давлатии маълумот ҳуҷҷатҳои мебошанд, ки системаи маълумоти кишварро ба сатҳи байналмиллалӣ бардошта, инкишофи минбаъдаи соҳаи маорифро муайян мекунанд. Дар Консепсияи миллии маълумоти Ҷумҳурии Тоҷикистон зарурати омӯзиши забони хориҷӣ барои инкишофи ҷомеа чунин арзёбӣ гардидааст: «Омӯзиши забонҳои хориҷӣ, алаҳусус русӣ, англисӣ ва арабӣ дар ҳамбастагӣ бо забони модарӣ аз синфҳои ибтидоӣ оғоз мегардад ва тамоми марҳилаҳои маълумотро фаро мегирад. Зарурати омӯзиши забони хориҷиро ҳамчун сарчашмаи дониш барои омӯхтани илму фарҳанги дунё, прогресси илмию техники ва воситаи муоширати байни миллатҳо бояд ба эътибор гирифт».

Насли навраси тозабунёди имрӯзаи кишвар аз фармони Президенти мамлакат Эмомалӣ Раҳмон оид ба рушди забони англисӣ илҳом гирифта, баҳри омӯзиши он саъю кӯшишҳои зиёд ба харҷ медиҳанд.

Ба ҳама маълум аст, ки сол то сол ҷомеаи тозабунёди Ҷумҳурии Тоҷикистон пеш рафта, талабот ба мутахассисони донандаи забонҳои хориҷӣ зиёд шуда истодааст. Чунки робитаҳои иқтисодӣ, фарҳангӣ ва ҳатто иҷтимоӣ бо кишварҳои хориҷӣ пеш аз ҳама бо забони англисӣ сурат мегиранд.

Аз ин лиҳоз (донишҷӯён) шавқмандони забон бояд донанд, ки дар байни калимаву ибораҳои забони тоҷикӣ, русӣ ва англисӣ қадом фарқиятҳо мавҷуд ҳастанд. Барои равшанӣ андохтан аз руи ин масъала якчанд мисолҳо меорем. Дар Британияи Кабир мисли дигар давлатҳо якчанд миллатҳо умр ба сар мебаранд. Онҳо мисли шотландӣҳо, ирландӣҳо ва валлитҳо буда, онҳо бо забони англисӣ сухан мегуянд. Сӯҳбат бо забони англисӣ, дар муқоиса бо забони русӣ ва тоҷикӣ фарқ дорад. Чунончи ба забони англисӣ саволи “How are you?”, ба забони тоҷикӣ “Шумо чӣ хел?”, ба забони русӣ “Как вы?” (“Как дела?”) ифода тарҷума карда мешавад. Одатан “I am well”, “fine”, яъне “хеле хуб”, “хеле хушхол”, ба забони русӣ “хорошо”, “нормально” ҷавоб ба суоли дар боло ёдовар шуда мебошад. Аммо гуянда нафақат корхояш хуб буданаширо дар назар дорад, балки одатан дар ҳолати воҳӯрдан ва аҳволпурсӣ қардан низ аз ин ибораҳо истифода менамояд.

Мисоли дигар. Шаҳрвандони Британия ҳангоми суханрони аввал ном, пас насаби шахсро гирифта, муомила мекунанд. Чунончи: Robin Scott, Dolly Ross, Meg Dobbin ва ғайра. Дар забони русӣ ҳам аввал ном, пас насабро мегиранд: Дмитрий Соколов, Юрий Гаврилов, Екатирина Иванова. Ба забони тоҷикӣ бошад, аввал насаб, пас номро мегиранд: Каримов Рустам, Соҳибов Носир, Қодирова Миҷгона ва ғайра. Баъд аз истиқлолияти Тоҷикистон мисли англисҳо Тоҷикистониён ҳам аввал ном, пас насаб гирифтандро қорӣ қарданд: Дилшоди Насрулло, Ҷунайдуллои Абдулло, Сафинаи Одинашох, ва мисли он.

Дар забони англисӣ ҳангоми номгирии марду зан ва шавҳар доштани надоштани зан пеш аз ному насаб ибора илова мешавад. Ба ному насаби мардҳо иборайи Mister(Mr), пеш аз ному насаби занҳои ба шавҳар набаромада иборайи Miss ва зани шавҳардор иборайи Missis(Mrs) ва агар шавҳардор будан ё набудани зан номаълум бошад, он гоҳ бисёртар Mis гуфта, мурочиат мекунанд. Дар забони тоҷикӣ бошад, барои мардҳо иборайи “ҷаноб”(“ҷанобон”) ва барои занҳо “хонум”(“хонумҳо”) қабул шудааст.

Дар соҳаи таълиму тарбия дар байни муоширати омӯзгору шогирд низ ибораҳои забони англисӣ истифода мешаванд. Хонандагон ба муаллим иборайи sir ва ба муаллима иборайи miss-ро истифода бурда, муошират мекунанд. Дар забони русӣ хонандагон бештар ному насаби устодонро гирифта мурочиат менамоянд. Дар забони тоҷикӣ бошад, барои ҳурмат ному насаби омӯзгоронро номбар намекунанд, балки “устод” ё “муаллим”, агар зан бошад “муаллима” гуфта мурочиат мекунанд.

Тарзи саломии англисҳо низ як тарзи хоса дорад. Онҳо аз субҳи содиқ то шом се намуди салом гуфтандро истифода мебаранд. Пагоҳирузӣ иборайи “Good morning”, дар нисфирузӣ (пешин) иборайи “Good afternoon” ва бегоҳӣ “Good evening” гуфта салому алейкум мекунанд. Шаб бошад, ҳангоми хайрухушкунӣ иборайи “Good night”, ки ба мънои “шаб ба хайр”, “шаби хуш” тарҷума мешавад, истифода мебаранд. Дар забони русӣ тарзи салом гуфтан “Здравствуйте” буда, аксар ҳолат дар гуфтугуӣ ибораҳои “Доброе утро”, “Добрый день”, “Добрый вечер”-ро истифода мебаранд, ки ин тарзи истифодаи ибораҳо бо забони англисӣ шабеҳ аст. Шаб вақти хайрухушкунӣ иборайи “Спокойная ночь” истифода бурдан одат шудааст, ки ин ҳам бо забони англисӣ монанд аст.

Истифодаи вақт низ дар байни забонҳои англисӣ, русӣ ва тоҷикӣ фарқ мекунанд. Масалан, бо забони тоҷикӣ вақтро ҳангоми муоширати ду шахс ибораҳои “соат даҳ” “соати чордаҳ” ё “соати ҳаҷдаҳ” қор фармуда мешавад. Бо забони русӣ низ мисли забони тоҷикӣ ибораҳои вақтро истифода мебаранд. Вале дар забони англисӣ ифодаи ибораҳои вақт тамоман дигар аст. Онҳо аз соати 1-и шаб

воқеаҳои, ки то соати 12-и рӯз рӯй медиҳанд, дар нутқи шифоҳӣ “In the morning”, “пагоҳӣ”, дар навишт бошад, онро бо ҳарфҳои “a.m” нишон медиҳанд. Воқеа ва ҳодисаҳои, ки аз соати 13 то 24 рух медиҳанд, дар нутқи шифоҳӣ бо ибораҳои “In the afternoon” (рузона), “In the evening” (беғоҳӣ) ва иборҳои “at night”, (шабона)-ро истифода мебаранд. Дар навишт бошад бо ҳарфҳои “p.m” нишон медиҳанд.

Мисол:

10 a.m-соати 10-и пагоҳӣ

10 p.m-соати 10-и беғоҳӣ

2 a.m- соати 2-и шаб

2 p.m-соати 2-и рӯз

Ё ин, ки бо забони тоҷикӣ соати шаши беғохро “соати ҳаҷдаҳ” (ба русӣ “восемнадцать часов”) гӯем, англисҳо одатан “It is six o'clock”, ё “It is six o'clock in the evening”, мегӯянд.

Англисҳо одамони хеле хушмуомила мебошанд. Онҳо одатан пурсиш ё илтимосро бо калимаи “please” оғоз мекунанд:

“Please, speak English!” ё, ки “Speak English, please”, яъне “илтимос, бо забони англисӣ ҳарф занед”, ё ки “Марҳамат карда бо забони англисӣ сухан гӯед”. Бо забони русӣ ҳам чунин тарз тарҷума дорад:

“Говорите по английски, пожалуйста”, ё ки “Пожалуйста говорите по английски”.

Ҷойгиршавии калимаи “Please” дар аввал ё дар охири ҷумла чунин маъно дорад: Дар аввали ҷумла-таъкид ва дар охири ҷумла-илтимос ва пурсишро ифода мекунанд.

Калимаи забони англисӣ “Please” ҳеҷ вақт ҷавоби “Thank you, Thanks” (рахмат, раҳмати калон)-ро талаб намекунад. Англисҳо одатан дар ин ҳолат ҷавоб намегардонанд, амрикоӣҳо бошанд дар бисёр ҳолат “You are welcome” яъне ба тоҷикӣ маънои “намеарзад”, ба русӣ “пожалуйста”-ро дорад.

Мо тоҷикону русҳо хангоми ягон кори нодуруст карда бошем, калимаи “мебахшед” русҳо бошад, калимаи “извините”-ро истифода мебаранд. Вале дар забони англисӣ ин калима бо ду ибора: “Excuse me” ва “I’m sorry” истифода мешавад.

Онҳо аз ҳамдигар фарқ мекунанд ва дар ду маврид истифода бурда мешавад:

Иборҳои «Excuse me» вақте ки бо савол ё ба илтимос ба шахси ношинос муроҷиат мекунанд. Мисол: “Excuse me, are you Jane?” (мебахшед, шумо Ҷейн ҳастед?). Иборҳои “I’m sorry” ё ин ки “Sorry” барои хатоҳои роҳ дода шуда бахшиш пурсидан ё вақте ки ёрӣ расонда натавонистан истифода мебаранд: “I’m sorry, I can’t help you.” Бубахшед, ман ба шумо ёрӣ дода (расонида) наметавонам. “Извините, я не могу Вам помочь”.

Ба ҳамагон маълум аст, ки забони англисӣ дар ИМА аз забони англисии Британияи Кабир каму беш фарқият дорад. Дар ин ҷо қайд кардан ҷоиз аст, ки амрикоӣҳо дар ҳама ҳолат калимаи “мебахшед”, “бубахшед” (“извините”)-ро “Excuse me” мегӯянд. Онҳо ибораҳои “I’m sorry”-ро камтар истифода мебаранд.

Мардуми англисзабон нисбат ба дигар халқҳо калимаи “spell” (ҳарф ба ҳарф гуфтан)-ро бештар истифода мебаранд. Ин бесабаб нест. Ва ҳол он ки талаффузи калимаҳои забони англисӣ аз навишт фарқ мекунанд. Мисол, калимаи “daughter” (духтар) аз 8 ҳарф ва 4 овоз иборат аст. Ному насаби шахрванди хорича барои мо ҳам дар навишт душвор аст. Агар шумо ба Британияи Кабир сафар кунед, хангоми аснодпуркунӣ ба шумо “spell your name”, яъне “номатонро ҳарф ба ҳарф гӯед” ё “нависед” гуфта муроҷиат мекунанд.

Истифодаи калимаи “хона” дар забони англисӣ ба ду калима; “House” ва “Home” садо медиҳад. Фарқияти ин калимаҳо дар он аст, ки “Home” ҷое, ки одамони истиқомат мекунанд, ҷунончи ба тоҷикӣ “хучра”, ба русӣ “особняк”, “хижина” маъно дорад.

“House”-иморати як ду ошонаи берун аз шаҳр, яъне-ҳавлӣ ки як оила зисту зиндагонӣ мекунанд.

Англисҳо хонаҳои якошона ё бисёрошона дар шаҳр бударо “House” наменоманд.

Хӯрокхуриро дар Британияи Кабир дар давоми ду рӯз бо чор ибора талаффуз мекунанд, ки онро бо се забон: англисӣ, русӣ ва тоҷикӣ муқоиса мекунем.

Breakfast- завтрак- хӯроки пагоҳӣ (ноништа)

Lunch –второй завтрак- хӯроки пагоҳӣ

Dinner-обед- хӯроки нисфирӯзӣ (пешин)

Supper-ужин- хӯроки беғохирӯзӣ (шом)

Калимаи “Supper”-ро англисҳо “tea”(чай) низ меноманд. Сабаб дар ин аст, ки барои Британиягӣҳо чайнушӣ яке аз машғулиятҳои дӯстдошта ба ҳисоб меравад.

Мамлакатҳои англисзабон рӯзҳои истироҳат яъне шанбе ва якшанберо ҳатто нимаи дуҷуми рӯзи ҷумъаро бо як калима “weekend”, ки тарҷумааш «охири ҳафта» мешавад, ифода мекунанд.

Weekend - бо забони русӣ одатан бо ибораи “выходные дни” ба забони тоҷикӣ бо ибораҳои “рӯзҳои истироҳат” маъно дорад. Аммо дар муоширати ҷавонони имрӯза мо калимаи “уикенд”-ро бисёртар мешунавем.

Чунин мисолхоро бештар овардан ба маврид аст, то ки донишҷӯён ва шавқмандони забон ба фарқияти калимаву ибораҳои забони англисӣ, русӣ ва тоҷикӣ сарфаҳм рафта, хангоми омӯзиш ва гуфтугӯӣ дарк наоянд. Бо забонҳои гуногун дуруст талаффуз карда тавонанд.

АДАБИЁТ

1. О.В. Афанасьева, И.В. Михива, М.Дрофа “Новый курс английского языка” 2004.
2. Толгой С.С, Жакина Е.И. “Учитесь говорить по-английски” Москва 1964 “Фарҳанги забони тоҷикӣ” Душанбе 1980.
3. Формановская Н.И., Шевцова С.В. “Речевой этикет. Русско-английские соответствия”. Москва 1990.

РАЗНИЦА СЛОВ И ФРАЗ ТАДЖИКСКОГО ЯЗЫКА В РЕЧИ ПО СРАВНЕНИЮ С АНГЛИЙСКИМ, И РУССКИМ ЯЗЫКАМИ

Реформа в системе образования Республики Таджикистан направлена на развитие содержания и структуры образования, включая высшее педагогическое образование. Закон Республики Таджикистан «Об образовании», национальная Концепция образования и его государственные стандарты являются документами, которые поднимут структуру образования республики на международный уровень и определять будущее развитие системы образования.

В данной статье, авторами показаны некоторые различия одних и тех же слов и фраз таджикского языка по сравнению с русским и английским языками, которые играют немаловажную роль в овладении иностранным языком.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: таджикский язык, английский язык, русский язык, разница слов и фраз таджикского языка, овладение иностранными языками.

DIFFERENCES OF WORDS AND PHRASES OF THE TAJIK LANGUAGE IN SPEECH IN COMPARISON OF ENGLISH AND RUSSIAN LANGUAGES

Education system reform in the Republic Tajikistan is directed on development of the maintenance and formation structure, including the higher pedagogical education. The Republic Tajikistan law «About formation», the national Concept of formation and its state standards are documents which will lift structure of formation of republic on the international level and will define the future development of education system. In article, the author shows some differences of the same word and a phrase of the Tajik language in comparison of Russian and English of languages which plays much important role in foreign language mastering.

KEYWORDS: the Tajik language, English language, Russian, differences of words and phrases of the Tajik language, mastering by foreign languages

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ: *М.Хомидова* - ассистент кафедры стилистики и теории перевода Таджикского государственного педагогического университета им. Садриддина Айни. **Телефон:** 918-45-15-73

А. Байдуллоев - кандидат педагогических наук, заведующий кафедрой стилистики и теории перевода Таджикского государственного педагогического университета им. Садриддина Айни.

МУЛОҶИЗАҶО ДАР БОРАИ ЗАБОНИ РОМАНИ «ДЕВОРИ ХУРОСОН»-И МУҶАММАДЗАМОНИ СОЛЕҶ

Замира Ўлмасова

Донишгоҳи давлатии Хуҷанд ба номи Б. Фафуров

Дар давоми даҳ соли охир бахшида ба ҳаёт ва фаъолияти асосгузори давлати Сомониён Исмоили Сомонӣ як қатор осори илмию бадеӣ, аз ҷумла се романи таърихӣ «Девори Хуросон»-и Муҳаммадзамони Солех, «Ҳафт рӯё»-и Юсуфҷони Аҳмадзода, «Тулӯи хуршед»-и Тӯйҷӣ Мирзоди Раҷабӣ ба миён омад, ки аз нақшу мақоми волои ин дудмони раиятпарвар дар таърихи халқи тоҷик шаҳодат медиҳанд. Нахустин асари ҳамосавие, ки дар он саъю талошҳои ҷасуронаи ватанхоҳонаи Исмоили Сомонӣ дар ташкилу таҳкими аввалин давлати тоҷикон бо таҳайюли баландпарвозона ва тафаккури рангин инъикос ёфтааст, романи Муҳаммадзамони Солех «Девори Хуросон» мебошад. Дар ин навишта кӯшиш ба харҷ медиҳем дар бораи баъзе вижагиҳои забони романи мазкур изҳори мулоҳиза кунем.

«Забони романи таърихӣ,-меғӯяд муҳаққиқи маъруфи рус С.М.Петров,-унсури зарурии идроки бадеии гузаштаи таърихӣ аст». (4,184) Забони китоби М.Солех умуман ҷасури салис аст. Корбасти сарчашмаҳои таърихӣ, аз қабилӣ «Таърихи Бухоро»-и Наршаҳӣ, «Таърихи Систон», «Таърихи Табаристон»-и Ибни Исфандиёр, «Сиёсатнома»-и Низомулмулк, «Таърихи гузида»-и Ҷамдуллоҳи Муставфӣ, «Равзат-ус-сафо»-и Мирхонд, «Таърихи нигористон»-и Кошонӣ, «ал-Комил фи-т-таърих»-и Ибни Асир, ошноии комил бо осори бадеии давраи Сомониён ба муаллиф имкон додааст, ки

масъалаи истифодаи забони замони мавриди таҳқиқи бадеияшро дуруст ҳал кунад. Дар забони қаҳрамонони китоб нависанда алоқадри имкон ғановати забони форсии дарии асрҳои IX-X-ро инъикос карда тавонистааст. М.Солех дар истифодаи калимаҳои архаистӣ низ ҳалди аксари эҳтиётро ба кор бурдааст. Бо вучуди ин ҷо-ҷо хатою иштибоҳоти сарфию нахвӣ, корбасти нодурусти ибораю калимаҳо ба ҷашм мерасанд. Чунон ки зикр шуд, бо тақозои жанри китоб муаллиф аз сарчашмаҳои таърихӣ, ки аксари кулли онҳо ба ҳуруфи арабианд, истифода бурдааст ва дар тарзи қироати вожаҳои алоҳида ба саҳву иштибоҳ роҳ додааст. Масалан, вожаи «**хаворич**»-ро гирем. Дар китоб омадааст: «**Ў хаворичӣ** аст ва дар Бухоро хаводорони зиёде надорад»* (с.11). Ё номи амири Бухоро пеш аз вуруди Исмоили Сомонӣ ба ин шахр-Хусайн ибн Муҳаммади Хоричиро муаллиф дар ҳама ҷои китоб дар гунаи «**хаворичӣ**» меорад. Номи Исмоили Хоричӣ низ дар саросари китоб дар шакли «**хаворичӣ**» сабт шудааст. Ногуфта намонад, ки дар осори сершумори бахшида ба ҷашми 1100-солагии таъсиси давлати Сомониён ба хатти сириллик ҷоп шуда, шакли саҳеҳи калима омадааст. Дар аксар маврид вожа бояд «**хоричӣ**» навишта шавад, зеро он ифодакунандаи мансубият ба фирқаи «**хоричия**» мебошад. «**Хаворич**» гунаи ҷамъи вожаи «**хоричӣ**» аст.

Мисоли дигар. Бо сабаби номаълум дар саросари китоб муаллиф калимаи «**усқуф**»-ро дар шакли «**уксуф**» овардааст. Дар поён як қатор вожаҳо меорем, ки ба сабаби қироати нодуруст ба сириллик хато баргардон шудаанд: Таноқиз (с.32,43) - таноқуз; узл (с.с.63, 132, 157, 159, 200) - азл; муғаннас (с.76,135) - мунағнас; раддат (с.185) - риддат; ичрат (с.185)-учрат; хатта (с.255) - хитта; каффоф (с.225) - кифоф; мухорич(с.267) - махорич; ҳадс задан (с.109) - ҳадс задан.

Қироати нодурусти вожаҳои мазкур боиси таҳрифи маъно нагардидааст. Аммо мавридҳои ба ҷашм мерасанд, қироати ғайрисаҳеҳ маъною мантиқи ҷумларо ҳалалдор месозад.

«Амир Исмоил: Ё амир, ман **мақаррам**, ки хато кардам» (с.143).

Маънои вожаи «**мақарр**»-қароргоҳ, нишемангоҳ, ҷойгоҳ аст (8,1,669). Возеҳ аст, ки дар ин ҷумла бояд ба ҷои вожаи «**мақарр**»-«**муқарр**» ба маънои иқроркунанда, иқроршаванда, муътарифӣ гуноҳ (8,1,794) истифода шавад. Мисоли дигар:

«**Мазлума**, ки аз ин амвол дар гардани шумост, мехоҳӣ, ки ба санъат дар гардани ман афканӣ?» (с.240).

Калимаи **мазлума** муаннаси **мазлум** ба маънои зулмдида, ситамкашида, ҷафокашида (8,1,621) аст. Дар матн таърихномаи «Равзат-ус-сафо», ки муаллиф ин суҳанонро аз он ҷо гирифтааст, вожаи **мазлама** ба маънои ҷабру ситам ва тааддӣ (10,2,527) омадааст, ки ҷамъаш **мазолим** аст. Лозим ба таъкид аст, ки тарзи навишти ин ду калима дар алифбои арабиасоси мо фарқ мекунад.

Дар саҳифаи 268 китоб як ҷумла аз номаи халифа Муътазид Биллоҳ ба Исмоили Сомонӣ зикр шудааст: «**Ман** Абуабдуллоҳ бинни ал-Имом Абилаббос ал-Муътазид Биллоҳ ило...» Дар аввал ба ҷои «**ман**» бояд **мин**» ба маънои «аз» бошад.

Мисоли дигар: «Шояд бо роҳи дӯстӣ Абоиброҳим ниётҳои шуми ўро **ханасӣ** месозанд, то бар сари мардуми кишвар фалокатҳо наояд» (с.110). Ҳамин калима дар ҳамин шакл дар сафаҳои дигари китоб низ корбаст гардидааст. Ба занни қавӣ дар ин ҷо вожаи **хунсо** ва феъли **хунсо кардан** ба маънои бартараф кардан, безарар кардан дар назар аст.

Дар баъзе мавридҳо сабаби иштибоҳи муаллифи китоб дар қироати вожаҳо хатои ом аст. Масалан, дар «Девори Хуросон» ҳама ҷо вожаи «**қузот**» бо ду «з» - «**қуззот**» сабт шудааст, ҳарчанд дар «Фарҳанги забони тоҷикӣ» гунаи дурусти ин вожа, яъне «**қузот**» мазкур аст. Ҳамчунин, дар пайравӣ ба хатои ом муаллиф шакли ҷамъи калимаи «**миллат**»-ро бо ду «л»-«**миллал**» меорад.

Дар забони тоҷикӣ як қатор феълҳои ҳастанд, ки баъзе шаклҳои тасрифиашон ба ҳам шабеҳанд, бино бар ин аксарият дар корбасти онҳо хато мекунанд. Феълҳои «**сутудан**» ба маънои мадҳу ситоиш кардан ва «**ситадан**» ба маънои аҳз кардан, гирифтани аз ҳамин қабил афъоланд.

Муҳаммад Муин дар «Фарҳанги форсӣ» баъди зикри ду масдари мазкур шаклҳои мафъули онҳоро овардааст: **ситада** - гирифта, аҳз шуда, дарёфт шуда (2,2,1833); **ситуда** - мадҳ шуда, тамҷид шуда, ситоиш шуда, ҷ. сутудагон. (2,2,1835)

Дар роман ин ду феъл ба ҳам маҳлут шудааст: «... ва ба шаб **муқобираи** хонаҳо бармезаданд ва ҷинойтҳои гарон мениҳоданд ва мол **месутуданд**» (с.11). Ин ҷумла, ки аз забони амир Наср омадааст, аслан иқтибос аз «Таърихи Бухоро»-и Наршаҳӣ мебошад. Дар ин пораи матн ду хато рафтааст:

* Хангоми овардани мисол дар қавсайн саҳифаи дахлдори нашри якуми романи «Девори Хуросон»-и Муҳаммадзамони Солех зикр мегардад. Мо ҳамаи мисолҳои дар ин мақола овардаамонро бо нашри дувуми роман (Душанбе: Адиб, 2005) муқобалаю муқоиса карда, тақмили ислоҳҳои муаллифро дар нашри мазкур ба эътибор гирифтём.

аввалан, вожаи «**мукобира**» бояд «**мукобара**» хонда шавад. Сониян, ба ҷои «**месутуданд**» бояд «**меситаданд**» бошад, ба маънои моли мардумро ҷабран мегирифтанд.

Пушида нест, ки солҳои истиқлол ба забони тоҷикӣ бисёр вожаҳо аз забони мамалики форсизабони ҳамсоя дохил шудаанд. Дар қорбасти чунин калимаҳо махсусан васоити ахбори оммагӣ сабақат мебаранд. Мутаассифона, соҳибқаламони мо тарзи қироати вожаҳо бидуни тафҳусти таҷассуси зарурӣ ва мурочиат ба фарҳангҳо дар асоси дониши худашон ба сириллик сабт менамоянд ва аксаран дар ин қор ба иштибоҳ роҳ медиҳанд. Дар рӯномаҳои ҷумҳурӣ вожаи «**қудато**» ба маънои табодулотӣ сиёсӣ, «переворот»-и русӣ роиҷ гардидааст. Вожаи мазкур ба забони форсии Эрон аз забони фаронсавӣ ворид шудааст. Муҳаммад Муин тарзи қироати ин вожаро *қудата* **قوداتا** сабт кардааст (2,4,244). Дар «Фарҳанги форсӣ ба русӣ» (10,2,367) низ тарзи қироати вожа - транскрипсияш **қудэта**, яъне **қудето** омадааст. Дар китоби «Девори Хуросон» талаффузи нодурусти ин вожа **қудато** истифода шудааст.

Амир Исмоил: Агар шароит мувофиқ афтад, **қудато** мекунад, сарони давлату лашкару амирро бо ҳаёс мегирад»(с.22). Агар дар ин ҷумла пешоянди «**бо**» сахви техникӣ бошад, истифодаи вожаи фаронсавӣ дар забони қарамоне, ки дар асрҳои IX-X зиндагӣ мекунад, хеле аҷиб аст.

Баъзан Муҳаммадзамони Солеҳ тарзи қироатеро зикр мекунад, ки дар ягон фарҳанг дучор намешавад: «Дар ин қорбоғҳо меваҳои алвон фаровонанд, чун ношпотикуву бодом, **фандаку** гелос...» (с.37). Дар фарҳангҳои дастрасӣ мо шаклҳои зерини қироати ин вожаи мазкур аст: **финдук** (6,411) **фандук**, **финдук**, **фундук** (10,2,244), **фандук**, **фундук** (2,2, 2577) **фундук** (8,2,443).

Лозим ба зикр аст, ки қисми зиёди хатою иштибоҳҳо муаллиф метавонист, тавассути мурочиат ба фарҳангҳо дастрас ислоҳ кунад.

Баъзан, аз рӯи калимаҳои маъмулу маъруф муаллиф муштакоте месозад, ки дар фарҳангҳо сабт нашудаанд. Масалан: «**ӯ** низ **ачулан** аз дунболи эшон меравад» (с. 196); **Ачулан** ба сӯи Нишопур меравӣ (с.199). Убайдуллоҳ бинни Сулаймон **очулона** онро аз замин мебардорад (с.196). Дар Фарҳанги забони тоҷикӣ омадааст:

ачул - бисёр шитобкунанда, шитобкор, бошитоб (8,1, 124).

очил - ачалакунанда, шитобкунанда, тезгузаранда (8,1,951).

очилан - ба таври таъчил, фавран, ба зудӣ ба тезӣ (8,1,951).

Дар фарҳангҳои дигар (2;8;9) гунаҳои **ачул**, **ачулона**, **очилона** омадааст, вале **ачулан** ва **очулона** ба ҷаҳм нарасид.

Муҳаммадзамони Солеҳ дар ҷанд ҷои китоб калимаи «**битамом**»-ро истифода бурдааст:

Абулҳафс...**ӯ** мехоҳад обрӯи рафташро баргардонад.

Амир Исмоил: Ин бор **битамом** аз даст хоҳад дод. (с.82).

Агар дар ин мисол «**битамом**» ба маънои тамоман бошад, бояд «**битамом**» навишта шавад, зеро вожа алиф лом дорад ва **то-и** манкута, ки ҳарфи шамсӣ, мушаддад талаффуз мешавад.

Муаллифи китоби «Девори Хуросон» ҳамгунсозии вожаҳо ва махсусан номи ашхос ва истилоҳотро анҷом надодааст. М.Солех як калимаро дар ҷанд шакл истифода мебарад ва аксаран тарзи қироати **ӯ** нодуруст аст. Масалан, номи яке аз намӯҳҳои пули давраи Сомонён «**ғитрифӣ**» ё «**дирами ғитрифӣ**» аст, ки онро «**ғитрифия**» низ мегӯянд. Азбаски диҳами мазкур дар Бухоро бо амри волии Хуросон Ғитриф ибни Ато сикка зада шуд, номи **ӯ**ро гирифт. Дар «Девори Хуросон» номи диҳам дар шаклҳои «**гадрифӣ**» ва «**ғатрифӣ**» омадааст, ки нодуруст аст.

«Ҳама дирам **гадрифӣ** ва дар миёни сарой рехта буд...» (с.11).

«Амир Исмоил: Ҷанд **ғатрифие** аз моли мардум оидатон нашуд, ранҷидед?!» (с.242).

«Исҳоқ: Дар байтулмол **ғатрифие** нест...» (с.245).

Вожаҳои зерин низ дар китоб як гунаи мушаххас надоранд: **бинн- бин-ибн**, **Абулҳафс-Абилҳафс**, **Абуиброҳим-Абоиброҳим-Абииброҳим**, **тӯғи** – **тӯғи** **тӯғи**гарон, **Тоҳирӣ** – **Тоҳирӣ**н (?)

Дар саросари китоб муаллиф номи **Абдуҷаббор ибни Ҳамза** - яке аз муқаррабони Наср ибни Аҳмадро дар шакли имрӯзаи тоҷикӣ **Абдуҷаббор** овардааст.

Сахви иштибоҳоти фавқуззикр ҳамагӣ ба алифҳои арабиасосӣ мо марбут буданд. Дар романи «Девори Хуросон» таркибу ибора ва ҷумлаҳои ба назар мерасанд, ки ба меъёрҳои сарфу нахви забони тоҷикӣ ҷавобгӯ нестанд. Барои мисол феълӣ таркибии номии «**пиёда кардан**»-ро мегирем, ки алҳол ба хатои ом табдил ёфтааст. Мисолҳо аз китоб:

«Яъне барои заррае ҳам **пиёда кардани** онҳо ман маъмурият надорам»(с.51); «Фикр кардед, ки бо **пиёда кардани** ин андеша...»(с.58); «Парвариши хирад **пиёда кардани** иродаи озод аст» (с.58).

Табодули чунин мисолҳо дар «Девори Хуросон» зиёд аст. Ба мақсади рӯшани андохтан ба маънои феълӣ таркибии номии «**пиёда кардан**» аввал ба фарҳангҳои дар Тоҷикистон нашр шуда мурочиат мекунем. Дар ягон фарҳанг, аз ҷумла луғатҳои дузабонаҳои тоҷикӣ ба русӣ феълӣ «**пиёда**

кардан» сабт нашудааст. Чунин феъли таркибии номӣ дар «Фарҳанги форсӣ ба русӣ», «Фарҳанги форсӣ»-и Муин, «Луғатнома»-и Деххудо, фарҳангҳои қуруни вусто низ ба ҷашм намерасад. Танҳо дар «Луғати калима ва истилоҳоти нав»-и Ғ. Ҷураев ва С. Ҷатхуллоев феъли **пиёда кардан** ба назар расид: «**Пиёда, пиёда кардан**- амалӣ кардан, дар амал ҷорӣ кардан; -и нақша ё барномае». Сипас муаллифрон аз рӯзномаи «Омузгор» шохиде оварда менависанд: «**Пиёда шудан** - амалӣ гардидан, ба вуқӯъ пайвастан». Ба ин феъли таркибӣ низ аз рӯзномаи «Начот» шохид оварда шудааст. (7, 119).

Сабаби ба ин луғат дохил шудани ибораю таркибҳои мазкурро аз пешгуфтори муаллифони китоб ба хубӣ фаҳмидан мумкин аст: «Маводи луғат аз матбуоти даврӣ ва барномаҳои радиову телевизион фароҳам оварда шудааст, **яъне луғатнигорон аз ҳар мақола, ки дар рӯзнома, маҷалла ё асари илмие хондаанд ва ё аз ин ё он барномаи радиову телевизион шундаанд, калимаҳои камистеъмол ва мушқилфаҳмро бо мисолҳоишон барҷида гирифтанд**» (7,4). Ва каме поёнтар илова кардаанд: «**Маводи луғат даъвои ҳукмро надорад, яъне қорбасти он ихтиёрист. Мураттибон ҳатто муқобили истифодаи баъзе калимаҳо ҳастанд, ки дар матбуоти имрӯзаи мо дучор меоянд**» (7,6). (Дар ҳама ҷо таъкид аз муаллифи мақола аст). Ба ибораи дигар, муаллифони луғат интиқоду таҳлили маводи луғатро пеш аз ба китоб дохил кардан вазифаи худ намешуморанд, онҳо танҳо ин ё он ибораю таркибҳои нав ё як замон аз истеъмол баромадаю аз нав ба забони воситаҳои ахбори умум ворид шударо сабт кардаанду бас.

Ба сабаби он ки «**пиёда кардан**» ба забони матбуот ва сипас ба забони осори бадеию илмӣ аз забони форсии Эрон дохил шудааст, фикри яке аз муҳаққиқони маъруфи ин кишвар Абулҳасани Начафиро меорем: «Дар солҳои охир дар радиову телевизион ва бисёре аз матбуот таркиби «**пиёда кардан**»-ро хоса дар гуфтугӯ аз ақида ва маслак ё тарҳу барнома ё назоири онҳо ба ғалат ба қор мебаранд. Дар форсӣ таркибҳои мутааддиде ҳаст, ки метавон дар ин маврид ба ҷои пиёда кардан ба қор бурд. Монанди **амалӣ кардан, иҷора кардан, муҳаққак кардан, фаъолият бахшидан** ва ҷуз инҳо.

Фаромӯш накунед, ки **пиёда кардан** (мутаозоди савор кардан) мумкин аст, ҳатто маънои муҳолифи мақсади гӯяндаро бирасонад, зеро маҷозан ба маънои салби мақом ва қудрат кардан аст. Муқоиса шавад бо «савор будан», ки лоақал дар таъбири омиёна «**бар сари қор будан**» ва «**мусаллат ба қор будан**» маънӣ медиҳад ва мутаозоди он «**пиёда будан**» ба маънои «**беиттилоъ будан**» ва «**ҷоҳили маҳз будан**» аст (3, 91-92).

Ногуфта намонад, ки дар бораи нодуруст қорбасти гардидани ин феъл узви вобастаи Академияи илмҳои Ҷумҳурии Тоҷикистон, олими маъруф М. Қосимова низ изҳори ақида намудааст. (1, 21-22).

Ба назар чунин менамояд, ки феъли «**ба пайдо омадан**» низ аз ҳамин гуна «ихтироот» аст. Ба мисолҳои зайл диққат диҳед:

«Саворе бар аспӣ сафед... **ба пайдо меояд**» (с.3).

«Зардии хуршед дар уфқ **ба пайдо меояд**» (с.35).

Дар луғатҳои мӯътабар, аз ҷумла «Фарҳанги форсӣ» Муин ва «Фарҳанги забони тоҷикӣ» **пайдо доштан, пайдо будан, пайдо гардидан, пайдо кардан, пайдо омадан, пайдо шудан, пайдо овардан** зикр шудааст, вале гунаи «**ба пайдо омадан**» бо назар нарасид.

Дар баъзе мавридҳо вожаҳо аз ҷиҳати маъно нодуруст қорбасти шудаанд. Масалан: «Сухани ман **иттако** бар он буд, ки...» (с.236). Дар ин ҷо аз рӯи мантиқ бояд ба ҷои «**иттако**» - «**муттақӣ**» истеъмол шавад.

Мисоли дигар:

Амир Исмоил: Ман камокон дар Бухоро **ба инобати** ишон боқӣ хоҳам монд ва қадам аз тариқи ҷоқариву фармонбардорӣ фароҳам нахоҳам гузошт ((с.146). Ин суханонро Исмоил ба бародараш Наср баъди пирӯз гардидан дар набарди дуҷум мегӯяд. Вожаи **инобат** дар «Фарҳанги забони тоҷикӣ» (1,481) чунин тавзеҳ шудааст: «тавба кардан, бозгаштан аз ҷизе, даст кашидан аз гуноҳ, тавба, зорӣ, пушаймонӣ». Пас аз каме тааммуқ метавон дарёфт, ки дар матн бояд ба ҷои «**инобат**» - «**ниёбат**» ба маънои вақолат, ҷонишинӣ, ноибӣ (8,1,853) ба қор равад.

Дар асар ҷумлаҳои дучор мешаванд, ки ё маънои онҳо ҳалал дорад ё ҳуди ҷумла нотамо аст. Мисол:

«Ҳоҷиб баданаи **мансӯх** ба дур ва мурассаъ ба ҷавоҳиру марворидро ба амири Хуросон мепошонад» (с.206). Дар ин ҷумла вожаи «**мансӯх**» тамоман бечо омадааст. Возеҳ аст, ки ба ҷои он бояд «**мансӯҷ**» ба маънои «бофта, бофташуда» бошад.

«Шумо дар намозҳо бо Худои холиқи заминро осмонҳо **ду ба ду** хоҳед буд ва касе байни шумо васила нахоҳад шуд» (с.174). Усқуфи аъзам ба мардум фаҳмонданист, ки дар ислом хангоми ибодат байни намозгузору Холиқ касе миёнарав нест, яъне намозгузору Худо **як ба як** хоҳанд буд, на **ду ба ду**.

«Ба ӯ бифаҳмонед, ки бояд аморати моро бипазирад. Агар барои ин амр баҳонаи сарпечӣ пеш меорад, шумо пеш аз ҳама ҳаводиси... ба ёдаш оред» (с.18). «**Баҳонаи сарпечӣ пеш овардан**» мантиқ надорад, муаллиф гуфтанист, ки «агар аз ин амр сарпечӣ кунад».

«Абдучаббор ҳамчунон ба Абӯюсуф кунҷковона ин бор вале нобоварона менигард. Нигоҳаш гуё аз хилоли андешаҳои ӯ гузар мекунад, вале Абӯюсуф худро нигоҳ дошта наметавонад ва **бехудона**, **вале хашмигинона** фарёд мезанад»(с.251). Чумла дарҳам-барҳам аст.

Чо - чо дар асар калимаҳо бемавқею бемаврид корбаст гардидаанд, ки дар натиҷа маъноӣ чумла муғлақ ва идроки муҳтавоӣ он мушқил шудааст. Масалан:

«Чӣ дар лашкаркашии **алайҳи сарқуб кардани туркони кофир...** (с.3). Ибораи «**лашкаркашии алайҳи сарқуб кардан**» маъноӣ акси матлабро медиҳад. Ҳол он ки манзури муаллиф «**лашкаркашӣ ба мақсади сарқуб кардан**» аст. Мисоли дигар:

«Худсарона рафтори мо иззати нафси эшонро **кареҳадор** хоҳад кард» (с.13). Вожаи «**кареҳ**» маъноӣ «зишт»-ро дорад. Шакли «кареҳа» дар луғату фарҳангҳои ба мо дастрас дучор нагардид. Калимаи «кареҳадор» бошад, аз ихтирооти муаллиф аст ва маъно надорад. Ба назар мерасад, ки муаллиф «рафтори худсаронаи мо ба иззати нафси онҳо мерасад» гуфтанист. Мисоли дигар:

«Аз ғизо нахӯрдан қувваташ **таҳқим** рафтааст» (с.246). Вожаи «**таҳқим**» ба маъноӣ мустаҳкам ва пойдор бо феълҳои «**ёфтан**», «**додан**», «**кардан**» корбаст мегардад. Муаллиф бо ибораи «**қувваташ таҳқим рафтааст**» чӣ гуфтанист, возеҳ нашуд!?

Мисоли дигар: «У аввал бо хичолат даст ба таом мезанад, вале баъд бошад, далерона ба мисли **гушназадагон** хӯрок мехӯрад» (с. 128).

Маъноӣ вожаи «**гушназадагон** дар чумлаи боло маълум нашуд, ин вожа дар ягон фарҳанги ба мо дастрас наомадааст. Эҳтимол меравад, ки муаллиф вожаи мазкурро дар қолаби калимаҳои аз қабилҳои «**майзада**», «**каждумзада**», «**худозада**», «**дуозада**», «**арвоҳзада**» ва ғайра сохтааст, вале диққат надодааст, ки вожаи навохт маъноӣ матлуб, яъне шахси саҳт гуруснаро намедиҳад. Сабаб дар он аст, ки аз ҷиҳати соҳт мисолҳои мо оварда аз «исм+сифати феълӣ» иборатанд. «**Гушназада**» бошад аз сифат ва сифати феълӣ соҳта шудааст.

Дар китоб калимаҳои арабиё ба қор рафтаанд, ки фаҳмидани онҳо ба хонандаи мутавассити имрӯзаи мо мушқил аст. Чун асар асари бадеӣ аст ва ба омма пешниҳод мешавад, бояд нависанда аз истифодаи чунин вожаҳо қаноҷуӣ мекард, ё шарҳи онҳоро дар поварақ меовард. Масалан, вожаҳои **камукон** (с.67, 120, 146) -мисли пештара, **истинтоҷ** (с.107) - хулоса; **шойиёт** (ҷамъи шоеа) (с.119) - овозаҳо; **русух** (с.199) -даромадан; **усаро** (с.205) -ҷамъи асир; **мобақӣ** (с.212) -дигарон, боқимондагон; **инзиҷор** (с.267) - нафрат; **шоқӣ** (с.312) -шиқоятқунанда ва ғайра тавзеҳталабанд. Аҳёнан истилоҳоти таърихӣ дучор меоянд, ки ба хонандаи имрӯза бидуни шарҳ дар поварақ нофаҳмоанд. Масалан:

«Сардори гуруҳи **язак** ворид мешавад» (с.87). Агар дар поварақ шарҳ дода шавад, ки **язак** - пешқаровул, талиаи лашкар аст, нуран ало нур мегардид.

Ҳамчунин дар роман аҳёнан вожаҳои ба забони форсӣ ва лаҳҷаҳои он хос ба ҷашм мерасанд, ки муодили тоҷикии онҳоро истифода бурдан беҳтар менамояд. Масалан, калимаи «**зӯза**» (с.8) ба маъноӣ уллоси ҳайвон ба оммаи хонандагон мафҳум нест. Ба ҳар ҳол дар «Фарҳанги забони тоҷикӣ», нашри охиринаи «Фарҳанги тоҷикӣ ба русӣ» (Д.,2005), «Фарҳанги тафсирии забони тоҷикӣ» (Д.,2008) ин вожа наёмадааст. Муаллифи «Ғиёсу-л-луғот» менависад: «**Зӯза** бар вазни кӯза; дар туркӣ ба маъноӣ гиря ва навҳа ва шӯру машғала, яъне ғавғо (аз «Бурҳон» ва шарҳи «Нисоб».) Муҳаммад Муин ин калимаро ба забони табарӣ мансуб медонад. Ба қадом қайфияте, ки набошад истифодаи вожае, ки маънояшро хонандаи мутавассит аз фарҳангҳои дастрас ёфта наметавонад, қобили қабул нест. Феълҳои таркибии «**вел кардан**» (с.278), шакли тасрифии феълҳои «**хостан**»- «**мехом**» (с.62,144) низ аз ҳамин қабиланд.

АДАБИЁТ

1. Қосимова С.Н. Сухан бояд ба дониш дарҷ кардан. -Душанбе: Ҳумо, 2005.
2. Муин Муҳаммад. Фарҳанги форсӣ. Дар шаш ҷилд. Ҷилдҳои 1-6. -Техрон, 1375.
3. Начафӣ Абдулҳасан. Ғалат нанависем. Фарҳанги душворҳои забони форсӣ. -Техрон, 1382.
4. Петров С.П. Русский исторический роман XIX века. -М.,1984.
5. Солеҳ Муҳаммадзамон. Девори Хуросон. -Душанбе: Ирфон, 1999.
6. Таджикиско-русский словарь. Под редакцией М.В. Рахими и Л.В. Успенской. -М., 1954.
7. Ҷураев Ф. Фатхуллоев С. Луғати калима ва истилоҳоти нав. -Душанбе: Ирфон, 2003.
8. Фарҳанги забони тоҷикӣ. Дар ду ҷилд. Ҷилди I. -М.,1969; Ҷилди II. -М., 1969.
9. Фарҳанги тоҷикӣ ба русӣ. Зери таҳрири Д. Саймидинов, С.Д. Холматова, С. Каримов. - Душанбе 2006.
10. Фарҳанги форсӣ ба русӣ. Ба тасҳеҳ ва эҳтимоми Б.А. Рубинчик. Дар ду муҷаллад. Ҷилди I. -М., 1985. Ҷилди II. -М., 1985.

О РОМАНЕ «СТЕНА ХОРАСАНА» МУҲАММАДЗАМОНА СОЛЕҲА

За последние десять лет появился ряд научных, научно-популярных трудов и художественных произведений, посвященных жизни и деятельности основоположника государства Саманидов – Исмаила Самани. Первым произведением эпического жанра, где очень ярко, с полетом фантазии описана борьба Исмаила Самани по созданию и укреплению первого таджикского государства считается роман

Мухаммадзамона Солеҳа «Стена Хорасана». Автор статьи анализирует язык этого романа. В целом, язык книги отличается выразительностью и плавностью. М. Солеху удалось передать языковой колорит эпохи. Языковые архаизмы, встречающиеся в книге, художественно целесообразны и оправданы.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: современная таджикская литература, исторический роман, Мухаммадзамон Солеҳ «Стена Хорасана», государство Саманидов

ABOUT "THE WALL OF KHORASAN" BY MUHAMMADZAMON SOLEH

In the course of the last 10 years a plenty of scientific, scientific-popular works and feature works dedicated to the life and activity of the founder of Somanids' state -Ismaili Samani has been appeared. The first production of epic genre, which clearly and with a great fantasy describes the struggle of Ismaili Somoni for creating and strengthening the first Tajik state is Muhammadzamon Soleh's novel "Wall of Khorasan".

The author of the article analyzes the language of the novel. On the whole, the language of the book is distinguished by its expressiveness and fluency. Muhammadzamon Soleh was able to show the language coloring of the period. The language archaisms, occurring in the book are objective and well-grounded.

KEY WORDS: historical novel, Muhammadzamon Soleh, "The Wall of Khorasan", Samanids' state

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Замира Улмасова - докторант кафедры современной литературы Худжандского государственного университета им. Б. Гафурова. **Телефон:** 92-713-21-79

ШАРҲИ БАЪЗЕ ПАСВАНДҲОИ КАЛИМАСОЗ ДАР «ФАРҲАНГИ РАШИДӢ»

Ф. Мирзоёров
Донишгоҳи миллии Тоҷикистон

Омӯзишу баррасии масоили гуногуни грамматикаи забони форсии тоҷикӣ дар гузашта ҳам диққати донишмандонро ҷалб намуда буд. Дар ин ҷабҳа, пеш аз ҳама, хидмати фарҳангнависон басо назаррас аст.

Мураттибони фарҳангҳои тафсири дуруст зикр намудаанд, ки: «пеш аз мураттаб намудани луғат хусусияти забонро доништан лозим аст» (4.20). Аз ин хотир аксари луғатнигорон пеш аз тартиб додани фарҳанг хусусиятҳои луғавӣ ва грамматикӣ забони форсии тоҷикиро то андозае таҳқиқу тадвин намуда, онро дар шакли очеркҳои лексикӣ-грамматикӣ дар муқаддимаи фарҳангҳо овардаанд. Мувофиқи навиштаи Ҳ. Рауфов дар фарҳангҳои «Шарафномаи Муняри», «Муайидулфузало», «Мадорулафозил», «Фарҳанги Ҷаҳонгирӣ», «Фарҳанги Рашидӣ» ва «Бурҳони Қотей» ба ин масъала боби алоҳида ҷудо шудааст (4.141).

«Фарҳанги Рашидӣ», ки солҳои 1653-1654 аз ҷониби Абдурашид ибни Абдулғафури Таттовӣ мураттаб шудааст, миёни фарҳангҳои зикршуда мавқеи хосаро соҳиб мебошад. Дар рисолаи лексикӣ-грамматикӣ луғати мазкур, ки дар муқаддимаи китоб оварда шудааст, як қатор масъалаҳои марбути лексика ва грамматикаи забони тоҷикӣ қайд шудаанд. Мо дар ин мақола масоилро баррасӣ мекунем, ки ба қисмати сарф (морфология) иртибот доранд.

Як масъалаи муҳиме, ки дар муқаддимаи фарҳанги тафсирии мазкур баррасӣ гардидааст, унсурҳои калимасоз мебошад ва ин унсурҳоро метавон чунин тақсимбандӣ намуд:

Пасвандҳое, ки ба калима маъноӣ худовандӣ (соҳибият) медиҳанд

Ба ин гуруҳ унсурҳои соҳиби фарҳанг пасвандҳои, *-гор, -вар, -мандро* дохил кардааст. Пасванди *-манд* дар «Грамматикаи забони адабии ҳозираи тоҷик» ба гуруҳи пасвандҳои сифатсоз дохил карда шудааст (2.140). Ин пасванд аз исми маъноӣ сифатҳои аслие месозад, ки ба аломат, хислат ва ҳосият доро будани ашӯро мефаҳмонад. Мисолҳои овардаи муаллифи «Фарҳанги Рашидӣ» далели гуфтаҳои боло мебошанд: *мустаманд, арҷманд, оҳманд*.

Пасванди *-гор* бошад, исмсоз аст. Исмсоз будани ин пасвандро забоншиноси тоҷик Ш. Рустамов чунин зикр намудааст: «Ба воситаи ин пасванд аз исму асосҳои феъл исмиҳои ифодагари шахс сохта мешавад» (5.128). Дар «Фарҳанги Рашидӣ» бошад, калимоти зерин оварда шудаанд, ки тасдиқгари маъноӣ боло мебошанд: *хидматгор, ситамгор, гунаҳгор*.

Пасванди *-вар* мувофиқи маълумоти «Грамматикаи забони адабии ҳозираи тоҷик» (2.143) каммаҳсул аст ва аз исми сифатҳои нисбӣ месозад, ки ба аломате ё хислате соҳиб будани ашӯро мефаҳмонад. Дар «Фарҳанги Рашидӣ» ин хусусияти суффикси мазкур бо калимаҳои *точвар, хунарвар* нишон дода шудааст.

Пасвандҳое, ки ба калима маъноӣ фоилият мебахшанд. Ифодагари маъноӣ фоилият дар фарҳанги мазкур ду пасванд *-гар* ва *-он* мебошад, ки аввалин исмсоз ва дуввумӣ сифатсоз мебошанд. Пасванди *-гар* дар забони адабии муосири тоҷик исмиҳои шахс месозад, ки маъноӣ касбу хунар, хислату

кирдор, исми амал вобаста ба амалиёт, машғулият ва ҳаракатро нишон медиҳад. Дар «Фарҳанги Рашидӣ» танҳо ду калима: *шишагар* ва *косагар* ба сифати мисол қайд шудаанд. Пасванди *-он* бошад, сифатсоз буда, аз асоси замони ҳозираи феъл сифатҳои аслие месозад, ки ба ҳислате доро будани ашӯро мефаҳмонад. Масалан: *хандон, гирён (тирон)*

Пасвандҳое, ки бисёрӣ ва анбӯхиро ифода мекунанд

Дар забони муосири тоҷикӣ маънии зиёди ва бисёрӣ бо пасвандҳои *-лох, -сор, -зор, -бор, -ситон-истон* сохта мешавад, ки ҳамаашон исмсозанд. Пасванди *-лох* дар забони муосири тоҷикӣ пасванди бемаҳсул аст. Дар «Фарҳанги Рашидӣ» низ се калима: санглох, девлох, рӯдлох оварда шуда, дар хусуси ин пасванд мурағиб илова намудааст: «...ва истеъмоли ин калима ба ғайри ин се маҳал ба назар надаромад ва калимаи аввал дар шеър бисёр дида шуд, аммо рӯдлох ғайр аз «Чомоспнома» ҷое дида нашуд, лекин Амир Хусрав оташлох низ дар шеъри худ назм карда...» (б. 30). Камбудии муаллифи фарҳанг (аз лиҳози илми луғатнигорӣ) он аст, ки аз Амир Хусрав ба гунаи шавоҳиди шеърӣ байтро намеорад. Аз мисолҳои овардаи фарҳангнавис чунин бармеояд, ки пасванди *-лох* макону фаровонии ашӯро нишон медиҳад, мисли: санги бисёр, оби бисёр, оташи бисёр ва ғайра.

Пасванди *-сор* низ имрӯз бемаҳсул буда, макону фаровонии онҳоро мефаҳмонад. Ин маъно аз калимоти ба гунаи мисол овардаи «Фарҳанги Рашидӣ» бармеояд: *намаксор, шохсор, кӯхсор*, ки намаксор дар забони муосири тоҷикӣ аз истеъмоли баромадааст.

Пасванди *-зор* дар забони муосири тоҷикӣ хеле сермаҳсул буда, исми маконсоз мебошад ва вазифаи пасванди *-зор* дар асри XVII низ чунин сохтани исмҳои макону фаровонӣ будааст, ки ин матлаб аз калимаҳои *гулзор, лолазор, корзор* равшан зоҳир мегардад. Вожаи корзор дар ашӯри адибони муосири тоҷик низ мушоҳида мешавад, ки ин ба тағйирот дучор нашудани калимаро нишон медиҳад.

Пасванди *-бор* имрӯз дар забони муосири тоҷикӣ бемаҳсул аст ва дар гузашта бошад, калимаҳое месохт, ки ифодагари маънои бисёрӣ буданд. Ба монанди: *дарёбор, рӯдбор, хундубор*. Пасванди *-истон* дар забони муосири тоҷикӣ исми маконсоз аст ва дар фарҳанги мазкур низ ин вазифаро иҷро намудани он зикр шудааст, ба мисли: *гулистон, бӯстон*.

Пасвандҳое, ки шабехиятро ифода мекунанд. Пасвандҳои *-осо, -ваш, -фом, -сор* дар «Фарҳанги Рашидӣ» ҳамчун унсурҳои сифатсоз зикр шудаанд, ки сифати сохтаи онҳо баёнгари маънои монандӣ аст. Дар забони муосири тоҷикӣ бошад, ин суффиксҳо бемаҳсуланд. Маънии мазкурро Абдурашиди Таттовӣ дар китобаш бо калимаҳои: *шеросо, мардосо, бабрсон, палангсон* тавзеҳ додааст. Дар маҷмӯи унсурҳое, ки дар ин луғат барои ифодаи маънои шабехият қайд шудаанд, имрӯз корбаст намешаванд.

Пасвандҳое, ки ба калима ифодаи тасғир (хурдӣ) медиҳанд. Дар «Фарҳанги Рашидӣ» ду пасванд: *-ча* ва *-ак* барои баёнӣ маънои хурдӣ зикр шудаанд. Пасванди *-ча* дар забони муосири тоҷикӣ хурдӣ, навозиш ва нописандиро ифода мекунад, ба мисли: *духтарча, писарча, деғча (хурдӣ), шоирчаҳо (нописандӣ)*. Барои шарҳи маънои «хурдӣ» Рашидӣ калимоти: боғча, токча, кӯхчаро овардааст. Дар забони муосири тоҷикӣ пасванди *-ак* нописандӣ ва тамасхурро ифода мекунад, ки дар Рашидӣ тавассути калимаҳои *ғуломак* ва *асбак* зикр ёфтааст.

Пасвандҳое, ки ба калима маънои лаёқат мебахшанд. Ин маъно дар луғати тафсирии «Фарҳанги Рашидӣ» бо ду пасванд *-вор* ва *-она* баён шудааст, ки ҳарду дар забони муосири тоҷикӣ сифатсозанд. Пасванди *-вор* каммаҳсул буда, аз исми сифати нисбӣ месозад. Дар Рашидӣ бошад, калимаҳои: *шохвор* ва *гушвор* маънои лоиқу муносибро ифода намудаанд. Пасванди *-она* бошад, дар калимасозии сифат сермаҳсул аст ва аз исми сифатҳое месозад, ки ҳислату шоистагии инсонро мефаҳмонанд, ба мисли: *мардона, шохона, бузургона*.

Пасвандҳое, ки ба калима маънои муҳофизат мебахшанд. Ин ҷо дар назар аст пасвандҳое, ки ниғаҳбон, ниғаҳдорандаро ифода мекунанд. Ба ин пасвандҳо *-дор, -бон, -вон* шомиланд. Масалан, дар луғати зери назари таҳқиқи мо бо пасванди *-дор* калимаҳои *пардадор* ва *роҳдор* ба гунаи мисол оварда шудаанд, ки маънои зикршударо собит мекунанд. Инчунин дар фарҳанг қайд шудааст, ки ин пасванд маънои *дорандаро* низ ифода мекунад, ба мисли: *молдор, зардор*. Пасванди *-бон* дар забони муосири тоҷикӣ исмсоз аст ва исми шахс месозад, мисли: *дарбон, қалтабон (марди дағал)*. Бо пасванд *-вон* дар «Фарҳанги Рашидӣ» танҳо як калима ба гунаи мисол *уштурвон*, ки баъдтар *уштурбон* шудааст, қайд гардида, маънои ниғаҳбонро мефаҳмонад.

Пасвандҳое, ки ба калима маънои тавсиф мебахшанд. Ин унсурҳо пасвандҳои сифатсози *-нок* ва *-гин* мебошанд. Пасванди *-нок* аз исми маънои сифати аслии месозад, ба мисли: *ғамнок, сахмнок, дарднок*. Пасванди *-гин* бошад, дар забони муосири тоҷикӣ аз исми сифат месозад ва аз ҷи сохта шудани онро низ мефаҳмонад: шармгин, хашмгин. Дар хусуси шакли ин калимаҳо Рашидӣ чунин навиштааст: «шармгин, хашмгин ва дар асл огин буда, яъне пур аз шарм ва пур аз хашм» (б.32).

Пасвандҳое, ки ба калима маънои нисбат мебахшанд. Маълум аст, ки калимаҳои баёнгари маънои нисбат сифатанд ва пасвандҳое, ки сифат месозанд, дар «Фарҳанги Рашидӣ» *-ин* ва *-а* қайд

шудаанд. Пасванди *-ин* дар забони муосири тоҷикӣ аз исмҳо сифатҳое месозад, ки аз чи сохта шудани ашӯро мефаҳмонад: симин, зарин. Пасванди *-а* бошад, аз ҳиссаҳои гуногуни нутқ сифатҳои аслию нисбӣ месозад, ки калимаҳои *яксола* ва *яқруза* ба ин гувоҳанд.

Пасвандҳое, ки маънии ҳосили маҷар медиҳанд. Пасвандҳои *-ор* ва *-иш* ин маъноро таҷассум мекунанд. Пасванди *-ор* аз асоси замони ҳозира ва гузаштаи феъл исми шахс, исми амал ва ҳолат месозад: *рафтор*, *гуфтор*, *кирдор*. Пасванди *-иш*, ки аз асосҳои замони ҳозира ва гузаштаи феъл исми амал месозад, серистеъмолу сермаҳсул аст, ба мисли: *омӯзиш*, *бахшиш*, *хониш*, *равиш* ва ғайра.

Ба ҳамин тарик, унсурҳои калимасоз, ки дар забони муосири тоҷикӣ асосан пасвандҳоянд, дар «Фарҳанги Рашидӣ» бештар исмсозу сифатсозанд. Ҳамчунин, аксарияти ин пасвандҳо ба забони муосири тоҷикӣ, он гуна ки Рашидӣ шарҳ додааст, бетағйир омадаанд. Ва ниҳоят омӯзишу баррасии муқаддимаи «Фарҳанги Рашидӣ» барои муқоисаи тағйироти шаклии баъзе унсурҳои калимасозу маънисозии забони муосири тоҷикӣ маводи дастурии зиёде шуда метавонад.

АДАБИЁТ

1. Аҳадов Х, «Фарҳанги Рашидӣ»-ҳамчун асари лексикографӣ, Душанбе: «Дониш», 1981. –121 с.
2. Грамматикаи забони адабии ҳозираи тоҷик. Фонетика ва морфология. Ҷ1. -Душанбе, 1985. –350 с.
3. Капранов В.А. Таджикско-персидская лексикография в Индии XVI-XIX вв. Душанбе: Дониш, 1987. –224 с.
4. Рауфов Х, Фарҳанги Чаҳонгирӣ ҳамчун сарчашмаи лексикографияи тоҷику форс. -Душанбе: Дониш 1973. –191 с.
5. Рустамов Ш. Исм (категорияҳои грамматикӣ, калимасозӣ ва мавқеи исм дар системаи ҳиссаҳои нутқ). -Душанбе: Дониш, 1981. -218 с.
6. Фарҳанги Рашидӣ. Бо замимаи муарработи Рашидӣ, бо таҳқиқи Муҳаммад Аббосӣ.-Техрон, 1338ш. Ҷ1, –81 с., ҶII-1608 с.
7. Хоҷаев Д. Аз таърихи илми забоншиносӣ // Садои Шарқ, 1994, №3-4, - с.81-82.
8. Хоҷаев Д. Хоча Ҳасани Нисорӣ ва афкори забоншиносии ӯ. –Душанбе, 2004. –109 с.

КОММЕНТАРИИ НЕКОТОРЫХ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ СУФФИКСОВ В СЛОВАРЕ «ФАРХАНГИ РАШИДИ»

В статье рассматриваются особенности словообразовательных суффиксов в словаре XVI века «Фарханги Рашиди» и грамматическое комментарии автора данного толкового словаря, а также объясняется грамматическое значение отдельных форм суффиксов в сравнении с современным таджикским литературным языком.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: окончание, словообразование, толковые словари, литературный язык, грамматика, суффикс.

COMMENTS SOME WORD BUILDING SUFFIXES IN DICTIONARY «FARHANGI RASHIDI»

In article has discussed peculiarity of word building suffixes in dictionary «Farhangi Rashidi» (1654) and has given grammar comments author above written sick dictionary, in addition has explained a grammar meaning separated forms of suffixes in compare with modern Tajik literature language.

KEY WORDS: postposition, word building, explanatory dictionaries, literature language, grammar, suffix.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Ф. Мирзёров – соискатель кафедры истории языка и типологии факультета таджикской филологии Таджикского национального университета. Телефон: 98-558-47-10

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО И ЕГО ТЕРМИНЫ

Т.С. Шокиров

Худжандский государственный университет им. Б. Гафурова

Административное право, как одна из разновидностей юриспруденции и в советское время и после играло и играет огромное значение для развития этой отрасли науки. Она как отдельная отрасль правовой системы становилась и развивалась, тем самым определяло и контролировало общественное отношение социалистического строя.

Основные особенности этих отношений выражаются в том, что они в сфере государственного управления регулируют весь процесс правоотношения. Без административного права не могут развиваться общественные отношения и тем более государственное управление. Для развития государственного управления основным рычагом является именно административное право. Оно всегда контролировало государственное управление с позиции конституционного права и в интересах государства и правительства, ибо правительство, как исполнительная власть всегда выступала за защиту государственных интересов и обеспечение верховенства закона.

Административное право для полного и продуктивного употребления государственных отношений во всех ветвях власти, в исполнительной и в управленческой власти, использовалось

административным контролем, и в системе местного самоуправления в отношении субъектов и объектов правонарушений. Тем самым своевременным выявлением и предупреждением правонарушения со стороны граждан, особенно служащих, административное право обеспечило соблюдение закона, законность, защиту прав рабочих и служащих (1, 7- 16; 5, 3-9).

Административное право на таджикский язык переводится Хукуки маъмури, хукуки маъмури -это двухкомпонентное словосочетание, образованное от существительного хукук+ изафетной связки и прилагательного маъмури. Определяющая часть слова- маъмури, определяемая - хукук (право).

Производное прилагательное маъмури образовано от существительного арабского происхождения маъмур (администратор) и словообразовательного суффикса-и. В классической литературе и источниках использовалось омофоническое маъмур. В арабской графике первая буква пишется алифом (маъмур-, второе маъмур пишется буквой айн. В кириллице оба пишутся одинаково, то есть с твёрдым знаком, как омонимическое слово (маъмур I и маъмур II) со следующими интерпретациями: Маъмур I арабское, амркардашуда, фармонёфта барои иҷрои коре, фармонбар, фармонбардор, мутъ (получивший приказ, подчиняющийся, покорный, подчинённый).

Маъмур II араби, 1. обод, ободон; 2. маҷ, пур, мамлу (арабск. 1. благоустроенный, цветущий; 2. изобилие, много. 8. 665). Данное слово нашло комментарии в ТРС также как и в ФЗТ, частичными изменениями: Маъмур I 1. назначенный, уполномоченный; маъмур шудан (быть назначенным на должность; быть уполномоченным); маъмур кардан, (назначить на должность; быть уполномоченным; уполномочить); 2. администратор, должностное лицо; чиновник.

Маъмур II кн. 1. обработанный, возделанный; 2. благоустроенный; цветущий, изобилующий; 3. населенный (8, 357).

В ФЗТ слово маъмури не встречается, а в ТРС помещено отдельной словарной статьей: 1. административный; администраторский; чораҳои маъмури- административные меры; 2. кн. благоустроенность (7, 357).

Как видно из интерпретаций и комментариев ФЗТ маъмур I составляет основу маъмури, а из пунктов комментариев и пояснений ТРС пункт, второй больше соответствует к юридическим понятиям, который и образовал последующую словарную статью маъмури с общепринятым значением.

Хукуки маъмури как термин обозначает «отрасль права, регулирующую общественные отношения в сфере государственного управления. Она имела и имеет свои нормы определяющие порядок организации и деятельности управления аппарата, прав и обязанностей должностных лиц и граждан» (6,23). В СССР административное право регламентировало деятельность органов Советского государства по управлению отраслями народного хозяйства, охране общественного порядка, прав и законных интересов граждан. В настоящее время регулируется административно-правовой деятельностью государственных учреждений.

В сегодняшнем делопроизводстве Таджикистана данный термин употребляется без изменений. Другой термин административного права это хукуки идоракуни (управленческое право). Компонент идоракуни образован от прилагательного идора (управление), основой настоящего времени глагола - кун (делай, выполняй), и словообразовательный суффикс +и. Данная лексика общеупотребительная, активная, продуктивная, которая используется в основном в административно – государственных сферах.

Идоракуни (управление, заведование, правление) бывает давлати (государственное), Ҷамъияти (общественное), ғайридавлати (негосударственное), маҳалли (местное), соҳави (отраслевое) и махсус (специальное). Все приведенные лексикис служат определяемой частью юридических терминов: идоракунии давлати; идоракунии Ҷамъияти, идоракунии маҳалли и др. Если в указанных словосочетаниях идоракуни считается основной частью, то в других случаях выполняет определяющую функцию.

Управленческая деятельность происходит в определенном государственном органе. Государственные органы в таджикском языке переведены и используются как мақомоти давлати. Существует исполнительный орган -мақомоти иҷрои(иҷроия). В этих фразах основная часть и слово является орган - мақомот.

Слово орган, как уже отметили, в советское время использовалось без перевода, а в настоящее время заменено арабским словом мақомот, которое является множественной формой мақом – орган. Мақом в таджикском языке является многозначным словом: 1. место, местопребывание, место расположения; жилище; 2. статус; 3. момент, время; 4. пост, положение, чин, ранг, 5. орган (административный); также помещено мақом II как 1, совокупность мелодий в таджикской классической музыке; 2. мелодия, мотив; 3. пер. уловка, хитрость; каприз; 4. кокетничанье; ломание (11,

342). В Конституции РТ (1994 года), в статье 48 читаем: Маҷлиси Олӣ-парламенти Ҷумҳурии Тоҷикистон-мақоми олии намояндагӣ ва қонунгузори Ҷумҳурии Тоҷикистон мебошад (2. 16).

Необходимо отметить, что мақомот выражает множественное число, однако в современном таджикском языке, употребляется как единственное число. Оно как и слово мақом приобрело полисемантические особенности. Сегодня мақомот выражает значение орган, органы, департамент, ведомство, управление и даже личное положение (мақомоти шахси ҳуқуқӣ-положение правовой личности 10, 274).

Арабское слово иҷроия и в советском и в современном таджикском языке употребляется и понимается одинаково. Между органами государственной и исполнительной власти существуют управленческие отношения- муносибати идорақуний. Данное изафетное словосочетание образовано от существительного (муносибат)+ изафетная связка -ӣ существительного (идорақуний). Определяемая часть (муносибат) арабского происхождения, которая употреблялась еще в классической литературе и источниках, имела широкую сферу употребления, активную, продуктивную, разговорно-литературную с прямым и переносным значением, с умеренно эмоционально - экспрессивным воздействием и окраской. Определяющая часть (идорақуний)- таджикское сложноподчинённое слово, которое подвергалось анализу, поэтому только добавляем, что в последнем словосочетании оно использовалось в качестве определяющего и в результате адвербиализации существительного переходило в прилагательное.

Ҷавобгарии маъмури́ обозначает ответственность граждан и должностных лиц за совершение правонарушения. Она одна из форм правовой ответственности, которая считается более легкой, чем уголовная ответственность. Порядок привлечения к мере административного наказания определен Кодексом административного правонарушения РТ.

Административное право кроме субъекта еще должно определить и объект правонарушения.

Назорат арабского происхождения, литературное, активное, продуктивное слово с арабской деривацией назар (взгляд, взор, смотр, осмотр) имеет терминологический оттенок. В классических источниках использовали две лексемы назорат. Первое в арабской графике пишется через зот и обозначает чистоту, свежесть, сочность; второе через изғи с семантикой смотреть что-то, взглядывать, взглянуть; просмотр, держать под присмотром, контролировать, надзор (8, -826). Как видно из перевода, с юридической точки зрения, второе значение подходит и соответствует контролю и надзору. В обоих словосочетаниях назорат является определяемым компонентом, а маъмури (административный) и давлатӣ (государственный) определяющими, которые через изафетную связку подчинены основным компонентам. И в советское и на современном этапе развития таджикского языка используются указанные термины. Необходимо отметить, что в 30-50 годы XX века в официальных документах использовали инвариант контроль. Даже в РТС 1949 года во время перевода словарной статьи контроль в первой позиции помещена рассматриваемая единица, и потом ее таджикские синонимы -назорат, назоратқунанда (3. 259). От данного слова образованы более десяти производных, собирательные слова: контролёр, контролқунанда (контролёр, контролирующий), контролёрҳо (контролёры), контролӣ, (контрольный) и др. Даже и сегодня контрольная работа по таджикски переводится как кори контролӣ, и очень редко используется вариант кори назоратӣ. Однако в юрислингвистике лексемы контроль и надзор приняты как назорат. В РТС 1985 года контроль и надзор заменены таджикскими синонимами.

Административное право имеет свои нормы. Норма в таджикском языке переводится как меъёр. В 30-80 годы XX века использовали русско-интернациональный вариант -норма. В РТС -1985 года норма помещена в 3-х пунктах: 1. норма (қоида); норма поведения (қоидаи ахлоқ); 2. норма, (меъёр, микдори муқарраршуда); норма выработки (нормаи кор); 3. полигр. норма (номи мухтасари китоб, рақами супориш, ки дар поёни тарафи чапи ҳар як саҳифаи аввали ҷузъи чоп бо ҳарфҳои майда навишта мешавад) (4, 584). С диахронического аспекта лексема норма латинского происхождения с лексическим значением – руководящее начало, правило, образец; 1.узаконенное, установленное, признанный, обязательный порядок, строй чего-нибудь (напр. норма права) 2. Установленная мера, средняя величина чего-нибудь (напр. норма выработки). 3.(в полиграфии- совокупность сведений (номер типографского заказа, сокращённое название или фамилия автора книги), помещаемых на первой полосе печатного листа (6, 910).

Меъёри ҳуқуқ (норма права)- форма выражения права. Санкционированное государством обязательное правило общего характера типа закон, указ, постановление в той или иной области общественных отношений. Также понимается как совокупность нормы права, регулирующих однородные отношения, образующие отрасль права такие как гражданское, уголовное и т.п.

С 90-х годов русский вариант заменен словом арабского происхождения меъёр, которое в классической литературе до октябрьской революции использовалось широко.

В толковых словарях меъёр интерпретирован с разными значениями. Самый полисемантический комментарий дали составители ФЗТ: 1. прибор, инструмент, орудие для измерения предмета; 2. весы для измерения, взвешивания золота, золотомер; 3. пробный камень, которым растирают золото им устанавливается проба золота и драгоценных металлов; 4. перен., проба, проверка; 5. величина, мера. (8, 682) с точки зрения лексико-семантического анализа можно определить, что 5-ое значение и толкование соответствует юридическому понятию.

Правовая норма определяет права, законность, ответственность правонарушения. Для обеспечения правовой нормы разрабатываются различные меры. Указанные термины соответственно переводились как хукук, қонуният, хукукқайронқунӣ, қонуншиқанӣ, ҷавобгарӣ.

Қонуният (законность) арабское слово образованное от производного слова қонунӣ путем прибавления словообразующего суффикса арабского происхождения -ят. Трёхфазное слово Қонуният (қонун-закон; қонунӣ-законный, по закону; қонуният- законность) также переводится и как закономерность. В РТС 1949 года закономерность переведена пятью значениями: Ронуният, мувофигат ба қонун, интизом, мувофиқи қонун будан, ба ягон Қонун мувофиқ будан (3, 181). В РТС 1985 года добавлен ещё и фраза мутобиқат бо Қонун (4, 283). В ФЗТ и других классических толковых словарях вариант қонуният не обнаруживался.

Хукукқайронқунӣ, считается одним из ключевых слов административного права. Данное четырехкомпонентное сложноподчиненное слово образовано от существительного хукук (право)+қайрон (неисправный, неверный, неправильный), + основы настоящего времени глагола қардан (делать: повелительное наклонение қун- делай, выполняй), +словообразовательный суффикс -ӣ. Оно по структуре сложноподчиненное существительное действия с широкой сферой употребления, и с отрицательным экспрессивно – эмоциональным воздействием. В РТС 1949 года переведено как хукукқайронқунӣ, қонунқайронқунӣ, қиноят (557), а в РТС 1985 года переведено хукукқайронқунӣ и қонуншиқанӣ (824). Вариант гунаҳқор, вообще не использован, а қонунқайронқунӣ предлагается в другом варианте.

Қонуншиқанӣ -это сложноподчиненное существительное в котором вторая часть шиканӣ является производным, образованное қонун (закон) и основой настоящего времени глагола-шиқан и суффикса +ӣ. Необходимо отметить, что и в первом (қайрон) и во втором (шиқан) слово қун (қардан) использовано с переносным значением. Третье значение вообще не указано, потому что действительно по юрислингвистическому определению гунаҳқор имеет более глубокое значение.

В современном таджикском языке данный инвариант употребляется намного чаще, чем хукукқайронқунӣ, однако относительно административного права хукукқайронқунӣ имеет преимущество.

Правонарушение является результатом безответственности, а ответственность всегда способствует соблюдению права и закона. Русскому слову ответственность соответствуют таджикские варианты ҷавобгарӣ, масъулият. Если в РТС 1949 года ответственность переведена как ҷавобгарӣ и масъулият, то в РТС 1985 года, наоборот, на первой позиции поставлен масъулият, а на второй ҷавобгарӣ, что говорит об узурпации арабской лексики. Необходимо отметить, что и на сегодняшний день сфера употребления и семантический охват слова ҷавобгарӣ больше и шире чем масъулият. Например можно говорить: «Ў ба ҷавобгарӣ кашида шуд», но нельзя сказать «Ў ба масъулият кашида шуд» (он привлечен к ответственности). Как известно, ҷавобгарӣ бывает интизомӣ (дисциплинарным), угуӣ (правовым) и моддӣ (материальным).

Терминофразы ҷавобгарии интизомӣ - простое изафетное словосочетание, которое состоит из существительного и прилагательного. Словосочетание ҷавобгарии хукуқӣ ҷавобгарии моддӣ тоже созданы таким же путем.

Анализ приведенных примеров доказывает, что термины административного права в основном образованы на базе общеупотребительных слов.

Многие из них находятся на стадии терминологизации.

В основном относятся к официально-деловой лексике.

Отличаются ограниченной сферой употребления.

Благодаря контекстуальным и функциональным особенностям этой отрасли, приобретают узкоспециальное значение.

ЛИТЕРАТУРА

1. Административное право.- Москва: Юридическая литература, 2009.
2. Конституция (Основной закон) РТ.- Душанбе: Ирфон, 1994.
3. Русско-таджикский словарь.- Москва- Сталинабад, 1949 (РТС).
4. Русско-таджикский словарь.- Москва: Русский язык, 1985 (РТС).

5. Советское административное право.- Москва: Юридическая литература, 1988.
6. Советский Энциклопедический Словарь.- Москва: СЭ, 1980 (СЭС).
7. Таджикско-русский словарь. Москва: 1954 (ТРС).
8. Фарҳанги забони тоҷикӣ, ҷ. 1.- Москва: СЭ, 1969 (ФЗТ).
9. Фарҳанги забони тоҷикӣ, ҷ. 2.- Москва: СЭ, 1969 (ФЗТ).
10. Фарҳанги истилооти ҳуқуқ.- Душанбе: ЭР-граф, 2009 (ФИХ).
11. Фарҳанги тоҷикӣ ба русӣ.- Душанбе, 2006 (ФТР).

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО И ЕГО ТЕРМИНЫ

Административное право, как одна из разновидностей юриспруденции и в советское время и после играло и играет огромное значение для развития этой отрасли науки. Она как отдельная отрасль правовой системы становилась и развивалась, тем самым определяло и контролировало общественное отношение социалистического строя. Основные особенности этих отношений выражаются в том, что они в сфере государственного управления регулируют весь процесс правоотношения. Анализ приведенных примеров доказывает, что термины административного права в таджикском языке в основном образованы на базе общеупотребительных слов.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: административное право, закон, управление, норма права, система, порядок, норма права, контроль, ответственность.

ADMINISTRATIVE LAW AND ITS TERMS IN TADJIK LANGUAGE

The administrative law is one of the major branches of jurisprudence and has its generality and feature. Administrative law terms are more connected with the state structure, system and its constitution. However, the concept as the right, the law, boards, offences, were used by all languages at all the times. In Tadjik language these terms are in general use, and the jurisprudence is got lexical features in texts.

KEYWORDS: administrative law, the law, management, norm of the right, system, an order, norm of the right, control, responsibility, (cax, 91)

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Шокиров Т.С. – кандидат филологических наук, заместитель начальника факультета №4 Академии МВД РТ по учебе и науке, полковник милиции, профессор кафедры таджикского языка ХГУ им. Б.Гафурова.

ЭЛЛИПСИС ГЛАВНЫХ ЧЛЕНОВ ПРЕДЛОЖЕНИЯ В ТАДЖИКСКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

М.Э. Усмонова, Х. Саидов

Таджикский национальный университет, Худжандский государственный университет им. Б.Гафурова

Известно, что в английском языке в силу исключительной скудности флексии лица и числа глагола в структуре предложения в системе его личных форм, опущение подлежащего в структуре предложения считается неправомерным, так как, по словам Б.А.Ильиша, личное местоимение в функции подлежащего как бы превратилось в аналитический показатель лица и числа глагола-сказуемого (2.197). Хотя эта точка зрения является не совсем обоснованной, но подчёркивает важность подлежащего – личного местоимения в структуре английского предложения.

Сказуемое также считается важнейшим компонентом в структурной организации предложения. Если анализировать структурную полноту английских предложений в тексте, состоящем из десяти страниц, то можно едва обнаружить один или два случая использования предложений без сказуемого. Исходя из этого, можно прийти к заключению о том, что не только подлежащее, но и сказуемое является обязательным компонентом в структуре предложения в английском языке. В связи с этим эллипсис второго элемента ядерной структуры английского предложения считается редким явлением. Выявление таких случаев является одной из актуальнейших проблем англистики.

В таджикском языке в этом плане наблюдаются некоторые иные обстоятельства. Поскольку таджикский глагол обладает стройной системой средств выражения категории лица и числа, то опущение подлежащего считается нормальным явлением в этом языке. Что касается сказуемого, то оно может эллиптироваться значительно больше, чем в английском языке. В связи с этим сопоставительное изучение эллипсиса главных членов предложения английского и таджикского языков представляет значительный интерес в контрастивной лингвистике в Республике Таджикистан. Между тем подобное исследование до сих пор никем не проводилось. Наша статья посвящается именно сравнительно-сопоставительному изучению эллипсиса в английском и в нашем родном языке.

При определении эллипсиса мы опираемся на точку зрения Ш.Балли о том, что: 1) эллипсис – это имплицитный «латентный знак»; 2) эллипсис обнаруживается в речи, хотя условия его реализации

заложены в языковой системе; 3) эллипсис – это факультативное отсутствие какого либо элемента высказывания, который всегда может быть восстановлен из контекста или ситуации. Следовательно, эллипсис представляет собой коммуникативно-речевое явление, в отличие от нулевого и подразумеваемого знаков (1,5).

Наш языковой материал показывает, что в определённых контекстуальных условиях подлежащее в повествовательных предложениях может опускаться в английском языке:

1). “Never knew good come of it yet,” the captain said to Dr.Livesey (R.Stevenson, p.75) = Харгиз намердонистам, ки аз ин натиҷаи хуб мебарояд, - гуфт капитан ба духтур Ливси (Р.Стивенсон, с. 79).

2). “Can’t guess? Really?” (E.L.Voynich, p.79) = Магар намердонед? Наход? (Э.Войнич, с. 67).

В первом предложении в английском языке эллиптировано подлежащее “I”, что вытекает из контекстуальных условий данного высказывания. В самом этом предложении обнаруживается катафорическое отношение между подлежащим “I” и словоформой “the captain”, т.е. подлежащим эллиптического предложения является говорящее лицо, которым выступает словоформа “the captain”, а в качестве слушающего выступает доктор Ливси. Это значит, что в случае отсутствия оборота “the captain said to Dr.Livesey” невозможно восстановить подлежащее в предложении “Never knew good come of it yet.”. Что касается таджикского перевода предложения, то в нем нет необходимости разыскивать подлежащее из контекста, так как оно очевидно, о чём говорит окончание лица и числа глагола-сказуемого «-ам» в словоформе «намердонистам». Окончание «-ам» обозначает первое лицо единственного числа, т.е. «ман» (я). В этом отношении права М.И.Юсупова, которая в своей диссертации (3) относит окончания лица и числа глагола к способу выражения подлежащего в бесподлежащих предложениях. Во втором предложении, как явствует из контекстуальных условий высказывания, эллиптировано подлежащее “you” (вы). В частности после предложения “Can’t guess?” и “Really?” использованы следующие два предложения:

“Why, you, yourself, Mr.Burton.” “Who else could know your private love affairs?”

Об эллиптированности подлежащего “you” сообщает также ход диалога в описанной ситуации, в котором полковник беседует с Артуром Бертоном. Перед анализируемым предложением стоит предложение “The colonel put out both hands with the gesture of polite surprise.” Именно после этого действия полковник произносит эти слова А. Бертону. Из этого вытекает, что в качестве подлежащего эллиптированного предложения выступает собеседник “you” (вы, шумо).

В таджикском переводе этого предложения «Магар намердонед? Наход?», также опущено подлежащее. Однако его можно легко установить и без учета контекстуальных условий высказывания. Подлежащим в этом высказывании является личное местоимение «Шумо» (вы), использованное по отношению к одному лицу с семантикой уважительного отношения к собеседнику. В контексте данное местоимение дважды повторяется: «Худи шумо хастед, чаноби Бертон. Корҳои махфӣ ва ишқии шуморо ғайр аз худатон боз кӣ дониста метавонад?»

Следует отметить, что в английском языке, также как в таджикском, легко можно определить эллиптированное подлежащее, выраженное именем существительным и местоимением третьего лица единственного числа с глаголом-сказуемым в настоящем времени или во временах длительного разряда. Дело в том, что в третьем лице единственного числа у глагола-сказуемого в указанных случаях имеется флексия лица и числа. Например:

“Doesn’t look too well”, “Serves you right” (примеры из R.Quirk, p.897). Как видно словоформы “Doesn’t” и “Serves” имеют грамматические форманты –s (es), которые используются в третьем лице единственного числа в настоящем неопределённом времени. Поэтому в этих предложениях подлежащим должно быть либо he, либо she, либо it. А на таджикский язык, соответственно, мы должны переводить эти предложения: «Хеле нағз наменамояд» и «Ба шумо дуруст хизмат мекунад». В таджикском переводе на подлежащее указывает окончание третьего лица единственного числа.

Дело обстоит сложнее при опущении подлежащего с глаголом сказуемым в прошедшем времени. В силу того, что для всех лиц и чисел в этой временной форме нет ни одного грамматического показателя. Поэтому при определении эллиптированного подлежащего основную роль играет контекст. Например:

“Betrayed him? A comrade?” (E.L.Voynich, p.78) = Хиёнат кардааст? Рафики худи у? (Э.Войнич, с. 65).

В английском предложении пропущенное подлежащее является словоформа “A comrade”, которая следует за эллиптическим предложением, а в таджикском языке отсутствует подлежащее, которое можно восстановить без контекста. Формант «-аст» показывает, что подлежащим является некое лицо, не участвующее в беседе, т.е. таджикский контекст сообщает, что некое лицо - это «Рафики ӯ» (Его друг).

Следует отметить, что в обоих языках могут эллипсироваться подлежащее, выраженное личным местоимением в форме множественного числа.

Наш материал показывает, что в сопоставляемых языках может эллипсироваться также и сказуемое. Как отмечают Р. Кверк и его соавторы, эллипсирование сказуемого в английском языке очень ограничено (4, 905-906). В этой работе отмечаются три случая эллипсирования сказуемого. Первый случай встречается в сравнительной, второй случай в сочинительной, и третий - в ответных конструкциях. Например:

1. Nigel finished the exam at the same time as George
2. Nigel finished the exam first then George
3. Who finished the exam first? George

В первом предложении имеется сравнительная конструкция. Во второй части предложения у подлежащего George нет сказуемого. Его легко можно восстановить на основе первой части этого предложения. Им является finished с его комплементом «the exam». Данное предложение должно было иметь форму Nigel finished the exam at the same time as George finished the exam. Таджикский перевод этого предложения выглядит следующим образом: «Нигел мисли Чорч имтихонро ҳамзамон тамом кард». В таджикском предложении также отсутствует сказуемое с его дополнением, есть только подлежащее Жорж. Но в отличие от английского языка, в таджикском языке эксплицитное сказуемое находится в конце предложения. Трансформа таджикского предложения должна была иметь следующий вид: Нигел имтихонро дар як вақт тамом кард, чунонки Чорч имтихонро дар ҳамон вақт тамом карда буд.

Во втором предложении после подлежащего George эллипсировано сказуемое finished с его дополнением «the exam». Эллипсированные элементы и здесь восстанавливаются из предыдущего контекста. Таджикский перевод данного предложения имеет следующую форму: Имтихонро аввал Нигел, баъд Чорч тамом кард. В таджикском варианте также эллипсировано сказуемое с дополнением. Поскольку сказуемое «тамом кард» расположено ближе к подлежащему Жорж, данное предложение должно было иметь следующий вид: Имтихонро аввал Нигел тамом кард, баъд Чорч тамом кард.

В третьем предложении эллипсирована группа сказуемого после подлежащего Жорж. В неэллипсированном виде этот диалог должен был бы иметь следующий вид:

- A: Who finished the exam first?
B: George finished the exam first.

Таджикский перевод данного диалога выглядит следующим образом:

- A: Имтихонро кӣ аввал тамом кард?
B: Чорч.

В данном случае между языками обнаруживается абсолютное торжество. Поскольку и в таджикском языке группа сказуемого полностью повторяется после подлежащего Жорж, и таджикский перевод будет иметь нижеуказанный вид:

- A: Имтихонро кӣ аввал тамом кард?
B: Имтихонро аввал Чорч тамом кард.

Кроме указанных случаев, в английском языке изредка наблюдаются случаи опущения глагола-связки, причём опускается также и подлежащее, т.е. эллипсированное предложение состоит, только из именной части составного сказуемого. То же самое наблюдается и в таджикском языке:

- “Ready!” cried the squire.
“Hold!” cried the captain quickly as an echo (R.Stevenson, p.122) =
- Тайёр! – гуфт арбоб.
- Ба ақиб! – капитан фармон дод. (Р.Стивенсон, с.130)

Опущение глагола-связки для английского языка является более редким явлением. А в таджикском языке подобные случаи встречаются чаще:

1. - Дар Фиезола шабҳо анча салкин. (Л.Войнич, с.98) =
“It will be much cooler up at Fiesole.”(E.L.Voynich, p.111)
2. -Касбатон агенти разведкаи хорича. Лакабатон- «Депутат». (Ф.Мухаммадиев, с.55).

“Your profession is an agent of a foreign intelligence. Your nickname is a deputy.”(Перевод информантов).

Как видно из этих двух эквивалентных примеров, в таджикских предложениях опущен глагол-связка «аст», тогда, как в английском предложении использован глагол-связка “is”.

В английском языке встречаются случаи, когда при вопросительных предложениях может эллипсироваться смысловая часть сказуемого выраженного сочетанием модального или вспомогательного глагола с полнозначным глаголом:

- “Will you let me see your pictures?”

“Why should I?” (S. Maugham, p.48).

В таджикском языке сказуемое вообще опускается, о чём говорит перевод указанного диалога:

- Оё иҷозат медиҳед, ки сураҷҳоягонро тамошо кунам?

- Барои чи ман? (Перевод информантов).

Встречаются случаи, когда позицию эллиптированной части сказуемого занимает маркер английского инфинитива – частица “to”. Например:

“Why have you never let me meet him?” I asked.

“Would you like to?” (S. Maugham, p.13)

- Чаро шумо харгиз иҷозат намедодед, ки ман бо ӯ вохӯрам? – ман пурсидам.

- Шумо (инро) мехостед-ми? (перевод информантов)

Как видно из перевода, и в таджикском языке инфинитив «вох=рдан» опущен. Его может заменять указательное местоимение «ин». Наш материал показывает, что при ответе на определённые типы специального вопроса может опускаться оба главных членов предложения:

“What does it show you?”

“Oh nothing!” (J. Galsworthy, p.56).

- Ин ба шумо аз чӣ гувоҳӣ медиҳад?

- Аз ҳеч чиз! (перевод информантов)

Из перевода этого примера на таджикский язык вытекает, что в таджикском языке опускается подлежащее и сказуемое.

Опущение главных членов предложения в сопоставляемых языках встречается не только при ответе на специальный вопрос, но и в репликах на повествовательные предложения, о чём свидетельствует следующий диалог:

“He is unconscious, Your Eminence”

“Still?” (E.L. Voynich, p.266) = Ӯ дар ҳолати беҳуш аст

- То ба ҳол? (Э. Войнич, с.271)

Как видно, в обоих языках в реплике опущены главные члены предложения “Is he unconscious?” и «Вай дар ҳолати беҳуш аст?».

Таким образом, эллипсис характерен не только для второстепенных членов предложения, но и для главных членов. Эллипсис подлежащего и сказуемого в таджикском языке обнаруживается чаще, чем в английском языке. Это связано с тем, что в английском языке почти отсутствуют показатели лица и числа глагола-сказуемого, что становится причиной невозможности эллиптирования подлежащего, которое является единственным средством выражения аспекта лица синтаксической категории предикативности. А в таджикском языке в случае эллипсиса подлежащего его функцию берёт на себя флексия лица и числа глагола-сказуемого.

В английском языке между эллиптированным подлежащим и его антецедента чаще наблюдается катафорическое отношение, а в таджикском языке анафорическое отношение.

В сопоставляемых языках наблюдаются редкий случай опущения глагольного сказуемого. Может опускаться чаще именная часть составного сказуемого или глагол-связка. В английском языке эллиптирование сказуемого происходит в определённых синтаксических конструкциях, а в таджикском языке такое ограничение наблюдается реже.

И в английском, и в таджикском языках встречаются случаи одновременного эллиптирования обоих главных членов предложения, что происходит большей частью при ответе на отдельные типы специального вопроса. Реже встречаются случаи, когда происходит одновременное опущение подлежащего и сказуемого при репликах на повествовательные предложения. Возможны также и другие случаи опущения части сказуемого или всего сказуемого в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ш. Балли. Французская стилистика. М.: Изд. «Иностранной литературы». 1961.
2. Б.А. Ильин. Современный английский язык. М., 1948.
3. М.И. Юсупова. Структурно-семантические особенности подлежащего в современном таджикском и английском языках. Дисс. на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Душанбе 2006.
4. R. Quirk, J. Leech, J. Svartwick. A Grammar of Contemporary English. Cambridge 1989.
5. Ф. Муҳаммадиев. Кулиёт, ҷилди 1. Хикояҳо. Душанбе. Нашриёти «Адиб», 1990
6. Р. Стивенсон. Чазираи ҷавохирот. Сталинобод. «Нашриёти Давлатии Тоҷикистон», 1952
7. Э.Л. Войнич. Фурмагас. Душанбе. Нашриёти «Маориф», 1982.
8. E.L. Voynich. The Gadfly. M., 1967.
9. R.L. Stevenson. Treasure Island. M.: «Foreign Languages Publishing House», 1963.
10. W. Maugham. The Moon and the Sixpence. M.: «Prosveshenie», 1986.

11. J. Galsworthy. The Freeland. M.: «Prosveshchenie», 1980.

ЭЛЛИПСИС ПРИНЦИПИАЛЬНАЯ ЧАСТЬ ПРЕДЛОЖЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ ТАДЖИКСКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Статья посвящена анализу эллипсисов подлежащего и сказуемого в современном таджикском и английском языках. Эллипсис предмета на таджикском языке более распространены, чем в английском языке, потому что в современных английских маркерах лица и числа глагола предикаты.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: многоточие, субъект, предикат, глагол -связка, маркеры лица и числа, предикат – глагол.

ELLIPSIS OF THE PRINCIPLE PARTS OF THE SENTENCE IN MODERN TAJIK AND ENGLISH

The article is devoted to the analysis of ellipsis of the subject and predicate in modern Tajik and English. Ellipsis of the subject in Tajik is more common than in English, because in modern English markers of person and number grammomemes of the predicate-verb are scarce. As a result of it, ellipsis of the subject causes vagueness of denotational reference of the action expressed by the predicate-verb. On the contrary in Tajik existence of a separate flexion for each person and number promotes ellipsis of the subject.

KEY WORDS: an ellipsis, a subject, a predicate, a link-verb, markers of person and number grammomemes of the predicate-verb.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ: *М.Э. Усмонова* – аспирантка кафедры перевода и грамматики английского языка Худжандского государственного университета им. Б. Гафурова.

Х. Саидов – заведующий общеуниверситетской кафедрой английского языка Таджикского национального университета, канд. фил. наук, доцент. **Телефон:** 918-78-09-00.

ВЫРАЖЕНИЯ МЕР ДЛИНЫ И ВЕСА В ШУГНАНСКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Т.Д. Шозимова

Таджикский национальный университет

В данной статье рассматривается одна из частей лексики выражения мер длины и веса в шугнанском и английском языках. Целью данной работы является использование исторического и семантического анализа распространенных выражений мер длины и веса килоч (quloj), ваджаб (vajab), mile (миля), weight (вес) в шугнанском и английском языках.

Выражения мер длины и веса в лексике подробно рассмотрены многими учеными историками, этнографами и лингвистами. Опираясь на труды Романовой Г. Я [1, 1973] в своих работах рассматривает меры длины в их историческом развитии, Черепнин Л. В. (2, 1944) в работе «Русская метрология» говорит о сущности метрологии как о науке, о предпосылках и происхождении метрической системы измерения в языке. Здесь можно напомнить о Швачко С. А. [3, 1981], которая анализировала измерения и содержание логической категории количества. Кушматов А. [4, 1998] в своей работе «Таджикское крестьянство в конце XIX и начале XX века» дает в терминологическом словаре и характеризует меры длины и веса. Давидович Е. А. [5, 1970] в своих работах «Материалы по метрологии средневековой Средней Азии» обширно рассматривает метрологическую систему мер веса.

Среди зарубежных ученых данной проблемой занимались Хинц В. [6, 1970] «Мусульманские меры веса с переводом в метрическую систему», Петри [7, 1926] «Weights and Measures» («Весы и меры»), Варен С. [8, 1913] «The early weights and measures of mankind» («Древние весы и меры»), Робертс Дж. [9, 1908] «Weights and Measures» (Весы и меры).

Как известно нам любая наука начинается с измерения, а точные науки немислимы без меры. Известно, что меры длины и веса относятся к метрической лексике. По определению Черепнина Л. В., название метрология происходит от греческого слова «метрон»- мера «логос»- слово, учение, знание.

Метрология- это наука о мерах, изучающая меры длины, веса, объёма, тяжести.

Историческая метрология изучает те же меры измерения, которые употреблялись в прошлом различными народами, выясняет название мер и длины, встречающиеся у того или иного народа в различные периоды его исторического развития [10, 1944].

Единицы измерения возникли в глубокой древности [11, 1973]. В измерении закрепляется накопившийся структурно-исторический опыт людей.

В основе формирования понятия пространства находится чувственно-воспринимаемая протяженность вещей, предметов, что подтверждается в частности исходными значениями англ-ell, foot, span, mile [12, 1981], тадж-ясирак, фарсах, чоряк [13, 1998], шугн- везеб (vezeb), вачаб (vajab), килоч (qulog), амбун (ambun) [14, 1970].

Измерения возникли давно и сыграли большую роль в практической деятельности людей. Измерения могут носить непосредственный характер, т.е., осуществляются при помощи простого сопоставления эталона и измеряемого, а также могут быть сложным опосредствованным процессом. Оба способа применяются в настоящее время, при этом первый является более древним и относится к раннему этапу познавательной деятельности человека [15, 1981, с 177].

По данным исторической метрологии «единицы измерения возникли в глубокой древности, поскольку человек сталкивался с ними в повседневной жизни, круг их расширялся по мере производства. Принято считать, что человек имел с самого начала естественное мерило-самого себя [16, 1973].

С древнейших времен употребляются для практических надобностей меры длины и веса.

Единицей меры называется такая основная мера, которой или частями которой измеряются другие величины того же рода [17, 1970].

Первобытные люди не могли точно определить, размеры и их измерения были самыми простыми. Как только человек начал строить жилище он сталкивался с необходимостью применения мер.

Зарубежные и российские источники подтверждают, что древнейшим эталоном линейных мер были пальцы, руки, ноги человека, и их движения, все человеческое тело, или простейшие физические действия, совершавшиеся человеком, как ходьба.

Англ. as a fingemil [18, 1986, с 39]

Шугн. ду ваджаб [vadjab] [19, 1987, с 24]

Англ. as for as the eye can see [20, 1986, с 28]

Шугн. се- чор килоч [quloj] [21, 1970, с 77]

Этим объясняется общность семантических принципов становления метрической терминологии.

С развитием хозяйственной деятельности, развитием торговли, ростом культуры появляются точные размеры, меры измерения. [22, 1965]

Мы рассматриваем наиболее распространенные названия и термины выражения мер длины и веса на территории Средней Азии в период конца XIX и начала XX века, а именно килоч(quloj).

В Шугнате килоч (quloj) была основной мерой для измерения тканей и равнялась 168 см. Дополнением к ней служила мера в 0,5 килоча (quloj) – расстояние от конца пальцев до середины груди [23, 1970].

В Язгуляме килоч (quloj) употреблялся как мера длины в строительстве. Для измерения же материи употреблялся гуз [guz], равный 0,5 килоч (quloj), т.е. расстояние от конца пальцев до середины груди 83 см [24, 1958, с 526].

В бассейне реки Хингоб (Дарвоз) это мера называлась кулоч[quloj], её размер колебался от 165 до 175 см и почти соответствовал русской маховой сажени [25, 1957, с 221] кулоч (quloj) чаще других использовали ткачи для измерения кустарных хлопчатобумажных и шерстяных тканей.

Антропометрического происхождения были также такие меры длины, как шаг- кадам [qakam], равный 76-80 см, кулак-мушт [vust], равный 12-15 см, ступня пай [пай], равный 25-26 см [26, 1970, с 143].

В Ходженге этнограф Н.Н. Ершов зафиксировал газ в 68 см. Газ- мера длины. Расстояние от конца пальцев выпянутой руки до плеча этой руки человека среднего роста. В 1893г. газ был равен около ¼ аршина. Газ длиной в 1 ¼ аршина служил для меры тканей 75 квадратных газы были равны одному казенному танапу или 625 кв сажени; 60 квадратных газы= одному местному (60-60) (см. ЦТА Респ.Тадж-н.-Ф.1.-Он, 1. Д 1449.Л.4)[27, 1970, с310].

В горных районах бассейнов рек Хингоу, Хуфа, Рушана, Язгуляма, Шугнана употреблялись следующие газы: Чуб=газ в бассейне реки Хингоу=84-88 см, в Хуфе и Язгуляме =83 см, в Шугнате несколько меньше 1 м [28, 1970, с 115].

В Средней Азии меры веса в разных областях и городах не были одинаковыми, например такие как чоряк, гарибак. Чоряк=¼ дунименра и 1.164 мана. В Ура-Тюбе чоряк=10 фунтам, а также гарибак =30 золотникам. Чакса-мера веса, широко употреблялась в Ферганской долине. По данным конца XIX в., в Ходженском уезде чакса= 2 ½ фунта. [29, 1998, с 342].

В XIX - начале XX в. кадок - меру веса использовали в Самарканде, Бухаре, Ходженге который был равен 1 фунту, т.е. 409 г.

В Шугнате, в долине Гунта, по нашим данным, до последнего времени считали 3 пиалы равными примерно 1 кг, 6 пиал составляли 1 тафсин (около 2 кг); улог - мера веса. В Шугнате один улог равнялся 64 кг; кулач - мера длины расстояние между концами пальцев рук, выпянутых в стороны на уровне плеча. В Шугнате меньше 2м [30, 1970 с 105, 118-119].

Мера массы (веса) в английской системе мер 1 гран = 64,8 мг.

Таким образом, 1 килоч (quloj) был примерно, равен 168 см или 0,5 английским милям.

Миля-тоже является путевой мерой длины,она происходит от латинского слова «mile» тысяча mille passium- тысяча шагов. С 1592 года Британским Парламентом был решен вопрос об определении точной длины мили, и она была приравнена 1.609 км [31, 1968] (33).

Подводя итоги сопоставительного анализа мер длины и веса калоч [quloj], амбун [ambun], тавсин [tavcun], улог [ulog] шугнанского языка, миля-(mile), фут-(foot) английского языка мы видим, что эти термины использовались при измерении расстояний длины и веса. У всех народов складывалась сложная и запутанная система. Каждое государство, город, народ стремились измерять и взвешивать своими мерами.

Таблица №1: Выражение меры длины в шугнанском и английском языках

Название мер длины	Шугнанский вариант	Километр, сантиметр	Английский вариант	Километр, сантиметр
Калоч	Qaloj	168 см	Mile	1852 м
Кадам	Qadam	78 см	Foot	30,48 см
Газ	Gaz	83 см	Inch	2,54 м

Таблица №2 Выражение меры веса в шугнанском и английском языках

Название меры веса	Шугнанский вариант	Килограммы и граммы	Английский вариант	Килограммы и граммы
Тавсин	Tavcun	2 кг	Gram	64,8 гр
Улог	Ulog	64 кг	Pound	16,38 кг
Амбон	Ambun	96 кг	Pood	16,3 кг

ЛИТЕРАТУРА

1. Романовой Г.Я История наименования мер длины в русском языке.- М., 1973.
2. Черепнин Л.В Русская метрология, -М., 1944.
3. Швачко С.А Языковые средства выражения количества в современном английском, русском и украинском языках., -Киев1981.
4. Кушматов А Таджикиское крестьянство в конце XIX и начале XX века., -Душанбе, 1998.
5. Давидович Е.А Материалы по метрологии средневековой Средней Азии.- М.,1970.
6. Хинд В Мусульманские меры веса с переводом в метрическую систему.-М.,1970.
7. Petty Weights and measures.-Лондон,1926.
8. Варен С. The early weights and measures of mankind.- Оксфорд,1913.
9. Робертс Дж Weights and Measures.-Лондон,1908.
10. Черепнин Л.В Русская метрология. -М., 1944.
11. Швачко С.А Языковые средства выражения количества в современном английском, русском и украинском языках. Киев,1981.
12. Кушматов А Таджикиское крестьянство в конце XIX и начале XX века. -Душанбе, 1998.
13. Хинд В Мусульманские меры веса с переводом в метрическую систему.-М.,1970.
14. Швачко С.А Языковые средства выражения количества в современном английском, русском и украинском языках.-Киев,1981.
15. Давидович Е.А Материалы по метрологии средневековой Средней Азии.- М.,1970.
16. Айни С. Buhara.- М.,1986.с.39.
17. Айни С. Бухара.- Душанбе,1958.-с.49.
18. Айни С. Buhara.- М.,1986.с.28.
19. Давидович Е.А Материалы по метрологии средневековой Средней Азии.- М.,1970.с.77.
20. Чипшолм Л.С Report of the 50 national conference on weights and measures.-Оксфорд,1965.
21. Давидович Е.А Материалы по метрологии средневековой Средней Азии.- М.,1970.
22. Андреев М.С Таджики долины Хуф (верховья Аму-Дарьи) Материалы к изучению культуры и быта таджиков // Труды АН Тадж. ССР. Сталинабад, 1958.-Т.LXI.-Вып 2.-526 с.
23. Рахимов М.Р. Земледелие таджиков бассейна реки Хингоу в дореволюционный период. Труды АН Тадж. ССР.- Сталинабад,1957.- с.221.
24. Давидович Е.А Материалы по метрологии средневековой Средней Азии.- М.,1970.,с. 143.
25. Кушматов А Таджикиское крестьянство в конце XIX и начале XX века. -Душанбе, с.310.
26. Давидович Е.А Материалы по метрологии средневековой Средней Азии.- М.,1970.,с. 115.
27. Кушматов А Таджикиское крестьянство в конце XIX и начале XX века. -Душанбе, 1998., с.342.
28. Давидович Е.А, Материалы по метрологии..., с. 105, 118-119.
29. Британская энциклопедия гл.редактор Уильям Бентон. Лондон.1968.

ВЫРАЖЕНИЯ МЕР ДЛИНЫ И ВЕСА В ШУГНАНСКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

В данной статье рассматривается определенная часть лексики, а именно: выражение мер длины и веса в шугнанском и английском языках. Целью данной статьи является выявление сферы использования исторического, лингвистического и семантического анализа наиболее распространенных выражений мер длины и веса, которые были в употреблении системы измерения в XIX-XX веке.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: метрология, килоч, фарсах, миля, мера длины, газ, кадок, чоряк, ясирак, чакса, улог, ваджаб, амбун, ман.

EXPRESSION WEIGHTS AND LONG MEASURES IN SHUGNAN AND ENGLISH LANGUAGES

This article is about Expression weights and long measures in Shugnan and English languages. The main goal in this article revealing sphere how is using of the historical, linguistically and semantically analysis most wide-spread expression weights and long measures. Thus, consideration long measures and weights and their linguistically and historical development. The results obtained may be successfully applied in theoretical and practical sources of the English, Tajik languages.

KEY WORDS: metrology, kelak, kejoj, gaz, pound, farsah, ambun, rastay, man, kafjol, ulog, tul, ell, foot, mile.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Шозимова Тахмина Давроновна аспирантка 2-курса кафедры типологии истории и языка Таджикского национального университета. **Телефоны:** 2)27-05-52, 93-474-88-37, 918-14-61-73.

АКТУАЛЬНОЕ ЧЛЕНЕНИЕ И СТРУКТУРНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ СЛОЖНОГО СИНТАКСИЧЕСКОГО ЦЕЛОГО В РУССКОМ И ТАДЖИКСКОМ ЯЗЫКАХ

С.Д. Алламуродова

Таджикский национальный университет

Сегодня сопоставительное изучение языков охватывает все их структурные уровни, языковые ярусы. Сопоставительное исследование русского и таджикского языков представляет в настоящее время особый интерес в плане системного описания синтаксических единиц, типов дву- и односоставных предложений, а также сложных синтаксических целых, их структуры, способов организации предложений, средств межфразовой связи, специфики употребления сложных синтаксических целых (далее – ССЦ) в различных стилях речи и других особенностей этой сложноорганизованной синтаксической единицы в рассматриваемых языках.

Лингвистика текста, как известно, – это поиск общих закономерностей, а не анализ отдельных употреблений, задача лингвистики текста – найти и построить систему грамматических категорий текста с содержательными и формальными единицами именно этой сферы. Основной структурной единицей связного текста является ССЦ – синтаксическая единица, большая, чем предложение, которая имеет определённую структурную, семантическую организацию, композиционно-стилистический и интонационный рисунок.

Под ССЦ мы подразумеваем группу предложений, объединённых общим смыслом, цепной, параллельной или присоединительной связью. Цепная связь раскрывает последовательное движение мысли в речи. Здесь важными являются понятия темы и ремы, связанные с теорией актуального членения предложения. Термин «актуальное членение» принадлежит чешскому профессору В. Матезиусу, который противопоставил актуальное членение предложения его формальному членению: «Если формальное членение разлагает состав предложения на его грамматические элементы, то актуальное членение выясняет способ включения предложения в предметный контекст, на базе которого оно возникает» [3: 239].

Тема представляет собой в предложении начало движения мысли, то, что дальше будет каким-либо образом характеризоваться; тема – это «данное», что уже известно. Рема же представляет собой развитие мысли, то «новое», что говорится о чём-то. Такое движение мысли от «данного» известного к «новому», неизвестному характеризует большинство предложений. Однако движение, развитие от темы к реме этим не кончается. Часто рема, т.е. то новое, что было в одном предложении, становится темой «данным» в следующем предложении, которое требует в свою очередь новой ремы.

Например, при цепной связи:

*За домом находится сад. В саду много цветов и деревьев. На деревьях много фруктов;
Дар наси хона бог аст. Дар бог дархати бисёр ва гул аст. Дар дарохто меваҳо бисёранд.*

Цепная связь предложений в тексте может выражаться:

1) при помощи повтора существительного (лексического повтора): *Мать купила яблоки. Яблоки оказались кислыми. - Модарам себ хариданд. Себхо туруи баромаданд.*

2) путём замены конечного существительного в первом предложении анафорически употреблённым местоимением в последующем предложении (местоименная связь):

*Мать купила яблоки. Они оказались кислыми;
Модарам себ хариданд. Онхо туруи баромад).*

3) посредством замены конечного существительного в первом предложении его синонимом в последующем предложении (синонимическая замена):

*Мать купила яблоки. Фрукты оказались кислыми;
Модарам себ хариданд. Мевахо туруи баромаданд).*

Параллельная связь предложений находит выражение в структурном параллелизме предложений - в том, что они строятся по одному образцу, по одной модели.

Например: *Наступила ночь. Подул ветер. Набежали тучи. Сверкнула молния. Прогремел гром. Пошёл дождь.*

Шаб иуд. Шамол вазид. Абрхо пайдо иуданд. Барқ шӯълавар иуд. Раъд ғулдуррос қард. Борон борид.

Все эти предложения построены по образцу первого: глагол-сказуемое в форме прошедшего времени совершенного вида (ПС) + подлежащее, выраженное существительным в именительном падеже (N1). То есть, как видим, здесь наблюдается подлежащно-сказуемая инверсия.

Таким образом, параллельная связь предложений характеризуется тем, что они:

1) строятся по одной модели;

2) имеют сходный порядок слов;

3) часть членов этих предложений и в русском, и в таджикском языке грамматически оформлена одинаково.

Как было отмечено выше, предложения иногда могут объединяться в ССЦ посредством присоединительной связи. Присоединительная связь отличается от цепной и параллельной тем, что предложения при такой связи неоднотипны по своей структуре. Обратимся к примерам из книги Эмомали Рахмона «Таджики в зеркале истории» (на таджикском и русском языках):

«Авеста» считается древнейшим письменным памятником наших предков – индоевропейцев, населявших Бактрию, Согд и Хорезм; появление этой священной книги относится к XII –X вв. до н. э. Изначально «Авеста» распространялась среди арийских народностей в устной форме и зачитывалась на религиозных обрядах, во время поклонения солнцу, земле, огню, ветру, использовалась при исполнении песен во славу урожая и других обрядах.

«Авеста» - это колыбель детства наших предков. Содержащиеся в ней песни, эпосы, псалмы, откровения и восхваления являются такими же волнующими и запоминающимися, как колыбельная песня, как неповторимые краски детства. «Авеста» - это первая энциклопедия цивилизации и первый кладёз культуры восточных арийцев.

В представленном примере, для которого характерен последовательный способ организации предложений, средством межфразовой связи служит лексический повтор: слово «Авеста» несёт основную смысловую нагрузку, делая речь точной, ясной, конкретной и является чистым повтором.

Сравним:

«Авесто» қадимтарин ва мукамалтарин сарчашмаи хаттии ниёғони мо – ориёӣҳои бошандаи сарзамини Бохтару Суғд ва Хоразм будааст, ки аз лиҳози давраи пайдоиш тақрибан ба асрҳои XII –X то милод рост омада, онро ҳамзамону ҳамсоли китоби муқаддаси «Ведаҳо» мешуморанд. Нахустин падидаҳои «Авесто» дар байни қавму қabilaҳои ориёӣи Эронии Шарқӣ ба таври шифоҳӣ аз даҳон ба даҳон гузашта, дар маросимҳои динӣ, ситониши худоеӣ, ирсоли дуруди ғайб ба офтобу замин, оташу об, хоку бод, ҳамчунин тараннуми суруду ҳамосаҳо дар васфи олиҳаҳои обу ҳосил ва дигар оинҳои мавсимӣ риоя мешуд.

«Авесто» ғаҳвораи овони тифлии ниёғони мост, ки бо суруду тарона, ҳамосаву муноҷот, дуруду ғайб, тавбаю надомат ва ситонишу ниёишаш чун аллаи модар ва падидаҳои нотакрори лаҳзаҳои кӯдакӣ басо ширин ва хотирмону ибратангез аст. «Авесто» нахустин қомуси тамаддун ва аввалин ганҷинаи фарҳангии ориёӣҳои шарқӣ- саромадони тоҷикон аст.

Как видим, в тексте на таджикском языке, как и в русском тексте, основным средством межфразовой связи является лексический повтор: слово «Авесто» повторяется в чистом виде и в большинстве случаев находится в абсолютном начале предложения, т.е. в актуализирующей позиции. Данное ССЦ также построено последовательным способом организации предложений.

Нередки случаи (как в художественном, так и в публицистическом тексте), когда средством межфразовой связи в ССЦ служит замена слова его синонимом (языковым или контекстным). Сопоставим примеры одного и того же ССЦ на таджикском и русском языках:

«**Шохнома**» - *достони ҳазорсолаи фаромушгаштагест, балки акси садои ниёғони мост, ки дар дилу дидаи халқи шоирпарвару-шеърдӯсти тоҷик зиндааст. Гуфтори ноб, лафзи поку бегазанд, хусни калон ва нафосати сухани ин **шоҳасари безаволро** мардуми мо асрҳо пас доштаву пас медоранд.*

«**Шахнаме**» - *это также не только летопись седой старины, но ещё и живой голос наших предков, который находит постоянный отклик в душе моего народа. На протяжении многих веков народ чтит патриотический дух, бессмертные сказания о подвигах наших предков, неповторимый стиль этого **великого творения**.*

Синонимической замена осуществлена между словами и синтаксически связанными словосочетаниями: **Шохнома - шоҳасари безавол; Шахнаме - великое творение.**

Кроме лексического повтора и синонимической замены, в текстах различных стилей, в том числе научном и публицистическом, широко употребляются и антонимы - слова, принадлежащие к одной и той же части речи и имеющие противоположные значения. Как известно, антонимами могут быть лишь те слова, которые обозначают степень признака, противоположных направлений действия, точки пространства, времени, расположения.

Рассмотрим примеры антонимической замены как средства связи между предложениями внутри ССЦ:

*На ветхих страницах исторических книг, на руинах городищ, среди пыли веков я пытаюсь найти следы наших предков. Я хочу соединить разбитые куски, вновь связать разорванные нити, провести грань между **справедливостью и несправедливостью**, отделить **правду от лжи**, ещё раз поразмыслить об уроках, преподанных нам историей. Ибо история - самый честный и взыскательный судья, **и добро и зло** на ее вечных весах всегда взвешиваются безошибочно. Дети наши, забывшей **прошлое** и потерявшей историческую память, неспособны оценить и предвидеть **будущее**.*

*Действительно, землю предков таджиков можно назвать вечным музеем истории. Этот музей доносит до нас сведения о **взлётах и падениях, достижениях и потерях, распаде и объединении**; о том, как наша живучая и гордая нация возрождалась, подобно фениксу, из пепла и следовала дорогой, предназначенной ей судьбой.*

Антонимия как средство межфразовой связи наблюдается между словами в ССЦ: *справедливостью и несправедливостью, правду от лжи, добро и зло, прошлое - будущее, о взлётах и падениях, достижениях и потерях, распаде и объединении.*

Сравним:

*Ман аз саҳифаҳои кӯҳани таърихи диёр аз осори шаҳристонҳои вайронаву нимвайронаи сарзамини аҷдодӣ, аз миёни гарду чанги асрҳо нақши гузаштгаро мечӯям, мехоҳам пораҳои шикастори васл кунам, риштаҳои гусастаро бо ҳам бипайвандам, **ҳақро аз ноҳақ, ростро аз дурӯғ** чудо карда, аз сабақҳои таърих панде биомӯзам. Зеро таърих боинсофтарин ва одилтарин ҳақам аст, чумлаи **неку баде гузаштаву имрӯзро** дар мизони адли ҳеш бар мекашад. Ва фарзондони халқу миллате, ки гузашташро фаромуш кардааст ва хотираи таърихашро пас намедорад, **Хоҳу ноҳоҳ** аз гояти кӯтоҳандеши ояндашро низ инкор мекунад.*

*Воқеан, сарзамини аҷдодии тоҷиконро метавон осорхонаи ҷовидонаи таърих номид. Ва ин осорхона бароямон аз **афтидану хестанҳо, сӯxtану сохтанҳо, шикастану пайвастанҳо** ва чун мурғи самандар аз хоҳу хокистар эҳё шудану бори қисмат бар душ кашиданҳои миллати ҷонсахту сарбаланди тоҷик қиссаҳо меғӯяд.*

Антонимические отношения, как и в русском тексте, устанавливаются между словами: *ҳақро аз ноҳақ, ростро аз дурӯғ, неку бади гузаштаву имрӯзро, хоҳу ноҳоҳ, афтидану хестанҳо, сӯxtану сохтанҳо, шикастану пайвастанҳо.*

Присоединительная связь также используется как особый вид межфразовой связи в ССЦ и как стилистический приём, который позволяет при экономии речевых средств дать большую информацию. Особенно широко используется данная связь в разговорной речи, что связано с течением мысли, процессом говорения, когда возникает потребность всё в большем уточнении сказанного ранее.

Таким образом, можно сказать, что в таджикском языке, как и в русском, предложения объединяются цепной и параллельной связью. Будучи более крупной, чем предложение, синтаксической единицей, с одной стороны, и одновременно минимальной единицей текста, с другой стороны, сложное синтаксическое целое (**прозаическая строфа**) характеризуется особым построением, композиционно-тематическим и актуальным членением.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лосева Л.М. Как строится текст. - М.: Просвещение, 1980. - с. 12.
2. Матезиус В. О так называемом актуальном членении предложения //Пражский лингвистический кружок. Сборник статей. -М.: Прогресс, 1967.
3. Новое в зарубежной лингвистике/Под ред. Т.М. Николаевой. -М.: Прогресс, т. 8, 1978.
4. Солганик Г.Я. Синтаксическая стилистика. -М.: Высшая школа, 1973.

АКТУАЛЬНОЕ ЧЛЕНЕНИЕ И СТРУКТУРНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ СЛОЖНОГО СИНТАКСИЧЕСКОГО ЦЕЛОГО В РУССКОМ И ТАДЖИКСКОМ ЯЗЫКАХ

В данной статье рассматривается актуальное членение и структурная организация сложного синтаксического целого в русском и таджикском языках. Сегодня сопоставительное изучение языков охватывает все их структурные уровни, языковые ярусы. Сопоставительное исследование русского и таджикского языков представляет в настоящее время особый интерес в плане системного описания синтаксических единиц, типов дву- и односоставных предложений, а также сложных синтаксических целых их структуры, способов организации предложений, средств межфразовой связи, специфики употребления сложных синтаксических целых в различных стилях речи и других особенностей этой сложноорганизованной синтаксической единицы в рассматриваемых языках.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: актуальное членение, синтаксическое целое, русский и таджикский язык, сопоставительное изучение языков, структурные уровни языка.

AN ACTUAL DIVISION AND THE STRUCTURAL ORGANIZATION DIFFICULT SYNTACTIC WHOLE IN RUSSIAN AND TAJIK LANGUAGES

In given article the actual division and the structural organization difficult syntactic whole in Russian and Tajik languages is considered. Today comparative studying of languages covers all their structural levels, language circles. Comparative research of Russian and Tajik languages is of special interest now in respect of the system description of syntactic units, types two- and one-compound offers, and also difficult syntactic whole, their structures, ways of the organization of offers, means of enterprise communication, specificity of the use difficult syntactic whole in various styles of speech and other features of this сложноорганизованной syntactic unit in considered languages.

KEY WORDS: actual division, syntactic whole, Russian, the Tajik language, comparative studying of languages, structural levels of language.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: С.Д. Алламуродова – старший преподаватель кафедры русского языка для нефилологических факультетов факультета русской филологии Таджикского национального университета. **Телефон:** 95-119-55-59

ВОЖАҶОИ ИФОДАКУНАНДАИ НОМАҶО ДАР «ТАЪРИХИ БАЙҶАҚӢ»

Ҷ. Абдулҳадов
Донишгоҳи миллии Тоҷикистон

«Таърихи Байҳақӣ»-и Абӯлфазли Байҳақӣ чун намунаи забони давраи муайяни таърихи инкишофи забони форсӣ – тоҷикӣ аз хусуси вазъи таркиби луғавӣ ва мавқеи калимаҳои иқтибосии арабӣ дар дохили он ба мо маълумот медиҳад. Муҳаққиқи эронӣ Наргиси Равонпӯр низ ҳангоми аз назар гузаронидани таърихи мазкур ба чунин натиҷа расидааст: «Таърихи Байҳақӣ яке аз уммаҳот(модарон)-и кугуби таърих ва адаби форсӣ аст. Аҳамияти таърихӣ ин китоб танҳо дар он нест, ки қисмате аз муҳимтарин ҳаводиси сиёсии давраи Ғазнавиён дар он нигориш ёфта, балки бештар аз боби равиши кори муаллиф ва итқон (устуворӣ) ва сихҳати матолиб ва диққати Байҳақӣ дар нақли ҳаводис ва истифодаи ӯ аз асноду мадориқе аст, ки мақоми дарборӣ ӯ дар ихтиёраш ниҳода буд» (6,42).

«Таърихи Байҳақӣ»-ро аз калимаҳо ва ибораҳои арабие мебошад, ки дар номаҳои он мавриди қарор гирифтаанд. Инак мехоҳем, дар ин мақола чанде аз намунаҳои онҳоро барои боз ҳам мушаххастар ва дақиқтар омӯختани мавқеи калимаҳои арабӣ зикр намоем.

Иншоависӣ ва номанигорӣ аз пайдоиш ба баъд дар адабиёт ва фарҳанги форсидабонон ривочу раванқ ёфта, қарн ба қарн комилтару пуртар гардида, аз қадамҳои нахустини пайдоиш бар осори адабӣ бетаъсир намондааст. Ин аст, ки тавачҷӯҳи Абӯлфазли Байҳақӣ ба номаҳо дар таърихи худ тасодуфӣ нест, собиқаи он ба суннати гузаштагон мерасад. «Бояд гуфт, ки дар адвори баъд номанависӣ густариш ёфта, дар ташаккул ва таҳаввули он ба забони дари (форсӣ - тоҷикӣ) суҳанварон, донишмандони фунуни муҳталиф ва дабирону муншиёни бисёре нақш доштаанд. То ҷое, ки иттилоъ дорем аввалин номаҳои дастраси форсӣ ба қалами нобигони фану суҳан Абӯали ибни Сино (980-1037 м.) ва Абӯрайҳони Берунӣ (973-1048 м.) тааллуқдоранд, ки ба унвони ҳамдигар ирсол доштаанд» (1, 5).

Номаҳои «Таърихи Байҳақӣ»-ро низ метавон аз қадимтарин навиштаҳои муншооти забони форсӣ-тоҷикӣ донист. Ва номаҳо, ки аз девони рисолат содир мешуданд бинобар гуногунӣ

мундарича ва ҳадафе, ки дар навиштани он буд, навъҳои мухталифе доштанд ва ба номҳои хосе хонда мешудаанд.

Инак барои исботи ин гуфтаҳо анвои номаҳоро, ки дар «Таърихи Байҳақӣ» ба қор рафтаанд зикр намуда, ба таҳлили онҳо мепардозем:

байат (1) ё **байатнома** (1), **қисса** (4), **мулаттафа** (103), **мувозаа** (18) ё **мувозаат** (22), **маншур** (43), **мушофаха** (33), **нухатулаҳд** (1), **руқъа** (12) ё **руқъат** (27).

Дар натиҷаи тадқиқот маълум гардид, ки аз 19 номаи «Таърихи Байҳақӣ», ки мавриди паҷӯшиши мо қарор гирифт, 8 - тоаш дар шакли арабӣ мавриди истифода қарор гирифтааст. Шарҳи номаҳои боқимондари дар поён баён хоҳем дошт.

Байат // Байатнома – муоҳадаи дӯстӣ (бастан), аҳду паймон. (9, 132). **Байат** – фармонбардорӣ қардан ва аҳду паймон ва ихлоси худро дар дӯстӣ фуруҳтан ва мурид шудан; ва гоҳе мурод аз ақди никоҳ бошад. (2, 152)

Ва расулдор расулро биёвард – ва хоҷаи бузург ва Ораз ва Бӯнастри Мушқон ва хоҷиби бузург Билкотагин ва хоҷиб Бактуғдӣ ҳозир буданд – нухати **байъат** ва савгандномаро устои ман ба порсӣ қарда буд, тарҷумае рост чун дебои румӣ, ҳама шароитро нигоҳ дошта, ба расул арза қард ва тозӣ (нухаи арабӣ) бад – ӯ дод то менигарист ва ба овози баланд бихонд, ҷунонки ҳозирон бишнуданд. ... (11,444); Ва дар охири ин қисса набишта ояд ин нома ва **байатнома** то бар он воқиф шуда ояд, ки нома чанд гоҳ бичустам то биёфтам дар ин рӯзгор, ки таърих ин ҷо расонида будам бо фарзанди устодам (фарзанди Бӯнастри Мушқон устои Абӯлфазли Байҳақӣ – А.Ҷ.) хоҷа Бӯнастр. (11, 439)

Қисса – дар забони арабӣ аз ҷумлаи маонии **қисса** «он чи ки навишта шавад» зикр шуда, аммо дар мутуни порсӣ «қисса бардоштан ва қисса рафъ қардан» ба маънии «додхоӣ ва мушофия назди султон ё амир ё вазир бурдан аст». Дар «Таърихи Байҳақӣ» **қисса** ба маънии номаи мутазаммин (шомил)-и шикоят ва додхоӣ омада. (3, 280-281); **Қисса** – ба маънии номаи шикоят ва тақозост, ки имрӯз «**изҳорнома**» мегӯянд.

Ва нухати **қиссае** аз они Табониён биро нам, тааллуқ дорад ба чанд нуктаи подшоҳон ва пас аз нухатҳо набишта ояд, ки дар ҳар фасл аз ҷунин фусул бисёр наводиру аҷоиб ҳосил шавад ва ман қори ҳеш мекунам ва ин имбром (пофишорӣ қардан дар амре) медиҳам, магар маъзур доранд. (11, 244)

Мувозаа // Мувозаат – қарордодест, ки ба сурати кутбӣ байни султон ва яке аз риҷол, ки шугли ҷадид ёфта ё ду тан аз риҷол бо ҳам дар умури девонӣ ё моли ва ғайра баста мешудааст ва дар он шароити шугл зикр мегардид. (3, 261); **Мувозаа** – фармон ва дастуре, ки дар он пешомадҳои иттифоқӣ барои ҳар девон таърифу тавсиф мешуд ва аз авомили субот ё заволи қорҳо сухан меравад. Қарордод ва дастурамале, ки байни султон ва вазир ё ҳоким ё соҳибмансаби дигар навишта мешуд ва аз теъдоди пуришишу посух ташкил мегардид. (8, 76)

Ва дигар рӯз омад ва амир бо хоҷаи бузург ва хоҷа Бӯнастр соҳибдевони рисолат ҳоли қард ва Аҳмадро бихонд ва мисолҳо (яъне фармонҳо А.Ҷ.) аз лафзи олий бишнуд ва аз он ҷо ба Торам (хонаи ҷубин ва иморати гунбадшакл) омаданд ва ин се тан ҳоли биншастанд ва маншуру **мувозаа** ҷавобҳо набишта ва ҳарду ба тавқеъ (фармони бо мӯҳр) муаққад (мустаҳкам) шуда бо Аҳмад бибурданд ва нухати савганднома пеш оварданд ва вай савганд бихӯрд ҷунонки расм аст ва хатти худ бар он набишт ва бар амир арза қарданд ва ба даваотдор (мушӣ) супурданд (11,418); Ва бародарро он чи дар боясти (ҳочат ва ниёзмандӣ) вай бошад ва Худованд фармояд, мефиристад ҷунонки ҳеч бенавос набошад ва мӯътамади банда хат диҳад бад – он чи **мувозаат** бар он қарор гирад то банда онро имзо кунад ба фармонбардорӣ. (11, 288)

Мулаттафа – аз истеъмоли муқаррари нависандаи «Таърихи Байҳақӣ» дар мавриди гуногун ба хубӣ бар меояд, ки «мулаттафа» номаи кӯчаке буда, ки матолиби махрамона ва ғолибан фаврӣ дар он ба таври ихтисор навишта мешуда. (3, 256); **Мулаттафа** – номаи мухтасаре буд, ки матлаби муҳим ва махрамона дошт ва дар мавриде, ки фаврият дар қор буд ирсол мегардид. Матлабро бар қоғази кӯчаке менавиштанд ва ба василаи фарде, ки мавриди сӯи зан(н) (инҷунин **суузани**: бадғумонӣ) набуд мефиристоданд. (7, 14)

Ва ҳар рӯз пайваста **мулаттафа** мерасид аз ҷониби лашқари Ғазнин, ки чи мекунанд ва чи месозанд ва бар мӯҷиби он чи Худованд фармудӣ қор месохтанд. (11, 41)

Маншур – эълomia, фармон, фармони подшоҳӣ, номаи саргушода. (12, 996); **Маншур** – иблог (расондан) ва ҳукми расмӣ шахсе буд, ки ба мақома мансуб мешуд. Соҳибдевони рисолат онро фароҳам меовард ва навъи шугл ва маъмурияти он соҳибмансабро дар он менавишт ва баъд ба имзои шох мерасид. Ин нома сараш баста набуд, шояд вачҳи тасмия (номгузорӣ)-и он ба далели нашр ва пароканда шудани матолиб ва мӯҳтавои он буд. (7, 14); **Маншур** – номаҳои девонии саргушодае, ки маъмулан султон фармони навиштани онҳоро меодааст. Савод (пешнавис)-и онро ба василаи дабири бузург ё соҳибдевони рисолат таҳия мешуда ва ситас ба василаи яке аз дабирон баёз (поқнавис) мешуд ва он гоҳ ба тавқе (имзо)-и султон мерасидааст. (8, 81-82)

Ва дар бобҳои дигар он чи фармони олий буд ва **маншуру** ҷавоби мувозаа омадааст ва ин чи шунди пӯшида, туро фармони Худованд аст ва пӯшида бояд дошт (11, 419); Вазир гуф ва хилт: «Худованд ин раъй сахт неку дидаст», ва **маншуре** набиштанд ба номи шоҳ малик ва хилъати неку бо он зам карданд ва Ҳасани Таббонӣ, ки ӯ яке буд аз фурудасттар (зердасттар)-и муътамадони даргоҳ ва расулиҳо кардӣ... (11, 1122)

Мушофаха – дар луғат ба маънии гуфтугу кардан бо якдигар, рӯбару сухан гуфтан, рӯбару шудан, гуфтугу рӯбару омадааст. (4, 981) Вале ҳамчун истилоҳи идорӣ дар ин маънӣ ба кор меравад: **Мушофаха** – паёми шифоҳӣ буд, ки фиристодаи подшоҳ ба подшоҳи дигар мегузорад ва ё хитоб ба касе буд, ки дар хузур аст ва барои коре гумошта мешавад, ки албатта барои паёми матни кутубе, ки ҳукми дастурамалро дошт, аз сӯи девони рисолат таҳия мешуд то барои пайғомгузор ибҳоме дар мазмуни паём боқӣ намонад ва эҳтимолан тасарруфе низ дар он анҷом нагирад. (7, 15)

Ва кам хат дар Хуросон дидам ба некуи хатти ӯ ва он ҷавонмард се сол дар диёри турк монд ва боз омад ба мурод, чун ба Парвон (шаҳраке дар наздикии Ғазнин) расид гузашта шуд (яъне вафот кард - А.Ҷ.) ва биёрам ин қиссаро ба ҷойи хеш ва устодам нома ва ду **мушофаха** набишт дар ин боб сахт нодир ва бишуд он нусхат, ночор нусхат кардам онро, ки печида коре аст то дида ояд (11, 244); Ва ин хабар ба амир расониданд ва ҳочат омад бад-он ки Масъуди Лайсро наздики ӯ фиристод, то дили ӯро хуш гардонад ва бирафт ва рост наёмад то амир ӯро бихонд ва ба **мушофаха** дилгарм кард. (11, 944)

Нусхатулаҳд - номаест муштамил бар аҳду паймони подшоҳе бо подшоҳи дигар ё халифа, ки барои итминони тараф, савганди шаръӣ дар он зикр мешудааст ва гурӯҳе аз хавос(с) (бузургон)-и ҳамзайли он, гувоҳии хешро бар дурустии мундариҷоти аҳднома менавиштаанд. Дар «Таърихи Байҳақӣ» матни ду «**паймоннома**» тахти унвони «**нусхатулаҳд**» омадааст. (3, 263)

Ва аҳднома набиштам пас бар ин ташбиб (ба маънии муқаддима ва оғоз) ва қоида: «**Нусхатулаҳд** ҳамегӯяд Масъуд бини Маҳмуд, ки ба эзид ва ба зинҳори эзид (савганди паймон ва аҳди Худованд)» ва бад-он Худое, ки ниҳону ошкорои халқ донад, амири ҷалили Мансур, Манучеҳр бинни Қобус тоатдору фармонбардор ва харҷгузори худованди султони муаззам, Абулқосим Маҳмуд ибни Носириддинуллоҳ бошад ва шароити он аҳд, ки ӯро (яъне Маҳмудро – А.Ҷ.) бастааст ва ба савгандони гарон устувор карда ва бад он гувоҳ гирифта. (11, 187)

Рукъа // Рукъат – ин вожа дар «Таърихи Байҳақӣ» ба ду шакл ба кор рафтааст ва луғатнигорон калимаи мазкурро чунин шарҳ додаанд: 1. мактуб, хат, нома, навишта.

Рукъа гар бар парри мурге духтӣ,

Парри мурғ аз таффи **рукъа** сӯхтӣ. (Румӣ);

2. порча, як порча, порчаи қоғаз. 3. васла, пораи матоъ, ки даридаи либосро бо он ямоқ мекунад. (10, 154); **Рукъа** – номаи кӯчак ва хурду кӯтоҳ. (8, 81)

Дар асл **рукъа** ё **рукъат** истилоҳи девони рисолат (девоне, ки мукотиботи давлатӣ дар он ҷо сурат мегирифт) аст ва ба чунин маънӣ ба кор рафтааст: **Рукъа** – ҷунонки аз мавориди истеъмоли он дар «Таърихи Байҳақӣ» бар меояд, номае буд ёддоштгуна, ки чун наметавонистанд матолиби муҳими худро шифоҳӣ ба султон бигӯянд бар қитъаи қоғазе, ки «**рукъа**» хонда мешуд, менавиштанд ва тақдими хузур султон мекарданд. (3, 267)

Пас **рукъате** набиштам ба шарҳи тамом ва пеш шудам (ба хузур рафтам) ва амир овоз дод, ки чист? Гуфтам: «Банда, Бӯнаسر пайғом додааст ва **рукъа** бинамудам (яъне нишон додам – А.Ҷ.)». Давотдорро гуфт: «Бистон!» Бистод ва ба амир дод. Чун бихонд маро пешни тахти равон хонд ва **рукъат** ба ман дод ва пӯшида (яъне оҳиста – А.Ҷ.) гуфт: «Наздики Бӯнаسر боз рав ва ӯро бигӯй, ки неку рафтааст (яъне кори сазовор ба анҷом расидааст - А.Ҷ.) ва аҳмод (ситоиш) ҷардем туро ба ин чи кардӣ ва пас фардо чун мо биёем, он чи дигар бояд фармуд, бифармоем» (11, 213).

Ҷунонки аз мушоҳидаҳо бар меояд, дар «Таърихи Байҳақӣ»-и Абӯлфазли Байҳақӣ номаи аз ҳама серистеъмол **мулаттафа** аст. Калимаи **мулаттафа** дар асар 103 маротиба ба кор рафтааст, ки аз ҷиҳати доираи истеъмол дар ҷои аввал қарор дорад. Албатта ба ин андоза серистеъмол будани калимаи **мулаттафа** як дараҷа ба мазмуну мундариҷаи асар низ вобастагӣ дорад.

Яке аз арзишҳои ҷашмраси номаҳои «Таърихи Байҳақӣ» ҷанбаи омӯзишии онҳо мебошад. Дар ин номаҳо ва пайғомҳо дар бораи сифатҳои шоҳон ва ҳокимон, тарзу тариқи давлатдорӣ, муносибатҳои дохилӣ ва хориҷӣ давлатҳо ва андешаҳои пурмаънӣ бар меҳурем, ки ҷанбаи баланди ахлоқиро доранд ва дар ҳама давру замонҳо метавонанд сарону сарваронро барои беҳбуд ва осудагии халқу кишварҳо раҳнамо бошанд.

Абӯлфазли Байҳақӣ дар ҷараёни иншои номаҳо ба воқеаҳои мепардозад, ки бевосита ба таърихи гузаштаи мардуми эронинаҷод, тарзи зиндагонӣ, одоби русум ва урфу одати онҳо тааллуқ доранд.

Ба ҷуз номаҳои, ки шарҳашон дар боло гузашт, дар «Таърихи Байҳақӣ» боз ба як гурӯҳ номаҳои бар меҳурем, ки ба сурати: **аҳднома** (3), **барот** (1), **гушоднома** (2), **муаммонома** (1) ё **номаи**

муаммо (10), маншури тавкей (1), номаи тавкей (12), фатхнома (1) ё номаи фатх (6), савганднома (2), тўмор (3), хадиснома (1), шикоятнома (1) мавриди истифода қарор гирифтаанд. Чун мавзӯ баҳси номаҳост, наметавонем онҳоро сарфи назар кунем ва бояд зикр намуд, ки чӯзӣ баъзе аз вожаҳои мазкур реша дар забони арабӣ доранд:

Аҳднома – паймоннома ва қарордоднома. (8, 76); Аҳднома – варақе буд ҳокӣ аз паймон ва шароити сулҳ, ки тарафайн онро имзо мекарданд. (8, 96)

Ва пас расулон фиристод ба Яҳёи Алавӣ ва талаттуфҳо (меҳрубонӣ) қард то ба сулҳ иҷобат қард бад-он шарт, ки Ҳорун ўро аҳдномае фиристад ба хатти хеш бар он нусхат (пешнавис), ки қунад. (11, 641); Ва албатта набояд, ки аз шарт аҳднома чизеро тағйир ва тақдир афтад, ки ғараз ҳама салоҳ (хайру некӣ) аст. (11, 260)

Барот – лафзи форсӣ; коғазӣ навишта, ки ба мӯчиби он аз ҳазона зар ба даст ояд; ба лафзи навиштан ва қардан ва додан ва гирифтани ва овардани ва задани ва шудани мустаъмал (аз «Баҳори Аҷам». (2, 122)

Ман набиштам ва бархостам. Гуфт: «Ин нусхатро наздики ҳоча бар ва пайғоми мо бигӯй, то он қавмро бигӯяд, тадбир ин бояд сохт, ки ба зудӣ ин чи хоста омадааст, рост қунад (яъне омода ва фароҳам созанд – А.Ч.) то ҳочат наояд, ки мустаҳриҷ (тахсилқарда) фиристанд ва барот нависанд лашқарро ва ба унф (дурушти)бистонанд.» (11, 684)

Гушоднома – номаест саргушода, ки дар иҷрои қорҳои муҳим ба дасти қосид меоданд ва дар он маъмурияти вай ва фармоне, ки мебоист иҷро қунад навишта буда ва ба истилоҳи имрӯз «эътиборнома» маъсуб мешуда. (3, 268)

Ин нома чун набишта омад хайлтошро пеш бихонд ва он гушодномаро мӯҳр қард ва ба вай доду гуфт: Чунон бояд, ки ба ҳашт рӯз ба Ҳирот рави ва чунину чунон қунӣ ва ҳама ҳолҳои шарҳ қарда маълум қунӣ ва ин ҳадисро пӯшида дорӣ. (11, 174)

Маншури тавкей – мавсуф ва сифати нисбӣ. Маншур -номаҳои давлатӣ, ки сараш баста набошад, аз қабилӣ фармонҳо ва дастурҳои ғайримахрамона. Маншур – исми мафъул аст аз нашр ба маънии густурдан ва фош қардани хабар. Тавкеъ - дастхате, ки дар нома меафзуданд ва тавкеъ масдари боби тафъил ба маънии нишон қардан бар нома. (11, 91); Маншури тавкей – номаи саргушодае, ки ба тавкей (имзои) султон мерасида. (8, 82)

Ва қавм ба чумла бипароганданд ва сохтан гирифтанд то сӯи Ҳирот бираванд, ки ҳочиб дастуре дод рафтандро ва низ мисол дод то нек андеша дорад, чунончи ҳеч ҳалал набошад ва Бақтагини ҳочибро бихонд ва маншури тавкей ба шаҳнағӣ баст ва вилояти Тагинобод бад – ў сулурд. (11, 9)

Номаҳои расмӣ «Таърихи Байҳақӣ» баъзан дар хилват ва аксаран дар ҳузурӣ ашҳоси мӯътамад навишта мешуданд. Сирри номаро бояд фиристанда, дабир ва наздиктарин ашҳос донанду бас. Ва Абӯлфазли Байҳақӣ ин ҳолати номанигориро дар баъзе мавридҳо ба равшанӣ баён қардааст:

Муаммонома // Номаи муаммо – гоҳ номаҳои махрамонаро ба сурати рамзӣ менавиштанд то дарёфт ва кашфу рамуз ва асрору мӯхтавои нома осон набошад ва фарқи ин навъи нома бо мулаттафа ҳамин нуктаи охир буд ва дарку фаҳми муаммо зоҳиран бо қарордоде, ки миёни нависанда ва гиранда гузошта шуда буд, имконпазир мешуд. (7,14); Муаммонома – рамзе будааст, ки касе бар он воқиф нагардад. (8,96)

Ва маро пӯшида гуфт: «Султонро бигӯй ин роз бар Абдус ва Бӯсаҳли Зӯзани пайдо набояд қард то чи шавад». Ва Масъадиро гуфта омад то ҳам акнун муаммономае нависад бо қосиде аз он хеш ва яке ба асқудор (лаҳҷае аз асқудор ва муарраб; пайки пиёда, харита ва қисаи пайқҳо, ки номаҳоро дар он гузоранд), ки он чи пеш аз ин навишта шуда буд ботил будааст. (11, 457); Ва Масъадиро ҳоча дилгарм қард ва чунонки ман нусхат қардам дар ин боб ду номаи муаммо набишт, яке ба дасти қосид ва яке бар дасти савори султон, ки он чи набишта будааст, он тазрибе будааст, ки Бӯлфатх миёни ду меҳтар сохт, ки бо яқдигар бад буданд ва бад – ин сабаб ҳотаме молиш ёфт бад – он чи қард. (11, 458)

Номаи тавкей – номае буд дорой дастхат ва имзои шох, ки гоҳ ба чихати таъкид дар иҷрои фармон ва ё барои бузургдошти тарафи мухотаб, шох илова бар имзо, сатре низ бо хатти худ бар нома меафзуд. (7, 14)

Гуфтам: «Чунин қунам ва боз гаштам бо номаи тавкей ва ин ҳолҳоро бо Бӯнаسر бигуфтам, ва ин марди бузург ва дабири кофӣ, раҳматуллоҳи алайҳ, ба нишот қалам дар ниҳод (хома бар коғаз ниҳод ва ба навиштан пардохт – А.Ч.) то наздики намози пешин аз ин муҳиммот фориг шуда буд ва хайлтошон ва саворро гусел қарда.» (11,734)

Фатхнома // Номаи фатх – мактубест мутазаммин (шомил)-и хабари пирузии лашқар дар набард, ки аз тарафи султон бар дасти мубашширон (қасоне, ки маъмури расондани хабарҳои хуш буданд) ба дигар шаҳрҳо ва вилоят фиристода мешуд то бо интишори хабари пирузии, мучиботи азамат ва қудрати ҳукумат бештар ошкор гардад. (3, 265); Фатхнома – номае буд ховии хабари фатх ва пирузии лашқар аз сӯи шох ба василаи «мубашширон», ки барои намудани қудрати давлат ба шаҳрҳо

ирсол мешуд ва бештар чанбаи таблиғотӣ дошт. (7, 15); Фатхнома – ё фирӯзинома, номае аст, ки аз фатҳ ва фирӯзи хабар медиҳад. (8, 96)

Гуфт: бирав ва Бӯнасро бигӯй: то фатхнома нусхат (пешнавис) кунад. Гуфтам: «Фармонбардорам ва боз гаштам.» Ва амир ду нақибро мисол дод ва гуфт: «Бо Бӯфазл равед, то лашкаргоҳ.» (11, 907); Ва намози шом номаи фатҳ расид ба хатти ироқӣ ва амир имло карда буд, ки «Чун мо аз Омӯл ҳаракат кардем, ҳама шаб бирондем ва бешаҳо бурида омад, ки мор дар ӯ ба душворӣ тавонист хазид, дигар рӯз намози пешин ба Нотил расидем.» (11, 681)

Фатхнома (фирӯзинома) тавре ки зикр намудем аз чониби лашкаркашон ва сипаҳсолорон нигошта мешуданд. Ва баъд аз набарду ғолибият ба душман ба подшоҳи худ фиристода мешуд.

Савганднома – номаест муштамил бар қасами шаръӣ, ки савгандхӯранда бояд онро бар забон ронад ва сипас ба хатти хеш пойдорӣ ва вафоӣ худро бар он бинависад ва дигареро ҳам бар он гувоҳ гирад. Маъмулан чун султон шугли муҳим ба яке аз ричол воғузур мекарда баъд аз додани маншур вай савгандномаи ӯро мегирифтааст. Матни ин савганднома чун дигар номаҳо тавассути соҳибдевони рисолат таҳия мешуда ва пас аз итмоми ташрифоти савганд хӯрдан ба василаи давоҷдор (қасе, ки давоҷ бо худ дорад ва маҷозан ба маънои дабир ва муншӣ) дар давоҷхона (маҳалли ҳифз ва ниғаҳдории аснод ва нусхатномаҳо ва китобҳои салотин) забт ва бойгонӣ мешудааст. (3, 264)

Ва расулдор расулро биёвард – ва хоҷаи бузург ва Ораз ва Бӯнастри Мушкон ва хоҷиби бузург Билкотагин ва хоҷиб Бактуғдӣ ҳозир буданд – нусхати байъат ва савгандномаро устои ман ба порсӣ карда буд, тарҷумае рост чун дебои румӣ, ҳама шароитро нигоҳ дошта, ба расул арза кард ва тозӣ (нусхаи арабӣ) бад – ӯ дод то менигарист ва ба овози баланд бихонд, чунонки ҳозирон бишнуданд. . . (11, 444)

Тумор – дар луғат ба маънии нома, китоб; дафтар, саҳифа; мактуб, навиштаи дароз; навиштаи лӯлакарда омадааст. (4, 665)

Саврӣ тумори дигар бар вай хондан гирифт, чун ба охир расид, маро гуфт: « Бидонистам, ин мушти жоғ (маҷозан ба маънии ёва ва ҳарза) аст, Бӯлҳасан ба дигарон набиштаанд аз гуш бурида ни дар роҳ ва ҷуз он ва ба даст бидоданд.» (11, 980)

Ҳадиснома – номае буд, ки дар он суханони бузургони аҳли дин нигошта мешуд ва ҳамчун панду андарз ба онҳое ирсол мегардид, ки хилофи корҳои шаръӣ амал карданд. (7, 15)

Бӯнаср гуфт: Ин ҳам гуфта шавад ва зиёдат аз ин, аммо бозгӯи ҳадиснома, ки чи буд, ки мардум нарм шуд, чун бихонд, то фардо Абдус бо амир бигӯяд. Гуфт: «Фармони амир Маҳмуд буд ба тавқеи вай (бо имзои Маҳмуд – А.Ҷ.)то хоҷа Аҳмадро ночиз карда ояд, чи қисос (ҷазо)- и хунҳо, ки ба фармони вай рехта омадааст, вочиб шудааст.» (11, 501)

Шикоятнома – зикри маъноӣ луғавӣ ин вожа дар фарҳанго наёмада, вале тавре аз худи номи он бармеояд, номае буд, ки дар он арзу шикоятҳои дарҷ мекарданд. Маъноӣ луғавӣ вожаи шикоятнома бо вожаи қисса, ки шарҳи он дар боло омадааст, яқсон мебошанд.

... ба гӯши амир расониданд, ки Бӯғроҳон сухани ноҳамвор гуфтааст ба ҳадиси мерос, ки «Зайнабро насиб аст ба ҳукми хоҳарӣ ва бародарӣ» амир аз ин ҳадис саҳт биёзурд ва расули Бӯғроҳонро бе қазои ҳоҷат (баровардани ниёз ва мақсуд) боз гардонид бо ваъдаи хуб ва миод (ваъдагоҳ) ва ба Арсалонхон шикоятнома набишт ва дар ин хом тамъе (дар бораи ин ҳавас ва орзуи ботил ва беҳуда)сухан гуфт. . . (11, 750)

Чунин тарзи истеъмоли номаҳо танҳо хоси услуби Абӯлфазли Байҳақӣ нест, балки ин анъанаест, ки дар аксари асарҳои таърихӣ, асарҳои илмӣ осори классикӣ форсу тоҷик дучор мешаванд. Чунончи Маликушшуаро Баҳор дар ин хусус мегӯяд: «Мо медонем, ки ин шева мунҳасир ба Байҳақӣ ё устодаш Бӯнаср набудааст, маълум аст, ки дар он рӯзгор лутфу зебонӣ ҳосе дар муҳовараи мардуми Ғазнин ва Хуросон буда ва забони форсӣ дар дарбори Маҳмуд зебӣ ва лутфу ширинӣ ҳосе пайдо карда буд ва ҳамон таъсир аст, ки насри дарборӣ ва муншооти девони рисолати Маҳмудро чунин зебо сохтааст ва аз он ҷое, ки ин шеваи латиф аз тарафи соҳибдевони рисолат ихтироъ ё пазируфта шуда ва сипас шогирдони вай, ки дабирони бузурги ҳазрат буданд, онро ихтиёр карданд, шакке нест, ки соир нависандагони он аср ҳам ин шеvaro дунбол кардаанд. . .» (5, 84)

Дар миёни матнҳои насрии адаби форсӣ – тоҷикӣ, ки аз дер боз ба ёдгор мондааст, «Таърихи Байҳақӣ» вижагиҳои хоси забонӣ ва луғавӣ худро дорад. Ин ганҷинаи гаронқадр аз асноди муътабарӣ таърихӣ давраи Ғазнавиён маҳсуб мешавад ва аз матнҳои арзандаи забони форсӣ – тоҷикӣ низ ба шумор меравад аз ин хотир метавон гуфт, ки «Таърихи Байҳақӣ» авҷи балоғати забон форсӣ – тоҷикӣ аст.

Номаҳо дар рангин намудани сохту услуб ва рангин намудани асар аз бисёр ҷиҳатҳои дигар боаҳамият ва арзишманданд. Онҳо дар баробари аҳамият ва арзиши баланди адабӣ боз аз ҷанд ҷиҳат – доштани аҳамияти таърихӣ, аҳамияти наҷодшинохтӣ, намоиш додани тарзи зиндагии мардуми эронинаҷод аз пайдоиш то замони нависанда беназиранд.

Ва аз баррасии номаҳо дар ин асар бо итминон метавон гуфт, ки номаҳо дар саросари «Таърихи Байҳақӣ» аз ҷойгоҳи вижае бархурдор аст ва дар тадқиқу таҳқиқ ва омӯзиши тамоми масоил бори гаронро бар душ дорад.

АДАБИЁТ

1. Абдурахмони Чомӣ. Номаҳо. Таҳияву мукаддима ва тавзеҳ аз Асомиддин Урунбоев ва Асрор Раҳмонов. Душанбе: «Дониш», 1989.
2. Ғиёс-ул-лугот. Ҷилди 1.- Душанбе: «Адиб», 1987.
3. Муҳаммад Маҳдӣ Рукни Яздӣ. Девони рисолат ва оини дабири аз хилоли «Таърихи Байҳақӣ». // Ёдномаи Абулфазли Байҳақӣ. Интишороти «Донишгоҳи Фирдавсии Машҳад», 1374.
4. Муҳаммад Муин. Фарҳанги форсӣ (якҷилдӣ). Талхисшуда аз фарҳанги шашҷилдӣ, зери назари гуруҳи таҳқиқ, Техрон: Интишороти «Суроиш», ҷоғи ӯздаҳум, 1387.
5. Муҳаммадқақӣ Баҳор. (Маликушшуаро). Сабқшиносӣ ё таърихи татавбури насри форсӣ. Ҷилди 2. - Техрон: Муассисаи интишороти «Амири Кабир», 1382.
6. Нарғиси Равонпӯр. Гузидаи Таърихи Байҳақӣ/Интиҳоб ва шарҳ/Техрон: Нашри «Қатра», 1387.
7. Ризо Мустафвӣ Сабзворӣ. Ошноӣ бо Таърихи Байҳақӣ. Техрон: Созмони мутолаа ва тадвини кутуби улуми инсонии донишгоҳҳо «Самт», 1386.
8. Сайидахмад Хусайнии Козарунӣ. Фарҳанги Таърихи Байҳақӣ. / Таърихи тамомномаи давраи Ғазнавиён / , Техрон: «Заввор», 1384.
9. Фарҳанги забони тоҷикӣ. Ҷилди 1.- М.: «Советская энциклопедия», 1969.
10. Фарҳанги забони тоҷикӣ. Ҷилди 2.- М.: «Советская энциклопедия», 1969.
11. Халил Хатиби Раҳбар. Таърихи Байҳақӣ. Иборат аз се ҷилд. – Техрон: «Офтоб», 1386.
12. Ҳасан Амид. Фарҳанги форсии Амид. Техрон: Муассисаи интишороти «Амири Кабир», 1382.

СЛОВА, ОПРЕДЕЛЯЮЩИЕ ПИСЬМА В «ТА'РИХ - И БАЙХАКИ»

Сочинения и письма после появления в литературе и культуре персоязычных народов получив развитие стали более полными с момента появления и оказали свое влияние на литературные произведения. Именно по этому внимание Абулфазла Байхаки в отношении писем в своей истории, его прошлого совпадает с традициями прошедших веков.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Та'рих - и Байхаки, проза, письма, вексель, согласие, договор, переписка, хартия, заимствование, записка.

THE WARDS OF LETTERS IN «TA'RIKH - I BAYHAQI»

Writing letters and essays had been developing since formation of Persian literature and culture. It improved century by century. This why Abulfazli Bayhaqi paid attention to letters in his history. And it is continue of forefathers traditions.

KEY WORDS: Ta'rikh - i Bayhaqi, prose, letters, promissory note, consent, agreement, copying, charter, borrowing, note.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Дж. Абдулаходов – аспирант кафедры иранской филологии факультета востоковедения Таджикского национального университета. Телефон: 95-146-16-16

ВОЖАҲОИ МУАРРАБИ ФОРСИИ ТОҶИКӢ ДАР КАЛИМАСОЗИИ ЗАБОНИ АРАБӢ

А. Насотов

Донишгоҳи миллии Тоҷикистон

Омӯзиш ва таҳқиқу баррасии иқтибосоти бегона дар забони арабӣ таърихи тӯлонӣ дорад. Ин масъала ханӯз аз оғози ташаккули забоншиносии араб тавачҷӯҳи луғатнигоронро ба худ ҷалб карда буд. Яке аз асосгузори грамматикаи забони арабӣ Халил ибни Аҳмад Алфароҳидӣ (ваф. 791 м.) лексикаи забони арабиро ба лексикаи асил ва бегона ҷудо карда, ин кори ӯро баъдтар забоншиносони луғатнигор на танҳо дар тадқиқоти худ ишорат кардаанд, балки такмил дода, бобҳои махсусро ба омӯзиши ин масъала бахшидаанд(1).

Дар арабшиносии хориҷӣ, шӯравӣ ва маҳаллӣ чанде аз корҳо доир ба иқтибосоти бегона дар забони арабӣ рӯйи қор омада, онҳо дар зимни масъалаҳои мухталифи арабшиносӣ мавриди таҳқиқ қарор гирифтаанд. Аз назари хронологӣ сарчашмаҳои, ки дар онҳо муарработ зикр гардидааст, ба сурати нисбатан муфассал дар монографияи В. М. Белкин, мақолаҳои А. Чефери(2), А.Г. Белова (3, с. 19-24, 21-29), В.Г. Ахвледиани(4, с. 14-20), А.Б. Рылский(5, с.139-142), В.С. Рыбалкин(6, с. 133-138), Г.Ш. Шарбатов(7, 114-124), Ф.А. Исаева, Х.К. Мӯминов(8, 44-48, 84-91), С. Сулаймонов ва М. Шодиев(9, Август 1978) мавриди таҳқиқ қарор гирифтаанд.

Роҷеъ ба адади муарработи форсии тоҷикӣ дар забони арабӣ дар байни донишмадон ақидаҳои мухталиф вучуд дорад. Дар асарҳои лексикографӣ, ки муарработ дар онҳо сабт гардидааст, онҳоро зиёда аз 800 (Алҷаволиқӣ) (10), барҳи дигар зиёда аз 1500 (А. Шер) (11) ва дигарон зиёда аз 2000 (Шушгарӣ) (12) зикр кардаанд.

Адади иқтибосот ё худ муарработи форсии тоҷикӣ дар қадом миқдор ва шакле набошад, яке аз мавзӯҳои муҳими арабшиносӣ ва эроншиносӣ мебошад, зеро ин масъала ба таъсири мутақобили ин ду забон ва фарҳанг алоқаи бевосита дорад.

Мо дар ин мақола дар асоси яке аз фарҳангҳои наватарини тафсирии забони арабӣ *"Алмуъҷам, аларабӣ, аласосӣ"* (13) меҷӯем, падидаи аз исми муарработи форсии тоҷикӣ сохта шудани исми ва феълҳои, ки имрӯз дар забони муосири арабӣ серистемол мебошанд, бо мисолҳои айни таҳқиқ намоем. Ба назари мо, иштироки чунин муарработ дар забони муосири арабӣ, нишонгари ин аст, ки онҳо дар муддати тӯлонӣ тавонистанд ба қонуни қоидаҳои забони адабии арабӣ мутобик шуда, дар калимасозии он ширкат намоянд, зеро фаолнокӣ ва самаранокӣ ҳар як вожаи иқтибосшаванда аз он ҷиҳат ба эътибор гирифта мешавад, ки он то чи андоза дар калимасозии забони иқтибосширанда фаъолона иштирок мекунад.

Аз ҷиҳати калимасозӣ азхудшавии иқтибосот дар забони иқтибосширанда аз забони иқтибосшаванда дар мавриде ҷо дошта метавонад, ки агар аз забони иқтибосшаванда адади фаровони калимаҳо баъди воридшавӣ ба забони иқтибосширанда мавриди истифода қарор гирад. Муарработи форсӣ, ки ба забони арабӣ дар тӯли зиёда аз ҳазору чаҳорсад сол ворид гардидаанд, ба қонуни қоидаҳои забони арабӣ мутобик гардида, аз онҳо адади муайяни калимаҳое ба вучуд омадаанд, ки асли онҳо аз забони форсии тоҷикӣ мебошад.

Ҷойи тазаққур аст, ки ҳамаи вожаҳои форсии тоҷикии арабишуда асосан, исми мебошанд, вале чунин ҳолатҳое низ ба ҷашм мерасад, ки калимаҳои муарработ баъди мутобикат ва ҳазмшавӣ дар забони арабӣ аз решаи онҳо тибқи қоидаҳои сарфу нахви арабӣ феълҳои сохта шудаанд. Намунаи вожаҳои муарработи исми аз ин қарор аст:

1. *إبريق* (ибриқ) *ق. تبريق* – обреза, офтоба – *зарфи сафолӣ ё маъданӣ, ки дорони нули хартумӣ буда, аз он об ё монанд ба онро рехта, мегуянд.* "ибриқи ҷойрезӣ", "ибриқи қаҳварезӣ" (13, с. 66).

2. *أريكة* (арика) *ق. أريك* – авранг, тахт – 1) *курсӣ бо нақшу ниғор ва мулоим;* 2) *ҳар он чи аз раҳти хоб, тахт ва минбар бар он таъя менамоянд.* (13, 84).

Вожаи мазкур, чунонки дида мешавад, на танҳо аз лиҳози маъно, балки аз назари морфологӣ ба забони арабӣ мутобик гардида, дар шакли ҷамъи шикастаи арабӣ *أريك* (*ароик*) ҷамъ баста шудааст. Аз ҷиҳати дигар, ин вожа чунон дар арабӣ устувор ҷой гирифтааст, ки на танҳо дар забони адабии муосири арабӣ серистемол мебошад, балки дар Қуръон низ зикр ёфтааст:

﴿سَكِينٌ فِيهَا عَلَى الْأَعْلَى لَا يَرُونَ فِيهَا شَيْئًا وَلَا يَسْمَعُونَ﴾ (Муттақийна фиҳо ала ал-ароик ло йаравна фиҳо шамсан ва ло замҳариран). *"Дар он ҷо бар аврангҳо таъя зада, на гармон офтобӣ ва на сармон сахтро бубинанд"* [Қуръон 76:13]

3. *أَمْزَج* (аммузач) *ق. أَمْزَج* – 1) намуна, шакл: *"Қуръон намунаи сухани фасех ва шево мебошад";* *"намунаҳои адабӣ";* 2) намуна барои таҷриба; *"Дар анбори тоҷир намунаҳоро аз колоҳо барои савдо пайдо мекунем"* (13, 115).

4. *بَحْت* (бахт) *ق. بُحْتُ* – бахт, толеъ; "бадбахт (камбахт), бетолеъ, беикбол" (13, 134).

5. *بَرْزَخ* (барзах) *ق. بَرَزَخ* – 1) монеаи байни ду ҷиз; 2) *(дар илми ҷуғрофия)* замини танге, ки дар байни ду дарё (бахр) қарор дорад; 3) *(дар дин)* он чи миёни марғу растохез қарор дорад; Ин вожа дар Қуръон низ омадааст:

﴿وَهُوَ الَّذِي مَرَجَ الْبَحْرَيْنِ هَذَا عَذْبٌ فُرَاتٌ وَهَذَا مِلْحٌ أُجَاجٌ وَجَعَلَ بَيْنَهُمَا بَرْزَخًا وَحِجْرًا مَحْجُورًا﴾

(Ва ҳува аллазӣ марача ал-бахрайн, ҳозо азбун фурутун ва ҳозо милҳун учочун ва ҷаъала байнаҳумо барзахан ва ҳичран маҳҷуран). *"Ва ӯ таъоло зоте ҳаст, ки ду дарёро ба ҳам биомехт, ки ин яке ширин ва хушгӯвор аст ва ин яке шӯру талх ва дар миёни он ду [бахр] барзах ва монеае қарор дод"* [Қуръон 25:53] (13, 147).

6. *بُسْتَلٌ* (бӯстон) *ق. بَسْتَلِيْنٌ* – боғ, бӯстон; замин, ки дар он нахл ва дигар дарахтони босамар, сабзавот қошта мешавад; *"Киштзори дарахтони нахл дар Басра дар масофаҳои дурудароз тӯл мекашад"* (13, 153).

Таъкид бояд кард, ки қариб ҳамаи вожаҳои муарработе, ки дар шакли исми ба арабӣ ворид гардидаанд, баъдтар дар шакли сифатҳои нисбӣ низ ба қор рафтаанд, мисли *"бӯстони"*, яъне қасе, ки дар боғу бӯстон қор мекунад. Чунин шакл дар забони арабӣ яке аз воситаҳои сермаҳсули калимасозӣ аст.

7. *بَيْدَقٌ* (байдақ) *ق. يَيْلِقُ, يَيْلِقُ* – пиёда; *(дар шохмат)* донас, ки дар ҷанг пиёданизодро ифода менамояд (13, 187).

8. *جَلَابٌ* (ҷулоб) – гулоб (13, 254).

﴿لَيْسَ عَلَيْكُمْ وَلَا﴾ 9. جُنَاحٌ (чуноҳ) – 1) гуноҳ, базаҳ; Ин вожа дар чанд сураи Куръон низ зикр гардидааст: ﴿لَيْسَ عَلَيْكُمْ وَلَا﴾ (Лайса алайкум ва ло алайҳим чуноҳун). "На бар шумо ва на бар онҳо гуноҳе нест" [Куръон 24:58]; 2) он чи аз ғаму андӯх инсон таҳаммул созад (13, 267).

Чунонки дар ин мисол ва мисолҳои боло дида мешавад, вожаҳои муарраб дар баъзе ҳолатҳо маъноҳои семантикии худро васеъ кардаанд, ки ин ҳолат нишонгари иштироки фаъоли онҳо дар забони арабӣ мебошад.

10. خَلَجٌ (халхол) ۴. خَلَاجٌ – халхол, бозубанд; василаи ороиш чун бозубанд, ки занҳо худ ва пойҳои худро бо он зебу зинат медиҳанд (13, 413).

11. دَهْلِيْزٌ (дахлиз) ۴. دَهْلِيْزٌ – 1) дахлиз; даромадгоҳи байни дари даромад ва ҳоил; 2) роҳи дарози танг; 3) "даҳолизуссиёса" хаму печ ва чойҳои пинҳоние, ки сиёсатмадорон дар он ҷо воҳурӣ ва сӯхбатҳо мегузаронанд (13, 467).

12. زَنْجَرٌ (зинҷор) – зангор; занг гирифтани оҳану мис; "Рӯйи зарфи хӯрокхӯрӣ зангор гирифт" (13, 587).

13. سِجِيْلٌ (сиччил) – сангу гил; Ин вожа дар Куръон низ истифода гардидааст:

﴿فَلَمَّا جَاءَ أَهْرَابًا جَعَلْنَا عَلَيْهَا سَفِيْلًا وَأَطْرَقْنَا عَلَيْهَا حِجَارَةً مِنْ سِجِيْلٍ مَّنصُودٍ﴾

(Фаламмо ҷоа амруно ҷаъално олияҳо софилаҳо ва амтарно алайҳо ҳичоратан мин сиччилиин манзудин). "Чун фармони Мо даррасид, онро зеру забар кардем ва бар он сангпораҳо аз сангу гил пайдарпай фуру боридем" [Куръон 11: 82] (13, 609).

Адади чанде аз муарработ, ки дар шакли исми дар забони муосири арабӣ ворид гардидаанд, баъди мутобиқат ва ҳазму азҳудшавӣ аз онҳо феълҳо берун гардидааст:

1. يَهْرَجُ (бахраҷун) ۴. يَهْرَجُ – ботил, беҳуда, бекора; бад (*ба маънои исм*). لا يَعْرِفُ جَيْدَ الرَّأْيِ مِنْ يَهْرَجِهِ (Ло йаърифу ҷайида ар-раъйа мин баҳраҷихи) – "Фикри дурустро аз нодуруст фарқ намекунад". يَهْرَجُ (бахраҷа) – бад (ботил) шуд (буд) (*ба маънои феъл*), Дар забони муосири арабӣ аз ин исм вай чунин феълҳо сохта шудааст: "يَهْرَجُ الْكَلَامَ" (Баҳраҷа ал-калома) – "Дар суҳан рости дурустро бо ҳам омехт"; 2) يَهْرَجُ الشَّيْءَ (Баҳраҷа аш-шайа) – "Чизро бо рости дуруст ороост ва перост"; (13, 180).

2. يَخْنُقُ, خَنْقٌ (хандақун) ۴. خَلَقٌ – қанда, чуқирӣ (*ба маънои исм*), Аз ин исм дар арабӣ феъл: يَخْنُقُ, خَنْقٌ, خَنْقًا, خَنْقًا – чуқури қанд, сохтаанд (*ба маънои феъл*). خَنْقُ الْجَنْدِيِّ (Хандақа ал-ҷундийу). *Сарбоз чуқури қанд*; Маъноҳои исми он чунин аст: 1) خَنْقٌ – чуқури амик ва дароз, ки дар гирди чойе мекананд; 2) чойи бехатар ва амн, ки дар зери замин барои аз ҳамлаи ҳавой пинҳон шудан қанда мешавад, паноҳгоҳ (13, 426).

Чунонки аз мисолҳо дида мешавад, ин вожа маънои худро дар қиёс ба маънои асл васеътар кардааст.

3) يُوْسِتُ (бавсун) ۴. يُوْسِتُ – бӯса (*ба маънои исм*), – بَلْسَةٌ – "Ҷӯро бӯса қард" (*ба маънои феъл*) (13, 184).

4) هُنْمٌ, هُنْمَةٌ (хиндомун) – андом, шакл (*ба маънои исм*), Аз ин исм чунин феъл сохта шудааст: هُنْمٌ, هُنْمَةٌ – ба сурати нақӯ ба тартиб даровард (*ба маънои феъл*), هُنْمُ الشَّخْصِ الْأَشْيَاءِ (ҳандама-ш-шаҳсу ал-ашйаа) – "Ҷ чизҳоро ба миқдори муносиб ва сурати нақӯ ба тартиб даровард", هُنْمُ عُرْفَةٍ (ҳандама ғурфатаху) – "Хонаи ӯро ба сурати нақӯ ба тартиб даровард" (13, 1275).

5) هُنْدَرَةٌ, يُهْنِرُ, هُنْدَرٌ – андоза (*ба маънои исм*), Аз ин вожа чунин феъл берун омадааст: هُنْدَرٌ – андоза гирифт, чен қард (*ба маънои феъл*), هُنْدَرُ الشَّخْصِ الْأَشْيَاءِ وَالطَّرِيقِ وَالْجَسُورِ وَنَحْوَهَا (ҳандаза аш-шаҳсу ал-абнийата ва ат-туруқа ва ал-ҷусура ва наҳваҳо) – "Он шахс биноҳо, роҳҳо, пулҳо ва ғайраро андоза гирифт" (13, 1275).

Чунонки аз мисолҳои боло маълум мегардад, забони арабӣ ҳама калимаҳои муаррабро ба қонуну қоидаҳои фонетикӣ морфологӣ ва семантикии худ мутобиқ қарда, ба сурати фаровон на танҳо дар забони классикӣ, балки дар забони муосири арабӣ низ истифода кардааст. Натиҷаи таҳқиқот дар асоси маводи як фарҳанги начандон бузург нишондод, ки:

1. Адади муайяни муарработи форсии тоҷикӣ дар забони муосири арабӣ мавриди истемол қарор доранд.

2. Ҳангоми тағйироти фонетикӣ ва морфологӣ калимаҳои иқтибосии форсии тоҷикӣ дар арабӣ ба низомии овозӣ ва сарфии он мутобиқ гашта, тибқи қоидаҳои он сохта шудаанд.

3. Ба шакли феъл истифода гардидаи вожаҳои муарраб далолат аз он мекунад, ки онҳо хеле барвақт ба забони арабӣ ворид гардида, вожаҳои ҳаммаъноии арабии худро танг кардаанд ё худ маънои махсусро дар асоси асли калима қабул кардаанд.

4. Муарработ на танҳо ба маънои асл истифода гардидаанд, балки баъзеи онҳо маъноҳои нав ба худ касб кардаанд.

5. Дар "Алмуъҷам, аларабӣ, атасосӣ", ки аз ҷиҳати ҳаҷм дар миёни дигар фарҳангҳои арабӣ чандон бузург нест, зиёда аз 200 калимаи форсии тоҷикӣ мавҷуд аст ва онҳо имрӯз ҳам дар истифода қарор дошта, бидуни шакл итминон метавон дошт, ки дар луғатномаҳои бузургҳаҷми арабӣ чунин вожаҳо бамақоратиб зиёданд.

6. Маводи таҳқиқгардида шаҳодат аз он медиҳад, ки алоқаҳои мутақобили забони форсии тоҷикӣ ба арабӣ таърихи дерина дошта, онро танҳо ба даврони баъди интишори Ислому маҳдуд набояд сохт, зеро ба гумони ғолиб, аксари мутлақи калимаҳои форсии тоҷикӣ, ки ба арабӣ дохил гардиданд, ба сабаби вучуд надоштани хат аз миён рафтанд ва тибқи таҳқиқот дар замони муосир, то ҳол зиёда аз ду ҳазор калимаи муарраб дар забони арабӣ мавҷуд аст (14), ки он миқдор нишонгари иштироки васеи муарработи форсӣ тоҷикӣ дар калимасозии арабӣ мебошад.

АДАБИЁТ

1. Белкин В.М. Арабская лексикология. –М.: Наука, 1975.
2. Jeffery, Arthur. The Foreign Vocabulary of the Quran, Baroda: Oriental Institute, 1938.
3. Белова А.Г. Иранская лексика по материальной культуре в арабском языке и процессе адаптации древних заимствований. // Сб.: «Ирано-афразийские языковые контакты». Вып. 2. М., 1991. с. 19-24; Белова А.Г. Иранские элементы в ранних памятниках арабского языка. // Сб.: «Ирано-афразийские языковые контакты. М., с. 21-29.
4. Ахведиани В.Г. О влиянии таджикского языка на бухарский арабский диалект. // Сб.: «Ирано-афразийские языковые контакты». М., 1987: с. 14-20.
5. Рыльский А.Б. Семантический аспект персидских заимствований в саудовском диалекте арабского языка (этимологические заметки). // Сб.: «Ирано-афразийские языковые контакты». М., 1987, с. 139-142.
6. Рыбалкин В.С. Персидские заимствования в словаре Абу Насра Исматилла ал-Джавхари «Тадж ал-луга ва сихах ал-арабийя («Венец языка и правильность арабского языка»). // Сб.: «Ирано-афразийские языковые контакты». М., 1987, с. 133-138.
7. Шарбатов Г.Ш. Особенности функционирования иранизмов в современном египетском обиходно – разговорном языке. // Сб.: «Ирано-афразийские языковые контакты» Вып. 2. М. с. 114-124.
8. Исаева Ф.А., Муминов Х.К. Персидские слова в «Книге о скупых» ал-Джахиза. // Сб.: «Восточная филология». Вып. V. Душанбе. – 1997, с. 84-91. М., 1991, 44-48.
9. Сулаймонов С., Шодиев М. Рузномаи "Адабиёт ва санъат" Душанбе, август 1978.
الجوالقي: ليو منصور لجوالقي لمعرب من الكلام الأعجمي على حروف المعجم دار الكتب، 1389هـ-1949م 503 ص.
شبير: لدى شبير. معجم الألفاظ الفرسية العربية بيروت، 1980. 194 ص.
شوشتری: محمد علي ليلم شوشتری. فرهنگ وژلهای فارسی در زبان عربي، 12.
المعجم العربي الأساسي للناطقين بلعربية ومعلميها: تأليف وإعداد جماعة من كبار اللغويين العرب بتكليف من المنظمة العربية للتربية والثقافة والعلوم تونس. بدون سنة الطبع 13
حضور ایران در جهان اسلام احسان يل شلطر – تلمز ي شميل. ترجمه فریدون مجلسي. تهران، 1381 شمسي // احسان يل شلطر. وژه های ولم گرفته از فارسي در زبان عربي، 14.

УЧАСТИЕ ПЕРСИДСКО-ТАДЖИКСКИХ ЗАИМСТВОВАНИЙ В СЛОВООБРАЗОВАНИИ АРАБСКОГО ЯЗЫКА

В статье в сжатой форме делается попытка подвергать исследованию участие арабских заимствований в словообразовании арабского языка. Приводится мысль о том, что персидско-таджикские заимствования проникая в словарный фонд арабского языка, адаптируясь в фонетическом, морфологическом и семантическом аспектах, в настоящее время принимают участие в словообразовательном процессе современного арабского языка.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: арабский и персидский языки, арабское языкознание, персидско-таджикские заимствования, словообразование, адаптация, освоение, арабская культура, взаимовлияние, иранистика, арабистика.

PARTICIPATION PERSIAN-TAJIK LOANS IN WORD-FORMATION OF THE ARABIAN LANGUAGES

In article attempt to subject to research participation of the Arabian loans in word-formation of the Arabian language in a condensed form becomes. The thought that the Persian-Tajik loans getting into dictionary fund of the Arabian language is spent, adapting in phonetic, morphological and semantic aspects the present take part in word-formation process of modern Arabian language.

KEY WORDS: the Arabian and Persian languages, the Arabian linguistics, the Persian-Tajik loans, word-formation, adaptation, development, Arabian culture, interference, Persian studies, Arabic studies.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: *Абдулмуте Наджатов* – аспирант заочного обучения кафедры арабской филологии Таджикского национального университета. **Телефон:** 919-04-06-61.

АЗ ТАЪРИХИ ТАШАККУЛИ ИМЛОИ ЗАБОНИ АДАБИИ ТОҶИК ДАР САДАИ XX

З.А. Ҳомидова

Донишгоҳи давлатии Хуҷанд ба номи Б. Фафуров

Дар забоншиносии тоҷик то ба имрӯз дар бораи орфография, масоили марбути он, анъанаҳои таърихӣ ва таҳаввулоту тақомулоти имлои забони тоҷикӣ, эҷоди хатҳо ва дар он замина мӯҷиби тағйиру тақмил шудани имло, масъалаҳои баҳсноки имло ва забони адабӣ, имло ва нормаи забон, омилҳои дохилию берунии (ичтимоию забонӣ) тағйирхӯрии нуктаи бахшҳои муайяни имлои забони адабӣ ва амсоли онҳо тадқиқоту баррасии комили амиқ сурат нагирифтааст.

Забоншиносони мо ба таври иҷмолӣ дар робита ба омӯзиш ва тадқиқи масъалаҳои марбути забони адабии тоҷик, пеш аз ҳама, табиӣ ва тақмили алифбоҳои латиниасос ва кириллиасоси тоҷик, ташаккул ва рушди қоидаҳои меъёри адабии талаффузи тоҷикӣ, маданияти суҳан, масъалаҳои сохтмони забон ва сӣсати забонӣ ва амсолашон перомунӣ орфография ё имлои забони тоҷикӣ таваққуф намуда, муҳимият ва муҳаббатҳои баррасии амиқ ва жарфи онро махсус қайд намудаанд. Қобили қайд ва шоидаи таваққуф аст, ки масъалаи меъёр ва низоми имло ба эҷод ва ташаккули хат алоқаи зич ва робитаи ногуфтаи дорад. Махз хат, осори хатӣ ва дар алоқамандӣ ба онҳо рӯи қор омадани забони адабӣ, ки шакли олии қорқардаи забон ба шумор меравад, дар назди соҳибони забон, махсусан, аҳли зиё, аз ҷумла, забоншиносон, вазифаи таҳия ва танзими имло воғузур мегардад. Таҳия ва ҷун ҳукми қонун пазируфтани имло, бо эътирофи олимон, ба ташаккули забони адабӣ пайвастигии қарин дорад (24,82)

Пеш аз он ки дар бораи мароҳили омӯзиш ва ташаккули орфография имло ё қоида ва меъёрҳои он таваққуф намоем, оид ба мафҳуми забони адабии меъёрӣ ва ғунҷоишу вижагии назарии амалии он мулоҳизаҳои хешро дар заминаи афкори мавҷуда ва собит баён намуданро зарур мешуморем.

Забони адабӣ ҷун ҷузъи таркибии забон, махсули давраи муайяни инкишофи таърихии халқу миллатҳо ба шумор меравад ва ба ақидаи муваққидон пайдоиш ва ташаккули он барои халқияту миллатҳо яқсон ва ҳамгун набуда, вижагии муайяне зоҳир мекунад. Ва ин хусусиятҳо ғолибан дар омилҳо ва аломатҳои асосии зуҳур ва пайдоиши забони адабӣ арзи вуҷуд мекунанд. Як ғуруҳ олимони забоншинос бар он ақидаанд, ки ташаккули забони адабӣ ба пайдоиши осори даҳонакии халқ (фолклор) робитаи муваққидон дорад. Ғуруҳи дигари олимон ақидаи мазкурро ҳадафи интиқоди хеш қарор дода, ба асос будани онро собит сохтаанд. Аз ҷумла, Ф.П. Филин зимни баррасии ақида, робита ва пайвастигии фолклор ва адабиёти бадеиро, ба вижа, қайд намуда, ба ҳулосаи қобили назар меояд, ки ин ду ашқоли адабиро «як ҷиз муваққид менамояд-тавбири образнок» ва дар баробари ин, байни онҳо тафовути ҷиддӣ ва ҷашмрас, аз қабилӣ «забони махсус», ба назар мерасад. Ба ақидаи иддаи забоншиносони рус, аз ҷумла, Ф.П. Филин, дар забони осори даҳонии халқ унсурҳои хосаи аз шева баландтар дида шавад ҳам, асоси ин забонро шева ташкил медиҳад, ки ин сифати забони осори шифоҳӣ бар хилофи забони адабӣ мебошад. (26,II; 22, 25) Ш.Рустамов зимни таҳлил, баррасӣ ва бардошти хеш аз афкори мавҷудаи забоншиносон оид ба забони осори шифоҳӣ ба ҳулосае меояд, ки «забони фолклор, забони адабиёти шифоҳӣ шакли махсусест, ки онро на шева номидан мумкин аст на забони адабӣ ва ҳамаи ин шаклҳои забонро ба як қатор ғузоштан низ мумкин нест (таъкиди мо-З.Х.)» (22, 25) Ба идомаи ҳулосаи Ш.Рустамов ҳамин хусусияти забони осори шифоҳиро зикр бояд намуд, ки забони мазкур дар баробари доро будани баъзе вижагии забони адабӣ (аз қабилӣ низоми ҷашмраси сохтори сарфию нахвӣ ва дар ин замина то ҷое ҳамгун будани он ба забони адабӣ) маъмулан ба забони шева қаробати қавие дошта, ҳамрадифи он мебошад.

Ташреҳ, тавсиф ва таърифи забони адабӣ ҷун зуҳуроти волеи амалқарди забон аз ҷониби олимони маъруфи забоншинос арзёбӣ ва бардошти хоса сурат гирифтааст, вале мусаллам аст, ки асос ва ҷавҳари назарияи онҳо бо ҳам қаробат ва ҳамшабҳӣ дорад. Ҷунин ҳамгунӣ аз назари эшон дар ифода ва зуҳури аломатҳои муайяни забони адабӣ ба назар мерасад, ки аз инҳо таркиб ёфтаанд: а) соҳиби хат ва алифбо будан; б) дорои сифати қор қарда шудан; в) устувор ва побарҷо будани норма ва г) аз сатҳи шева баланд қарор доштан. (9, 270-171; 7^a, 75)

Солҳои охир бошад ба масъалаи таърифи забони адабӣ аз назари тоза бархӯрд сурат гирифтааст ва ба ин, пеш аз ҳама, омӯзиш ва баррасии ғуноғунҷанбаи забони адабӣ дар ЛЭЗ (ЛЭС), ки ба қалами М.Н. Ғуҳман тааллуқ дорад, дар заминаи дарбаргирии аломатҳои зерин таҳия гардидааст: забони адабӣ шакли асосии бартариятноки забон нисбат ба шева буда, дорои аломатҳои зерин мебошад: а) сатҳи муайяни қор қарда шудани забон; б) дорои амалқарди нисбӣ; в) мавҷудияти услубҳои ғуноғуни забон; г) тамоғули танзими норма (меъёр). Инҷунин забони адабӣ аз рӯи мақоми маданиято иҷтимоии хеш дар муқобили шева ва ашқоли муҳталифаи забонҳои маҳаллӣ (лаҳҷа ва зерлаҳҷаҳо) ва «забонҳои маҳдуди ғуруҳӣ» (қойнэ ва амсоли онҳо) қарор дорад ва ҷун зуҳури шакли олии мавҷудияти забон амал мекунад. (9,270) Ҷонбдорони ин ақида дар таърифи хеш ҳатмӣ ва аломати асосии забони адабӣ набудани хатро эътироф намекунанд. Ба пиндори онҳо (профессорон А.В. Деснитская, М.М. Ғуҳман ва дигарон), нишона ва аломатҳои забони адабӣ, аз қабилӣ волеияти забони адабӣ аз забони шева ва соҳиб будани сифати қорхӯрдагии забони адабӣ дар осори шифоҳии халқҳои ғуноғун ба назар мерасад, ки қаробати забони адабиро ҷилвағар месозад.

Ба ақидаи онҳо, забони адабӣ танҳо маҳсули давраи соҳибхаттии забон набуда, балки он ҳамвора ба осори шифоҳии халқҳои гуногун ташаккул меёбад, ки забони ин осор аз забони шева болотару волотар мавқеъ дорад. М.М. Гухман ва ҳамрадиҳои он бар он ақидаанд, ки норма ва меъёрҳои он аз аломату нишонаҳои хатмии забони адабӣ набояд мансуб дониста шавад, зеро ин аломати забони адабӣ, ба вижа, дар давраи инкишофу ташаккули забони миллии адабӣ беш аз ҳама аҳамияти хоса пайдо мекунад.(9,270-271)

Гуруҳи дигари олимони забони адабиро чун категорияи таърихӣ арзёбӣ намуда, аломатҳои асосии зухур ва ташаккули онро ба пайдоиши хат ва осори хаттӣ марбут медонанд ва онро «шарти асосии тазоҳури забони адабӣ» қаламдод мекунанд.(26,12) Аз ҷумла, ба ақидаи А.И. Ефимов «ташаккули забони адабӣ бидуни хат тасаввурнопазир аст» ва дар заминаи таърихи забони русӣ собит месозад, ки «ташаккул ва тарҳрезии забони адабии рус, сайқалёбии васоиту шеърҳои забони адабии он маҳз баъди арзи вучуд намудани хат дар Руси қадим воқеъ мегардад». (10,11)

Ҳамин тавр, дар бораи таърифи забони адабӣ, ки дар боло баррасӣ ва таҳлили афкори олимони машҳури забоншиносии рус дар фаҳмиш ва ташаккули ақоиди олимони забоншиносии тоҷик оид ба бархӯрди забони адабӣ таъсири хешро хеле рӯшан ва возеҳ гузоштааст. Аз ҷумла, Ш. Рустамов, ки дар осори илмӣ худ борҳо ба масъалаи аломатҳои забони адабӣ тавғҷӯх зоҳир намудааст, афкори забоншиносон А.В. Исаченко (1) серсоҳагӣ- поливалентӣ; 2) норманокӣ; 3) умумихатмигӣ...; 4) дифференциатсияи услубӣ(13, 149-158) ва М.М. Гухман (мавҷудияти хатро ба ҳайси аломати умда ва асосии ташаккули забони адабӣ напозирӯфтанд)(9,545...)ро ҳадафи танқид қарор дода, нуктаи назари В.В. Виноградов, А.И. Ефимов, Ф.П. Филинро ҷонибдорӣ намуда, дар пайравии эшон таълимоти хешро дар бораи забони адабӣ бо назардошти аломатҳои соҳибхаттӣ, қор қарда шудан, устувории норма ва аз шева баланд будан пешниҳод мекунад.(22,37) Мавсуф ин бардошти хешро аз афкори олимони забоншинос дар ЭСТ ба таври мӯъҷазтаре баён намудааст: «Забони адабӣ шакли мукаммали забони умумихалқист, ки дорои нормаи муайяност. Забони адабӣ категорияи таърихист, ки пайдоиши он ба хат вобаста аст,... дар системаи забони миллии мавқеи асосӣ ишғол мекунад ва ба забони умумихалқӣ табдил меёбад»(23,1177).

Дар забоншиносии ҳамзабонони мо-эронӣ низ масъалаи ташреҳ ва таърифи истилоҳи забони адабӣ ё забони меъёр, инчунин ҳадди фарогири ин гунаи забон мавриди баҳс ва андӯзиши ҷиддӣ қарор гирифтааст. Агар забоншиносии тоҷик ҳини муҳокимаронию хулосаҳои хеш ғолибан таъя ба тадқиқотҳои бунёдии олимони забоншиносии рус қарда бошанд(22,24-49), пас, олимони забоншиносии ҳамзабони мо -эронӣ беш аз ҳама дар заминаи тадқиқоту таълиқоти олимони забоншиносии Ғарб доир ба ин масъала хулосаю кансепсияи хешро тарҳрезӣ қардаанд. Аввалан, ҳаминро бояд зикр намуд, ки муҳаққиқони эронӣ ба манзури истилоҳи забони адабӣ маъмулан забони меъёрро ихтиёр намуда, дар асару тадқиқотҳои эшон ҳамин истилоҳ роиҷ аст. Ба ақидаи Носирқули Сорлӣ забони меъёр мафҳуми сода нест ва қорбурдҳои гуногун дорад. Қорбурдҳои гуногуни ин мафҳум низ сайёле (равон-З.Х.) ва муаллақ будани он сабаб шудааст, таърифи гуногун аз он ироа гардад(33-37). Ба назари Парвиз Нотили Хонларӣ забони меъёр «Яке аз лаҳҷаҳои маъмул дар як сарзамин аст, ки ба ҳукми зарурат ва ба унвон василаи иртибот миёни ақвоме, ки бо ҳам вачҳи ишпинокӣ доранд, таъмин меёбад ва дар умуре, ки муштарақ миёни ҳамаи он ақвом аст, ба қор меравад»(31,74). «Фарҳанги истилоҳоти забоншиносии» сифатҳои зерини забони меъёрро, ба вижа, қайд намудааст: «Забони меъёр гунае аз забон аст, ки ба василаи ҷомиа пазируфта шуда ва бар пояи забони дарсии хонандагон устувор бошад ва дар маркази сиёсӣ ва фарҳангӣ ба қор равад. Чунин гунае ба унвони забони кӯмакӣ ва расмӣ ва навишторӣ байни суҳангӯни лаҳҷаҳои дигар низ ривож дорад, ҳамон гунае аст, ки ба унвони забони хоричӣ ба мардуми кишварҳои дигар омехта мешавад»(13,5).

Яҳёи Мударрисӣ, «забони меъёрро гунае мӯъғабар аз як забон медонад, ки бештар ба василаи гӯяндагон таҳсилқардае, ки дар мароқизи фарҳангӣ ва сиёсии як кишвар зиндагӣ мекунад, ба қор гирифта мешавад»(32,60).

Алӣ Ашрафи Содик бошад, забони меъёрро «Забоне медонад, ки дар варои лаҳҷаҳои маҳаллӣ ва иҷтимоӣ роиҷ дар як кишвар қарор дорад ва василаи иртиботи иҷтимоӣ ва илмӣ ва адабӣ ва ... қасоне аст, ки мумкин аст дар шароити дигар ба лаҳҷаҳои маҳаллӣ ё иҷтимоии хоси худ тақаллум кунанд. Ин забон маъмулан ҳамон забони форсии хонандагон аст ва ғолибан бо забони навиштор яке аст. Ҳамин забон аст, ки дар родию ва рӯзномаҳо ба қор меравад ва дар омӯзиши забон ва хоричӣён мавриди истифода қарор мегирад. Забони меъёр забони тасбитшуда ва дорои усул ва ҳуҷорҳо (роҳҳое) аст, ки дар риояти онҳо барои мутақаллими он итзоми аст(34,61).

Баррасӣ ва таҳлили афкори олимони забоншинос моро ба бардошти хулосаҳои зер хидоят намуд:

1. Забони адабӣ шакли олии қорқардашудаи забон ба шумор меравад;

2. Забони адабӣ чун зухуроти иҷтимоӣ таърихӣ дорои аломату сифатҳо буда, меъёру нормаҳои ягона дорад;

3. Забони адабӣ, дар баробари дар соҳаҳои гуногун мавриди истифода қарор гирифтагана, системаи мукаммали услубиро доро мебошад;

4. Забони адабӣ ба воситаи меъёрҳои эътирофшудаи имлоӣ, талаффузӣ, фонетикӣ, луғавӣ ва грамматикӣ дар даври замони муайян танзим карда мешавад.

Умуман дар зери мафҳуми меъёрҳо ва қоидаҳои забони адабӣ ё забони адабии меъёрӣ, пеш аз ҳама: 1) меъёрҳои талаффуз (орфоэпӣ); 2) меъёрҳои имло (орфографӣ); 3) меъёрҳои сарфию нахвӣ (грамматикӣ); 4) меъёрҳои услубӣ дар назар аст ва аксари муҳаққиқони ба ин таснифоти меъёрҳои забони адабӣ қоиланд. Ҳамин тавр, забони адабӣ дорои меъёрҳои гуногун (орфографӣ, орфоэпӣ, фонетикӣ, лексикӣ, грамматикӣ) буда, онҳо дар тӯли солҳо қарнҳо ташаккул ёфта, қорхӯрда гардида, суфта шуда, ашқоли имрӯзаро ба худ гирифта, дар маҷмӯъ асоси қавоид ва қавонини аз тарафи соҳибони забон эътирофшударо ташкил медиҳанд ва онҳо ба сифати қоида, қонун, дастур, грамматикаю сабки талаффуз пазируфта ва манзури соҳибони забон гардонидани мешаванд. Ва ин меъёрҳо дар сурати тасбит шудану ба ҳукми қонун даромадан барои соҳибони забон мавриди қабул ва иҷро қарор мегиранд.

Баррасӣ ва таҳлили афкори мавҷуда нисбати забони адабӣ, меъёрҳои он ва робитаи ногустастанӣ ва барҳақи имло ба арзи вучуд қардани хат ва дар заминаи он ташаккул ёфтани забони адабӣ, ки дар боло сурат гирифт, моро водор намуд, ки ақоиди гуруҳи ҷонибдорони робитаи мустаким доштани забони адабӣ ва имлоро тарафдорӣ намоем. Ҳамин тавр, имло ва меъёрҳои он ба эҷоди хат ва ташаккули забони адабӣ вобастагӣ дошта, ба хусус, тағйир пазируфтани хат ба таъвиқи имло мусоидат мекунад. Ва мо ин падидаи забониро дар таърихи имлои забони тоҷикӣ адабӣ возеҳ ва сарех мушоҳида намудем ва он гувоҳи он аст, ки имло ба эҷоди хат, ташаккули таҳаввули забони адабӣ алоқаи ҷонӣ дорад.

Бояд қайд намуд, ки дар забоншиносии тоҷик дар мавриди вобаста ба тағйир, табиқ ва эҷоди хат дар садаи XX, ба хусус, баъди пирӯзии Инқилоби Октябр борҳо мӯҷиби тағйир ва тақмили имлои забони тоҷикӣ гардидани он то ба ҳол тадқиқоти мушаххас, амиқ ва ҳамаҷониба роҳандозӣ намудааст. Вале ин маъноӣ онро надорад, ки забоншиносии тоҷик ба ин масъала тавачҷӯхе зоҳир нақарда бошанд. Қобили тазаккур аст, ки дар баъзе асарҳои илмӣ забоншиносон бавосита ва дар иддае мақолоти аҳли қалам бевосита масъалаи имло аз назари аҳамияти амалии он мавриди муҳокима ва баррасӣ қарор гирифтааст. Бо ибораи дигар, асару мақолаҳои забоншиносон, ки дар мавриди имлои забони тоҷикӣ афкори хешро тайёр кардаанд, ба ду гуруҳ тасниф намудан зарур аст. Ба гуруҳи аввал асарҳои мансуб ҳастанд, ки ба таҳлил ва баррасии масъалаҳои ташаккул ва тақомули забони тоҷикӣ адабӣ дар давраҳои муайяни амалқарди он бахшида шуда, зимни он ба масъалаи имло низ тавачҷӯх зоҳир намудаанд. Дар ин ҷо зикри асарҳои олимони тоҷик М. Файзов, Т. Хаскашев, Ш. Рустамов, Т. Ваҳҳобов, С. Ҳалимов, Калонгаров Я.И., С. Назарзода ва ғайраҳо хеле бамаврид аст. (25; 28; 22;6; 7; 30; 12; 20)

Бояд қайд намуд, ки дар байни иддае аз олимони афкори ғалат ва ғайриилмӣ роиҷ буд, ки гуё дар замони амалқарди алифбои форсии тоҷикӣ арабиасос, ки дорои таърихи беш аз ҳазорсола мебошад, имло ва ё орфографияи аниқу дақиқ ташаккул наёфта буд. Аз ҷумла, ба ақидаи академики забоншинос Б. Ниёзмӯҳаммадов «забони адабии тоинқилобӣ (инқилоби шӯравӣ-3.Х.) дорои орфографияи мушқили кӯҳна буда, дар он аломатҳои китобат ба кулӣ дида намешуд. Аз ҷумла, дар осори ҷопии мансуби алифбои кӯҳнаи арабиасос ва ба вижа, дар дастнависҳо ҳеҷ гуна аломатҳои китобат мавриди истифода қарор надошт ва албатта, дар вақти хондан боиси мушқилоли саҳт мегардид»(21,5). Ба ақидаи забоншинос С.Ҳалимов, ки дар тадқиқи афкори забоншиносии устод С.Айни хидмати шоён қардааст, дар робита ба алифбои нави лотиниасоси тоҷик гузаштан дар мавриди имлои забони тоҷикӣ изҳори ақида мекунад, ки «дар алифбои арабӣ то ба охир масъалаи орфографияи забони тоҷикӣ ҳалли хешро дарнаёфтааст, зеро вижагиҳои савтии забони гуфтугӯии зинда дар он таҷассум нагардидаанд»(27,21). Забоншинос С.Д. Арзуманов, ки дар атрофи масъалаи таърихи ташаккули имлои забони тоҷикӣ тавачҷӯхи хоса намуда, чанд мақола низ ба таъбиқ расонидааст, низ тазаккур медиҳад, ки «масъалаи имло ё орфография дар давраи истифодаи алифбои арабиасос аҳамияти бавижа, надошт ва он танҳо дар давраи қабули алифбои лотинӣ мақоми хоса пайдо кард»(1,238). Айни ҳамин ақидаро забоншинос Б. Осимова пуштибонӣ мекунад. Ба ақидаи ӯ, забони тоҷикӣ дар баробари забони кӯҳна буданаш, дар гузашта аз фазилатҳои имлои воҳид бенасиб будааст(2,12). Ҳамин ҳулосаро яке аз мутахассисони варзидаи бахши имлошиносии забонҳои туркӣ профессор К.М. Мессев зимни баррасӣ ва таҳлили тамоюлоти ташаккул ва рушди имлои забонҳои туркӣ собиқ ИҶШС баъди инқилоби Октябр гӯшзад ва махсус қайд мекунад, ки «дар давраи мавҷудияти хатти арабӣ

барои забонҳои туркӣ қоидаҳои тасбитшудаю ҳатмии имло ва аломатҳои китобат вучуд надошт»(19,8).

Баррасии афкори ғавқ, ки ба таври иҷмолӣ сураат гирифт, моро хидоят бар он намуд, ки хулосаҳои муқаддимоти хешро дар бораи имлои дорои таърихи беш аз ҳазорсоламон, ки дар ин муддати мадид тавассути алифбои арабиасоси форсии тоҷикӣ ташаккул ва ё тақомул ёфтааст, баён намоем ва таҳлилу ташреҳи амиқу чуқури онро вазифаҳои тадқиқоти минбаъда маҳсуб донем:

1) Афкори дар мадди аввал «ҷолиб», вале дар асл фиребои дар тӯли мавҷудияти беш аз ҳазорсолаи истифодаи алифбои арабиасоси форсии тоҷикӣ (забонҳои туркзабон, ки гузашта низ дорои алифбои арабиасос буданд), дар забони тоҷикӣ (форсӣ) имлои муназзам ва тасбитшуда вучуд надошт ба ҳақиқати воқеӣ ҷавобгӯ набуда, тасҳеҳ ва тақмили ҷиддиро тақозо менамояд;

2) Инкори кӯр-кӯронаи мавҷудияти имло ва орфографияи алифбои арабиасоси форсии тоҷикӣ, ки таърихи беш аз ҳазорсола дорад, аз ҷониби муҳаққикони дохилию берунӣ;

3) Амалкарди алифбои арабиасоси форсии тоҷикӣ дар тӯли беш аз ҳазор сол хидоят бар он мекунад, ки мо ба хулосаи аниқ ва дақиқи мавҷудияти имлои забони форсии тоҷикӣ оем, зеро: а) забони тоҷикӣ (форсӣ) адабӣ таърихи беш аз ҳазор сол дорад ва дар ин муддати тӯлонӣ имлои хоси ин хат ба вучуд омада буд; б) агар имлои хоси забонамон дар замони амалкарди алифбои арабиасос, ки умри беш аз ҳазорсола дорад, ташаккул намеёфт, вай наметавонист, дар ин муддати тӯлонӣ пурбаракат чун забони соҳибхатти муқаддир пазируфта шавад;

4) Сабаби умдаи ҳадафи танқиди шадид қарор гирифтани имлои алифбои арабиасоси форсии тоҷикӣ дар солҳои 20 ва баъдан 30-юм, пеш аз ҳама, таҳлил ва таъвиҷи алифбои арабиасоси беш аз ҳазорсолаи мо ба шумор меравад, зеро: а) тарафдорон ва ҷонибдорони алифбои лотиниасос барои нишон додани бартарияти «комил» ва «қотъ»-и ин алифбо тамоми айбу навоқисӣ будаю набударо ба души алифбои арабиасос таҳвил ва бор мекарданд, ки яке аз онҳо пиндори эшон дар бораи набудани имло ба шумор мерафт; б) алифбои арабиасоси форсии тоҷикӣ, ки дар тӯли мавҷудият ва амалкарди худ ба як хатти муназзам, мурағаб ва дорои қоидаю қонунҳои тасбитёфта гардидаю ин сифатҳои шоистаро дар муддати беш аз ҳазор сол тақмил ва тасбит намудааст, дар муқобили алифбои ба истилоҳ «инқилобии пролетарӣ» қарор дошт ва ҷонибдорони алифбои лотинӣ барои собит намудани бартарияти алифбои хеш тамоми сифатҳои ҳасанаи алифбои арабиасосро ҳадафи танқиди мақсадноки худ қарор доданд; в) муҳимтар аз матлаби дар боло оварда, солҳои 20-уми асри гузашта ва баъдан солҳои 30-юм сиёсати забонии давлати шӯравӣ, аз ҷумла, ҷумҳурии дар аввал мухтор (с.1924) ва пас аз он мустақили Тоҷикистон (с.1929) дар заминаи ҷонибдори ҷонии алифбои лотиниасос ва пасон тарафдори ашаддии алифбои нави кириллиасоси тоҷик тарҳрезӣ гардида, бо истифода аз тамоми имконоти сиёсӣ кудратӣ барои сиёҳ намудани таърихи пурифтихори тоинқилобии шӯравӣ, аз ҷумла, адабиёти бемисли гузаштагони мо, ки бо алифбои арабиасоси форсии тоҷикӣ китобат шуда, ба шарофати он то замони мо расидааст ва бешак, дар ин айёми тӯлонӣ имлои он муназзам ва мурағаб гардидааст, кӯшиш ва амали мучаллид созмон дода шуда буд.

2) Ба ғуруҳи дуввум ва ё сонӣ асарҳои мансуб мебошанд, ки ба масъалаҳои умумии имло ва ё орфография, баҳси нуқоти таҳрирӣ ва ё тақмилталаби имлои забони тоҷикӣ дар даврҳои гуногун, ба вижа, ҳини таҳлили назар кардани қоидаҳои имло бахшида шудаанд ва характери беш аз ҳама амалиро молик мебошанд. Ин ҷо зикри мақолаю нигоришҳои олимони забоншиносмон Я. Калонтаров, С. Арзуманов, Д. Тоҷиев, Р. Ғаффаров, А. Мирзоев, О. Сухарева, В.А. Лившиц ва дигаронро(14; 15; 16; 17; 18; 29; 3; 4; 1; 5;) зикр кардан бамаврид аст ва дар ин мақола танҳо ба зикри номи онҳо ва мақолаҳои эшон иктифо намуда, баррасӣ ва таҳлили амиқи онҳоро мақсади баъдӣ маҳсуб медонем.

Ҳамин тавр, таърихи ташаккул ва шакли имрӯзаи имлои забони тоҷикӣ сарчашмаҳои бисёр қадима дошта, таҳлил ва баррасӣ кардани онҳо зина ба зина, давр ба давр ва дар робита ба сиёсати забони ҳукмрон ба масоили баҳсноки он ҷавоби сахт ва қотъ пешниҳод намудан имконпазир мегардад.

АДАБИЁТ

1. Арзуманов С.Д. Некоторые вопросы таджикской орфографии// Ученые записки ТГУ им. Ленина, Т2, серия гуманитарных наук. Сталинабад, 1954.
2. Асимова Б. Проблемы языкового строительства в Таджикистане (социолингвистические проблемы графики и орфографии 20-40гг.)- АҚД, Душанбе, 1978.
3. Бечка Иржи. Қойде чанд дар хусуси имлои тоҷикӣ// Маориф ва маданият, 22.06.1968.
4. Бечка Иржи. Боз як бор ба имлои тоҷикӣ// Маориф ва маданият, 17.05.1969.
5. Бухоризода А. Барои ягонагии имло ва терминологияи тоҷикӣ// Мактаби советӣ, 1952, №4 ва ғайраҳо.

6. Ваххобов Т. Чанбаҳои сотсиоллингвистии рӯдди забони тоҷикӣ адабӣ (солҳои 20-30 асри XX). Китоби 1. Бахс дар атрофи забони тоҷикӣ адабӣ дар солҳои 20-30.-Хучанд: Нури маърифат, 2005.
7. Ваххобов Т. Китоби 2. Масоили ислоҳоти алифбо дар солҳои 20-30 дар Тоҷикистон. Хучанд: Нури маърифат, 2006.
8. Виноградов В.В. Проблемы литературных языков и закономерностей их образования и развития.-М., 1967.
9. Гухман М.М. Литературный язык// Общее языкознание, М., 1970.
10. Гухман М.М. Литературный язык// ЛЭС.-М.: СЭ, 1990,с.270-271;
11. Ефимов А.И. История русского литературного языка. Курс лекций.-М.: Из-во Московского университета, 1954.
12. Исаченко А.В. К вопросу о периодизации истории русского языка// Вопросы теории и истории языка (сборник в честь проф. Б.А. Ларина).-Л., 1963.
13. Имлои исмҳои тоҷикӣ(тарт.Калонтаров Я.И. ва диг.)-Душанбе: Ирфон, 1976.
14. Исмоилов А. Становление языковой нормы в современном литературном языке. АКД.- М., 1973.
15. Калонтаров Я.И. Упорядочить орфографию и терминологию таджикского языка// Коммунист Таджикистана, 7.02.1952; Лившиц В.А. Оид ба баъзе масъалаҳои имлои тоҷик// Тоҷикистони советӣ, 23.02.1957.
16. Калонтаров Я.И. Чанд сухан аз таърихи имлои забони адабии тоҷик// Мактаби советӣ, №10, 1973.
17. Лившиц В.А. Оид ба баъзе масъалаҳои имлои тоҷик// Тоҷикистони советӣ, 23.02.1957.
18. Мирзоев Абдусаттор. Тахрири нави имлои забони тоҷикӣ. Забон ва хусни баён// Садои шарк, 1973,№10,с.105-112.
19. Мирзоев А. Масъалаҳои имло ва хусни сухан// Маданияти сухан(Матоллиби конференсияи маданияти сухан аз 24-25 ноябри соли 1988).-Душанбе: Маориф, 1990.
20. Мусаев К.И. Вопросы разработки и дальнейшего совершенствования орфографий торжских литературных языков Советского Союза// Орфографии торжских литературных языков СССР.-М: Наука, 1973.
21. Назарзода С. Ташаккули истилоҳоти иҷтимоӣ-сиёсӣ забони тоҷикӣ дар садаи XX- Душанбе: Дониш, 2004.
22. Ниязмухаммедов. О развитии современного таджикского литературного языка. (Для ВДНХ СССР).- Душанбе, 1967.
23. Рустамов Ш. Забон ва замон.- Душанбе: Ирфон, 1981.
24. Рустамов Ш. Забони адабӣ// ЭСТ, ҷ.2,- Душанбе; СИЭСТ, 1980.
25. Тоҳиев Д.Т., Фафуров Р.Ф. Норми забон ва риояи он// Тоҳиев Д.Т. Осори мунтахаб. Душанбе, 2005.
26. Файзов М. Таджикское литературное произношение (экспериментальное исследование).-Душанбе: Дониш, 1985.
27. Филин Ф.П. Освойствах и границах литературного языка// ВЯ, 1975, №6.
28. Халимов С. С.Айни как языковед. АКД, Душанбе, 1964.
29. Хаскашев Т.Н. Становление и развитие нормы таджикского литературного произношения.-Душанбе: Ирфон, 2001.
30. Ҳалимов С. Қайдҳои С.Айни оид ба орфографияи забони тоҷикӣ// Маориф ва маданият, 23.05.1968.
31. Ҳалимов С., С.Айни ва баъзе масъалаҳои инкишофи забони адабии тоҷик.-Душанбе: Ирфон, с.1974.

ИЗ ИСТОРИИ ФОРМИРОВАНИЯ ОРФОГРАФИИ ТАДЖИКСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА В XX В.

В данной статье исследуется история формирования орфографии таджикского литературного языка в XX в. так, как именно 20-30-е годы прошлого столетия было периодом возникновения и формирования орфографии таджикского языка и оно связано с реформой таджикской письменности (с начала создания латинизированного таджикского алфавита, а потом на основе русской графики).

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: орфография, графика, литературный язык, алфавит.

FROM THE HISTORY OF FORMATION OF ORTHOGRAPHY IN TAJIK LITERARY LANGUAGE OF THE XX CENTURY

The history of formation of orthography in Tajik literary language of the XX century is investigated in this article, as the 20th-30th years of the last century was the period of the formation of orthography of Tajik language and it is connected with the reform of Tajik writing (from the beginning of the creation of Latin Tajik alphabet and then on the basis of Russian alphabet).

KEY WORDS: spelling, graphic, literary language, alphabet.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: З.А. Хомидова - соискатель Худжандского государственного университета им. Б. Гафурова

ВАЛЕНТНОКИИ АГЕНСИИ ФЕЪЛҲОИ ЭҲСОСИ БИНОӢ ДАР ЗАБОНҲОИ ТОҶИКӢ ВА УЗБЕКӢ

С. Иноятов

Донишгоҳи давлатии Хучанд ба номи Б.Гафуров

Валентнокии агенсии феълҳои эҳсоси бинои бо он характернок аст, ки ҳаракати бинои бо феъл ифодаёфта аз ҷониби субъект, ки дар ҷумла ба вазифаи мубтадо меояд, иҷро мешавад. Инчунин,

калимаи, ки дар ҷумла ба вазифаи мубтадо меояд, манбаи ҳаракати (субъекти)-ро нишон медиҳад ва актанги агенс ба шумор меравад.

Валентнокии агенсии феълҳои эҳсоси биноиро дар асоси маводи ашъвии забонҳои тоҷикӣ ва ўзбекӣ ба таври муқоисавӣ омӯхтан мумкин аст. Масалан;

1. Мулло Неъмат чашм кушода боло нигоҳ кард (Р. Ҳодизода)
2. Шероз машина зинадан тушиб келаётгак барваста йишти кўрди (Ў. Ҳошимов). (Шероз чавонмарди аз зинаи мошин фурумдамодаистодаро дид). Дар ин ҷумла вазифаи актанги агенсии феълҳои эҳсоси биноӣ (нигоҳ кард, кўрди-дид)-ро калимаҳои Мулло Неъмат, Шероз, ки дар мавқеи мубтадо омаданд, иҷро менамоянд.

Дар забонҳои тоҷикӣ ва ўзбекӣ актанги (агенси) валентнокии агенсии феълҳои эҳсоси биноӣ бештар бо илм, ҷонишин, калимаҳои субкантивӣ ифода меёбад.

1. Антропонимҳо ва баъзе илмҳои ҷинс, ки инсонро ҳайвонҳоро ифода менамоянд, ба ҷои агенс меоянд. Масалан;

1. Дониш шоирро ҳеч гоҳ ба ин ҳол надида буд (Р. Ҳодизода)
2. Кумушбӣбӣ ялт этиб бувисига қараб қўйди (А. Қодирий). (Кумушбӣбӣ якбора ба бибмаш ногоҳ карда монд)
3. Бой ба шохидонаш нигоҳ карда, онҳоро ба нишастан нишона кард (С. Айни)
4. Одамлар буйинларини ҷўзишиб, ўринларидан ятим турб шийпок томон қарашди (С. Нафаров). (Одамон гарданашонро дароз карда, аз ҷойашон нимҳез шуда, ба тарафи шинанг нигаристанд)

Дар ҷумлаи якум ва дуҷум исмҳои хос (Дониш ва Кумушбӣбӣ) ҳамчун иҷрокунандаи ҳаракат бо феълҳои надида буд, қараб қўйди – нигоҳ карда монд;

дар ҷумлаҳои сеюм ва чорум бошад, исмҳои ҷинс (бой, одамлар – одамон) чун иҷрокунандаи ҳаракат бо феълҳои нигоҳ кард, қарашди- нигаристанд валентнокии агенсии феълҳои эҳсоси биноиро ба вучуд меоварад.

2. Ҷонишинҳо ба вазифаи актанги агенс истифода мешавад. Дар забонҳои тоҷикӣ ва ўзбекӣ бештар ҷонишинҳои шахсӣ, кафсӣ, - таъкидӣ чун агенси феълҳои ҷумла корбаст мегарданд.

Ҷонишинҳои шахсии шахсҳои 1.2.3. шумораҳои танҳо ва ҷамъ (мен-ман, сен-ту, у-ў, вай, биз-мо, сиз-шумо, улар-онҳо, вайҳо) бо феълҳои ифодакунандаи эҳсоси биноӣ алоқаманд шуда, валентнокии агенсиро ифода мекунанд.

Масалан: 1. Ман дар умри худ ду бор лаби Раҳими қандро ба табассум моил дида бадам (С. Айни) 2. Ў як ба Дониш ва як ба Абдуқодирбек нигоҳ кард (Р. Ҳодизода). Дар ҷумлаи аввал, ҷонишини шахсии шахси якуми танҳо (ман), дар ҷумлаи дуҷум, ҷонишини шахсӣ-ишоратиш шахси сеюми танҳо (ў) ба сифати агенс бо феъли таркибии ҷумла (дида будам, нигоҳ кард) валентнокии агенсиро воқеъ кардааст.

Аз мушоҳидаҳо маълум мегардад, ки дар таркиби ин гунна ҷумлаҳо феълҳои ифодакунандаи эҳсоси биноӣ аз ҷиҳати тарзи ифодаёбиашон низ хусусиятҳои морфологии худро доранд. Онҳо метавонанд бо феъли мустақил ва ё баъзан бо феъли ёридиҳанда ифода шаванд. Масалан;

1. Вай мехост хаяҷону воҳимаеро, ки кас аз рафтани духтур занак ўро фишурда, қин карда буд, ба худ баргардонда, бинад (Ҷ. Иқромӣ)
2. У илтиҷо назари билан Қосимтанга қаради (С. Аҳмад). (Ў бо илтиҷо ба Қосимҷон нигарист). Дар ин мисолҳо ҳаракати биноӣ шахси сеюм танҳо (вай, ў) бо феълҳои мустақили тасрифшудаи бинад, қаради-нигарист ифода гардидааст

Дар забонҳои тоҷикӣ ва ўзбекӣ дар феълҳои таркибӣ баъзан феълҳои хоси ифодакунандаи эҳсоси биноӣ, аз ҷумла, феъли кўрмоқ-дидан ҳамчун феъли ёридиҳанда меояд: синаб кўрмоқ-санҷида дадан, олиб кўрмоқ-ғирифта дидан ва ғайра.

Муҳимтар аз ин, мавридҳои мешаванд, ки калимаи дидан ўзбекӣ кўрмоқ дар сохтори феълҳои таркибӣ омада, ҳаракати биноӣ агенсро нишон медиҳад:

Ўқиб кўрмоқ-хонда дидан, бериб кўрмоқ рафта дидан ва монанди инҳо. Масалан: Мо мактурбро хонда дидем (Р. Ҳодизода)

Чунин сохтори ҷумла ва тарзи баён ба забони ўзбекӣ низ хос аст. (Биз мактубни ўқиб кўрдин).

Дар ин ҷумла шакли калимаҳои хондан ва дидан ба воситаи тасвири сифати феълии-а ва шакли тасрифи феълии – ем омада, феъли таркибии «хонда дидем» -ро ташкил намудааст. Феъли мазкурро ба ҷузъи асосӣ, яъне феъли асосӣ (хонда) ва феъли ёридиҳанда (дидем) ҷудо намудан мумкин аст. Муҳимтар дар он аст, ки дар феъли таркибии овардашуда маънои асосӣ (хондани матн) маънои ҷузъи якум хонда бошад ҳам, ҳаракати мазкур ба амали биноӣ руҳ намениҳад, дар ин ҳолат калимаи дидан маънои аслии худро (нишон додани амали биноиро) то ҷое ба сифати таълим маъноӣ нигоҳ медорад. Гуфтан ҷоиз аст, ки дар таркиби ҷумлаҳои агенсдор калимаҳои ифодакунандаи эҳсоси биноӣ бештар чун ҷузъи асосии феъли таркибӣ омада, маъноӣ луғавӣ худро нигоҳ медоранд ва амали биноӣ

субъектиро ифода менамоянд. Масалан: Улар қайси томон тик Этса, ўша томонга қараб қўярдилар (С. Айни). (Онҳо қадом тараф тақ қунад, ба ҳамон тараф нигоҳ қарда, мемонданд)

Бояд таъкид сохт, ки дар чумлаи мазкур нигоҳ қарда, чуъзи асосӣ буда ҳаракати субъект (улар – онҳо)-ро ифода қардаст.

Ш. Калимаҳои субстантивӣ ба ҷои актантӣ агенсӣ истифода мешавад.

Масалан: 1. Ҳозирон вонамуд қарданд, ки на содаи ўро шуниданду на худашро дидаанд (М.Миршакар). 2. Атрофда ўтирганлар бир дамдан сўнг: бу ўйин эмас, илончиндан ҳам Юсуф Асвадни бўғағанини пайраб қомилди (Мирмуҳайн). (Дар атроф нишастагон баъди як дам дарк намудаанд, ки ин бозӣ нест, мор, воқеан Юсуф Асвадро бўғӣ менамояд). Дар чумлаҳои овардашуда иҷроқунандаи ҳаракати биной бо калимаҳои субстантивӣ (ҳозирон, атрофда ўтиргаклар-дар атроф нишастагон) сурат гирифта. Эҳсоси биноии субъектҳо бо калима ва ибораҳои дидаанд, пайраб қалиди-дарк намудаанд шакл гирифтааст.

Дар забонҳои тоҷикӣ ва ўзбекӣ дар таркиби баъзе чумлаҳо, ки дорои феълҳои эҳсоси биной мебошанд, иҷроқунандаи амал-субъект шаклан ифода намоебад. Мухимаш, дар ин гунна ҳолат ҳам феълҳои ифодақунандаи эҳсоси биной бо субъекте, ки шаклан ифода нашудааст, мантиқан вобастагӣ дошта, валентнокии агенсиро ба вучуд меоварад. Масалан: 1. Баъд аз он қўшиш қардам, ки ўро аз наздиктар бином ва овози ўро шунавам (С.Айни). 2. Хосиятгаер остидан қўз қиримки ташладим (Н.Сафаров). (Ба Хосият аз зер чашм андохтам). Дар ин мисолҳо субъект-агенсӣ иҷроқунандаи амал шаклан ифода нақардидааст, ба ифодашавии вай ҳоҷат ҳам нест. Зеро, дар чумлаҳои мазкур иҷроқунандаи амал ба воситаи бандакҳои феълӣ маълум мешавад. Чунончи, дар чумлаи яқум қалимаи бином, дар чумлаи дуҷом иборай қўз қиримни ташладим- чашм андохтам фазиваи хабарӣ феълро адо намуда, бандакҳои феълӣ онҳо (-ам,-им,-ам) ҳаракатеро, ки аз ҷониби гўянда (агенсӣ шахси I) иҷро мешавад, ёдовар менамоянд. Инчунин, бандакӣ мазкур (-ам) дар таркиби қалимаи шунавам низ мавҷуд буда, иҷроқунандаи ҳаракатро ба таври имплицит ифода меқунанд. Мухимаш, қалимаи бином ва иборай қўз қиримки ташладим-чашм андохтам барои муайяншавии ҳаракати феъл аз ҷиҳати семантикӣ восилаи муҳим ба шумор меравад.

Маълум мешавад, ки феълҳои ифодақунандаи эҳсоси биной дар забонҳои тоҷикӣ ва ўзбекӣ серистеъмол буда, онҳо аз рӯи хусусиятҳои морфологию синтактики худ дар чумла мавқеи хоса доранд. Онҳо баъзан дар чумла бо сифатҳои алоқаманд шуда меоянду маънои аслии худ (дидан)-ро гум меқунанд ва маънои маҷозиро ба худ гиранд. Масалан: 1. Бобат додаи туро аз писарҳои дигарашон нағзтар меиданд (С.Улуғзода). Мардон ялинган одамки ёмоқ қўради (Мирмуҳсин) (мардҳо одами таввалло меқардагиро бад мебинад)

Дар мисолҳои болоӣ низ исмҳои ифодақунандаи номи шахс: бобо, мардон бо феълҳои таркибии нағзтар меиданд, ёмон қўради-бад мебинад аз ҷиҳатҳои семантикӣ синтаксисӣ алоқаманд шудаанд. Баъд нақард, ки дар ин чумлаҳо шакли тасрифшудаи қалимаҳои пурмоқ –дидан- меиданд, қўради- мебинад бо сифатҳои аслии худ нағз ва ёмон-бад яқоя феълҳои таркибиро пайдо намудааст, ки онҳо дар ин маврид маънои эҳсоси биноиро ифода намеқунанд, балки ба чумла маънои маҷозӣ мебахшанд.

Аз мушоҳидаҳо маълум мегардад, ки ба вучуд омадани валентнокии агентии феълҳои эҳсоси биной вобаста шавии семантикӣ синтактики лексемаҳо, ки ба вазифаҳои мубтадою хабар меоянд, аҳамияти муҳим дорад.

Валентнокии агентии феълҳои эҳсоси биной иҷроқунандаи фаъоли ҳаракатеро талаб менамояд. Барои ҳамин, дар таркиби ин гуна чумлаҳо ба вазифаи мубтадо асосан қалимаҳои меоянд, ки дар маънои васеъ мавҷудоти зиндаб қобилияти доштаро нишон медиҳад.

АДАБИЁТ

1. Фарҳанги забони тоҷикӣ. Томҳои I, II. Москва, 1969.
2. Фарҳанги ибораҳои рехтаи забони ҳозираи тоҷик. Ҷилди I, II. Душанбе 1963, 1964.
3. Растироғева В.С., Керимова А.А. система таҷикӣ-қосқогола. Москва, 1964.
4. Ўзбек тилиниг изохли луғати. Томҳои I, II. Москва, 1981.
5. Раҳматуллоев Ш. Ўзбек тилиниг фразеологӣ луғати. Тошкент, 1992.
6. Мусаев Т.Т. Глаголи ошущения в узбекском языке. АҚД.- Тошкент, 1992.
7. Мусурманова Г.С. Глаголы ошущения в русском и киргизском языках. Хучанд, 2005.

АГЕНСИВНАЯ ВАЛЕНТНОСТЬ ГЛАГОЛОВ ЗРИТЕЛЬНОГО ЧУВСТВА В ТАДЖИКСКОМ И УЗБЕКСКОМ ЯЗЫКАХ

В статье автором изучена агентивная валентность глаголов зрительного чувства в таджикском и английском языках. Также приведены примеры к данным глаголам.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: глаголы, агенсивная валентность, глаголы в таджикском и узбекском языках, глаголы зрительного чувства.

AGENSIVICAL VALENCES OF VERBS OF VISUAL FEELING IN THE TAJIK AND UZBEK LANGUAGES

In article by the author it is studied agensivical valences of verbs of visual feeling in the Tajik and English languages. Also examples are led to the given verbs.

KEY WORDS: verbs, agensivical valences, verbs in the Tajik and Uzbek languages, verbs of visual feeling.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: *С.Иноятов* – соискатель Худжандского государственного университета им. Б. Гафурова

ХИМИЧЕСКАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ КАК ПРЕДМЕТ И СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ НАУЧНОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ УЧАЩИХСЯ В ОБУЧЕНИИ ХИМИИ

Р. Киматов

Кулябский государственный университет имени Абуабдулло Рудаки

Для выражения научных знаний используются естественные и искусственные языки науки. К ним относится и химический язык, содержащий в своем составе химическую терминологию, номенклатуру и символику. В отличие от языка химической науки, школьный химический язык более простой, приспособлен к целям обучения. Без химического языка невозможно изучение основ химии. Он широко и активно используется на всех этапах обучения предмету и является важным показателем знаний учащихся. С помощью химического языка передаются и усваиваются химические понятия, осваиваются разные способы познавательной деятельности, необходимые для осуществления учения [1].

Язык входит в науку, прежде всего как терминология. Есть слова-термины и слова нетермины. Термин [лат. *Terminus* предел, граница] - слово или сочетание слов, точно обозначающее определенное понятие, применяемое в науке, технике, искусстве [2].

Термин имеет узкую, специфическую сферу применения в определенной области науки или профессии. Общеупотребительные слова, не содержащие элементов профессиональных знаний, не являются научными терминами. Например, слово "вода" нельзя назвать химическим термином, так как человек любой профессии вкладывает в это слово одинаковый смысл. Термин содержит в себе самые существенные признаки данного вещества, предмета или явления. Несущественные признаки (например, для вещества - цвет, применение) находятся за пределами термина. В отличие от других слов, термин более всего связан с понятием [3,4].

Происхождением слова и описанием его отношений с другими словами того же языка или других языков занимается наука этимология [гр. < *etymologia* < *etymon* истина; основное значение слова + *logos* понятие, учение]. Иными словами, этимология - это раздел языкознания, исследующий происхождение слов разных языков [5, с.594].

Большинство химических терминов образовано из греческих и латинских слов. Материалистические представления о мироздании получили наиболее полное выражение в учениях античных философов Греции. Их учения явились плодом наблюдения, обдумывания разных явлений и желания дать общее объяснение многообразию вещей. Естественнонаучный материализм древних греков послужил основой для возникновения научных теорий и учений. Это отразилось и на химическом языке. Как известно, латинский язык в средние века и вплоть до XVIII в. был международным языком науки. Объяснение на уроке смысла греческих, латинских и других иностранных корней, входящих в химические термины и названия, не займет много времени, но будет способствовать более глубокому усвоению основ химии. Слова без объяснения их происхождения запоминаются учащимися труднее, часто на основе лишь механической памяти [6,8]. Бывают случаи, когда, запомнив термин без этимологического разбора ученик не может правильно записать его.

При введении в обиход каждого нового термина необходимо, чтобы учащиеся не только поняли значение слов, но и запомнили его как звуковое буквенное целое, а также уяснили происхождение слова. Ознакомление учащихся с происхождением химических терминов и названий, с их краткой историей

обогащает словарь учащихся.

Древние, и даже некоторые более поздние, современные химические термины образовались из греческих слов, обозначающих какие-либо свойства и качества вещества: глюкоза - сладкий, атом - неделимый, гомогенный - равный, гетерогенный - разнородный и т.д.

Учение Аристотеля о четырех стихиях, свойства которых попарно противоположны друг другу, оставило след на современных терминах, таких как: антибиотики, антифризы, антисептики, в которых фрагмент "анти" в переводе с греческого означает "противоположный".

Фрагмент "крио" по-гречески означает лёд, холод. Отсюда: криолит - холодный камень (внешне похож на лёд); кристаллы - лёд, горный хрусталь.

Слово "гигро", означающее влажность, и слово "гидро", означающее воду, входят фрагментами в современные слова: гигроскопичность (влажность + наблюдение); гидрофобность (вода + боязнь) и др.

Расшифровка некоторых терминов, образованных греческими словами, является в то же время формулировкой соответствующих понятий. Например, термин аморфный можно разделить на две части - "а" (отрицание) и "морф" (форма или вид). Значит, термин аморфный, т.е. бесформенный, включает в себя понятие о всех веществах, не имеющих кристаллической структуры. Таким образом, когда учитель дает перевод греческих слов на русский язык, он, по сути, разъясняет значение терминов.

Другой пример. Термин азеотропный состоит из трех частей: "а" (отрицание), "зео" (кипение), "троп" (изменение). Этот термин характеризует смеси веществ, которые кипят при постоянной температуре без изменения состава.

Иногда греческое слово входит в состав многих терминов. Например, фрагмент "лиз", означающий разложение, дает начало следующим терминам: гидролиз - разложение вещества с помощью воды; электролиз - разложение вещества электрическим током; пиролиз - разложением огнём. Фрагмент некоторых современных терминов "изо" означает по-гречески равный, одинаковый. Расшифровка терминов приводит к определению понятий: изомеры - равная доля, вещества, имеющие одинаковый качественный и количественный состав, но отличающиеся по свойствам; изотопы - равное место, т.е. элементы, занимающие одно и то же место в периодической системе элементов Д.И.Менделеева, имеющие одинаковое число протонов, но разное число нейтронов в ядре.

Латинский язык до XVIII в. был международным языком науки, поэтому оставил большой след в терминах. Термины, образованные от латинских слов, чаще всего означают какую-нибудь технологическую операцию, действие. Например: адсорбция - поглощение; ассоциация - соединение; диссоциация - разъединение; диффузия - распространение; нейтрализация - ни тот, ни другой (реакция взаимодействия кислоты с основанием, при которой ни кислоты, ни основания не остается).

Прикладной характер значений латинских слов сохранился и в наиболее часто употребляемых фрагментах современных терминов. Например, фрагмент "ко", означающий соединение, входит в термины комплекс (сочетание, охват), конденсация (сгущение), координация (упорядочение), а фрагмент "де", означающий отделение, удаление, встречается в терминах денатурация (потеря природных свойств), деструкция (потеря структуры), дегидратация (отнятие воды), дегидрирование (отнятие водорода).

Многие химические термины произошли от языков других народов: титр - характеристика (франц.), буфер - смягчение удара (англ.), агар-агар - водоросли (малайск.).

Особую группу образуют термины, произошедшие от имен ученых и изобретателей. Например, бакелит - название фенолформальдегидной смолы, созданной американским ученым Л.Бакеландом (1863-1944); бертоллиды - соединения переменного состава, названные в память французского химика К.Л.Бертолле (1748-1822); сплав Вуда - металлоорганический сплав, изготовленный американским физиком Р.У.Вудом (1868).

Существуют именные названия приборов - сосуд Дьюара, прибор Гофмана, воронка Бюхнера, колба Вюрца, склянка Тищенко и т.д. Мартеновский и томассовский способы плавления стали названы в честь изобретателей - французских металлургов отца и сына Мартенов и английского металлурга С.Д.Томаса. Именные названия законов и правил: закон Авогадро, теория Бутлерова, принцип Паули, правило Хунда (Гунда).

Огромно число именных реакций, особенно в органической химии: реакция Кучерова, реакция Зелинского, реакция Вюрца и т.д.

В химический язык проникли термины других наук, например, математики. В химической терминологии они приобрели самостоятельность, обогатились химическим смыслом. Так, мы широко используем такие термины, как индекс, коэффициент, уравнение, эквивалент, тетраэдр и др. Все это свидетельствует о том, что химические термины - постоянно изменяющиеся слова разнообразного происхождения. Изучение же происхождения терминов (этимология) способствует более осознанному овладению химическими понятиями и законами. Изучить же химическую терминологию невозможно, не проникнув в самую суть основ науки.

Изучению химической терминологии, как указывалось выше, способствует этимологический анализ слов. Одновременное ознакомление школьников с происхождением химических терминов и объяснение того, что они обозначают, способствует более прочному запоминанию. Одно только понятийное толкование, без этимологического анализа приводит к скорому забыванию значения многих терминов и названий. Смысл слова, которому дано всестороннее толкование, запоминается надолго еще и потому, что во время работы над ним у учащихся пробуждаются интерес и любознательность. Разве неинтересно школьнику узнать, что название элемента фтора произошло от греческого "фторос", что означает разрушающий; название брома - от "бромос", что означает зловонный. В переводе на русский язык раскрываются во многих случаях наиболее характерные свойства химических элементов. В результате такой работы над словом легче идет процесс запоминания. Интересно организованная работа над словом возбуждает у школьников внимание, усиливает их познавательную активность.

Работа над этимологией терминов и названий позволяет устанавливать и развивать межпредметные связи химии не только с историей, культурой, но и с таджикским, русским, английским, немецким и другими языками, что способствует гуманитаризации курса химии. Справедливости ради следует отметить, что авторы учебников по химии для средней школы проводят определенную работу в этом направлении. На наш взгляд, среди всех учебников по химии на таджикском языке выделяется в этом отношении учебник С.Г. Бандаева, У.З.Зубайдова и И.И. Сафарова (органическая химия). В них достаточно хорошо представлен исторический и культурологический подход к изучению химии, после каждого раздела приводится список новых терминов и их расшифровка. Но все же проблема обучения учащихся химическому языку на основе этимологического анализа не может считаться решенной до конца. При введении в обиход каждого нового термина необходимо, чтобы учащиеся не только поняли значение слов, но и запомнили его как звуковое буквенное целое, а также уяснили происхождение слова. Ознакомление учащихся с происхождением химических терминов и названий, с их краткой историей обогащает словарь учащихся.

К сожалению, как показали наши наблюдения, учителя химии недостаточно внимания уделяют толкованию новых, вводимых в обиход химических терминов и названий, забывая, что отсутствие этимологического анализа ведет не только к плохому запоминанию новых слов, но и к поверхностному овладению теми понятиями, которые обозначают эти слова.

Классическим является случай, когда учащиеся даже старших классов слово "молекула" пишут через "а" ("малекула") [2]. Такому написанию они дают следующее объяснение: "Это очень маленькая частица вещества, ее название произошло от слова "маленький". Если учитель химии своевременно объяснит, что слово "молекула" произошло от латинского корня *moles* - "масса", а не от русского слова "малый", такого неверного толкования ученики не сделают и не допустят ошибки при написании.

Педагогический эксперимент по теме исследования проводился с 2006г по 2010г на базе общеобразовательных школах № 1, № 30, № 51, № 54 района Мир Сайид Али Хамадони Хатлонской области и общеобразовательных школах № 1, № 3, № 50, № 51, муниципального общеобразовательного учреждения «Лицей №1» имени Исмоили Сомони города Куляба Республики Таджикистан. В эксперименте участвовало 468 школьников.

Мы предложили учащимся X класса (школа № 1 района Мир Сайид Али Хамадони Хатлонской области Республики Таджикистан), с которыми не велась специальная работа по этимологическому анализу химических терминов, объяснить происхождение ряда слов, встретившихся им в процессе изучения химии, и сказать, что эти слова обозначают. Всего было предложено 20 терминов и названий (табл. 1). Все эти термины и названия встречаются в учебнике химии 10-го класса; часть из них (дегидратация, крекинг, полимеризация, олефины и др.) имеет этимологическое объяснение.

Проверка контрольной работы показала, что из 20 слов было правильно объяснено в среднем 12, происхождение которых объяснено в учебнике. Затруднение вызвали термины «конформация», «арены», «тетраэдр», «стереорегулярный», «нафтен» (правильные ответы составили 4,9%—27%).

Нами установлено, что во многих случаях, когда ученик не мог объяснить происхождение слова, он затруднялся ответить и на вопрос, что это слово означает. Такому же мнению придерживаются авторы [2].

Таблица №1

Результаты контрольной работы по этимологическому анализу химических терминов

№ пп	Термин	Правильные ответы, %	
		Происхождение	Значение
1	Алканы	67	70
2	Алкены	64	71
3	Алкины	68	74
4	Арены	5,3	20,6

5	Вулканизация	64	72
6	Гибридизация	58	76
7	Гомолог	63	74
8	Гидратация	69	78
9	Гидрогенизация	60	74
10	Дегидрирования	72	64
11	Дегидратация	70	65
12	Изомерия	69	76
13	Конформация	27	49
14	Крекинг	62	75
15	Нафтены	24,9	49,3
16	Олефины	67	73
17	Пиролиз	59	71,5
18	Полимеризация	66	77
19	Стереорегулярный	4,9	18,1
20	Тетраэдр	6,4	26,9
	В среднем	52,3	62,7

Методы исследования: наблюдение, проведение терминологических «диктантов», проведение тестирования школьников, обработка результатов. *Специфика предмета нашего исследования* – знание химической терминологии, умение толковать термины и названия не только с точки зрения энциклопедической, но и с точки зрения их этимологии – определила метод непрерывного наблюдения за учебной деятельностью школьников как главного инструмента, с помощью которого можно получить наиболее полное представление об эффективности применяемой методики. В число контролируемых параметров входили преимущественно те, которые оказывают непосредственное влияние на повышение качества знаний и учебных умений школьников: уровень научного мировоззрения, познавательной активности и познавательной самостоятельности учеников; систематическая проверка учителем выполнения домашнего задания и т.д.

Организация мыслительной деятельности школьников при проведении предварительной и текущей проверки знание химической терминологии в начале изучения темы была направлена на достижение школьниками промежуточных требований уровня воспроизведения (запоминание ими учебной информации, подлежащей усвоению), так как он является основой формирования знаний и умений на более высоких уровнях усвоения. По мере изучения программной темы во время текущей проверки промежуточные требования к знанию химической терминологии, умениям учащихся толковать термины и названия усложнялись. В соответствии с этим организация мыслительной деятельности учеников направлялась на формирование знаний, предметных и интеллектуальных умений на уровне применения знаний в знакомой ситуации и проверку результатов усвоения на этом уровне.

При обучении школьников в экспериментальных группах нами использовалась экспериментальная методика. Учитель на каждом этапе обучения стремился усиливать обучающую функцию проверки знаний учащихся четко продумывалось. Формулировки заданий и вопросов соответствовали промежуточным требованиям сначала на уровне воспроизведения, затем на уровне применения знаний в знакомой ситуации.

Обучение в контрольных группах проводилось традиционно, использование системы проверки носило эпизодический характер.

При проведении эксперимента в контрольных и экспериментальных группах были проведены тематические контрольные работы и диктанты по всем основным темам курса. Анализ осуществлялся по результатам промежуточных и итоговых контрольных работ. Достижение учащимися промежуточных требований на разных уровнях усвоения проверяли с использованием поэлементного и пооперационного анализа.

Для количественной оценки сформированности знаний и учебных умений применялась степень обученности учащихся на высшем уровне требований (СОУ₁).

Качество знаний учащихся определяется качеством их учебных умений. Под качеством умений понимаем способность учащихся применять полученные знания на уровне воспроизведения, уровне применения знаний в знакомой ситуации. Качественная оценка сформированности учебных умений осуществлялась на основе пооперационного анализа.

Оценка за контрольную работу выставлялась с учетом процента раскрытых элементов знаний и элементов учебных умений, а также критериев качества ответов письменной проверки.

Поэлементный и пооперационный анализ результатов контрольных работ показал, что количество школьников экспериментальных групп, достигающих промежуточные требования уровня воспроизведения и

уровня применения знаний в знакомой ситуации больше, чем в контрольных группах. В экспериментальных группах точность обучения выше, следовательно, выше качество обученности, чем у учащихся контрольных групп.

Данные, полученные в ходе промежуточного и итогового срезов, дали возможность сравнить динамику произошедших изменений в качестве знаний и учебных умений школьников. На разных уровнях усвоения рассматривались такие качества знаний, как полнота, осознанность, прочность, системность, оперативность. Также анализировалось качество учебных умений школьников, форма выражения знаний с учетом критериев качества ответов письменной проверки. Во всех вариантах экспериментальной работы повышение качества знаний и учебных умений школьников более значительное, чем в соответствующих контрольных группах.

Обобщенные данные экспериментальной работы отражены в таблице 2 и на диаграммах 1 и 2.

Сравнивая результаты выполнения заданий учащимися экспериментальных (Э) и контрольных групп (К), где использование системы проверки носило эпизодический характер, можно сделать вывод, что количество учащихся, достигающих требования на разных уровнях усвоения знаний, увеличилось в обеих группах. Полученные данные показывают, что динамика в целом положительная. Однако количественные показатели в экспериментальных группах значительно выше, чем в контрольных группах.

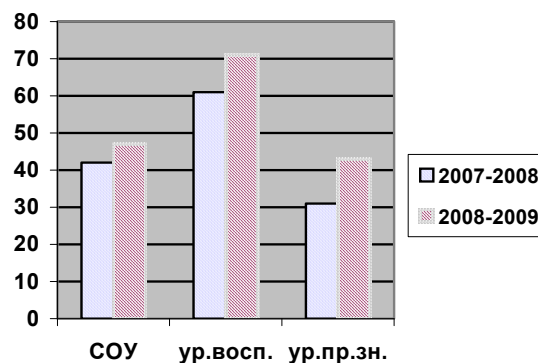
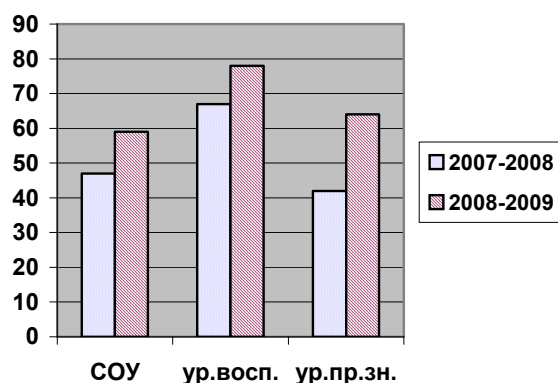
Таблица 2

Обобщенные данные экспериментальной работы

Учебный год	СОУ ₁ , %		% учащихся, достигающих требования на разных уровнях усвоения			
			Уровень воспроизведения		Уровень применения знаний в знакомой ситуации	
	Э	К	Э	К	Э	К
2007-2008	47%	42%	67%	61%	42%	31%
2008-2009	59%	47%	78%	71%	64%	43%

Диаграмма 1
Экспериментальные группы

Диаграмма 2
Контрольные группы

Качественный анализ результатов экспериментальной работы показал, что учащиеся, которые достигают требования на уровне применения знаний приобретенных знаний письменно, устно, практически, с использованием комбиниров в знакомой ситуации, осуществляют полное системное изложение анных методов проверки в соответствии с предъявляемыми к ним требованиями и с учетом разработанных критериев качества ответов. С помощью усвоенных теоретических знаний школьники экспериментальных групп устанавливают внутрипредметные связи. Учащиеся выделяют существенные признаки изучаемых объектов, выявляют причинно-следственные связи, классифицируют, сравнивают объекты, конкретизируют понятия примерами, формулируют выводы и делают обобщения.

Экспериментальные данные показали, что применение системы проверки знаний и умений способствует повышению обучающей функции проверки, и, как результат, повышению качества знаний и

учебных умений школьников. Содержательная и функциональная *грамматность* вопросов и заданий, *адекватность* формулировок заданий и вопросов требованиям проверки, разделение предполагаемых ответов учащихся на элементы *знаний* и элементы *умений* способствуют получению объективных данных о результатах усвоения.

Знание химической терминологии, умение толковать термины и названия помимо обучающей функции осуществляла и функцию развития. Формировались и проверялись результаты усвоения школьниками таких приемов интеллектуальной деятельности, как сравнение, абстрагирование, обобщение, классификация и т.д. В процессе формирования знаний и учебных умений осуществлялось диалоговое взаимодействие учителя и учащихся, возникала своевременная обратная связь «учитель – учению», осуществлялась смена видов деятельности, установление более тесных связей обучения с разного вида ученическим экспериментом. Все это способствовало усилению обучающей функции терминологии.

На основы анализа результатов экспериментальной работы мы рекомендуем следующие приемы работы над химическими терминами и названиями встречающимися при изучении химии:

1. Учитель должен записать каждого нового термина и названия на доске, дать этимологический анализ и объяснит их значения. В экспериментальной работе нами использованы специальные карточки на которых записаны слова с этимологическим анализом и объяснением значения. Этих карточек можно прикреплять к магнитной доске. При раскрытии этимологии слова, содержащего иноязычные корни, полезно записывать также и слова, из которых произведен термин, на языке оригинала. Например, *парафины* – от латинского слова *parum affinis* (малоактивный). Большой интерес вызывает у учащихся приведение ряда однокоренных слов. Так, давая объяснение слову *дегидратация*, можно привести и такие примеры: *дегидрирование* – отщепление водорода; *дегидрогалогенирование* – отщепление галогеноводорода; *дегалогенирование* – отщепление галогена. Термины «*дегидрирование*», «*дегидрогалогенирование*» и «*дегалогенирование*» учащиеся часто путают, запоминают с трудом и произносят «с разбега», с третьей попытки. Надо обязательно разобрать слово, расшифровать каждую его часть.

Например, реакция дегидрогалогенирования:

de + *гидро* + *галоген* + *ирование* =
=*удалять* + *водород* + *галоген* + (*действие*)

Что получилось? Отщепление галогеноводорода.

2. Ведение словарь химических терминов и названий для этимологического анализа и объяснения значений новых, вводимых в обиход, химических терминов и названий. Ведение таких словариков необходимо, начиная с 8 класса. После каждого записанного слова рекомендуется указывать страницу учебника, на которой это слово встречается. Например, «гидролиз» - стр. 76, 314, 323, 330 и 377 (В. В. Еремин и др. Химия - 9 класс) В результате получается нечто вроде предметного указателя.

Можно записи вести в алфавитных книжках.

3. После изучения крупных разделов программы следует провести терминологические диктанты, на которые достаточно выделить 3-5 мин. урока. Диктанты позволяют проконтролировать, насколько правильно учащиеся воспринимают термины и названия "на слух" и правильно записывают их. В терминологическом диктанте можно практиковать и толкование отдельных терминов. Например, на обобщающем уроке по теме "Углеводороды", можно предложить записать под диктовку слова - «гибридизация», «крекинг», «пиролиз», «алкилирование», «галогенирование», «гидрирование», «гидратация» и сделать "перевод" на таджикский язык этих терминов. Работу можно проводить фронтально или по вариантам, когда учащиеся каждого варианта объясняют свои термины.

4. Обучение учащихся приемам работы со словарями и энциклопедиями. Желательно ознакомить учащихся с правилами пользования наиболее распространенных словарей – русско-таджикский словарь (под редакцией М.С. Асимова), краткий словарь иностранных слов, отдельные тома Большой и Малой энциклопедий, химическая энциклопедия, словарь (справочник) юного химика. Во многих случаях в словаре или энциклопедии можно найти не только объяснение химического термина или названия, но и указание на их происхождение.

5. Для того чтобы облегчить учащимся понимание терминов и названий, имеющих одинаковые корни, приставки или суффиксы, полезно иметь в кабинете химии справочные терминологические таблицы (см. табл.1 и 2)

6. Более глубокое изучение этимологии химических терминов и названий (в частности, происхождение названий химических элементов) можно перенести на **внеклассные занятия**. Их организуют в занимательной форме (викторины, решение кроссвордов, чайнвордов, игры типа "Что? Где? Когда?" и т.д.). Эти мероприятия способствуют более глубокому усвоению химического языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кузнецова Н.Е., Шорова Ж.И. Изучение химического языка на первом этапе обучения. // Химия в школе. - 1981. - №5. - с. 41-47.

2. Дьякович С.В. Этимологический анализ при изучении химических терминов и названий. // Химия в школе.-1971.- №3.- с. 50-53.
3. Перминова Л.М. Язык химии как средство развития учащихся. // Химия в школе.-2002.- №7.- с. 26-29.
4. Камушкина Г.Г. Из опыта формирования важнейших химических понятий// Химия в школе.-2004.- №2.- с. 27-30
5. Словарь иностранных слов. - 14-е изд., испр. - М.: Рус.яз., 1987.
6. Белан Н.А. Попробуйте так. // Химия в школе.-2001.- №9.- с.40-42
7. Радаева О.В. Научный язык на уроках химии. // Химия: методика преподавания.-2005.-№7.-С. 27-29.
8. Пронина И.И. Средства проверки знаний учащихся на уроках химии// Вестник Московского государственного областного университета, серия «Педагогика».- М.: МГОУ, 2007.- №2.- том 1. С. 138-144

ХИМИЧЕСКАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ КАК ОСНОВА И СРЕДСТВО РАЗВИТИЯ НАУЧНОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ УЧАЩИХСЯ В ОБУЧЕНИИ ХИМИИ

Обучение химической терминологии считается одним из средств развития научного мировоззрения учащихся, потому что она способствует разъяснению многих проблем мировоззренческого аспекта. Знание химической терминологии и подробное ознакомление школьников с вопросами происхождения соответствующих терминов способствуют более прочному освоению учебного материала. Результаты эксперимента показали, что работа с химической терминологией увеличивает уровень знаний и умений учащихся. Эксперименты были проведены в некоторых школах Кулябского региона, Хатлонской области Республики Таджикистан.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: формирование мировоззрения, химический язык, химическая терминология, этимологический анализ, педагогический эксперимент, степень обученности учащихся (СОУ), экспериментальные группы, контрольные группы учащихся.

CHEMICAL TERMINOLOGY AS BASES AND MEANS OF DEVELOPMENT OF SCIENTIFIC OUTLOOK OF PUPILS IN CHEMISTRY TEACHING

Teaching of chemical terminology is considered one means of development of scientific outlook of pupils because it promotes explanations of many problems of world outlook aspect. The knowledge of chemical terminology and detailed acquaintance of schoolboys with the matters of an ancestry of corresponding terms promote stronger development of a teaching material. Results of experiment have shown that work with chemical terminology increases level of knowledge and abilities of pupils. Experiments were spent at some schools of Kulob region, Khatlon region of Republic of Tajikistan.

KEY WORDS: outlook formations, chemical language, chemical terminology, the etymological analysis, pedagogical experiment, teaching level of pupils (PLP), experimental groups, control groups, pupils.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: *Р. С. Киматов* - декан химико - биологического факультета Кулябского государственного университета им. Абуабдулло Рудаки **Телефон:** 90791 25 71

СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ НАРЕЧИЯ В ПРОИЗВЕДЕНИИ ЛЕССИНГА И ЕГО ПЕРЕВОД НА ТАДЖИКСКИЙ ЯЗЫК

Д. Кенжаева

Таджикский национальный университет

В немецкой научной литературе наречие определяется как часть речи, обозначающая непроцессуальный признак действия, предмета или другого признака - качества или свойства. Наречие определяет глагол, имя или другое наречие. Таким образом, категориальным значением наречие необходимо считать «признаковость признака». Несмотря на то, что данная часть речи близко примыкает к глаголу, существительному и прилагательному, наречие существенно отличается от них по своим морфологическим характеристикам. К основным морфологическим признакам наречия относится отсутствие словоизменения (известно, что наречие является нефлективным, точнее говоря не спрягаемым и несклоняемым) [Deutsche Grammatik:1988:339]. Из-за своей «аморфологичности» наречие квалифицируется преимущественно «как явление синтаксического плана» [там же: 339]. Отмечается также синтаксическая полифункциональность наречия, то есть возможность выполнять несколько синтаксических функций. Соответственно может быть различное синтаксическое применение наречия в предложении: наречия могут использоваться как обстоятельства и как определения.

В немецком и таджикском языках выделяется следующая классификация наречия по значению:

В таджикском языке:

1. Наречия образа действия (**Зарфи тарзи амал**)
2. Наречия подобия (**Зарфҳои монандӣ**)
3. Наречия времени (**Зарфи замон**)
4. Наречия меры и степени (**Зарфи миқдору дараҷа**)
5. Наречия места (**Зарфи макон**)

6. Наречия причины (Зарфи сабаб)
7. Наречия цели (Зарфи мақсад)

В немецком языке:

1. Наречия места (**Lokaladverbien**)
2. Наречия времени (**Temporaladverbien**).
3. Наречия образа действия (**Modaladverbien**).
4. Наречия причины и цели (**Kausaladverbien**)
5. Пояснительные наречия (**Kommentaradverbien**)
6. Союзные наречия (**Konjunkionaladverbien**)

Таким образом, в таджикском языке семь типов наречия по значению, а в немецком языке шесть типов наречия из них Пояснительные наречия (Kommentaradverbien) и Союзные наречия (Konjunkionaladverbien) отсутствуют в таджикском языке, в тоже время как в немецком отсутствует Наречия подобия (**Зарфҳои монандӣ**)

Семантическая классификация наречий. В исследуемом материале имеется 131 наречие.

Частота употребления наречий выглядит следующим образом:

Таблица 1

№	Классификация наречий по значению	Кол-во
1	Наречия времени (Temporaladverbien)	64
2	Наречия образа действия (Modaladverbien)	59
3	Наречия места (Lokaladverbien)	13
5	Пояснительные наречия (Kommentaradverbien)	7
6	Наречия причины и цели (Kausaladverbien)	1

Из таблицы следует, что в данном произведении наиболее широкоупотребительны наречия времени - 64 случаев и наречия образа действия 59 случаев, меньше встречаются наречия места - 13 случаев, пояснительные и наречия причины и цели.

Перейдем к рассмотрению нашего фактического материала

1. Наречия времени (**Temporaladverbien**) – 53 случаев

Наречие времени указывает на время и характер действия или на состояние во времени: wann? (когда?), bis wann? (до какого времени?), wie lange? (как долго?), wie oft? (как часто?) и т.п.

А) Случаи соответствия

1) ... ich komme und sehe und kehre **sogleich** wieder zurueck. (1, с 153) ... ман омадам, тайерии шумоёнро мебинаму **зуд** бармегардам. 2) Die Liebe spielt ihnen **immer** die schlimmsten Streiche. (1, с 146) Ишқ ба онҳо **хамеша** зарбаҳои сахттаринро ворид месозад. 3) “**Jetzt** will ich fliegen”, rief der gigantische Strauss. ..(6, с 26) **ҳозир** парвоз мекунам! – хитоб кард шутурмурғ. ...

4) Wuerde mein Verschweigen nicht frueh oder **spae**t seine Unruhe vermehren? (1, с 162) Оё пинҳон доштани он ходиса **де**р ё **зуд** норохатиашро намеафзояд? 5) **Jetzt** halten Sie laenger sich nicht auf. (1, с 192) **Фейлан** дар ин чо бисёр наистед. 6) Ich kann heute nicht abreisen; - auch **morgen** nicht; - auch **uebermorgen** noch nicht. (1, с.167) Ман на имрӯз, на **фардо** ва на **пасфардо** ба роҳ баромада наметавонам. 7) Aber doch **zugleich** auch tot? (1, с 198) Балки вайҳам **фавран** мурдаст? 8) ... Sagen Sie mir, was Ihnen **zuerst** in den Mund koemmt. ..(1, с 192) Илтимос мекунам, гӯед, ҳар фикри **дафъатан** ба каллатон омаданро гӯед. ...

Б) Случаи несоответствия – 11 случаев

1. Словосочетания, состоящие из местоимения + существительного

1) “Bist du nicht der ruestige Adler, der **taeglich** von den Rechten der Zeus auf diese Eiche herabkoemmt. ..(5, с 31) – Магар ту он уқоби тавоно нестӣ, ки вай **ҳар рӯз** бо амри худои таоло ба шохи ин булут мефурояд. ..2) ... dass ich mich **solange** mit meiner Tochter noch hier verweile.(1, с 204) ... ки то он вақт бо духтарам дар ин чо бошам.

2. Словосочетание, состоящее из наречия + существительного

1) Ich habe schon **laengst** nicht mehr erwartet, ...(1, с 166) **Хеле вақт** боз интизори онро надоштам, ...

1. Словосочетание, состоящее из местоимения, существительного + наречия

1) Ich will **gleich** nach ihnen ausgehen.(1, с 176) Ман **ҳамин лаҳза зуд** барои ёфтани онҳо меравам.

2. Сочетание, состоящее из наречия + частицы

1) – Gnaedige Frau, ich bitte **nochmals** um Verzeihung.(1, с 166) ... Хонуми мӯхтарам, **боз ҳам** авф мецохам.

2. Наречие образа действия (**Modaladverbien**), (59 случаев)

Наречие образа действия указывает на характер и особенности протекания действия или состояния и отвечает на вопрос: wie? (как?), auf welche Art? (каким образом?).

А) Случаи соответствия: (42)

1) Ich wollte **treulich** Schmerz und Wut mit Ihnen teilen.(1, с 197) Ман мехоҳам, ки **вафодорона** дарду ғазабро бо ҳам бинем. 2) Es ist wahr, es hat ihm nicht beliebt, mir **schriftlich** zu antworten. (1, с 189) Маълум, ки ба ман **хаттӣ** ҷавоб додан нахостааст. 3) Mein Verweis moechte so **freundschaftlich** nicht sein. (1, с 184) Сарзаниши ман ин тавр **дӯстона** нахоҳад буд.4)... wenn er **ungluecklicherweise** ohne Haende waere geboren worden?(1, с 143) ... агар Рафаэл **бадбахтона** аз модар бедаст ба дунё меомад...? 5)- So muesste ich mir mit meiner Furcht vollends **laecherlich** vorkommen! (1, с 162) ... Эҳтимол бо ин тарсу ҳаросам тамоман **хандаовар** намоям.6) **Eigentlich** weiss doch nur allein ein Maler von der Schoenheit zu urteilen. (1, с 143) **Аслан** танҳо як худи рассом қодир аст дар бораи зебоӣ қазоват кунад. 7)Alle meine Muehe ist **vergebens** gewesen, sie ein zweites mal zu sprechen. (1, с 149) Тамоми кӯшишҳоям барои бо дуҷум бо ӯ ҳамсӯҳбат шудан **бесамар** монданд. 8) **Grossmuetig** dumm liess er ihm also seinen Raub herabfallen...(5, с 31) Зоғи нодон **олиҳимматона** гӯшпоро ба тарафи рӯбоҳ ҳаво дод... 9) ... dass ich mich gezwungen sehe, ausdrucklich darauf anzutragen. (1, с 209) ... ки маҷбурам дар ин маврид **возеху равшан** пешниҳод кунам.10) Die Tochter stuerzte der Mutter **ohnmaechtig** in die Arme. (1, с 183) Духтар ҳамин ки модарашро дид, **беҳушу ёд** ба бағалаш афтид.11) ... fern von einem Mann und Vater, der euch so **herzlich** liebt. (1, с 156) ... дур аз дидори шавҳар ва падаре, ки шумоёнро **аз дилу ҷон** дӯст медорад.

Б) Случаи несоответствия: (16)

1. Словосочетание, состоящее из прилагательного + существительного

1) Ich fuehle mich **anders** und besser. (1, с 169) Худамро **дигар хел** ҳис мекунам, аммо беҳтар ҳис мекунам.

2. Словосочетание, состоящее из наречия + глагола

1) **Geschwind** entfernen sie sich. (1, с 173) **ҳолӣ зуд бошед**, аз ин ҷо равед!

3. Сочетание, состоящее из составного предлога + местоимения

1) Recht gut, wenn Ihre Tochter **freiwillig** sich hierher gerettet! (1, с 199) Бисёр хуб, ки духтаратон **бо ихтиёри худ** ба ин ҷо паноҳ овардааст.

4. Составной глагол

1) Wohl! Und nur **geschwind**. (1, с 188) Хуб! Фақат, **шитоб кунед**.

3. Наречия места (Lokaladverbien) (13 случаев)

Наречие места указывает на место протекания действия или состояния, направление движения и отвечает на вопрос: wo? (где?), wohin? (куда?), woher? (откуда?)

А) Случаи соответствия: (11)

1) Wir suchen Sie **ueberall**, schoenste Fraeulein. (1, с 178) Оҳ, дӯшизаи зебо, мо шуморо дар **ҳама ҷо** ҷустуҷӯ мекунем. 2) Nur **hier** herein, gnaediges Fraeulein.(1, с 176) Ба **ин ҷо** дароед, хонуми муҳтарам.3) **Dort** koemmt sie, die Alee herauf.(1, с 175) Хо, ана дар **он ҷо**, дар хиёбон ӯро мебинам, ки ба тарафи қаср боло мебарояд. 4) Ich habe **hier** nichts zu verzeihen. (1, с 196) Дар **ин ҷо** касе маро наранҷондааст.

Б) Случаи несоответствия:(2)

1) Словосочетания, состоящие из предлога + местоимения + существительного

1. Nichts! Gar nichts! **Nirgends!** (1,с 199) Ҳеч чиз! **Дар ягон қиссам** чизе нест! 2. **Hier**, unter vier Augen, bin ich gleich mit ihr fertig. (1, с 210) **Дар ҳамин ҷо** як ба як зуд мушкили духтарамро ҳал мекунам.

4. Наречия причины и цели (Kausaladverbien)(1 случай)

А) Случаи несоответствия: (1)

1) ... **folgich – folgich**, wenn er ein Auge fuer die Tochter hat, so ist es einzig, um ihn zu beschimpfen? (1, с 158) ... **бинобар ин** агар ӯ барои таҳқир қардани падар ба духтараш қасди бад дошта бошад – чӣ?

Способы передачи наречий немецкого языка на таджикский язык

Таблица 2

№	Способы передачи	Кол-во
1	Случаи соответствия; наречия	101
2	Случаи несоответствия: Словосочетания, сочетания	29
	а) Типы словосочетания, сочетания	
	1) Сочетания, состоящие из предлога + местоимения + существительного С предлогами: дар	
	2) Словосочетания, состоящие из местоимения + существительного С местоимениями: ҳар	
	3) Словосочетания, состоящие из прилагательного + существительного С прилагательным: дигар	
	4) Словосочетания, состоящие из наречия + существительного С наречиями: хеле	
	5) Сочетания, состоящие из составного предлога + местоимения С предлогами: бо ихтиёри	

6)Словосочетания, состоящие из местоимения, существительного + наречия: С местоимением: ӈамин 7)Словосочетания, состоящие из наречия + глагола С наречием: ӈолӣ	
б) Другие части речи 1) Составной глагол	1

Итак, проанализировав наречия, взятые из произведения G.E. Lessing. “Ausgewachlte Werke” мы делаем следующие выводы: чаще всего немецкие наречия передаются наречиями в таджикском языке 77%, а 22,9 % немецкие наречия не соответствуют в таджикском языке.

Они переданы: а) словосочетаниями; б) сочетаниями; в) составным глаголом.

ЛИТЕРАТУРА

1. G.E Lessing .Ausgewachlte Werke, Moskau- 1954. О.Н Михеева.
2. Г.Е. Лессинг. Масалӈо Эмилия Галоттӣ, Душанбе-1996 аз оломонӣ тарҷумаи Шерали Раҳим.
3. Duden .Grammatik der deutschen Gegenwartssprache. Dudenverl., 1995.
4. Исмаилов И.Зарф дар забонӣ адабӣ ӈозираи тоҷик. Душанбе-1971.
5. Рустамов,Ш, Забонӣ адабӣ ӈозираи тоҷик, қисм 1, Душанбе-1982.
6. Мамедова Р.Г. Наречие как лексико-грамматический разряд слов в современном немецком языке: Автореф. дисс. на соиск. учен. степени канд. филол. наук.
7. Ярославль, 1972.-16с. – В надзаг.: Ярославский пед. ин-т им. Ушинского.
8. Кронгауз М.А. Семантика.: учебник для вузов. Росс. гос. гуманитар. ун-т, 2001.-399с.

СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ НАРЕЧИЯ В ПРОИЗВЕДЕНИИ ЛЕССИНГА И ЕГО ПЕРЕВОД НА ТАДЖИКСКИЙ ЯЗЫК

В данной статье анализируются наречия в немецком и таджикском языках и выявляются случаи соответствия и несоответствия в сопоставляемых языках. В качестве фактического материала использована художественная литература G.E Lessing. Ausgewachlte Werke. В вышеуказанной литературе нами выявлено 131 наречие.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: наречия, немецкий язык, таджикский язык, способы передачи, соответствие, несоответствие.

THE SEMANTIC ANALYSIS OF THE ADVERBS IN THE WORK OF LESSING AND ITS VERSION IN TAJIK LANGUAGE

In this article we consider the adverbs in German and Tajik languages on the basis of the work of Lessing and its version in Tajik language and ascertain in case of conformity and discrepancy in compared languages.

KEY WORDS: adverbs, the german languages, the Tajik languages, methods, transfer, correspondence discrepancy.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: *Д. Кенжаева* – аспирант факультета русской филологии Таджикского национального университета.
Телефон: 919-00-71-63.

РОЛЬ ТЕРМИНОЛОГИИ В ФОРМИРОВАНИИ РУССКОЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ РЕЧИ

Г.М. Ходжиматова

Таджикский национальный университет

С точки зрения методики преподавания русского языка студентам - нефилологам национальных групп и с целью осуществления рациональной организации обучения русской профессиональной речи необходимо иметь в виду следующее 1) изучение закономерностей функционального научного стиля; 2) умения и навыки, которые должны быть выработаны в процессе обучения; 3) оптимальные средства достижения цели; отбор учебного материала и методика работы с этим материалом.

Для достижения этих целей необходим дифференцированный подход, позволяющий таким образом сегментировать учебный материал, подлежащий усвоению, чтобы он удовлетворял коммуникативные потребности изучающих, адекватно представлял функционально – семантические особенности единицы русского языка, был доступен и стимулировал познавательную деятельность студентов. Таким образом, основной целью практического курса русского языка для студентов – таджиков, обучающихся на нефилологических факультетах является овладение языком специальности, которая включает в себя формирование и развитие всех видов речевой деятельности в определенной сфере. Овладение языком

специальности позволяет будущему специалисту свободно пользоваться русским языком как средством общения и использовать его в качестве средства получения профессиональных знаний для овладения профессиональными умениями и навыками.

Содержание практического курса русского языка обычно складывается из целого ряда аспектов, главным из которых является формирование и развитие речевых навыков и умений в четырёх основных видах речевой деятельности. Для студентов национальных групп главным мотивационным моментом является овладение языком специальности, как средством повседневного общения.

Для создания лингводидактической целенаправленной системы при обучении языку специальности важен строгий отбор языкового материала, который позволил бы максимально интенсифицировать процесс обучения русского языка в связи со специальностью студентов. Необходимо отобрать наиболее частотные лексические единицы, типовые синтаксические конструкции и расположить их в определенном порядке, овладение которым предполагает активную познавательную работу студентов по усвоению и последующему употреблению в реальной коммуникации. Это требует соблюдения принципа системности в описании языкового и речевого материала, что позволяет с опорой на сознательно – практический метод развивать способность к самообучению к активному переносу полученных знаний и сформированных навыков на незнакомый языковой и речевой материал в новых условиях речевого общения. В связи с этим обучение терминологической лексики занимает одно из центральных мест при обучении языку специальности.

Работа по усвоению терминов должна рассматриваться как одна из важнейших составляющих в общем обучающем комплексе. Её основная цель – усвоение терминологической лексики данной подсистемы языка, позволяющее не только правильно понимать научный текст, но и активно использовать их при построении собственных высказываний в определенной сфере. Реализация принципа коммуникативности, функционального и системного подходов к отбору и презентации учебного материала предполагает тщательный отбор и группировку единиц терминологии, учет особенностей их функционирования в текстах по специальности. Комплексность в обучении языку специальности требует постоянного сочетания языкового, в нашем случае, терминологического и речевого аспектов учебной деятельности. Иными словами, должен соблюдаться принцип учета взаимодействия различных видов речевой деятельности друг на друга в процессе обучения. Так, например, введение и семантизация нового термина наиболее удачно сочетается с работой по формированию умений и навыков чтения или аудирования текста по специальности.

Работа по изучению семантической структуры терминов в отличие от других категорий слов имеет свою специфику и сложным в этом вопросе является прежде всего усвоение терминологии, представляющей собой ряд взаимосвязанных и взаимообусловленных значений, каждое из которых обладает конкретным лексическим значением чем обусловлена особенность функционирования его в системе языка. Всю систему обучения терминологии следует рассматривать не как самостоятельную методическую модель обучения, а как один из аспектов системы формирования и развития умений и навыков русской профессиональной речи. Однако помимо функциональных связей с системой обучения языку специальности вообще, работа над обучением терминологии данного подязыка специальности обладает и самостоятельной ценностью. Знание терминологии учащимися может служить своеобразным показателем владения определенной научной теорией, придает студенту определенную психологическую устойчивость в преодолении трудностей, связанных с обучением, формирует дополнительные стимулы к обучению, облегчает общение.

Решение этой проблемы облегчается еще тем, что в отличие от общелитературной лексики, терминология является относительно закрытой, что вытекает из ее ограниченного функционирования. Слова с терминованным значением вошли в общелитературные слова, но в данном контексте они приобретают специфическую окраску, характерную для данной отрасли науки. О.Д.Митрофанова отмечает « Формальное наличие одного и того же слова в словарях, отражающих лексику разговорно-бытового или общеупотребительного и научного стилей речи, не дает право считать это слово известным, освоенным, так как в научных текстах это другое слово.[1]

В подязыке специальности слово имеет одно значение, характерное только для научного стиля «...многозначные, стилистически нейтральные слова употребляются в научном стиле не во всех своих значениях, которые свойственны им в системе общелитературного языка, а лишь в одном, реже – двух» [2]. Так, например, если слово «сила» имеет двенадцать значений, то за термином в физике закреплено одно: Величина, являющаяся мерой механического взаимодействия тел, энергия, воздействующая на материальные тела, а также степень интенсивности, напряженности ее. Общелитературные слова, которые в языке физики приобрели значение термина, образуют сочетания с определенной группой слов, при этом приобретая значение слов-терминов: сила тяжести, сила тока, упругие силы, поле гравитационное, поле стационарное, поле сил, поле потенциальное, процесс адиабатический, процесс изобарический, процесс обратимый.

Все это свидетельствует о необходимости серьезной работы по обогащению речи студентов национальных групп терминологической лексикой, развитию у них профессиональных умений и навыков.

Работа с терминологией начинается на этапе, когда студенты обладают определенным уровнем компетентности, сформированными лексическими умениями и навыками в отношении к общеупотребительной лексике.

В традиционной методике обучения русскому языку студентами национальных групп используется поэтапная методика введения нового грамматического и лексического материала, его закрепления, а затем активизации. Такое поэтапное отношение к каждой новой теме оправдано как с методической точки зрения, так и психолингвистической, так как формирование активного запаса слов немислимо без тренировки употребления слова в речи. Однако для перехода к активизации терминологического материала необходимо его накопление. Студенты должны научиться не только соотносить зрительный и слуховой - речедвигательный образы терминологии, но и отличать терминологическое значение от общенаучного. В связи с этим необходимо объяснить значение термина, т.е. предполагается этап семантизации лексики. Семантизация направлена на объяснение, толкование терминологии. При толковании терминов особое внимание обращается на происхождение, произношение и написание. При проведении этой работы необходимо использовать словарь. Существует немало способов семантизации: предметная, ситуативная и сюжетная наглядность, развернутое описание его значения на русском и родном языках, раскрытие значения слова при помощи контекста перевод, подбор синонимов и антонимов и т.д. Выбор способа семантизации термина - важная методическая проблема, от эффективности которой во многом зависит глубина осмысления понятия, прочность его запоминания и эффективность введения в речевую практику. При семантизации терминов следует учитывать целый ряд факторов: характер значения самого слова, его положение в системе, степень владения речевой деятельностью учащимися.

В методике обучения применяется следующая организация введения новой лексики:

а) сначала учащиеся воспринимают новое слово на слух в знакомых сочетаниях, в предложении и изолированно (проговаривание слова учителем должно быть четким, выразительным, неоднократным);

б) затем учащиеся произносят слово вслед за учителем в контексте и вне его, учитель исправляет допущенные ошибки;

в) после этого учащийся видит слово написанным и напечатанным и читает его;

г) учащийся сам пишет это слово [3].

Выбор наиболее эффективной системы во многом определяет успех обучения терминологической лексике. Система упражнений должна строиться в виде последовательности упражнений, которая должна быть направлена на: а) усвоение языкового материала; б) развитие необходимых умений и навыков в основных видах речевой деятельности. В связи с этим, в нашей работе мы выделяем два типа упражнений: подготовительные и речевые. Подготовительные упражнения подготавливают учащихся к речи, формируют навыки автоматизированного пользования необходимыми языковыми средствами. Они включают задания на овладение лексико-грамматическим материалом, специфичным для научного стиля речи.

На лексическом уровне - это работа с терминами и терминологическими сочетаниями. Сюда входят задания на усвоение, запоминание и активизацию в речи специальной лексики. Данные упражнения проводятся в течение всего обучения русскому языку. Они являются основным методическим приемом, способствующим развитию у студентов первичных речевых умений. В конечном итоге они направлены на активизацию терминологии в речи. Упражнения должны носить коммуникативный характер, то есть проводиться в форме приближающейся к условиям реальной коммуникации. Например, к подготовительным упражнениям относятся упражнения вопросно-ответного характера, когда учащиеся должны в ответе использовать то или иное слово.

Речевые упражнения развивают навыки употребления термина, подготавливают к его использованию в репродуктивной и самостоятельной речи, помогают осознать значение термина, развивают внимание к научному тексту, насыщенному терминологией.

Использование подготовительных и речевых упражнений в системе позволит нам обеспечить необходимый уровень сформированности профессиональных речевых навыков и умений на основе владения необходимыми языковыми средствами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Митрофанова О.Д. Научный стиль речи: проблемы обучения. - М.: Русский язык, 1985. с.40.
2. Кожин А.Н. Функциональные типы русской речи. - М.: Высшая школа, 1982. с.93.
3. Колесникова А.В. Проблемы обучения русской лексике. - М.: 1977 с.57.
4. Бабаходжаева М. О раскрытии значения термина // Русский язык в национальной школе. - 1981. - №6. с. 46-49.
5. Вишнякова Н.Г. Определение состава и объема терминологического словаря-минимума для неязыковых факультетов педуза // Сб. науч. трудов. - М., 1980. - с. 81-98.
6. Даниленко В.П. Русская терминология. Опыт лингвистического описания. - М.: Русский язык, 1980. - 252 с.
7. Митрофанова О.Д. Научный стиль речи: проблемы обучения. - М.: Русский язык, 1985. - 128 с.

8. Колесникова А.В. Проблемы обучения русской лексики. М.: Русский язык - 1977.-80 с.
9. Кожин А.Н., Крылов О.А., Одинцов В.В. Функциональные типы русской речи. - М.: Высшая школа, 1982.-223 с.

РОЛЬ ТЕРМИНОЛОГИИ В ФОРМИРОВАНИИ РУССКОЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ РЕЧИ

Содержание практического курса русского языка обычно складывается из целого ряда аспектов, главным из которых является формирование и развитие речевых навыков и умений в четырёх основных видах речевой деятельности. Для студентов национальных групп главным мотивационным моментом является овладение языком специальности, как средством повседневного общения.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: терминология, формирование русской профессиональной речи, речевая деятельность, русская профессиональная речь.

TERMINOLOGY ROLE In FORMATION of RUSSIAN PROFESSIONAL SPEECH

The maintenance of a practical course of Russian usually develops of variety of aspects the main thing from which is formation and development of speech skills and abilities in four principal views of speech activity. For students of national groups the main motivational moment is mastering by specialty language, as means of daily dialogue.

KEY WORDS: terminology, formation of Russian professional speech, speech activity, Russian professional speech,

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: *Г.М. Ходжиматова* - кандидат педагогических наук, и.о. доцента кафедры «Методика преподавания русского языка и литературы» Таджикского национального университета

ХУСУСИЯТҲОИ ҲОСИ ФОНЕТИКӢ (ОВОЗӢ)-И МУАРРАБОТИ ФОРСИИ ТОҶИКӢ ДАР ЗАБОНИ АРАБӢ

А. Наҷотов

Донишгоҳи миллии Тоҷикистон

Ҳама гуна иқтибосоте, ки аз як забон ба забони дигар иқтибос мешаванд, одатан, бо тағйиротҳои мухталифи фонетикӣ дучор шуда, ба қонуну қоидаҳои овозии забони иқтибосгиранда ва меъёрҳои талаффузи он тобеъ ва созгор мегарданд. "Овози бегонае, ки дар низоми фонетикӣ забони иқтибосгиранда муодили овози надорад, - менависад Е.Д. Поливанов, - одатан, аз он ҷо ки овози мутобиқи забони иқтибосшавандаро надорад, барои он душвор ва ғайриодӣ буда, бо овози наздики забони худ онро иваз менамояд" (1, 58).

Муарработ ё худ иқтибосоти форсӣ-тоҷикӣ, ки дар забони арабӣ ворид гардидаанд, дар муқоиса ба асли худ, ба сабаби фарқиятҳои ҷиддии низоми овозии забони форсии тоҷикӣ ва забони арабӣ ба тағйироти ҷиддии фонетикӣ дучор гардидаанд.

Роҷеъ ба тағйиротҳои фонетикӣ муарработ дар забони арабӣ ховаршиносон Ричард Фрай (2, 252-258), донишмандони эронӣ Маликушшуаро Баҳор (3, 282-285) ва Эҳсон Ӯршотир (4, 70-79) таваққуф кардаанд. Ховаршиносон Г. Виденгрэн (5), В. Эйлерс (6) ва А. Цеферӣ (7), луғатнигорони асримиёнагии араб Алҷаволиқӣ (8), Аҳмад Алҳафочӣ (9) ва муҳаққиқи муосир Абду Шер (10) низ доир ба қоидаҳои қонунҳои тағйироти муарработ ишора кардаанд.

Муарработи форсии тоҷикӣ ҳанӯз баъди тадвин гардидани Қуръони карим диққати донишмандонро ба худ ҷалб карда, роҷеъ ба онҳо ва сабабҳои пайдоиши онҳо фикру ақидаҳои мухталиф дар забоншиносии араб пайдо гардида, як бахши асосии лексикологияи забони арабиро ташкил додаанд.

Забоншиносии араб Ассуютӣ дар китоби "*Алмузҳир фи улум аллуға ва анвоъиҳо*" (11) қонуниятҳои зерини тағйиротҳои фонетикӣ муарработро ишора мекунад, ки аз назари забоншиносии муосир ва бахши фонетика аҳамияти хоса дорад. Ассуютӣ дар ин ақида мебошад, ки *вожаҳои иқтибосӣ* ё худ *муарработ* бояд дорои хусусиятҳои зерин бошанд:

1. Вожаи муарраб-ро бояд, ки яке аз забоншиносони шинохта зикр карда бошад.
2. Ин вожа дар чорҷӯби вазнҳои исмҳои арабӣ ҷой нагирифта бошад, мисли *ибрайсам*, ки чунин вазн дар сохтори исмҳои забони арабӣ вучуд надорад.
3. Вожаи муарраб дар аввал ҳарфи нун ва баъди он ҳарфи ре дошта бошад, мисли: *нарчис*, зеро чунин шакл дар калимаи арабӣ вучуд надорад.
4. Охири чунин исм ҳарфи зайн ва баъди он дол бошад, мисли *муҳандиз*, зеро чунин шакл дар калимаи арабӣ вучуд надорад.
5. Дар чунин вожаҳо ҳарфи сод ва чим гирд омада бошад, мисли *савлаҷонва час*.
6. Дар чунин исмҳо ҳарфҳои чим ва қоф бо ҳам гирд омада бошанд, мисли *манҷаниқ* (11, 270).

Аз ин гуфтаҳои Ассуютӣ чунин натиҷагирӣ кардан мумкин аст, ки ҳанӯз забоншиносони қадими араб роҷеъ ба вожаҳои бегона дар забони арабӣ қонуну қоидаҳои мушаххасро мушоҳида карда

буданд, ки онҳо дар қорҳои забоншиносони баъдина такмил ёфтаанд ва бе назардошти ин қонуниятҳо таҳлили фонетикӣ ва семантикӣ онҳо номумкин аст.

Маводеро, ки мо аз сарчашмаҳо гирдоварӣ намудем, нишон дод, ки аксари мутлақи вожаҳои муарраб исмҳои ташкил медиҳанд, ки номҳои ашӯҳои мушаххас ва ҳодисаю падидаҳоро ифода менамоянд.

Ҳангоми истифодаи вожаҳои муарраб, чунонки аз маводи таҳқиқшаванда берун меояд ва забоншиносон чун Алҷаволиқӣ низ қайд менамоянд, одатан, ҳарфи бегона ба ҳарфи ба забони арабӣ муносиб иваз карда мешавад. Чунин қорро онҳо барои он мекунанд, ки ҳарфҳои хоси дар забони арабӣ набударо иқтибос накунанд (8, 54).

Аз ин гуфтаи Алҷаволиқӣ чунин бармеояд, ки муарработ ба субститутсияи фонематикӣ ё худ тағйиротҳои овозии ҳарфҳои як забон ба ҳарфҳои забони дигар иваз мегарданд. Ҳангоми азхудшавӣ дар забони арабӣ бисёре аз муарработ ба овозҳои забони арабӣ мувофиқ гардида, шакли талаффузи вожаи муарраб тағйир дода мешавад. Масалан, дар муарработи таҳқиқшуда овози форсии *г* ба овози арабии *ч* иваз карда мешавад: *гавҳар*- ҷавҳар; *гулнор* - чулнор, *гарм*- ҷарм ва ғайра.

Муарработ баъди азхудшавӣ дар забони арабӣ на танҳо аз назари овози тағйир ёфтаанд, балки вожаҳо, ки бо садоҳои кӯтоҳи *а* ба охир мерасанд, баъди ба забони арабӣ гузаштан дар онҳо ду ҳамсадои арабии *ҷ* ва *қ* иваз карда мешавад. Масалан вожаи *бунафшаҷ*- номи растани, ки дар форсии миёна *ванафшаҷ* ва дар форсии муосир ва тоҷикӣ дар шакли *бунафша* аст; *фолузаҷ* – ширинӣ аз орд ва асал, ки дар форсии миёна *полудаҷ* ва забони форсии тоҷикӣ дар шакли *полуда* мебошад; *файҷ*- пайк, паёмрасон, ки дар форсии миёна дар шакли *пайғ* ва дар забони форсӣ ва тоҷикӣ дар шакли *пайк* мебошад.

Барои муайян кардани хусусиятҳо ва фарқиятҳои фонетикӣ муарработи форсии тоҷикӣ дар забони арабӣ бояд қонуниятҳои тағйирёбии ва гузариши овозҳои форсиро дар забони арабӣ муайян кард. Ба назари мо, фарқиятҳо аз ин қарор мебошанд: 1) муарработи форсии ба арабӣ дохилгардида пеш аз Исломи ососан, дар шакли шифоҳӣ ба забони арабӣ дохил шуданд, дар ҳоле иқтибосоти арабӣ ба забони тоҷикӣ бештар ба воситаи дин ва адабиёти хаттӣ ворид гардиданд; 2) бисёре аз муарработ ба сабаби вучуд надоштани хатти арабӣ то давраи Исломи аз миён рафтанд ва як қисми ночизи онҳо боқӣ монд, дар ҳоле иқтибосоти арабии ба тоҷикӣ ворид гардида, дар забони тоҷикӣ боқӣ монданд; 3) муарработ ба сабаби пайвандҳои заифи фарҳангӣ, забонӣ ва динӣ дар қисм ба иқтибосоти арабии дар замони Исломи дохил гардида бештар ба тағйиротҳои фонетикӣ ва ҳатто семантикӣ зерин дучор шудаанд.

А. Тағйиротҳо дар садонокҳо. Забони тоҷикӣ ва арабӣ дорои низомҳои мухталифи овозӣ мебошанд. Забони тоҷикӣ ва арабӣ дорои садонокҳои дароз ва ҳамсадохое мебошанд, ки хусусияти маънисозӣ доранд. Низомии овозии забони арабӣ ва забони форсии тоҷикӣ ҳарчанд аз ҷиҳати овозҳои садонок бо ҳамдигар як қаробатеро доро бошанд ҳам, вале аз лиҳози садонокҳои нугизабонӣ, ҳалқӣ ва шиддатнок талаффузшаванда фарқиятҳои ҷиддӣ доранд.

Тарзи талаффузи ҳамсадоҳо дар забони арабӣ дорои чунин хусусиятҳо мебошад: 1) вучуди шавшув дар овозҳо; 2) оҳанги мусиқӣ овоз, зеро ҳамсадоҳо аз ҷиҳати овоз ба ҳамсадоҳои ҷарангдор ва бечаранг тақсим мешаванд; 3) палатализатсия ё нармқунӣ овоз, мисли африкати [ч]; 4) шиддатноксозии овоз: ط [т], ض [д], ص [с] ва ظ [з].

Муқоисаи низомии овозии забони тоҷикӣ ва арабӣ нишон медиҳад, ки онҳо аз ҷиҳати миқдори ҳамсадоҳо аз ҳамдигар фарқи ҷиддӣ доранд: 1) дар забони тоҷикӣ 35 ҳарф, дар арабӣ 28 ҳарф мавҷуд аст; 2) ҳамсадоҳои тоҷикӣ дар бисёр ҳолатҳо аз ҳамсадоҳои арабӣ бо нармию мулоимии худ фарқ мекунанд; 3) дар забони арабӣ чунин ҳамсадохое мавҷуд аст, ки онҳо дар низомии овозии забони тоҷикӣ вучуд надоранд; мисли ҳамсадоҳои байнизабонии ذ [з], ث [с], ҳамсадоҳои шиддатнок талаффузшаванда ط [т], ظ [з], ص [с], ض [з], ҳамсадоҳои ҳалқӣ ع [г], ح [х]-ҳе ҳуттӣ ء (ҳамза) ва ғайра. Аз ҷиҳати дигар, дар забони форсии тоҷикӣ чунин ҳамсадохое мавҷуд аст, ки дар низомии овозии забони адабии арабӣ мавҷуд нестанд: پ [п], چ [ч], ژ [ж] ва گ [г].

Дар забони арабӣ шаш садонок мавҷуд аст, ки сеи он дароз [а], [у], [й] ва сеи дигар кӯтоҳ аст [а], [у], [й], дар забони тоҷикӣ низ шаш садонок аст, ки сеи он [о], [ӯ], [е] дароз буда, сеи он [а], [у], [й] кӯтоҳанд.

Б. Субститутсия (ҷойивазкунӣ ҳамсадоҳо). Яке аз падидаҳои зиёд такроршавандаи овозӣ дар забонҳо ҷойивазкунӣ овози бегонаи забон ба овози худӣ мебошад.

1. **Табдил ёфтани ҳамсадои [пе]-и форсии тоҷикӣ ба ҳамсадои [бе]-и арабӣ.** Бо назардошти ин ки забони арабӣ аслан ҳамсадои [пе]-и форсии тоҷикӣ надорад, табиист, ки ҳамон калимаҳои муаррабе, ки аз тоҷикӣ ба ҳамсадои [пе] гузаштаанд, ба [бе]-и арабӣ табдил ёфтаанд, зеро гузариши [пе] ба [бе]-и арабӣ як қонунест, ки на танҳо дар муарработи қадимаи арабӣ, балки дар замони муосир низ

мушохида мешавад: *байдак*-чамъаш *баёдик* – пиёда дар форсии миёна паёдаг; *бушт* – пушт; бобуш попуш; *байк*–пайк, *бок*–пок.

2. **Табдил ёфтани ҳамсадои [че]-и форсии тоҷикӣ ба ҳамсадои [че]-и арабӣ.** Дар забони арабӣ ҳамсадои пешизабонии тоҷикии [че] вучуд надорад ва чунонки маводи гирдоваригардида нишон медиҳад, гузариши ин овози забони тоҷикӣ ба ҳамсадои арабии [че] як қоидаи маъмулӣ буда, қариб дар ҳама сарчашмаҳои забоншиносӣ, лексикографӣ, адабӣ, чуғрофӣ ва таърихӣ, ки мавод чамъоварӣ гардид, ин ҳолат ба мушохида расид: *чаҳоркоҳ* – чаҳоргоҳ; *чанк* – чанг; *чархӣ* – чархӣ; *чишмизач* – чашмизак навъе аз доруи чашм аст, *чурух* – чарх, ки аз он тир ё санг паронанд; *чатр* – чатр; *чумчум* – чумчум навъе аз попушӣ.

3. **Ҳамсадои [ғ]-и тоҷикӣ ба [ҷим]-и арабӣ табдил меёбад.** Ҳамсадои [че]-и арабӣ аффрикати ҷарангдори пешизабонӣ буда, аз ҷиҳати талаффуз ба ҳамсадои тоҷикии [че] монанд мебошад. Маводи гирдоваришудаи муарработи форсии тоҷикӣ нишон медиҳад, ки ҳамсадои [ғе]-и форсӣ ба аффрикати [че]-и арабӣ табдил мешавад: *арҷувон* – арғувон.

4. **Табдил ёфтани садоноки кӯтоҳи тоҷикии [а] ба ҳамсадои арабии [ч]**
Садоноки кӯтоҳи тоҷикӣ [а] дар вожаҳои муарраб одатан, ба ҳамсадои [че] иваз мегардад, мисоли: *барномач* – барнома; *амлач* – амла, ки навъе аз даво мебошад; *ванач* – вана навъе аз сози мусикӣ; *набахрач* – набахра навъе аз пули бад; *ёрач* – ёра.

5. **Табдил ёфтани ҳамсадои [ге]-и форсии тоҷикӣ ба ҳамсадои [че]-и арабӣ**
Ҳамсадои форсии [г] одатан дар арабӣ дар вожаҳои муарраб дар аввал ва мобайни калима ба ҳамсадои [ҷ]-и арабӣ табдил меёбад: *чунбад* – гунбаз, *лиҷом* – лигом, *нарҷис* – нарғис, *ҷавҳар* – гавҳар, *ҷурз* – гурз, *ҷулистон* – гулистон, *ҷомус* – гавмеш, *ҷулнор* – гулнор ва даҳҳо калимаҳои дигар.

6. **Табдил ёфтани ҳамсадои [пе]-и форсии тоҷикӣ ба ҳамсадои [бе]-и арабӣ**
Ҳамсадои лабии тоҷикии [пе] ба ҳамсадои арабии лабии [бе] табдил меёбад: *байк* – пайк, *биёда* – пиёда, *бушт* – пушт, *бобуш* – попуш.

7. **Табдил ёфтани ҳамсадои [ге]-и форсии тоҷикӣ ба ҳамсадои [че]-и арабӣ.** Дар баъзе ҳолатҳо ҳамсадои тоҷикии [г] дар муарработ ба ҳамсадои [ҷ]-и арабӣ табдил меёбад: *гуноҳ* – чуноҳ. Ҳамсадои тоҷикии нарми ҳалқии [хе] ё худ [ҳе]-и ҳавваз ба ҳамсадои ҳалқии арабии [ҳе]-и хутгӣ мегузарад: *чуноҳ* – гуноҳ, ки дар Куръон (2: 158, 229, 230, 233, 234, 240) низ истифода гардидааст.

8. **Ҳамсадои [де]-и тоҷикӣ ва [дол]-и арабӣ.** Ҳамсадои [дол]-и арабӣ ҳамсадои пешизабонӣ буда, бо ҳамсадои тоҷикии [де] монанд буда, дар арабӣ чун ҳарфи шамсӣ ҳангоми ба артикли муайянии "ал" омадан шиддатноктар талаффуз мегардад. Дар вожаҳои муарраб қонуниятӣ гузариши овози [зе]-и тоҷикӣ ба овози ҳамсадои нугизабонии [дол] мушохида гардид: *чунбуз* – гунбад, *мубаз* – мубад, *хирбиз* – хирбид (пешвои зардуштиён), *мониз* – монда, монид.

9. **Ҳамсадоҳои [зол] ва [зайн]-и арабӣ.** Ҳамсадои дандонии арабии [зол] ҳарчанд дар забони форсии тоҷикӣ дида намешавад, вале дар забонҳои эронии бостон вучуд дошт. Дар калимаи муарраби *коғаз*) шакли $\text{ك} \text{ا} \text{ز}$ (коғаз) мушохида гардид. Ҳамсадои [зайн]-и арабӣ, ки асосан мутобиқи ҳамсадои тоҷикӣ [зе] мебошад, дар шакли муарраби калимаи арабии *кафшалил* – кафлез мушохида гардид, ки дар ин ҷо [ке]-и форсӣ ба [коф]-и арабӣ ва [зе]-и форсӣ ба [лом]-и арабӣ табдил ёфтааст.

10. **Ҳамсадои [син]-и арабӣ – [се]-и тоҷикӣ.** Ин ҳамсадо дар арабӣ аз ҷиҳати талаффуз ҳамсадои пешикомӣ буда, аз ҷиҳати талаффуз бо ҳамсадои пешикомии тоҷикии [се] монанд аст, танҳо бо ин фарқ, ки он дар калимаҳои арабӣ артикли муайяни "ал" доранд, шиддатноктар талаффуз мегардад. Дар муарработ ҳамсадои [ше]-и форсӣ ба [се]-и арабӣ мегузарад: *даст* – дашт, *шарвол* – шарвол, *мишк* – мушк, *таст* – ташт.

11. **Ҳамсадои [шин]-и арабӣ – [ш]-и тоҷикӣ.** Ин ҳамсадо ҳамсадои пешикомии молишхӯранда (фрикативӣ) буда, ба ҳамсадоҳои пасти шавшувдор дохил аст. Аз ҷиҳати талаффуз ба ҳамсадои тоҷикии [ше] монандӣ дошта, дар калимаҳои арабӣ, ки бо артикли муайяни "ал" меоянд, шиддатноктар талаффуз карда мешавад. Маводи гирдоваришуда нишон дод, ки гузариши ҳамсадои комузабонии тоҷикии [че] ба ҳамсадои [ше]-и арабӣ як қонуни забонӣ аст: *шинна* – чошнӣ (таъмчашак), *шаршаф* – чоршаб (ҷодари болои курпа), *шиншир* – чоҳчур (навъе аз шарвар), *шубак* – ҷубак, *шой* – чой. Ҳамчунин дар бархе вожаҳои муарраб гузариши овози [зе]-и тоҷикӣ ба [ше]-и арабӣ мушохида гардид: *равшан* – равзан.

12. **Ҳамсадои [сол]-и арабӣ.** Ин ҳамсадои шиддатноки пешизабонии арабӣ, ки дар забонҳои эронӣ ва аз он ҷумла забони тоҷикӣ муодил надорад, овозҳои зерини форсии тоҷикиро ифода мекунад: Дар муарработ гузариши ҳамсадои [че]-и тоҷикӣ ба ин ҳамсадо мушохида мешавад: *савлаҷон* – савгон, *сақр* – сарғ, *сак* – сак, сак (нома), *сарм* – сарм, *санҷ* – санг, *сандал* – чандал. Ҳолатҳои гузариши [се]-и тоҷикӣ ба ҳамсадои [сол]-и арабӣ низ мушохида гардид: *сард* – сард, хунук, *сурноя* – сурнай, *санҷа* – санга (санги тарозу), *садо* – садо.

13. **Ҳамсадои шиддатноки [зод]-и арабӣ.** Ин ҳамсадо хоси забони арабӣ буда, ҳамсадои чарангдори пасизабонии тарканда мебошад ва дар забони тоҷикӣ муодил надорад. Дар вожаҳои муарраби форсӣ дар гузариши ҳарфҳои [де] ва [се]-и форсӣ мушоҳида гардид: *занк* – данк (аҳмак); Дар мавриди [се]-и форсӣ бошад, дар чунин вожаҳо ба ҷашм расид: *исрич* – исранҷ (ранги сурх).

14. **Ҳамсадои [го]-и арабӣ ва [ге]-и тоҷикӣ.** Ҳамсадои [го]-и арабӣ ҳамсадои пасизабонии таркандаи бечаранг буда, дар забони тоҷикӣ муодил надорад. Дар вожаҳои зерин гузариши [ге]-и тоҷикӣ ба ин ҳамсадои арабӣ мушоҳида шуд: *танбур* – танбур, *тос* – тос (зарфи обу шаробхӯри), *ташт* – ташт, *тироз* – тироз, *табарзад* – табарзад, *тайласон* – толишон, *тасма* – тасма.

15. **Ҳамсадои [гайн]-и арабӣ.** Ин ҳамсадо ҳамсадои ҳалқӣ буда, асосан хоси забони арабӣ мебошад, вале дар муарработи форсии тоҷикӣ дар калимаи *бож* ба шакли арабии *боъ* табдил ёфтааст.

16. **Ҳамсадои [гайн]-и арабӣ ва [ге]-и тоҷикӣ.** Ин ҳамсадо ҳамсадои комии чарангдори чуқур буда, дар тоҷикӣ низ вучуд дорад. Дар вожаҳои муарраб дар калимаи форсии *ғоз* – ғоз мушоҳида гардид.

17. **Ҳамсадои [фо]-и арабӣ ва [фе]-и тоҷикӣ.** Ин ҳамсадои лабии арабӣ дар тоҷикӣ низ ба сурати арабӣ талаффуз мегардад, вале дар муарработ чунин овозҳои форсиро иваз карааст. Барои мисол: гузариши [пе]-и форсӣ аз сабаби вучуд надоштани овози [пе] дар забони арабӣ як қонун аст: *файч* – пайк, *афюн* – апюн, *фил* – пил, *файмон* – паймон, *фанор* – панор *фулоз* – пӯлод, *фолузач* – полуда, *фустук* – писта, *фуроник* – парвонак, *финҷон* – пингон.

18. **Ҳамсадои [к]-и тоҷикӣ ва [қоф]-и арабӣ.** Ин ҳамсадои ҳалқукомии арабӣ хоси забони тоҷикӣ низ мебошад. Вале дар муарработ дар овозҳои зерини тоҷикӣ мушоҳида гардид: *қайравон* – қорвон, *қанд* – канд, *қунд* – кунд, *қиндил* – киндил (чилчароғ), *қанаб* – канаб, *қаманҷар* – қамонгар, *қафдон* – кафдон, *қобус* – кобус (марди зебо). Ин ҳамсадои арабӣ, инчунин бо [ге]-и форсӣ низ иваз гардидааст. Масалан: *фуқоъ* – фугон (шаробе, ки аз ҷав ва мавиз тайёр карда мешавад), *қардан* – гардан, *қусбанд* – гӯсфанд, *қандафир* – гандапир, *қассор* – гозар (ҷомашӯ); ва ҳамчунин дар ивази ин садоноки арабӣ садоноки [а]-и тоҷикӣ истифода шудааст. Монандӣ: *бошақ* – боша, *ялмақ* – ялма, *хафтақ* – хафта, *нармақ* – нарма, *мӯхрақ* – мӯхра.

19. **Ҳамсадои [қоф]-и арабӣ.** Ин ҳамсадои мобайникомии чарангдори тарканда ба ҳамсадои тоҷикии [ке] монанд буда, муарработи бо ҳарфҳои [ге] ва садоноки *а*-ро ифода мекунад: *қазмозик* – газмозик; *найзак* – найза.

20. **Ҳамсадои [лом]-и арабӣ.** Ин ҳамсадои чарангдори арабӣ [ре]-и форсиро ба "ле" табдил медиҳад: *талкаш* – таркаш.

21. **Ҳарфи садоноки [й]-и арабӣ.** Ин ҳарф дар муарработи форсӣ [ве]-и тоҷикиро ба [й]-и арабӣ табдил медиҳад: *найруз* – наврӯз.

Дифтонгҳо. Дар забони арабӣ ду дифтонг мавҷуд аст: [аӯ] ва [ай]. Дифтонгҳои арабӣ дар ҳамин шакл дар забони тоҷикӣ низ вучуд доранд ва фонемаҳои мустақил ва воҳидҳои овозии пайваст нестанд. Онҳо танҳо дар калимаҳои вучуд доранд, ки дар онҳо ҳамсадоҳои [вов] ва [й] мавҷуд мебошанд. Дар муарработ ҳолати гузариши дифтонги форсии [аӯ] ба дифтонги [ай] мушоҳида шудааст: *найруз* – наврӯз.

Аз таҳқиқи муқоисавии тағйиротҳои фонетикӣ муарработи форсии тоҷикӣ ба чунин хулосаҳо омадем:

1. Муарработи форсии тоҷикӣ дар забони арабӣ дар аксар мавридҳо сурати пештараи худро куллан тағйир додаанд. Сабаби ин, ба назари мо, аввал ба сурати шифоҳӣ гузаштани онҳо ба забони арабӣ буда, сабаби дигар ва аз ҳама муҳим он аст, ки низоми овозии забони форсии тоҷикӣ ба низоми фонетикӣ забони арабӣ мувофиқ нест.

2. Ҳарчанд қонуниятҳои гузариши овозҳои бегона, аз ҷумла форсии тоҷикӣ ба арабӣ, дар асарҳои забоншиносони араб ва махсусан Ассуютӣ шарҳу баён гардидаанд, вале дар низоми гузариши муарработ як беназмие дида мешавад, ки ба эҳтимоли қавӣ ҳамон номувофиқии овозҳои форсии тоҷикӣ бо арабӣ ва талаффузи мухталифи онҳо дар лаҳҷаҳои арабӣ мебошад.

3. Чунонки маълум аст, ҳамсадоҳои [же], [ге], [пе] ва [че]-и форсии тоҷикӣ дар арабӣ вучуд надорад ва дар бисёр ҳолатҳо ҳар кадоми онҳо на танҳо бо як овози арабӣ, балки як ҳарф бо чанд овоз ифода гардидааст, ки ин баёнгари он аст, ки муарработи форсии тоҷикӣ, пеш аз ҳама аз забони шифоҳии форсии тоҷикӣ ба забони шифоҳии арабӣ гузашта, сипас дар қарнҳои охири пеш аз Ислом ва дар оғози он ба осори хаттӣ ворид гардидаанд.

4. Як даста вожаҳои форсии тоҷикӣ шояд хеле барвақт ба забони арабӣ гузашта, чунон ба тағйиротҳои куллии дучор гардиданд, ки форсии тоҷикӣ будани онҳо фаромӯш гардида, арабӣ шудани онҳо воқеист, ки намунаи онҳо дар китоби "Алмузхир"-и Ассуютӣ ба ин қарор аст: *фаррош*, *каф(ф)*, *соқ*, *баззоз*, *ваззон*, *кайёл*, *массох*, *байёъ*, *даллол*, *сарроф*, *баққол*, *ҷамол*, *хаммол*, *қассоб*, *байтор*, *роиз*,

тарроз, хайёт, харрот, амир, халифа, вазир, хочиб, қозӣ, сохибулбарид, сохибулхабар, вакил, сакко, сокӣ, шароб, дахл, харҷ, ҳалол, ҳаром, баракат.

АДАБИЁТ

1. **Сычёва В.А.** Арабские и персидские лексические заимствования в гагаузском языке. Дис. кан. филол. наук. – М., 1972.
2. **Фрай Р.** Аси заррини фарханги Эрон. Мутарҷим Масъуди Рачабниё. Техрон, 1375ш.
3. **ش 4381** تهران. جلد 3 ر فارسي نثر تطور تاريخ يا شناسي سبک بهار تقى محمد بهار
4. **ش 1381** تهران. مجلسى فریدون ترجمه اسلام جهان در ايران حضور احسان طريارشاد: يارشاطر
5. **Widengren, Geo,** Iranisch-semitische Kulturbegegnung in parthischer Zeit, Cologne and Uplander: Westdeutscher Verlag, 1960; Die Religionen Irans, Stuttgart: W. Kohlhammer Verlag, 1965.
6. **Eilers Wilhelm,** "Das iranische Lehngut im arabischen Lexikon: Über einige Berufsamen und Titel" Indo-Iranian Jomal, Herbert W Duda zum 60. Geburtstag (1961-1962), pp. 203-32; Iranische Ortsnamen studien, Osterreichische Akademie der Wissenschaften. Philos.-hist. KL. vol. 465, Vienna, 1987.
7. **Jeffery Arthur,** The Foreign Vocabulary of the Quran, Baroda: Oriental Institute, 1938.
8. **الکتبدار المعجمجروف على الأعجمي الكلام من المعرب.** الجوالقي منصور أبو: الجوالقي
9. **بيروت، العلمية الکتبدار کتاش محمد لکتور وصححه له قم، الدخيل من العرب كلام في اقيم الغليل شفاء: عو بن محمد بن أحمد الدين شهاب، الخفاجي** 1418هـ-1998م.
10. **بيروت، 1980،** المعربة الفارسية الألفاظ معجم. شيرآدى: شير
11. **تا لا بيروت، الفكر دارو آخران المولى جاد أحمد محمد ضبطه و شرحه و أنواعها اللغة علوم في المزهر: بكر ياب بن عبدالرحمن الدين جلال: السيوطي.**

ФОНЕТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПЕРСИДСКО-ТАДЖИКСКИХ ЗАИМСТВОВАНИЙ В АРАБСКОМ ЯЗЫКЕ

В статье делается попытка на основе фактического материала из работ арабских средневековых авторов и современных исследователей показать те фонетические особенности персидско-таджикских заимствований, которые подверглись в течении долгого исторического процесса значительным изменениям.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: персидско-таджикские заимствования, фонетические особенности, арабское и персидское языкознание, лексикография, субституция, эмфатические, аффрикаты, палатализация.

PHONETIC FEATURES PERSIAN-TAJIK LOANS IN THE ARABIAN LANGUAGES

In article attempt on the basis of an actual material from works of the Arabian medieval authors and modern researchers becomes to show those phonetic features of the Persian-Tajik loans which have undergone in a current of long historical process of considerable changes.

KEYWORDS: Persian-Tajik loans, phonetic features, the Arabian and Persian linguistics, a lexicography, substitution, emphatic, affricates, palatalization.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: *Абдулмуте Ноджотов* – аспирант заочного обучения кафедры арабской филологии Таджикского национального университета. **Телефон:** 919-04-06-61.

ТОПОНИМЫ УСТРУШАНЫ, СВЯЗАННЫЕ С ДУХОВНОЙ ЖИЗНЬЮ НАСЕЛЕНИЯ

А.Р. Аюбов

Худжандский государственный университет им. Б. Гафурова

Уструшана, богатая своим историко-культурным наследием оставила глубокий след в истории мировой цивилизации. Она очень широко известна своими топонимами, имевшими разнообразные и интересные значения. Среди них особо выделяются топонимы, которые отражают различные аспекты духовной жизни населения.

Исторические источники свидетельствуют, что в древние времена и средние века у народов Хорезма, Самарканда, Бухары и других регионов Центральной Азии отмечался праздник под названием "гули сурх" (красный цветок). Этот праздник был связан с весенним севом. Он начинался в месяце Хамал (с 21 марта) и продолжался в течение месяца.

В некоторых трудах современных авторов название праздника приведено как "праздник красной розы". Действительно, в некоторых регионах существовал праздник, посвященный красной розе, аналогичный как праздник тюльпан, который "...состоял из собирания тюльпанов, изготовления украшенного цветами дерева и торжественного шествия с ним к центру селения". (Сухарева 1986: 32)

Однако в исследуемом нами регионе праздник был посвящен не красной розе, а именно цветку, который расцветал ранней весной в дни празднования Навруза. Анализ сведений о таких праздниках

показывает, что в наших климатических условиях в роли этого цветка мог бы выступать, вероятно, мак, и лишь в некоторых случаях тюльпан.

На существование праздника в некоторых местах, где сейчас не отмечается, указывают некоторые топонимы. Одним из них является название селения Гули сурх, вернее Кальчаи гули сурх ("крепость красного цветка"), который иначе называется Кальчаи Калон, что означает "большая крепость".

По сведениям Н.О. Турсунова, первопоселенцем селения был человек по имени Аминбой, родом из селения Нушканд под Самаркандом. (Турсунов 1991.:256)

Нам кажется, что название селения связано именно с этим праздником, где он очень широко отмечался в Самарканде. Видимо, этот человек, сохранив свои родственно-народные традиции, распространил этот праздник в Уструшане (Ура-тубе).

Позднее за счет переселения других жителей, селение расширилось и получило вторичное название – Кальчаи Калон.

Жители селения Каробуйин относились к роду племенных узбеков рода найман. Судьба этих племен связана с усилением монголо в XIII в. Найманы были вытеснены из своей родной земли, в результате которого часть из них переселилась в Среднюю Азию. Первоначально найманы относились к самым монгольским племенам и язык у них был монгольским, входящий в состав алтайской группы языков. Поэтому и слово "найман" происходит от монгольского "найма", что означает "восемь". Именно столько родов имелось в их племени. (Гумилев 1992: 84)

В процессе перемещения и возможно под давлением тюркских народностей найманы потеряли свой язык и приняли один из диалектов тюркского языка.

Один из родов найман имели название "каробуйин". Они во время военных действий вешали на свои шеи бархатную ленту черного цвета. От этого и происходило название каробуйин, что означает "черная шея". Традиция вешания черной ленты позднее превратилась в обыкновенный этноним.

Среди географических объектов Уструшаны несколько холмов имеют названия, связанные с обрядами населения. Один из них называется Хайит теппа, которая находится вокруг селения Сароби. Видимо здесь проводили праздничные мероприятия, что и следовало появлению такого названия.

Название происходило от узбекского слога "хайит" - праздник. Помимо того, в этих местах находились несколько святилищ - мазары, которые были местами посещения и жертвоприношения людей.

Несколько холмов в различных местах носили название Маслихаттеппа. Буквально это название означает "холм совещаний". Обычно холмы с такими названиями были не очень высокими. По сведениям старожилов, старшины селений, поднявшись на холм, обсуждали всякие вопросы, касающиеся жизни и быта населения.

Одним из распространенных топонимов Центральной Азии является Лангар. Он встречается в некоторых местах Согдийской области Таджикистана и Сурхандарьинской области Узбекистана.

Термину "лангар" придают различные значения. Имея индоевропейское происхождение, он в разные эпохи и у разных народов имел близкое по своему смыслу значение. К примеру, в таджикском языке означает "якорь", "маятник", "шест", "баланс канатоходцев".

По мнению Э.М. Мурзаева в Южном Синцзяне лангаром называли постоялый двор, почтовую станцию. (Мурзаев 1962: 21)

В географическом аспекте такой подход к значению действительно допустим. Потому что селение стояло у караванной дороги, где торговцев обслуживали во время отдыха, которые потом продолжали свой путь.

Но по поводу значения термина "лангар" существует и другая версия, которая в плане нашей статьи считается приемлемой. О.И.Смирнова считает, что "лангар" по своему значению равен термину "ханака", что является святым местом для мусульман. (Смирнова 1950: 60)

Такой же версии придерживается и А.З.Розенфельд. Она пишет: "...в различных районах название Лангар носят кишлаки, в которых или вблизи которых находится почитаемая местная святыня - "священная роща", могила местного святого (Лангарбоши). (Розенфельд: 1978: 67)

Такую версию можно принимать, потому что у селения Лангар находится святыня Лангарота. Она является одним из священных мест Таджикистана. По сведениям Н.О.Турсунова, здесь похоронен некий Исмоил ота - один из ранних мусульманских наставников. (Турсунов 1991: 186)

Одна из местностей, название которой интересно нам в качестве топонима, связанного с обрядом и ритуалом населения является Карасаккол или Карасаккол бобо. Название буквально означает "дед с черной бородой". Здесь расположена гробница священного мусульманского человека по имени Ходжа Абдурахман Авф, т.е. Ходжа Абдурахман помилующий, прозванный Карасаккол. (Турсунов 1991: 257)

Это было местом посещения мусульман, чтобы Карасаккол бобо от имени Аллаха простил их за совершенные грехи. Посещение мусульман учащалось особенно в дни священных мусульманских праздников - Рамазан и Курбан байрам.

Один из топонимов Уструшаны называется Намозгох, который означает "место молитвы". Здесь находилась главная соборная мечеть Ура-тобе, где каждую пятницу собирались люди из различных мест для совершения еженедельной молитвы - нанози джума.

Другим святым местом Уструшаны был Мазори Кучкорак. Мечеть и святилище - мазори кучкорак располагались в одном месте. Название означает "святилище Кучкора". Кучкор - самец барана, которого приносили в жертву во время праздника Курбан байрам.

По мнению академика А.М. Мухтарова здесь похоронен брат одного из арабских полководцев - Шах Фузайл. (Мухтаров 1975:39)

Все эти святыи места в последующее время превратились в целые поселения.

Древним поселением Уструшаны считается рустак Матча. Он находился в долине одноименной речки, которая берет начало в рустаке Паргар и является истоком реки Согд (Зеравшан). С юга был окружен рекой Зеравшан, с севера Туркестанским хребтом. Рустак начинался от связанных между собой ледников Туркестанского хребта и реки Зеравшан, с востока на запад шел по течению реки и продлевался до нынешнего селения Оббурдон.

Согласно документам, найденным на горе Муг название рустака имело форму "mrtskt", что читается Мадрушкат. Однако следует отметить, что древний Мадрушкат находился на правом берегу Зеравшана, на участке старой выючной тропы, пролежавшей по круче берега реки. Поблизости от селения стоят развалины позднего мощного укрепления, возникшего здесь на месте другого. На противоположном берегу реки Волгуу раскинулось обширное городище Хисорак. Возможно, это остатки города мугских документов.

В последующее время топоним "матча" встречается в сочинениях арабо-язычных географов и путешественников. Но совсем в другой форме произношения и написания - "масхо", "масехо".

Мухаммад Бабур побывавший в начале XVI в. в Матче в своих мемуарах использовал термин "машехо". (Бабур 1958: 152)

Такая заметка является небезосновательной. Сегодня жители Оббурдона свидетельствуют, что до половины XX в. старожилы наряду с термином "матчо" *использовали* еще и "масехо".

В старых *словарях*, в том числе в "Тиес-ул-лугот" термин "масехо" в форме "машехо" анализирован следующим образом: "Масехо - однообразный "машехо" (с буквами "шин" - ш и "хо" - х) в сирийском языке означает "святое".

Название в форме "Мастчох" впервые встречается в 30-е годы XX в., и то в текстах на русском языке. "Написать "мастчох", - пишет С.К.Волин, - это значит опереться на народную легенду о том, что это место съезды, и жители сосланные". (Волин 1940: 27)

По поводу значения слова мы думаем, что автор словаря "Тиес-ул-лугот" прав, проанализировав его как "святой". Потому что такой анализ вполне подходит духовной жизни матчинцев. Они сильно верующие люди и поклоняются всему святому. С этой точки зрения, топоним "матчо" можно относить к топонимам, связанным с ритуалом населения.

На востоке Уструшаны, в рустаке Бискар находился город Асбоникат. Название топонима напоминает слово "асб" (асп) - конь, что является согдийским словом. Слово состоит из двух частей: "асбон" - кони и "кат" - город, поселение, и означает "город коней".

Название города, связанное с конем имеет свою основу. Древнеарийские племена к коням имели особое отношение. Они в честь бога Солнца - Хуршед пожертвовали конями. В результате археологических раскопок в развалинах Афросиеба были найдены статуэтки крылатых коней. Имя легендарного героя Фирдоуси в "Шахнаме" - Сиевуша, происходящего от древнеиранского "сияваршана" тоже связано с конем и означает "черный жеребенок".

Согласно хронике Бейши правители Уструшаны восседали на троне, *сделанном в виде золотого коня*. Реальность данного сообщения подтверждается настенной живописью малого зала дворца афшинов Уструшаны, где царский предок восседает на зооморфном троне в виде *протомы коней*. (Мирбабаев 1995: 29)

Арийцы считали коня носителем духа бога - Ахура Мазды. Помимо того конь у них был важным фактором обрядов, связанных с захоронением покойных.

Как считает А.К. Мирбабаев *появлению такого* воображения способствовало географическое пространство Центральной Азии, которое состояло из *бесконечных долин, степей и пустынь*. (Мирбабаев 2006: 71)

Арийцы думали, что вечный мир находится за концом пустыни, и только конь имеет возможность доставлять туда дух человека.

Судя по вышеописанному можно полагать, что почитание коня повлияло на появление многих топонимов, отражающих *духовную жизнь* людей.

Следует отметить, что Асбоникат не *единственный топоним*, созданный словом "асб" (асп). Название древнего города Хазорасп в Хорезме, означающее "тысяча коней", тоже связано с культом коня. Город Исфара

в древности назывался Асбара. Название означает "небесный конь" и оно, как и Асбоникат, Хазораст *отражает культ коня*.

Согласно *авестийским учениям каждый человек имеет свой ангел (фаршишта), который появляется в теле человека до его рождения и останется вечно*.

В Авесте он упоминается *в форме "фраваши", в современном таджикском языке называется: "фаршишта", в арабском "малоика"*.

В старых словарях слово *"фар"* означало "честь", "гордость", "величие", "свет". "Фар" дано человеку для его защиты от всяких неприятностей.

Этот старый термин нашел свое отражение в некоторых топонимах. В верховье Зеравшана одним из таких топонимов является Фарметан, созданный словами "фар" и "метан". "Метан" - древнеиранское слово, происходит от "маехана" и означает "дом", "жилище". И, следовательно, топоним "Фарметан" означает "дом ангелов".

В авесте воспевается Аши (Аши-Рти) - богиня удачи, покровительница правопорядка, благоденствия и плодородия. Полагают, что первоначально слово Аши (этимологически Ар-ти) в значении "воздаяние, достижение, вознаграждение за благочестие, полученное по заслугам", было придумано самим пророком Заратуштрой.

Именно Аши наделяет пророка Хварно (позднее Фарр) - божественной сущностью, обладание которой дает счастье и могущество.

С этой точки зрения, мы полагаем, что название древнего города Харкана (возможно Хваркана) связано с пророком Хварно. Слово "Харкана" как и Фарметан буквально означает "город, дом ангелов".

Древние арийцы землю и воду считали очагом живого существа. В авестийских текстах земля и вода показаны даром, жалованьем Ахура Мазды. В Авесте термин "ап" (об) - вода упоминается более 500 раз. К примеру на вопрос Зороастры (Заратуштра) - пророка огнепоклонников о том, что где земля больше всего радуется, Ахура Мазда отвечает: "...там, где больше воды, пусть выращивают пшеницу, посадят плодородные деревья, а там где болота, пусть их высушат и орошают". (Мирбобоев 2006: 33)

Считая воду даром Бога, огнепоклонники поклонялись ей. Наряду с богом *солнца* – Хуршед (Митра), который почитался как бог союза и гарант договора, они также имели богиню воды - Анохито или Нохид. В честь этой богини существовали храмы, где размещались ее портреты, статуэтки. И до сих пор в некоторых древнейших памятниках материальной культуры арийцев можно обнаружить нарисованный образ этой богини.

Вода в обрядах имела очень важное значение. Она служила ритуальным очищением, составляла элемент различных обрядовых комплексов, в том числе хозяйственного цикла.

Культ воды отражен в некоторых топонимах Уструшаны. Название реки Зеравшан в древности связано с почитанием воды. В.В. Бартольд о древнем названии реки пишет: "Река, которая обязана своей культурой местности, в мусульманской литературе не имеет особого названия. Предполагаемое домусульманское название Намик было забыто уже в первые века ислама". (Бартольд 1965: 185)

Но даже после этого, вплоть до XVIII в. нынешнее название реки не встречается в исторической литературе. В китайских источниках реку называют Нами. На основании китайской транскрипции некоторые ученые предполагают, что они сообщают древнее название реки. (Якубов 1988: 19)

Корень слова "нам" означает "почитать", "поклоняться". Древнегреческие авторы упоминают реку под названием Политимет. Это название по своему смыслу равнозначно слову "намик" - многотимый.

Следует отметить, что *почитание* воды существует и *в настоящее время*. Особое место в этом отношении занимает почитание источников. Это обусловлено тем, что люди видят в них целебные *свойства*, приписывают им сверхъестественную силу. *После распространения ислама* этим древним святыням приписывались различные мусульманские легенды. Так, например, возникновение из ряда источников связывается с легендами о пребывании в этих местах тех или *иных* мусульманских святых.

Чашмаи мазори кабуд ("*источник голубого святилища*") - источник в селении Боги Калон был местом посещения женщин. Он якобы служил для них "исцелением".

Такая же легенда существует и об источнике Карасаккол в Шахристане. Некоторым источникам приносили жертву, бросая в них монеты. Следует отметить, что эти жертвоприношения имели даже свои обычаи.

На границе Уструшаны с Согдом располагались несколько ее древних городов. Одним из них являлся город Хушуванг, который имел и другое название - Катвандиз. Оба названия *связаны с зороастрийским культом*.

Название Хушуванг создано словами "хуш" и "ванг". Слово "хуш" в нашем понимании означает "красивый". А "ванг" в иной форме "банг", "фанг" означает "храм". Разновидность *второй* части слова, происходящего от согдийского "βул" - храм зависит от произношения со стороны разных арабоязычных авторов. Независимо от *этого* словосочетание "*Хушуванг*" означает "красивый храм".

Второе название города - Катвандиз имеет тесную связь с первым. Основу названия составляет слово "ван", означающее в согдийском "кустарник", "дерево", "лес". С этим словом существуют некоторые топонимы, такие как Ванбаг (Ходжент), Севан (озеро в Армении).

В древние времена люди под названием "ван" имели ввиду сорт ветки ивы. В Ходженте эта ветка называлась "истак". По сведениям А.К. Мирбобоева кустарник "истак" рос в воде, на левом берегу Сырдарьи. (Мирбобоев 2006: 45)

По причине того, что истак рос в воде, люди поклонялись ему. Эта традиция была распространена у всех арийских племен.

Мы полагаем, что название Катвандиз связано с этим кустарником (ван). Видимо здесь тоже рос такой кустарник. Став объектом почитания у людей, они построили в его честь тот самый "хушуванг" – крепость (див).

В Уструшане существовали несколько священных архитектурных памятников, название которых нашли отражение в топонимах местности. К таким сооружениям относятся мечети Кок гумбаз (голубой купол), Масчиди сафед (белая мечеть), Масчиди бурчак (угловая мечеть).

Медресе и мечеть Кок гумбаз считаются старейшим архитектурным памятником. Впервые об этом памятнике еще в 20-е годы XX в. писал А.А. Семенов. (Семенов 2005: 5)

Часть крепости с цитаделью мечеть и медресе сохранили свою первоначальную облицовку. Купол мечети отделан голубыми камнями, отсюда и происходит название Кок гумбаз - голубой купол.

Самое важное в этих памятниках материальной культуры в том, что они стали фактором для появления новых населенных пунктов вокруг них, при этом отражаясь на названиях этих поселений.

В городе Истаравшан находится квартал Хавзи морон (бассейн змеи). Название квартала возможно связано с культом змеи. Среди таджиков и некоторых групп узбеков сохранились представления о змее как о символе безопасности, защите от дурного глаза и нападения злых духов. Эти представления можно считать пережитками культа змеи.

Култ змеи, в основном белой змеи, существовал еще в древности. М.С. Андреев писал: "...домашнюю змею, живущую у себя в доме, в особенности если она белого цвета таджики не убивают - грех.". (Андреев 1928: 113)

Исходя из этих соображений, мы полагаем, что в бассейне, который, стал основой для нового поселения, обитали змеи. Люди согласно своим представлениям, не убивая их, даже стали поселяться в этой местности. А название, связанное с культом змеи, сохранилось до наших дней.

Таким образом, духовная жизнь людей всегда была стимулом материальной жизни всего человечества. Помимо того, она повлияла даже на природные дары земли - холмы, реки, озера, горы и другие географические объекты, найдя свое отражение в их названиях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреев М.С. Поездка летом 1928 г. в Хасанский район // Изв. общества для изучения Таджикистана и иранских народностей за его пределами. Т.1. Ташкент. 1928.
2. Бабурнаме. Записки Бабур. Ташкент. 1958.
3. Бартольд В.В. К истории орошения Туркестана. Т.111, М. 1965.
4. Волин С.К. К вопросу о замке на горе Муг. В кн.: Волин 1940. Труды Таджикской базы АН СССР. Т. IV. МЛ.
5. Гумилев Л.Н. От Руси до России. Спб. 1992.
6. Мурзаев Э.М. Топонимика Синдзяна. В кн.: Топонимика Востока. М. 1962.
7. Мирбабаев А.К. Дахмаки Курката и проблемы зороастрийской идеологии в Северной Средней Азии. АДД, Душанбе. 1995.
8. Мирбобоев А.К. Накши ориёнӣ дар тамаддуни ӯланӣ. Худжанд, 2005.
9. Ровенфельд А.З. Проблемы региональности и десемантизации в таджикской топонимии. В кн.: Ономастика Средней Азии. М. 1978.
10. Семенов А.А. Материальные памятники арийской культуры // Семенов 2006: Наследие предков, №9.
11. Смирнова О.И. Вопросы исторической топографии и топонимии Верхнего Зеравшана. В кн.: Материалы и исследования по археологии СССР, №15. 1950.
12. Сухарева О.А. Празднества цветов у равнинных таджиков. В кн.: Древние обряды, верования и культы народов Средней Азии. М. 1986.
13. Турсунов Н.О. Развитие городских и сельских поселений Северного Таджикистана в XVIII-начале XX вв. Душанбе, 1991.
14. Якубов Ю.Я. Раннесредневековые сельские поселения горного Согда. Душанбе. 1988.

ТОПНИМЫ УСТРУШАНЫ, СВЯЗАННЫЕ С ДУХОВНОЙ ЖИЗНЬЮ НАСЕЛЕНИЯ

Уструшана, богатая своим историко-культурным наследием, оставила глубокий след в истории мировой цивилизации. Она очень широко известна своими топонимами, имевшими разнообразное и интересное значения. Среди них особо выделяются топонимы,

каторые отражают различные аспекты духовной жизни населения. Данная статья посвящена изучению топонимов Устуршаны, связанных с жизнью населения.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Устуршана, историко-культурное наследие, значения и виды топонимов.

TOPONIMY ISTARAVSHANS CONNECTED WITH THE SPIRITUAL LIFE OF THE POPULATION

Istaravshan, rich with the historical and cultural heritage has scarred in the history of a world civilisation. It is very widely known for the топонимами, having various and interesting values. Among them are especially allocated топонимы which reflect various aspects of a spiritual life of the population. Given article is devoted studying топонимов Usturushany connected with a life of the population.

KEYWORDS: Istaravshan, a historical and cultural heritage, values and kinds toponims.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: *А.Р. Аюбов* – соискатель Худжандского государственного университета им. Б. Гафурова

ПАЖЎҶИШИ ВОСИТАҶОИ ТЕХНОЛОГИЯИ ИТТИЛООТӢ ДАР АДАБИЁТШИНОСӢ (дар мисоли назми классикии форсу тоҷик)

М.А. Умаров, Д.Ф. Ҷаъфарова
Донишгоҳи технологии Тоҷикистон

Дар марҳилаи на чандон зиёди солҳои охир татбиқи усулҳои технологияи иттилоотӣ дар риштаҳои гуногуни тадқиқотӣ, махсусан, дар соҳаи улуми гуманитарӣ фаровон мушоҳида мешавад. Истифодаи бурдани усулҳои технологияи иттилоотӣ дар риштаҳои гуманитарӣ чи дар сохтори пояи маълумотҳо барои андӯштан ва маҳфуз доштани мафҳумҳо ва иттилооти мухталифи соҳа ва чи дар раванди ошкор намудани қонуниятҳои он дар натиҷаи иҷроиши пайдарҳамии мантиқии амалҳо ва мурағаб сохтани алгоритмҳои гуногун зоҳир мешавад.

Пӯшида нест, ки рушди пешравии ҳар як риштаи илм дар радифи омӯзиши мафҳумҳои умда, инкишофи сохтори ботинӣ, унсурҳо ва меъёрҳои он, инчунин аз дараҷаи истифодабарии восита ва усулҳои шеваҳои илмҳои амалӣ низ вобастагии зиёд дорад. Дар замони ҳозир дар улуми муосири ҷаҳонӣ истифода аз шеваҳои риёзӣ, ҳосатан шеваҳои омӯрӣ ва воситаҳои хеле пешрафтаи техникаи компютерию коммуникатсионӣ дар риштаҳои адабиётшиносӣ ва забоншиносӣ падидаест, ки ба ҳукми анъана даромада истодааст.

Технологияи муосири компютерӣ ва системаҳои коммуникатсионӣ дар маҳфуз доштан ва ғавран дастрас намудани мероси хеле ғаниии адабиёти тоҷику форс имкониятҳои бағоят васеъ фароҳам меоварад. Ва бо ин гуна техника мавриди истифода қарор додани шеваҳои риёзӣ ва омӯрӣ барои таҳқиқ дар риштаҳои филологӣ ва сабқшиносӣ метавонад натиҷаҳои бехтаринро дар муҳосиба ва танзими дақиқи маводҳои гуногун диҳад. Чунин натиҷаҳо барои таҳқиқ дар ташҳиси муаллиф, яъне тайин ва ташҳиси асолати матнӣ, ки ба муаллиф нисбат дода мешавад, атрибутсия (асолати матнӣ) метавонад кӯмак расонад. Ҳарчанд имрӯз аз Рӯдакӣ мероси на чандон зиёд то мо расида бошад ҳам, аммо ҳар як бозёфти нав ва тадқиқи асолати матнӣ он дар асоси шеваҳои омӯрӣ бо истифодаи компютер масъалаи хеле муҳими илмӣ мебошад.

Таҳқиқи омӯрии матни назми классикии тоҷику форс ниҳоят кам ба амал омадааст. Дар мавриди таҳқиқи назми классикӣ, ҳарчанд ташҳиси асолати матнӣ муаллиф яке аз масъалаҳои муҳими услубшиносӣ бошад ҳам, муҳимияти муайян намудани ҷиҳатҳои дигари он низ ба назари мо камтар нест. Таҳқиқи ин матлаб ҷолиби тавачҷӯҳ аст, ки оё матни ин ё он муаллиф бо бархе аз қонуниятҳои омӯрӣ қобили тадқиқ аст, масалан, бо қонуни Сипф, ки чунин ифода меёбад:

$$F_i * N_i \approx const,$$

дар ин ҷо F_i – басомади воҳиди матнӣ (калима, ибора ё ифодае), N_i - шумораи тартибии воҳид дар рӯйхати басомадҳо.

Вожаномҳои басомадии мавҷуда ва таҳқиқоти омӯрии баамаловарда фақат бо тадқиқи қонуниятҳои омӯрии воҳидҳои матнӣ маҳдуд гардидаанд.[1] Дар ин мақола боз як унсури дигар, ки ба назари мо ташҳиси матнро ба дараҷае дақиқтар мегардонад, маҳз вазни ашъори шоирро дар мавриди таҳқиқи омӯрӣ қарор додан пешниҳод мешавад. Албатта, ҳангоми таҳқиқи маснавӣ ё қасида

судмандии он ноаён мегардад, зеро дар ин маврид вазни ҳамаи байтҳо аз ибтидо то интиҳо бетағйир мемонад. Аммо ҳангоми омӯхтани мероси адабӣ ва дигар шаклҳои шеърӣ шоир вазни он ва натиҷаҳои таҳқиқи омории он дар қатори дигар нишонаҳо бузургии назаррас хоҳад шуд.

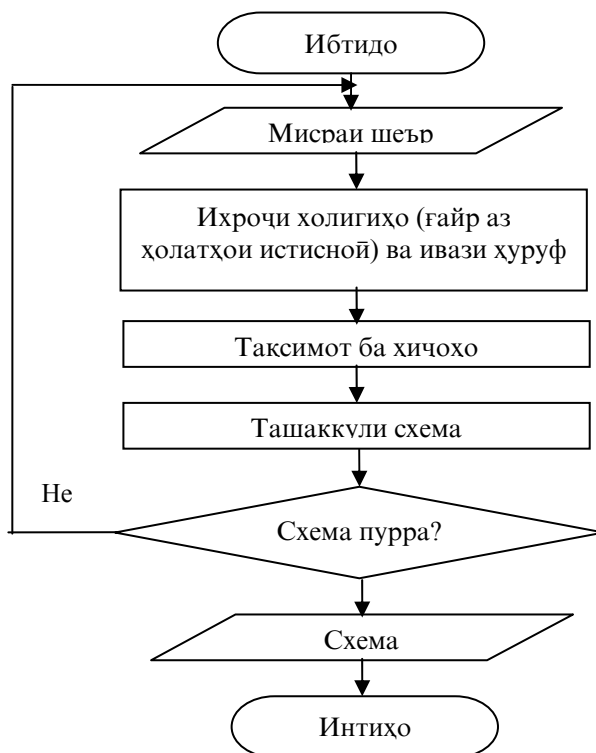
Аз ин рӯ, пеш аз ҳама, масъалаи муайян намудани вазну меъёри шеър мувофиқи қонуниятҳои арӯз тавассути компютер ба миён меояд. Маълум аст, ки қоидаҳои арӯз арабиасос буда, тамоми нозуқиҳои имлои арабии тоҷикиро ба эътибор мегирад ва қавоиди он бо сарфу нахви ин имло зич вобаста аст. Бинобар ин, ҳангоми мурағбат сохтани алгоритмҳои тақтеи шеър ин нуқтаҳо бояд ба назар гирифт. Ҳарчанд, аз як ҷиҳат, имлои имрӯзаи тоҷикӣ, ки он кирилиасос мебошад, ҳамаи нозуқиҳои сарфу нахви имлои классикиро инъикос карда наметавонад, аз ҷиҳати дигар, тадқиқоти мо бо истифодаи компютер дар асоси имлои кунунӣ қорбасти хоҳад шуд. Аз ин бармеояд, ки мурағбат сохтани алгоритми ҳаматарафа ва ба пуррагӣ компютерикунонии тамоми қавоиди арӯз барои таҳқиқи каломии мавзунӣ мероси адабӣ ҳанӯз имконнопазир мебошад. Аммо, қатъи назар аз ин, имрӯз бархе аз маҷмӯи ин тадқиқотҳоро ба анҷом расонидан мумкин аст. Ин аст, ки ҳоло тавонистем се усули ҳалли масъаларо пешниҳод кунем:

1. Бо роҳи ворид намудани рамзҳои иловагӣ барои ифода кардани садонокҳои дароз новобаста аз мавқеи онҳо дар калима. Пеш аз ҳама, калимаҳое дар назаранд, ки дар аввал ё мобайн и ва у-и дарозро доранд, яъне дар имлои классикӣ вов (о) ва ёо (о)-ро доранд. Ба монанди шир, сим, пир, инак назир, дуд, маҷнун, масъуд сурур ва ғ. Ё бо тарзи сохтори пояи маълумотҳои воҳидҳои матнӣ, ки дорои чунин ҳуруф ҳастанд. Дар ин поя калимаҳоеро низ дохил мекунанд, ки дорои ҳарфи е, дар ҳолати кӯтоҳ будани он мебошанд, ба мисли бех, мехтар, сепо ва ҳоказо.
2. Сохтори пояи маълумотҳои вазнҳои шеърӣ ва арқони он ва ба қор андохтани алгоритми тақтеи шеър. Ин алгоритм баъд аз тақтеи ибтидоӣ схемаи пайдошударо бо воҳидҳои пояи маълумотҳо муқоиса мекунанд ва аз он унсуреро интиҳоб мекунанд, ки бо схема мувофиқати бештар дорад, яъне

$$S = \{R_k | \max_i (r_{ik} = s_i)\},$$

дар инҷо $S = \{s_1, s_2, \dots, s_n\}$ и $R_k = \{r_{1k}, r_{2k}, \dots, r_{nk}\}$ – мувофиқан схемаҳои пайдошуда ва дар пояи маълумотҳо буда, s_i ва r_{ik} – воҳидҳои меъёрии вазн; $i=1, 2, \dots, n$, $k=1, 2, \dots, m$; n – миқдори воҳидҳо дар схема, m – ҳаҷми пояи маълумотҳо.

Ин тарзро мо усули таққиқгардонии ба тадриҷ номгузори кардаем. Ин усулро чи дар речаи худкорӣ ва чи дар речаи фаъолияти тарафайн истифода бурдан мумкин аст. Речаи худкорӣ дар ҳолате имконпазир аст, агар дар хотири компютер маводи таҳқиқшаванда бошад. Моҳияти усул чунин аст: Мисраи нахустини шеър бидуни назардошти садонокҳои и ва у дар калима, бандаки изофӣ ва бандаки пайвандии у (ву, ю) таҳлил карда мешавад. Дар натиҷа, схемаи нопурра ташаккул меёбад. Барои аниқ гардондани қисмати ҳолии схема мисраи дуюм дар мавриди таҳлил қарор дода мешавад. Агар схема ҳанӯз ҳам нопурра бошад, таҳлили мисраи навбатӣ шурӯъ мешавад. Ҳамин тариқ, ин чараён то пурра гардидани схема идома меёбад. Ин усул дар мавриди таҳлили ашъори кӯтоҳҳаҷм (рубой, китъа, порчаи шеърӣ ва ғ.), шояд натиҷаи хуб надидад. Дар ин ҳолатҳо истифодаи усулҳои омехта натиҷабаш хоҳад буд.

Расми 1. Алгоритми[2] тақтеи шеър

АДАБИЁТ

1. Мас.М.Н.О.Османов. Частотный словарь Унсурӣ, Наука, 1970, 352 с.
2. Ҳолати истисноӣ дар мавриде руҳ меҳнаҳад, ки хичои аввали калимаи бо садонок шуруъшаванда ҳарфи охири калимаи қаблӣро, мувофиқи тақозои вази қашш мекунад.
3. Богвар Д.А., Шрейдер Ю.А. Исследование по математической лингвистике, математической логике и информационным языком. М.Наука, 1972 - 298с.
4. Зехнӣ Т. Санъати суҳан. Душанбе. Ирфон, 1979 – 328с.
5. Османов. М.О. Частотный словарь Унсурӣ, Наука, 1970, 352 с.

ИССЛЕДОВАНИЕ СРЕДСТВ ИНФОРМАЦИОННОЙ ТЕХНОЛОГИИ В ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИИ (на примере персидско-таджикской классической поэзии)

В последние годы наблюдается внедрение средств информационной технологии в различных исследовательских отраслях, особенно в сфере гуманитарных наук. Использование средств информационных технологий в гуманитарной сфере проявляется в хранении понятий и информации различных сфер в процессе раскрытия их закономерностей в результате последовательного исполнения действий и систематизации различных алгоритмов. Статья посвящена исследованию использования средств информационных технологий в литературоведении на примере персидской - таджикской классической поэзии.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: современная компьютерных технологий, алгоритмы, литературоведение, поэзия, литература информационных технологий.

RESEARCH OF MEANS OF INFORMATION TECHNOLOGY IN LITERARY CRITICISM (on an example of the persian-tadjik classical poetry)

Last year's introduction of means of information technology in various research branches, especially in sphere of the humanities is observed. Use of means of an information technology in humanitarian sphere is shown in storage of concepts and the information of various spheres in the course of disclosing of their laws as a result of consecutive execution of actions and ordering of various algorithms. Article is devoted research of use of means of an information technology in literary criticism on an example Persian - the Tajik classical poetry.

KEY WORDS: modern computer technologies, algorithms, literary criticism, poetry, the literature an information technology.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ: *М.А. Умаров* – кандидат технических наук, доцент, заведующий кафедрой информатики и информационных систем Технологического университета Таджикистана

Д.Ф. Дзисафарова - старший преподаватель кафедры высшей математики и информатики Технологического университета Таджикистана

ОБРАЗОВАНИЕ ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ В ТАДЖИКСКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Ф.К. Баротов

Таджикский государственный педагогический университет им. Садриддина Айни

Анализ денотативного значения терминов и их соотношений с обозначениями, понятиями в плане определения характера системной организации земледельческой терминологии позволил выявить тематические группы этимологически неоднородных слов. Так, существительные объединяются в тематические группы, обозначающие наименования сельскохозяйственных отраслей и их части, характеризуя их по наличию или отсутствию того или иного органа и деталей сельскохозяйственной номенклатуры, по сходству с тем или иным органом или частями растений, животных и т.д.

Прилагательные дополняют их классификацию, характеризуя их по форме, характеру поверхности, положению в пространстве, внутреннему строению вещества.

Земледельческая терминология представляет собой неоднородную лексико – грамматическую микросистему, релевантным компонентом которой является земледельческая лексика. Лексико – грамматическую основу этой микросистемы составляют имена существительные, занимающие доминантные позиции в аспекте их номинативной значимости. По нашим данным, они составляют 42% всех лексических единиц ЗТ; их больше, чем глаголов, в 82,7 раза, прилагательных в 7,5 раз, наречий – в 15 раз. Распределение имен существительных по более двадцати макроязыкам несколько варьируется, это различие как в логико – понятийной системе, так и в отношении объема различных групп лексики (терминов) в макроязыках. С учетом критериев тематической продуктивности, в микротерминах выделяются следующие пласты специальной терминологии: общенаучная, общетехническая, межотраслевая (профильная) и узкособиальная как разновидности общенародного литературного языка. В количественном отношении доминируют узкособиальные (37%) и межотраслевые (профильные) (33%) термины, общенаучная и общетехническая лексика (термины) представлена в меньшем объеме.

Так, в следующей таблице приведена количественная характеристика, имен употребление терминов существительных в главных отраслях подъязыка сельского хозяйства.

Самой открытой и гетерогенной по составу входящих в неё терминов является микросистема «техническая культура», а самыми закрытыми – «физиология растений», «генетика», «селекция» и «семеноводство», «рыболовство» и «пчеловодство» в силу специфики их научно – понятийной системы и объектов изучения.

Опираясь на теорию терминологического поля А.А. Реформатского (Реформатский, 1967 и др.), мы условно выделяем терминологическое поле всех отраслей сельского хозяйства, объединяющее более двадцати основных тематических полей. Однородность тематики – понятийной соотнесенности единиц тематических полей, например, тематических полей «Растениеводство», «Плодоводство», «Овощеводство», «Технические культуры», позволяет объединить их в более крупную иерархическую единицу – тематической гиперболе «Растениеводство», аналогично поля «Генетика», «Селекция и семеноводство», «Физиология растений» также объединяется в одно гиперполе – «Животноводство» и т.п.

Проведенный нами анализ лексико – грамматического состава сельскохозяйственной терминологии таджикского языка позволяет констатировать, что в функции ЗТ наряду с существительными могут выступать и глаголы. Если существительные общепризнанно считаются единицами терминологии, то глаголы в статусе терминов далеко не бесспорны для исследователей, хотя очевидно, что они вполне самостоятельно представлены в терминологии. Словари, изучаемые в области терминологии, указывают на то, что в источниках, на базе которых они составлены, содержится немало глаголов, самодостаточных для обозначения действий и процессов, изначально соотнесенных с предметами или орудиями, например: *сабзидан* (проращать) *grow*, *хӯрондан* – *хӯрок додан* (кормить) *feed*, *об додан* (поливать) *pour* и т.д. Именно от глаголов произошли параллельные термины – существительные для обозначения тех же процессов, как бы доказывающие, что терминология включает далеко не только десемантизированные глаголы: *чӯяк кашидан*, *чӯякашӣ* (гребневание) – *ridging*, *об додан*, *обдихӣ* (поливать) – *pour*, *ҳосил ғундоштан*, *ҳосилғундорӣ* (сбор урожая) – *harvest*, *киштгардонидан*, *киштгардонӣ* (севооборот) – *crop rotation*, *руйгардон кардан* (руйгардон кардани хок) – *руйгардонии хок* (оборачивание почвы) – *to turn the soil*, *шудгор кардан*, *шудгоркуни* (вспахка) – *ploughing*, *хирман кӯфтан*, *хирманкӯбӣ* (обмолот) – *threshing* и т.д.

В общем плане глагольная лексика релевантная потому, что именно глагольные слова обеспечивают, как подтверждает Н.А. Кузьмин, выражение логических и специфических профессиональных отношений между понятиями, заданными в синтагматике научного текста (Кузьмин 1990), без чего не формируется его содержание.

Таким образом, в ракурсе номинативного процесса мысль ассоциирует, сравнивает, противопоставляет для своего выражения элементы языкового материала, и как бы ни были различны между собой эти элементы, в частности, глагол и имя, они взаимодействуют, взаимно притягиваются или отталкиваются, но никогда не пребывают в изоляции. Результат выражается в том, что глагольные слова из общеупотребительного состава, приобретая иные функционально – качественные характеристики, не столько превращаются в термин, сколько приближаются к нему. Интересный пример с этой точки зрения является собой общезыковой, широко сигнификативно мотивизированный глагол *расидан* (доходить), который наличествует в текстах и словарях сельскохозяйственной сферы с четким ограничением сигнификативного содержания. Этим глаголом номинируются конкретные процессы, отражая в данном случае глагол как термин, на что указывают примеры: *сабзиш* (расти, произрастание) – ботанический термин; *расидан* (расиш, пухтан) (созревание) – биологический термин; *расиш*, например, *расиши пашм* (оброслость) – зоотехнический термин.

Интересно и обратное – расширение семантики исконно однозначного субстантивированного терминологического глагола: *киштардон* (севооборот) – crop rotation, *киштардони майдонӣ* (полевой севооборот) – field crop rotation, *киштардони азхудшуда* (освоенный севооборот), *киштардони махсус* (специальный севооборот) – special crop rotation, *киштардони алафмайдонӣ* (травопольный севооборот) – grassland crop rotation, *киштардони зироатҳои сабзавот* (овощной севооборот) – vegetable crop rotation, *киштардони байнихочағӣ* (межхозяйственный севооборот) и т.д. Существенно важное значение приобрели и продолжают приобретать в терминологии заимствованные слова – термины: заимствованные глагольные термины не соотносятся в сознании носителей национального языка с какими – то иными значениями и функционируют в соответствии с заданной в них прагматикой, как, например, помидор, картошка, мелиорация, комбайн, трактор, плуг, сеялка, ферма, силос, агротехника, культивация, гербицид.

Под воздействием семантической аттракции они вступают в семантические отношения с другими именными единицами и формантами языка и сравнительно легко приспосабливаются к заимствовавшей их терминосистеме, чему еще более способствует их дальнейшее до оформления словообразовательными средствами таджикского языка. Для словообразовательной формы заимствованных терминов характерна, в основном, суффиксация. Характерная для таджикских частей речи префиксация распространяется и на заимствованные термины, создавая у них способность дифференции значений. Термины дериваты, претерпевшие аффиксацию, могут сигнализировать в сравнении с их исходными вариантами различные аспектуальные значения. Исследователи терминологии и специальных подязыков на базе различных языков особо подчеркивали, что вопрос образования терминов на основе действия механизма словообразования любого языка несет на себе печать бесспорной актуальности (А. А. Реформатский, Левковская, Б. Н. Головин, В. П. Даниленко, Кузьмин, W. Robinson, А. В. Никитова и др.).

На базе лингвистического анализа фактического материала выявлено, что ЗТ таджикского языка образуется семантическим способом и способом транскрипции.

При семантическом способе образования земледельческой терминологии наблюдаются следующие типы развития семантики слов: а) терминологизация общелитературных (в том числе и общенародных) слов; б) специализация значений общелитературного слова и словосочетания; в) семантическое переосмысление издавна существующих в таджикском языке слов.

При терминологизации общелитературных слов значения общелитературного слова и сельскохозяйственного термина ограничиваются друг от друга. К семантике общелитературного слова прибавляется еще одно терминологическое значение. Так, ЗТ *коркард*, *чукурӣ*, *зичӣ*, *соябон*, *пайдоиш*, *мардумак* возникли в результате терминологизации общелитературных слов таджикского языка.

Например, слово *пайдоиш* как нейтральное слово означало в таджикском языке *появление*, однако под воздействием заимствованного термина генезис оно стало обозначать также биологическое понятие «генезис (ген, генетика)»; или же слово *соябон* (*натр*) в таджикском языке означает *зонт* (*зонтик*) под воздействием русского языка зонт (зонтик) стал обозначать биологическое понятие зонтик, см: зонтик простой, зонтик сложный *зонтичнӣ* (*соябонгулдон*).

Наше исследование показало, что в составе ЗТ таджикского языка функционируют простые и сложные термины, которые подразделяются на следующие типы: 1) простые ЗТ: а) непроизводные слова; б) производные слова; 2) сложные ЗТ: а) собственно сложные слова; б) парные слова; в) словосочетание.

ЗТ – непроизводные (т.е. простые) слова составляют 27% СХТ таджикского языка. Аналитический строй таджикского языка обусловил большое число СХТ – словосочетаний.

Так, простые непроизводные ЗТ: *замин* (земля) – land, *об* (вода) – water, *боғ* (сад) – garden, *гандум* (пшеница) – wheat, *ҷав* (ячмень) – barley, *себ* (яблоко) – apple, *анор* (гранат) – pomegranate, *ангур* (виноград) – grape, *пахта* (хлопок) – cotton, *зағер* (лен) – flax, *пиёз* (лук) – onion, *гов* (корова) – cow, *буз* (коза) – goat, *гӯсфанд* (овца) – sheep, *хок* (почва) – soil, *чӯй* (арык) – irrigation ditch, *кишт* (вспашка) – ploughing, *каланд* (кетмень) – mattock, *бел* (лопата) – shovel, *алаф* (трава) – grass, *кор* (работа) – work и т.п. ЗТ – производными терминами – являются больше всего:

- существительные, образованные при помощи суффиксов – *ӣ*, – *иш*, – *зор*, – *ак*, – *а*, – *чӣ*, – *гоҳ*.
- прилагательные, образованные при помощи суффиксов – *ӣ*, – *нок*; префиксов – *бе*, – *хам*.
- причастия, образованные при помощи суффиксов – *а*, – *анда*, – *чи*.
- основы глаголов, образованные при помощи суффиксов – *шу*, – *ан*.

В ходе анализа определилась регулярная морфологическая модель слов – терминов.

В большинстве случаев это следующая последовательность:

- а) *суффиксальная морфема + корневая морфема*;
- б) *префиксальная морфема + корневая морфема*;

в) префиксальная морфема + корневая морфема + префиксальная морфема;

г) префиксальная морфема + корневая морфема + корневая морфема;

д) корневая морфема + корневая морфема + суффиксальная морфема;

е) префиксальная морфема + корневая морфема;

ж) префиксальная морфема + корневая морфема + корневая морфема + суффиксальная морфема;

В результате последовательного вычленения получен частотный список морфем в СХТ, наиболее употребительными из которых являются:

а) суффиксальные морфемы: -й;

б) префиксальные морфемы: -бе, -но, ҳам.

Итак основные модели, образованные при помощи аффиксов: - модель основа - й: *алафӣ* (травяной), *амирӣ* (сорт дыни); - модель корень (основа) + корень (основа) - й: *боғдорӣ*, *пахтакорӣ* (хлопководство) – cotton growing, *гулкорӣ* (цветоводство) – floriculture, *арғамчинтобӣ* (свивание веревки) – stranding; - модель корень + корень + суффикс: *гулпартоӣ* (нанесение узора) (на ткань, дерево и т.д.) – decorating, *гулпарварӣ* (цветоводство) – floriculture, *аспарварӣ* (коневодство) – horse breeding и т.п. – модель корневая морфема + корневая морфема + корневая морфема + суффикс - й: *чорводорӣ* (животноводство) – stock breeding, *картошкакорӣ* (картофельводство) – potato growing, *парандапарварӣ* (птицеводство) – poultry keeping, *асалпарварӣ* (пчеловодство) – beekeeping; - модель префикс + корневая морфема + корневая морфема + корневая морфема + суффикс: *бепешгулбаргча* (бесприцветничковый) и т.д. – модель префикс + корневая морфема: *бехосил* (бесплодный) – fruitless, *беғурак* (беспестичный) – ascarpellous, *бечинс* (беспольный) – neutral, *бепешбарг* (бесприлистковый), *бекосбарг* (бесчашечный); - модель префикс + корневая морфема + суффикс – й: *бехосилӣ* (неурожай) – bad harvest, *беалафӣ* (бестравье), *бесамарӣ* (бесплодность, бесплодие) – sterility; - модель корневая морфема + суффикс – гох: *чарогох* (пастбище) – pasture; - модель префикс + корневая морфема + корневая морфема + суффикс: *беносабаргак* (бечаиречный), *номукаммалдандонҳо* (неполнозубые); - модель корневая морфема + суффикс – зор: *алафзор* (лужайка) – lawn, *гулзор* (цветник) – flowerbed, *анорзор* (гранатник) – Punica granatum, *анчирзор* (инжирный сад) – fig garden; - модель корневая морфема + суффикс – чӣ: *тракторчӣ* (тракторист) – tractor driver, *колхозчӣ* (колхозник) – collective farmer; - модель корневая морфема + суффикс – ак: *арзанақ* (аржанец, тимopheевка) – timothy grass, *сузанақ* (стрекоза) – dragonfly, *баргак* (курага) – dried apricot, *чанорак* (лютик) – buttercup, *пиёзак* (луковица) – an onion, *донақ* (косточка) – clingstone, *муяқ* (*муяқҳои реша* – корневые волоски) – root fuzz; - модель корневая морфема + суффикс – гох: *чарогох* (пастбище) – pasture, *парваришгох* (рассадник) – seed plot; - модель корневая морфема + суффикс – а: *обсабза* (водоросль) – alga, *говрона* (стрекало) – goad, *себарга* (клевер) – clever, *дурага* (гибрид) – hybrid; - модель корневая морфема + корневая морфема + суффикс – а: *коҳреза* (мякина) – chaff, *алафреза* (травяная резка) – grass cutting, *ангиштоба* (углеводы) – carbohydrates, *яқчинса* (однополый) – unisexual; - модель корневая морфема + суффикс – анда: *паранда* (птица) – bird, *дарранда* (хищный зверь) – beast of prey, *кавшакунанда* (*ҳайвонҳои кавшакунанда*) (жвачные животные) – ruminant и др. – модель корневая морфема + суффикс – ча: *баррача* (ягненок) – lamb, *моҳича* (рыбка), *манача* (мозжечок) – cerebellum, *болгача* (мотылек) – butterfly, *олуча* (альча) – cherry, *хушача* (колосок) – spike let, *қаламча* (черенок) – handle, *найча* (*ҳо*) (сосуды) – vessels, *муғча* (*ҳо*) (почка) – bud и т.д. – модель корневая морфема + корневая морфема + суффикс – ак: *тортанақ* (паук) – spider, *шапарак* (бабочка) – butterfly, *гандумчушак* (пшеничная каша), *чирчирак*, *ҳашаротхурак* (землеройка) – shrew, *тезгизак* (скороспелка) – early fruit, *бодрезак* (недозрелый) – unripe, *борсанчак* (ветромер, анемометр) – anemometer, *лойхурак* (*қирми лойхурак*) (дождевые черви) – worm и др. – модель корневая морфема + суффикс + корень: *чанотакреша* (крылатка) – samara, *обчакор* (огородник) – trucker. Наряду с производным способом образования ЗТ в таджикском языке не менее продуктивным является и способ словосложения.

Этим путем образованы и образуются многочисленные сложные термины, как собственно – сложные, так и смешанные с заимствованными основами из разных классических (греческого, латинского, арабского, английского и особенно с русского языков). На этой основе их можно подразделить на следующие группы: а) собственно – сложные термины и б) смешанные слова – термины.

Собственно – сложные ЗТ таджикского языка образуются в основном из двух и трех основ (корнеморфем):

1. Собственно – сложные термины, состоящие из двух основ (корнеморфем): *бехмева* (корнеплод) – edible root, *барзагов* (бык) – bull, *кабканчир* (рябчик) – hazel grouse, *кампаши* (малошерстный) – shorthair, *гусфанди кампаши* (малошерстная овца) – shorthair sheep, *каллакарам* (кочанная капуста) – headed cabbage, *ғалладона* (зерно) – grain, *точбарг* (венчик, лепесток) – petal, *мачнунбед* (ива) – willow, *сӯзанбарг* (хвоя) – needles, *баргқарам* (лиственная капуста) – cabbage и др.

2. Собственно сложные термины, образованные из трех и более основ (корнеморфем): *тортанақшақл* (паукообразный) – spider like, *тортанақхона* (паутиный клещ) – spider tick, *пешпухмдон* (присемянник) – saguncle, *зардолубурс* (можжевелик туркестанский) – juniper.

3. Сложные термины сферы сельского хозяйства, образованные от заимствованных и собственно таджикских основ (корнеморфем): *картошкагул* (георгин) – dahlia, *тракторрон* (тракторист) – tractor driver, *брикетхурока* (кормовые брикеты) – feed pellet.

Аналитический строй таджикского языка способствовал образованию большого числа сельскохозяйственных терминов – словосочетаний. Анализ лингвистического материала показал, что ЗТ – словосочетания именного типа – составляют основную часть таджикской сельскохозяйственной терминологии. Большая часть терминословосочетаний образованы по модели существительное + прилагательное с аффиксами принадлежности – *й*: *кишти баҳорӣ* (весенний посев) – spring sowing, *мурғи гӯшти* (бройлер) – broiler, *асли буряғӣ* (бурятская лошадь) – ganger, *бофтаҳои рағғани* (жировая ткань) – adipose tissue, *гӯсфандони дарвозӣ* (дарвазские овцы) darvaz sheep, *пашми тирамоҳӣ* (осенняя шерсть) – autumn hair.

Другая также большая часть терминословосочетаний образована по моделям:

а) существительное + существительное: *хочағии ҷангал* (лесное хозяйство) – forestry, *синаи ҳайвон* (вымя) – udder, *ғалаи говҳо* (стадо коров) – cow herd, *рағғани зағир* (масло льняное) – flax oil, *рағғани пахта* (хлопковое масло) – seed oil, *миттаи себ* (моль яблочная) – apple mole, *занбӯри асал* (домашняя пчела) – bee, *дарахти себ* (яблоня) – apple tree. На следующих ступенях терминообразования стоят модели.

б) существительные – прилагательные (качественные): *вазни холис* (чистый вес) – net, *мӯи тоза* (чистая шерсть) – pure wool, *пӯсти бепаши* (голяк) – neat, *мурғи гарданлӯч* (голошейные куры) – neat neck hen, *хуроки дурушт* (грубые корма) – rough feed, *гови сафед* (белая корова) – white cow и т.д.

в) существительные + причастия: *ҳайвони кавшақунанда* (жвачные животные) – ruminant, *меваҳои кушодашаванда* (вскрывающиеся плоды) – dehiscent fruit, *майдони дамдода* (чистый пар) – fallow, *ғадудҳои шираҳосилкунанда* (нектарник) – nectary, *ниҳолҳои кӯчатшаванда* (посадочный материал) – planting stock, *майдони киштшаванда* (посевная площадь) – sowing area, *киштгардони азхудшуда* (освоенный севооборот), *зирати даравшаванда* (покосная культура) – haymaking culture и др.

г) глаголы (инфинитив) + существительные: *хушк кунондани ширдиҳии модагов* (запуск коров) – launching, *парвариши қардани сабзавот*, *қашонидани пахта*, *резондани барғи пахта* (дефколяция), *истиғода бурдани техника* (использование техники) – technique use, *қаллақ қардани дарахт* (обрезка) – cutting back, *хушқонидани беда* (сушка сена) – hay dry, *реза қардани хурокиҳо* (измельчение кормов) – feed cutting, *буғ қардани хурокиҳо* (запаривание кормов) – feed steaming, *ҳамвор қардани хок* (выравнивание почвы) – smoothing soil и др.

Глагольные словосочетания – термины сферы сельского хозяйства также являются продуктивными, как и именные терминословосочетания: *қоридан* (сеять, сажать, засеять) – to plant, *шиндан* (посадка) – planting, *қаллақ қардан* (обрезка) – cutting, *хонағи кунондан* (одомашничить) – domesticate, *парреҳтан* (линька) – molting, *амоникунонидан* (аммонизация) – ammoniation, *кӯчат қардан* (высадка саженцев, рассадка) – planting out, *дамидан* (всходить, прорасти) – couch, *сабзидан* (расти) – grow и т. п.

д) модель причастие (образованная только из причастий): *кавшақунанда* (жвачные – подотряд млекопитающих – mammal, отряда парнокопытных), *газанда* (кусающий) – sting, *қоранда* (земледелец) – farmer, *қорамшуда* (засеянный, возделанный) – culture, *замини қорамшуда* (возделанная земля, засеянное поле) – land under crop, *қорамнашуда* (невозделанный, целинный) – uncultivated, *замини қорамнашуда* (целина, невозделанная земля) – untilled land, *қохреза* (мякина, обмолотки) – trashing, *қабулкунанда* (приёмник) – receiver, *мевадиҳанда* (плодородный) – fruitful, *дарахти мевадиҳанда* (плодовое дерево) – fruitful tree и др.

ЛИТЕРАТУРА

1. Адаменко П.А. Англо–русский сельскохозяйственный словарь. М.: Русский язык, 1986. – 875с.
2. Баранов П.А. Земледелие и сельскохозяйственные культуры – М: Наука, 1980. – 340с.
3. Бдоян В.А. Земледельческая культура – М.: Наука, 1984. – 212с.
4. Даниленко В.П. Русская терминология – М., Наука, 1971 – 184с.
5. Краткий русско – таджикский – дарӣ словарь по биологии. Составители: Л.И. Исмаилова, М.Д. Давлятшоев, - Душанбе.: Дониш, 1983. – 42с.
6. Ю. Усовский Б.Н., Геминова Н.В. Англо – русский сельскохозяйственный словарь – М.: Гос. изд - во технико – теор. лит., 1951. – 651с.

7. Розенбаум А.Н. Англо–русский словарь по сельскохозяйственной технике – М.: Советская энциклопедия, 1965. – 379с.
8. Ткачёва Л.Б. Терминологическое обеспечение научно–технического прогресса – Омск: Ом. Пи, 1988. – 184с.
9. Oxford English – Russian Dictionary, 1997. – 734р.
10. Oxford Russian – English Dictionary, 1997. – 605р.
11. Robinson W. The English Flower Garden – London: John Murray Albemarle Street, 1960. - 832р.

ОБРАЗОВАНИЕ ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ В ТАДЖИКСКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Анализ денотативного значения терминов и их соотношений с обозначениями, понятиями в плане определения характера системной организации сельскохозяйственной терминологии позволил выявить тематические группы этимологически неоднородных слов.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: таджикский язык, русский язык, сельскохозяйственная терминология, этимологически неоднородные слова.

FORMATION OF AGRICULTURAL TERMINOLOGY IN TAJIK AND ENGLISH LANGUAGES

Analysis of denotative meaning and determining of their systems of theirs related to agricultural are reviewed in the article and as well as clarifying of their etymology groups. All terms according to their classification and relationships to any parts of speech are given with detailed examples to.

KEY WORDS: the Tajik language, russian, agricultural terminology, etymologically non-uniform words.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: *Ф.К. Баратов* - старший преподаватель кафедры английского языка и сравнительной типологии Таджикского государственного педагогического университета им. Садрриддина Айни. **Телефон:** 93-455-50-66

ТРУДНОСТИ ИЗУЧЕНИЯ ВИДОВ РУССКОГО ГЛАГОЛА УЧАЩИМИСЯ-ТАДЖИКАМИ

М.Ф. Камолова

Худжандский государственный университет им. Б. Гафурова

Виды глагола – одна из самых сложных тем русской грамматики, изучение которой для учащихся, а в особенности нерусских, связано с большими трудностями.

Ещё А. М. Пешковский писал, что « виды – главное грамматическое и стилистическое богатство нашего языка, и сознательное пользование ими, во-первых, обогатит и уточнит стиль учащегося и понимание им литературного текста, а во-вторых, поднимает его на такую грамматическую высоту, с которой все остальные грамматические различия будут казаться ему элементарными, ибо виды, несомненно, труднейшие из них». (4. с.85)

Сущность вида в школьном курсе русского языка раскрывается путём ознакомления учащихся с семантикой глаголов совершенного и несовершенного вида. В определении семантики видов глаголов нет единства мнений: в лингвистике существуют разные концепции. Согласно первому подходу основным значением совершенного вида считается обозначение внутреннего предела действия (2.с. 497). С точки зрения другого подхода значение глаголов совершенного вида определяется как обозначение целостного действия, а значение глаголов несовершенного вида как возможность выражения действия без подчеркивания его целостности, действия в процессе протекания. (3. с. 91)

В качестве инвариантного значения совершенного вида глагола разными лингвистами предлагались: законченность (В.А. Богородицкий, Ф. Миклошич), предельность (В.В. Виноградов, Е.А. Земская, А.Н. Тихонов), результативность действия (И.П. Мучник, С.О.Карцевский), цельность действия (Ю.С. Маслов, А.В. Бондарко), точность, непротяженность (А. Мезон, А.М.Пешковский).

Кроме указанных общих значений совершенного и несовершенного вида, выделяются частные видовые значения, например, значения начала, мгновенности, конца действия, которые в последнее время в теории видов стали называться способами действия. (1. с.22-36)

Трактовка значения совершенного вида как обозначения целостности действия, а частных видовых значений как обозначения способа действия, нашла отражение в методической литературе по обучению русскому языку в русской школе.

Вид глагола охватывает все глагольные формы. Нет такой грамматической формы, которая не выражала бы видового значения.

Вид отличается от остальных грамматических категорий глагола – наклонения, времени, лица, числа, рода, - которые присущи лишь отдельным разрядам глагольных форм. Например, категорию наклонения имеют лишь личные формы глагола, в инфинитиве и деепричастиях отсутствует категория лица и т.д.

Вид определяет также состав грамматических форм слова, то есть возможность или невозможность образования тех или иных форм глагола целиком зависит от его видового значения. Так например, от инфинитива совершенного вида поставить образуется прошедшее время поставил, будущее простое поставлю, но нельзя образовывать настоящее и будущее сложное время, а от инфинитива ставить прошедшее, настоящее и будущее сложное образуются, но простое будущее при нём отсутствует.

Основу видов составляют парные глаголы, то есть образующие видовую пару.

Видовые пары имеют одно лексическое значение, но различаются по характеру обозначаемого ими действия. Это различие морфологически выражено в основах.

Кроме основных, соотносительных по виду глаголов, в русском языке выделяют 1) одновидовые глаголы а) только несовершенного вида: разговаривать, вертеть, воевать, грести, дорожить и т.д.; б) только совершенного вида: воспрянуть, очнуться, опомниться и т.д.; 2) двухвидовые глаголы, т. е. глаголы, совмещающие в каждой своей форме значение совершенного и несовершенного видов: казнить, ночевать, атаковать. Глаголы этих подгрупп составляют периферию видовой системы глагола.

В речи, в живом употреблении, могут возникать дополнительные оттенки видовых значений у глаголов совершенного и несовершенного вида, подчинённые основным значениям глагольных видов.

Методисты уделяют серьёзное внимание изучению категории вида. Но на то, что знание категории вида является ключом к пониманию всей системы глагола, так как эта категория охватывает все без исключения глагольные формы, обращают мало внимания.

Известно, что глагол – основной элемент предложения. Без знания глагольных форм, состав и употребление которых определяются видовой принадлежностью, невозможно научить учащихся – нерусских, в том числе таджиков, правильной русской речи. Нередко неправильно употребляют видовые формы глагола не только выпускники школ, но и студенты вузов.

Непонимание глагольных видов и неумение анализировать приводит также к тому, что при образовании причастий, деепричастий, форм будущего времени и т.д. учащиеся не сохраняют вид того глагола, от которого образуются эти формы.

Трудности, которые возникают перед учащимися таджикских школ при изучении видов глагола, объясняются не только тем, что в их родном языке отсутствует эта грамматическая категория. Сложность состоит и в том, что виды русского глагола не имеют единого оформления. Каждый из двух видов выражается множеством разнообразных морфологических средств: суффиксами, префиксами, ударением, чередованием звуков и т.д. Поэтому учащимся трудно подобрать соответствующие эквиваленты в родном языке.

Научить учащихся правильному определению видов глагола – важная задача, стоящая перед учителем.

В зависимости от того, как будет усвоена эта категория в процессе обучения, находится правильность образования глагольных форм, а также умение учащихся с большей или меньшей степенью правильности определять смысловые и стилистические оттенки в глаголах, а отсюда – правильность и обогащение речи.

Анализ учебников и уроков русского языка дает нам право сказать, что трудности при усвоении видов глагола объясняются: во-первых, тем, что в таджикском языке видовое значение в самих глаголах не выражено, хотя характеристика действия с точки зрения его длительности, краткости, завершенности или незавершенности находит отражение в некоторых временных формах таджикского глагола;

во-вторых, с видами глагола (теоретически) учащиеся впервые встречаются в 5 классе. А в начальной школе работы подготавливающие учеников к пониманию видов глагола, проводятся не достаточно четко. Очень мало дается упражнений на различение видов глагола.

в-третьих, в 7 классе, где дается понятие о видах глагола, не уделяется должного внимания привитию учащимся практических навыков. Работа по изучению категории вида не увязывается с работой по развитию речи, а в некоторых случаях виды глагола изучаются наряду с другими темами по глаголу.

Анализ посещенных занятий в 7 классах по темам «Виды глагола», «Значение глаголов совершенного и несовершенного вида» показывает, что этот материал усваивается учащимися – таджиками трудно, хотя в учебнике есть упражнения по развитию навыков нахождения глаголов совершенного и несовершенного вида, образования от глаголов несовершенного вида глаголов совершенного вида и наоборот. (Учебник «Русский язык. 7класс», Гусейнова Т.В., Шабурова Д.Х. Д., 2006).

Значит, необходим другой подход к подаче этого сложного материала и нужны упражнения, по которым смогут различать виды глагола, и упражнения по составлению предложений с этими глаголами самостоятельно.

На уроках, посещенных нами в 7 «а» и 7 «б» классах школы-гимназии №4 города Худжанда, где проходили тему «Времена и виды глагола», ученики не смогли понять связи между временами и видами глагола, хотя учительницей были приведены примеры и записаны на доске, да и в учебнике дана таблица видовых пар.

Следует отметить, что для 7 класса в учебнике именно по этой теме дано очень мало упражнений, указывающих на связь времени и вида. В нем даются упражнения типа: Выпишите выделенные глаголы запишите неопределенную форму этих глаголов, определите вид и рядом напишите глаголы другого вида

Необходимо дать упражнения типа: Составьте предложения с глаголами писать - написать, ответить - отвечать, используя их в форме прошедшего, настоящего и будущего времени, если это возможно.

Например: Я писал письмо. Я написал письмо.

Я пишу письмо. —

Я буду писать письмо. Я напишу письмо.

Выполняя такие упражнения, ученики смогут усвоить, что глаголы, отвечающие на вопрос «Что делать?», то есть глаголы несовершенного вида, имеют формы прошедшего, настоящего и будущего сложного времени, а глаголы, отвечающие на вопрос «Что сделать?», то есть совершенного вида, не имеют форму настоящего времени.

Результат экспериментального урока (7 класс школы-гимназии № 4), в котором по-иному подаётся тема «Виды глагола», является более эффективным. Тема «Виды глагола» была начата с работы по картинкам. На доску были прикреплены четыре картинки с изображением следующих моментов:

1. Мальчик открывает окно. (но не полностью открыл)
2. Мальчик открыл окно. (уже открыл)
3. Строители строят дом. (но еще не построили до конца)
4. Строители построили дом. (уже построили)

Учительница задает вопрос: «Что вы видите на первой картинке? Ученик отвечает: «Мальчик открывает окно». Учительница записывает это предложение на доске.

Затем задает подобный вопрос ко второй картинке и после ответа записывает на доске второе предложение.

Учительница просит найти в этих предложениях глаголы, указывая, что глагол (фعل) выражает действие (амал) и отвечает на вопросы «Что делать?», «Что сделать?».

Ученики находят глаголы в этих предложениях, узнают, что один глагол отвечает на вопрос «Что делает?», а другой - «Что сделал?».

Такая же работа проводится и со вторым примером. Далее учительница объясняет: «Глаголы, которые выражают незаконченность, длительность действия и отвечают на вопрос «Что делал?», «Что делает?» и «Что будет делать?», являются глаголами несовершенного вида. А глаголы, которые выражают законченность действия и отвечают на вопрос «Что сделал?», «Что сделает?» являются глаголами совершенного вида». Показав различие значений видов и вопросов, нужно объяснить и морфологическое различие этих видов (писал-написал, открывал-открыл, махал-махнуть), хотя эта тема дается отдельно для изучения.

Упражнения на закрепление этой темы сначала должны носить характер наблюдения, а затем выполняться под руководством учителя и постепенно превращаться в различного рода самостоятельные работы.

Приведем образцы упражнений, которые были предложены для усвоения глаголов несовершенного и совершенного вида.

Особенно хорошо усваиваются виды в упражнениях в виде связных рассказов, где противопоставляются постоянная повторяемость с совершением действия один раз.

1. Мой выходной день.

Вчера был выходной день. Утром я встал рано, открыл окно, включил радио, сделал утреннюю зарядку, умылся, причесался, оделся, убрал комнату, позавтракал и пошёл гулять.

В 2 часа я вернулся домой, пообедал, подготовил домашние задания. Вечером немного прочитал интересную книгу, поужинал, посмотрел телевизор и лёг спать.

(Последовательность, законченность и совершенность действия один раз)

2. Мой выходной день.

Обычно в выходной день я встаю рано, открываю окно, включаю радио, делаю зарядку, умываюсь, причёсываюсь, одеваюсь, убираю комнату, завтракаю и иду гулять.

В 2 часа я возвращаюсь домой, обедаю, готовлю домашние задания. Вечером читаю интересную книгу, ужинаю, смотрю телевизор и ложусь спать.

(Длительность, повторяемость действия)

Также нужно дать упражнения, где ученики самостоятельно учатся вставлять в предложения нужные по смыслу слова.

Упражнение 1. Закончите предложения. Объясните выбор глагола (вид, время, лицо, число).

1. Когда я вышел на улицу, . . .
Когда я выходил на улицу, . . .
2. Когда я выйду на улицу, . . .
Когда я выхожу на улицу, . . .

Упражнение 2. Составьте предложения, употребив обстоятельства типа ежедневно, каждое утро, часто, иногда и глаголы несовершенного вида.

Каждое утро (ходить)
Каждый день (работать)
Каждый вечер (ездить)
Часто, редко (играть)
Иногда, всегда (слушать)

Упражнение 3. Составьте предложения со словами вдруг, неожиданно, уже, сразу, наконец, один раз, которые употребляются с глаголами совершенного вида.

Затем можно дать задания по связному тексту. Н-р: Прочитайте текст. Выпишите из данного текста глаголы несовершенного вида в один столбик, а глаголы совершенного вида - в другой. Расскажите, о чем говорится в тексте.

«Странное состояние переживал Алексей. С тех пор, как он поверил, что путем тренировки может научиться летать без ног и снова стать полноценным летчиком, им овладела жажда жизни и деятельности. Теперь у него была цель: вернуться к профессии истребителя. С тем же фантастическим упрямством, с каким он, обезножив, выползал к своим, стремился он к этой цели. Еще с ранней юности привыкший осмысливать свою жизнь, он прежде всего точно определил, что он должен сделать, чтобы достичь этого как можно скорее, не тратя попусту драгоценного времени». (Б.Полевой. Повесть о настоящем человеке.)

И после того, как закрепляется этот материал, можно дать различного рода самостоятельные работы, типа:

Составьте небольшой рассказ, используя данные слова и словосочетания. Придумайте название.

Однажды (решать, решить) поехать в горы; (доехать, доезжать) до горного кишлака; (идти, ходить); (подняться, подниматься) до вершин; (собрать, собрать) цветы; (играть, сыграть) в волейбол; (кипятить, вскипятить) воду; (обедать, пообедать); (пить, выпить) чай; (отдыхать, отдохнуть) несколько часов; вдруг (гремять, загреметь) гром; неожиданно (пойти, идти) дождь; (собрать, собирать) вещи; (спускаться, спуститься) по тропинке; (нести, понести) цветы; (ловить, поймать) ежа; (остановиться, останавливаться); (видеть, увидеть); наконец (доехать, доезжать) домой.

Такие упражнения способствуют закреплению изучаемого материала и предупреждению ошибок учащихся, возникающих при построении предложений с использованием глаголов.

Как было отмечено выше, виды глагола - одна из самых трудноусваиваемых категорий глагола. Поэтому, учитывая трудность усвоения видов, необходимо систематически повторять с учащимися всё пройденное по этой теме. Закреплять знания о видовых парах следует и при изучении прошедшего и будущего времени, наклонений глагола, причастий, деепричастий, при изучении лексики, словообразования и синтаксиса.

Основное требование к преподаванию видов глагола заключается в том, чтобы изучение всех глагольных форм строилось на видовых парах. Изучаться должны не только парные - однокоренные и с разными корнями и основами, но и одновидовые, двухвидовые глаголы, так как среди немало слов, которые необходимы для повседневного общения.

В этой статье была затронута только незначительная часть проблем, связанных с преподаванием видов глагола в школе. Еще очень многие вопросы ждут своего решения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бондарко А.В. Вид и время русского глагола. М., 1971. с.22-36.
2. Виноградов В.В. Грамматика русского языка. М., 1954. с. 497
3. Гусейнова Т.В., Шабурова Д.Х. Русский язык 7 класс. Д., 2006.
4. Маслов Ю.С. Роль так называемой перфективации и имперфективации в процессе возникновения глагольного вида. М., 1958. с.91.
5. Тихонов А.Н. Изучение видов русского глагола в узбекской школе.- Ташкент.- Укитувчи.- 1981.- с. 12.

ТРУДНОСТИ ИЗУЧЕНИЯ ВИДОВ РУССКОГО ГЛАГОЛА УЧАЩИМИСЯ-ТАДЖИКАМИ

Данная статья написана на материале научного исследования, а также из опыта работы в вузе. Автор статьи, анализируя действующие учебные программы и учебники, а также на основании посещенных уроков приходит к выводу, что изучению данной темы не уделяется должного внимания. Автор справедливо отмечает, что методисты мало обращают внимание на то, что знание категории вида является ключом к пониманию всей системы глагола, так как эта категория охватывает все без исключения глагольные формы. В статье также даётся объяснение трудностей, возникающих при усвоении учащимися видов глагола.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: система глагола, глагольные формы, виды русского глагола, изучение видов глагола учащимися-таджиками.

DIFFICULT OF LEARNING THE ASPECTS OF THE VERB IN RUSSIAN BY TAJIK SPEAKING SCHOOLCHILDREN

The article has been written both on the base of research materials and on the base of the author's teaching experience at the University. As the result of analyzing the correct curricula and textbooks, also observation of the Russian lessons the author concludes that the issue under study has not been given a due attention on behalf of the Russian teachers. The author fairly points out that the method cans do not pay a due attention of the fact that knowing the aspects of the Russian verb shall be the key to comprehension of all the verb system, since this category usually covers all the verb form without exception. Difficult of learning the category of the aspects of the verb occurring while assuming the verb aspects are also commented in the article.

KEY WORDS: verb system, verbs forms, kinds of Russian verb, studying of verbal aspects by pupils-Tajik.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: М.Ф. Камолова - старший преподаватель общеуниверситетской кафедры русского языка Худжандского государственного университета им. Б.Гафурова. **Телефон:** 918-91-06-77

МЕТОДЫ И ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ТОПОНИМОВ УСТРУШАНЫ

А.Р. Аюбов

Худжандский государственный университет им. Б.Г. Гафурова

Уструшана как древняя историческая область Центральной Азии сыграла важную роль в ее истории и культуре. Она охватывала огромную территорию современных республик Таджикистан, Узбекистан и Кыргызстан. Естественно, что на территории области находились большие города, которые были весьма значительными для Центральной Азии и самой области. Это были города Бунджикат, Фагкат, Газак, Куркат (Кирополь). Помимо того существовали многочисленные поселения (рустаки) по всей области, начиная от равнинных мест, вплоть до горных районов. Каждое из них имело характерное для себя название - топонимы.

Изучение топонимов Уструшаны дает яркую картину истории той или иной местности. Географические названия - это единственная историческая ценность, которая сохраняется на долгие годы. Второй аспект - это время, точнее исторический период, в котором происходили события, связанные с возникновением топонимов. С этой точки зрения знать суть географических названий дает возможность решить многочисленные исторические проблемы. Такое размышление касается и топонимов древней и средневековой Уструшаны. Для изучения топонимов Уструшаны можно использовать ряд методов. Одним из них является структурно-грамматический метод исследования. Суть этого метода заключается в том, что многие топонимы созданы простыми формантами. Следует отметить, что для создания топонимов независимо от конкретных условий и причин главным образом учитываются языковые нормы.

Форманты, которыми созданы уструшанские топонимы разделяются на несколько групп:

1. Топонимы, созданные компонентами "- ак", "- ча". Эти компоненты указывают на небольшой объем территории данных поселений в момент их образования, независимо от того, какую территорию они охватывают в настоящее время. Примером могут стать следующие топонимы: Сугдак, Кунджак, Кургонча, Катыча.

2. Многие топонимы Уструшаны созданы компонентами "- о", "- он", "- хо". Названия Кордгаро, Ругангарон, Осиетарошон, Маддох созданы этими формантами.

Топоформанты "- о", "- хо" происходят из показателя множественности. Но в дальнейшем они, утратив свое первоначальное значение, превратились в обычные словообразователи. А топоформант "-он" имеет двойное происхождение. В первом случае он восходит к словообразовательному суффиксу "- он" происходящему из древнеиранского "- ана", во втором случае к показателю множественности из древнеиранского "- анам".

Топонимы с исходом "-он" кроме Уструшаны можно встретить во многих ираноязычных территориях. Но не все они иранского (таджикского) происхождения. Некоторые из них этимологизированы на согдийской почве.

3. Топонимы, созданные компонентом "- обод": Файзобод, Навобод. Этот топоформант является очень распространенным среди топонимов не только Уструшаны, но и всей Центральной Азии. Его происхождение восходит к временам господства династии Сасанидов. Основой для топоформанта послужило иранское слово "апат", которое означает "цветущий", "населенный". Основа этого слова принадлежит авестийскому "ап", что означает "вода".

В Центральную Азию, в том числе Уструшану этот топоформант начинает появляться в более поздний период, примерно во времена арабского нашествия в VII-VIII вв. А в XIII в. он уже приобретает высокую степень продуктивности.

4. Очень распространенными топоформантами считаются "- кат", "- гаг", "-кент", "-канд": Бунджикат, Дахкат, Вогат, Пошкент, Сунбулканд. В различных языках слово имеет разные формы написания и значения. К примеру, в осетинском языке пишется "- kad" и восходит к иранскому "- kata". В авестийском имеет форму "- kau" и означает "воздавать должное", "воздаяние". Производным от "- kad" является, по-видимому, "- kadag" -

героическая сага. В иранском "- nkat" (ni – kata) внимание и привлекает также собственное имя, встречавшееся на кушанских монетах: "- kadphises", "- kadaphes" из "- kata-paisa".

Древнесогдийская форма написания "- kand" означает "город", "поселение", "дом". Для топонимов Уструшаны более подходит согдийский вариант. В согдийских документах, найденных на горе Муг встречаются несколько топонимов, созданных этим компонентом.

Исторические корни возникновения этих топоформантов восходят ко временам зороастрийцев - огнепоклонников. Холодный климат и изобилие снега в землях Алтая и Сибири не позволяли древним арийцам этой зоны похоронить своих покойников в этот период года. Поэтому на вопрос Зороастры по поводу погребения Ахура Мазды отвечает так: "В каждом доме нужно создать три кады (ката) для хранения покойных людей. Их нужно хранить здесь до тех пор, пока не начинают летать птицы, расти растения, растает снег и весенний ветер осушает лицо земли". (Мирбобоев А.К. 2006)

Топонимы Уструшаны с такими компонентами более широко встречаются в трудах средневековых персидских и арабоязычных географов и историков, таких как Якут, Истахри, Макдиси.

5. Топонимы, созданные термином "ходжа": Ходжахо, Ходжа Тохир, Ходжаи Метк, Кальаи Ходжи. В географических названиях этот термин выступает как словообразователь в роли форманта, так и самостоятельно без каких-либо добавлений к нему слов или других формантов. Он иногда встречается в форме "хваджа".

"Ходжа" выступает как названия селений, так и культовых мест и даже ирригационных сооружений. Он происходит от этнонима, который обозначает определенную группу населения.

Термин "ходжа" имел весьма различные значения, что зависело от районов распространения, от этнического состава населения, употреблявшего это слово.

По мнению Р.Я. Рассудовой, которая исследовала роль этого слова в топонимике, оно является персидским термином, означающим "старший", "начальник". Действительно в персидском "ходжа" буквально имеет такое значение. Но на самом деле этот арабский термин и указывает на человека совершившего "хадж" /мусульманский паломник/.

Кроме этого термин "ходжа" в дальнейшем приобрел вторичное значение, выступая чаще всего как название одного из сословий или групп.

6. Очень многие топонимы созданы элементами "кан", "джон", "гон": Харкана, Руйджон, Сангджон, Маджон, Гончи.

Этот элемент присущ многим языкам. На индоевропейской почве он получил отражение в слове "канал". В старинных письменных источниках в том числе, в ягнобских текстах, исследованных М. С. Андреевым термин имеет такую форму: - kan: - kanta: - kanna; в согдийских текстах пишется kn – knṭ; в иранских источниках - kan. Как видим, они по своей форме очень близки друг к другу и при этом имеют одинаковое значение: "рыть", "копать", "выбывать".

В.И. Абаев изучая древнесетинский язык, показал, что этот термин является иранским и помимо вышеуказанных значений, также обозначает "источник", "колодец".

Древность этого термина несомненна. Потому что в авестийских текстах слово "хон", "хан" означает "колодец", "источник".

Термин особенно распространен в названиях ирригационных сооружений. В некоторых случаях он указывает на географическое расположение того или иного поселения. К примеру, поселение Ганчи расположено на левом берегу речки Басмандасу и его название создано компонентом "гой", что указывает на географическое местоположение.

Разделение топонимов согласно их формантам или другим словообразователям позволяет исследователю в первую очередь анализировать часть значения топонимов. А в следующем этапе уже можно будет более точно выявить суть топонимов. Но и этот этап имеет свои важные требования, которым нужно уделять большое внимание.

Эти требования можно будет решить другим методом изучения топонимов. Его суть состоит в том, что в процессе исследования нужно учитывать языковые нормы, на которых создавались географические названия.

По своей языковой принадлежности уструшанские топонимы разделяются на следующие группы.

1. Топонимы, созданные на основе согдийского языка: Уструшана, Урканд, Ростровут, Хшекат, Минк.

Топонимы, созданные согдийским языком образуют самый древний слой в топонимике Уструшаны. Однако нельзя и не учитывать периода двуязычия, когда таджикские, согдийские (ягнобские) топонимы могли возникать одновременно. Для установления согдийского происхождения топонимов нужно обратить внимание на историко-фонетические и морфологические основы исследуемых топонимов. В некоторых случаях из-за отсутствия нужного материала очень сложно доказать согдийское происхождение географических названий.

2. Топонимы, созданные таджикскими словами Шахристон, Чорбог, Хашпjak, Нов, Сурхоб. Среди этих топонимов самым распространенным является Чорбог. Об этом свидетельствуют не только населенные пункты, носящие такое название, но и хозяйственные документы, дошедшие до нас со средних веков. На основе этих документов и анализа фонетического состава слова, можно сделать вывод, что оно означает "сад с расположенными на его территории высокими зданиями". Обычно в минувшие времена Чорбог был местом отдыха правителей городов, областей и высокопоставленных чиновников. По истечении времени эти зоны за счет слуг и служителей превратились в огромные поселения.

Топонимы на основе таджикского (фарси-дари) языка начинали возникать в период арабского завоевания. А уже к X в. распространились в большом количестве.

3. Очень много топонимов созданы тюркоязычными терминами: Бешкал, Кучкина, Янгиарык, Уртакурган, Увок, Мангит.

Процесс появления таких топонимов особенно характерен для периода после падения государства Саманидов, когда по всей Центральной Азии начали господствовать представители тюркоязычных племен. Несмотря на это, они не смогли вытеснить существующие географические названия, созданные на основе согдийского и таджикского языков.

4. Топонимы, созданные другими языками, в том числе, греческими и арабскими языками. Среди топонимов Уструшаны они имеют малую долю объема.

При исследовании топонимов было бы желательно знание вышеназванных языков. Следует отметить, что под влиянием тюркского языка многие согдийские топонимы изменили свою форму или стали принимать тюркское значение. К примеру, топоним Урметан, созданный термином "митан". А.С.Толстов топонимы на "митан" связывает с этнонимом "митан" (племя зеравшанских узбеков) и "мойтен" (племя хорезмийских каракалпаков), которые восходили к названию древнего государства Миттани, существовавшего в Месопотамии в XVI-XIII вв. до н.э.

Но этот компонент в сущности восходит к иранскому "маехана", который в новоперсидском языке в форме "механ" означает "родина". А на согдийской почве означает "укрепление", "крепость".

Другим методом изучения топонимов Уструшаны является выделение топонимов, которые происходили от названий архитектурно-фортификационных сооружений и других географических объектов. Среди них самыми распространенными являются топонимы, созданные словами "диз", "калья", "курган" и "теппа", которые соответственно означают "крепость" и "холм". Последнее является естественным сооружением, используемым иногда жителями их окрестности в целях обороны от иноземных наездников.

К примеру, можно привести нижеследующие топонимы: Дизак, Кальяи Дуст, Гулакандоз (название означает "крепость"), Уртакурган, Фармонкурган, Муттеппа, Мулчоктеппа.

Выявление таких топонимов тесно связано с археологией, которая освещает материальную основу этих топонимов.

Многие топонимы Уструшаны созданы от этнонимов. Основная масса таких **топонимов** принадлежит тюркским этническим группам: Турк, Найман, Мангит, Кенагас, Парчағоз и другие.

Они появились в результате переселения родственных и этнических групп в уструшанскую землю по различным причинам. Большая доля таких переселений подходит в средневековье, когда Средняя Азия была полностью охвачена тюркскими родами Караханидов, Газневидов, Сельджукидов, Хорезмшахов и Тимуридов. Татаро-монгольское нашествие давало этому процессу большой толчок.

Точное выделение таких топонимов согласно своей структуре позволяет более легкого аналитического подхода к ним. Первым делом нужно уточнить, откуда прибыли этнические группы, и по какой причине они стали выбирать конкретное место для дальнейшего проживания. Во-вторых, нужно определить суть названий этих этногрупп. Следует сказать, что во многих случаях эти этногруппы называли свои поселения названием своей группы или рода без всяких изменений.

Следующая группа топонимов названа согласно хозяйственной занятости населения. Такие топонимы по своему значению в основном таджикского происхождения: Дархон, Хашпjak, Шонатарошон, Кассобон и другие.

Анализ таких топонимов, прежде всего, требует подход к экономической жизни населения. Создателями этих топонимов являлись люди (группы) каких-либо определенных профессий. К примеру, жители Хашпjака были дехкане (крестьяне), Дархона - льготники, занимавшиеся охраной дорог.

В Уструшане некоторые топонимы были созданы согласно географическому местоположению того или иного поселения. Примером могут служить Нов, Ура-теппа, Сутдак, Урметан, Тал.

При анализе таких названий требуются знания географических дисциплин. Надо иметь в виду, что топонимы такого типа являются очень древними. Это и требует очень грамотного подхода к древним, к примеру, согдийскому, пехлевийскому языкам.

Таким образом, методов изучения уструшанских топонимов очень много и они различны. Глубокий анализ этих топонимов требует достаточно многих усилий и труда. Потому что, каждое конкретное поселение,

независимо от того, в каком историческом периоде оно появилось, имеет характерное для себя название. Нужно учесть, что топоним создается не так уж просто. Создатели учитывали исторический период, географические условия, климат и многое другое. Поэтому и топонимы останутся как единственное эхо умолкшего времени.

Исходя из вышеописанных размышлений, можно сделать следующие выводы:

1. При анализе топонимов самым главным является их языковая основа. При этом нужно подходить к структурно-грамматическому анализу.

2. В каком историческом периоде был создан топоним. Это и является началом истории того или иного города или поселения.

3. Нужно уточнить, кем был создан топоним: отдельным лицом или группой людей, имевшие между собой этнические, родственные, профессиональные отношения. Здесь знание этнографии сыграют очень важную роль.

4. В каком районе находится поселение: на равнине, в городе, за городом, в подгорном оазисе. В данном случае требуется знание географии, в том числе, топографии.

5. И последнее, существуют ли в настоящее время поселения, названия которых мы анализируем?

В целом, топонимика как отрасль лингвистики, изучающая историю создания, преобразования и функционирования географических названий имеет тесную взаимосвязь с историей, археологией, этнографией и географией.

Исследование какой-нибудь задачи, независимо от того, к какому предмету она относится, могло быть вполне решаемым или наоборот трудно решаемым. Последнее зависит от того, что любая задача имеет свои проблемы, которые требуют от исследователя более решительного и разумного подхода, глубокого анализа, конкретного действия, направленного на решение этой задачи.

В этом плане топонимы Уструшаны в процессе исследования сведут нас с такими проблемами, решение которых не так уж просто. Иногда какой-нибудь топоним по своей структуре кажется очень простым. Но при анализе выясняется, что он имеет очень глубокие корни. К примеру, топоним "Уструшана". Это Судуйшана китайских источников (хроники Бейшу, Суйшу), Иструшана мугских документов, Уструшана средневековых арабских географов (Якут, Идриси, Макдиси и другие), Курушкада и Истаравшан современных жителей и некоторых исследователей. По этому вопросу имелись различные мнения, множественные и бесконечные споры.

В таком случае основной проблемой является точный анализ изначального значения слов, от которых образованы топонимы.

Географические названия являются свидетелями исторических условий эпох, когда они возникали, формировались и распространились в тех или иных странах, краях и областях. Нужно найти связь географических названий с исторической географией.

Другой проблемой является трансформация топонимов. Колесо истории вращается бесконечно. Каждую минуту происходят события, прогресс движется вперед. Это приведет к тому, что с развитием социально-экономической жизни меняется культура и язык. Развитие языка, возникшие новшества стали причиной того, что многие топонимы изменили свою форму.

К примеру, древними поселениями Уструшаны, которые изменили свою форму являются Вогат (средневековый Фаггат, Фагкас арабских географов, означающий по авестийским материалам "божий дом") и Газантарак (древний город Газак, название которого означает "крепость").

Но независимо от изменения формы традиций инновации, первоначальное значение топонимов во многих случаях сохраняются. Да, действительно многие слова, от которых создавались топонимы, нам кажется как чужие. Но это явление объективное, о котором мы уже говорили.

Самое главное в этом случае нужен точный и основательный подход к анализу топонимов. Всякий неправильный шаг может усложнить проблему исследования. Это приводит к безосновательным выводам или даже станет причиной появления новой проблемы.

Следующей проблемой является то, что во многих поселениях Уструшаны, названия которых таджикские, в настоящее время живет тюркоязычное население. Примером могут быть поселения Гулякандоз, Яхтан, Навганда. Как это произошло, догадаться очень трудно. Может быть, это вторичное оживление таких поселений с сохранением прежних названий. Название "Гулякандоз" (крепость) встречается еще в трудах средневековых арабо-язычных авторов. Г. Вамбери тоже считал, что здесь жили таджики. Решение этой проблемы требует от исследователя обратить внимание на археологические данные этнографических и историко-лингвистических материалов и тем самым найти причину происходящего.

Очень актуальной проблемой топонимов Уструшаны считаются названия исчезнувших населений. Если посмотреть на карту средневековой Уструшаны, составленной академиком Н.Н. Негматовым, можно обнаружить следующие названия: Харкана, Бурнамад, Шавкат, Урканд, Джанкакат, Асбоникат, Суйдак, Сарсанда, Хушфагн, Шагар, Вакар.

Все эти названия встречаются в исторических источниках. Но в настоящее время они не существуют. Помимо того имеют очень сложные и по грамматике, и по смыслу названия. Структурно-грамматический анализ показывает, что эти названия судя по своей форме и значению имеют очень древние корни. Анализировать их не очень легко. Это одна сторона вопроса, другая сторона состоит в том, как и когда эти поселения исчезли.

Сведения об этих поселениях можно найти только на основе археологических данных, и то если точно уточнить их местонахождение.

Кроме того, многие уструшанские топонимы в настоящее время намного изменились. Это названия городов и поселений, таких как, Газак, Фагкат, Куркат (Кирополь), Марсманда. Эти древние города помимо изменения названий, превратились в селения. А некоторые рустак, к примеру, Дизак, Хавас стали большими городами, это результат развития социально-экономической жизни. Но как случилось, что такие большие города как Газак, Фагкат и другие стали селениями? Может они разрушились навсегда, не подлежав восстановлению? Для выяснения этой проблемы нам могут помочь археологические данные и сведения письменных источников.

Таким образом, исследования проблем топонимов Уструшаны связаны с решением ряда актуальных вопросов истории, археологии, этнографии, исторической географии и топонимики. В число таких вопросов входят следующие: характеристика тех поселений, названия которых являются предметом нашего исследования; исторические события, в связи с которыми исчезли поселения или их названия; характеристика создателей топонимов; опирание на достоверные исторические источники, доступные нам в период исследования; умение сделать правильные выводы, исходя из сведений, которые получены в процессе решения вышеуказанных проблем.

Такое исследование требует комплексного подхода, основанного в целом на сведениях историко-этнографических материалов и данных различного рода письменных и устных источников.

ЛИТЕРАТУРА

15. Андреев М.С. Поездка летом 1928 г. в Хасанский район // Изв. общества для изучения Таджикистана и иранских народностей за его пределами. Т.1. Ташкент. 1928.
16. Бабурнаме. Записки Бабур. Ташкент. 1958.
17. Бартольд В.В. К истории орошения Туркестана. Т.111, М. 1965.
18. Волин С.К. К вопросу о замке на горе Муг. В кн.: Волин 1940. Труды Таджикской базы АН СССР. Т. IV. МЛ.
19. Гумилев Л.Н. От Руси до России. СПб. 1992.
20. Мурзаев Э.М. Топонимика Синдзяна. В кн.: Топонимика Востока. М. 1962.
21. Мирбабаев А.К. Дахмаки Курката и проблемы зороастрийской идеологии в Северной Средней Азии. АДД, Душанбе. 1995.
22. Мирбобоев А.К. Накши ориёнӣ дар тамаддуни ӯзбонӣ. Худжанд, 2005.
23. Ровенфельд А.З. Проблемы региональности и десемантизации в таджикской топонимии. В кн.: Ономастика Средней Азии. М. 1978.
24. Семенов А.А. Материальные памятники арийской культуры // Семенов 2006: Наследие предков, №9.
25. Смирнова О.И. Вопросы исторической топографии и топонимики Верхнего Зеравшана. В кн.: Материалы и исследования по археологии СССР, №15. 1950.
26. Сухарева О.А. Празднества цветов у равнинных таджиков. В кн.: Древние обряды, верования и культы народов Средней Азии. М. 1986.
27. Турсунов Н.О. Развитие городских и сельских поселений Северного Таджикистана в XVIII-начале XX вв. Душанбе, 1991.
28. Якубов Ю.Я. Раннесредневековые сельские поселения горного Согда. Душанбе. 1988.

МЕТОДЫ И ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ТОПОНИМОВ УСТРУШАНЫ

Уструшана как древняя историческая область Центральной Азии сыграла важную роль в ее истории и культуре. Изучение топонимов Уструшаны дает яркую картину истории той или иной местности. Географические названия - это единственная историческая ценность, которая сохраняется на долгие годы. Следует отметить, что для создания топонимов независимо от конкретных условий и причин главным образом учитываются языковые нормы. Статья посвящена исследованию методов и приёмов изучения топонимов Уструшаны.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: топонимы, топонимы Уструшаны, история и культура, изучение топонимов, историческая ценность, создание топонимов.

METHODS AND PROBLEMS OF STUDYING TOPONYMS ISTARAVSHAN

Istaravshan as the ancient historical area of the Central Asia has played the important role in its history and culture. Studying toponyms gives to Istaravshan a bright picture of history of this or that district. Place names are a unique historical value which remains for many long years. It is necessary to notice that for creation of toponyms irrespective of concrete conditions and the reasons language norms are mainly considered. Article is devoted research of methods and studying receptions toponym by Istaravshan.

KEYWORDS: toponyms, toponyms Istaravshan, history and culture, studying toponyms, a historical value, creation toponyms.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: А.Р. Аюбов – соискатель Худжандского государственного университета им. Б. Гафурова

ФАСЛЕ ТААММУЛ БАР СУХАНИ ҲОҶӢ ҲУСАЙН

Х.Н. Табаров

Донишгоҳи милли Тоҷикистон

«... Ҳар як зиёӣ ба мисли аҷдоди тамаддунсози хеш бояд талош варзад, ки забон ва фарҳанги миллиро ҳифз карда густариш диҳад, онро ба ҷаҳониён ба таври арзанда муаррифӣ намояд ва ҳамчун сарвати бебаҳои милли барои наслҳои оянда бегазанд ба мерос гузорад». [1]

Заҳмати аҳли адабу илм дар заминаи нигоҳ доштани пайванди замонҳо, ки ба василаи сухан сурат мегирад, аз дигар гуруҳҳои ҷомеа, ба назари мо, бештар аст, зеро онҳоанд, ки тавассути осори хеш моёи фарҳангии моро бозтоб медиҳанд ва ин саҳми эшон омилҳои мондагории таърихи башар хоҳад шуд. Ва ин нақши бузурги забон ва сухан мабъи бар вожаҳост, ки дар мавриди арзиши онҳо донишманди эронӣ Мирҷалолуддини Казозӣ барҳақ гуфтааст: “Ҳар вожае риштаи пайвандест, ки моро ба гузаштаҳои забон ва аз он ҷо ба ҷарфоҳои таърих ва фарҳангамон мепайвандад, ҳар вожае аз забон нишонаест роҳнамо, ки паҷуҳишҳои печопеч ва моз дар мози(пурхами) фарҳанги моро роҳ менамояд ва ба пеш мебарад, ончунон ки аёхтаҳо(бофтаҳо) пайкараи зистиро месозанд, вожагон низ забонро падида меоваранд, ки худ аз диде ҳамчунон пайкарае зистӣ метавонад буд. Вожагон ҷунони ҳар падидае зистӣ мезоянд, меболанд, мемиранд”. [2]

Бо дарназардошти ин аҳамияти забону сухан дар иҷтимоӣ Бадруддин Ҳилолӣ фармудааст:

...Ки гар бар сафҳаи олам набудӣ,
Нишон аз оламу одам набудӣ...
Кӣ ҳоли рафтаву оянда гуфти?
Кӣ чандин маънии поянда гуфти?...
Ба як дам оламеро зинда созем
В-аз он пас то абад поянда созем.
Касе худ бесухан чун зинда монад?
Дар иқлими бақо поянда монад? [3].

Бо вучуди ин, мутафаккирон хидмати дар ин масир анҷомдодаи худро, ки бисе арзишманд аст, ҳеч шуморидаанд, то, ба қавли Ҳаким Фирдавсӣ, бар пасиниён миннат накарда бошанд. Ҳоҷӣ Ҳусайни Кангуртӣ низ як тан аз зумраи он қаламкашоне будааст, ки бо рӯи сафҳа овардани осоре манзуму мансур, амсоли девони ашъор, манзумаҳои “Василатуннаҷот”, “Дабиствони ибрат”, “Таърихи ҷуда”, маснавии “Комде ва Мадан”, “Мунтахабулаҳбор фӣ табақоти салотин”, рисолаи “Хутути ашқоли исломия” (фароғири анвои хатти арабӣ), даҳ мактуб [4], ки қисмати назми он тақрибан 13100 мисраъ [5]-ро дар бар мегирад, бо камолҳои ҳилму фурутанӣ навиштааст, ки:

Коре зи ту, Ҳоҷӣ, дар замона
Н-омад, ки ба ёдгор монад [5,153].

Аз муҳтавои ин байт чунин бармеояд, ки шоир аз таълифоти худ ноконёе зиндагиро падруд гуфта, аммо дар ин фурсати танг ҳам мероси гаронбаҳое боқӣ гузоштааст, ки моёи ифтихори мост. Ва ин ҷакидаҳои хомаи шоир далоили зиёдеро, аз ҷумла доир ба забон, дар зимн дорад, ки дар асоси онҳо пирумунӣ муҳаббати ӯ ба лафзи модарӣ, ҳарчанд ки ин мафҳум дар он айём чандон маъмул набуд, ҳунари гузиниши дурдонаҳо аз ин ганҷина, суханофаринӣ ва заҳмати ба ҳарч додааш ба ҳулосае омадан мумкин аст, ки дар амри такомули забон хеле саҳим будааст. Ва баръакси мазмуни он байте, ки зикр ёфт, дар ин росто коре аз дасташон омада, ки дархӯри ситоишу таҳсин хоҳад буд. Инак, дар атрофи баъзе ҷиҳатҳои забони ашъори Ҳоҷӣ Ҳусайн изҳори назар хоҳем кард.

1. Суннати қорбурди вожаҳои бунёдиро, назирӣ *моя, жарф, вом, газанд* ва ғайра, ки дар шеърӣ саромадони сухани порсии дарӣ, чун Абуабдуллоҳи Рудакӣ, Абулқосими Фирдавсӣ омадаанд, бар рағми рӯҳияи бархе аз ҳампешаҳои худ, ки нисбат ба ганҷина вожагони то аҳди Ислом таассуб меварзиданд ва дар истифодаи муодилоҳои иқтибосии (1- асос, сабаб, сарват- арабӣ; 2-умқ, чуқур(ӣ) – арабӣ ва туркӣ; 3- қарз, дайн – арабӣ; 4 –зарар, зиён - арабӣ) онҳоро бартар мешумурданд, идома додааст. Чунончи:

Сар дар хатти бандаги-г будан
Шуд *моя*и ифтихор бар мо [5,24].

Пайи рангинии ин номаи **жарф**
Давоти сина шуд лабрези шанчарф [5,328].

Мушки Хито зи накҳати зулфат ба **вом** рафт,
Дар кисаи сабо шуду додаш савоб рух [5,67].

Аз хумхуми рафтагонам хоби роҳат шуд ҳаром,
Бар сари раҳ хуфтаре овози по дорад **газанд** [5,77].

2. Бо риояти қоидаи вожасозии суннатӣ калимаҳоро эҷод намудааст, ки таркибан мураккабанд ва дар “Фарҳанги забони тоҷикӣ” қорбурд надоранд. Зикри “Фарҳанги забони тоҷикӣ” ба ин хотир аст, ки дар радифи дигар манобеъ таҳиягарон аз “Куллиёт”-и Ҳочӣ Хусайни Кангуртӣ[6] низ истифода кардаанд ва шояд ба далели тангии фурсат буда бошад, ки аз ғановати маводи луғавии забони ӯ худудан 80 калимаро[7] баргузидаанду бас. Ин мавқеъ иҷмолан 6 воҳиди луғавиро интиҳоб кардем, ки аз ду чузъ (исм + исм = сифат ва исм + феъл = исм) созмон ёфтаанд ва далели истеъдоди адиб дар калимасозии навъи мураккаб мебошанд ва, ба қавли мунаққиди шинохта Матлубаи Мирзоюнус: “Дар истифодаи калимаҳои мураккаб ҳунари шоирӣ хеле рӯшан аён мешавад”[8].

Инак, чанд мисол:

сахлкор

Шоҳо, туйи мири ҳар ду олам,
Бояд, ки расӣ ба арзи ҳолам,
Бар дарғаҳи ту ҳамеша нолам,
Шояд, ки диҳӣ ба худ висолам,
Ин соили **сахлкор** мепурс[5,223].

навбатгир

Ҳар ғусса, ки аз чархи ситамкор расад,
Аввал ба мани хастаи афгор расад,
Гарчи ҳама з-ин шароб **навбатгир**анд,
Чун навбати мо шавад, ба такрор расад [5,248].

нуктафармо

ғалатгир

Аз ин душвортар набвад, ки бо ҳарфи хирадманде,
Шавад аблаҳнавое **нуктафармову ғалатгир**аш [5,135].

рахгир

Хиҷолат нест бар девона **рахгир**,
Надорад ҳукм бар ӯ банду занҷир [5,277].

арзахонӣ

Ҳочӣ, паёми аҷзам то рутбае биёбад,
Бо оху нола рафтаи хангоми **арзахонӣ** [5,209].

Аз миёни ин вожаҳо **рахгир** ва **арзахонӣ** бо забони гуфторӣ наздик будани сухани Ҳочиро мефаҳмонанд. Бо ин шакли маънӣ ин калимаҳо имрӯз ҳам дар забони мардум мустаъмаланд, аз ҷумла **рахгир** дар гӯйиш ба ин мавқеъ: раҳгирӣш кын*, яъне пеши роҳашро бигир...

3. Бо эҷоди ибороти **марди адабвар**, **дидаи ибратгар**, **дастгоҳи ҳиммат**, **арзагоҳи нома**, **сари қаҳр**, **нософӣи дил**, **умри дарози носазовор** ва ҳоказо ганҷинаи забони моро ғани гардонидааст ва, чунонки мегӯянд, ҷойи ин мақулаҳои луғавӣ дар китобҳои луғат ҳолист:

Ки дар назди шаҳони додгустар
Наёбад бор чуз **марди адабвар** [5,279].

Мункир кучост, **дидаи ибратгар** аст боз,
То бингарад, ки соати ҳашр ошкор шуд [5,69].

Рутбаи ҳар кас ба қадри **дастгоҳи ҳиммат** аст,

* забоншиносон барои ифодаи садонокҳои кӯтоҳ (**а,и,у**) дар лаҳча ҳарфи **ъ**-ро (аломати сакта, сахетараш айн, масалан, **дъст//даст** муносиб донистаанд, ки, ба назари мо, сахет нест. Ҷиҳати баёни ин овозҳо **ы**-и русӣ мувофиқтар мебуд. **Мне**-и русӣ ва **мын**-и лаҳҷаи тоҷикӣ, ба андешаи ин ҷониб, бунёди муштарақдоранд, ки феълан ин навишта маҷоли баррасии онро надорад.

Ҳочиро манзил ҳарам бошад, ба кунчи ғор ғар [5,117].

Дар **арзагоҳи номаам**, қосид, ба ҳуш бош,
К-уро ҷавоби талхтар з-афюн навиштанааш [5,138].

Ба андак чурм рафтӣ бар **сари қаҳр**,
Шароби илтифотат рехт дар захр? [5,307].

Нософии дилро набувад ҳеч илоче,
Аз санги сияҳ тирағӣ натвон зудудан [5,186].

Умре натавон дар **ӯ** нақӯкорӣ кард,
З-он **умри дарози носазовор** чӣ суд!? [5,248].

4. Ҳочӣ Хусайн дар суҳанофаринӣ маҳорат дорад. Барои рангинии суҳан ва пуртасвирии он аз санъатҳои бадеӣ кор гирифтааст. Дар шеъри **ӯ** аз воситаҳои тасвиросоз маҷоз мавқеи махсус дорад. Таркибҳои маҷозиро фаровон ба кор бурдааст. Истеъмоли ин наъми таркибҳо аз қаробати забони **ӯ** бо лафзи мардум дарак медиҳад. Олими маъруф Асадулло Суфизода ба иртиботи ин суҳан мегӯяд: “...сабки тасвир ва забони гуфтори **ӯ** форам ва хунармандона мебошад. Дар забону сабки баъни шоир ҳавои назми шифоҳӣ ва таровати ашъори бузургони Аҷам ҳувайдост. Ибораву ифодаҳои равону дилфиреби мардумӣ ва хусну маллоҳати ҷомӣнаро дар ғазали поён баръало мушоҳида менамоем:

Эй дӯст, биё, дар қадамат зор бигирям,
Ту ханда куну гӯ, ки чӣ миқдор бигирям?!” [9].

Ин маънӣ аз ин чихат мавриди таъйид қарор гирифт, ки Ҳочӣ Хусайн ҳам монанди дигар адибони замони худ (Шамсуддин Шохин, Абдулмачиди Зуфунун, Яҳёҷоҷа, Саидҷоҷаи Гулшанӣ, Абдукарими Офарин, Возех, Дилкаш, Исо Маҳдум, Музтариб, Мирзохайити Саҳбо, Симо, Мирзо Азими Сомӣ, Ҳайрат) ба сабки бозгашт ё бедилӣ бо “услуби баланд” бояд шеър мегуфт, то хунари **ӯ** ҷавобгӯии замон мебаромад, зеро, он гуна ки устод Носирҷон Маъсумӣ зимни таҳқиқи забон ва услуби Аҳмади Дониш иброз доштааст: “Тақлиди зоҳирӣ ба услуби Бедил, илова ба таъсири пурқуввати нормаҳои анъанавии забони китобӣ ва хусусиятҳои услубии он дар асри XIX ва ибтидои асри XX ба дараҷае авҷ гирифта буд, ки ба ибораи устод Айнӣ: “ҳар касе, ки ба дасташ қалам мегирефт, чизе дар пайравии Бедил навиштанро вазифаи худ мешумурд” [10,40].

Аз ҷониби дигар, мушоҳида кардани чунин далелҳо, ки дар поён оварда хоҳанд шуд, “Нисбат ба ҳамон шароити муайяни таърихӣ роҳу тариқи дар соҳаи забон ва услуби адабӣ пешгирифтаи адибон ҳамчун як аломати тамоюли демократии онҳо ба назар мерасад” [10, 73].

Дар “Куллиёт”-и шоир **суҳан ба таҳи гӯш кардан, диди чор кардан, аз худ бурдан, дар суҳан даромадан, гуфтор рехтан, хоб шикастан, осонӣ дидан, рафтани ҷавонӣ** чун муродиҳои таркибҳои аслии **суҳанро нашунидан ё ба суҳан эътибор надодан, интизор будан, диққат ҷалб кардан, суҳан гуфтан, зикр суҳан гуфтан, аз хоб нофор кардан ё хобро вайрон кардан, меҳрубонӣ, лутф ё муносибати хуб накардан, умр гузаштан ё пир шудан** ба кор рафтаанд, ки мӯчиби тақвият ёфтани шеваи тасвир ва муассирии тарзи баъни шоир шудаанд. Чунончи:

Суҳани сарди рақибон ба **таҳи гӯш** кунӣ,
Ҳарфи моро бинихӣ тӯҳмати афсона чаро? [5,17].

Ҳочӣ барои дидани рӯят ба чоррах
Умре нишасту **диди худ чор карду** рафт [5,49].

Бурд бозам аз худу яқбораам девона кард,
Чаҳчаҳи гулзори булбул, қаҳқаҳи кӯҳсори кабк [5,153].

Ба Худо, ки шармам ояд, чу туро хитоб созам,
Ки забон ба ҳарф лағжад, чу ту **дар суҳан дарой** [5,208].

Тапишомода килки гирякирдор
Забон дар хун кашиду **рехт гуфтор** [5,288].

Ошӯби зи ҷой ҷастани ту
Бар айнаки фитна **хоб бишкаст** [5,47].

Ман аз ту ҳеч осонӣ надидам,
Ту ҳар чи буд, **осон бурдӣ** аз ман [5,187].

Биё, мутриб, бизан сози хамӯшӣ,
Чавонӣ рафт, бас бечохурӯшӣ [5,332].

Бо баёни ин чанд сухани иҷмолий саъй кардем, то аз хирмани пурбаракати андешаву шеърӣ Ҳочӣ Хусайни Кангуртӣ (равонаш шод бод) бархӯрдор шавем, то орзуи эшонро бароварда бошем, чунонки аз мо ин таваққуъро доштаанд:

Агар ба хоки Ҳочӣ бигзарӣ, фасле тааммул кун,
Ки бе файзе набошад тӯдаи хоки мазори ӯ [5,191].

АДАБИЁТ

1. Эмомалӣ Раҳмон. “Чомеа ва рисолати зисӣ”. “Чумхурият”, 21 март соли 2009.
2. Мирҷалолуддини Қазоӣ. Ковише дар реща ва сохти чанд вожа. Маҷаллаи “Адаб”, 1991, №2(8), с.44.
3. Гулшани адаб, ҷ.4. “Ирфон”, Душанбе, 1977, с.94.
4. Энциклопедияи советии тоҷик. Сарредакцияи илмӣ энциклопедияи советии тоҷик, Душанбе, 1988, с.413.
5. Муҳаммадхусайни Ҳочӣ. Асарҳои мунтахаб. Бо эҳтимоми Саидумар Султон. НДТ, Душанбе, 1962, с.11.
6. Фарҳанги забони тоҷикӣ, ҷ.1. Нашриёти “Советская энциклопедия”, Москва, 1969, с.21.
7. С. Анварӣ, Х. Табаров. Сухани Ҳочӣ Хусайн ва Фарҳанги забони тоҷикӣ. Ахбори Академияи илмҳои ҚТ, шӯъбаи илмҳои ҷамъиятшиносӣ, №2, 2008, с.105.
8. Маҷлубаи Мирзоюнус. Ҳамзоди тӯфон. Душанбе, “Адиб”, 2007, с.144.
9. А. Суфизода. Сухан-ҷавҳари фикр. Душанбе, 2009, с.63.
10. Носирҷон Маъсумӣ. “Забон ва услуби Аҳмади Дониш”, “Дониш”, Душанбе, 1976, с.40.

НЕКОТОРЫЕ СООБРАЖЕНИЯ О ЯЗЫКЕ ХАДЖИ ХУСАЙНИ КАНГУРТИ

В статье речь идёт о выборе слова и словообразований в произведениях Хаджи Хусайна Кангурти, выдающегося таджикского поэта конца XIX и начала XX веков.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: слово, словообразование, произведения Хаджи Хусайна Кангурти, выбор слова и словообразования в произведениях Хаджи Хусайна Кангурти.

SOME REASONS ABOUT LANGUAGE OF HADZHI HUSAIN KANGURTI

In article it is a question of a choice of a word and word-formation in products of Hadzhi Husajna Kangurti, the outstanding Tajik poet the end XIX and the beginnings of the XX-th centuries.

KEY WORDS: a word, word-formation, products of Hadzhi Husain Kangurti, a choice of a word and word-formation in products of Hadzhi Husain Kangurti.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: *Хайрулло Табаров* – старший преподаватель общеуниверситетской кафедры таджикского языка Таджикского национального университета. **Телефон:** 93-599-83-30

МАЪЛУМОТИ МУХТАСАРИ ЭТНОЛИНГВИСТӢ ДОИР БА ОРОИШИ МӢЙ ВА ЛЕКSIKAИ МАРБУТИ ОН

М. Бобомуродова

Донишгоҳи давлатии омӯзгории Тоҷикистон ба номи Садриддин Айни

Тадқиқи зебу зинати миллии тоҷикон бояд барои ҳар як фарди тоҷик мароқовар бошад.

Доир ба масъали мазкур дар асриҳои мардумшиносон, қабилӣ Андреев М.С. Писарчик А.К., Широкова Г.М., Майтдинова Г.М., ва асарҳои дастҷамъии «Таджики Каретигина и Дарваза, ҷ.2., соли 1970 ишораҳо шуда бошанд ҳам, аз нигоҳи забоншиносӣ он ханӯз мавриди таҳқиқ қарор нагирифтааст. Танҳо дар мақолаи Турсунова Т., («Суннати мӯйбофии мардуми тоҷик» - Номаи Паҷуҳишгоҳ 2006, 13-14, саҳ. 119-132) дар бобати хунари бофтани мӯйи занону духтарон, нигоҳубину беҳдошти он, навъи мӯйю тарзҳои бофтани он сухан меравад.

Муаллифи ин мақола сараввал оиди истилоҳоти ашӯю маводҳои истифодабарӣ барои мӯй маълумот дода, сипас истилоҳоти марбут ба навъҳои мӯй ва тарзи бофтани онро номбар мекунад.

Чунончи пилтаи мӯй, пӯпаки мӯй, мӯйи бегилта, кокули пушти сар, кокули пешоӣ, теппакокул, ҷамолак, зулф, качак, кокулча, ростак, дута ва ғайраҳо.

Ў қайд менамояд, ки мӯйи духтарону занони чавон ба чанд усул бофта мешавад: себоф, чорбоф, чилбофт, якқабата, дуқабата, сеқабата, пуштаки мор, себофик, пича, беҳаки гӯш, қаторӣ, чилакокул, қушбор, хомбофӣ, пухтабофӣ, занҷирбоф, нимбоф, майдабофӣ ва ғайраҳо ҳоказо.

Чи хеле, ки дидем муаллифи мақолаи мазкур низ танҳо чанбаҳои этнографии мӯйю кокулонро баррасӣ намулдаст.

Дар ин мақола баъзе ҷиҳатҳои этнографӣ ва хусусиятҳои маъноии воҳидҳои луғавии вобаста ба ороиши мӯй баррасӣ мешавад.

Аз давраҳои қадим дар байни тоҷикон анъанаи ороишоти зинатии гуногун маъмул буданд. Мӯй ва мӯйбофӣ низ як рӯкни муҳими ороишот буда, чун суннати қадимии занону духтарони тоҷик ба шумор меравад. Дар ҳақиқат, духтарони зебои мо бо гесӯвони дарозу либоси миллӣ ва зевари ороиши хушрӯйтарин олиҳаи дунёро мемонанд. Имрӯзҳо тарзҳои гуногуни мӯйбофӣ байни бонувону духтарони тоҷик бо такмили тағйир ва хусусияти муштарак бо манотиқи дигар вучуд дорад. Ин ҳунари қадимӣю суннатӣ мо аз гузаштаҳои дур дар манотиқи гуногуни Тоҷикистон бо намуду тарзҳои гуногун маъмулу машҳур буд. Ва беҳуда нест, ки ин намуди ороиш бо истилоҳу таркибҳои гуногун номбар мешавад.

Нахустин маълумотро оид ба ин мавзӯ мо аз асарҳои фарҳангшиносони тоинкилобӣ дар китоби «Тоҷикони Қаротегину Дарвоз» (Душанбе, 1976) пайдо менамоем.

Шустани сар дар рӯзҳои муайян сурат мегирад. Занони Қаротегину Дарвоз сарашонро рӯзҳои якшанбею душанбе мешустанд. Дар рӯзи чумба танҳо пас аз намози чумба шустани сар роиҷ буд. Дар рӯзҳои сешанбе, чоршанбе ва шанбе шустани сар гуноҳ ҳисобида мешуд. Занон пас аз шустани сар хангоми бофти мӯй равған ё чарбу мемолиданд. То солҳои наздик занҳои калонсоли Дарвоз ба ҷойи собун аз гили равғани ҳокаи сафед ё ҳокаи сар, ки ба Дарвоз аз Ваҳеи Болою Сағирдашт оварда мешуд, истифода мекарданд. Барои мӯйро бофтан аввал фарқ мекушоданд, ки барои ин амал шонаи маҳсусан фулузӣ, яъне фарқросткун (ба лаҳҷаи онҳо фархросткун) лозим буд. Агар мӯйи сар кам ва ё тунук бошад, ду кокул дар пушти гӯш бофта мешуд, ки онро «тах», «таҳақ», ё «гусӣ» меномиданд. Занони чавон баъзан бофтани кокулони худро аз 5 ба 7 мерасониданд ва тарзи мӯйбофӣ ба худ номи «панча», ё «ҳафта»-ро мегирифт. Дар баъзе деҳаҳо намуди дигари мӯйбофӣ-«бурёбофӣ маъмул буд. Солҳои охир намудҳои дигари мӯйбофӣ байни занони ин манотик ба вучуд омаданд. Агар мӯйҳо ғафсу дароз бошанд, онҳоро аз баландии боли гӯшҳо мебофтанд, ки он «торақ», «торкокулак», «кокул», «сегақ», «пуча» ном дошт. Агар мӯйро бе ягон ороиш бофанд, *мӯйи холӣ*, мӯйи дар пас партофтагӣ агар ба гирди тоқ тоб диҳанд, *мӯйи гирди сар* меномиданд. Кокулчаи хурдаки назди гӯшро *пича* ё *печа* мегуфтанд. Мӯйбофӣи духтарчаҳо паскокулак, пасак ном дошт.

Пас аз арусӣ барои ороиш қисми мӯйро аз қарибии гӯш мебуриданд, ки он «зулф» ном дошт. Байни занону духтарон боз чунин намуди мӯйбофӣ роиҷ буд: *чилликақ*, *панҷақ*, *чилгуна*, *панҷара* ва ғайра.

Ороишоти мӯю кокулони занону духтарони Қаротегину Дарвоз аз чунин номгӯйҳо иборат буд:

Чура – овеза барои кокулон, ки онро «қафобандақ» низ меноманд;

Чураи ҳисорӣ – овеза барои мӯю кокулон аз ресмони пахтагини сиёҳ сохташуда, дар қисми поёнаш мӯҳраҳои ранга дорад;

Чураи каттапълак – овеза барои кокулон, ҳаҷму андозааш калонтар;

Пучабанд – кокулони сунъӣ аз ресмони сиёҳ ё сурхи пашмин, дар қисми поёнаш пӯпакчаҳо дорад;

Шода – пулакчаҳои қисми поёнии кокулони сунъӣ ё чура;

Кужик – пучабанд, ороиш ба кокулони занона;

Кокули валшак – овеза барои мӯй;

Ҷамолак – овеза барои мӯй аз ресмонҳои сиёҳи абрешим ё пахта, ки қисми поён пӯпакчаҳои мӯҳрагӣ дорад;

Решак – мӯйи нобофта;

Намудҳои дигари ороиш ба мӯю кокулони занону духтарон чунин буд: тӯпак, пӯпак, пулкакулама, қафо, қафобандақ, пучагирак ва ғ.

Намудҳои бофтани мӯй ва ороиши он ба синну сол ва мақоми занону духтарон вобаста аст.

Дар ноҳияи Ванҷ ду кокули паҳни боли ҳам бофтаре мӯйбофти «пуштаки мор» ва ду кокули дар пушт партофтаре «себофик» меноманд. Ҷамолаки аз сари чакка бофта ва ба ду кокул хамроҳшуда «пича» номида мешавад. Кокулони якқабата бофтаре «қаторӣ» мегӯянд. Ҳашт кокулро, ки дар ду тарафи фарқи пушти сар чортоӣ бофта шудааст, «беҳаки гӯш» меноманд.

Истилоҳоти гесубандии мардуми Вахон чуни наст:

Клбиш /klbīc – гесубандро гӯянд мӯйбандест, ки духтарон ва занон бо он гесӯҳои худро зинат медиҳанд, онро асосан аз мӯйи (пашм) сафеди гӯсфанд омода намуда, бо қирмиз ранг мекунанд. Дарозии гесубанд тақрибан 50-55 см буда, нӯги охираш бо пулакчаҳои сурх оро дода мешавад;

Чичбог /сисбой- гесубанди мӯхрадор. Ин намуди гесубанд нисбат ба клбиш хурдтар ва кӯтоҳтар аст ва бо риштаҳои заррин ва мӯхраҳои хурди гуногунранг оро дода шуда, арӯсон барои зебу зинат ба мӯйхояшон пайваст мекунад.

Пишк /Писк- «пилтаи мӯй». Вожаи «пишк» аз асоси замони ҳозираи «пис» -печ, тоб хӯрдан ва пасванди хурдию навозиши «як-ак» таркиб ёфтааст. Пишк- дар нӯги кокули духтарон васл карда мешавад, барои тайёр намудани пишк мӯи гусфандро рангисурх зада, пилтаҳо метобанд. Ин пилтаҳо ро дукат карда тоб медиҳанд. Сатҳи пилтаҳо бояд дар ҳама кокулҳо якхела бошад. Агар мӯй кӯтоҳ бошад, пилтаро дарозтар мегиранд. Пилта дар ҳар синну сол истифода мешавад.

Пулк/ pilk «тӯлаки мӯхрадор», бастаи бофтаҳои тори риштаҳои заррин ва мӯхрадор, ки барои ороиш ба нӯги гесубанд меовезанд.

Тупук/Търэк –«тӯлак» -баستاني бофтаҳои тори риштаҳо, ки барои ороиш ба нӯги гесубанд меовезанд.

Чи тавре, ки Некбахтшоева С.Р, қайд кардааст, дар забони ваҳонӣ лексикаи марбут ба гесубандӣ нишон медиҳад, ки калимаю истилоҳоти вобаста ба он аксар қадимӣ буда, ба доираи луғоти аслии забони ваҳонӣ мансуб мебошанд.

Занону духтарони тоҷик дорои мӯю кокулони зебоанд, ки ин ба хусни онон хусн зам мекунад. Дар ашъори классиконамон ва эҷодиёти шиғоҳии мардум оид ба хусну таровати мӯю кокулони дилбарон суҳанони зиёде гуфта шуда, онҳо бо ибораю истилоҳҳои гуногун ифода гардидаанд. Чунончи: мӯй, кокул, зулф, чол, пича, гесӯ, каманд, кулола, чамбар, мила, мела ва ғайра.

Дар «Фарҳанги забони тоҷикӣ»-(Душанбе, 1969) омада аст:

Зулф – ҳалқаи мӯй, гесу

Зи зулфи бутон бар руҳи оташин,

Бар оташ ниҳода қазо мушки Чин. (Фирдавсӣ)

Дар баъзе минтақаҳо як қисми мӯйи дар баногӯш бударо, то баробари сӯроҳии гӯш ё дарозтар мебуранд, ки танҳо ба наварӯсон хос буда, онро «зулф» меноманд.

Зулфи ӯ фитнаву хат офату хол аст бало,

Оҳ аз он рӯз, ки ин ҳар се диҳад даст ба ҳам. (Соиб)

Зулфи дуто – зулфи пурхаму шикан, гесӯи пурпечу тоб,

Ҳар кучо қиссаи он зулфи дуто мегузарад,

Суҳан аввал зи парешонии мо мегузарад. (Исмаи)

Зулфи парешон – зулфи пароканда, кокулу мӯйи нобофта,

Бурд дил аз дасти ман, зулфи парешони ӯ,

Қард сияҳ бахти ман, нарғиси фаттони ӯ. (Шоҳин)

Зулфи чашпо – зулфи қач ва ҳамида;

Эй зулфи чашпои ту ғоратгари ҷонҳо,

В-эй қарда гумони даҳанат рағъи яқинҳо. (Дехлавӣ)

Ғолиязулф – мушкинзулф, он ки зулфаш сиёҳу мушкин аст;

Ба каманди сари зулфат на ман афтодаму бас,

Ки ба ҳар ҳалқаи мӯйи ту гирифторе ҳаст. (Саъдӣ)

Гесӯ – мӯйи занон, мӯйи дарози занон, печа, мила, кокул;

Душ дар ҳалқаи мо қиссаи гесӯи ту буд,

То дили шаб суҳан аз силсилаи мӯйи ту буд. (Ҳофиз)

Гесӯи анбарин – мӯйи муаттар

Мушки бофта – киноя аз гесӯ, кокул;

Мушкинкаманд – дорои мӯйи сиёҳу хушбӯй (сифати маъшуқа)

Мушкинкулола (сиёҳ) – дорои кулолаи (кокули) сиёҳу хушбӯйи печида (сифати маъшуқа)

Мушкинчанбар – киноя аз зулфи сиёҳу хушбӯй ва бопечу тоби ҳам.

Муайян намудани тарзи ороишоти мӯй дар асрҳои миёна хеле душвор аст. Танҳо наққошиҳои Хулбук дар бобати ороиши мӯйи занон дар асрҳои пешин маълумот дода метавонад. Дар ин бобат муҳимтарин маълумотҳоро дар наққошиҳои Балаликтеппа дида метавонем. Пинҳон мондани ороишоти мӯю сар дар он аст, ки зери сарбанд мондаанд. Бо вучуди он то имрӯз байни мардум намуду шаклҳои гуногуни ороишу бофтани мӯй вучуд дорад. Масалан то имрӯз намуди сетой ва чортой бофтани мӯй роиҷ аст, ки дар асрҳои I-III-и то солшумории мо вучуд дошт. Зулфони тобдор ханӯз дар замони неолит ҷоиз буд.

Бостоншиносон Сухарева О.А. ва Широкова З.А. бар онанд, ки 4-5 тоӣ бофтани мӯй байни занони Осиёи Миёна маълум буд. Дар ҳақиқат, наққошиҳои Панҷакенти қадим гувоҳи онанд.

Аз ҳафриёти бостоншинос Якубовский Ю.А. дар сағонаҳои Наврӯзшоҳи кӯҳистони Зарафшон аз даҳмаҳои занона маълум шуд, ки занон дар асри VI -4 тоӣ кокул мебофтанд. Дуто аз пеш ва ду то дар

пушт. Оро додани мӯю кокулҳо бо мӯхраю марҷонҳо ҳанӯз дар давраҳои қадим дар Суғду Тахористон вучуд доштааст.

Дар Панҷакент бофтани мӯй барои духтарон аз синни 4-5 солагӣ сар мешавад. Азбаски дар ин синну сол мӯйҳо хеле кӯтоҳанд, бофтани он душвор аст. Мӯйҳоро аввал шона зада фарқ мекушоянд. Пас аз фарқ кушодан бофтани мӯйро бо ресмонҳои сетора бофтани мӯйро сар мекунанд, ки ин намуд, яъне ин тарзи мӯйбофӣ «қанотаку» ном дорад. Қанотакро аз болои мобайни абрӯ бо ресмонаки сетора то наздикии гӯш мебофанд ва сипас ба кокули пушт ҳамроҳ менамоянд. Мӯйи дар пушт бофта «пуштаку» ё «пиштаку» ном дошта, аз 15-20 кокул иборат мешавад. Дар қисми поёнии ин кокулон хатман «чамолаку» ҳамроҳ намуда, бо «мӯйчинаку» пайҳам чида мешавад. Ҳангоми иду ҷашну тӯй мӯйро «майдабофӣ» менамуданд, ки шумораи он аз 40-то зиёд буд. Агар мӯй ғафс бошад, ҳатто то 80-то кокул мебофанд.

Кокулу мӯйҳои марғуладор аз соҳибонашон нигоҳубину ғамхории махсусро талаб менамоянд. Аз замони қадим мӯйҳои нигоҳубиншуда нишонаи солимии зан махсус меёфт. Маҳз бо ҳамин сабаб мӯйи зан мардро ба худ ҷалб месозаду ҳеч гоҳ мӯйи дароз аз мӯд намебарояд. Аммо чӣ бояд кард, ки ба афзоиши мӯй кӯмак расонем?

Дар гузаштаҳои на он қадар дур барои сабзиши хуби мӯй дар Панҷакент духтарон мӯйи кокулнашонро «чилшӯй» мекарданд. Дар як кунҷаки хавлӣ заминро қанда ҷав мекарданд. Атрофӣ онро бо суф (сон) ё ягон матоъ мепӯшонданд, то аз назар пинҳон бошад. Дар ҳалтачае 40 сангчаи гуногунранги ҳаҷмаш якхеларо дар назди ин қитъаи замини ҷавқорида овезон мекарданд. Ҳар рӯз аз ҳалтача сангеро гирифта дур мекарданд. Ин амал барои рӯзро гум накардан буд. Сипас, 40 рӯз субҳгоҳон зардии офтоб набаромада, сари худро бо чурғот, ки дар он гули хайрии сафедро низ меандохтанд, шуста обашро болои ҷав мерехтанд. Пас аз 40 рӯз он ҷавро кӯфта обашро ба сар мебастанд ва пас аз фурсате сарро мешустанд. Ин амал баҳорон сурат мегирифт.

Имрӯзҳо аксарияти бонувон аз рехтани мӯй шикоят мекунанд. Сабабҳои рехтани мӯй гуногун хеле зиёд аст. Фасли тирамоҳ бошад, оғози сардиҳост. Дар ҳамин айём мӯйҳои мо ба нигоҳубини махсус эҳтиёҷ доранд. Барои пешгирию табobati мӯйҳо аз пешниҳодҳои тибби халқӣ истифода намудан лозим аст.

Чун мӯю кокулон низ ороишу зеби зинати занон ба шумор мераванд, пас бонувони зебои моро зарур аст, ки аз суннати нигоҳдорӣ ва беҳдошти мӯю кокулони худ, ки маъсули таҷрибаи таърихӣ мардум мебошад, истифодаю баҳрабардорӣ намоянд.

АДАБИЁТ

1. Турсунова Т. Суннати мӯйбофии мардуми тоҷик. Номаи паҷуҳишгоҳ, 13-14 Душанбе, 2006. с.119-123.
2. Неҳбаҳтшоева С.Р. Истилоҳоти кулоҳ ва гесубандии Ваҳон. Аҳбороти академияи илмҳои Тоҷикистон. №1, 2009 с.31-32.
3. Андреев М.С. Тоҷикони водии Хуф (болооби Амударё), Сталинобод, 1953, 1958.
4. Писарчик А.К. Одежда таджиков Нурата. Душанбе, 2003.
5. Таджики Каратегина и Дарваза, вып.2, 1970.
6. Широкова З.А. Одежда таджиков Дарваза (по материалам Гармской этнографической экспедиции 1954), Сталинобод, 1956.
7. Широкова З.А. Традиционная и современная одежда женщин горного Таджикистана, Душанбе, 1976.
8. Майтдинова Г.М. Костюм раннесредневекового Тахаристана, Душанбе, 2003.

КРАТКАЯ ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ИНФОРМАЦИЯ ОБ УКРАШЕНИИ ВОЛОС И О ЛЕКSIКЕ СВЯЗАННОЙ С НИМ

Исследование национальных таджикских предметов украшения очень интересна для каждого таджика. В данной статье автором дана информация о терминах предмета украшения волос, затем приведены термины о типах волос и видах их заплетения.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: этнолингвистика, этнолингвистическая информация об украшении волос, лексика связанная с атрибутами украшения волос.

SHORT ETHNOLINGVITICAL THE INFORMATION ON AN ORNAMENT OF HAIR AND ON LEXICON CONNECTED WITH IT

Research of national Tajik subjects of an ornament it is very interesting to each Tajik. In given article the author gives the information on terms of a subject of an ornament of hair, then terms about types of hair and kinds from заплетения are resulted.

KEYWORDS: ethnolinguistics, ethnolinguistical the information on an ornament of hair, lexicon connected with attributes of an ornament of hair.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: *М. Бобмуродова* – старший преподаватель Государственного педагогического университета им. Садриддина Айни. **Телефон:** 93-507-74-26

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ОПРЕДЕЛЕНИЯ В ТАДЖИКСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Г.Г. Шосафарова
Таджикский национальный университет

В описании данного члена предложения огромное значение имели достижения русского языкознания (см.: труды А.Шахматова, А.М. Пешковского, В.В. Виноградова, А.Г. Руднева и др.), а также монографическое исследование Д.Таджиева «Способы связи определения с определяемым в современном таджикском литературном языке.»

Почти во всех источниках определению даётся такое определение. Определение - второстепенный член предложения, обозначающий признак качества, особенность, относительность, принадлежность предмета. В роли определяемого слова могут выступать все члены предложения.

В сопоставляемых языках определения совпадают по семантике и способу выражения. Они могут выражаться существительными, прилагательными, причастием, местоимением, числительным, в отдельных случаях даже наречием и инфинитивом. По характеру грамматической связи и способу выражения в современном русском языке выделяются согласованные и несогласованные определения.

В современном таджикском языке грамматическая связь определения с определяемым словом осуществляется следующими синтаксическими средствами:

Профессор М.Н. Касимова определяет следующие виды синтаксической связи между определяемым и определением в таджикском языке:

1. Изафетная связь; 2. Примыкание; 3. Связь с помощью артикля; 4. Управление; 5. Согласование; 6. Артикль-управление; 7. Изафет-согласование; 8. Изафет-управление

Почти все эти связи употребляются и в языке нашего источника.

1) при помощи изафета (-и), который является основным, наиболее употребительным средством связи: *Хавои баҳор, себи сурх, Палами Носир, мехри писар, тӯхфаи модар* и т.д.;

2) при помощи предлогов; 3) при помощи послелогов; 4) при помощи изафета и предлога;

5) при помощи соединительной связи: *се-чор дафтар, панҷ мактаб, хамин мисол.*

В сопоставляемых языках наиболее употребительными являются определения, выраженные именами прилагательными. В русском языке в роли определения употребляются обычно качественные прилагательные в полной форме, и согласуются с определяемым словом во всех грамматических показателях. В таджикском языке, как отмечалось, определение и определяемое слово соединяются с помощью изафета. Например: «Дар он махалҳо оташи ҷовид месӯхт». - В тех храмах горел вечный огонь. - «Мо ҷураҳои қарин будем». - Мы были близкими друзьями. «Иброҳимҷон ҷои нимширин нӯшид». - Ибрагимджон выпил тёплого сладковатого чая. - «Пешхизмат шароби сабуки ангурӣ овард»- Официант принёс лёгкое сухое виноградное вино. - «Хар дафъа ӯ ба додарзодаи худ китобҳои Палатаи ҳада мекард». - Каждый раз дядя дарил племяннику редкие интересные книги.

Предложение «Хидматҳои пешинаи ӯро худат гуфтӣ» в переводе не имеет определения: «Ты сам перечислял его заслуги». Определения, выраженные прилагательным с изафетом, широко используются с формой превосходной степени качественных прилагательных. Например: «Ба хар ҳол наздиктарин ҷураи Иброҳимҷон хамин Қамар аст».- А вообще Камар был самым лучшим другом Ибрагима.

Если определяемое слово имеет при себе артикль -е, то изафет не употребляется. Например: «Кувваи рафънопазире ӯро беамон ба коми замин кашада меравад».- Непреодолимая сила тянула его в ледяную пасть земли. - «Ба хар оина, Носир Аббос марди пурбардоште менамуд». - Во всяком случае Носир Аббос был мужчина терпеливый.

В этом предложении, мы полагаем, глагольную связку «был» желательно заменить глаголом «казался», т.к. последнее точнее выражает значение глагола «менамуд».

«Яке аз беморони он шӯба ба дарди ҳайратангезе гирифта аст». - Один из пациентов того отделения страдает редким и необычным недугом. Определения, выраженные именами существительными, могут иметь различные оттенки значения. В роли определения, в данном случае, выступают только те существительные, которые участвуют в образовании именных словосочетаний и выражают определительные отношения. Такие определения таджикского языка передаются на русский язык как несогласованные определения, выраженные именами существительными в косвенных падежах без предлога, реже – как согласованные. Например: «Ба шумо ҳавои Кисловодск фоида доштааст». – Говорят, вам полезен воздух Кисловодска. - «Иброҳимҷон боз ба мунозираи ҳамхонаҳо гуш дод». – Ибрагимджон снова прислушался к разговору соседей. «Душмани одамизод ба дарди қалб гирифта

нашавад». - И врагу своему не пожелаешь тяжёлого сердечного недуга. «Эҳсосот аксаран бо тағйири назми харакати дил вобаста аст». - Чувства эти часто связаны с изменением сердечного ритма.

В роли определения могут выступать имена существительные в сочетании с составными предлогами. Такие определения выражают дополнительные и обстоятельственные отношения. Например: «Вай гуфтаҳои Хиромонро оид ба навҳои табиати одамай ба хотир овард». - Он вспомнил слова Хиромон о разных человеческих темпераментах.

Определения, выраженные причастиями, широко употребимы в сопоставляемых языках. Они существенно отличаются от определения, выраженного прилагательным. Например: «Ноқил ба шикоят ҳикоят бо рағбати афзоянда давом мекард» - Собеседник извергал слова со всё нарастающей энергией. «Ў ба алами тозагаштаи мӯсафед бо эҳтиром ва самимона ҳамдардӣ мекард». - Он тонко почувствовал, что дядя Иван вспомнил свои старые душевные раны. По нашему мнению, перевод данного предложения неточный. Он не раскрывает тему содержания, не передаёт точный смысл. Такую же ошибку можно заметить и в другом предложении: «Ҳисси тааҷҷуби доимӣ аз суръати афзояндаи тараққиёту таҳаввулот ба ҳама маълум аст». - Всем известно, как удивляются старики быстрому развитию и прогрессу.

Более правильным, точным будет следующий перевод, раскрывающий тему и содержание предложения на таджикском языке: Постоянное чувство удивления возрастающему темпу развития и перемен известно всем.

Предложение «Китоби хонда ба поён нарасида дар паҳлуи Хиромон мехобид» на русском языке звучит так: «Недочитанная книга лежала обложкой вверх возле Хиромон».

В таджикском предложении нет обстоятельства образа действия, хотя в предложении на русском языке оно передаётся словосочетанием «обложкой вверх». В данном предложении нас интересует определение, которое не совсем правильно передаётся. Переводчику надо было обратить внимание на лексико-семантическую, стилистическую особенность слов в предложении. Он не должен выдумывать того, что может искажать смысл, и не пропускать лексемы, в которых заключается смысл и тема высказывания. Правильный перевод звучит так: «Начатая, но недочитанная книга лежала рядом с Хиромон».

В отличие от русского языка, где определения выражаются только порядковыми числительными, в таджикском языке определение выражается всеми разрядами числительных:

а) порядковыми, например: «Дар клиникаи дуввум як бемор мехобид». - Во второй клинике лежал один больной». «Ордени сеюмро Ҳусейн барои диловарӣ дар аҶлибгоҳи душман гирифт». - Третий орден Хусейн получил за храбрость, проявленную в тылу врага».

б) количественными числительными: «Ду кассета навор гирифтӣ – ку!» - И так две кассеты скрути! «Ду зан дарди гулу шуданд». - У двух женщин заболело горло. «Се моҳ Иброҳимҷон дигар аз ин бобат гап назад». - Ибрагим молчал три месяца.

Количественные числительные даҳ, сад, ҳазор, миллион в функции определения могут выступать и во множественном числе: «Аз ин мавзӯ ба донишҷӯён даҳҳо соат лексия хонда мешавад». - На эту тему студентам читаются лекции десятки часов.

В современном таджикском языке в функции определения широко используются приблизительные числительные, которые обозначают неточное количество. Например: «Дар кӯча якта-нимта борон меборид». - На улице моросил дождь. «Мо ду-се халта карам мегирем». На русский язык никак нельзя перевести приблизительное числительное в первом предложении, так как капли дождя не поддаются счёту. Во втором же предложении приблизительные числительные на русский язык переводятся точным числом «три».

Выражение определения в таджикском языке может происходить через местоимение. При такой замене связь определения с определяемым словом осуществляется при помощи изафета или подчинительной связи: «Филми ту ба ҳамин муаммо чавоб медиҳад» - Твой фильм – разгадка этой загадки. «Дар гурӯҳи мо фикре пайдо шуд». - У нас в группе возникла идея. - «Ў ҳамин ҳайкали ёдгорро дар назар дошт. У дяди Ивана к нему особенное отношение «Ана ҳамин одам дар сари роҳи калон меҳмонхонае сохт». - Этот человек и построил у дороги гостиницу.

ОТЛИЧИЯ ОПРЕДЕЛЕНИЯ В РУССКОМ И ТАДЖИКСКОМ ЯЗЫКАХ

Сравнивая определение в русском и таджикском языках, можно обнаружить некоторые различия между ними, а именно:

1. В результате утраты окончаний определение в таджикском языке в отличие от русского языка, не согласуется с определяемым им словом в числе, падеже и роде.
2. В русском языке существительные никогда не используются в качестве определений в препозиции. В таджикском языке определение не может быть выражено наречием в препозиции. Поэтому при переводе таких предложений на русский язык используются прилагательные.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бабайцева В.В. Система членов предложения в современном русском языке. М.: «Просвещение», 1988, с 159
2. Қосимова М.Н. Очеркҳо оид ба синтаксиси ҷумлаҳои соддаи насли аслии XI. Душанбе, 1976
3. Сиротинина О.Б. Лекции по синтаксису русского языка. М.: «Высшая школа», 1980. –с
4. Таджиев Д.Т. – Способы связи определения с определяемым в современном таджикском литературном языке. Сталинабад, 1955;
5. Виноградов В.В. Из истории изучения русского синтаксиса. М.: Изд. Моск. ун-та, 1958. –400с.

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ОПРЕДЕЛЕНИЯ В ТАДЖИКСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

В статье дается сопоставительный анализ второстепенного члена предложения – определения, способы его выражения, а также отличия и сходства определения в двух сопоставляемых языках.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: определение, предложение, согласование, подчинительная связь, управление, грамматическая связь, порядковые и приблизительные числительные, семантика, типология.

COMPARATIVE ANALYSIS OF SECONDARY PART OF SENTENCE – ATTRIBUTE IN TAJIK AND RUSSIAN LANGUAGES

In the given article secondary part of the sentence – attribute in Tajik and Russian are analyzed, their formation and semantic peculiarities are revealed.

KEY WORDS: attribute, sentence, the coordination, subordinate communication, grammatical link, serial and approximate numerals, semantics, typology.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: *Г.Г. Шосафарова* – старший преподаватель кафедры русского языка для нефилологических факультетов. **Телефоны:** 919-23-97-77; 917-78-73-40; 236-45-43

МАВҚЕИ ПЕШВАНДҲО ДАР КАЛИМАСОЗИИ ҲИССАҲОИ НОМИИ НУТҚ (*Зимни маводи достони “Сиёвуш”-и Фирдавси*)

Давлатбӣ Акбарова
Донишгоҳи миллии Тоҷикистон

Забони поку ноби тоҷикӣ таърихи қадима дорад ва забони адабии муосири тоҷик анъанаҳои беҳтарини форсии дарӣ ва классиқиро дар худ таҷассум кардааст. Дар инкишофу тақомул ва бою ғанӣ намудани ин забон хидмати нобиғаҳои бузурги илму адаб - Маликушшуаро Абӯабдуллоҳи Рӯдакӣ, Ҳаким Абулқосими Фирдавси, Шайхурраис Абӯали ибни Сино ва дигарон бағоят бузург аст. Маҳз осори бо форсии дарӣ офаридаи онҳо боиси раванқи минбаъда ва нуфузи оламгири ин забон гаштаанд, ки ташаққулу инкишофи он аз асрҳои IX-X оғоз гардида, то ба имрӯз дар қатори дигар забонҳои пешқадами дунё шӯҳрат касб кардааст. Мақоми арзанда пайдо кардани забони адабии тоҷик, пеш аз ҳама, ба инкишофу бою ғанӣ гардидани таркиби луғавии он вобаста мебошад. Бойшавии таркиби луғавии забон роҳҳои махсуси худро дорад, ки яке аз роҳҳои муҳимтарини он калимасозӣ ба ҳисоб меравад.

Калимасозӣ соҳаи мустақилу алоҳидаи забоншиносӣ буда, “... яке аз омилҳои асосии бойшавии таркиби луғавии забон мебошад” (8.9). Мавзӯи омӯзиши он калимаҳои сохташудае мебошанд, ки бо тарзу усулҳои гуногун дар забон падида меоянд.

Роҳи морфологӣ калимасозӣ дар забони адабии тоҷик хеле сермаҳсул буда, бо аффиксҳо сохта шудани калимаҳо ва калимаҳои мураккабро дар бар мегирад (6).

Бо пешвандҳо сохта шудани калимаҳо яке аз қисматҳои роҳи сарфии калимасозист. Мо тасмим гирифтём, ки оид ба мавқеъ ва қорбурди пешвандҳои калимасоз дар сохтани ҳиссаҳои номии нутқ зимни маводи достони «Сиёвуш»-и «Шоҳнома»-и Абулқосим Фирдавси таваққуф кунем, зеро «Шоҳнома» ганҷинаи бузурги сухан, ёдгории безаволи хаттӣ ва намунаи барҷастаи забони аслии X буда, таркиби луғавии достон ғанӣ ва рангоранг аст. Саҳми Фирдавси дар эҳёи забони форсии тоҷикӣ ниҳоят бузург мебошад ва “... дар инкишофи забони адабии ва дар муайян намудани қонуниятҳои инкишофи он нақшу таъсири ниҳоят бузурге гузоштааст” (3.414).

Аз сарчашмаҳои таърихи маълум мешавад, ки баъзе пешвандҳои забони тоҷикӣ асосан аз ҳисоби зарф ва пешояндҳо ба вучуд омадаанд. Ҳоло онҳо ба реша ва асосҳои калима ба дараҷае маҳлуг шудаанд, ки аз ҷиҳати морфологӣ ҷудо кардани онҳо имконнопазир мебошад: о-(омехтан), аф-

(афрӯхтан), ан-(андовидан), фар-(фармудан), ни-(ниходан), на-(намудан), пази-(пазируфтан), пай-(пайвастан), пе-(перостан), пар-(пардохтан), гу-(аз феъли қадимаи ви-) (гурехтан), зи-(зидудан) ва ғ.

Дар забони тоҷикӣ пешвандҳо ба мисли пасвандҳо ба шаклсозӣ ва калимасозӣ қодиранд:

а) пешвандҳои шаклсоз: -на, -ме, -ҳаме, -би(-бу), -ма;

б) пешвандҳои калимасоз: -бо, -ба, -бар, -бе, -на, -то, -дар, -фур(-фар, -фурӯ), -во, -боз ва монанди

инҳо.

Бояд гуфт, ки миқдори пешвандҳо назар ба пасвандҳо чандон зиёд нестанд.

Забоншиносон пешвандҳоро аз рӯи иштироқашон дар калимасозии ҳиссаҳои номии нутқ ва феъл ба ду гурӯҳ ҷудо мекунанд:

1. Пешвандҳо (префиксҳо): -ба, -бар, -бо, -бе, -но, -то, -ҳам, -дар ва ғайра.

2. Пешвандҳои феълсоз (превербҳо): -бар, -дар, -фур, -фурӯ, -фар, -боз, -во ва монанди инҳо.

Дар достони «Сиёвуш» корбурди пешвандҳо назар ба пасвандҳо камтар ба назар мерасад.

Инак, зимни маводи гирдовардаи худ ҳар як пешвандро дар алоҳидагӣ дида мебароем.

Пешванди -ҳам: -дар забони форсии миёна низ дар ҳамин шакл (**ham**) вомехӯрад (7.222;10.137,141). Дар адабиёти илмӣ **-ҳам** чун пешванди исмсоз қаламдод шудааст (1.119;2.159). Корбурди ин пешвандро дар асари таҳқиқшаванда ба чунин қисматҳо ҷудо намудем:

а) Пешванди **-ҳам** бо исмҳои ғайришахс омада, исмҳои месозад, ки ҳамроҳӣ, шароқат, алоқии тарафайни шахс ва ашӯро мефаҳмонад:

ҳам+сол(262), **ҳам+достон**(211), **ҳам+гурӯҳ**(47), **ҳам+синон**(359),

ҳам+набард(322), **ҳам+роҳ**(292), **ҳам+зӯр**(57).

Мисолҳо:

Сиёвуш маро буд **ҳамсолу** дӯст,
Равонам пур аз дарду андӯхи уст (262).[1]

Зи доно шунидам яке достон,
Хирад шуд бад-ин гуна **ҳамдостон** (211).

Ниҳоданд бар дашт ҳезум ду кӯҳ,
Ҷаҳоне назора шуда **ҳамгурӯҳ** (47).

Бар ин **ҳамсинон** дил биёростанд,
Зи пеши сипаҳдор бархостанд (359).

Ба ҷуз пилтан Рустами шерманд,
Надорам ба гетӣ касе **ҳамнабард** (322).

Бад-ӯ гуфт: «**Ҳамзӯри** ту пил нест,
Ба монандаи дасти ту Нил нест. . .» (57).

Бад-ӯ гуфт Гударз: «Ёри ту чист,
Ба роҳ андарун бо ту **ҳамроҳ** кист?» (292).

б) Пешванди **-ҳам** инчунин бо асоси замони ҳозира ва гузаштаи феъл васл шуда, исми ифодакунандаи шахс месозад. Дар асар танҳо ду калима бо ин қолаб дучор омад:

Зи Тӯрон сазовору **ҳамбози** ту,
Наёбам касе низ дамсози ту (131).

Ҳамовард бо Гев наздик шуд,
Ҷаҳон чун шаби тира торик шуд (57).

в) Дар достони «Сиёвуш» ҷонишинҳои ишоратие дучор омаданд, ки ба воситаи пешванди **ҳам-** сохта шудаанд: **ҳам+ин** (295), **ҳам+он** (297):

Ба неки гирою маёзор кас,
Раҳи растагорӣ **ҳамин** асту бас (295).

Бад-он то надонад касе рози ӯй,
Ҳамон нашнавад ному овози ӯй (297).

Тавре ки аз мисолҳо аён аст, дар асари мазкур ду ҳиссаи нутқ – исми шахс ва ҷонишини ишоратӣ бо ёрии пешванди **-ҳам** сохта мешавад.

Пешванди –бо: таърихан дар давраи эрони қадим шаклҳои **abāg** – (<**apak**>)ро дошта, дар давраи форсии нав **abā/bā//бо** (10.143) шудааст, ки маънои ҳамроҳ ё ба чизе молик буданро ифода мекунад.

Дар достони «Сиёвуш» ин пешванд бо исмҳои ғайришаҳси маънӣ омада, сифатҳои аслие месозад, ки бо аломате ва ё ҳосияте доро будани ашӯро ифода мекунад. Ба таври дигар гӯем, пешванди **-бо** дар ташаккули як қолаб иштирок мекунаду бас: **бо+ранҷ** (365), **бо+дониш** (278), **бо+фарра** (278), **бо+гуҳар** (284), **бо+офарин** (262).

Бад-ӯ гуфт, к – «Эй марди **боранҷ**, хез,
Ки омад туро рӯзгори гурез» (365).

Биёмад бигуфташ ба Афросиёб,
Ки «Эй шоҳи **бодонишу фарру** об. . .» (278).

Бубин то зи ҳарду сазовори кист,
Ки бо бурзу **бофарраи** эзадист (278).

Ҳар он чо, ки буд меҳтаре **богуҳар**
Ҳаме пеш рафтанд бар хоксар (284).

Ба чону сари шоҳи Эронзамин
Сарафроз Ковуси **боофарин** (262).

Пешванди **-бо** бо пешванди **-ба** ҳаммаъно ва ҳамвазифа бошад ҳам, дар достон ин пешванд ба назар нарасид.

Пешванди –бе: Морфемаи мазкур таърихан пешоянд буда, дар давраи миёнаи инкишофи забон ба пешванд табдил ёфтааст:

apai/apē >/abe> -бе (7.222).

Пешванди номбурда дар достони мазкур бо исмҳои ғайришаҳси моддиву маънӣ ва асоси феълҳои исмшуда (субстантиватсияшуда) омада, сифатҳои аслии зиёде (40 калима) сохтааст, ки он ба аломате ё ҳислате доро набуданро фаҳмонидааст: **бе+ҷон** (52), **бе+об** (337), **бе+кор** (337), **бе+озарм** (9), **бе+хуш** (29), **бе+ниёз** (183), **бе+дод** (106), **бе+ранҷ** (106), **бе+мадоро** (183), **бе+озор** (229), **бе+гумон** (190), **бе+кулоҳ** (216), **бе+бахр** (147), **бе+худа** (36), **бе+шумор** (244), **бе+гуноҳ** (212), **бе+сипоҳ** (237), **бе+рой** (257), **бе+нам** (251), **бе+арз** (254), **бе+пар** (284), **бе+по** (304), **бе+хирад** (295), **бе+бора** (8), **бе+фар** (284), **бе+моя** (346), **бе+диранг** (88), **бе+бар** (284), **бе+раҳнамоӣ** (284), **бе+гаравгон** (81) ва ғ.

Мисолҳо:

Ҳар он кас, ки аз дур бинад туро,
Шавад **беҳушу** баргузинад туро (29).

Чунон кард равшан чаҳонофарин,
К-аз ӯ дур шуд чавру **бедоду** кин (106).

Наёяд ба даргоҳи ту **бесипоҳ**,
Шавад бар ту бар тира хуршеду моҳ (237).

Ки Ковус **бефарру** **бепарру** рой,
Нишастаст бар тахт **бераҳнамоӣ** (284).

Агар об будӣ магар тар шудӣ,
Ҳаме бар танам чома **бесбар** шудӣ (284).

Чӣ буррӣ ҳаме ту сари **бегуноҳ**,
Ки Ковусу Рустам бувад кинхоҳ (212).

Мисолҳои чамъовардаи мо шаҳодат медиҳанд, ки аксари калимаҳои бо ин пешванд падидамада, дар ҷумла чун муайянкунанда ва хабар истъмоли меёбанд:

Мисол:

Биёбон биёяд, чу дарё гузашт,
Бубинӣ яке паҳн **беоб** дашт (151).

Дили паҳлавон бад-ӯ гарм гашт

Сари Тӯси Нӯзар **беозарм** гашт (9).

Гоҳо ҳодисаи ба зарф гузаштан (адвербаллизация)-и сифатҳои сохта бо пешванди мазкур низ ба чашм расид:

Пиёда бад-ӯ гуфт, чун омадӣ,
Ки **бебораву** раҳнамун омадӣ(8).

Ту бо лашқари хеш сар пур зи чанг
Бирав то ба даргоҳи ӯ **бедиранг**(88).

Беозор бурдаш ба шаҳри Хутан,
Хурушон ҳама дарғаҳи анҷуман (229).

Чу **бемоя** дарёфт мағзи сарам,
Ба нафрин фиристод зи модарам(346).

Ҳамин тариқ, **-бе** яке аз пешвандҳои сермаҳсули достони «Сиёвуш» ба шумор меравад, ки сифатҳои аслии месозад.

Пешванди -но: Яке аз пешвандҳои дигаре, ки дар дoston дучор омад, ин пешванди **-но** мебошад, ки пайдоиши пешванди мазкур маълум нест. Дар забони форсӣ ба шакли **na-** тоҷикӣ **no-** (-но), дарӣ **na-**, порсии нав **na-** – (дар порсии қадим ва порсии миёна набуд) ба назар мерасад(7.222).

Пешванди **-но** бо исм, сифат, асосҳои феъл ва сифати феълӣ омада, қолаби калимасозе ташкил медиҳад, ки натиҷаи он сифатҳои аслиянд. Калимаҳои бо ин пешванд сохташуда ба аломат ва хусусияте молик набудани чизеро мефаҳмонанд:

но+ком (278), **но+кордида** (57), **но+сазо** (346), **но+пок** (24), **но+соз** (24), **но+хуш** (94), **но+хваш** (5), **но+созгор** (222), **но+падида** (365), **но+умед** (239), **но+чарон** (196), **но+чамон** (196), **но+бисуд** (28), **но+бурид** (58), **но+расида** (28), **но+дида** (210), **но+покзан** (42), **но+поқдил** (178), **но+тавон**(293):

Чуз аз рафтани он чо надиданд рӯй,
Ба **ноком** рафтанд, пас пуя пуй (278).

Бад он шаҳи бенам, кучо хуни ӯй,
Фурӯ рехт **нокордида** Гуруй (57).

Чу нома ба наздики Сиёвуш расид,
Бад-он гуна гуфтори **нохуш** шунид (94).

Фарангис ноланда буд ин замон,
Ба лаб ночарону ба тан **ночамон** (196).

Ҳама **норасида** бутони тироз,
Ки бисришташон озод аз шарму ноз (28).

Ба ганҷе, ки буд чомаш **нобурид**,
Фиристод назди Сиёвуш калид (58).

Равон хун бар он чехраи арвуғон,
Чунон рӯз **нодида** чашми чавон (210).

Дар асари таҳқиқшаванда гоҳо ҳодисаи исмишавии сифатҳои аслии во мехӯрад:
Замину замон макон офарид,
Тавоноиву **нотавон** офарид (293).

Ҳамин тавр, дар достони «Сиёвуш» чор пешванд - **бо**, **-бе**, **-но** ва **-ҳам** ба чашм расид, ки дар сохтани ҳиссаҳои номии нутқ ширкат доранд. Пешванди **-бе** нисбат ба се пешванди дигар сермаҳсултар аст. Ҳамин тариқ, ҳар як пешвандро дар алоҳидагӣ дар асоси маводи гирдовардаи худ аз достони «Сиёвуш» таҳлил намуда, доираи истифодаи онҳоро дар асари номбурда баррасӣ намудем. Оид ба имконоти васлшавии пешвандҳои забони тоҷикӣ бо асосҳои гуногунсохт, мақоми онҳо дар ташаққули қолабҳо, иштироқашон дар сохтани ҳиссаҳои номии нутқ ва хусусиятҳои грамматикӣ калимаҳои нав маълумот додем.

Ҳаминро бояд гуфт, ки пешвандҳо нисбат ба пасвандҳо дар забони тоҷикӣ нисбатан каммаҳсуланд. Бо вучуди ин, саҳми онҳо дар инкишофи забони адабӣ ва бою ганӣ гардонидани таркиби луғавӣ он зиёд ва назаррас мебошад.

АДАБИЁТ

1. Абулқосим Фирдавсӣ. Шохнома. Ҷ.3. – Душанбе: 1988.
2. Грамматикаи забони адабии ҳозираи тоҷик. Ҷилди 1. Фонетика ва морфология. – Душанбе: Дониш, 1985.
3. Забони адабии ҳозираи тоҷик. Лексикология, фонетика ва морфология. Ҷ.1. Китоби дарсӣ барои факултатҳои филологияи мактабҳои олии. – Душанбе: Маориф, 1982.
4. Қосимова М.Н. Таърихи забони адабии тоҷик (асрҳои IX-X). Қисми 1. – Душанбе, 2003. с. 414.
5. Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1990.
6. Мирзоев Ф. Баъзе масъалаҳои назарияи калимасозӣ // Мақолаҳои советӣ, 1988, № 5. – с. 38-49.
7. Муҳаммадиев М. Принсипҳои асосии калимасозии тоҷикӣ // Масъалаҳои забони тоҷикӣ. Душанбе: Ирфон, 1967. – с. 34-45.
8. Основы иранского языкознания. Новоиранские языки: западная группа, прикаспийские языки. – М.: 1982.
9. Рустамов Ш. Калимасозии исм дар забони адабии тоҷик. – Душанбе: Дониш, 1972.
10. Расторгуева В.С. Краткий очерк грамматики таджикского языка // Таджикиско-персидский словарь. – М.: 1954.
11. Саймиддинов Д. Вожаномаи забони форсии миёна. – Душанбе: Пайванд, 2001.
12. Ҳалимов С. Таърихи забони адабии тоҷик (асри X). Дастури таълими. – Душанбе, 1979.

МЕСТО ПРЕДМЕТОВ В СЛОВООБРАЗОВАНИИ ЧАСТЕЙ РЕЧИ

(на материале поэмы «Сиевуш» Фирдоуси)

Словообразование является отдельной сферой языкознания, а также одним из главных факторов обогащения словарного состава языка. В данной статье автором подвергнуты исследованию употребления предлогов в словообразовании частей речи на материале поэмы «Сиевуш» Фирдоуси.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: слово, словообразование, предлоги, место предлогов в словообразовании на примере поэмы «Сиевуш» Фирдоуси.

PLACE OF SUBJECTS IN WORD-FORMATION OF PARTS OF SPEECH

(on a poem material «Siyavash» Furdousi)

Word-formation is separate sphere of linguistics, and also one of primary factors of enrichment of dictionary structure of language. In given article by the author are subjected research of the use of pretexts in word-formations of parts of speech on a poem material «Siyavash» Furdousi.

KEY WORDS: a word, word-formation, pretexts, a place of pretexts in word-formation on a poem example «Siyavash» Furdousi.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: *Д. Акбарова* – старший преподаватель общеуниверситетской кафедры таджикского языка Таджикского национального университета

МАВҶЕИ ЗАРБУЛМАСАЛУ МАҚОЛҶО ВА ПАНДУ ҲИҚМАТҶО ДАР АШЪОРИ ТУҒРАЛ

Сухайлӣ Расулов

Донишгоҳи миллии Тоҷикистон

Дар девони Туғрал зарбулмасалу мақолҷо ва панду ҳиқматҷо низ мавҷеи муайянро касб намуда, шоир ҷо-ҷо барои такмили таквияти андешаву хулосаҳои ҳеш жанрҳои адабиёти шифоҳиро мавриди истифода қарор додааст. Мусаллам аст, ки дар зарбулмасалу мақолҷо таҷриба ва хулосаҳои аз он ҳосил намудаи мардум ифода меёбад. Зарбулмасал ва мақолҷо пеш аз ҳама бо ҳаёти воқеӣ, ғайриҷаҳидӣ ва зиндагии халқ зич алоқаманд буда, дар онҳо мулоҳизаю муҳокимаҳои халқ оид ба ҳодисаҳои иҷтимоӣ, таърихӣ, маишӣ, ахлоқӣ ва низоми ҷомеа баён шудааст (ниг. ба: 6. 88-89).

Аслан ҳамаи зарбулмасалҳо дар контексти муайян барои тарбияи ахлоқии мардум гуфта мешавад. Аксари матнҳои зарбулмасалҳоро бидуни матн тасаввур кардан мумкин нест. Яъне мардум худ аз худ беҳуда зарбулмасал намегуянд, ҳатман панде дорад. Аз ин ҷост, ки Туғрал низ дар осори ҳеш дар лаҳзаи лозима аз ин жанрҳои адабиёт баъзан мазмунан ва гоҳ ба пуррагӣ истифода кардааст, ки чанд мисол аз эҷодиёти ӯ пайдо намудем ва онҳоро ба чунин зергурӯҳҳо ҷудо намуда таҳлил мекунем:

- а) зарбулмасалу мақолҷоӣ айнан овардашуда,
- б) зарбулмасалу мақолҷоӣ мазмунан овардашуда.

Ба чунин гурӯҳҳо ҷудо намудани зарбулмасалу мақолҷо аз ҷониби мо шартан буда, аз рӯйи баъзе нишонаҳои зоҳирӣ ва мазмунӣ сурат мегирад. Ҳоло чанд мисол меоварем:

Тулуи субҳи шодӣ, шомии ғамро мезанад барҳам,
Даме дар анҷуман, Туғрал, ба худ болидани мино! (31)[1]

**** **** ****

Дар паи ҳар субҳи ишрат шои кулфат тавъам аст,
Нест андар боғи имкон як гуле бе неши хор. (143)

**** **** ****

Нест ғайр аз шои навмедӣ ба арзи муддаъо,
Дар нафас кофур, гуё, чун сахар дорем мо! (37)

**** **** ****

Чароғи шои ғами худ зи гиря равған,
Чу субҳ хандаи як ғунча аз баҳори ту нест. (84)

**** **** ****

Заррае меҳри ҷаҳон дар дили худ роҳ мадеҳ,
Мағлағи субҳи тараб аз уфуқи шои ғам аст. (83)

**** **** ****

Ҳар кучо шавқи туам соғаркаши омол буд,
Субҳи ишрат сарбаланду шои ғам помол буд. (125)

Зимни ин мисолҳои овардашуда зарбулмасалу мақоли халқии «Дар навмеди бисе умед аст, поёни шаби сиёҳ сапед аст» ифода гардидааст, ки шоир онро эҷодкорона мавриди истифода қарор додаст:

Ба дарёи сухан то чанд ронӣ заврақи маънӣ,
Най ғаввос, кай донӣ сулуки дурфишониро?! (55)

Зимни ин байт мақоли «Агар шиновар нестӣ, аз соҳил андеша кун» таҷассум гардидааст ва шоир ба шахсони бетачриба ва шоирони камхунар маслиҳат медиҳад, ки «Зурии беҳуда миёро мешиканад».

Мезадан ҳар лаҳза ман дасте ба домани дӯё,
Чун алиф қаддам ба ёди абруи ӯ дол буд.

**** **** ****

Эй фалак, дод аз ҷафоят, дар ҷӣ ҳолам кардаӣ?!
Рост будам чун алиф, монанди долам кардаӣ! (230)

Ҷолиби диққат аст, ки устодони сухан дар баробари истеъмоли зарбулмасалу мақолҳои оммавӣ ҳудашон дар он қолаб афоризмҳои зиёде эҷод карданд, ки бо гузашти рӯзгор ба қатори зарбулмасалу мақолҳои умумистеъмол дохил шудаанд. Ин зарбулмасалу мақолҳо ва мисраъву шохбайтҳои ҳикматомези шоирон дар рӯи қоғаз намонда, аз тарафи дигарон низ истифода мешуданд. Аз ин ҷост, ки зарбулмасалу мақолҳо аз жанрҳои адабии бадеӣ буда, онҳо аз ибтидо каломии бадеӣ буда, дар давоми асрҳо тағйир ёфта, ба шакли ҳозирашон расидаанд.

Ҳоло зарбулмасал ва мақолҳо аз рӯи шакли зоҳирӣ ба ду гурӯҳи мустақил, яъне манзум ва мансур тақсим мешаванд. Зарбулмасалҳои манзум дорои ҳамаи санъатҳои бадеӣ ҳастанд. Зарбулмасалу мақолҳои халқиро асосан шоирон ба қолаби арӯз даровардаанд ва аз ҳамин сабаб дар либоси нав боз хушоҳангу зеботар гаштаанд.

Тавре зикраш рафт, дар эҷодиёти Туғрал низ зарбулмасалу мақолҳо ва афоризмҳо мавқеи муҳимро касб намуда, забони осори манзуми ӯро ҷолибу равон гардондаанд. Дар осори манзуми Туғрал зарбулмасалу мақолҳои халқӣ хеле фаровон қорбасти гардида, дар шакли пурра ё дар шакли ихтисора ба назар мерасанд:

Лабҳои ғунча во нашавад, гар равӣ ба боғ,
Аз шарми хандаи лаби ширин зи қанди ту. (226)

Зимни ин байт мақоли «Пистаи бемағз лаб во қунад, расво шавад», мазмунан оварда шудааст ё ҳамон мазмуно манзур менамояд.

Надорам тоқати дурӣ зи васлаш,
Чу гул ҷонону Туғрал ҳамчу хор аст. (94)

Зимни ин байт мақоли «тире, ки ҷаҳид, боз нагардад»-ро мазмунан Туғрал истифода кардааст.

Набвад ба дафина ганҷ бе мор,
Набвад ба ҷаман ҷудо гул аз хор. (328)

Мақоли «гул бе хор нест, ганҷ бе мор ва саломи дӯст бе тамаъ нест» зимни ин байт мазмунан инъикоси худро ёфтааст.

Аз сад хати ӯ яке нагуфта,
Аз сад гуҳараш яке насуфта. (317)

Мақоли «аз сад гулаш як гулаш нашукуфта» зимни ин байт таҷассум гардидааст, ки хеле мазмуни байтро боло бардоштааст.

Дили ақиқи Яман аз лаби ту хун гашта,
Қади ҳилоли фалак зи абруи ту нун гашта,
Басо саре, ки зи ту шӯхра бо чунун гашта,

Чунуни ман зи ҳама ошиқон фузун гашта. (279)

Зимни ин пораи манзум ваъи ошиқро бо мақоли «зи дуриҳои ёр дил хун гаштану аз чабру чафои ӯ кади алиф дол» гаштанро ифода карда, тобиши бадеи бахшидааст.

Тараби лаъли ту майро бирасонид ба кам,

Чони ширин, ба лаби соғари сахбо оварад. (241)

Ифодаи «чони ширин» вожаи хушбаёнӣ буда, дар забони муосири тоҷик хеле фаровон мавриди истифода қарор мегирад ва Туғрал низ дар ғазалиёти хеш аз унсурҳои хушбаёнӣ хеле устодона истифода кардааст.

Гуле аз гулбуни васлаш тавон чидан аз он боғе,

Ки бошад ошёнӣ **мурғи анқо** дар чинори ӯ. (225)

Ифодаи **мурғи анқо** аслан воҳиди фразеологӣ буда, чун мақол дар байни мардум маъмул аст ва маънояш чизи набуда ё чизи вучуднадоштаву онро талаб кардани баъзе ашхос мебошад. Дар байти боло ишораи Туғрал низ ба ҳамин муносибат равона гардидааст.

Обила шуд садди раҳи манзилам,

Дасти карамро арақи сойилам. (208)

Мақоли «обила шудани даст» ба маънои меҳнатдӯстӣ ва чафокашӣ ҳидоят кардан аст.

Нардбони боми матлаб поя чуз ғиммат надошт,

Шоми навмедӣ зи субҳи муддаъо омад ба дам. (195)

Зимни ин байт мақоли «дар навмедӣ басе умед аст, поёни шаби сиях сапед аст» инъикоси худро аз забони шоир ёфтааст. Ҳамин мақолу зарбулмасал дар ашъори Туғрал дар чандин шакл бештар ба назар мерасад, ки ин гувоҳи он аст, ки шоир мардумро панд медиҳад, ки оқибати сабру таҳаммул расидан ба мақсади дар пеш гузошташуда мебошад. Ин андарзи Туғрал шабеҳи он аст, ки таҳаммулгарӣ ҳамеша пешаи асосии ниёгони мо буда, «**санги вазнинро об намебарад**» аз ҳамин ҷо падида омадааст.

Ҳамин тавр, аз ин чанд мисоли оварда мусаллам мегардад, ки дар эҷодиёти Туғрал мақоми зарбулмасалу мақолҳо ва суханони пандомез (афоризмҳо, эфвемизмҳо) хеле назаррас буда, зимни ин унсурҳои луғавӣ шоир забони ашъори худро боз ҳам ҷаззобтару хонданбобтар гардондааст. Мусаллам аст, ки Туғрал ашъори худро дар пайравии сабки ҳиндӣ ё бедилӣ то андозае эҷод намудааст, ки яке аз талаботҳои сабки бедилӣ фаровон истифода намудан аз санъати ирсоли масал мебошад. Ирсоли масал яке аз санъатҳои бадеии маънавии назму насри адабиёти форсу тоҷик буда, ба маънои раван кардани масал, овардану эрод кардани суханони машҳуру баландмазмуни вирди забонгардида мебошад. Дар он шоиру нависанда барои тақвияти фикр ва ороиши сухан зарбулмасалу мақолҳои дар байни мардум маъруфу машҳурро истифода мебарад ва ё худ сухани ҳикमतомезе меғӯяд, ки охира-охира вирди забон гашта, ба ҳукми зарбулмасалу мақол мебарояд. Туғрал чун шоири ширингуфтор аз ин унсурҳои забонӣ ба ҳамин мақсад истифода намудааст.

АДАБИЁТ

1. Туғрал. Ғиёҳи меҳр. – Душанбе, «Ирфон» 1986. с. 31.-Минбаъд саҳифаҳои ҳамин китоб дар қавсайн оварда мешаванд.
2. Айни С. Куллиёт, ҷ.11. – Душанбе, «Ирфон», 1976. с.11-120.
3. Фарҳанги забони тоҷикӣ.- М., СЭ, 1969.- ҷ.1. – 908 с.
4. Фарҳанги забони тоҷикӣ.- М., СЭ, 1969.- ҷ.2. – 910 с.
5. Фарҳанги тафсирии забони тоҷикӣ.- Душанбе, ЭСТ, 2009.- ҷ.1. – 810 с.
6. Фарҳанги забони тоҷикӣ.- Душанбе, ЭСТ, 2009.- ҷ.2. – 810 с.
7. Энциклопедияи советии тоҷик.- Душанбе, «ЭСТ», 1988. ҷ.5. – с. 86-88.

ЗНАЧЕНИЕ ПОСЛОВИЦ, Поговорок и ПОУЧИТЕЛЬНЫХ НАСТАВЛЕНИЙ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ТУГРАЛА

В данной статье автором изучено и проанализировано употребление пословиц, поговорок и поучительных наставлений в произведениях Туграла.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: творчество Туграла, пословицы, поговорки, поучительные наставления.

MEANING SAYINGS AND INSTRUCTIVE MANUALS IN PRODUCTS TUGRAL

In given article the author studies and analyses the use of proverbs, sayings and instructive manuals in products of Tugral.

KEY WORDS: Creativity of Tugral, proverbs, sayings, instructive manuals.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: *С. Расулов* - соискатель кафедры истории языка и типологии филологического факультета Таджикского национального университета. **Телефон:** 918-54-18-03

ВОЖАҲОИ ИФОДАКУНАНДАИ ЧЕНАКУ АНДОЗА ДАР «ШОҲНОМА»-И АБУЛҚОСИМИ ФИРДАВСӢ

Муаттара Раҳматова

Донишгоҳи давлатии Хуҷанд ба номи Б.Ғафуров

Аз давраҳои қадим сар карда, як гурӯҳ унсурҳои забон, ки дар ҷумла вазифаи нумератив ва калимаҳои қиёсии ченакиро адо мекунанд, бо истифодаи худ барои возеҳу мушаххас ифода шудани марому мақсади шоиру нависандагон ёрии калон расонидаанд. Унсурҳои зарурии забон будани чунин воҳидҳои луғавиро аз ҳамин чиз дарк кардан мумкин аст, ки дар ҳолати аз ҷумла ё матн фуруғузур намудани онҳо боиси ба маъноӣ ҷумла роҳ ёфтани халал мегардад. Истифодаи чунин унсурҳои забон дар осори шоиру нависандагони давраи Сомониён, махсусан Рӯдакӣ Фирдавӣ далели он аст, ки онҳо собиқаи зиёда аз ҳазорсола дошта, дар тамоми давраҳои инкишофи забон вазифаи муҳимро адо карда омадаанд.

«Шоҳнома»-и Абулқосими Фирдавӣ, ки ганҷинаи бебаҳои калимаву ифодаҳои қадими аслан тоҷикӣ аст, аз ҷумлаи ҳамосаҳое ба шумор меравад, ки аз рӯи маводи он чараҳои пайдоиш ва инкишофи таркиби луғавӣ ва сохти грамматикӣ забонҳои тоҷикиву форсиро муайян кардан мумкин аст. Чунин иқтидори бузург доштани асари номбурдари дар мисоли истифодаи нумеративҳо ва воҳидҳои ченкунандаи қиёсии мушоҳида карда метавонем.

Мисолҳои ҷамъовардашуда нишон медиҳанд, ки ин гурӯҳи унсурҳои луғавӣ ба ду гурӯҳи калон ҷудо мешаванд: 1) нумеративҳо ва калимаҳои қиёсии ченакии эронӣ; 2) нумеративҳо ва калимаҳои қиёсии иқтибосӣ (арабӣ). Муқоисаи миқдори ин ду гурӯҳи воҳидҳои луғавӣ нишон медиҳад, ки дар «Шоҳнома» калимаву унсурҳои ёрирасони гурӯҳи аввал бештар ба қор рафтаанд. Чунин гурӯҳи калимаҳои нумеративӣ ва воҳидҳои ченкунандаи қиёсии, дар навбати худ, боз ба ду қисм тақсим мегардад: а) онҳое, ки дар замони Фирдавӣ ва чанд муддати дигар ба қор рафта, баъдтар архаистӣ шудаанд. Архаистӣ будани ин гуна воҳидҳои забонро аз ҳамин ҳам дарк намудан мумкин аст, ки маъноӣ онҳоро имрӯз на ҳама мефаҳманд. Масалан, аксари тоҷикони имрӯза маъноӣ унсурҳои луғавии фарсангро намедонанд. Ин аст, ки дар луғатҳои онҳоро чунин маънидод кардаанд: «масофаи муайяност, ки тақрибан ба 6 километр баробар аст» (6, ҷ. 2, с. 419; инч. ниг. 2, с. 382). Фарсанг калимаи қадимаи эронӣ буда, дар забони паҳлавӣ ба шакли frasang дучор меояд (ниг.4, ҷ.2, с.4517). Фирдавӣ ин калимаро бисёр истифода кардааст:

Миёни ду лашкар ду фарсанг буд,

Ҳама созу ороиши чанг буд (7, ҷ. 1, с.407).

Бувад то бад-он беша фарсанг бист,

Ки пеши бут андар бибояд гирифт (7, ҷ. 7, с.615).

Калимаи ман низ аз ҷумлаи чунин воҳидҳои луғавӣ ҳисоб шуда, онро Фирдавӣ барои ифодаи маъноӣ «миқёси вазн» ба қор бурдааст. Бояд гуфт, ки ин вожа дар гузашта миқёси вазнеро ифода менамудааст, ки дар ҷойҳои гуногун ҳар хел будааст. Масалан, мани Самарқанд – 8 пуд, мани Табрз-қариб 3кг ва дар истилоҳи шарият як ман (мани шаръӣ) 180 мисқол (846г) будааст (ниг.6, ҷ.1, с.630):

Се ман бодаи тофта солх(в)ард,

Ба ранги гули нор ё зарри зард (7, ҷ.7, с.567).

Дар байни ин гурӯҳи унсурҳои луғавӣ калимаҳое низ вучуд доранд, ки онҳо бо маъноӣ дигарашон имрӯз дар байни тоҷикон маъмул ҳастанд, вале ҳамчун калимаи нумеративӣ ба ҳукми архаизм даромадаанд. Воҳидҳои луғавии манзил (фосила ва масофаи мобайни ду истоғ - 6, ҷ.1, с.632), каманд (воҳиди ченак ба дарозии каманд – 6, ҷ.1, с.532), тирвор (масофаи парриши як тир, масофае, ки тир парида, ба он ҷо расида метавонад – 6, ҷ.2, с.365) аз ҷумлаи чунин нумеративҳои «Шоҳнома» ҳастанд:

Се манзил зи Чин назди шоҳ омаданд,

Худу номдорон ба роҳ омаданд (7, ҷ.5, с.367).

Яке бора аз об баркаш баланд,

Бунаш паҳну болои ӯ даҳ каманд (7, х.8, с.97).

Аз он беша бартар яке тирвор,

Яке кӯҳ бини сияҳтар зи қор (1, с.364).

Як хусусияти «Шохнома»-и Фирдавсӣ дар масъалаи истифодаи чунин калимаҳо ҳамин аст, ки байни онҳо ва шумора метавонад унсурҳои луғавии дигар омада, ҳар ду дар фосилаи муайян ҷойгир бошанд:

Чаҳор аст фарсанг болои ӯ,
Ҳам эдун чаҳор аст паҳноӣ ӯ (7, ҷ.1, с.377).

Миқдори калимаҳои нумеративӣ ва воҳидҳои ченкунандаи қиёсии архаистӣ дар «Шохнома» кам буда, баръакси онҳо теъдоди ин гуна унсурҳои то имрӯз маъмул зиёд ҳастанд. Ба қатори чунин воҳидҳои луғавӣ лаҳт (Шуд аз ҷодувӣ тан-ш як лаҳт кӯх, Аз Эрон назора бар он бар гурӯҳ -7, ҷ. 2, с.108), то (Се тои ту геш асту чашму забон, К-аз ин аст, расад неку бад бегумон -7, ҷ.1, с.27), бор (Се борат чунин ранҷу сахтӣ фитод, Сарат з-озмоиш нагашт устод -7, ҷ.2, с.162), тан (Ки он ҳар се тан кӯхи хоро буданд, Хафопешаву бемадуро буданд -7, ҷ.5, с.280), дона (Чи анбори шаҳрӣ, ки они Кубод, Ба як дона гандум набуданд шод -7, ҷ.8, с.57), гурӯҳ (Накӯҳида бар кор, бар даҳ гурӯҳ, Накӯҳидатар назди донишпиҷӯх -7, ҷ.8, с.191) ва монанди инҳо дохил мешаванд.

Дар асоси истифода шудани калимаҳои нумеративӣ ва воҳидҳои ченкунандаи қиёсии «Шохнома» хулоса кардан мумкин аст, ки ин гуна унсурҳои иқтибосӣ, махсусан вожаҳои арабӣ дар он давра хеле кам ба кор мерафтаанд. Дар ҳамосаи номбурда мо ҳамагӣ ду калимаи арабӣ: мил ва бадраро дучор омадем. Маълум аст, ки мил миқёси паймоиши масофат, сеяки фарсанг аст, ки аз ҷор ҳазор қадам ё газ иборат аст (ниг.6, ҷ.1, с.688):

Ба болоӣ сарву ба нерӯӣ нил,
Ба ангушт хишт афканад бар ду мил (7, ҷ.1, с.361).

Бадра низ аз ҷумлаи чунин вожаҳо ҳисоб гардида, маънои «ҳамён, халтаи динор ва ашрафӣ, саноч, кӯлвори зар, ҳамёни тангаву тилло»-ро дорад (ниг.6, ҷ.1, с.129):

Ба мебад дирам дод даҳ бадра низ,
Ҳам аз ҷомаву аспу бисёр чиз (7, ҷ.7, с.574).

Дар ду вариант истифода шудани калимаҳои нумеративӣ ё воҳидҳои ченкунандаи қиёсӣ аз хусусиятҳои муҳими «Шохнома»-и Фирдавсӣ аст. Масалан, ба шаклҳои арш ва араш (Зи бун то сари тӯй болои ӯй, Чу сад арш карданд паҳноӣ ӯй (7, ҷ.7, с.128); Наҳанг ӯ зи дарё барорад ба дам, Зи ҳаштод араш нест болош кам -7, ҷ.2, с.9), роҳ ва рах (Ба як роҳ чандон гирифтот шуд, Ки гирандари даст бекор шуд -1, с.309; Ки шоҳи се кишвар ҳама ҷангҷӯй, Ба як раҳ сӯи ман ниҳоданд рӯй -7, ҷ.2, с.141) ба гуфтаҳои боло далел шуда метавонанд.

Дар қатори дигар хусусиятҳои «Шохнома» бо ҳамдигар муродиф шудани ин гуна унсурҳои луғавии онро номбурдан мумкин аст. Масалан, дар фарҳангҳо вожаҳои газ ва рашро бо ҳам муродиф доништа чунин навиштаанд: «газ-олопи ҷубӣ ва ё оҳании ченкунии масофа, матоъ ва ғ., ки дарозияш 91,5см мебошад» (6, ҷ.1, с.250). «Раш – фосилаи миёни ду дасти аз ҳам кушодашуда, гулоҳ, газ (таъкиди мо)» (6, ҷ.2, с.129). Пас маълум мешавад, ки ҳар ду воҳиди луғавӣ бо ҳамдигар синоним мешаванд, ки онҳоро Фирдавсӣ чунин овардааст:

Ки сад газ фузун буд болои ӯй,
Магар шаст газ буд паҳноӣ ӯй (7, ҷ.1, с.326).

Зи даҳ раш фузун буд паҳноӣ ӯй,
Чихил раш бипаймуд болои ӯй (7, ҷ.7, с.103).

Хулоса, дар «Шохнома»-и Фирдавсӣ калимаҳои нумеративӣ ва воҳидҳои ченкунандаи қиёсӣ бо хусусиятҳои истифода, мавқеи ба кор рафтанишон ва бо серистеъмоливу камистеъмолишон аз ҳамдигар фарқ карда, инъикоскунандаи роҳи душвори ҳамчун меъёри забони адабӣ қабул гардидани ин гуна вожаҳо ҳисоб мешаванд.

АДАБИЁТ

- 1) Ализода И. Шохнома, Фарҳанги мухтасар.-Душанбе, Адиб, 1982, 492с.
- 2) Грамматикаи забони адабии ҳозираи тоҷик. Ҷилди 1. – Душанбе: Дониш, 1985, 355с.
- 3) Забони адабии ҳозираи тоҷик. Қисми 1, Лексикология, фонетика, морфология. – Душанбе: Маориф, 1982, 462с.
- 4) Муин Муҳаммад, Фарҳанги форсӣ. Ҷ. 1-4. Техрон, 1375.
- 5) Основы иранского языкознания. Новоиранские языки. –М: Наука, 1982, 570с.
- 6) Фарҳанги забони тоҷикӣ. Ҷилдҳои 1-2. –М: Советская энциклопедия, 1969.
- 7) Абулқосим Фирдавсӣ. Шохнома. –Душанбе: ҷ.1-9. Адиб, 1987-1991.

СЛОВА ОБОЗНАЧАЮЩИЕ МЕРУ И РАЗМЕР В «ШАХНАМЕ» ФИРДОУСИ

«Шахнаме» Фирдоуси является бесценным источником исконно древнейших таджикских слов и выражений и по его материалам можно определить процесс появления и развития словарного состава и грамматическую структуру таджикско-

персидского языка. В данной статье автором подвергнуты исследованию слова обозначающие меру и размер в «Шахнаме» Фирдоуси.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Шахнаме Фирдоуси, слова и выражения, развитие словарного состава, грамматическая структура, слова обозначающие меру и длину.

WORDS DESIGNATING MEASURE AND THE SIZE IN «SHAHNAME» FIRDOUSI

«Shahname» Firdausi is invaluable a source of primordially most ancient Tajik words and expressions and on its materials it is possible to define process of occurrence and development of dictionary structure and grammatical structure Tajik - Persian language. In given article the author are subjected word research designating measure and the size in «Shahname» Firdousi.

KEY WORDS: «Shahname» Firdausi, words and expressions, development of dictionary structure, grammatical structure, words designating measure and length.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: *Мухиттира Дюсруева* – соискатель Худжандского государственного университета им. Б.Гафурова

ОРГАНИЗАЦИЯ ВНЕКЛАССНОЙ РАБОТЫ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ В ПРОЦЕССЕ МЕЖПРЕДМЕТНЫХ СВЯЗЕЙ

Д.Р. Таирова

Таджикский педагогический институт города Пенджикент

Внеклассные занятия должны расширять лингвистический кругозор школьников и развивать их языковое чутьё, воспитывать любовь и уважение к русскому народу и интерес к его языку, должны прививать учащимся навыки самостоятельной работы с книгой, учить пользоваться словарями и другой справочной литературой, самостоятельно пополнять знания по русскому языку.

К специфическим принципам внеклассной работы в методической литературе относят принципы: взаимосвязи классных и внеклассных занятий, научной углубленности, практической направленности, занимательности, добровольности и равного права как сильных, так и слабых учащихся на участие во внеклассной работе, индивидуального подхода к каждому и развития творческих способностей, связи с внеклассной работой по родному языку.

Повышению интереса к внеклассной работе способствует занимательность. Занимательность внеклассной работы связана с формой её проведения, выбором методов и приёмов работы, с использованием ТСО и наглядности, интересных заданий, лингвистических игр, с привлечением интересных фактов.

Принцип равного права на участие во внеклассной работе всех учащихся требует сугубо индивидуального подхода к каждому ученику, оказания максимальной помощи, подбора специальных заданий, упражнений, форм работы для слабо владеющих русской речью.

Во внеклассных занятиях должны широко использоваться межпредметные связи. Такие связи осуществляются между русским и родным языками, русской и родной литературами. Можно использовать также знания, полученные на уроках иностранного языка, истории, географии. Например, учащиеся могут подготовить сообщение о порядке слов в предложении русского и изучаемого иностранного языка, о роде заимствованных существительных и т. д. Знания по истории могут быть использованы в сообщениях о происхождении письменности, книгопечатания, о заимствованных словах. Межпредметные связи способствуют как более прочному усвоению знаний и умений, так и активизации естественной речевой деятельности школьников.

Для стимулирования речевой активности учащихся и обогащения их речи весьма полезно посещение кино, театра, прослушивание радио- и телепередач, чтение газет и журналов на русском языке.

Содержание внеклассной работы определяется школьной программой по русскому языку с учетом лингвистических интересов и уровня развития речевых умений и навыков учащихся. Обычно их интересуют такие вопросы, как возникновение русского языка, его развитие и роль в современном мире, языки мира, образование слов и их этимология. Эти внепрограммные вопросы могут быть включены во внеклассные занятия для учащихся старших классов.

В школьной практике сложились определённые формы внеклассной работы, которые успешно используются и в работе с нерусскими учащимися. Они делятся на индивидуальные, групповые и массовые. Одни из них являются постоянно действующими, другие - эпизодическими.

Внеклассная работа по русскому языку является важнейшей составной частью профессиональной деятельности учителя. Не секрет, что для многих учеников русский язык не является любимым предметом. К 7-8 классам интерес к изучению русского языка пропадает у большинства детей. Объясняется этот факт многими причинами, в том числе и сложностью материала, подлежащего изучению. Именно поэтому главная задача внеклассной работы - развитие у школьников интереса к русскому языку и воспитание потребности изучать его. Педагогами и психологами доказано, что познавательный интерес является основным внутренним мотивом обучения, поэтому развитие познавательного интереса к русскому языку оказывается столь важным для учащихся. Понятно, что этот интерес развивается, прежде всего, на уроках, но, несомненно, и то, что внеклассная работа предоставляет учителю огромные возможности для того, чтобы заинтересовать учеников своим предметом, сделать его любимым.

У учащихся одного и того же класса познавательный интерес часто проявляется по-разному. Выделяются три уровня познавательного интереса. Элементарным уровнем принято считать открытый, непосредственный интерес к новым фактам, к занимательным явлениям, которые фигурируют в информации, получаемой на уроке. Более высоким считается интерес к познанию существенных свойств, предметов и явлений. Этот уровень требует поиска, оперирует имеющимися знаниями, догадками. Наиболее высокий уровень познавательного интереса составляет интерес школьника к причинно-следственным связям, к выявлению закономерностей, установлению общих принципов явлений, действующих в разных условиях.

Опытный учитель всегда может установить, на каком уровне в настоящий момент находится познавательный интерес каждого ученика. Уровень познавательного интереса выражается, прежде всего, в характере познавательной деятельности, с которой справляется и к которой стремится ученик: репродуктивно-фактологической, описательно-поисковой или творческой. Ведя ученика по ступеням от одного вида деятельности к другому, учитель развивает познавательный интерес школьника.

Исходя из основной цели внеклассной работы по русскому языку, можно выделить частные задачи, которые решаются учителем в процессе такой деятельности:

- 1) воспитание коммуникативной культуры школьников;
- 2) расширение и углубление запаса знаний учеников и формирование лингвистической компетенции;
- 3) выявление и поддержка лингвистически одарённых учащихся;
- 4) поддержка и воспитание веры в свои силы у учеников, слабоуспевающих по русскому языку;
- 5) развитие и совершенствование психологических качеств личности школьников: любознательности, инициативности, трудолюбия, воли, настойчивости, самостоятельности в приобретении знаний.

Внеклассная работа может быть организована в школе по-разному. Это и эпизодические мероприятия, проводимые в отдельных классах, и общешкольные мероприятия, и систематические занятия, например, кружка, клуба. Следует заметить, что проведение эпизодических мероприятий обычно вызывает у учащихся кратковременный интерес низшего уровня, интерес к факту мероприятия, а не к предмету. Поэтому эффективность такой работы сравнительно мала. Принцип системности требует, чтобы внеклассная работа представляла собой единый комплекс разнообразных мероприятий, связанных между собой тематически. Давно доказано, что наиболее эффективна внеклассная работа по русскому языку, когда учитель отбирает для работы с учащимися материал по какому-то одному разделу языка, более или менее обширному, в соответствии с возрастом школьников и во взаимосвязи с изучаемым в урочное время материалом. Для 5 классов, например, интересными и полезными являются дополнительные сведения по лексике и фразеологии, для 6-7 классов - по грамматике, для старших классов - по стилистике. Это деление, конечно, условно: всякий учитель умело отбирает языковой материал, доступный любому возрасту. Важно в принципе решить, какой именно раздел лингвистики будет углублённо анализироваться во внеклассной работе.

Систематически и планомерно осуществляемая внеклассная работа по русскому языку имеет большое образовательно-воспитательное значение и способствует овладению русским языком как средством общения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Усова А.В. Межпредметные связи в преподавании основ наук в школе. Челябинск, 1995 - 16с.
2. Методика преподавания русского языка в национальной школе: Учеб. пособие/ Л.З.Шакирова, Л.Г.Саяхова и др.- Л.: Просвещение, 1990.-41бс.
3. Методика преподавания русского языка в школе: Учебник для студентов высш. пед. учеб. заведений / Под ред. Баранова М.Т., Ипполитова Н.А., Ладьяженской Т.А., Львова М.Р. - М.: Издат. центр «Академия», 2000. - 368 с.
4. Кодиров Б.Р. Применение нестандартных уроков в процессе использования межпредметных связей естественно-математических дисциплин. Душанбе, Маориф, 2006.
5. Кодиров Б.Р. Межпредметные связи: инновация и творческое мышление. - Душанбе, 2006.

ОРГАНИЗАЦИЯ ВНЕКЛАССНОЙ РАБОТЫ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ В ПРОЦЕССЕ МЕЖПРЕДМЕТНЫХ СВЯЗЕЙ

Внеклассные занятия должны расширять лингвистический кругозор школьников и развивать их языковое чутьё, воспитывать любовь и уважение к русскому народу и интерес к его языку, должны прививать учащимся навыки самостоятельной работы с книгой, учить пользоваться словарями и другой справочной литературой, самостоятельно пополнять знания по русскому языку.

Межпредметная связь таджикского и русского языков в условиях Республики Таджикистан имеет свое особое место и значение. Данная статья посвящена изучению данной темы.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: внеклассная работа по русскому языку, межпредметные связи, таджикский и русский язык, языковой кругозор.

THE ORGANIZATION OF OUT-OF-CLASS WORK ON RUSSIAN IN THE COURSE OF INTERSUBJECT COMMUNICATIONS

The purposes of out-of-class work on Russian in the course of intersubject communications, it is possible to allocate private problems which dare the teacher in the course of such activity:

- 1) education of communicative culture of schoolboys;
- 2) expansion and deepening of a stock of knowledge of pupils and formation of the linguistic competence;
- 3) revealing and support лингвистически the presented pupils;
- 4) support and education of belief in the forces at pupils,

KEY WORDS: out-of-class work on russian, intersubject communications, russian and tajik languages, will, persistence.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Д.Р. Таирова – соискатель Академии образования Таджикистана, старший преподаватель Таджикского педагогического института города Пенджикент, **Телефон:** 92-764-42-41

АДАБИЁТ

СУФИЙСКАЯ ПРАКТИКА НАЗАР ИЛА-Л-МУРД В ГАЗЕЛЯХ ИРАКИ

Б. Максудов

Таджикский национальный университет

Фахр ад-Дин Ибрахим ибн Бозоргмихр ибн Абд ал-Гаффар Хамадани (1213-1289), известный под псевдонимом Ираки, является одним из выдающихся представителей персидско-таджикской суфийской поэзии XIII века. Творчество этого поэта-мыслителя, в советское время по идеологическим соображениям почти не изучалось. Только в 2009 году нами впервые было выполнено и издано монографическое исследование на таджикском языке под названием «Жизнь и творческая деятельность Фахр ад-Дина Ираки» [12]. В настоящей же статье мы рассмотрим лишь тему образного проявления божественной любви в газелях этого поэта.

Ираки, достигший высшей степени познания абсолютной Истины, художественно описывал в своей блестящей газельной лирике внутренние переживания и тонкие чувства божественной любви, считавшиеся вовсе неподдающимися словесному изложению, и тем самым, становился объектом различного рода пересудов. Причиной тому стало прямое обращение поэта к мирским красотам, которые больше всего заключались в культе мужской красоты. Им воспевался земной возлюбленный, обозначавшийся как «*ма'иуж*», «*шахид*» (возлюбленный), «*саки*» («виночерпий»), «*тисар*» («отрок»), «*тарсобача*» («мальчик-христианин») или же называемый иногда именами реальных исторических лиц, такими как *Аяз* (преданный раб султана Махмуда Газневида (XI в.), *Хасан Каввал* (Хасан Красноречивый – XIII в.) и т.п., ибо эти понятия и имена, начиная со второй половины XI века, в персидско-таджикской духовной литературе превратились в традиционные художественные образы. Страстное влюбленное состояние, описание земной любви и трепетное любовное волнение при виде чарующей красоты человека, т.е. одухотворение божественной любви, является отличительной чертой лирики Ираки в сравнении с такого рода поэзией его коллег-предшественников. Следует отметить, что на самом деле, основной целью созерцания лика земного красавца происходит для поэта посредством акта экстатической любви, вхождения в состояние транса и, тем самым, приближения к истинному Возлюбленному. С этой точки зрения можно считать творчество Ираки итогом развития персидско-таджикской любовной лирики XI-XIII веков.

Можно констатировать, что именно такое восприятие красоты со стороны Ираки способствовало появлению его совершенно новой по своему характеру поэмы «Ушшак-наме» («Книга влюбленных»), и чрезвычайно притягательных его любовно-мистических газелей.

Обычно, суфийскую практику созерцания красивого лика человека (в основном, отрока) и подразумевание тем самым эманации Истины сами суфии называют «*таджалли-и сувар*» (образное проявление) или «*назар ила-л-мурд*» (созерцание отроков), или же «*назарбази*» (игра зрения).

Среди исследователей на данный вопрос, хотя и косвенно, впервые обратил внимание русский исследователь В.А. Дроздов во время изучения им поэмы «Ушшак-наме» поэта [7]. Однако, данная тема в

развернутом виде представлена более всего в газелях Ираки, которые в данном плане до сего дня оставались неизученными.

Поиски показали, что воспевание отрока в качестве объекта любви в персидско-таджикской суфийской поэзии начального периода отсутствует. Суфийствующие поэты начального периода никак не признавали посредничества человека в проявлении любовных переживаний и свои любовные излияния адресовывали непосредственно Богу. Но со временем отрок, лик которого сиял словно полная луна, превратился в идеал человеческой красоты, воспетой почти всей суфийской поэзией. Но эта трансформация образа привела к тому, что ряд суфийствующих поэтов был обвинен в порочности.

Прекрасный знаток исламского мистицизма Джуллаби Худжвири (ум.1072), выявляя истинное положение вещей, убежденно считает клеветой и наветом на суфиев, то, что им приписывают интимные связи с мальчиками: «Я был свидетелем, что невежественные люди обвиняют суфиев в этих гнусных поступках и оттого косо смотрят на них. Но абсолютно все предводители суфийских орденов такой поступок считают большим грехом. Всякого, кто свершает такое дело, да накажет Бог страданиями» [14:397].

Священный хадис передает слова Пророка о том, что три вещи достойны того, чтобы ими любовались: зелёный луг, красивое лицо и проточная вода [15:227]. Но хадис – «Я видел Бога в образе красивого юноши, который носил шапку набекрень» [15:227], бытующий среди некоторых суфиев, вызывает недоверие и возмущение в ортодоксальных религиозных кругах. Тем не менее, сей хадис оставил сильное впечатление среди поэтов-мистиков. Так, Фарид ад-Дин Аттар (казнен монголами в 1221г.), обратившись к образу красивого юноши, посвятил десятки газелей «прелестному юному христианину». Он же ввел в мир поэтических образов понятие «носящий шапку набекрень» [1:566]. Порой же видим, что он конкретизирует это образное выражение и придает форму «мальчика, из озорства, носящего шапку набекрень» [1:637]. Позднее этот образ занял в персидско-таджикской суфийской поэзии очень важную позицию.

По сути, целиком растворившийся в огне любви к абсолютной Истине, то есть, Богу, суфий смотрел в лицо красивому юноше и воспринимал его как одно из основных проявлений совершенства божественной красоты, как торжество отблеска лика Его. Также мы обнаруживаем, что женщина никогда не занимает любовного чувства поэта-мистика за исключением повести Шейха Сан'ана из поэмы «Язык птиц» предшественника Ираки – Аттара, где цель поэта заключена совсем в ином выявлении высокого статуса суфийского наставника – шейха. А поэты, подобные Ираки, любовь к женщине считали проявлением материального мира и плотских чувств. Такое представление имеет весьма глубокие мировоззренческие корни. Дело в том, что Бог, сотворив Адама, определил его местопребывание в высшем Раю. И наказал: «О Адам, вкуси, спи и дружи с чем пожелаешь». Но Рай, однако, не успокоил Адама, и тогда Творец из ребра его создал ему Еву, чтобы тот общался с однородным существом. Посмотрел Адам на красоту Евы, и вкусил этой человеческой красоты, и им овладела страсть, низжайшее качество животного, воздвигающее преграду между человеком и Творцом. Эта страсть усугубилась другими животными качествами: чрезмерной тягой к еде, сну. По мере того, как страсти Адама разгорались, он предавался им, и дошел, наконец, до того, что позволил дьяволу обольстить себя [8:12].

Подоплека воздержания поэта-мистика от любви к женщине в этом и заключается. Этот убежденный богоискатель не шел на поводу своих страстей, но в почитании красоты был устойчив. Иначе говоря, согласно пантеистическим воззрениям мусульманских суфиев только мужчина сотворен по образу и подобию самого Бога. Такое убеждение вытекало еще из другого хадиса, где говорится: «Бог подобно себе сотворил Адама» [13:61]. Тут следует заметить, что такое представление имеет место и в пантеистическом монизме христиан.

На разъяснении тяги мистиков к кокетливому юноше останавливается и ас-Са'алиби: «К иносказаниям суфиев относится и то, что красивых юношей называют «шахид» (свидетель), и это положение они разъясняют так, что его красота олицетворяет совершенство и красоту Всевышнего Господа» [13: 62].

Таким образом, становится ясно, что «любовь» является главной темой суфийской поэзии. Исходя из этой мировоззренческой позиции, можно констатировать, что тот, кто не влюблен, мало что понимает в таинствах мироздания. Такие люди имеют весьма далекое отношение к человеческому роду.

«Любовь» в мистической мировоззренческой структуре – это отказ от всего, что занимает мысль человека, препятствуя его целеустремленности. «Путник» лишь посредством «лестницы любви» и преданности красоте может постичь настоящий источник Красоты. Но при всем этом в суфийской литературе образ «прелестного отрока», обращение к нему как к символу красоты вошли в обиход. И поэтому Лахиджи в комментариях к «Голшан-и раз» («Цветник тайн»), рассматривая разновидности проявления божественной любви, пишет: «Среди всех проявлений наиболее совершенным и превосходным следует признать представление лика божьего в образе красивого человека» [11:129-130]. Это убеждение находит свое отражение и в газелях Ираки:

Сар ба сар аз лутф чонӣ, эй писар,
Хуштар аз чон чист? Онӣ, эй писар.
Майли дилхо чумла сӯйи рӯйи туст,

Рав, ки ширин дилситонӣ, эй писар.
З-он ба чашми ман дарой хар замон,
К-аз сафо оби равонӣ, эй писар.
Бар лаби худ бӯса зан, он гоҳ бубин,
Завқи оби зиндагонӣ, эй писар... [9:209].

*Ты по своей милости – целиком душа, о юноша,
Что лучшие души? Если есть что-то – это ты, о юноша.
Все сердца тянутся к лику твоему;
Не иначе – ты сладостный сердцеед, о юноша.
Ты потому постоянно стоишь перед моими глазами,
Что по чистоте своей – ты проточная вода, о юноша.
Попробуй-ка поцелуй со своих губ, тогда почувствуешь
Вкус живой воды, о юноша.... (собственные переводы автора ст.)*

Мы уже заметили, что мистики во всем красивом видели проявление красоты лика Творца. Так как благороднейшим и прекраснейшим творением из творений Создателя является человек, то изображение красоты человеческого лика со всеми, его украшающими деталями – родинка, пушок на лице юношей, губы, зубы, кудри и т.п., воспринималось как отражение абсолютной красоты. Однако эту образную систему в суфийской поэзии нельзя воспринимать в реалистической, материальной их сущности. Эта сияющая красота принималась в качестве главного возбудителя любви к Богу, которая подразумевает абсолютную красоту. Такой совершенный мистик, как Ираки, прошедший школу созерцания, взирал на красивого человека на расстоянии и пробуждал свои возвышенные духовно-мистические эмоции, что означало искреннее почитание Бога. Абд ар-Рахман Джамии в своих «Нафахат», намекая на это обстоятельство, пишет: «Группа представителей великих познавших, таких, как шейх Ахмад Газали, Аухад ад-дин Кирмани и шейх Фахр ад-Дин Ираки, да освятит Всевышний Аллах их могилы, увлекались созерцанием проявления красот чувственных образов. Причина этого заключалась в том, что они в этих образах созерцали абсолютную красоту лика Всеславной Истины» [5:589]. И из жития Ираки обнаруживается, что он со дня своего вступления на путь мистицизма до конца жизни был приверженцем красоты и каландаризма [12:135].

Но невежественные и неосведомленные люди осуждали Ираки, возводя на него необоснованные наветы. Обращая внимание на эту сторону вопроса, средневековый антолог Вала Дагистани об Ираки в «Рияз аш-шуара» пишет: «Господин шейх, который созерцал изначальную красоту в обликах луноликих, по причине увлечения и любования кудрями красивых отроков становился мишенью для стрел осуждений людей недалеких» [3:357].

Мухаммад Дарашукух в «Хасанат ал -‘арифин» приводит одну сентенцию Садр ад-Дина Коняви, (один из муршидов Ираки), которая гласит: «Внутренность Истины – внешность красивого человека» [6:85a].

Поэтому отрок, которого Ираки любовно воспевае в своих стихах, не имеет ничего общего с красивым реальным юношей. Этот отрок – абсолютный символ, символ истинного Возлюбленного. Это положение легко можно подтвердить примерами из творчества самого Ираки. Вышеприведенная газель с рефреном «*о писар*» («о юноша») в другом месте дивана поэта полностью повторяется [9:143], лишь рефрен, на сей раз – «*саклийа*» («о виночерпий»). «Виночерпий» также является совершенным символом абсолютного Бьпия. «Писар» же в той газели не более, чем проявление истинной красоты. Сам Ираки в суфийском трактате «Лама’ат» («Сияние») говорит:

Онро, ки ба худ вучуд набвал,
Уро зи кучо чамол бошад?! [9:85].

*У того, кто не имеет собственного существования,
Откуда может быть красота?*

Или в другой газели говорит:

Бо ишки хакиқатӣ ба хар ҳол
Савдои маҷоз дарнагунҷад [9:169].
*С истинной любовью, все же,
Земные страсти не сходятся.*

Образная символика Ираки еще яснее излагается им в седьмой части «Лама’ат»: «Любовь присутствует во всех вещах. Все видимые предметы проявляются благодаря любви, более того, все они являются любовью» [9:407]. И немного ниже добавляет: «Кого бы ты ни любил, и куда бы ты ни смотрел, – видишь Его, хотя этого ты сам не замечаешь» [9:407]. Отсюда следует, что если ты влюбился в кого-то, то это равняется тому, что ты полюбил Его (господа Бога). Если человек от любви прислушивается и подчиняется своей земной возлюбленной, это равно тому, что он повинуетя Истине и, таким образом, как бы становится на колени пред самим господом Богом. Почитание красивого юноши со стороны Ираки и подобных ему поэтов-суфиев

вытекает из данного убеждения. Абд ар-Рахман Джами подчеркивал это положение в своем «Аши'ат ал-лама'ат» являющемся комментарием к «Лама'ат» Ираки [4:102]. Но так как пристрастные измышления проявлялись еще при жизни поэта, он отчетливо говорил:

Дар хама олам надидам чуз чамоли руйи Ту,
Гар касе даъво кунад, к-ӯ дид, бӯхтоне бувад [9:198].
*На всем свете я не видел ничего, кроме Твоей красоты:
Если кто-нибудь скажет, что он видел, - то лишь вранье.*

В связи с этой темой сообщаем, что Камал ад-Дин Хосейн Казургахи (XVв.) в своем «Маджалис ал-ушшаю» («Собрания влюбленных») считает Ираки, как всякого другого персидско-таджикского поэта, приверженцем физической любви и ведет его за неким юношей, в которого он будто бы был влюблен до отъезда Алеппо [10:122]. Но это не более, чем вымысел. Несостоятельность этого утверждения была отвергнута еще современником самого Казургахи, Захир ад-Дином Бабур Мирза в его «Бабур-наме», где мы читаем: «Камал ад-Дин Хосейн Казургахи был человеком неосновательных познаний. У него есть крайне слабое сочинение, называемое «Маджалис ал-ушшаю», в котором он собрал всякие лживые и гнусные непристойности, богохульные по своей сути. К примеру, предводителей и святых он обвиняет в приверженности к физической любви, и каждому из них приписывает какого-нибудь возлюбленного и предмет страстей» [2:159].

В этом отношении мы не можем не согласиться с мнением царственного историка, ибо примитивные суждения Казургахи о личности такого непоколебимого мистика, как Ираки, нельзя считать иначе, как клеветой. В подтверждение своих слов по этому поводу мы можем сослаться на другую газель поэта:

Набувад ошиқ он ки чӯяд ком:
Ишкро бо ғараз чӣ кор бувад?!
Ошиқ он аст, ки нахоҳад ҳич,
Ҳама худ гар висоли ёр бувад [9:192].
*Не может быть влюбленным всяк сладострастный:
Какое отношение имеет любовь к корысти?!
Влюбленный тот, кто ничего не ожидает,
Если это будет даже миг встречи с кумиром.*

О своем понимании понятия влюбленности Ираки в другом месте очень четко говорит:

Ошиқӣ, донӣ чӣ бошад? Бе дилу чоң зистан!
Чону дил дарбохтан, бар рӯи чонон зистан.
Сӯхтан дар ҳаҷру хуш будан ба уммеди висол,
Сохтан бо дарду пас, бо бӯи дармон зистан [9:256].

*Знаешь ли ты, что такое влюбленность? – Жить без сердца и души!
Лишившись сердца и души, жить ради созерцания лица любимой;
Гореть в огне разлуки и надеяться на встречу с любимой,
Сладить с болью, жить мечтой о приобретении лекарства.*

Таким образом, искренний влюбленный тот, кто отказывается от собственных чувственных желаний и живет надеждой на соединение с Возлюбленным. Искатель божественной любви свою цель видит в том, чтобы постоянно жить в пламени любви. В этой любви кроется побудительная сила, которая всех ведет по пути добра, смягчает сердца и внушает смысл текучей жизни. Поэтому путник, идущий по пути мистического самосознания, пытается в свете любви преодолеть краткое земное существование и возвратиться в ту бескрайнюю жизнь единства всех существ, которую когда-то он по легкомыслию покинул. Мистическое вознесение Ираки показывает, что переход от земной любви к истинной, божественной, создает почву для метаморфозы субъекта. В этом процессе сам мистик с божьей помощью превращается в чистую любовь и достигает состояния, в котором влюбленный и Возлюбленный сливаются в единое целое. Таким образом, физическое «Я» возносится до положения истинного «Я», и тогда оно может говорить языком Возлюбленного:

Он чо, ки манам, ту ҳам нагунҷӣ,
Бо лайл наҳор дарнагунҷад [9:169].
*Там, где Я, тебе нет места
С ночью день не может сходиться.*

Непреложная истина, однако, заключается в том, что Ираки обладал чувствительным и горячим сердцем, а также изящным вкусом. Поэтому восхитительные картины природы – цветущие поля и луга, сады и цветники, красивые люди, и все, что прекрасно само по себе, трогало его душу:

Богест чаҳон зи акси рӯят,
Хуррам дили он ки дар тамошост [9:148].

*[Цветущий] сад это мир от отражения твоего лика:
Радостно тому, кто любит его им.*

Как было замечено выше, внешняя красота для Ираки являлась средством созерцания абсолютной красоты и путеводителем к постижению лика Истины. До Ираки красотой любовались также Ахмад Газали и Аухади Кирмани. Но Ираки в этом качестве проявил себя более глубоким поэтом. Он стремился лицезреть красоту Истины, как в свое время пророк Моисей:

*Зи хастии Ирокй хаст бар пойи дилам банде,
Чамоли хуби худ бинмо, гушоде дех аз бандам [9:232].
От существования Ираки душа стонет от печали,
Прояви свой прекрасный лик, развяжи узел тоски.*

Ираки - мистический подвижник, завершивший вознесение и узревший особое сияние, внутренним зрением созерцавшим красоту Единства. Конечно, при таком созерцании божественного сияния его внешний взор также не мог оставаться совершенно безучастным, ибо все, что он созерцал внутренним зрением, переживал и в живых образах. В одной из своих газелей Ираки передает эпизод, когда он созерцал лик Истины:

*Эй хусни ту бепоён, охир чй чамол аст ин!
Дар васфи туям хайрон, охир чй камол аст ин!
Руют чу шавад пайдо, абдол шавад шайдо,
Эй хусни рухат зебо, охир чй чамол аст ин! [9:261].
О Ты, чья бесконечна красота, что же за прелесть это!
Я бессилён описать тебя, что же за совершенство это!
Когда появляется твой лик, святые теряют разум,
О Ты, с ликом дивной красы, что же за прелесть это!*

В другой же газели он говорит:

*Эй дилу чони ошикон шефтаи чамоли Ту.
Хушу равони бедилон сұхтаи чамоли Ту.*

*Коми дили шикастагон дидани туст хар замон,
Рохати чони хастагон ёфтани висоли Ту [9:261].
О Ты, сердце и душа влюбленных очарованы твоей красотой,
Разум и дух влюбленных опалены сиянием лика твоего,
Мечта опечаленных – всякий миг лицезрение твое,
Покой души изможденных – соединение с тобой.*

Кроме того, в подтверждение вышесказанного можно сослаться и на такое утверждение Ираки, как «*Ба нури тал'ати ту ёфтам вуджуди туро*» [9:147] (По сиянию лика Твоего я постиг Твое бытие), или «*Нозирам дар рухат ба дидан дил*» [9:153] (Созерцаю я твой лик оком души) и т.д. Но так как Ираки, как и великий его современник Джалал ад-Дин Руми, придерживается абсолютного монизма, вести речь о трансцендентности Бога в его воззрениях не имеет никакого смысла. Можно лишь констатировать, что Ираки после процесса самопознания и самосовершенствования обнаружил в себе эту единственную Истину. На это обстоятельство он конкретно указывает в некоторых из своих газелей. Так, например:

*Чу фарки оби хаётам, чй об мечуям?
Чу бо ман аст Нигорам, чй медавам чапу рост?
Нигоҳ кардаму дар худ хама Туро дидам,
Назар чунин бикунад он ки ў ба худ биност [9:147].
Когда я тону в живой воде, зачем я воду ишу?
Когда мой Кумир со мной, зачем я бегу налево и направо?
Когда я взглянул, лишь в себе нашел Тебя.
Так смотрит тот, кто поистине зрячий.*

* * *

*Ин турфатар, ки доим Ту бо маниву ман боз
Чун соя дар пайи Ту гирди чахон давонам [9:238].
Удивительно то, что Ты постоянно со мной, но я однако,
Словно тень, по всему свету бегу в поисках Тебя.*

Следовательно, любовь, в которой Ираки ищет спасенья, никак не может быть загрязнена мирскими страстями. Эта любовь чиста, божественной безгрешностью, а газели, в которых он воспевает эту любовь, возвышают его дух до высот вечного счастья и растворяют в божественной извечности. Тогда, наблюдение и созерцание красивого лика есть один из способов приближения к порогу абсолютной Истины. Таким

средством наглядности Ираки, с одной стороны, облегчает постижение своих суфийских замыслов, и с другой стороны, придает любовным мотивам особый художественный колорит, благодаря образной символике занимающей важное место в его поэтическом наследии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аттар Нишапури. Диван. Составление и примечания Т. Тафаззули. - Изд 8-е. - Тегеран: Научно-культурная издательская компания, 1370 х.
2. Бабур Мирза Захир ад-дин Бабур-наме. Подгот. текста П. Шамсиева. - Ташкент: Юлдузча, 1989.
3. Вола Дагестани. Рияз аш-шуара. Т. 1. Подгот. текста, предис. и примеч. С. Н. Насрабади. - Тегеран: Асапир, 1384 х.
4. Джамии Абд ар-Рахман. Аши'ат ал-ламав'ат. Предис. Х. Раббани. - Тегеран, 1351 х.
5. Джамии Абд ар-Рахман. Нафахат ал-унс. Предис. М. Обиди. - Тегеран: Иттиля'ат, 1370 х.
6. Дарашукух Мухаммад. Хасанат ал-арифин. Список Библиотеки ИВ АН Узб-на. - № 511/4.
7. Дроздов В. А. Персидский поэт Фахр ад-Дин Ираки и его поэма «Ушшак-наме». Автореф. дис. канд. наук. - ЛГУ, 1985.
8. Жуковский В. А. Человек и познание у персидских мистиков. - СПб.: Типо-лит. Вольфа, 1895.
9. Ираки Фахр ад-Дин. Куллият. Предис. и примеч. С. Нафиси. - Тегеран: Санаи, 1375 х.
10. Казургахи Камал ад-Дин Хосейн. Маджалис ал-ушшак. - Кангур: Невал Кишур, 1897.
11. Лахиджи Шамс ад-Дин. Мафатих ал-иджаз фи шарх «Голшан-е роз». - Тех.: Заввар, 1371 х.
12. Максудов Б. Джустуджу дар ахвал ва осори Ираки. - Душанбе: Пайванд, 2009.
13. Наваи Абд ал-Хосайн. Назаре мохтасар бе хаят ва ши'ре суфийана-йе Ираки // Йадгар. - Тегеран, соле чахорум. - № 6. - с. 56-68.
14. Худжвири. Кашф ал-махджуб. Подгот. текста и примеч. В. Жуковского. - Тегеран, 1352 х.
15. Шimmel Аннимари. Мир исламского мистицизма. Пер. с английского НИИ Пригариной, А. С. Раппопорта. - М.: Алетея, Анигма, 1999.

СУФИЙСКАЯ ПРАКТИКА НАЗАР ИЛА-Л-МУРД В ГАЗЕЛЯХ ИРАКИ

В статье рассматривается суфийская символика связанная с воспеванием любви к отроку, которая имеет доминирующее место в газельной лирике известного персидского поэта-мистика XIII века Фахр ад-Дина Ираки. Однако, любовное созерцание красивого отрока не следует воспринимать в прямом смысле этого словосочетания, как это делали иные неосведомленные в прошлом. На самом деле, в газелях Ираки образы прекрасного отрока, мальчика-христианина, виночерпия и т.д. выступают как символы проявления абсолютной красоты Бога. Причины такой суфийской практики кроются в том, что с точки зрения мусульманских мистиков любовь к женщине считалась проявлением низменных плотских чувств. Автор статьи с привлечением сведений из средневековых источников показывает процесс трансформации вышеуказанных образов в поэтическом наследии Ираки.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: газельная лирика, Ираки, образная символика, поэзия, школа созерцания, отрок, суфий, истина, проявление, страсть, любовь, сущность, познание.

SUFUAS PRACTICS NAZAR ILA-L-MYRD IN VERSES LYRIK POET IRAQI

In article the symbolism connected with a caroling to the adolescent which takes a dominating place in verses to the lyric poet of the known Persian poet of the mystic of XIII century Fakhr ad-Din Iraqī is considered sophism. However, love contemplation, the beautiful adolescent should not be perceived a literal sense of this word-combination as it was done by others unaware in the past. Actually, in verses images of the fine adolescent, the boy of the Christian, the cupbearer, etc. act as Iraqī as symbols of display of absolute beauty of God. The reasons such sophism. experts it is covered that from the point of view of Muslim mystics love to the woman were considered as display of low carnal feelings. The author of article with attraction of data from medieval sources shows.

KEY WORDS: poems lyrics, Iraqī, figurative symbolic, poetry, contemplation school, the adolescent, суфий, True, display, passion, love, essence, knowledge.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: *Б. Максудов* – профессор кафедры истории таджикской литературы факультета таджикской филологии Таджикского национального университета. **Телефон:** 919-13-98-19

МАВЗЎЪ ВА ТАСВИРИ БАДЕИИ АСП ДАР ЭЧОДИЁТИ САЛИМИ ЗАРАФШОНФАР

Ҳасани Муродиён

Донишгоҳи давлатии Курғонтеппа ба номи Носири Хусрав

Салими Зарафшонфар ба мавзӯи асп бо эҷоди шеърӣ «Аспи вораства» ворид гардид.
Дар тасаввурӣ Салим

Сафеду барфранг аспе миёни дашти барфолуд,
Давон асту арақрез аст ёли симғуни ӯ.

Лагому полҳангу зину пуштангаш биафтода,
Халалгоре набошад ҳеч бар шӯру чунуни ӯ (1.,28).

Шоири бедорхоб хаёлан паси тиреза аспи ворастаро наззора мекунад ва азбаски барфосо сафед аст, Барфзодаш менамад:

Мани бедорхоб ӯро кунам наззора, биншаста
Паси тирезаи равшан.
Зи бас ҳамранги барф аст ӯву ҳам барф аст ҳамрангаш,
Бихонам Барфзодаш ман (1.,29).

Салим Барфзоди хаёлиашро аз фалакҳо, аз қаҳқашонҳо ба замин мефурорад ва дар авсофаш беҳтарин вожаҳоро корбаст месозад:

Магар ӯ аз фалакҳо омада, ки лаккаҳои абр
Ғубору гардосо аз паяш дар осмон монда.
Чу зарринаҳои қанда рӯи раҳ афтода гоҳи дав
Ҳилоли моҳ андар пуштаҳои Қаҳқашон монда (1.,29).

Мухлиси Барфзод ба васфаш беҳтарин шеърро гуфтан мехоҳад, вале аз сафедии барфосои ӯ дида, гуворотарин суҳанро барои аспаш ёфта наметавонад, чунки худ Барфзод «шеъре сафеду беҳтарин» аст:

Ба васфаш шеър гуфтан хоҳаму илҳами ман, аммо
Чу ӯ дар дурӣ дорад гашт,
Худ ӯ бар васфи худ шеъре сафеду беҳтарин бошад,
Ба авроқи сафеди дашт (1.,29).

Аспи илҳами Салим ҳангоми эҷоди повести хурди «Шоҳаст» (2) бештар ба ҷавлон меояд ва майдони суҳанро дар атрофи ин ҷонвари ошно хуб сумкорӣ мекунад. Ин дафъа Барфзоди ӯ ба Шоҳастии ҷовандоз бадал мегардад, аз назм ба наср мегузарад, чунки ӯ нағз медонад, ки :

Майдони суҳан дароз бояд,
То таъб суворие намояд.

(Низомии Ганҷавӣ)

Повести хурди «Шоҳаст»-и Салими Зарафшонфар аз бист қисмати кӯчаку бузург фароҳам омадааст (2.,1 - 20).

Дар оғози қисмати аввали «Шоҳаст» Салим як навъ ба услуби таълифи «Аспи обӣ»-и Баҳманёр пайравӣ кардааст. Сархатҳои якуму дуому сеюми ин қисм бо ҷумлаҳои «Барф реза - реза меборид»...оғоз меёбад, вале ин такрорҳо мазмуни асарро нақохониданд, балки як навъ вазъи хаворо ба хонанда гаштаю баргашта таъкид кардаанд.

Нависанда асарро бо раҳгаймоии реза - резаи Шоҳаст ва андешаронию хаёлотӣ бесарунӯти савораи он - Даврони Фарзон - бузқашӣ номии водӣ оғоз кардааст. Ӯ савораю Шоҳастро бо Қодири дунпешонӣ, ки тақдири минбаъдаи Шоҳаст марбути ӯст, дар дигар ҷой не, маҳз дар дунгираҳи Шутурқӯхон рӯ ба рӯ кардааст. Бо қамчин ба сағрии аспӣ Даврони Фарзон задани Қодир ӯро як қад парронид. Сипас, нависанда хонандаро ба ҳамгашти Кач, ки дар паҳлӯяш доман густурдааст, мебарад ва таъкид менамояд, ки «Сияҳчар вартаи ростфаромадаест ба жарфӣи панҷоҳ - шаст метр». Ҳамчунин хонандаро ҳушдор медиҳад, ки се сол муқаддам ҳангоми дар ҳамгашт рулгардонии ронандае дари шалақи кабинаи мошини борқаш во шуда, писарчаи ҳафтсолааш, ки дар бараш менишаст, парида, рост ба қаъри Сияҳчар афтода, андар гумобӣ гум гаштааст. Ин қабрча бе ҷасад аст, рамзист» (қисми 1). Ин тафсилоти нависанда дар бораи Качаи Сияҳчар хонандаро аз пешомади нохуше оғоҳ мекунад.

Дар қисмати дувум нависанда Даврони Фарзонро дар ҳалқаи фарзандону наберагонаш тасвир кардааст: кампири Сарвосо ба ҳама баробар подошҳои аз бузқашӣ гирифтаи ӯро тақсим мекунаду вай «сари ҷойнӯшӣ бо тааннӣ ба хонагӣи хоҳишманд аз кӯборихҳои ширкатварзидааш ҳикоят менамояд» (қисми 2). Аз ҳама ачибаш он чиро, ки ӯ ба дигарон нақл мекунад, Шоҳаст дар истабл ёзида, ба ёд меорад.

Нависанда образи Шоҳастро тавре офаридааст, ки ӯ аз баъзе бузқашӣҳои бефаросат боақттар аст, ҳар як ҳодисаю воқеаи ба сараш омадаро худ ба худ муҳокима мекунад, дар тарозуи ақл бармекашад, дар озмоишгоҳи майна мепазонад. Аз ҳама муҳимаш «Миёни зинбапушту зинсавор якдигарфаҳмии том ҳукмфармоист» (қисми 3). Тибқи авсофи Салими Зарафшонфар «Шоҳаст бидавест охуравиш, побаланд, ёлдароз, пӯлодсум, фарозгардан, қавипайкар, пиззур, рангаш - ҷигарии ялаққосӣ. Дар симои он зебӣ ва нерумандӣ бо ҳам омехтаанд» (қисми 3). Шоҳаст аз ҳама муҳимаш қаноатпеша аст. Агарчи ҳамаи ҷовандозҳои водӣ «аз сароб то поёб» дар орзуи ваянд, вале ӯ танҳо як кас - Даврони Фарзонро мепарастад. Гуё табиат низ онҳоро барои ҳамдигар офаридааст, ҳатто Шоҳаст бо пеши рӯ овардани чеҳраи нуронии мӯйсафед шиҳаи шодӣ мекашад. Сипас, нависанда пеши ҷашмони Шоҳаст аспҳои гуногунрангро ҷилва медоронад, ки дидагонаш рангин мешавад:

Кашка, Сиёҳмушкин, Кабудранг, Сурхи азракчашм, Саманди чашмало, Сиёҳи посафед, Чигарранги синасиёҳ, Бури сурхёл, Сафеди холдор, Қахваранги сабзинадум ва ғайра. Чашмони харифонаш низ, ки муайянкунандаи хулқи онҳост, Шоҳаспро пешни назар меояд: чашмони азракӣ, сурхтоб, хокистарӣ, сабз, қахвагун, нилӣ ва ғайра, ки ҳар яке аз бадхашмӣ, чангаратабӣ, ҳалимӣ, газандагӣ, носабурии харифон гувоҳӣ медиҳанд. Шоҳаспро мӯҷиби ғолибияташ завқи баланди ҳамҷинсшиносии ўст. Вай пеш аз баромадан ба майдон вобаста ба хислати ҳар як хариф амал менамояд. Медонад, ки аспҳои дарозёли кабудчашм, филчуссаи гаронсайр, охутаки гарданборики палангранг ва шерёли думало одатҳои лагадпартоӣ, бо сарсина тела додани рақибон, гӯшгазӣ ва бо ду пойи пеш лагадзанӣ доранд. Хулоса, Шоҳасп ба ҳар як хариф усули махсуси муборизаро ба кор мебарад, чунки ў ҳар як харифашро шинохтаю озмудааст. Шоҳасп ба хотир меорад, ки Даврони Фарзон то соҳиби ў шудан човандози миёна буд, ў низ аспи шӯҳратманд набуд. Шоҳасп аз суханони Даврони Фарзон рӯх мегирифт:

« - Фаросатноктарини ҳайвони Худоофариди асп аст, фаросатноктарини аспи обравамон Шоҳасп» (қисми 3).

Ба Шоҳасп таҳсини мухлисон низ болу пар мебахшид: «- Ба наълайнат садқа, Шоҳасп, даве!

- Тасаддуқи ёлат шавам, чапғалат андоз!

- Давиданаш санъат аст, санъати олий!

- Ин асп не, тӯфон аст, тӯфон!»

Шоҳасп сабаби вақтҳои охир ҳаёли ва андешаманд будани соҳибашро фаҳмид: Даврони Фарзон баъди пайғамбартӯяш бо исрори Муллоҷалол човандозиро тарк кард (қисми 4). Аламовараш барои Шоҳасп он буд, ки соҳибаш, ки ҳама ҷо аз «мехри бародарона» доштаниш бо ў лоф мезад ва як тори мӯйи шоҳаншоҳашро ба чувол - чувол, мошин - мошин ва вагон - вагон пул иваз намекард, ҷӣ шуду бо хоҳишу илтиҷои писаронаш ўро бо ду «Волга»-и Қодири яккабедаи дунгпешонӣ - оне, ки барои Шоҳасп нофорамгарин човандоз, тундрӯй, тундхӯй ва тундгӯй мардест», иваз намуд (қисми 5). Шоҳасп барои он Дунгпешониро бад медид, ки ў чирани худро азоб медиҳад, гоҳи бебарорӣ ўро аз кӯбқоричо то дуриҳо метозонд. Ҳар гоҳ ки Шоҳасп Пешонидунгро медид, вучудаашро «Хоҳише фаро мегирифт, ки кӯшлагаде ба зерманаҳаш бизанад. Чунон бизанад, ки манаҳу биниву пешонии дунгаш ижға-ижға шаваду аламҳои чирани мазлум барояд (қисми 3)». Аз хотири Шоҳасп лаҳзаи видео бо Даврони Фарзон фаромӯш намешавад. «Ҳамсайриҳомон ба охир расиданд, чигаргӯшаам! Маро мебахшида бошӣ? Ин гуфту аз дидагонаш ду қатра ашк ба ришаш таровид» (қисми 6). Шоҳасп низ чун одамон дар тасвири Салим нафрати аспона дорад. Вақте ки лаҷоми ўро ба дасти Пешонидунг доданд, аз нафрат ҷисму ҷонаш ларзид, «...чунин муомилаи ғиромонаро бори нахуст мебинад, ки аспи хушрӯтарину хушхӯтаринро ба паҳлавони бадрӯтарину бадхӯтарин бидиҳанд!» (қисми 6). Дар қисмати 7 - ум нафрати Шоҳасп ба «ин башараи манфур» ва «мӯйсафеди ношукр» баён шудааст, вале дидани ҷиран Шоҳаспро маҷбур сохт, ки ба тақдир тан диҳад. Шоҳасп дар бузқашихо Пешонидунгро мумтоз гардонид. Бо фурухташавии ҷиран Шоҳасп аз он ҷиҳат шод буд, ки аз азоби Қодир ҷонаш халос шуд.

Хатти сужети минбаъдаи асар хонандаро баъди анҷоми мавсими бузқашӣ ҳамроҳи Шоҳасп ба айлоқи баландкӯҳи галаҷар мебарад ва мухлисони Шоҳаспро аз муошиқати ў бо байтали зебо бо номи Сапеда огоҳ месозад. Бо анҷоми мавсими айлоқҷарӣ Шоҳасп бо қайсарии гарданшаҳӣ ва қамчинхӯриҳои беохир тавонист, ки зебосанамаш - Сапедаро ноилоҷ соҳибаш харидорӣ намояд.

Барои Шоҳасп ҳаминаш аламовар мерасид, ки «Муносибати мӯйсафед бо ў чун муносибати инсоне буд бо инсоне. Барои Қодир ў ҳайвонесту бас.», вале Шоҳасп аз соҳиби мураккабхӯяш розист, ки Сапедаро барояш харидорӣ кард. Ин аст, ки Шоҳасп баробари ба тавила баргаштан ҳамчун ошиқи маъшуқагазмон тамоми қамчинкориву хориҳои Пешонидунгро фаромӯш мекунад.

Шоҳасп азоби худро таҳаммул месозад. Аммо тоби озори Сапедаро надорад. Фаромӯш нахоҳад кард. Вақте ки Пешонидунг ба охури Сапеда ҷав мерехт, ў нохост пояшро зер кард. Пешонидунг Сапедаро қамчинборон кард. Шоҳасп, ки ба ҳазорон қамчинхӯрии тани худ тоқат мекард, ин зарбаҳои қамчинро ба тани маҳбубааш тоқат накард ва бо сараш чунон ба китфи соҳибаш зад, ки ў биафтод. Пешонидунг ҳашмигин аз ҷо бархеста, Сапедаро монду Шоҳаспро қамчикӯб кард, вале ин дафъа зарбаи Сапеда ўро аз по афтонд. Аз исёни аспон вай саҳт ҳаросид ва ночор аспхонаро тарк кард.

Шоҳасп бовар дорад, ки Пешонидунг аз вай ҳайвонтар аст, дили одамай надорад. Хотираш саҳв нахоҳад кард. Дар бузқашии деҳаи Секӯҳа қахрамонаспии асосӣ ў буд. Бародари тӯйдор - Нозимҷон ин дафъа як мотосикли сечарха монд. Онро қариб соҳиб шуда буданд, вале дар наздикии пиллаҷо Шоҳасп дарди саҳтеро дар пойҳояш хис кард ва суръаташ суст шуд. Қодир ўро чунон девонавор қамчикӯб кард, ки ба тасвираш қалам оҷиз аст. Ба сабаби ба сечарха соҳиб шудани Халил - паҳлавон Қодир ўро қамчинкорикунон ҷониби сойҷаи муқобил тозонд. Бо ин дилаш хунук нашуду

вайро ба сӯи шудгорзамини пурбарфу лой ҳай кард. Баъди хеле вақт чилави ўро боз ҷониби қубкоригоҳ гардонид. Дигар Шохаспи то зону лойолуду то гулӯ ҷонбасершуда ва шип - шилтаи арақ сад қамчин меҳурд ҳам, ёрои як қадам бардоштан надошт. Дар бузқашии деҳаи Қаторбед низ кори онҳо омад накард. Қушишҳои Қодир беҳуда буданд. Ин дафъа Қодир «ҷазои ҷонгазою ҷонрабои» барои Шохасп кашф кард. Пешонидунг аз дарвоза ворид шудан замон Шохаспро дар яккамехи мобайни ҳавлӣ баста қантар кард. «Сапедаи ошиқинтизорро, ки шихақашон Шохаспро сӯи худ меҳонд», дуртар ба яккамех баст ва қамчинро ба даст гирифта, ин дафъа на Шохаспро, балки Сапедаро қамчинборон кард. «Шохасп шихақашон худро ҷониби Сапеда меафканд, ресмони абрешиминро густағӣ мешуд, яккамехро барқандан меҳост. Аммо гӯиё ресмонро аз торҳои оҳанин бофтаанду яккамех дар қабри замин реша давондааст». Шиха қашиданҳо, фаххас заданҳо, хез қарданҳо ва сӯм қуфтаниҳои Шохасп беасар буд. Пешонидунг то дилаш хунук шудан Сапедаро зад ва қамчинро сӯи Шохасп партофт. Шохасп аз ҳолати Сапеда ба рикқат омад, чунки «Сапеда дарак - дарак меларзид». Ба Шохасп суҳанони Қодир саҳт асар кард:

«- Ҳар гаҳе, ки ту шаҳдаӣ мекунӣ, гарданқашӣ мекунӣ, танбалӣ мекунӣ, дилбаракат ана ҳамин хел азоб хоҳад дид! Ҳоло аспи намешудагӣ аз оҷаш таваллуд нашудааст!»

Дар назари Шохасп Сабури Мирзо нисбат ба Қодир инсонранг аст, чунки ӯ хангоми пойи ўро наъли нав қардан чашмзаҳмиҳои вайро дид ва ба Қодир таъкид низ кард, ки ин чиз «дар ноомади қор аспро аз давш, одамро аз раваш мемононад». Сабур ба пойи ӯ марҳам баст, Қодир бо тавсияи ӯ аз Муллоқамар тӯмори чашм гирифт.

Шохасп нағз медонист, ки Қодирро аз асп афканда наметавонад, чунки ӯ ба ромкунию саворикуниҳои аспон низ машҳур аст. Қодир «ҷавонмарди чандиртану серрагупай, нотарсу шучоатманд» буда, «нишастӣ ӯ бар асп нишастӣ қалқот бар барраи сайдгардидаро мемонд. Асп ҳар қадар ҷароғтоя шавад, бардорозан қунад, осмонро хез кашад, ҳамааш барабас». Шохасп низ ба Қодир дигар тан наметод, сар намефурувард, ҳамон хел зӯӣ мекард (қисми 12).

Нависанда ҷовандози моҳир, бузқашӣ машҳурро дар назди ҳайвони бебабон, ҳайвоне, ки Қодир ўро ҷуз ҳайвон дигар чизе наметодонад, ночору нотавон тасвир кардааст. Ин аст, ки Қодир бо мошини Мурод хонаи Даврони Фарзон - қуҳансоҳиби Шохасп меравад. Фақат асрори гарданқашии Шохаспро Даврони Фарзон мекушояд ва ба Қодир таъкид менамояд, ки «- Қодир, на ҳар аспро ҳар тозада мувофиқ асту на ҳар тозандаро ҳар асп. Он макрамату марҳамате, ки ман ба Шохасп раво медидам, аксарият ба инсон раво намебинанд. Бо ту дурӯғу ба Ҳақтаоло рост, ман қамчинро қариб қор намефармудам. Мурдаро саризинқашӣ вазифаи ман буду моро сари пилларасонӣ вазифаи вай. Инро Шохасп медонист ва як хумбасе мекард, ки дар турфатульгаине ба марраи мурод бирасад».

Ҳамин тавр, Даврони Фарзон розӣ шуд, ки дар тӯли ду ҳафта бо писаронаш маслиҳат карда, Шохаспро гашта мегираду мошинҳои Қодирро бармегардонад. Барои қорхӯрда шудани мошинҳо ду бурдоқии дигар низ медиҳад. Қодир низ андешид, ки дар ин муддат «аз суми Шохасп алов мегирад», дар бузқашии деҳаи Зарсой барои ба даст овардани шутур ва мошин талош меварзад.

Нависанда барои тасвири вопасин иштироки Шохасп дар бузқашии Зарсой тамоми маҳораташро ба қор бурдааст. Ин дафъа Даврони Фарзон ҳам бузтамошо омадааст. Тибқи тасвири Салим «Ялони қубкоритоз аз қушқонаҳо ба қубқоричо рехтаанд. Майдон аспҷӯш буду дуёнагӣ одамҷӯш. Шохасп зери рони Қодир ором нафас мекашид». Азбаски Пешонидунг алҳол сӯи тӯда намеронд, ҳаёли Шохасп сӯи Сапеда пар мезад. Ҳақиқатан ҳам Шохасп маҳбубаи зебопайқараш Сапедаро дӯст медорад. Бисёр меҳонад бо Сапеда озод бошад, дар пайраҳои оҳуғзар, пуштлчу бесавор, беафсору беабзор, дар қуҳдоману ялангиҳо, оврингу селгаҳо, зиришқзори қатқистонҳо, вағничзори фарқистонҳо чаранд, дар паҳноҳо ёлафшон паранд, бозикунон гузаранд тангҳои шамолдавдро. Ӯ Сапедаро дӯст медорад, то вақте ки вай ҳаст, рафиқа ҷониби Сапеда гардан намеёзад, «зеро молики ин» малика Шохаспи адӯшикан аст». «Аҷаб ҳаловатест баъди девонагардиҳову тохтанҳо дар сабзозораке гардан ба гардан ёзидан!» (қисми 18).

Пеш аз саршавии бузқашӣ нависанда Даврони Фарзонро бо Дунгпешониву Шохасп охири бор рӯ ба рӯ мекунад. Шохасп бисёр чизҳоро ба мӯйсафед меҳонад гӯяд, дарди дил қунад, вале барои Шохасп ҳаминаш ҳаловатбахш буд, ки «дахони мӯйсафед дар гағзани буду дасташ дар ёли абрешимгунӣ Шохасп меҳазид, ҳар торашро мемолид. Марде занеро, падаре фарзандеро ҷунон наменавозид, ки ӯ аспӣ ҷигарпайвандашро. Шохасп вучуди навозишқоҳашро зери навозишборони мӯйсафед гузошта, мебуид вайро. Мебуид мӯйсафедрову дилаш аз шодиву алам лабрес мегашт». Шохасп бисёр меҳост, ки чун инсон забон барораду ба мӯйсафед гӯяд, ки «Эҳ, соҳибаки азизам, мӯйсафеди дилсафедам, маро ба оҳанпораҳои чархдор иваз намудино бузқаширо бас қардӣ!» Шохасп бисёр меҳост қиссаи муошиқаташро бо маҳбубааш Сапеда нақл қунад, азобу уқубати ба сараш овардаи Пешонидунгро гӯяд, ҷазоҳои эҷодкардаи он разилро нақл қунад ва таъкид намояд, ки «ин

бадсиришт агар маро занад, чисмам дард мекунад», аммо агар махбубаи мавзунхиromу зебоандомамро занад, «мағз – мағзи чонам месӯзад».

Нависанда бо садои чорчӣ, ки аз оғози бузкашӣ мужда меод, сӯҳбати мӯйсафеду Қодир ва андешаҳои Шоҳаспро қатъ намуда, рафти човандозиро ба риштаи тасвир мекашад. Шоҳасп, мувофиқи тасвири Салим, ин навбат кӯчқор, рӯйчою рӯболиштро дастбурди Қодир гардонид. Шоҳасп аз бурдҳо гӯё рӯҳбаланд гардида, барои бурди шутур бо тамоми қувва кӯшиш менамуд, вале ҳаромбозии соҳибаш Шоҳаспро суст кард: Қодир бо қамчин қавоқи асперо зада қаланд ва ҷӯи хун равон шуд. «Шоҳасп чашми хунрави ҳамчинсапро дида, қафору тиё дод» ва нусрат насиби савори аспи Сиёҳмушкин гардид. Тасвири ҳолати қахру қазабу алами Қодирро қалам бардошт надорад. Ҳолати девонавори Қодир аз уштурбурдкунӣ маҳрумшударо нависанда тавре рӯйи қоғаз овардааст, ки на танҳо Даврони Фарзон, балки хонандаро низ аз ҳодисаи ногуворе хушдор медиҳад, чунки дар Пешонидунг ҳашму аламу чунун чира шуда буданд ва ӯ аспро аз қубкоричо берун ронда, ба илтиҷову зории Даврони Фарзон гӯш надода, якҷайл ба сару гардану пушту паҳлуяш қамчин мезад. Даврони Фарзон аспи ҳамсоҷаш Ғазанфарро гирифта, аз қафояш тозонд, «аспи Ғазанфар чорхез метохт, аммо ба назари мӯйсафед марқаб ворӣ мерафт» (қисми 18).

Нависанда боз ба Шоҳасп рӯ меорад. Ин дафъа ӯ охири маротиба андешаронӣ мекунад. Бисёр меҳодад, ки қахри соҳибаш паст гардаду ба қубкоричо ӯро баргардонад, вале қазаби ӯ охир надошт. Аз Зарсой то Шутурқӯхон тақрибан панҷ километр роҳ якҷайл Шоҳасп қамчин меҳурду қамчин меҳурд. Шоҳасп дарк кард, ки ҷониби хона равонанд. Аввал хурсанд шуд, ки махбубашро мебинад, вале якбора ба сараш зад, ки Пешонидунг Сапедаро низ қамчинборон хоҳад кард. Танаш вичиррос зад. Шоҳасп кӯшиш мекард, ки бо кадом роҳе набошад, махбубашро аз қину азоби даҳшатноки Қодир халос кунад. Чанд дафъа ӯро кӯшиши афтондан кард, вале бенатиҷа. Қодир бештар барошӯфту «бо қамчиндаста зарбаи ҷонқоҳе ба тораки сари ӯ фурувард ва асп ангошт, ки қалпоки сараш дарҳам шикаст ва аз чашмонаш оташак барҷаст» (қисми 19).

Шоҳасп дигар саргичу аламзадаю қазабнок дар пеши назараш симои Сапеда медавид. Ӯ ягона роҳи халосии худу Сапедаро аз Пешонидунг дар он дид, ки «шиҳае кашиду савораашро ба жарфои ҷаҳаннамгуни Сиёҳҷар андар парид».

Дар қисмати охири асар Салими Зарафшонфар Даврони Фарзонро савори аспе тасвир кардааст, ки дар назараш аз хари кохилтарин ҳам ноҳамвор метофт. Мӯйсафед бо шунидани «акси садои кӯҳларзону камарчунбон» хангоми боло шудан аз кӯтали Шутурқӯхон намедонист, ки ин пешхабари фоҷиаи ислохнопазирест».

Нависанда бо зикри ҷумлаи охири асар хонандаро боз ба қисми яқум, ба ғӯри рамзии писарак бармегардонад, чунки мӯйсафеди Даврони Фарзон «аз ин баъд, ҳар гоҳи убури ҳамгашти Кача на танҳо ба рӯҳи писараки ғофилмарг фотиҳа хонда, балки инчунин болоирода Қодирро нафрин намуда ва ба ёди Шоҳаспи бемонанд охи пурсӯз кашидаву ашк фишонда хоҳад гузашт».

Салими Зарафшонфар бо эҷоди повести хурди «Шоҳасп» бори аввал дар таърихи адабиёти тоҷик образи аспи бузиро офарид. Шоҳаспи Салим аспи оддӣ нест. Ӯ мисли инсонҳо ба некон нек асту ба бадон бад. Бо золимону разилон тандех нест, бо онҳо дар пархош аст. Ин аст, ки ӯ барои қасос аз рақибаш, барои раҳонидани ҷони махбубаш Сапеда худро ба ҷанголи марг мекашад, вале савораи одамсурати даррандасираташро низ маҳв месозад.

Салим бо офаридани повести хурди «Шоҳасп» хонандаро хушдор медиҳад, ки нисбат ба ҷонвари дастомӯзу дастёру хизматгузори инсон - асп дилсӯз бошанд, ҷаҳони ботинии ӯро фаҳманд ва бо вай одамвор муносибат кунанд, зеро асп ҳам диле дорад.

АДАБИЁТ

1. Салими Зарафшонӣ. Хунбаҳо. - Душанбе: Адиб, 1990.
2. Салими Зарафшонфар. Шоҳасп (Повести хурд). II Ҷумлаи «Ҷавонони Тоҷикистон», 27.07.2001 - №30(8681) - қисмҳои 1-3, 3.08.2001 - №31(8682) - қисмҳои 3-6, 1.08.2001 - №32(8683) - қисмҳои 7-11, 17.08.2001 - №33(8684) - қисмҳои 12-14, 24.08.2001 - №34(8685) - қисмҳои 15-17, 31.08.2001 - №35(8686) - қисмҳои 18-20.

ТЕМАТИКА И ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ИЗОБРАЖЕНИЕ КОНЯ В ПРОИЗВЕДЕНИИ САЛИМА ЗАРАФШОНФАР

Салим Зарафшонфар в поэтическом произведении «Спасенный конь» описывает образ коня Барфзод, при посвящении маленькой повести «Главный конь» определил образ наездных коней и посвятил этой теме. Салиму особенно легко дается художественное изображение мира коней.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: поэтическое произведение «Спасенный конь» Салима Зарафшонфар, изображение образа коня в произведении Салима Зарафшонфар, образ наездных коней, художественное изображение мира коней.

THE THEME AND THE ARTISTIC REPRESENTATION IN THE WORK OF SALIMI ZARAFSHONFAR

If Salimi Zarafshonfar entered the theme of horse by creating a poem of "Aspi vorasta" the ideal image of Barfzod, after creating a shot story "Shohasp" he has improved this theme. Especially Salim could represent the world of horse very well.

KEYWORDS: poetical product «The rescued horse» Salim Zarafshonfar, the image of an image of a horse in product of Salim Zarafshonfar, an image horses, the art image of the world of horses.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: *Хасан Муродиён* – доцент кафедры таджикской литературы и журналистики Курган-Тюбинского государственного университета имени Носира Хусрава. **Телефон:** 907-76-80-16

ОРОЯҶОИ ШАКЛИ ВА МАЪНАВИИ АШЪОРИ МУҶРИМИ РОҶИ

Қ. Наимов

Донишгоҳи давлатии Қўрғонтеппа ба номи Носири Хусрав

Бадеият яке аз хусусиятҳои хоси осори адабист. Ашъори бузургтарин намоёндагони адабиётмон аз он сабаб ба дили хонанда ҷой гирифтааст, ки дар онҳо маъниҳои оли ва бикр дар ниҳояти дилкашӣ ифода гардида, бо перояи бадеият ороиш ёфтааст. Дар ашъори шоирон ғояҳои баланд, маъниҳои барҷаста ва мазмунҳои нозуку латиф дар шакли зебо, бо калима ва таркибҳои суфтаву ҳамвор бо роҳи тасвири бадеии санъатҳои адаби ифода ёфтаанд. Воситаҳои тасвири бадеӣ як ҷузъи муҳими асари бадеӣ мебошанд, ки адиб онҳоро барои ифодаи мақсади асосии худ истифода менамояд, ҷунки санъатҳои бадеӣ барои дилчаспу форум ва таъсирноку ҷозибадор баён кардани мазмун ва ғояи асар нақши бориздоранд.

Дар шеъри Мучрим санъатҳои бадеӣ фаровон истифода шуда, бадеият ва хусни сухани шоирро афзудаанд. Шоир ҳам тасвирҳои маъмулро ба кор мебарад, ки то замони ӯ маъмул буданд ва ҳам дар ин замина ба тозақорию навпардозӣ даст мезанад. Албатта, дар шеъри форсии тоҷикӣ такрори тасвирҳо амре табиист, вале маҳорати шоирон дар мавқеи истифодаи онҳо зоҳир мегардад. Аз миёни санъатҳои бадеӣ бештар тавсиф, ташбеҳ, истиора, ирсоли масал, тазод ва мутобиқа, таҷнис ва тақрор дар шеъри Мучрим мавриди истифода қарор гирифтаанд.

Тавсиф. Тавсиф дар китобҳои шеършиносии гузашта ҷузъи хунару санъат шинохта нашудааст, вале дар асарҳои назарии асрҳои охир донишмандони аврупоӣ он ҷун ҷузъи баён ва воситаи тасвир эътироф шудааст. Дар адабиётшиносии русӣ тавсиф ҳамчун воситаи баён ва ибтидои бадеият шинохта шудааст. Ба назари Томашевский Б.В. «тавсиф ба сухан оҳанги муассирӣ мебахшад ва вазифаи он таъкид ва ба дараҷаи аввал баровардани аломати муайяни мавсуф мебошад. Яъне, ба ибораи дигар сифати умдгарини онро, ки бе он ҳам доро мебошад, дар мадди назари хонанда ҷилва медиҳад»[1].

Профессор Х.Шарифов андеша дорад, ки «...асоси ҳамаи образҳо ва тасвирҳои фаҳлавиёт, шеъртарона ва афсонаҳои халқӣ тавсиф мебошад. Ломаҳол дарёфти ҳиссии ашъ ба воситаи сифати он мумкин аст ва таъбири «абри сиёҳ», ки абр бо ин сифат аз кулли абрҳо фарқ дорад, аз мушоҳидаи ҳиссии ҳосил шудааст»[2].

Воқеан, тавсиф ҷун ибтидои маърифати зебоишиносӣ ва зинаи аввали тасвирҳои ҳаёлият. Тасвири ашъ ё инсон нахуст аз мушоҳидаи ҳиссии онҳо моя гирифта, тавассути қиёс бо дигар шайъ бо таҳриқи отифаи дарунӣ арзи ҳастӣ менамояд ва тавсиф дар ин замина метавонад танҳо барои тасвири образи шеърӣ истифода шавад, ё ҳамроҳ бо дигар воситаҳои тасвир.

Мучримӣ Роҷи таҷрибаи шеърӣ адибони гузаштаро омӯхта, дар ин замина дар тасвири образҳои шеърӣ гоҳо ба навоҷарӣ даст задааст. Маълум аст, ки баъзе тасвирҳо дар шеър бисёр тақрор мешаванд ва як навъ қолаби тайёре ҳастанд, ки шоирон аз он дар бинои шеърӣ худ истифода мебаранд. Вале қисмате аз ин маводи тайёр вобаста ба мавқеи истифодаи гоҳо ҷун тасвири тоза ба назар мерасанд. Ин ҳолатро дар шеърӣ адибони зиёде мушоҳида кардан мумкин аст. Ба назари мо, ин вобаста аз хунару маҳорати шоир аст, ки мавқеи хоси истифодаи саноеъро пай бурда, баъзан хунари баланд нишон медиҳанд. Дар шеърӣ Мучрим ҳам гоҳо ҷунин хунаромандӣ ба назар мерасад. Масалан:

Домани васл агар бар кафи афсӯс расад,
Ёди ҷавру ситами шӯхи ҷафочӯ накунам.[3]

Дар ин байт тавсиф дар ибораи шӯхи ҷафочӯ омадааст, ки ҷафочӯ сифати маъшуқи бераҳму ситамкор буда, дар шеъри форсӣ-тоҷикӣ маъмул аст. Таъкиди ҷавру ситам дар оғози мисраъ таносуби суханро афзудааст. Дар ин ибора ду санъат аст: яке тавсиф (ҷафочӯ) ва дигаре истиора (шӯх). Шоир ба ҷои ёр сифати шӯхчашмии ёро дар мадди назар дошта, чунин истиора сохтааст, ки аз як тараф жарфсохти тавсифӣ дорад.

Дар байти дигар шоир ду тавсиф: шӯхшанг ва сурмарангро ба кор бурдааст, ки яке сифати нигоҳ аст ва дигаре сифати чашми маҳбуба:

Нигоҳи шӯхшанг аз ту, ду чашми сурмаранг аз ту,
Ҳама тири хаданг аз ту, умеди захми ҷон аз ман.[4]

Сифати ноз барои қад то андозае нав аст, зеро бисёр нодир буда ва то ҳол дар шеъре ба чашми мо нарасидааст:

Зи оғӯши қади нозаш кушудам,
Канореву канореву каноре.[5]

Дар девони Мучрим бо ғазалҳое вомеҳӯрем, ки асосан бо ёрии санъати тавсиф сохта шудаанд ва асоси тасвиру баёни маъниҳои бикри онҳоро тавсиф ташкил мекунад. Чунончи, дар ин ғазал:

Надонам аз чӣ ранҷидӣ бути номехрубони ман,
Баҳори чилвазор аз ту, гули фасли хазон аз ман.
Гул аз ту, гулшан аз ту, қомати сарви чаман аз ту,
Май аз ту, мутриб аз ту, базмгоҳи ошиқон аз ман.
Тамошои баҳор аз ту, ҳучуми лозазор аз ту,
Тамоми сӯхбат аз ту, қиссаи оҳи фиғон аз ман.
Нигоҳи шӯхшанг аз ту, ду чашми сурмаранг аз ту,
Ҳама тири хаданг аз ту, умеди захмҷон аз ман.
Ҷунунандударо аз кишвари савдо чӣ мепурсӣ,
Тамоми олам аз ту, Лайлии номехрубон аз ман.
Гул аз ту, булбул аз ту, чилвазори арғувон аз ту,
Гули садбарг аз ту, рангу бӯи заъфарон аз ман.
Димоғи тоза аз ту, ҳарфи мавзунӣ баланд аз ту,
Ҳучуми ғафлат аз ту, Мучримӣ бехонумон аз ман.[6]

Агарчи қисмати аз тавсифҳои шоир маъмулиянд, вале дар ин ғазал, ки саропо бо тавсиф сохта шудааст, то ҳадде наву тоза ба назар меоянд. Зеро шоир бо маҳорати баланде ҳар як тавсифро дар мавқеи худ ба кор бурда, гоҳо дар як байт то се- чор тавсифро истифода намудааст, ки бисёр нодир аст.

Тансиқи сифот ё сифатчинӣ. Дар китобҳои бадеии гузашта чида шуда омадани сифат (тансиқи сифот) аз ҷумлаи санъат ва ҳунари бадеӣ шинохта шудааст. Имрӯз низ ин қисмати тавсиф дар адабиётшиносии тоҷикӣ форс маъмул аст. Тансиқи сифотро дар баъзе китобҳои шеършиносӣ аз саноеи маънавӣ ва дар баъзе китобҳо аз ҷумлаи саноеи лафзӣ зикр кардаанд.[7] Ин санъат, илова бар он ки сифати умдаи шайъ ё образи шеърро мурағаб ва муназзам зикр мекунад ва аз лиҳози муассирию зебоишиносӣ мумтоз аст, инчунин як навъ мусиқии маънавии шеър (ё байт)-ро ба вучуд меорад. «Тансиқи сифот, - менависад Шафеии Кадқанӣ, - чандин сифатро дар начисе (тартибе) хос пушти сари ҳам биёваранд ва пайдост, ки чунин назме худ бархӯрдор аз навъе мусиқии маънавӣ аст»[8]. Дар шеъри Мучрим ин санъат зиёд ба кор рафтааст:

Дидам ба назар як санами тӯрфа нигоре,
Ширинсухани моҳваши лолазоре.[9]

Ба гулшан гар хиром орад қади гулгунҷаи нозаш,
Фурӯғи нозуки аз қомати сарви равон варзад.[10]

Аҷоиб шӯхчашми фитнаангезу ҷафочӯӣ,
Ки гар номаш бигирӣ дар даҳан дарди забон варзад. [11]

Ё раб, ин шӯхбут, ё сангбут, ё симобваш,
Ё хаданги ҷони ошиқ, ё сари савдост ин?[12]

Тавре ки дида мешавад, Мучрим дар истифодаи тавсиф ва тансиқи сифот маҳорати баланд дошта, дар баробари тасвирҳои зебо ба оҳангнокӣ ва мусиқавияти шеъри худ низ диққати махсус додааст.

Ташбеҳ. Ташбеҳ устувортарин ҷузъи баён ва яке аз серистеъмолтарин воситаҳои баёну тасвир аст. Дар адабиёти ҳамаи халқҳои ҷаҳон ташбеҳ мавқеи муҳим дошта, беҳтарин тасвирҳо дар ҳавзаи

ташбеҳу истиора ба вучуд меоянд. Дар шеършиносии гузашта ва муосири форсӣ-тоҷикӣ ташбеҳро ба ҳафт навъ тақсим кардаанд, ки ҳам дар тасвиросозӣ ва ҳам баёни маонии тоза нақши муассир доранд.

Дар шеъри Мучрим низ ташбеҳ мавқеи муҳим дорад. Дуруст аст, ки дар шеъри шоир на ҳамаи анвои ташбеҳ ба назар мерасанд, вале қариб дар ҳамаи ғазалҳо бо ин навъи санъат вомехӯрем. Шоир ҳам ташбеҳоти маъмулии шеъри гузаштгаро моҳирона ба қор мебарад ва ҳам худ дар ин ҷода тозақорӣ дорад. Дар баъзе ғазалиёт қариб дар ҳар як байт ташбеҳро ба қор бурдааст, ки нигораҳои зебоеро мемонад. Чунончи дар ин ғазал:

Қомат аст ин, ё алиф, ё мактаби дилҳост ин,
Ё ниҳоли ишқ, ё нахли қади яқтост ин.
Пайкари рӯҳ аст, ё андозаи моҳи тамом,
Ё гули нозукбадан, ё сурати зебост ин.
Ё раб ин шӯхбут, ё сангбут ё симобващ,
Ё ҳаданги ҷони ошиқ, ё сари савдост ин.
Уқдаи ҷон аст, ё занҷири пои ошиқон,
Чунбиши нози чаман, ё зулфи анбарсост ин.
Офтоби равзани дил, ё бути Хоразми Чин,
Шамъи базми қудсийн, ё кавқаби самост ин...
Маҳфили айш аст, ё хилватғаҳи боғи Ирам,
Ошёнӣ булбулон, ё қасри ёри мост ин.
Ҳандаи раҳм аст, ё ҷайби қабои маҳвашон,
Ё қамиси лола, ё чоки дили шайдост ин.
Пешвои ошиқон, ё андалеби инсу ҷон,
Туғии ширинзабон, ё Мучримӣ гӯест ин.[13]

Чунонки мебинем, дар ҳар як байти ин ғазал ташбеҳ мавҷуд аст ва асосан ҳамин санъат боиси офариниши маъниҳои тоза ва тасвириҳои дилҷасп дар ин шеър гаштааст. Баъзан дар як байт ду - се ташбеҳ дида мешавад ва шоир барои ташбеҳшаванда ду ё се ташбеҳқунанда меорад, ки инро мо қариб дар ҳамаи байтҳои ғазал мушоҳида мекунем. Дар баробари ташбеҳ тавсифу истиора низ дар ин ғазал истифода шудаанд.

Гоҳ шоир ташбеҳҳои ғайримаъмулиеро ба қор мебарад, ки онҳоро дар шеъри шоирон кам вомехӯрем. Ин навъи ташбеҳҳо ро ғайримунтазира ё хилофи омад меғӯянд. Чунин ташбеҳсозӣ ё тасвириро адабиётшиносии эронӣ Сайид Муҳаммади Ростгӯ «хилофи омад» ё «қаҷоварӣ» номидааст[14]. Адабиётшиносии тоҷик Б.Мақсудов бар он аст, ки: «чунин тарзи ташбеҳсозӣ ва тасвиросозиро ба истилоҳи адабиётшиносии аврупоӣ парадокс меноманд, ки аз калимаи юнонӣ буда, маънии он ғайримунтазира, аҷоиб мебошад»[15]. Масалан, дар ин байти Мучрим чунин навъи ташбеҳ дида мешавад:

Агар таъмири тоқи абрӯяш бинад ҳилоли нав,
Барои нусхагирӣ аввали шаб интизор ояд.[16]

Дар ин ҷо шоир ҳилол, яъне моҳи нопурраро ба абрӯи ёр ташбеҳ кардааст, ки маъмулан шоирон абрӯро ба ҳилол монанд мекунанд ва ин аз навовариҳои Мучрим дар ҳавзаи тасвир мебошад.

Баъзан дар шеъри шоир бо ташбеҳи тамсилӣ вомехӯрем, ки ташбеҳқунанда ҳукми масалро мегирад. Масалан:

Қурби ту бар гавҳари мақсуди Мучрим ин бувад,
Чун гиёҳе мавҷ меорад бурун аз обҳо.[17]

Дар шеъри Мучрим изофаҳои ташбеҳӣ низ зиёд аст. Чунончи:

Ҳар кӣ бар занҷири зулфат аз салосил тоб дод,
Забти тамкини маро бар чефаи симоб дод...[18]

Зи ҳар паҳлу занад неше ба ҷонам ақраби зулфат,
Ба гӯши чашми мастат кай расад фарёду афғонам.[19]

Эй зи ҳаҷрат шӯриши ишқаст дар майхонаҳо,
Пиставу бодомии чашмат медиҳад дилро ҷило.

Ғар ту ори дар назар нахли қадатро дар хиром,
Сарв аз дасти хичолат мефурушад нангу ном.[20]

Ҳамин тариқ, Мучрим дар истифодаи ташбеҳ маҳорати баланд нишон дода, дар баробари истифодаи ташбеҳҳои маъмулӣ ба тозақорӣ низ даст задааст.

Истиора. Аҳли балоғати Шарқ (Арабу Аҷам) истиораро як навъи маҷоз медонанд ва наздикии онро ба ташбеҳ зикр кардаанд.[21] Арасту истиораро кӯтоҳшудаи ташбеҳ гуфтааст ва аксари муҳаққиқони русию аврупоӣ ҳамин фикрро тасдиқ кардаанд.

Агарчи нақши маҷоз дар сохтмони истиора бориз аст, аммо дар шеърӣ форсӣ, махсусан ғазал истиора бештар фишурдаи ташбеҳот аст. Яъне ташбеҳоти маъмулӣ ба сабаби касрати истеъмоли ихтисор шуда, ҷои худро ба истиора додаанд. Баъзе шоирон низ кӯшише барои эҷоди истиораҳои зебо намудаанд.

Дар баъзе шеърҳои шоир гоҳо санъати асосӣ истиора аст, ки бештар ҷанбаи ташбеҳӣ дошта, дар баробари тасвири зебо будан дар риояи таносуби калом нақши муассир доранд. Масалан, дар мухаммаси зайл калима ва ибораҳои ғунҷаи лаъл, ҷоми май лаъл, гул истиора мебошанд, ки ибораҳои аввалу дуюм истиора аз лабу даҳон ва калимаи гул истиора аз ёр мебошанд:

То ғунҷаи лаълаш зи табассум шуда хандон,
Сад гул баровард сар аз ҷайби гиребон.
Аз ғайзи баҳораш шуда хуррам чаманистон,
Муштоқи ду чиз аст дар ин ҷо дили ҳайрон,
Аз ҷоми май лаъли гули ғасли баҳоре.[22]

Дар байти дигар калимаи нарғис истиора аз ҷашм аст, ки дар баробари он шоир санъати тавсифро ба кор бурда, сифати шӯхро барои ҷашм овардааст:

Нигоҳи нарғиси шӯхе, ки оғозам ниҳон варзад,
Ҳавас бар ҳайрат анҷомад, тағофул аз миён варзад.[23]

Дар байти дигар ду истиора истифода шудааст: яке лаъл ва дигаре бодаи лимӯ, ки ба ҷои лаб ва бӯса истиора шудаанд:

Аз май лаъли ту аз ҷоми ҳавас нӯш кунам,
Ёди ҷоми Ҷам аз ин бодаи лимӯ накунам.[24]

Дар шеърӣ Мучрим истиораҳои зиёди маъмулӣ ва ғайримаъмулӣ, чун сарв, гул, лаъл, райҳон, шӯх, ҳилол, моҳ ва ғайра бақор рафтаанд, ки гувоҳи таҷрибаи бойи шоир дар тасвир мебошанд.

Ирсоли масал. Бояд гуфт, ки ин санъат бештар дар шеърӣ сабки ҳиндӣ истифода мешавад ва яке аз вижагиҳои сабки ҳиндӣ ҳам ба кор бурдани масал, ё худ ирсоли масал мебошад.

Шамсиддин Муҳаммад ибни Қайси Розӣ дар китоби «Алмуъҷам» доир ба санъатҳои зиёди бадеӣ, аз ҷумла, ирсоли масал таваққуф карда, барои исботи фикраш мисолҳои фаровонро аз эҷодиёти ҳафтад нафар шоирони гузаштаву муосири худ зикр менамояд. Ӯ мегӯяд: «Ирсоли-фиристодан аст. Масал-ривоятест, ки дар байни умум вирди забон гаштааст ва шоир барои тақвӣи даъвои худ аз зиндагӣ мисоле меорад.»[25]

Ирсоли масал дар луғат ба маънии равон кардани масал, овардану эрод кардани суханони машҳуру вирдизабонбуда, ҳамчун истилоҳ яке аз санъатҳои бадеии маънавии назму насри адабиёти форс- тоҷик аст, ки дар он шоирону нависандагон барои тақвияти фикр ва ороиши сухан зарбулмасалу мақолҳои дар байни мардум маъруфу машҳурро истифода мебаранд ва ё худ сухани ҳикматомезе мегӯянд, ки оҳиста- оҳиста вирди забон гашта, ба ҳукми зарбулмасалу мақол мебарояд.

Дар хусуси санъати ирсоли масал дар сабки ҳиндӣ адабиётшиноси маъруфи тоҷик Худой Шарифов дар мақолае ба ном «Сабки ҳиндӣ» чунин изҳори андеша кардааст: «Маъмулан дар шеърӣ сабки ҳиндӣ мисраи дуҷоми байт мисраи якумро шарҳ медиҳад. Мисраи якум тасдиқоти зехнӣ буда, мисраи дуюм дар шакли масале намоиши бадеии он аст».[26]

Дар ғазалиёти Мучрими Роғӣ ин навъи санъат ба тарзи фаровон истифода шуда, ашъори ӯро обуранги тозаву навине бахшидааст, ки ба шеваи суханофаринии ӯ мутобиқат мекунад. Чунончи, дар мағлаи ғазалҳои зайл шоир санъати ирсоли масалро дар мисраҳои дуввум истифода намуда, ба туфайли онҳо фикрро тасдиқ ё инкор намуда ва ё дар ҳолати муҳокима гузоштааст:

Тавозӯҳои дунёро ба таъби хештан мапсанд,
Намебинӣ фиребонанд гирди сар фалохунро.[27]

Мучрим надошт ғусса зи хайли адӯи ғам,
Чизи ба бодрафта ба ғорат намерасад.[28]

...Ин дили ишқбурдаро аз кӣ суроғ мекуни,
Барраи назркардаро гург чиву савор чи.

...Ваҳшии ман намешавад банд ба қайди доми кас,
Мучрими нотавонро сайд чиву шикор чи.[29]

Ҳамин тариқ, баррасии санъатҳои бадеӣ дар ғазалҳои Мучрим моро ба хулосае меорад, ки шоир беш аз ҳама аз он санъатҳои маънавӣ ва лафзӣ, ки барои баёни эҳсосоти авотифи пурсӯзу гудози ошиқона муносиб ва созгоранд, истифода намудааст. Шоир дар баробари идомаи суннати гузаштагон ва истифодаи тасвирҳои маъмул ба навпардозии тозақорӣ низ даст зада, гоҳо тасвирҳои бисёр зебо ва нодирро ба кор бурдааст.

АДАБИЁТ

1. Томашевский Б.В. Теория литературы. Поэтика. - Москва: Наука: Аспект пресс, 2001, - с. 201.
2. Шарифов Х. Каломи бадеъ.- Душанбе: Маориф, 1991.- с. 83.
3. Мучрими Роғӣ. Девони ашъор, нухайи қаламӣ.-1878.-с.78.
4. Ҳамон ҷо. с.88.
5. Ҳамон ҷо. с.84.
6. Ҳамон ҷо. с.88.
7. Муҳаммадризо Шафеии Қадқанӣ. Муסיқии шеър.-Техрон: Огоҳ, 1373.-с. 86.
8. Ҳамон ҷо. с.312.
9. Мучрими Роғӣ. Девони ашъор нухайи қаламӣ.-1878.-с. 86.
10. Ҳамон ҷо. с.82.
11. Ҳамон ҷо. с.82.
12. Ҳамон ҷо. с.92.
13. Ҳамон ҷо. с.92.
14. Сайид Муҳаммади Росту. Хилофи омад ё қачоварӣ. №9, с. 29-31
15. Мақсудов Б. Рӯзгор ва осори Камоли Хучандӣ.- Душанбе: Ирфон, 1994.- с. 123.
16. Мучрими Роғӣ. Девони ашъор нухайи қаламӣ.-1878 х.-с19.
17. Ҳамон ҷо. с. 81.
18. Ҳамон ҷо. с. 74.
19. Ҳамон ҷо. с. 89.
20. Ҳамон ҷо. с. 94.
21. Шарифов Х. Каломи бадеъ.- Душанбе: Маориф, 1991.-с.101-102.
22. Мучрими Роғӣ. Девони ашъор нухайи қаламӣ.-1878.-с. 86.
23. Ҳамон ҷо. с. 77.
24. Ҳамон ҷо. с. 73.
25. Шамси Қайси Розӣ. Алмуъҷам. Муаллифи сарсухану тавзеҳот ва ҳозиркунандаи чоп У. Тоиров. Душанбе: Адиб, 1991.с. 384.
26. Қомуси шӯравии тоҷик (Э.С.Т). ҷ. VI, Душанбе, -1986. с. 468.
27. Мучрими Роғӣ. Девони ашъор нухайи қаламӣ.-1878. с. 93.
28. Ҳамон ҷо.с. 90.
29. Ҳамон ҷо. с. 34.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ В ПОЭЗИИ МУДЖРИМА РОГИ

Автор в данной статье приводит мысли об использовании художественных произведений в поэзии таджикского поэта XIX и начала XX в. Муджрима Роғи. Он также в этой статье доказывает новшества поэта.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: поэзия Муджрима Роғи, использование художественных произведений в поэзии Роғи, художественное мастерство поэта.

FICTION ART IN POEMS OF MUJRIMI ROGHI

In the given article the author is expressing his idea about the usage of fiction art in poems of Tajik poet of XIX-th and the beginning of XX eth century Mujrimi Roghi, and proves the poet's innovation in this chapter.

KEYWORDS: poetry of Mujrim Roqi, use of works of art in poetry of Roqi, art skill of the poet.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: *К.Наимов* – старший преподаватель Курган-Тюбинского государственного университета им. Носира Хусрава. **Телефон:** 935-24-91-55

РАНГИ МАЙИ РҶДАКӢ

Варқа Охониёзов
Пажӯҳишгоҳи улуми инсонии АИ ҚТ

Бинобар ҳисоби муҳаққиқи адабиёти классикии тоҷик Ш.Р. Исрофилниё «дар ашъори боқимондаи Рӯдакӣ мафҳуми май 37 маротиба, бода -11, набид –4 ва шароб –1 бор ба қор рафтааст» (2, 63). Муҳаққиқ «мафҳум» гуфта калимаҳои мафҳуми май ифодакунандаро дар назар доштаст ва муҳим ин ки дар чунин миқдори ками ашъор ба ин дараҷа истифода гардидаи асмои май нишондиҳандаи то дараҷае дар замони Рӯдакӣ побарҷой будани ин расми қадимаи ниёкон мебошад. Ногуфта намонад, ки майю майгусорӣ расми қадимаи пешазисломии мардумони эронитабор буда, онро танҳо ва танҳо ба хопири чашне ва ё шукӯхе анҷом меоданд. Майгусорӣ расму қонуни худро дошт ва на ба хопири гурез аз саҳтихову бадбахтихо, балки ба унвони пирӯзӣ, наврӯзӣ, хушрӯзӣ ва дилсӯзии ҳамдигарӣ барпо мегардид. Дар ашъори дастраси Рӯдакӣ низ ин масъала ғолибан бар ҳамин маъност ва собитии идомаи анъанаи хамриясароист (Ниг.: 1, 211-215; 2, 63-69; 3, 125-135; 6, 700-702)

Ғарз аз муқаддимае чунин на таҳлили қавонин ва сунуни майю майгусорӣ дар замони Маликушшуарост, балки гушзади муҳимияти масъала аст, ки дарк ва таҳлили он дар оянда зарурият дорад. Мақсади мақола бошад, нишон додани як сифати май, ки боиси истифодаи зиёди он дар ашъори шоир гардидааст, мебошад.

Андар тақсими «қорбурди алфози хароботӣ ё худ хамриёти шоир» ба «се даста»-и зер мо аз муҳаққиқ Ш.Р. Исрофилниё ҷонибдорӣ мекунем:

- 1) Тасвири тарзи истеҳсоли шароб.
- 2) Май ба ҳайси мабдаи тасвир.
- 3) Май ба сифати воситаи тасвир (2, 63).

Агарчи ҳар се даста ҳам киро ва сазои таҳқиқу таҳлили алоҳида мекунанд, мо чанд афкори муҷмалро оиди масъалаи «май ҳамчун мабдаи тасвир» меҷӯем мавриди тавҷаҳҳуи аҳли назар қарор диҳем.

Чист он сифате, ки майро ба ҳайси ашъи тасвири шоир қарор додааст?

Бешак ин сифат ранг аст. Ранг аст, ки аз хосияти сархушкунии май дида, дар ашъори Рӯдакӣ муқаддамтар гардидааст. Қасидаи машҳури «Модари май» дорои абёте мебошад, ки бехтарин сифоти ин нӯшоқаро бо олитарин тасвирот дар бар дорад. Албатта, барои шоир ва умуман, барои ҳар нафар, ки мақсади истеъмол ё истифодаи хамр мекард, нахуст сифату дараҷаи онро дониستانӣ мешуд. Ин ҳолат натавон ба май, балки ба тамоми он чизе, ки инсон хоҳиши доштани онро изҳор мекунад, мадҳал аст. Ашъи сифату хосияти паст доштаро харидор кам аст ва ё умуман нест. Ва ҳар ашъро сифатест, ки онро дар назари харидор-истеъмолкунанда мӯтабар ё зишт мегардонад. Майе, ки Рӯдакӣ васф мекунад, майи холис, майи соф, майе, ки «ёкути ноб»-у «теги баркашида пеши офтоб» аст. Чунончи мегӯяд:

Биёр он май, ки пиндорӣ, равон ёкути ноб астӣ,
Ва ё чун баркашида теғ пешои офтоб астӣ.
Ба покӣ гӯӣ андар ҷом монанди гулоб астӣ,
Ба хушӣ гӯӣ андар дидаи бехоб хоб астӣ. (Ниг.: 2, 63; 9, 453)

Дар баробари «ёкути ноб» шоир аз иборати «ёкути сурх» низ андар тавсифи майи холис истифода намудааст, ки ба маънои лаъл, санги қиматбаҳои сурхи шаффоф, ки дар кӯҳсори Бадахшон макон дорад ва ба унвони нигини Бадахшон ҳам ёд мешавад. Чунончи:

Чун бинишинад тамому софӣ гардад,
Гунаи ёкути сурх гираду марҷон. (5, 506)

Ҳамин маъниро шоир дар байти дигар бо иборати «гавҳари сурх» дар «кафи Мусии Имрон» ифода намудааст, ки ишора ба «Яди байзо»-и Мӯсо Пайғомбар мебошад. Ин тасвирот ишораест ба он ривояти динӣ, ки мӯъҷизаи дасти Мӯсо Пайғомбарро ташреҳ медиҳад. Мувофиқи ин ривоят, «гӯё Мӯсо дар шаби торе дасташро зери бағал мегузорад ва бо ваҳӣ Худо онро боло мебардорад, ки атрофро чун машғал рӯшноӣ менамояд» (8, 307). Маҳз майи расидаи софгашта андар зарфи булурин-шишагин мисли лаъл мекурашид ва ба атроф нур мепошид.

В-ар ба булур андарун бубинӣ, гӯӣ,
Гавҳари сурх аст ба кафи Мусии Имрон. (5, 506)

Дар байти дигар Рӯдакӣ ин тавсифро дар иборати «маи лаъл» ҷой додааст, ки ин аст:

Маи лаъл пеш ору пеши ман ой,
Ба як даст ҷому ба як даст чанг. (5, 504)

Иборати «маи лаъл» ҳамон истиораи «ёкути сурх» ё ташбеҳи май ба лаъл аст, вале шоир бо ҳамаи ин ташбеҳоту истиорот наёсуда, иборати баръакси «маи лаъл» - «лаъли май»-ро истифода кардааст, ки ба сифати майи дар мобайни хум ҷамъомада далолат мекунад. Вобаста ба таҷрибаи илм, кашиши зарраҳо ва ҳуҷайраҳои чизҳои моеъро бавучудоранда ба маркази модда аст ва бинобар ин, ҳангоми дар зарф ҷой додани моеъ маркази он дорои зичтарин ҳуҷайрот мебошад. Шоир ҳаминро дар назар дошта, сурхии миёнаи хуми майро бо иборати «лаъли май» тасвир намудааст.

Лаъли майро зи дурчи хум пур каш,
Дар кадунима кун, ба пеши ман ор.(5, 501)

«Лаъл» гуфта, ранги сурхи баланди майи холисро дар назар доштани шоир дар байти поёнӣ низ ба назар мерасад. Дар ин тавсиф мисли лаъли сурхи Бадахшон чандин дилҳову рӯйҳои сурх аз майи сурх пайдошуда таъкид гардидааст:

Чанд аз ӯ сурх чун ҳақиқи ямонӣ,
Чанд аз ӯ лаъл чун нигини Бадахшон. (5, 506)

Дар мисраи аввали байт бошад, шоир сурхии лабони мавсуфро ба ақиқи Яманӣ-навъи беҳтарини ақиқ истора бастаст ва ҳамоно онро аз таъсири сурхии майи расида пайдошуда қаламдод кардааст (Ниг.: 7, 101-102).

Худи калимаи «ёкут»-ро дар алоҳидагӣ низ Рӯдакӣ барои тасвири софигӣ ва сурхии май истифода намудааст, масалан:

Аз он май ба ман дех, ки аз акси ӯ,
Чу ёкут гардад ба фарсанг санг.(5, 504)

Барои тасвири майи бо ранги сурхи баланд, ки навъи беҳтарини шароб шуморида мешуд, ибораи «ақиқин май»-ро истифода кардан ва онро ба ақиқи ғудохта, маҳлул ташбеҳ додан низ аз таъбироту тасвиrotи шоиранд, чунончи:

В-он ақиқин майе, ки ҳар ки бидид,
Аз ақиқи ғудохта нашнохт.(4, 20)

Байте, ки дар он шоир ба тариқи ташбеҳи мураккаб рӯйи сурхи зебои маъшуқаашро ба майю гул ва чашмонашро ба нарғис монанд намудааст, ин аст:

Зар хохию турунч, инак, ин ду рухи ман,
Май хохиву гулу нарғис, аз он ду рух чӯй.(5, 530)

«Гул» гуфта шоир «гули сурх»-ро дар назар доштааст ва сурхӣ вачҳи ташбеҳи рӯй ба майю гул мебошад.

Инак расидем ба он нуктае, ки бояд чамъбасти фикри пешниҳодшударо кунем. Дар ибтидои мақола мақсад гузоштем, ки хосияти рангро андар тасвири май дар ашъори шоир ба риштаи таҳлил кашем ва нақши онро дар ин ҷода то андозае ошкор созем.

Ягона хулосаи бидуни баҳсе, ки аз таҳлили абёти ба ситоишу тасвири май бахшидаи устод Абуабдуллоҳи Рӯдакӣ бармеояд, ин аст: Ранг аз назари шоир муҳимтарин унсур ва сифат андар шинохти майи холис аст. Хулосаи мазкур моро мантиқан ба сари масъалае меорад, ки ба ҳайси манбаъ ва воситаи тасвир қарор гирифтани май барои Рӯдакӣ муқаддамтар аз он аст, ки дигарон онро чун воситаи сархушӣ қарор дода буданд. Дар ҳар сурат месазад, агар ин масъала мавриди таҳлили алоҳида қарор дода шавад.

АДАБИЁТ

1. Абдулғанӣ Мирзоев. Абу Абдулло Рӯдакӣ, -Сталинобод, Нашрдавтоҷ, 1958.
2. Исрофилиё Ш. Р. Май дар ашъори Рӯдакӣ, Донишномаи Рӯдакӣ, к 2, Душанбе, 2008.
3. Муллоаҳмадов М. Суннатҳои пайдори даврони ғурбори адабиёт, Душанбе: Дониш, 2008.
4. Рӯдакӣ, Шейрхо, бо муқаддима, тартиб ва тавзеҳи Усмон Каримов ва Садрӣ Саъдиев, Душанбе: Ирфон, 1974.
5. Сайид Нафисӣ, Мухити зиндагӣ ва аҳволу ашъори Рӯдакӣ, Техрон, 1341.
6. Сайид Нафисӣ, Мухити зиндагӣ ва аҳволу ашъори Рӯдакӣ, таҳияи Чаръфар Ранҷбар, Душанбе, 2008.
7. Ҳочиматов М. Ақиқ, Донишномаи Рӯдакӣ, к 1, Душанбе, 2008.
8. Ҳочиматов М. Гавҳар, Донишномаи Рӯдакӣ, к 1, Душанбе, 2008.
9. Ҳочиматов М. Ёкути ноб, Донишномаи Рӯдакӣ, к 1, Душанбе, 2008.

ЦВЕТ ВИНА РУДАКИ

Одним из широко воспеваемых поэтом образов является вино. Красота готового вина, а именно красного вина, которая определяется посредством его краски, стала символом не только высшего качества самого вина, но и широко использовалась в качестве сравнения лица возлюбленной в творчестве Рӯдаки. Анализ бейтов и строк творчества Рӯдаки, где воспевается вино, показал, что на первом месте у поэта стоит не результат его употребления, то есть состояние опьянения, которое часто наблюдается в творчестве других поэтов, особенно в суфийской поэзии, а внешний вид, краска, процесс приготовления, состояние возбуждения и далее. Анализируя бейты и строки, посвященные вину и пирушеству, можно представить картину удовлетворения поэта от окружающей его среды, которая, в свою очередь, получает это удовольствие от употребления вина. Автор статьи приходит к такому заключению: Цвет является важнейшим атрибутом чистого, готового вина. Вино в творчестве поэта больше используется в качестве способа изображения, чем источника опьянения.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Абуабдулло Рӯдаки, анализ бейтов и строк творчества Рӯдаки, атрибуты вина, способы изображения вина.

THE COLOR OF RUDAKI'S WINE

Vine is one of the most widely by Rudaki used images. Beauty of the vine, red vine in particular, which identifies through its colour, became not only symbol of the high quality vine but a means of describing the poet's beloved/mistress. Mostly it was used for describing beauty of the beloved face. As a result of Rudaki poetry analysis the author comes to a conclusion that vine as a poetry types was used not as a source of intoxication by the poet, it was a mean of portrayal.

KEYWORDS: Abuabdullo Rudaki, the analysis poem and lines of creativity of Rudaki, attributes of wine, ways of the image of wine.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Варка Охониев – докторант Института языка и литературы им. А.Рудаки АН РТ

ХУСУСИЯТҲОИ ҒОЯВИИ ДОСТОНИ “ЗОЛ ВА РУДОБА”

Н. Ашӯрова

Донишгоҳи миллии Тоҷикистон

Баррасии масъалаи хусусиятҳои ғоявии достони “Зол ва Рудоба”, дар назари аввал, бо масъалаи ғояи асосии “Шоҳнома” алоқаманд буда, бояд дар пайвастагӣ баррасӣ бишавад. Аммо, чунонки аз баҳси поёнии боби пешин, дар мавриди махсусиятҳои ғоявии достон маълум шуд, ҳар як достони таркиби “Шоҳнома” мазмуни ғоявии алоҳидае дорад. Бинобар ҳамин баҳси мо низ дар мавриди хусусиятҳои ғоявии достони “Зол ва Рудоба”, агарчи ҷудогона сурат мегирад, ғояҳои таъйиншуда ва хулосаҳои ба даст меомада ба ғояи ягонаи асар ҳам алоқамандӣ дошта, дар якҷоягӣ барои такмили ғояи ягона хидмат мекунад.

Ҷойгоҳи ишқ дар “Шоҳнома”-и Фирдавсӣ хосса буда, чунин эҳсоси бузурги инсониро Ҳаким Фирдавсӣ ба қаҳрамонони бехтарин сазовор донистааст. Бузургтарин достонҳои ишқии “Шоҳнома” достони “Зол ва Рудоба” ва “Бежан ва Манижа” дониста шудаанд. Дар онҳо ишқи бузурги инсонӣ тасвир шудааст.

Дар ин ҷо ба маврид аст, ба андешаи зерини Манучехри Муртазавӣ тавачҷӯх кунем, зеро ин муҳаққиқ мавзӯи ишқро дар миёни мавзӯоти дигари “Шоҳнома” хеле хуб ҷудо намуда, ҷигунагии мавҷудияти онро нишон додааст, ки мисоли ягонааш ҳамин достони “Зол ва Рудоба” мебошад. “Дар “Шоҳнома” ба унвони ҳамосаи миллии сарзамини мо чараёни комили зиндагии ормонии инсон аз разму базм ва ишқу панду андарз ва ҳикмату таълим ва тарбияту мубориза бо душвориҳо ва муборизаи хайру шар ва таъодили воқеъгароёнаи ҷабру сарнавишт ва кӯшишу мучоҳидот ва шодиву ғам тасвир шудааст. Дар ин миён ишқ низ ҷойгоҳи сазовор дорад, бо анвои таҷаллиёту осору натоиҷи мурағаб бар онҳо. Достони “Зол ва Рудоба” навъи асли ва табиӣ ишқи инсониро нишон медиҳад, ки зоҳиран худ муқаддимае аст зарурӣ барои офариниши ҳамосаи беназир” (8, 33).

“Ҳосили ин ишқ, - фикрашро давом дода менависад муҳаққиқ, - тавлиди Рустам аст, ки ин худ ба таъбире тавлиди худӣ ҳамоса аст. Ин ҳодиса нахустину охирин таҷаллии ишқи ноби ҳамосӣ дар “Шоҳнома” аст. Паҳлавонони дигар ҳаргиз дар чунин иттифоқе дучор нашудаанд ва ҳамоса ҳаргиз дар пайи баёни чунин ҳодисае дар зиндагии онон набудааст. Дар роҳи ишқ Фирдавсӣ аз байни паҳлавонон Золро бештар сарсупурдатар нишон додааст” (8, 34).

Дар достони “Зол ва Рудоба” ба ҷуз мавзӯи ишқу муҳаббат оҳангҳои дигар ҳам мавқеи намоён доранд. Ба ғайр аз мавзӯи ишқу муҳаббат доир ба масъалаҳои гуногун муҳталифи ҳаётиро фарогир будани достон муҳаққиқи варзидаи Шарқ Шиблии Нуъмонӣ, барҳақ, чунин ибрази ақида намудааст: “Дар “Шоҳнома” як достони арӯсии Зол - падари Рустам мазкур аст, ки он як воқеаи маъмулӣ аст, лекин Фирдавсӣ дар он зимни ҳолати таҳддун, таҳзиб, муошират, ахлоқ, таълим, фунун, ҷанг, сиёсати одоби салтанат, ишқияи ҷазабот, муҳаббати падарона, нози фарзандона... ва бар тибқи ин дигар суханони муфид ва дилҷаспи Эронро низ адо намудааст ва тавре дар он муносибати худро ба қор бурдааст, ки зоҳиран инчунин маълум намешавад, ки вай қасдан ба тазаккури ин воқеот пардохтааст. Агарчи ин воқеот бо ҳамдигар аҷнабӣ ҳастанд, лекин ба чунон ҳусни тартибе адо гардида, ки аз як воқеаи он воқеаи дигараш тавлид гардидааст” (7, 258).

Чараёни ишқварзии қаҳрамонони “Шоҳнома” ҳар қадам вижагиҳои хоси худро дорад. Агар дар ишқи Рустам бо Таҳмина намунаи ахлоқи баланди инсонӣ ориёиро мушоҳида кунем, дар ишқи Гурдофарид ва Сӯҳроб хислати наҷиби ғурури миллии зани эронӣ ба мушоҳида мерасад. Мочарои ишқии онҳо хеле кӯтоҳ аст. Онҳо ба истилоҳ, “бо як дидор” ошиқи ҳамдигар мешаванд, вале Гурдофарид чун як озодаи меҳанпараст намеҳаҳад аз эҳсоси худ дарак диҳад, зеро нангаш меояд, ки бо тӯронӣ чуфт бошад. Бинобар ин ба Сӯҳроб мегӯяд:

Ки туркон зи Эрон наёбанд чуфт.

Зол ва Рудоба, барои расидан ба висоли якдигар, мушкилиҳои ба миён омадаро бо истодагарӣ ва пофишориҳои зиёд паси сар мекунанд ва ба мақсад мерасанд. Ин ҷиҳат муҳимтарин ғояи асосии дostonро ташкил медиҳад.

Қобили зикр аст, ки ишқварзиҳо, ба висол расидану издивочҳо дар “Шохнома” маъмулан дар сарзамини бегонагон сурат мегирад. Дар ҳақиқат, агар ба дostonҳои ишқӣ ва издивочҳои паҳлавонон аҳамият дода шавад, маълум мешавад, ки онҳо, бидуни истисно, дар сарзамини душман сурат мегиранд. Масалан, Зол дар сарзамини Кобулистон мубталои ишқӣ Рудоба мегардад, Рустам дар Самангон ба Таҳмина мепайвандад, Ковус духтари шоҳи Хомоварон - Судобаро ба занӣ мегазирад. Сӯҳроб, ки аз Турон ба Эрон лашкар кашид ба буд, дил ба духти эронӣ - Гурдофарид мебандад. Сиёвуш Фарангисро дар сарзамини Турон ба ҳамсарӣ бармегузинад. Гуштосп духтари қайсари Рум - Катононро ба занӣ мегирад, Бежан дар сарзамини Турон гирифтори ишқӣ Манижа - духтари Афросиёб мегардад.

Бояд таъкид бишавад, ки Фирдавсӣ замоне ки аз ишқ ва мочароҳои ишқӣ сухан мегӯяд, ҳамеша покӣ ва иффати занонаро муқаддам мегузорад. Ба истиснои Судоба боқӣ ҳамаи қаҳрамонҳои ошиқ ва маъшуқи “Шохнома” аз роҳи покӣ ва расму ойин хонавода барқарор мекунанд. Дар мисоли муносибати Рудоба бо Зол ба мушоҳида мерасад, ки Ҳакими Тусӣ дар ин масъала ҷиддияти том зоҳир кардааст. Вай дар назди духтари қадрас, ё худ, ба истилоҳи тоҷикӣ, духтари хона аз марди бегона сухан карданро кори нодуруст ва ҳатто камоли беҳирадӣ мешуморад.

Аз ин ҷост, ки Меҳроб намебоист дар назди Рудобаву Синдухт Золро ситоиш намояд. Ин ҷо Фирдавсиро бо занон итобу гилае аст аз зуд дил бохтан ба мард ва бетоб буданашон дар пазируфтани ишқ. Ин гилаи ӯ дар парваришу ниғаҳдошти наврасон, хоса духтарони ҷавон, ки зудфиребанду осон ба дом меафтанд ва дар роҳи ишқ хирадашон тира аст, пандомезона садо медиҳад. Бинобар ин танбеҳу сарзаниши шоир бо мавозини ақлӣ ноҳамоҳангӣ надорад. Андешаи Фирдавсӣ дар ин маврид аз қавли хирадманде ироа мешавад:

Чи некӯ сухан гуфт он ройзан,
Зи мардон макун ёд дар пеши зан.
Дили зан ҳамон девро ҳаст ҷой,
Зи гуфтор бошанд ҷӯянда рой (1, 256).

Оид ба ин масъала Фазлуллоҳи Ризо андешаи зеринро баён кардааст, ки фикри моро тақвият мебахшад: “Фирдавсии хирадманд монанди ҳамаи ғӯяндагони доно равоншинос ва илмулицтимои амалиро дар анбон дорад..., аснод дорад заминаҳои ишқварзии ду танро фароҳам мекунад... Бад нест тааммул кунем ва бубинем Фирдавсӣ чи гуна супориш мекунад, ки барангехтани андешаҳои ҷинсӣ назди занон кори дурусте нест. Чун бар асари он худашон ба фикри роҳбӣ ба висол хоҳанд афтод ва ихтиёри корҳо аз даст хоҳад рафт” (5, 186).

Фазлуллоҳи Ризо дар давоми ин иқтибос, вобаста ба ҳолати Рудоба, фикрашро идома дода чунин менависад: “Дар зехни духтарон набояд тухми ин андешаро кошт ва Меҳроб намебоист ин ҳама аз мардию купол ва зарафшонӣ дар базму сарафшонӣ дар разми Зол дostonҳо мегуфт” (5, 186).

Яъне, манзури Фирдавсӣ панди рӯзгор додан аст. Инчунин, таъкиди ин андеша аст, ки ишқ нисбат ба ақл пурқудраттар аст. Ҳамин маънӣ дар адабиёти мо, махсусан назди шоирони сӯфиву ориф аз масъалаҳои асосӣ ва матраҳ аст.

Тарбияи фарзанди сазовори номи падар низ аз ҷумлаи ғояҳои асосии дoston ба шумор меравад. Сом, вақте ки подшоҳиро ба Зол волегузорад, фарзанди мурғпарвардаи хешро ба дониш андӯхтан ва сипоҳдорӣ ташвиқ мекунад. Сом мегӯяд:

Кунун гирди хеш андаровар гурӯҳ,
Саворони чангиву киноварон,
Биёмӯзу бишнавад зи ҳар донише,
Биёбӣ зи ҳар донише ромише.
Зи хӯрду зи бахшиш маёсоя ҳеч,
Ҳама донишу дод додан бисеч (1, 247).

Дар хусуси таълим гирифтани ва дониш андӯхтани ашрофзодагон дар он айём Шиблии Нуъмонӣ дар асараш «Шеърӯлачам» чунин овардааст: «Таълим фақат дар табақаи шурафо касби умумият дошт ва умарову мансабдорон фавҷи таълимоти дараҷаи олиро ёд мекарданд. Чун хоҳиши сабақ хондану таълим гирифтани Зол - падари Рустамро Сом орзуманд шуд, аз тамоми атроф уламои мазҳабӣ ва ҳайатдонону мохирини чангро талабид ва барои таълими ӯ муқаррар дошт...»

Мубадҳо баъд аз чанд сол чун имтиҳон Золро гирифтанд ва аз вай суолоте намуданд, Зол ба камоли фаҳмидагӣ ва қобилият ҷавоботи хешро дода» (7, 376).

Дин, фарҳанг ва ойин низ ҳамвора дар мадди назари Фирдавсӣ қарор дорад. Ихтилофи диниро дар мисоли дostonи “Зол ва Рудоба” ҳам ба мушоҳида гирифтани мумкин аст. Меҳроби Кобули

Золи Зарро ба меҳмонӣ даъват мекунад, вале Зол ин даъватро рад мекунад. Дар ин лаҳза омилҳои асосии зиддият байни Золу Меҳроб ба дин ва фарҳанги онҳо пайвастагӣ дорад: яке меҳрпараст асту дигаре бутпараст. Аз ин рӯ, эронӣён бо Меҳроб ҳамчун шахси баддин рафтор мекунанд. Ба хотири ҳамин тазод(д) аст, ки бузургон ва ҳамроҳони Зол, сарфи назар аз он ки Зол Меҳробро ситоиш мекунад, ба хотири баддиниаш ба ӯ безътиноӣ намуда, девонааш меҳонанд:

Бар ӯ ҳеч кас чашм нагмошганд,
Мар ӯро зи девонагон дошганд.
Аз он, к-ӯ на ҳамдину ҳамроҳ буд,
Забон аз сутудан-ш кӯтоҳ буд (1, 253).

Дар хусуси муносибати байни динҳо дар он замон Фазлуллоҳи Ризо чунин андеша дорад: “Равшан аст, ки дар ҳар ҷомеаи башарӣ мардум дин ва фарҳанги худро бартар аз дину фарҳанги дигарон мешуморанд. Ночор одамони маъмули дарбориёни Зол намебоист аз Меҳробӣ бутпарастӣ кобулӣ ситоиш кунанд...” (5, 183).

Бархилофи ин расм дарбориён диданд, ки фармонравиҳои эшон - Золи мурғпарвардаи содадил, ки оинро ханӯз хуб наомӯхта ва ё саҳт пойбанди он нест, аз Меҳроб зиёд таъриф мекунад.

Яке аз гиреҳҳои асосӣ ва душвориҳо дар қори Зол ва Рудоба маҳз ба ҳамин омил пайванди бевосита дорад. Зол ба узри ин ки Меҳроб бутпараст аст, аз рафтан ба хонаи ӯ худдорӣ мекунад. Инчунин, бими Зол аз Сом ва Манучеҳр ҳам ҳаст. Шояд сабаби аслии хусумати Манучеҳр ва Меҳроб низ дар ҳамин андеша нухӯфта бошад. Аммо Зол аз ҳамин лаҳза сар карда дар пайи баргараф кардани ин бегонагӣ камари ҳиммат мебандад. Хираду ғариза (инстинкт) ӯро водор месозад, ки Меҳробро сазовори офарин доништаву ситоиш бикунанд. Агарчи расму суннати фармонравиро риоят мекунад, нерӯи маънавияш қоркарди худро зоҳир месозад (5, 183).

Яке аз равишҳои услубии Фирдавсӣ аксар дар фароварди ин ё он достон ё бахше аз гуфтори хеш ва баъзан дар зимни баёни воқеоти достонӣ иброи андеша намудан оид ба воқеияти ҳастӣ ва масъалаҳои марбут ба одаму одамгарӣ ё ҳаёту мамонт мебошад. Дар ин мавридҳо назари шахсии шоир баён мешавад, ки он андешаҳо дар тақмили ғояи асосии асар хидмат мекунанд. Чунин андешаҳо ро афкори фалсафии Ҳакими Тус номидан ҳам дуруст менамояд. Аз ҷумла, чунин маврид дар достони “Зол ва Рудоба” ҳам ба мушоҳида мерасад. Масалан, аз забони ғуломи турки Золи Зар, вақте ки ӯ мақсади издивоҷи Рудобаро бо Зол мефаҳмад, андешаи зерин матраҳ шудааст:

Ба пайвастагӣ чун ҷаҳон рой кард,
Дили ҳар касе меҳро ро чой кард.
Чу хоҳад гусистан набояд-ш гуфт,
Бибуррад сабук ҷуфтро ӯ зи ҷуфт.
Гусистан-ш пайдову бастан ниҳон,
Ба ину ба он аст хӯи ҷаҳон.
Диловар чу парҳез ҷӯяд зи ҷуфт,
Бимонад ба осонӣ андар нухӯфт.
Бидон то-ш духтар набошад зи бун,
Набояд шунидан-ш нанги сухун (1, 263-264).

Дар ин порча андешаи аз ҳама асосӣ таъкиди зарурати издивоҷ ва аз ин васила идома пайдо кардани насли одаммӣ мебошад. Ҳаким беҳуда таъкид накардааст, ки агар диловар аз ҷуфт, яъне издивоҷ дурӣ ҷӯяд, ба осонӣ номаш ниҳон мемонад, яъне нопадид мешавад. Дар ин маврид, ба назари мо, Фирдавсӣ достони Сом ва дар талаби фарзанд ранҷ кашидани ӯро пеши назар овардааст.

Яке аз масъалаҳои, ки ба ойини кишвардорӣ иртибот дораду Фирдавсӣ ба он тавачҷӯҳи вижа зоҳир кардааст, диққат ба гавҳар ва наҷод мебошад. Ин масъала аз оғоз то интиҳои достони “Зол ва Рудоба” бо роҳҳои гуногун пайгирӣ шудааст. Бахусус, ёдоварии лаҳзаи оғоҳии Манучеҳр аз ишқи Золу Рудоба ва натиҷаи издивоҷи онҳоро пеши рӯи овардани шоҳи адолатпарвари Эрон дар ин ҷойгоҳ басанда мебошад.

Ба ин масъала донишмандони дигар низ тавачҷӯҳ кардаанд. Масалан, муҳаққиқ Мирзоев З. Дар ин бора чунин назар дорад: “Пажӯҳандаи номаи бостон ба мавзӯи мансубияти наҷодии шоҳону паҳлавонони асараш тавачҷӯҳи вижа зоҳир карда, фаслҳои зиёди достонҳоро ба равшан сохтани асолати онҳо бахшидааст...” (4, 7).

“Дар “Шоҳнома”, - фикрашро идома медиҳад соҳиби ин нақли қавл, - аз вожаи наҷод на ба маънии имрӯзаи аврупоии “раса”, “нация” истифода шудааст... Фирдавсӣ ин вожа ро ба мафҳуми “туҳма”, “дудмон”, “авлод” низ васеъ истифода кардааст” (4, 7).

Манучеҳри Муртазавӣ бар он ақида аст, ки тафсилоти наҷод усулан “маҳлуқи зеҳни Фирдавсӣ нест ва реша дар торикии асотир ва афсонаҳои бостонӣ... дорад” (8, 86) ва тавре мефармояд, онро набояд меъёри илмиву мантӣ, балки тасодуфӣ пазируфт.

Ховаршиноси маъруфи аврупоӣ Бувел Ч.Г. низ дар ин маврид нуктаи назари худро дорад. Ӯ дар хусуси аҳамият додани эронӣ ба табору гавҳар чунин овардааст: “Ошкоро аст, ки чомаи эронӣ ба хонавода ва табор (гавҳар) аҳамияти зиёде меодаст” (2, 517).

Аз ин нигоҳ, дар “Шохнома” ҳамеша бо таваҷҷӯҳ ба наҷод ва аслу гавҳар қаҳрамонҳо ба ду даста тақсим мешаванд ва дар симои онҳо масъалаи адолат ва ноадолатӣ бозгӯ мешавад. Заҳҳок тимсоли қувваҳои аҳриманӣ ва мазҳари нопокию бадӣ буда, номи ӯ бо вайронгарӣ ва табоҳӣ мутародиф аст, чунонки решаи ин ном низ ба ҳамин мафҳум наздик аст. Меҳроб агарчи дар кишвардорӣ роҳу равиши Заҳҳокро надорад, пайванди наҷодии ӯ бо шоҳи бедод сабаб мешавад, ки Манучехр Сом дар ҳаққи ӯ, дар навбати аввал, андешаи хуб надошта бошанд.

Манучехр, ки дар достони мавриди назари мо тимсоли қувваи некӣ аст, ҳамроҳ бо паҳлавонони кишвараш, ки вазифаи кишвардорӣ ва раиятгарварӣ ба ӯҳдаи онҳо низ ҳаст, вазифадоранд, то аз вайронкорӣ ва харобкунӣ дурӣ ҷунд ва ҳамеша дар андешаи солимии чома бошанд. Дар акси ҳол қувваҳои аҳриманӣ нерӯ пайдо кардаву кишвар ва озодии Эрон эронӣ зери хатар мемонад. Ин нукта аз ҷумлаи ғояҳои асосии “Шохнома” ҳам ҳаст.

Яке аз дигар масъалаҳои марбут ба тарғиби андешаи ғоявӣ дар достони мавриди назари мо дар риояи одоби ахлоқи инсонӣ, бахусус дар муносибати байни дилдодагон, инъикос шудааст. Фирдавсӣ дар ҳама ҳолат ҷонибдори покзагаӣ ва иффату исмат дар муносибати дилдодагон мебошад. Ба ин восита хонандаи ҳешро ҳам ба ниғаҳдошти чунин арзишҳои волои инсонӣ тарғиб менамояд.

Ба масъалаи мазкур шохномашиносон низ таваҷҷӯҳ кардаанд. Аз ҷумла, муҳаққиқи шинохтаи “Шохнома” доктор Ҳусайналии Юсуфӣ хеле мушикофона дарёфтааст, ки “яке аз вижаҳои забони Фирдавсӣ дар тамоми “Шохнома” риояи иффати калом аст” (10, 42). Ибораи “риояи иффати калом”-ро дар ин иқтибос бояд ба маънии васеъ фаҳмем. Манзури муҳаққиқ таъкиди ин нукта аст, ки Фирдавсӣ дар суҳан низ ҳадди камолӣ покзагаиро риоят мекардааст. Ба манади достони “Зол ва Рудоба” дostonҳои “Бежан ва Манижа”, “Сиёвуш ва Фарангис” ва дигар ошиқонаҳои “Шохнома” бо ахлоқи баланд, бидуни суҳанҳои дурушт ба назм кашида шудаанд.

Ба таври умда, покӣ ва исмат яке аз вижаҳои муҳими ахлоқие мебошад, ки Фирдавсӣ дар офариниши “Шохнома”-и худ ба он таваҷҷӯҳ кардааст. Дар ягон қиссаи ишқии “Шохнома” ошиқони ориёнасл аз ҷаҳорҷубаи иффат берун намеравад ва ҳамаи қаҳрамонон ғолибан ба якдигар вафодорӣ мекунанд.

Вобаста ба ин мавзӯ меҳоме ба як масъала рӯшанӣ андозем, ки дар атрофи он баъзан баҳсҳо пайдо шудаанд ва дар оянда низ чунин ҳолат пеш омаданаш мумкин аст. Манзури мо муносибати байни Таҳмина бо Рустам мебошад. Аз қисмати ба ин масъала дахлдори “Шохнома” бармеояд, ки ҷаҳонпаҳлавон Рустам аз изҳори ишқӣ Таҳмина хушнуд гашта, ба ӯ қавл медиҳад, ки ҳадафи издивоҷро бо падари духтар ба миён мегузорад ва фардо ин аҳд дар хузури мӯбадон сурат хоҳад гирифт.

Боиси таассуф аст, ки баъзе донишмандони мо дар он ақидаанд, ки писари Рустам - Сӯҳроб дар натиҷаи алоқаи бидуни никоҳ таваллуд шудааст. Аммо ин андеша дар ягон байти “Шохнома” вонамеҳӯрад. Рустам пеш аз он ки ба ишқӣ Таҳмина ҷавоб гӯяд, барои онҳоро никоҳ кардан мӯбадонро даъват менамояд.

Қаҳрамони достони “Зол ва Рудоба” низ барои ниғаҳдошти иффату шарафи худ дар муносибаташон бо лаззатҳои аввалии муошиқа қаноат намуда, аз омезиш худдорӣ меварзанд. Фирдавсӣ аз тасвири ҷузъиёти муошиқа ва омезиш худдорӣ намекунад, аммо дар ниҳоят иффатро нигоҳ медорад. Золу Рудоба, агарчи бо ҳам ба майгусорӣ менишинад ва фармони ғаризаро то бӯсу канор гардан мениҳанд, сабр ва инони ихтиёрро аз даст намедиханд:

Ҳамон Зол бо фарри шоханшаҳӣ,
Нишаста бари моҳ бо фарраҳӣ...
Ҳаме буд бӯсу канору набид,
Магар шер, к-ӯ гӯрро нашкарид (1, 275).

Ин ҳолатро аллома Шиблии Нуъмонӣ мушикофона чунин ба мушоҳида гирифта ва тавзеҳ додааст: “Фирдавсӣ хушқисмат аст, ки дар ҳеч мақома иттифоқи ҳичолату шармандагӣ бар вай воқеъ нашудааст. Чун Рудоба бар Зол ошиқ шуд ва мавқеи хилват бар эшон муяссар гашт, бо ин ки суҳанашон ба шаробу кабобу бӯсу канор расида, лекин худуди исматро нигоҳ доштаанд” (7, 390).

Муҳаққиқи шинохтаи “Шохнома” Муҳаммад Исломии Нудушан дар мавриди омезиши ишқ бо покдоманӣ ва ниғаҳдошти иффат андешаи ҷолиб овардааст: “Ишқҳои “Шохнома” дар айни бараҳнагӣ бисёр поку начибона аст (ба ғайр аз мавриди Судоба)... Рудоба ва Таҳмина - духтари подшоҳи Самангон - ҳамсари Рустам ба тарзи аҷибе ҷасорати ошиқонаро бо покдоманӣ меомезанд” (9, 124).

Дар достони “Хусрав ва Ширин”-и Низомии Ганҷавӣ низ айнан ҳамин ҳолат дар рафтори Ширин ба мушоҳида мерасад. Ширин мисли Рудоба бо вучуди дил бохтанаш ба Хусрав рафтори булҳавасонаро дар роҳи ишқ наменписандад, ба комдиҳию комгирии шахвонӣ саросема намешавад ва аз ин роҳ ҳайсиат ва иффати худро фаромӯш намекунад.

Вафо ба аҳд дар достони “Зол ва Рудоба” аз ҷумлаи андешаҳои мондагоре аст, ки таркиби ғоявии достонро низ пурра мекунад. Ҳам дар симои қахрамонҳои асосӣ - Золу Рудоба ва ҳам дар рафтори Сом нишонаҳои вафодорӣ ва вафо ба аҳд ҷилвагар аст. Нишонаи инсоният будани ба ваъда вафо кардан дар он лаҳза зоҳир мегардад, ки Сом аз қори Зол розӣ нест, аммо Золи дурандеш ба ӯ аз ваъдаи додаш ёдовар мешавад. Ҳамин ваъда ва ба он вафо кардан гиреҳи мушқилтарин муаммои достонро боз мекунад.

Ҳамин тавр, аз ин баррасӣ бармеояд, ки достони “Зол ва Рудоба” дорои чандин паёмҳои ҷовидона буда, онҳо дар ҳамбастагӣ бори тақмили ғоявии достонро бар ӯҳда доранд. Инчунин ҳамаи паёмҳои мазкур дар якҷоягӣ барои тақмили ғояи асосии “Шоҳнома” хидмат кардаанд.

АДАБИЁТ

1. Абулқосим Фирдавӣ. Шоҳнома. Иборат аз 9 ҷилд. Ҷилди 1. Таҳияи К.Айнӣ, З.Аҳрорӣ, Б.Сирус.- Душанбе: Адиб, 1987.-480с.
2. Бувел Ч.Г. Таърихи милли Эрон.- Техрон, 1378.
3. Мирзоев Зафар. Рустами Дастон муҳофизӣ фарри қайӣ// Миллат.- Душанбе, 2007.- №22.
4. Мирзоев Зафар. Шер дар эрипо// Тоҷикистон.- Душанбе, 2007.- №51.
5. رضا، فضل الله، پژوهشی در اندیشه های فردوسی: تفسیر و تحلیل شاهنامه، برگزیده اشعار.- تهران: شرکت انتشارات علمی و فرهنگی، 1386، 654 صج.
6. شبلی نعمانی، علامه، شعر العجم یا تاریخ شعرا و ادبیات ایران، ترجمه سید محمد تقی فخر داعی گیلانی، جلد های اول و دوم، تهران، 1368، 264+333 صج.
7. شبلی نعمانی، علامه، شعر العجم یا تاریخ شعرا و ادبیات ایران، جلد های سوم، چهارم و پنجم، تهران، 1368، 204+268+204 صج.
8. مرتضوی، منوچهر، فردوسی و شاهنامه.- تهران: طوس، 1385، 195 صج.
9. ندوشن، محمد اسلامی، زندگی و مرگ پهلوانان در شاهنامه.- تهران، 1349.
10. یوسفی، حسین علی، پیوند عشق و حماسه در شتهنامه فردوسی، در مجله کیهان فرهنگی.- تهران، 1357. - شماره 5.

ИДЕЙНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПОЭМЫ «ЗОЛ И РУДОБА»

Исследование проблемы идейных особенностей поэмы «Зол и Рудоба» на первый взгляд тесно связано с проблемой основной идеи «Шахнаме» Фирдоуси и должна исследоваться вместе. Но каждая поэма «Шахнаме» имеет свой отдельное идейное содержание. В данной статье автором подвергнуты исследованию идейные особенности поэмы «Зол и Рудоба» Фирдоуси.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: «Шахнаме» Фирдоуси, поэма «Зол и Рудоба» в «Шахнаме» Фирдоуси, идейные особенности в поэме «Зол и Рудоба».

IDEOLOGICAL FEATURES OF A POEM «ZOL AND RUDOBA»

Research of a problem of ideological features of a poem «Zol and Rudoba» it is at first sight closely connected with a problem of the basic idea «Shakname» Firdausi also it should be investigated together. But each poem «Shakname» has the separate ideological maintenance. In given article the author subjects research ideological features of a poem «Zol and Rudoba» Firdausi.

KEY WORDS: «Shakname» Firdausi, a poem «Zol and Rudoba» in «Shakname» Firdausi, ideological features in a poem «Zol and Rudoba».

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: *Нодира Аишурова* – соискатель кафедры истории таджикской литературы факультета таджикской филологии Таджикского национального университета. **Телефон:** 93-600-12-29

ТАРБИЯ ВА АҶКОРИ ПЕДАГОГӢ АЗ НИГОҶИ А. ФИРДАВСӢ

А. Ҳалимов

Коллеҷи омӯзгории Донишгоҳи давлатии Кӯлоб ба номи Абӯабдуллоҳи Рӯдакӣ

Фирдавӣ дар инкишофи таърихи аҷкори педагогии форсу тоҷик, нақши бузурге бозид, роли тарбия ва хирадро баланд бардоштааст. Ӯ хирад ва некиро аз бехтарин сифатҳои ахлоқии инсонӣ ва тарбия медонад. Ба ақидаи ӯ инсон бояд ҳуи неқдошта ва тарбия дида бошад.

Бояд гуфт, ки ин мутафаккир ва олими ақлу хирад, фикри худро дар бораи тарбия ва афкори педагогӣ таъбият дода, ба хотири таъсири тарбиявӣ расонидан ба хонанда хитобан мегӯяд: шахс бояд дорои ақли солим ва тарбиядида бошад.

Ин гуфтаҳои боло маҳаки асосии ақидаҳои педагогии ӯ буда, аҳамияти бузурги илмӣ доранд.

«Дар фаҳмиши Фирдавсӣ тарбия афкори педагогӣ ва хирад – нишони тарбияи инсонии комил аст»(3-230). Яъне, шахси бохирад – одами доно, бохуш ва боадаб буда, некӣ тимсоли ақлонаи ӯст.

Мавзӯи тарбия ва ситоиши он дар «Шохнома»-и Фирдавсӣ аз мавзӯҳои нав нест. Ҳанӯз дар адабиёти паҳлавӣ бо номи «Меноги Хирад» китобе таълиф гардида буд, ки мавзӯи он ситоиши хирад ва мақоми он дар идроки ҳаёти инсонии иборат будааст. Аз ҳамин нуқтаи назар, ситоиши хирад дар «Шохнома» ба як низомии муайяни педагогӣ ҷойгир шудааст.

«Шохнома» бо номи «Худованди чону хирад» оғоз гардида, дар он 20 байт «Андар ситоиши хирад» омадааст. Шоир хирадро ғайр аз худо дигар аз ҳама чиз боло доништа калиди ҳама гуна мушкилиҳо мешуморад.

Мутафаккири бузурги ақл фазилат мегӯяд: «Сари бехирад чун тани беравон» аст. Барои ҳамин инсон ба ҷаҳон нек меояд. Ӯро бояд аз хурдӣ дар муҳити солим тарбия кард, чунки омилҳои шахсият аз рӯи тавваллуд ба ӯ ҳамқадам мебошанд. Ба гуфти шоир хирад ниғаҳбони ҷон ва оини мамлакат буда, «ба харду сарой» яъне, ҳам ба дунёи равшан ва ҳам дар охират дастгири одам аст.

Маълум аст, ки шахси хирадманд чанд хислату сифатро чизи зарурӣ меҳисобад, ки бе дороии онҳо шахси тарбиядида ва хирадманд буда наметавонад. «Инсонии хирадманди тарбиятдида ба ақидаи мо бояд дорои фазилатҳои дабири, сӯхангӯи ва пуртоқати буда, аз ҳар гуна кори бад худро дур кунад»(3-231). Шахси тарбиядида хирадманд, вафодор, ростқавл ва ростгӯи буда, дабири донишманд ва суҳандону нуктасанҷ низ мебошад.

Маънии хирад номҳои зиёде дорад, агар шахс он номҳоро аз худ кунад, ба мурод мерасад, яъне шахси баркамол мешавад, вагарна гирифтори дарду ранҷ ва азобу уқубати зиндагӣ мегардад. Ба иборати дигар хирад ин меҳр, вафо, ростӣ, зиракӣ, бурдборӣ, некқавлӣ, нексиришпӣ ва ғайра мебошад.

Аз гуфтаҳои А. Фирдавсӣ бар меояд, ки олами моддиро танҳо тавассути ақлу хирад идрок метавон кард.

Муҳим он, ки дар асри IX-X фалсафаи «Машоъ» хеле ривоч ёфта ба афкори педагогӣ ҳам таъсир расонда буд. Ин фалсафа дар омӯзиши ҳақиқат ва олами моддӣ танҳо ақл – хирад, тарбия таҷриба ва озмоишро эътироф менамуд. Бояд тазаққур дод, ки ин масъала ба ривочи муштаракӣ афкори педагогӣ, ақлӣ ва махсусан таъсири фалсафаи Юнон саҳт марбут аст.

Фирдавсӣ ҳам, монанди Рӯдакӣ, Абдушуқури Балхӣ, Абуалӣ ибни Сино тарафдори ин фалсафа будааст ва онро дар масъалаи шарҳи тарбия, ва хирад ва ақидаи пешқадами педагогикаш асосу раҳнамо медонистааст.

Тарбия, хирад ва хирадмандӣ аз нигоҳи устод ҳама гуна хислатҳои бади инсонро ба худ оштинопазир медонист. Ва аввалин нишони шахси тарбиядида ва хирадмандро аз бадӣ даргузеш медонист ва инсон ба ҷаҳон бояд бо ҷашми хирад нигарад, яъне некӣ кунад, зеро хирад барои инсон аз ҳама боло ва муқаддас аст.

Тарбия ва хирад аз назари Фирдавсӣ яке аз муҳимтарин категорияҳои ахлоқ аст. Ба ақидаи мо агар ба аҳли хирад ва инсонӣ хирадманд ягон хислати бад ё худ сабукфикрӣ роҳ ёбад, ҳамон хиради инсонӣ аз одам дур мешавад ва вучуди онро афъоли бад фаро мегиранд. Агар ба дили шахси беҳунар ва бад хирад роҳ ёбад, ӯ аз рафтору кирдори бадаш оқибат пушаймон хоҳад шуд.

Ҳар як шахс хусусан омӯзгор дар зиндагӣ бояд хирадро роҳбар интихоб кунад, то ки аз офатҳои рӯзгор ҳамеша дар амон худро нигоҳ дорад.

Ҳамин тариқ, аз назари бисёр шахсиятҳои бузурги миллат хирад мояи тарбияи инсон аст. «Шахси хирадманд аз ҳар лаҳзаву ҳар соат хирадро дастури зиндагии худ намуда, ба гуфтори хирадмандон гӯш карда, дониш меомӯзад ва таҷрибаи ҳаётии худро бой мегардонад. Бешубҳа, ин гуна шахс дар зиндаги нақши сазовореро касб мекунад»(4-39).

Аз ин лиҳоз, фарзандро аз синни хурдӣ тарбия намудан лозим аст, зеро ҷавоне, аз хурдӣ тарбияи хирад нагирифта бошад, гумон аст, ки аз вай дар ҷомеа некӣ барояд.

Барои ҳамин, ба тарбияи хирад аз хурдӣ машғул шудан лозим аст. Ин ақидаро дар гуфтаҳои ҳама педагогҳои машҳур дидан мумкин аст.

Хирад дар ниҳояти қор ба инсон оромии осудагӣ ато мекунад, аммо, хулқу атвори бад, хусусиятҳои зишти ахлоқии инсонро аз роҳи хирад бармегардонад.

Мутафаккирони замони мо низ таълим медиҳанд, ки мардум ҳама вақт сухани хирадмандонро гӯш кунанд ва ба он амал кунанд, ҷӣ дар оила ҷӣ дар мактаб нақши асосӣ гузошта бошанд.

Хирадманд дар фаҳмиши А.Фирдавсӣ шахсияти баркамол, оқилу доно ва таълимдидае мебошад, ки тамоми хусусиятҳои некӣ, ахлоқӣ дар вай таҷассум ёфтаанд ва ҳақ бар ҷониби уст.

Устои ақлу хирад, бештари афкори тарбиявии худро дар образҳои подшоҳи хирадманд нишон додааст. «Подшоҳи идеалии шоир шоҳи хирадманду раъиятпарвар буда, хирад ҳамчун дарахти меҳру вафо бори нахуст дар дили подшоҳ нумӯъ мекунад»(1-39).

Некӣ аз назари шоир яке аз хусусиятҳои болои ахлоқӣ шахсият буда, ба ҳама тааллуқ дорад. Хоҳ шоҳ бошаду хоҳ гадо, ҳама аз худ дар ҷаҳон бояд тухми некӣ бикорад ва баъд аз сари худ номи нек ба ёдгору гузорад.

Фирдавсӣ дар афкори педагогияш масъалаи тарбияи инсондӯстӣ ва некиро ба миён гузошта, дар боби «Васият кардани Кайхусрав Гударзро» даъват менамояд, ки ба یتимону бечорагон, занони бешӯю пирони бепарастор дасти ёриро накукорӣ дароз карда шавад.

Аз ин ҷост, ки имрӯз дар Тоҷикистони азизамон Президенти кишвар мӯҳтарам Эмомалӣ Раҳмон ин кори некӣ замони шоирро ёдовар шуд ва онро амалӣ карда истодааст, ки баръало ба ҷашм мерасад.

Имрӯз соҳаи тарбия одамнор ба некиву накукорӣ даъват менамояд, то аз мардумони бад парҳез намоянд, чунки бадон аз дониш ва илму фарҳанг баҳрае набурдаанду танҳо ба «ҷизи қасон» бо назари бад менигаранд.

«Шоҳнома» асарест, ки дар он бисёр фикрҳои баланди тарбиявӣ ватандустана, ахлоқӣ, эстетикӣ, педагогӣ фалсафӣ ва илмӣ инъикос ёфтааст. Шоири инсондӯст хангоми тасвири воқеа ва ҳодисаҳо бисёр фикрҳои пешқадам (прогрессивӣ) ва ибратбахше мегӯяд, ки ба ҳукми зарбулмасал ва ҳикмат даромада, дар тарбияи ҷавонон аҳамияти қалон дорад.

Чуноне, ки шоир мегӯяд: «дар ҷанг бо номи нек мурдан аз он, ки душман бар ту зафар ёфта, шодмонӣ намояд, ҳазорон бор бехтар аст».

Ҷаҳон ба озори як мӯр барои он намеарзад, ки мӯрча ҳам ҷон дорад ва ҷону зиндагӣ барои вай ҳам хуш аст. Аз ин хотир, ранҷондани инсон гуноҳест азим ва нобахшидани.

Ба ақидаи шоир ҳеч кас бояд камбағалону дарвешнор наранҷонад, балки ба табақаи камбизоати аҳоли дасти саҳо дароз намояд.

Ин ақидаи пурарзиш аз ҳиссиёти баланди инсондӯстии Фирдавсӣ дарак медиҳад. Бадҳоӣ ва кину адоват парваридан бисёр бад аст. Аз ин рӯ, ҳар касе, ки авф пурсад, аз гуноҳаш бояд гузашт.

Фирдавсӣ падидаҳои ахлоқии некӣ ва бадиро бо камтарин ҷузъиёташон мавриди муҳокима қарор дода, қасро ба меҳнатдӯстӣ, инсонпарварӣ ва эҳтироми шахсияти инсон даъват мекунад. Зулму истибдодро қасе, ки ба зердастон раво мебинад, вай хирадманду худҷӯй нест.

«Таълимоти Фирдавсӣ оиди раҳму шафқат нисбати зердастон моро дар рӯҳияи инсондӯстӣ тарбия мекунад»(1-42).

Ӯ некиро ҳамчун сифати муҳими ахлоқии шахс эътироф намуда, таъкид менамояд, ки ба қасе бояд некӣ намуд, ки ба қадри некӣ расад ва подоши онро нигоҳ дошта тавонад. На ҳар қас қадри некиро мефаҳмад. Аз ин рӯ, қасоне, ки некиро аз ёд мебароранд, хирадмандиро низ фаромӯш карда, аз он даст мекашанд.

А. Фирдавсӣ ба дарвешону беқасон ва یتимон ёри доданро яке аз шартҳои асосии гуманизм медонад. Масалан, дар боби гуманизм мегӯяд, ки ранҷу ситам қардан ба یتимон ва ба охи дилу нафрати пиразанон гирифтор шудан бадтарин гуноҳ аст, чунки ин қабил одамон бе ин ҳам ранҷуру дилозурдаанд. Аз бадӣ ҳаросиданро нишони тарбияи инсонӣ баркамол медонад. Ба ин хотир, некиро ҳамчун нишони инсонпарвариро хирадмандӣ дониста, неконро бузург мешуморад.

Фикрҳои тарбия инсондӯстӣ ва некукорӣ яке аз мавзӯҳои асосии дostonҳои «Шоҳнома» мебошад. «Шаҳси инсондӯст ва некукор бояд дорой хусусиятҳои олии инсониро ахлоқӣ аз қабилу нармгӯфторӣ, раъиятпарварӣ, меҳрубонӣ»(1-52), ҳақиқатҷӯи, парҳез қардан аз дуруштӣ, размҷӯи бошад. Ҳамин сифатҳои ахлоқии марди хирадро мо дар симои қаҳрамони дӯстдоштаи шоир - Рустам мебинем. Масалан, дар боби фиритодани Кайхусрав Рустамро ба замини Ҳинд, сифатҳои ахлоқии ӯро мушоҳида мекунем.

Фирдавсӣ шоҳи идеалии худ – раъиятпарвар ва халқдӯстро ситониш қарда мегӯфт: расму русуми шоҳаншоҳӣ бояд тавре бошад, шоҳ кишоварзону деҳқонон ва дарвешону бенавоёнро наёзорад. Зеро ки зиндагӣ даргузар аст ва шоҳу раъият низ дар ин дунё абадӣ набуда, дармегузарад. Ростӣ, адолатпарварӣ ва халқдӯстӣ бехтарин сифатҳои инсонӣ медиҳад. Шоҳи раъиятпарвар бояд чунин хислатҳоро дорой бошад.

Фирдавсӣ ҳамчун гуманисти бузург таълим медиҳад, ки ҳатто душмане, ки асир аст, сарашро ба якборагӣ буридан раво набошад. Дар ин қор шитоб нашояд, зеро зиндагӣ худаш омӯзгор аст. Ва аз ин рӯ, шояд рӯзе бодӣ хирад ба дилат барвазад ва ӯро авф намой.

Ба ақидаи ӯ дар ҳар як шахс ба таври ирсӣ бадӣ ё некӣ нуҳуфтааст. Ин аст, ки аз гуфтаи дур то ба рӯзгори мо бузургон панду ахлоқи ҳамидаро мерос мондаанд. Чунин сарнавишти инсон ба ақидаи шоир аз рӯзи азал маълум аст ва кӯшиши ислоҳи шахсияти бад носудманд ва беҳуда аст.

Дар ҷиҳи дигар омадааст, ки дурушгӣ, тундӣ, гуфторӣ бад, бетаҳаммулӣ ва ғайра аз хислатҳои зишти инсон мебошанд. Албата, модоме, ки имкони сухани нарм гуфтан аст, чаро лабро ба гуфтори сард олула созем?

Ба гуфти Фирдавсӣ тарбияи одами бад кори бисёр душвор аст ва ҳар қадаре, ки шахси бадқирдор пиртар шавад, ҳамон қадар бади ӯ зиёдтар мегардад. Ба ҳамин мазмун, дар ҷои дигар шоир таъкид мекунад, ки одами бад ҳатто шабҳо низ ором хуфта наметавонад ва ҳеҷ кас бо бадӣ рӯзи нек пайдо нақардааст. Ин ҳақиқатест, ки исбот талаб намекунад.

Бинобар он, бо ҳар роҳу восита кӯшидан лозим аст, ки дасти бадонро кӯтах ва ҳама роҳи хираду ростиро пеша кунем.

Ҳамеша, хирадмандон таълим медиҳанд, ки «ҳар кас, ки бад кунад, бадӣ бинад».

Марди оқилу бохирад ва тарбиядида гирди бадӣ нагашта, танҳо некӣ мекунад ва ҳеҷ гоҳ намегузорад, ки ҷаҳон ба дасти бадон афтад. Оиди ин масоил ҳақ ба ҷониби гуфтаҳои Президенти кишвар мӯҳтарам Эмомалӣ Раҳмон аст, ки гуфта буд:

«Дастпирӣ модӣ ва маънавӣ, парастор ва нигоҳу бини шахсони мӯҳтоҷи ёрӣ як аз савобтарин амалҳо аст. Ҳадафи асосии мо аз ғамхориву дастпирӣ қабл аз ҳама дар он аст, ки Шумо - хонандагони азиз аз даст овардҳои илму техника ва технологияи ҳозиразамон баҳравар гашта, соҳиби дониши муккамал ва андешаву афкори мустақил, ахлоқи одоби ҳамида ва рафтору қирдори шоиста бошед». (Суханрони Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон Эмомалӣ Раҳмон дар ҳузури тарбиягирандагони мактабинтернати ш. Хучанд с. 2007)

Одам бояд бадқирдор набошад, зеро агар баддил санги хоро бошад, ҳам ошкор мешавад.

Хулоса: Ҷавҳари ақоиди Фирдавсиро хирад, ақлу заковат ва ҷаҳонбинии илмӣ ташкил медиҳад ва мо ҷавонро бояд дар ҳамин руҳия тарбия намоем.

А Д А Б И Ё Т

1. Қодиров К.Б. Ҳалимов А. Ақидаҳои педагогӣ ва гуманистии А.Фирдавсӣ. Кӯлоб, 1991, с. 68.
2. Нейматов Н. Давлати Сомониён. Душанбе. Ирфон. 1989. с. 304.
3. Абдусаттор Мухторов. Сомониён Замон ва макон. Душанбе. Сурушон. 1999 с. 288.
4. Мирзоев А. Рудақӣ Ҳаёт ва фаъолият. Душанбе, 1968.

ВОСПИТАНИЕ И ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ВОЗЗРЕНИЯ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ФИРДОУСИ

Классическая таджикская поэзия средневековья в основном носит дидактический характер. Таджикские традиции воспитания и древние педагогические воззрения в поэзии наиболее полно выражены в поэме «Шахнаме» А.Фирдоуси. В данной статье автором подвергнуты исследованию и изучению педагогические воззрения А. Фирдоуси.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Классическая таджикская поэзия, традиции воспитания, древние педагогические воззрения, педагогические воззрения А. Фирдоуси

EDUCATION AND PEDAGOGICAL VIEWS FROM THE POINT OF VIEW OF FIRDAUSI

The classical Tajik poetry of the middle ages basically has didactic character. The Tajik traditions of education and ancient pedagogical views in poetry are most full expressed in a poem «Shakhsname» Firdausi. In given article the author subjects research and studying pedagogical views of Firdausi.

KEY WORDS: classical Tajik poetry, traditions of education, ancient pedagogical views, pedagogical views of Firdausi.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: *А.Ҳалимов* – кандидат педагогических наук, доцент, директор Педагогического колледжа Кулябского государственного университета им. А.Рудаки. **Телефон:** 918-93-72-58

ҶОЙГОҲИ ТАРҶУМАҲОИ «ШОҲНОМА»-И ФИРДАВСӢ ДАР ТАЪРИХИ ПАЙВАНДҲОИ АДАБИИ ТОҶИКУ ОЛМОНИ

3. Фуломова

Донишгоҳи давлатии омӯзгории Тоҷикистон ба номи Садриддин Айни

Асари безаволи Ҳаким Фирдавсӣ «Шоҳнома», ки онро Маликушшуаро Баҳор, «Қуръони Аҷам» ва рутбаи Фирдавсиро «рутбаи пайғамбарӣ» хондааст, борҳо ба забонҳои гуногуни дунё баргардон шуда, дастраси оламиён гаштааст ва муаррифону мутарҷимони нигорандаи Кохи бегазанд

ва «Шохнома» тавонистаанд шоири бузурги форсу тоҷикро миёни мардуми олам маҳбуби дилҳо гардонанд. Абулқосим Фирдавсӣ, ки бо унвонҳои фахрии «Худованди «Шохнома», «Ҳақими Тус», «Доноӣ Тус», «Пири Тус», «Хуршеди олами назм» машҳуру маҳбуби ҷаҳониён гаштааст, «Шохнома»-ро дар тӯли 30 сол офарид. Инаш ёдмон аст, ки тавассути тарҷумаҳо Фирдавсӣ пайванди асрҳою наслҳоро таъмин намуд. Бо сухани Р. Шарофзода «Шохнома» ҳамчун пули бузургу кавӣ, дирӯзу имрӯзро пайванд сохт. Кишварҳои аз ҳам дурро ба якдигар наздик кард. Ба ҳар кучо, ки рафт, дили одамонро ёфт. Акнун, баъди садсолаҳо хуруши дили Фирдавсиро мешунаванду аз обу тоб, шукӯҳ ва сози баланди шеъри ӯ баҳра мебардоранд» [21, 17].

«Шохнома»-шоҳасари аз импихони ҳазорсолаҳо гузашта, «бартарин намунаи манзумаҳои ривойии нумодин» аз ҷониби абармардони бузурги шеърӣ сухан дар радифи ҳамосаҳои номвари ҷаҳони фарҳанг шинохта шуда, ки абармардони ҷаҳон дар ин бора андешаҳои арзишманде ба ёдгор гузоштаанд. Байни онҳо баҳои ба «Шохнома»-ю Фирдавсӣ додаи шоири бузурги олмонӣ Йохан Волфганг фон Гуте (1749 – 1832), ба дилу рӯҳи мо тобиши дигар ва таъсири дигар дорад, зеро мо дар сари баррасии ҷойгаҳи «Шохнома»-ю Фирдавсӣ дар адабиёти олмонӣ қарор дорем.

Донандаи хуби тамаддунҳои Фарбу Шарқ Йохан Гуте роҷеъ ба осору зиндагиномаи Ҳақим Фирдавсӣ, ки тавассути тарҷумаҳои олмонӣ «Шохнома» ва рисолаҳои ховаршиносон бо он ошноии хуб дошт, ба эҷодиёти Фирдавсӣ баҳои баланд ва сазовор дода, Фирдавсиро яке аз ҳафт тан бузургони шеъри Аҷам дониста, пешӣ пой онон сар фуруд овардааст. Гуте дар олами розу ниёзи Фирдавсӣ обу тоби эҷодӣ ёфта, илҳом гирифта, дар фасли шеърии асари машҳури худ «Девони ғарбӣ-шарқӣ»-аш аз забони ӯ чанд байт овардааст, ки дар баргарадони Олимхон Исмати чунин аст:

Чӣ бераҳмӣ ту, эй дунё?! Намебинӣ:
Ки ноҳақ мекуши парвардаҳоятро.
Ба бахше бахту ризку умри пурмоё,
Ба бахше додай ранчу аноятро.

Чу хуршеде саросар рӯшноиро
Ба инсонҳо баробар мекунад қисмат,
Ту, эй дунёи буқалмун, чаро охир
Ба инсонҳо надорӣ ончунон шафқат?! [30, 91].

Шоири олмонӣ, пеш аз Ҳама, ба он кӯшидааст, ки нақши созандаи «Шохнома»-и Ҳақим Фирдавсиро дар таърихи адаби форсу тоҷик дар шарҳи тавзеҳоти китобаш таъйин намояд ва бо ин кораш ва даҳҳои шоирии ӯро барои олмониҳо бозгӯ намояд: «Достони «Шохнома»,- навиштааст Гуте,- асари муҳим ва ҷиддии миллӣ буда, ҷанбаи асотирӣ ва таърихӣ дорад. Дар он пайдоиши ҳаёт дар рӯи замин, қорномаҳои қаҳрамонони бостонӣ гирдоварӣ шудаанд... Фирдавсӣ барои навиштани чунин ҳамоса бисёр дониш андӯхтааст, зеро вай бо ҷӯшу хуруши беҳамто ба гузаштаи қадим ва фарҳанги асли миллӣ дилбастагӣ ва алоқа дорад, ба покиву равонӣ ва ширинии забон хеле эътибор додааст... Фирдавсӣ тамоми ривоятҳои афсонаҳои қадим, рӯйдодҳои таърихӣ кишвар ва давлатро ҷамъ оварда, чунон устодона дар риштаи назм кашид, ки барои пасояндагон, ба ғайри он ки дар ҳар маврид ба «Шохнома» муроҷиат кунанд ва онро шарҳу тавзеҳ диҳанд, дигар роҳе намонд, чи ҷои онро такмил додану чизе наиве илова кардан». [8, 177-178].

Баррасии андешаву хулосаҳои пурарзиши Йохан Гуте дар фирдавсишиносии ҷаҳонӣ, пеш аз Ҳама ва беш аз Ҳама, дар фирдавсишиносии олмонӣ як ҷунбише ба миён овард.

Ҳақим Фирдавсӣ фарди ҷовидону шоири миллии халқҳои форсинаҷод аст. Ӯ барои ҳамватанону ҳамнаҷодҳояш «Шохнома»-ро аз озмуни ҳазорсола гузаронида, моро аз асли худи васли худ ба таърихи ниёконамон ошно намуд ва ҷаҳониёнро хушдор дод, ки забони форсӣ ва фарҳанги форсӣ тӯли ҳазор сол моро зинда нигоҳ дошт ва боз ҳазорсолаҳои дигар зинда хоҳад дошт. Дигар хел шуданаш мумкин набуд, зеро ба сухани донишманд Муҳаммад Исмоили Нудушан: «Шохнома» **усора (шира) ва ҷакидаи тамаддун ва фарҳанги Эрон дар таи ду ҳазор сол аст**» [17].

«Шохнома» мавриди тавачҷӯҳи шоиру мунаққиди дигари Аврупои замони романтизм, Хенрих Хайне, публицисти бузурги олмонӣ низ қарор гирифт. Шоири олмонӣ Хенрих Хайне (1797-1856), ки дар Дюсселдорф ба дунё омадааст, ба оҳанги забони форсӣ, ки ба гӯши ӯ ҷун навои хуши булбулонро мемонд, шефта шуд ва ихлоси вижа ба осору афкор ва зиндагиномаи Фирдавсии бузург дарёфт. Ӯ низ тавассути баргарадони олмониву фаронсавӣ шоҳқорихҳои Шарқ ва паҷӯҳишҳои ховаршиносон оид ба эҷодиёти шуарои Ховарзамин хуб ошноӣ ёфта, ба абармардони шеърӣ сухани волои Шарқ, пеш аз Ҳама, ва беш аз Ҳама ба Ҳақим Фирдавсӣ дил дод ва рӯҳан пойбанди ӯ шуд:

«Эй Фирдавсӣ! Эй Низомӣ! Эй Саъдӣ!... Олмон дастовардҳои хубе дорад, ман онҳоро нияти таъна задан надорам. Олмон шоирони бузург дорад: Карл Мюллер, Клаурен, Губиц, Михаэл, Бер, Ауфенберг, Теодор Хел, Луун, Гее, Гувалд, Рюккерт, Мюллер, Иммерман, Уланд, Гёте...

Вале ҳамагон дар назди Ҳофизу Низомӣ ҳечанд!.....» [29, 86].

Таъсири «Шохнома»-ву Фирдавсӣ ба руҳияи эҷодӣ ва тавони зиндагии Ҳенрих Ҳайне ба дараҷае расида буд, ки вай ҳатто сарнавишти шоир Фирдавсиро ҳамоханги рӯзгору эҷоди худ эҳсос карда, соли 1848 дар даврони поёни умраш шеърӣ «Шоир Фирдавсӣ»-ро эҷод кард, ки он дар асл як достони ибратомӯзеро менамояд.

Ба андешаи нигорандаи китоби «Фирдавсӣ дар шеърӣ дунё» устод Шокир Мухтор-Ҳенрих Ҳайне бевосита баъди шинос шудан бо ривояти зерин он шеърро дар бораи Фирдавсӣ навиштааст. «Гӯё султон Маҳмуди Ғазнавӣ назми «Шохнома»-ро ба Фирдавсӣ фармуда, барои ҳар як байташ як мисқол тилло ваъда карда будааст. Фирдавсӣ «Шохнома»-ро тамома кард, вале султон ба ваъдааш вафо накарда, бар ивази тилло тангаи биринҷӣ фиристод. Аз ин кори султон Фирдавсӣ шӯрид. Шоир тангаҳоро ба каси онҳоро оварда, ба ҳамомчӣ ва ба шарбатфуруш инъом карда, Ғазнинро тарк намуд. Ин ҳодисаро шунда, султон ба хашм омада буд. Чанд сол пас султон дар ҳаққи Фирдавсӣ нарма шуд ва Фирдавсиро ба ёд овардан гирифт. Фармон дод, ки ба муаллифи «Шохнома» ҳадяи бузурге фиристанд. Вале вақте ки сорбони ҳадякашон аз як тарафи дарвозаи шаҳр мебаромад, аз ҷониби дигари он мардум тобути шоирро мебароварданд». [30, 9].

Ба назари мо, ин хулосаи шоири олмонӣ як дараҷа тавзеҳ меҷӯяд, зеро агар Ҳ. Ҳайне ба ҷавҳари яклуҳти «Шохнома», ба вижа, аз достони беназири «Рустам ва Сӯҳроб» нағз ошно намебуд ва руҳи онро бо сони шароби зиндагибахш нуши ҷон намекард, ба гумон аст, ки чунин манзумаи саҳт муассирро эҷод бикунад. Пайдост, ки ҷозибай ин лавҳаи саҳт муассир ба руҳи аз меҳри «Шохнома»-ву Фирдавсӣ саршори шоири олмонӣ таконе бахшид, ки ӯ ин манзумаи дар сурати достони пуроби ҷашмро эҷод намояд. Ва бо ин восита Фирдавсиро дар Олмон боз ҳам дилнишин ва «Шохнома»-ро руҳнавоз кард. Ин достонро шоири номвари тоҷик устод Муъмин Қаноат бо маҳорати тамома тарҷума кардааст.

Ин шеърӣ Ҳенрих Ҳайне, ки дар назар як достони ибратомӯзест, дар асл як бардошти шоири олмонӣ аз зиндагии ҷоҷабдор ва асари бунёдгари ватанхоҳонаи Фирдавсӣ. Онро шеърӣ ҳасбиҳолии Ҳайне пиндоштани пажӯҳишгар Я.И. Гордонро камоли бедикқатӣ дар пажӯҳиш хондан мумкин аст. [15, 174]. Ин шеър (достон)-и Ҳайне дар асл барои Ҳайне ва умуман адабиёти олмонӣ аз се ҷиҳат арзишманд аст:

а). Руҳи ориёӣ ба Олмон дар сурати бисёр муассир ворид шуда ва дар дили олмониҳо, ба вижа, аҳли илму адаби олмонӣ як оташи меҳро нисбат ба адабиёти форсӣ-тоҷикӣ забона занонд;

б). Сарнавишти талх ва ҳамзамон ибратпазири Ҳаким Фирдавсӣ дари дилу руҳи олмониҳоро ба «Шохнома» боз кард ва Фирдавсӣ ба ҷаҳони маънавии онҳо маҳз аз ҳамин дар ворид шуд;

в). Хомаи шоирии Ҳенрих Ҳайне дар олами сузу сози Фирдавсӣ бурротар ва лангардор шуд, бо суҳане обу тоб ёфт.

Таърихи нахуст тарҷумаҳои «Шохнома» дар Олмон ба солҳои 1793 ва 1811 (аз тарафи Вал ва Граф фон Лудолф) рост меояд. Ҳамчунин дар соли 1811 тарҷумаи пораҳо аз «Шохнома» аз ҷониби Лумсден ба нашр расид. Аммо номи Фирдавсӣ ва «Шохнома» пеш аз баргардонӣ ба Аврупо расида ва таваҷҷӯҳи аврупоиҳоро ба сӯи Фирдавсӣ ва «Шохнома» кашида буд. «Дар Аврупо номи Фирдавсӣ нахустин маротиба дар китоби сафир ва сайёҳи олмонӣ Адам Олеариус (1599-1671) ба номи «Таъсири муфассали саёҳати кишвари Маскавия ва Форс» (соли 1647) бо унвони Ҳаким Фирдавсӣ ёд шудааст. Дар китоби мазкур поре аз қиссаи маълуми рӯзгори Фирдавсӣ, муносибати шоир ба султони Маҳмуди Ғазнавӣ оварда шудааст» [4, 97-98]. Ба суҳане, 146 сол пеш аз тарҷумаи мухтасари «Шохнома» бо олмонӣ, ному осори Фирдавсӣ вориди Олмон шуда буд.

Тамоюлот ва мавзӯҳои «Шохнома» ба монанди ғоя ва ормонҳои муборизаи оштинопазири БАДӢ ва НЕКӢ, мубориза баҳри тантанаи НЕКӢ бар БАДӢ ва озодиву пирӯзии инсоният, бозгӯи сурудҳо ва ривоятҳои қадима, қорномаи бемислу ҷавонмардонаи Таҳамтан, образҳои наҷибу диловарҳои қадим, ривоятҳои таърихӣ дар боби дифои Ватан ва нангу номуси ватандорӣ, покии руҳ ва ҷисм ва ғайраҳо, ки дар «Шохнома» ҷойгоҳи хосае доранд, ба мавзӯи асосии романтикҳои аврупоӣ, ба вижа, олмонӣ созгор омада, руҳ ва ормонҳои волаи Фирдавсиро ба онҳо наздик намуда, сабабҳои дар охири садаи XVIII ва нимаи аввали садаи XIX дар Олмон боло рафтани қадру эътибори Фирдавсӣ гардиданд.

Аҳли илму адаби Олмон ҳанӯз дар оғози садаи XIX, аниқтараш соли 1819, ки онро ховаршиноси номвари олмонӣ Ҳанс Ҳайнрих Шедер «**нуқтаи атф дар талоши олмониҳо барои дарки фарҳанги Машриқамин медонад**» [27,1-2], ба осору афкори Фирдавсӣ шинос буданд. Пораҳои зиёде аз достонҳои «Шохнома» дар тарҷумаҳои Йозеф Фрайхер фон Ҳаммер-Пургштал, Козергартен, Карл Лудолф дар саҳифаҳои маҷаллаи «Ганҷинаи Шарқ», ки онро ховаршиноси номвар Йозеф фон Ҳаммер, дар Вена интишор дода буд, ба ҷоп мерасиданд. Соли 1818 Ҳаммер тарҷумаи «Достони Рустам ва Сӯҳроб» ва «Ҳафт қорномаи Исфандиёр»-ро анҷом дод ва дар китоби худ «Таърихи назми

форсӣ» ба чоп расонд. Тарҷумаи фаслҳои зиёди «Шоҳнома», ки ба наср сурат гирифта буд, соли 1820 бо номи «Китоби қаҳрамонони Эрон» аз чоп баромад, ба вижа, достони «Рустам ва Сӯҳроб» бо рӯҳи фоҷиавии ҳеш дили хонандаи аврупо ро тасхир кард ва соҳиби «Шоҳнома»-ро шӯҳрати зиёде насиб гардид. Тарҷумаи «Шоҳнома» соли 1819 аз ҷониби Йозеф фон Гёррес низ сурат мегирад ва ин тарҷума соли 1820 дар ду ҷилд дар шаҳри Берлин ба чоп мерасад. Вай бахшҳои аз «Шоҳнома» (аз оғоз то марги Рустам)-ро бо тарҷумаи озод ба поён мерасонад ва «Гёррес тарҷумаи худ аз «Шоҳнома»-ро ба Ҳенрих Фридрих фон Штайн, давлатманди номдори прусӣ дар даврони ҷангҳои Наполеон тақдим мекунад ва ӯро бо шахсияти устураии Коваи оҳангар муқоиса мекунад» [27,1-2]. Фаъолиятҳои баъдӣ дар таҳлили «Шоҳнома» аз тарафи таърихшинос ва пажӯҳишгари фаронсавӣ Ампер низ аз рӯи ҳамин тарҷумаи Йозеф фон Гёррес сурат гирифтааст. Ӯ «Шоҳнома»-ро дар радиҳои ҳамсаҳои бузурги ҷаҳони фарҳанг «Иллиада» ва «Одиссея»-и юнонӣ, «Маҳабхарата» ва «Рамайяна»-и ҳиндӣ, «Суруд дар васфи Небелунгҳо»-и олмонӣ ном бурда, аз ҷаҳони эҷодии даҳонакии халқҳои Форсу Юнон, Ҳинду Олмон обхӯрдани ҳамаи ин асарҳоро ёдовар мешавад.

Ховаршиноси ҷавон Жюль Мулл (1800-1876), ки хуни олмонӣ дошту шаҳрванди қонунии Фаронса шуда буд, тавассути тарҷумаи комили худ, ки дар олами фарҳангу адаб як қорномаро мемонд, дар таърихи тарҷумаи Фаронса хизмати босазое кард. Устод Шокир Мухтор роҷеъ ба сифат ва вижаҳои баргардони Жюль Мулл ба чунин хулоса расидааст: «Муқоисаи матни асл ва тарҷумаҳои насрии Мулл шаҳодат медиҳад, ки ӯ дар ҳақиқат аз фасохату наҳвати забони асари Фирдавсӣ оғох буда, принсипи тарҷумаи худро то охир нигоҳ доштааст. Баробари ин, аз нозуқиҳои забони фаронсавӣ низ балад будани ӯ ошкор мегардад» [31, 25].

Ин тарҷумаи Жюль Мулл аз Фаронса ба Олмон расид ва байни аҳли илму адаби олмонӣ, ки бо забони фаронсавӣ ошно буданд ва аз адаби он оғаҳӣ доштанд, гарм пазируфта шуд ва бо сухани устод Шокир Мухтор дар боби ошно намудани олмонӣҳо ба сюжетҳои «Шоҳнома» ва ормонҳои волои Ҳаким Фирдавсӣ қорнамоӣ кард. Тарҷумаи маъруфи «Шоҳнома» аз ҷониби ховаршинос, шоир ва мутарҷими олмонӣ Фридрих Рюккерт сурат гирифта, достони «Rustam und Suhrab» «Рустам ва Сӯҳроб» нахуст соли 1838 дар Эрланген ва сипас соли 1846 дар Штуттгард ба чоп расид. Ин достонро Фридрих Рюккерт бо эҳсоси баланд пазируфта, онро ҳамчун арзи сипос ба Йохан Волфганг Гете эҳдо менамояд. Сипас, ин тарҷума дар солҳои баъдина дар дохили маҷмӯаҳои алоҳида ҷандин бор нашр шуда, байни хонандагонии зиёди Аврупо ва Русия хеле эътибор ёфт. Аз рӯи пажӯҳиши адабиётшиноси тоҷик Валӣ Самад бузургтарин донишманди рус дар садаи XIX Н.Г. Чернишевский аз тарҷумаҳои Жюль Мулл ва Фридрих Рюккерт нағз бархӯрдор буд... ва бисёр баҳрабардорӣ намудааст... [10, 107].

«Шоҳнома» дар тарҷумаи Фридрих Рюккерт пас аз маргаш дар се ҷилд (ҷилди якум дар соли 1890, ҷилди дуюм дар соли 1894 ва ҷилди сеюм дар соли 1895) бо мундариҷаи хеле муфассал аз ҷониби пажӯҳишгари осори ӯ Э.А. Байер интишор ёфт.

Қайд намудан ба маврид аст, ки Рюккерт донишманди хуби адабиёти Шарқ буда, зиёда аз чил забонро медонист. Вай достонҳои зиёде, аз ҷумла, «Маҳабхарата»-и ҳиндӣ, «Бӯстон»-и Саъдӣ, ғазалиёти Ҷомӣ, девони шоири араб Имр-Ул-Қайсро ба забони олмонӣ тарҷума намудааст. Вай, ҳангоме ки «Шоҳнома»-ро баргардон менамуд, ҳамчун мутарҷими ғазалиёти Ҷалолиддини Балхӣ дар Олмон шинохта шуда буд. Тарҷумаҳои ӯ аз ҷониби симоҳои дурахшони аҳли илму адаби олмонӣ сазовори баҳои баланд гардидаанд. Шоири бузурги Олмон Йохан Гете, ки адабиёти форсу тоҷикро аз рӯи пажӯҳиши Ҳаммер Пургшталл омӯхта буд, ба тарҷумаи ӯ баҳои баланд додаст, зеро «он чи ки Гете аз як мутарҷими нағз талаб мекард, Рюккерт онро дар асарҳои тарҷума мекардагаш амалӣ менамуд». [18,162].

Ҳамчунин ховаршиноси номӣ Анамариа Шиммел роҷеъ ба тарҷумаҳои Фридрих Рюккерт ба чунин хулоса расидааст: «Рюккерт он қавқабӣ пурнури осмони Шарқшиносӣ ва он дурри фариди ақди шоирони олмонӣ бо тарҷумаҳои худ баргузидатарин осори шеърӣ форсиро дар дастраси милали олмонӣ қарор додаст. Зебоии ин тарҷумаҳо, бо вучуди қамолӣ диққат дар ҳифзи маъно ва риояти сурати шеърӣ асли, ба ростӣ, моҳирлуқул аст ва бояд гуфт, то кунун ҳеҷ шоире ва ҳеҷ олиме дар зери ин гунбади фирӯзагун ба эҷоди назирӣ онҳо тавфиқ наёфтааст» [5,114]. Ва ҷои дигар мегӯяд, ки: «Шарқшиносони зиёди олмонӣ тавлиди тарҷумаҳои Рюккертро бо хурсандӣ ва ваҷд пешвоз гирифтаанд» [5,114].

Мавзӯи баррасии тарҷумаҳои аз забонҳои шарқӣ ба даст омадаи шоир ва мутарҷими олмонӣ Фридрих Рюккерт доманадор буда, андешаҳо низ сари ин тарҷумаҳо ҷолиби диққатанд.

Тарҷумаи дигари «Шоҳнома» аз ҷониби Адолф Фридрих фон Шакк бо номи «Гуфторҳои қаҳрамонони Фирдавсӣ» дар соли 1851 сурат гирифта буд. Аммо то он замон пораҳо аз «Шоҳнома» дар тарҷумаи ӯ дар нашрияҳои гуногун ба чоп расида, А.Ф. фон Шакк бо тарҷумаҳоиаш (аз забонҳои форсӣ ва арабӣ) ва пажӯҳишҳоиаш дар ин боб машҳур гардонида буд. Мутарҷим А.Ф. фон Шакк бо сухани адабиётшинос Айрумян «бар он кӯшидааст, ки ба шакли шеърӣ нусхаи асл наздик шавад, з-ин

рӯ, вай ҳамосаро бо байти қофиядор, ямби панчрукна тарҷума кардааст»[15,83-84]. Сабаби чунин тарҷума кардани ҳамоса аз ҷониби А.Ф. фон Шаккро ӯ ба таври зерин маънидод менамояд: «мутарҷимони зиёди Аврупоӣ вазни шеърӣ ямбиро интихоб намудаанд, ки созгор ба вазни мутақорибӣ Фирдавсӣ мебошад»[15,83-84].

Яке аз асосгузори романтизми рус Василий Андреевич Жуковский, ки тарҷума дар эҷодиёти ӯ ҷойгоҳи хоса дорад, достони «Рустам ва Сӯҳроб»-и Абулқосим Фирдавсро аз рӯи баргардони шоири фаронсаӣ Лафонтен ва шоири олмонӣ Фридрих Рюккерт аз забони олмонӣ ба забони русӣ баргардонидааст ва дар таърихи пайвандҳои адабии халқҳои тоҷику рус эътибори арзандае касб кардааст. «Нобиги тарҷума» аз баргардони шохасари бузурги адаби форсу тоҷик илҳами тоза гирифта, дар мактуби ба Гогол фиристодааш ин хиссиёташро чунин ифода кардааст: «... Бо нидои хурсандӣ дида, ба сӯи ахтарон дӯхта, даст боло мекунам, зеро тарҷумаи «Рустам ва Сӯҳроб»-ро тамом кардам. Умед аст, ки онро бо иштиёқи том мутолиа мекунӣ. Охир, дар ин порча на назми баланди Юнони қадим ва маърифати Фарб, балки харорати оташи Шаркро дучор шудан мумкин аст». [11, 3].

Солҳои 1877 ва 1879 олими олмонӣ И.Вуллерс бо ҳамкории дигар донишмандон ду ҷилди «Шохнома»-и Абулқосим Фирдавсро дар асоси муқоисаи матнҳои омода намудаи Турнер Макан ва Жюль Мулл нашр намуд. Ҷилди сеюми кори Вуллерсро соли 1884 С.Ландауэн чоп кард, вале ҷилди чоруми ин нашрия ба анҷом нарасида монд. Бо мақсади нашри нави «Шохнома»-и Фирдавсӣ олимони эронӣ Саид Нафисӣ, Аббос Иқбол, Мучтабо Минавӣ се ҷилди омода намудаи Вуллерс ва Ландауэнро аз нав чоп карда, ҷилди чоруми онро худашон дар асоси матни Турнер Макан ва Жюль Мулл мурағат намуданд.

Даҳони шоирӣи Ҳаким Фирдавсӣ ва ҷойгоҳи вижа доштани ӯро дар адабиёти ҷаҳон донишмандони зиёди олмонӣ бо меҳварзӣ эътироф намудаанд, аз ҷумла, пажӯҳиши ховаршиноси номвари олмонӣ Теодор Нёлдике «Das iranische Nationalepos», «Ҳамосаи миллии Эрон» солҳои 1896-1904 (нашри якум) ва соли 1920 (нашри дуввум) дар шаҳри Берлин ва Лайпсиг мунташир шуд. Теодор Нёлдике дар пажӯҳиши худ нигоштааст, ки „Das von Daqiqi fallen gelassene Werk nahm also der Mann auf, welcher durch die Vollendung desselben der berühmteste aller persischen Dichter geworden ist und einen großen Namen in der Weltliteratur gewonnen hat, AbulQasim mit dem Dichternamen Firdausi.“ [38, 23-24]. Теодор Нёлдике дар пажӯҳиши худ муайян намудааст, ки «шумораи мисраъҳои асари безаволи Ҳаким Фирдавсӣ дар натиҷаи рӯбарӯро аз 39851 байт то 61266 байтро дар бар мегиранд...» [12,9].

„Асари бозмондаи Дақиқиро марде ба ӯҳда гирифт, ки ба туфайли анҷоми он шоири номваргарини ҳамаи форсҳо гардид ва номи бузургро дар адабиёти ҷаҳонӣ бо таҳаллуси шоирӣи Фирдавсӣ комёб гашт.“

Ва эроншиноси номдори олмонӣ-Ҳанс Ҳайнрих Шедер дар мақолаи хеш “Firdosi und das persische Nationalepos”, “Фирдавсӣ ва ҳамосаи миллии Эрон” чунин нигоштааст, ки „Mit Firdosi ist Persien in die Weltliteratur eingetreten. Die zu seiner Zeit bereits mit arabischem Fremdgut überschwemmte persische Sprache hat er auf ihren reinen Bestand zurückgeführt und ihr die dauernde Prägung gegeben, wie Dante dem Italienischen und Luther dem Deutschen“ [37, 11].

“Бо Фирдавсӣ Форс вориди адабиёти ҷаҳон гардид. Забони форсии кайҳо дар замони ӯ пур аз моли бегонаи арабиро ӯ ба ҳолати беолоишаш баргардонд ва ба он умри абад, мисле ки Данте ба забони итолиёӣ ва Лутер ба забони олмонӣ бахшид”.

Асноди дар дасти мо буда, гувоҳӣ медиҳанд, ки зиндагиномаи Ҳаким Фирдавсӣ ва ҷозибҳои «китоби хираду шоҳи номаҳо» ва луғати он диққати шарқшиносону мутарҷимони зиёдеро ба худ кашида, сабаби пазироиш баррасӣ, тарҷума ва пажӯҳиши доманадори онон гардидааст. Ин ҷо ёдовар шудан аз луғати хосаи «Шохнома»-и олими олмонӣ Фритс Волф, ки дар ҳаҷми хашсаду хаштоду чор саҳифа дар соли 1935 дар шаҳри Берлин мунташир шуд, лозим аст. Фритс Волф луғати худро ба асос ва бо тадбиқи муқоисаи нусхаҳои сегонаи Жюль Мулл, Вуллерс ва нусхаи «Шохнома»-и нашри Калкутта гузошта, ин кори заҳматталаби худро дар муддати 20 сол навишта, онро ба ҷашни ҳазораи Ҳаким Абулқосим Фирдавсӣ эҳдо намудааст. Ин асар боз соли 1965 дар нашриёти «Ҳилдесхайм» дар Олмс мунташир шуд. Олими олмонӣ бо камоли диққат наздик ба ҳамаи калимаҳо, номҳои одамон, ба вижа, номҳои шоҳони Форс сар карда, аз Каюмарс-подшоҳи нахустин дар рӯи замин то Яздигурд ва номи ҷойҳои таърихӣ, ҷуғрофӣ ва ғайраро чамъ намуда, асари арзишманди худро нигошта, кори сангинеро дар ин соҳа ба анҷом додаст. Бо вучуди ори набудан аз норасоиву камбудихо луғати ин донишманди олмонӣ шоистатарин ва пурарзиштарин луғати «Шохнома» дар Фарб мебошад.

Тарҷумаҳои зиёди бахшҳо аз «Шохнома» аз ҷониби мутарҷимони бисёр дар солҳои гуногун ба забони олмонӣ сурат гирифтаанд. Бинобар он ки шарҳи муфассали ҷиғунагии ин китобҳо ва хусусияти мушаххаси ҳар яки он ба тарзи ҷудоғона, дар чунин як мақолае аз имкон берун аст, мо чун шиносномае ба хонандаи арҷманд бо нигоштани ном ва маълумоти мухтасари умумии онҳо қаноат намуда, қайд намуданием, ки пажӯҳиши мо дар ин роҳ, яъне равшанӣ андохтан ба ҷойгоҳи тарҷумаҳои

«Шохнома»-и Фирдавсӣ дар таърихи пайвандҳои адабии тоҷикӣ олмонӣ идома дорад.

Тарҷумаҳои Хансен Курт Хайнрих «Китоби шохони Эрон, сохт ва услуби «Шохнома»-и Фирдавсӣ» дар Майнс соли 1954, Ута фон Витслебен «Geschichten aus dem Schahnameh», «Хикояҳо аз «Шохнома», (нашри аввал соли 1960 ва нашри дуввуми он соли 1984) ва китоби Хелмхарт Канус Креде «Das Königbuch», «Китоби шохон» дар соли 1967 ба таъби расидаанд. Тарҷумаи Х.К. Креде «Китоби шохон» мундариҷаи муфассал ва пораҳои «Шохнома» аз фасли «Оғози китоб» то қисмати «Банд кардани Фаридун Захҳокро»-ро дар бар мегирад. Дар мундариҷаи китоб мутарҷими олмонӣ донишманди шумораи байтҳои «Шохнома»-и Фирдавсиро бо дигар дostonҳои бузург киёс карда, менависад, ки «Суруд дар васфи Нибелунгҳо» 2450 байт ва «Илиада ва Одиссея» якҷоя зиёда аз 27800 байтро дороянд. «Шохнома» дар ҳаҷм ду маротиба аз ҳамсаҳои қаҳрамони Хомер бузург ва наздики бист маротиба аз «Суруд дар васфи Нибелунгҳо» дароз мебошад ва агар «касе, ки боре достони «Суруд дар васфи Нибелунгҳо»-ро дар сурати асл хонда бошад, аниқ медонад, ки фақат як худӣ ин чи қадар вақтро мегирад».

Инчунин соли 1988 китоби «Schahname, das persische Königbuch», «Шохнома, китоби шохони Форс» аз ҷониби Фолкмар Эндерлайн ва Вернер Зундерман, ҳамчунин китоби Паул Хорн «Die Sonnenaufgänge im Schahname», «Тулуи офтоб дар «Шохнома», дар шаҳри Гиссен, соли 1906», тарҷумаҳои Юрген Эхлерс таҳти номҳои «Die Natur in der Bildersprache des Schahname», «Табиат дар забони фасеҳи «Шохнома», соли 1995 ва «Mit goldenem Siegel». Über Briefe, Schreiber und Boten im Schahname», «Бо муҳри тиллоӣ», роҷеъ ба номаҳо, мирзоҳо ва пайёмҳо дар «Шохнома» соли 2000-ум дар Висбаден нашриёти «Райхерт» ва «Rostam. Die Legenden aus Schahname», «Рустам. Ривоятҳо аз «Шохнома», соли 2002-юм дар Штуттгард нашриёти «Реclam» аз ҷоп баромадаанд.

Ҳоло тарҷумаи олмонӣ бахшҳои «Шохнома»-и безаволи Ҳаким Фирдавсиро, ки мутарҷим Михаел Мюллер анҷом додааст, аз назар мегузаронем. Ҳаминро қайд намудан зарур аст, ки М. Мюллер «Шохнома»-ро бевосита аз забони асл нагардонид, балки аз забони англисӣ ба забони олмонӣ баргардонид. Тарҷумаи англисии китоб соли 1993 бо номи «Persian Myths» («Ривоятҳои форсӣ») аз ҷониби Куртис Веста Сархуш дар Лондон сурат гирифта, ин китоб ба забони олмонӣ аз ҷониби Михаел Мюллер соли 1994 баргардон шуда, дар нашриёти «Reclam», дар Штуттгард аз ҷоп баромадааст. Китоби «Persische Mythen» «Ривоятҳои форсӣ» [19] бо тасвири харитаи сарзамини Эрони Бузург, яъне сарзамини, ки дар он амали паҳлавонии Фирдавсӣ сурат гирифтааст, шуруфи мешавад, ки ин барои хуб фаҳмидани тарҷумаи Михаел Мюллер ва шинос намудани хонандаи олмонӣ аз ҷиҳати ҷуғрофӣ ба кишваре, ки адабиёти он тарҷума мешавад, ҳамчунин барои тасавури равшани сахнаҳои амали қаҳрамонон ба хонандагонии олмонӣ кӯмак мерасонад. Тарҷумаи М. Мюллер ҳам дар сурати наср ва ҳам дар сурати назм анҷом ёфтааст.

Нахустин мутарҷими «Шохнома» ба забони фаронсавӣ Ланглэ дусад сол пеш ба тарҷумонҳои ояндаи «Шохнома» «таъби устувор ва услуби рангоранг» хоста, ҳамзамон дархост намуда буд, ки тарҷумаҳоро аз дostonҳои ҷудоғонаи шохасари Фирдавсӣ оғоз намудан лозим, ки ин нишондодҳои Ланглэ дар тарҷумаҳои олмонӣ М. Мюллер ба мушоҳида мерасанд.

Мақсади М. Мюллер танҳо аз тарҷумаи ҳарф ба ҳарф иборат набуда, балки тарҷумаи пораҳо аз фаслҳои гуногуни дoston, ки дар китоби худ ҷой додаст, исботи ақидаҳои андешаҳои вай сари ҷойгоҳу рӯзгори Фирдавсӣ ва шохасари ӯ мебошад.

Нухаи тарҷумаи М. Мюллер бо пешгуфтори хубе оғоз гардидааст, ки дар он ӯ оид ба марзу буми Эрони замони ҳеш сухан ронда, «роҷеъ ба бозёфтҳои бостоншиносӣ чунин маълумот овардааст: «Бозёфтҳои бостоншиносӣ нишон доданд, ки аллакай 6000 сол пеш аз мелод тамаддун дар Эрон вучуд доштааст» [19,9]. Ӯ ҳамчунин дар дебоча роҷеъ ба таърихи халқҳои Эронзамин, сулолаи шохони Форс, оид ба андешаи олимони дар бораи Зардушт ва китоби «Авасто» маълумотҳои боварибахш додааст.

Маҳз дар ҳамин ҷо доир ба нахустин мутарҷимони «Авасто» ба забонҳои аврупоӣ чунин нигоштааст: «Авасто» нахустин бор ба забони Аврупоӣ Фарбӣ соли 1771, аз ҷониби франсуз Анкетил д'Перрон тарҷума шудааст. . . Тарҷумаи нахустин ба забони англисӣ аз тарафи Чеймс Дармстетер танҳо соли 1887 нашр гардид. Соли 1910 тарҷума ба забони олмонӣ аз ҷониби Фритс Волф бо номи «Авасто» китобҳои муқаддаси форсӣ сурат гирифтааст [19, 14].

Михаел Мюллер оид ба он, ки нақли ривоятҳои «Шохнома» аз ин китоб, яъне аз «Авасто» сарчашма гирифтааст, чунин нигоштааст: «Дар байни ривоятҳои, ки дар Яшт, қисмати аз «Авасто» ҳастанд, якчанд ҳикояҳои хеле қадимае, ки шояд аз замони бутпарастии ҳинду эронӣ омадаанд, ҷой гирифтаанд.

Дар онҳо доир ба корнамоиҳои худён, шохон ва ҷангҳо бар зидди душманони ғайритабиӣ ва инсонӣ маълумот оварда шудааст. Бисёре аз ин ривоятҳо дар «Шохнома»-Китоби Шохон, дар ҳамсаи назмии шоир Фирдавсӣ, ки соли 1010 ба анҷом расонида буд, вохӯранд».

Дар тарҷумаи китоб, пеш аз ҳама, ба фасли «Китоби Шоҳон: «Шоҳнома»-и Фирдавсӣ» рӯ ба рӯ мешадем. Ин фасл бо мақсади ошно намудани абармарди майдони сухан ва шоҳасари безаволи ӯ ба хонандаи Аврупо ба забони олмонӣ тарҷума шудааст. Дар тарҷумаи бахшҳои «Шоҳнома», пеш аз ҳама, «Китоби Шоҳон: «Шоҳнома»-и Фирдавсӣ», «Мавҷудоти асотирӣ дар «Шоҳнома», «Таърихи Зардушт, Куруш ва Искандар», «Ривоятҳои пешини «Шоҳнома», «Ниёғони Рустам», «Ҳикояҳо дар бораи Рустам», «Тантанаи НЕКӢ бар БАДӢ» ва ғайраҳо, ки баҳри тасдиқи ақидаву андешаҳои М. Мюллер оид ба рӯзгору осори Фирдавсӣ омадаанд, мазмуни асло нигоҳ доштаанд. Ба гуфти ӯ «чунин номаҳо, китобҳо зиёданд, аммо «Шоҳнома»-и Фирдавсӣ бо зебӣ ва тозагии забони худ дар адаби форсу тоҷик ҷойгоҳи виҷаро ишғол мекунад».

М. Мюллер ба он кӯшидааст, ки бо забони содаву раван ва суханҳои фаҳмо нозукиҳои зебою услубии дostonро барои хонандаи олмонизабон пешкаш бинамояд. Ӯ оид ба таърихи бунёд намудани китоб, ки Ҳаким Фирдавсӣ роҷеъ ба ин мавзӯ чунин нигоштаанд:

Яке паҳлавон буд деҳқоннаҷод,
Далеру бузургу хирадманду род.
Пажӯҳандаи рӯзгори нахуст,
Гузашта суханҳо ҳама боз ҷуст. . .
Зи ҳар кишваре мӯъбаде солх(в)ард,
Биёвард ин номаро гирд кард. . .
Якҷояк аз ӯ бахт баргашта шуд,
Ба дасти яке банда-бар қушта шуд.
Бирафт ӯву ин нома ногуфта монд,
Чунон бахти бедори ӯ хуфта монд. . .
Дили равшани ман чу баргашт аз ӯй,
Суи тахти шоҳи ҷаҳон кард рӯй,
Ки ин номаро даст пеш оварам,
Зи дафтар ба гуфтори хеш оварам [1, 26-28].

мегуяд: "Аз бахши роҷеъ ба таърихи пайдо шудани «Шоҳнома» бармеояд, ки мутарҷим, на танҳо аз сарчашмаҳои дигар, балки аз андешаҳои худ Фирдавсӣ низ баҳрабардорӣ намудааст. Аз ҷумла: «Сарчашмаҳои истифодакардаи Фирдавсӣ кадомҳоянд? Худи Фирдавсӣ мегуяд, ки на танҳо ба асарҳои шифоҳӣ таъя намудааст, балки ба асноди хаттӣ имконияти шинос шуданро доштааст. Ва наздик ба ҳазор байти эҷоднамудаи шоир Дақиқӣ, ки пеш аз эҷоди Китоби Шоҳон сурат гирифтаасту худаш наздикиҳои садаи X қушта шуда буд, Фирдавсӣ байт зам намудааст» [19, 49] ва ин пораи шеърро низ барои тасдиқ ба фикраш овардааст:

Дар тарҷума:

Obwohl er nur sehr wenig in Reime fasste,
Eintausend Verspaare voller Feste und Gefechte,
War er mein Vorlaeufer und nur er,
Denn er setzte die Schahs auf ihren Thron...
Die Könige mit seinem Gesang zu preisen war seine Sache,
Und die Prinzen mit seinen Lobliedern zu kronen.

Ин байтҳо дар тарҷумаи ҳарф ба ҳарф чунин садо медиҳанд:

Гарчанд, ки вай шеърӣ кам эҷод кард,
Ҳазор байти пур аз ҳисору набард,
Буд вай- пешгузаштаи ман ва танҳо он,
Баски вай нишонд ба тахташон Шоҳон. . .
Буд кори вай бо сурудаш васфи шоҳон.
Бо мадеҳаҳои сарафроз кардани шоҳзодагон.

Дар тарҷумаи ин пора хунари эҷодии М. Мюллер зухур ёфтааст, чунки ӯ мазмунро дуруст дарк намуда, ҳадафи шоирро ба хонандаи олмонӣ расонида тавонистааст ва мо дар ин пора мазмуни шеърӣ Фирдавсиро хис мекунем.

Ба сухани худ Михаил Мюллер «Асарҳои шоирони бузург чун Дақиқӣ ва Фирдавсӣ ба одамон. . . имконияти ба забони модарии худ хондан ва шуниданро фароҳам овардаанд».

Пайдост, ки М. Мюллер бо меҳварзии бузург рӯзгору пайкори Фирдавсӣ ва ормонҳои ӯро аз «Шоҳнома» ба олмонизабонон пешкаш намудааст.

Як ҷиҳати хуби кори М. Мюллер дар он аст, ки ӯ дар дохили ҳар як фаслу зерфасли дoston тасвирҳои аз корномаи қаҳрамонони дoston овардааст, ки хонандаи зақӣ аз ин тасвирҳо амали қаҳрамонони «Шоҳнома»-ро ба хубӣ тасавур карда, манзараҳое, ки он ҷо қаҳрамонҳои (персонажҳои)-и дoston ҳарбу зарб доранд, ҳамчун сахнаи воқеа дар назар мучассам мешавад.

Дигар ин ки М. Мюллер баъди овардани номи қахрамонони асар, ба ҳамон тарзе ки дар «Шохнома» зикр гардидаанд, навиштани номхоро аз рӯи «Авасто» чой додааст. Аз ҷумла, дар боби «Ривоятҳои пешини «Шохнома» ӯ овардааст: «Das eigentliche Epos beginnt mit der Geschichte der Pischdadi-Dinastie, der Paradata des Awesta. Die erste mythologische Gestalt, von der berichtet wird, ist Kajumars (der erste Mensch, der Gajomartan oder Gajomard des Awesta)» [19,50]. «Ҳамосаи асли, бо таърихи сулолаи Пешдодиён, дар «Авасто» Парадата оғоз мегардад. Симои нахустини асотирие, ки дар бораи он маълумот дода мешавад, Каюмарс (Одами аввалин, Гаёмарган ё Гаёхмард дар «Авасто») мебошад».

М. Мюллер дар мавриди ошно намудани Фирдавсӣ дар фасли «Китоби Шохон: «Шохнома»-и Фирдавсӣ» оид ба рӯзгору осори Фирдавсӣ, таърихи эҷоди «Шохнома» ва подоши хуб нагирифтани шоир аз тарафи Султон Маҳмуд маълумоти мухтасар меорад. «Фирдавсӣ, ки дар Тус (Хуросон) аз оилаи деҳқон чашм ба олами ҳастӣ кушодааст ва асари худро соли 1010, яъне 350 сол баъди забти Эрон аз тарафи арабҳо пурра ба анҷом расонидааст. «Шохнома», ки ба Султон Маҳмуд аз сулолаи Ғазнавиҳо бахшида шуда буд, на танҳо ба хотири дорои арзиши адабии худ қадр навид, балки ба он хотир қадраш шинохта нашуд, ки он якҷанд маълумотхоро дар бораи анъана, урфу одатҳои Эронӣ то қабули Исломо дар бар мегирифт».

Дар бораи он ки саҳнаҳои пайкори қахрамонон ҳамчун мавзӯи санъати тасвирӣ нақши муҳимро мебозанд, ӯ чунин нигоштааст: «Баъдтар, аз садаи 14 сар карда, мусаввараҳо ба асоси дастхатҳои «Шохнома» ба вучуд омадаанд. Заҳхоки морон, Фаридун бо гурзи говсари худ, Исфандиёри рӯинтан, Рустами шерафган, Симург–паррандаи ҳомӣ ва девҳо симохое мебошанд, ки дар санъати рассомӣ ҳамеша воমেҳуранд. Ривояти Рустам мавзӯи хубест барои ороиши тахтасангҳо. Қарибҳои охири садаи 19 ва аввали садаи 20-ум рассомони халқӣ низ барои ба ном «Қаҳвахона-Нигористон»-и худашон бо шавқ аз саҳифаҳои «Шохнома» истифода кардаанд».

Агар мо таърихи тарҷумахоро аз осори классикони адабиёти тоҷикӣ форс дар Аврупои Ғарбӣ биомӯзем, мебинем, ки «Шохнома», ба вижа, достони «Рустам ва Сӯҳроб» аз ҳама пештар ва бештар ба забонҳои Аврупои Ғарбӣ, ба вижа, ба забони олмонӣ баргардонида шудааст. Пеш аз ҳама, рӯҳи амиқи фоҷиабори ин достони пур аз оби чашм диққати мутарҷимону хонандагонро ба худ ҷалб намудааст ва ҳамчунин дар ин дoston мавзӯҳои асосии «Шохнома»-муборизаи ду қувваи ба ҳам зид: – неки ва бадӣ, саъю кӯшиш баҳри тантанаи озодиву пирӯзии инсоният, корнамоию ҷонфидоии ҷавонмардонаи таҳамтанон, ривоятҳои таърихӣ дар боби дифои марзу буми Ватан ва нангу номуси ватандорӣ ва ғайраҳо чойгоҳи хосае доранд ва яке аз мавзӯҳои асосии адабиёти бадеӣ ба ҳисоб меравад.

Дар тарҷумаи хеш М. Мюллер низ аз ин асари пурсӯзтарини адабу фарҳанги ҷаҳон таъсир гирифта, пораеро ба забони модарии худ тарҷума намудааст. Ӯ ҳангоми тарҷума ба он кӯшидааст, мазмуни нухайи асл осеб набинад ва барои далели ин фикр пораеро аз он бо номи «Марги Сӯҳроб» меоварем.

Дар нухайи асл:

«Ба гӯштигирифтани ниҳоданд сар,
Гирифтанд ҳарду дуволи камар.
Сипаҳдор Сӯҳроб он зӯри даст,
Ту гуфти, ки чархи баландаш бубаст.
Ғамин гашт Рустам, биёзид чанг,
Гирифт он сару ёли чанги паланг,
Ҳам овард пушти диловар ҷавон,
Замона сар омад набудаш тавон.
Зодаш бар замин – бар ба кирдори шер,
Бидонист, к-ӯ ҳам намонад ба зер,
Сабук теги тез аз миён баркашид,
Бари пури бедордил бардарид» [1, 291].

Ин пора дар тарҷумаи Михаил Мюллер чунин сурат гирифтааст:

«Ба гӯштигирифтани ҳар ду ниҳоданд сар,
Гирифтанд камарбанди чармини ҳамдигар
Зи Сӯҳроб битвон гуфт: «Чархи баланд
Шуд садди ӯ», ба вақте ки Рустам ёзонда даст
Гирифт сару гардани чанговар-паланг.
Хобонд бар замин тани диловар ҷавон
Замона расид, тарк намудаш (ҳамаи) тавон
Ӯро зад бар замин ба кирдори шер

Донист, ки Сӯҳроб намонад (чунин) хобида ба зер,
Пасон теги тезаш аз миён баркашид
Қафаси синаи писари таҳамтанаш бардарид».

Ҳамзамон, хангоми тарҷума вобаста ба зинаи рушди назария ва амалияи тарҷума ва афкори адабиёти эстетикӣ замон, завқи тарҷумон ва бардоштҳои табиӣ забон дар тарҷума камобеш тағйирот ба амал меояд.

Аслан шумораи мисраъҳо дар нусхаи асл 12-то буда, дар тарҷума ин шумора ба 11 мисраъ омада мерасад, вале аз муқоисаи матни асл ва тарҷумаи Михаел Мюллер пайдост, ки мутарҷим мазмуни асосии нусхаи аслро эҳтиёткорона нигоҳ дошта, аз ӯҳдаи тарҷумаи наздик ба матни асли нигорандаи «Шоҳнома» баромадааст. Тарҷумаи мисраъҳои сеюм, чорум, панҷум ва шашуми нусхаи асл дар тарҷумаи Михаел Мюллер ба мисраъҳои сеюм, чорум ва панҷум рост омадааст, ки маънои мисраъҳои зикргардидаро ифода менамояд. Мутарҷим гоҳ-гоҳ дар тарҷума иловаҳо ворид намудааст, ки ин иловаҳо аз ташбеҳ, тафсир, қайдҳои чузбӣ ва баъзе лаҳзаю манзараҳо иборат буда, ба мазмуни асл осебе нарасонидаанд. Баъзе лаҳзаҳо самарай ҳаёли бадеии худ М. Мюллер буда, ба назар мерасад, ки дар баъзе лаҳзаҳо мазмуни нусхаи аслро тафсир додааст. Нигоранда то қадри ҳол бар он кӯшидааст, ки дар тарҷумаи ҳеш ҳатто тобиши ягон калимаю ибора ё худ фикру ҳисси Ҳаким Фирдавсӣ аз мадди назар дур намонад.

Ба вижа, бояд таъкид дошт, ки «Достони Рустам ва Сӯҳроб» дар такмили Михаел Мюллер ва дигар мутарҷимони олмонӣ дар боби тарҷумаи ҳамосаи Фирдавсӣ ба забони олмонӣ зинаи муҳим ба шумор меравад ва симои пайгамбаронаи Ҳаким Фирдавсӣ дар фазои адабӣ, илмӣ, фарҳангӣ ва ҳатто иҷтимоӣ Олмони садаи XIX зеботару муассир намоён шуда, олмониву Олмонро нуру сафои хайратангезе аз фарҳанги форсӣ бахшида, ҳамзамон тавачҷӯҳ ва меҳри олмонихоро ба решаҳои тамаддуни форсӣ бедор ва пойдор намудааст!

Бо боварӣ метавон гуфт, ки дар садаи XIX Ҳаким Фирдавсӣ бо оташи ҷонафзои шоҳасари худ аз ҳамаи шоирони Ховарзамин дида, дили Аврупоро бештар гарм ва рӯҳи Аврупоро бештар тасхир намудааст. Дар давраҳои баъдина ва беш аз пеш дар садаи XX ин қадру эътибори «Шоҳнома» боло рафт. Олимони олмонизабон пажӯҳишҳои худро сари эҷоди Ҳаким Фирдавсӣ ва сирру асрори «Шоҳнома» давом ва инкишоф дода истодаанд, чунки «Шоҳнома»-ро «ҳама ҳосу ом ба ҷон дӯст медоранд, зеро дар вай ҳаёт ҳаст, орзуо омол ҳаст, вай аз ёд ба ёд, аз сина ба сина мегузарад, дар зехну ҳисси хонанда ҷо мешавад» [26,74].

Хулоса, шоҳкориҳои Фирдавсӣ дар Аврупо на бо саъйи ворисон, балки бо ҷидду ҷаҳди адабиётдӯстони кишварҳои ташнаи адаби форсӣ пазируфта шудааст. Бахшҳои ҷудогонаи шоҳасари Фирдавсии бузургро на аз аҳли илму адаби форсу тоҷики олмонидон ба Олмон бурдаанд, балки бо тарҷумаҳо ва пажӯҳишҳои Ҳаммер фон Пурпштал, Йохан Волфганг Гуте, Йозеф фон Гёррес, Фридрих Рюккерт ва Адолф Фридрих фон Шакк Фирдавсию «Шоҳнома» вориди Олмон шуд ва ба назми романтикӣ Олмон ҷилои тоза бахшиданд. Романтикҳо романтизмро дар адабиёти асримиёнагӣ меҷӯстанд ва «маҳз дар асари Ҳаким Фирдавсӣ романтикҳои урупоӣ образ ва маъниҳое, ки бо санъати романтикӣ созгорро дарёфтаанд» [32,77].

Аврупоиҳо пай бурданд ва бовар ҳосил карданд, ки «Ҳаким Фирдавсӣ араб нест ва яке аз даҳоеи мост; ҳамроҳи Ҳофизу Хайём вай (яъне Фирдавсӣ -Ғ.З.) мӯъҷизаи хайратангези адабиёти форсӣ буда, устувориҳои даҳои Ҳинду Аврупоиро аз мағзи хангомаҳои ғамангезтарини таърихи Осиёи равшан намудааст» [21,11]-навиштани донишманди фаронсавӣ Эрнест Ренан бар ҳусни хотимаи андешаҳои мо меафзояд ва моро ба хулосае меоварад, ки Фирдавсию «Шоҳнома» на танҳо дар рушду нумӯи адабиёт ва фарҳанги олмонӣ, балки дар нерӯи тоза пайдо кардани рӯҳи ватанхоҳии олмонӣ қора кардааст. Ва ин ҷо беихтиёр ду байт аз шоири тоҷик ба ёд мерасад ва навиштаҳои моро як навъ ҳусни хотима мебахшад:

Дуруде бар он пири донои Тӯс,
Ки хуршеду маҳ оядаш хокбӯс.
Ҷаҳонпахлавони ҷаҳони суҳан,
Ҷаҳонхусрави ҷовидони суҳан.

АДАБИЁТ

1. Абулқосим Фирдавсӣ Шоҳнома, ҷилди 1, 2., Д.: Ирфон, 1964.
2. Абулқосим Фирдавсӣ. Ҷанги Рустам ва Сӯҳроб (Порча аз Шоҳнома). –Д.: Ирфон, 1969.
3. Abul-Qasim Firdausi. Das Künigbuch. Deutsch von Helmhart Kanus-Crede. Verlag J.J. Augustin, Glückstadt., 1967.
4. А. Гейзер. Аввалин маълумот аз рӯзгори Фирдавсӣ дар Аврупо. Дар китоби «Шоҳнома»-и Фирдавсӣ падидаи бузурги фарҳангӣ дар тамаддуни ҷаҳонӣ.-Д.: Техрон, 1373. (1994), (ба форсӣ, англисӣ ва русӣ).
5. A. Schimmel. Orientalische Dichtung in der Übersetzung Friedrich Rückerts. Bremen, Carl Schönemann Verlag, 1963.

6. А. Сатторзода. Адабиёти форсӣ дар ҳавзаҳои фарҳангии дигар. //Кӯҳна ва нав.-Д.: Адиб, 2004.
7. В. Гёте. Девони Ғарбӣ ва Шарқӣ. Лейпциг. 1972.
8. В. Гёте. Нокомиҳои Вергери ҷавон. Шарҳе ба Девони Ғарбӣ ва Шарқӣ. Аз олмонӣ тарҷумаи Шерали Раҳим. -Д.: Адиб, 1996.
9. Валӣ Самад. Пайвандҳои адаби ҷун омилҳои муҳими инкишофи адабиёт. -Д.: Ирфон, 1976. 10. Валӣ Самад. «Шохнома»-и Фирдавсӣ ва Чернишевский. -Д.: Адиб, 2005. (Нашри II).
10. Г.Шаҳидӣ. Шефтаи назми Шарқ//Маданияти Тоҷикистон, 6,09.1983.с.-3.
11. Зафар Мирзоев. Фирдавсӣ барои «гонорар» ҳеҷ гоҳ назди Маҳмуд нарафта буд. //Миллат.-2007.№17. с.-9.
12. Ingeborg Hildegart Sorbig. Hammer-Purgstall und Goethe. Bern und Frankfurt am Main, Verlag- Herbert Lang Bern., 1973.
13. Л.Ф. Айрумян. Фирдавсӣ ва адабиёти немис//Мақтаби советӣ.-1985.-№1.
14. Л.Ф. Айрумян. Из истории переводов «Шахнаме» Фирдавсӣ на немецкий язык. //Материалы научно-теоретической конференции молодых учёных Таджикской ССР. Д.-Дониш, 1983.
15. М. Баҳор. Ашӯри мунтахаб. –ст. (Н.Д.Т.), 1958.
16. М.И. Нудушан. Мо ва Фирдавсӣ. //Яғмо, 1354, №6, Техрон.
17. Mahmoud Alali-Huseinat. Rückert und der Orient. Frankfurt am Main. Berlin. Bern. New York. Paris. Wien., Verlag Peterlang, 1992.
18. M. Mueller. «Persische Mythen», Stuttgart: Reclam 1994.
19. М. Қаноат. Шоир Фирдавсӣ. //Шарқи Сурх., 1959, №5.
20. Раҳимҷони Шарофзода. Шӯҳрати ҷаҳонии «Шохнома». -Д.: 2005.
21. Сайид Алӣ Мусавӣ Гарморудӣ. Маводи ҳамоиши байналмиллатии «Рӯмӣ ва Гёте»: Муколамаи фарҳанго. Хӯҷанд: Нури маърифат, 2007.
22. С. Воҳидова. Изучение духовного наследия таджиков в Германии. -Д.: 2002. (Гл. ред.Т.Н. Э).
23. Т. Отахонов. Гёте ва Ҳофиз //Мақтаби советӣ.-1983.-№1.
24. Friedrich Rückerts (1788-1866). Ausgewählt und eingeleitet von A. Schimmel. Übersetzungen persischer Poesie. Wiesbaden. Otto Harrassowitz-Verlag. 1966.
25. Х. Асозода. Абулқосим Фирдавсӣ дар шинохти Сотим Улуғзода. -Д.: Адиб, 2000.
26. Хурави Нокид. Хитобаи Шедери олмонӣ дар бораи «Шохнома» (Форсӣ). //Фарҳанг, сентябр-октябри соли 2006. с.-1-2. Таҳияи Фуломова Зӯхро. -Душанбе. //Адаб, №2, 2007, с. 18.
27. Hansen, Kurt Heinrich: Das iranische Königsbuch. Aufbau und Gestalt des Schahname von Firdosi. Mainz, Steiner Verlag, 1954. (Akademie der Wissenschaften und der Literatur. Abhandlungen der Klasse der Literatur Jg. 1954, Nr.3)..
28. Ш. Мухтор. Савтҳои Ховар. -Д.: Ирфон, 1986.
29. Ш. Мухтор. Фирдавсӣ дар шеърӣ дунё. -Д.: Адиб, 1991.
30. Ш. Мухтор. Адабиёти тоҷик дар Франсия. -Д.: Ирфон, 1985.
31. Ш. Мухтор. Персидско-таджикская классическая поэзия во Франции. -Д.: Деваштич, 2003.
32. Шӯҳрати Шохнома дар Олмон. //Омӯзгор, 2002. 8-май.
33. Я.И. Гордон. Гейне в России (1870-1917). -Д.: Дониш, 1979.
34. Энциклопедияи совети тоҷик. Д.:1988.
35. Fritz Wolff. Glossar zu Firdawssi's Schahnoma. Berlin, 1935.
36. Hans Heinrich Schäfer, Firdosi und das persische Nationalepos, Spektrum Iran, №2, 18. Jahrgang 2005, S. 11.
37. Theodor Nöldeke. «Das iranische Nationalepos», «Ҳамосаи миллии Эрон» солҳои 1896-1904 (нашри якум) ва соли 1920 (нашри дуввум) дар шаҳри Берлин ва Лайпциг.

МЕСТО ПЕРЕВОДОВ ПОЭМЫ “ШАХНАМЕ” ФИРДОУСИ В ИСТОРИИ ТАДЖИКСКИХ И НЕМЕЦКИХ ЛИТЕРАТУРНЫХ СВЯЗЕЙ

История переводов поэмы “Шахнаме” Фирдоуси на немецкий язык очень интересна. В статье речь идет об истории переводов этой пледы, которая свидетельствует о таджикских и немецких литературных связях. Темы поэмы “Шахнаме” такие, как идея борьбы зла и добра, борьба за победу добра над злом и свобода человечества, а также другие темы, которым отведено особое место в поэме “Шахнаме”, совпадают с основными темами европейских романтиков, особенно с немецкими романтиками и являются причиной приобретения большого авторитета и известности Фирдоуси в Германии в конце XVIII-го и в начале XIX-го веков.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Хақим Фирдоуси, Шахнаме, Западная и Восточная цивилизация, таджикский и немецкий народ, немецкий язык, Гёте, Хаммер фон Пургштал, западно-восточная поэма, библиотека, Германия, немецкая литература.

PLACES OF TRANSLATIONS OF THE POEM “SHOHNOMA” BY FIRDOWSI IN THE HISTORY OF GERMAN-TAJIK LITERARY CONNECTION

The history of the translation of the poem “Shohnoma” by Firdowsi in German is very interesting. The article deal with the history of translations of this masterpiece which witness (the connection of German-) German-Tajik literary connection.

Initially the author tells about the first translations of separate parts of “Shohnoma” in prose. The poem “Shohnoma” particularly “Rustam and Suhrob” with its tragic spirit conquered hearts of readers in Europe. Topics of “Shohnoma” such as ideals of struggle between goodwill and evil, struggle

for the victory of goodwill over evil and the freedom of the humanity and other topics which take particular place in "Shohnoma" coincide with main topics of European romantics, particularly with German romantics is considered the reason of gaining great authority and fame of Firdowsy in Germany at the end of XVIII and the beginning of XIX centuries.

KEY WORDS: Hakim Firdowsi, "Shohnoma", history of german-tajik literary connection, German romantics is considered.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: З. Гуломова – старший преподаватель кафедры немецкого языка и методики его преподавания факультета романо-германских языков Таджикского государственного педагогического университета им. С. Айни **Телефон:** 93-585-10-60

ОСОБЕННОСТИ ОСВЕЩЕНИЯ ИДЕЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ДЖАДИДСКОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ

М.А. Абдуллаев

Российско Таджикский (славянский) университет

С наступлением XX века таджикское просветительство вступило в свою вторую фазу – эпоху джадидизма. Одно из главных отличий второго этапа просветительства от первого было в том, что в Центральной Азии появилась независимая, мусульманская периодическая печать.

С одной стороны, периодическая печать других мусульманских стран – Ирана, Индии, Турции, Татарстана (в том числе татарская печать Крыма), Азербайджана поступала в Среднюю Азию, а с другой сами бухарцы и туркестанцы начали учреждать и издавать собственные газеты и журналы. Читателями, организаторами, пропагандистами, распространителями и авторами этой периодической печати были джадиды – новые просветители нового века. Таким образом, эпоха таджикской дожурналистской (допечатной) журналистики закончилась только в самом конце 19 века, когда у других народов, в том числе мусульманских печатная публицистика и журналистика находились в стадии развития.

Печатное дело и периодическая печать были одной из основ развития европейской цивилизации и национального самосознания европейских народов, начиная с эпохи Возрождения. Осознав их полезность в распространении новых знаний и подъема национального самосознания, передовая интеллигенция мусульманских народов, несмотря на жесткое противодействие фанатично настроенных клерикальных кругов, начала активно внедрять книгопечатание и периодическую печать. Таким образом, в Египте первая газета появилась в 1828 году,[1] в Иране в 1837 году,[2] в Турции в 1831 году,[3] в Крыму в 1883[4] году.

Вот что пишет Ханна аль-Фахури о внедрении периодической печати в арабских странах: «Как только они (имеются в виду ливанцы – А.М.) узнали о появлении газет и осознали, сколь велико значение прессы, (имеется в виду середина 19 века – А.М.) они с необычайным энтузиазмом и энергией принялись развивать печатное дело в своей стране».[5] так как «оно будило патриотические чувства, боролось против угнетения, требовало свободы страны. Пресса способствовала распространению цивилизации на Востоке, знакомила арабские страны с политическим и общественным строем других государств, с научными открытиями в них».[6]

Такое понимание, осознание роли и силы периодической печати в деле национального просвещения и самосознания пришло к бухарцам (туркестанцам) только в начале XX века. Но даже в это время, когда среди других мусульманских народов печать и европейские методы организации образования стали обычным явлением их культуры и общественной жизни, против учреждения прессы и новометодных школ ожесточенно боролись реакционные религиозные силы, совместно с невежественными эмирами мангитской династии. Той династии, невежественность и мракобесие которых беспощадно и открыто описал Ахмад Дониш в «Историческом трактате», написанном в жанре публицистического памфлета.[7]

Ожесточенное религиозно-государственное противодействие, глубокие предрассудки и темнота народных масс привели к тому, что новое сознание, новые знания, новое видение мира и национальной жизни, носителями которых были джадиды, пробивали себе путь с огромными трудностями и лишениями.

Эпоха джадидизма в Бухарском Эмирате – это эпоха зарождения и становления таджикской журналистики и печатной публицистики. наряду с организацией новометодных школ, джадиды придавали большое значение прессе, так как, познакомившись с персидской и тюрко-татарской мусульманской прессой, они осознали ее роль и силу в распространении новых идей в массах. Бухарцы начали получать и читать такие персидские и тюрко-татарские газеты как «Хабл-ул-матин» (Индия), «Чехранамо» и «Парвариш» (Египет), «Тарджумон» (Крым), «Мулла Насреддин» (Азербайджан),

«Вакт» (Оренбург) и т.п.[8] Все эти издания и особенно газета «Вакт» активно освещали бухарскую действительность, поддерживали новые начинания джадидов, резко критиковали бухарское правительство и особенно религиозных фанатиков. Передовые люди Бухары поняли, что одним из методов борьбы в деле просвещения народа является пресса и публицистика.

Все это, конечно же, оказывало воздействие как на джадидов, так и на «кадимистов» («последователей старых порядков»). Как ни парадоксально этому обстоятельству исследователи до сих пор не придали значения; обе стороны, и джадиды и кадимисты, читали прессу, понимали ее роль. Как отмечает С. Айни с прессой, новой литературой и политической обстановкой мира был знаком казикалон (верховный кадий) Бадриддин. Он лично знал основателя тюрко-татарского джадидизма Исмаила Гаспринского и редактора газеты «Улфат» Абдурашида Ибрагимова.[9] Но после смерти кадия Бадриддина (1908 год), который держал в узде бухарское «уламо» (духовенство) ситуация изменилась. «Уламо» освободившись, от его строгого надзора и контроля начали «самовольные действия»[10] и, прежде всего, ополчились на джадидов.

В Бухаре первые газеты «Бухорои шариф» на таджикском языке и «Турон» на узбекском языке появились в 1912 году, но вскоре были закрыты. «Бухорои Шариф» просуществовала всего более полугода, с марта 1912 по январь 1913 годов и после 153 номера была закрыта.[11] С июля 1912 года была учреждена узбекоязычная газета «Турон», которая также была закрыта после 49 номера.

Как описывает С. Айни, разрешение от бухарского правительства для учреждения газет «Бухорои Шариф» и «Турон» джадиды получили от политического агентства царской администрации в Кагане.[12] Но в самом начале 1913 года издание газет было приостановлено по инициативе этого же политического агентства. По мнению С. Айни, причиной было то, что царская администрация вначале думала, что газеты будут про-правительственными и про-царскими, наподобие «Туркистон вилоятининг газети».[13] Но этого не случилось, потому что «эти газеты раскрывали народный ум, направляли его в сторону культуры и просвещения, и, в свою очередь народ относился к ним с благосклонностью».[14] Это не нравилось ни царским дипломатам, ни бухарскому правительству. После закрытия «Бухорои Шариф» и «Турон» на территории Бухарского Эмирата негласно было запрещено учреждение прессы. Бухарское правительство для защиты своих интересов не учредило даже свою собственную, «неджадидскую», правительственную газету. Этот факт позволяет сделать вывод, о том, что эмирская администрация газету рассматривала только как проявление джадидского оппозиционного сознания, и не могла допустить мысли, что газета может быть также государственной, то есть «неджадидской» и сугубо «эмирской». Поэтому вплоть до сентября 1920 года, то есть до Бухарской революции, на территории эмирата местной прессы не существовало.

Несмотря на то, что газета «Бухорои Шариф» просуществовала более полугода, она оказала очень большое влияние на зарождение и становление политического и национального самосознания таджикского народа. Поэтому значение «Бухорои шариф» не только в том, что она является первой таджикской газетой, но также в том, что за короткий срок, в обстановке постоянного давления со стороны эмирского правительства, религиозных фанатиков и политического агентства царской администрации в Кагане, она смогла внести существенный вклад в просвещение и национальное пробуждение бухарского народа. По утверждению С. Айни, именно под воздействием этих двух газет «произошла идейная и научная революция в среде студентов медресе».[15] И в этой же газете мы наблюдаем первые признаки появления уже таджикской идентичности.

Публицистический стиль был основой всей джадидской литературы, которая включала в себя художественно-публицистические произведения, материалы периодической печати и учебники для новометодных школ. Как отмечает И.С. Брагинский, «всем этим видам литературы присуща их крайняя публицистичность».[16] Конечно же, это не было случайным. Потребности самого времени, с ее бурными новыми идеями и действиями были публицистичными. Хотя джадиды, или как они себя называли «чавонон, тараққиқоҳон, тараққиқарварон, мактабхоҳон» - («молодые, прогрессисты, стремящиеся к созданию новых школ») всегда утверждали (по крайней мере до 1918 года), что они политикой не занимаются и их требования являются только культурно-просветительскими, однако анализ источников показывает, что в условиях Бухарского эмирата начала XX века любые новшества, тем более вопросы школы и прессы, приобретали скрытый или явный политический характер. Поэтому старая литература (проза, поэзия, средневековые учебники старых школ и медресе) как в жанровом, так и в содержательном отношении более не отвечала потребностям нового времени, с ее новыми идеями и взглядами на социальное устройство общества. События политизированного общества с его бурными идейными спорами и борьбой требуют именно «крайнего» публицистического стиля отражения и освещения. Мирзо Салимбек (1848-1930), в своей книге «Сборник краткой истории» («Маджмуаи таърихи касира» -1914 г.) поэтическое наследие С. Айни джадидского периода определяет как «национальную поэзию». Но не только поэзия С. Айни, а вся

джадидская прозаическая и поэтическая литература была национальной, так как главной и центральной идеей всей этой литературы был призыв к национальному пробуждению и национальному самосознанию. Именно через национальное пробуждение, подъем национальной идентичности и коренную трансформацию религиозного самосознания джадиды видели путь к развитию и прогрессу своей родины. Тематика джадидской публицистической литературы общеизвестна: это пропаганда и призывы к приобретению светских знаний; к развитию и прогрессу; к приобщению к прессе и новометодной школе - словом ко всему новому и современному. Для этого, по мнению джадидов нужно, чтобы нация пробудилась и поняла необходимость проведения реформ.

Анализ публицистики джадидов показывает, что они призывали к реформам, к национальному пробуждению и пропагандировали претворение их в жизнь, беспощадно и открыто критикуя пороки бухарско-туркестанской действительности, негативные черты общества, препятствующие его прогрессу и развитию. Это первая особенность их публицистики. Для этого они сравнивали действительность Бухары и Туркестана с другими развитыми западными и восточными странами, чтобы перед бухарско-туркестанским читателем открылась вся глубина отсталости их родины. Мирзо Сиродж Хаким (1877-1914) пишет: «Их жизнь проходит с таким размахом, а наша с таким трудом и унижением; купцы нашей страны живут в худших бытовых условиях, чем самые низшие слои населения Парижа. Их базарные кофейни в тысячу раз лучше и чище, чем дворцы нашей знати. Ой, как жаль мне самих себя! Святой хадис «Анназофату мин ал-имони» (Чистота зависит от веры) сказан по отношению к какой нации? И в чей адрес сказан [хадис] «стремись к науке, если это даже в Китае?» По какой же причине они обладают всеми науками и знаниями, а мы испытываем нужду в их науке и умении, и они владеют всем миром. . . Вся наша жизненная утварь покупается из-за рубежа. И кто же [спросите вы], должен нуждаться, как не мы? Необходимо иметь чуть-чуть ума и разума. В конце концов, мы тоже люди и имеем силу [и потенциал] для познания. Наши сердца тоже хотят, чтобы мы жили в хороших домах, наши сердца тоже желают, чтобы наш город был благоустроенным и процветающим.[17] И далее добавляет: «Насколько я прогуливался по Парижу, настолько вспоминал свою любимую родину и всегда проливал слезы [по ней]».[18] Всю эту беспощадную критику, которая прослеживается в ходе всей книги, Мирзо Сиродж подытоживает патриотическим призывом о неизменности любви к родине: « . . . если она и плоха, то все равно это наша родина. Нельзя отчаиваться [по отношению] к родине, нельзя изгонять из сердца любовь к ней. Изъян и порок не в нашей родине, изъян и порок в ее детях, которые являются непутевыми и забыли свой долг [по отношению] к своей матери. Какой бы ни была, все равно это наша родина, любовь к которой Гордость вселенной (т.е. пророк Мухаммад (с) - А.М.), поставил наряду с верой: «Хуббулватана мин ал - имон» - «Любовь к родине зависит от веры». А мы, не зная цену своей любимой родине, не прилагаем усилия для ее благоустройства и исправления».[19]

Такая идея любви к родине в сочетании с критикой ее недостатков прослеживается в творчестве тех джадидов, которые были непосредственно знакомы с развитыми западными и восточными странами, побывали и учились там. Такой подход в особенности выражен в творчестве А. Фитрата (1884-1938), как в поэтической, так и в прозаической форме. Ярким примером является публицистическое стихотворение «Фарёд» («Крик») которое он выслал из Стамбула (где он учился с 1909-1913 годов) и в котором есть такие строки призывающие народ к национальному пробуждению «Хватит нам разрушений и опустошений; безвыходности и беспомощности; о, свет очей, великого Ибн Сины; прошли времена безвыходности; до каких пор будешь терпеть невежество и темноту; до каких пор будешь отвергать науки; обрушился храм твоего благородства; теперь наступили времена пробуждения ото сна; теперь нужно проснуться, восстать и воскликнуть своему оцепенению; о, безжалостная лапа невежества; отчего ты разрушила храм нашей чести!»..[20](подстрочный перевод)

Характерной чертой критики джадидов пороков своей родины и нации является то, что это не пустая критика ради критики, не корыстная критика, а беспощадная самокритика. Джадиды были членами бухарско-туркестанского общества и беспредельно любили свою родину. Их отличие от «кадимистов» и всего остального населения было в том, что для них понятия любовь к родине и самокритика были идентичными.

Другой особенностью джадидской публицистики является то, что они сравнивая свою отсталую родину с развитыми странами, предлагают перенять у последних их прогрессивные достижения и внедрить в бухарско-туркестанское общество. Но развитые западные страны, которые были источником прогресса, и все новое распространялось оттуда, были христианскими. Соответственно мусульманские народы и в особенности бухарско-туркестанские национальности все эти новшества воспринимали как изобретение христиан и такими религиозными предрассудками пользовались фанатично настроенные клерикальные круги, которые были яркими противниками всего прогрессивного и пришедшего извне.

Учитывая это, джадиды все новшества обосновывали исламом и Кораном. Главную идею этих обоснований можно подытожить в следующих формулировках:

- ислам не только не против развития, наоборот является идеологическим фундаментом развития;
- необходимость развития, прогресса и принятия их у неисламских народов и стран уже давно обоснованы Кораном и хадисами пророка;
- мусульмане на заре исламской эпохи жили и руководствовались настоящими заповедями Корана и хадисов, поэтому, достигли высоких результатов в VII-IX веках.
- западные, христианские общества, хотя и не верят в Коран, но руководствуясь именно его заповедями, претворили их в жизнь и достигли таких высот.

Все публицистические работы А. Фитрата пронизаны этой идеей. Одно из его произведений так и называется «Путеводитель спасения» («Рахбари наджот»),[21] под которым понимается именно Коран. Наиболее явственно это видно в его другой публицистической работе написанной в жанре интервью, «Спор: истина есть результат столкновения мнений». В споре, который идет между бухарским мудarrisом (преподавателем медресе) и европейцем, читаем такие строки со слов последнего: «Мы, европейцы, хотя и являемся врагами вашей ясной религии, и наша религиозная ненависть требует от нас, чтобы мы сжигали ваш Коран и хадисы, но, [тем не менее], для своих интересов оставили в стороне свою религиозную вражду, обратили свои взоры на ваш Коран и хадисы. [Затем] мы начали претворять в жизнь его приказы и достигли таких высот и прогресса. А вы оставаясь в невежестве и оцепенении от приносящих счастья предписаний Корана и мудрых значений хадисов, упали в свою нынешнюю отсталость».[22]

Подобные доводы приводились, потому, что бухарско-туркестанское общество было сугубо религиозным и все должно было обосновываться исламом. Другой идеологии бухарско-туркестанское общество не знало, поэтому даже исламская реформация воспринималась с трудом и враждебностью. Это хорошо понимали джадиды, поэтому прилагали все свои усилия для изменения, прежде всего религиозного сознания. Пропаганда патриотических и национальных идей синтезировалась с исламскими идеями, с исламским мировоззрением: «Ислам наша религия, ислам наша честь, ислам наше счастье, ислам наша гордость, ислам причина нашего благополучия, наш пророк оставил нам ислам для его сохранности. Бухара наша священная родина, Бухара наша добрая родина, Бухара место нашего процветания, Бухара наша милая возлюбленная, Бухара наша дорогая страна, Бухара – наша, мы из Бухары! Поэтому такую невежественность, лень, неосведомленность, бездеятельность, которые приводят к уничтожению этой ясной религии и растаптыванию этой священной родины, которую мы воспринимаем с явным бесчестьем, не примут никакой шариат и никакой «урф» (традиция).[23]

В совокупности, как мы уже отмечали, центральной темой всей публицистической литературы джадидов была тема национального самосознания и призыв к национально-религиозному пробуждению. Объектом страстной публицистической пропаганды и призывов джадидов была наднациональная бухарско - туркестанская нация. Именно эту нацию они призывали к пробуждению и национальному самосознанию.

Вышеназванная публицистическая работа А. Фитрата «Спор» начинается такими словами: «Моим дорогим соотечественникам, благородной нации Бухары, известно, что [вот уже] некоторое время нашу священную Родину охватило противостояние нового и старого, источником которого являются заблуждения и сеющие смуту [среди] [народа] некоторые предатели нации...».[24]

Как видим, Фитрат определяет весь народ Бухары понятием «благородная нация Бухарь», которая для них считалась и родиной, и нацией.

В «Путеводителе спасения» А. Фитрат в равной мере обращается к бухарцам и туркестанцам, обличая и критикуя негативные и отрицательные стороны их национального характера, задерживающие прогресс и движение вперед: «Мы, туркестанцы, считаем «таваккул» («упование на бога») бессилие, лень, невежество, неспособность, неопытность и в общем, все недостойное, что существует в мире, и поэтому считаем их богоугодным и дозволенным шариатом» Или: «Мы, бедные бухарцы, которые в год хороним тысячи нашего потомства и никто даже и не думает сочувствовать нам».[25]

Один из видных деятелей джадидизма М. Бехбуди (1875-1919) в своей пьесе «Отцеубийца», которую он сам называет «национальной трагедией», со слов передового интеллигента начала XX века восклицает: «О боже! Будь милосердным исламской «умме», (религиозная община мусульман), в особенности к нам туркестанцам»![26]

В публицистической поэзии джадидов придается большое значение идеализации прошлого исламской цивилизации. Джадиды обосновывали свои идеи, тем, что в прошлом мусульманские народы, в особенности на территории Мавераннахра достигли больших высот в науке и культуре. В описании великих прошлых эпох мы отчетливо наблюдаем наднациональное бухарско-туркестанское

сознание, в соответствии с которым для джадидских авторов идеалом в равной мере были и Саманиды и Тимуриды, и Ибн Сина и Улугбек. Сиддикии Аджзи (1864-1927) в своей публицистической поэме «Мирьоти ибрат» («Зеркало поучений») пишет: «Там можно найти представителей всех наций: мусульман, евреев, христиан и зороастрийцев; медресе, которые построены Тимуридами; светлые и блестящие, как фарфоровая чаша». Или: Улугбек ибн Шахрух ибн Тимур; сердце которого было наполнено наукой и просвещением: не удовлетворившись только земной наукой; увлекся небесными звездами» (*подстрочные переводы*).[27]

С. Айни в своем публицистическом стихотворении «Самарканд и Бухара» (1917), в равной мере хвалит Бухару времен Саманидов и Ибн Сины, а также Самарканд времен Тимуридов и Улугбека:

«Это тот Самарканд, откуда Улугбек-мирзо поднял знамя знаний и независимости. . .

Эта та Бухара, великая Бухара, с территории которой по всему миру распространилось просвещение; эта та Бухара, которая дала Ибн Сину; дала ему такой ранг и положение, которые доселе никто не помнит; эта та страна Бухара, для процветания которой Саманиды соревновались с другими городами (*подстрочный перевод*).[28]

В этих строках джадидских авторов мы видим и чувствуем некоторую идеализацию прошлого. Но такое понимание мусульманской истории было основано на реальных исторических фактах, которые подтверждены, в том числе западными исследователями.

Итак, вышесказанное приводит нас к заключению о том, что джадиды в своей публицистике разработали и пропагандировали особую концепцию «бухарско-туркестанской нации», признаки и особенности которой можно сформулировать следующими выводами:

- Под термином «нация» джадиды определяли все население Бухары и Туркестана. Под словами «Бухара и бухарцы» понималось не только население города Бухары, а всего Бухарского Эмирата. Туркестан в джадидской литературе имеет два значения: вся Средняя Азия и население Туркестанского генерал-губернаторства.
- Бухарско – туркестанская нация, в состав которой входили все этносы региона, в первую очередь таджики и узбеки, в понимании джадидов была надэтнической нацией, объединенной по принципу территории и религии.
- Такое сознание джадидов определялось существующими в Средней Азии надэтническими государствами – Бухарским Эмиратом, Хорезмским ханством и надэтнической российской территорией – Туркестан. Эти государства не были национальными государствами в европейском понимании, а были наднациональными мусульманскими странами.
- Бухарско - туркестанская нация была двуязычной общностью, так как не было четкого национально-территориального разделения между двумя этносами. Поэтому джадиды в своем творчестве использовали два языка – таджикский и узбекский.

Дальнейший путь джадидов, который мы также можем проследить, прежде всего, в их публицистике, показывает, что джадидизм постепенно начал выходить из рамок наднационального бухарско-туркестанского сознания и стал эволюционировать в сторону этнонационального самосознания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ханна ал-Фахури. История арабской литературы. – М.: Издательство иностранной литературы, 1961. с. 326.
2. Авзалов Х.С. Школа и педагогическая мысль в Иране в конце XIX – начале XX в. – Душанбе: Ирфон, 1992. с. 50.
3. Желтяков А.Д. Печать в общественно-политической и культурной жизни Турции. – М.: Наука, 1972. с. 58.
4. Пясковский А.В. Революция 1905-1907 годов в Туркестане. – М.: Издательство Академии Наук СССР, 1958. с. 101.
5. Ханна ал-Фахури. Та же книга. с. 326-327.
6. Та же книга. с. 328.
7. Трактат Ахмада Дониша «История мангитской династии». Перевод, предисловие и примечания И.А. Наджафовой. – Душанбе: Ирфон, 1967. с.143
8. Айни С. Табрихи инкилоби Бухоро. - Душанбе: Адиб, 1987.с. 24.
9. Та же книга. с. 44.
10. Айни С. Куллиёт. Ҷилди 14. – Душанбе: Матбуот, 2005. с. 56.
11. Шарифзода Қ, Аввалин рӯзномаи тоҷикӣ. – Душанбе: Ирфон, 2006.
12. Айни С. Куллиёт. Ҷилди 14. – Душанбе: Матбуот, 2005. с. 124.
13. Та же книга. с. 127.
14. Та же книга. с. 109.
15. Та же книга. с. 130.
16. Брагинский И.С. О природе среднеазиатского джадидизма в свете литературной деятельности джадидов // История СССР, 1965, №6. с. 29.

17. Табаров С. Айни С.–кофиласолори адабиёти советии тоҷик. –Душанбе: Ирфон, 1977. с. 9.
18. Мирзо Сирочиддини Ҳаким. Тухафи ахли Бухоро. –Душанбе: Адиб, 1992.с. 76.
19. Та же книга. с. 87.
20. Бухорои Шариф, 29 июня –3 июля, 1912 года. Цит. по: Набавӣ А. Нахустин рӯзномаи тоҷикӣ ва фарҳанги рӯзноманигорӣ. –Душанбе: Эҷод, 2007. с. 34.
21. Фитрат А. Раҳбари наҷот // Садои Шарқ, № 7-8, №9, 1992.
22. Фитрат А. Мунозара: ҳақиқат натиҷаи тасодуфи афкор аст. –Душанбе, 1992. –с. 9-10.
23. Та же книга. с. 52.
24. Та же книга. с. 7.
25. Та же книга. с. 42.
26. Бехбудӣ М. Падаркуш // XX аср ўзбек адабиёти. –Тошкент: Ўқитувчи, 1993. с. 10.
27. Аҷъӣ С. Мирёти ибрат // Садо Шарқ, 1989, №1. с. 41.
28. Айни С. Куллиёт. Ҷилди 8. –Душанбе: Ирфон, 1981. с. 223.

ОСОБЕННОСТИ ОСВЕЩЕНИЯ ИДЕЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ДЖАДИДСКОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ

Публицистический стиль был основой всей джадидской литературы, которая включала в себя художественно-публицистические произведения, материалы периодической печати и учебники для новометодных школ. Их цель – пробуждение таджикского народа. Идеи национальной идентичности, прежде всего, выражались в их публицистике и имели свои особенности. Джадидизм постепенно начал выходить из рамок наднационального бухарско-туркестанского сознания и стал эволюционировать в сторону этнонационального самосознания.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: джадидизм, публицистический стиль, джадидская литература, художественно-публицистические произведения, идеи национальной идентичности, этнонациональное самосознание.

FEATURES ILLUMINATION OF IDEAS OF NATIONAL IDENTITY IN JADID PUBLICISM

The publicistic spirit makes a basis of the jaded literature and its central theme is the national self-consciousness and national awakening of the peoples of Central Asia. Ideas of national self-consciousness of the jadids, which first of all were reflected in their publicism, had the features. These ideas reflected special “Bukhara - Turkistani” identity and they called for awakening and self-consciousness this nation

KEY WORDS: jadids, publicist style, jadid the literature, it is art - publicist products, ideas of national identity, ethno national consciousness.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: *М.А. Абдуллаев* – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры истории и теории журналистики и электронных СМИ РТСУ. **Телефон:** 988-06-86-01

МАСЪАЛАИ ҶАНГ ВА СУЛҲ ДАР ШЕЪРИ ҚАЙСАРИ АМИНПУР

Зайнулобиддини Даргоҳӣ

Институти забон ва адабиёти ба номи Рудакии АИ ҶТ

Вукӯи Инқилоби Исломи (с.1357 ш. 1978 м.) дар Эрон ва дар тайи он ҷанг (байни Эрон ва Ироқ) тамоми шууни зиндагии эронӣро таҳти таъсир қарор дод. Шоирони инқилоб дар солҳои нахустини ҷанг сурудаҳои ҳамосӣ ва сӯғсурудаҳои бо рӯйкарди ирфонӣ ва ҳамосӣ ироа карданд.

Қайсарӣ Аминпур ҳаммонанди бисёре аз шоирони дигар дар солҳои оғозини ҷанг аз майдонҳои набард ва шаҳодат, волеии шаҳидон ва ситудани иродаи онон ва ... тасовире ироа кард. Ҳар чи аз солҳои оғозини ҷанг дуртар мешавем, сурудаҳои вай пухтатар ва хунармандонатар мешаванд. Шоир, ки дар солҳои нахуст «Шеъре барои ҷанг»-ро суруд дар охири мачмӯааш «Тархе барои сулҳ»-ро ироа кард, ки нуқтае оғози тарҳи сулҳ дар шеъре барои ҷанг дида мешавад.

Ҳангомаи солҳои нахустини ҷанг баробар бо солҳои оғозини сурудани шоир буд. Вай дар матн ва батни ин шӯру ҳаяҷони умумӣ қарор дошт. Яке аз ду мачмӯаи нахустини шоир саршор аз сурудаҳои дар бораи ҷанг ва масоили марбут ба он аст ва ин мавзӯ ба яке аз дағдағаҳои аслии шоир то поёни умраш бадал шуда буд. Ҳатто дар охири мачмӯаи мунташиршудааш шоирро раҳо накарда буд.

Сӯғсурудаҳо дар таърихи адабиёти форсӣ пешинаи дерина дорад, чунон ки сурудаҳои размӣ ва ҳамосӣ. Сӯғсурудаҳо ҳамвора сӯғ ва мотамро ба ҳамроҳ дошт, аммо пас аз Инқилоби Исломи рангу бӯйи ҳамоса ва ирфонро ба худ гирифтааст. Шоирон бо сурудаҳои, илова бар баёни андӯху (ғусса) ғам роҷеъ ба арзишҳо ва волеияти инсон лаб ба сухан кушоданд. Сурудаҳои онон дар баробари таҳрику пӯй ва барангехтани ҳисси навъдӯстӣ хонандаро ба сарбаландиву шикастнопазирӣ дар муқобили ситам ҳидоят мекард. Дигар, шоир фақат оху нола сар намеод, балки ҳамроҳи он ҳамангронро ба ситез

бо зулм ва бегонагароӣ фаро мехонд ва ин, ки худ ва ё дигарон сукут пеша кардаанд, сарзанишҳо бар забон меронд.

Рубоии «Гумкардаи дерин»-и Қайсари Аминпур яке аз дағдағаҳои аслии шоирони пас аз инқилоб мавзӯи ҷанг ва ба табъи он шаҳодати шаҳидони майдонҳои набарди Эрон ва Ироқ аст. Дар ин дубайгӣ шоир дилнигаронии худро аз шаҳодати шаҳидон баён мекунад, зимни он ки шаҳидро «гумшудаи азали»-и худ медонад:

Биё, эй дил аз ин ҷо пар бигирем,
Раҳи кошонои дигар бигирем.
Биё, гумкардаи дерини худро
Нишон аз лолаи парпар бигирем.

Дар маҷмӯаҳои баъд ин гумшударо «дарди ҷовидонагӣ» дониста, ки дар миёни зиндагӣ ва рӯзмарагӣ аз ёд меравад. Шаҳидон лолаҳои парпаранд, ки шоирон ононро гумшудаи дерини худ медонанд, ки бояд роҳу расми ононро омӯхт. Рубоии «Ҳичрат» низ истехкоми ирода ва бовармандии шоирро дар як каломии пӯлодин баён кардааст:

Ман ҳамсафари шароб аз зард ба сурх,
Ман ҳамроҳи изтироб аз зард ба сурх.
Як рӯз ба шавқ ҳичрате хоҳам кард,
Чун ҳичрати офтоб аз зард ба сурх.

Радифи баланди «аз зард ба сурх», илова бар он ки мусикии каломро хуштар кардааст, навъе бовар ва андешаи шоирро ҳам ба намоиш мегузорад: фарқ ба хун шудан, шаҳодатталабӣ. Камол ва ноб будани шароб ба сурхӣ аст ва тулӯи офтоб бо партави тилоиранг ва ғурубаш ҳам сурхранг дар нигоҳи шоир тай кардани роҳи камол аст. Ў низ дар шӯру валвалае, ки дар майдонҳои набард бо гулӯлаборон ва ҳамҷамае гурез ва ситез эҷод мешавад, ба сурхӣ ва камол сайр мекунад. Ба иборати дигар, шоир камоли худро дар сурхгунӣ медонад, ки ба баёни Ҳаллоҷ «гулгунаи мардон хуни эшон аст. Дар ишқ ду рақъат аст, ки вузӯи он дуруст наёяд, илло ба хун» (Аттор, Бето: 144, боби, 73)

Сурудаҳои маҷмӯаи «Танаффуси субҳ»-и Қайсари Аминпур марбут ба солҳои 1357-62 мебошад. Ин маҷмӯа 51 қитъа бо мазомини ҳамоса, ирфон, шаҳодат, ҷиҳод ва ... дорад, ки чандин қитъа дар бораи ҷиҳод ва ҷангу шаҳид аст. Аз ин маҷмӯа қитъае бо унвони «Шеъре барои ҷанг» байтулғазали шеъре дар мавзӯи ҷанг сурудаи Аминпур аст. Ин суруда саршор аст аз хиссу отифа, самимият, содаву равон бо сохтори тавсифӣ-равой. Ривояти Аминпур аз ҷанг дар ин қитъа ҳар мухотабро ба тафаккур ва тааммул бармеангезад. Гузориши ӯ аз ҷанг тасвири кобусгуна аст, аммо дур аз зехн ва воқеият нест. Шоир худ дар матни ҷанг, ба вежа, дар зодгоҳаш ҳузур дошт. Ў, ки дар бомборонҳои шабона дар канори дигарон истода буд, меидид, ки ҳеҷ паноҳгоҳе барои мардум вучуд надорад, ҳатто девораҳо ҳам ҳар лаҳза мумкин аст фуру резанд ва ... ӯ бо чашмонаш мебинад:

Ин ҷо
девор ҳам
Дигар паноҳи пушти касе нест,
К-ин гӯри дигарест, ки истодаст.
Дар ингизори шаб.

Воқеияти малмус бо тасвири зебо. Ў дар шароите қарор дошт, ки мебинад дигар дасту забон корсоз нестанд, бояд коре дигар кард:

Дигар қалам забони дилам нест.

Гуфтам:

Бояд замин гузошт қаламҳоро,
Дигар силоҳи сарди сухан корсоз нест.
Бояд силоҳи тезгаре бардошт,
Бояд барои ҷанг.
Аз лӯлаи туфанг бихонам,
Бо вожаи фишанг.

Аммо шоир ҷангро хуш намедорад ва вақте барои шаҳри худаш Дизфул дар ин қитъа месарояд, ногузир аст, ки

Мехостам
Шеъре барои ҷанг бигӯям
Шеъре барои шаҳри худам – Дизфул
Дидам, ки лафзи нохуши мушакро
Бояд ба кор бурд.

Шоир хуб медонад, ки вожагони ситезу ҷанг дар водии ишқу ақл муборак ва писанд нестанд ва зебоихоро ба оташ мекашанд:

Аммо, Мушак.
Зебоии каломи маро мекост.
Гуфтам, ки байти ноқиси шеъррам,
Аз хонаҳои шаҳр, ки беҳтар нест.
Бигзор шеъри ман ҳам
Чун хонаҳои хокии мардум
Хурду хароб бошад хунолуд.

Қайсари Аминпур ахбори рӯзмарраи чангро мурур мекунад ва аз он гузориш медиҳад, на гузорише, ки бар лаби партгоҳи шиор қарор гирад. Таркибҳои бори гулу санг, хонаи хунин, қиссаи арӯсаки хунолуд, болише саршор аз рӯёҳо ва ... хисси отифии бисёр қавӣ, қудрати тасвирсозӣ бар арзиши ин сатрҳо афзудааст. Вожаи ту дар мисраи аввал мухотабро дар матни гузориш қарор медиҳад:

Ахбори дигаре ба ту меғӯям:
Ахбори борҳои гилу санг,
Бар қалбҳои кучак,
Дар гӯрҳои танг,
Аз хонаҳои хунин,
Аз қиссаи арӯсаки хунолуд,
Аз инфичори мағзи саре кучак,
Бар болише, ки мамлӯи рӯёҳоест.
Рӯёи кӯдакони ширин

Ин қисмат, ки саҳт шиоргунааст, аммо тасвире дақиқ ва саршор аз авотифи инсонӣ ва бо таъкиди бисёр:

Бовар кунед,
Ман бо ду чашми моти худам дидам,
Ки кӯдаке зи тарси хатар тунд медавид.
Аммо саре надошт!
Лахте дигар бар рӯи замин ғалтид
Ва соате дигар
Марде хамидапушту шитобон
Сарро ба таркбанди дучарха
Суи мазори кӯдаки худ мебурд.
Чизе даруни синаи ӯ гум буд.

Яке аз мафҳуми калидии боварҳои шоирони инқилоб, аз ҷумла, Қайсари Аминпур мавзӯи шаҳодат аст. Аминпур дар маҷмӯаҳои мухталиф, бавижа дар «Танаффуси субҳ» бад-он пардохтааст. Мафҳуми шаҳодатволой ва ҳамосаи шаҳодат, бозмондан аз қорвони шаҳодат, шаҳодатталабӣ, бозмондагони шаҳид ва тасовире зебо аз ҷиғунагии шаҳодати шаҳидон ва ғайра дар сурудаҳои ӯ дида мешавад. Муқаррам ва муқаддас будани шаҳидон яке аз пурбасомадтарин мавзӯҳои шеъри шоирони инқилоб ва ҷанг аст. Шаҳидон гоҳ ба сурати ом тақрим шудаанд, гоҳ бо зикри ном. Масалан, дар ин маҷмӯа китъаҳои «Ин сабзи сурх кист?» (Аминпур), ба шаҳид Раҳмон Атувон, «Зачри ҳучум», ба шаҳидони лонаи ҳосусӣ, ғазали тасмим, ба хонаводаи шаҳидон тақдим шудааст.

Китъаи «Иттифок» баррезони покбозони майдони ҷангро тарсим кардааст. Шоир бо истифода аз зарфияти забонӣ, бавижа, зарфияти феъли афтодан бо мантиқи насргуна ва ба дур аз тақаллуфҳои шоирона дар як дастгоҳи забонии сода, солим ва салис ва мусиқии шӯрангези вожагон афтод, он сон, иттифок, марг ва гарм тавониста мафҳуми аз по афтодани размандагони майдони ҷангро ба тасвир бикашад. Шеваи навиштани ин суруда мафҳуми афтоданро ба хубӣ ба мухотаб илқо мекунад. Зимни он ки дар нигоҳи шоир ин афтодан бо дигар афтоданҳо тафовут дорад, чаро ки ин шаҳиди ғарқ ба хуни гарм ва сабзу ҳовидона аст:

Иттифок афтод он сон, ки барг
Он иттифоқи зард меафтад
Афтод он сон, ки марг,
Он иттифоқи сард меафтад,
Аммо ӯ сабз буду гарм, ки афтод.

Яке аз вижагиҳои сурудаҳои шоирони инқилоб, бавежа, шоироне, ки дар мавзӯи ҷанг шеърҳо сурудаанд, «худитиҳомӣ» аст. Шоир дар тавсифи азамати рӯҳии шаҳидон ва истодагии онон дар баробари ситам бар худ ниҳеб мезанад, ки чаро ҳақирона дар гушае шохид ва тамошогар будааст. Ҳасрати бозмондан аз қорвони шаҳидон, орзуи шаҳодат, ҳасрат бар ҷабҳаҳо ва ҳатто ҳасрати мазмунӣ барои шеъри давраи ҷанг густарда дида мешавад. («Қофӣ», 1384, саҳ.20) Ин навъи баён дар таърихи адаби мо бесобиқа аст. Дар маҷмӯаи «Танаффуси субҳ», илова бар он чи зикр шуд, китъаҳои дигар дар

бораи чанг, шаҳидон, хонаводаҳои шаҳидон ва мавзӯҳои дигари марбут ба инқилоб омадааст. «Марсияи ғуруб», «Байти хусни хитом», «Ғазали ичоза», «Ошғӣ», «Басеч», «Ин сабзу сурх кист?», «Шеърҳои барои чанг», «Хулосаи хубихо», «Сабзтарин фасл» аз қабилҳои ингуна сурудаҳои онанд.

«Ойинаҳои ногаҳон» аз маҷмӯаи дигари Аминпур аст, ки дар он яке аз дағдағаҳои зехнии шоир ҳамчунон маъсалаи чанг ва шаҳидон аст. Қитъаи «Бар шонаи шумо»-и шоир пайкари шаҳидони каъбаҳои равон меонад, ки бар шонаи мардум ҳаракат мекунад; фукдони онҳо бо ашқу оху афсӯс ҳамроҳ аст. Тобути пайкари шаҳидон каъбаҳои кӯчаки ҷӯбӣ аст, ки зиндагон зери онанд ва онон худ зоирони каъбаи маъбудӣ ҷолиб ин аст, ки ҳамагон тақия бар шонаҳои сарафроси онон додаанд:

Рафтори Каъбаҳои равон
Бар шонаҳои сабр тамошоист.
Бар шонаҳои эй кош,
Бар шонаҳои ашқ
Бар шонаҳои ҳамҳамаю фарёд
Оҳ, эй қачоқҳои муаллақ
Дар бод!
Эй Каъбаҳои кӯчаки ҷӯбӣ!
Мо зоирӣ зарехи шумо ҳастем,
Аммо шумо ин гуна дар тавофи кӣ ҳастед?
Оё бар шонаҳои мо
Ин ғавҷи паршикаста шумоед!
Ё на, ин хайли хаста моем
К-ин гуна сарбаланд бар шонаи начибӣ шумоем,
Мо
Бар шонаи шумоем
Бар шонаи шумоем!

Қорбурди вожагон бо бори маъноии муқаддас монанди Каъба, зирех, зоир ва тавоф бар тақдиси мавзӯи (шаҳидон) афзудааст, зимни он ки таносуби ин вожагон ба ҳамроҳии вожагони дигар монанди қачоқ, ҳамҳама, шодӣ, сабр, ашқ, ғавҷ, хайл, хаста, қорвони ҳоҷиён, сафари пурмашаққат, аммо ширини ононро дар зехн тадоӣ мекунад. Таркибҳои истиории каъбаи равон, шонаи сабр, шонаи эй кош, шонаи абр, шонаи фарёд, шонаи начиб, каъбаи ҷӯбӣ, ғавҷи паршикаста бар зебоии суруда афзудааст.

Дар маҷмӯаи «Ойинаҳои ногаҳон», ки тақрибан марбут ба солҳои поёнии чанг ва пас аз он аст, шоир дар ҳолу ҳавои чанг ва шаҳодат зиста ва ба тавсифи рашодатҳо ва ормони шаҳидон пардохтааст. Ҳанӯз дар зехн ва забони шоир тарҳе равшан барои сулҳ ва раҳӣ аз чанг дида намешавад. Ӯ ҳамчунон вафодор ба роҳи шаҳидон аст ва роҳи ононро роҳи қамол ва матлуб мешиносад.

Унвони маҷмӯаи дигари Қайсари Аминпур «Дастури забони ишқ» буда, дар ҷанг қитъа ба мавзӯи чанг пардохтааст. Қутоҳи Сухан, тамоми ҳарфҳои дар бораи чангро дар се қитъа баён кардааст. Дарвоқеъ ин се тарҳ, тарҳе барои андешаи сулҳҷӯёнаи шоир аст, на, албатта, ба дур аз табиоти чанг.

Се қитъае «Тарҳе барои сулҳ»(1): Тарҳест муъҷаз аз ормонҳои шоир, бо нигоҳ ба чанг. Ҳар се қитъа ғофилгиркунанда аст. Шоир дар ҳар тарҳ нуктаеро баён мекунад ва дар мисраи поёни мухотабро дар як зовияе боз ғофилгир мекунад, ки аслан қобили пешбинӣ нест.

Тарҳе барои сулҳ(2). Тарҳе барои сулҳ фазои зиндагии суннатиро нишон медиҳад, ки кӯдак дар ҳаёти хона бо гурбаҳои бозӣ мекунад ва модар бо чархи хайёти дар пайи қори дӯхту дӯз, фазои хонаро атри бухори чой фаро мегирад ва интизор, интизор ва саранҷом садои дар! Ин тарҳ намое аз зиндагии дилдодагон, дифоъ аз инқилоб ва сарзаминро ба тасвир мекашад, ки модарони ин сарзамин ва ҳамсарони ҷавон ва ҷавонони дилбохта дар арсаи исор қадам ниҳодаанд ва ин чанге ногузир ва ногузир буд:

Кӯдак
Бо гурбаҳои дар ҳаёти хона бозӣ мекунад,
Модар қанори чархи хайёти
Ором рафта дар нахи сӯзан.
Атри бухори чойи тоза
Дар хона мепечад садои дар!
Шояд падар!

Тарҳе барои сулҳ. Шоир аз забони дили шаҳид дар ҳоку хун ғалтида, сухан мегӯяд, ки ба ростӣ пирӯзии рости чист? Оё вақте бо гулӯлаҳои оташин душманро ба нобудӣ кашондем, шаҳру диёрро бо бумб ва мушак вайрон кардем ва пирӯз шудем? Оё душман он ҷо нест, ё ки душмане ҳаст ва решаҳои кина нахушқид?

Шаҳиде, ки бар хок меҳуфт
Чунин дар дилаш гуфт:
Агар фатҳ ин аст,
Ки душман шикаст.
Чаро ҳамчунон душмане ҳаст?

Тарҳе барои сулҳ(3). Чехраи шуми ҷанг аз забони шаҳидон аст, ки бо хуни худ ин нуктаро бар ҷой мегузорад, ки мафҳуми пирӯзӣ он нест, ки дар зехни ҷангофаринон нақш бастааст. Шоир бо истифода аз зарфияти забонӣ ду ҳарф дар ва дар забони форсӣ маъноӣ густардаеро илқо мекунад. Он чи ки мухотабро ғофилгир мекунад, мафҳуми пирӯзӣ бар ҷанг аст, ки дар мисраи охир омадааст.

Шаҳиде, ки бар хок меҳуфт,
Сарангушт дар хуни худ мезаду менавишт
Ду се ҳарф бар санг:
Ба умеди пирӯзии воқеӣ на дар ҷанг
Ки бар ҷанг!

Ин гуна истифода аз зарфияти маъноии ҳуруф, масалан, ҳуруфи ро ва дар сурудаҳои дигар ҳам дида мешавад.(Аминпур, 1367/2, 19)

Интизори кӯдаку модар шояд падар пирӯзии ӯ бар ҷанг ва нобудии душманиҳост. Ба иборати дигар, онон фақат ҷашминтизори пайкари шаҳид нестанд ва ба дур аз воқеият, дар олами ҳаёл зиндагӣ намекунанд. Чаро, ки модар медонад, ки бо дӯхту дӯз бояд ҷарҳи зиндагиро бичархонд, дигар шӯяш баргаштанӣ нест, аммо ҳамчунон ҷашмонаш нигарон аст, ки оё душманиҳо шикаст ва тавонистанд бар ҷанг пирӯз шаванд ва ё тамоми омил барбод рафтааст, душман рафту душманӣ монда, дар ҷанг пирӯзанд ва дар ғалаба бар ҷанг нотавон.

Хулоса. Қайсари Аминпур дар солҳои нахустини пас аз инқилоб дар як фазои вижа, ки саросари кишварро фаро гирифта буд, бо забон ва андешаи на ҷандон сӯхтаву пухта дар ҳадамоти ормонҳои инқилоб ва ҷанг буд. Бо гузашти замон ва ошкор шудани воқеиятҳои ҷанг, вайронҳои ва нобасомониҳои иҷтимоӣ ва фарҳангӣ, ба вижа аз даст додани сармояҳои инсонӣ, шаҳидон, аз як сӯ ва занону мардон ва кӯдакон, аз сӯи дигар, рӯҳи ҳассоси шоирро саҳт озурд. Дар ин шароит, шаҳидон ва аҳдофи онон пурталаш зоҳир шуд. Ин сӯғсурудаҳо на аз сари аҷзу нотавонӣ, балки бо шӯру шуур ва ҳамоса ва баёни аҳдоф ва ормонҳои шаҳидон дар дастбӣ ба камол аст, низ тарғиб ба шаҳодат ба унвони роҳи дурусти зиндагӣ. Дар солҳои поёнии ҷанг ва пас аз яке ду даҳа аз замони ҷанг, тасвири сулҳ ва амният, ки аз рӯзҳои нахустин дар зехни шоир нақш баста буд, тарҳе равшантар ёфт ва мафҳуми он густурда шуд. Шоир ҷанги воқеиро дар сулҳ дида ва пирӯзиро на дар ҷанг, балки тарсим кардааст. Нобудии душманро шикасти душманиҳо мешиносад ва ин маъноӣ сулҳ ва амниятро ба тасвир кашондааст.

Дар идомаи роҳи шоир ҷангро бо мисдоки хос аз зехн дур мекунад ва онро дар маъноӣ ом, алайҳи ҳар душмане мебинад, пирӯзиро пирӯзӣ на бар душман, балки бар душманиҳо мешиносад. Мисдоқҳо ом ва кулӣ мешаванд ва шомили ҳамаи маконҳо ва ҳамаи инсонҳо мегарданд, на маҳдуд дар ҷуғрофияи хос. Аминпур бар он аст, ки дар пайи ончи ки гузашт, мебояст, иттифоқи бияфтад, ки бияфтод. Ҳафтаҳо рафта, фаслҳо сӯхта, бо саҳтии солҳо рафтему, сӯхтему фуру рехтем, натиҷаи он чӣ шуд? «Он иттифоқи сода наафтад». Бо ин ҳама Аминпур сарояндаи сулҳу дӯстӣ, пирӯзиро саҳт хуш дорад, на бар душмани зоҳир, балки пирӯзӣ он аст, ки бар ҷанг ғалаба кунем ва душманиҳо нобуд шаванд.

АДАБИЁТ

1. Аминпур, 1372, Қайсар, Ойинаҳои ногаҳон, Техрон, Уфк.
2. Аминпур, 1375, Қайсар, Ба қавли парасту, Техрон, Уфк.
3. Аминпур, 1368/1, Қайсар, Танаффуси субҳ, Техрон, Сурӯш.
4. Аминпур, 1386, Қайсар, Дастури забони ишқ, Марворид.
5. Аминпур, 1378, Қайсар, Гузидаи ашъор, Техрон, Марворид.
6. Аминпур, 1368/2, Қайсар, Гулҳо ҳама офтобгардонанд, Техрон, Марворид, ҷ.7.
7. Боқирӣ, 1365, Соид, Наҷвои ҷунун, Техрон, Барг.
8. Хусайнӣ, 1381, Сайид Ҳасан, (Интиҳоб), Гузидаи шеърӣ ҷанг ва дифоӣ муқаддас, Техрон, Сураи меҳр.
9. Роқеӣ, 1376, Фотима. Мутавакқили мардумӣ, Расми шақоик (сӯгномаи Қайсари Аминпур), Техрон, Сурӯш.
10. Агтор, Бето, Фаридуллин, Тазкиратулавлӣ, Тасҳеҳи ниёгон, Техрон, Мавлю.
11. Қанбарӣ, 1375, Эраҷ, Ёсҳои саргардон, Техрон, ҳавзаи хунари.
12. Коҳӣ, 1386, Муртазо, Лаҳзаидидор, Расми шақоик (сӯгномаи Қайсари Аминпур), Техрон, Сурӯш.
13. Кофӣ, 1384, Муҳаммадризо, Веҷвҳои маъноӣ ва ҷангҳои шеърӣ пас аз ҷанг, Моҳномаи шеър, с.11, шумораи 34.
14. Коқой, 1376, Абдулҷаббор, Овозҳои насли сурх (Нигоҳе ба шеърӣ муосири Эрон), Техрон, Уруҷ.

15. Миршаккок, 1386, Юсуфалӣ «Қаламандозе дар бобби шеъри инқилоб», Моҳномаи шеър, сах.11, шумораи 5.

ПРОБЛЕМЫ ВОЙНЫ И МИРА В СТИХАХ КАЙСАРА АМИНПУРА

Статья посвящена изучению и исследованию проблем войны и мира в стихах современного иранского поэта Кайсара Аминпура. В своих стихах поэт воспевает не только проблемы войны и мира, он также призывает людей к миру, единству и сплоченности.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Кайсар Аминпур, проблемы войны и мира, любовь к Родине, единство и сплоченность.

WAR AND PEACE PROBLEMS IN VERSES OF KAYSAR AMINPURA

Article is devoted studying and research of problems of war and peace in verses of modern Iranian poet Kaiser Aminpura. In the verses the poet sings not only war and peace problems, he also calls people for the world, unity and unity.

KEY WORDS: Kaiser Aminpur, war and peace problems, a love for the country, unity and unity.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Зайнуллобиддини Даргохи – соискатель Института языка и литературы им. Рудаки АНРТ

ЗАМИНАҲОИ НАЗАРИИ ШЕЪРИ РӯШАНГАРИИ ФОРСӢ ВА ТОЧИКӢ

Муҳаммад Байронвандӣ

Институти забон ва адабиёти ба номи Рӯдакии АИ ҶТ

Сухан гуфтан аз шеъри форсӣ ва чадида тоҷикии даврони нав ба таври ҷудоғона барои аҳли адаби ҳар як аз ин мамолик ҳарфи тозае нест ва маъмулан сухансароён, мунтақидон ва аҳли қалами ин ду кишвар то андозае дар ин хусус навишта ва сухан рондаанд. Аммо мавзӯе, ки камтар ба он пардохта шудааст, муқоиса ва баррасии сарчашмаҳо, масоил, мушкилот ва масирҳои аст, ки удабо ва шуаро ин ду кишвар пеш бо забони муштараке, ки рӯзгори шеъри сухансароёне чун Рӯдакӣ, Фирдавсӣ, Саъдӣ, Ҳофиз ва дигарон вирди забони мардумонаш будааст, дар иртибот бо масоили тозае сиёсӣ иҷтимоӣ охири асри XIX ва ибтидои асри XX таҷдиди назар кардаанд. Дар муқобили назари суннатӣ барҷастатарин вожа ва расотарин садое, ки дар шеъри ин давра ба гӯш мерасад, «иҷтимоӣ» аст ва шуаро мавзӯоти аслии худро аз рӯйдодҳои иҷтимоӣ, фарҳанг, сиёсат, омулу орзуҳои афрод мегиранд ва ба навъе метавон гуфт, адабиёти он рӯз ҳам маҳсул ва ҳам таъриҳчаи ҳунарии ҷомеаи худ аст. Дар ин росто, ба ин натиҷа мерасем, ки баррасии адабиёт бидуни нигоҳи мухтасар ба авзоъ ва аҳволи иҷтимоӣ ин ду кишвар дар нимаи дуввуми қарни нуздаҳ ва авоили қарни бист кори ноқис аст. Нимаи дуввуми қарни нуздаҳ дар Эрон рӯзгори ҳукумати подшоҳони Қочор аст. Силсилаи ҳокимони мустабид, муддати зиёде бар Эрон ҳукумат карданд ва вазъи мардум бисёр асафнок ва фалокатбор будааст. Дар «Саёҳатнома»-и Иброҳимбек гузориши адабии бисёр гуёе аст аз зиндагии иҷтимоӣ, фарҳангӣ ва сиёсии Эрони он рӯзгор.

«Саёҳатнома» румони саргузашти марди эронӣ аст, ба номи Иброҳимбек, ки дар Миср мутаваалид мешавад. Падараш бозарғони табрезӣ аст. Ишқ ба Эрон, ки онро бихишти рӯи замин тавсиф карда буд, дар ниҳояти шефтагӣ ба фарзандаш илқо мекунад ва ба ӯ васият мекунад, то ки ҳамроҳи муаллимаш ба сарзамини аҷдодӣ (Эрон) сафар кунад. Иброҳим ба Эрон меояд ва сарзамини рӯёнашро вайронае мебинад, анбошта аз факру фалокат, фасоди идорӣ, беқонунӣ, шаҳрҳо ба сурати хароба даромада буданд. Мадраса вучуд надошт, молиёт ва ришваю диктаторӣ бедод мекард. Гадоҳо вазири вазири гадо шудаанд ва умур дар дасти бекифоятҳо. Аз назари муаллифи «Саёҳатнома» ба ошӯби иҷтимоӣ ва инфирори қарибулвуқе ниёз буд, ки чарақае оташи мавриди ниёзро эҷод кунад. . .

Аммо авзои Осиёи Миёна низ дар нимаи дуввуми қарни нуздаҳум ва оғози садаи бисти мелодӣ бисёр муташанниҷ ва ваҳим буд. Аз як тараф, ба далели ҷангҳои пайдарҳам хоннишинҳои сегона (хоннишинҳои Бухоро, Хева, Хуканд) аз тараққӣ боз монда бошанд, аз тарафи даргар, ҳамлаҳои султаталабонаи Русия вазъро хеле ваҳим карда буд ва илова бар ин, муллоҳои мутаассиб савор бар марқаби чаҳолату нодонӣ, на танҳо зулму ҷабр ва таассубро ҷонибдорӣ мекарданд, балки навниҳолони ин марзу бумро аз фарогирии улуми ғайридинӣ манъ карда будаанд: «Омухтани улуми

гайридинӣ дар мадрасаҳо ва озодфикрӣ куфр ва гуноҳи азим қаламдод мешуд ва барои онон одамонро ҷазо медоданд».[1]

Дар авохири қарни нуздаҳ ба баъд Аҳмади Дониш ва дигар дӯстони ӯ амсоли Савдо, Шохин, Возех, Музтариб, Сомӣ, Ҳайрат ва Айнӣ вақте диданд, ки Русияи тизорӣ низ бо ҳифзи ин давлатҳои ноустувор на танҳо ҳеҷ таҳаввуле дар зиндагии мардум ба вучуд наовард, балки бар иловаи ин нобасомонӣ ва фалокати мардумро охирин амирони манғитӣ Абдулаҳад ва Олимхон ба авҷи худ расониданд, нахустин чунбиши бедорӣ (маорифпарварӣ)-ро роҳандозӣ карданд. Ин нахзат, агарчи аз назари замони бо дигар нахзатҳои фикрии Миср, Эрон ва Усмонӣ ҳамзамон буд, аммо аз назари савия ва пояи андешаи мадум ба дараҷаи онҳо нарасида буд ва танҳо бо бардошти таъсири зоҳирӣ кифоят мекард.

Аммо Аҳмади Дониш, ки сарвари рушанфикрони Осиёи Марказӣ шинохта шудааст, пас аз сафарҳои мутааққид ба Русия, андешаҳои озодихоҳона ва фикри пешқадаме дар бораи инкишофи кишварро ба Осиёи Миёна интиқол медод. Нуктаи ҷолиб ва қобили таваҷҷӯҳи ин чунбиш, ҳамон гуна ки гуфта шуд, дар зоҳир бо нахзатҳои Эрон, Усмонӣ ва Миср дар иртибот набуда, аммо бо онҳо аз назари хостҳо ва боварҳо шабоҳатҳои аҷибӣ бо ҳам доштааст: доштани таълиму тарбияи навин (мактаби ҷадида), зулмсизӣ, ватандӯстӣ, озодихоӣ, доштани маҷлис (машваратхона), қонун ва ғайра.

Аҳмади Дониш ормоншаҳри худро дар мавриди ҳукумат ва ҳукуматдорӣ ин гуна баён мекунад:

Ҷоҳонбинию ҳукмроню дод
Сазовори он гурди фарзона бод,
Ки ҷон бар сари марди доно кунад,
Ба коме, ки хоҳад тавоно кунад.
Дихад ганҷу омӯзад асрори илм,
Кунад ҳосили мулк дар кори илм.
Ҷу омӯхт анвои ҳикмат тамом,
Дихад мулки худро ба ҳикмат низом...
Дареғо, ки ин аблаҳон беҳисанд,
Тавонгар ба зар, дар хунар муфлисанд.[2]

Шуаро ва нависандагони ин давра бар хилофи бархе аз шуарои гузашта, ки сарои амн ва кунҷи хилват барои сурудани шеър интиҳоб мекарданд, ин бор сафи мубориза ва гоҳе низ ҳатти муқаддамро барои шеъри худ баргузиданд. Равшанфикрон ва шуаро аз зарурати таҳаввули мавриди ниёзи шеър ба унвони яке аз муассиртарин абзорҳои як ҷомеаи мутаҳаввил ғофил набуданд ва огоҳона гоҳе дар мақоми назария ва гоҳе дар мақоми амал таҳаввули мавриди ниёзи шеърро баён мекарданд. Мирзофатҳалӣ Охундзода, ки ӯро поягузори баъзе аз жанрҳои адабӣ ва хунарӣ мисли намоишноманависӣ, театрнависӣ, нақди навин ва реолнависӣ (воқеъгарой) медонанд[3], дар наср ва назм вучуди қофияро «ҷаҳолати ҳолис» медонад.[4] Вай назарияи худро дар хусуси муҳтавои шеър ба тавари сареъ ва равшан ин гуна баён мекунад: «Хусни мазмун иборат аст аз ҳикоят ё шикоят ва ҳикояту шикоят низ бояд мувофиқи воқеъ бошад ва дар мазмун амре баён нагардад, ки вучуди хоричӣ надошта бошад, балки ҷамии баёнот бояд мутобиқи аҳвол ва табиъ ба атвор ва ҳаёлотӣ ҷинси башар ё ҷинси ҳайвон ё мутобиқи авзои наботот ё ҷимодот ё ақолим буда бошад. Пас, ҳар як шеъре, ки мазмунаш муҳолифи ин шурут аст, яъне бар хилофи воқеъ аст ва вучуди хоричӣ надорад, шеър нест».[5]

Он чи ки дар ин назария беш аз ҳар чиз дигар қобили тааммул аст, баҳси воқеъгарой дар мавзӯи шеър аст, ки имрӯз ба унвони яке аз арқони аслии шеър маҳсуб мешавад ва шоир саъй мекунад бар хилофи гузаштагон мавзӯи шеъраш дар ҳадди имкон бо воқеиятҳои замони ва макони татобук дошта бошад. Дар Осиёи Миёна низ ба ин далел, ки шуаро ва нависандагон ҷузъи раҳбарон ва сардамдорони чунбиши рушангарӣ буданд ва аз тарафе, адабиёт, бавижа, шеърро василае барои нашри ақоиди худ медонистанд, бо баҳрагирӣ аз суҳанони омиёна ва рӯй овардан ба воқеъгарой паёми худро ба гӯши мардум мерасонданд. Устод Садриддини Айнӣ дар васфи воқеъ шудани каломии Аҳмади Дониш мегӯяд: «Ман тасвири баққоле, ки ҳамсоияи муаллиф (Аҳмади Дониш – М. Б.) буда, ҳирси сарватҷамъкунии худро бо диндорӣ омехта, пеш мебард... ин тасвири Аҳмади маҳдум ба ман ончунон таъсир кард, ки баққоли мазкур аз назарам ҳеҷ дур намерафт ва хостам монанди он баққолро ёфта тамошо кунам... Охир рӯ ба рӯи гӯшаи ҷануби ғарбии сахни мадрасаи Куқалтош баққолеро ёфтам, ки аз ҷиҳати қиёфаи зоҳирӣ ҳам ба баққоли Аҳмади Дониш монанди дошт... ва ҳамаи кори ӯро мувофиқи кирдори баққоли Аҳмад-маҳдум ёфтам».[6]

Дар матни боло мебинем, ки роҳбари маорифпарварон (Аҳмади Дониш) чи тавр муассир хунари воқеъгаройро ба фикру диди шуаро ва нависандагони ҳамаср ва ояндагон интиқол медиҳад, ки устод Садриддин Айнӣ мистаққи мафҳуми каломии ӯро дар ҷомеа ҷустуҷӯ карда ва ёфтааст. Зиеда аз он,

Айнӣ худ ва ҳамзамононаш дар ибтидои аср (баъди инқилоби Русия дар соли 1905) ба роҳи навпардозӣ ва содагарой бештару чиддитар қадам бардоштанд. Ӯ навишта буд: «Ҳарчанд Аҳмад- маҳдуми Дониш(1342-1314 ҳиҷрий) дар адабиёти мансура хеле роҳи наву услуби тозаро ба илҳомии даҳо ва истеъдоди фитрии худ эҷод кард, лекин ин равиш то 1905 мелодӣ, яъне Инқилоби нахустини Русия шоеъ нашуда буд. Вақте ки инқилоби мазкур ба вуқӯъ омад, омадшудӣ рӯзномаҷот ва китобҳои тоза дар Бухоро ва Туркистон умумият гирифт. Соҳибқаламони тозанавис ҳам ҷо-ҷо сар бароварданд. Бинобар он, мо сари таърихи адабиёти нави тоҷикро соли 1905 қарор додем».[7]

Аз дигар назарияпардозони адабиёти машрутаи Эрон метавон аз Мирзоғохонӣ Кирмонӣ, Толибов, Малкамхон ва Зайнуллобиддини Мароғай ном бурд, ки ба таври огоҳона каму кайфи шеърӣ мавриди ниёзи ҷомеаро ба тасвир мекашанд, ки мо дар ин ҷо барои ҷилавгирӣ аз кашол ёфтани сухан аз зикри назариёти ҳамаи онҳо худдорӣ намуда, фақат бархе аз нуқоти муҳими мавриди назари Кирмониро, ки баъзеҳо ӯро барҷастатарин назарияпардозии адабии даврони Носирӣ медонанд, ёдовар мешавем.

Вай пас аз муҳочират ба Туркияи усмонӣ ба ҷамъи озоидхоҳони эронӣ мепайвандад ва дар танзиму навиштани мақолот бо рӯзномаи «Ахтар» ҳамкорӣ мекунад. Аз тарафи дигар, дар ҳавзаи шеър сирфан назарияпардоз нест, балки ӯ шоири бисёр тавоност. Устод Оҷудонӣ навиштааст: «...сурудаи Оғохон, ки мубаййини нахустин талошхост, дар назм сурудаҳое ба шеваи шеърӣ аврупоӣ аз ҷиҳати таърихӣ садои тозае аст, ки дар фосилаи на чандон зиёде дар асри Машрута ба садоҳои зиёде табдил мешавад. Асоситарин дарунмояҳои манзумаи ӯ ҳамонхост, ки дар шеърӣ давраи Машрутият ҳам ба ҷашм меояд: носионализм, миллатгарой, ба расмият шинохтани ҳаққи ҳокимияти миллат, озоидхоҳӣ, мубориза бо истеъмори, қонунхоҳӣ, ҳуқуқи башар, интиқоде аз авзои иҷтимоӣ ва ғайра».[8]

Устод Оҷудонӣ сурудаи Мирзоғохонӣ Кирмониро дар мавриди ҳуқуқи башар дар маъноии имрӯзӣ қадимитарин намунаи шеър дар ин мавзӯӣ медонад: «Ман намунае аз ин қадимтар аз қорбурди ҳуқуқи башар ба маъноии қадиди он дар шеърӣ ин давра надидам».[9]

Кунун, эй маро, миллати хушманд,
Чароед дар ҷоҳи ғафлат наҷанд.
Бароеду бинед кори шигифт,
Ба осон тавонед гетӣ гирифт.
Вале то шиносед аз хайру шар,
Бибоист хондан ҳуқуқи башар.
Ки то худ бидонед аз оину роҳ,
Баду неки гетӣ набошад зи шох».[10]

Лозим аст, гуфта шавад, ки Кирмонӣ бо ин ҳама андеша ва диди таърихиву инсондӯстона бемуҳобо тозиёнаҳои ғазали худро бар пайкари шеърӣ ҳазорсолаи Эрон менавозад, ки ба назар мерасад дар ин бора тунд рафта бошад, аммо баёнгари завқу афкори давру замони ӯ будааст:

«Он чи муболиға ва игрок гуфтаанд, натиҷаи он маркуз сохтани дурӯғ дар тибои содаи мардум будааст ва он чи мадҳу мадоҳина кардаанд, натиҷаи он ташвиқи вузаро ва мулк ба анвои разоил ва сафохат шудааст. Он чи ирфону тасаввуф сурудаанд, самаре ҷуз танбалӣ ва касолати ҳайвонӣ ва тавлиди гадою қаландар надодааст. Он чи тағазули гулу булбул сохтаанд, натиҷае ҷуз фасоди ахлоқи ҷавонон ва сувқи эшон ба содаву бода набахшудааст. Он чи ҳазлу мутоиба сохтаанд фоидае ҷуз шуюби фиску фучур ва ривочи фахшову мункар накарда аст...»[11]

Кирмонӣ гунаҳои мухталифи шеърӣ куҳанро, аз ҷумла ҳамосӣ, ирфонӣ, ошиқона... нақӯиш мекунад ва шеърӣ фарангро намунаи хуб ва ҳақимонае барои сурудани шеърӣ медонад.

«Шуарои Фарангистон анвои ин шеърҳоро гуфта ва мегӯянд, вале ҷунон шеър ва шоириро таҳти тартиботи саҳиҳа овардаанд ва ҷунон ашъори худро мутобиқи мантиқ сохтаанд, ки... «кинна минал шеърӣ лаҳикма (шеър аз ҳикмат сарҷашма мегирад – М. Б.)».[12]

Бисёре аз нависандагон ва мунтақидони тоҷик, аз ҷумла Холиқ Мирзозода, академик Муҳаммадҷони Шақурии Бухорой низ дар хусуси тағйир дар шинохти шеърӣ классики тоҷикӣ ва рӯ овардан ба шеърӣ нав ибрази андеша карданд. Адабиётшинос Абдулхолиқи Набавӣ низ дар китоби «Нахустин рӯзномаи тоҷикӣ ва фарҳанги рӯзноманигорӣ» намунаҳои бисёр аз ин гуна тақобулҳои суннат ва навгароиро мисол овардааст. Аз гуфтаи эшон маълум мегардад, ки шуарои тоҷик низ нахуст ба нақди адабиёти қуҳан пардохтаанд, сипас, назари худро дар қолаби мавзӯоти қадид эълон доштаанд. Ӯ дар мавриди масъалаи мазкур навиштааст: «Мирзочалол як силсила шеърҳое таълиф мекунад ва онҳоро бо сифати танзим ва иқтибос номзад менамояд... Аҷоибот дар он аст, ки онҳо аксаран дар пайравии шеърӣ Ҳофиз навишта шудаанд».[13] Сипас иқтибосе аз Мирзочалол дар танзим ба шеърӣ Ҳофизро мисол мезанад:

Касе ба болини ғафлат, ки иттакко бикунад,
Гумон мадор, ки тадбири ӯ Худо бикунад.

Ба одаме, ки бихоҳад Худо қозӣ бикунад,
Қазо мувофиқи тадбири сайъи мо бикунад.
Хар он чӣ хост муслим ҳамон адо бикунад,
Мариз агар ба маризе хоҳиши даво бикунад.
Бибоядаш ба табиб ояд, илтиҷо бикунад,
Вагарна чораи дардаш чаро? Қучо бикунад?
«Дило бисӯз, ки сӯзи ту қорҳо бикунад,
Ниёзи нимашабӣ дафъи сад бало бикунад».[14]

Ҳол бо андак таамуле дар муқоисаи иқтибоси Мирзочалоли Юсуфзода аз Ҳофиз ин иборати Мирзоғохони Қирмониро манзуратон менамоем, ки мегӯяд: «Он чи ирфон ва тасаввуф сурудаанд, самаре ҷуз танбалӣ ва касолати хайвонӣ ва тавлиди гадову қаландар наодоааст». Метавон фаҳмид, ки ҳар ду дақиқан як матлабро ба ду шева баён кардаанд, ки аз аҳдофи рӯшангарии эшон барои тағйир додани суннатҳо ва ташаққул додани афкори адабии нав ибтидо мегирад.

Лозим ба зикр аст, ки дар қанори ҳамин шуароӣ навгаро ва инқилобӣ, ки шеърӣ гузаштагонро ба бодӣ интиқод мегирифтанд, шуароӣ дигаре вучуд доштанд, ки ҳанӯз ҳадиси гулу булбул месароиданд ва дар банди сари зулфу мӯи миён буданд. Мирзочалол ба ин қабил аз шуароӣ ҳамасри худ дар Осиёи Марказӣ, баҳусус шуароӣ Бухороро, ин гуна танбеҳ мекунад:

Эй ҳамравишони ишқӣ шайдо,
Дар арсаи шоирӣ сафоро.
То чанд асири тори мӯед,
Ё шефтаи узори Узро.
Узрову узори ӯ бипусид,
Бигашт замони ҳусни Салмо.
Гардида равони ишқ ворун,
Ҳам шеваи шоирӣ дигаргун.[15]

Ва тавсияи зери Адиби Нишопурӣ аз Эрон, ки барои ҳамасронаш кардааст, бисёр мушобех ба танбеҳи Мирзочалол аст:

То кай, эй шоири суханпардоз,
Мекунӣ васфи дилбарони Гироз.
Дафгаре пур кунӣ зи мавҳумот,
Ки манам шоири суханпардоз.
Гар ҳавои сухан бувад ба сарат,
Аз ватан баъд аз ин сухан гӯ боз.
Ҳаваси ишқбозӣ ар дорӣ,
Ба ватан ҳам қимори ишқ бибоз.
Аз ватан нест дилбаре бехтар,
Ба ватан дил бидеҳ зи рӯи ниёз.

(«Девон»-и Адиб, саҳ. 285-286)

Ин шуароӣ навпардоз илова бар нақди гузаштагон ва ҳамасрон гоҳе худро низ бениёз аз гӯшмоӣ намедиданд. Маликушшуаро Баҳор бо ҳамаи вобастагӣ, ки ба шеърӣ классик дошт, худро ин гуна насихат мекунад:

Баҳоро, ҳиммате ҷӯ, ихтилоте кун ба шеърӣ нав,
Ки ранчидам зи шеърӣ Анварию Урфию Ҷомӣ.
Муқаррар гар ҳама қанд аст, хотирро кунанд ранча,
Зи бодомам бад ояд, бас ки хондам чашмбодомӣ.[16]

Шоири тоҷик низ хитобан ба шахси худро дар мавриди мазкур ин гуна баён мекунад:

Дар гушаи шоирӣ нишастам,
Муштоқ шудам ба шеър гуфтан.
Дидам гули сурх саҳт хандид,
Бар шеърӯ ба шоирию бар ман:
«Олуда шудӣ гулу чаманро,
Фарсуда намудай ватанро».[17]

Ба ҳар ҳол аз ин намуна шеърҳои барнома ва назариро оид ба меъёрҳои аҳли адаб дар мавриди тағйири андеша дар бораи вазифаи шеърӯ шоирӣ дар замони рӯшангарӣ дар адаби форсӣ ва тоҷикӣ фаровон ба мушоҳида гирифтанд мумкин аст ва мо идомаи баррасии онро ба мавриди дигар воғузор мекунем.

Хулосаи калом, ин ки ҳамаи инқилобҳо хоҳ иҷтимоӣ, хоҳ сиёсӣ ва хоҳ адабӣ ба таври ногаҳонӣ ва бидуни хушдор ба вуқӯ намепайванданд. Таҳаввулотӣ арсаҳои мухталифи сиёсӣ, иҷтимоӣ ва

бавижа, адабии ду кишвари Эрон ва Тоҷикистон низ аз ин қоида мустасно набуда ва нестанд. Ба иборате, нон ин набудааст, ки инак бар суфра аст. Шуаро ва удабои ин ду диёр, ки дар рӯзгороне яке буданд ва дасти тақдир онҳоро ду пора кардааст, даргузар аз суннат ба модерни (навгарой) масири бисёр мушобихеро тай кардаанд: Ибтидо, назарияпардозон дар сатҳи мавзӯ ва мӯҳтаво бо нақди шеър гузашта роҳи ҷадидро бо мавзӯоти тақрибан муштараке мисли воқеъгарой, қонун, озодӣ, миллат, ҳуқуқи башар, таҳсили улуми навин, ватан ва ғайра мушаххас мекунанд, ки агар нависанда аз қувваи шоирӣ ва нависандагӣ баҳраманд ва дар мавқеи ислоҳот ва таҷаддуд буда, назарияи худро бо забони шеър баён менамуд.

Дар ғайри ин сурат, шоирон ва нависандагон назарияи ӯро амалӣ менамуданд ва дар гоми дувум навҷӯён талош мекунанд то ҳисори танги вазну қофияи шеърӣ классикро бишкананд ва дар дарёи беканори шеърӣ ҷадиҷи шиновар шаванд.

Умедворам, ин талоши ҳарчанд андак ва ноқис барои баррасии бештари муштарақоти адабиёти муосир, бавижа, шеърӣ даврони ҳассоси рӯшангарӣ (маорифпарварӣ ва ҷадиҷӣ) дар ин ду кишвар роҳе бошад.

АДАБИЁТ

1. Р.Ходизода ва дигарон. Адабиёти тоҷик. - Душанбе: Маориф, 1988, с. 299.
2. Р.Ходизода ва дигарон. Адабиёти тоҷик. - Душанбе: Маориф, 1988, с. 304.
3. Мошоаллоҳ Оҷудон. Ё марг ё таҷаддуд. - Интишороти Ахтарон, Техрон, 1382, с.92.
4. Ҳамон маъҳаз, с.92.
5. Охундзода Фатҳалӣ, Мақолоҷот, гирдоваранда Боқирӣ Муъминӣ, с.31.
6. Айни Садриддин. Ёддоштҳо, ба қушиши Саидии Сирҷонӣ. - Интишороти «Огоҳ», Техрон, 1362, с.422.
7. Садриддин Айни. Намунаи адабиёти тоҷик. - Москва, 1926, с. 530.
8. Мошоаллоҳ Оҷудонӣ. Ё марг ё таҷаддуд. - Интишороти Ахтарон, Техрон, 1382, с.78.
9. Ҳамон маъҳаз, с.79.
10. Қирмонӣ Нозимулислом. Таърихи бедории эронӣ, бахши аввал. - Техрон, 1357, с. 222-223.
11. Ҳамон маъҳаз, с. 222.
12. Ҳамон ҷо.
13. А.Набавӣ. Нахустин рӯзномаи тоҷикӣ ва фарҳанги рӯзноманигорӣ. - Душанбе: Эҷод, 2007, с. 29.
14. Бухорои шариф, 1912, 18 марг.
15. Мирзо Чалол. Хитобе ба шуарои Бухоро // Бухорои шариф, 1912, 1 май.
16. Малиқушшуаро Баҳор, Девон, ҷилди аввал. - Техрон, 1358, с. 536.
17. Бухори шариф, 1912, 3 май.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОЙ ПОЭЗИИ В ТАДЖИКСКОЙ И ПЕРСИДСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Статья посвящается исследованию эстетических основ новой персидско-таджикской просветительской литературы, которая становилась на основе исторической конкретики и изображения человека определённой эпохи. Сами поэты, высказываясь о новом художественном видении и целей новой поэзии, определяли свои эстетические принципы, одновременно критикуя классические застывшие каноны.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: таджикско-персидская просветительская литература, литературные традиции, новая литература, новое литературное видение, социальное и художественное стихотворение.

THEORETICAL BASES OF EDUCATIONAL POETRY IN TAJIK-PERSIAN LITERATURE

This article is devoted to the research of esthetical base of the new educational Tajik-Persian literature that becomes on the ground of the historical concrete and scene of man in the definite period. The poets themselves voiced about the new artistic vision and purposes of novel poetry, simultaneously criticizing the classical freezing canon.

KEYWORDS: Tajik-Persian enlightenment literature, literary traditions, new literature, new literary vision, social and artistic poem.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Мухаммад Байронванди - соискатель Института языка и литературы им. Рудаки АНРТ

МАҲОРАТИ ОБРАЗОФАРИНИИ ШАЙХ АТТОР ДАР «ХУСРАВНОМА» (дар асоси симои Гулруҳ)

С. З. Зикаева

Донишгоҳи давлатии омӯзгорӣи Тоҷикистон ба номи Садриддин Айни

Образ ва образфаринӣ дар таърихи адабиёти бадеӣ ҳамчун сарчашмаи муҳими таъсиррасонии маънавӣ дар тарбияи одамон мавқеи бузург дорад. Образхое ба монанди Томарис, Шерак, Рустам, Сӯҳроб, Таҳмина, Ширин, Гулрух ва дигарон дар тарбияи насли башар то имрӯз нақши ногусастанӣ доранд. Барои офаридани як образи қаҳрамон ва ё персонаж адибро лозим аст, ки аз заминаҳои он бамавқеъ истифода барад. Заминаи образи марказӣ ҳар қадар мустақкам бошад, нақши ин образ ҳамон қадар қавитар мегардад. Р.Мусулмониён таърифи образро чунин шарҳ додааст: «Образ тасвири конкрет ва дар айни замон умумиятдоштаи манзараҳои ҳаёти инсонист, ки тавассути тахайюл эҷод шудааст ва дорои арзиши эстетикӣ мебошад.» (1,90).

Дар бобати моҳияти образи қаҳрамон андешаҳо гуногунанд. Дар гузашта образҳои манфиро низ чун образи марказӣ қаҳрамон меномиданд, вале дар асл ба қаҳрамон сифатҳои манфӣ мансуб нестанд. Муҳимтар аз ҳама қаҳрамон шахсиятест, ки дар рушду такомул ва беҳбудии зиндагии ҷомеа нақши мубориз дорад (1,41-46).

Аттори Нишопурӣ дар «Хусравнома» персонажи асосӣ ва ё марказӣ Гулрухро офаридааст, ки дар тамоми воқеаҳо иштирок намуда, воситаи асосии ҳалли зиддият ва танзими сюжет мебошад. Дар офаридани образи марказӣ панҷ масъалаи муҳимро ба эътибор бояд гирифт:

заминаи образи бадеӣ, тасвири конкрет, тасвири умумиятдошта, роли тахайюл, -арзиши образ.

Барои офаридани образи қаҳрамон адиб аз заминаҳои образ, ки аз тамоми ҳастӣ – махлуқот, наботот, ҳодисот, ҳолот, ашё ва амсоли инҳо иборат аст, истифода мебарад. Чунон ки аз мазмуни «Хусравнома»-и Шайх Аттори Нишопурӣ мушоҳида мешавад, шоир барои офаридани яке аз образҳои марказии «Хусравнома» - Гулрух муҳити фарогирифтаи ин образро ҳамчун замина истифода бурдааст. Ин ҳолатро аз порчаи зерини дoston равшан мушоҳида кардан мумкин аст:

Чунон гуфт он суҳансози суҳансанҷ,
Ки бурда буд умре дар суҳан ранҷ,
Ки шоханшоҳи Хӯзӣ духтаре дошт,
Ки ҳар мӯеш дар хубӣ саре дошт.
Суманбар хоҳари Баҳром будӣ,
Гулаш андому Гулрух ном будӣ...
Ҳама сураатгарони сурааторой
Зи рӯяш нақш бурдандӣ ба ҳар ҷой.
Ки нақшаш буд дилро нақш бар санг,
Чу мӯяш бурд рӯяш нақши «Аржанг»...
Зи бас, к-овозаи ӯ шуд падидор,
Ба ҷон гаштанд шохонаш харидор.
Яке шах буд дар шаҳри Сипохон,
Ки будандӣ ғуломаш подшоҳон.
На чандоне бузургӣ буд ӯро,
Ки битвон гуфт шарҳе зуд ӯро.
Гули серобро хоҳандагӣ кард,
Талатгуфҳо намуду бандагӣ кард... (2,41).

Ва ё дар ҷои дигар барои барҷастатар инъикос намудани симои Гул сифатҳои ӯро ба монанди зебоиву латофат ва шириниву назокат ҳамчун замина ба қор бурдааст. Чунончӣ, дар порчаи зайл омадааст:

Набудӣ моҳро андозаи ӯ,
Зи маҳ бигзашта буд овозаи ӯ.
Камин бар инсу ҷинс зулфаш чунон дошт,
Ки ҳар мӯеш ҷоне бар миён дошт.
Камонро парри зоғи ҳар ду абрӯш,
Кашаида то ба гӯш аз зоғи гесӯш.
Ҳазорон қалб бишкаста ба дида,
Аз он мижғони саф бар саф кашаида.
Ба рух бар ҳар буте ҳоле дигар дошт,
Валекин холи ӯ ҳоле дигар дошт.
Руҳи ширин-ш лаъле буд дар пӯст,
Бари симин-ш сие буд дилдӯст.
Лаби ҷонбахши ӯро оби ҳайвон
Шуда чун сурате бечон дар айвон.

Даҳонаш тунги шаккар, лек гулранг,
Чу чашми мардуми дида, вале танг... (2,62).

Шоир барои офаридани образи марказии асари худ ўро ҳамчун зани идеалӣ, маъшукаи дилписанду мубориз, махбубаи содиқу вафодор ва монанди ин хислатҳояшро замина сохтааст. Масалан, дар мушкилиҳои роҳи ишқ Гулрух оқизу нотавон намемонад. Вай дар роҳи ба ҳадаф расидан аз дояи худ кӯмак меҷӯяд:

Ба доя гуфт: «Дил бар худ ниҳодам,
Зи пеши захми чашми бад фигодам.
Чу ту ёрам шудӣ, қорам баромад,
Матоъамро харидоре даромад.
Чу қор афтода шуд дилдодаеро,
Ба қоне бозхар шаҳзодаеро.
Бари Хурмуз шаву чизе дарандоз,
Магар, к-ин дар шавад бар дасти ту боз»... (2,91-92)

Ва ё дар қои дигар дар ҷавоби хостгории шоҳи Исфохон Гул бо ҷасорату мардонагӣ чунин ҷавоб меғӯяд:

Гулаш гуфто: «Шаҳам девона хоҳад,
Ки аз шамъе чу ман парвона хоҳад.
Зи наъти худ бурун раҳ менахоҳам,
Чу парвона диҳам шаҳ менахоҳам.
Яқин донам, ки набвад шоҳ хоҳон,
Ки Гул гардад гулобе дар Сипохон.
На бар наъти арусӣ роҳ хоҳам.
На рух бар шаҳ ниҳам, на шоҳ хоҳам.
На бо ӯ пил дар майдон кашам ман,
На бо ӯ асп дар ҷавлон кашам ман.
Пиёда меравам чун дилфирузе,
Ба фарзине расам дар наъти рӯзе.
Гар ўро пили болозар аён аст,
Маро з-ӯ пил банде дар миён аст.
Шаҳ аз ман дар ғариби мубтало бод,
Ва ё шаҳмоти ин наъти дуто бод!»... (2,125).

Албатта, чунин гумон қардан, ки дар асоси садҳо замина садҳо образи комил офаридан мумкин аст, ғалат мебошад. Зеро мақсади асосии эҷодкор офаридани як образи марказӣ буда, симоҳои дигар ҳамчун замина хидмат мекунанд. Масалан, дар баробари образи марказии «Хусравнома» - Гулрух, образҳои дигаре, ба монанди дояи Гул, Хусно, Баҳром, шоҳи Исфохон, Ҷаҳонафруз ва дигарон мавҷуданд, ки онҳо барои марказикунонидани образи Гул хидмат мерасонанд:

Ба шодӣ Хусраву Гул шому шабгир,
Ба ҳам буданд доим чун маю шир.
Дили Хусно зи Гул дар ҷӯш афтод,
Ғаҳе бархосту ғаҳ мадҳуш афтод.
Ба ҷӯш омад дар он андӯх рашкаш,
Қанораш гашт дарёе зи ашқаш...
Ҷама шаб буд Хусно ҳилаандеш,
Ки то Гулро ҷӣ сон бардорад аз пеш?... (2,182-183).

Ва ё, вақте ки Ҷаҳонафруз бемор мегардад ва бо дидани табиби худ - Хусрав ошиқи ӯ мешавад, Гул баҳри озмоиши Хусрав ба ӯ чунин меғӯяд:

Хуш омад нек Гулро посухи шоҳ
Бад-ӯ гуфт: «Эй суми аспат руҳи моҳ,
Ҷаҳонафрузро танҳо бимагзор,
Ҷавониро дар ин савдо бимагзор.
Чу медонӣ, ки ӯ дилдодаи туст,
Дилаш дар доми ишқ афтодаи туст...
Туро бешак нақӯ набвад зи ду тан,
Ки бар марде ситам бошад зи ду зан.
Чу ду қадбону ояд дар сарое,
Намонад дар саро нуру навое»... (2,199).

Пас, Хусрав дар ҷавоб аз вафодории худ дарак медиҳад:

Чавобаш дод Хусрав, к-эй дилором,
 Маро дар озмоиш мекунӣ ром.
 Аз он ҳамчун ҷаҳон гирӣ забунам,
 Ки то ман бо Ҷаҳонафрӯз чунам?
 Маро то дар ҷаҳон умеди ҷон аст,
 Ҷаҳонафрӯз бар чашмам гарон аст.
 Наёрад дар ҷаҳон бастан ҷаҳоне,
 Ҷаҳонафрӯзро бар ман замоне.
 Ҷаҳонро тиратар он рӯз бинам,
 Чу дидори Ҷаҳонафрӯз бинам. . .
 Агар ман ҷуз ту касро дӯст дорам,
 Надорам мағзу паймон пӯст дорам.
 Туй нури дили ман, эй париваш,
 Мабодо бе ту ҳаргиз як дамам хваш. . .(2,199-200).

Албатта, барои офаридани як образи комил адиб бояд ду қонуни асосиро риоя намояд, ки ин ҳам бошад, фардият ва умумияти предмети тасвир мебошад. Фардият ё худ конкретияти заминаи образ он аст, ки тамоми нишонаҳои предмети интихобшуда ба мисли амал, шаклу ҳаҷм, моҳияту вазифа, замону макони вай ва ғайра равшану дақиқ баён гарданд. Шайх Аттор бо мақсади офаридани образи Гулрух симояшро нишон медиҳад, макон, табақаи иҷтимоӣ ва муҳимтар аз ҳама характери ӯро тасвир мекунад. Аттори Нишопурӣ кӯшидааст, то Гул ба касе монанд набошад, то ҷузъитарин рафтору хислаташ ба мисли садоқату вафодорӣ, покиву нафосат ва босабриву дурандешияш эътимодбахшу ибратангез бошанд.

Масалан, дар ин порча бехтарин хислати ӯ - вафодориву садоқатпешагияш дар роҳи ишқ хеле хуб инъикос ёфтааст:

Ҷаҳонгир аз пагоҳӣ рӯзи дигар
 Бари Гул рафту хӯрд он сӯзи дигар.
 Миёни хок модарро чунон дид,
 Гулро зардтар аз заъфарон дид.
 Ба пеши хоки Хусрав ҷон бидода,
 Ба зорӣ дар ғами ҷонон фигода.
 Чу ҷон беталъати ҷонон хичил буд,
 Бидод аз шарм ҷон он тангдил зуд.
 Занеро дар вафо ин буд кирдор,
 Ту чун ӯ бош, агар ҳастӣ вафодор!
 Агар ёре кунӣ боре чунин кун,
 Азизро вафодорӣ чунин кун! (2,361).

Шоир баробари офаридани образи фардӣ кӯшидааст, то хулқу рафтори Гулро чун умумитарин хусусияти зани шарқ – шармгиниву ботамкинӣ инъикос намояд. Ин ҳолат дар порчаи зерин чунин тасвир ёфтааст:

Зи гуфти доя Гул ташвир меҳӯрд,
 Аз он ташвири шаккар шир меҳӯрд.
 Зи шарми ӯ арақ мерехт аз Гул,
 Ниҳон мекард Гул дар зери сунбул.
 Бари доя диле пурғам нишаста,
 Зи хичлат бар гулаш шабнам нишаста.
 Ба охир дояи мискин бурун шуд,
 Кунун бишнава, ки ҳоли ҳарду чун шуд?
 Чу тоқат тоқ шуд, Хурмуз барошӯфт,
 Ба зери лаб зи як шаккар сухан гуфт;
 Ба Гул гуфт: «Эй ду ёкутат шакаррез,
 Зи махмурӣ ду бодомат саҳархез.
 Камар ҳамсоияи сӣ кавкаби ту,
 Шакар ҳамшираи лаъли лаби ту...
 Чу шуд ҷомам зи ҷоми хусравӣ маст,
 Ба як бӯса диламро кун қавидаст. . .» (2,118-119).

Ба ин тарик, умумияти заминаи образ он аст, ки тавассути баёни аломату хусусият, нишонаю моҳият, вазифаю худуди предмети тасвир табақаю синфи иҷтимоӣ, гурӯҳи ҷинси он предмет ифода

меёбад. Яъне, адиб образи мучаррад намеофарад, заминаи образи вай намунаи тоифаю ҷинси конкрет, замону макони муайян бояд бошад.

Барои интихоби заминаи образ ва фардикунониву умумияти он ба адиб тахайюли бадеии ӯ хидмат мекунад. Эҷодкор то оне, ки асари бадеи офарад, тамоми ҷузъиёти онро дар тахайюли худ обу тоб дода, мепазонад. Маълум аст, ки «Хусравнома»-ро Шайх Аттор дар асоси як ривояти халқӣ ба риштаи назм кашидааст. Вале фаромуш набояд кард, ки симои Гул танҳо тавассути тахайюли бадеии Аттори Нишопурӣ мақоми образи комилро гирифтааст. Зеро воқеа ва факту рақамҳои ҳаёти бе ёрии тахайюл ба асари бадеи табдил намеёбанд. Барои он ки аз ин масолах асари комиле ба вучуд ояд, роли тахайюли бадеи хеле бузург аст. Дар ин маврид Белинский хеле хуб дарҷ кардааст: «Инъикоси дурусти санадҳо танҳо бо ёрии фазл имкон надорад, боз тахайюл (фантазия) ҳам даркор аст, санадҳои таърих, ки дар асли худ маҳфузанд, беш аз сангу хишт нестанд: танҳо санъаткор метавонад, ки аз ин масолах иморати зебӯе бардорад»(3,118). Ба ин маънӣ устод М.Турсунзода низ хеле хуб ишора кардааст: «Шоир бояд дар он вақт нависад, ки дигар навишта наметавонад. Ин фақат дар он ҳолат воқеъ мешавад, ки агар ҳамаи он чизеро, ки фикр карда шудааст, шоир чуқур эҳсос намояд ва мутаассир гардад»(4,37). Ин ҳолатро дар навиштани «Хусравнома» низ ба хубӣ мушоҳида кардан мумкин аст.

Чунончӣ, шоир мегӯяд:

Ало, эй корфармои маонӣ,
Ба густар сояи соҳибқиронӣ,
Чу дорӣ оламе таҳқиқ дар роҳ,
Зи оламофарин тавфиқ дарҳоҳ!
Чу ту дар вақти худ ҳамто надорӣ,
Хунар дорӣ, чаро пайдо наёри?...
Хамуширо ба гӯёи қазо кун,
Забон бикшову хомуши раҳо кун!...
... Чу ман з-он дӯст посух ин шунидам,
Шудам шурида, чун ширин шунидам.
Чу бар ман, алҳақ, ӯ ҳақ дошт бисёр,
Пазируфтам суҳан з-он марди хушёр.
Қаламро сар бурун додам зи панҷа,
Бимондам ҳамчу қоғаз дар шиканҷа.
Чӣ мегӯям, ки ҳар байте, ки гуфтам,
Чу гул аз шодии ӯ баршукуфтам.
Ниҳодам сар ба қоғаз – бар шабу рӯз,
Қалам рондам ба дуррҳои шабафрӯз.
Ҳикоят гуфтаму дӯшиза гуфтам,
Маонӣ гуфтаму покиза гуфтам. . .(2,361).

Аттори Нишопурӣ дар баробари офаридани як образи марказӣ, симоҳои дигареро ҳамчун ёридиҳанда дар марказикунонии яке аз образҳои асосӣ ба миён овардааст. Асари мазкур дорои арзишҳои ғоявӣ маърифатӣ ва эстетикӣ ахлоқӣ буда, дар таърихи адабиёти тоҷик асарест, ки бо хусусиятҳои хоси худ аз дигар дostonҳои ишқии романтикӣ фарқ дорад. Ин тафовут дар часорати беҳамтои Гулруҳ ҳамчун зани шарқ, муборизаи ӯ барои ба мақсад расидан ва вучуд надоштани фарқ байни ишқии синфи дoro ва табақаи поён мушоҳида мегардад.

АДАБИЁТ

1. Р.Мусулмониён. Назарияи адабиёт.-Душанбе: Ирфон, 1990.
2. Фаридудини Аттор. «Хусравнома». Таҳияи Начми Сайфӣ. – Душанбе: Ирфон, 1990.
3. В.Г.Белинский собр. соч., т. 10.
4. Мирзо Турсунзода. «Барои назми пешқадам». – Шарқи Сурх, 1954.

МАСТЕРСТВО ШАЙХ АТТАРА В СОЗДАНИИ ОБРАЗОВ В «ХУСРАВНАМЕ»

(на основе образа Гулрух)

Образы и их создание в истории художественной литературы являются основным источником влияния на сознание и воспитание людей. Персонажи литературных произведений, подобные Тамарис, Шераку, Рустаму, Сухробу, Тахмине, Ширин, Гулрух и другим, не потеряли своей актуальности в деле воспитания подрастающего поколения и в наши дни. Центральным персонажем «Хусравнаме» Аттора Нишопура является образ Гулрух, которая участвует во всех перипетиях, сюжетных линиях и развязке произведения. При создании центрального персонажа Гулрух в «Хусравнаме» Шейх Аттора Нишапури использует все художественные средства описания образа.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: образы и их создание в истории художественной литературы, персонажи литературных произведений, центральный персонаж, мастерство поэта в создании образов, Гулрух в «Хусравнаме» Шейх Аттора Нишапури.

SKILL OF SHEIKH ATTARA IN CREATION OF IMAGES IN «KHUSRAVNOMA» (on the basis of an image Gulrukh)

Images and their creation in history of literature are the main factors on consciousness and upbringing young generation. Characters of literature like, Tamaris, Sherak, Rustam and Suhrob, Tahmina, Shirin have great influence on young generation up present time. The main character in “Khusravnomā” is Gulrukh which took part in all events and in the denouement of the work. In the process of creating the main character Gulrukh in “Khusravnomā”, Shaikh Attar uses all artistic means on description of the figure.

KEY WORDS: images and their creation in the history of fiction, characters of literary works, the central character, skill of the poet in creation of images, Gulrukh in «Khusravnomā» Sheikh Attar Nishapuri.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: С.З. Зиксаева – соискатель Таджикского государственного педагогического университета им. С. Айни

АЗРАҚИИ ҲИРАВӢ ДАР САБҚАТИ ШОИРӢ

Шоҳрух Фаффоров
Донишгоҳи миллии Тоҷикистон

Ҳаким Зайнулдин Абӯбақр ибни Исмоил Азрақии Ҳиравӣ (ваф.1132) шоири қасидасарои муқтадиру навоар буда, аз ҳавзаи адабии Хуросони аҳди салочуқа намояндагӣ мекунад. Ӯ бо виқору шӯҳрати азиме дар ҳавзаи адабии Хуросон (марказаш Ҳирот) суҳансароӣ кардааст ва ҳам гарчанде дар инкишофи шеърӣ форсӣ баҳусус рушди назми мадеҳавӣ ҳиссагузор будани ӯ суҳани рост аст, вале мутаассифона то ба имрӯз аз нигоҳи илмӣ хеле ва хеле кам омӯхта шудааст. Тибқи иттилоъи сарчашмаҳо ин шоир асосан дар дарбори Шамсуддаула Туғоншоҳ ибни Алп Арслони Сатчукӣ - волии Хуросон машғули хидмат буд. Девони ашъори ӯро соли 1336/1957 Саъид Нафисӣ дар Техрон ҷоп намудааст. 1 Қобили зикр аст, ки ҳамаи суҳаншиносони салаф аз Низомии Арузии Самарқандӣ сар карда то Ризоқулихони Ҳидоят Азрақиро чун шоири асили андақӯӣ ва соҳиби сабки хоси эҷодӣ муаррифӣ намудаанд. Аммо афсӯс, ки дар Тоҷикистон аз ҷониби муҳаққиқон ба ин шоир ҳеҷ таваҷҷуҳе зоҳир нашуда мондааст. Мо дар ин мақола хостем фақат диди эстетикӣи Азрақиро бар қасидаи мадҳӣ, яъне фалсафаи мадҳро аз дидгоҳи ӯ ки аз роҳи сабқати шоирӣ гоҳо дар қасидаш матраҳ намудааст, таҳқиқ намоем.

Азбаски Азрақӣ ба ҳайси шоири дарбор дар мусобикаи саҳти бозори шеър қарор дошт, гоҳо аз роҳи худшиносӣ эҷодӣ ногузир назарашро роҷеъ ба шеърӣ худ ва шеърӣ дигарон баён доштааст. Чунончи, дар қасидаи дар мадҳӣ Абдуллоҳи Ансорӣ сурӯдааш таъкид мекунад, ки суҳанро бояд ба дониш гӯянд, вагарна пойдор намонад:

Суҳан ба дониш гӯянд пойгаҳ гирад,
Вагарна тӯтию шорак чу одамӣ гӯест. . .
Бузургворо, моно тариқу сирати ман
На бар мисоли тариқи ҷамоати шуарост (17).

Дар байти дуҷуми порайи фавқ Азрақӣ тариқи шоирии худро мутафовит аз тариқи ҷамоати шуаро медонад. Зикри тӯтию шорак дар суҳани Азрақӣ нишондиҳандаи такрори ҳамдигар будани ашъори мадеҳӣ соири шуарост. Тариқу сирати шоирии худро бар мисоли тариқи шоири дигар надонишани Азрақӣ ишора ба даъвои шеваи хоси суҳанварӣ доштани ӯ мекунад, ки асос бар дониш доштааст. Ин ҷо суоле пайдо мешавад, ки оё чунин даъво ҳақиқат дорад ва ё ӯ дар пешаи шоирӣ аз пайраҳаи кӯфташуда рафтааст? Дар ин бора Саъид Нафисӣ бар он аст, ки «бидуни шак Азрақӣ дар шеър пайравӣ аз сабки Унсурӣ мекардааст ва пайдост, ки ин шоир нусхаи комиле аз девони Унсуриро доштааст ва матолиберо аз ашъори Унсурӣ гирифтааст». 2 Вақте девони Азрақиро ҳам мутолиа мекунем, дармеёбем, ки ӯ аз шоири касбӣ ба Унсурӣ эътиқод дорад, аммо дар баробари эътирофи

азамати шоирӣ ӯ хавотири шурои дигарро дар нисбат ба хотири шоирӣ худаш сабукбортар хисобидааст:

Агар ба давлати Маҳмуд ме падид омад
Зи табъи Унсурӣ он шеърҳои сеҳрмисол.
Маро ба фарри ту бояд, ки дар тарозуи назм
Хавотири шуаро кам сазад зи як мисқол.
Зи баҳри хотирам ар абр қатра бардорад,
Ба ҷойи гул сари тӯтӣ бурун дамад зи ниҳол.
Замона гардани иқболро қалода кунад
Ҳар он қасида, ки бар сараш нависам «қол» (50).

Аммо шоир дар қасидаи дигараш, ки дар санои Туғоншоҳ гуфтааст, бар Унсурӣ тохт мекунад ва худро аз ӯ ва аз ҳамаи шоирон бартар медонад:

Унсурӣ дар хидмати Маҳмуд доим фаҳр кард,
З-он ки додаш поре дар шеър фатҳи Раҳҳарӣ.
Хост гуфтаг: «Ман худоям дар миёни шоирон,
К-аз худовандам чунин фаҳре расид аз шоирӣ».

Андар ин майдони фаҳр акнун ба ту мар бандарост,
Гӯ: Дар ин майдони фаҳр ой ар тавонад Унсурӣ (93).

Ба чӣ сабаб Азракӣ ин тавр гуфтааст? Шояд инҳо ҳама муфохирот ва даъвоҳои шоирона бошанду бас? Дар посухи ин саволҳо метавонем ду сабабро нишон диҳем. Сабаби аввали чунин амал дарвоқеъ истеъдоди баланди шоирӣ доштани Азракӣ ва ин чизро хуб дарк намудани ӯ мебошад. Илова бар ин, дар гузашта чунин расме роиҷ буд, ки шоирон хангоми тасдиқи нерӯи халлоқи хеш худро бо шоирони бузурги эътирофшудаи салаф муқоиса мекарданд. Мутобиқи ин суннат Азракӣ ҳам Унсуриро ба майдони сабақат хондааст ва ӯро ҳаёлан дар ин кор нотавон дидааст.

Сабаби сонӣ дар он аст, ки шоир дар ин қасидааш мамдӯҳаш Туғоншохро игроқомез таъриф намуда ӯро дар ҳукмравой, ҳам аз ҷиҳати ақлу хирад ва ҳам аз ҷиҳати зури бозу, бар Ҷамшеду Ардавону Ардашер тарҷеҳ медиҳад. Ҳатто воқеияти аҳволи ӯро аз ситоиши фикрати башарӣ бартар доништа мегӯяд: «Дар ҷаҳон гар ваҳӣ ҷоиз будӣ андар вақти мо, - Бар ҳақиқат мар туро ҷоиз будӣ пайғамбарӣ».4 Дар тасвири Азракӣ мамдӯҳаш на танҳо подшоҳи олам, балки фармонфармои афлок ҳам ҳаст ва на фақат ҳамаи инсонҳо, балки тамоми деуу парӣ фармонбардори ӯянд. Пас, ҷараёни сухан ва мангики тасвир тақозо мекунад, ки мадеҳасарои чунин фармонраво низ бо мартабаи ӯ бояд дар тавофуқ бошад. Барои ин шоир ба гузаштаи таърих менигарад ва ба ёд меорад, ки муқтадиртарин шоҳи машриқ Султон Маҳмуд буд ва бузургтарин саноҳони аз тарафи умум эътирофшудаи ӯ - Унсурӣ. Азбаски дар тасвири Азракӣ мамдӯҳаш бар Маҳмуд ричҳон дорад, шоири маддоҳи ӯ низ бояд аз Унсурӣ болотар бошад. Фақат дар чунин ҳолат метавонад маънои ситоиши шоир ва мангики бадеии он ҳамоҳангӣ пайдо кунад. Аз он ки Азракӣ мадеҳасароии худашро бо мамдӯҳаш иртибот додааст ин худ зимнан тақозоест, ки мамдӯҳ дар бахшишу ато аз Султон Маҳмуд камтар набошад. Аз ҳамин ҷост, ки Азракӣ худро дар шоирӣ яккатози вақт мебинад ва раво медонад, ки «замона қасоиди ӯро бар гардани иқбол қалода кунад» (50)

Қабл аз он ки суханро бар сари сабки шеъри Азракӣ орем, баҳсро ба ҳамин минвол идома дода фаҳрияҳояшро баррасӣ менамоем.

Азракӣ дар як тағаззули зебои ба қавли худаш «ғазали ошиқвор» (32) на аз номи худ, балки эҳтиёткорона, бо истифодаи санъати таҷоҳули ориф аз забони маъшуқаи нозанин худро дар шоирӣ бо Рӯдакӣ баробар доништааст:

Андар ашъор гирифтаам, ки ту худ Рӯдакӣ,
Ман чӣ донам, ки чӣ чиз асту чӣ бошад ашъор (33).

Аз ин гуфта ҳаде задан мумкин аст, ки Азракӣ дар сурудани тағаззули ошиқона ё ба қавли Унсурӣ «ғазали рӯдакивор» худро ҳампои Рӯдакӣ дидааст. То кучо воқеият доштани чунин ҳукми фарзӣ дар натиҷаи ба равиши татбиқӣ ҷиддан омӯхтани ин гуна авшъори ҳарду шоир маълум хоҳад шуд, ки худ мавзӯе алоҳида буда аз хавсалаи мақолаи мо берун аст.

Азракӣ дар қисмати фаҳри баъзе қасоидаш сухани худро баланд арзёбӣ карда онҳоро тавъам бо андеша медонад ва аз дасти шоирони хирасухан ба фиғон меояду мегӯяд:

Ба мидҳати ту суханҳои чобук андешам,
На табъи эшон зар буду они ман сулсол.
Фиғони ман ҳама з-ин шоирони хирасухан,
Ғариқи баҳри ҷаҳолат, зи табъи тираву зол.
Фиреби ташнагӣ ин қавмро бароварда

З-офтоби тахайюл дусад сароби муҳол (50).

Яъне, Азракӣ шоирони камистеъдоди ҳамзамонашро мазаммат мекунад, ки «шеърӣ» худро шеър меҳисобанд. Ӯ ин ҳолатро хеле шоирона баён намуда шеърӣ худро ба офтоб монанд мекунад ва они эшонро ба саробҳои зиёде ташбеҳ медиҳад, ки аз шикасти партави он офтоб падид омадаанд ва амалан ҳечанд. Баъдан шоир чунин вазъӣ баённамудаашро тасдиқ карда, суҳанони худро «лӯлуи макнун» ва аз дигаронро «хасақ» меҳисобад ва мегӯяд, ки ин чиз худбахуд аён аст:

Валек агарчи чунин аст ҳам падид бувад
Хасак зи лӯлуи макнуну рӯбоҳ зи рибол ((50).

Ӯ чунин ҳоли вучуддоштаро, яъне шеърӣ худро шеърӣ муддаиёнро мутаносибан ба зумурраду гиёҳ монанд кардааст, ки ҳарду ранги сабз доранд, аммо зумуррадро ба нигиндон баранду гиёҳро ба чувол андозанд:

Зумурраду гиёҳи сабз ҳарду ҳамранганд,
Валек аз ин ба нигиндон баранду аз он ба чувол (50).

Шоир дар идомаи суҳанаш назари адабӣ-эстетикӣ худро нисбат ба шеър баён намуда дар мурочиат ба мамдӯҳаш мегӯяд:

Худойгоно, табъи латиф хоҳад шеър,
Латиф зуд пазирад тағйири аҳвол.
Чу Муштарӣ бидурахшад гаҳи фузунӣ из,
Чу хок тира намояд ба гоҳи сустии ҳол (50).

Яъне, аз диди Азракӣ фақат табъи латиф падидорандаи шеърӣ асил аст, вале соҳиби чунин табъи воло вобаста аз аҳволи моддио маънавиаш зуд тағйирпазир аст. Барои тафҳими бештари ин ҳол шоир масал мезанад, ки ҳангоми афзудани иззат ба чашми шахс дурахши Муштарӣ (Саъди акбар) бештар намояд ва гоҳи заъфи ҳол бошад, хок бар замин тираву сиёҳ, Азракӣ чунин андешаву киёсҳоро барои он овардааст, ки шоири латифтабъе чун ӯ дастгирии моддӣ меҳаҳад. Ва агар шоҳ шеърҳои ӯро писандад ва силиҳои мувофиқ диҳад, вай чунон шеърҳое эҷод кунад, ки дар зеби маонии он чодугари ҳилагар ҳам бо тамоми ҳунари чашмбандияш дар шигифт бимонад:

Худойгон агар ин чанд байт бипсандад
Маро ба боғи тараб дар, чу сарв гардад нол.
Чунон шавад суҳани ман, ки дар маонии ӯ
Ба хирағӣ нигарад табъи чоғуи муҳтол (50).

Шоир аз пушти ҳамин суҳан рафта изҳор мекунад, ки агар дар хидмати шоҳ муродаш ҳосил гардаду аз ваҳшати нуқси моддӣ бираҳад, боз шеърҳое офарад, ки шоҳ мафтун гардад ва ӯро ҳаргиз раҳо накунад:

В-агар ба хидмати он садри офтобоин
Ба коми дил расаму раста гардам аз аҳвол,
Ба фарри давлати шоҳ аз барои хидмати ман
Қалода барниҳад аз моҳи нав фалак ба ғизол (51).

Дар мисраи охир ибҳом аст ва шоир истилоҳоти нучумро ба кор андохта мегӯяд, ки фалак ба шодӣ аз Моҳи нав ба бурчи Бара қалода ниҳад.

Шоир иддао дорад, ки шеърӣ аз шеърӣ ҳар шоире бештар аст ва аз шеърӣ дигарон истифода накардааст «Меҳтаро, ҳарчанд шеърӣ аз ӯни ҳар шоир беш аст, - То тавонистам накардам ман зи шеъре иқтисоб» (95).

Шиносой бо девони Азракӣ нишон медиҳад, ки ӯ дар ҳақиқат шоири соҳиби табъи баланд, донишманд ва тахайюли рангин аст. Ӯ аз худаш талаб дорад, то қасидаҳое гӯяд, ки лафзҳои чобук, ба фаҳм кардан душвор, вале ба хондан осон бошанд:

Суҳан сароӣ мунаққаш қасидае андеш,
Ба фаҳм кардан душвору ба хондан осон.
Гузин хотири худ, нуқтаҳои рангин гӯӣ,
Сазои мидҳати ӯ лафзҳои чобук рон.
Чу роизи суҳани, марқаби тафаккурро
Инони ақл фуру гиру бар газоф марон.
Суҳан тамои куну сӯи Офтоб фирист,
Бад-ӯ супору бигӯяш, ки пеши мир бихон (77).

Тавре мебинем, Азракӣ худро «роизи суҳан», яъне ромкунанда ва ҳокими суҳан медонад ва тақозояш аз худаш ин аст, ки қасидаҳояшро сазовори мамдӯҳ бо хотири гузида гӯяд ва дар он нуқтаҳои рангинро бо истифода аз ақлу тафаккур мунаққаш созад. «газофа марон» гуфтани шоир ба маънои суҳанҳои заиф ва арзонбаҳо аст, ки аз гуфтани онҳо худашро манъ кардааст. Яъне Азракӣ дар кори эҷоди қасида нуқтаи назари махсуси худро дорад. Дарвоқеъ ҳам қасидаҳои шоир, ки дар натиҷаи ба

хам печ додани ақту тафаккуру тахайюл эҷод шудаанд, ба таъбири худаш «хирадрутбат»(11) гашта, услуби нигориши ӯро ба дараҷае душвор намудааст. Беваҷҳе нест, ки С.Нафисӣ навиштааст, ки пай бурдан ба суханони Азракӣ то андозае душвор аст ва шеъри ӯ мушкилтар аз шеъри шоирони ҳамзамони ӯ мебошад 5.

Аммо Азракӣ қимату арзиши сухани бадеъи худро хеле хуб медонад ва арза медорад, ки қадри сухани ӯро суханшинос хоҳад шинохт. Бинобар ин ба мамдӯҳаш мурочиат намуда мегӯяд:

Суханшиносиву донӣ, ки ман чӣ гуфтастам,
Суханшинос шиносад бахову қадри сухан (62).

Аз ин ҷо маълум мегардад, ки Азракӣ меъёру милоқҳои шахси суханшиносро санги маҳаки эҷоди адабии худ қарор додааст. Худи ӯ чун ошкоро мегида, ки қасоидаш аз шеъри дигарон шаклану маънан баргарӣ дорад ва ба ин чиз маҳсули таъбаши гувоҳи ҳол аст, бо ифтихор мегӯяд:

Даъво намекунам ману маъни-ш зоҳир аст,
Қ-андар сухан назир надорам дар ин диёр 939).

Шоир дар ҷои дигар равону забони шоиронаашро атои Худо меҳисабад, вале таъкид мекунад, ки мудом дар мадҳ гуфтан аз пайи парваридан ва такмил додани он истеъдод аст:

Маро равону забоне зи Қирдугор атост,
Ба меҳру мадҳ ҳамепарварам равону забон (83).

Аммо аз диди Азракӣ таъби тезу лафзи равони шоири саноҳон саҳт бастагӣ дорад ба ташвиқи мамдӯҳ. Яъне мамдӯҳ бо атоҳои лоиқӣ худ хидмати шоирро саривақт бояд қадр кунад, вагарна таъби модех коста хоҳад шуд. Ин иддаоро шоир чунин баён кардааст:

Маро равониву тезӣ зи таъбу лафз бикост,
Аз он сипас, ки будам таъбтезу лафзравон.
Мисоли таъб чавгон омаду сухан гавҳар,
Агар талаб нақунандаш бимонад андар кон (73).

Ва агар аз кони таъби шоир гавҳар харидорӣ шавад, қасидаҳои ғарронӣ ӯ аз дафтар ба дафтар хоҳад гашт:

Басо ашъори ман дар мидҳати ту
Бихоҳад гаштан аз дафтар ба дафтар (31).

Азракӣ дар як қасидааш, ки дар мадҳи Туғоншоҳ аст, дар иртиботи силӣ бори дигар аз султони шоирон Рӯдакӣ ёд мекунад ва мегӯяд:

Чу зар ба соил бахшиӣ, ба дасти хеш бубахш,
Ки аз ниҳеби ту гардад ба рӯ шугуфта нигор.
Ҳадиси мири Хуросону қиссаи тавзеъ
Бигуфт Рӯдакӣ аз рӯи фаҳр дар ашъор.
Бад-он чӣ дода буд ӯ ҳазор диноре
Ба ёди хуб ба ҳам карда аз сифору қибор.
Ту дар Ҳарӣ ба шабе, хусраво, бибахшидӣ
Зари мудаввари софӣ ду бор бист ҳазор.

Поинтар дар ҳамин қасида мегӯяд:

Ба ранҷу саҳтӣ як сол рӯз бишмурдам,
Ба ғайбати ту дар, эй олий офтобтабор (31-32).

Ин гуфтаҳои Азракӣ чунин маъно мегирад, ки ӯ Туғоншоҳро, ки ҳамчунин мири Хуросон аст, аз «қарордодӣ» мамдӯҳу модех ёдоварӣ мекунад, зеро мадҳ ҳамеша дархости силӣ мекунад. Барои дарки амиқтари маънаҳои мазкур, яъне мазмуни «хидмат» ва «қарордод» дар шеъри дарбории аҳди Азракӣ хонандаро ба мутолиаи мақолаи маҳсуси М.Л. Рейснер «Мотивы “служения” и “договора” в персидской придворной поэзии XI-XII вв.» ҳавола мекунем. 6

Аз баррасиҳои зерфасли мазкур хулоса ин аст, ки Азракӣ ба ҳайси шоири касбии дарбор консепсияи мадҳро дар қасоидаш нек таҷассум намудааст ва ҳамчунин назари адабии бадеияшро дар баробари эҷоди қасида ифода карда ба ҷанбаи эстетикӣ он аҳамияти маҳсус медиҳад. Дар муфохироташ бошад, мушаххасоти умдаи ғоявӣ услубӣ ва сабки шеъри худро баён доштааст.

АДАБИЁТ

1. Азракӣи Ҳиравӣ. Девон. Бо тасҳеҳу муқобала ва муқаддимаи Саъид Нафисӣ.- Техрон: Заввор, 1336-112 с. (ҳангоми овардани намуна аз суханони Азракӣ дар қавсайн фақат ба сафҳаи ҳамин девон ишора мекунем).
2. Саъид Нафисӣ. Дебоча// Девони Азракӣи Ҳиравӣ. Бо тасҳеҳи С.Нафисӣ.-Техрон: Заввор, 1336.-с. 10.
3. Мақсудов Б. Рузгор ва осори Қамолӣ Хучандӣ.-Душанбе: Сино, 1994.-с.60.
4. Девони Азракӣ. Нашри зикршуда.-с.93.
5. Саъид Нафисӣ. Дебоча бар девони Азракӣи Ҳиравӣ. Нашри мазкур.-с. 3.

6. Рейснер М.Л. Мотивы «служения» и «договора» в персидской придворной поэзии XI-XII вв.//Исследования по иранской филологии. Вып. Второй.-М.: ИСАА при МГУ, 1999.-с.89-94.

АЗРАКИ НА ПЬЕДЕСТАЛЕ СЛАВОСЛАВИЯ

В статье рассматриваются индивидуальные отношения персидского поэта - панегириста XII века Азраки к хвалебной поэзии. Поскольку поэт находился в ожесточенной борьбе с рынком поэтической продукции, к этому вопросу он подходил через творческое самосознание, выводя на первый план свою панегирику, и отрицая одические стихотворения других поэтов. Он как профессионал своего дела очень интересно воплощал концепцию славословия в одах, тем самым четко отражал свои художественно-эстетические взгляды к хвалебным одам и в то же время запрагивал идейные и стилистические особенности своего творчества. Конечная цель придворного стихотворца – это требование адекватности гонорара с поэтическим трудом. Указанные вопросы подробно исследованы в этой статье.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: персидский поэт - панегирист XII века Азраки, хвалебная поэзия, панегирика, концепция славословия, поэтический труд, поэтическая продукция, художественно-эстетические взгляды Азраки.

AZRAKI IN THE RISING CONCEPT FAMOUS

In article Azraki to laudatory poetry are considered individual the relations Persian poet - panegyrist centuries. As the poet was in fierce struggle against the market of poetic production, it approached to this question through creative consciousness, deducing on the foreground the to a panegyric, and denying odes poems of other poets. It as the professional of the business very interestingly embodied the concept fames in odes; tec most accurately reflected the aptly-aesthetic views to laudatory odes and at the same time mentioned ideological and stylistic features of the creativity. An ultimate goal of the court poet - this requirement of adequacy of the fee with poetic work. The specified questions are in detail investigated in this article.

KEY WORDS: The Persian poet - the panegyrist of XII century Azraki, laudatory poetry, a panegyric, the concept fames, poetic work, poetic production, is art-esthetic views Azraki

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: *Шохрух Гаффоров* - аспирант кафедры истории таджикской литературы факультета таджикской филологии Таджикского национального университета. **Телефон:**

АЗ ТАЪРИХИ БИЛИНГВИЗМ ВА АНЪАНАИ ЗУЛЛИСОНАЙНӢ ДАР АДАБИЁТИ ТОЧИКУ ӮЗБЕК

У. Абдуллоева

Донишгоҳи миллии Тоҷикистон

Ҳодисаи билингвизм падидаи қадима буда, дар ҷаҳони муосир то ҳол пурра таҷқиқ нагардидааст. Махсусан, дар адабиётшиносии тоҷик омӯзиши назариявии зухуроти мазкур ба назар намерасад. Гарчанде истилоҳи «зуллисонайн» аз асрҳои VIII-IX сар карда, нисбат ба шоирони дузабона истифода гардида бошад ҳам, касе дар бораи шакли намуд ва сабаби пайдоиши он чизе нагуфтааст. Дар Европа ин ҳодисаро дар охириҳои асри XIX олимони забоншинос, ки бо алоқаи байни забонҳо ва таъсири мутақобилаи онҳо шуғл меварзиданд, ба омӯхтан оғоз мекунанд. Г.Шухардт, И.А. Бодуэн де Куртенэ, Г.Паул, Л.В. Щерба барин олимон дар бораи зухуроти билингвизм ва намудҳои он хулосабарорӣ кардаанд. Гайр аз ин, муҳаққиқи ӯзбек М.Т.Зокиров ба таҷқиқоти В.А.Авронин баҳои баланд дода, вайро ҳамчун муҳаққиқи ҳодисаи билингвизм муаррифи мекунад. Вай меғӯяд, ки В.А. Авронин дар бораи вазъияти забон (якзabонӣ, дузabонӣ, бисёрзabонӣ) ва моҳияти он, дар хусуси забони модарӣ ва муносибати шахс бо забони дуюм маълумоти муфассал додааст.

Билингвизм – «Bilingualism» – аз забони латинӣ буда, Bi - ду + lingua – забон аст. Яъне, билингвизм донишмандони ду забон ва дар айни ҳол дар як вақт баёни озодонаи фикр бо ду забон аст.

Бархе аз олимони ақидадоранд, ки билингвизм танҳо ба забоншиносии марбут аст. Дар ҳақиқат асоси билингвизмро омехташавии ду ва ё зиёда забонҳо, ҳукмронии як забон бар забони дигар ё худ аз байн рафтани ин ё он забон ташкил медиҳад, вале ин маънои онро надорад, ки ҳодисаи мазкур танҳо дар забоншиносии омӯхта шавад. Билингвизм ҳодисаи ниҳоят мураккаб аст. Ин зухурот диққати забоншиносон, адабиётшиносон, ҷомеашиносон, равшаншиносон ва ҳатто физиологҳоро ба худ ҷалб намуда, фикру мулоҳизаҳои мухталифро ба вучуд овардааст. Олимони омӯзиши билингвизмро сунъӣ ва табиӣ, соф ва омехта, актив ва пасив, контакт ва дистакт, оммавӣ ва гурӯҳӣ, инчунин дараҷаи омӯзиши онро ба:

- а) рецептивный - ҳис кардани талаффуз;
- б) репродуктивный - чизи фаҳмидашударо баён карда тавонистан;
- в) продуктивный - на танҳо ҳис кардан ё баён кардан, инчунин сохта тавонистан, ё ин ки изҳори фикр ба таври пурра (адибони зуллисонайн ба гурӯҳи сеюм – продуктивный мансубанд) тасниф кардаанд. Бо вучуди ин, М.Т.Зокиров билингвизмро «пурра равшан нагардидааст» – меғӯяд [1].

Омилҳои пайдоиши билингвизм зиёданд, вале нитича як – дузабонӣ, дӯстӣ ва наздикшавии халқҳо ва аз ҷаҳдигар омӯхтан аст. Ба қавли И.Бродский дузабонагӣ «... ҳолати беҳамтои рӯхист, ки гӯё шахс дар қуллаи баландтарини кӯҳ нишастааст ва нишебиҳои ҳар ду тарафро ба ҳубӣ назора мекунад» [2].

Дар ҳақиқат шахси билингв «нишебиҳои ду тарафро» мушоҳида намуда, беҳтарин маданият, урфу одат ва ҷаҳонбинии ду миллатро ба худ насб менамояд. Дар натиҷа, фикрронии шахс инкишоф ёфта, хотира мустаҳкам мегардад ва муносибати кас нисбат ба оламу одам дигаргун мешавад. Физиологҳо низ муайян намудаанд, ки қобилияти азхудкунии шахси билингв нисбат ба дигарон пурзӯртар аст.

Яке аз шаклҳои ниҳони дузабонагӣ ва нуқтаи баландтарини азхудкунии забони дуом билингвизми эҷодӣ мебошад. Бо ду забон эҷод кардан ё ду забонро хуб дониста, ба забони дуом эҷод кардан аз дузабонагии оддӣ, ки танҳо дар гуфтугӯ зоҳир мегардад, фарқи калон дорад. Аз адиби зулҳисонайн на танҳо мукамал донишмандони ду забон, инчунин истеъдоди баланди нигорандагӣ низ талаб мешавад. Ва ана, ҳамон шоир ва ё нависандае, ки ба ғайр аз забони модарӣ бо забони дуом ё сеюм эҷод мекунад, зулҳисонайн мебошад. Ҳодисаи зулҳисонайнӣ дар натиҷаи мавқеи баланд доштани ягон адабиёт, робитаҳои адабӣ ва пурра аз худ кардани забони дуом ба вучуд меояд.

Дар таърихи адабиёти тоҷик шаклҳои зерини бо ду забон эҷод кардан маълум аст:

1. Бо ду забон навиштани як асар, яъне, қисмати маълуми асарро бо як забон, боқимондаи онро бо забони дуом навиштан. Далели ин фикр «Муҳаббатнома»-и Ҳоразмӣ аст, ки яке аз аввалин намунаҳои ҳодисаи мазкур (дузабонагӣ) аст.

Муламмаъ – санъати ширу шакар ҳам шакли мухтасар, вале раванкёфтаи ҳамин намуди билингвизм аст, ки махсусан, дар аҳди салтанати Темуриён хеле инкишоф ёфтааст.

2. Бо ду забон ва баъзан бо се забон офаридани асарҳои мустақил (дар назм). Ин шакли маъруфи зулҳисонайн ба ҳисоб рафта, ин равияро Навоӣ асос гузоштааст.

Устод Айни шакли дигари билингвизми эҷодиро ба миён овард. Вай образҳои муштараки ду халқро офарид. Зеро тақдирӣ таърихи халқҳои тоҷикӣ-ӯзбекӣ аз давраҳои қадим баъди худ саҳт омезиш ёфтааст. Устод Айни бошад, ана ҳамин тақдирӣ ҳамранги халқҳои тоҷикӣ-ӯзбекӣ дар асарҳои ба таври воқеӣ инъикос кардааст. Вай азобу шикаҷа ва дарди халқро дарк карда, тавассути қалами сеҳрангезаш инро баён мекунад. Барои ҳамин ҳам, асарҳои устод «Ҷаллодони Бухоро», «Одина», «Доҳунда», «Ғуломон» ва «Марги судхӯр» роману повестҳои ҳам тоҷикон ва ҳам ӯзбекон маҳсуб мешаванд ва худ устодро «оксаққоли ду адабиёт» меғоянд.

М.Шуқуров фаъолияти зулҳисонайнӣ устод Айниро чунин баҳо медиҳад: «Устод Айни дар анъанаи зулҳисонайнӣ аз ду ҷиҳат наваҷодӣ кардааст... Аввалан, Айни зулҳисонайнӣро аз жанрҳои хурди лирикӣ ба жанрҳои калони эпикӣ, ба роману повест гузаронид. Сониян, вай, Айни, як асарро бо ду забон навишт, ки онҳо «Марги судхӯр», «Доҳунда», «Ғуломон» ва ду қисми «Ёддоштҳо» мебошанд» [3].

Дар билингвизм робитаҳои адабӣ моҳияти ба худ хос касб намуда, торафт дар шаклҳои гуногун зоҳир мегардад. Нависандаи зулҳисонайн ва тарҷумон (тарҷумон низ зулҳисонайн аст) чун воситаҳои ин ҷараён баромад мекунанд. Адиб таҷрибаҳои миллии як адабиётро бо тарзу усули ба худ хос ба адабиёти дигар мегузаронад ва бо ин адабиёти халқӣ дигарро ғайӣ мегардонад. Тарҷумон ҳам ҳангоми баргардониши асар ба забони дигар ин вазифаро адо мекунад. Дар ин маврид баъди адабиётҳо як навъ «доғутирифтӣ адабӣ» ба вуқӯъ мегайяндад. Зулҳисонайнӣ тоҷикӣ-ӯзбекӣ маҳз дар заминаи робитаҳои адабӣ ба амал омада ва барои пешрафти адабиёти ин ду миллат мусоидат кардаанд. Ҷ. Бақозода, ба ақидаи баъзе муҳаққиқон, ки равоити адабиёти ҳодисаи «манфӣ» меғоянд, зид баромада, фикри И.Неупокоеваро ҷонибдорӣ мекунад: «...алоқии адабӣ, аз ҷумла, таъсири ҳодисаҳои адабӣ яке аз воситаҳои муҳими пешрафти адабиёт ҳисоб меёбад ва ба қонуниятҳои дохилии инкишофи он саҳт вобаста аст» [4].

Чи хеле қайд гардид, яке аз сабабҳои ба дузабонагӣ рӯ овардани шоиру нависандагон боло гирифтани мавқеи адабиёт ё забони ин ё он миллат аст. Маълум, ки дар аҳди Сомониён (дар асрҳои IX-X) форсии дарӣ забони давлатӣ эълон мешавад. Адабиёти бадеӣ торафт рушд намуда, шоирону нависандагон ин давр қатъӣ назар аз мансубияти миллиашон ба адабиёти форсӣ-тоҷикӣ рӯ меоранд. Баҳусус, адабиёти туркзабон (турки усмонӣ, ӯзбекӣ, озарӣ, туркмани) дар таъсири пурзӯри адабиёти тоҷикӣ форс ташаккул ёфтаанд. Баробари дузабонагии араби-форсӣ ва араби-туркӣ билингвизми тоҷикӣ-ӯзбекӣ роиҷ мегардад.

Дузабонагии тоҷикӣ-ӯзбекӣ аз асрҳои VI-VII оғоз ёфта, ин раванд ба асрҳои IX-X ва баъдтар асрҳои XV-XIX ба нуқтаи баландтарини инкишоф мерасад. Аз китоби «Тоҷикон»-и Б.Ғафуров ба мо ҳамин чиз маълум шуд, ки дар асрҳои VI-VII халқҳои туркнаҷод ба Осиёи Миёна муқимӣ гардида, баъди табакҳои ҳукмрон дохил мегарданд ва якҷоя истисмори оммаи меҳнаткашро вусъат медиҳанд.

Халқи меҳнаткаш, ки аксарият тоҷик буда, туркнажодон низ кам набуданд, бо ҳам наздик мешаванд ва ба муқобили зулму истисмори синфи ҳукмрон камар мебандад. Аз эҳтимол дур нест, ки аввалин падидаҳои зулнисонаинии тоҷикӣ-ӯзбекӣ дар фолклор дар ҳамин вақт ба вучуд омада бошанд, ки ин тадқиқи ҷиддиро талаб дорад. Ғайр аз ин, Б.Ғафуров чунин маълумот додааст: «Тоифаҳои туркзабони аҳди Қарахонӣ чи бо сугдиёни маҳаллӣ (ва дигар кавмҳо, ки ҳамонҳо бо забони шарқии эронӣ гуфтугӯ мекарданд) ва чи бо аҳолии тоҷикзабон мутақобилан хеле наздикӣ доштанд.

Масалан, дар замони зиндагии М.Қоғшарӣ (асри XI) сокинони шаҳрҳои Ҳафтрӯд, аз ҷумла, Баласоғун ҳам ба сугдӣ ва ҳам бо туркӣ ҳарф мезаданд ва ҳеч касе набуд, ки фақат бо сугдӣ гап занад» [5].

Аввалин намунаҳои дузабонӣ ё худ зулнисонаинӣ дар адабиёти тоҷику ӯзбек дар асри XI зоҳир гардидааст. Олими намоёни ин давр Маҳмуд Қошғарӣ дар «Девону луғоти-турк» дар бораи юришҳои Искандар ҳикоя карда, дар баъзе мавридҳо Искандар бо забони тоҷикӣ суҳан мекунад. Юсуф Ҳос Ҳочиб бошад, дар «Қутадғу билиг» пайваста ба «Шоҳнома»-и Фирдавсӣ мурочиат карда, онро ҳамчун манбаи мӯтабар мешуморад. Вақте ки суҳан дар бораи шоҳони одил ва золим меравад, муаллиф Заҳҳок ва Фаридунро мисол меорад ва бо воситаи онҳо фикри худро равшану нишонрас менамояд [6].

Намунаи барҷастаи зулнисонаинии тоҷикӣ-ӯзбекӣ «Муҳаббатнома»-и Хоразмӣ (асри XIV) аст, ки аз 475 байт иборат мебошад. Қаҳрамони асар худ муаллиф буда, ба маъшуқаи худ 11 мактуб дар вазни ғазал навиштааст. Номаҳои 4-8-11 бо забони тоҷикӣ буда, номаҳои боқимонда бо забони ӯзбекист [7]. Асар асосан ба ӯзбекӣ таълиф шуда, баъзан ашъори форсӣ-тоҷикӣ ва ӯзбекӣ паҳлӯи ҳам омадаанд ва баъзе ғазлҳои ҷудогона ба забони тоҷикӣ навишта шудааст [8].

Бале, дар таърихи адабиёти классикии тоҷик бо ду забон – бо забони тоҷикию ӯзбекӣ эҷод намудани асар ва умуман, робитаҳои адабии ин миллатҳо анъанаи қадима дорад. Дар асрҳои XIII-XIV низ инро мушоҳида кардан мумкин аст. Чунончӣ «Ҷалолиддини Румӣ ва Ҳисомиддини Барчинглии зимни ба тоҷикӣ - форсӣ ва арабӣ эҷод кардани асарҳо ба туркию ӯзбекӣ низ шеърҳо мегуфтанд. Дар асри XIV Кутб ном шоир «Хусрав ва Ширин»-и Низомӣ, Ҳайдари Хоразмӣ «Маҳзануласрор»-и Низомӣ ва Сайфи Сарой «Гулистон»-и Саъдиро ба тарзи озод ба туркию ӯзбекӣ тарҷума намуданд, ки ба ин васила робитаҳои адабии мардуми тоҷику ӯзбек ба дараҷот мустақкам гардидаанд» [9].

Вақте ки суҳан дар бораи дузабонагӣ ё худ билингвизми адабиёти асри XV меравад, беихтиёр пеши назар симои барҷастаи шоири бузурги форсу тоҷик Абдурахмони Ҷомӣ ва асосгузори адабиёти ӯзбек – шоири зулнисонаин Алишери Навоӣ чилвагар аст. Тавассути дӯстиву ҳамкориҳои Ҷомиву Навоӣ робитаҳои адабии тоҷику ӯзбек пузӯр гардида, ба инкишофи минбаъдаи он замина гузошта шуд. Новобаста аз он ки пеш аз Навоӣ ва баъд аз ӯ шоирону нависандагони зулнисонаин зиёд буданд, вале адибе мисли Навоӣ дар ин ҷода муваффақият ба даст оварда, ба ин дараҷа маъруф нагардидааст.

Дӯстии Абдурахмони Ҷомӣ ва Алишери Навоӣ тимсоли дурахшони дӯстии ду халқи бародар – ӯзбекон ва тоҷикон аст, ки таърихи он ба қадимтарин замонҳо рафта мерасад. Маҳз аз асрҳои XIV-XVI адабиёти ин ду халқи ҳамсоя торафт қувват гирифта ва ба дараҷаи аълои худ мерасад ва аз ҳар ҷиҳат тараққӣ ва тақомул меёбад. Дилбастагӣ ба адабиётаи ҳамдигар, бо ду забон эҷод намудани асарҳо, асарҳои якдигарро тарҷума карда, дар жанрҳои мухталифи адабӣ пайрави ҳамдигар будани адибони тоҷику ӯзбек бойи боз ҳам ривочу раванги ҳаёти адабии Хуросону Мовароуннаҳр мегардад.

Аз шоирони тоҷик Ҳоча Осафӣ, Дарвеш Нозуқӣ, Давлатшоҳи Самарқандӣ, Биноӣ ва дигарон шеърҳои ӯзбекӣ эҷод кардаанд. Вале шоирони турк, ки ба адабиёти тоҷик рӯ овардаанд, нисбатан зиёд буданд, зеро забони форсӣ ҳамчун забони шеърҳои шоирӣ мавқеи баланд дошт. Дар асрҳои миёна дар Мовароуннаҳр ва Хуросон байни халқҳои туркнажод мавқеи адабиёти форсу тоҷик ниҳоят баланд мешавад. «Шавқу рағбат нисбат ба адабиёти форсу тоҷик чунон пузӯр буд, ки – мегӯяд К.Юсупов, – шорони туркзабон, бахусус Навоӣ ҳангоми қадамҳои аввалин дар ҷодаи эҷод бо забони форсӣ навиштаанд» [10].

Адабиёти ӯзбек дар асри XV ба нуқтаи баланди инкишоф расида буд ва забони форсӣ барои шоирони туркӣ ҳамчун моҳияи илҳом ва намунаи истеъдод хизмат мекард, зеро дар адабиёти тоҷик дар ин аср аллакай асарҳои зиёди оламшумул офарида шуда буданд. Баланд будани мавқеи адабиёти тоҷикро худ Навоӣ низ тасдиқ мекунад: «Аммо аз хурд то калон ва аз навқар то мири турк (ӯзбек) аз забони тоҷикӣ баҳраманд мебошанд. Ҳатто шуарои ӯзбек бо забони форсӣ ашъори ранган ва гуфторҳои ширин зоҳир мекунанд» [11].

Ғайр аз ин, офаридани ғазал дар ин аҳд ба ҳукми анъана даромада, шоирони ӯзбек дар эҷоди ғазал ба шоирони форсу тоҷик Саъдӣ, Хусрави Дехлавӣ, Ҳофиз, Камол пайравӣ мекарданд. Дар ин хусус С.Воҳидов чунин мегӯяд: «Дар эҷодиёти як қатор шоирони ғазалсарои ӯзбек ба монанди Саққоқӣ, Атоӣ, Луғфӣ, Гадоӣ ва Навоӣ таъсири ғазалҳои Саъдӣ, Ҳофиз, Камол ва дигарон ҳис карда мешавад» [12].

Бояд гуфт, ки анъанаи зуллисонайнӣ ин ду халқи бародар бештар дар муламаъ – шакли шеърӣ, ки дар он ду ва ё зиёда забонҳо омешиш меёбанд, зоҳир гардидааст.

Дузабонагии тоҷикӣ-ӯзбекӣ маҳсули дӯстию рафоқат ва ҳамкорию азалии ин ду миллат аст. Инро муҳаққиқи бузурги адабиёти тоҷик И.С.Брагинский ҳамин хел муайян кардааст: «Ҳодисаи дузабонагии тоҷикӣ-ӯзбекӣ дар эҷодиёти нависандагони Осиёи Марказӣ асосан аз асри XI оғоз гарид. Дар асрҳои XVIII-XIX ин ҳодиса рӯ ба тараққӣ ниҳод. Агар то асри XVI бо ду забон эҷод кардан хоси баъзе шоирони ҷудогона бошад, дар асрҳои XVIII-XIX омада, шоирони бо як забон эҷодкунандаро қариб ки намебинем, онҳо он қадар машҳур ҳам нестанд. Баръакс ҳар як шоири машҳури ин асрҳо бо ду забон эҷод қадаанд» [13].

Дар нимаи дуввуми асри XIII аввали асри XIX вобаста ба воқеаҳои иҷтимоӣ-сиёсӣ, маъмури ва зиёд шудани таъсиру нуфуз ва фаъолияти сиёсии туркнажодони Осиёи Миёна ба ду забон эҷод кардани асар дар байни шоирони тоҷик низ маъмул гардидааст. Дар ин давр ба воситаи эҷодиёти шоирони дузабона робитаҳои мустақами адабӣ ба вучуд омадаанд. Шоирони ӯзбек Машраб, Турдӣ, Равнақ Роқим Нишотӣ ғайр аз забони модарии хеш бо забони тоҷикӣ эҷод кардаанд. Ғозӣ, Махмур, Гулханӣ, Нодир Узлат, Ҳозик, Маъдан, Мучрим-Обид, Шавқӣ Катакӯргонӣ, Хиромӣ баринҳо шоирони зуллисонайнӣ ин давранд. С.Азимов эҷодиёти онҳоро чунин баҳо медиҳад: «Дар эҷодиёти ин шоирон забони ӯзбекӣ ва тоҷикӣ чун ду паллаи тарозу баробар истеъмол гардидааст. Барои муайян кардани мавқеи ин шоирон дар адабиёт омӯхтани ашъори ҳам тоҷикӣ ва ҳам ӯзбекӣ онҳо шарт аст, зеро бе таҷқиқи ин ду ҷабҳаи эҷодиёти шоирони зуллисонайн муваффақ шудан аз имкон дур аст» [14].

Бале, ҳақ бар ҷониби С.Азимов аст. Дар асрҳои XVIII-XIX мавқеи забонҳои тоҷикӣ ва ӯзбекӣ баробар шуда, шоирони туркзабон пайваста аз классикони адабиёти тоҷику форс дарси ибрату маҳорат меомӯختанд. Шуарои форсигӯй ҳам дар навбата худ Мавлоно Лутфӣ ва Алишери Навоиро устоди худ меҷумориданд. Онҳо ба ду забон пурмаҳсул эҷод намуда, баъзан ба кадом миллат мансуб будани худро фаромӯш кардаанд. Муҳаққиқи ӯзбек У.Каримов низ бисёр ба маврид кайд мекунад: «Натиҷаи ба забони ҳамдигар асар эҷод кардани шоирон тарафайн ва басо ба ҳам наздику мустақами робитаҳои адабии онҳо буд, ки баъзан ба кадоми ин ду халқ бештар маҳсуб доштани чанд адиби ин давр (чунончи, Шавқӣ, Хумулӣ, Узлат, Мучрим, Обид)-ро равшан таъин кардан муҳол мегардад» [15].

Анъанаи бо ду забон эҷод кардан дар даврони Шӯравӣ низ дар инкишоф буд. Аз адибони тоҷик Фитрат, Тошхӯҷаи Асирӣ, Дилшоди Барно, Муаззамхон, Анбар Отин, М.Аминзода, А.Дехотӣ Р.Ҷалил аз нависандагону шоирони ӯзбек бошад, Ғафур Ғулом, Собир Абдулло, Суфизода, Алмай ва дигарҳо ин анъанаро давом додаанд. Вале дар ин давр касе мисли Садриддин Айнӣ дар анъанаи зуллисонайнӣ қобилияти баланди эҷодӣ нишон намодааст.

Бале, дарахти дӯстию халқҳои тоҷик ва ӯзбек, ҳамкорӣ ва ёрии ҳамдигарист, ки сол ба сол мустақам ва инкишоф ёртааст. Ин дарахт аз қаъри чашмаи асрҳои кӯҳан об меҳӯрад, ки то замони мо омада расидааст. Абдурахмони Ҷомӣ ва Алишер Навоӣ ин дӯстиро оғоз бахшида, ба дараҷаи падару фарзанд расидаанд ва ин анъанаро Тошхӯҷаи Асирӣ бо Фурқат, Ҳакимзода Ниёзӣ бо С.Айнӣ ва М.Турсунзода бо Ҳ. Олимҷону Ғ.Ғулом идома бахшидаанд. Аҷибии қор дар ҳамин аст, ки чи хеле аз сарчашмаҳо маълум мегардад, шоирони машҳури классики форсу тоҷик - Ҳилолӣ аслан аз туркони ҷигатой ва Бедил низ аслан аз туркони Осиёи Миёна будааст [16]. Ғайр аз ин Темурмалик – ҳимоягари машҳури Хучанд, ки Айнӣ ўро «қаҳрамони халқи тоҷик» ном мебарад, аслан турк буда, инчунин асосгузори адабиёти давраи нави ӯзбек Ҳакимзода Ниёзӣ дар асл тоҷик аст.

Дар адабиёта тоҷику ӯзбек зуллисонаёнӣ аслан зимни робитаҳои адабӣ ва дӯстию мустақами ин ду миллат ба вучуд омадааст, ки он дар адабиёт дар назм, наср ва нутқи даҳонӣ зоҳир мегардад. Ба ақидаи мо, дар назми тоҷикӣ-ӯзбекӣ – Алишери Навоӣ, дар насри тоҷикию ӯзбекӣ Садриддин Айниро ҳамчун асосгузори муаррифӣ қардан мумкин аст.

АДАБИЁТ

1. Зокиров М. Лингвистик интерференция ва унинг ӯзбек тоҷик билингвизимида намоён бўлиши. - Тошкент: Фарғона Давлат Университети, 2007. с. 27.
2. Фокин А.А. Этническая ментальность и проблема перевода (на материале творчества Иосифа Бродского).
3. М.Шукуров. Пайванди замонҳо ва халқҳо. – Душанбе: Ирфон, 1982. с. 69.
4. Бақозода Ҷ. Ҷустуҷӯҳои эҷодӣ дар насри тоҷик. Душанбе: - Ирфон, 1982.-м. 49.
5. Б.Ғафуров. Тоҷикон. – Душанбе: Ирфон, 1998.- с.691.
6. Таърихи адабиёти ӯзбек. – Тошкент: Фан, 1972. – с. 61.
7. Ульмасова З.Х. Двухъязычия как важнейшая форма таджикско-ӯзбекских литературных взаимосвязей. Автореферат дис. на соиск. уч. степ. канд. Фил. Наук. Ходжад, 1998. с. 17.

8. Зокиров М. Лингвистик интерференсия ва унинг ўзбек тоҷик билингвизимида намоён бўлиши. Тошкент: Фарғона Давлат Университети, 2007.-с. 24.
9. Каримов У. Адабиёти тоҷик дар ниммаи дуввуми асри XIII ва аввали асри XIX. – Душанбе: Дониш, 1974. с.73-74.
10. Юсупов К. Ўзбек ва тоҷик тилларининг ўзаро таъсири. - Тошкент: Фан, 1974. с. 15.
11. Воҳидов С. Равобити адабии халқҳои тоҷику ўзбек дар асри XV. - Душанбе: Ирфон, 1974. -с. 22.
12. Воҳидов С. Равобити адабии халқҳои тоҷику ўзбек дар асри XV. - Душанбе: Ирфон, 1974. -с. 16.
13. Брагинский И.С. Взаимодействие советских литератур народов Средней Азии. – М.: Изд. АН СССР, – 1961. -с. 205.
14. Азимов С. Қардошлик куйчиси. - Тошкент: Фан, 1990. -с. 8
15. Каримов У. Адабиёти тоҷик дар ниммаи дуввуми асри XIII ва аввали асри XIX. – Душанбе: Дониш, 1974. с. 74.
16. М.Шуқуров. Пайванди замонҳо ва халқҳо. – Душанбе: Ирфон, 1982. с. 53.

БИЛИНГВИЗМ И ТРАДИЦИИ ДВУЯЗЫЧИЯ В ТАДЖИКСКО – УЗБЕКСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

В данной статье речь идёт о билингвизме в таджикско – узбекской литературе и при исследовании можно прийти к следующему, что этот исторический процесс пережил долгое развитие. По нашему мнению поэзию А.Навои и прозу С.Айни можно рассматривать как основоположником этого процесса.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: двуязычие, билингвизм, таджикско-узбекская литература, Алишер Навои, Садриддин Айни, взаимосвязи и взаимодействия, «зуллисонайн».

BILINGUALISM AND ITS PROCESS IN TAJIK AND UZBEK LITERATURE

The article is devoted to bilingualism in Tajik and Uzbek literature the analysis of the mentioned theme shows that this process has an ancient history. According to our conclusion the great poets like Alisher Navoi and S. Ayni can be considered as the founders of this process in Tajik and Uzbek poets.

KEY WORDS: two languages, bilingualism, the Tajik-Uzbek literature, Alisher Navoi, Sa'diddin Aini, the relationship and interaction, «zullisonayn».

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: У. Б. Абдуллоева - аспирант кафедры теории и новейшей персидско-таджикской литературы Таджикского национального университета. **Телефон:** 901-03-20-81; **E-mail:** umedahon84@mail.ru

НАШРИ АШЪОРИ ҲОФИЗ ДАР ТОҶИКИСТОН

М. Раҳимова

Донишкадаи давлатии забонҳои Тоҷикистон ба номи Сотим Улуғзода

Ашъори Ҳоҷа Ҳофизӣ Шерозӣ, хусусан ғазалиёти дилангези ӯ, ки аз шевогарин, пурмаънотарин ва зеботарин намунаҳои шеърӣ форсии тоҷикӣ ба шумор меравад, солҳои зиёд аст мавриди тавачҷӯҳи аҳли илму адаби мо гаштааст. Омӯзиши ҳаёт ва эҷодиёти Ҳофиз андаке баъд аз вафоташ шурӯъ шуда, то ба имрӯз идома дорад. Бино ба қавли ҳофизшиносон «Ҳарчанд роҷеъ ба масъалаҳои гуногуни эҷодиёти шоир китобу рисолаҳои сершумор ба риштаи таҳрир даромадаанд, бархе аз паҳлӯҳои шеърӣ ӯ ханӯз мувофиқи талаби илми адабиётшиносӣ ҳалли худро наёфтаанд»(26,3). Хусусан дар боби таҷкиқ ва таъйин намудани матни сарех ва комили ашъори девони Ҳофиз ҷидду ҷаҳд ва кӯшишҳои фаровоне ба ҳарч дода шудааст. Аз солҳои чилуми асри гузашта сар карда, то ба ин ҷониб ҳам дар ватани шоир – Эрон ва ҳам дар Тоҷикистону Афғонистон мероси безаволи ин шоири малакутӣ тақрор ба тақрор, дар шакли комили мунтахаб борҳо ба нашр расидаанд. Аммо то кунун матни комиле, ки фарогири ҳама ашъори шоир бошад, бо моли Ҳофиз будани онҳо ҳеч шакке набошад, рӯйи қор наомадааст. Дар нашрҳои комили девони Ҳофиз, монанди нусхаи Ғанӣ-Қазвинӣ ва нусхаи Парвиз Нотили Хонларӣ, ки аз мӯътбартарин нусхаҳо ба шумор мераванд, ҳофизшиносон ба моли Ҳофиз будани баъзе аз ғазалу рубоҳои ва баъзе абёт шубҳа доранд.

Ҳарчанд мавзӯи баҳси мо перомони нашри ашъори Ҳофиз дар Тоҷикистон аст, аммо барои ҳалли ҳамаҷонибаи мавзӯи моро лозим аст, назаре ба нашри интиқодии девони Ҳофиз дар Эрон дошта бошем, зеро аксари девонҳои тартибдодаи мурағибони тоҷик тақя ба нашри Эрон аст.

Қаблан бояд зикр кард, ки дар соҳаи омӯзиш ва нашри ашъори Ҳофиз хидмати олимони Эрон Муҳаммад Қазвинӣ, Қосим Ғанӣ, Саид Нафисӣ, Абдурахмони Халхолоӣ, Муҳаммад Муъин, Парвиз Нотили Хонларӣ, Х. Пажмон, Саййид Абулқосим Инҷӯйӣ Шерозӣ, Маҳмуди Фарзон, Маҳмуд Хуман, М. Зарғамфар, Чаъфари Ланғрудӣ, Мачид Яқтоӣ, Муҳаммадали Бомдод, Рукнуддини Хумоёнфаррух, Раҳими Зуннур, Аҳмади Шомлу, Умед Аҳвони Солис, Шафеии Қадқанӣ, Тақии Пурномдориён, Насруллоҳ Пурҷаводӣ, Баҳоддин Хуррамшоҳӣ, ховаршиносони ғарбӣ Ян Рипка, А. Арбери, Х. Рёмер, Х. Риттер, Х. Бромс, А. Зайончковский, Х. Шедер, К. Викенс, Йозеф Пургштал, Хермон Эте, шарқшиносони Шӯравии собиқ, ки олимони тоҷик низ дар ин қаторанд А.Н. Болдирев,

А.М. Мирзоев, А.Е. Бертелс, И.С. Брагинский, А. Афсаҳзод, А. Котетешвили, Ҷ. Шанбезода, Х. Мирзозода, Г. Галимова, Ш.Р. Исрофилниё ва чандин нафари дигар хеле калон аст.

Аввалин нашри нисбатан илмӣ-интиқодии девони Ҳофиз соли 1306х\1928м. аз ҷониби Абдурахмони Халхолӣ дар Техрон ба нашр расидааст, ки баъдина маъхази асосии мурағғибони дигари ашъори Ҳофиз гаштааст(1). Абдурахмони Халхолӣ як нусхаи қадимаи Девони Ҳофизро, ки соли 827 х\1423м. китобат шудааст, бо муқаддимаи муфассал ва шарҳу тавзеҳи лозима нашр намуд. Аз ин ба баъд нашри девони Ҳофиз дар Эрон густариш меёбад. Яке аз бехтарин нашри девони Ҳофиз, ки то кунун шӯҳрати худро аз даст надода ва аз рӯи он борҳо девони Ҳоҷаи Шероз ба нашр расидааст, нусхаи аллома Муҳаммад Қазвинӣ ва доктор Қосим Ғанӣ мебошад, ки бори аввал соли 1320х\1942 м. ба нашр расидааст(2). Адабиётшиноси маъруфи Эрон Парвизи Нотили Хонларӣ дар асоси чандин нусхаи қадима, алалхусус нусхаи дастхати Музеи Британия, ки соли 813х\1411 китобат шудааст, 152 ғазали Ҳофизро соли 1337х\1959м. нашр намуд, ки минбаъд дар тадвини девони Ҳофиз роли муҳим бозидидааст(3).

Донишманди дигари эронӣ Абулқосим Инҷӯии Шерозӣ соли 1346х\1968 м. нашри тозае аз девони Ҳофизро ба ҷоп расонд, ки шомили се муқаддима, ҳавошӣ, такмила ва кашфулабёт аст(4). Муқаддимаҳо ба қалами файласуфи эронӣ - Алии Даштӣ ва худӣ мурағғиб тааллуқ доранд. Баъд аз ин олимони дигари Эрон Мачид Яқтойӣ(5), Пажмон Бахтиёрӣ(7), Ҳошим Разаӣ(6), М. Фарзон, Парвиз Нотили Хонларӣ, шоири шаҳри Эрон Аҳмади Шомлу, ҳофизшиноси машҳур Баҳоуддин Хуррамшоҳӣ, Ризоқоии Дехгурдӣ ва чанд нафари дигар девони Ҳофизро ба нашр расонданд, ки дар навишти баъзе ғазалҳо ва абёти ҷудоғонаи шоир аз ҳамдигар тафовут доранд. Имрӯз беш аз ҳамаи нашрҳо нусхаҳои тартибдодаи Муҳаммад Қазвинӣ – Қосим Ғанӣ ва Парвиз Нотили Хонларӣ маъруфият доранд.

Дар Тоҷикистон бори аввал ашъори Ҳоҷа Ҳофиз дар китоби «Намунаҳои адабиёти тоҷик» соли 1940 ба хатти лотинӣ ба нашр расидааст(8). Дар ин китоб дар ҳаҷми яку ним саҳифа доир ба ҳаёт ва эҷодиёти Ҳофиз маълумот дода шудааст, ки ба қалами академик А. Мирзоев тааллуқ дорад ва ба тариқи намуна «Соқинама»(50 байт), шаш ғазал ва ҳашт рубоии шоир оварда шудааст. Аммо бори нахуст дар Тоҷикистон «Мунтахаби ашъор»-и Ҳофиз соли 1951 бо кушиши ховаршиноси шаҳри рус А.Н. Болдирев бо таҳрири умумии устод Садриддин Айни ба хатти кирилӣ ба нашр расидааст(9). Бояд зикр кард, ки А.Н. Болдирев аввал ин «Мунтахабот»-ро ба хатти лотинӣ ба нашр расонида буд. Баъд аз он ки дар Ҷумҳурии Советӣ Сотсиалистии Тоҷикистон ба расмулхатти кирилӣ гузаштан, донишманди мазкур онро ба кирилӣ ба нашр расонидааст. Дар ибтидои китоб ба ҷойи сарсухан Болдирев дар ҳаҷми 20 саҳифа перомунӣ замони зиндагӣ, тарҷумаи ҳол, мероси адабӣ ва муҳтавои ашъори шоир маълумот медиҳад. Маълумоти додаи А.Н. Болдирев доир ба нусхаҳои девони шоир хеле ҷолиб аст. Дар ин китоб 98 ғазали шоир ба нашр расидааст, ки ҳар як вобаста ба мавзӯашон унвон доранд. «Мунтахабот»-и тартибдодаи ин донишманд аввалин нашри нисбатан калони ашъори Ҳофиз дар Тоҷикистон ба хатти кирилӣ буд, аммо он ниёзи хонандагонро қонеъ карда наметавонист. Насли нав, ки аз хатти арабиасос бебаҳра монда буд ва девонҳои қадимаи Ҳофизро хонда наметавонист, ниёз ба девони комили шоир дошт.

Вобаста ба талаботи рӯзафзунӣ тоҷикон ба ашъори Ҳофиз донишманди варзидаи тоҷик марҳум Холиқ Мирзозода соли 1957 дар муддати хеле кӯтоҳ «Мунтахаби девон»-и Ҳофизро ба нашр мерасонад(10). Бино ба қавли ин олими фақид «аз сабаби дар муддати кӯтоҳ тайёр карда шудани «Мунтахаби девон» ва нашри академиявӣ-танқидӣ набудани ӯ, кори муқоисаи нусхаҳои бисёри девон ё кулӣётҳои Ҳофиз ба зиммаи корҳои ояндаи бафурсат гузошта шуд»-аст(10, 19). Х. Мирзозода ин китобро аз рӯи нусхаи дастнависи Бомбай – соли 1299х\1882 ва нусхаи ҷопии девони Ҳофиз- соли 1314х\1897 тайёр намудааст. Гарчанде китоби зикршуда «Мунтахаби девон» унвон дорад, аммо дар он 505 ғазал, 63 рубоӣ, соқинамаву маснавӣ, қитъа ва порчаҳои маснавии ҷудоғона ва ҳамчунин тарҷеъбанде, ки мисраи аввалаш «Бошад, ки муроди дил биёбам» мебошад, ҷой дода шудааст. Баррасии ашъори ин китоб нишон дод, ки мурағғиб бисёре аз ашъори шоирони дигар, ки бо саҳви котибан ба Ҳофиз нисбат дода шудааст, бидуни таҳқиқ моли Ҳофиз донидааст. Доир ба камбудихои ин «Мунтахаби девон» ҳам мурағғибони баъдинаи девони Ҳофиз ва ҳам муҳаққиқон ишора намудаанд. То он ҷо, ки маълум аст, дар матни интиқодии девони Ҳоҷа 495 ғазал, 42 рубоӣ, 3 қасида, 1 маснавӣ ва 1 соқинама, 34 қитъа дар мавзӯҳои гуногун ҷой дорад.

Соли 1967 ба кушиши Ҷамшед Шанбезода «Мунтахаби ғазалиёт»-и Ҳоҷа Ҳофиз ба нашр мерасад, ки мурағғиб дар «Сарсухан»-и девон доир ба норасоӣҳо ва камбудихои нашрҳои пешина маълумот дода, зарурати нашри нави ашъори шоирро ба миён мегузорад(11). Мурағғиб саъӣ намудааст, ки дар ин маҷмӯа бехтарин ғазалҳои Ҳофиз ба шакли сахтар пешкаши хонандагони тоҷик гардад. Аммо дар ин нашр низ ашъори илҳокӣ ворид гаштаанд. Матни ғазалҳои ин маҷмӯа аз ду нашри девони Ҳофиз интихоб шудааст: 1) «Ғазалҳои Ҳофизӣ Шерозӣ, ки бо тасҳеҳу муқобилаи

донишманди варзидаи Эрон Парвиз Нотили Хонларӣ соли 1337(1958) дар Техрон ба нашр расидааст. Бояд зикр кард, ки Парвиз Нотили Хонларӣ онро аз рӯи қадимтарин нусхаи девони Ҳофиз, ки баъд аз 22 соли вафоти шоир, яъне соли 814 ҳиҷрӣ китобат шудааст, тайёр намудааст. 2) «Девони Ҳоча Ҳофизи Шерозӣ», ки бо эҳтимоми аллома Муҳаммад Қазвинӣ ва доктор Қосим Ғанӣ соли 1379(1941) дар Техрон ба нашр расидааст ва аз муътабартарин девони Ҳофиз ба шумор меравад.

Соли 1971 ба муносибати 650 солагии зодрузи Ҳофизи Шерозӣ дар баробари асарҳои тадқиқотӣ доир ба рӯзгору осори ин шоири малакутӣ, намунаҳои ашъори ӯ ба шакли мунтахаб ба нашр расиданд. Яке бо унвони «Чашмаи меҳр»(Гулчини ғазалиёт) бо кӯшиши марҳума Назира Қаҳҳорова ва Фотех Абдуллоев дар ҳаҷми 52 саҳифа ҳам бо расмулхати ниёкон ва ҳам бо кирилий ба нашр расид(13). Дар воқеъ ин маҷмӯа «гулчини ғазалиёт» буда, мурағибон саъй намудаанд ҳамон ғазалҳои интихоб намоянд, ки ба моли Ҳофиз будани он ҳеч шубҳае набошад. Дигар «Ашъори гузида» ба муносибати чашни шоир ба нашр расида, ки онро донишманди варзидаи тоҷик марҳум Носирҷон Маъсумӣ ва Чамшед Шанбезода ба нашр ҳозир кардаанд(14). Ин маҷмӯа низ ҳам бо расмулхати ниёкон ва ҳам кирилий 138 ғазали шоир оварда шуда, ки нисбат ба «Гулчини ғазалиёт» калонтар аст.

Гуфтаи метавон дар ҳозир кардани матни интиқодии ашъори Ҳофиз нашри яке аз қадимтарин нусхаи девони ӯ, ки бо кӯшиши Гулсум Галимова, дар зери таҳрири академик Абдулғанӣ Мирзоев соли 1971 ба нашр расидааст, роли калон бозид(12). Ин нусха зери рақами 555 дар захираи дастнависҳои Институти шарқшиносии Академияи илмҳои Тоҷикистон маҳфуз аст. Гулсум Галимова «Сарсухан»-и муфассале дар ҳаҷми 50 саҳифа ба он навиштааст. Муқаддима бо хати ниёкон ба қалами академик А. Мирзоев тааллуқ дорад.

Аз «Сарсухан»-е, ки Г. Галимова ба ин нашри ашъори Ҳофиз навиштааст, хонанда ба бисёр масъалаҳои бо нусхаи 555 ва умуман ба омӯхта шудани ашъори шоир алоқаманд ҷавоби қонеъкунанда пайдо карда метавонад. Масалан, дар сарсухан масъалаи таъсири Ҳофиз ба адабӣиёти минбаъда, нашрҳои девони Ҳофиз, омӯхта шудани эҷодиёти шоир, хусусияти ду таҳрири девони Ҳофиз-Муҳаммад Гуландом ва Судӣ, аҳамияти се нашри асосӣ – нашри Қазвинӣ ва Ғанӣ, нашри Инҷӯӣ, душворҳои ҳозир кардани матни интиқодии девони шоир ва амсоли он то як ҳадди муайяне ба тафсил зикр ёфтааст. Ҳамчунин дар бораи нусхаи 555 ҳаҷм, ҳолати ҳозираи китоб, шахсияти котибҳо, ҷойи китобат ва ғайра маълумот додаст. Пас аз он ашъори шоир мавриди санҷиш қарор дода мешавад.

Гулсум Галимова дар кори ҳозир намудани матни ашъори дастхати 555 ва нишон додани мавқеи ин дастхат ҳар як ғазалро дар муқобила бо ғазалҳои се нашри асосии Ҳофиз муқоиса менамояд. Ин шеваи кори ӯро академик А. Мирзоев ба кулӣ дуруст медонад ва қайд мекунад, ин нашр аз бехтарин нашрҳои девони Ҳофиз буда, дар онҳо нуқсонҳои нашрҳои собиқ то ҳадди имкон ба назар гирифта шудааст. Воқеан Г. Галимова бо муқоиса намудани ашъори алоқаманд қаноат накарда, фарқҳои зарурии насҳооро дар ҳошия меоварад. Дар натиҷа хонанда дар бораи бартарии фарқи ин ва ё он нусха тасаввуроти рӯшан ба даст меоварад. Бояд зикр кард, ки дар омода намудани ин матн талаботи матншиносӣ то ҳадди имкон риоя шудааст. Ин нусхаи девони Ҳофиз, ки бо расмулхати ниёкон ба нашр расидааст, бегумон дар берун аз Тоҷикистон низ мавриди омӯзиш қарор гирифтааст. Аз ҷумла, дар бораи ин нашр як мақола ба забони англисӣ ба нашр расидааст. Дар ҳақиқат, нашри ин нусха метавонад, дар омода сохтани матни комили интиқодии Ҳофиз мавқеи муҳим дошта бошад.

Ин нашрҳои девони шоир, ки то солҳои 80 ба нашр расидаанд, ҳама мунтахабу гулчини ғазалиётанд. Дар ҳаҷм қадомии онҳо ашъори шоир ба таври комил ба нашр нарасидааст. Соли 1983 бо кӯшиши Чамшед Шанбезода «Куллиёт»-и Ҳофизи Шерозӣ ба нашр расид, ки нисбат ба нашрҳои пешина комилтар ва дар фарогирии ашъори аслии шоир бехтар аст. Дар ин «Куллиёт» 565 ғазал, 5 қасида, маснавӣ, соқинама, 34 қитъа ва 42 рубоӣ Ҳофиз гирд оварда шудааст(15). Мутаасифона, дар ин китоб низ ғазалҳои зиёди мансуб ба Ҳофиз дохил шудаанд, ки хонандае, ки аз сабку шеваи Ҳофиз бохабар аст, ба осонӣ моли Ҳофиз набудани онҳоро пай мебард. Аз ҷумла ғазалҳои зерин, ки мисраи аввали матлашонро меоварем, дар нусхаи Абдурахмони Халхолоӣ ба гурӯҳи ғазалҳои мансуб ба Ҳофиз шомиланд ва дар нусхаҳои муътабари девони Ҳофиз, аз ҷумла нусхаи Ғанӣ-Қазвинӣ дохил нагардидаанд:

- 1) Шаб аз муғриб, ки дил хуш бод вайро...
- 2) Таолуллоҳ, чӣ давлат дорам имшаб...
- 3) Субҳи давлат медамад, ку ҷоми ҳамчун офтоб...
- 4) Ин чӣ шӯрест, ки дар даври қамар мебинам... ва ғайра.

Соли 2001 бо ҳамкориҳои Ройзани фарҳангии Ҷумҳурии Ислонии Эрон дар Тоҷикистон «Куллиёт»-и Шамсиддин Муҳаммад Ҳофизи Шерозӣ, бо муқобила ва тасҳеҳи Муҳаммадсиддиқи Комил, таҳти назари Муҳаммади Борӣ ба нашр расид, ки шомили 569 ғазал, 6-қасида, 1-маснавӣ, 1-соқинама, 35-қитъа, 42-рубоӣ аст(16). Бино ба гуфтаи Муҳаммад Борӣ дар ин кор онҳо аслан нусхаи

Чамшед Шанбезода (нашри 1983) истифода кардаанд, аммо бо он басанда накарда, аз нусхаҳои дигар, аз ҷумла нусхаҳои муҳими Ғанӣ-Қазвинӣ ва Халҳоӣ дар муқоиса ва таҳрири мӯҳаддад истифода бурдаанд. Илова бар ашъори илҳоқӣ дар ин китоб хатоҳои китобию имлоӣ ва техникаи зиёде роҳ ёфтаанд, ки таровату зебоӣ ва пурмаъноии шеъри Хочаи бузургро коҳидааст, ки муқарризон ба он ишора кардаанд(23,3).

Ба муносибати Анҷумани панҷуми байналмилалии устодон ва муҳаққиқони забон ва адабиёти тоҷику форс «Гулчини девони Ҳофиз» тавассути нашриёти «Деваштич» соли 2006 ба сифати баланд нашр шуд, ки онро донишманди шинохтаи тоҷик Мирзо Муллоаҳмадов мураттаб намудааст ва муқаддима навиштааст(17). Дар муқаддимаи ин китоб, ки «Шинохтаи тозаи ашъори Ҳофиз» унвон дорад, Мирзо Муллоаҳмад перомуни шеваҳои шарҳи девон, таҳқику баррасии нусхаҳо ва таҳқиқи рӯзгору осори шоир баҳс намуда, зарурати таҳқиқи ашъори шоирро аз диди нав ба миён мегузорад.

Баъд аз ин низ нашри ашъори Ҳофиз ба ҳар муносибате дар Тоҷикистон ба роҳ монда шудааст. Аз ҷумла, мунтахаби ашъори шоир бо хатти кирилӣ ҳам ба забони тоҷикӣ ва ҳам русӣ ба нашр расида, ки ин масъала, яъне тарҷумаи осори шоир баҳси дигар аст. Илова бар ин, ашъори Ҳофиз ба шеваи дигар, ки танҳо хусусияти тарғиботӣ ва дастрас намудани ин осори безавол ба хонандагон дорад, ба роҳ монда шудааст. Ба ҷуз аз он ки дар рӯзномаҳову маҷаллот борҳо ашъори ҷудоғонаи Ҳофиз ба нашр расидаанд, ба шакли китобчаҳои кисагиву саридастӣ низ ҷоп шудаанд. Аз ҷумла, соли 2008 китобчае бо унвони «Саду як ғазал» дар ҳаҷми 104 саҳифа, ба сифати паст ба нашр расид, ки онро Б. Раҳимӣ ва А. Мусоев тартиб додаанд(18).

Барои осонтар даст ёфтан ба ҳарими ҳарами ашъори Хоча Ҳофиз аз ҷониби Алоуддин Салоҳидинов абёти пандогини шоир ба унвони «Панди Ҳофиз» (19) ва аз ҷониби адабиётшиносони шинохтаи тоҷик Асрори Раҳмонфар ва Мубашшир Акбарзод маҷмӯаи «Насихат гӯшкун, ҷоно», ки аслан барои хонандагони макотиби миёна нигаронида шудааст, ба нашр расид(20), ки мо дар бораи ин маҷмӯа дар мақолаи «Байтулғазали маърифат» изҳори назар кардаем(27).

Бояд зикр кард, ки бо вучуди ин ҳама нашрҳо то кунун дар Тоҷикистон матни комили интиқодии девони Ҳофиз ба нашр нарасидааст. Қобили зикр аст, ки аз ҷониби донишмандони тоҷик низ перомуни ашъори «Лисонулғайб» тадқиқотҳои судманде рӯйи қор омадаанд, ки баъзе аз онҳо марбут ба нашри девони ин шоири малакутианд. Аз ҷумла, донишманди тоҷик Ш.Р. Исрофилниё як ғазал ва се рубоии Ҳофизро бо андаке тағйирот дар девони Носири Бухороӣ пайдо карда ва бо далелҳои илмӣ собит мекунад, ки онҳо моли Носири Бухороиянд, на Ҳофиз(24). Бино ба гуфтаи ин муҳаққиқ Парвиз Нопили Хонларӣ низ ғазали «Ҳарғизам нақши ту аз лавҳи дилу ҷон наравад. . .», ки дар нусхаҳои мӯтабари девони Ҳофиз шомиласт, моли Носир меонад. Ин андешаҳои Ш. Исрофилниё дар асоси муқоисаи қадимтарин нусхаҳои девони ҳарду шоири ҳамаср ба даст омадааст(25).

Хулоса, илми адабиётшиносии моро зарур аст, ки матни илмӣ-интиқодии ашъори Ҳофизро ба нашр омода созанд. Танҳо метавон баъд аз ба даст омадани матни комили интиқодии ашъори ин шоири балановоза ҳам ниёзмандии хонандагонро ба ашъори ӯ қонеъ гардонд ва ҳам перомуни мақоми ӯ дар таърихи адаби форсу тоҷик баҳс кард.

АДАБИЁТ

1. Девони Ҳофиз, Бо эҳтимоми А. Халҳоӣ. Техрон, 1306.
2. Девони Хоча Шамсуддин Муҳаммад Ҳофизӣ Шерозӣ. Ба эҳтимоми М. Қазвинӣ ва доктор Қосим Ғанӣ, Техрон, 1320.
3. Ғазалҳои Хоча Ҳофизӣ Шерозӣ. Ба тасҳеҳ ва муқобилаи П.Н. Хонларӣ. Техрон, 1337.
4. Девони Хоча Ҳофизӣ Шерозӣ. Бо тасҳеҳ ва се муқаддима ва ҳавошӣ ва такмила ва кашфулабёт. Ба эҳтимоми Саййид Абдулқосим Инҷӯӣ Шерозӣ, Техрон, 1346.
5. Девони Ҳофиз. Ба тасҳеҳи М. Яқтоӣ. Техрон, 1328.
6. Девони Ҳофиз. Бо муқаддимаи Ҳошим Разӣ. Техрон, 1341.
7. Девони Ҳофиз. Ба тасҳеҳи Пажмон Бахтиёрӣ, Техрон, 1342.
8. Намунаҳои адабиёти тоҷик.Тартибдиҳандагон: Х. Мирзозода, Ҷ. Сухайлӣ, Ҷ. Иқромӣ, К. Лутфуллоева, Л. Бузургзода, зери таҳрири С. Айни, А. Деҳотӣ, С. Улуғзода, ва М. Турсунзода, Сталинобод, 1940(ба хатти лотинӣ).-604с.
9. Ҳофизӣ Шерозӣ. Мунтахабот.Тартибдиҳанда: А.Н. Болдирев. таҳрири умумии С. Айни, Сталинобод, 1951. -150с.
10. Ҳофизӣ Шерозӣ. Мунтахаби девон. Тартибдиҳанда ва муҳаррир Х. М. Мирзозода, Сталинобод, 1957, -610с.
11. Ҳофизӣ Шерозӣ. Мунтахаби ғазалиёт. Мураттиб ва муаллифи сарсухан Ҷ. Шанбезода, 1967, 284с.
12. Ҳофиз. Чихилу се ғазал(Аз рӯйи яке аз қадимтарин нусхаҳои мавҷуда(р.555), бо кушиши Гулсум Галимова, дар зери таҳрири академики АФТ А. Мирзоев, Душанбе:Ирфон, 1971.-110с.
13. Ҳофизӣ Шерозӣ. Чашмаи меҳр(гулчини ғазалиёт). Тартибдиҳандагон: Н. Қаҳҳорова ва Ф. Абдуллоев, Душанбе: Ирфон, 1971.
14. Ҳофизӣ Шерозӣ. Ашъори гузида.Мураттибон Н. Маъсумӣ ва Ҷ. Шанбезода, Душанбе: Ирфон, 1971.

15. Ҳофизӣ Шерозӣ. Куллиёт. Мурағтиб ва муаллифи сарсухан Ҷ. Шанбезода, Душанбе: Ирфон, 1983. -670 с.
16. Шамсиддин Муҳаммад Ҳофизӣ Шерозӣ. Куллиёт. Муқобила ва тасхеҳи Муҳаммадсиддиқи Комил, тахти назари Муҳаммади Борӣ, Техрон, 1379/2001, -358 с.
17. Гулчини Девони Ҳофиз. Мурағтиб ва муаллифи муқаддима М. Муллоаҳмад, Душанбе: Деваштич, 2006.- 256 с.
18. Ҳофизӣ Шерозӣ. Саду як ғазал. Мурағтибон Б. Раҳимӣ ва А. Мӯсов, Душанбе: Ирфон, 2008. -104 с.
19. Панди Ҳофиз. Мурағтиб А. Салоҳиддинов, Душанбе, 1995.
20. Насихат гуш кун, чоно. Мурағтибон А. Раҳмонфар ва М. Акбарзод, Душанбе, 2008.
21. Галимова Г. Старе́йшая рукопис стихов Хафиза// Проблемы востоковедения, 1959, №4, с.105-112.
22. Каталог восточных рукописей АН Тадж. ССР, том 2, Душанбе, 1968, с.188, №598.
23. Идизода И. Куллиёти пурғалати Ҳофиз// Адабиёт ва санъат, 6-феврал, 2009, с.6.
24. Исрофилиниё Ш.Р. Носири Бухороӣ ва Ҳофизӣ Шерозӣ. //Ахбори АИ Ҷумҳурии Тоҷикистон, шӯъбаи илмҳои ҷамъиятӣ, 2009, №3, с., 63-68.
25. Исрофилиниё Ш. Р. Носири Бухороӣ ва тақомули ғазал дар асри XIУ.-Душанбе: Дониш, 2009.-248 с.
26. Исрофилиниё Ш.Р. Фарҳанги таҳлилии алфози хароботии ашъори Ҳоҷа Ҳофиз. Душанбе: Адиб, 2003.
27. Раҳимова М. Байгулғазали маърифат// Омӯзгор 21 августи 2009.

ИЗДАНИЕ И ПУБЛИКАЦИЯ ПОЭЗИИ ХАФИЗА ШИРАЗИ В ТАДЖИКИСТАНЕ

В статье исследуются диван, избранные стихи и образцы поэзии Хафиза Ширази опубликованные в Таджикистане. В нём каждый диван, куллият и избранная поэзия поэта, которые были опубликованы в Таджикистане, рассматриваются по отдельности и становится объектом тщательного анализа.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Хафиз Ширази, поэзия Хафиза Ширази, образцы поэзии Ширази, издание стихов Ширази в Таджикистане.

THE EDITION AND PUBLICATION OF POETRY HOFIZ SHERAZI IN TADJIKISTAN

In clause the sofa elected verses and samples of poetry Hofiz Sherazi published in Tadjikistan is investigated. In him each sofa, куллият and elected of poetry of the poet which was published in Tadjikistan separately becomes object of the careful analysis.

KEY WORDS: Hafiz Shirazi, poetry of Hafiza Shirazi, samples of poetry of Shirazi, the edition of verses of Shirazi in Tajikistan

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: *М. Раҳимова* – старший преподаватель Таджикского государственного института языков им. С. Улугзаде.
Телефон: 92-701-1473

ИРФОН ВА МАЪРИФАТИ ИРФОНӢ АЗ ДИДГОҲИ ФУРӮҒИ ФАРРУХЗОД ВА ФАРЗОНАИ ХУЧАНДӢ

Парвонаи Барорпур

Институти забон ва адабиёти ба номи Рӯдакии АИ ҶТ

Дар шеъри даврони нави форсизабонон, бавежа, шеъри нави нимоӣ дар Эрон ва хоса шеъри нави замони шӯравии Тоҷикистон дар иртибот ба гароиши бештар ба мавзӯ ва масоили сиёсӣ иҷтимоӣ мавзӯи ирфон ва маърифати ирфонӣ як муддат ба дараҷаи сонӣ гузашт ва ҳатто дар Тоҷикистон ба ҳадди нестӣ расид. Аммо дар солҳои баъдина дар иртибот ба боло гирифтани ҷанбаи маънавӣ дар ҳаёти ҷомеа, тавачҷӯх ба ирфон ва маърифати ирфонӣ тавсияи бештаре пайдо кард ва он ба аксари масоил, масалан дарки ҳастӣ ва ҷаҳоншинохтӣ, бавижа дар масъалаи тасвири ишқ рангу оҳанги тозаеро ворид овард. Ва ин тағйири дарунмоӣ шеъри навро бештар аз ҳама дар осори шоираҳои тавоноӣ эронӣ ва тоҷикӣ - Фурӯғи Фаррухзод ва Фарзонаи Хучандӣ ба мушоҳида гирифтани мумкин аст.

Агарчи ашъори аввалияи Фурӯғ дар маҷмӯаҳои «Асир», «Девор» ва «Исён» ҷуз ишқи маҷозӣ ва дунявӣ ҳиттаи дигареро дар бар намегирад ва суҳан аз «хоҳиши пайкарҳо» ва «аташи ҷовидон»-и оташхост ва дӯст доштани сатҳӣ ва эҳсоси шадиди навҷавониро ба хонанда илқо мекунад ва ҷуз ба эҳсоси бозувон ва соябони гесувон ба чизи дигаре намандешид, аммо бо марур замони осораш, андешааш дигаргун мешавад, то ҷое ки дар маҷмӯаи «Таваллуди дигар» Фурӯғи дигар мутаваллид мешавад: Он рӯзҳо рафтанд... акнун занеро мебинед, ки қад кашида асту бузург шуда ва по аз ҳиттаи ин дунёи маҷозӣ фаротар ниҳода ва авҷ гирифтааст ва ба малакути осмонҳо расидааст, рангу бӯйи андешаи Ҳофиз аз лобалои ашъораш маҳсус аст. Шеърҳои саросар фарёд аст ва эътирози наққодона ва риндона. Ӯ аз зуҳд меғӯяду тавба, аз дӯзаҳу бихишт дӯзаҳро тарҷеҳ медиҳад, ҷаро ки ӯ содиқ аст ва ба гуноҳ эътироф мекунад ва зуҳди риёкоронаро нафӣ мекунад. Ҳамчун ҳамеша дар асри Фурӯғ низ бозори тазоҳур ва авомфиребӣ доғ аст ва ӯ дар муқобили ин падидаи беморзоӣ ҷомеа истодааст ва гӯйӣ меҳаҳад бо обила ва тоун муқобила кунад ва мӯътақид аст, ки ин хасоили мазмуми инсонӣ аз беморӣ

хатарноктар аст ва бояд бо он муқобила кард ва барои мубориза бо ин гуна афрод ба нақди он боварҳо пардохт. Албатта, бо ҳамон қонун ва мантиқе, ки ин гуна инсонҳо худ ба он мӯътақиданд ва дар ин роҳ улғе бехтар аз Ҳофиз барои ӯ нест.

Фуруғ низ аз зоҳидони риёкор ва воизоне, ки дар минбарҳо чилва мекунанд, дурӣ мечӯяд, онҳоро офаридаи иблис медонад ва омили бадномӣ ва талхкомии худ.

Аз Худо роҳи чора мечӯям,
Порсовор дар баробари ту.
Сухан аз зухду тавба мегӯям. . .

(«Эътироф» // Девор)[1]

Бигузур зоҳидони сияҳдоман
Расвои кӯю анҷуманам хонанд.
Номи маро ба нанг биёлоянд,
Инон, ки офаридаи шайтонанд.

Мӯътақид аст, ки содадилӣ ва покниҳодӣ ва рӯростиаш ӯро назди Худо маҳбуб менамояд ва ҳеч гоҳ ҳозир нест, ки чун зоҳидони риёӣ ба хилват рафта ва кори дигаре намояд ва гуноҳи пинҳонии худро аз чашми халқу Худояшон пӯшида намояд ва аз ҷаҳаннами дунявӣ ғамгину малул нест ва чи ба луфти Парвардигораш умедвор аст:

Моро чи ғам, ки шайх шабе дар миёни чамъ,
Бар рӯямон бибаст ба шодӣ дари бихишт.
Ҷ мекушояд. . . Ҷ, ки ба лутфу сафои хеш
Гӯйӣ, ки хоки тинати моро зи ғам сиришт.

(«Посух» // Девор)[2]

Ҷ гул задани мардум ва авомфиребиро гуноҳе нобахшиданӣ медонад ва мӯътақид аст, ки доғи гуноҳ бехтар аст аз доғи муҳри намоз, ки аз сари риёву худнамоӣ ва дуруғин бошад ва номи Худо, агар бар забон чорӣ нақунӣ, бехтар аст, то ин ки барои фиреби халқи Худо салои Худо, Худо занӣ:

Пешонӣ аз доғи гуноҳ сияҳ шавад,
Бехтар зи доғи муҳри намоз аз сари риё.
Номи Худо набурдан аз он бех, ки зери лаб
Баҳри фиреби халқ бигӯйӣ: Худо, Худо.

Фуруғ, агарчи аз вожағони суфӣ, хилватнишин, самоъ ва ғайра, ки ёдовари асри Ҳофиз аст, истифода мекунад, аммо мубтакирона тавоноӣҳои зехнӣ ва забониву баёнӣи худро ба хонанда мунтақил мекунад. Ҷ дар мактаби Ҳофиз шогирди барҷаста аст ва тавонистааст, такрори доиравори таърихро ба хонанда ёдоварӣ кунад, ки ҳон, дар дунёи Шарқ ҳамвора таърих муқаррар аст ва агар Ҳофиз дар қарни ҳаштум бо ин андешаҳои нобасомон ва беморгун бархӯрд дошта, Фуруғ низ дар асри муосир аз он ранҷ мебарад.

Ҷ имони ростинро мечӯяд, на эмони зархарид бо гӯшанишинӣ дар завоёи масочид чун зиёратхонони пир ё зону задан дар пойи зареҳи сард:

Метавон як умр зону зад
Бо сари афканда, дар пойи зареҳи сард.

(«Арӯсаю» // Таваллуди дигар)[3]

Метавон дар гӯри мачҳуле Худоро дид,
Метавон бо сиккае ночиз имон ёфт.
Метавон дар хучраҳои масҷиде пӯсид
Чун зиёратномаҳои пир.

(«Арӯсаю» // Таваллуди дигар)[4]

Ҷ хамидағони лоғари афюниеро, ки худро орифону сӯфиёни покниҳоди замон медонанд, ба боди тамасхур мегирад ва фосилаи ин ду қишрро бисёр зиёд медонад. . .

Ин хамидағони лоғари афюни,
Он орифони поки баланддеш?

Вай мӯътақид аст, ки худ ба ҳақиқати нав даст ёфтааст ва аз дили боғча ҳақиқати ҳастиро кашф кардааст, ки бо ӯ сухан мегӯяд:

Мо ҳақиқатро дар боғча пайдо кардем,
Дар нигоҳи шармогини гули гумном.

(«Фатҳи боғ» // Таваллуди дигар)[5]

Фуруғ вақте мебинад аз орифону тасаввуф фақат чанбаи зохирии он бар чой монда ва орифони замон аз он ҳама маънавият ва парвоз фақат ба гуфтани «ё ҳақ» ва «ё ҳу» ва «ху-ху» иктифо кардаанд, бар он метозад ва шиква менамояд, ки:

Ва паҳши чанд ё ҳақу ё ҳуву вағ-вағу ху-ху,
Расман ба маҷмаи фузалои фақур ва фазлаҳои

фозили равшанфикр

Ва паирони мактаби дох-дох, торох-горох бипайвандам.

(«Эй марзи пургуҳар» // Таваллуди дигар)[6]

Ҷамаи ваъи асафбори қарнро мебинад ва аз худ мепурсад, ки дар қадом мактаби осмонӣ ин ҳама масоили манфӣ ва ғайрияхлоқӣ ва ҷанг суфориш шудааст? Ва ба фикри баррасии илалти ин мушкилот аст ва талош мекунад, то битавонад онҳоро ҳал кунад. Пас меғӯяд:

Пайғамбарон, рисолати вайрониро

Бо худ ба қарни мо оварданд?

Ин инфичорҳои паёпай

Ва абрҳои масмум

Оё танини ояҳои муқаддас ҳастанд?

(«Эмон биеварем ба оғози фасли сард» // Панҷара)[7]

Агар аз он чи Фуруғ дар мавриди мавзӯи мазкур гуфта, натиҷагирӣ намоем, пас рушан мешавад, ки вай аз маърифати ирфонӣ ва мазҳабӣ барои ифодаи афкори иҷтимоӣ истифода намуда, ҳамзамон шеъри навро бо мазмуни тоза ғанӣ гардонидаст.

Дар мавриди Фарзона бошад ҳамин нуқта сазовор ба ёдоварист, ки, агарчи ӯ дар айёме ба арсаи эҷод омад, ки дар назми тоҷикӣ шеъри зиддидинии шӯравиёна нуфузи зиёд дошт, вале вай аз нахуст бо руҳи гуманистии адабиёт гароиш кард ва дар замони бозсозихо хеле ба зудӣ моҳияти масъаларо дарк намуда, таъя бар арзишҳои суннатӣ ва мазҳабӣ намуд. Гарчи номи Фарзона ёдовари ватандӯстӣ ва меҳанситоиву қаҳрамонони миллӣ аст ва Фарзона бештар тамоми талоши худро бар он гузошта, аммо ҳамчунон дар тариқи ирфон гомҳои муассире ниҳодааст ва дар ин роҳ аз Мавлоно улғу мегирад ва ошноияш бо Мавлоноро чунин таъбир мекунад, ки «дар тӯфони Мавлавӣ чунон ғарқ шудам, ки раҳой аз он намедидам».[8] Фарзона дар мавриди дигар ба пурсиши Нуралӣ Нурзод, дар мавриди он ки: «Шахсияти ормонии шумо дар қаламрави шеър кист?» чунин посух додаст: «- Мавлавии Балхӣ, ки ҳеч наметавонам бузургиашро муайян кунам, ба пиндори ман ҳаҷми руҳи як инсонӣ фавқулодаи нобиға ҳам ҳаргиз ба ин фарроҳӣ нест. Умуман, ман дар дунё шоиреро ба ин вусъат ва масоҳат надидаам».[9]

Гарчи нафаси гарми Мавлоно дар шеърҳои ӯ қорӣ аст ва таҳти таъйиди шӯридагиҳои Мавлоно, аммо тааллуқи ӯ ба замони ҳол, кишвараш Тоҷикистон ва қорбурди таркибҳои нав ва навоариҳои зехну ҳаёл ва вожагони маҳаллӣ, сухани ӯро аз каломии Малоно мутамоиз месозад.

Фарзона ҳисро чун зиндоне медонад, ки парвози ӯро маҳбус намудааст, ӯ меҳодад ин қафасро бидушояд ва ба дунболи осмон шавад:

Ман ҳешро қафас бинмудам барои ҳеш,

Ҳоло ки боз шудам, қафасам, осмон қучост?

(«То бекаронаҳо» // Пайми ниёкон)[10]

Бигшой қафас, ки ҳолиё болам,

Аз ёд набруда шеваи парвоз. . .

(«Занҷирак» // Пайми ниёкон)[11]

Ба баландии қӯҳ будан, ворастигӣ аз ҳеш, тавачҷӯҳ ба васли шуридагии суфиёна, тавачҷӯҳ ба зухду порсой, қоми ҳастӣ ва рози офариниш, фаротар аз моддиёт будан, расидан ба мақоми ризо, тавачҷӯҳ ба чунун, гузашти умр, ғанимат шумурдани фурсат, лузуми доштани пир ва муршид дар тарик, тавачҷӯҳ ба тавҳид аз вожагон ва аз ҷумлаи мавзӯоти мабоҳиси ирфонӣ аст.[12] ки Фарзона ба онҳо тавачҷӯҳ доштааст. Ҳарчанд ҳисм ва зиндагии дунёро чун қафас медонад, ки ӯро гирифта ва асири худ кардааст:

Чун зиям, чунки дилам танг омад,

Зиндагӣ қолаби ман сохта нест.

(«Пирях ва вулқон» // Пайми ниёкон)[13]

Аммо муътақид аст, ки бо фитрати поки Илоҳӣ метавон вайронаҳои рӯхро обод сохт ва зимни ёдоварии Иқболи лохурӣ ва илҳом гирифта аз ин шоири ҳақим ва ориф, ки фарҳанги исломиро мутобиқ ба замони нав мавриди андешаи ҷиддӣ қарор додаст, изҳор медорад:

Басе вайронаҳои рӯхҳоро

Зи хишти фитратам маъмур кардам.

(«Иқболи Лохурӣ» // Пайми ниёкон)[14]

Ў, барои он ки битавонад бидуни хатар масири сулукро тай намояд, доштани пир, ходӣ ва муршидро лозимаи тариқ медонад ва чошнии ишқро бартарин гавҳар ва мушаввик;

Бояд аз ғамкадаҳои ташвиш
Ба шафакзори муҳаббат бигурехт.
Бояд ошиқ шуду фарёд кашид,
Дар хомӯшии фалак гулгула рехт.

(«Эй хаёли ту чароғе дода» // Пайми ниёкон)[15]

Фарзона нону дона ва тааллуқоти дунявиро дархури руҳи ворастаи одамӣ намедонад ва ба дунболи решаву асли инсонӣ аст. Аз ин рӯ, раҳо шудан аз тааллуқоти нафсониро тавсия мекунад, растагории башарро хостор аст:

Эй ёр, эй касе ки назират надидаам,
Эй рафта то булурғаҳи бекаронаҳо.
Эй масти ишқу масти баҳору фасонаҳо,
Вақте туй фаротарам аз обу донаҳо.

(«То бекаронаҳо» // Пайми ниёкон)[16]

Борон ба ман ҳикояти ғамнок мекунад,
Аз қисмати касе, ки чудо шуд зи асли хеш.

(«Ҳикояти ғамнок» // Пайми ниёкон)[17]

Яке дигар аз вижагиҳои ирфонии шеърӣ Фарзона пурсиши муқаррар аз фалсафаи ҳастӣ: яъне офариниш ва марғ аст, ё пурсише мисли аз кучо омадасту охир ба кучо меравад, ки албатта, илҳом гирифта аз ашъори Мавлоно мебошад. Ў шогирди мактаби Мавлоносту аз ушшоқи ӯ, талош мекунад то ҳадди мумкин андешааш ёдовари афқору андешаҳои Мавлоно бошад. . . :

Боре нагуфтаем, ки баҳри чӣ омадем,
Бишқуфтаг аз чӣ буду фасурдан барои чист?

(«То бекаронаҳо» // Пайми ниёкон)[18]

Ҳамчунин, ҳамонанди Мавлоно аз вожагоне чун шамс, тарҳи ошноии наистон, ду рӯза умр, дили хароба, зоҳиди хилватнишин, шод будан ва шодӣ намудан, ҳатто ҳангоми марғ, дили хароба ва ғайра баҳра мечӯяд ва тавачҷӯҳи хоси худро ба ирфони Мавлоно нишон медиҳад:

Шамс шаву қаҳқаҳа барпой кун,
Абр шаву кӯй ба кӯ рез-рез.

(«Мани ноошно бо ман» // Пайми ниёкон)[19]

Ва боз чандрӯза рухсатам буд,
Ки монам андар ин саро, чи шигифт?

(«Дубора ошиқам» // Пайми ниёкон)[20]

Розӣ будан ба ризои Ҳақ аз вижагии авлиёи Худост ва орифоне чун Мавлоно ба ин масъала тавачҷӯҳи хос доштанд. Фарзона низ чун эшон мӯътақид аст:

Ман зи қисмат розиям, аммо
Кош ҳамболи сабо будам.

(«Эй кош» // Пайми ниёкон)[21]

Маҷлисе намехоҳам, маҳфиле намечӯям,
Бо чунун ҳамохангам, оқиле намечӯям.

(«Бо чунун ҳамохангам» // Пайми ниёкон)[22]

Ба наистони мо, ки даҳмазор шуд,
Нафир мерасад зи нойи Мавлавӣ:
Ки, эй хазонрасидагон, баҳор шуд. . .

(«Чакомае аз хуни гул нигошта» // Пайми ниёкон)[23]

Ва дар ниҳоят, ишқ ва танҳо ишқ аст, ки меъёри муносибати уро ба ҳамаи масоили зиндагӣ равшан менамояд, сабаби сиҳатии муносибатҳо, ривочи масоили рӯзгор ва ҳастии худ, балки саодати дорайнро ба сони Мавлоно дар Ишқ, ба маънии бузурги ин вожа, медонад:

Ишқ! Эй ишқ! Зи нав ишқ! Бале, танҳо ишқ!
Инчунин аст ҷавобам ба саволи ҳастӣ.[24]

Ҳамин тавр, ба натиҷае расидан мумкин аст, ки дар ашъори чи Фурӯғ ва чи Фарзона мавзӯи ирфон ва маърифати ирфонӣ мавқеи муҳим ва хосеро дорост. Ин ду шоираи покниҳод дар пояи

маънавияти инсонӣ аз зӯҳди хушқу бехосил канора гирифта, ба асли ҳақиқати ҳастӣ, ки ишқ ба Худованд аст, гаравидаанд ва дар паноҳи ин маорифи пурмухтаво ба роҳи худшиносӣ, инсондӯстӣ, ҷомеасозӣ ва расидан ба Худошиносиву ба асли ҳастӣ назар меандозанд. Ва ин қазияи хеле муҳиму ибратомуз мебошад, ки суннат, бахусус суннати маънавиятсозии ирфонӣ шуарои давру минтақаҳои гуногуни форсиабонро ба ҳам мепайвандад ва сабаби ҷи аз ҳайси маънавий ва ҷи аз ҳайси эҷодкорӣ ба зудӣ ба ҳам ошно шудани онҳо мегардад. Инро метавон як риштаи муҳими зуҳуру бурузи шабохатҳо ва умумияти адабу фарҳанги умумифорсӣ башумор овард, ки бо истифода аз нақди таквинӣ дар муқоса омӯхтани он аҳамияти муҳими илмиро дорост.

АДАБИЁТ

1. Фуруғи Фаррӯҳзод, Девони ашъор. – Техрон: Интишороти Марворид, 1377, с. 201.
2. Ҳамон маохиз, с. 221.
3. Ҳамон маъҳаз, с. 341.
4. Ҳамон ҷо.
5. Ҳамон маъҳаз, с. 385.
6. Ҳамон маъҳаз, с. 406.
7. Ҳамон маъҳаз, с. 447.
8. <http://www.Tajikistan.com/farhang.htm>
9. Рузномаи «Ҷавонони Тоҷикистон», 2006, 9 ноябр.
10. Фарзонаи Хучандӣ. Паёми ниёкон. – Техрон: Суруш, 1375 с.28.
11. Ҳамон маъҳаз, с. 38.
12. <http://www.tajikistan.com/farhang/htm>
13. Ҳамон маъҳаз, с. 16.
14. Ҳамон маъҳаз, с. 10.
15. Ҳамон маъҳаз, с. 13.
16. Ҳамон маъҳаз, с. 28.
17. Ҳамон маъҳаз, с. 46.
18. Ҳамон маъҳаз, с. 27.
19. Ҳамон маъҳаз, с. 87.
20. Ҳамон маъҳаз, с. 71.
21. Ҳамон маъҳаз, с. 44.
22. Ҳамон маъҳаз, с. 53.
23. Ҳамон маъҳаз, с. 95.
24. Фарзона. Қатрае аз Мулиён. Кулӣиғибораг аз 3 ҷилд, ҷилди 2- Хучанд, с. 278.

МИСТИКА И МИСТИЧЕСКОЕ ПОЗНАНИЕ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ФУРУГА ФАРРУХЗОД И ФАРЗОНЫ ХУДЖАНДИ

Тема мистики (ирфон) и мистическое познания (маърифати ирфонӣ) является одной из основных тем истории таджикско-персидской литературы. Несмотря на то, что в советской эпохе в Таджикистане власть наложила запрет на мистические темы, а в Иране возрастающее внимание к новой поэзии оттеснило интерес к мистике, эта тема ещё привлекала внимание поэтов двух стран. И Фуруг и Фарзона в основном воспевали истинную веру и любовь к Богу, одновременно критикуя богобоязничество и неверие своих современников.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: таджикско-персидская литература, мистика, мистическое познание, мистические темы, Фуруг, Фарзона.

THE MYSTICISM AND MYSTIC COGNITION WITH FURUGHA FARUKHZOD AND FARZONA KHUJANDI'S STANDPOINT

The subject of mystics (irfon) and the mystic cognition (ma'rifati irfoni) is one of the main themes of Tajik-Persian history of literature. In spite of the fact that in Soviet epoch in Tajikistan the power has placed a ban on mystic subjects, and in Iran the increasing attention to new poetry has forced back the interest to mystic, this subject attracted the poet's attention of two countries. Furugh and Farzona basically expressed the true faith and love to the God, simultaneously criticizing fear of the God and disbeliefs of their own contemporary.

KEY WORDS: the Tajik-Persian literature, mysticism, mystical knowledge, mystical themes, Furug, Farzona

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Парвона Барорпур – соискатель Института языка и литературы им. Рудаки АН РТ

ТАҶҚИҚИ ҚИЁСИИ СУЖЕТИ ДОСТОНИ «САЛТАНАТИ ҚАЙКОВУС»-И «ШОҲНОМА»-ҲОИ АБУЛҚОСИМ ФИРДАВСӢ ВА АБӢМАНСУР АБДУЛМАЛИК САОЛИБИИ НИШОПУРӢ

Р.Б. Ризоева
Донишгоҳи давлатии Хучанд ба номи Б. Фафуров

Абулкосим Фирдавсӣ на танҳо дар адабиёти форсизабонон, балки дар адабиёти ҷаҳонӣ бузургтарин сарояндаи дostonҳои ҳамосиву қаҳрамонӣ мебошад ва дар навиштани онҳо истеъдоди беназири фитриву шоирӣ дорад. Донишманди маъруфи немис Г.Эте дар ситоиши Фирдавсии бузург гуфта: “Фирдавсӣ шоири ҷаҳонист. Ҳамаи дostonҳои эпикӣи адабиёти форс-тоҷик аз “Шохнома” сарчашма мегирад”. Ҳақ ба ҷониби Г. Эте, зеро дар партаве аз таҷаллии нубуғи Фирдавсӣ ва ҳамосаи мӯхташами ӯ зиёда аз садҳо суханворон аз ҷайзи “Шохнома” бархурдор гардида, асару дostonҳои комиле офаридаанд. Яке аз ҷунин асарҳо ба қалами Абумансур Абдулмалик Саолибии Нишопурӣ (350- 429 ҳиҷрӣ) тааллуқ дорад, ки дар доираи адаб бо номи «Шохномаи Саолибӣ ё дар шарҳи аҳволи салотини Эрон» машҳур аст. Абумансури Саолибӣ “Шохнома”-и Фирдавсиро бо забони арабӣ ба наср нигошта ва ба қавли тарҷумони ин асар Маҳмуди Ҳидоят “Тарҷи муаллифи ин китоб (яъне Саолибӣ)дар баъзе аз қасас ба тафсили “Шохнома” (яъне “Шохнома”-и Фирдавсӣ дар назар дошта шудааст)ба зикри дақиқи мавзӯ напардохта, лекин дар бархе аз дostonҳо тафосиле зоида бар он дорад, ки бо зикри хусусият пайдост”. (Муқаддимаи «Шохнома»-и Саолибӣ)

Аз ин нуқта бармеояд, ки байни “Шохнома”-и мансури Саолибӣ ва «Шохнома»-и Фирдавсӣ дар баъзе мавридҳо аз ҷиҳати сужети мазмуну мундариҷа тафовути фарқиятҳои мушаххасе мавҷуд будаанд, ки дар поён зимни таҳқиқи муқоисавии сужети дostonи “Салтанати Кайковус”-и ин ду асар баъзеи онҳоро мавриди таваҷҷӯҳ қарор медиҳем.

Ҷилди дуюми “Шохнома”-и Фирдавсӣ, ки аз дostonи “Подшоҳии Кайковус” оғоз ёфта бо дostonи “Сухроб” ба охир расидааст, ки ҷамъан 49 бобро дар бар мегирад, аз 1460 байт иборат буда, онон дар 315 саҳифаи ҷопӣ ҷой гирифтаанд ва баъд аз ин абвоб дostonи “Сиёвуш” оғоз гардидааст. Аммо дар “Шохнома”-и Саолибӣ қор тамоман ранги дигар гирифтааст. Боби аввал Салтанати Кайковус, ки азробаш Қобус хонанд, сипас, боби Дар баёни он чи Кайковусро ба ҳамла бурдан ба Яман водошт ва ҳаводиси шуме, ки ба ӯ расид, сониян, бобҳои Рафтани Рустам ба Яман барои наҷоти Кайковус, Рондани Кайковус Афросиёбро аз Эрон, интизоми умури салтанатӣ, Сохтани Кайковус бурҷи бобулро ва сууд аз он ҷо ба осмон, яъне ҳамагӣ 5 боб, ки дар 6 саҳифаи китоб ҷой дода шудааст ва баъди ин бобҳо яқбора боби Валодати Сиёвуш ибн Кайковус, яъне дostonи «Сиёвуш» оғоз гардидааст.

Ҷуноне ки яқин гашт, Саолибӣ дар асари худ мазмунӣ чанд дostonи «Шохнома»-и Фирдавсиро ба таври ихчаму мӯҷаз ва кӯтоҳбаёнӣ ифода намудааст.

Дар “Шохнома”-и Фирдавсӣ баъд аз оғози салтанати Кайковус, бар тахт нишастан ва оҳанги Мозандарон намудани ӯ омадааст, ки дар асари Саолибӣ ифодаи ин мазмун умуман вучуд надорад. Дар асари Фирдавсӣ омадааст, ки Ковус рӯзе бо дӯстон саргарми бодагусорӣ буд, ки гуё иблис ба сурати ҷавони зебо ва хонандаи тавоно бо ҷамъе аз созандагон бар ӯ зоҳир шуда уд баргирифт ва ба навохтани ин мазмун пардохт: чи манзараи хушу дилрабо дорад билоди Мозандарон, чи қадар дилкашу назаррабо аст, занонаш ҷун дастаи гул ва моҳи тамом, писаронаш дар нузҳати дидор аз бадоеъи рӯзгоранд ва дар “Шохнома” омада:

Ҳамасола хандон лаби ҷуйбор,
Ба ҳар ҷой бози шикорӣ ба қор.
Саросар ҳама кишвар ораста,
Зи динору дебеву аз хоста.
Бутони парастанда бо тоҷи зар,
Ҳамон номдорони зарринкамар.
Қасе к-он дар он буми обод нест,
Ба қом аз дилу ҷони худ шод нест.
Ҷу Ковус бишнид аз ӯ ин сухун,
Яке тоза андеша афқанд бун.
Дили размҷуяш бубаст андар он,
Ки лашқар кашад сӯи Мозандарон.

(“Шохнома”-и Фирдавсӣ ҷ.2 саҳ.31)

Дар “Шохнома”-и Саолибӣ бошад, билоди Мозандарон, ки макони девони бадҳайбат аст, ёдрас нагашта, балки билоди Яману Ҳомоварон (Ҳимар) омадааст ва ба ҷунин мазмун аст: Рӯзе Ковус бо дӯстон ба айшу тафреҳу бодагусорӣ шугл варзида, ки иблис ба сурати ҷавони зебо омада ҷунин мехонад. Чи некӯст билоди Яман, чи қадар матбуъву писандида аст, чи мардуми саодатманде дорад, на дар тобистон харорати сӯзон, на сармо дар зимистон. Байни мавсими гулу лола, ангуру хурмои он

фосила нест. Икклиме аст мӯътадил, гулзорони он монанди ҳарирест алвон, ҳавои он мушқомез аст, гулҳои зебои он нишотангез. Ин тавсиф дар Кайковус муассир афтод, ўро васваса кард, ки Яманро тамаллук ва султони онро мутеи худ кунад. (“Шохнома”-и Саолибӣ, сах 70)

Баъдан дар “Шохнома”-и Фирдавсӣ омадааст, ки Ковус ба сарони сипоҳ мурочиат намуда чунин мегӯяд: Ман аз Ҷамшеду Заҳҳоку Кайқубод ба бахту фарру наҷод фузунам:

Фузун боядам низ аз эшон хунар,
Ҷаҳонҷӯӣ бояд сари тоҷвар.
Сухан чун ба гӯши бузургон расид,
Аз эшон кас ин рой фаррух надид,
Ҷама дард гаштанду пурчин ба рӯӣ,
Касе ҷанги девон накард орзӯӣ.
 (“Шохнома”-и Фирдавсӣ ҷ.2 сах, 31-32)

Касе ёрои сухани шохро рад намудан накард, аммо байни яқдигар гуфтугӯ намуда изҳор намуданд, ки Ковус бо ин қораш Эронро ҳалок хоҳад сохт. Ҷамшеду Фаридуно Манучехр бо ин фарру қудрати қайӣ ҳаргиз орзӯи Мозандарону ҷанги девон нанамудаанд. Пас Тус ва меҳтарон ба чунин қарор омаданд, ки аз ин ҳаёли Ковус Золро огоҳ намоянд, то ӯ шохро насиҳат кунад ва фиристоде сӯи вай гуселониданд. Аз шунидани ин паём Зол аз рафтори Ковуси худком андӯҳгин гашта таъҷилан ба даргоҳи ӯ расид, назди шох Ковус омада биншаст ва гуфт: Шунидам, ки шох оҳанги Мозандарон намудааст, ки ин хеле гарон аст. Ягон шохӣ пешин на Ҷамшеду Фаридуно Нӯзар ҳаргиз ин ҳаёлро дар сар надоштанд, зеро он ҷо макони ҷодувони афсунгару девон аст. Шох Ковус дар ҷавоб гуфт: Ман аз Фаридуно Ҷамшед сипоҳу ганҷу мардиву фаррам фузунгар аст, он девону ҷодувон бар ҷашми ман хору залиланд. Бо мададу ёрии довари хуру моҳ ман фатҳеб мегардам, ту то он дам бо Рустам аз Эрону тоҷу тахти он ниғаҳбон боӣ. Зол аз ин суханон андӯҳгин гашту гуфт, ки фармонпазирам, ту шохиву мо бандай тӯем.

Дар “Шохнома”-и Саолибӣ дар боби Дар баёни он чи Кайковусро ба ҳамла бурдан ба Яман водошт ва ҳаводиси шуме, ки ба ӯ расид (диққат кунед на Мозандарон, балки Яман) дар ифодаи мазмун ихтилофоте вучуд дошта дафъатан чунин омадааст: Пас, сарони сипоҳро талабида амр дод, ки худро барои азимат ба Яман дар рикоби ӯ ҳозир созанд. Онон нолаю шикоятӣ худро байни худ изҳор гуфтанд: Ин нағмаест, ки шайтон дар гӯши ӯ хонда ва ӯ қабул карда, кӯр-кӯрона аз он пайравӣ мекунад. Агар лоақал мӯҳлат меод, ки Золро аз қазо мутталиъ созем, умед буд, ки ба андарзу раёӣ оқилонаӣ ӯ минсарф гардад. Вале бар хилофи бидуни мӯҳлат таъҷили фаровон ҳам дорад. Пас шох ба роҳ афтод ва сарони сипоҳ бо қўшуне, ки аз фарти касрат заминро пўшонида буд, ўро мутобеат карданд.

Кайковус пас аз мулоҳизаи Хуросон, Ҷибол, Форс, Ироқ, мулоҳизаи авзои ин иёлот ва ҷо ба ҷо кардани маъмури марбута рӯӣ ба ҷониби Яман ниҳод. (“Шохнома”-и Саолибӣ, сах. 70-71)
Дар “Шохнома”-и Фирдавсӣ бошад, Яман ёдрас нагардида, балки боби Рафтани Ковус ба Мозандарон омадааст:

Чу шаб рӯз шуд шоху кундоварон,
Ниҳоданд сар сӯи Мозандарон.
 (“Шохнома”-и Фирдавсӣ ҷ.2 сах, 42)

Сипас, ҷараёни воқеаҳо дар “Шохнома”-и Фирдавсӣ чунин суръат мегирад, ки шох Ковус ва сипоҳиёнаш бо ҳамроҳии Гев дохили шаҳри Мозандарон гардиданд, ки чун биҳишти барин ҷилва менамуд. Ва онон ба қўштору қатлу ғорати он шурӯъ намуданд, ки ин ба гӯши шохӣ Мозандарон расид. ӯ ба изтироб афтода дев Санҷаро назди деви Сапед барои имдоду муҳофизати кишвар аз қатлу ғорати Ковусшоҳ фиристод.

Деви Сапед дарҳол ба мадад омада дар як он шоху лашқари эронӣро парокандаву бар хок яксон намуд. Эронӣён аз рафтори Ковус ҳашмгину дилреш гаштанд. Худи шох бошад, ангишти надомат газида аз нопазируфтани суханони пандомези Зол афсӯс меҳурд. Сипас, ҷаҳонҷӯи ҳастаҷигар гурдери интиҳоб намуда сӯи Зобулистон ба Золу Рустам пайғоме фиристод, ки дар ҳолати хору зори мустамандӣ гирифта аст. Фиристода чун наздики Золу Рустам расид, онон аз шунидани ин пайғом ғамгину ҳастадил гаштанд ва Зол ба Рустам гуфт: Ту бояд бе диранг ба наҷоти шох раӣ, ба Мозандарон ду роҳ аст, ки яке мадид ва дигаре дар ду ҳафта тай мегардад, ки хеле хатарноку пур аз шери деви ҷодувон аст. Агарчи хатарнок бошад ҳам, ту роҳи кӯтоҳ бигузӣ ва ман шабу рӯз аз яздони пок мадад ҷўям, ниёиш намоям, то боз ба дидори ту муяссар гардонад. Рустам бар ҷавоб ба падар чунин гуфт: Ман ба иҷрои фармонат камари ҳиммат бастаам ва сари ҷодувон Аржангу деви Сапед Санҷаву Пўлоди Ғандиро бо мадади ҷаҳонҷуфарин аз тан ҷудо хоҳам намуд. Рудоба бо дили бирёну ҷашми гирён назди Рустам омада гуфт: Аз яздон чи умедворие дорӣ, ки маро ба ғаму қулфат гирифта

намуда меравӣ. Рустам гуфт: Эӣ модар, ин роҳ аз рӯи ҳавову ҳавас интиҳоб нанамудаам, ту ҳимояти ҷону танамро ба парвардигор супор.

Пас аз ин достони Ҳафт хони Рустам омадааст, ки нақли ҳамаи ин ҳодисоту воқеоти болоӣ, яъне рафтани Ковус ба Мозандаррон, равона гаштани Рустам барои наҷоти вай, тайи тариқ намудани ӯ ба Мозандаррон бо роҳи 7 хон дар Шоҳнома-и Саолибӣ бад - ин мазмун чизе пайдо нанамудем, мӯхтавои ин бобҳои “Шоҳнома”-и Фирдавсӣ дар асари Саолибӣ нигошта нашудаанд.

Дар “Шоҳнома”-и Фирдавсӣ давоми воқеаҳо чунин чараён мегирад.

Рустам 7 хонро тай намуда, ки инҳо иборатанд аз ҷанги Рахш бо шер, ёфтани Рустам зани ҷодуро, гирифтани шудани Авлод ба дасти Рустам, ҷанги Рустам бо Аржангдев, куштани Рустам деви Сапедро. Сониян, наҷоти Ковусу сипохиёнаш ва фатҳу пирузии Рустам бар шоҳи Мозандарон нақл гардидааст:

Сипас, пас аз достони Ҳафт хони Рустам достони дар “Шоҳнома”-и Фирдавсӣ омада Кори Кайковус ба шаҳри Барбаристон ва рамз кардани вай бо шоҳи Ҳомоварон ном дорад, ки бо мазмуни “Шоҳнома”-и Саолибӣ муштараку ҳамоҳанг аст ва он дар тахти боби Дар баёни он чи Кайковусро ба ҳамла бурдан ба Яман водошт ва ҳаводиси шуме, ки ба ӯ расид, ном дорад ва чунин омадааст. Чун ба наздики ҳудуди он расид, султони Яман Завоилманор бин Раъш Алҳимарӣ бо Икёл Ҳимар ва Наввоб Қахтон ва тавоифи Барбар ба ҷилавгирии ӯ саф ороистанд. Ҷанг ба шиддат даргирифт ва бодаи нестӣ муқаррар дар ҷоми фариқини даврон ёфт.

Оқибат Завоилзоир донист ҳариф Ковус, ки бад-ин пояи қудрат аст, кӯси мувофиқат фуру кӯфт ва пешниҳодоте, ки барои ақди сулҳ бад-ӯ карда мутааххид шуд, ки як миллион маскук зару ҳазор даст либоси зарбофт, ҳазор қурра аспӣ арабӣ ба ӯ тақдим дошта духтари худ Суудиро, ки ба форсӣ Судоба гӯянд ва дар ҳусну ҷамол зарбулмасал аст, бар ақди издивоҷи ӯ дароварад.

Кайковус, ки васфи ӯ шунида ва дил бад-ӯ бохта буд, ба умеди васли ӯ бо сулҳ мувофиқат намуд (“Шоҳнома”-и Саолибӣ, сах. 71)

Дар Шоҳнома-и Фирдавсӣ ин мазмун бад-ин тартиб омадааст:

Ба пеш андарун шаҳри Ҳомоварон,
Ба ҳар кишваре дар сипоҳи гарон.
Хабар шуд бад-эшон, ки Ковусшоҳ,
Баромад зи оби зирех бо сипоҳ. . .

Сипоҳ буд чандин яли теғзан,

Ба Барбарситон бар шуданд анҷуман.
Чу Ковус лашкар ба хушкӣ кашид,
Қас андар ҷаҳон кӯху ҳомун надид.
Фиристода омад зи Ҳомоварон,
Биёвард ганҷу силеҳи гарон.
Забарҷад биёварду ганҷу гуҳар,
Чунин гуфт, эӣ меҳтари додгар.

ҳама ҷоқару хоки пои туюм,

Агар меҳтаронем агар кехтарем.
Басе зару гавҳар биёвард пеш,
Бубахшид бар ҳар қасе камму беш.
В-аз он пас ба Ковус гӯянда гуфт,
Ки ӯ духтаре дорад андар нухуфт.
Ки аз сарв болош болотар аст,
Зи мушки сияҳ бар сараш афсар аст.
Бичунбид Ковусро дил зи ҷой,
Чунин дод посух, ки нек аст рой.
Ман ӯро қунам аз падар хостор,
Ки зебад ба мушқӯи мо он нигор.

(“Шоҳнома”-и Фирдавсӣ ҷ.2 сах. 123-124)

Баъд дар “Шоҳнома”-и Саолибӣ омадааст: Завоилзоир ба ақди худ вафо Судобаро бо анҷоми ташрифоти марсума бо амволи бисёр барои Кайковус фиристод ва ҳар ду мавриди тавачҷӯҳи яқдигар воқеъ гашта муҳаббати бисёр ба ҳам пайдо кардаанд. (Шоҳнома-и Саолибӣ, сах. 71)

Фирдавсӣ ин нуктаро чунин баён намудааст:

Ниғаҳ кард Ковусу хира бимонд,
Ба Судоба бар номи яздон бихонд.
Сазо дид Судобаро ҷуфти хеш,
Аз ӯ ком бистуд ба оину кеш.
В-аз он пас бад ӯ гуфт чун дидамат,

Ба мушқӯи заррин писандидамат.

(“Шохнома”-и Фирдавсӣ ҷ. 2 сах. 28)

Давоми воқеаҳо дар “Шохнома”-и мансур чунин ҷараён гирифтааст. Завоилзоир дар он шуд, ки Ковусро ба дом афканад, бинобар ин ӯро бо тамоми сарони сипоҳ ва қўшунаш даъват кард. Ҳамин ки умуман аслиҳаи худро ниҳода бар замин нишастанд ва дўстона ба гуфтугӯй пардохтанд, аввоб бар онон масдуд кард ва Кайковусу сарони сипоҳу сардорони ӯро гирифта ҳар якро аз дигаре ҷудо сохт ва афсаронро ба ҳабс дарафқанда маҳмилоташонро тасоҳуб карду Кайковусу Тўсу Гевро дар ҷоҳе зиндонӣ карда қитъаи санге бар он ниҳод, ҷамъе аз хосони худро ба муҳофизати он гузошт.

(“Шохнома”-и Саолибӣ сах. 71)

Дар “Шохнома”-и Фирдавсӣ бошад, омадааст:

Ғамин буд ба дил шоҳи Ҳомоварон,
Зи ҳар гунае чора ҷуст андар он.
Бидонист Судоба рои падар,
Ки бо сур пархош дорад ба сар.
Ба Ковуси кай гуфт, к-ин роӣ нест,
Ту ро худ ба меҳмони ӯ ҷой нест.
Зи Судоба гуфтор бовар накард,
Намедошт з-эшон касеро ба мард.
Бишуд бо далерону кундоварон,
Ба меҳмонии шоҳи Ҳомоварон.

(“Шохнома”-и Фирдавсӣ ҷ. 2 сах. 128)

Яъне дар “Шохнома”-и Фирдавсӣ бар хилофи матни “Шохнома”-и мансур омада, ки Судоба шоҳ Ковусро аз фитнаву тинати нопоки падараш огоҳ кардани шудааст, аммо Ковус ба суханони ӯ бовар нанамудааст. Давоми нақли Фирдавсӣ чунин аст:

Шабе бонги бӯк омаду тохтан,
Касеро набуд орзу сохтан.
Гирифтанд ногоҳ Ковусро,
Ҳамон Геву Гударзу ҳам Тўсро.
Гирифтанду бастанд дар банд сахт,
Нагунсор гашта ҳама фарру тахт.
Яке кӯҳ будаш сар андар саҳоб,
Баровардаи эзад аз қаъри об.
Яке диҷ бароварда дар кӯҳсор,
Ту гуфтӣ сипеҳр асташ андар канор.
Бад он диҷ фиристод Ковусро,
Ҳамон Геву Гударзу ҳам Тўсро.
Ҳама меҳтарони дигарро ба банд,
Або шоҳ Ковус дар диҷ фиканд.
Зи гурдон ниғаҳбони диҷ шуд ҳазор,
Ҳама номдорони ханҷаргузор.

(“Шохнома”-и Фирдавсӣ ҷ. 2 сах. 130-131)

Агар Саолибӣ ба ҷоҳ афқандани Ковус, Гев, Гударз, Тўс ва бар болои он ниҳодани сангро таъкид намуда бошад, Фирдавсӣ дар диҷ нигоҳ доштани ононро баён медорад, ки ихтилофот дар мазмуни ду асар дида мешавад.

Баъдан дар асари мансур омадааст: Пас хост Судобаро ба қасри худ муовадат диҳад, вале ӯ аз рафтани худдорӣ карда ҷома бар тан дарид гесӯвони худ бурида гуфт: Қасам ба худо, ки агар аз рафтани ман ба даҳонаи ҷоҳ мамониат кунӣ, худро ҳалок хоҳам сохт. Фирор кард, падар ҳам ӯро дар анҷоми манзури худ озод гузошт. Вай низ ҳамарӯза Ковусро мулоқот ва он чи дар беҳбудии вазъи ҳифзи ҷони ӯ ва мусоҳибонаш лозим буд, фароҳам мекард. (Шохнома-и Саолибӣ сах. 71)

Дар асари Фирдавсӣ баёни ин матлаб чунин омадааст:

Ки Судобаро боз ҷой оваранд,
Саропардаро зери пой оваранд.
Ҷу Судоба пушидагонро бидид,
Ба тан ҷомаи хусравӣ бардарид.
Ҷудой нахоҳам зи Ковус гуфт,
Агарчи варо хок бошад нухуфт.
Ҷу Ковусро банд бояд кашид,
Маро бегунаҳ сар бибояд бурид.

Нишаст он ситамдида бо шаҳриёр,
Парастанда ӯ буду ҳам ғамгусор.

(“Шохнома”-и Фирдавсӣ ҷ.2 сах. 132)

Давоми нақли ҳодисоту воқеот дар Шохнома-и Саолибӣ чунин ҷараён гирифтааст: Чун мочарои Кайковус интишор ёфт, изтиробӣ ачибе дар Эрон падид омад, ки мояи инқилоб шуд ва шерозаи умур аз ҳам гусаст, замин мутазалзил гардид. Душманон ба мунозиат бархостанд ва аъроб ба чунбучӯш омаданд Афросиёб мавқеъро ғанимат шумурда ба Эрон ҳамла карду дар сарҳаддоту ҳатто дохили мамлакат харобиҳо намуд бар ҳасби одат кишварро вайрону халқро озор, сарвати онро рабуда ба мамлақати Туркистон бурд ва ин авзоъ давом дошт то ин ки Рустам ба итфоӣ иғтишошоту тармими харобиҳо ва ратқу фатқи умуру кӯмаки халқ барпо хост. (Шохнома-и Саолибӣ сах. 72)
Ин маглаб дар Шохнома-и Фирдавсӣ дар боби Тоҳт кардани Афросиёб ба Эронзамин чунин омадааст:

Чу баста шуд он шоҳи дайҳимчӯй,
Сипоҳаш ба Эрон ниҳоданд рӯй.
Зи туркону аз дашти найзаварон,
Зи ҳар сӯ биёвард сипоҳи гарон.
Гашан лашкаре сохт Афросиёб,
Баромад сар аз хӯрду оромӯ хоб.
Сипоҳ андар Эрон пароканда шуд,
Зану марду кӯдак ҳама банда шуд.
Яке муъбаде рафтӯ паймуд роҳ,
Бари пури Дастон яли кинаҳоҳ.
Бигуфт он кучо дида буду шунид,
Аз он Рустами шердил бардамид.
Биборид аз дидагон оби зард,
Дилаш гашт пуртобу ҷон пур зи дард.
Чунин дод посух ки ман бо сипоҳ,
Миён бастаам ҷангро кинаҳоҳ.

(“Шохнома”-и Фирдавсӣ ҷ. 2 сах. 134-135)

Бадувван дар “Шохнома”-и Саолибӣ боби Рафтани Рустам ба Яман барои начоти Кайковус омада, ки ин маглаб дар Шохнома-и Фирдавсӣ дар бобҳои Паём фиристодани Рустам ба назди шоҳи Ҳомаварон, Разм кардани Рустам бо се шоҳ ва раҳо шудани Ковус аз банд омадаанд.

Дар “Шохнома”-и мансур омадааст: Эронӣён аз ҳама ҷо бар Золу Рустам гирд омаданд ва Рустам пас аз таҳияи кӯшуни ҷарроре ба наздики Яман расид. Расуле назди Завоилзоир эъзом дошта, ӯро байни раҳони Кайковус ва оғози муҳориба муҳайир сохт. Завоилзоир ҷангро баргузида ба муҳорибаи эшон шитофт, вале чашмаш, ки ба эронӣёну теъдоди онон афтод, аз зӯри сарпанча ва шучоати Рустам шаммае шунид, боби мусолимаат кӯфт. Рустам ки ҷуз начоти Кайковус манзуре надошт, бо ӯ мувофиқат намуд. Миёнчиҳо бо рафтӯомади бисёр корро тамом ва Завоилзоир бар он шуд, ки Кайковусу Тӯсу Геву соири афроди эрониро озод намояд, ба аҳди худ вафо ва Кайковусро аз зиндоне, ки солҳо дар он гузаронида буд, раҳо карда ба Рустам супурд. (Шохнома-и Саолибӣ сах. 72)
Дар Шохнома-и Фирдавсӣ омадааст:

Яке марди бедори ҷӯяндароҳ,
Фиристод наздики Ковусшоҳ.
Ки ман омадам бо сипоҳи гарон,
Сӯи разми солори Ҳомоварон.
Ту дил шодмон дору андӯҳ махвар,
Ки инак расидам бад-он буму бар.

(“Шохнома”-и Фирдавсӣ ҷ. 2 сах. 136)

Яъне Рустам шоҳ Ковусро аз омадани худ барои начоти вай оғоҳ намуда ӯро таскин медиҳад. Сониян, расуле назди шоҳи Ҳомоварон ирсол намуда ӯро аз раҳо ва озод намудани Ковус аз банд талқин менамояд. Шоҳи Ҳомоварон аз шунидани пайғом барошӯфта ҷангро эълон намуд.

Биёям ба ҷанги ту ман бо сипоҳ,
Бар ин гуна созем оину роҳ.

(“Шохнома”-и Фирдавсӣ ҷ.2 сах. 138)

Лекин аз шукӯху шаҳомати лашкари эронӣён ва нусрати Рустам оғоҳӣ ёфта аз ҷанг даст кашид.
Гурезон биёмад ба Ҳомоварон,
Зи пеши Таҳамтан сипоҳи гарон.
Чу биншаст солор бо ройзан,

Ду марди чавон хост аз анчуман,
 Бад-он то фириштад ҳам андар замон,
 Ба Мисру ба Барбар чу боди дамон.
 Яке нома ҳар як ба даст андарун,
 Навишта ба дарди дил аз обхун.
 Чу нома ба наздики эшон расид,
 Ки Рустам бад-он дашт лашкар кашид.
 Хама дил пур аз бим бархостанд,
 Сипоҳи ду кишвар биёростанд.
 Ниҳоданд сар сӯи Ҳомоварон,
 Замин кӯҳ гашт аз карон то карон.
 (“Шохнома”-и Фирдавсӣ ҷ. 2 саҳ. 140-141)

Бадувван дар “Шохнома”-и Фирдавсӣ боби Разм кардани Рустам бо се шоҳ ва раҳо шудани Ковус аз банд омадааст, ки дар он муҳорибаи се кишвар Барбаристон, Ҳомоварон ва Миср бар зидди Рустаму лашкари эронӣён нақл шудааст.

Таҳамтан чу лашкар ба ҳомун кашид,
 Сипоҳи се шоҳу се кишвар бидид.
 Зи Барбаристон буд саду шаст пил,
 Шуда чумла чушон чу дарёи Нил.
 Зи Ҳомоварон буд сад жандапил,
 Яке лашкаре сохта то ду мил.
 Саввум лашкари Миср саф баркашид,
 Ҳаво нилгун шуд замин нопадид.
 (“Шохнома”-и Фирдавсӣ ҷ. 2 саҳ. 143)

Дар “Шохнома”-и Саолибӣ бошад, омадааст: Кайковус ба руфақои худ пайваста молики хазоини худ гардид. Вазъияти беҳтаре ёфт ва сарбозонаш мутадарриҷан расида, қушунаш беш аз собиқ шуд, пас бо сипоҳиёни худ озими мамолики худ гашт. Судобаро бо ҳазор каниз ҳамроҳ овард, нисбат ба ӯ қадрдони фаровон карда вайро аз муҳаббати худ саршор кард. (“Шохнома”-и Саолибӣ саҳ. 73)

Чуноне ки аз мазмуни ин порчаи овардашуда яқин гашт, дар он оиди разми Рустам бо се шоҳ ягон нуктае оварда нашудааст

Бобҳои дигари “Шохнома”-и Фирдавсӣ аз Пайғом фиристодани Ковус ба наздики Қайсари Рум ва Афросиёб, Оростани Ковус чаҳонро Гумроҳ кардани иблис Ковусро ва ба осмон рафтани Ковус, Боз овардани Рустам Ковусро иборатанд, ки мазмуну нақли ҷараёни воқеоти онҳо дар “Шохнома”-и Саолибӣ таҳти бобҳои Рондани Кайковус Афросиёбро аз Эрон, интизоми умури салтанатӣ ва Сохтани Кайковус бурҷи бобулро ва сууд аз он ҷо ба осмон омадааст. Танҳо зимни боби “Шохнома”-и Фирдавсӣ Боз овардани Рустам Ковусро ихтилофу фарқияте байни мазомини “Шохнома”-и Саолибӣ мавҷуд аст, зеро дар он омадааст: Пас ҳамроҳон ва сарони сипоҳ ва ҳешонаш аз Форсу Ироқ бад-ӯ пайваста Ковусро ба василаи таҳти равоне ба Бобул мунтақил намуданд. Дар он ҷо худро аз назари халқ пинҳон дошта ба ибодати худованд пардохт то фарри эзали бад-ӯ бозгашта ба шаъну мақоми аввалия расид. Чун муқаддар буд ки Сиёвуш аз ӯ (яъне Ковус) ва Кайхусрав кушандаи Афросиёб аз Сиёвуш ба вучуд ояд, худо нахост Ковус талаф шавад. («Шохнома»-и Саолибӣ саҳ. 75)

Дар “Шохнома”-и Саолибӣ он матлаб, ки Рустам Ковусро ҷустуҷӯ намуда дар бешаи Чин дарёфт намудааст зикр нагардида ва нақли ҳаводис дар “Шохнома”-и Фирдавсӣ чунин омадааст: Сипоҳиён дар ҷор сӯ Ковусро мечустанд ва Гударз ба Рустам чунин гуфт: Ман то ба ин синну сол расида Ковус барин шоҳи худкомаву беҳираду бемағзро надидаам. Сипоҳиён ҳамроҳи Рустам Ковусро дарёфт намуданд ва Гударз ба шоҳ мурочиат намуда гуфт: Ту дафъаи сеюм аст ки ба ранҷу саҳтӣ фитодӣ: маротибаи аввал ба сӯи Мозандарон сипоҳ биёристӣ, маротибаи дуюм ба сӯи Ҳомоварон даст задӣ, акнун хостӣ худованди заминро осмон бошӣ, андеша кун ба сари худ ҷӣ болоҳоро овардӣ ва Гударз таъкид намуд.

Чуз аз бандагӣ то тавонӣ мачуй,
 Мазан даст бар неку бад чуз бад-уй.
 Фуру монд Ковусу ташвир хвард,
 Аз он номдорону мардони мард.
 (“Шохнома”-и Фирдавсӣ ҷ. 2 саҳ. 163)

Пас аз ин дар “Шохнома”-и Фирдавсӣ бобҳои Достони ҷанги 7 гурдон, Разми Рустам бо тӯрониён, Разми Пилсам бо эрониён, Гурехтани Афросиёб аз размигоҳ оварда шудаанд, ки Саолибӣ дар асари худ аз ҷараёни ҳодисоту воқеоти ин бобҳо ёдрас нанамудааст ва нақли мазмуни онон мавҷуд нест, зеро пас аз боби Сохтани Кайковус бурҷи бобулро ва сууд аз он ҷо ба осмон боби Валодати

Сиёвуш ибн Кайковус омадааст, яъне достони «Сиёвуш» оғоз гардидааст ва баёни нақли чор боби дар боло номбаршуда аз достони чанги 7 гурдон то Гурехтани Афросиёб аз размгоҳ наомада.

Пас аз ин бобҳо дар “Шохнома”-и Фирдавсӣ достони Сӯҳроб оғоз мегардад, ки 25 бобро дар бар гирифта боби аввалини он Омадани Рустам ба нахчиргоҳ ва мунтаҳояш Огоҳӣ ёфтани модар аз кушта шудани Сӯҳроб аст, мӯҳтавои онон аз 1460 байт иборат буда дар чилди дуоми “Шохнома” дар 137 саҳифаи чопӣ ҷой дода шудаанд.

Дар натиҷаи таҳқиқи муқоисавии “Шохнома”-ҳои Фирдавсӣ ва Саолибӣ маълум гашт, ки Саолибӣ оиди достони Сӯҳроб ягон нуқоти нақлу ривоёте нанамудааст ва чараёни мазмунӣ ҳодисоту воқеоти 25 боби “Шохнома”-и Фирдавсӣ дар “Шохнома”-и Саолибӣ ёдрас нагаштааст, яъне нақлу ривоёти онон мавҷуд нест. Чуноне ки дар боло қайд намудем, дар “Шохнома”-и Саолибӣ пас аз боби Сохтани Кайковус бурчи бобулро ва сууд аз он ҷо ба осмон нақли достони “Сӯҳроб” неву яқбора нақли достони Сиёвуш зери номгуи Валодати “Сиёвуш” ибн Кайковус омадааст. Ва ин яке аз тафовуту фарқияти намоёну назарраси композитсионии ин ду асар аст.

АДАБИЁТ

1. Фирдавсӣ А – Шохнома чилди 1-9 Душанбе “Адиб” 1988, 1989, 1990, 1991.
2. Саолибӣ А – Шохнома тарҷумаи Маҳмуди Ҳидоят чопи аввал Техрон 1385 ҳиҷрӣ.

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СЮЖЕТА ПОЭМЫ “ЦАРСТВО КАЙКОВУСА” “ШАХНАМЕ” АБУЛКОСИМА ФИРДОУСИ И АБУМАНСУРА АБДУМАЛИКА САОЛИБИ НИШОПУРИ

В статье дается сравнительный анализ “Шахнаме” Фирдоуси и “Шахнаме” Саолиби. Выявляются отличительные особенности названных произведений, как в содержательном аспекте, так и в поэтическом мастерстве. Делается упор на малоисследованное в современном литературоведении повествование Саолиби созданное в XI веке.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: “Шахнаме” Фирдоуси, “Шахнаме” Саолиби, сравнительный анализ сюжета поэмы «Царство Кайковуса», повествование Саолиби, поэтическое мастерство.

COMPARATIVE ANALYSES STORY LINE POEMS “THE KINGDOM OF KAYKOVUSA” “SHOHNOMA” ABULKOSIMA FIRDAVSI AND ABUMANSURA ABDULMALIKA SAOLIBI NISHAPURI

In article appeared distinguish especially was named as content aspect worked in poets skill. In small research do persist in contemporary literature long story Saolibi in XI century.

KEY WORDS: «Shahname» Firdousi, «Shahname Saolibi», the comparative analysis of a plot of a poem «A kingdom of Kaykovusa», a narration of Saolibi, poetic skill.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Р.Б. Ризова - старший преподаватель факультета педагогики Худжандского государственного университета им. Б. Гафурова

АЗ «АСПИ ОБӢ» ТО «АСПИ ЗАРИНӢЛИ МАН»

Ҳасани Муродиён

Донишгоҳи давлатии Қурғотеппа ба номи Носири Хусрав

Пас аз шикасти сиёсати хрушёбии зидди асп ё «амали мардқуш» (Эмомалӣ Раҳмон) мардуми деҳнишин боз ба асп рӯ оварданд, ин ҷонвараки аҷоиб боз зеби хонадони ҳар як ҷавонмарди кӯхистонӣ гардид. Дар иртибот ба ин солҳои 70-90-уми садаи ХХ як силсила асарҳои рӯии об баромаданд, ки аз ҳамбастагии рӯзгори инсон ва асп ҳикоят мекунанд ва онро чун ҳамдаму ҳамрозу дастёру вафодори одамони мухталифақида ва нармдиту сангдил баҳо додаанд.

Нависандаи умедбахш Баҳманёр ривояти аспӣ обиро хеле моҳирона истифода бурда, сужети ҳикояи худ «Аспи обӣ» - ро офаридааст. Махсусан хонанда аз мутолиаи эпиграфи ҳикоя пай мебарад, ки таълифоти ҷолиби диққатеро меҳонад:

«Император Каллигула барои аспӣ худ Инспитатус (Тезтак) аз мрамар оғил ва аз оч охур созонд. . . Мегуянд, ки вай Инспитатусро консул таъин кардани буд. Гай Светоний Гранивилл» (1.,2).

Дар ҳикоя тарзи тасвири нависанда низ хеле назаррас ва дилкаш аст: «Мард рӯии зин, зин рӯии асп, асп рӯии кӯх, кӯх рӯии замин, замин дар фазо буду давр мезад. . .» (1.,2). Истифодаи насри мусаччаъ ҳам аз тарафи нависанда хеле моҳирона ва бамаврид аст. Чунин услуби нигориш оҳангнокии асарро афзуда, онро ба назм наздик кардааст: «Пайраҳас, ки асп рӯи он мерафт, то ба кӯли Қаҳрабо мебурд. Кӯх дар Жарфи Ремон, Жарфи Ремон дар Дараи Зиндон, Дараи Зиндон дар Кӯхи

Обшорон вокеъ буд» (1.,29). Нависанда барои тавсифи аспи обӣ ё ба қавли муаллиф «аспи симгуна» (1.,30) бехтарин вожаҳорову чумлаҳоро корбаст кардааст: «аспи асиле, аспи хушгиле» (1.,30), «Ҳайвони ғалативу самакиву фалакӣ» (1.,30) номидааст ўро. Дар ҷойи дигар нависанда аз номи мард кулли хусну қубҳи ин аспро ба қалам додааст: «Мард аз вучуди ҷонваре бохабар буд, ки дар худ ҳама чизро дорад: латофату кароҳат, заковату ҳамоқат, часорату муҳофат, шарофату разолат» (1.,30).

Хулоса, нависанда бехтарин суҳанонро барои тавсифи аспи обӣ ба кор бурда, бартарии ўро аз аспи охупои қазоқӣ, сиёҳмушкини афғонӣ, охутак (курраи сиёҳмушкин) ва Сафдар - асп таъкид намудааст. Нависанда дар фуруварди асар кароҳат, ҳамоқат ва разолати аспи обиро дар он мебинад, ки вай на танҳо ин маротиба ба одамай насл додан нахост, балки байтали зебо - Шангулро бо худ зери кӯл бурданӣ шуда, ўро ба ҳалоқат расонид.

Баҳманёр баъди ҷордаҳ соли интишори «Аспи обӣ» боз ба мавзӯи асп рӯй овард. Ҳикояи «Аспи заринёл» (2.,10) барои хонанда суҳани нав буд.

Бояд гуфт, ки дар таълифоти Баҳманёр баъзе номҳои ҷуғрофӣ аз ҳикояе ба ҳикояи дигар мекуҷанд. Дар ин ҷо низ Сармаддеҳ ва кӯҳи Шеданзо тақрор шудаанд. Дар ин ҳикоя ягон ҷузъиёти зиёдати нест: аспист (юнучқа), вота, чашма, сабзаҳо, гулҳо, риштаҳои чиллики кампири Зира, Шерафкан (номи сағ) ҳама ба пойи қадами духтар ва аспи заринёл низ ба ў ҳамбастагӣ дошт. Дар асар тақрори чумлаҳои якҷуғт на танҳо ҳусни ҳикояро намоҳонидааст, балки ба мазмуни ҳикоя шукӯҳу шаҳомати тоза ато намудааст:

«Баҳорон оне аспист нимраса мешуд, оне раҳши баҳор бӯйи онро ба атрофу акноф пош меод, вай рустӣ аз мардум ба саҳро меомад. Ба яке аз вотаҳо мебаромад. Худро ба миёни вота мегирифт. Баъд рӯйи аспистҳои нимраса гел мезаду гел мезад. Пираҳанаширо бадар мекарду дур меандоخت - ҳамчун чизи зиёдату нодакор. Бо як меҳр ба тани гандумгун, синаҳои дамида ва камари борикаш назар мекард, паст - паст меҳандид. Ў паст - паст меҳандиду ин дам чашмаи паҳлуи вота, ки обаш хушқид буд, ҷӯш мезад. Қад - қадӣ оби он сабза руста, гулҳо рӯида мешукуфтанд. Парандаҳои аҷоибӣ олами афсонаҳояш парвозкунон омада нағмасарой мекарданд. Риштаҳои чиллики кампири Зира, ки хонааш назди вота буду шавҳараш нигоҳбони беда, худ аз худ тоб хӯрда калоба мешуданд» (2.,10).

Тибқи тасвири Баҳманёр эҳсосоти ишқи поки духтарак аз ҳама мавҷудоти олам баландтар меистад. Як ишораи хурсандибахши духтар имконият медиҳад, ки зиндагӣ ранги дигарро гирад. Бо лучу урӯн шуда, баҳорон рӯи асписти нимраса гел задани ў оби чашма ҷӯш мезанад, гулҳо мерӯянд, паррандаҳо хушхонӣ мекунанд ва ҳатто чиллики кампири Зира худ аз худ тоб хӯрда, калоба мешавад, аммо бо аспистзорро тарк кардани духтар акси ин амал руҳ медиҳад ва аҷибаш бо ашк рехтани духтар дар осмон абрҳои тира пайдо мешуданд, раъду барқ синаи осмонро мебарид ва аспи заринёл, ҳамоне, ки баъзан духтар хоб мебинаду Шерафкан ҳам, аз қадом дарае шиҳа мекашад. «Бо ҳамин баҳор гӯё баҳориашро гум мекард, бо ҳамин баҳор бо дигар фаслҳои сол якранг мегашт» (2.,10).

Нависанда ҳамаи ин ҷузъиёти табиатро ба духтар ва духтарро ба ҷавоне вобаста кардааст, ки ба ў илтифоте дошт. Духтар ўро дӯст меод, ба ёди ҷавон мезист. «Шабҳо ўро дар хоб савори аспи заринёл меид, ки ба дидор меояд. Ва духтар ба истикболи ў мебаромад. Ҷавон ўро ба аспи заринёл савор мекард. Асп чун бод онҳоро ба домани кӯҳи Шеданзо мебард. Ҳарду пиёда мешуданд. Аспак мечариду онҳо то шом хӯрдани моҳ ба ҳамдигар афсона мегуфтанд. Баъд боз савора ба деҳ бармегаштанд.» (2.,10). Духтар ҳама корро ба хотири ҷавонмард мекард, вале ҷавонмардро бо духтари дигаре хонадор карданд. Мувофиқи тасвири Баҳманёр «шаб вақте мардум домодро бо арӯс гузошта, ба хонаҳояшон пароканда шуданд, дар домани кӯҳи Шеданзо аспи заринёли зини мурассаъ ба пушт пайдо шуд. Пайдо шуду по ба замин кӯфта шиҳа кашид. Чунон шиҳа кашид, ки домод арӯси дар оғӯш гирифтаре аз тарс раҳо кард. Мардуми Сармаддеҳ ба рӯи бомҳо бароманд. Аспи кист? Савораш кучост?» (2., 10).

Бо таассуф «Ҳайфи аспи заринёли ман» гуфтани духтар ин афсӯс хӯрдан аз ишқи нобарораш, аз бесоҳиб мондани аспи заринёлаш аст.

Дар домани кӯҳи Шеданзо ҳар шаб пайдо шудани асп, се раҳ по ба замин кӯфта, шиҳа кашидани ў, то ба замин расидани ёли зарин ва зини мурассаъ ҷило додан ба хотири духтарро бо ҷавон ба васл расонидан буд, вале пас аз он ки ҷавон бо маслиҳати мӯйсафедон рӯзона бо арӯс қаробат ҷуст, асп низ дигар пайдо нашуд, духтар низ дигар ба ёди ҷавон зиндагӣ намекард.

Нависанда бо ҳамин аспи заринёлро тамоман нест ва духтарро аз зиндагӣ батамом дастудилшуста намекунад. Баҳорон вақти аспист нимраса шудан ва дасти ноаёне духтарро ҷониби вота кашидан шабона «боз дар домани кӯҳи Шеданзо аспи заринёл падида меомад. Ёл зарин, зин мурассаъ, сум рӯин. Бод ёлашро парешон мекард, моҳтоб зинашро дурахш мебахшид, ғазаб танашро меларзонд. Бо ҳашм сум ба замин мезад. Суми рӯин ба замин мезад асп ва шиҳа мекашид, ки мардуми

Сармаддеҳ рӯйи бому харсангҳои азимро ичора мегирифтанд. Аспи кист? Савораш кучост? Ин дам дӯшизаи нохоста зери лаб пиччирос мезад: хайфи аспи заринели ман» (2.,10).

Нависанда ба сеҳри сухан на танҳо дӯшизаро, балки дигар сокинони деҳро низ мафтунӣ аспи заринел мекунад. Ҳини нимрасаи аспист паш нафар камандбадаст ба домани кӯҳи Шеданзо мебароянд. Шабона асп пайдо шуду онҳо фаҳмиданд, ки ӯро бо каманд гирифтанд натавон, чунки асп ҳам буду ҳам набуд. «Дар домани кӯҳи Шеданзо будагон мегуфтанд, ки асп он шаб зухур накард, дар деҳ мондагон акси инро даъво доштанд» (2., 10).

Нависанда бо мақсади бо дӯшиза наздик намудани ҷавонмард зани ӯро сари фарзанд аз мобайн мебардорад. Баъди як сол хостгорҳои ҷавонмард ба хонаи дӯшиза меоянд, вале волидонаш ба занмурда духтар намедиханд. Аз ин мочаро духтар «Чунон ашк рехт, ки дар осмони софи деҳ абрҳо зухур карданд, раъду барқ ба хар сӯ сиккашӣ кард ва борон чун тарноб ба рехтан даромад» (2.,10). Аз кӯҳдомани дарае шихаи аспи бесоҳиб ба гуш мерасид.

Баҳманёр ҳикояро бо он ҳусни анҷом мебахшад, ки духтари нохоста дар баҳори сиёми умраш аз рӯйи одат боз ба аспистзор рафт ва ба вотаи шинос ворид шуд. Дилаш чун дили духтари шонздаҳсола метапид. ӯро бӯйи алафи нимраса маст карда буд ва пеши чашмонашро пардаи харире гирифта буд, ки хама чизи атроф хира метофт. Хатто Шерафкани ба пешвозаш шитобонро намедид, ҷавони байни вота интизораш буда саробро мемонд. «Он рӯз бори аввал духтар аз аспистзор хичолатзадаву сархам баргашт. Он шаб бори нахуст аспи заринел дар домани кӯҳи Шеданзо ба пайдо наомад. Дигар ба пайдо наомад аспи заринел. Ва кампири Зира охи сабук кашид, ки то қиёмат ханӯз дур аст» (2.,10).

Шояд хонандаи зақӣ савол диҳад, ки чаро дигар аспи заринел падид наомад? Чунки аспи заринел ин маҳсули тахайюли дӯшизаи нохоста буд, ки савори худро мечуст. Бо барпо шудани васл миёни ҷавон ва дӯшизаи нохоста дар байни аспистзор гуё аспи заринел савори худро ёфт ва ба дуриҳои дур чорхезкунон савори худро бурд.

Лозим ба ёдоварист, ки агар асоси ҳикояи «Аспи обӣ»-ро ривояти халқӣ ташкил намояд, сужети ҳикояи «Аспи заринел» маҳсули тахайюли нависанда аст. Гумон меравад, Баҳманёр дар эҷоди ин ҳикоя аз устураи «Тишр - яш»-и «Авесто», ки тибқи он деви хушқоли Апаоша - аспи сиёху мӯрехта, харобу лоғару муҳиб ва эзиди борон - Тиштрия - рақиби ӯ - аспи сафеди заринели бо гушҳои зарину лигоми зарнишон (3.,166) аст, илҳом гирифтааст.

АДАБИЁТ

1. Баҳманёр. Аспи обӣ. - Душанбе: Адиб, 1988.
2. Баҳманёр. Аспи заринел. // Ҳафтавори «Оила», 2001, №52 (100), 28 декабр.
3. Энциклопедияи адабиёт ва санъати тоҷик. Ҷилди 1. - Душанбе, 1988.

ОТ «ВОДЯНОГО КОНЯ» ДО «МОЕГО ЗОЛОТОГРИВОГО КОНЯ»

В этой статье рассматриваются рассказы Бахманёра «Водяной конь» и «Золотогривый конь». В рассказе «Водяной конь» Бахманёр водяных коней относит к халлийским коням и потомком этих коней считает от воды (влаги). Сюжет «Золотогривого коня» это плод мысли писателя и в работе Авеста «Тишр - яш» именовывается как «Золотогривый конь».

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: водяной конь, император Калигула, Жарфи Ремон, Ущелье Зиндон, золотогривый конь, старушка Зира, Шерафкан, гора Шеданзо, Авеста.

FROM “WATER HORSE” UP TO “GOLDEN MANE HORSE”

In the given article the stories of Bahmanyor “Water horse” and “Golden mane horse” is in the centre of discussion. If in the story of “Water horse” Bahmanyor created an attractive story? But the story of “Golden mane horse” is the result of the writer’s thought.

KEY WORDS: a water horse, emperor Kaligula, Zharfi Remon, Gorge Zindon, golden’s horse, old woman Zira, Sherafkan, mountain Shedanzo, Avesta

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: *Хасан Муродиён* – доцент кафедры таджикской литературы и журналистики Курган-Гобинского государственного университета имени Носира Хусрава. **Телефон:** 907-76-80-16

ИШОРАҶОЕ АЗ РҶЗГОРИ СИПАРИШУДАИ САНОИИ ҶАЗНАВӢ ДАР САРЧАШМАҶО

Х. Давлатова

Институти шарқшиносӣ ва мероси хаттии АИ ҶТ

Абулмаҷд Маҷдуд ибни Одам Санои Ғазнавӣ шоир ва мутафаккири бузурги асри панҷум ва аввали асри шашуми ҳиҷрӣ, баробар ба асрҳои 11-12-и мелодӣ буда, яке аз бунёдгузори хушзавқи шеъри сӯфиёна мебошад.

Дониши мо аз таърихи омӯзиши зиндагӣ ва осори ин устои бузурги шеъри форсӣ андак аст: то ҳол зиндагӣ ва осори ӯ ба таври васеъу доманадор таҳқиқу баррасӣ нашудааст.

Мувофиқи ишораи маъхазҳо ва осори таҳқиқӣ пайдост, ки номи вай Маҷдуд буда, кунияти вай Абулмаҷд, номи падараш Одам ва тахаллуси шоиронаи ӯ Саной мебошад, яъне ба пуррагӣ ӯро Абулмаҷд Маҷдуд ибни Одам Санои Ғазнавӣ гӯянд.

Дар хусуси ному кунияти шоир маълумотҳои хархела вучуд доранд. Масалан, Муҳаммад Авфии Бухорӣ дар тазкираи «Љубобулалбоб» ном ва кунияти ӯро Маҷдуддин Одам Санои Ғазнавӣ гуфтааст.[1]

Абдурраҳмони Ҷомӣ дар «Нафаҳотулунс»-и худ гуфтааст, ки «куният ва номи вай Абулмаҳаммад Маҷдиддин Одам аст».[2] Ҳочӣ Халифа бошад, дар китоби «Кашфу-з-зунун-фи-асмоил-кутуби ва-л-фунун» номи ӯро Шайх Муҳаммад ибни Одам гуфтааст.[3] Дар «Таърихи гузида» низ Саной Муҳаммад ибни Одам зикр шудааст.[4] Љутфалибеки Озар дар китоби худ номи шоирро Ҳақим Саной гуфтаасту халос.[5] Деххудо дар ин хусус чунин қайд намудааст: «Ҳақим Абулмаҷд Саной шоири олимпикдору орифи баландмақоми карни шашум ва аз устодони мусаллами шеъри форсӣ».[6]

Аз муосирони Саной Муҳаммад ибни Алӣ Алрафо дар дебочаи «Ҳадика» номи вайро Абулмаҷд Маҷдиддин Одам-ал-Саной овардааст. Саной дар китоби «Ҳадика» худро чунин муаррифӣ мекунад:

Ҳар кӣ ӯ гашта толиби Маҷд аст,
Шафии ӯ рози лафзи Булмаҷд аст.
Шуароро ба лафзи мақсудам,
З-ин қабл ном гашт Маҷдудам.
З-он ки чадро ба тан шудам ба ният,
Кард Маҷдуд мозиям куният.[7]

Дар муқаддимаи девон бошад, Саной мегӯяд: «Рӯзе ман, ки Маҷдуд ибни Одам Саноиам, дар маҷду санои ин калимот нигоҳ кардам».[8] Инчунин дар чанд байт аз девон ному тахаллуси худро зикр намудааст:

Маҷдуд шуду ёфт сано назди ту, бешак,
Аз ҷуди туву ҷохи ту Маҷдуд Саной.[9]

Аз ин ҷо ба хулосае омадан метавон, ки Муҳаммад ғалат аст.

Дар девони Саной абёте дида мешаванд, ки дар он гӯянда худро Ҳасан хондааст:

Ҳасан андар Ҳасан андар Ҳасанам,
Ту Ҳасан халку Ҳасан банди Ҳасан.[10]

Ин ном, яъне Ҳасан танҳо дар қасоиди Саной истифода шудааст. Аммо ба гуфтаи доктор Бадъуззамон Фурӯзонфар Ҳасан номи аслии ӯ буда, Маҷдуд тахаллуси ӯст, ки баъдтар ба он маъруф шудааст. Яъне, тахаллуси ӯ Маҷдуд ҷойгузини номи аслии ӯ- Ҳасан гардидааст.

Саной дар ашъори худ тахаллуси Илоҳиро низ истифода кардааст. Масалан, дар яке аз байтҳои девонаш гуфтааст:

Илоҳӣ номи худ кардам, бад-ӯ нисбат кунам худро,
Агар ҳар шоире нисбат ба баҳмону фалон дорад.[11]

Таърихи таваллуди Саной ба дурустӣ маълум нест. Аксари тазкиранависон дар ин боб хомӯшии ихтиёр кардаанд. Мавлуди Саноиро муаррихон дар нимаи дуҷуми асри панҷи ҳиҷрӣ, баробар ба асри ёздаҳи мелодӣ қарор додаанд. Танҳо муаллифи тазкираи «Рӯзи равшан» дар ин маврид изҳори ақида карда, соли таваллуди Ҳақимро 437- ҳиҷрӣ нишон додааст. Аммо ба қадом далели таърихӣ тақия намудани муаллиф муайян нест.

Амир Алишери Људӣ дар тазкираи «Муръотулхаёл» соли таваллуди Саноиро 437 нақд намудааст.[12] Ба қавли Мударрис Разаӣ, мавлуди Саной тақрибан ба солҳои 463 ё 473 дуруст меояд.[13] Абулхусайни Зарринқуб низ ба ҳамин фикр аст, ки Саной соли 473 ба дунё омадааст.[14]

Мо низ ба ҳамин ақида ҳастем, ки Саной дар соли 473 ба дунё омадааст, зеро то соли вафоти ӯ 62 сол сипарӣ гашта ва аз рӯи таҳқиқоти муҳаққиқон ба чунин хулоса омадан метавон, ки ин далел саҳеҳтар аст.

Ҷои таваллуди Саной ба таври қатъӣ шаҳри Ғазнин аст. Худи вай дар ашъораш мегӯяд:

Гарчи мавлуд маро зи Ғазнин аст,
Нақши шеърар чу нақши Мочин аст.
Хоки Ғазнин чу ман назод Ҳақим,
Оташе бод хору об надим.[15]

Дар бораи даврони кӯдакии Саной маълумоти рӯшане дар даст надорем. Он чи аз сайри олами осораш ва аз навиштаҳои тазкиранависону муҳаққиқон дархӯрди мо гаштааст, он аст, ки «оғози шоирии Ҳаким Саной дар даврони салтанати Алоуддавла Султон Масъуди сеюм сурат гирифтааст», [16] ки ба солҳои 1099-1115-и милодӣ дуруст меояд.

Саной бо шоҳону амалдорони давронаш, аз ҷумла, Баҳромшоҳу Масъудшоҳ, Маликшоҳи салҷуқӣ, Қавомуддин-вазири Ғазнавиён ва чанд амалдори дигар робитаи хуб доштааст. Қасидаҳои ба онҳо бахшида дурустии ин гуфтаҳои исбот мекунад. Аммо дар сарчашмаҳо дар бораи дар дарбор хизмат кардани ӯ далели аниқе вучуд надорад.

Деххудо дар ин маврид чунин гуфтааст: «...баъд аз рушд ва булуғу маҳорат дар ин фан ба одати замон рӯй ба дарбори султон ниҳод ва ба дастгоҳи Ғазнавиён роҳ ҷуст ва бо риҷоли маорифи он ҳукумат ошноӣ ҳосил кард». [17]

Аз рӯи ишораи маъхазҳо маълум аст, ки дар зиндагии Саной тағйироти куллии ба вучуд омад. Ин тағйирот ба раъду барқи ногаҳоние шабоҳат дошт, ки бо ба амал омадани он дар фазои рӯҳи Саной дигаргунии аҷибе қалбу рӯҳи вайро фаро гирифт. Ин инқилоби дарунӣ дар вучуди Саной таҳаввулоти рӯҳӣ ва фикрӣ ба вучуд овард.

Дар сарчашмаҳои таърихиву адабӣ ривояте ҳаст, ки гӯё боиси аз мадҳиясароӣ дур гаштани ӯ шудааст. Давлатшоҳи Самарқандӣ тағйири ҳолати рӯҳӣ ва таҳаввулоти ҷиддӣ дар ҳаёти Саноиро ба ин ҳикоя вобаста медонад ва дар тазкираи худ воқеаро чунин нақл мекунад: «Дар Ғазнин девонае буд, ки ӯро Лойҳор гуфтанд ва аз маънӣ ҳолӣ набуд. Ҳамеша дар шаробхонаҳо дурди шароб чамъ кардӣ ва дар гулханҳо нӯшидӣ. Чун Ҳаким Саной ба дари гулхан расид, аз гулхан тараннуме шунид ва қасди гулхан кард; шунид, ки Лойҳор ба соқии худ мегӯяд, ки пур кун қадаҳе, то ба кӯрии чашми Иброҳимаки Ғазнавӣ бинӯшам. Соқӣ гуфт, ки ин суҳанро хато гуфтӣ, чаро, ки Иброҳим подшоҳи одил ва хайр аст. Мазаммати ӯ мағӯй. Девона гуфт: «Бале, чунин аст. Аммо мардаке нохушнуду ноинсоф аст. Ғазнинро чунончи шарт аст, забт накарда, дар чунин зимистоне сард майли вилояте дигар дорад. Ва чун он вилоятро низ таслим кунад, орзуи мулки дигаре хоҳад кард». Ва он қадаҳ бистад ва нӯш кард. Ва боз соқиро гуфт: «Пур кун қадаҳе дигар, то бинӯшам ба кӯрии чашми Саноияки шоир». Соқӣ бори дигар гуфт: «Ин ҳатто аз маслиҳат дур аст. Охир, э ёр, дар боби Саной таъна макун, ки ӯ марде зарифу хуштабъ ва мақбули хосу ом аст». Гуфт: «Ғалат макун, ки бас мардаке аҳмак аст. Лофе ва дуруғе чанд фароҳам оварда ва шеър ном ниҳода. Ва аз рӯи тамаъ ҳар рӯз ба по дар пешии аблаҳе дигар истода ва хушомаде мегӯяд. Ва ин қадар намедонад, ки ӯро барои шоирӣ ва ҳарзагӯӣ наёфариданд. ... Инчунин мардро ҷуз аблаҳу беҳудагӯӣ натавон гуфт».

Ҳаким чун ин суҳан бишунид, аз ҳол бирафт ва бар ӯ ин суҳан коргар омад. ... Ва девони мадҳи подшоҳонро дар об андохт». [18]

Аммо мазмуни ривояти Ошо чунин аст: «Султони Ғазна-Баҳромшоҳ бо лашкари бешумори худ ба қасди забти Ҳиндустон сафар дошт. Ҳаким Саной-шоири машҳури дарбор низ ҳамсафари шоҳ буд. Онҳо ба боғи қалони зебое наздик шуданд, ки давродаври онро растаниҳо ва гулҳои рангоранг ихота мекарданд. Шоҳ бо лашкари худ вақти таваққуф карданро надошт, охир вай барои забти Ҳиндустон равона буд. Лекин дар ин вақт як чизӣ аҷибе рӯй дод, ки султонро маҷбур намуд, ки аз роҳи худ бозистад. Овози садои фораме аз даруни боғ диққати султонро сӯи худ ҷалб намуд. Султон мусиқиро дӯст медошт, вале то ҳол чунин мусиқии дилошӯбро нашунида буд. Шоҳ дар дарбори худ муғрибони машҳури хушсавт ва ҳофизону раққосаҳои беҳамто дошт, вале ҳеҷ як аз онҳо ба ин овози форам баробар шуда наметавонистанд. Ин овози мафтункунанда ва мусиқии биҳиштиро шоҳ танҳо аз беруни боғ мешунид. Сарфи назар аз ҳама нақшаҳои худ вай лашкари бешумори худро нигоҳ дошт. Вучуди султонро ҳолати аҷибе фаро гирифт, садои мусиқиву рақс таъсире доштанд, ки гӯё онҳо бо май омехта бошанд; султон мастӣ май гардида буд. ... Шоҳ ба боғ даромад. Он ҷо девонаи Лойҳор нишаста буд ва қадаҳе хост, то ба кӯрии чашми Султон Баҳромшоҳи Ғазнавӣ бинӯшад. Худи султон ба дараҷае маст гардида буд, ки дар олами дигар парвоз мекард. Аммо дарбориёни вай суҳанони Лойҳорро инкор намуда, ӯро сарзанишҳо мекарданд. Лойҳор хандаи девонаворе намуда, барои исботи суҳанони худ гуфт, ки ин сафаре, ки султон дар пеш дорад, беазмун аст ва умуман дар ин олам ҷиро метавон забт кард, худӣ ғояи забт намудан беазмун аст. Ҳама боигарӣ дар ниҳоди мост.

Пас аз ин Лойҳор қадаҳи дигаре пурсид, барои кӯрии чашми Саноияки шоир. Ҳама ин суҳанони вайро низ инкор карданд ва бо қатъият мегуфтанд, ки Саной шахсияти бузург ва мақбули хосу ом аст ва ин гуфтаҳои ӯ қобили қабул нестанд. Лекин Лойҳор дар суҳанони худ истодагарӣ намуда, гуфт, ки Саной мақсади офариниши худро намедонад ва ҳангоме, ки Офаридгор аз вай барои ҷи сарф намудани донишу ҳикмати худро талаб мекунад, Саной танҳо чанд мадҳияи аблаҳонаеро, ки барои шоҳони аблаҳ навишта шуда буданд, нишон дода метавонаду халос. Инро намедонад, ки вайро барои мадҳиясароӣ наёфариданд. Баъди суҳанони Лойҳор вучуди Саноиро як ҳиссиёти ногуфтание фаро гирифт, дар вучуди вай ҷизе ғавғид ва ҳамон лаҳза ҷизӣ дигаре тавлид ёфт». [19]

Саной баъди ин мадҳиясароиро катъ намуда, роҳи худро ба сӯи Худованд бидушод ва билохира ба орифи муътабар мубаддал гардид.

Аммо тағйири ҳоли Саной аз рӯи ин ҳикояҳо асоси илмӣ надошта, қобили қабули муҳаққиқон нагардидааст. Худи Саной тағйири ҳолашро дар китоби «Ҳадиқа» чунин ба қалам додааст:

Охируламр як шабе бо дил,
Гуфтам: Эй хуфтаи, зи худ ғофил.
Чанд гирди дурӯғ гардӣ ту,
Обрӯям барӣ, чи мардӣ ту?
Пас аз ин васфи зулфу турраву хол,
Пас аз ин ҳарза, гуфтугӯи муҳол.
Чун зи мадҳ обрӯи н-афзояд,
Гар нагӯӣ мадҳ хам шояд.
З-ин сипас дар раҳи ҳақиқат гӯӣ,
Гар суҳан гӯӣ, аз тариқат гӯӣ.[20]

Баъзе тазкиранависон, аз ҷумла, Давлатшоҳи Самарқандӣ нақл мекунад, ки «Султон Баҳромшоҳи Ғазнавий мехост, то ҳамшираи худро ба никоҳи шайх дароварад, ӯ ибто намуд ва азимати ҳаҷ кард ва ба Хуросон омад».[21] Дар ин боб дар «Ҳадиқа» ишорате ҳаст:

Ман на марди зару зану чоҳам,
Ба Худо, гар кунам, в-агар хоҳам.
Гар ту тоҷе дихӣ зи эҳсонам,
Ба сари ту, ки тоҷ настонам.[22]

Саной баъди тағйири ҳол роҳи сафарро пеш гирифт. Вай ба бисёр ҷойҳо сафар намуда, ҷаҳонбинии худро вусъат дод ва дар ҳар шаҳре дӯстони зиёде пайдо кард. Ҳақими Ғазна дар давоми ҳаёти худ ба шаҳрҳои Балху Сараҳс, Марву Ҳирот ва Макка барои зиёрати хонаи Каъба рафтааст. Аз навиштаҳои худи Ҳақим дар «Корномаи Балх» бармеояд, ки вай муддати дарозе дар Балх ба сар бурдааст. Халилуллоҳ Халилӣ дар китоби худ ишора кардааст, ки хангоме, ки Ҳақим дар Балх буд, ханӯз падараш дар қайди ҳаёт буд ва давраи салтанати Султон Масъуд ибни Султон Иброҳим ба поён нарасида буд.[23]

Дар Балх Саной маснавии аввалини худ «Корномаи Балх»-ро эҷод намуд. Сафари Саной аз Ғазна то Балх ба ӯ душвориҳои зиёдеро пеш овард. Худи ӯ дар «Корномаи Балх» мегӯяд:

Он чи омад маро дар ин раҳ пеш,
Габр дар гӯр набинад аз ин беш.

Ҳақим дар Балх дучори заҳмату андӯхи бисёре гардид ва қозӣ Абдулҳамиди Балхӣ дар ҳамин лаҳзаи мушқил дастгири вай шуд. Худи Саной дар «Корномаи Балх» мегӯяд:

То ба Балх омадам ба ғураву салт,
Айши ман буд чун мусаҳҳафи Балх.
Деви ғурбат маро бибурдӣ об,
Гар набудӣ кафи амири шиҳоб.
Хоҷа Абдулҳамиди Балхӣ он,
Ки хирадро дил асту дилро ҷон.[24]

Аз гуфтаҳои Е.Э. Бертелс бармеояд, ки сафари Саной ба Балх қарибҳои соли 1105 ба вукӯб пайваст ва «Корномаи Балх» дар ҳамин ҷо ба дунё омад. Бертелс инчунин менависад, ки Саной дар ин ҷо аввалин бор ба омӯхтани фикр машғул шуд.[25]

Баъдан Саной аз Балх ба Сараҳс сафар намуд. Аз навиштаҳои худи ӯ бармеояд, ки зиндагии ӯ дар Сараҳс нисбатан оромӣ осуда гузаштааст. Дар он ҷо қозӣ Муҳаммад ибни Мансури Сараҳсӣ Санойро зери ҳимояи худ мегирад. Ба ақидаи М. Разавӣ ва Е.Э.Бертелс Саной дар Сараҳс то соли 518-и ҳиҷрӣ(1124-1125) умр ба сар бурд ва ба Ҳироту Марв ва Нишопур аз Сараҳс сафар кард.

Лутфалибеки Озар дар «Оташқада» менависад, ки Саной ба сафари хайри асари ҳарамаини шарифайн рафт ва баъд аз мурочиат ба хидмати шайх Юсуфи Ҳамадонӣ расида, дастӣ иродат дод ва дар ин сафар Марву Нишопур ва Ҳамадонро дид ва ба Бағдод рафта, дар он ҷо турбати ҳазрати имоми Аъзамро зиёрат кард.[26]

Халилуллоҳ Халилӣ менависад, ки Саной муддате дар Ҳирот низ иқомат карда буд. Ин аз қасидае маълум мешавад, ки Али ибни Ҳайсам дар мадҳи Саной гуфтааст:

Зи анвораш имрӯз шаҳри Ҳирот,
Чу бурчи қамар пуршиову зиёст.[27]

Давлатшоҳи Самарқандӣ менависад, ки аз Ғазний азимати Хуросон карду чанде дар Марв ба ҳалқаи дарवेशони шайх Юсуфи Ҳамадонӣ ба сулук машғул шуд ва боз ба Ғазний омад.[28]

Маснавии фалсафии «Сайрулибод илал маод»-ро Ҳақим дар Сарахс ба дунё овардааст, ки он ба Муҳаммад ибни Мансур баҳшида шуд. Баъди солҳои 1124-1125 Саной аз Сарахс ба Ғазна баргашт ва то охири умр дар он ҷо ба сар бурд.

Баъди ба Ғазнин баргаштан Саной бо хоҳиши яке аз дӯстонаш ба тартибу танзими шоҳасари безаволи худ «Ҳадиқа» оғоз намуд. У ин асари худро ба Баҳромшоҳ бахшид. Шоҳ Баҳромшоҳ Санойро чанд бор ба даргоҳи худ даъват намуда буд, аммо Саной озодии худро аз даст додан нахоста, ин хоҳиши шоҳро рад мекунад. Бинобар ин, «Ҳадиқа»-ро ба шоҳ бахшид, то худро камтар гунаҳкор хис кунад. Ҳақим дар дарбор душманони зиёде дошт ва онҳо «Ҳадиқа»-ро китоби ғайришариати эълон намуда, Санойро ба бидъат гунаҳкор карданд. Саной барои ёри ба Бағдод, ба Ҳоча Имом Бурхониддин Муҳаммад ибни Абулфазл муроҷиат кард, ки ин шахс дар навбати худ фатвое дод, ки дар он ғайришариати будани «Ҳадиқа»-ро инкор мекард.

Саной дар ин вақт дар остонаи марг меистод. Охирин таҳрири маснавиро шогирди ӯ Алӣ ибни Раффо ба анҷом расонид. Ба қавли ӯ, марги шоир дар рӯзи якшанбеи 11-уми шаъбони соли 525-и ҳиҷрӣ (9-июли соли 1131) ба вуқӯъ пайваст.

Абдурраҳмони Ҷомӣ дар тазкираи «Нафаҳотулунс» мегӯяд: «Дар суҳанони Мавлоно Ҷалолиддини Румӣ қуддус мазкур аст, ки Ҳоча Ҳақим Саной дар вақте ки муҳтазир буд, дар зерӣ забон ҷизе мегуфт. Ҳозирон гӯш ба пеши даҳонаш бурданд, ин байтро мехонд:

Бозгаштам з-он, ки гуфтам, з-он ки нест,
Дар суҳан маънию дар маънӣ суҳан.[29]

Ин байтро Абулхусайни Зарринқуб дар китоби «Бо қорвони ҳулла» чунин овардааст:

Бозгаштам аз суҳан, зеро ки нест,
Дар суҳан маънию дар маънӣ суҳан.[30]

Дар бобати соли вафоти Саной ихтилофоти зиёде вучуд дорад. Давлатшоҳи Самарқандӣ вафоти ӯро соли 576-и ҳиҷрӣ (1180-81-и мелодӣ) гуфтааст.[31] Абдурраҳмони Ҷомӣ соли вафоти ӯро 529-и ҳиҷрӣ (1134-35-и мелодӣ) зикр кардааст.[32] Маҳмуди Ҳидоят соли 545-и ҳиҷрӣ (1150-51-и мелодӣ) гуфтааст.[33] Фурсати Шерозӣ бошад, соли вафоташро 590-и ҳиҷрӣ (1193- 94-и мелодӣ) сабт намудааст.[34]

Аммо оид ба суҳанони Алӣ ибни Раффо, ки марги Ҳақимро 11-уми шаъбони 525 гуфтааст, Мударрис Разаӣ ва Саид Нафисиву баъдан Е.Э.Бертелс ғалат будани онро изҳор намудаанд. Далели онҳо ин аст, ки маснавии дигари Ҳақим «Тариқуттаҳқиқ» мувофиқи гуфтаҳои худӣ шоир дар соли 528 х. қ. ба итмом расидааст ва шояд қотиб хангоми навиштани 2 ба ҷои 3, ки дар алифбои форсӣ монанд аст, саҳв карда бошад. Саной гуфта:

Понсаду бисту ҳашт, з-охирӣ сол,
Буд, к-ин назм нағз ёфт қамол.[35]

Инчунин, яке аз шоироне, ки хангоми вафоти Ҳақим дар Ғазнин будааст, таърихи вафоти ӯро дар байте чунин зикр намудааст:

Ақл таърихи нақли ӯ гуфта,
«Туғии авҷи ҷаннати воло».[36]

Мисраи охирин ба ҳисоби абҷад соли 535-и ҳиҷрии қамарӣ (мутобиқ ба 1140-41-и мелодӣ) мешавад. Далели мо ин аст, ки Саной дар поёни маснавии «Ҳадиқа» оғозу анҷоми маснавиро дар байте чунин зикр намудааст:

Понсаду бисту панҷ рафта зи ом,
Понсаду сию чор гашт тамом.

Ба ақидаи мо ин далел саҳеҳтар аз дигар гуфтаҳост, яъне соли 535-и ҳиҷрӣ (1140-41-и мелодӣ) будани таърихи вафоти Санойро бештар эътироф мекунем.

Баъзе аз соҳибони тазкира ба мазҳаби ӯ низ ишороте кардаанд. Аз ҷумла, Қозӣ Нуруллоҳи Шуштарӣ дар китоби «Маҷолис-ал-муъминин» ӯро шиаи дувоздахимомаш шумурдааст. Абдулқодир-писари Мулуқшоҳ дар китоби «Мунтахаб-ал-таворих» ба шиа будан ва гирифториаш ба иллати таассуби шоҳони ғазнаӣ дар мазҳаби суннат ишора кардааст ва маъруф аст, ки баъд аз назми китоби «Ҳадиқа», ки дар он нисбат ба хонадони Алӣ(а) изҳори иродат ва эътиқод карда, мавриди таъни аҳли замон ва ҳадафи қаҳру ғазаби султон қарор гирифтааст:

Эй Саной, ба қуввати имон,
Мадҳи Ҳайдар бигӯ пас аз Усмон.
Дар мадҳаш мадоиҳи муғлак,
Зи Ҳақ алботил асту ҷо алҳақ.[37]

Аммо ба ақидаи Халилуллоҳ Халилӣ Саной сунимазҳаб буд ва дар ин бобат якҷанд далеле дорад, ки инҳо ҳастанд:

«Аввалан, Саной дар «Ҳадиқа» ва соири қасоид ва маснавиёти худ хулафои рошидин ризвону-л-Лоҳи алайҳиму аҷмаъинро мадҳ ва манқабат карда.

Сониян, дар миёни хулафо қарори мазҳаби аҳли суннат тартиб ниҳода: аввалан, ҳазрати Сиддиқи акбар ва боз ҳазрати Форуқи Аъзам ва баъд аз он ҳазрати Усмон ва пас аз он ҳазрати Алиро сӯтудааст, чунончи худаш дар мактуби мансуре, ки ба Баҳромшоҳ навишта ва аз эътирози зоҳириён дифоъ карда, ин масъаларо барои исботи даъвои худ бурҳон овардааст. Дар мактуби мазкур навишта, ки: ...гуянд, ки Оли Марвонро нақӯҳида ва бар фазли амирулмӯъминин Алӣ разияллоҳу анҳу бар дигар саҳоба гаравидааст, намебинанд, ки ўро фуруди Сиддиқи акбар, балки фуруди Форуқ ва Зиннурайн мартабат ниҳода, чунон ки дигар айммаи салаф ниҳодаанд».[38]

Халитуллоҳ Халилӣ инчунин далели дигаре меорад, ки далелҳои дар боло овардаи ўро тақвият мебахшад ва он чунин аст:

Зи чорсуи маломат ба шоҳроҳи наҷот,
Чаҳор ёри паймбар басанд роҳбарам.[39]

Дар «Девон»-и Саной, ки бо кӯшиш ва тасҳеҳи Мударрис Разаӣ ба чоп расидааст, Мударрис Разаӣ Санойро шиамазҳаб мешуморад. Лекин дар «Девон» худи Ҳақим абёте дорад, ки ба сунимазҳаб будани ӯ ишорат мекунад:

Суннии диндор шав, то зинда монӣ, з-он ки ҳаст,
Гар замоне зиндагӣ хоҳад Саной бе сунан.[40]

Хулоса, мо низ бар ин ақида ҳастем, ки Ҳақими Ғазна мазҳаби аҳли суннатро тарафдорӣ менамуд.

А Д А Б И Ё Т

1. Муҳаммад Авфии Бухороӣ. Лубобулалбоб. Лондон-1903. -с.102.
2. Абдурахмони Ҷомӣ, дар ҳашт ҷилд, ҷилди ҳаштум. Ба чоп тайёркунандагон А.Зухриддинов, А.Раҳмонов, А.Муҳаммадӣ.-Душанбе. Нашриёти «Адиб».1990, -с.108.
3. Ҳоҷӣ Халифа. Қашфузунун-фи-асмоил кутуби валфунун.
4. Таърихи гузида.
5. Лутфалибеки Озар.Оташқада.
6. Деххудо. Лугатнома.
7. Санойи Ғазнаӣ. Ҳадиқатулҳақиқат ва шариятултарикат. Техрон-1377, бо муқаддима ва тасҳеҳи Муҳаммад Раҷшан. – с.18.
8. Санойи Ғазнаӣ. Девон. Бо саъй ва эҳтимоми Мударрис Разаӣ, зимиқони 1380. -с.18.
9. Ҳамон ҷо. -с.32.
10. Ҳамон ҷо. -с.576.
11. Ҳамон ҷо. -с.32.
12. Амир Алишери Ледӣ. Муръотулҳаёл. –с.34.
13. Саной. Девон. Муқаддимаи мусахҳеҳ. –с.34.
14. Абулҳусайни Зарринқоб. Бо қорвони хулла.
15. Санойи Ғазнаӣ. Ҳадиқатулҳақиқат ва шариятултарикат. Техрон-1377, бо муқаддима ва тасҳеҳи Муҳаммад Раҷшан. – с.707.
16. Санойи Ғазнаӣ. Девон.
17. Деххудо. Лугатнома.
18. Давлатшоҳи Самарқандӣ. Тазкиратушшуаро. –с.50.
19. Ошо, том 1-ый, «Mystica»(Мистическое единение).
20. Санойи Ғазнаӣ. Ҳадиқатулҳақиқат ва шариятултарикат. Техрон-1377, бо муқаддима ва тасҳеҳи Муҳаммад Раҷшан.
21. Давлатшоҳи Самарқандӣ. Тазкиратушшуаро. –с.49.
22. Санойи Ғазнаӣ. Ҳадиқатулҳақиқат ва шариятултарикат. Техрон-1377, бо муқаддима ва тасҳеҳи Муҳаммад Раҷшан.
23. Халитуллоҳ Халилӣ. Аҳвол ва осори Ҳақим Санойи Ғазнаӣ. –с.29.
24. Маснавиҳои Ҳақим Саной. Қорномаи Балх. Бо кӯшиши Муҳаммад Тақӣ Мударрис Разаӣ, Техрон-1348. -с.175.
25. Е.Э. Бертельс. История персидско- таджикской литературы. Издательство восточной литературы. Москва-1960. –с.404.
26. Лутфалибеки Озар. Оташқада.
27. Халитуллоҳ Халилӣ. Аҳвол ва осори Ҳақим Санойи Ғазнаӣ. –с.32.
28. Давлатшоҳи Самарқандӣ. Тазкиратушшуаро. –с.49.
29. Абдурахмони Ҷомӣ. Нафахотулунс.
30. Абулҳусайни Зарринқоб. Бо қорвони хулла.
31. Давлатшоҳи Самарқандӣ. Тазкиратушшуаро. –с. 49.
32. Абдурахмони Ҷомӣ. Нафахотулунс.
33. Гулзори ҷовидон. Таълифи Маҳмуди Ҳидоят. –с.650.

34. Ҳамон ҷо. –с.650.
35. Мақотиби Санои. Чопи Назир Аҳмад, -с.10.
36. Саноии Ғазнави. Девон. Бо сазӣ ва эҳтимоми Мударрис Разаӣ, зимистони 1380. -с.25.
37. Ҳамон ҷо. –с.26.
38. Халилulloҳ Халилӣ. Ахвол ва осори Ҳақим Саноии Ғазнави. -с.19.
39. Ҳамон ҷо. -с.20.
40. Саноии Ғазнави. Девон. Бо сазӣ ва эҳтимоми Мударрис Разаӣ, зимистони 1380. с.26.

НЕКОТОРЫЕ ЗАМЕТКИ О ЖИЗНИ САНОИ ГАЗНАВИ В ИСТОЧНИКАХ

Ҳақим Санои Ғазнави будучи ҷаъиди поэтом ва мислители XI-XII в.в. нашої эры, первым создал основу поэзии суфизма. В статье приводятся заметки о жизни этого великого персидско-таджикского ученого из научных и исторических источников.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: поэзия суфизма, Ҳақим Санои Ғазнави - основатель поэзии суфизма, жизнь и творческая деятельность Санои.

SOME NOTES ABOUT THE LIFE OF SANOI GHAZNAVI FROM THE SOURCES

Hakeem Sanoi Ghaznavi is the outstanding poet and thinker of XI-XII centuries, who was the first to build the foundations of the poetry of Sufism. The article brings the notes from the life of this outstanding Persian-Tajik scholar from different scientific and historical sources.

KEY WORDS: poetry of Sufism, Hakim Sanoi Gaznavi the founder of poetry of Sufism, life and creative activity Sanoi.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: *Х. Давлатова* - соискатель Института востоковедения и письменного наследия АН РТ.

Телефон: 92-764-08-30

БАЪЗЕ АНДЕШАҶОИ АДАБИ - ЭСТЕТИКИИ С. АЙНИ

Н. Аслонова

Донишгоҳи иқтисодии Тоҷикистон

Садриддин Айни (1875-1954) ба сифати намояндае аз адабиёти садаи бистуми форсии тоҷикӣ дар паҳлуи адибоне аз ин даврон Садри Зиё (1867-1932), Абдуллоҳи Фитрат (1888-1938), Абдуллоҳи Мунзим (1887-1934), Мирзо Сироч (1877-1922) ва амсоли онон шояд аз нахустинҳост, ки дар давраи нави инкишофи адабиёти форсии тоҷикӣ дар ҳама навъҳои адаби асарҳо эҷод карда, ҳамчунин ба жанри нома, ки анбанаи ҳазорсола дорад, поя гузоштааст.[1] Ба ин муносибат мо гуфта наметавонем, ки С. Айни ба маводи таърихи адабиёти ҷаҳонӣ, ки дар он файласуфи Юнони Қадим Эпикур (341-270) ба унвони аввалин классики жанри нома ва номанигори эгироф гардидааст, ошно буд.[2] Аммо мусаллам аст, ки С. Айни ба қонунмандҳои ин жанри бадеӣ дар адабиёти классикии тоҷикӣ ба хубӣ огоҳӣ дошт ва дар марҳалаи нави инкишофи насри тоҷикӣ дар эҷоди нома ва номанигори анбанаи ин навъи адабро бо назардошти моҳияти адабиву эстетикӣ он ва ҷанбаи илмиву иҷтимоӣ касб кардани номанигори идома бахшидааст.

Махсусан, дар асри XXI, ки асри техникаӣ эълон шудааст ва ба ин ақида ҳам ҳастанд, ки дигар жанри нома инкишоф нахоҳад кард, балки ҷойи онро факсҳо, имайлҳо ва пайёмҳои телефонӣ ишғол менамояд.[3] Таҳқиқи номаҳои С. Айни дар илми адабиётшиносӣ мақоми хоса пайдо менамояд. Ба ин хотир, мо ин ҷо ба сайри таърихии мавзӯ, яъне, нома ва номанигори дар адабиёти классикии форсии тоҷикӣ баҳс нанамуда, балки фақат ба мақоми ин навъи адаби дар эҷодиёти С. Айни изҳори ақида карданем.[4] Сараввал, бояд таъкид намоем, ки дар таҷқиқотҳои адабиётшиносон ва айнишинсон гоҳ – гоҳе ҳини таъйиди ин ё он ҷиҳати мубрами андешаҳои адаби - эстетикӣ С. Айни ба баъзе номаҳои ӯ муроҷиат карда мешавад ва бештар аз ҳама ҷанбаи шарҳи ҳоли доштани чунин номаҳоро таъкид менамоянд.[5] Дар ҳамин замина, академик М. Шакурӣ ба як номаи С. Айни, ки ба унвони Адҳам Ҳамдам ва Назармат ирсол гардидааст, таъриҳ карда, он ҷо чунин таъкиди С. Айниро оид ба воқеияти соли таваллудаш менамояд: “Ман дар ҳақиқат ҳозир 72-сола бошам ҳам, аз рӯи паспорт дар 69 ҳастам”. Яъне, С. Айни дар ин номааш иқрор шудааст, ки “синни ӯ аз он ки дар ҳуҷҷатҳои расмӣ қайд шудааст, 3 сол зиёд аст”.[6]

Дар шинохти С. Айни навъи нома асари хурди насриёе хоҳад буд, ки ба воситаи он кас метавонад, андешаҳои ӯро дар ҳама мавзӯҳои рӯзгор озодона баён созад. Бинобар ин ки С. Айни дар адабиёти тоҷикии солҳои бистуми панҷоҳуми асри XX нақши муаллимӣ ва устодиро ба ӯҳда дошт ва аз маркази фарҳангии ҷумҳурии Душанбе – Сталинобод дур буд, вазифаи омӯзгориашро барои адибони ба хусус, насли солҳои сиёму: Ҷ. Иқромӣ, С. Улуғзода, М. Турсунзода, Р. Ҷалил, А. Деҳотӣ, Ҳақим Карим, Пулод Толис ва амсоли онон, ба воситаи нома анҷом медиданд. Яъне, С. Айни ҳар андешаеро, ки дар боби ҳунари эҷодӣ ба адибе баён кардани мешавад, аз навъи нома истифода менамояд.

Нависанда Абдусалом Дехотӣ дуруст таъкид кардааст, ки дар номаҳои Садриддин Айни аз аҳамияти калони адаби ва илму фарҳанг суҳан меравад. Гоҳе дар номаҳои ӯ андешаҳои адабии С. Айни ба таърихи таълифи навиштаҳои адибе ва дигар масъалаҳои асарофарини сурат гирифтаанд. Дар қисме аз номаҳо масъалаҳои шахси, оилави, хоҷаги ва ҳатто баъзан тафсилоти тарзи кор ва зиндагии ҳаррӯзаи С.Айни ва ӯ аҳволи дӯстон, шогирдон ва ошноёнаш инъикос ёфтаанд, ки ба воқеаҳои ҷорӣ замон бахшида шудаанд.[7]

Андешаҳои С. Айни оид ба масъалаҳои адаби, илми ва корҳои эҷодӣ тақрибан дар ҳама номаҳои ӯ ба миён гузошта мешаванд. А. Айни ба ин восита, назди адибони ҷавон вазифаҳои эҷодиро баён медорад. Вақте ки С. Айни ба адибе дар бораи коргоҳи эҷодӣ, тарзи асарофарини худ андешаояшро иброз медорад мақсад ин аст, ки адиби мавриди назар таъкидҳои назарии ӯро, агар лозим донад, ба назар бигирад, то ки асари меофаридаш аз нигоҳи бадеи сайқал ёбад. С. Айни дар номаҳои одат доштааст, ки адиби ҷавонро саҳт танбех надиҳад, балки ӯро водор месозад, ки кори эҷодӣ заҳмати шабонарӯзиро тақозо менамояд ва дар эҷоди асари бадеи ба мусолиҳакорӣ ва шитобкорӣ дода шудан роиҷ нест, зеро ба асари бадеи на як касу ду кас, балки дар маҷмӯъ ҷомеа баҳо медиҳад ва табиист, ки ҳар қадам аз хонандаи асари мавриди назар дорои дониши гуногун ва завқи хосса мебошад. Дар ин миён С. Айни хонандаеро, ки худ адиб аст, ӯ дорои завқи маҳорати эҷодӣ мебошад, ҷудо менамояд ва назари ӯро бисёр пураҳамият мешуморад. Масалан, С. Айни дар номааш ба нависанда Ҷалол Иқромӣ, аз 3 октябри 1948, чунин иброз медорад:

“Рафиқ Ҷалол Иқромӣ!”

Мактуби 27 сентябр навиштаатон дар вақташ расид. Барои як нависанда ҳеҷ мукофоте беҳтар аз он нест, ки хонанда аз асари вай таассуроти хуб гирад ва он таассуроти худро изҳор намояд. Агар он хонанда нависанда бошад, қадри ин мукофот боз ҳам баланд ва бебаҳо мешавад...”[8] С. Айни, ки худ аз чунин “мукофот”-ҳо адибони насли комсомолро борҳо сарфароз гардондааст, як эътирофномаи Ҷ. Иқромиро, ки он айём ҳанӯз ба нависандаи сатҳи баланде тарбият наёфта буд, барои худ ҳамчун мукофоти бебаҳо қабул менамояд. Яъне, адибони бузурги навъи С. Айни ҳам ба баҳои адиби аз худ поёнтар нест ба асари ҳеш эҳтиҷ доштааст. С. Айни ҳар асари эҷодкардаи худро, хоҳ хурд аст, хоҳ бузург, ҳамчун фарзандаш мешуморад. Дар иртибот ба ҳамин таъкиди назарии С. Айни менависад: “Мувофиқи ҳамин қоида “Ёддоштҳо” ба назари худам ҳам дар қатори фарзандони хубам мегузарам”. [9] Ба таъбири С. Айни, адиб бояд асаре эҷод кунад, ки дар эҷодиёташ дӯстдоштани бошад. Дар ғайри ин, мешавад гуфт, ки дар оилае фарзанд тавлид меёбад, аммо дӯстдоштани нест, ҳол он ки меъри фарзандофарини чунин нахоҳад буд. Аз ин рӯ, С. Айни асари эҷоднамудаи адибро ба мақоми фарзанди хуб баробар меҳисобад.

Агар насри таърихи ва илми С. Айниро истисно кунем,[10] аз ҳама беш андешаҳои адаби - эстетикӣ ӯ дар номаҳои баён ёфтаанд. С. Айни дар номааш ба Мирзо Турсунзода, аз 27 декабри 1948, як андешаи адаби - эстетикӣ ашро сари мавзӯи фош сохтани “ҳаёти замони амир” қарор дода, ин ҷиҳатро аз камбудии адабиёти гузашта дониста, сипас, дар ин боб асарҳои насри бадеиаш “Одина” (1924), “Дохунда” (1930) ва “Ғулмон”-ро (1935) мисол меорад, ки то ҷое он камбудро ислоҳ кардааст ва дар ин осор то ҷое, ки тавонистааст ҳаёти замони амирро фош кардааст ва ба ҷавонон чи будани он ҳаётро ошкор сохтааст.[11] Ба ин маъни, С.Айни бо ин андешааш камбудии таърихи адабиёти пешини форсии тоҷикиро ислоҳ кардани шудааст.[12] Яъне, С. Айни андешаи адаби - эстетикӣ, ки аз мазмуни асарҳои бадеиаш сарчашма мегиранд, ба воситаи навъи нома баён медорад ва ба ин восита меҳаҳад, ки ин андеша дар осори адибони дигари тоҷик минбаъд ривож ёбад.[13]

С. Айни чунин андеша дорад, ки ӯ дар ҳама осораш “фармудаи таърих”-ро..., “амри зарурати таърихро ба ҷо...” овардааст. Ин андешаро айнишиноси шинохта, академик М.Шукуров инкишоф дода, аз ҷумла, менависад: “Ин гуфтаи ӯ (ислоҳи камбудии адабиёти пешина дар назар аст. – Н.А.) на фақат дар ҳақиқи “Таърихи амирони манғитияи Бухоро” ва “Намунаи адабиёти тоҷик” дуруст аст, балки онро нисбат ба тамоми эҷоди бадеи ӯ ҳам гуфтаи раво аст...”[14] Дар ҳамин нома С. Айни ба М. Турсунзода менависад, ки “Ёддоштҳо”, ана, ҳамин камбудии таърихи адабиёти моро қисман пурра хоҳад кард”. [15] Маҳз дар ҳамин нома С. Айни масъалаи “кор кардан дар болои вазни шеъри тоҷикӣ”-ро ба миён мегузорад ва “ичрои онро вазифаи ногузири худ” мешуморад.[16] С. Айни далел меорад, ки “... вазни асосӣ ва анъанавии шеъри тоҷикӣ вазни арӯз аст. Аммо вазни арӯзи шеъри тоҷикӣ чизест, ки то ҳол муаллифони арӯз чи будани вайро дуруст нафаҳмидаанд...”[17].

Чунонки гуфтем, навъи нома дар эҷодиёти С. Айни дар баён сохтани андешаҳои адаби, эстетикӣ, таърихӣ, забоншиносӣ, иҷтимоӣ ва ғайра масъалаҳои бадардхӯри замона, хеле босамар истифода мешавад. Андешаҳои С. Айни ба мавзӯи хотирпарешонии адибе сурат гирифта, ин ҷиҳатро дар фаъолияти адиби мавриди назар ҳамчун падидаи манфӣ меҳисобад. Аз ин ки Ҷ. Иқромӣ дар номаеаш ба С. Айни суроғаи ӯро хато менависад, дар мактуби ҷавобаш ба Ҷ. Иқромӣ чунин эродро ҷоиз медонад: “Мактуби 13 ноябр навиштаатон ба ман 21 ноябр, яъне, дар 9 рӯз расид ва ҳол он ки

мактуби Москва ба ман дар 7 рӯз мерасад. Сабаби ин дар хотирпарешонии Шумо ва бо вучуди ин, хотирпарешонии худро ба гардан нагирифта, дар адресро аз ёд навиштани Шумо аст. Шумо адреси хонаи маро “Д-3-а” навиштаед ва ҳол он ки адреси хонаи ман, чунонки дар ҳар мактуб менависам, “103-а” (як саду се “а”) мебошад.

Инро аз хотир набароред, ки маънии луғавии як калимаро аз ёд навиштан дуруст нест, инчунин адреси хонаи касеро ҳам аз ёд навиштан дуруст нест...”[18]

Дар ин қисми мактуби С. Айни ду таъбир: “хотирпарешонӣ” ва “маънии луғавии як калимаро аз ёд навиштан” дорои аҳамияти касби нависандагӣ мебошад, зеро ба андешаи С. Айни “...барои ҳар нависанда аз ҳар чиз пештар хотираи устувор лозим аст; агар хотира заиф бошад, бо идмон – варзиш хотираро саҳт кардан даркор аст...”[19]

Тавре ки дида мешавад, С. Айни андешаҳои адабии худро бештар ба таҷрибаи нависандагии худ мувофиқ кунонда, сипас, дурустии онро ба адибони навъи Ҷ. Иқромӣ, Р. Ҷалил, А. Деҳотӣ ва дигарон талқин менамояд. Чунонки медонем, С. Айни дар кори эҷодӣ ва таҳқиқи адабӣ бисёр чеҳраи дақиқбаён буд ва тақрибан дар навиштаҳои ӯ баёни шитобзадагӣ, ғайри воқеӣ ва хато ба мушоҳида намерасад. Хотираи ӯ ба таъбири худаш “саҳт” шуда буд ва як муваффақияти нотакрори С. Айни дар боби кори эҷодӣ ҳамин ҷиҳатро бояд шинохт. Ба ибораи дигар, С. Айни ба фаромӯшхотирӣ роҳ наметод ва ҳеҷ гоҳ “ҳар чизро аз ёд” наменавишт, балки санаду далелро пайдо менамуд ва сипас, андешаашро рӯйи қоғаз меовард. Ин ҷиҳатро С. Айни “алифбои нависандагӣ” мешуморад. Аз ин ҷост, ки ӯ менависад: “нависанда бояд чунон диққат кунад, ки дар кадом саҳифа ҷи навиштанаширо (албатта, на ба таъбир, балки мазмунан) донад, аз ёд бехато гуфта дода тавонад! Манбаи бисёр хатоҳои нависандагони ҷавон дар хотирпарешонӣ, фаромӯшхотирӣ ва бедиққатӣ аст”.[20] Дар андешаи адабии С. Айни вобаста ба фаъолияти нависандагӣ падидаи “парешонхотир набудан”, “фаромӯшхотир набудан”, “дақиқбаён будан” аҳамияти муҳим дорад.

С. Айни ба шоғирдон – адибони ҷавон ҳамеша маслиҳат меодаст, ки вақте ба китобе, маҷмӯаи ашъоре пешгуфтор навиштани мешаванд, матн – мундариҷаро хонда, ба он аз наздик ошно шуданро риоя кунанд. Барои мисол, С. Айни боз ба таҷрибаи эҷодии худ мурочиат мекунад ва дар як мактубаш ба Ҷ. Иқромӣ, ки аз С. Айни дар бораи ба маҷмӯаи “Шеърҳои тоҷикистонӣ”-и А. Лоҳутӣ пешгуфтор навиштаниаш, хоҳиш менамояд, чунин ҷавоб мегардонад: “...Шумо дар бораи мундариҷа чизе нанавиштаед. Ва ҳол он ки барои сарсухан навиштан барои китобе танҳо мундариҷаи онро ба воситаи касе шунидан кифоя намекунад, барои муқаддиманавис лозим аст, ки шахсан он асарро хонда барояд.[21] Дар андешаҳои адабии С. Айни боз он падида бисёр нотакрор ва ба кулӣ тоза аст, ки ӯ дар баҳои мундариҷавӣ додан ба маҷмӯаи шеърӣ дар шакли сарсухан навиштан тафовут мегузорад ва зимнан менигорад: “Агар он асар як асари шеърӣ бошад ин талаб ва лузум боз ҳам қатъитар ва пурзӯртар мешавад. Зеро дар асари шеърӣ роли калонро на танҳо мундариҷа, балки ба ҷи тарз ифода шудани он мундариҷа бозӣ мекунад...”[22] Гузашта аз ин, С. Айни дар сарсухан навиштан ба маҷмӯаи шеърӣ ба кадом шоир тааллуқ доштан ва манзалати шоирӣ ӯро дар мадди назар мегузорад ва мегӯяд: “Агар он шеър аз они Лоҳутӣ барин як устоди бузург бошад, он талаб ва лузум боз ҳам пурзӯртар мешавад, зеро мақсад аз сарсуханнависӣ бояд як расмияти хушк набошад, муқаддиманавис бояд ҳеҷ набошад садяки хубҳои ин асарро шарҳ дода, ба ин восита ба хонанда ёрмандӣ расонад...”[23] Яъне, андешаи С. Айни сари он масъала қарор мегирад, ки “асарро шахсан нахонда сарсухан навиштан... ҳеҷ мумкин нест...”[24] Ба ҳамин монанд, ба андешаи С. Айни, вақте ки асари адibe “дар зери таҳрири фалонӣ ҷоп шуд”, меғӯем, ин чунин маънӣ бояд дошта бошад, ки асари мавриди назарро “фалонӣ” хонда бошад, дар ғайри ин дуруст нест, ки исми ӯ ба сифати муҳаррири адабӣ дар саҳифаи пеши китоб нависонда мешавад. С. Айни, ки дастнависи романи “Шодӣ”-и Ҷ. Иқромиро таҳрир намуда буд, баъд аз ин ки нависанда ба С. Айни дар номааш ишора мекунад, ки “мувофиқи нишондодҳои” ӯ дубора кор карда баромадаст” ва мехоҳад, ки С. Айни муҳаррири ҷопи китобии он бошад, розигӣ надода, балки назди Ҷ. Иқромӣ чунин талаботро мегузорад: “...агар асар дар зери таҳрири ман мебаромада бошад, лозим аст, ки пеш аз ҷоп як бори дигар дида бароям”.[25] Чунонки мебинем, андешаҳои адабии С. Айни 50-60 сол қабл баён ёфтаанд, имрӯзҳо ҳам аҳамияти назариву амалии худро гум накардаанд ва месазад, ки адибони кунунӣ ин андешаҳоро ҳамчун саҳифаҳое аз дарсҳои назариявии С. Айни қабул намоянд ва дар фаъолияти эҷодии хеш истифода намоянд. Масалан, ба як таъкиди адабии С. Айни мутавачҷеҳ мешавем, ки дар номааш ба А. Деҳотӣ, 28 март 1933 ибраз доштааст: “...шоир дар иншо кардани шеър на танҳо робитаи сар то пой шеърро, на танҳо ҳар банд ё байт ва ё мисраъро мулоҳиза намояд ва дар болояш кор кунад, дар айни замон бояд ҳар калимаи ҷудогонаро ҷудо-ҷудо аз назар гузаронад ва робитаи маънавӣ ва оҳанги лафзии онро ба мулоҳиза гирад, натавон ҷа бор, балки борҳо ин корро такрор намояд. Дар он сурат шеър нағз мешавад, шоир пеш меравад, қобилияти шеъриаш ба камол мерасад, дар охир малакаи шеърӣ пайдо...” мекунад.[26] То ки шоир ба ин дараҷа расад, С. Айни боз андешаи дигари адабиро пеш

меорад, ки он вобаста аст ба падидаи пуртокатӣ дар кори эҷодӣ. Яъне, “шоир бояд дар кор кардан ба болои шеър вақтро дарег надорад, то метавонад димоғро кор фармояд, дар вақти хоб, дар вақти хӯрок, дар вақти нишаст, дар бархост – ҳамеша дар пай ёфтани он калима ё он мисраъ бошад, ки шеърро хубтар кунад”. [27] Андешаҳои адабии С. Айни бештар дар заминаи мутолиаи шеъре ё асари бадеие падида меоянд. Он чи дар боло оид ба шеъру шоир гуфтем, он буд, ки С. Айни баъд аз мутолиаи шеъри “Манзараҳои сегона”-и А. Дехотӣ, ҳамчун таъкидҳои назариявӣ, ибраз доштааст.

Ба ҳамин тариқ, мутолиаи баъзе аз номаҳои С. Айни, ки дар солҳои 30-50-уми асри ХХ ба суроғаи А. Лоҳутӣ, М. Турсунзода, Ҷ. Иқромӣ, Р. Ҷалил, А. Дехотӣ ва амсоли онон фиристода шудаанд, дар боби ошкор сохтани андешаҳои адабӣ - эстетикӣ С. Айни мақоми хосеро ишғол мекунанд. Чунин андешаҳои С. Айни метавонанд, барои адабони қарни ХХI ҳамчун китобе оид ба назарияи адабиёт хидмат намоянд. Бинобар ин, метавон номаро дар эҷодиёти С. Айни ба сифати жанри хурди насри ба мушоҳида гирифт ва ҳам онро чун воситаи мусамаре дар баён ёфтани андешаҳои адабӣ - эстетикӣ С. Айни эътироф кард.

АДАБИЁТ

1. Беш аз сад адад номаҳои С. Айни ба унвони адабону олимони рӯи чоп омадааст.
2. М. Нарзиқул. Таърих ва назарияи номанигорӣ. – Душанбе: Сино. -2009. – с.3.
3. Аввалин тапишҳои ошкории қалбам. Номаҳои Фурӯти Фаррухзод ба ҳамсараш Парвизи Шогур. –Тоҳрон: Дидовар. –1381. -с. 3-4.
4. Мутаассифона, то ҳанӯз ин баҳши эҷоди С. Айни мавриди баҳси адабиётшиносӣ қарор нагирифтааст.
5. Дар ин ҷода саҳми адабиётшиносон: М. Шакурӣ, С. Табаров, Х. Отахонова, А. Сайфуллоев, Х. Асозода ва амсоли онон назаррас мебошад.
6. Шукуров М. Насри реалистӣ ва таҳаввули шуури эстетикӣ. – Душанбе: Ирфон. – 1987. с. 9; Ҳамчунин. Асозода Х. Иловаҳо ба шарҳи ҳоли устод Айни. -Душанбе: Деваштич. -2004. -92с.
7. Айни С. Мунтахаби асарҳои илмӣ. – Душанбе: Дониш. -2008. –с.136–137.
8. Айни С. Мунтахаби осори илмӣ, с. 169.
9. С. Айни. Мунтахаби осори илмӣ, с. 169–168.
10. С. Айни. Мунтахаби осори илмӣ. Ҷ. 2. – Душанбе: Дониш. –2008. –312с.
11. С. Айни. Ба М. Турсунзода. Аз мактубҳои С. Айни ба адабони тоҷик Шарҳи сурх, 1956, №4, с. 108; Ҳамчунин: Ниг.: М. Шукуров. Насри реалистӣ ва таҳаввули шуури эстетикӣ. - Душанбе: Ирфон. – 1987. -с.185- 186.
12. М. Шукуров. Ҳамон маъҳаз, с. 186.
13. С. Айни одат доштааст, ки ҳар номааш дар ИН мавриди баҳси адабон қарор бигирад.
14. М. Шукуров. Ҳамон маъҳаз, с. 188.
15. С. Айни. Мунтахаби осори илмӣ, ҷ. 2. –с. 229.
16. С. Айни. Ҳамон ҷо, с. 289.
17. С. Айни. Ҳамон ҷо, с. 289.
18. С. Айни. Ба Ҷ. Иқромӣ \ С. Айни. Мунтахаби осори илмӣ, ҷ. –с. 178.
19. С. Айни. Ҳамон ҷо. –с. 178.
20. С. Айни. Ба Ҷ. Иқромӣ \ Ҳамон ҷо, с. 178–179.
21. С. Айни. Рафиқ Ҷалол Иқромӣ \ Ҳамон маъҳаз, с. 179–180.
22. Ҳамон ҷо, с. 179–180.
23. С. Айни. Рафиқ Ҷалол Иқромӣ \ Ҳамон маъҳаз, с. 180.
24. Ҳамон ҷо, с. 180.
25. С. Айни. Рафиқ Ҷалол Иқромӣ \ Ҳамон маъҳаз, с. 180.
26. С. Айни. Ба А. П. Дехотӣ \ С. Айни. Мунтахаби осори илмӣ, ҷ. 1., с. 187.
27. С. Айни. Ҳамон ҷо, с. 187.

НЕКОТОРЫЕ ЛИТЕРАТУРНО-ЭСТЕТИЧЕСКИЕ МЫСЛИ И ВЗГЛЯДЫ С. АЙНИ

В понятии С. Айни письмо является маленьким литературным произведением в котором пишущий может выразить свою мысль о жизни. Ввиду того что С. Айни в таджикской литературе в двадцатые и пятидесятые годы ХХ-века являлся наставником и учителем и был далек от культурного центра столицы-Душанбе-Сталинабада-свою учительскую деятельность для литераторов в частности для литераторов тридцатых годов – Джалол Иқромӣ, С. Улут-заде, М. Турсунзаде, Р. Джалли, А. Дехотӣ, Хаким Карим, Пулод Толис и их ровесников осуществлял с помощью письма. Так он в письмах излагал особенности литературной деятельности. Взгляды Айни в вопросах литературы, науки и творческой деятельности отражались почти во всех его письмах.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: литературный жанр, эстетика, айниведение, мысль, размышление, мнение, взгляд, исторический, научный, содержание, введение, писатель, поэт.

SOME LITERARY-AESTHETE THOUGHT OF AINY

This article about how Ainy payed attention on letters and th^h ousht that letters some kind of fiction where people speak about their lige. As Ainy himself was far from Dushanbe – Stalinabad - He wrote litters to his pupils – such as: J. Ikromy, S. Ulugzade, M. Tursoonzade, R. Jalil, A. Dehoti, Hakim Karim, Pulod Tolis and Athens. In that letters you can see his view on many side of literature, and he gave how to write letters and how express their ideas.

KEY WORDS: literary, genre, aesthetics, reflection, opinion, historical, scientific, contents, introduction, write, poet.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: *Н. Аслонова* – кандидат филологических наук, доцент, Института экономики Таджикистана

ОМИЛҶОИ ДИДИ ТАЪРИХШИНОСИИ СОТИМ УЛУҶЗОДА

Сайрам Бақозода

Институту забон ва адабиёти ба номи Рудакии АИ ҶТ

Нависандаи бузурги тоҷик Сотим Улуғзода ба василаи таҷрибаи тафаккури таърихии адабӣ дар тасвир содиқ монд. Чунин арзёбии таърихӣ дар эҷодиёти нависанда, ба назари мо, ҳанӯз комил нест. Мо ҳоло дар бораи равиши фикрӣ ва ҳунарии Улуғзода ҳамчун нависандае, ки воқеияти гузашта ва чехраҳои таърихро аз қалби бостон ба мо чи гуна нишон додаст, кам медонем. Беш аз ин, мо ҳанӯз чандон дарк накардаем, ки тавачҷӯҳ ва гароиши отифии ӯ ба воқеот ва шахсияти ҷудоғона низ маҳсули тафаккури ӯ дар шинохти ҷараёни таърих будааст.

Сотим Улуғзода муаллифи осори фаровони таърихист. Илова бар ин, дар баъзе аз осори замонавияш низ мадорики таърихро истифода кардааст. Таҷрибаи фаровони Сотим Улуғзода дар тадқиқи бадеии таърих ва фароҳам овардани сарнавишти инсон ва ҳунари бузургони илму фарҳанги қарни IX-XI ва асрҳои баъд гувоҳи он аст, ки нависанда дар шинохти таърих ва тафсири бадеии он равиши хоси фикриро дунбол карда буд. Агар шӯълаи ҷароғи муҳаббати ӯро ба гузаштаи бошарофати таърихи ниёгонаш профессори рус Андреев хангоми дар Дорулмуаллимини Тошканд таҳсил карданаш афрӯхта бошад,[1] минбаъд бо гузашти замон ва камолоти инсонӣ таърих барои ӯ сармандаи таърихии шахс ва маънавию ахлоқӣ ва омилӣ бақои миллат гардид. Нависанда аз оғози фаъолияти эҷодӣ хуб дарк карда буд, ки ҳалли чунин масъалаҳо дар адабиёт танҳо ба василаи ҷамъбастиҳои пурдоманаи иҷтимоиву фалсафӣ имконпазир хоҳад буд. Таърих ва мадорики таърихӣ ба сари худ наметавонад адабиётро шавқангез ва ибратомӯз гардонад. Ба қавли Мухаммадҷон Шакурӣ «бинииши моҳиятҷӯи амиқрав даркор аст, ки сабақҳои ибратомӯзи гузаштаро ба имрӯзиён гузошта, дар ҷустуҷӯҳои ахлоқӣ ба ҳамзамонони худ дастӣ ёри дароз кунем ва дар мавриди дарки амиқи сиришти инсонӣ одамизод ба онҳо ёвар бошем. Аз ин рӯ, бо рӯзгорони мо саҳт робита доштани масъалаҳое, ки нависандаи таърихшинос мебардорад, хеле муҳим аст. Баррасии таърих ва давраҳои ҷудоғонаи он ба эътибори дархостҳои имрӯз ва фардо арзише дорад, вагарна бидуни матлабе ба гузашта нигаристан асту бас».[2]

Аз сарнавишти нависанда ва баъзе асноду мадорики равшан аст, ки бархӯрди Сотим Улуғзода аз оғоз то ба анҷом имрӯз ба ифодаи ҳақиқат «аввал бо роҳи хис ва баъд бо роҳи ақл»[3] сурат гирифтааст. Дар маҷмӯъ, ҷустуҷӯҳои ин нависанда дар матни таърихи гузаштагон комилан ватанхоҳона будааст. Ҳанӯз дар овони ҷавонӣ таърихи гузашта ва сарнавишти фарзандони шарафманди халқи тоҷик мавриди тавачҷӯҳи ӯ буданд. Солҳои 1939-1940 вай дар бораи Рудақӣ, Дақиқӣ, Фирдавӣ ва Ибни Сино мақолаҳои илмӣ навишт. Баъдтар дар бораи Аҳмади Дониш ва Ибни Сино рисолаҳои пурарзиш таълиф кард. Нависанда дар рисолаи «Аҳмади Дониш» мисраи зерини Музтарибро эпиграф меоварад: «Мадҳи ту нест дархӯри ҳар марди булфузул».[4] Нависанда ин мисраро бесабаб интиҳоб накардааст ва мазмунӣ он ҳадафмандии иқдоми муаллифро таъйид мекунад.

Баъдтар, яъне солҳои панҷоҳуми асри гузашта нависанда ба тадқиқи бадеии рӯзгори Абуабдуллоҳи Рудақӣ ва Ибни Сино машғул шуда, драмаи «Рудақӣ» ва намоишномаҳои «Қисмати шоир» ва «Ибни Сино»-ро (бо ҳамқаламии В.Виткович) таълиф кард. Асарҳои пурарзиши бадеии

публикисистии ӯ «Пири ҳақимони Машрикзамин» ва драмаи «Чавонии Ибни Сино» (низ бо ҳамқаламии В.Виткович) гувоҳи идомакорӣ ва собитқадамии ӯ дар роҳи шинохти гузаштаи халқ буд. Дар ин замина адабиётшиноси фақид Маъруфи Рачабӣ дуруст мегӯяд, ки иштиёқи эҷодии С.Улуғзода тамоми умр асосан ба муҳимтарин ва мураккабтарин давраҳои ҳаёти миллати тоҷик-асрҳои IX-XI банд буд ва метавон гуфт, ки таҳқиқи асрҳои IX-XI самти асосии ҷустуҷӯҳои илмиву мавзӯи марказии осори бадеии С.Улуғзода аст.[5] Ба ин далел, ба таҳқиқи доманадори ҳаёт ва осори Фирдавсӣ машғул шудани нависанда ва эҷоди романи «Фирдавсӣ» дар эҷодиёти ӯ ҳодисаи тасодуфӣ нест.

Ба назари мо, яке аз омилҳое, ки боиси амикрафти таърихияти С.Улуғзода гардидааст, истиқлоли ҷаҳонбинӣ ва пайванди он бо нависанда мебошад. Вобастагии ҷаҳонбинӣ бисёре аз адибони таърихнигор ва муҳаққиқони таърихи адабиётро дар ин замина ноком кардааст, ки ин гуна мисолҳоро аз таърихи адабиёти тоҷик низ метавон фаровон нақл кард. Аз ҷумла, чунин бархӯрди ғайривоқеъ ба сарнавишти Фирдавсӣ дар таърихи адаби мо ҳодисаи нодир аст. Масалан, солҳои сӣ ҳазорсолагии Фирдавсӣ ҷашн гирифта шуд. Дар Эрон ин ҷашн танҳо бо ҳадафи афрӯхтани ҳисси миллатдӯстӣ ва ватанпарастӣ таҳлил гардид. Вале дар Тоҷикистон ин санаи таърихро зери таъсир ва раҳнамоии идеологияи марксистӣ ва ленинӣ «мазмунӣ нави сотсиалистӣ» доданд. Вобастагии ҷаҳонбинӣ омиле гардид, ки Фирдавсиро «Шовинисти гузарои даври худ, намояндаи синф ва табақаҳои ҳамон давра, барпокунандаи Эрони замони Кайхисрав ва Дориос» маънидод карданд.[6]

Хушбахтона, С.Улуғзода аз оғози фаъолияти эҷодӣ то охири лаҳзаҳои зиндагии хушроонаш пойбанд ё худ вобастаи «раъӣи соҳибмансабони камсаводи КМ» (С.Улуғзода) набуд. Хатто дар солҳое, ки ба «ҷурми» фирори фарзандаш ӯро озор меоданд, аз роҳи мустақими интихобкардаш дар шинохти таърихи халқ берун пой нагузошт. Балки ба суолҳои «Дар бораи идеал чӣ ақида доред?.. Аз мардони таърих кӣҳо идеали шумоянд?» дар «Газетаи муаллимон» бо сароҳат чунин посух дода буд: «Аз шахсиятҳои таърихӣ идеали ман Фирдавсӣ ва Навоӣ мебошанд.[7] ва дар мусоҳибаи зикршуда дар бораи нақшаҳои эҷодӣ нақл карда, аз ҷумла гуфта буд: «Ҳаракат дорам, ки дар бораи Фирдавсӣ роман нависам, лекин дар пеш душвории азим мебинам (дар бораи ҳаёти ӯ ғайр аз ду-се пора ахбори афсонамонанд чизе нест). Намедонам душвории рафъ карда метавониста бошам ё не. Агар наметавонам... чӣ бояд кард? Холо маълум нест.[8]

Ба андешаи адабиётшинос Абдуҳолиқи Набавӣ «ба қавли нависанда, ӯ чихил сол боз дар орзуи таълифе дар бораи Фирдавсӣ будааст. Гумони ғолиб меравад, ки ин дилбастагӣ аз оғози солҳои 30 ибтидои гирифта, баъд тақони ҷиддии он бояд вобастаи солҳои ҷанг бошад, ки мақом ва аҳамияти эҷодиёти Фирдавсиро ба маротиба равшантар пеши назар оварад.[9]

Бозгӯи насрии «Шоҳнома», ки соли 1972 дар ду ҷилд барои кӯдакону наврасон нашр шуд, низ гувоҳи собитқадамии нависанда дар роҳи пайгирии мавзӯи Фирдавсӣ ва «Шоҳнома»-и ӯст. Ниҳоят, С.Улуғзода дар заминаи омилҳое, ки зикр шуд, романро таълиф кард ва он имрӯз аз дастовардҳои адабиёти тоҷик шинохта шудааст.

Романи «Фирдавсӣ» ҳамосаи рӯзгори пӯрошӯби Фирдавсии шоир ва «Шоҳнома»-и безаволи ӯст. Вале ҳақ ба ҷониби адабиётшинос Абдуҳолиқи Набавист, ки асарӣ мазкурро наметавон ба сифати як таълифи таърихӣ тарҷумаиҳолӣ маҳдуд кард. Нависанда мувофиқ ба дастури таърихнигории худ кӯшиш кардааст, ки зимни нигариши рӯзгор ва қисмати муаллифи «Шоҳнома» манзараи умумии зиндагии мардум, фазои сиёсии иҷтимоӣ ва маънавии замон, низоъҳои дохилидавлатӣ, сиёсӣ, мазҳабӣ ва ахлоқии охири асри IX ва аввали асри X-ро ба тасвир гирад.[10]

Зимнан бояд гуфт, ки ба сарнавишти Фирдавсӣ ва воқеаҳои охири асри IX ва ибтидои асри XI рӯ овардани Фирдавсӣ тасодуфӣ набуд. С. Улуғзода медонист, ки давраи сомонӣ шукуфонтарин аҳди зиндагӣ ва фарҳанги ниёгони мост. Ин аср, намояндагони илму адаб ва саҳифаҳои пурифтихори он метавонад барои ҳар насту ҳар замон «сабақи намунавӣ» бошад.

С.Улуғзода дар мақолааш «Алифбо-пайкари тамаддун» ба муҳимтарин масъалаҳои ин роман ишора карда, аз ҷумла менависад, ки «Ман дар романи охиринам чӣ гуна ба ҳифзи забони модаринаш мубориза кардани Фирдавсиро то андозае нишон додаам... ҳамин вазифаи ба худ гузоштаи Фирдавсиро нафаҳмидани баъзе адабиётшиносони мо ба ман аҷиб менамояд. Чунончи, адабиётшиносе Х.Мирзозода ба романи «Фирдавсӣ» эрод гирифтааст, ки гӯё асар проблема надорад. Магар ҳамон вазифаи бузурги таърих, ки Фирдавсӣ ними умрашро ба иҷрои он сарф кард, проблема нест? Магар ҳифзи забони модарӣ, маданияти миллий яке аз калонтарин мушкилотҳои сиёсӣ-иҷтимоии замони Фирдавсӣ набуд? Ва имрӯз низ ҳамин гуна як мушкилот дар пеши халқи тоҷик истодааст, ки онро бояд ҳал кард.[11]

Дарси таърих дар роман ба воситаи тасвири кушишу муборизаи Фирдавсӣ барои ҳифзи забони модарӣ вобаста ба анъанаҳои оинҳои миллий аз нигоҳи нависандаи бузург оинаи ибрат аст. Мо аз тасвири нависанда дармеёбем, ки Фирдавсӣ ними умри азизашро сарфи он кард, ки забони модаринашро аз бегътибор шудан ва кам-кам маҳв гаштан нигоҳ дорад. Он ки нависанда воқеятро

чунин менамояд, ки дар замони Фирдавсӣ низ хавфи махв шудани забони форси тоҷикӣ вучуд дошт, муболиға набуда, балки ҳақиқати таърих аст. Ба андешаи нависанда, «забони арабӣ ба обрӯи динӣ таъя карда, мамлакатҳои исломиро паҳш карда буд. Чандин забонҳои ғайриарабӣ аз байн рафтанд. Чунончи, забони халқҳои Сурия, Миср ва чандин давлатҳои дигар арабӣ шуд. Ба толеи форсиҷаҳон Фирдавсӣ буданд, ки нагузоштанд забони модариашон, тамаддуни миллияшон анъанаҳои ниёгонашон махв шавад. Агар Фирдавсии бузург ва «Шоҳнома»-и безаволи ӯ намебуд, шояд забони форсӣ аз байн руфта мешуд»[12]

Ба ифодаи дигар, нависанда тавонистааст, ки омилҳои шинохти асолати фарҳангиро чун василае барои амиқбурди таърихияти роман ба кор барад ва дар ин амал муваффақ ҳам шуданд. Устод Улуғзода таъя ба сарчашмаҳои Тирози аввал ва муқоисаи ахбори парешони махфуз дар манобеъ бори дигар моро ба дарки моҳияти даврони миллии фаро хонд.

Ҳамосаи миллие мисли «Шоҳнома» ба ҳукми тасодуф ба вучуд наомадааст. Замоне ки Фирдавсӣ ба ин кори азим шурӯъ кард, бедорӣи миллии ва растохези фарҳангӣ зуҳур карда буд. Қушиши Фирдавсӣ бо эҳтиёҷи ботинии зинда мондани миллат тавъам буд. Дар он замону он фазо нияти Фирдавсӣ қиссапардозӣ амонатгузорона набуд, балки иқдом ва талоши ӯ реша бар воқеияти рӯзгор дошт.

Фирдавсӣ бо таълифи «Шоҳнома» мехост дар оинаи дostonҳои куҳан, дар оинаи таърихи миллат, воқеияти даврони хешро бинад. Аз воқеияти пурмоҷарои дирузу имрӯз дарс гирад ва барои ояндагон низ оинадор бимонад. Аз ин ҷиҳат, барои Улуғзодаи нависанда ҳамчун сарчашмаи бозғитимод ба кор рафтани «Шоҳнома» василаи шинохти амиқӣ воқеият ва амиқбурди таърихияти тасвир аст.

Дар роман ҳарчанд ҷузъиёт ва намунаву манзараҳои шайъӣ барои амиқбурди таърихияти тасвир корбаст шуда бошад ҳам, вале сарнавишт ва қисмати Фирдавсӣ барои падида овардани ҳақиқати таърих моддаи аслии ва бозғитимод аст. Нависанда зимни тасвири сарнавишти таърихӣ шоири бузург манзараи зиндагии халқ, низоъҳои дохилӣ, муборизаҳои ҷоғалабонаи мансабдорон ва бархурдҳои фирқаҳои гуногуни диниро бо биниши амиқ ва фарогир ба қалам додааст.

Фалсафаи таърих мисли ҳуди таърих, фақат вақте метавонад ҷолиби эътимод бошад, ки бар як ҷустуҷӯи бешоибӣ дар аснод ва мадорик устувор бошад. Ин усули дарёфтӣ ҳақиқати таърихӣ боиси бақо ва эътимодбахш гардидани ҳақиқати бадеӣ хоҳад буд, ки ба таърихияти усули тасвир рангу бор мебахшад. Сotим Улуғзода нафақат дар романи «Фирдавсӣ», балки дар ҳамаи асарҳои ӯ, ки дар мавзӯи таърихӣ навишта шудаанд, ба ҳақиқат алоқаи бевосита дорад. Дар мавриди истифодаи далелҳои таърихӣ, агар ӯ ба ҳуҷҷатҳои истинод карда бошад, дар ҳоли арзёбии адабӣ ва идроки бадеии воқеият ӯ қозии тамомнамо ва тамомбин аст. Дар ин мавқеият нависанда, ба қавли муаррихи юнонӣ Полибийос, мавҷуди зинда аст, ки агар аз ҷашм маҳрум гардад, бефоида мешавад. Яъне, Полибийос ба ин назар аст, ки агар аз таърих ҳам ҳақиқатро бигиранд, ҷуз як қиссаи бефоида аз он ҷизе боқӣ наметавонад.[13] Аз ин мавқеъ, Улуғзода дар тасвири сарнавишти таърихӣ шоири бузург ба ин усул содиқ аст. Мо медонем, ки нависанда дар баробари таъя ба сарчашмаҳои адабӣ, ба хусус «Ҳудойнома»-и қадим ва «Шоҳнома» бо қиссаи ахбори парешони махфуз дар манобеъ дидагоҳ ва мавқеи Фирдавсиро дар роҳи ифшои рози даврони эҳёи миллии бо сароҳат таъйид кардааст. Чунин андешаи фарҳангсоз қабл аз навиштани роман дар зехни нависанда будааст, вагарна ӯ баъдтар бо ифтихор наменавишт, ки «дар қушишу мубориза барои ҳифзи тамаддуни миллии, аз ҷумла забони модарӣ вобаста ба оинҳои миллии ба мо Фирдавсӣ сабақи намунави медихад. Вай ними умри дарозашро сарфи он кард, ки забони модариашро аз безътибор шудан ва кам-кам махв гаштан ниғаҳ дорад»[14]

Нависанда моҳияти сарнавишти инсонӣ ва хунарии Фирдавсиро нафақат аз матни ҳаводиси сиёсӣ иҷтимоӣ меҷӯяд, балки дар ин равиш мавқеъ ва рисолати тамаддунофаринии шоири бузург низ дар мадди назари адиб қарор дорад. Ин василаест, ки ҳақиқати таърих, ки ҳоло номукамал аст, ба роҳи шинохт ва таҷассуми ҳақиқати бадеии комил мегардад.

Нависанда на фақат дар романи «Фирдавсӣ», балки дар ҳамаи асарҳои таърихӣ ба ҳамин усули таърихияти тасвир содиқ аст ва ин усул имкон додаст, ки вай моҳияти воқеаҳои гузаштаро ба воситаи сарнавишти одамон тафсири бадеӣ карда, дар заминаи меъёрҳои имрӯза арзиши онҳоро барои фардоён муайян созад.

Аз ин мурури кӯтоҳ метавон ба хулосае омад, ки меъёри таърихият барои С.Улуғзода аллақай аз назари замон ба воқеияти дури таърихӣ талмех намезанад, балки чун дарси таърих, ки бояд аз он ибрат гирифт, ҷашми моро ба оянда боз медорад. Аз ин мавқеъ, андешаи созандаи таърихӣ дар осори нависанда ҳангоми тасвири гузашта ҷойгоҳи хос дорад.

АДАБИЁТ

1. Сотим Улузода, Субҳи ҷавонию мо. Душанбе, 1982, с.27.
2. Мухаммадҷон Шукуров. Мактаби одамият. Душанбе, 1991, с. 140-141.
3. Хуршеда Отахонова. Сайре ба бойгонии Сотим Улуғзода. Дар китоби: Чехраҳои шинохта. Душанбе: «Адиб»: 2004, с.81.
4. Сотим Улуғзода. Аҳмади Дониш. Сталинобод, Нашриёти давлатии Тоҷикистон, 1945, с.4.
5. Маъруфи Рачабӣ. Сотим Улуғзода -абармарди набард ва андеша. Душанбе, 2004, с.132.
6. Маъруф Рачабӣ. Ҷамон асар, с.94.
7. Сотим Улуғзода. Худшиносии миллӣ донишгари миллат аст таърихи худро. Газетаи муаллимон, 1 январи соли 1983.
8. Сотим Улуғзода. Ҷамон ҷо.
9. Абдуҳолиқи Набавӣ. Васлгари қарнҳо ва наслҳо. –дар китоби «Чусторҳо ва ибтиқорот дар наср». Душанбе, Адиб, соли 2009, с.121.
10. Абдуҳолиқи Набавӣ, Ҷамон асар, с.124.
11. Сотим Улуғзода. Алифбо – пайкари тамаддун. «Тоҷикистони Советӣ», 14 октябри соли 1989.
12. Сотим Улуғзода. Ҷамон мақола.
13. Сотим Улуғзода. Ҷамон ҷо.
14. Ручӯш шавад! Абулхусайни Зарринқуб. Чизҳои дигар. Техрон, 1379, с. 55-57.

ФАКТОРЫ ИСТОРИЧЕСКИХ ВИДЕНИЙ САТЫМА УЛУГЗАДЕ

Для Сатыма Улуғзаде история не была ни убежищем, ни творческой передышкой, а наоборот, он старался вдохнуть и ощущать суть прошлого, связь времён и миссию наследника, продолжительность поколений была поистине основной целью его творчества.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: исторический, самопознание, исследование, судьба, изображение, культура, художественность, действительность, правда, истина, летописание, жизнеописание.

THE REASONS OF HISTORICAL STUDIES OF SOTIM ULUGHZODA

History was not for Sotim Ulughzoda as a vault or the period of hobby and fun. But the feeling of history, relation of periods, inheritance and continuation of generations was the main goal of his literary activity

KEY WORDS: historical, self-knowledge, research, destiny, the image, culture, artistry, the validity, truth, true, the annals, the biography

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: *Сайрам Бакозода* – соискатель Института языка и литературы им. Рудаки АН РТ. Телефон: 919-44-34- 37

ВАЗЪИ ШЕЪРИ ФОРСӢ ДАР ДАВРАИ ТЕМУРИЁН (қарни нӯҳуми ҳиҷрӣ)

Фарибо Ато Шайбонӣ

Донишгоҳи паёми нури Табаси ҶИ Эрон, АИ ҚТ

Амир Темури Кӯрагонӣ бо лашкаркашиҳои худ бисёр ҳаробиҳо ба бор овард. Миллионҳо мардуми бегуноҳро аз дами теғ гузаронид ва ҳазорон шахру рустои ободу маъмурро ба вайронаҳо табдил дод. Ихтилофот ва кашокашҳои ворисони ӯ, дароздастиҳои онҳо ва умароӣ эшон ба эронӣён, ба вижа, хуросонӣён ба пастравии тамаддуни Эрон, хоса инхитоти фикрӣ ва суқути маънавии ақвоми эронинаҷод ва форсизабон сабабгор гардиданд. Бо вучуди ин, дар ин саду чанд сол, даврони таҷдид ва бозсозии ҷомеаи эронӣ ва ободонии теъдоде аз шахрҳо ва тарвиҷи бозмондаи дониш ва адабу ҳунар ҳам вучуд дошт ва дар ивази калламанораҳои Темури Ланг ва фарзандони вай ва баъзе аз салотини туркман масҷиду мадрасаҳо эъмор намуданд ва сарватҳои бекаронро ҳам дар марказҳои чун Хирот, Самарқанд, Нишопур ва Машҳад гирд меоварданд, ки табъан боз дар миёни халқҳо пароканда мешуд ва василаи маоши мардумро фароҳам мекард (ниг. Сафо, 1372, 37). «Темур шахсан ба ободонӣ ва тавсеаи Самарқанд тавачҷӯхи хос дошт ва ба ҳамин қасд муҳандисони қордон ва меъмориҳои чобукдасти равшанравонро аз тамоми мамолики Форсу Ироқ ва Озарбойҷон ба доруссалтанати Самарқанд кашонид, то аз онҳо дар тарҳи иморатҳо ва боғҳову кохҳо истифода кунад» (ниг. Сафо, 1372, 37).

Донишманди тоҷик, академик Бобочон Ғафуров дар китоби «Тоҷикон» низ дар ин бора барҳақ фармудааст: «Темур бо лашкари ғоратгари худ марказҳои маданияро хароб намуда, дар айни замон барои ободии вилоятҳои Осиёи Миёна, ки асоси иқтисоди давлати ӯро ташкил медоданд, кӯшишҳо ба харҷ дод. Ба дастури ӯ дар ин маҳалҳо умури обёрӣ ва роҳсозӣ хеле вусъат пайдо кард.

Темур аз Байнаннахрайн, Осиёи Сағир, Эрон ва Хиндустон гурӯҳ - гурӯҳ устодон, аҳли илм ва хунарро асир намуда, ба Мовароуннаҳр меовард. Иддаи зиёде аз одамони пешовару хунарманд, ходимони илм ва хунар, хусусан ба пойтахти имперотурии Темуриён – шаҳри Самарқанд гирд оварда шуданд. Ин буд, ки шаҳри Самарқанд дар ин давра ниҳоят дараҷа ободу зебо гардид» (ниг. Б. Ғафуров, «Точикон, таърихи қадимтарин, қадим ва асри миёна, китоби якум», Душанбе: - Ирфон, 1998, сах. 650). Бояд хотирнишон кард, ки кори тавсиа ва тазйини шаҳри Самарқанд ба дасти набераи Темур - Мирзо Улуғбек идома ёфт ва ӯ бо сохтани биноҳои оливу зебову мӯҳташам, аз қабилӣ масҷиду мадраса, кушқу қаср дар ин шаҳр аз худ ёдгори бегазанде бар ҷой гузошт (ниг. Сафо, 1372, 38).

Мирзо Шохрухи Темурӣ тармими харобиҳои падар ва таҷдиди ободонии шаҳрҳо ва бунёди мадрасаву хонақоҳоро бо шавқу завқӣ тамом пайгирӣ кард ва «ӯ шаҳри Марвро, ки ба мурури замон мадрус ва вайрона шуда буд, ба ҳоли аввал боз овард» (ниг. ҳамон манбаъ, 38). Ҳамсари Мирзо Шохрух - Гавхаршодбегим низ дар ин ҷода кӯшишу ҷаҳди зиёде аз худ нишон дод, ки бисёр пуарзӣш ва боаҳамият буд. Аз осори ин бонуи хайр масҷиди ҷомеъ ва масҷиду хонақоҳи шаҳри Ҳирот ва масҷиди ҷомеъ дар шаҳри Машҳад машҳур ва аз бадоеи хунари меъморӣ ва кошинкорӣи қарни нӯҳуми ҳиҷрӣ аст. Шаҳри Ҳирот дар аҳди Мирзо Шохрух ва сипас дар даврони Султон Ҳусайн Мирзои Бойқаро, ки ба пойтахти имперотурии Темуриён табиӣ ёфт, ба камолу ободонӣ ва равнақу шукӯҳи худ расид. Камолиддин Абдурраззоқ зимни тавсифе, ки аз ободонии шаҳри Ҳирот дар аҳди Мирзо Шохрухи Темурӣ карда, ба кӯшишҳои ин подшоҳ дар таҷдиди бинои шаҳр ишораи тӯлонӣ дорад ва бозорҳо, мадрасаҳо, хонақоҳҳо, боғҳо ва кушқҳои онро ба тафсил муаррифӣ менамояд ва дар поёни он мегӯяд: «Алқисса... Ҳирот ба юмни тахтгоҳи ҳазрати ҳоқони сайидӣ, маҷмаи асотини салотин ва матлаи хуршеди подшоҳони рӯи замин ва Каъбаи аҳрору аброр ва қиблаи аҳёру аҳрор ва маскани ақтоб ва автод ва маъмани зӯҳҳод ва уббод гашт ва кори шаҳри Ҳирот дар он мартаба ривочу равнақ ёфт, ки латофати мутаназаҳоташ Дачлаи ашқ бар руҳсори Бағдод равон сохт ва таровати самароташ Самарқандро дар гушаи тоқи нисён андохт» (ниг. Сафо, 1372, 39).

Амир Темур бо ҳама ғоҷаҳо, вайронӣҳо ва қатли омҳо, ки ба вучуд овард ва ба хунрезӣҳои бешуморе даст ёзид, аз Чингиз тафовути ошкор дошт. Темури Кӯрагонӣ ва ҳамаи атрофиёни вай мусалмон ва дар эътиқоди диниву мазҳабӣ худро росих ва ё зоҳиран ба ин амр буданд ва ҳатто таҳкими мабонии шаръи мубинро ба баҳонаи ҷаҳонкушоӣ ва хунрезӣ низ қарор меоданд, вале Чингиз номусулмоне буду ворисони ӯ ва сарбозонаш то муддате эътиқодоти аслии худро маҳфуз дошта буданд ва камтар мувоҷеҳи эътиқодоти маҳаллии мардум мешуданд. Аммо Темури Кӯрагонӣ чунин набуд ва худро мусулмоне мусалмонгар аз дигарон меодонист ва монанди зумрае аз хулафо ва шохони пеш аз худ, ки ба таҳкими аҳқому арқони дини мубини Ислом пардохта ва ё тазоҳур карда буданд, барои худ рисолате ва маъмурият дар ин боб қоиӣ буданд ва ба ибораи дигар, худро яке аз мучаддидони дини мубини Ислом қаламдод мекард, аммо ба ҳар ҳол, тазоҳури ӯ ба диндорӣ дар мардуми замонаш муассир воқеъ шуд ва фарзандон ва ҷонишинонро бад-ин роҳ қашонид ва ҳамин тавр, ба асли Темур сибғаи мазҳабӣ дод, баҳусус, дар ин давра ба зоҳидону обидон ва шайхону сайидзодагон (содот) тавачҷӯҳи хос дода мешуд ва ҷониби Оли Расул (с) ҳама ҷо риоя мекардид (Аҳмадӣ, Солик, 1366, 9).

«Баъд аз Темур писараш Мирзо Шохрух ба салтанат расид. ӯ низ монанди падараш ба диндорӣ дар таърих шӯҳрат ёфт ва дар шарҳи ҳолаш навиштаанд, ки худ ва хонаводаи вай тарвиҷи дин мекарданд, ҷунонки нӯшидани шаробро мамнӯъ кард ва ду мӯҳтасибӣ тунду тез баргумошт, то шаробхоронро аз нӯшидани ҳамр боздошта, онҳоро бар мабной шарияти Ислом бим диҳанд ва хумхонаҳо дарҳам шикананд» (ниг. ҳамон манбаъ). Камолиддин Абдурраззоқ дар ин бора мегӯяд: «ӯ аз овони сабӣ, ки сабӣ салтанат дар ҳаракат буд, то ин замон, ки бар сарири хилофати ҷаҳон тамаққун ва истиқрор фармуд, ҳамеша тақвияти дини мустабин ва тамшитаи шаръи Сайидулмурсалин пешниҳоди ҳиммати олий наът буд ва дар мутобиати фармони илоҳӣ ба таҳсис дар қалъу қамъи манохӣ ва малохӣ ғояти муболиға менамуд» (ниг. Сафо, 1372, 48), «аммо бо ин ҳама саҳтгирӣ чун ҳақиқате дарқор набуд, фарзанди Шохрух – шохзода Мирзо Бойсунгур онҷунон дар шурби шароб ва айшу сармастӣ ифрот кард, ки дар синни ҷавонӣ пизишқон аз муъолиҷааш фуру монданд, ба ночор чашм аз ҷаҳон фуру баст» (ниг. Аҳмадӣ, Солик, 1366, 9). «Аз ҷумлаи иқдомоти дигари Шохрух метавон ба кӯшиши ӯ дар ташвиқи бузургон ба иҷрои шаъоирӣ динӣ ва кӯмак ба бархе аз риҷол ба гузоридани ҳаҷ ва назр қардан барои фиристодани ҷомаву пушиши ҳарами Каъба ва мудовимат дар зиёрати мақобирӣ бузургони дин ва машоих ва таъмири буқои мутабаррика ишора намуд» (ниг. Сафо, 1372, 48). «Дар ин давра, бо он ки аз ҷиҳати мазҳабӣ Темуриён бар мазҳабӣ ҳанафӣ буданд, аммо эҳтиром ба содоти Оли Расул (с) ва зиёрати буқои мутабаррика, баҳусус машҳади ҳазрати Имом Ризо (а) мавриди тавачҷӯҳи хос буд ва мазҳабӣ ташаййуъ қудрате қасб карда буд, то бад-он ҳалде, ки мардум бархе аз шохзодагони темурӣ, аз ҷумла Султон Ҳусайни Бойқароро шиъа ё моил ба ташаййуъ меодонистанд» (Аҳмадӣ, Солик, 1366, 9).

Эхтиром ба содот (сайидзодагон) дар ин аҳд, ҳам аз даврони Темур ва ҳам баъд, матолибе аст, ки хеле зиёд дар осори таърихӣ он замон бармехӯрем ва дар китоби «Тузукоти Темурӣ» ба умарои дарбор ва коргузори эшон чунин тавсия шудааст: «Оли Муҳаммад (с) аз чамеи маротиб бартар дорӣ ва таъзиму эхтироми эшон ба ҷо орий ва ифротро дар муҳаббати эшон исроф надонӣ, ки ҳарчи аз барои Худо бошад, дар он исроф набошад» (ниг. Сафо, 1372, 53).

Тавачҷӯх ба илму адаб ва ҳунар ба василаи шоҳон ва шоҳзодагони Темурӣ амрест, ки гуё ҷузъи фитрат ва ҳӯи табиӣ онҳо буд. Ишораҳои таърихнигорон ва муаллифони дигар асарҳо ба ин амр ба ҳаддест, ки дар китобҳои ин давра такрор мешавад, ки метавон саҳифаҳои зиёдеро ба он ихтисос дод. Аз ҷумла, дар бораи Мирзо Шохруҳи Темурӣ навиштаанд: «Пайваста пайравони маҷлиси олии афозили маволий ва амосили аҳолий ҳозир будаанд ва дар ғавосили авқот ва ғавозили соъот ба мубоҳисаи улуми диния ва музокираи улуми яқиния ва қироати кутуб ва тафсир ва ҳадису фикҳ ва таворих иштиғол менамуданд» (ниг. Сафо, 1372, 125).

Дар воқеъ, Мирзо Шохруҳи Темурӣ ба ривочи илму ҳунар ва адабиёт тавачҷӯҳи хос дошт ва дар ин ҷода корҳои арзишмандеро анҷом дод. Дар замони салтанати ӯ дар шаҳри Ҳирот улуми ақливу нақлӣ, адабиёти бадеӣ ва ҳунарҳои нафисаву зебо рушду равнақи беандоза пайдо кард. Писари Мирзо Шохруҳ – шоҳзода Мирзо Бойсунғур китобхонаи бузурге бунёд намуда, бисёр хушнависони номӣ, котибони маъруф, саҳҳофон, мусаввирони моникалам ва аҳли илму адабро гирд оварда буд. Ӯ дар ин академияи илмӣ худ дар баробари рӯйнависи ва китобати нусхаҳои қадимаву нодир умури матншиносиро ҳам ба роҳ гузошт. Таҳияи матни ҷомеъ ва мукаммали «Шоҳнома»-и Ҳаким Абулқосими Фирдавӣ бо амри Мирзо Бойсунғур анҷом пазируфт, намунаи чунин иқдомоти муҳим ва пурарзиш дар давраи салтанати Темуриён маҳсуб меёбад. Ғайр аз ин, ба матни мазкур муқаддимаи мукаммале низ навишта шуд. Ин нусхаи «Шоҳнома» то замони мо расидааст ва дар китобхонаи Техрон маҳфуз аст (ниг. Б. Ғафуров. «Тоҷикон, Таърихи қадимтарин, қадим ва асри миёна», китоби якум, Душанбе: - Ирфон, 1998, сах. 654).

Чуноне дар боло қайд кардем, амир Темур то он ҷо, ки метавонист, донишмандон ва номоварони замонро аз ҳар даста, ки буданд, дар пойтахти имперотурии ҳеш - шаҳри Самарқанд гирд меовард, то он чоро маъруфтар, пуровозатар, зеботару ободотар аз пойтахтҳои пештараи Эрон кунад, ки дар миёни ин идда аз бузургони илму фарҳанг ва ҳунар гуруҳе аз нависандагон ва шоирон низ хузур доштанд, ки аз ҷумлаи эшон метавон ба суҳанварони барҷаставу машҳуре, амсоли Мавлоно Нурриддин Абдурахмони Ҷомӣ, Қосими Анвор, Озари Тусӣ, Исмати Бухорӣ, Котибии Нишопурӣ ва Осафӣи Ҳиравӣ ишора намуд. Аз хусусиятҳои дигари ӯ ин буд, ки барои ҳар як аз писарони худ дарбори шоҳӣ тартиб дод ва ба расми шоҳони пешин барои онҳо надимене аз шоиру адиб ва донишманд гирд овард. Мирзо Шохруҳ, Умар Шайх, Султон Ҳусайни Бойқаро, Мирзо Улуғбек, Мирзо Бойсунғур ва дигар ворисони ӯ, чи дар замони ҳаёти падар ва чи баъд аз даргузашти вай, ҳамеша зумрае аз олимону донишмандон ва суҳанварони маъруфро дар дарбори худ гирд оварда, эшонро пуштибониву навозиш мекарданд ва аз сарвату амволи бекароне, ки ба ҷангашон афтода буд, дар роҳи тарғиби аҳли адабу камол сарф менамуданд. Аз ҷумлаи шоҳзодагони Темурӣ, ки ба ҳунару адаб ва илму фарҳанг тавачҷӯх ва инояти хоса дошт, метавон ба Султон Иброҳим ва Мирзо Бойсунғур ишора намуд (ниг. Аҳмадӣ, Солик, 1366, 56).

Бояд гуфт, ки Султон Иброҳими Темурӣ хушнависи моҳире буд, ки бархе ӯро бо Ёкути Мустаъсимӣ наздик доништаанд ва дар бораи ӯ навиштаанд: «Ба анвоъи иноёт ва риоят, ки дар бораи аҳли фазл фармуд, ба ҷавғони макрамаат гӯӣи сабқат аз майдони ҳамгинон рабуд ва аз ғояти иноят, ки сабт ба ин тоифаи гиромӣ дошт, хоҳири дурбини вай ба муъовинати ин ҷамоат, пайкаре ҷонпарвар чун китоби «Зафарнома» бар сафҳаи рӯзгор гузошт» (ниг. Сафо, 1372, 129). Мирзо Бойсунғур хушнависи ҳунарманд буд, шеър мегуфт ва ба китоб ва гирдоварии он шавқу ҳаваси хос дошт ва даргоҳи вай аз маъруфттарин паноҳгоҳҳои аҳли фазлу адаб ва ҳунар буд. Охириин подшоҳи муқтадирӣ Темурӣ - Султон Ҳусайни Бойқаро низ аз дӯстдорони бисёр маъруфи аҳли илму адаб ва ҳунар ба шумор мерафт. Ба ҳиммати баланди ӯ шаҳри бостонии Ҳирот чун маркази илму адаб ва фарҳангу тамаддуни исломии Шарқ шӯҳрати бузург пайдо кард ва ҷойи ҷамъшавии иддаи зиёде аз орифон, адибон ва суҳанварон гардид. Ба қавли Соммиро дар «Тӯҳфаи Сомӣ»: «Дувоздаҳ ҳазор тан аз уламо аз ҳазонаи ин подшоҳи адабпарвар вазираву ротиба доштанд ва ин худ далели равшане аст бар таҷаммуъи он ҳама олиму ориф, адиб ва шоиру ҳунарманд дар хидмати ӯ» (ниг. Сафо, 1372, 126) «Султон Ҳусайн шахсан ҳам ба наср ва ҳам ба назм иштиғоли хотир дошт ва вучуди ӯ ва дӯсту мушовири маъруфаш - амир Алишери Навоӣ аз асбоби умдаи ривочи шеъру адаб дар поёни қарни нӯҳум ва иллати шӯҳрати маркази адабиву ҳунарии маъруфи Ҳирот дар он даврон гардид ки баъдан дар эҷоди мактабҳои адабии Эрон ва ҳунар асари ошқоре дошт» (ниг. Сафо, 1372, 128).

Қайд кардан ба маврид аст, ки замони ҳукмронии сулолаи Темуриён аз даврҳои бузург ва шӯҳратманди ривочи шеъру адаби порсӣ дар тамоми қаламрави Эронзамини таърихӣ ва навоҳии он

ва теъдоди зиёди шигифтангези суханварни мумтоз шумурда мешавад. Нухбаи шоироне, ки исмашон дар поёни аҳди салотини Темурӣ то охири давраи Исмоили Сафавӣ дар китоби маъруфи «**Ҳабибуссияр**» омада, ба танҳои аз дусад тан мегузарад ва фақат дар ҳамин давраи яқсаду чандсола панҷсаду ҳафтоду чаҳор суханвари мумтози форсигӯӣ дар феҳристи гӯяндагоне зикр шудаанд, ки амир Алишер Навоӣ аз маҷмуъи аҳвол ва осорашон китоби «**Маҷолисуннафоис**»-ро тартиб додааст. Мавзӯи муҳим он аст, ки дар ин давра суханварӣ ҷузви зиндагии гурӯҳи бисёре аз эронӣён ва аз лавозими ҳаёти онҳо шуда буд, ҷунонки бисе аз гӯяндагон буданд, ки ҳоҷате ба шоирӣ надошта ва ё саргарми умури мухталифи девонӣ ва ғайридевонӣ будаанд ва аз он роҳҳо рӯзгори худро мегузaronиданд, вале эҷоди осори назмиву насрӣ ба забони форсӣ саргармии онҳо дар вақтҳои фароғат ва истироҳаташон буд ва бо таъби равон шеър мегуфтанд ва девони ашъор тартиб медоданд ва маҳфилҳои суханварон барпо мекарданд. Яке аз ин маҳфилҳои илму адаб он буд, ки амир Алишери Навоӣ дошт ва маҳфили дигар бино бар нақли муаллифи китоби «**Арафотулошиқин**» рӯзҳои душанбе ва ҷумъа бо ширкати шоирону донишмандони шаҳри Ҳирот дар маҳзари Мавлоно Нуриддин Абдурахмони Ҷомӣ ташкил меёфт (ниг. Сафо, 1372, 160-162).

Ҷуноне доктор Забехуллоҳи Сафо дар осори таҳқиқотии худ қайд кардааст, аз ҷумлаи мавзӯҳои муҳими шеърӣ ин давра зикри манокитоби Оли Расул (с) ва айимаи атҳор (имомони пок) аст, ки дар ашъори ин давра бисёр раванқ дошт, ки на танҳо қасоиди ғаррое аз шоирони ин замон, амсоли Ибни Ҳисоми Хусфӣ, Котибӣ, Лутфуллоҳи Нишопурӣ ва Амиршоҳӣ роиҷ аст ва Камолиддин Ғиёси Шерозӣ, Низоми Астарободӣ, Фигонии Шерозӣ, Лисонӣ ва дигарон мадҳияҳое дар зикри манокитоби ҳазрати Алӣ ибни Абутолиб ва авлоди эшон дорем, балки ҳатто сунниёни мутаассибе монанди Мавлоно Абдурахмони Ҷомӣ ҳам аз изҳори эҳтироми зиёд дар ашъор, хосса дар маснавиёти худ нисбат ба аҳли байти Расули ақрам (с) имтиное надоштанд ва ин маънӣ дар осори мансури ин аҳд аз мутуни таъриҳӣ бисёр дида мешавад ва ҳамаи ин аломатҳо ва нишонаҳои тамоюл аст, ки тарафдорони суннат ва ҷамоат ба тадриҷ ба тарафи ташаййуъ ва пешравони он пайдо мекарданд (ниг. Сафо, 1372, 56).

Муҳаммад ибни Ҳисоми Хусфӣ низ яке аз суханварони боистеъдоди аҳди Темурӣён аст, ки шоири тақводор, озода ва парвардаи инчунин асру замоне аст ва ҷун дар дарбори шоҳу амире хидмат намекард ва барои маддоҳӣ ва саногӯйии афроди беарзиш тан ба зиллату хорӣ надод, ба таври бояду шояд шӯҳрат наёфт, аммо вазъи замона барои парвариши завқ ва истеъдодаш то ҳалди зиёде мусоид кардааст ва азбаски қарни нӯҳуми хичрӣ давраи шукуфоии шеърӣ форсӣ, баҳусус ашъори динӣ буд, қасоиди нағзу пурмағзи мазҳабӣ ва маснавии «**Ховароннома**»-и вай ба акнофу атроф рафта ва ному ёдаш дар таъриҳ мондагон шудааст (ниг. Аҳмадӣ, Солиқ, 1366, 56).

АДАБИЁТ

1. Браун Эдуард. Таъриҳи адабиёти Эрон, ҷилди 3.
2. Девони Муҳаммад ибни Ҳисом // Бо кӯшиш ва эҳтимоми Аҳмад Аҳмадӣ Берчандӣ ва Муҳаммаднақӣ Солиқ, интишороти «Созмони ҳаҷ ва авқофи Хурсон», 1346.
3. Ғафуров Б. Тоҷикон, таъриҳи қадимтарин, қадим ва асри миёна, китоби яқум, Душанбе: - Ирфон, 1998.
4. Нафисӣ Саъид. Таъриҳи назм ва наср дар Эрон ва забони форсӣ, Техрон: - интишороти «Меҳан, 1364.
5. Сафо Забехуллоҳ. Таъриҳи адабиёти Эрон, Техрон: интишороти «Амири Кабир», 1369.

СОСТОЯНИЕ ПЕРСИДСКОЙ ПОЭЗИИ В ПЕРИОД ТЕМУРИДОВ (X век хиджры)

Девятое столетие считают лучшим периодом для роста и развития персидской поэзии и литературы. Столетие, которое положило начало развитию тех мыслей, которые в будущем стали стимулом для развития персидской литературы. В данной статье автором изучено состояние персидской поэзии в период Тимуридов.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: персидская поэзия, развитие персидской поэзии и литературы в период Тимуридов, тимуриды, наука и литература в период тимуридов

THE CONDITION OF THE PERSIAN POETRY DURING TEMURIDS' TIME (ninth century c.e)

The ninth century C.E is considered the best century for the growth of Persian poetry and literature. This is the century that laid the foundation of the growth of thoughts which in future gave impetus to set up an Indian literature. Ninth century C.E also shows the seizure of Mongols and the Temurids' time. This is also the century of the advance of Persian poetry.

KEYWORDS: the Persian poetry, development of the Persian poetry and the literature during the period Timurid's, Timurid's, a science and the literature during the period Timurid's.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: *Фарибо Ато Шайбони* – аспирант Академии наук РТ, преподаватель Университета Паёми Нур Табас Исламской Республики Иран.

«МИРЪОТИ ИБРАТ» ВА УСЛУБИ ЭҶОДИ ОН

Дориюш Байромӣ
Донишгоҳи миллии Тоҷикистон

Саид Аҳмад хоҷа Сиддиқии Аҷзӣ аз ҷумлаи маорифпарварон ва равшанфикрони ибтидои асри бист аст. Вай дар баробари Тошхочаи Асирӣ, Абдурауф Фитрат, Мирзо Сироч ва устод Садриддин Айни дар бедорӣ ва маърифати мардум сахми арзандае дорад.

Ин мақола оид ба достони «Миръоти ибрат»-и Аҷзии Самарқандӣ танзим шудааст. Достони мазкур соли 1331 хичрӣ дар ҷопхонаи «Шарқ» матбуъ гардидааст. Дар китоби «Аҷзӣ ва Асирӣ» омадааст, ки Аҷзӣ илова бар он дорои асарҳои дигаре ба номи «Ганҷинаи ҳикмат», «Анҷумани арвоҳ», «Айнуладаб» ва «Муқолаҳои фаҷоъ» мебошад. Устод Садриддин Айни мегӯяд, ки китоби «Муқолаҳои фаҷоъ» ҷоп нашудааст.

«Миръоти ибрат» аз 373 байт иборат мебошад. Дар ин дoston сохти аморати Бухоро ва аз маданият қафо мондани Туркистон сарзаниш карда шудааст. Дар ин китоб муқаддам будани маданият ва маорифи русро Аҷзӣ саҳт ва бо исрор тарафдорӣ кардааст. Ҳамчунин аз зулм ва асорати амирон ва рӯҳониён ҳалосебии халқи тоҷикро дар ривоч додани тартиби омӯзиши илм ва маданияти дунявӣ медонад. М. Шақурӣ менависад: «Дар соли 1909 дар мамлакат ба матбуот ва адабиёт пештар сензураи саҳт гузошта шуда буд. Чанд боре Аҷзӣ барои наشري «Миръоти ибрат» кӯшиш намуда, вале аз сензураи Туркистон қатъӣ ҷавоби рад гирифт. Бинобар ин «Миръоти ибрат» дар Тифлис ҷоп шуд. Ин маснавиро дӯстони Озарбойҷонии ӯ аз ҷумла Муҳаммадқулизода дар ҳамон ҷопхонае, ки маҷаллаи «Мулло Насриддин» ҷоп мешуд, ҷоп карданд. Ин дoston ва достони «Анҷумани арвоҳ» дар Самарқанд шаҳрошӯб овард. Вадуд Маҳмудӣ, ки он вақт дар мактаби Шақурӣ мехонд, гуфтааст: «Миръоти ибрат» ва «Анҷумани арвоҳ» дар он рӯзҳо даст ба даст мегашт. Дар ҳуҷраҳо ҷои Бедил, Соиб ва низомихониҳоро гирифта буд».

Аҷзӣ маҷмуаи дигаре ба ҳамин ном дорад, ки туркии озорбойҷонӣ буда, 216 байт аст. Дар Самарқанд дар китобхонаи Зарафшон соли 1332 х. (1916) ба таъб расида, дорои 36 саҳифа аст. Ба шумораи 1591 дар бахши дасхатҳо дар китобхонаи Фирдавсӣ нигоҳдорӣ мешавад. М. Шақурӣ низ дар қисмати асарҳои Аҷзӣ ба ин маҷмуа ишора кардааст.

Маснавии «Миръоти ибрат» боиси ба назм даромадани маснавӣ ба номи «Тимсоли Асирӣ» гардид. Зеро аввало Асирӣ дар ибтидои шоирӣ бештар дар пайравии шеърҳои гузашта ва ё дар ҷавоби ашъори муосиронаш шеър гуфтааст. Шеърҳои дар ҷавоби амири Бухоро - Амир Абдулаҳад (1885-1910) гуфтаи ӯ аз ҳамин қабиланд. Сониян, Аҷзӣ ва Асирӣ ҳар ду шоири маорифпарвар буданд, ба мисли дигар маорифпарварони тоҷик нисбат ба тартиботи ҳукмронии замони худ, нисбат ба зolimони халқ, амир ва амалдоронаш аз таҳти дил нафрат доштанд ва ҳар ду тарғибгари фаъоли маориф буданд. Солисан, Асирӣ низ монанди Аҷзӣ мӯътақид буд, ки ба воситаи илму дониш мардумро аз зулму асорат, аз ҷаҳлу ҷаҳолат начот бахшидан имконпазир аст. Тавре ки дар китоби «Ашъори мунтахаб» омадааст, «Тимсоли Асирӣ» дар ҷавоби «Миръоти ибрат»-и Аҷзии Самарқандӣ ба назм даромадааст.

Аҷзӣ дар достони «Миръоти ибрат» бо оғози он бо номи Худованди мутаол ва бо зикри дуоҳое, аз Худованд меҳоҳад, ки чашми ибраташро боз карда, ба асрори ҳақиқат раҳнамун созад ва пардаи кӯриро аз чашм боз кунад, то битавонад ба асрори ҳақиқат пай бубарад ва ин тавоноӣ ва қудратро ба ӯ бидиҳад, то битавонад дар маориф муваффақ шавад.

Худоё, соз чашми ибратам боз!
Ба асрори ҳақиқат маҳрамам соз!
Зи чашмам пардаи кӯри бибардор,
Бикун рушан ба биноии асрор.

Шоир дар ин дoston хоби худро ба тасвир мекашад, ки аввали шаб, хоб аз чашмонаш парида, ба осмон нигоҳ мекард, гоҳ ситораҳоро мешуморад ва гоҳ фикр мекард аз Рум то Райро ва ё аз Миср то Шомро, то ин ки наздикиҳои субҳ ба хоб меравад:

Қариби субҳ, наздики саҳар шуд,
Ба бозори сарам савдо дигар шуд,
Магар пушид чашмам ҷомаи хоб,
Аҷабҳо дидам аз ҳангомаи хоб.
Пасон аз ҳештан моро хабар нест,
Кушодам чашм, к-аз ҷоям асар нест.
Ба ҷое хешро дидам, ки будам,

Надидам пешу на аз кас шунидам.

Шоир пас аз бедор шудан аз хоб, ки дар бораи таъбири он дунболи шахси муносибе мегардад, ки ногаҳон марди пире пеши ӯ меояд:

Ба ногаҳ пешам омад марди пире,
На марди пир пири дастпире.
Гирифт аз дастам он марди хирадманд,
Хабар пурсид аз аҳволи ман чанд.

Ачзӣ дар дунболаи достон менависад: «Ман дар хайрат будам, аз ҳеҷ чизе хабар надоштам, аммо садои он пир дар ман асар гузошт ва маро аз хайрат ва саргардонии ин хоби ғафлат наҷот дод. Он пири хирадманд ба пурсидани холи ман пардохт»:

Бигуфто, к-аз кучо ин ҷо расидӣ?
Кучо будӣ, кучо ҳастӣ, чӣ дидӣ?
Шудам аз илтифоти пир хушҳол,
Гирифтам доманаш бӯсида дарҳол.
Ба ӯ гуфтам, ки эӣ пири хирадманд,
Манам аз чумла фарзанди Самарқанд.

Шоир идома медиҳад, ки намедонам, чӣ тавр ин ҷо расидам, шояд малак овард ё девон, вале ба назарам лутфи Худованд шомили холи ман шуда ва маро ба ин ҷо расондааст. Баъд аз ин ки пир ӯро ба хона мебарад, аз шоир меҳодад, то гирех аз уқдаҳои гуфтораш боз кунад ва аз мақсаду маромаш парда бардорад ва он чиро, ки дар хоб дидааст, бигӯяд.

Ачзӣ аз авсофи Самарқанд, ки дар хоб дида буд, мегӯяд ва идома медиҳад, ки дар он халқҳои бешуморе аз ҳар миллат ва аз забонҳои мухталиф ҳастанд, дорои наҳрҳои об ва биноҳои зиёде, ки ҳар кадом ба навъе қошиқорӣ шуда ва мадорис монанди дорулфунун мебошанд. Дар ин шаҳр тамоми олам дар хидмати мост. Либоси мардум аз Аврупо ва бақияи мардуми ин шаҳр ба навъе аз кишварҳои дигар таҳия мегардад. Баъди он аз пир меҳодад, то таъбири хоби ӯро бигӯяд. Дар ин ҳол тӯтӣ, ки дар кафас ва бар дарахти хонаи он пир овезон ва ҳамнафасӣ ӯ буд, бар рӯи Ачзӣ хандаро дида, чунон бар вай хандид, ки гӯйӣ рӯдаҳояш аз ҷо канда шуд. Аммо хандаи тӯтӣ навъе истехзо бар Ачзӣ асар гузошт. Мисли ин ки тӯтӣ низ аз авзоъ ва аҳволи дунё бохабар буд:

Маро ин ханда истехзоасар буд,
Магар он ҳам зи дунё бохабар буд.
Вале ман з-аблаҳӣ дар кина будам,
Зи ночорӣ нафас дар сина будам.
Ба рӯям дид пири хизрқирдор,
Забон омез шуд бо шаҳд гуфтор.

Пир гуфт: Агар он чизҳоро, ки намедонӣ ва ё дониста гумон мекунӣ, бар худат зулм менамоӣ. Вале агар аз авзоъ ва аҳволи дунё огоҳӣ надорӣ, ман туро ба он авзоъ ва аҳвол огоҳ мекунам. Ӯ идома медиҳад, ки олим мисли пайкари инсон аст, тамоми аъзо бо ҳам дар иртибот мебошанд. Агар бар узве мушқиле пеш ояд, дигар аъзо дар оромииш набуда, қодир ба анҷоми кор нест. Ту фақат аз кишвари худ тавсиф кардӣ, дигар лозим нест пеши ман бештар аз ин аз шаҳри худ Самарқанд таъриф кунӣ. Зеро гарчи дар зоҳир хуб аст, вале монанди дарди меъда ва бемории хунӣ тани инсон ин шаҳр низ дорои дарди дарунӣ аст.

Услубе тамсилӣ, ки шоир дар ин ҷо ба кор гирифта бо овардани мисоле сайъ кардааст, ки иртибот ва ҳамбастагии пайкари инсонро бо ҷомеа густариш дода ва нишон диҳад, ки вучуди мушқил дар ҷомеа осоиш ва амнияти қулли онро барҳам мезанад ва ба иллати мушқилӣ ба навъе меҳодад назари ҳамаро ҷалб ва ба ҳамаи мардум бифаҳмонад, ки нисбати ҳаллу рафъи мушқил бояд ҳама бо ҳам муттаҳид шаванд, дар ғайри ин сурат мушқил табдил ба ғидда шуда, ҷомеаро ба нобудӣ мекашад.

Пири хирадманд мегӯяд: Тичорат яке аз авомили муҳим дар таъмини иқтисод аст. Тичорати яктарафа боиси аз байн рафтани зарру сими тарафи муқобил мегардад, вале дар он дигаре боиси тақвияти чарҳаи тавлид ва рушди иқтисодӣ мешавад. Ҳар чи қадар матоъ аз берун ворид шавад, ба ҳамон андоза сими зар хориҷ мегардад ва боиси камбуди сармоя мешавад. Агар сармояи мардум кам шавад, барои таҳияи нон ба ҷони ҳамдигар меафтанд, ҷангу низоъҳои ба роҳ меандозанд ва барои нобудии ҳам асбобу олопи ҷанг месозанд.

Пир тичоратро ба нафс монанд мекунад ва мегӯяд: Агар нафс рафт ва барнагашт, боиси марги инсон мешавад. Тичорат ҳам яктарафа бошад, боиси марги он кишвар ва он миллат мегардад. Тичорат мавқеи хуб аст, ки дутарафа бошад ва ҳар ду тараф бо ҳам коло додуситад намоянд. Пир идома медиҳад: Чӣхое, ки гуфти дуруст, вале шумо чӣ доред, ки дар хориҷ бифурӯшед? Бинобар ин тичорати шумо, яктарафа аст ва ин сармояи шуморо аз кишвар хориҷ мекунад. Ин яке аз дардҳои шаҳр мебошад.

Шоир меҳоҳад ба мардум бифаҳмонад, ки танҳо масрафкунанда набошанд, балки барои пешрафти кишвар бояд дар ҷиҳати тавлид гом бардоранд ва ҷашм ба доштаҳои дигарон надӯзанд. Зеро ин кор, аз як тараф, сармояи онҳоро аз байн мебарад ва, аз тарафи дигар, кишварро ба дигарон вобаста мекунад, ки агар рӯзе коло надиханд, дар набудӣ қарор мегиранд ва ба ҷони ҳамдигар меафтанд. Бинобар ин шоир бо бақоргирии услуби тамсиلى меҳоҳад рӯҳи ҳаракат ва умедро дар мардум зинда кунад ва ба сӯи худкифӣ даъват намояд. Бо бақоргирии ин равиш нафрати худро аз ҷангу низоъ эълон дошта, яке аз роҳҳои худкифиро ба мардум муаррифӣ мекунад, ки ба доштаҳои худ така намуда, дар пешрафти кишвар талош намояд:

Ба ҷон кӯшед баҳри дафъи ин дард,
Вагарна дар ҳалок афгед з-ин дард.
Дар он дорулфунунҳои мунаққаш,
Имороти баланди хубу дилкаш.
Чӣ меҳонанд, медонӣ? бикун гӯш,
Шунав бо гӯш маҳкам гир бо хуш.
Ба нахву сарф, умре сарф созанд,
Ба рӯзе як сабақ гиранду бозанд.
Бувад ҳар рӯзашон як ҷумла таҳсил,
Ки дар ҳар ҳафта се рӯз аст таътил.
Бадон рафтори мушқил солҳо чанд,
Бихонанду бихонанду бихонанд.

Дар ҳоли ҳозир бояд аз иқтидорҳои мавҷуди кишвар дар заминаҳои мухталиф аз ҷумла кишоварзӣ, санъат ва омӯзиш истифодаи беҳина намуд. Ба унвони мисол вучуди шароити табиӣ ва обу ҳавои тоҷикистонро ба сарзамини пунбақорон, боғдорон ва ангурқорон табдил кардааст. Пунбақорӣ дар сохтори кишоварзӣ ин кишвар саҳми босазое дорад. Дар ҷануби ин кишвар гунаҳои марғуби пунба кишт мешавад, ки дар бозорҳои ҷаҳонӣ шӯҳрати фаровон дорад. Ҷоряки пунбаи тавлидшуда дар санои порчабӯӣ истифода мешавад, бақия ба хориҷ содир мегардад. Дар ҳоле ки метавон бо ба қор андохтани корхонаҳои лозим дар ин робита иқдомоти муассире дар ҷиҳати иштиғолзوى, тавлид ва афзоиши сармоя бардошт.

Чизе ки дар ин байн дорои арзиши бисёр мебошад ва метавонад суръати ҳаракатро дар баҳши кишоварзӣ ва санъат тақвият намояд, доноӣ аст, ки аз тариқи низоми таълим ва тарбия сурат мепазирад, ҳар ҷи қадар ин мутур пурқудрат бошад ва дар амал ба қор гирифта шавад, рӯҳи ҳаракат дар ҳар ду баҳш музоиф мегардад. Ба ин хотир аст, ки шоир ба мактаб ва маориф таъкид менамояд ва хонданро яке аз роҳҳои касби доноӣ ва маориф қаламдод мекунад.

Аммо хондане, ки гиреҳ аз мушқили мардум боз накунад ва ба дардаш даво ва дармон накунад, ба дард муфид нест. Пир барои исботи идаояш Улуғбек ибни Шохрух бини Темурро мисол меоварад, ки илми бисёр дошт, ба илми нучум алоқаманд шуд ва бо илми ҳикмат ба расад қардани ситорагон пардохт. ӯ ба ҷои ин ки заминро расад кунад ва он ҷи дар замин ҳаст ва ба навъе дар зиндагии мардум мушқил эҷод мекунад ва ҳамаи инро бубинад, ба расад қардани осмон пардохт. Дар ҳоле ки авзоъ ва аҳволи мардуми рӯи замин аз он ваҳимтар буд. Арзиши ин қоре, ки анҷом дод, ба ҷои худ, вале:

Раҳу бозор аз тифлони бекор,
Ҳама аз ҷонбозӣ маст, саршор.
Мақотиб баҳри онҳо дида бар роҳ,
Хало чун синаи баъд аз гаҳи оҳ.

Аммо ӯ аз авзоъ ва аҳволи мардум беҳабар шуда, ба аҳқоми Самовӣ пардохт. Дар ҳоле ки метавонист бо тавоноӣҳое, ки дошт, ба ҳоли мардум қорое биандешад ва мардумро аз ҷунин вазъи фалокатборӣ наҷот диҳад. Аммо дар баробари он афроде монанди Тошхоча Асирӣ, Абдурауф Фитрат, Мирзо Сироч ва устод Садриддин Айний ва ҳуди Аҷзӣ намунае аз бузургон ва олимоне буданд, ки бо баҳрагирӣ аз улуми худ, нақши азиме дар бедории мардум ифо қарданд. Шоир дар ин қисмат нотавонии мавод ва мухтавои дарсҳои мадориси мавҷударо бе таъсир баён қарда тавачҷӯҳи мардумро ба мақотибу маорифи ҷадид фаро меҳонад ва таҳсилро мавқеи муфид ва муассир медонад, ки дар гоми аввал дар ҷиҳати ҳалли мушқилоти мавҷудаи мардуми қормеа бошад.

Дар ин дoston пир дар тадовуми роҳи ҳал меғӯяд: Куча ва бозори ин шаҳр пур аз бачаҳои бекор аст. Лозим аст барои инҳо мактаб боз гардад ва онҳоро аз бенамозӣ, лаҳву лааб, ҳашшоӣ, боданӯшӣ, дӯзӣ, қуштани ҳамдигар ва ғайра наҷот дод. Чун ин қорҳо теша ба решаи миллат мезананд ва онҳоро аз мактабу маориф дур месозанд. Қороне, ки ин қорҳоро анҷом медиҳанд, онҳое ҳастанд, ки мактабу маорифро надидаанд. Афроде, ки мактабу маорифро надида бошанд ва аз маълумоти он беҳабар бошанд, ҳар ҳарфе бизанӣ ва бо ҳар насихате бикунӣ, харидор намешаванд. Чун тибқи

гуфтори Ачзӣ одами нодон ва бемаълумот ҳамчун мурда ҳастанд. Чунин одамон қурбони зиддиятҳои дунявӣ буда, ҳамчун чизе мебошанд, ки поймоли мардумон аст. Шоир ононро инсон мешуморад, ки дар пеши худ баланд бардоштани савияи дониш ва маданиятро мақсад гузошта бошанд.

Услубе, ки шоир дар ин ҷо ба қор гирифта, меҳода ба сурати рамзӣ ба мардум бифаҳмонад, ки дурӣ аз мактабу маориф ё ба таври қуллӣ дурӣ аз огоҳӣ ва маълумот ба марг баробар аст. Агар ба мурда ҳарфе бизанӣ ва матлабе бигӯӣ, таъсире надорад. Бинобар ин роҳи наҷоти марги беҳабариро дар мактабу маорифи ҷадид доништа, саъй мекунад ба мардум бифаҳмонад, ки нисбат ба он бетафовут набошанд. Чун пардаи ғафлат ҷилави ҷашми беҳабаронро аз мактабу маориф гирифта, гӯши онҳоро қар қарда, ки тавони дидан ва шунидани ҳақиқӣ мактабу маорифро надоранд. Аммо қасоне, ки дорой илм ва маориф бошанд, ҳеҷ вақт ба қорҳои хилофе, ки дар шаън ва манзалати инсон нест, даст намезананд ва бо оромӣ ва осоиш зиндагӣ мекунанд.

Ачзӣ бо бузургтар ҷилва додани нақши ёдгории илму маориф дар зиндагӣ менависад:

Бале, ҳар қас, ки дорад тӯшаи илм,
Бувад осуда андар гӯшаи илм.
Ҷаҳон оина пеши дидаи ўст,
Ҷамеша дар назар чун рӯй бар ўст.

Шоир ба ояи шарифи Қуръон ишора қарда менависад: Инсон бо омӯзиши илм ва ирфон метавонад ба болотарин дараҷаи инсоният ноил гардад ва ба дини мубини ислом даст пайдо кунад, ба мақому мартабае бирасад. Дар ғайри ин сурат инсонҳо аз қонун сар дарнаёварда, беҳабар аз арзишу мартабаи волои инсонияти худ ба мадорис ва масҷидфурӯшӣ пардохта ба пасттарин дараҷаи инсоният суқут мекунанд, аз ҳайвон низ бадтар мешаванд.

Шоир дар қолаби пири хирадманд ба далели боло будани маданият ва маорифи рус яке аз роҳҳои дастёбӣ ба маорифро хондани илми русӣ қаламдод қарда меғӯяд:

Забони ў туро н-орад ба ҷуз суд,
Расӣ аз илми русӣ сӯи мақсуд.
Бихонӣ дар макотибҳои русӣ,
Шавӣ алломаи машҳури Тусӣ.
Биёмузад туро илми тичорат,
Зи илми ихтироу тибу ҳикмат.
Дигар илми зироатро надонӣ,
Яқин дон: доимо мӯхтоҷи нонӣ.

Бо тавачҷӯҳ ба пешрафти илму маданият дар Русия яке аз омилҳои тарғиби мактабу маорифпарварӣ ба ҳисоб оварда ва тавсия ба қушодани мактабу маориф ва хондан дар он ва ёд гирифтани забони русӣ мекунад. Ачзӣ аз қашоқӣ раҳой ёфтани мардумро роҳи низ дар паҳн қардани маданияти рус медонад. Ҳодизода менависад: «Ў (Ачзӣ) илочи қораи аз ғафлат ва ҷаҳолат наҷот ёфтани ва ба сӯи тамаддуни башарӣ ҷашм қушоданро дар ислоҳи мактаб ва маориф ва бунёд намудани асосҳои нави тадрис ва таълим меид».

Сипас пири дoston назари Ачзиро ба тӯтии дар қарфас ҷалб мекунад ва ба навъи дигар ба ташвиқи маорифпарварӣ мегардозад:

Бигуфт ин мурғаки як муштаки пар,
Ду болу як думу ду пову як сар.
Ба илму фан қаме аз Буалӣ нест,
Бигӯяд ғайбро, аммо валӣ нест.
Бигӯяд бо ту асбоби таданнӣ,
Намояд маслаку роҳи таракқӣ.

Шоир ба манзури ҷалби тавачҷӯҳи бештари мардум ва афзоиши доираи таъсиргузории матлабаш ба тамсил рӯй меоварад ва мафҳуму мақосиди мавриди назарро аз забони паранда (тӯтӣ) баён мекунад, то доираи тавачҷӯҳи мардумро нисбат ба ин матолиб афзоиш диҳад. Ҷаро ки парранда нисбат ба аҳвол бетафовут нест, аммо мардум, ки дорой қувваи тафаккур ва тааққул ҳастанд, ҷӣ гуна нисбат ба ин авзоъ бетафовут мешавад. Шоир дар дунбола иллати бетафовутиро дар се чиз медонад:

Яке нуқсони таҳсил аст дар илм,
Дигар тарқи мавоиз бошад аз ҳилм.
Яке нафрат зи фанни қори олам,
Ки аз ин гум шавад фарзанди одам.

Шоир роҳи раҳой аз ин бетафовутиро қасби илми шарият медонад ва хотирнишон месозад, ки бинои илми шариятро намоз, рӯза, ҳаҷ, закот ва ваҳдат мустаҳкам месозад.

Пас аз ин фанну ҳикмат гар бихонӣ,
Ба даст овардан ўро метавонӣ.

Пир идома медиҳад, ки ин панҷ чиз монеи роҳи ҳеч кас нест. Вале чунончи касе ба ин панҷ чиз амал накунад, доимо дар ранҷу азоб аст. Сипас ба ҳадиси паёмбари ислом (с) ишора карда мегӯяд: Дар дунё он гуна бош, ки дар остонаи марғ ҳастӣ ва низ чунон бош, ки дар ин дунё ҳамеша боқӣ хоҳӣ монд.

Аҷзӣ менависад: Таъбири хоб тавассути пир маро бедор кард. Ман аз ин вазъият дар фикр будам, ки ин тафаккур маро ба олами ҳаёл фуру бурд. Эҳсос кардам дар фасли баҳор ба хотири ҳавоҳурӣ аз шаҳр берун рафтаам, тавре ки дигар шаҳр дида нашуд. Насим мевазид, гулҳо дар ҳаракат ва сабзаҳо заминро сарсабз карда буданд, канори наҳри бузурге расидам. Аз найрангҳои замон фориг шуда будам. Ба софии об нигоҳ мекардам. . .

Услуби мавриди истифодаи шоир ба гунае аст, ки боиси ҷалби тавачҷӯҳ ва пайгирии хонандагони дoston шуда, онҳоро нисбат ба пайгирии бақияи дoston роғиб месозад, то битавонад аҳдоф ва мақсади худро дар тӯли дoston матраҳ созад.

Услуби ирриботдиҳии бобҳои мухталифи дoston аз ҷониби Аҷзӣ навъе хонанда ва шунавандаро ба дунбол дошта, ки тавониста марому мақсади мубориза бо зулм ва бадиро ба сароҳат баён намояд. Аз услубҳои дигари мавриди истифодаи шоир дар ин дoston услуби хусни алфоз ва иборат мебошад, ки тасаввурот ва иддаҳои зехниро дар бобҳои мухталиф ва дар иборати гуногун ва мутанаввӣ бо мавзӯҳои ҷаззоб бо истифода аз қаҳрамонҳои мухталифи дostonӣ ба тасвир мекашад, то битавонад доираи асаргузори навиштаҷояшро афзоиш диҳад ва бар теъдоди тарафдоронаш бар алайҳи ҳукумати вақт биафзояд. Аз услуби дигари мавриди истифодаи шоир, ки бештар ҷилавгир аст, услуби такрор дар хусуси тарғиб ва ташвиқи мардум ба мактабу маориф, хусусан маданияту забони русӣ барои наҷот аз зулми ҳукумати замона мебошад. Ба ин восита мардумро барои ҳалли мушкилоти замона аз тариқи афзоиши огоҳӣ ва худшиносӣ ба ваҳдати миллий барои ободии кишвар ва раҳой аз зери ноғи ситамгрон басеч (омода) намояд.

А Д А Б И Ё Т

1. Асирӣ Тошхӯча. Ашъори мунтахаб. М.; Дониш, 1982, -с. 176.
2. Раҷабов З. Шоир Аҷзӣ дар бораи маданияти халқи рус. // Шарқи Сурх, 1950, №9, -с.128-134.
3. Раҷабов З. Аҷзӣ ва Асирӣ. Сталинобод: Н.д.т., 1951, -с.51.
4. Сиддиқии Аҷзӣ. Миръоти ибрат. Тифлис, 1931, -с. 24.
5. Ходизода Р. Афкори маорифпарварӣ дар ашъори Аҷзӣ // Рӯдакӣ, 1386 (2007), №16, -с.167-177.
6. Ходизода Р. Мунодӣ мактабу маориф // Омӯзгор, 28.11.1990, -с.5.
7. Шакурӣ М. Нигоҳе ба адабиёти садаи бист. Душанбе: Пайванд, 2006, -с.455.

«МИРЪОТИ ИБРАТ» И СТИЛЬ ЕГО СОЗДАНИЯ

Адҷзи Самарқанди являється одним из передовых учёных и просветителей XX столетия. Он наравне с Ташхадже Асирӣ, Абдурауф Фитратом, Мирзо Сироджем и Садриддином Айни внес огромный вклад в культуру и литературу таджикского народа. В данной статье автором подвергнуто анализу и исследованию поэма «Миръоти ибрат» Адҷзи Самарқанди. В поэме автор поддерживая русскую культуру и образование, призывает таджикский народ к свободе и изучению наук, культуры и свободомыслию.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Адҷзи Самарқанди, культура, просвещение, таджикский народ, русский народ, наука и образование.

«MIR'AT IBRAT» AND STYLE OF ITS CREATION

Adzhzi Samarkandi is one of the advanced scientists and educators XX of century. It on a level with Tashhadzhe Asiri, Abdurauf Fitrat, Mirzo Sirodz and Sadriddin Ayni has brought the huge contribution to culture and the literature of the Tajik people. In given article by the author it is subjected the analysis and research a poem «Mir'at ibrat» Adzhzi Samarkandi. In a poem the author supporting Russian culture and formation, called the Tajik people for freedom and studying of sciences, cultures and to free-thinking.

KEY WORDS: Adzhzi Samarkandi, culture, education, the Tajik people, Russian people, science and education.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: *Дониши Байрами* – соискатель факультета таджикской филологии Таджикского национального университета

ДОРО НАҶОТ, ШЕЪРИ САПЕДЕ АЗ ШАҲРИ САПЕДА (НИГОҶЕ БА ЗАБОНИ ШЕЪРИ ДОРО НАҶОТ)

Митро Шарифзода Муд
Донишгоҳи миллии Тоҷикистон

Он чи дар ин кишвари дерошноӣ порсизабон, ба далоили хос, хусусан пеш аз истиқлол бад-он кам пардохта шуда, таҳлилу баррасии дарунмояҳои ашъору осори бузургони шеъру адаби муосири

порсист, ки мо бар он шудем то бобе бар он бикуюшем ё он чӣ андаке пеш сароғоз пазируфта, ба пайваст нишинем.

Пеш аз оғози баррасӣ, гуфтани ин нукта лозим менамояд, ки адабиёти муосири форсӣ дар урфи хос, танҳо шомили шеърӣ шуарое нест, ки дар сад соли охир зистаанд, балки машмули шоирон ва ашъоре мешавад, ки забону фикру адабиёт ва қолаби нав дар онҳо чараён дорад.

Бо ин тавзеҳ, ки барои нав шудани сабк, шеър бояд ба лиҳози забон (луғоти ҷадиду нахви ҷадид), ба лиҳози фикр ва низ ба лиҳози бакоргирии адабиёт ҳама шеваи нав ёфта бошад. (6, 43)

Акнун барои тавзеҳ ва табиини бештари ин нукот, ба шарҳу тафсири баъзе аз ашъори Доро Начот, ки ба ҳақ аз шоирони муосир ва навгӯи Тоҷикистон ва ба таври васеътар забону адаби форсӣ махсуб мешавад мепардозем то ин муддаои хешро бо калому шеъри худаш, ба исбот расонем.

Нуктаи дигаре, ки зикри он дар ин мақула ҳолӣ аз ғоида нест он ки: тибқи назари устодон ва наққодони бузурги адабиёт, «дар иртибот бо ҳар асари хунарӣ метавон ҷаҳор унсуро мулоҳиза кард:

1. Хунарманд, ки асарро меофарад.
2. Асар, ки офаридаи хунарманд аст.
3. Ҷаҳоне, ки дар асар ошкор мешавад.
4. Мухотаб, ки асар ӯро таҳти таъсир қарор медиҳад.» (5, 15)

Ва акнун бисёре аз назарияпардозони муосир бар онанд, ки худӣ асар ва мухотаб, нақши муҳимтареро дар ҷовидонагии асари хунарӣ ифо мекунад.

«**Он сӯи хобҳо**»: Пеш аз шурӯҳи шахсӣ, ки бар шеъри Доро хоҳам дод, бояд бигӯям, ки аз неъматӣ ҳамаср будан бо шоир, истифодае ҷуста, ба дидори гоҳ-гоҳаш мешитобам ва акнун аз забони худӣ ӯ, ки тафсирҳоямро диду писандид ва бар идомаи қор, ташвиқам кард, менависам, ки ин шеърро замоне, ки сураи «Валъодиёт»-ро мехонда ва дар маъноӣ ва тафсири он амиқ шуда буда, суруда аст ва инчову ҳар ҷо ки аз *саворон* сухан мегӯяд гӯӣ, ки таъсири он сура дар зехну замири ноҳудоғоҳи ӯ ба суроғаш омадааст ва боз дар шеър эҳсосаш инъикос ёфтааст.

Зимнан шеър панҷ бор ба гунае таҷдиди матлаъ шуда ва ҳар таҷдиди матлаъ таъкиде бар мазмуни аввалия, ба забоне нав аст.

Он сӯи хоби аспҳо
Гулдузии хиёли алафҳост
Бо шабнами арақи тақовароне,
Ки нафасанон
Аз субҳ меоянд.

Хобу хиёл - аспу алафу тақовар ва дар мисраъҳои баъдӣ наълу шабдизу дашту аспрезу ёл, ҳама зимни мурутназир тасвири латифкардашудае аз ҷанговарист.

Ҷарҷанд *шабдиз* дар ҷанд сатр поёнтар ба *тарона* таъбиру ташбеҳ мешавад.

Заррагулҳои наъл
Мешукуфанд
Дар таронаҳои шабидизиям.

Гулу гил ихомӣ дугонаҳонӣ дорад ва ба ҳар ду шакл дар шеър маъно медиҳад.

Дашти тахайюлам
Аспрезии қаҳқашонест
Аз озараҳши ёлҳо.

Дашти тахайюли шоир, ки аз аспӣ тундхӯӣ ҷанг намегурезад ва аммо дар пайи тасвири талтифшудаи он аст, аз барқи ёл озараҳше месозад ва дашти сокину хомӯшро табдил ба қаҳқашоне дураҳшону мутаҳаррик мекунад.

Он сӯи хоби дарахтон

Дар ин мисраи кӯтоҳ, ки бисёр шабеҳ ба табири Сӯҳроб аст, имкону ҷанбаи ирсолулмасал шудан худнамой мекунад, ки ин хасиса ба таъйиди бисёре аз наққодон ва устодони бузурги адаби форсӣ аз вижагиҳои шеъри шоирони бузург аст, ҷунунчи устод Шамисо низ дар китоби худ ҷунин оварда: «Яке аз мушаххасоти шоирони бузург ин аст, ки абёти эшон ҷанбаи ирсолулмасале дорад ва мучтамеъ бар каламоти қисору ҳикмист ва ҳамин абёт аст, ки дар марҳалаи аввал ба азҳони мардум роҳ меёбад.» (6,617)

Зимнан дар ин мисраъ бо вучуди фақат ду бор такрори «к» навъе хобу оромиш дар миёни дарахтон дар зехн тадоин мешавад.

Як шадда шабнам

Боз ҳамхуруфии «ш» дар мисраи кӯтоҳ тасвири шаддаро шиддат мебахшад.

Равшантар аз ҷилҷароғи ситораҳост,
Вузӯ мегирам аз вузӯҳаш
Ки сучуд

Шоха шоха мавч резад
Ба укёнуси сапедаи зухур

Чиноси музайял миёни «вузӯ» ва «вузӯҳаш» бо зехни хонанда хушмандона бозӣ мекунад.
Доро бо вочороии мусаввити баланди «ӯ» дар «вузӯ», «вузӯҳ»
ва «сучуд», ки ба дунболи ҳам омадаанд, мусиқии дарунии шеърро иртиқо мебахшад. Зимнан гӯйӣ
навъе тақрими зехнии шоир дар қиболи азамати сураи куръонӣ ба тасвир кашада мешавад.

Дар бахши баъдӣ, тасвири Доро бо тасвирҳои дигар меомезад: шоҳаҳо мавч мерезанд ва албатта
тасвири ҷолибу ҷадиде метавонад аз фуру омадани сари шоҳаҳо ба зер ё бод афтодан дар миёни
шоҳаҳо бошад ва гумон накунам пеш аз ин дар адабиёт масбуқ ба собиқа бошад гӯйӣ таҷассуми нав ба
забони адаб афзуда мегардад.

Укёнуси сапедаи зухур: дубора тазохуми тасвир ва нав албатта.

Лозим ба тавзеҳ аст, ки идғоми чанд тасвир, ки ба истилоҳи удабо «тазохуми тасвир» номида
мешавад ва шеърро мухайялгар ва ҳайратбарангезгар мекунад, дар шеъри Доро Начот фаровон аст.

Он сӯи хоби шонасаракҳо
Киштии ишқ
Дар хамаи гесувони чилгараи маҳтоб
Ба висоли об мерасад
Хуроне
Занҷабилқоқул...

Дар мисраи якум вочороии мусаввити баланди «о» ва мусаввити кӯтоҳи «е». Киштии ишқ, ки
метавонад ба сурати куштаи ишқ низ хонда шавад ва ихкоми табодул дорад.

Гесувони чилгараи маҳтоб: Тасвир аз назари иронии имрӯз, кӯҳан ва дар Тоҷикистон, ҳанӯз чилгис
бофтани муӣ духтарон марсум аст. Ва албатта интиқоби тасвиру таркибот, таносубе инкорнопазир
доранд: шонасаракҳо, гесувони чилгараи маҳтоб. Шона бо гесувони чилгара ихкоми таносуб дорад.

Чилгара: Тор ба маънии тираву тор бо маҳтоб ихкоми тазод дорад.

Хурони занҷабилқоқул: таъбири Доро, ки албатта дар маънои тоҷикии худ ба кор гирифта шудааст.

Обтанӣ дар обшори шигифт мекунад
Зулфи об мебофанд

Як нукта ин ки ба далели кӯтоҳии мисраҳо ҳатто ду бор тақрори воче, комилан дар абёти
Доро намуди оҳангин меёбад ва вочороӣ маҳсуб мегардад, агарчи дар мисраҳои тӯлоии бисёре аз
шӯро, ду бор тақрори воч, вочороӣ набошад.

Вочороии «о» ва «б» тасвири ҳаракати амвоҷ дар канори зеборӯёнро ба вузӯҳ мунъакис
мекунад.

Тавзеҳ он ки ҳамоҳангиҳои савтии фаровоне дар шеъри шоирони бузург ҳаст, ки яке аз
муҳимтарини онҳо вочороӣ ё вочовой ё ҳамхуруфист, ки эҷоди оҳанг бо тақрори як ҳарф дар каламоти
як мисра ё як байт аст, ки дар балоғати фарбӣ ба он *Aliteration* гуфта мешавад.

Ин санъати адабӣ ба далели арзиши зиёди мусиқӣ ва таъсири шигарфе, ки бар зебоии шеър ва
ҳиёлангезии он дорад мавриди тавҷӯҳ ва алоқии зиёди шоирони бузурги Эрон, ҳатто шоирони
классик воқеъ шудааст ва хосси шеъри нав нест. Акнун чанд мисол аз шоирони куҳан:

Риштиаи тасбеҳ агар бигсаст маъзурам бидор
Дастам андар соиди соқии симинсо буд.
(Ҳофиз) Вочороии «с»

Ҳама кушта гаштанд бар дашти кин,
Зи хуншон ҳама лолагун шуд замин.
(Фирдавсӣ) Вочороии «ш»

Хезеду хаз оред, ки ҳангоми хазон аст,
Боди хунук аз ҷониби Хоразм вазон аст.
(Манучехрӣ) Вочороии «х» (1, 124-125)

Ҳайратам муаттар
Иштиқам гулобӣ
Ва сабуи ҳаҷмам
Маҳтоби мешавад
Аз таровише
Обандоме.

Ҳайратам муаттар: тақрори овои «т» ва «р» мусиқии мисраҳо ба авҷ мерасонад ва шояд ба ин
далел ҷанбаи ирсолулмасалии калом низ афзун гардад.

Гулоби: гулобии Тоҷикистону Эрон, бо ду таъбири рангу атр, ки ихоме чолиб месозанд; ва дар шеъри «Гулбоғи нур» тавзеҳи комили он оварда шудааст.

Обандомӣ: таркиби барсохтаи Доро.

Ки албатта бояд гуфт дар шеъри Доро ин таъбир кам нестанд ва гоҳ бисёр дилнишину тақлидпазиранда: нуронуртарин, нафасҳои ғамандӯз, бӯсачини нигоҳ, мӯябофи мавҷ, дурдрез, ғазалрези нигоҳ, асалвори шафақ. . .

Устод Шафеи Кадқанӣ дар китоби «Муסיқии шеър» мегӯяд: «Шеър ҳодисаест, ки дар забон рӯй медиҳад ва дар ҳақиқат, гӯяндаи шеър, бо шеъри худ, амале дар забон, анҷом медиҳад ки хонанда, миёни забони шеърии ӯ, ва забони рӯзмарра ва оддӣ. . . тамоизе эҳсос мекунад. Ин тамоюз метавонад илалӣ бисёре дошта бошад, илалӣ шинохташуда ва илалӣ ғайри қобили шинохт.»(7, 3)

Ва дар идома, дар ҳамон китоб мегӯяд: «Яке аз суратгароёни русӣ, шеърро «растохези калимаҳо» хондааст, ва дуруст ба қалби ҳақиқат даст ёфта.»(7,5)

Он чи дар забони шеърии Доро мебинем, ин راستохези каламот аст, ки забонро аз ҳолати эътиёдӣ ва рӯзмарра хориҷ карда ва каламотро бо хуввияти ҷадид, ҳиссу ҳаҷм мебахшад; ва ин хусусият иттифоқан дар шеъри нав аст, ки ҷилва меёбад.

Он сӯи хоби чашмаҳо
Мазохир
Бол мезанад
Дар равшании тафаккури хилқат
Ва дар шафақи ёли он тақовароне
Бомдодӣ

Хоб: ин ҷо метавонад таъбири омиёнаи хоб ба маънии роҳ, ҷиҳати ҳаракат (хоби қоли: роҳи қоли)-ро низ ба зехн мутабадир мекунад, яъне пас аз итмоми самти хоби чашмаҳо, маҳаллҳо ё ҷизҳои, ки мазҳари ҳаққанд, дар ҳаракатанд.

Тафаккури хилқат: шахсиятбахшии латифи Доро ба хилқат, ки бисёр ба ҷост.

Шафақи ёл: ёлро аз он ҷиҳат, ки хунин шуда дар ҷанг ва албатта мекурашад, ба шафақ ташбеҳ карда ва тақоваронро ба бомдодӣ будан аз онҷо, ки субҳи озодию сулҳро ба армуғон меоваранд.

Ки нафасшон
Нафҳаи ризвон мепошад
Атрии имон

Ва аз онон бӯи оромишу имони биҳишту биҳиштиён меояд.

Зимнан бо тавачҷӯҳ ба сураи «Вал-одиёт» ҷанги ин диловарон ҳангоми бомдод будааст ва албатта, ки барҳақ меҷангидаанд ва алайҳи ботил.

Нигоҳам
Аз паси обшори бешаи миҷгон

Обшори бешаи миҷгон: истиораи мусарраҳаи мутлақа аз ашк (беша аз мулоимоти мушаббахун-бех(тарших) ва миҷгон аз мулоимоти мушаббах (таҷрид) аст).

Гулчини фуруғелии шафақ

Дубора назар ба ёли диловарон аст ва албатта бозгаште ба оғози шеър, ки мегӯяд аз заррагилҳои наъли онон ё аз наъли онон гул мерӯяд.

Ва обии андоми он хуронест
Ки пас аз обтанӣ
Раҷъати чобуксаборони муваҳҳидро
Ба равзаи висол
Интизоранд

Дар обии андом, ин обӣ метавонад ранг бошад ё ҳамон обандомӣ, ки пештар дар шеър омада ва Доро онро ба маънии доштани андоме ба равшанию шаффофияти об ба кор гирифтааст. Ва боз агар «обӣ» ранг бошад (ки албатта дар Тоҷикистон нест ва ба ҷои он «кабуд» ба кор мегиранд), оромишдиҳандагиро дар назар хоҳад дошт.

Интизоранд: корбурди калима аз назари форсии эронӣ халоқӣ ханҷор ва дар ғуиши тоҷикии имрӯз роиҷ аст. Интизор мекашанд ё ҳадди ақал дар интизоранд, дар форсӣ ба кор мераванд.

Он сӯи хобҳо
Мане
Ба дидори ман расид

Доро Наҷот дар ин шеър дар панҷумин таҷдиди матлаи ҳеш, ба мани дарун назар дорад; ҳамон мани Ҳаллоҷ ва дигар урафо, ки оинаи тамомномаи илоҳист.

Ки шукуфаи сиришгам дар ҷамани маърифат буд

Шукуфаи сиришт: ташбеҳи бисёр зебо ва нави Доро, ки амику бикр аст, сиришти инсонҳо, ки ҳамано фитрати онон бошад ё ҳамон кӯдаки даруни онҳо, гӯё ҳамеша шукуфа асту баҳорӣ; ва моро ба асли баҳор, ки яктои беҳамгост раҳнамун месозад.

Чамани маърифат: ташбеҳи дигаре, ки ба назарам дар Сӯҳроб низ мушобех ё айни он омада бошад ва албатта Доро аз он бо шукуфаи сиришт таносуби камназире эҷод кардааст.

Исор кардамаш

Ҳастии мазохирро

Исорам кард

Мазохирӣ ҳастиро.

Атрии худиро нисораш кардам

Нисорам кард

Атрии Худоро

Нисораш кардам, нисорам кард: навъе қалби матлаб ва мулҳақ ба тарду акс.

Дар ин пора аз шеър, шоир мегӯяд, ки ман ҳастии мазохирӣ илоҳиро, ки чун шукуфаҳои сириштам буд, ба он «мане», ки ба дидори ман расид бахшидам ва ӯ мазохирӣ ҳастиро, ки ҳамин чобуксаборон ё мӯъминонад ба ман шиносонд. Ман атри самимияти даруниамро ба ӯ додам ва ӯ атри Худошиносӣ ва маърифати ҳақро ба машомам тӯҳфа кард.

Ва албатта, ки ин доду ситади даруни ба назар мерасад нақши азиме дар сайри таҳаввули Доро доштааст.

Баррасии қисматҳое аз шеъри «Дар гулбоғи нур»

Тафсири ояҳои гулобии тулӯъ

Медурахшид

Дар шабнамӣ начво

Ояҳои гулобӣ: бо онки дар Тоҷикистон гулобӣ ба маънии рангоранг ё гулбихӣ ё шояд аргувонист метавонад ихом ба «аз чинси гулоб» дошта бошад бо тавачҷӯх ба ин ки атри гулоб ва шустани маконҳои муқаддас бо гулоб барои эронӣён бисёр ошност.

Ва ҳатто медурахшид истиҳдоме ҳарчанд заиф дар иртибот бо дурахшиши тулӯъ ва дурахшиши гулоб дорад.

Сукут

Хушбӯ мешуд

Аз анбари гулвожаҳои хилқат.

Зимни таркиби зебои гулвожаи хилқат, ҳиссомезии латифе дар ин пора аз шеър омадааст.

Настаране

Шукуфти аргувонӣ

Пудинае

Шамомаи сабз

Ва нилуфаре

Нилии нигоҳ таоруфам мекард.

Ҳарчанд тасовири ин пораи шеър, ёдовари забони Сӯҳроб аст, ба назар мерасад Доро бо зеҳнияти «Ибни Арабӣ» настаран ва пудина, ки ҳамон пуна аст ва нилуфарро тасбеҳгӯи илоҳӣ медонад ва таъоруфкунандаи мазохирӣ илоҳӣ ба хештан; ва сад албатта, ки Доро бо ин назарияпардозӣ бузург низ ошност.

Таркиботу ташбеҳоти нав ва зебои дигаре низ дар ин шеър вучуд доранд, ки дарег дониستم бадонҳо ишорае накарда, бигзарам:

Барқи кибриёи калом – обшори сучуд – печ-печай борони зикр – атри бомдодии номҳои Худо – амвочи баргҳои дарахти ҳамеша.

«Табассуми Худо»: Баъзе аз тасовири зебои Доро дар ин шеърро меоварем:

Занбурҳо

Шеъри гулҳоро

Дар равшании шабнам тозанавис мекунад.

«Тозанавис» калимаи тоҷикӣ, ки бояд ба маънои покнавис бошад ва дар ин шеър бар забони Доро чорӣ шуда; албатта ки аз қароин, эронӣҳо низ хоҳанд фаҳмид, ки тозанавис, покнавис аст, аммо дар форсии эронӣ метавонад ихоме ба «азнавнависӣ» дошта бошад ва ин вожаи содаи Доро ва вожагону тасовире аз ин даст монанди гулобӣ, обӣ, оби андом ва . . . ки дар чой-чойи шеъри Доро ба он бархӯрдаам, маро ба андешаи жарф аз ӯ раҳнамун кард. Каломи Доро, ки кам-кам талфиқи қолибе аз форсии эронӣ ва тоҷикӣ мешавад, гӯйи ин ду лаҳҷа аз форсиро ба ҳам пайванд медиҳад, ҳатто бо эҷоди ихому истиҳдом. . .

Ва ман мегӯям, ки Доро на Дорои Тоҷикистон, ки метавонад Дорои Эрон, Тоҷикистон ва бал Афғонистон бошад, ки хаёлмоҷи забони ширини самимиаш гӯи дасти дӯстии миллатҳои форсизабони мост.

Дашт
Дар чашмбароҳӣ аз хуршед
Суфрае
Аз гулдӯзии сояравшанҳост
Бо саршири сапеда
Ва тути шабнам

Чашмбароҳӣ: мунтазири хуршед будан (эронӣю тоҷикӣ)
Аҷиб он ки инҷо Фуруғро ба ёд меоварад:

Ман
Дастонам бӯи кокутӣ медиҳад
Нигини ангуштари чашмонам аз бобунаҳост

Вочорой ё ҳамхуруфии «н».

Ва нигоҳам
Аз пар-пори парвона

Пар-пар задан дар форсии эронӣ (албатта бештар дар Хуросон) ва ҳамин тавр тоҷикӣ илова бар маъноӣ бол-бол задани саръ ба маънии изтироб доштан низ ба кор меравад.

Вачороии «п».

Гулгашти хуршед
Аз масири ҳазорон алайки салом
Ва нурунуртарин шукуфт,
Ки табассуми Худост.

Тасвир бо луғати чадида аҷиби «нурунуртарин» чунон нуқтаи атфе дар поёни шеър дар зехни шунаванда эҷод мекунад, ки чандин бор бозхониро ба даъват металабад. Ин хусни хитом зебоӣ ва латофати шеърро дучандон мекунад.

«Саргузашт»:

Он замонҳо
Кучо будӣ
Эй набуда дар буда;

Парадокс.

Ки дар ковоки як арчаи пук

Вочороии «к»

(тавзеҳ онки ковок ба маънии халовъ ё тухолӣ ва арча, ҳамон қоч аст).

Ҳазор хонаи занбӯрам буд
Ва як кӯза асал.

Бо вучуди маъноӣ оддӣ, тасвири як қоч тухолӣ, як кӯза асал бо ҳазор хонаи занбӯр гӯи парадоксро имтидод мебахшад.

Он замонҳо
Дар адами ту
Буданам иборат буд

Аз хоби як сафедор,
Аз нулфаи як гунчишк,
Аз зехни як замбурӯғ
Аз хоҳиши як барг
Ва аз ошӯфтагии як ҷангал

Дар убури сабзи баҳор.

Дар ин пора, ки дигар бор ёдовари забони Сӯхробист, санъати «эънот» ё лузуми молюятзам ба кор гирифта шуда, дар калимаи «як» барои таъкид бар мавсуфҳои ададӣ.

Дар убури сабзи баҳор: қобачоии сифат ё дар воқеъ тақаддуми сифат бар мавсуфҳо мебинем: убури баҳори сабз, ки аз хусусиёти шеъри сапед ва нав, хусусан дар забони Аҳавони Солис ва Шомлуст.

Доктор Шамисо дар ин бора мегӯяд: «қобачо шудани муносиботи дастурӣ ва ба таври қуллӣ тасарруф дар забон... баъд аз мактаби сурреализм марсум шуд». (6, 62)

Он замонҳо
Меҳанам сапедадам буд,
Манзилам
Соҷи гули хуршед.

Харчанд хуршед ба истиора ба номи гул дар шеъри шуарои кӯҳани мо омада:
«Ҳазорон наргис аз чархи ҷаҳонгард
Фуру шуд то баромад як гули зард»

Низомӣ

Аммо ба шакли ташбеҳи балиғ он ҳам бо соя, тоза ва аҷиб менамояд.

Як занбил хаёли парешонам буд,
Як сабад гулчашми оху.
Зиндагиам метобид
Дар хавзе аз сафои ояҳо,
Ғирболам аз тори анкабут,
Ва сабуям аз лонаи парасту.

Такрори «гул» дар таркиботу забони шеърии Доро, илова бар ин ки ҳисси чамолпарастӣ ва гулдӯстии шоирро мунъакис мекунад; баҳори Тоҷикистонро ба мардуму кӯдакону ҷавонон бо либосҳои зебо ба ғунҷаҳо салом мегуянд ва бо шахсиятбахшии умумӣ ба баҳор, арусе барояш меороянд ва сурудхонон хурматаш мениҳанд, дар зехн тадой мекунад.

Руи суфрае аз барги нилуфар
Кумқумае аз кадуям буд
Ва пиёлае аз лола.

Дар ду пораи ахир, ташбеҳҳо нав, отифӣ ва дар якӣ шудан бо табиат аст. Ва ин корест, ки дар тавсифоти шоирон ва ҳатто нависандагони классик марсум набудааст ва дар шеъри Нимо тақрибан аввалин бор зуҳур ёфтааст. Нимо Юшич гӯии худро бо аҷзои табиат ҳамсӯ гумон мекунад ва бад-ин тартиб ба ташбеҳоти худ ҳолати самимонатаре аз шеъри кӯҳан мебахшад (6,101).

Доро дар шеъри дигаре ба номи «Дарди санг» низ ба гунае қавитар ба ҳамдари ва ҳамсӯӣ бо табиат пардохтааст, ки дар қисмати поёнии мақола бад-он ишора хоҳем кард.

Падарам саҳраи азиме буд,
Дар бағалаш
Модарам-

Гули ривоч

Аҷиб онки Доро маҳбубтарин чизхояшро ба гули ривоч ташбеҳ кардааст.
Он замонҳо

Дарс мехондам

Бо бачаҳои сафедор
(Сафедор бояд ҳамон сафедори форсӣ бошад).
Ва духтаракони заркокули бед

Дар мисраъ вочороии «к» вучуд дорад.

Албатта дар баҳор ё пойиз (тирамоҳ) ва хусусан дар нури шаби маҳтобӣ бед метавонад зардранг ба назар ояд. Ин мисраъ ёдовари «баноти набот»-и Саъдӣ низ ҳаст.

Дар мактаби шабонаи маҳтоб

Ки дар Тоҷикистон ба мадрасаи шабона мегуянд.

Дарсамон буд
Алифбои ишораҳо,
Алҷабри чашмакии ситораҳо,

Алифбои ишораҳо метавонад табодуре ба алифбои ношунавоён ва камшунавоён низ дошта бошад.

Нучуми ноз ва ҷуғрофийи роз,

Ду таркиб аз назари овой бисёр хушоҳанг афтада бо такрори ду «н» ва ду «р» ва ду «з». Ки албатта нучум ва нозу чашмаку ситораҳо дар мисраи қабл ба гунаи таносуб ё мувофиқи назир доранд.

Фалсафаи ишқ
Ва сарфу наҳви сукут.

Сарфу наҳв тамрин меҳаҳад ва сукут албатта бештар; он ҳам онҷо, ки саҳт метавон сукут кард.

Он замонҳо,
Ошиқе будам шармин
Мисли як шоҳаи алови гули насрин,
Дарун дарун месухтам.

Шармин ҳалофи ҳанҷор дар форсӣ; алов, ки ҳамон оташаст.
Ранги гули насрин бо латофат ба оташ ташбеҳ шудааст.

Ишқ

Гули ҳаросон буд,

Маъшука –

Гули печон.

Иҳоми дугонахонӣ: маъшука гулпечон, яъне печида дар гул ё гули печон яъне гуле, ки дар печу тоб буд, эҳтимолан шоир печиши андоми маъшуқ ё ҳаракати бо нозу карашма ва рақси маъшуқро дар назар дорад.

Атрамон ба ҳам меомехт,
Рангамон,
Ва рӯхамон

Ба ҳам меовехт.

Вочороии «р» ва «м», зимнан шоир бо бакоргирии қофия бар мусиқии калом афзудааст.

Ишқе буд
Аввалаш гулбез
Охираш хазонрез
Аввалаш болидан,
Охараш нолидан

Овардани дубораи қофия дар ин пора симфонии мусиқии дарунии ин шеъри латифро ба нуқтаи болои ҳаракати худ савқ медиҳад.

Он замонҳо
Дар хокии зот,
Дар оби насаб,
Дар оташии ишқ,
Дар бодии ҳавас будам.

Доро албатта доништа бо ҷаҳор унсури об, бод, хок, оташ (аносири арбаъа) мурутунназир эҷод мекунад ва зоту насабу ишқу ҳавасро низ ба таносуб ё ҳатто метавон гуфт тазод (ки худ низ навъе таносуб аст) ба кор мегирад. Иртиботи ин ҷаҳор унсур ва таркиби онҳо бо ончи даруни инсонҳост ва рабт ёфтаи миёни ҳар як унсур бо як унсури дарунии инсон бад-ин гуна, ки зоти мо аз хок аст ва насаби мо дар воқеъ ба воситаи об, оташи даруни мо аз ишқ аст ва ҳавас чун боде даруни мо мегардад, ин ёфтаи сохтани иртибот низ фақат аз каломи Доро бармеояд.

Бунён бар бод
Ва барбод бунёнро

Ба сар мебурдам

Вочороии «б» ва ба навъе санъати тарду акс.

Он замонҳо
Дар садо будам,
Садо дар ҳаво,

Ҳаво дар само,

Само дар Худо буд.

Навъе санъати тасдир ё раддуссадри алалачуз ва ҳамин тавр санъати тазминулмуздавач (ду ё чанд сачъи мутавозӣ дар канори ҳам: садо, ҳаво, само, Худо) дар ин қисмат аз шеър ба кор гирифта шудааст.

Ва Худо,
Мазҳари пайдоям

Аз нопајдо буд.

Тасвири парадоксӣ.

Он замонҳо,
Кучо будӣ,
Ки мастиат диҳам
Аз атри нафаси як занбӯри асал,
Ва хушҷерат кунам
Дар ҳисси дақиқи як мӯрча?!

Боз дар мастию хушҷерӣ, тасвири парадоксии шоир намуд меёбад.
Занбӯри асал ва мӯрча таносуб доранд.

Оҳ
Кучо будӣ он замонҳо,
Эй набуда дар буда?!

Тасвири парадоксии ибтидои шеър такрор шуда ва шоир бад-ин восита ба гунае хушоянд санъати раддулмағлаъро ба кор гирифтааст.

Дигар сухан инки санъати тақрир ё такрор дар шеър бисёр ба ҷашм меҳӯрад:

он замонҳо- кучо будӣ – таркиботи гул – садо – ҳаво – само – Худо – ишқ – буду набуд – занбур – асал – дарс.

Ба қавли устод Шафеии Кадқанӣ: «аз онҷо ки мадори мусиқӣ (ба маънии омми калима) бар танаввуо такрор устувор аст, ҳар қадом аз ҷилваҳои танаввуо такрор, дар низоми овоҳо, ки аз мақулаи мусиқии берунии (арӯӣ) ва канорӣ (қофия) набошад дар ҳавзаи мафҳумии ин навъ мусиқӣ қарор мегирад...» (7,392).

Анҷоми суҳан онки, агарҷӣ Доро худ шеърӣ мучассам аст ва дидағони фуруғтани розолудаш содаю пуртараннум аст; забони шеърӣ ӯ ба самимияти забони Сӯҳроб аст. Ҳарчанд ирфонаш тамом шарқӣ аз гунаи исломист. Ва ранги шеъраш, шомлуист. Аммо усораи пуртараннуми вучудаш чунон ҳар лаҳза аз миёни ин самимияти Сӯҳробӣ ва забони Шомлуӣ сарак мекашад, ки ӯро соҳиби сабке ҳос ва забоне комилан барҷаста ва шахсӣ мекунад.

Шеърӣ ӯ чунон дилҷасту мондағор дар рӯҳу зехн медавад ва чунон бо табиати дилфиреби худовандӣ ягонагӣ мекунад, ки гуё садои шеъраш ба руҳи обшорҳо ва шӯр-шӯри борон ва мавҷи дарё пайвастааст. Ӯ ҳатто ба сангҳо чунон нигоҳ мекунад, ки мо на ба инсонҳо:

«Санг,

То наҷфтад ба дасти инсон,
Дар худии худ

Майли саркафонӣ надорад.
Эй саркафидагон!
Санге бархурдатон ба сар
Шадидтар аз шумо дард мекашад:
Мо ҳама,
Бегонаҳои эҳсоси сангем,
Дар ҳаққи санг
Сангдилгарем

Аз санг.»

Мебинем, ки Доро дар ин шеър ба «санг» шахсиятбахшӣ мекунад ва бо такрори калимаи «санг» санъати эънот ё лузуми моляозамро низ ба қор мегирад.

Ҳарчанд ки такрори ду овои «с» ва «ш» низ мусиқии шеърро иртиқо медиҳад.

-«... туйй,

Ки бо гулубанде аз марвориди ситораҳо
Ва камарбанде
Аз навдаи анҷир
Ба тамошои дилам омадӣ
Аз соҳилҳои рӯди асалу шир...»

Марвориди ситораҳо: ташбеҳи мучмал, муакқад, ҳиссӣ ба ҳиссӣ, муфрад ба муфрад.

Камарбанде аз навдаи анҷир: ташбеҳи мучмал, муакқад, ҳиссӣ ба ҳиссӣ, муфрад ба муфради муқайяд.

Соҳилҳои рӯди асалу шир: талмех ба биҳишт.

-«Ман худамро борҳо мирондаам
Зиндагиро борҳо гирёндаам
Парзанон бо як кабутар содагӣ
Орзуро бар ҳаво афшондаам...
То бузургии Худоро ҳис кунам
Шаш ҷиҳатро дар дилам гунҷондаам».

Ман худамро борҳо мирондаам: муту қабла ан тамуту: бимиред пеш аз онки маргатон фаро расад. Санъати талмех.

Як кабутар содагӣ: як кабутар воҳиди ҷолибе барои содагӣ, ки Доро сохтааст.

Шаш ҷиҳат: аз назари ҷуғрофиё ва нучум, тамоми ҷаҳони коинотро шомил мешавад.

Вочорой – такрор – табири нав ва латиф, ташбеҳоти бикр ва самбулҳои ҷадид, ҳаёлпардозӣ ва нигоҳи нав ба ҷаҳону табиат ва инсонҳо ва ҳамин тавр тазоҳуми тасовир, истифода аз калимот ва таркиботе, ки гоҳ ишбороти талмехӣ ва тафсирии онҳо, зерсоҳти амиқи зехнии Доро ва мутолиоти густардаи адабӣ ва илмӣ ӯро намоён месозанд; соҳтани таркиботи ҷолиб ва бакоргирии вожаҳое, ки гаҳ-гоҳ ихомӣ форсию тоҷикиро шомил мешаванд ва бад-ин гуна маҳдудии қорбурди забон ва сорӣ шудани шеърро тавассуи мебахшанд; ҳамаю ҳама аз ришпааносире ҳастанд, ки ба «Доро Наҷот», «наварои Тоҷикистон»-ро арзандаю барозанда мекунад. Гӯйӣ Доро ҷаҳонро дар ҳолае аз анвори лутфи Ҳақ ҳамвора нигариста ва хусусан тавсифоти ӯ аз табиат ҳамвора ба гунае аст, ки сурреализми ирфониро дар зехн бозофаринӣ мекунад. Ҳолу ҳавои бештари ашъори ӯ дар ҷойгоҳе мовароист,

харчанд ба зохир дар миёни дарахтон ва бешахову буттахост. Гуё, ки Доро ҳамқадами Хизре по ба фаросуи шакли вучудии коинот ниҳодааст.

АДАБИЁТ

1. Аҳмаднажод Комил. Фунуни адаби (арӯз, кофия, баён, бадеъ), Техрон, Поё, чопи чорум, 1382 х.ш.
2. Девони Ҳофиз. Нашри Даврон, чопи хафрум, 1382 х. ш.
3. Начот Доро. Руйиш аз сукут (гулчини ашъор), шаҳри Душанбе, Ройзании фарҳангии Ҷумҳурии исломии Эрон дар Тоҷикистон, чопи аввал, 1385 х. ш.
4. Начот Доро. Дар кӯчаи Лайли. Техрон, нашри ТАКО, чопи аввал, 1387 х. ш.
5. Пурномдориён Тақӣ. Сафар дар мех (Ғааммуле дар шеъри Аҳмади Шомту), Техрон, муассисаи интишороти Нигох, 1381 х. ш.
6. Шамико Сирус. Роҳнамои адабиёти муосир. Техрон, нашри Митро, 1383 х. ш.
7. Шафеи Кадқанӣ Муҳаммад Ризо. Муסיқии шеър, муассисаи интишороти Огоҳ, чопи севвум, 1370 х. ш.

ДОРО НАЖОТ СВЕТЛЫЙ СТИХ ИЗ СВЕТЛОГО ГОРОДА (ВЗГЛЯД НА ЯЗЫК СТИХОВ ДОРО НАЖОТ)

В данной статье автором подвергнуто анализу и исследованию поэзия современного таджикского поэта Доро Нажота.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: современная таджикская поэзия, Доро Нажот, поэзия Доро Нажота, смысл и содержание стихов.

DORO NAZHOT A LIGHT VERSE FROM A LIGHT CITY (A SIGHT AT LANGUAGE OF VERSES OF DORO NAZHOT)

In given article the author subjects the analysis and research poetry of modern Tajik poet Doro Nazhot.

KEY WORDS: modern Tajik poetry, Doro Nazhot, poetry of Doro Nazhot, sense and maintenances of verses.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Митро Шарифзода Муд – соискатель факультета востоковедения Таджикского национального университета.

НАФСИ АММОРИ ДАР ЯК ДОСТОНИ ТАНЗИИ «МАСНАВИЙ»-И МАВЛАВИЙ

Раззоқи Қадамнон

Институти забон ва адабиёти ба номи Рӯдакии АИ ҶТ

Бар асоси таълимоти Куръонӣ ва омӯзишҳои динӣ синну нафс дар вучуди инсон қарор дорад. Аввал нафси мутмаина, ки ихтисос ба паёмбарон ва авлиёи илоҳӣ дорад. Яъне, нафсе, ки аз яқин ба Худо лабрез гардида ва ба мартабаи итминон ва яқин расидааст. Дуввум, нафси лаввома мебошад, яъне нафси сарзанишқунанда, ки аз он ба виҷдон низ ёд шудааст. Яъне, замоне ки инсон муртакиби хатое мешавад, нидое аз дарун ӯро маломат мекунад, ки агар ба ин нидо тавачҷӯх кунад, метавонад дар маротиби инсонӣ тараққӣ ёбад. Вале агар тавачҷӯх накунад ба маротиби ҳайвонӣ дар гузари замон таназзул меёбад. Саввумин нафс, нафси аммора мебошад- яъне нафсе, ки инсонро ба сӯи бадиҳо ва зиштиҳо савқ медиҳад, ки сарчашмаи разоил ва бадиҳо дар вучуди инсон мебошад. Ва инсон бояд дар баробари ин шайтони дарун муқовимат намояд ва бо анҷоми вочибот ва пайравӣ аз фаромини шариат, ин нафси вайронкунандаро шикаст диҳад.

Авлиёи илоҳӣ паёмбарон ва солахон қасоне будаанд, ки нафси аммореи дарунашонро дар ихтиёр гирифта ва онро нобуд сохта ва аз он пуле ба сӯи саодат ва растгорӣ сохтаанд ва ба мо тавсия кардаанд:

Пайки дилӣ, пайрави шайтон мабош,
Шери амири, саги дарбон мабош.

Ҳазрати Мавлоно Ҷалолиддини Румӣ барои рӯшан сохтани ин нафси шайтонӣ мисолҳои ошқор ва фаровоне баён кардааст, то мо инсонҳоро огоҳ ва хушёр кунад, ки мабодо дар доми ин нафси ҳайвонӣ гирифтोर шавем, зеро, ин нафс ҳамвора инсонро ба бадӣ фаро меҳонад. Инсоне метавонад аз ин дом начот пайдо кунад, ки бо таолими паёмбарон ва бузургони дин ошно бошад. Мавлоно дар «Маснави»-и худ борҳо ва борҳо нафсро ба аждаҳо ва мор монанд кардааст:

Нафсат аждарҳост, ӯ кай мурдааст,
Аз ғами беолатӣ афсурда аст.

Ў моро ба дурӣ кардан аз нафси аммора даъват кардааст. Дар достонҳое аз қабилӣ «Зан ва омезиши харон», «Амрудбон ва зани палидқор», «Мафтун шудани қозӣ бар зани ҷуҳ», «Куштани модари бадқор» ва...

Мо дар ин вачиза ба шарҳ ва тафсири ин достон «Куштани модари бадқор» мепардозем:

Гуфт: пас ҳар рӯз мардеро кушам!

Он яке аз ҳашм, модарро бикушт,

Ҳам ба захми ханчару ҳам захми мушт.

Шаҳсе аз рӯи ҳашм модари хулро бо зарботи мушт ва ханчар кушт. Як нафар ба ӯ гуфт:

-Эй, ту модарро чаро кушти? Бигӯ,

Ў чӣ кард охир? Бигӯ, эй зиштхӯ.

Гуфт: «Модарам зани бадқора буд ва коре карда, ки мӯчиби нанг ва расвоии ӯ шудааст. Ёро куштам, то хоки гӯр айбҳо ва мафосиди ёро бипӯшонад». Он шаҳс гуфт: «Меҳостӣ, он марди фосикро бикушӣ». Марди қотил ҷавоб дод: «Агар чунин мекардам, бояд ҳар рӯз якеро мекуштам ва дастам бо хуни халоиқ олула мешуд! Модарамро куштам, то ниёз ба куштани дигарон пеш наояд!»

Гуфт: «Он касро бикуш, эй мухташам!»

Гуфт: «Пас ҳар рӯз мардеро кушам.

Куштам ёро, растам аз хунҳои халқ,

Нойи ӯ бурам, беҳ аст аз нойи халқ».

Танзи ҳикоят, истидлоли фарзанд дар посухи он шаҳс аст, ки меғӯяд: Агар бихоҳад ҳаққи модариро нигоҳ дорад, бояд ҳар рӯз якеро бикушад! Модари зиштқор тамсиле аз нафси бадқор аст, ки фасоди ӯ ҳама чоро фаро гирифтааст ва бояд ёро кушт. Агарчӣ нафси амморӣ мояи ҳаёти инсон аст, боз то ӯ зинда аст ба хотири фасоде, ки ҳар рӯз анҷом медиҳад, дасти инсон ба ҷинояте олула мешавад. Ва бояд ҳар рӯз азизеро бикушад. Бо ин ки «дар асли қисса хушунати дарднок ҳаст, аммо сирри қисса дар боби модар ва модаркушӣ нест, дар боби нафси аммора аст, ки то дар вучуди инсон боқӣ аст, раҳой аз нанг ва халосӣ аз гуноҳ барои вай мумкин нест»:

Нафси туст он модари бадҳосият,

Ки фисоди ӯст дар ҳар ноҳият.

Ҳинд бикуш, ёро, ки баҳри он данӣ,

Ҳар даме қасди азизе мекуни

Ба хотири итоат ва фармонбарӣ аз нафс аст, ки дунё бар инсон танг ва ғайри қобили таҳаммул мешавад. Бинобар ин, бо куштани шаҳаввати нафсонӣ ва адами итоат аз он, бояд ёро дар муқобили аҳқоми илоҳӣ мутеъ сохт, то аз душмани дигарон халос шуд:

Аз вай, эй дунёи хуш, бар туст танг,

Аз паи ӯ бо ҳақу бо халқ чанг.

Нафс кушти, боз растӣ з-эълизор,

Кас туро душман намонад дар диёр.

Яке аз бузургтарин аҳдофи Мавлоно Ҷалолиддини Румӣ аз навиштани «Маснави» таълим ва омӯзиш аст. Мавлоно дар зишттарин достонҳо ва бо гуфтани каломоти зишт ва шикастани ҳаримҳои мамнӯӣ достонҳояшро ширинтару ҷаззобтар мекунад ва суҳанонашро бар дил менишонад. Мавлоно дар ин достон «Модар»-ро ба нафси аммора таъбир мекунад ва моро аз он бар ҳазар медорад.

Мавлоно дар ин тамсил мефармояд, ки фармонбарӣ аз нафс дунёро бар инсон танг ва ғайри қобили таҳаммул мекунад ва то замоне, ки нафси аммора дар вучуди инсон боқӣ аст, раҳой аз нанг ва халосӣ аз гуноҳ барои вай мумкин нест. Ва роҳи раҳиро ҳамчун Низомӣ чанг задан ба дин медонад:

В-он чи на аз шаръ барорад алам,

Гар манам он ҳарф дар ӯ каш қалам.

А Д А Б И Ё Т

1. Истеълomӣ Муҳаммад, Маснави Мавлоно Ҷалолиддин Муҳаммади Балхӣ, Техрон, Заввор, с.1990.
2. Зарринқул Абдул Хусейн, Баҳр дар кӯза. Техрон. Илмӣ, 2005.
3. Никӯбахт Носир, Маснави Маҳзануласрор-и Низомии Ганҷавӣ, Техрон, Чашма, 1989.
4. Ҳамидиён Саид, Маҳзануласрори ҳақим Низомии Ганҷавӣ. Техрон, Қатра, 2008.

КРИТИКА ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ В ОДНОЙ САТИРИЧЕСКОЙ ПОЭМЕ «МАСНАВИ МАВЛАВИ»

Одним из великих целей Мавлоно Джалалуддина Руми в написании «Маснави» является обучение и воспитание. В своих произведениях он резко критикует проявления зависти и нелюбви к ближнему и призывает людей к любви и добродетели. В данной статье автором сделан акцент на изучение данной темы в одной сатирической поэме из «Маснави» Мавлави, где резко осуждается злоупотребление.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: сатирическое произведение, воспитание, добродетель, зависть, «Маснави» Мавлави, корыстолюбие, воспитание и обучение.

CRITICISM OF ABUSING IN ONE SATIRICAL POEM «MASNAVI MAVLAVI»

One of the great purposes of Mavloni Dzhahaluddina Rumi in a writing «Masnavi» training and education is. In the products it sharply criticizes displays of envy and dislikes nearing and calls people for love and virtue. In given article the author places emphasis on studying of the given theme in one satirical poem from «Masnavi Mavlavi» where abusing is sharply condemned.

KEY WORDS: satirical product, education, virtue, envy «Masnavi» Mavlavi, a self-interest, education and training.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Раззок Кадамнон - соискатель Института языка и литературы им. Рудаки АН РТ

ЭССЕ ДАР ЭҶОДИЁТИ А. САМАД

Н.А. Кӯчарова

Донишгоҳи миллии Тоҷикистон

Эссе чун яке аз шаклҳои муассири суҳанофарӣ дар адабиёти ҷаҳон маъмул буда, дар миёни асарҳои публицистики тоҷик низ рӯз то рӯз мавқеъ пайдо карда истодааст. Дар китоби «Луғати энциклопедияи советӣ» чунин омадааст: «Эссе (аз калимаи фаронсавии *essai* – таҷриба, мусаввада) жанри фалсафӣ, эстетикӣ, адабӣ-танқидӣ, адабиёти бадеӣ ва публицистӣ буда, мувофиқати мавқеи индивидуалии муаллифро бо суҳани озода, баъзан, бо ифодаи ғайри оддӣ ба забони зинда майл дошта дар назар дорад» (8,1571).

Унсурҳои эссе ҳанӯз дар осори файласуфони Юнони қадим мутафаккирони чинӣ ва ҷопонӣ вучуд дошта бошанд ҳам, аввалин маротиба калимаи «Эссе» дар «Таҷриба» ном асари файласуф ва адиби барҷастаи фаронсавӣ Мишел де Монтен (1533-1592) истифода шудааст. Мишел де Монтен «китоби машхураш «Таҷриба»-ро бо усули мулоҳизаҳои адабии фалсафӣ иншо карда, дар он воқеаи мушаххаси гузаштаи замони зисташро тасвир мекард, хулқу аҷибии одамони гуногун, вазъ ва сатҳи маданияти муҳитро ба тасвир гирифта, навиштаҳои «Эссе» (таҷриба) номидани буд» (2, 66).

Баъдҳо дар асарҳои файласуфони адибони Фарб – Дидро, Волтер, Френсис Бекон, Ҷон Голсуори, Лессинг, Б.Шоу, рус А.С. Пушкин, А.Герцен, Ф.Н.Достоевский ва дигарон намунаҳои жанри эссе ба назар мерасад. Вале усули тасвир дар эссеҳои ҳар нависанда аз якдигар фарқ мекунад. Масалан, дар эссеҳои нависандаи фаронсавӣ Мопассан (1850-1893) «характер ва ҳиссиёти қаҳрамонон ба воситаи ҳаракат, рафтор ва тарзи суҳанронии онҳо нишон дода шудааст» (2, 67). Дар «Маҳатма Ганди», «Хайрбод бо гузашта», «Саҳат ба ботин» ном эссеҳои нависандаи фаросавӣ Ромен Роллан (1866-1944) бошад, симои нависанда чун ровӣ ва шореҳи воқеъбин мавқеъ дорад.

Табиист, ки аз хусусиятҳои ҳикоя, новелла ва очерк баҳрабардорӣ кардани эссе гуногунандешии олимон, аз ҷумла олимони тоҷикро оид ба эссе ба вучуд овардааст. Эссе дар «Луғати русӣ – тоҷикӣ истилоҳоти адабиётшиносӣ» ном китоби С.Табаров чунин шарҳ ёфтааст: «Эссе – эссе, очерки илмӣ, таърихӣ, танқидӣ, публицистӣ» (9,51). Худи С.Табаров чанд тадқиқоташро оид ба китобҳои Абдуррауфи Фитрат Эссеи тадқиқотӣ номгузорӣ намудааст (ниг., аз ҷумла, ба: Соҳиб Табаров. «Баёноти сайёҳи ҳиндӣ»-и Фитрат [Эссеи тадқиқотӣ] Ҷузъи дуввум. – Душанбе, 1999).

Профессор И.Усмонов эссеи шабеҳи жанрҳои очерк, лавҳа ё мақолаи мувоҳисавӣ донистааст ва таъкид кардааст, ки: «Мавзӯи доимии эссе хотираи эҷодкор аз воқеае аст, ки ба эҷодкорони дигар тааллуқ мегирад, яъне ёди гузашта, мулоқотҳо ва хотира аст.

Профессор А.Саъдуллоев ба эссе таваҷҷӯҳи зиёд намуда, дар мақолаҳои «Хурди калонкор» (7, 44-74), «Жанр познания и человековедения» (Некоторые аспекты теории и практики современного эссе) (2, 60-93), «Бальзам для души» (К 60-летию Абдулхамиды Самада) (1, 100-117) кӯшиш намудааст, ки хусусиятҳои жанри ва услубии онро, як андоза, муайян намояд. Устод Саъдуллоев низ баҳрабардорӣ эссе аз хусусиятҳои жанрии ҳикоя ва новелла таъкид карда, нақли озодро, ки аз унсурҳои ҳикоя мебошад, дар эссе «бо баёни маҳрамони ва ҷустуҷӯи паҳлуҳои номаълуми объект, манзара ва чеҳра пайванд» медонад. Дар баробари ин, дар эссе «тавсифи бетарафона, вале

хайрхоҳонаи муаллиф эҳсос мешавад, нависанда кӯшиш мекунад, ки қаҳрамонашро дар ҳалқаи муаммоҳои ҳалпазир, рангорангии ҳаёти шахсӣ (ва гоҳо маҳрамона) ба тасвир бигирад» (7, 53).

Эссе дар айёми мо бо тарзи мувофиқи ифодаи сухан дар барномаҳои телевизионӣ ҳам мавқеъ пайдо кардааст. Дар телевизион робитаи мустақими муаллиф бо объект (қаҳрамон) талаботи жанрии эссе мебошад. Ҳамчунин, эссе дар санъати кино низ мавқеъ пайдо карда истодааст.

Эссе дар адабиёт ва публицистикаи тоҷик жанри нав мебошад. Ба гуфти устод А.Саъдуллоев, ҳарчанд унсурҳои эссе дар эҷодиёти намояндагони адабиёти классикии тоҷик чун Носири Хусрав, Саъдӣ, Биноӣ, Ҷомӣ, Дониш, Мирзо Сирочи Ҳаким мушоҳида мешавад (7, 73), вале он дар адабиёти садаи XX тоҷик таҳаввул ва такомул ёфт. Унсурҳои ҷудоғонаи эссе дар лавҳаҳои алоҳидаи «Ёддоштҳо»-и устод Айни, осори Раҳим Ҷалил ва Ҷалол Иқромӣ мушоҳида мешавад.

Ба андешаи муҳаққиқон, жанри эссе дар адабиёти тоҷик аз солҳои шастуми асри XX ба расмият даромад ва аввалин нависандае, ки қисмате аз таълифоташро зерсарлавҳаи эссе ҳамроҳ карда, онҳоро дар маҷмӯаи «Дӯстон тоҷи сар» ба хонанда пешкаш намуд, Фазлиддин Муҳаммадиев мебошад. Ба андешаи мутахассисон, «Илҳом», «Ёди нақӯ», «Мирзомуаллим», «Баракат ба коратон» ном асарҳои Ф.Муҳаммадиев чун беҳтарин эссеҳо дар насри муосири тоҷик шинохта шудаанд.

Эссе дар эҷодиёти Саттор Турсун, Мутеулло Начмиддинов, Ҷонибек Ақобиров, Ёрун Кӯҳзод, Бахтиёр Муртазоев, Шодон Ҳаниф низ мушоҳида мешавад. Вале дар байни нависандагони шинохтаи тоҷик ин жанр, аз ҳама бештар, дар эҷодиёти Абдулҳамид Самад мавқеъ пайдо кардааст.

Эҷодиёти Абдулҳамид Самад, агар ҷопи нахустин ҳикояи нависанда «Ду гусел»-ро дар рӯзномаи «Тоҷикистони советӣ» (1970) ба ҳисоб гирем, аз ибтидои солҳои ҳафтоди асри XX оғоз ёфтааст. «Дастовардҳои эҷодии Абдулҳамид Самад пайдархам меоманд. Соли 1982 китоби ӯ «Баъд аз сари падар» интишор ёфт... Соли 1983 маҷмӯаи қиссаю ҳикояҳои ӯ «Парронҷакҳо» ба таъби расид... Маҷмӯаи тозаи ҳикояҳои нависанда «Пиёлаи шикаста» (1986) ва қиссаву ҳикояҳои ӯ «Аспи бобом» (1986) мавқеи ӯро дар насри тоҷик мустақкам намуда, сабки фардии эҷодии адибро ташаққул меоданд (3, 40-41).

Абдулҳамид Самад баъди таҷрибаи бойи нависандагӣ андӯхтан ва ба услуби хоси эҷодӣ ноил гардидан ба навиштани эссе мепардозад ва «Роҳномаи миллати тоҷик» (Ҷумҳурият, 1996 10 август) шояд нахустин асари ӯ бошад, ки таҳти рубрикаи «Эссе» таъби гардидааст. Ин эссе ба устод Садриддин Айни бахшида шудааст ва муҳтавои он бопил сохтани ақидаҳои ғаразноке мебошад, ки дар даҳаи охири садаи XX ба сари С.Айни бор кардани мешуданд. Нависанда дар ибтидо тавачҷӯҳи хонандаро ба акси устод Айни ҷалб мекунад, ки писараш, Баҳоршох, аз рӯи раҳ, аз байни коғазҳои тити парешон ёфтааст ва ҳамин ҷузъиёти бадени акс чараёни минбаъдаи андешаронии адибро таъмин кардааст: «Солҳост, ки устод ҳамин зайл аз курсии донишу маърифат рӯ ба хуршед истода, то ҷовидон тулӯъ ва нурҳои гарму ҷонбахши онро пешвоз мегираду мегазирад. Нуру зиёи офтоб ва донишу фазилати Айнии раҳнамову сарпараст ва шачарадону пурмуроди тавонои миллати азияткашидаи тоҷик. Ман лолу хичолатманд лаҳзае дар муқобили акси устод таваққуф мекунам ва ба рӯҳи поку бешикасти эшон санову таҳният мефиристам» (5, 3).

Андешаҳои А.Самад мураттаб, мантқан қавӣ ва таъсирнок буда, тавачҷӯҳи хонандаро ҷалб менамояд. Нависанда сершоха будани фаъолияти устод Айниро қайд намуда, гирудори ҷонсӯзонаи ин арбоби бузурги фарҳангиро баҳри ҳастии миллати тоҷик дар мисоли муносибаташ ба тақдири забони модарӣ нишон медиҳад. «Забон дард ва ҷои ҷони устод Айни будааст, – мехонем дар эссе. – Устод нисбат ба ягон масъалаи баҳсталаби забон бетараф наистода, фикри хешро рӯйрост баён кардааст» (5, 3).

Эссе хеле муфассал аст. А.Самад хизматҳои С.Айниро ҳамчун бонии пуриқтидори забони тоҷикӣ як-як шумурда бо мисолҳо таъбид менамояд, хонандаро аз фаъолияти устод Айни дар масъалаи асолати забони тоҷикӣ муфассал шинос менамояд ва боз ишора мекунад, ки: «Ин ҷо заррае аз хизмату талошҳои устод зикр шуд. Танҳо заррае»...(5, 4).

Услуби баён ва тарзи гуфтори эссеи «Раҳномаи миллати тоҷик» ҷолиб ва марғуб мебошад ва ин услуби нигориш дар эссеҳои минбаъдаи нависанда боз ҳам такомул меёбад.

Эссеҳои Абдулҳамид Самад оид ба зиндагӣ ва корномаҳои фардҳои алоҳидаи Тоҷикистон, ки дар рушду нумуи фарҳангу маънавияти ватани азизи мо ҳиссаи муносиб ҳамроҳ кардаанд, комёбиҳои моддиро маънавий мамлакат ва ғайра маълумот медиҳанд. Абармардони соҳаи адабиёту санъат устод С.Айни («Раҳномаи миллати тоҷик»), С.Улуғзода («Шермарди қаламрави сухан»), Фазлиддин Муҳаммадиев («Ҷони одам»), Ҷалол Иқромӣ («Қуллаи Ҷалол Иқромӣ»), Ғоиб Сафарзода («Уқобе буд»), рассом Сабзали Шарифов («Савори аспӣ аргувонӣ»), академик Раҳим Масов («Фидоии миллат»), Чингиз Айтматов («Устои наср»), Мирзо Турсунзода («Ифтихори миллат») ва дигарон мавзӯи эссеҳои солҳои гуногуни ин нависандаи пуркор мебошанд. Хонанда аз ин эссеҳо лаҳзаҳои асосӣ ва нотакрори зиндагии ин шахсиятҳои барҷастаро пеши рӯ оварда, моҳияи ҳаёти инсонро беҳтару

хубтар дарк мекунад ва эҳсос мекунад, ки зиндагии инсонӣ ҷои мубориза, комгорино нокомӣ мебошад, танҳо шахсияте ин саҳтгириҳои ҳаётро таҳаммул карда метавонад, ки соҳиби дили бузург ва иродаи қавӣ бошад.

Воқеаҳои, ки ба сари нависандаи бузурги тоҷик Сотим Улуғзода омадаанд, бисёранд. Вале Абдулҳамид Самад суҳанро аз ватан рӯ гардондани фарзанди Улуғзода сар мекунад, зеро барои падар аз ин мудҳиштару ҷонсӯзтар фоҷиа буда наметавонад. Ҳолати рӯҳӣ ва тугъни қалбии С. Улуғзода хангоми дар Ҳиндустон аз ватан рӯ гардондани писараш – Азиз чунин баён ёфтааст: «Ё ўро (Азизро - Н.К.) кадом ноҳалафу палиде гумроҳу саргаранг сохт, бо фиребу найранг дар доми балову бадномӣ андохт? Охир ў бача нест, ки фирефтаи ҳавову ҳавас ва дасисаву ваъдаҳои хом шавад. Магар ў дар зиндагӣ боре дасти камро дид ё чафои саҳттиву мушкилиро кашид? Ба кӣ ситеза ё эътироз кард? Ба соҳти чамбиягӣ? Акнун ҳақ ё ноҳақ буданашро ҳуди вай медонаду Худо. Лек падари сарсаҳт, адиби номӣ, саногӯи ватану бахшандаи умри дубораи фарзандони некноми миллат – Рӯдакӣ, Фирдавсӣ, Ибни Сино, Темурмалик, Аҳмади Донишу Восеъ дар ин вазъияти нобоб чӣ тадбире андешад, то бори миёншикани «нанги бадтар аз марг»-ро сабук ва тоқатпазир гардонад. . .» (6, 223)

Абдулҳамид Самад ба воситаи ин муҳокимаҳо ва саволгузориҳо дараҷаи ғаму андӯх ва ҳолати ноҳинчори падари аз носипосиву ноаҳлии писар музтар мондари басо воқеӣ ва муассир тасвир намулдаст. Хонанда аз ин тасвир ҳис мекунад, ки ҳеҷ фоҷиаи зиндагӣ ба бадбахтиё, ки фарзанди ноҳалаф ба сари падар меорад, баробар шуда наметавонад.

Абдулҳамид Самад баъд ба фаъолияти адабӣ ва шохкорҳои Улуғзода рӯ меорад ва тавачҷӯҳи хонандаро ба дунёи маънавӣ ва корномаи эҷодии ин устоди насри тоҷик ҷалб менамояд ва бо ҳамин мавқеи Улуғзодаро чун инсонии комилу нависандаи забардаст дар як эссеи хурд хеле хуб нишон медиҳад.

Профессор А.Саъдуллоев маҳорати А.Самадро дар офаридани эссе басо амиқ таъкид аст. Муҳаққиқ эссеҳои нависандаро аз «Еди дӯст» (1994) ва баъд ба таҳлил гирифта менависад: «Соҳиби эссе бояд шахсияти донишманди оқил, соҳибмаърифату таҷрибаандӯхта бошад. Инро ҳам назарияву амалияи жанр ва ҳам талаби хонанда тақозо дорад. Абдулҳамид Самад аз ин хосият бархурдор аст ва бар замми ин ў усули корбурди рӯҷӯҳои гуногун (таърихӣ, фалсафӣ, лирикӣ ва ғайра)-ро хуб медонад. Ин усул ба муаллиф имкониятҳои беҳудудро фароҳам меорад. Қабл аз ҳама имкон намедиҳад, ки эссе ба қолиби ёддошт ё сафарнома кӯчад, баъдан бо ин усул шахси муаллиф фаъол шуда, даҳолаташ ба чараёни воқеа, сӯҳбат, муколама ҳисшаванда мегардад» (7,66).

Баробари рӯҷӯҳои мувофиқ эссеҳои Абдулҳамид Самад ба рӯҳи қаҳрамон, ба ҳислату табиати образ мувофиқати комил дорад. Ин ҳолатро аз эссеи «Уқобе буд», ки ба шоири боистеъдоду ормонии тоҷик Ғоиб Сафарзода бахшида шудааст, хеле хуб мушоҳида кардан мумкин аст. Қариб дар ҳамаи эссеҳои нависанда порчаҳои шеърӣ оварда мешавад. Вале дар эссеи «Уқобе буд» порчаҳои шеърӣ зиёдтаранд. Нависанда эссеи мазкурро бо як байти ҳуди Ғоиб Сафарзода оғоз менамояд:

Ман он акси нидоҳои фиғнолуду пурхашмам,

Ки дар тарҳи вучуди зиндагӣ аз рафтагон монданд.

Ин байт бо мазмуну муҳтаво бозгӯи тамоми мундариҷаи эссеи «Уқобе буд» мебошад. Баъд лаҳза ба лаҳза симои нотакрори ин шоири бедордилу ватанпараст кушода мешавад. Ва хангоми баён услуби хоси нависанда (саволҳои риторикӣ, нидоҳои ҷолиб, ташбеҳои марғуб) баръало маълум мешавад: «Пеши назарам қомати баланд, нигоҳи нарм ва ҳаёли хаставу пурандешаи Ғоиб падидор мешавад. Майдони зиндагӣ. . . Гирудори саҳт. . . Воқеан чаро ў дар синни сӣ, ки ба гуфте айёми ғурур ва беғамист, «аз саҳми гирудори саҳт» ёдовар мешавад? Чаро бо ҳама таъбу лутфи хуше, ки ў дошт, рӯзҳои охир андешаманду ношод буд?...Гап сари он ки солҳои ҳафтадум авҷи айёми қарахтӣ буду узви ҳизб шудан ниҳоят мушкил. Эҳа, бо чӣ қадар даводаву хотирандозӣ ва шиносбозӣ хучҷати номзадиро мегирифтед» (6,252).

Баъди чунин тасвир тавачҷӯҳи хонанда ба баёни воқеа зиёд мешавад ва ў меҳодад, ки симои қаҳрамони асарро батамом донад.

Бояд гуфт, ки мавқеи эссе дар эҷодиёти А.Самад рӯз аз рӯз афзуда истодааст ва дар асари «Гардиши девбод» (2007) як силсилаи калони эссе ва сафарномаҳои нависанда ҷой дода шудааст, ки «Номбардору ифтихори миллат», «Нӯшбод барои Душанбе», «Роҳи пуршараф», «Ҷавониро сароиду ҷавон рафт», «Одамони аҷоиб», «Умре гирифтори суҳан» намунаи онҳост. Умуман, А.Самад дар навиштани эссе маҳорати комил дорад ва ба гуфти А.Сайфуллоев, «Эссеҳои Абдулҳамиди Самад дар сатҳи эссеҳои М.Горкий, А.Фадеев, И.Эренбург қарор дорад» (3,181).

АДАБИЁТ

1. Садуллоев А. Бальзам для души // Горизонты публицистики. – Душанбе, 2009. с. 100-117.
2. Саъдуллоев А. Жанр познания и человековедения // Горизонты публицистики. – Душанбе, 2009. – с. 60-93.

3. Сайфуллоев А. Чону чахони наср. – Душанбе: Ирфон, 2007. с.540.
4. Самад А. Гардиши девбод. – Душанбе: Адиб, 2007. с. 566.
5. Самад А. Раҳнамои миллати тоҷик (Эссе)// Чумхурият. –1996. 10 авг.
6. Самад А. Талош. – Душанбе: Адиб, 2002. с. 384.
7. Саъдуллоев А. Хурди калонкор// Рангҳои зиндагӣ. – Душанбе: Адиб, 2007. с.44-74.
8. Советский энциклопедический словарь. – Москва: Советская энциклопедия, 1981. с. 1600.
9. Табаров С. Луғати русӣ-тоҷикӣ и истилоҳоти адабиётшиносӣ. – Душанбе: Маориф, 1980. с. 52.
10. Усмонов И.К. Жанрҳои публицистика. – Душанбе, 2009. с. 138.

ЭССЕ В ТВОРЧЕСТВЕ А.САМАДА

Эссе является философским эстетическим литературно – критическим жанром, художественной и публицистической литературой и имеет ввиду соответствие личной позиции автора со свободным словом. Элементы эссе очень часто встречались в трудах философов Древней Греции, китайских и японских ученых и просветителей, а затем и в произведениях философов и литераторов Запада.

Эссе в таджикской литературе и публицистике является новым жанром. Но среди знаменитых таджикских писателей этот жанр чаще встречается в творчестве Абдулхамида Самада. Следует подчеркнуть, что с каждым днём все больше и больше встречается жанр эссе в творчестве этого современного таджикского писателя. Данная статья посвящена изучению данной темы.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: жанр эссе, литература, творчество Абдулхамида Самада, публицистика.

AN ESSAY IN A. SAMADA'S CREATIVITY

The essay is philosophical aesthetic literary-a critical genre and the art and publicist literature also means conformity of a personal position of the author with a free word. Essay elements very often met in works of philosophers of the Ancient Greece, the Chinese and Japanese scientists and educators, and then in and products of philosophers and writers of the West. The essay in the Tajik literature and publicist is a new genre. But among the well-known Tajik writers this genre meets in creativity of Abdulhamida Samada is more often. It is necessary to underline that every day there is an essay genre in creativity of this modern Tajik writer more and more. Given article is devoted studying of the given theme.

KEY WORDS: an essay genre, the literature, creativity of Abdulhamid Samad, publicist.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: *Насиба Кучарова* – аспирантка факультета таджикской филологии Таджикского национального университета

ТАЪСИРИ АДАБИЁТИ АВРУПО БА ЭҶОДИЁТИ А. ЛОХУТӢ

М. Нуров, П. Исмагуллоева
Донишгоҳи миллии Тоҷикистон

Устод А.Лохутӣ, ки худ дар адабиёти форсу тоҷик ҳамчун шоири инқилобии Шарқ шинохта шудааст, ханӯз давраҳои аввали пойгузори ба ҷодаи шеърӯ шоири ва нигоҳи сиёсӣ ба ҳаёти онвақтаи Эрон ба адабиёти Ғарб таваҷҷӯҳ пайдо карда буд, ки инро профессор Шоқир Мухтор то андозае дар мақолаҳои худ шарҳ додааст. Устод А.Лохутӣ, ки худ донандаи хуби забони франсузӣ буд ва аз фарҳанги фикрҳои сиёсӣ ва инқилобии онҳо то андозае хабар дошт. Ӯ дар пайравии идеяҳои интернационалӣ, ки шоири инқилобии Фаронса Э. Потйё ханӯз дар Эрон чанд суруди инқилобӣ эҷод кардааст. Аз ҳамин ҷо маълум мегардад, ки адабиёти Ғарб то андозае дар зиндагӣ ва фаъолияти эҷодии ӯ таъсир ҳам расонидааст. Устод Лохутӣ хангоми ҷавонӣ ба адабиёти Фаронса аз ҷумла бо Андре Жид муносибати дӯстӣ низ дошт. Устод Лохутӣ суруди машҳури инқилобии мардуми Фаронса «Интернационал»-ро соли 1924 ба забони тоҷикӣ тарҷума кард.

Абулқосим Лохутӣ бо матни русии «Интернационал», ки ба қалами А. Кос тааллуқ дорад шинос шуда, аз он асари тарҷумавие сохт, ки писанди ҳамагон гардид. Ба ҳамагон маълум аст, ки солҳои 20-30 ин сурудро тамоми мардуми Шӯравӣ хангоми қор ва истироҳат замзама мекарданд, ки мағлаш чунин аст:

Бархез, эй доғи лаънат хӯрда,
Дунёи факру бандагӣ!
Чушида хотир моро бурда,
Ба ҷанги маргу зиндагӣ. . .
Рузи қатъӣ ҷидол аст,
Охирин рамзи мо
Интернационал аст
Начоти инсонҳо.

Дар Иттиҳоди Шӯравӣ матни пурраи «Интернационал» соли 1968 тарҷума ва чоп шуд. Абулкосим Лоҳутӣ, ки бештар ба тарҷума машғул буд худ мегӯяд, ки қисми зиёди тарҷумаҳо яндро бо дасти ӯ ва ёрдами ҳамсараш Сисилиябону кардааст. Порчаҳои «Интернационал»-ро низ ҳамроҳи Бону тарҷума кардаам, чунки дар баъзе мавридҳо бо калимаҳои душворфаҳми русӣ ӯ ба ӯ мешудам ва дар тарҷумаи он душворӣ мекашидам:

Бархез! Они пролетариат
Меҳнатқашон якҷоя мешавем.
Бархез! Бандагони замин!
Бархез! Маҳбусони гуруснагӣ!
Баҳри ғалабаи қашшоқӣ ва ториқӣ. . . .

Ба устод Лоҳутӣ муяссар гардид, ки соли 1935 дар Конгресси байналхалқии нависандагон дар Париж иштирок намояд. Дар ҳамин ҷо ӯ бо суҳанварони машҳури Аврупо аз наздик ошноӣ пайдо кард. Ҳангоми баромадҳои дар яке аз клубҳои овозадори Париж бо номи «Юманите» ки дар он аксаран аҳли фарҳанг ҷамъ омада буданд бо нависандаи франсавӣ Луи Арагон шинос мешавад.

Достони «Сафари Фарангистон»- и шоир маҳсули ҳамон сафарҳои ӯст ва мавзӯи дoston низ ба ҳаёти хориҷа бахшида шудааст. Дар ин дoston худ шоир ду тарзи ҳаёт-ҳаёти сотсиалистӣ ва капиталистиро ба таври муқоиса ба риштаи назм кашадааст. Ин дoston бо қиёс оғоз мешавад:

Чу аз охири хоки дунёи қор,
То дунёи зулмат шудам раҳсипор.

Шоир тарзи ҳаёти капиталистиро танқид мекунад ва мегӯяд, ки «Аврупо кишвари сармоя аст» ва «Бекор бо мурда ҳамроҳ аст» ва бо ифтихор мегӯяд:

Ба ёдам омад он сарои умед,
Ки кас ӯро навмедӣ он ҷо надид.
Ба ёд омад он кишвари беназир,
Ҳамон шерзан модарони далер..
Дурахшид ҷашмон аз ин ифтихор,
Ки ман нестам инчунин хору зор.

Ба ҳамаи ин нигоҳ накарда устод Лоҳутӣ муқотибаҳои худро бо адибони машҳури ғарб ба монанди Верили Ромен Роллан ва дигарон боз ҳам мустақамтар мекард ва дар баробари ин аз онҳо меомӯхт.

Вақте, ки моҳи январӣ соли 1936 мардуми озодпарастӣ дунё 70 солагии Ромен Ролланро қайд мекарданд устод Лоҳутӣ дар санаторияҳои Кремл худро таъриф мекард. Ба ҳамин беморӣ нигоҳ накарда адиби озодихоҳ ба номи Ромен Роллан мактуби табриқӣ фирисотод. Баъди ҷавоби мактубро гирифта устод Лоҳутӣ барои ин нависандаи озодихоҳи франсавӣ, ки мактубҳо ва эҷодиёташ ба ӯ таъсири калон расонида буд шеърҳо бо номи «Ба Ромен Роллан» эҷод мекунад:

Ба номат ватанамро навиштаам «озод»,
Ба руҳ зи дидаам аз шавқ об меояд
Ман он муборизи эронӣам, ки аз ватанам,
Фақат ба ёдам тирӯ таноб меояд. . .

Устод Лоҳутӣ бо адабиёти Ғарб ошноӣ, ки дошт меҳост дар адабиёти муосири тоҷик низ ҳамин хел фикру ақидаҳои озодихоҳӣ ва инсондӯстӣ зиёдтар шаванд. Аз тарафи дигар ӯ меҳост асарҳои адибони машҳури Ғарбро тарҷума намуда, дастрасӣ тоҷикон кунад. Барои ҳамин ба тарҷумаи асарҳои онҳо низ ӯ оварда буд.

Адиби мубориз устод Лоҳутӣ шеъри нависандаи бузурги франсавӣ Виктор Гюгоро, ки бо номи «Сангари хунин» машҳур буд, тарҷума карда ба ҳаводорони шеъри худ пешкаш намуд. Ин шеъри Виктор Гюго ба устод Лоҳутӣ саҳт таъсир карда буд, ки шоир дар пайравии он дoston «Ғалабаи Таня»-ро эҷод кард ва то як андоза ҳангоми пурсиши қаҳрамонони асар бо ҳам монандӣ доранд. Ин шеъри Виктор Гюго дар тарҷумаи устод Лоҳутӣ чунин садо медиҳад:

Размоврони сангари хунин шудан асир
Ба кӯдаки далер ба синни дувоздаҳ
- Он ҷо будӣ ту ҳам?
- Бале бо он диловарон.
- Пас, мо кунем ҷисми туро ҳам нишони тир.
«Ғалабаи Таня»

Агар ба ин порчаи дoston «Ғалабаи Таня» назар афканем, баръало таъсири шеърҳои Гюго ба устод Лоҳутӣ ва эҷодиёти ӯ намоён мегардад:

- Анбори моро ту сӯзондӣ?
- Ман.

- Ки инро ба ту фармон дод?
- Ватан.

Дар шахри Москва соли 1949 даҳаи адабиёти тоҷик шуда гузашт, ки дар он яке аз шоирони маъруфи Фаронса Луи Арагон низ иштирок карда, аз комёбиҳои адабиёт ва санъати тоҷик бохабар шуд. Ҳангоми як шабнишинии адабие, ки аҳли илми тоҷик барпо карда буд, А. Фадеев устод Лохутиро бо Л. Арагон шинос кард. Л.Арагон дар ин шабнишинӣ суҳанронӣ карда, аз гуфтаҳои худ устод Лохутӣ, ки дар Париж карда будааст мисолҳо меорад, ки Лохутӣ зодаи Эрон аст ва бо калимаи тоҷик бори аввал дар мисраъҳои шеърӣ Шайх Саъдӣ вохӯрдааст:

Аз баҳри худо, ки моликони чавр,
Чандин накунамд бар мамолик.
Шояд, ки ба подшоҳ бигӯямд:
Турки ту бирехт хуни тоҷик.

Дар ҳақиқат дар фарҳанги Шарқ дар бораи тоҷик як қавм аст гуфта шуда буду халос. Дар луғати туркӣ бошад, тоҷик «форс» маънидод шудааст. Баъди ба Иттиҳоди Шӯравӣ омадан устод Лохутӣ бо тоҷикон аз наздик шинос шуд.

Дар баробари шиносӣ бо адибони фаронсавӣ устод Лохутӣ бо адибони дигари Аврупо аз ҷумла адиби муборизи Чех Юлиус Фучик мукотибаву мулоқотҳо кардааст ва асаре низ бо номи «Дар ёди Юлиус Фучик» эҷод намудааст. Ба гуфтаи устод Лохутӣ, Юлиус Фучик нисбат ба тоҷикон, ўзбекон, туркманҳо ва дигар миллатҳои Осӣи Миёна хусни тавачҷӯҳи беандоза доштааст. Аз асарҳои Ҳаким Низомӣ, Хайём, Ҷомӣ ва эҷодиёти худ устод Лохутӣ низ бохабар будааст.

Устод Лохутӣ барои пешрафт ва инкишофи театри тоҷик хизмати зиёде кардааст. Театри тоҷик дар солҳои 30-40 асарҳои сахнаӣ надошт устод Лохутӣ мехост, ки театри тоҷик низ мисли театрҳои Аврупо аз ҷумла, худ Россия пеш рафта бошад. Барои ҳамин адиби мубориз ба тарҷумаи асарҳои драманависони Аврупо машғул шуда се асари Шекспир Лопе де Вегаро бо ёрии ҳамсараш Ситилиябону тарҷума карда ба театри тоҷик пешкаш кард. Ҳанӯз солҳои 1937 адиб мехост «Отелло»-и Шекспирро ба сахна гузорад, вале театри тоҷик ҳоло ба ин тайёр набуд. «Отелло» ба услуби «Гулистон»-и Саъдӣ ба сахли мумтанеъ тарҷума шудааст:

Як нуктаи хуш бигӯям, аз ман бишнавар.
Чун чора намонад, аз ғам озод бишав.
Мотам ба ғами кӯҳна гирифтаи бошад,
Наздиктарин раҳ ба вуруди ғами нав.

Соли 1944 устод Лохутӣ ҳамсараш И. Бону асари Шекспир «Ромео ва Жулета»-ро бо шакли шеъри озод тарҷума кардаанд, ки соддагии суҳану эҳсосоти баланди ин асар дар забони тоҷикӣ нигоҳ дошта шуд. Барои тарҷумаи фочеаи «Шоҳ Лир» ва шохқорӣ «Чашмаи гӯспандон» низ аз услуби шеъри озод истифода бурда шуд.

Хулоса устод Лохутӣ яке аз аввалин пайвандгарони робитаҳои адабии адабиёти советии тоҷик бо адабиёти Аврупо мебошад.

Махсусан тарҷумаҳои ӯ аз асарҳои адибони озодихоҳӣ фаронсавӣ- Потье ва Гюго дар адабиёти муосири тоҷик инкишофи назми инқилобӣ романтиконаро густариш дод.

Шеърӣ «Интернационал» Потье дар шеърҳои инқилобии адиби сурх таъсири худро гузошт. Романтизми ашъори Гюго дар дostonҳои шоир ҷой гирифтаанд.

Ҳамин услуби тарҷумонии шоири суҳанвар буд, ки дар назми муосири тоҷик «шеърӣ озод» мақоми худро пайдо кард.

Маҳз ҳамин мукотибаҳою мулоқотҳои устодон Айни ва Лохутӣ буданд, ки осори адибони тоҷик бо дастгирии адиби фаронсавӣ Арагон дар Фаронса тарҷума шуданд.

АДАБИЁТ

1. А. Лохутӣ. Куллиёт. Ҷилдҳои 1-6 Душанбе. Нашриёти Давлатии Тоҷикистон.
2. Давлатов М. Ғазал ва аънаи он дар эҷодиёти А. Лохутӣ.
3. Мухторов Ш. Замон ва тарҷумон. Душанбе, соли 1987.
4. Ёдбуди Лохутӣ. Маҷмуаи илмӣ. Душанбе, соли 1974.

ВЛИЯНИЕ ЕВРОПЕЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ НА ТВОРЧЕСТВО А. ЛАХУТИ

В данной статье рассматривается влияние европейской литературы, в частности французской литературы на творчество Абулкасыма Лахути.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: поэт, современная поэзия, творчество, литературное произведение, литературное обозрение, литературный кружок, литература запада, перевод.

THE INFLUENCE OF EUROPEAN TAJIK POET, LITERATURE TO THE CREATION OF A. LOHUTY

The influence of European Literature, in particular French Literature to the creation of Tajik poet, Abulka.sim Lohuty is reviewed in the article.

KEY WORDS: poet, modern poetry, creation, literary work, literary review, literary society, European literature, translation.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: М. Нуров – ассистент общеуниверситетской кафедры английского языка Таджикского национального университета.

П.Исмагулюева – ассистент общеуниверситетской кафедры английского языка Таджикского национального университета.

ҒОЯ ВА АҲАМИЯТИ ОН ДАР «ХУСРАВНОМА»-И ШАЙХ АТТОРИ НИШОПУРӢ

С.З. Зикаева

Донишгоҳи давлатии омӯзгорӣи Тоҷикистон ба номи Садриддин Айнӣ

Ғоянокӣ дар адабиёт аз муҳимтарин принципи пайдоиши асари бадеӣ маҳсуб меёбад. Ғоя истилоҳи шаркист ва дар адабиётшиносии муосир чун муродифи идея қор фармуда мешавад (1,28). Омӯзиши таърихи адабиёт исбот намудааст, ки адибону шоирони классик ба ғоя чун муҳимтарин пояи устуворсозандаи асар тавачҷӯҳ доранд. Ба ин маънӣ Ҳаким Унсурӣ чунин ишора кардааст:

Касе, ки моя надорад, сухан чӣ донад гуфт?

Чӣ гуна парад мурғ, ки баста дорад пар? (1,32)

Ғоя, ба қавли аксари адабиётшиносон, чунин шарҳ ёфтааст: «Он муроди марказие, ки барои ифодаи вай-асари бадеӣ таълиф ёфтааст, ғоя ном дорад». (1,44). Ғоҳ вақти мутолиаи асар силсилаи ғояҳо ифода меёбанд. Дар ин сурат танҳо яке аз ғояҳо асосӣ ба шумор рафта, ғояҳои дигар дар тақвияти ғояи марказӣ меоянд. Ба ҳамин маънӣ, ғояи асосии «Хусравнома»-и Шайх Аттори Нишопурӣ тараннуми ишқи поку самимӣ буда, ғояҳои дигар мисли тараннуми ахлоқи ҳамида ва ватанпарастии инсондӯстӣ дар тақвияти ғояи асосӣ омадаанд.

Дар илми адабиётшиносӣ ғоя дар ду навъ ифода меёбад. Яке ғояи мусбат ва дигаре ғояи манфӣ (1,21).

Ғояи манфӣ ақидаҳои пучу зарарнокро дар бар гирифта, ба нафъу созандагии инсоният равона намегардад. Асарҳои дорои чунин ғоя миёни мардум мақому манзалати худро зуд гум мекунад. Аммо ғояи мусбат дар раванду инкишофи олитарин ақидаҳо мисли ватанпарастии инсондӯстӣ, ҳештаншиносии ахлоқи ҳамида хизмат мекунад. Ба ин маънӣ, Носири Хусрав дар «Сафарнома»-и худ чунин овардааст: «Беҳирадӣ ва беҳушӣ роҳате набошад! Ҳаким натавон гуфт касеро, ки мардумро ба беҳушӣ раҳнамун бошад! Балки чизе бояд талабид, ки хирад ва хушро биафзояд». (2,103). Шершинуши давраи шӯравӣ М. Лотман ғояро асоси сохтори асари бадеӣ мешуморад. Вай ба ин маънӣ чунин меғӯяд: «Мундариҷаи ғоявии асар – сохт аст. Ғоя дар санъат ҳамеша модел мебошад, зеро он муҳокоти воқеият аст». (3,85). Дарвоқеъ, ғояи ҳақиқӣ тавлидгари шакли муносиб мебошад. Шайх Аттори Нишопурӣ барои ифодаи ғояи асари худ «Хусравнома» шакли муносиби маснавиро интихоб намудааст. Зеро аксаран дар шакли маснавӣ асарҳои тараннумгари ишқи поку самимӣ иншо мешаванд. Мутафаккири бузурги рус Чернишевский низ ба ин маънӣ чунин ишора кардааст: «Танҳо он асаре бадеӣ мешавад, ки дар вай ғояи ҳақиқӣ ифода ёфта ва шакл қомилан мутобиқи ғоя бошад». (1,28). Адиб ва ё нависанда ғояи асари худро тавассути образҳо, ифода, ҳолат, чамъбасти воқеа ва амсоли инҳо баён менамояд. Шайх Аттори Нишопурӣ низ барои ифодаи ғояҳои «Хусравнома» аз рафтору кирдори образҳои асосӣ ва ёрирасони асар, баёни ҳолат ва чамъбасти воқеаҳо хеле моҳирона истифода бурдааст. Устод Лоҳутӣ дар мавриди ғоя ва мавқеи он дар асари бадеӣ чунин меғӯяд: «Ба гумонам, шартӣ яқум ва асосии пурбаҳо шудани асари бадеӣ ғоянок будани он аст». (1,33). Ва дар ҳақиқат «Хусравнома»-и Шайх Аттори Нишопурӣ аз зумраи асарҳои, ки дар он ақидаҳои

пешқадаму арзишманд мисли тараннуми ишқи поку самимӣ, ахлоқи ҳамида ва инсондӯстию ватанпарастӣ хеле рӯшану самимӣ инъикос ёфтаанд.

Тараннуми ишқи поку самимӣ дар «Хусравнома»-и Аттор дар ду шакл сурат гирифтааст. Шакли аввал ишқи илоҳии Аттор аст, ки ўро чун намояндаи адабиёти тасаввуфӣ муаррифӣ менамояд. Аттор чун пайрави тамаддуни олии исломӣ парастидани Худои ягона ва расули барҳаққи ӯ Ҳазрати Муҳаммадро (с) аввалиндараҷа мешуморад. Ба ақидаи Аттор, сароғози тамоми зебоиҳову покиҳо ва росткориву садоқатпардозихо маҳз бо қувваи олии Худовандӣ тавъам аст. Ба ин маънӣ, оғози «Хусравнома» низ бо ситоиши Худованди ягона шуруъ гардидааст:

Зи пинҳонеш дар ботин чу чон сохт,
Зи пайдоеш дар зоҳир чаҳон сохт.
Чи зоҳир он, ки аз ботин зухур аст,
Чи ботин он, ки зоҳиртар зи нур аст... (4,38)

Аз тарзи нигориши «Хусравнома» аён аст, ки Аттор ба илму дониши ҳазрати Муҳаммад (с), чор халифаи ислом ва ду имом хеле тавачҷӯҳ дорад. Аттор баъд аз ситоиши Худои ягона ба таърифу тавсифи расули барҳақ – ҳазрати Муҳаммад (с) пардохта, шахсияти ўро чун инсони начибу комил муаррифӣ намудааст. Аз ҷумла, чунин мегӯяд:

Латоифгӯи рамзи лоязолӣ,
Маорифчӯи ганчи зулҷалолӣ.
Сипаҳсолори девони рисолат,
Имоми маснаду садри ҷалолат.
Зи олам то ба одам партави ўст,
Зи Машрик то ба Мағриб пайрави ўст... (4,24)

Баъд аз ситоиши чор халифаи ислом: Абубакр, Умар, Усмон ва Алӣ; Ҳасану Хусайн Аттор ба тавсифи ду имом – Имом Абӯҳанифа, Имом Шафеъӣ ва ситоиши Абулфазл ибни ар-Рабиб Ҳоҷа Саъдаддин пардохтааст. Ғайр аз ин, Аттор чун шоири суфӣ ҳама кори чаҳонро чун бод гузаро доништа, пос доштани ёди Худованди ягонро дар нақуву нақӯкорӣ мебинад, ки дар порчаи зерин чунин ифода ёфтааст:

Ба тарки ному нангу неку бад гир,
Мадҳ сар, пай зи дасту роҳи х(в)ад гир.
Зи худ ин халқро озод пиндор,
Ҳама кори чаҳонро бод пиндор.
Чаҳон бодест, пай бар бод мағзор,
Ба ҷуз ёди Худо аз ёд бигзор (4,77).

Дар рафти мутолиаи асар ба хубӣ эҳос мегардад, ки суҳанвари Нишопурӣ ишқи заминиву илоҳиро дар шакли якҷоя сурудааст. Ў ҳарчанд суҳанро аз асоси асосҳо эъне, Офаридгор оғоз карда бошад ҳам, нисбати мӯъҷизоти заминии Ў низ бетафовут нест. Аттор ишқи заминиро чун яке аз офаридаҳои олии Худовандӣ эътироф карда, эҳтиромӣ худро нисбати он ифода намудааст. Азбаски асоси сужети асари шоир ривояти халқист, Аттор маҷбур шудааст, ки Гулу Хурмузро ба висоли ҳамдигар расонад. Аммо аз оғоз то анҷоми дoston шоир тавассути рафтори оқилонаи образҳои марказии асар ахлоку одоби ҳамида ва иффату ростии шахсияти мусалмонро хеле хуб таҷассум намудааст. Аз ҷумла, воқеаҳои пурмоҷарои асар ҳимояи нангу номус, инъикоси иффату покӣ аз ҷониби Гул ва пос доштани ёди маҳбуба, пайваста мубориза бурдан барои васли вай аз ҷониби Хурмуз ва дар охир бо никоҳи мусулмонӣ ба висоли ҳамдигар расидани образҳои марказии асар (Гулу Хурмуз) исботгари ин андеша аст. Вале дар баробари ин, чунин сурат гирифтани воқеаҳо инъикоси ишқи заминии инсониро дар бар мегиранд, ки аз маҳорати олии суҳанвар дарак медиҳад.

Тавре аз мазмуну мундариҷаи ишқномаи Гулу Хурмуз аён аст, Аттор тавассути рафтору кирдори образҳои марказии асар ишқи поку беолоиш ва садоқату вафодорӣи ҷовидониро дар ҳаёти инсонҳо аввалиндараҷа мешуморад. Зимни ин, дигар ғояҳо мисли тараннуми ахлоқи ҳамида, некию нақӯкорӣ, вафову ростӣ ва ватанпарастии инсондӯстӣ дар тақвияти ишқи самимии Гулу Хурмуз хеле равшан баён гардидаанд.

Ғояҳои олии Аттор дар «Хусравнома» бо ду роҳ баён гардидаанд. Яке тавассути рӯҷӯҳои лирикӣ, дигаре тавассути зикри рафтору кирдори персонажҳо. Аз мазмуну мундариҷаи асар бараъло эҳсос мегардад, ки шоир ситоишгари ақидаи мусбат аст ва ё манфӣ. Аз рафтори кадом симо халоват гирифта, рафтори кадомиро сарзаниш мекунад.

Тараннуми ишқи поки заминӣ ва вафодориву садоқат асосан тавассути рафтору кирдори образҳои марказии асар Гулу Хурмуз баён гардидаанд. Бо инъикоси часорату матонат ва хоксорию покизагии Гулруҳ дар роҳи ишқ шоир самимияту вафодорӣи Гулро чунин ба қалам додааст:

Пизишк охир давои Гул чӣ донад?

Ки гулро боғбон дармон тавонад,
Бибояд боғбоне ҳамчу Хурмиз,
Вагарна Гул нагардад тоза ҳаргиз... (4,103).

Дар ин роҳ бо инъикоси вафодорию садоқати Хурмуз шоир шахсияти марди комилро барои хонанда муаррифӣ менамояд, ки хеле беназир аст. Ин ҳолатро дар ҳангоми ба асорати шоҳи Исфохон афтодани Гул мушоҳида кардан мумкин аст:

Кучой, охир, эй Гул, сӯзи ман бин,
Шабам хуш мекунад чон, рӯзи ман бин!
Агар сад сол дар ҳичрон бимонам,
Ба бӯи васлат, эй ҷонон бимонам... (4,200).

Барои хубтар инъикос намудани ишқи поку беолоиш ифодаи як қатор масъалаҳои дигар мисли садоқату вафодорӣ, покиву ростӣ нақши муҳим доранд. Аз ҷумла, барои рӯшантар ифода ёфтани тараннуми ишқи поку самимӣ шоир хислатҳои начибӣ образҳои марказӣ ва рафторҳои ношоистаи образҳои ёрирасонро хеле хуб ба қалам додааст.

Хонанда танҳо дар сурате мақому манзалати ишқи дилдодагонро эҳсос мекунад, ки шоир тавониста бошад симои персонажҳои худро ҳамачониба инъикос намояд. Барои шинохти ишқи поку самимӣ дар рафти нигориши асар бехтарин хислатҳои Гулу Хурмуз, аз қабili покиву вафодорӣ, хушахлоқиву дурандешӣ ва сабуриву матонат тасвир ёфтаанд.

Аз ҷумла, барои ифодаву исботи ишқи самимии Гулрух шоир рафтори ношоистаи шоҳи Туркистонро, ки аз қасд кардани ӯ нисбати нангу номуси Гул иборат буд, ба қалам оварда, сипас бо матонату далерӣ ҳимоя намудани ифрату покиро аз ҷониби Гул чунин тасвир намудааст:

Бад-ӯ гуфт: «Эй дағобози дағоғӯй,
Чафокори чафоварзи чафочӯй.
Дағобозӣ, ҳарифи ман найӣ ту,
Ки чун ман оташи хирман найӣ ту.
Ба тарки ман бигӯ в-арна аз ин ғам,
Бирезам аз тани худ хун ҳамин дам...» (4,98).

Ҳамчунин, шоир барои инъикос намудани ишқи самимии Хурмуз соҳибҷамолонеро, мисли Ҳуснову Чаҳонафрӯз офаридааст, то хонандаро бехтару хубтар аз моҳияти ишқи поку беолоиш хабардор созад. Ин ҳолат, бахусус, дар ҳангоми ба табибӣ рафтани Хурмуз назди болини Чаҳонафрӯз хеле хуб аён аст. Зеро маҳз, дар ана ҳамин қисмати дoston шоир шахсияти Хурмузро чун марди покрафтору дурандеш муаррифӣ кардааст. Вай ҳарчанд аз ишқи Чаҳонафрӯз нисбати худ огоҳ буд, ба фиреби шохдустар напардохта, баръакс, кӯшиш мекард ба василае ӯро аз ин муҳаббат дур созад ва ба ин муваффақ ҳам гардид, ки ин ҳолат аз мазмуни асар бармеояд.

Аз ғояҳои дигари арзишманд, ки дар асар таҷассум ёфтаанд, ғояҳои инсондӯстию ватанпарастӣ, адолату ростӣ, некию наққорӣ ва ахлоқи ҳамида мебошад, ки дар мустақкамсозии ғояи асосӣ нақши муҳим доранд.

Тавре аз мазмуни мундариҷаи асар маълум аст, Агтор инсондӯстиро чун поктарин мӯъҷизаи Худованд муаррифӣ намуда, ишқи поку самимию танҳо ба инсон хос медонад. Ба ақидаи Агтор, барои инсонро дӯст доштан дили раҳиму меҳрубон парваридан муҳим аст. Ӯ барои талқини инсондӯстӣ ва мақоми он дар ҷомеа образҳоеро чун дояи Гул, дояи Хурмуз, Меҳмард ва зани ӯ, Кофур ном ходими шоҳи Туркистон, Фаррух ва ғайра офаридааст. Намояндаи барҷастаи инъикоскунандаи ин ғоя дояи Гул, дояи Хурмуз, Кофур, Меҳмард ва зани ӯ мебошанд, ки дар асар мавқеи намоён доранд.

Чунончи, дӯстдорӣ ва парастии тифл ҳамчун инсон аз ҷониби дояи Хурмуз хеле гуворо тасвир ёфтааст. Доя дар дами марг на аз кандашавии риштанӣ ҷони худ, балки аз фардои умри тифлаки бепарастор менолад, ки хеле олист:

Басе аз дарди дил он доя бигрифт,
Ки бе ман чун бувад ин тифлро зист!
Надорам дар ҷаҳон ҷуз нимҷоне,
Дихед ин ним ҷонро ними ноне... (4,84).

Дояи Гул низ зани раҳиму меҳрубон аст. Ӯ интихоби Гулро дар ҳамсари оянда маъқул шуморида, Хурмузро бидуни боғбонписар буданаш хеле дӯст медошт. Хурмузу Гул барояш чун фарзанд азизанд. Бо тасвири нақши ин зан, Агтор гуфтад мехоҳад, ки шахсияти инсондӯст ҳастии инсонро на аз диди молу мулк, балки чун офаридаи олии Худованд эътироф намуда, дӯст медорад. Дояи Гул маҳз, ҳамин гуна симост, ки дар тасвири Агтор таҷассумгари ғояи инсондӯстӣ ба қалам дода шудааст. Вақте ки шоҳи Исфохон ба Хузистон лашкар кашида, ин кишварро торумор кард, Гулро низ дуздаи бо худ бурд. Аммо доя ҳатто дар ҳамин лаҳзаҳои душвор Гулро тарк накард. Ӯ то охири

нафас Гулро модарона ҳимоя карда, баробари дард кашиданаш дард кашидаву аз хушбахтихоиш меболид. Дар асорати шоҳи Исфаҳон доя кӯшиш мекард, ки тамоми хоҳишҳои Гулро амалӣ намуда, то ҷое дарлашро сабуқӣ бахшад. Аз ҷумла, чунин омадааст:

Чу Гул дармонда шуд аз доя мехост,
Ки кори Гул нагардад ҷуз ба май рост.
Бирафташ дояву ҳоли май овард,
Тане чандаш зи хубон дар пай овард. . . (4,12).

Симои Кофур низ дар тарғиби ғояи инсондӯстӣ нақши сазовор дорад. Ӯ Гулро намешинохт, аз шохдухтар буданаш оғаҳ набуд, аммо бидуни ин ҳастии Гулро ҳамчун инсон дӯст дошта, озодиву ободиаширо таъмин кардан мехост. Вақте ки Кофур рози Гулро мешунавад, тамоми вучодаш аз беадолативу бераҳмӣ ба дард меояд. Ин ҳолатро Агтор хеле таъсирбахш тасвир кардааст:

Чу ҳоли хеш пеши ӯ баён кард,
Зи дил Кофурро оташфишон кард.
Чунон Кофур аз он қисса аҷаб монд,
Ки чун мушк аз гули тар хушклуб монд.
Пуроташ гашт дил з-он саргузашташ,
Басе бигристу об аз сар гузашташ. . . (4,65).

Инъикосгари барҷастаи ғояи ватандӯстию ватанпарастӣ ва адолату ростӣ дар асар симои Қайсари Рум, Хурмуз ва Фаррух мебошанд, ки аз образҳои мусбати дoston ба шумор мераванд. Қайсари Рум чун шоҳи оқилу адолатпеша кишвари худро зери самои ободу озод ҳукмфармой намуда, андешаи фардои онро дар сар дошт. Вай барои идомаи ин шохигарии одилона кӯшиш намудааст, ки соҳиби писар гашта, ӯро низ дар ин рӯҳия тарбия намояд. Ватандориву ватандустии ин шох дар асар чунин тасвир ёфтааст:

На зулми шамъ бар парвона бигзошт,
На бузеро яке вайрона бигзошт.
Агар як тифл пурзар карда таште,
Ба гирди кишвари Қайсар бигаштӣ,
Зи бими шаҳ набудӣ як диловар,
Ки пурсидӣ, ки ин шох аст, ё зар?
Чунон адлаш кушода доштӣ даст,
Ки дасти бод бар сунбул фуру баст (4,76).

Қайсари Рум ба орзуи худ муваффақ ҳам гардид, зеро яке аз образҳои марказии асар, фарзанди ӯ – Хурмуз таҷассумгари олии ғояи ватандустиву адолатхоист.

Дар тасвири шоир Хурмуз ба замми шохзодаи кишвари Рум буданаш, кишвари Хузистонро чун ватани асли дӯст медорад ва ин дӯстдорӣ дар матонату далерияш хангоми ҷанги Исфаҳону Хузистон аён гардид. Хурмуз дар ин ҷанг ҷонбозиҳо карда, душманро аз марзи ватан дур гардонид. Шох ин ҷасоратро дида, Хурмузро бо бехтарин тӯхфаҳо сарфароз намуд. Тасвири аз ҷониби шох таҳсину офарин хондани Хурмуз чунин ба қалам дода шудааст:

Шаҳ он гаҳ хонд Хурмузро ба эъзоз,
Зи ҳар сӯ пеш меоданд раҳ боз.
Даромад Хурмуз аз дар шодмона,
Сано гуфташ басе шоҳи замона.
Бад-ӯ гуфто: «Надонистем ҳаргиз,
Ки дастонест Рустам пеши Хурмиз. . .» (4, 33).

Ба замми ин, Хурмуз мисли падар шоҳи адолатхоҳ буда, ҷангу хунрезиро маҳкум мекард. Вай ҳатто бо он, ки шоҳи Исфаҳон Гулро тавассути ҷанг дузда ба кишвари худ бурд, барои ҷангу хунрезӣ кардан ҷуръат накард.

Таҷассумгари дигари ғояи ватандустиӣ симои Фаррух аст, ки ҷасорати вай дар ҷанги зидди Шопуршоҳ инъикос гардидааст. Фаррух ҳатто дар ҳолати мағлуб гашта гурехтани Шопур ӯро ором нагузошта, аз пасаш то Тирмиз рафта, Гулро озод кард. Ҷасорати Фаррух дар ин воқеа чунин тасвир ёфтааст:

Ба охир чун нақӯ шуд кори заврак,
Дигар шаб рафт Фаррух сӯи хандак.
Чу Фаррух далвро даҳ раҳ чунон кард,
Ба зудӣ шох завракро равон кард.
Фиганд, алқисса, Фаррух он расанро,
Ба боло баркашид ӯ шаст танро. . . (4,22).

Накӯкорӣ аз беҳтарин фазилатҳои инсонист, ки тарғибгарони он дар асар, қариб ки тамоми образҳои мусбат ба шумор мераванд. Ин хислати начиб дар рафтори Гулу Хурмуз низ зиёд ба назар мерасад. Накӯкории Хурмуз дар ҳаққи Фарруху Чаҳонафрӯз бемисл аст. У дар анҷоми воқеаҳо Фаррухро ҳокими Исфаҳон эълон намуда, Чаҳонафрӯзро маликаи шох таъин кард. Ин воқеа дар асар чунин тасвир ёфтааст:

Чаҳонафрӯзро он гаҳ бадар хонд,
Ба Фаррухзод доду хутба бархонд.
Ба Исроҳон фиристод он ду танро,
Ба эшон дод мулку анҷуманро... (4,34).

Накӯкории Гулрух бошад, дар ҳаққи Хусно, ки душмани Гул буд, хеле орифонаву оқилона тасвир ёфтааст. Баъд аз саргардониҳои зиёде, ки ин маккора ба сари Гул оварда буд, оқибат баъди ба васли Хусрав расидан, Гул Хусноро аз зиндон озод кард. Воқеаи мазкур дар асар чунин ба қалам дода шудааст:

Чу Гул дид он чунон зору табоҳаш,
Шафоат кард, алқисса, зи шоҳаш.
Аз он пас Хусрав аз баҳри дилафрӯз,
Ато бахшид Хусноро ба Фирӯз (4,68).

Тасвири нақши Кофур низ дар накӯкорӣ бемисл аст. Вай пас аз шунидани қиссаи Гул бо часорати тамоми пайи кӯмаки шохдӯхтар пардохта, ба мақсад мерасад. Ӯ бо тамоми самимият ба Гул иброз мекунад:

Ба Гулрух гуфт: «Эй чун гул дилафрӯз,
Агар ту номае бинвисӣ имрӯз,
Чу боде номаро он ҷо расонам,
Валекин чун шудам, он ҷо бимонам.
Ба Туркистон наёрам омадан боз,
Ки шоҳи Чин ба кини ман кунад соз.
Чу Хусрав гардад аз ҳоли ту огоҳ,
Бисозад чораи корат ҳамон гоҳ...» (4,102).

Тараннуми ахлоқи ҳамида аз муҳимтарин ғояҳои асар ба шумор рафта, ғояи марказиро ба хонанда амиқтару равшантар талқин менамояд, зеро маҳз ахлоқи ҳамида аст, ки ишқро зеботару поктар инъикос намуда, рӯҳи инсонро аз ҳама гуна зиштиҳо озод мекунад.

Аттор барои тараннуми ахлоқи ҳамида тамоми хусусиятҳои инсонии начибро дар симои персонажҳои мусбати асараш таҷассум намуда, дар баробари ин, дигар образҳои манфиро чун субъекти ёридиханда дар ҳолати тазод гузоштааст.

Аз ҷумла, Гулрухро чун зани покизаву порсо муаррифӣ намуда, ҷонбозиҳои ӯро дар миёни зиндагиву марг хеле моҳирона ба қалам додааст. Ин ҳолатро, бахусус, дар хангоми аз ҷониби шохдӯхтари чинӣ фишор ёфтани Гул, ба хубӣ эҳсос кардан мумкин аст. Вай аз он дар ҳарос буд, ки агар зан будани худро ифшо намояд, ҳолаш аз ин ҳам бадтар мегардад. Вақте ки ӯро бо тӯҳмати ба номуси шохдӯхтари чинӣ даст дароз карданаш, ба сари дор бурданд, ӯ аз чизе ҳарос надошт. Барои ин симо, марг авлотар аз беиффатист, ки дар порчаи зерин чунин тасвир ёфтааст:

Ба дил мегуфт: «Не аз дор тарсам,
Валекин аз фироқи ёр тарсам.
Агар Хусравшаҳам дар пеш будӣ,
Маро з-ин ҷон фишондан беш будӣ.
Хушӣ барҳезаме ман аз сари ҷон,
Валекин нест бе Хусрав сари ҷон...» (4,44).

Аммо Хусноро, баръакси ҳол, чун зани сабукандешу қачрафтор инъикос намудааст. Вай занест, ки Гулрухро борҳо ба шиканҷаву азоб гирифта карда, кӯшидааст, ба ин васила Хурмузро ба доми худ гирад. Маҳз, бо сабаби макқорӣ вай Гул ба дасти ҷодугарони Фирӯзшоҳ асир афтод. Ва ҳатто дар ҳамин ҳолат низ Хусно тавонист дар назди Хурмуз худро беғуноҳ вонамуд кунад. Аттор дар бобати ба ростӣ роштар талқин кардани ин симо дар яке аз рӯҷӯҳои лирикий чунин овардааст:

Касе, к-ӯ каж гуфтаг хуй дорад,
Забон дар ростӣ кажгуй дорад.
Чаро кажгуй, эй ман хоки куят,
Ки кажгуйтаг бирезад обрӯят... (4,61).

Ҳамчунин, Хусравшохро чун марди комили инсонии начиб муаррифӣ карда, аз ҳавасбозиву дурӯягӣ дур буданашро ба хонанда инъикос намудааст. Вай дар роҳи ишқи Гул хеле қатъӣ буд. Ва ҳатто бо тамоми фитнаҷиву фитнаангезии Хусно боре ҳам роҳи ҳавову ҳавасро интиҳоб накардааст.

Шоир воқеаи аз Исфакон тариқи фиреб баргардонидани Гулро аз ҷониби Хурмуз тасвир намуда, дар кишвари Рум рафтори Хурмузу Хусноро дар ҳолати тазод гузоштааст. Хусно чун зани бадахлок барои бо Хусрав наздик будан худро пешӣ вай ҷавлон меод, аммо Хурмуз чун марди солор ҷуз андешаи дилдодааш ҳаваси дигаре надошт. Ҳолати мазкур дар асар чунин ба қалам дода шудааст:

Басе будӣ, ки Хусно пешӣ Шахзод
Биистодиву шахро н-омадӣ ёд.
Басе будӣ, ки худро менамудӣ
Ба шоху шох аз ӯ озод будӣ.
Ба шодӣ Хусраву Гул шому шабгир,
Ба ҳам буданд доим чун маю шир... (4, 29).

Тавре аз мазмуни асар бармеояд, ба ақидаи Аттор, инсонӣ хушахлоқ дорой начибтарин хислатҳо мисли нақуву нақуқорӣ, адолатпешагиву далерӣ ва покиву ростқавлист. Суханвар дар офариниши асар ахлоқи ҳамидаро барои шоху гадо баробар зарурӣ доништааст. Ин аст, ки дар баробари офаридани шохони мусбат шохони манфиро низ тасвир кардааст. Занони ҳамидаро тавсиф карда, занони бадахлокро ба роҳи рост хидоят намудааст. Бузургии Аттор маҳз, дар ҳамин аст, ки вай инсонҳои нохубро на мазаммату аз ҷамъият берун, балки ҳамқадами ҷомеаи нақу қардан мецоҳад. Аз ҷумла, мисраҳои зеринро Аттор дар рӯҷӯҳои лириқӣ барои талқини инсонҳо ба адлу ростӣ чунин овардааст:

Мақун кибру ба адлу дод мебош,
Қадам бар адл нех, озод мебош.
Ба адле каж мақун доду ситонро,
Ки марди адл бояд дилситонро (4,30).

Аттор барои инсонӣ ҳамидо хирси молу мулкро бегона медонад. Вай нигоҳи инсонро ба рӯи ин зиндагӣ на бо ҷашми сар, балки бо ҷашми дил зарур медонад:

Ҷахон ғамхонаи вирзу вубол аст,
Ки ҳамраш ҳабби ҷоҳу ҳабби мол аст.
Қасе, к-ӯ маст гардад з-ин ду секӣ,
Набинад низ ҷашмаш рӯи некӣ... (4,26).

Ва ё дар ҷои дигар қаноатро аз беҳтарин фазилатҳо медонад:

Бирав, роҳи қаноат гиру таслим,
Ки ҳамроҳӣ наёяд аз зару сим... (4,37).

Тавре мебинам, «Хусравнома» тарғибгари покиву соодат, вафодориву мурувват ва самимияту хикмат аст. Ва дарвоқеъ, танҳо асаре дорой умри ҷовидонист, агар тарғиби ғояи асолати инсониро дар бар дорад.

АДАБИЁТ

1. Раҳим Муслмонӣ. Назарияи адабиёт. - Душанбе: Маориф, 1990.
2. Носири Хусрав. Сафарнома. - Душанбе: Ирфон, 1970.
3. Ю.М. Лотман. Анализ поэтического текста. - Ленинград, 1972.
4. Фаридуллои Аттор. Хусравнома. Таҳияи Начми Сайфӣ. - Душанбе: Ирфон

ИДЕЯ И ЕЕ ЗНАЧЕНИЕ В «ХУСРАВНОМЕ» ШАЙХА АТТАРА НИШОПУРИ

В данной статье автором рассмотрено значение идеи в ходе написания «Хусравнома» Шайхом Аттара Нишопури и подвергнуто исследованию мастерство Шайха Аттара в этом процессе. Также автором подчеркнута, что основной идеей «Хусравнома» является воспевание любви и верности, также здесь подчеркнуты идеи воспевания разума и добродетели, патриотизма, гуманизма, справедливости, которые влияют на нравственное воспитание молодежи.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: идея, значение идеи в произведении «Хусравнома», мастерство Шайха Аттара Нишопури, идея любви и верности, идея гуманизма, патриотизм, справедливость.

IDEA AND ITS IMPORTANCE IN "KHUSRAVNOMA" BY SHAIKH ATTOR NISHOPUR

In the article, the author worked on idea and its necessity while creating "Khusravnom" at the same time she researched the skills Shaikh Attor in this direction. Mainly S. Zikava pointed the the main idea of "Khusravnom" is real love and others are morality, patriotism, humanism and others. Also the author mentioned the importance of the idea in upgrading of young generation.

KEY WORDS: idea, value of idea in product «Khusravnom», skill of Sheikh Attar Nishapuri, idea of love and fidelity, idea of humanism, patriotism, justice.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: С. З. Зикаева – соискатель Таджикского государственного педагогического университета им. С. Айни

БАРХЕ АЗ ОДОБУ РУСУМИ МАРДУМӢ ДАР АШӢОРИ ХОҶА ҲОФИЗ

Фарибо Раисӣ

Донишгоҳи Озоди Исломии Марвдашт, Донишгоҳи миллии Тоҷикистон

Фоклоршиноси амрикоӣ Олин Дандес фолклорро шомили устураҳо, афсонаҳо, дostonҳои кавмӣ, латифаҳо, зарбулмасалҳо, афсонаҳо, дуоҳо, нафринҳо, қасамҳо, ҳатто носазоҳо, тавҳинҳо, ҳозирчавобҳо, таънаҳо, маталақҳо, суханони нешдор ва амсоли ин медонад, ки дар ҳар давра замон адибони кишваҳои гуногуни олам ҳангоми таълифи асари худ аз онҳо истифода бурдаанд [ниг.: Дандес с.3].

Ба унвони мисол, дар ҷой-ҷои девони ашӯри Ҳоҷа Ҳофизӣ Шерозӣ метавон вучуди ин нишонаҳоро ба равшанӣ мушоҳида кард. Ҳар кадом аз нишонаҳое, ки дар матолиби боло зикр гардид, дар шеъри Ҳофиз ба вуфур ёфт мешавад. Девони ӯ сарои ораста ба анвои маонии зариф ва латифи адабист, ки бо фарҳанги мардум омехта шудааст.

Ҳофиз дар замони мо аз қаламрави хоси адабиёт таҷовуз карда ва ба заминаи одоб ва суннатҳои миллии дохил шудааст. Имрӯз дар канори суфраи ҳафт сини Наврӯз, дар маросиме чун шаби ялдо, чаҳоршанбесурӣ ва ҳатто халқҳои дӯстона ё маҷолиси арусӣ низ дар девони Ҳофиз дида мешавад ва ё шеъри ӯро ба оҳанг меконанд. Яке аз вижагиҳои умдаи шеъри Ҳофиз ин аст, ки на танҳо аҳли адабиёт ва шеър асири калом ва гуфтори ӯянд, балки мардуми форсизабон дар ҳар кишр ва таҳассусе, ки бошанд, алоқаманданд, ки дар бораи Ҳофиз бештар бидонанд.

Ғоҳ афсонаҳое дар бораи ишқи ӯ ба духтаре бо номи Шоҳи Набот сохта мешавад ва мардум онро бо обутоб таъриф мекунанд. Ғоҳ бо ашӯраш тафоул мезананд ва замони аз қаромоти сухани ӯ дар гузашта ва ҳол ҳикоят мекунанд. Он чи шеъри Ҳофизро мақбули таъби мардуми соҳибназар кардааст, илова бар ҷозибҳои баънии ӯ наздикии забони Ҳофиз ба форсии имрӯз аст.

Дарвоқеъ, дар девони ӯ ғазале нест, ки ҳолӣ аз баъни ғушае аз фарҳанги мардум бошад. Ба баъни дигар, вучуди аносурӣ фарҳанги мардум дар шеъри Ҳофиз нишон аз кашии шоир ба ин мактаб дорад.

Дар ин мақола тасмим надорем, ки ба баррасии тамоми ин аносур дар шеъри Ҳофиз бипардозем, зеро баҳси ҷиддӣ дар бораи он ниёзманд ба навиштани пажӯҳиши муфассал мешавад.

Нигорандаи ин мақола танҳо бо баррасии садӯ панҷоҳ ғазали аввал аз девони Ҳофиз ба беш аз 850 маврид аз аносурӣ фолклорӣ бархӯрд намудааст. Ин маврид шомили устура, афсона, истилоҳоти оммиёна, афсун, дуо, нафрин, қасам, зарбулмасал, таънаҳо, латифа, бовар, доруҳо, мусиқӣ, сӯгу суруд, одобу русуми хоси ҳар табақа – мисли суффиён, аҳли ҳамр, мардуми омми ва амсоли ин аст. Инак, дар ин ҷо аз миёни даҳҳо маврид аз мавриди мунтабиқ бо мабонии назарии фарҳанги омма ба баъни бархе аз русум дар девони Ҳофиз пардохтаем.

Масалан, «Андохтани хони яғмо»-ро аз назар мегузаронем, ки Ҳофиз гуфтааст:

Фигон, қ-ин лулиёни шуҳи ширинкори шаҳрошӯб,

Чунон бурданд, сабр аз дил, ки туркон *хони яғмор*. [1]

Заринқӯб дар китоби «Аз кӯҷаи риндон» ба расме ишора мекунанд, ки дар шеъри фавқ бад-он ишора шудааст. Эшон дар бораи хони яғмо гуфтаанд: «Суфраи ом будааст, ки ғолибан салотин ва ҳуққом дар айёми ид, махсусан иди қурбон мечидаанд ва авом ва мӯхтоҷон онро ғорат мекарданд, васфи як ҳамчун хоне ба муносибати иди фитр омадааст, ки дар Бағдод хони бузург ба вусъати сесада дар ҳафт зар чиданд ва баъд аз намози фитр, ки халифа хонд, мардум хонро ғорат карданд» [ниг.: Заринқӯб, с.231].

Пас аз шарҳи Заринқӯб масъла барои хонандаи замони мо, ки чи будани «хони яғмор» намедонад, комилан равшан мегардад.

Ё, масалан дар шеъри Ҳофиз ба истилоҳи Ташриф бахшидан дучор мешавем, ки ӯ гуфтааст:

Ҳар чи ҳаст, аз қомати носози беандоми мост,

В-арна *ташриф* ту бар болои қас қутоҳ нест.

Яке аз маъниҳои ташриф ё хилъат ба маънии либосест, ки ба унвони ҳада аз сӯи бузурге бахшида мешавад. Ин калимаро Ройхард Дузӣ ба таври зер шарҳ додааст, ки пас аз мутолиаи он хусну таровати гуфтаи Ҳофиз пеши назар боз зеботар ва дақиқтар ҷилвагар мешавад: «Хилъат бахшидан ба унвони қадридонӣ дар назди шарқиён расми бисёр қухан аст. Ба эътибори қавли Мирзиё нахустин қас аз миёни мусалмонон, ки ин расмро маъмул дошт, Ҳорунарашид буд, ки ба Ҷаъфар ибни Яҳё Бармакӣ, вазири маҳбуи худ хилъат дод. Либоси ифтихорро хилъат ва дар замони тозатар ташриф

номидаанд. Ривочи ин расм то он чо пеш рафт, ки гоҳ амир либоси худро берун меовард ва онро бар тани касе, ки мехост мавриди лутф қарор диҳад, мепӯшонид» [Дузӣ, 16].

Холо барои дарки бештари баъзе гуфтаҳои Хоҷа Ҳофиз чанд мисол меорем: Пӯшидани чомаи коғазин ва рафтани ба пой алами дод.

Коғазин чома ба хуноб бишӯям, ки фалак

Раҳнамунам ба пой алами дод накард.

Хусайн Алиӣ Ҳиравӣ ин нуктаро чунин шарҳ додааст: «Коғазин чома чомае буд аз коғаз, ки ситамдида мепӯшид ва назди ҳоким мерафт ва ҳоким бо дидани ӯ мутаваҷҷеҳ мешуд, ки ӯ шокӣ аст. Чунонки дар ин шеъри Ҳоқонӣ низ омадааст:

Аз ҷаври ёр пираҳани коғазин кунам,

К-ӯ коғазу сари қалам аз ман дарег дошт.

Зоҳиран чун мумкин буд додхоҳон натавонанд аризаро ба дасти ҳоким бирасонанд, мӯхтавои онро рӯи коғаз менавиштанд ва ба тан мекарданд ва он гоҳ то зери аламе, ки дар баробари хонаи ҳоким афрошта шуда ва онро «алами дод» мегуфтанд, чамъ мешуданд то ҳоким онҳоро бубинад» [Ҳиравӣ, с.587].

Агар ин нуктаро ба таври муқоисавӣ аз назар гузаронем, шоирони дигар низ ба ин расму оини пешин дар ашъори худ ишорат доранд. Аз ҷумла, Мавлавӣ дар ғазалиёти Шамси Табрэзӣ ба ин расм ишора намудааст:

Хомӯш, ки бас мустаъҷалам, рафтам сӯи пой алам,

Коғаз бинех бишкан қалам, соқӣ даромад ассалом.

Мавлоно дар яке аз номаҳои хеш (мақтубот сафҳаи 126) хитоб ба яке аз ҳокимон навиштааст: «Умед аст, ки ба шафоати дой аз он мағфиратсароӣ, ки пой алами қазои ҳоҷоти халоиқ аст, шодмон бозгардад».

Мисоли дигар: «Хирқа аз сар бадар овардан ва сӯзондан». Хирқа либоси махсуси сӯфиён ва аҳли зӯҳд аст, ки аз қитъаҳои ба ҳам дӯхташудаи порча сохта мешуд. Сӯфиён ин либосро ба нишонаи тарки завоҳири олами моддӣ ва рӯйгардонӣ аз дунё мепӯшиданд. Дар миёни одобу русуми бисёри сӯфиён одобе низ дар хусуси хирқа, пӯшидани он, сӯзондани ва аз тан бадар карданаш дида мешавад. Ҳофиз чандин бор аз сӯзондани ин хирқа сухан гуфтааст:

Мочаро кам кун боз о, ки маро мардуми чашм,

Хирқа аз сар бадар оварду ба шукрона *бисӯхт*.

Ин мазмунро дар «Бӯстон»-и Саъдӣ низ метавон мушоҳида кард: «Дар миёни фуқарои аҳли тасаввуф расме будааст, назари садақа додан, яъне агар балое рафъ мешуд, ё хабари хуши бисёр муҳиме мерасид, асҳоб ё шайх хирқаи худро ба расми садақа ё шукр месӯзонидаст, мисли испандсӯзӣ ё назоири он» [Юсуфӣ, с.121].

Дар ин бора Ҳиравӣ низ навиштааст: «Ба ҳангоми тарки аволими зӯҳд ва тақво ва рӯй овардан ба аволими ирфонӣ хирқаи зӯҳдро месӯзониданд, ба нишонаи тарки қатъӣ ва маҳви осори гузашта» [Ҳиравӣ, с.89].

Расми дигаре, ки бо хирқа муртабит аст, хирқа баркашидан аст. «Ин кор замоне анҷом мешудааст, ки аз сӯфӣ кори хилофи усули хонақоҳ сар мезадааст ва хирқаи ӯро бармекашиданд ва амалан ӯро аз ҳалқаи ёрони хонақоҳ меронданд» [Қадқанӣ, с.446].

Дар ин бора мисолҳо фаровон аст. Дар ҷои дигар Ҳофиз оид ба ҳамин нукта гуфтааст:

Абрӯи ёр дар назару *хирқа* *сӯхта*,

Чоме ба ёди гӯшаи меҳроб мезадам.

Бисӯз ин хирқани тақво ту, Ҳофиз

Ва гар оташ шавам дар вай нагирам.

Ман ин *далки* муламаъро бихоҳам *сӯхтан* рӯзе,

Ки пири майфурушонаш ба чоме дарнамегирад.

Санам доштани хирқа ва саманд талабидан аз хирқа. Ҳамон тавр ки қаблан гуфта шуд, хирқаи сӯфиён одобу русуми хоси худро дошт. Бо илова, шакли зоҳирии хирқа низ маонии мухталифе ба ҳамроҳ дошт. Санам доштани хирқа ба ин маъност, ки «хирқаи машоихи олимақом аз порчаҳое дӯхта мешуд, ки нақши одамак бар он тасвир шуда буд. Чунонки чуббаи вазирон ва ашрофро аз он медӯхтаанд. Ин порчаҳоро зоҳиран аз чин меоварданд. Аз санам ин одамакҳо мурод аст» [Ҳиравӣ, с.177].

Ҳофиз дар ин бора гуфтааст:

Зи чайби *хирқани* Ҳофиз чи тарф битвон баст,

Ки мо *санам талабидему* ӯ *санам дорад*.

Гуфтам: *санамтараст* машав, бо *саманд* нишин,

Гуфто: ба кӯи ишк, ҳам ину ҳам он кунад.

Аз ҳамин мисоли фавқ метавон ба нуктаи дигар ишорат кард, ки **Самад талабидан** аз хирқа низ расме аст дар миёни сӯфиён. Он ин аст, ки дар ду тарафи хирқаи баъзе дарвешон калимоти мутабарики ба унвони зиннат ва тайямун ва табаррук навишта мешуд. «Дар гиребони хирқа навишта буд, ё азиз, ё саттор, ё латиф, ё ҳалим. Дар миёни хирқа навишта буд, ё сабур, ё шакур, ё карим, ё алим. Дар домани хирқа навишта буд, ё воҳид, ё аҳад, ё самад, ё фард» [Дузӣ, с.147].

Лаъл дар хун гузоштан. Дар замони Ҳофиз лаъл дар хуни чигари хайвон гузоштан роиҷ буд:

*Лаъл*сероб ба хунташналаби ёри ман аст

В-аз паи дидани ӯ, додани чон кори ман аст.

Ҳофиз дар ин байт ба яке дигар аз русуми замони худ ё қабл аз он ишора мекунад. Ин расм гузоштани лаъл дар хуни чигари як хайвон буд, аз ҷиҳати шаффофият ва зебоии бештар муфид буд. «Лаълро баъд аз истихроҷ аз маъдан барои ин, ки шаффоф шавад, муддате дар чигари хайвони кушта мегузоштанд ва лаъл хунро аз чигар мемакид ва шаффоф мешуд. Ин таъбирро Судӣ танҳо дар мавриди ин байт овардааст:

Гӯянд санг *лаъл*шавад дар мақоми сабр,

Оре, шавад, валеқ ба *хуни чигар*шавад.

Лаҳни гуфтори Ҳофиз дар мавориди дигар низ назари Судиро таъид мекунад ва гувоҳ аст, бар ин, ки лаълро дар чигар ё дили хайвон мегузоштанд, аз ҷумла дар ин байт:

Ранги *хуни*дили моро, ки ниҳон меdorf,

Ҳамчунон дар лаби *лаъл*ити аён аст, ки буд» [Ҳиравӣ, с.177]

Овехтани пардаи самоъ дар он замон як расми ҷолибе будааст.

Мутриб чи парда сохт, ки дар *пардаи само*,

Бар аҳли вачду ҳол дари хою ху бубааст.

Пардаи самоъ, пардае буда, ки дар маҷолиси бузургон мекашиданд ва навозандагон ва хонандагон дар пушти он менишастанд ва ба тарабу навозандагӣ машғул мешуданд. «Дар иборати пардаи самоъ мурод ҳамон пардаи маъмулист, ки чун бихоҳанд шахсе, ё чизе, ё шуглери аз анзор ниҳон доранд, онро ба миён меоварданд, то ин авохир низ баъзе аз машоихи тасаввуф ва ирфон низ чун мехостанд айшу нуши ба ифрот ва ё вачди ҳоли ба дилхоҳ бикунанд, пардае ба номи пардаи самоъ, ки дар асри Хоҷа мутадовил буд, меовехтанд ва худ дар паси парда менишастанд ва мутрибонро мефармуданд, то дар муқобили эшон берун аз парда бинишинанд ва бихонанд ва бинавозанд. Хоҷа дар ин байт як чунин маҷлисоро тасвир фармудааст» [Фарзон, с.229].

Ўд сӯзондан ва шиша шикастан. Удро сӯзондан ва ҷоми шаробро шиксатан дар ғазалиёти Ҳофиз диққатро ҷалб менамояд ва хонанда ба андеша меравад, ки зери ин маъно чи маъние мавҷуд аст.

Асоси тавба, ки дар маҳкамӣ чу санг намуд,

Бубин, ки *ҷоми зучоҷӣ*чӣ турфааш *бишкаст*.

Дар тоби тавба чанд тавон *сӯхт ҳамчу*уд,

Май деҳ, ки умр дар сари савдои хом рафт.

Хоҷа дар ду байти фавқ ва абёти дигаре аз ин даст ба расми ўд шикастан ва ё шикастани ҷоми шароб ба нишонаи тарки гуноҳ ишора кардааст, ки дар замонҳои пешин роиҷ будааст. Дар ҳангоми тавба аз айёшӣ, ҷом ва пиёла ва олотӣ мусиқиро мешикастанд ё месӯзонданд, ки байтҳои зер низ таъйиде бар ин гуфтор буда, масъаларо равшантар менамояд:

Зухра сози хуш намесозад, магар *ўдаш бисӯхт*,

Кас надорад завқи *мастӣ*, майгусоронро чӣ шуд.

Чун пиёла дилам аз тавба, ки кардам *бишкаст*,

Ҳамчу лола чигарам бе мағо паймона бисӯхт.

Сӯфии Мачнун, ки *дӣ ҷому қадаҳ* мешикаст,

Зуд ба як чуръаи май оқилу фарзона бишуд.

«**Хайма задани дарвешон**». Ин як одате буд дар байни аҳли дарвеш:

Магар ба теги аҷал *хайма барканам*в-ар не,

Рамидан аз *дари давлат на расму роҳи* манаст.

Ҳиравӣ ин матлабро чунин шарҳ додааст: «Расм буда, ки дарвешон дар баробари ҳонаи давлатмандон хайма мезаданд, то замоне, ки он давлатманд ниёзашонро бароварада кунад. Гоҳе ҳам иттифоқ меафтод, ки ба ҷои он, ки давлатманд ниёзашонро бароварад, гумоштагони худро бо ҷубу

чумок ба сӯи онҳо мефиристод, то бо корд ва шамшер банди хаймаро бибуранд ва онҳоро аз дари хона биронанд» [Ҳиравӣ, с.189-190].

Хонандаи имруз агар аз он расму оини дарвешон иттилоъ надошта бошад, наметавонад, ки маънии шеърро дарк намояд.

Ба қаромат бархостан. Шоир гуфтааст:

Шамъ агар з-он рухи хандон ба забон лофе зад,
Пеши ушшоқи ту шабҳо ба қаромат бархост.

Ин расм низ дар миёни аҳли тасаввуф марсум будааст. Ба ин сурат, ки «сӯфие, ки дар мароҳили сайру сулук хатое муртакиб мешуд, боиси ба унвони мучозот бар як по биистад» [Ҳиравӣ, с.124].

Саъдӣ низ ба ин расм ишора намудааст:

Умр набуд он чи ғофил аз ту нишастам,
Боқии умр истодам ба қаромат. [Саъдӣ, с.463].

Ин расм ханӯз ҳам дар баъзе мадорис марсум аст, ба ин сурат, ки донишомӯзро барои танбех маҷбур мекунанд бар рӯи як по биистад.

Яке аз маросимҳое, ки дар девони Ҳофиз бад-он ишора шудааст ин **бӯсидани чашм ба расми таҳсину офарин** аст:

Ҳар кас, ки дид рӯи ту бӯсид чашми ман,
Коре, ки кард дидаи ман беназар накард.

Асбу қабо фиристодан барои бархе аз меҳмонон ба нишонаи эҳтиром низ аз дигар маросими он замон будааст:

Ҳофиз суруди маҷлиси мо зикри хайри туст,
Таъҷил кун, ки асбу қабо мефиристамат.

Яке аз одатҳои машҳур ин **истанд бар оташ ниҳодан** аст, ки хеле қадимӣ аст, ки ҷиҳати ҷилавгирӣ аз чашми захм будааст. Ин одат ханӯз ҳам ҷузъи боварҳои оммиёна маҳсуб мешавад. Ҳофиз дар ин бора мегӯяд:

Ҳар он ки рӯи чу моҳат ба чашми бад бинад,
Бар оташи ту ҷуз чашми ӯ **сипанд мабод**.

Шамъ афруختан дар меҳроби масочид ва мақомҳои мутабарик барои ниёз хостан:

Пас аз чандин шикебой, шабе ё раб тавон дидан,
Ки шамъи дида афрузем дар меҳроби афруят.

Аз мисолҳои ғавқ маълум мешавад, ки дар ашъори Ҳоча Ҳофизи Шерозӣ истифода аз расму оин ва суннатҳои мардумии замони хеш ва ҳамчунин гузаштаҳои дур хеле фаровон аст. Бешак, тавачҷӯҳи Ҳофиз ба одобу русуми сарзамини худ будааст, ки пайванди мардум бо шеъри ӯ густурдатар гардидааст ва мардум сол то сол бештар ошиқи шеъри ӯ бишаванд.

Ба ҳамин тарик, огоҳӣ ёфтани аз бархе русуми фаромӯшшуда дар замони ҳозир, ки дар гузашта бо ташрифоти хос сурат мегирифтааст, метавонад бисёре аз нуқоти муҳими марбут ба фарҳанги мардумро ошкор кунад, ки яке аз манобеи нодири он осори Ҳофизи бузургвор аст.

АДАБИЁТ

1. Ҳофиз. Девон. Техрон, 1378, оварда шудааст.
2. Dundes A. The study of folklore. Hall. Inc. Englewood. Clifst. Nj, 1965.
3. Дузӣ Ройтхорт. Фарҳанги албасои мусалмонон. Тарҷумои Ҳусайн Алии Ҳиравӣ. Техрон. «Бунгоҳи наш рва тарҷумои китоб». 1359. -с.16.
4. Заринқуб Абдулҳусайни. Аз кӯчаи риндон. Техрон: «Амири Кабир», 1364.
5. Қадқанӣ Муҳаммадризо Шафъ. Шарҳи ғазалиёти Шамси Табрэзӣ. Техрон: Сухан, 1388.
6. Саъдӣ. Куллиёт / Фулом Ҳусайни Юсуфӣ. Техрон: Анҷумани устодони забон ва адабиёти форсӣ. 1359.
7. Фарзон Муҳаммад. Мақолати Фарзон. / Бо эҳтимоми Аҳмади Идораҷии Гилонӣ. Техрон, 1356. Ҷ. 1.
8. Ҳиравӣ, Ҳусайн Али. Шарҳи ғазалҳои Ҳофиз. Техрон. Ҷ.1. 1378.
9. Юсуфӣ Фулом Ҳусайн. Шарҳи Бӯстони Саъдӣ. Техрон: Анҷумани устодони забон ва адабиёти форсӣ. 1359.

НЕКОТОРЫЕ ИЗ НАРОДНЫХ ПРАВОВ И ОБЫЧАЕВ В ПОЭЗИИ ХАФИЗА ШИРАЗИ

В данной статье автором подвергнуты исследованию некоторые народные нравы и обычаи в поэзии Хафиза Ширази. Автор на примерах доказывает тот факт, что Хафиз в своих сочинениях очень широко использовал фольклорные и этнографические источники.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: народные нравы и обычаи, поэзия Хафиза Ширази, фольклорные и этнографические источники.

SOME OF NATIONAL CUSTOMS AND CUSTOMS IN POETRY GAFIZA SHIRAZI

In given article the author subjects research some national customs and customs in poetry of Gafiza Shirazi. The author on examples proves the fact that Gafiz in the compositions very widely used folklore and ethnographic sources.

KEY WORDS: national customs and customs, poetry of Gafiza Shirazi, folklore and ethnographic sources.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: *Фарибо Раиси* - соискатель факультета таджикской филологии Таджикского национального университета.

НАШРИ НАВИ "ТАЪРИХИ БАЙҲАҚӢ"

Муҳаммадҳасани Санъатӣ

Донишгоҳи давлатии омӯзгории Тоҷикистон ба номи Садриддин Айни

Адабиётшиноси маъруфи Эрон Муҳаммад Чаъфари Ёҳақӣ чанд сол пеш дар бузургдошти доктор Алиакбари Фаёз аз "Огоҳии жарф ва таомули сисола"-и устод байҳақипажӯҳӣ худ сухан гуфта буд. Ин дар ҳоле аст, ки дар бист соли гузашта байҳақипажӯҳӣ дар Эрон ба хусус чопи савуми "Таърихи Байҳақӣ" ба тасхеҳи доктор Алиакбари Фаёз номи доктор Ёҳақӣ бо номи доктор Фаёз ҳамроҳ будааст. Вай дар муқаддимае ба ин чоп аз феҳристи лугатҳо ва таркибҳое, ки худ танзим кардааст ва дар чопи дувум (1356) истифода намудааст, хабар медиҳад. Метавон гуфт дар тӯли сиву чанд соли гузашта доктор Ёҳақӣ бо ироаи чопҳои тоза аз "Таърихи Байҳақӣ"-и шодравон доктор Фаёз ва низ "Ёдномаи Абулфазли Байҳақӣ" дарбаргирандаи суханронии ҳамоиши бузургдошти Абулфазли Байҳақӣ (шахривар-1349) ҳамвора ба мутолиа ва нашри "Таърихи Байҳақӣ" ва мутолеоти байҳақишиносӣ камар бастааст.

Ёҳақӣ ва Саидӣ бо ҳам ба суроғи Байҳақӣ ва тасеҳ ва шарҳи асари ӯ рафтаанд, дар ҳоле ки то имрӯз ба ҷуз чопи Ганӣ Фаёз (Техрон -1324) ҳамаи чопҳои Байҳақиро афроде ба танҳои бар ӯҳда доштаанд. Ҳасом Рошидӣ – донишманди покистонӣ дар конгресси ҷаҳонии Абулфазли Байҳақӣ (Машҳад-1349) пешниҳод карда буд, ки "Ҳайате бинишинанд ва якҷоя ба чопи ин китоб иқдом кунанд". Онҳо дар дебоча аз зиндагӣ, замон ва осори Байҳақӣ, зикри Байҳақӣ ва таърихи ӯ дар манобеи кӯхан, Таърихи Байҳақӣ дар берун аз марзҳои забони форсӣ ва муруре бар чопҳои Таърихи Байҳақӣ сухан гуфтаанд.

Ёҳақӣ ва Саидӣ аз охири рӯзҳои зимистони 1382 / 2003 нахустин қадамҳоро барои муқобилаи "Таърихи Байҳақӣ"-и Фаёз бо нусхаи Фозилия бардоштаанд. Онҳо дар тасеҳи нусхаи Фозилия дар ҷамодиолоҳири соли 1296 ба дасти шахсе ба номи Мирзодовуди Ҳамадонӣ аз рӯи нусхаи дигаре навишта ва тасеҳ шудааст. Нусхаи Q аз нусхаҳои мавриди истифодаи Ёҳақӣ ва Саидӣ ба хатти ҳамин шахс сабт шудааст. Марҳум Маликушшуарои Баҳор дар ёддоште дар поёни ин нусха навиштааст "агарчӣ машхун ба ағлот аст, лекин барои кори тасеҳи "Таърихи Байҳақӣ" бад нест ва ҳусни он дар ин аст, ки котиб бесавод буда ва аз худ тасарруфе дар иборот нанамудааст". Нусхаҳои E ва D барои Ёҳақӣ ва Саидӣ шиносӣ нашудаанд. Нусхаи F таърихи қобили зикре надорад ва танҳо маълум аст, ки аз Ҳинд оварда шудааст. Нусхаи G тааллуқ ба китобхонаи миллии Порис таърихи панҷуми рабеулоҳири санаи 1274 дорад. Нусхаи J аз назари тасеҳи "Таърихи Байҳақӣ" аҳамияте надорад ва нусхаи K мавриди баррасии мусахҳеҳон қарор нагирифтааст. Нусхаи L ҳамон чопи мавриди истифодаи Нафисӣ аст, ки эҳтимолан Фаёз ҳам аз он истифода кардааст. Ёҳақӣ ва Саидӣ низ гоҳе аз он суд бурдаанд. Нусхаи M нусхаи безътиборе аст, ки котиб бо саликаи хеш тасарруфоти бисёре дар матн раво дошта ва бархе ҷойҳоро ба қулӣ тағйир додаст. Нусхаи N таърихи китобат надорад, аммо Фаёз таърихи китобатии онро қабл аз қарни 9 тахмин задаст. Ин нусха, ки котиби он камсавод будааст ва айнан калимаро наққошӣ мекардааст, дар қанори нусхаи U мутаалиқ ба китобхонаи музеи Британия шинохтатарин нусхаи W "Таърихи Байҳақӣ" ва нусхаи X маҳфуз дар китобхонаи музеи Британия-нусхаи мумтоз ва нафисе аст бо забтҳои мушгараке, ки доштаанд, ба тасеҳгарон кумак кардаанд, миқдори бештаре аз мушкилоти асарро ҳал кунанд. Дар байни нусхаҳои дигари мавриди тавачҷӯҳи Ёҳақӣ ва Саидӣ нусхаи T низ нусхаи муътабар шинохта шудааст. Бинобар ин, метавон гуфт, дар байни 24 нусхае, ки мусахҳеҳон дида ва аз ҳар қадом ба гунае истифода кардаанд, ду нусха W ва X дарвоқеъ нусхаҳои мутаалиқ ба китобхонаи музеи Британия дар тасеҳи тозаи "Таърихи Байҳақӣ" асл будааст.

"Таърихи Байҳақӣ" дар ду ҷилд мунташир шудааст. Ҷилди аввал шомили дебочаи муфассали мусахҳеҳони матни "Таърихи Байҳақӣ", мулҳақот шомили муқаддимаи баъзе аз нусхаҳои хаттӣ, тарҷумаи ҳикояи маҳбусии Бузургмеҳр ва феҳристиҳои эълони таърихӣ ва ҷуғрофӣ ва ҷилди дувум шомили таълиқот, 12 феҳристи гуногун, аз "луғот ва таркибот" ва китобнома мебошанд.

Дар дебочаи мусахҳеҳон баробари шарҳи зиндагӣ, замон ва осори Байҳақӣ, ҳамчунин ба ҷанбаҳои таърихӣ ва адабии "Таърихи Байҳақӣ" ишора шудааст. дар тавзеҳот дар ҳар маврид, ки бо номи силсилаҳои ҳукумати ва ашхоси ҳукуматгар ҳамроҳ мешуда, шаҷарае барои шиносондани аҷдоди ҳар хонадон танзим гардидааст.

Дар баробари ҳамаи ин, дар хошия чанд нуктаи дигар низ қобили зикр ба назар мерасад.

"Таърихи Байҳақӣ" ба тасҳеҳи Ёҳақӣ ва Саидӣ ду китобнома дорад: китобномаи дебочаи мусаҳҳеҳон ва китобномаи таълиқот. Аммо аз китобномаи чомеъ бебаҳра аст. Мутаассифона, ба осори мунташира дар ҳавзаи байҳақиҷажӯҳӣ дар Русия ва Тоҷикистон, дар китобнома мунъакис нагардидааст. Танҳо дар дебочаи мусаҳҳеҳон ишорае шудааст, ки: «Бартолд-муҳаққиқи номдори Иттиҳоди Шуравии собиқ "Таърихи Байҳақӣ" ба унвони яке аз муҳимтарин манобеи қорҳои зиёди худ дар мавриди Туркистон ва Осиёи Марказӣ суд бурдааст. Дар ҳамин бахш, яъне "Таърихи Байҳақӣ" дар берун аз марзҳои забони форсӣ мунтахабе аз "Таърихи Байҳақӣ" дар 1939 дар Ленинград ва Маскав ва матни комили он бо муқаддима ва шарҳу тавзеҳи А.К.Арендс бо унвони "Таърихи Масъудӣ" дар соли 1962 дар Тошканд мунташир ва дар соли 1969 дар Маскав дубора чоп шуд". Дар бахше аз дебочаи мусаҳҳеҳон яъне муруре бар чопҳои "Таърихи Байҳақӣ" ва муаррифии нусхаҳои "Таърихи Байҳақӣ" тасвири баъзе аз чопҳо ва нусхаҳои ин асари арҷманд ироа гардидааст, ки агар дуруштар ва хонотар ба чоп мерасид, бештар бар ғано ва истиноди қор меафзуд. Аз ҳамин қабил аст ду нақшаи поёни дебоча, ки мисли тасовири мазкур рез ва ғайрихоно аст. Нақшае, албатта, дар абъоди муносиб дар интиҳои ин китоб ба чоп расидааст, ки ба хубӣ теъдоде аз эълони шохиси ҷуғрофиёро нишон медиҳад.

Хулласи калом, Муҳаммад Ҷаъфарӣ Ёҳақӣ ва Маҳдии Саидӣ бо ин тасҳеҳ хизмати арзандае дар ҳавзаи байҳақиҷажӯҳӣ аз худ ба ёдгору гузоштаанд, ки барои таҳқиқи бештаре амиқтари "Таърихи Байҳақӣ" мусоидат хоҳад кард.

АДАБИЁТ

1. "Таърихи Байҳақӣ"-и Абулфазли Байҳақӣ: тасҳеҳ, тавзеҳот, феҳристҳои Муҳаммад Ҷаъфарӣ Ёҳақӣ, Маҳдии Саидӣ, чопи аввал, дуҷилд, Техрон, "Сухан", 1388, 1866 с.

НОВОЕ ИЗДАНИЕ "ИСТОРИЯ БЕЙХАКИ"

В статье рассматривается новое издание ценного исторического и литературного источника "История Бейхаки". Научно – критический текст данного источника подготовлен известным литературоведом Муҳаммад Джафаром Ёҳақӣ и историком Меҳди Саидӣ на высоком научном уровне. В статье указывается на основные особенности этого издания и его научное значение.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: история Масъуди, коррекция, сноска, индекс, введение, воспоминание, конференция, творчество, сравнение, копия

NEW EDITION OF "THE HISTORY OF BEYHAQI"

The article deals with new edition of the valuable, historical and literary source "The history of Beyhaqi". Scientific –critical text of present source is prepared by a well-known philologist Mohammad Jafar Yahaqi and historian Mehdi Sayyedi on a high scientific level. In the article there, the main features of this edition and its scientific significance has been indicated.

KEY WORDS: history of Masudi, correction, footnote, index, introduction, commemoration, conference, comparison, copy.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: *Муҳаммадхасан Санъати* – соискатель Таджикского государственного педагогического университета им. Садриддина Айни

ҲАДИСИ ИШҚ АЗ ДИДИ ЛОИҚ

Бибиҳаво Шарофова
Донишгоҳи миллии Тоҷикистон

Дар замони мо ишқи дунявӣ ҳамчун ҷинсе ба назар омад, ки ҳама кас аз он сӯҳбат мекунад, вале касе онро надидааст, балки шоирони тавоно дар миёни диду водидҳояшон на фақат дидаанд, балки аз ғаризаи он бардоште ҷовидона низ кардаанд. Дар ин замон ба назари мо Лоиқ ягона шоире буд, ки ҷилваҳои тозаии ин ғаризаи зебои инсонӣ, «ин афсари зиндагониву саъодати ҷовидонӣ» (Гуте) ва «ҷутоҳтарин роҳ аз қалбе ба қалби дигар» (Мурис)-ро бо рангу рағани тоза падида овард.

Ишқи дунявӣ барои Лоиқ як таҳаввули амиқ дар роҳи шинохти ҳақиқати зиндагӣ ва кашфи холиғҳои замири инсон аст. Шояд яке аз омилҳои тавоноии рӯҳ, зиндадилӣ ва часорати хунарии Лоиқ барои дарёфти моҳияти инсонӣ ва созандагии ишқ буд. Ва шояд, ба қавли Афлотун «ишқ ва ошиқӣ ҳама касро шоир мекунад» ҳамин ғаризаи табиӣ буд, ки Лоикро шоир кард.

Адабиётшинос Худой Шарифов табиати Лоикро «моил ба лирика ва гуфтори ғиноӣ» медонад (Худой Шарифов. Шоири бузург, сах.59). Ин гуфта ҳақиқати завқу истеъдоди шоирро ифода намекунад. Дар шинохти тафаккури ғиноии Лоиқ байти

Ман аз азал, ки шоири ошиқ расидаам,

ёри мекунад.

Ба андешаи Худой Шарифов «мавзӯи ишкро Лоик аз чумлаи розҳои хусусии муҳолиф ба мавзӯоти умумии расмии давр инкишоф дод. Ишқ рози инсон аст, рози дилу хоҳишҳо, рози шавку шӯр, рози андеша ва гирифториҳо ва дар ҳама ҳолат бӯи мардумӣ медиҳад» (Худой Шарифов, ҳамон ҷо, сах.58). Ва шояд «бӯи мардумӣ» доштани ҳамин шеъри гиноӣ буд, ки Лоикро ҳам суннатгаро карду ҳам навгардоз. Яъне вай тавонист, ки ҳам дар шаклҳои суннатӣ (ғазал, дубайтию рубоӣ ва ғайра) ва ҳам дар шаклҳои дигари шеърӣ ишқияҳои ҳассос гӯяд. Ин равиши эҷодии ӯ аз нахустин маҷмӯааш «Сари сабз» (1966) ошкор буд ва аз назари донишмандони адабиёт пинҳон намонд. Дар ин маврид мулоҳизаи зерини Муҳаммадҷон Шакурӣ ҷолиб ба назар мерасад: «Аз шеърҳои ин маҷмӯа садои таппиши дили софу беғубори ҷавоне шунида мешавад. Шеъри Лоик пур аз ҳаяҷон аст, ки аз ҳар мисраи он ҳис карда мешавад. «Ишқи аввал, ишқи ҷавонӣ на танҳо қаҳрамони лирикиро ба тугён овардааст, балки ба рӯи ӯ даре ба олами ҳаёти ҳақиқӣ кушодааст, ин ишқ ҳамон чизест, ки одамро одам мекунад» (Муҳаммадҷон Шакурӣ. Сухан аз лирика, ҳамон ҷо). Баъд муҳаққиқ пораи зеринро аз як шеъри лирикии Лоик иқтибос мекунад:

То набудӣ, дили ман косаи бешарбат буд,
Ҳасаду рашк ба ҳар ошиқи хуррам мебурд.
Ғаҳ розӣ будам аз яъс ба ҷон додани худ,
Марги марг аст кунун омаданат, ёри азиз!..
Мархабо, воситаи хушдику хуррам шуданам,
Мархабо, панди сабабгори мукаррам шуданам.
Мархабо, воситаи сӯхта одам шуданам,
Лоиқи лоиқи ту будаму ҳастам, санамо!

(Аз ҳамон мақола, сах. 210)

Баъд муҳаққиқи дақиқбин нахустин мушоҳидаҳояшро аз тарзи идроки бадеии Лоик хангоми гуфтани шеъри ишқии лириқӣ чунин баён мекунад. «Дар ин абёт ҳиссиёти инсонӣ маъноӣ фарохтаре касб карда, ба як ҷузъи дарки дунё табдил ёфтааст ва дар онҳо садои қалби пуруэҳсоси муаллифи онҳо, ташнаи ҳаёт будани ӯ ба хубӣ намоён аст... Вақте ки кас шеъри Лоикро мехонад, гумон мекунад, ки сесаду шаст рағи вай ғайрату энергия аст ва ӯ тайёр аст, ки ин ҳамаро дар як лаҳза дар роҳи инсон ва бахту саодати вай ба харҷ диҳад» (ҳамон ҷо, сах.211).

Муҳаққиқ аввалин қадамҳои Лоикро «дар лирика хеле хурсандбахш» дониста, таъкид меваразад, ки «лирикаӣ ӯ мисли ҳаёли пурҷӯш пурмаъно ва рангин аст. Ишқияҳои вай боз як бори дигар нишон медиҳанд, ки дар ин гуна шеърҳо ҳаяҷон ва мазмуни ҳақиқатан эмотсионалӣ, ҷустуҷӯи роҳҳои кушодани олами ҳиссиёти мардуми имрӯза то чӣ андоза зарур аст» (Муҳаммадҷон Шукуров, ҳамон ҷо, сах.211).

Маҳз ҳамин ҷустуҷӯҳои самарабахш Лоикро, бешак, ба дарёфти тарзу тариқи тозаии гуфтани шеъри лириқӣ, аз чумла шеъри лириқии ишқӣ овард. Лоик дар як шеъраш таъкид меваразд:

Шӯри ғамат намебуд, шеърнам намак намедошт,
Ғамҳои ӯ намебуд, ин шеърҳо набуданд.

Дар тарзи Лоик ишқ нубуғи ақл аст, балки мероси умумии рӯҳҳои ҷовиди мост. Бинобар ин ҳам, ишқҳои Лоик «аз паи ранге» (Мавлавӣ) нестанд. Зеро Лоик хуб дарк карда буд, ки:

Ишққое, к-аз паи ранге бувад,
Ишқ набвад, оқибат нанге бувад.

Ҳамин усули идроки бадеӣ ва шинохти хизмати инсонӣ ошиқ, яъне таҳаммули дарди ишқ ба ӯ «шеваи шоирӣ омӯхта» дар оташи хеш «сӯхтаву сохта афрӯхтааст» (нигар. Юсуф Акбарзода. Шеърӯ шоир аз нигоҳи Лоик Шералӣ. Боргоҳи сухан, 2003, №1, сах. 160).

Ҳақ ба ҷониби Абдунабӣ Сатторзода аст, ки «шеърҳои ошиқонаӣ ӯ зеботарин қисмати мероси адабии ӯ мебошанд» (Куллиёт, сах. 14). Ва «ин зебой ва нотақрорӣ шеърҳои ошиқонаӣ замони шоир дар он аст, ки онҳо ҳар як дар худ як ҳолат, як рӯҳия, як манзара, як фазо, як эҳсоси муайяни муайян ва нотақрор олами ишқро шоирона ва ошиқона ва бе рӯву риё бозгӯб медиҳад» (Абдунабӣ Сатторзода, ҳамон ҷо, сах. 14). Дарунмоияи шеърҳои ошиқонаӣ шоир иборат аст аз васлу ҳичрон, дарду ҳасрат, ёду ёдмонаҳо, хушиҳои ҷавонию ҳасрати пирӣ, баҳору хазони ишқ ва ғайра.

Ба қавли Гулназар, «дар адабиёти навини мо гуяндае чун Лоик ошиқонаҳои зиёде насурӯдааст. Аз шеъри озод гирифта, то ҷаҳорпораҳо, ғазалҳо, дубайтиҳои Лоик ҳама лабрези ишқанд» (Гулназар. Лоик чун Лоик, сах. 24). Дар ҳақиқат, ишқияҳои Лоик хеле фаровон ва гуногунанд. Ин гуногунӣ имкон медиҳад, ки хонанда аз он чизи ба дилу рӯҳаш наздикро ҷудо карда бигирад. Дар ин маврид Гулназар гуфтааст, ки «Имрӯз ҳофизони мо аз саҳар то шом сурудаҳои Лоикро тараннум мекунанд,

байтҳои Лоик номаҳои ошиқонро оро медиҳад, ҷавонон бо шеъри Лоик ишқварзӣ мекунад. (Гулназар, сах.14).

Тавачҷӯхи доираҳои гуногуни хонандагон худ гувоҳ аст, ки ишқияҳои Лоик гуногунранганд, пурмаъно ва муассиранд. Дар ин гуна шеърҳои ӯ «як хиссу ҳаяҷон, як лаҳзаи зебою хузнангези шодӣ ва азобу укубат, ташвиш ва садои дили пурҳарорати ошиқони ҷавон бо санъати баланд ифода ёфтааст. Дар ин шеърҳо лаҳзаҳои мухталифи ҳолату вазъият, хислату характери дилдодагон ба шаклу услуб ва фикру ақидаҳои тоза ифода ёфтаанд. Шоир қариб дар ҳар шеъраш то андозае тағйир ёфтани характеру ҳаҷони маънавиёти ошиқонро тараннум кардааст ва аз ин ҷиҳат аксари шеърҳои ошиқонаи ӯ (на танҳо шеърҳои лирикии ишқияш) давоми ҳамдигаранд, яке дигареро аз ягон ҷиҳат пурра ва саҳеҳу равшан месозанд» (Юсуф Акбаров. Қисмати инсон ва қисмати шеър. Душанбе, «Дониш», 1980, сах. 30-31).

Лоик дар як мусоҳибааш гуфта буд, ки «ишқ маънои ҳастӣ, умеди зиндагии инсон ва шинохтани қадри инсон аст. Одам ҳар қадар ошиқ бошад, зиндагӣ барояш ба он андоза азиз ва ғанимат менамояд. Рӯзе, ки ошиқӣ одамон ба назарат зеботар, офтоб равшантар, боди сабо дилангезтар менамояд. Ошиқ набошӣ, субҳу шомро фарқ намекуни:

Мардумо меган, ки ошиқи осунай,
Хок осунай, алови даргирунай. . .

Тамоми шоирони дунё ишқро маънӣ кардаанд ва касе комилан нагуфтааст, ишқ чист? Ишқ мисоли рози коинот, рози ҳастӣ, рози дунёст, ки «кас нақшоду нақшоёд ба ҳикмат ин муамморо. . .

Эй ишқ, ки бо ҳазорон чун бечунӣ,
Аз ҳар чӣ бигӯянд, аз он афзунӣ.
Ҳафтоду ду миллат он чӣ гуфтанд туро,
Ҳастӣ ҳамаву аз ҳама ҳам берунӣ»

(«Ҳамосаи шеър», «Комсомоли Тоҷикистон», 17 июни соли 1984)

Дар ин мусоҳиба шоир ба саволи он ки «Худатон ошиқ будаед?» посух медиҳад, ки «Ошиқ будам ва чандин дарду балоҳои ишқро кашаидам» (ҳамон ҷо).

Лоик дар шеърҳояш низ ҷо-ҷо ба саволи «бо ҳазорон чун бечунӣ»-ҳои ишқ ҷавоб гуфтааст. Масалан, дар як ҷаҳорпорааш, ки аз тафсири «аввали ишқ», «охири ишқ» иборат аст, бо шаш банди ҷаҳормисраи ҷавоб мегӯяд:

Аввали ишқ – осмони баланд,
Охири ишқ – хоки домангир.
Аввали ишқ – орзуҳои гарм,
Охири ишқ – орзуҳои пир.
Аввали ишқ – гулафшони баҳор,
Охири ишқ – баргрезихост,
Аввали ишқ – аввали дунёст.

(Кулӣёт, сах.620)

Ҷаҳор мисраи дигар бо мисраи «ошиқон шоирони бедевон» сар мешавад, асосан дар шарҳи калимаи ошиқон ва ҳолу ҳавои онҳост. Ин ду шеър, ки зикр кардем, барои шинохти мабдаи зеҳнии шеърҳои лирикии ошиқонаи Лоик мисли иқтибоси аз мусоҳибаи «ҳамосаи шеър» овардаанд, бевосита ёри мерасонанд.

Ҳанӯз Белинский гуфта буд, ки «личность поэта является на первом плане и мы не иначе как через нее, все принимаем и понимаем» (Белинский. Собранные сочинение, Москва). Хусусияти аслии шеъри лирикӣ, аз ҷумла лирикии ишқӣ ҳам ҳамин аст, яъне дари дилро ба рӯи хонанда кушодан, ба ӯ дар бораи худ ва замони ҷиҳе гуфтан ба воситаи рӯҳи қалби худ. Рамзи тарқишҳои дунё, ки Гуте аз дили шоир мегузаронад, рамзи пайванди амиқи шоир бо воқеият аст, ки дар хислат ва шахсияти ӯ мучассам мешавад. Лоик дар гуфтани шеъри ишқӣ лирикӣ ба ҳамин назар содиқ монд. Беш аз ин барои ӯ ҳарчанд, «ишқ ширинтар аз издивоҷ буд», ба ин далел буд, ки замони ширинтар аз таърих буд. Маҳз дар оинаи замони ширинтарин хушӣ ва бадтарин андӯх будани ишқро дарёфт ва сарехан шинохт.

Ҳамин равиш Лоикро водошта, ки дар заминаи анвоъ ва ақсоми эҳсосот ва авотифи башарӣ шеъри ғаноии ишқӣ гӯяд. Агар дар ин ҳол бигӯем, ки сурудаҳои ишқӣ ӯ саромади соири нағмоти уст, муболиға намешавад. Зеро агар гуфтан ҷоиз бошад, «ман»-и ӯ дар бораи худаш аст, ба дарки саҳеҳи он ки «ман»-и ӯ таҷрибаи дигаронро, гоҳо бисёрхоро мегирад, махсусан дар шеъри ғаноии иҷтимоӣ, ишқӣ, ватанхоӣ.

Лоик дар нимаи дуввуми садаи бист ба гуфтан ва нашри шеър шурӯъ кард. Ин аср бо хостаҳои тозаи худ ба муҳити зеҳнии шеърӯ адаби форсии тоҷикӣ ворид шуд. Адабиёт, аз ҷумла шеърро дар маҳватаи хостагӣҳои сиёсӣ ва худхоӣ нигоҳ дошт. Вале қаламкашоне буданд, ки гоҳ-гоҳ ин маҳватаро

рахна мекарданд ва нақши хешро дар зехни вақт мегузоштанд. Лоик шоире буд, ки дарахтеро, ки қаблан дар борааш садҳо шеър гуфтаанд, дубора дигаргуна дид ва дар ҳамон дид биниши замони ва маконии хосеро сабт кард ва «оҳанги шеъри ӯ, тундии эҳсоси ӯ бо ҷушу ҳуруши ҳаёти ҷавони мувофиқ омад» (Гулназар. Лоике чун Лоике, сах. 16). Ҳақ ба ҷониби Гулназар аст, ки «ошиқномаҳои хеле ками Гаффор Мирзо ва ӯ Мӯъмин Қаноатро» ба ошиқномаҳои Лоик баробар намедонад ва ҳатто «шеърҳои лирикии Мирзо Турсунзода ва Боқӣ Раҳимзодаро» нисбат ба шеъри Лоик ба «ҷуйи ороме» шабоҳат медиҳад. Ва Лоик дар ҳамин ҳол воқеан ҳам «бо хассосияти ҷавқулода ва қудрати баён тавонист, ки бо ниёзмандиҳои даврони зиндагиаш ҷавоб гӯяд, ба воқеияти муҳит аз дариҷаи танг нанигарад. Дар ҳамин росто шеъри ғаноии ишқии ӯ паноҳгоҳи шахсият, ягонагӣ ва ҷавҳари зиндагии созанда гардид. Он рӯзҳо, ки Лоик чунин шеърҳо мегуфт, воқеан «Дунё аз маънӣ ҳолиитар» мешуд, бинобар ин ҳам «ниёз ба шеъри воқеӣ махсустар» мегардид» (Марк Ален-Александр).

Лоик дар бораи нақше, ки ишқ ба рушду такомули шахсият ва ахлоқи инсон ифо мекунад, гуфтаҳои зиёд дорад ва ин андешаашро дар бисёр шеърҳои ӯ тақвият мебахшад, ки намунаи ин ҷаҳорпораҳост:

Ишқи ту, эй зани покизаназар,
Шоирӣ покназар кард маро.
Қудрату шӯру шарорам бахшид,
Раҳрави роҳи хунар кард маро.
Он ҳама шеър, ки гуфтам дар ишқ,
Ба Худо як қалам ашъори ту аст.
Гар ту бишнохтиям ошиқи хеш,
Ошиқи ҷумлаи дилҳоям ман
Гар ту бишнохтиям шоирӣ хеш,
Ошиқи ҷумлаи дунёам ман!

(Кулӣёт, сах. 626)

Шоирӣ бузурги мо дар шиноҳти фалсафаи ҳастӣ бар уручи андешаҳо ба Муҳаммад Иқбол мерасад. Маълум аст, ки «фалсафаи ҳаёт дар назари Иқбол мубтанӣ бар фаъолияти мустамар ва оташи шавқ ва орзуст ва ин маънӣ ҷузъе аст аз доктранти ишқи ӯ; бо ин ки ишқ мустаязами норухатӣ аст // Лоик: Аввали ишқ – бӯсаи ширин, охири ишқ – талху шӯриҳо. Аввали ишқ – нашъаи дидор, охири ишқ – захри дуриҳо // маъзалик ҳамин норухатӣ ва одамии оромӣ аст, ки ба ҳаёт арзиш медиҳад, то идомаи онро бихоҳем» (Ғуломризо Саъидӣ. Андешаҳои Иқболи Лоҳурӣ. Техрон, 1370, сах. 65). Иқбол мегӯяд:

Ишқ аст, ки дар ҷаннат ҳар кайфият ангезад,
Аз тобу таби Румӣ, то хайрати Форобӣ.

Лоик мегӯяд:

Дили осударо пур мавҷи тӯфон мекунӣ, эй ишқ,
Сари бедардро гардуни гардон мекунӣ, эй ишқ.

Ва ӯ:

То қиёми ишқи шӯрангезат, эй маҳваш набуд,
Ҳеч гоҳ дар синаи ман ин қадар оташ набуд.

Адабиётшинос Худой Шарифов дар мақолаи «Шоирӣ бузург» хангоми таҳлили ишқияҳои шоир як мушоҳидаи ҷолиб дорад. Ба назари ӯ «Лоик дар мавзӯи ишқ тақия ба завқу фаросати мардумии худ дорад, аз сарчашмаи фикрии таълимӣ ва хунарии касе баҳра намегирад ва ба салафҳо пушти ҳимоят намениҳад. Ӯ ба таъби саршор бар рӯи боли шавқ ва фаросати дарёфти худ ба сӯи олами маънавий парвоз мекунад. (Худой Шарифов. Шоирӣ бузург, сах. 60).

Ба гумони мо, ин андешаи муҳаққиқ ба тамоми марҳилаҳои эҷодиёти шоир содиқ нест. Чунки Лоик баҳрабардорӣро аз салафҳои худ ҳамеша эътироф кардааст. Мулоҳизаи зикршуда, ба гумони мо, бештар ба давраи аввали эҷодиёти шоир мувофиқ аст. Ва вақте ки мо ишқияҳои маҷмӯаи аввали Лоик «Сари сабз»-ро аз назари таҳлил мегузаронем, мебинем, ки воқеан ҳам шоир бештар дар заминаи «фаросати дарёфти худ» шеър мегӯяд. Яке аз чунин шеърҳо ҷаҳорпораи «Меҳр ва зар» аст. Дар ин шеър таассуроти шоир аз бархӯрди қаҳрамони лирикӣ ба воқеияти муқаррарии рӯзгор тасвир шудааст. Дар шеър сарнавишти донишҷӯе тасвир шудааст, ки аз қадр нашудани муҳаббаташ аз тарафи дӯстдоштааш саҳт норухат аст, дард мекашад. Ниҳоят эҳсоси солими дарки фосилаи ахлоқии миёни худ ва дӯстдоштааш қаҳрамони ғиноиро сари хулосаи ифтихоромез меоварад:

Гар дар назарат, ёр, манам донаи гугирд,
Шояд, ки шавам машғала баҳри каси раҳум.
Дар қадр манам пораи ангишт, умедам:
Оташ шаваму гарм кунам хонаи мардум.

(Куллиёт, сах. 539)

Хамин тарзи идроки воқеиятро мо дар шеърҳои «Дидгоҳи хотира» (1964), «Дар базм» (1964), «Хотира дар пушти сурат» (1964), «Маро хушбахт кун, эй гул» (1965) ва ғайра низ мебинем. Ба назари мо, хамин «фаросати дарёфти худ» ё ба ибораи дигар, чашми мушоҳидакор яке аз омилҳои будааст, ки «Лоик ҳангоми эҷоди шеъри «Ба модарам» истифода кард ва ба саропои қаҳрамони лирикиаш пирохани хосаи миллии пӯшонд, дар шеърҳои ошиқиаш ба кор бурд ва миллияти сурудаҳои худро ба маротиба афзуд» (Гулназар, сах. 20). Дар ин замина Гулназар байту мисраҳои зеро мисол меоварад:

Зи пушти курсӣ аз устод пинҳон
Қатори кокулашро мешумурдам.

Бишмурда кокули туро омӯхтам ҳисоб

Ба гардан мӯҳраи мору ба сар рӯмоли шоҳӣ дошт

Он хафабанду он сари сина

Ба сарат тоҷи арӯсӣ шаби тӯй.

Мачмӯаи нахустини шеър аз ишқияҳои фароҳам омадааст, ки бештар натиҷаи ангезандаҳои ҳиссианд. Дар ин гуна шеърҳои ҳаёлино орзуҳои романтикӣ қаҳрамони лирикӣ мавқеи хос дорад. Масалан, шеъри «Муҳаббати аввал» чунин аст: Дар шаби сарди зимистон хотироту ёдҳо дили қаҳрамони лирикиро пора менамоёнд. «Ҷаҳон дар назари навошиқ оташхонае» (Юсуф Ақобиров) мешаваду «дар қалбаш шарар» мерезад. Вале дар хотимаи шеър қаҳрамони лирикӣ аз кобус берун меояд ва умеди ба ҳақиқат табдил ёфтани «хотироту ёдҳо» мекунад.

Мутаассифона, дар шеърҳои индавраинаи Лоик (манзур ишқияҳои мачмӯаи «Сари сабз» аст) чандон амиқ ва низ гуногун нест. Ҳол он ки ӯ метавонист ҳам шодио хурсандӣ, ҳам нашъаи ишқ, ҳам ғаму азобҳои он, ҳам шубҳаю изтиробҳои ошиқ, ҳам он матонату суботро, ки ишқ ба дилдодагон мебахшад, ҳам дили нозуку зудранҷи ошиқ ва ғайраро тасвир намояд, ҳолатҳои гуногунӣ рӯҳияи инсонро нишон диҳад. Мумкин аст, ки яке аз ин ҳолатҳо дар рӯҳияи қаҳрамони лирикӣ бештар бошад ё мавқеи асосӣ гирад, вале шоири лирик ба тасвири қаҳрамон аз қадом ҷиҳат, ки наздик шавад, бояд дили начибӣ вай ва эҳсосоти бузургвори қалби ӯро ошқор намояд, бузургии инсон ва эҳсосоти башариро намоён кунад. (Муҳаммадҷон Шакуров. Сухан аз лирика, сах.209).

Дар шеъри «Кӯзай армон» мо мебинем, ки дигар Лоик бо эҳсос коре надорад. Ин шеър намунаи комили ифодаи драматикии эҳсосот аст. Ин аз сифатҳои тозаест, ки дар нимаи дуҷуми солҳои шаст бо кӯшиши Муъмин Қаноат, Лоик, Бозор Собир ба шеъри тоҷик омад. Ин навиро он солҳо устод Шарифҷон Ҳусейнзода чунин шарҳ дода буд: «Дар шеъри Лоик кӯшиши баёни эҳсосоти драматизми одамӣ пай бурда мешавад» (иктибос аз китоби Аскар Ҳаким. Шеър ва замон, сах.119 гирифта шуд). Ҳамзамон Аскар Ҳакимов инъикоси ҷаҳони ашӣ ва олами эҳсосро дар идроки шоир дар таносуби неку бад ва хайру шар ба мушоҳида гирифта, ин тарзи идроки бадеии воқеиятро омилӣ «инкишофи ҷараёни драматикӣ» дар эҷодиёти Лоик, аз ҷумла дар ашъори ғаноии ишқии ӯ доништа буд (ниг. Аскар Ҳакимов. Шеър ва замон, сах. 120). Муҳаққик дар ин замина шеърҳои «Муҳаббати аввал»[1], «Ҷавонӣ меравад», «Дар базм» ва «Сатрҳои нотамом»-ро «маҳсули хамин гуна идрок» (Аскар Ҳакимов, ҳамон асар, сах.120) мешуморад. Ба назари муаллиф дар ин шеърҳо ҳиссиёти муҳталиф ва ба ҳам зидди ғаму шодӣ, умри ҷовидону марг, муҳаббату нафрат, садоқату хиёнат бар муқобили ҳамдигар шӯриш мекунанд. Дар ҷаҳор-панҷ банди аввали шеъри «Дар базм» хамин шӯриши ҳиссиёти муҳталиф барои тасвири усули драматикӣ қоим афтадааст. Харакат ва амалиёти маъшуқа, ки ҳиссиёти саршори хурсандӣ ва шодии ӯро ифода мекунад, дар қаҳрамони лирикӣ, баръақс ғаму андӯх ва дар ниҳоди ӯ сӯзиш бедор месозанд. Ҳиссиёти маъшуқа ифода намешавад, онро танҳо аз ҳаракату амалиёти ӯ пай бурдан мумкин аст. Дар тасвири қаҳрамони лирикӣ бошад, баръақс, танҳо ифодаи ҳиссиёти ӯ ба кор бурда шудааст:

Дар дили шаб ҷоми заррини кафи ёр,
Медурахшиду дилам шод мекард
Бо садои қарс-қарси панҷаҳои нозукаш
Ҷони ман ҳам аз дари ангушт мерафт.
Гох чашмак мезаду бо як нигоҳаш мерасонд,
Қиссаи ишқи ҷавониро ба ёд.
Дар дилам тӯфони баҳру нолаҳои бодро
Медамонду бар ниҳодам
Оташи ғам мениҳод.

Харфҳои канда-канда, нозҳои дилбарона,
Мастӣ аз дидору аз май
Хастагиямро барбод мекард.
Хамчу шамшод аз вазиданҳои боди шӯхшанг,
Печу тобе хӯрда ӯ арғушт мерафт.

Тасвири доманадори рақси маъшуқа, аз як тараф, баёни мухтасари ҳиссиёти ошиқ аз тарафи дигар, ба ҳам муқобил афтода, «барои шиддати драматизм хизмат кардааст» (Аскар Ҳақимов, Садои Шарк, сах.120-121).

Аскар Ҳақим шёри дигари ошиқонаи шоир «Оби Омӯ як замон мерехт дар баҳри Хазар»-ро (ин шёри дар Куллийт бо номи «Моҳии тилло» омадааст) низ ба ҳамин усул нақд карда, сухани шоирро «оромии ҳикоягӣ» (Аскар Ҳақимов, сах.112) унвон мекунад ва «дар зимни ин оромӣ» шӯриши ҳиссиёти пурзӯреро ба мушоҳида мегирад. Ин таҷриба, ки ханӯз аз меҳвари зехнии шинохти шахсият ва ормонҳои ғиноӣ баҳра надошт, аз анъанаҳои устодони «шёри советии тоҷик» баҳраманд буд. Абзори фарсудаи шёри ин давра ҳамин усули ривоят ё худ ба таъбири Аскар Ҳақимов «баёни мухтасари ҳиссиёти ошиқ» буд. Ин гуна усули «ба воситаи ифодаи таассуроти фардии қаҳрамони лирикӣ» (Аскар Ҳақимов, сах. 44) ё худ нақд баён кардани сарнавишт ё худ ормонҳои фард (қаҳрамони лирикӣ), ба назари мо яке аз омилҳои буд, ки адабиёти моро, ба хусус шёро аз сатҳи бозҷустҳои маънавию ҳунарии адабиёти ҷаҳон дур медашт.

Ин ҳолатро муҳаққиқон дар адабиёти дунё низ мушоҳида кардаанд. Аз ҷумла, мулоҳизаҳои зерини Эрнест Косирад, ки дар бораи наср меғӯяд, билкул ба шёри мо низ содиқ аст. Ӯ менависад: «Ҳамон гуна, ки донишманд қошифи қавонин ва ҳақоқиқи ин ҷаҳон аст, ҳунарманд қошифи суратҳои (фигураҳои) ин ҷаҳон аст. Нависандаи дoston қошиф аст, чӣ буррише аз зиндагӣ ё рафтори инсон ифода кунад ва чӣ шиноخته амиқ аз мавқеяи одамии дар ҷаҳон ба мо бубахшад». Нависандагони имрӯз дар паи нишон додани шароити зиндагӣ ва мавқеяи одамии ва низ халқи ҷаҳон мумкин дарёфтанд, ки бархе абзорҳои онон қороии худро аз даст додаанд ва дигар ба қоре намеоянд. Онҳо ҳар чӣ бештар аз воқеяи айнии аз реализм, аз маъонии намодин (намудан, нишон додан), аз тарих, аз тарҳ, аз ҳадиса ва аз тасалсули (силсилаи) рӯйдодҳо рӯй гардониданд ва дарки зехнии ривоятгарро ба унвони танҳо воқеяи тазминшудаи дoston пазируфтанд. Бад ин тартиб, шеваи ривоятгари (ровии) донои кулл барои онон ба сурати абзоре фарсуда даромад ва ҳатто ибодии ривоятгари пинҳон низ наметавонист қостҳои онро аз миён бардорад» (нигар: Дoston ва нақди дoston, ҷилди нахуст. Техрон, 1368, сах.19).

Дар пайи ана ҳамин ҳодиса дар адабиёти ҷаҳон шеваи меҳвари зехнӣ ба вучуд омад ва рушд кард. Нимаи дуоми солҳои шаст, албатта бо таъсири, пеш аз ҳама, адабиёти инсонии рус (дар шёри Сергей Есенин) ва баъзе аз намоёндагони Эрон (ба хусус Нодири Нодирпур) бархе аз шоирони мо, аз ҷумла Мӯьмин Қаноат то ҷое ба қолибшиқанӣ пардохтанд. Ин равиши тозае, ки дар роҳи идроки бадеии воқея дар шёри мо шакл гирифт, мутаассифона, ханӯз омӯхта нашудааст, бинобар ин мо дар ин ҷо аз ин зиёд маҷоли сухан надорем.

Фақат таъкид мекунем, ки Лоик асосан бо таълифи шёри «Ба модарам» ин сукутро шикаст. Ӯ тавонист, ки бо ба қор гирифтани шеваи меҳвари зехнӣ паёмҳои ҷаҳони хорич ва ботини инсонро ба воситаи мушоҳида ва дарёфти зехнӣ ба хонанда бозфиредад. Роҳи судманди истифода аз ин шева дар эҷодиёти Лоик судманд аз «ман»-и зехнӣ ё шахси аввали зехнӣ буд. Ин усул марзҳои тасвир ва андешаро дар шёри Лоик фарох сохт ва бешак сабаби ҳайратангези ӯ дар байни хонандагон дастёбии ӯ дар ҳамин шеваи тасвир аст.

Дар шеърҳои қаблии Лоик, махсусан, ишқияҳои ӯ «ман»-и шёри ё қаҳрамони лирикӣ танҳо нозире буд, ки рӯйдодҳо ва ё амалу қирдори қаҳрамони лириқиро, ки дар баробари ҷашмони ӯ будаанд ё зистаанд, шарҳ меод. Ва, ба назари мо, омилҳои ҳамон кӯтоҳие, ки Гулназар дар «ишқномаҳои Лоик мушоҳида» кардааст ва он «харфӣ будани қисме аз» онҳо будааст, ҳамин ҳодиса аст (Гулназар, Лоике чун Лоике, сах. 25).

Дар Куллийти Лоик зери шёри ӯ «Кӯзай армон» санаи 1967 гузошта шудааст. Махз дар ҳамин шёри мо мушоҳида мекунем, ки шеваи «мани зехнӣ»-и муаллиф ва қаҳрамони лирикӣ ё худ шахси аввал якест ва он чӣ дар шёри меҳонем, аз ҷашми ӯ гузориш мешавад. Ин ҷо шоир дигар ба дурустӣ ё нодурустии дарунмояи шёри (ҳатто тасвир) оқре надорад. Акнун меъёри қазоват дигар аст. Агар «ман» мӯьтод аст, ҷаҳон (ҷаҳони инсон низ) аз ҷашми ҳассоси як мӯьтод, ки худ қаҳрамони ҳеш (хуб ё бад, палид ё касиф) аст, дида мешавад. Инсон ва сарнавишту эҳсосу андешаи ӯ тарзе тасвир мешавад, ки шоир ба онҳо менигарад. Дар ин гуна шеърҳои Лоик (қаҳрамони лириқии мӯьтод) дигар мо ба ҷашми ӯ мебинем, бо гӯши ӯ мешунавем ва лаззати таҷрибаи рӯҳии аз сар гузаронидаи ӯро мечашем.

Чунон ки ишора кардем, шёри «Кӯзай армон» ба андешаи мо нахустин таҷрибаи Лоик дар ин самт буд. Дарунмояи шёри иборат аст аз ишқии бобарор «ишқии лавҳсодагӣ», «муҳаббати бедоғи

бачагӣ» ва ҳасрату армони чигари сӯхта. Дар ин шеър сарнавишт, эҳсосу андешаи инсон аз чашми ҳассоси як мӯътод (хӯгирифта) мегузарад. Шоир ба он чӣ ки тасвир мекунад, бепарво нест. Дар шеър шоир аз усули тасвире кор гирифтааст, ки ба шеваи зехнии идроки бадеи комилан мувофиқат дорад. Кӯзаи тори сар, курсиҳои мактабӣ, кокулони махину чилтор, ду милаи сиёҳу дутор, оҳанги рез-рез, рухсораи чун зарварақ рахшону зарфишон* пешонаи чу қоғази афшон ситорарез, ду чашми ду каффон мизони ошиқӣ, мулкҳои баччагӣ, роҳҳои баччагӣ, поезди ҳамчун баччагӣ тезрав, оҳанраҳи якраҳи аз ҳам чудо, ду хати роҳ, ду милаи аз ҳам чудо, поезди аз миёни сахрою даштҳо, ағбаҳои сангин, рахнаҳо гузашта, шохиди муҳаббати бедеги баччагӣ ва ишқи содалавҳ баччагӣ унсурҳои зехният ҳастанд, ки ҳамчун воситаи шабех ба баёни фоҷиаи зехнии рӯҳи шоир мусоидат кардаанд. Хамин омил аст, ки шеърро метавонем чун осори комили хунар муаррифӣ кунем ва «харфӣ будани қисме аз» (Гулназар) онро истисно шиносем. Дар ин шеър ва бисёр шеърҳои дар ин шева навиштаи Лоик «мушкили аруз... ва мисолиҳамҳое дигар, ки Алиризо Қазва дар баъзе шеърҳои Лоик мушоҳида кардааст, дида намешавад» (Алиризо Қазва. Шоире, ки ошиқи Эрон буд. Дар китоби: Марсияи хуршед, сах. 111).

Дар ин шева шоир шеърҳои зиёде гуфтааст, ки «Хусн», «Кӣ дар овони ҳаҷдаҳсолагияш», «Кабӯтарҳо», «Дар Варзоб», «Дар тобу табат бинам», «Дар он соат», «Ошиқон – шоирони бедегон», «Духтари хоназоди хатлонӣ», «Овах, оваҳ, чӣ тирамоҳе буд», «Ох, эй зан, зани оташбунёд», «Аввали ишқ – осмони баланд», «Дуо», «Номаҳоят», «Фуруби офтоби хуснат омад», «Дидам ўро боз баъди чанд сол», «Дар буттаҳои гул нашкуфта гунҷае» ва даҳҳои дигар аз ҷумлаи онҳост.

Баъзе аз муҳаққиқон комёбиҳои Лоикро дар гуфтани шеъри лирикӣ ба баҳрабардории ӯ аз шоири рус Есенин алоқаманд медонанд. (Абдунабӣ Сатторов. Нуктаи пайванд. Абдували Давронов). Шоир ин баҳрабардориро иқрор аст ва мегӯяд, ки «Мумкин аст дар як байт ҳам таъсири Есенин бошад ҳам Соиб, шеъри макбул ба гуфтаи ӯ «гоҳ ба хонанда Есенину Соиб, гоҳ-гоҳ Рӯдакиву Ҳофизро ёд меорад» (иктибос аз Куллийёт, сах. 19 гирифта шуд). Як ишораи ҷолиби Лоик ҳаст, ки хеле пештар гуфта буд. Вай дар як мусоҳибаи ихтисосӣ бо рӯзноманигори «Комсомоли Тоҷикистон» (17 июни соли 1984) ба саволи ин ки «агар Шумо моҳии тилло медоштед, аз он чӣ бозхост мекардед? Лоик чунин ҷавоб медиҳад: «... мехостам ӯ Есенинро ҷон бубахшад ва ба Душанбе биоварад. Ва мо бо ҳам ҷоме бардошта, аз гардани ҳамдигар оғӯш карда, гашту гузор мекардем ва ман «Савтҳои форсӣ»-ро ба форсӣ барояш мехондам ва мегуфтам: Ту маро ба дарди ишқ ва дарди шеър ошно кардӣ» (Ҳамосаи шеър. «Комсомолии Тоҷикистон», 7 июни соли 1984). Ин иқрори Лоик андешаи зерини Гулназарро қувват мебахшад: «Албатта ба Лоик тарҷума кардани «Савтҳои форсӣ»-и Сергей Есенин мактаби бузурги эҷодӣ гардид. Дар бисёр ошиқонаҳои Лоик таъсири бевоситаи шоири ишқсараи рус, ба вижа шӯру қиём, бепардагӣ, чунун, сармастии ўро дарак медиҳад» (Гулназар, Лоик чун Лоик, сах. 19).

Шеъри ошиқонаи Лоик воқеан аз шеъри шоирони гузаштаи мо, шоирони бузурги дунё ва шояд зиёдтар аз шоири рус таъсир гирифта бошад. Вале заминаи хунарии он барои лоик зехнӣ аст. Дар ин маврид мо ба онҳое, ки «ҳаёти эҷодии Лоик»-ро ба ду давра тақсим карда давраи аввалро чунин шинохтаанд, ки «Лоик шоир аст» ва ин марҳиларо то чилсолагии ӯ муайян кардаанд ва дар давраи дуюм Лоикро суханвар дониста, ин марҳиларо аз чилсолагӣ то охири умри шоир донистаанд, ҳамназар нестем. Маънии ин ҳарф хамин аст, ки Лоик то чилсолагияш шоир буду баъди чилсолагияш не!»

Мутаассифона, ин иштибоҳи бузурги назарии Гулназарро Худой Шарифов дар мақолаи «Шоир бузург» дастгирӣ мекунад. Ин масъалае, ки он вақт, яъне баъди нашри Гулназар «Лоик чун Лоик» ба миён омад, имрӯз сару садоҳои дигар дорад. Масалан, Давлати Раҳмониён ба тафсири дигари Гулназар «Лоик табиатан шоири тасвиркор нест» (Гулназар, ҳамон ҷо, сах. 21) така карда, ҳатто ба арзиши миллии осори шоир шубҳа мекунад (ниг. Нигоҳ?). Ин баҳсҳо гувоҳи он аст, ки чехраи шоирии Лоик ҳанӯз муайян нашудааст ва ин дасткутоҳии адабиётшиносист.

Бояд гуфт, ки Лоик «ба шахсияти хеш ҳамеша тасаллутӣ ақлонӣ доштааст то тасаллутӣ шоирона (Мисбӯхиддини Нарзиқул, сах. 19). Аз ин мавқеъ Лоик қадри шеърш, кӯтоҳҳои ўро хуб медонист. Дар ин маврид сухани Турсунзода «Шоирони бузург шеъри худашонро дар гӯр мегӯянд»-ро иқтибос мекард. Ин нишони хоксорӣ ва қонъ набудани Лоик аз кори анҷомдодааш аст. Вале ин чунин маъно надорад, ки Лоик баъди чилсолагӣ шоир набудааст ва ё ӯ «табиатан шори тасвиркор нест».

Ашъори ошиқонаи Лоик собит мекунад, ки ӯ на фақат соҳиби «табъи саршор» (Худой Шарифов), балки тасвиркор ва маъниофари бузурге низ ҳаст. Вай хоҳ дар ғазалҳои ишқияш, хоҳ дар «шеъри сафед» ё рубоино дубайтӣ ва ҷаҳорпораҳо маъниҳои олиии ошиқонаро дар либоси арзандаи шеъри ҷой додаст. Барои аз қавли яке аз донандагони хуби шеъри тоҷикӣ, донишманди адабиёт ва шоир Аскар Ҳақимов таъйид намудани ин масъала, андешаҳои ўро, ҳарчанд дароз аст, лозим

донистем, ки пурра иқтибос кунем: «Дар шеъри Лоик «Оби Омӯ як замон мерехт дар баҳри Хазар» (баъдтар шоир ба ин шеър унвони «Моҳии тилло»-ро дод – шарҳи мо) ҳам ифодаи ҳиссиёт асосан ба воситаи параллелизм адо карда шудааст:

Оби Омӯ як замон мерехт дар баҳри Хазар,

Як замон аз назди ҳавлии ту мекардам гузар.

Дар ин байт ҳарфе аз ишқи гузаштаи ноком нест. Сухани шоир ороми ҳикоятист. Вале дар зимни ин оромӣ ҳиссиёти пурзӯре шуриш дорад. Зарфи «як замон» ва дар замони гузаштаи ҳикоягӣ омадани хабар ва зиёда аз ин мазмуни мисраи ба баҳри Хазар рехтани оби Омӯ, ки ҳоло аз он танҳо дар сарчашмаҳои қадима ёде боқӣ мондаасту бас, ҳисси пеш аз вуқӯи ҳолати ногувореро ба миён меорад. Оби Омӯ як замон мерехт дар баҳри Хазар ва мисраи дуом ҳам ба ҳамон шаклу оҳанг мушобеҳи ҳолати аввалро ба аҳволи қаҳрамони лириқӣ ишора мекунад. Як ишора ба монанди ин ду ҳолат, ки ҳешовандии онон дар ду мисраи сонӣ ба воситаи як замон таъин шудааст, барои оғози изхори лириқӣ ва бебозгаштии давраи муҳаббат замина мегузорад. Моҳии тилло акнун ҳамчун рамзи муҳаббати қаҳрамони лириқӣ шинохта мешавад. Шикастани чанги заррин аз бебозгаштии он шаҳодат медиҳад. Амалиёте, ки бояд ғампарварии муҳаббати нокомро нишон меод, ба охир мерасад. Вале қаҳрамони лириқӣ гуё ба ҳаёл меравад ва бори дигар ба он лаҳза бармегардад. Аз сари нав чӯзӣи амалиёте, ки барои баёни мутаассироти ин ҳиссиёт қобил ҳастанд, ба хотир оварда мешаванд. Он амалиёту ҳаракат паси ҳам ном бурда мешаванд ва ба рӯҳияи қаҳрамони лириқӣ мувофиқанд:

Чашми ӯ чун чашми гулмоҳӣ ба ёдам мерасад,

Дасти ӯ мелағжад аз дастам чу моҳӣ аз қафам.

Сузи ман рафтӣ ба дарё,

Бе ту мондам ман ба хушкӣ,

Аз ту рафтам, оқибат аз ҳештан ҳам меравам».

(Аскар Ҳақимов. Замон ва шеър, саҳ.112-113).

Ба ин тафсири муҳаққиқ Аскар Ҳақимов чизе афзудан душвор аст. Вале аз тафсири ин шеър ва бисёр шеърҳои дигари шоир, ба хусус ишқияҳои ӯ натиҷа ин аст, ки дар шеърҳои ошӣқонаи аввалин мачмуаи шоир «Сари сабз» эҳсоси сода то ҷоё нуфӯз дорад. Яъне шоир дар шеърҳои ин давра бештар гирифтори «эҳсоси дил» буд. Ба қавли Зиё Бароханӣ «дил бошад, хеле кӯчак аст. Дил фақат қисмате аз вучуди азалият ва ҳаргиз тамомияти инсонро надорад. Ин фикр кӯҳнаву машхура аст, ки хама чизро фақат ба қалб марбут бикунем ва хама чизро аз ҳаяҷони қалб бидонем. Ҳол он ки шеър ғариза асту эҳсос ва низ андеша ва ҳам хун асту ҳам тахайюл. Бинобар ин ҳам «эҳсоси дил» сатҳист ва марбут аст ба шахсе романтик ва эҳсосотӣ, ки ҳамеша гирён асту танбал ва ҳаргиз намехоҳад даст ба кашфи хеш дар ин ҷаҳони паҳновар бизанад. Шоири ростин дорои хуни мутаффақир аст, ӯ бо ин хун зарраҳоеро меёбаду мешикофад ва ба шакле дигар онҳоро яке мегардонад» (Зиё Бароханӣ. Дар шеър ва шоирӣ, Омӯзгор, 16 апрели соли 1991). Ба ҳамин далел ҳам шеър дар назари Лоик волотар ва арҷмандтар аз ашӣи табиат буд. Чунон ки ишора кардем, ишқияҳои аввалини ӯ ба ин талабот ҷавобгӯ нестанд, чунки онҳо зодаи мушоҳида ва як ҳаяҷони қалбӣ буданду бас. Дар онҳо хуни мутаффақир гардиш надошт. Дар шеърҳои баъдии шоир, ба хусус шеърҳои даҳ соли охири умри шоир мутамарказ буд ба зехни худ ва шеъри индавраинаи ӯ омезад ё аз ғаризаву эҳсос ва андеша буд.

Ҳамин омезае аз ғаризаву эҳсос ва андеша шоири моро баргардонд ба сӯи замин, модар, мазҳаби ишқ, маҳзари боландагӣ, боварӣ, рушд, ба сӯи фаротар рафтани фурутар нигаристану гаштан ва ба ҳамин далел аст, ки Лоик ҳамеша шоир буд ва шоир менамуд.

Далели ин гуфтаҳо яке аз беҳтарин шеърҳои ошӣқонаи Лоик «Хумор» мебошад. Дар ин шеър шоир ҳарфи муҳаббаташро бо эҳсоси амиқ ва боланда бо ба кор гирифтани омезае аз ғаризаву эҳсос ва андеша гуфтааст, бо рӯҳияи ҳаёлписандида. «Хумор» дар нигоҳи аввал шеъри сужадор аст. Ин шеър бо истифода аз шеваи меҳвари зехнӣ нигошта шудааст. Ёди ширини бачагӣ, ки бӯи ҷигари сӯхтаи ушшоқ мекунад, шоирро ба навиштани ин шеъри зебо ва пурсӯз таҳрик бахшидааст. Шояд зехнӣ шоирро сарнавишти воқеие чун сарнавишти Хумор ба ҳаракат оварда бошад, шояд шеър маҳсули ҳаёли шоир бошад.

Аз аввалин сатрҳои шеър ҳарфи шоир нисбати қаҳрамонаш пурэхсос, самимӣ ва ғамхорона аст. Вай ба Хумор дилсузии хос дорад. (Гулгунҷаи таре, покизагавахаре). Ин тафсири оддӣ нест. Зери ин таъбирҳо андеша ва орои хос ниҳон аст.

Шоир шитобзода нест, вай «он ишқи кӯдакӣ»-ро дар ниқоби тасвир зинда мебинад.

Мерафтам аз бараш

Бигрифта дафтарааш,

Чашмам гирифта буд

Чил кокули тараш.

Рӯи баҳор буд

Рӯи баҳорияш
Номаш Хумор буд,
Будам хуморияш.

(Лоик, Фарёди бефарёдрас, сах. 28).

Вале дар тасвири чехраи ӯ мо ҳанӯз нишонаҳои мушаххасро намебинем: «Чил кокули тараш», рӯи баҳораш, номи Хумораш ҳоло ба мо чизе ҷолиб ва муассир намегӯянд. Инҳо метавонанд нишонаҳои духтарони дигар низ бошанд. Як рӯзи тирамоҳ /Аз дил кашида оҳ... / Ҷ кӯч басту рафт / Моро шикасту рафт / Ёде ба тирамоҳ / Аз ин баҳор монд / Аз деҳ Хумор рафт / Дар дил хумор монд / низ ҳоло пайгоми оддист. Вале бояд ба ду мисраи охир таваҷҷӯҳ кард. Аз деҳ рафтани Хумор ва низ дар дил мондани хумор гапи дигар – шоирона аст. Акнун дар зехн чизе зинда мешавад, ки бори онро фақат дил бардошта наметавонад. Ин ҷо омеъае аз ғариза, эҳсос ва андеша ба ёрии шоир мерасад ва шоири мо аз он кор мегирад. Ва аз рӯи мундариҷа муҳим он аст, ки шоир номаълум дар фазои худсигезӣ бо ҳастие, ки дастрасаш нест ё набудааст ва аз дасташ меравад, видоъ мекунад. Ин духтари оддии домани баҳор, Андар деҳи Мазор, Гулгунҷаи таре, покизагавҳаре, ки замоне ин «ман»-и зехнӣ мерафт аз бараш бигрифти дафтарааш бо ҳамон соддагӣ, поки чун ҳаёли ширин, чун як гавҳари бебаҳои ногаҳон аз дастрафта дар дилу рӯҳ ё дар бадан боқи мемонад:

Аз кӯҷаи Мазор
Бо ашқи шашқатор
Моро надиду рафт,
Гӯё париду рафт
Мисли кабӯтарак
Ҳамсоҷдухтарак
Чил кокул аз қафо
Гуфтанд алвидоъ...

Дар ин шеър низ таваҷҷӯҳи Лоик бо тафсилот бештар аст; қаҳрамони вай дар деҳи Мазор буд, берун аз хона шуд, ба мактаб равона шуд, бо дафтарааш, чил кокул дошт, номаш Хумор, «ман»-и зехнӣ ба ӯ хуморӣ буд... Вале ин тафсилот гумоне нест, онҳо дар шеър ҷойгаҳу маънӣ доранд. Ва ин тафсилҳо афзудаҳое дар чехраи маънавияти Хумор низ доранд, ки ин сӯзи шеърро зиёд кардааст. Яъне дар ин шеър тафсилот ҳадафи бадеӣ дорад.

Вале чор мисраи василаӣ ба чехраи маънавии қаҳрамон рӯҳи романтикӣ меафзоянд. Шоир бо ин мисраҳо хонандаро ба нуктаи болоӣ мепайвандад. Ин мақомест, ки рӯҳи шеър ба рӯҳ ва ҷони хонанда нузӯл мекунад. Ва дар ин ҳол дигар ба шеър на чизе афзуда ва на чизе кам карда мешавад:

Ёдаш ба хайр бод,
Он ишқи кӯдакӣ,
Он ишқи гумшуда
Чун шеъри Рӯдакӣ.

«Он ишқи кӯдакӣ» дар паси худ инсонӣ наврасеро ниҳон медорад. Мо номи ӯро намедонем, шоир ҳам гуфтааст. Вале ҳузури ӯ дар шеър мушаххас аст. Ҳузури ӯ калиди дарёфти армони шоир аст. Шоир шеърро тавре тамоm кардааст, ки ба он имкони нуктагузорӣ нест. Вале хонандаро ба ҳулосае меорад, ки танҳо ишқи пуршӯр, сӯзон, ҳаёлписанд метавонад зехнро зинда дорад. Ва он «чил кокул аз қафо гуфтанд алвидоъ» дар ақлу ҳушу гӯш ҷовидона ҷовидона хоҳанд монд, мисли шеърҳои гумшудаи Рӯдакӣ.

Чунон ки ишора ҳам шуд, ашъори ошиқии ғиноии Лоик дар қолабҳои гуногун навишта шудааст. Аз ҷумла шоир дар қолиби ғазал андешаҳои ошиқонаашро баён кардааст, ин гуна ғазалҳои ошиқона дар ҳамаи китобҳои нашршудаи шоир ҳастанд ва дар Куллиёти шоир дар қисмати «Девони ғазал» гирд омадаанд. Ғазалҳои ошиқонаи ӯ аз чунбиши қалбу рӯҳи ҳассосаш дарак медиҳанд. Онҳо «дар баробари авзои номуносиби ҷомеа» гуфта шуда, «...мавзӯю мазмуни иҷтимоӣ доранд» (Худой Шарифов, Шоири бузург, сах. 59).

Ҳамин тариқ, ишқ аз нигоҳи Лоик маҳзари имону эътиқод ва маҳаки камоли инсонӣ бо муҳаббат дӯстдоранда мегардад, ки шоир то воғасин нафасҳояш аз ин мехвар берун нарафтааст. Агар аз ҳамин дидгоҳ ба таҷрибаи шоир нигарем, мебинем, ки кори ӯ дар ин самт анҷомдода арзишманд буда, на фақат нагиҷаи ҷустуҷӯ ву дарёфтҳои хунарии ӯ будааст, балки ин таҷриба метавонад чун сарчашмаи баҳрабардори дар роҳи такомули тозаии шеър хидмат кунад.

ПРЕДАНИЯ О ЛЮБВИ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ЛОИКА

Любовь с точки зрения Лоика Шерали является источником веры и основой человеческой зрелости. Поэт до конца своих дней не отошел от этой идеи и воспевал её в своих стихах.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Лоик Шерали, тема любви, предания о любви, любовь с точки зрения Лоика, любовная лирика Лоика.

LEGENDS ABOUT LOVE FROM THE POINT OF VIEW OF LOIQ

Love from the point Loiq is the most important for everyone and he considers it forever. He worked hard at as its known from his own experience.

KEY WORDS: Loiq Sherali, a theme of love, the legend about love, love from the point of view of Loiq, the love lyrics of Loiq.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: *Б. Шарофова* – соискатель кафедры современной таджикской литературы факультета таджикской филологии Таджикского национального университета.

ДОИРАИ АДАБИИ КҶҶЛОБ ДАР ЗАМОНИ ЗИНДАГИИ АШҶР САФАР

Ф. Шафиев

Донишгоҳи миллии Тоҷикистон

Мусаллам аст, ки доираи адабии Кӯлоб таърихи тӯлонӣ дорад ва ба ду давраи калон чудо мешавад: давраи классикӣ (то инқилоби октябр) ва давраи баъди инқилоби Октябр. Доир ба адибони алохидаи ин сарзамин таджик ва ковишҳои чудогона анҷом пазируфта бошанд ҳам, паҳлуҳои гуногун ва роҳҳои инкишофи чараҳои адабӣ дар асоси маъхазҳои адабӣ таърихӣ пурра омӯхта нашудаанд.

Зарур шуморидем, ки ишорахоро оид ба вазъи доираи адабии Кӯлоб баъди инқилоби Октябр аз матбуоти даврӣ, эҷодиёти адибони ин сарзамин ва гуфтаҳои ёддошти адибони тоҷик бодикқат омӯзем, то дар асоси онҳо вазъи адабӣ ва хусусиятҳои чудогона ва қонуниятҳои чараҳои адабии ин доира то андозае муайяну равшан гардад.

Доираи адабии Кӯлоб дар ин давра бо суҳанварони шинохтае, чун Сайдали Вализода, Бобоюнус Худоилодзода, Сомеъ Одиназода, Мирзолатиф Раҳимзода дар таърихи адабиёти нави тоҷик мақоми махсусро ишғол намудааст. Минбаъд доираи адабии Кӯлоб дар рушди адабиёти минтақа ва тақмили забони форсии тоҷикӣ мусоидат намуда, дар ин самт хизмати арзанда намудааст. Доираи адабии Кӯлоб дар замони зиндагии Ашӯр Сафар маҳз тавассути машаққату заҳматҳои шоҳи ин суҳанварони варзида, дар таърихи адабиёти тоҷик мавқеи муайяно касб намуд.

Шоирони халқ Бобоюнус Худоилодзода ва Сайдали Вализода вобаста ба ҳоли замон дар сабки эҷоди шиғоҳӣ, Сомеъ Одиназода ва Мирзолатиф Раҳимзода дар сабки назми классикӣ шеър мегуфтанд. Азбаски охири солҳои 20 – уми асри XX хатти форсии арабиасос аз миён бардошта шуд, мардум аз сарчашмаи саводомӯзӣ маҳрум монд ва метавон гуфт, ки то Фаффор Мирзо ва Ашӯр Сафар адабиёти касбии Хатлонзамин ҷавобгӯи талаботи шеърӣ набуд.

Дуруст аст, ки дар ин миён шоирон Сомеъ Одиназода ва Мирзолатиф Раҳимзода истеъдоде доштанд ва метавонистанд, ки пояи шеърро дар Хатлонзамин ба дараҷаи камолот боло бардоранд, вале ҳодисаҳои замон ба ин мувофиқат накард ва қисмате аз онҳо дар сиёсатҳои асри сотсиалистӣ ба маҳкамаҳо афтоданду ҷои шеърӣ нобашноро оҳангҳои навмедии шикастарӯҳӣ фаро гирифт. Бо ҳамин, мактаби касбии эҷодие, ки онҳо метавонистанд бунёд кунанд, хароб шуд.

Фаффор Мирзо фарзанди шеърӣ на буд, ки афкори арзишмандаш дар маҷмӯъ аз балоғати шеърӣ русиву аврупоӣ гизо мегирефт. Ӯ дар шеъраш навгӯию навҷӯӣ карда, дар пояи ривоятҳои афкори халқӣ мавзӯнокии шеърро тақмил дод, яъне шеъреро, ки ҳам ҷанбаи халқӣ дошту ҳам сужети муайян. Сюжетнокии шеър ба адабиёти классикии форсии тоҷикӣ бегона нест, онро, алалхусус, дар ашӯри ҷаҳонгири Румӣ Саъдӣ ва амсоли онҳо фаровон метавон дарёфт (2, 13).

Дар Хатлонзамин шӯҳрати шоирӣ Вализода рағбати ҷавонони зиёдеро ба шеърӯ шоирӣ меафзуд. Шоирон Ашӯр Сафару Саидҷон Ҳақимзода аслан дар сояи ҳамин шӯҳрат ба шеърӣ оғоз намуданд. Ин мактаб ба дигарон низ таъсири андак надошт.

Вале дар тақмили вазнии шеърӣ Ашӯр Сафару Саидҷон Ҳақимзода ҳиссаи Муҳиддин Фарҳат лоиқ ба ёдоварист, ки ӯ тез-тез ба Кӯлоб омаду рафт дошт. Дар солҳои 60-70-ум дар қатори суҳани устодони забардасте чун Лоҳутиро Мирзо Турсунзода, Улғӯзодаю Иқромӣ, Боқӣ Раҳимзодаю Раҳимӣ ва дигарон шеърӣ Фаффор Мирзо, Аминҷон Шукӯҳӣ, Мӯъмин Қаноат, Мастон Шералӣ, Қутбӣ Киром, Файзулло Ансорӣ, Ашӯр Сафар ва дигарон низ садои гиро дошт.

Шеърӣ Мӯъмин Қаноат, ки бо қотеягии «Суҳанро вазну тамкини замин бояд», офарида мешуд, бо шеърҳои Фаффор Мирзою ашӯри латифи Аминҷон Шукӯҳӣ насли нави ташнакомони шеърӣ

нобро ба вачд овард. Лоик, ки Муъмин Қаноатро ба худ устод медонист ва меҳрпарвари устои бузургвор Мирзо Турсунзода буд, ба адабиёт бо нафаси тоза ворид шуд. Ҳамин тарик, дар адабиёти навини тоҷик бо баракати нафаси шоиронаи ин қаламкашон ва вурудоти шеърӣ форсӣ аз мамлакатҳои ҳамзабон ба ин сарзамин инқилоби шеърӣ асил дасти фотехият ёфт, ки ин ба раванди умумии шеърӣ муосири миллӣ таъсири амиқ дошт.

Маҳфилҳои адабӣ яке аз навъҳои интишорёфтаи сайқали хунари эҷодӣ мебошанд. Нахустин маҳфили адабии давраи навро дар Кӯлоб Сомеъ Одиназода таъсис намудааст, ки ҷои баргузори он боғи марказии фарҳанг ва истироҳати шаҳри Кӯлоб буд. Маҳфил дар он давра на танҳо шоирону нависандагон, инчунин он ҷавононеро, ки ба суҳану маънии баланд тавачҷӯи хоса доштанд, гирд оварда буд, ки зиёда аз чил нафарро дар бар мегирифт.

Дар таҳаввул ва инкишофи доираи адабии ин сарзамин саҳми боргоҳҳои илму маърифат: Донишқадаи давлатии омӯзгории Кӯлоб ва Театри шаҳри Кӯлоб назаррас аст. Дар ин маҳзанҳои илмиву фарҳангӣ адибони ҷудоғонаи ин сарзамин чамъ шуда, маҳфилҳо мегузaronданд ва қисме аз онҳо, чун Ашӯр Сафар, Саидҷон Ҳақимзода, Ҳақназар Ғоиб, Сафармуҳаммад Аҷобӣ, Муҳаммад Ғоиб ва дигарон дар Донишқадаи омӯзгории шаҳри Кӯлоб таҳсил дидаанд ва дар атрофи худ шогирдони зиёдеро чамъ намуда, маҳфилҳо меоростанд.

Солҳои 50-уми қарни гузашта дар Донишқадаи давлатии омӯзгории шаҳри Кӯлоб бо сарвари шоир Сайдалӣ Вализода маҳфили «Адибони ҷавон» ташкил гардид. Шавқу рағбати аҳли суҳан боз ҳам фароҳамии шоирону адибонро бо барпо намудани маҳфили шеър дар ҳонаи устод Вализода бозгӯӣ менамояд. Дар ин хусус Мирзо Қосим – яке аз хешовандони шоири халқӣ Сайдалӣ Вализода чунин нигоштааст: «Ҳонаи Вализода як навъ маҳфили адабиёти мемуанд. Ҳар доим – рӯзҳои шанбе ё якшанбе адибон, навқаламон, дӯстдорони шеърӯ шоирӣ ва каломи бадеъ: Ашӯр Сафар, Саидҷон Ҳақимзода, Сомеъ Одиназода, Иброҳим Ҷалилзода, Қурбоналӣ Раҷаб, Мусо Ғуломӣ, Раҷабалӣ Назаров, Сайато Муқимӣ, Ҳабибулло Ғайзулло, Аловуддин Давлат ва амсоли инҳо ба ҳонаи шоири халқ ташриф меоварданд. Соатҳо гирди хони пурнозу неъмат менишастанд. Ҳар қадом аз шеърҳои ба тозагӣ эҷод кардаи худ порчаҳо қироат менамуданд. Дар атрофи баъзе мисраъҳои шеърӣ баҳсу мунозираҳои доманадор сурат мегирифт» (4, 28).

Дар рушди доираи адабии Кӯлоб, бахусус нақши «дастурхони ҳонаи Сайдалӣ Вализода»-ро зикр намудан бамаврид аст. Чунонки, Ашӯр Сафар худ мегӯяд, ӯ мактаби шеърӣро «дар сари дастурхони Сайдалӣ Вализода» гузаштааст.

Ба ин маҳфил дар солҳои 60-ум адабиётшинос ва шоири ҷавон Иброҳим Шукрӣ сарварӣ мекард (Ҳоло ӯ дар Истаравшан ба касби омӯзгорӣ машғул аст). Маҳфили мазкур мактаби хуби омӯзиши саводи шеърӣ буд. Дар ин мактаб, махсусан ишпирок ва маслиҳатҳои алоқамандии шоирони тавоно Мастон Шералӣ, Ғоиб Сафарзода ва шоири ҷавон Раҷабалӣ Назар ба ҷавонони қаламкаши Кӯлоби рӯҳ мебахшид.

Соли 1964 бо дархости аъзои маҳфил Аминҷон Шукӯҳӣ ба Донишқадаи омӯзгории Кӯлоб омада, ба навқаламон маслиҳатҳои муфид дод, ки ин дар пешрафти доираи адабии Кӯлоб нақши равшан гузошт. Дар маҳфил беш аз 20 нафар шавқмандони шеърӯ шоирӣ гирд омада буданд, ки аз ин байн Ҳақназар Ғоиб, баъдтар Абдулҳай Қаландару Ғафуралӣ Сафар ба узвияти Иттифоқи нависандагонии Тоҷикистон пазируфта шуданд (2, 13).

Аз солҳои 80-ум роҳбарии ин маҳфилро устои донишгоҳ Аламхон Кӯчаров (узви ИИ Тоҷикистон) ба ӯҳда дошт. Дар маҳфил Ашӯр Сафар, Саидҷон Ҳақимзода, Ҳақназар Ғоиб, Сафармуҳаммад Аҷобӣ, Сафар Амирхон, Одина Раҳмон, Ғайз Ашӯр, Абдулҳай Қаландар, Хосият Вализода, Муҳаммад Ғоиб ва дигарон ишпирок мекарданд. Маҳфил асосан ба таҳлили шеър ва дарҷи ҷақидаҳои бехтарин дар рӯзномаҳои деворӣ машғул буд.

Маҳфили дигари нисбатан машҳур «Хайрандеш» аст, ки шоир Хайриддин Қурбонов соли 1987 дар маркази шаҳри Кӯлоб таъсис дод. Аз соли 1998 сарвари маҳфилро адиб Одина Раҳмонов ба ӯҳда дорад. Аъзои ин маҳфил шоирону нависандагон Сулаймони Султон, Абдуқаҳҳори Мӯсо, Акбари Маҷид, Анора, Гулрухсор, Довуди Варез, Талби Довуд, Зокири Мирзо, Неъматӣ Аллоҳ, Ҳабибуллои Зариф, Орзуи Ҳамид, Шоҳини Заргар, Соҳибназар Худӯеров, Сайидақрам Давлатзода, Баҳромшоҳи Нозимӣ, Озари Шабшакан, Ҷаъфари Хатлонӣ, Гулбахори Ализода, Даврони Айниддин, Илҳомӣ Ширин, Нуралӣ Ёқуб ва дигарон мебошанд.

Баъди соҳибистиклол гаштани Ҷумҳурии Тоҷикистон дар асоси маҳфили «Адибони ҷавон» маҳфили «Парвози Шоҳин» таъсис ёфт, ки бунёдгузори он доктори илмҳои филология, профессор Саид Раҳим мебошад. Баъдан сарвари ин маҳфил бар души суҳаншиноси маъруф устои донишгоҳ Шовалӣ Саидҷаъфаров (узви ИИ Тоҷикистон) вогузор гардид. Ҳоло ба ин маҳфил шоир ва адабиётшиноси шинохта Абдулҳай Қаландар сарварӣ мекунад (1, 65).

Солҳои 60-ум ва 70-уми садаи ХХ бо мақсади дарёфти истеъдодҳои ҷавон дар Кӯлоб бо ташаббуси раёсати Иттифоқи нависандагони Тоҷикистон курс- конференсияҳои адабони ҷавон гузаронида мешуд, ки дар қори онҳо мунаққидон ва устодони назму насри бадеъ, чун Соҳиб Табаров, Бокӣ Раҳимзода, Ҷалол Иқромӣ, Фазлиддин Муҳаммадиев, Лоик Шералӣ, Муҳиддин Фарҳат, Қутбӣ Киром ва дигарон иштирок мекарданд ва ҷакидаҳои ҳомаи адабони ин ҳавза ва навқаламонро таҳлил ва баҳогузори мекарданд ва ин курс – конференсияҳо дар рушди доираи адабии Кӯлоб ва эҷодиёти адабони ин сарзамин нақши босазое мегузоштанд.

Бояд гуфт, ки ҷавонони шеърдӯст таълими асосҳои шеъри дархӯри замонро асосан дар мактаби эҷодии устодон Сайдали Вализода, Ашӯр Сафар соҳиб шуданд. Ин нуқтаро шоир Ҳақназар Ғоиб дар яке аз мақолаҳои ҷунин қайд менамояд: «Дар ташаккули шеъру шоирии ман устодон Сайдали Вализода, Ашӯр Сафар ҳиссаи калон доранд. Ба андешаи ман, ҳар кас ки худро шоири бе устод мешуморад, носитос аст, зеро дар адабиёт ҳеч гоҳ ин тавр нашудааст. Ҳатто ду байти устодона гуфта низ, метавонад ба шоири пасоянд сабақдеҳ бошад. Зеро он намунаест, ки дар кӯшиши баробар ба он байте гуфта пайдо мешавад. Пас, муаллифи он шохбайт ба шоири пасоянд ҳукми устодӣ дорад. Ҷунонки Рӯдакию Фирдавӣ, Саъдию Ҳофиз, Румию Ҷомӣ ба ҳама шоирон ҳукми устодӣ доранд. Аз ин рӯ, ман ба устодқимобон эҳтиром надорам» (6, 4).

Дар ин раванд саҳми Саидҷон Ҳақимзода, Ҳақназар Ғоиб, Шохмузаффар Ёдгорӣ ва устоди Донишгоҳи давлатии Кӯлоб Бароталӣ Нозимов назаррас аст. Таваҷҷӯҳ ва ғамхорӣ онҳо замина муҳайё кард, ки шоироне чун Муҳаммад Ғоиб, Салими Хатлонӣ, Искандари Хатлонӣ, Сафармуҳаммад Аюбӣ, Сафар Амирхон, Абдуқодир Раҳимов, Сафар Маҳмуд, пасон бародарон Файзи Ашӯр, Гурези Ашӯр, Комил Ҳолзода барин шоирон ба воя расида, камол ёбанд.

Дар солҳои 70-90-ум дар дигар ноҳияҳои қаламрави Кӯлоб низ маҳфилҳои адаби вучуд доштанд, ки онҳо бо шоирони касбии кӯлобӣ ва ҷумҳурӣ пайваста дар тамос буданд. Дар маҳфилҳои адабии Данғараю Ховалинг, ноҳияи Ҳамадонӣ (пештара ноҳияи Москва), Восеъ ва Кӯлоб истеъдодҳои хуби эҷодӣ ҷамъ омада буданд ва дар равнақи фаъолияти онҳо қаламкашҳои лаёқатманд, аз қабилӣ Алимӯҳаммад Муродӣ, Хайриддин Қурбонов (сарвари маҳфили «Хайрандеш»), Ҳикматулло Яъқуб, Тулқин Ҳоҷаев саҳми арзанда доранд.

Дар радиои суҳанҳои боло маълум шуд, ки доираи адабии Кӯлоб дар замони шуравӣ 5 насли адабонро дарбар мекард:

Насли аввал: Сайдали Вализода, Бобоюнус Худойдодзода, Сомеъ Одиназода, Мирзолатиф Раҳимзода, ки аз ин ду нафари аввал узви ИН Тоҷикистон мебошанд.

Насли дуюм: Ғаффор Мирзо, Ашӯр Сафар, Шараф Шароф, Назар Халил, Раҳмон Сафар, Шоқирзода, Қурбонали Рачаб, Саидҷон Ҳақимзода, Рачабалии Роғӣ, Ивази Неъматӣ.

Насли сеюм: Ҳақназар Ғоиб, Шохмузаффар Ёдгорӣ, Ҳабибулло Файзулло, Ғоиб Сафарзода, Абдулҳамид Самад, Сафармуҳаммад Аюбӣ, Абдулхай Қаландар, Шовалӣ Саидҷаъфаров, Сайф Раҳимзод, Қувваталӣ Ҳолов, Аламхон Кӯчаров, Ҳадиса Қурбонова, Алимӯҳаммад Муродӣ, Иброҳим Саид, Саидкул Сабзаев, Бароталӣ Абдурахмон, Раҳим Азиз, Шамси Хатлонӣ, Сафарали Сафар, Яқуби Ҳикматулло, Сафар Маҳмуд.

Насли чорум: Муҳаммад Ғоиб, Салими Хатлонӣ, Раҳмат Назрӣ, Искандари Хатлонӣ, Неъматулло Худойбаҳш, Карим Давлат, Сафар Амирхон, Абдуқодири Раҳим, Хосият Вализода, Наср Бобои Сарфароз.

Насли панҷум: Бародарон Гурез ва Файзи Ашӯр, Сафар Аюбзодаи Маҳзун, Содикӣ Завқӣ, Офок, Озар, Нурмуҳаммад Сирочӣ, Нозирҷон Ёдгорӣ, Хайриддин Қурбонов, Иброҳим Саид, Гулистон Субҳонова, Тулқин Ҳоҷа, Комил Ҳолзода, Амиршои Мираҳмад, Рашид Давлат (2, 14).

Соли 1989 дар Кӯлоб шӯъбаи кӯлобии Иттифоқи Нависандагони Тоҷикистон ташкил ёфт, ки дар ҳаёти фарҳангии минтақа аз воқеоти муҳими адабию фарҳангӣ ба шумор мерафт. Аввалҳои солҳои 90-ум сарвари шӯъбаро шоир Шохмузаффар Ёдгорӣ ва аз соли 1996 шоир Саидҷон Ҳақимзода ба ўҳда доштанд. Аз соли 2003 то имрӯз қори шӯъба ба ўҳдаи Шоири халқии Тоҷикистон Ҳақназар Ғоиб гузошта шудааст (3, 56).

Шӯъба ба раванди ҳаёти эҷодии минтақа таъсири амиқ дошта, дар рушди нумуи қувваҳои тозаи эҷодӣ пуштагардонии осори бадеии онҳо қорҳои муҳимро ба субот мерасонад, беҳтарин истеъдодқоро ба узвияти ИН Тоҷикистон тавсия медиҳад. Дар муддати фаъолияти шӯъба бо тавсияи он 15 нафар эҷодқорони ҷавон ба узвияти ИН Тоҷикистон қабул шуданд, ки дар ин миён профессор Аламхон Кӯчаров, муҳаққик - адабиётшинос Шовалӣ Саидҷаъфаров, шоирон Сафар Амирхон, Хосият Вализода, Одина Раҳмон, Абдулхай Қаландар, Тулқин Ҳоҷа ҳастанд.

Аз ҳавзаи адабии Кӯлоб Ашӯр Сафар ва Ҳақназар Ғоиб Шоири Халқии Тоҷикистон, барандаи ҷои давлатии Тоҷикистон ба номи Абуабдуллоҳи Рӯдакӣ мебошанд. Ҳақназар Ғоиб ба Ҷои адабии ба номи устод Мирзо Турсунзода низ сазовор гаштааст.

Дар Кӯлоб боз чанд нафар сохибкитобҳо низ қору эҷод мекунанд, ки дар ин миён асарҳои Саид Раҳим, Нуралӣ Аюбӣ, Хизматшоҳи Гулназар, Саид Раҳмон, Наср Бобои Сарфароз, Лутфи Хомӯш, Маҳмадқул Худойқуллов ва дигарон бо шеърӣ, тасвиру ғоянокӣ ва истеъдоди эҷодӣ фарқ карда меистанд.

Мухити адабии Кӯлоб дар доираи аҳли адаби ҷумҳурӣ мавқеи муносиб дорад ва асарҳои офаридаи устодон Ашӯр Сафар, Ҳақназар Ғоиб, Сомеъ Одиназода, Муҳаммад Ғоиб, Шохмузаффар Ёдгорӣ, Абдулҳай Қаландар, Нейматулло Худоибахш, Файзи Ашӯр, Одина Раҳмон, тадқиқотҳои адабии пурарзиши суҳаншиносони маъруф Шовалӣ Саидҷаъфаров, Аламхон Кӯчаров ва дигарон дар таърихи адабиёти муосири тоҷик мақому мартабаи хоса доранд.

Достон, манзума, маснавӣ, ғазал, рубоӣ, дубайтӣ, қитъа ва ғайра, ки асоси жанрии осори хаттии шоирони Хатлонзамин мебошанд, мавзӯҳои ватану ватандӯстӣ, ифтихори миллий, инсонӣ инсонпарварӣ, ишқу муҳаббат, мубориза барои ҳақиқату ростӣ, адолат, озодии рӯҳӣ ва миллий, истиқлолхоҳӣ, инъикоси падидаҳои нави рӯзгор ва ояндабинӣ, ғояҳои иҷтимоӣ-фалсафӣ, тарғиби дар атрофи пешвои Ватан гирду чамъ овардани миллат ва ғайра дар бар мегиранд.

АДАБИЁТ

1. Абдурахимов А. «Адабиёти Кӯлоб» //Рӯдакӣ (Ҳасиломаи адаби-фарҳангии Рӯзани фарҳангии Ҷумҳурии Иқломии Эрон дар Тоҷикистон). Соли ҳафтум, шумораи 11, тобистони 2006, с. 57 - 70.
2. Доираи адабии Кӯлоб ва аввалин шеърӣ тоҷик // Навиди Кӯлоб. №35-42, 9-10.09. 2006. с. 13-14.
3. «Кӯлоб Энциклопедия». – Душанбе: Сарредаксияи илмӣи Энциклопедияи миллии тоҷик.-2006. -с.
4. Мирзо Қосим. «Маҳбубидилу дида» // Қалфи Аҳмад. - Душанбе: Ирфон, 2002. -с. 128 – 129.
5. Сомеъ Одиназодаи Хатлонӣ. «Дафтари Сабъ». (Мағни илмӣи интиқодӣ бо сарсухан, таҳия, танзим, тавзеҳот, шарҳи луғот ва феҳрастҳои А. Маҳмадаминов). - Душанбе: Сино, 2004. 576с.
6. Ҳақназар Ғоиб. «Андак дар бораи худам ва андак дар бораи дигарон» // Навиди Кӯлоб. №26-26 (9426), декабри 1998.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ КРУГИ КУЛЮБА В ПЕРИОД ТВОРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АШУР САФАРА

В данной статье говорится о литературных кругах Куляба в период творческой деятельности народного поэта Таджикистана Ашур Сафара.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: литературные круги Куляба, жанровая основа письменного наследия поэтов Хатлона, Ашур Сафар.

THE LITERARY SPHERE OF KULOB IN THE PERIOD OF CREATIVE ACTIVITIES OF ASHUR SAFAR

The article is devoted about the literary sphere of Kulob in the period of creative activities of Ashur Safar.

KEY WORDS: literary circles of Kulob, a genre basis of a written heritage of poets of Khatlon's, Ashur Safar.

ОБ АВТОРЕ: Ф.Шафиев – аспирант кафедры современной таджикской литературы факультета таджикской филологии Таджикского национального университета.

ҲУНАРИ НАВИСАНДАГӢ АЗ ДИДГОӢИ МАӢМУДИ ДАВЛАТОБОДӢ

Сураё Тоҳирзода
Донишгоҳи миллии Тоҷикистон

Насри муосири форсӣ дар чанд даҳсолаи охир бо вучуди нависандагони боқарихаву дурнигар ба пешрафтҳои шигарфе ноил шудааст. Дар ин миён зикри ин нукта муҳим аст, ки нависандагони муосири Эронро метавон ба се даста тақсимбандӣ намуд.

Дастаи аввал нависандагоне ҳастанд, ки маншаъ ва сарчашмаи илҳомашон таъҷар ба руҳдоду падидаҳои берунӣ ва ё дақиқтар бағъем таъсирпазир аз таҳаввули сиёсӣ- фарҳангии мамолики дигар будаанд.

Дидгоҳ ва андешаи дастаи дуюмро бештар таҳаввулоти дохилӣ, заминаи фарҳангу тамаддуни ватанӣ ташкил медиҳад.

Ва ниҳоят дастаи сеюм аст, ки эҷодиёти онҳо аз дигаргунӣ ҳаводиси фарҳангӣ, сиёсӣ, таърихӣ, адабии дохилу хориҷ бархурдор аст.

Маҳмуди Давлатободӣ нависандаи саршиноси муосири Эрон ва ба андешаи мо яке аз матраҳтарин нависандагони имрӯз, намоёндаи дастаи сеюм аст.

Бояд хотиррасон намуд, ки ҳарчанд аз ин нависанда осори зиёде ба ҷоп расида ва мақолоти ҷудогона перомунӣ осораш таълиф шудааст, вале дар адабиёти имрӯзи тоҷик ба гунаи шоиста шинохта нашудааст.

Махмуди Давлатободӣ соли 1940 дар деҳаи Давлатободи Сабзвор таваллуд шудааст. Хонаводаи онҳо мисли дигар деҳотиён аз рӯи қитъазамина, ки дар ихтиёри онҳо буд, рӯз мегузaronид. Айёми кӯдакии ӯ дар деҳа мегузарад ва баъдан барои таҳсил ба Сабзвор меравад.

Дар радифи таҳсил дар Сабзвор ӯ ба касбу кори гуногун аз ҷумла саргарошӣ, каффошӣ, коргарӣ шуғл меварад.

Танҳо дар бистсолагӣ ба Техрон меояд ва ба хоҳири амалӣ сохтани мақсаду ҳадафаш дар фанни нависандагӣ дар чопхонае ба сифати коргар ба фаъолият шурӯъ менамояд ва баъд ин восита ниёзҳои зиндагии хешро рафъ мегардонад.

Бояд гуфт, ки ӯ навиштаҳоиашро то замони муҳочират ба Техрон шурӯъ намуда буд ва нахустин дostonхояш соли 1957-1958 таълиф гардидаанд. Вале аввалин дostonаш тахти унвони «Таҳи шаб» соли 1962 дар маҷаллаи «Онохито» мунташир гардид.

Пас аз ба таъб расидани дostonи мазкур пешаи нависандагиро ҷиддӣ гирифт ва аз соли 1968 ба баъд теъдоди зиёде аз дostonхояш дар нашрияҳои адабӣ ба таъб расиданд ва барои вай мақбулияти маҳбубияти беназире ба бор оварданд.

Намунае аз осори ӯ ки то ба ҳол ба чоп расида ба шарҳи зер аст:

«Ҳичрати Сулаймон ва мард» (маҷмӯаи дoston), «Лояҳои биёбонӣ» (маҷмӯаи дoston), «Говорабон» (дoston), «Таҳи шаб» (дoston), «Ҷои холии Салуч» (роман), «Кукнус» (намоишнома), «Кулидар» (роман), «Рӯзгори сипаришудаи марди солхӯрда» (роман) ва ғайра.

Дар ин миён ба андешаи муҳаққиқон романи «Кулидар» бузургтарин шохкори ӯст.

Лозим ба ёдоварист, ки даврони кӯдакии вай дар фақру нодорӣ, ки ҳамроҳ ба ҷанги дуҷони чаҳонӣ ва тасаллоти русҳо ба Эрон сипарӣ шуда. Дар боло зикр шуд, нависанда бо тақозои рӯзгор касбу кори муҳталиферо интихоб мекунад, то битавонад зиндагии сангину тоқатфарсои хешро таъмин созад.

Мусаллам аст, ки ҳамаи ин пешаҳо баъдан бозтобу инъикоси хешро дар роману дostonҳои адиб пайдо намудаанд.

По гузоштан ба майдони адабиёт барои М. Давлатободӣ кори содае набуд. Вай бо қалбе саршор аз меҳру муҳаббат ва азме росих ворида майдон шуд. Тавре ки худӣ ӯ навишта: «Ман дар адабиёт набардери оғоз кардам, ки аз он бояд пирузӣ биёям берун. Тавачҷӯх мекунед? Ин набарди ман аст» [1,15]

Ҳамон гуна, ки аз таҷриба бармеояд мавқеияти иҷтимоӣ дар қору пешаи нависандагӣ нақши муассире дошта ва аксари адибон дар ҳилоли умри эҷодии хеш зимни ибрази дидгоҳҳои андешаҳои хеш ишорате ба ин мавзӯ намудаанд. Ё ин ки макони зист, зодубуми онҳо дар осорашон ҷилваҳои рангоранге дорад.

Аз ин нуқтаи назар масири тайнамудаи М. Давлатободӣ ки аз як рустои дурафтада оғоз мегардад ва ба домони шаҳри бузурге мисли Техрон мерасад, ҷалби тавачҷӯх мекунад.

Худи нависанда дар иртибот бо ин мавзӯ чунин ибраз меорад «ҷавоми шаҳрии Эрон пур аз рустоӣни шарҳишуда аст ва ман бо ин рустоӣҳои шаҳришуда аз русто ҳаракат кардам, яъне муҳочиратамро оғоз кардам ва ҳанӯз шояд шаҳри нашуда бошам».[1,14]

Албатта таҳқиқ дар ин мавзӯ ниҳоят ҷолибу сарғармқунанда аст, вале дар ин мақола мо меҳоҳем перомунӣ андешаҳои М. Давлатободӣ дар иртибот бо пешаи нависандагӣ ва авҷу фуруди он суҳан дар миён бигузorem. Дар ибтидо бояд гуфт, ки нависанда дидгоҳҳои хешро дар мавриди муҳталиф, зимни гуфтагӯҳо, суҳанрониҳо, мақолоти алоҳида ва ҳатто маҷмӯаи ҷудогона баён доштааст.

М. Давлатободӣ дар мавқеи изҳори таассуф аз он мекунад, ки дар Эрон баҳши каме аз мардум саводи хондану навиштан доранд ва ин танҳои марғзой барои як адиби ҳунарманду боқариҳа аст.

Бадин маънӣ менависад «дар меҳани мо нависандагӣ ва нависанда будан ва тадовуми қор қори бисёр душвор аст. Бахусус нависандае барои ҳамагон будан қори саҳмгине аст. Ҷаро ки мардум, яъне тӯдаҳои мавзёқор ва дар айни ҳол муҳотаби нависанда дар сади қасирашон аз тавоноии хондану навиштан бебаҳраанд.» [2, 16]

Адиб ҳамзамон бо тарҳи ин матлаб ба барҳурди ҳукумат ва сардамдорони вақт ишорат мекунад. Вай бар ин назар аст, ки маъмулан давлатдорон ва соҳибони қудрат аз нависанда мардум рӯи ҳуше надоранд. Эшон меҳоханд адибон тибқи дарҳосту майли онҳо бо мардум харф бизананд ва воқеияту зиндагии эшонро ба тасвир бикашанд.

Шояд миёни аҳли қалами адабиёти муосири форсӣ камтар адиберо пайдо намуд, ки мисли М. Давлатободӣ дар атрофи рисолати нависандаву, шеваи нависандагӣ масъулият, ки ҷомеа ба дӯши як адиб мегузорад, андешида бошад. Мазкур барои як ҳунарманди воқеӣ дарқу шинохти воқеияти мавҷуд, замону макони «мо»-ву «ман»-и ҳосу фардиро муҳиму муҳтарам мешуморад: «Хуб аст дониста шавад, ки «ман» ва ё «мо»-и нависанда бар қадом замин ва дар миёни чи гуна мардуме қадам бар

медорад. Ростиро чи гуна метавон ин ду вачҳи умдаи зиндагиро, ки вучуду хузури нависанда фақат дар чигунагии иртибот бо он маънову ғаввора пайдо мекунад – дарк карду шинохт?» [2,20]

Равшан аст, ки фаро гирифтани фарҳангу адаби гузаштагон шинохти расму ойин, анъанаву сунани марсум барои аҳли эҷод зимни офариниши осорашон нақши калидӣ дорад.

Ин ҳама метавонад заминаи илҳом, ғазои муносибе барои навиштан бошад. Сухану каломи адибе, ки дар мероси пешиниён мутолиоти фаровон дорад, беш аз дигарон аз фасохату зебӣ, пухтагиву сангинӣ бархӯрдор аст. М. Давлатободӣ дар ин замина андешаҳои ҷолиб дорад. Номбурда бар ин назар аст, ки бархӯрд ба осори шуаро ва адибони гузашта бояд сарсарӣ, аз рӯи ҳавою ҳавас набошад, балки ҳадафу натиҷа дошта бошад.

Ҳар як нависанда зимни офариниши асари мавриди назар бо ҷидолу гирифториҳои ботинӣ рӯ ба рӯ мегардад. Ин мушкилот метавонад масири зехнии адибро дигаргун созад.

Вале ба қавли М. Давлатободӣ «дар нависандагӣ ин хуруши ҷавониро (яъне дарки осори хонда С.Т) бояд бо тадбир даромехт. Кам гуфтани бештар андешиданро бояд фаро гирифт. Нависанда бештар бо худ ва бо он чи дар кори пардохтаниш ҳафт дар гуфтугӯ аст. Нависанда намехоҳад ва набояд дар кӯтоҳмуддат касеро дар мавриди чизе, ки бад-он мӯътақид аст, қонъ кунад. Дар ваҳлаи аввал нависанда мебояд зимни кашмакаши даруние, ки дорад худро ба анҷоми коре мӯҷоб кунад» [2, 10]

Ҳамон гуна ки зикр гардид андешаҳои М. Давлатободӣ перомуни ҷаҳони нависандагӣ ниҳоят доманадору фарогири паҳлуҳои мухталифанд. Аз баррасии дидгоҳҳои ӯ равшан мегардад, ки ӯ перомуни раванди зуҳуру пешрафт, мавқеъбӣ, таъсиру маҳбубияти ҳампешагони ҳеш бетафовут нест. Балки ҳусну қубҳ авҷу фурузи нависанда мардумро дар майдони адабиёт ниҳоят мушикофона, дақиқ мавриди баррасӣ қарор медиҳад ва дар зимн ба натиҷаҳои матлуб даст меёбад. Вай дуруст хотирнишон месозад, ки бархе аз қаламкашон хеле зуд ба шӯҳрат мерасанд ва ҳамин шӯҳрату мақбулияти нобаҳангом онҳоро аз шохроҳи аслии эҷодӣ ҷудо месозад. Пешӣ худ чунин натиҷа мегиранд, ки ҳамвазну ҳамтои эшон касе нест. Шӯҳрат ҷашми эшонро мебарад, вале ногаҳон аз авҷ ба замин сарозер меоянд.

Дар радифи онҳо гуруҳи дуҷум ҳастанд, ки бо вучуди доштани нубуғу истеъдод як умр аз ҷашмҳо пинҳон мемонанд. Ва ниҳоят аз гуруҳи сеҷум ёд мекунад, ки мекӯшанд дар ин дунёи пурталотум зинда бимонанд ва зиндагӣ кунанд.

Барои тасдиқи ин андеша хуб аст ба навиштаҳои адиб истинод кунем: «истинбот кардаам, нависандае ҳамин ки мақбули ҷомеа афтод ба сурати бодкунаке рангӣ ба василаи таблиғот ба осмон фиристода мешавад! Акси ин ҳам содиқ аст. Нависандае пас аз ин, ки ба ҳимати солҳо ранҷу душворӣ хуввияти иҷтимоӣ пайдо кард, ба ҳар чи ки сақл ёфтааст ба аъмоқ фуру меафтад. Бархе дар аъмоқ шиновару ғаввос, бархе дар ботлоқи умқи гуму нобуд мешаванд. Пас нависанда бояд битавонад бори гарони заминро ба гурдаи худ тоб биёварад. Бодбодақҳоро ба ҳаво мефиристанд то битарканд ва метарканд, туро дар аъмоқ партоб мекунанд, то гуму нобуд шавӣ. Аммо шиновар агар дар умқи тоб биёвари умеде ба гуму нобуд нашуданат ҳафт, ғаввосӣ биёмӯз ва тоб биёвар. Бори гарони ҷаҳонро бар гурдаи бисудаи худ тоб биёвар» [2, 21]

Ҷанбаи дигаре, ки зимни пажӯҳишу мутолиаи дидгоҳҳои М. Давлатободӣ ҳоизи аҳамият аст, назари ӯ перомуни фардияти нависанда аст. Ин масъаларо адиб борҳо зимни гуфтугӯҳо, мусоҳибаҳои расонаӣ ибраз намудааст.

Ба ақидаи ӯ фарзияти нависанда дар нависанда будани ӯ ба зуҳур мерасад. Гузашта аз ин фардияти нависанда агар дарвоқеъ вучуд дошта бошад, вазифааш тарсиму тавсифи ҷамъияти одамай ба гунае расотару беҳтару амиктар аст.

Аз сӯи дигар мушкили дигаре, ки дар ин маврид пеш меояд шинохти ҳамин фардият аст. Зеро «дастбӣ ба фардияти нависанда ба дарки ҷузъитарин, нодиданитарин ҷузъиёти ҳамасӯяи фарду вучуд аст, ҳатто дар танаффуси ӯ дар қадом ҳавову қадом ҷавву чи ҳангом». [2, 16]

Дар иртибот ба ин мавзӯ М. Давлатободӣ хотирнишон месозад, ки ягон нависанда ба сари худ ба танҳои қодир нест, ки таҷассуму нусхаи забону баёни мардум бошад. Як нависанда танҳо як вачҳоро аз вучуди комил инъикос месозад.

Андешаи ҷолиби таввачӯҳи дигар муносибати нависанда ба унвону шиорҳое мисли «нависандаи мардумӣ», «адиби мардумӣ» ва амсоли онҳост. Шеваи таллақии М. Давлатободӣ дар ин маврид воқеан маҷзубкунанда аст. Ӯ мегӯяд онҳое ки бо шиорҳои мардумгароёна моро ба навиштан барои мардум ташвиқ мекунанд дар асл моро ба ҷои ба асл наздик кардан аз асламон дур мекунанд. Нависанда мисоли аҷиб мезананд! «ман шаб мерафтам хонаамон ту мардум будам, магар падари ман ки буд! Магар модарам ки буд? Магар бародарам ки буд? Субҳ аз хона меомадам мерафтам қаҳвахона, мерафтам сари қор, мерафтам ту хиебон ... ҳатто мерафтам ба бадтарин маҳаллот. Хуб, ман мардум ҳастам дигар». [2,13]

Масоиле ки дар осори М.Давлатободӣ ба пешаи нависандагӣ ва дунёи рангини он бахшида шуданд зиёданд ва дар ин мақола намешавад. Ва дар масоиле, ки дар навиштаҳои М.Давлатободӣ ба пешаи нависандагӣ ва дунёи рангини он бахшида шудаанд, зиёданд ва дар ин мақола намешавад дар атрофи ҷузъиёт суҳан ронд, вале дар поёни мақола зикри як масъаларо муносиб медонам.

Адиб дар иртибот ба зиндагии як нависандаву ҳунарманд ва аҷзои фароҳамовари муҳити эҷодии ӯ андешаҳои ҷозибера ибраз меорад.

Аз нигоҳи ӯ ҳар як нависандаи воқеӣ новобаста аз ин, ки дар чи марҳилае аз зиндагии ҳеш қарор дорад, бояд се ҳолату вазъияти муҳими инсониро фарогир бошад. Яъне, «боварии кӯдакона», «саршориву шавқи ҷавонгарона», ва «таҳаммулу бурдбории пиронасарона» дар худ дошта бошад.

Вучуди ин ҳолат дар маҷмӯъ аз фалсафаи зиндагии инсонӣ, аз умқи воқеияти он бармеояд. Як адиб дар лаҳзаҳои тақдирсоз, дар замони офариниш зимни бархӯрд бо мавзӯъ ва масоили матруҳа бояд «мутаассир бишавад мисли як кӯдак, ошиқу барангехта шавад, мисли як ҷавон ва дар тааммулу бурдборӣ зиндагиро ва масоили онро биковад ва кори худро бисанҷад ва биёзмояд мисли як инсонӣ пухтаву дурандеш». [2, 34]

Ба қавли М. Давлатободӣ вучуди ин се омил дар офариниши осори адабӣ барои нависандагон мисли обу ҳаво зарур аст.

Шарт нест, ки нависанда тамоми саҳнаҳои рӯзгор, падидаҳои мухталифи маҳзофаринишро худ таҷриба кунад, ламс намояд. Ба хоҳири дастбӣ ба ҳадаф ин лозим нест. Ҳунарманд ба миқдори зиндагӣ қордор нест, зеро «ҳунарманд ҷавҳари зиндагиро мечашад, на ин ки ҳамаи миқдорҳои онро бихӯрад». [2, 34]

Дар поён лозим ба тазаккур аст, ки М.Давлатободӣ аз нерӯмандтарин нависандагони адабиёти муосири Эрон аст, ки мактаби ҳоси ҳешро дорад ва ҳеч қасе наметавонад нубуғу истеъдоди худованди ин мактабро инкор кунад. Осори ӯ аз ҳар ингоҳ дархӯри аҳамияту қобили пажӯҳиш аст.

АДАБИЁТ

1. Амир Ҳасан Чихилган, М. Давлатободӣ. Нашри Қисса. Техрон, 1382.
2. Давлатободӣ М. Нуни навиштан. Чопи дуюм, Техрон 1389.
3. Давлатободӣ М. Мо низ мардуме ҳастем. Чопи сеюм, Техрон, 1380.
4. Мушарраф, Марям. Шеваномии нақди адабӣ. Техрон, 1387

ПИСАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ МАХМУДА ДАВЛЯТАБАДИ

Современная персидская литература в течении последних 60-80 лет воспитала плеяду талантливых и одарённых литераторов, каждый из которых внёс свой личный вклад в развитие сегодняшней литературы и культуры в целом. Но с точки зрения автора, Махмуд Давлятабади за последние 10 лет является одним из самых обсуждаемых персидских писателей современности. Он известен не только в Иране, но и за её пределами. В этой статье подвергнуты анализу взгляды Махмуда Давлятабади о писателях, об их месте и положении в обществе в целом.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Махмуди Давлятабади, писатель, литература, личность писателя, восхождение жизни.

LITERARY ACTIVITY FROM THE POINT OF VIEW OF MAHMUDA DAVLATABADI

The modern Persian literature within last 60-80 years has brought up a galaxy of the talented and presented writers, each of which has brought the personal contribution to development of the today's literature and culture. But from a point sight of the author, Mahmud Davlatabadi for last 10 years is from the most discussed writers of the present. It is known not only in Iran, but also behind its limits. In this article sights of Mahmuda Davlatabadi about writers, about their place and position in a society as a whole are subjected the analysis.

KEY WORDS: Mahmudi Davlatabadi, the writer, the literature, the person of the writer, life ascension.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Сурайё Тоҳирзода - соискатель кафедры иранской филологии факультета востоковедения Таджикского национального университета. **Телефон:** 907-50-40-91

«ДЕВОН» - И ИБНИ РАШИҚИ ҚАЙРУВОНӢ

У. Юсуфов

Донишгоҳи миллии Тоҷикистон

Ин ҷо бояд зикр кард, ки дар аглаби мадорик ва маохизи асрҳои миёнаи арабӣ дар бобати соҳибдевор будани Ибни Рашиқ маълумоте вучуд надорад. Танҳо Ибни Халлиқон дар китоби «Вафӣетулаён ва анбуозамон» [1, 1/52] соҳиби девони бузург будани Ибни Рашиқро таъйид сохта, қисме аз ашъори шоирро дар китобаш зикр кардааст. Вале ба андешаи бештари донишмандон ва

пажӯҳишгарони адабиёти давраи аббосӣ, бахусус Андалус ин қисмати иқтибоскардаи Ибни Халликон ноғурра буда, бо ашъори шоирони дигар махлут гардидааст. Ҳамзамон бояд таъкид сохт, ки то имрӯз нусхαι девони комили шоир ба даст наомадааст. Вале дар баробари ин, ашъори Ибни Рашиқро ду нафар аз адабиётшиносони араб Абдулазизи Майманӣ ва Абдурахмони Ёғӣ аз баёзу ҷунгҳо, радиофулашъору тазкираҳо ҷамъоварӣ ва тадвин намудаанд. Мутаассифона, ин ду маҷмӯа низ тамоми осори назми Ибни Рашиқро фаро намегиранд.

Бори аввал бо кӯшиши Абдулазизи Майманӣ ба соли 1924 милодӣ дар Қоҳира маҷмӯае бо номи «Аннатафу мин шеър» интишор шуд, ки он ашъори ду шоири ҳамзамону ҳаммашраб Ибни Рашиқ ва Ибни Шарафи Қайрувониро дарбар мегирад.

Бори дуввум ашъори нисбатан муқаммал ва муътамади Ибни Рашиқ бо ибтикор ва эҳтимоми доктор Абдурахмони Ёғӣ соли 1989 мелодӣ ҷамъоварӣ шуда, тахти унвони «Девони Ибни Рашиқ» дар Бейрут ба таъ расид.

Абдурахмони Ёғӣ дар муқаддимаи китоби мазкур менависад, ки ашъори ин маҷмӯа дар муқобалаву муқояса ва таҳқиқу тадқиқи нусхаҳои гуногуни баёзу тазкираҳо таҳия гардидааст. Ин китоб дар кишварҳои арабӣ борҳо интишор ёфта, яке нашрҳои хуби илмиву интиқодии ашъори Ибни Рашиқ ба ҳисоб меравад.

Ҳарчанд ин китоб ба худ номи девонро гирифтааст, вале ба талаботи девон ҷавобгӯ нест, зеро ба фикри мо, мурағиб бо фароҳам овардани ашъори Ибни Рашиқ ва унвони ифтихории «Соҳибдевор» буданро додан, таъкид кардан мехоҳад, ки мавсуф низ дар гузашта аз шоирони соҳибдевор будааст. Китоби мазкур дорои 135 қасида буда, 505 байтро дарбар мегирад.

Дар асоси ин нусхαι муътамад ва муқаддимаи муфассали Абдурахмони Ёғӣ ба чунин хулоса омадан мумкин аст, ки аз ашъори Ибни Рашиқ то замони мо байтҳои хеле кам боқӣ мондааст. Аксари қасидаҳо аз 1 то 3 байтро фаро гирифта, ба нудрат қасидаи комил ба назар мерасанд. Вале дар ин ашъори боқимонда, пеш аз ҳама ба таври ҳамешагӣ маҳорати баланди шоирии Ибни Рашиқ ҷилвагар аст. Ҳамчунин бояд таъкид кард, ки баъзе аз сарчашмаҳо ва тазкираҳо ба шоир яқинд мувашшаҳ ва заҳалро нисбат медиҳанд.

Дар замони зиндагии Ибни Рашиқ санъати мувашшаҳ ба унвони яке аз қолабҳои шеърӣ дар Қайрувон машҳур шуда буд ва дар эҷодиёти аксари шоирони он давр ин намунаи шеърӣ ба мушоҳида мерасад.

Гузашта аз ин, роҷеъ ба навғониҳои адабӣ ва хунарии шоирони ҳамзамонаш дар китоби «Анмузачуззамон ё шуарои Қайрувон мин анмузачуззамон», аз ҷумла андар боби чигунагии жанрҳои нави адабии мувашшаҳ ва зачал, аввалин шоирони дар ин ҷиноси адабӣ шеър эҷодкарда, машҳуртарин шоирони зачалнавис ва эътирофи он аз ҷониби шоирон ва мардум муфассал изҳори ақида менамояд. Дар ин самт метавон рисолаи мазкурро яке аз нахустин тадқиқоти илмӣ дар бораи ин ду навъи адабӣ донист.

Бо дарназардошти ин нукта, метавон хулоса кард, ки осори боқимондаи Ибни Рашиқ аз қасида, тағазул, китба, марсия ва ҳачву мутоибот иборат буда, дар эҷодиёти шоир қасида мавқеи асосиро ишғол менамояд. Мавзӯоти муҳимтарини қасидаҳои Ибни Рашиқ ситоиши амир ва вазирон, масъалаҳои умдаи зиндагии асри XI, тасвири лаҳзаҳои ҷудогонаи зиндагии шахсии шоир, саодати рӯзгор ва шиква аз замон, ҳачв, танз, мутоиба, марсия, фалсафа ва ҳикмат мебошанд.

Шоир дар баробари бозгӯи ин масоил ба мавзӯҳои панду андарз, тарғиби адлу инсоф, омӯхтани илму дониш, ҳимояти мазлумон, нафъ расонидан ба мардум ва тарғиби ғояҳои инсондӯстӣ дахл намуда, амирону ҳокимонро ба адолату нақӯкорӣ даъват мекунад. Ибни Рашиқ дар бахшҳои ифтиҳои қасида, ки онро ташбиб ё насиб низ меноманд, ба тавсифи баҳор, тараннуми зебоиҳои табиати сарсабзи Андалус, чашмаҳо ва рӯдҳои софу зулол, кӯҳҳои осмонбӯси пур аз долу дарахт, боғистонҳои шуқуфон ва пурмева, ҷаманҳои рангоранг ва хулоса ба тасвири хушгузаронии ҳаёт мепардозад. Вале мехоҳам дар ин ҷо нуктаеро ёддошт намоям, ки шеърӣ ӯ аз ҷиҳати банду баст, сабку услуб ва баёну маънӣ бештар ба шеърӣ олимона шабоҳат дорад. Зеро Ибни Рашиқ яке аз олимони ва ноқидони барҷастаи адабиёти араб мебошад ва андар шинохти шеърӣ шоир дар китоби «Алумда» назариёти касиреро бо ҳам муқобала ва муқояса карда, дар эҷоди шеър ба сабку сиеки суннатӣ пайравӣ кардааст. Дар ин маврид Маданӣ мегӯяд: «... шеърӣ ӯро ҳамчун шеърӣ аҳли илм бояд маърифат кард, на ҳамчун шеърӣ шуаро... бештари таълифоти Ибни Рашиқ дар заминаи ашъори шоирони пешин эҷод шудааст». [2, 157].

Сароғози баъзе аз қасидаҳои шоир махсус ба мавзӯи ишқ бахшида шудаанд, ки ин гуна ташбибҳоро тағазул мегӯянд. Васфи канизакони паричехраву шириншамонил, санавбархирому танноз, дилбарони сапедоқу моҳпайкар, борикмиёну бодомчашм, инчунин маҷолиси лаъбу лаҳв, шароби нобу бодагусорӣ, суруру нишот, ки хоси ошиқони шайдоӣ мебошад, дар тағазулоти шоир

бештар ба мушоҳида мерасад. Ин манзара аз он гувоҳӣ медихад, ки аксари вақти умри шоир бо шодмониву шодкомӣ гузаштааст.

Тағаззул, насиб ва ташбибҳои қасоиди ӯ ба бӯстони рангоранги адабиёт шабех буда, нақхати «андешаи бегона» ва баландро ба машом мерасонад. Ин бӯстони назм ва гулистони адаб бо ташбеҳоти олий, таносуби мутасовии калом, тавсифот, муболиға ва игрок, истиора ва ибдоъ, кинояву таъриз ва дигар воситаҳои санъати илми бадеъ ораста гардидааст.

ӯ шоирест, ки мабно ва пояҳои орои шеър, яъне фунуни суханвариро дар китоби «Алумда фӣ маҳосинишшеъри ва нақдихи ва одобиҳи» таҳқику тадқиқ кардааст ва аз ин дидгоҳ, дар сурудани шеър бисёр ҷиддӣ муносибат менамояд. Махсусан калимот ва воситаҳои тасвир дар шеъри ӯ бисёр хунармандона истифода шудааст ва манзараи коргоҳи эҷодӣ ва портрети шоирро ба ҳубӣ метавон дарк намуд.

Бояд зикр кард, ки шеъри шоирони кишвари Андалус дар ибтидо аз ҷониби шуаро ва мунтақидони маркази хилофат эътироф карда намешуд. Ҳарчанд шоирони Андалус дар сарзамини бихиштосо ва сарсабз зиндагӣ намоянд ҳам, вале дар эҷоди шеър ба пешиниён пайравӣ мекарданд. Дар шеъри асрҳои VIII-IX шоирони арабизабони ин минтақа ҳамон шутур, ки машҳуртарин образи маъшуқа аст, ҳамон атлолу димна, биёбон, ситоиши афроди муътабарӣ қабилӣ, васфу ҳичрони ёр ва ғайраҳу бидуни ягон дигаргунӣ, ҳамон тарху шакл ва мавзӯоти қабилӣ шеъри арабӣ интиқол меёфт. Умуман, шеъри арабии кишвари Андалус, ки ҳамчун як ҷузъи адабиёти араб шинохта мешавад, дар ду садаи нахустӣ истиқомати арабҳо дар ин сарзамин тақлидӣ буд. Машоҳири адаби Машрик барои шоирони Андалус ҳамчун меҳвари тамоми нубуғҳо шинохта мешуд. Баъд-ин васила, ҳар шоири Мағриб ва Андалус кӯшишу талош дошт, ки ба шеъри шоири тавоноӣ Машрик тақлиду пайравӣ намояд. Гоҳо дар таърихи адабиёти ин сарзамин лаҳзаҳои воғӯрад, ки ин гуна шоирон шеърашонро дар радифи шоири пешина мегузошанд, бо ҳам муқояса ва муқобала мекарданд, то даъвои бузургманишӣ намоянд. Ибни Бассом аз ин гуна доварихо ва шӯхратпарастихоӣ пучу холӣ, ки гоҳо аз мантиқ фарсахҳо дур буданд, бо ҳашм андешаашро чунин баён мекунад: «Агар дар Шарқ ғулومه қарқар кунад ва ё дар ақсои Шому Ироқ мағасе виз-виз намояд, инон хозиона дар қабули он ба ҳок меафтанд» [3, 1(1) 11-12]. Ҳамин тақлиди айни мегузошт шоирон аз қолаби суннатии шеъри арабӣ берун раванд ва ҳатто маъноии наво бар он зам намоянд. Танҳо шеъри арабии ибтидоӣ асри X милодии сарзамини Андалус аз тарафи шоирони марказ эътироф гардида, дар хошияи онҳо нақду баррасихоӣ зиёде навишта шуд.

Масалан, шоири мавриди назари мо Ибни Рашиқ низ худро ҳамсангу ҳамтирози Мутанаббӣ медонист. Зеро дар сабку услуб, вазну қофия ва муҳимтар аз ҳама ба маонии шеъри Мутанаббӣ пайравӣ мекард. Яъне нуфузи шеъри Мутанаббӣ дар ашъори Ибни Рашиқ хеле зиёд буда, таркиботи корбурди ӯ зиёд истифода шудааст. Ин аст, ки онҳо ҳам аз ҷиҳати лафзиву маъноӣ ва ҳам шаклӣ ба ҳамдигар бисёр мушобех ҳастанд. Гоҳо Ибни Рашиқ бидуни ишора мисраъҳои Мутанаббиро айнан истифода кардааст. Вале дар баробари ин, ҳангоми нақди шеъри Мутанаббӣ дар рисолаи «Қирозатузаҳаб» ашъорашро бо шеъри ӯ муқоясаву муқобала менамояд ва гоҳо ба сирқати маонӣ мутаҳҳам месозад ва ба ӯ интиқол мегирад [4, 104].

Вобаста ба ин масъала, Абдуррахмони Ёғӣ [5, 18-19] дар муқаддимаи «Девон»-и шоир афзудааст, ки «Ибни Рашиқ худро рақиб ва ҳамрадифи Мутанаббӣ медонист ва дар баъзе мавридҳо ҷузъиёти ашъори ӯро ба таворуди адабӣ муттаҳам намуда, шеъри худро аз ӯ бартар медонад». Албатта, дар муқоиса шеъри Мутанаббӣ нисбат ба ашъори Ибни Рашиқ дар сатҳи хеле баланд қарор дорад ва дар ин ҷо ҳеч тардиде нест.

Ба ақидаи ин ҷониб ҳамин маъниро Ибни Саноулмулк ба назар гирифта, дар мавриди шеъри Ибни Рашиқ чунин мефармояд: «Агар Ибни Муътаз ва Мутанаббӣ набудандӣ, нахуст Ибни Рашиқ ба шеър ошно намешуд, ҷӣ расад ба ин ки шеър бисарояд» [190, 69].

Бояд гуфт, ки ин нукта дар бораи нақди ашъори Ибни Рашиқ бисёр саҳт гуфта шудааст. Ҳарчанд дар корбурди саноеи адабӣ, баҳусус ташбеҳ ва истиора шоир аз ашъори Ибни Муътаз истифода бурдааст, вале ашъори ин ду шоирро «ғорат» накардааст. Ҳамзамон бо ин, дар ин ҷо меҳом хотирнишон созам, ки дар ҳамаи шеъри Ибни Рашиқ баъзе аз маонии ашъори Абунувос низ ба мушоҳида мерасад. Агар ин фикри Ибни Саноулмулкро ҷонибдорӣ намоем, ашъори Ибни Рашиқ мавриди писанди амир намегафт ва аз ҷониби шоирону донишмандон эътироф намегардид. Инчунин тибқи гуфтаи Ёкути Ҳамавий дар «Мачмаулулаба» шеъри Ибни Рашиқ дар замони зиндагӣ дар сарзаминҳои Андалус, Иффриқия, Сақлия, Маҳдия, Ишбилия ва Мағриб шӯхрати беандоза дошт [7, 4/563].

Бо дарназардошти ин ҳама, аз кадом вақт ба навиштани шеър оғоз намудани Ибни Рашиқ ва чун устод эътироф шудани ӯро муайян кардан душвор аст. Вале, ба ҳар ҳол, метавон гуфт, ки ӯ аз ибтидо соҳиби таъби худодод, заковати фитрӣ ва салиқии табиӣ будааст. Ин нукта шаҳодат медихад,

ки шеъри Ибни Рашиқ аввалан дар сарзаминҳои Мағрибу Андалус, баъдан дар хилофати аббосиён шўхрат ёфта, ўро дар сафи машоҳири адаб ҷой дод.

Ашъори ошиқонаи Ибни Рашиқ асосан дар мавзӯҳои васфи маъшуқи саркаш, ёри танноз, дилбари шўхшангу париваш суруда шуда, мутаассифона, муҳити сарсабзеро, ки шоир дар он зиндагӣ мекунад, фаро намегирад. Ў ҳам монанди шоирони гузаштаи араб ёри худро дар муҳити биёбон тасвир менамояд. Ин ёри биёбонӣ бо рафтору гуфтор, нозу карашма, ҷилваю хиромии ба худ хос дар аксар вақт аз шодмонии зиндагии худ меболад, ки ошиқи вафодору ҷоннисораш дар паҳлуи ўст. Гоҳи дигар аз дарду фирок, ҳаҷру фурқат ва дурии ошиқи хеш менолад. Ин мўяхҳои ошиқонаро шоир ҷунун бориқбинона тасвир карда, ки гўё вучуди ў аз дарди ҷудой мисли сахроҳои беканори араб месўзад. Шаби торику абриро, ки дар канораш дилбар нест, ба маҳбас ташбеҳ мекунад. Дурахши рӯи дилбар дар тасвири шоир монои моҳ аст, ки ба дил равшаноиву сурур мебахшад ва аз шаъшаъаи он ошиқ субҳи умедро интизор аст. Шабехи моҳ тасвир кардани чеҳраи маъшуқа ҳам дар адабиёти араб ва ҳам дар адабиёти форсу тоҷик як амри маъмулӣ аст. Вале ёри тасвиркардаи шоир, ки хубсурату сиёҳчурда аст, тасвириро дучанд зебо ва табиӣ месозад. Дар баробари ин, ошиқ ба дарди фироқу хичрони маъшуқ тоб намеоварад, зеро пайванди онҳоро «шамшери ҷудой» буридааст ва дигар васли онҳо имконнопазир аст, ашки пушаймонӣ мерезад. Барои шоир аз ишқи ҷонгудоз ва маъшуқи баландпарвоз неъматӣ беҳтаре вучуд надорад, зеро ишқ монои ҷашмаи пуртуғёнест, ки андаруни дил мечўшад, ошиқ дар сулуқи ҷоннисорӣ ба хотири васли ёр месўзад ва гоҳе ба ганҷи мақсуд мерасад ва гоҳи дигар дар кўи номуродиву бевафоии он яғмоғари дил обу адо мешавад. Аслан дард ошиқро ба манзили мурод мерасонад ва ошиқи дардманду дилфигор ба манзалати муҳаббат арҷгузори карда метавонад. Бо вучуди он ки шоир зебоипараст аст ва беҳтарин тасвириро дар ҷамоли ёр мебинад, вале зебоиҳои Ҳиндустони афсонавӣ ва хиромидани уштур, ки ташбеҳи олии маъшуқа дар назми араб аст, дар дили ў намегунҷад:

أقول كالماسور في ليلة
يا ليلة الهجر التي ليلها
ما احسنت هند و لا اجملت
القت علي الآفاق كالكالها:
قطع سيف الهجر اوصالها
جمال، و ليس الحسن الا

Тарҷума:

«Гуфтам монои маҳбусам дар шабонгоҳ,
Дар осмон дидам дурахши рӯи дилбарро.
Эй шаби хичрон, кадом шаб аст он,
Бурид шамшери ҷудой пайванди маро аз ў.
Ман Ҳиндро ситоиш намекунам ва нест зебо
Шутур. Ва нест зебо магар барои
монанди хиромидани дилбар буданаш». [8, 32]

Мавзӯи ишқ дар саросари ашъори боқимондаи Ибни Рашиқ ба мушоҳида мерасад ва он молмоли лутфу назокат, нафосату латофат, сўзу гудоз, лаззату алам, шодиву андўх, инбисоту гирифтагӣ, муҳаббату кина, яқину тардид, майлу карохат, ихтиёру ҷабр, умедвориву ноумедӣ, ризоияти хашм, фироқу висол, дарду ҷудой мебошад.

Мафҳуми ишқ, ки мақоми ҳафтуми тариқати муҳаббати илоҳӣ мебошад, дар ашъори Ибни Рашиқ ба таври густарда тасвир ёфтааст, ки гумон мекуни шоир як лаҳзаи зиндагياجро бидуни ишқ сипарӣ накардааст. Ишқ гулбуни ҳамешасабзи боғи адабиёт аст, ки тавассути инсон ба таври зебо ҷилва мекунад ва муҳимтар аз ҳама, рўхро бедор месозад. Ишқе, ки шоир тасвир мекунад, пеш аз ҳама молмоли сўзу ҳаяҷон ва тааммуку андеша аст.

Бинобар ин, ҳар вақте ки шоир аз ишқ ва ошиқӣ сўхбат меорад, пеш аз ҳама ў сўзу гудози ишқро бо худогоҳӣ ва соири падидаҳое, ки дар шеъраш тасвир мекунад, ба ҳам омезиш медиҳад.

Ишқ оташест, ки қалбро тақону гудоз медиҳад, онро аз сина бадар месозад, зеро садои набзи тапиши дил гўши ҷонро навозиш медиҳад ва иродаи инсонҳоро нерӯ бахшида, мавзун месозад, хулласи калом, тамоми хавос ва пайванду равобити ашъро дигаргун нишон медиҳад. Ошиқ бо завқи нигоҳи ошиқона ба муҳити атроф менигарад, тароват ва назокати хосеро дар нафасҳои худ бо рангу бӯ мечашад ва эҳсос мекунад, ки ниҳояти маъхари зебоӣ аст. Ин лаҳазот каламоти шаҳодати такмили ишқ дар ботини ошиқ аст. Ошиқ аз хурдтарин ашё метавонад ҷаҳоне бунёд кунад ва дар ин олами шавқу вачд лаззат барад. Ин ҷаҳонро агар ба шуқуфтани дили гунҷаи роз тадоӣ намоем, ошиқ ба мисоли шабнамест, ки дар чеҳраи гул назокати хоса мебахшад, рамзи дарёест бо як хубоб андар рағи гул ҷону равон эҳдо мекунад ва ин як қатраи шабнам ҷўши бахрро дар худ ифода месозад ва ба истилоҳи дигар, вусъаташ аз гунҷоиши кўза зиёд аст. Гарҷанд ҳар гуна зебоӣ аз нигоҳи қазоват маъмулӣ менамояд, вале дар ин ҷо завқи биноӣ зарур аст, ки моҳияти онро дарку фаҳм кард. Ба назари ошиқ ҳар пораи он ҷилвагоҳи ноз аст ва дар хилватгоҳи роз ба тарзу намуди муҳталиф рўнамо мешавад, ки дар зоти худ мунфарид ба фард аст.

Аз ин рӯ, ошиқ ҳамеша дар талаби дидор ва висоли маъшук аст ва ба ин васила, мо метавонем тибқи фаъолияти ошиқу маъшук ба раванди ишқ ворид шудани онҳоро, ки ба мустақилият, дарҳамомезӣ ва ниҳоят ваҳдат таҷзия мешавад, муайян намоем:

1. Шахсияти маъшук айни шахсияти ошиқ,

Дар ин сурат метавон ҳаде зад, инсон метавонад ба маънии истилоҳӣ ба вучуди худ ошиқ шавад. Яъне шахсияти маъшук айни шахсияти ошиқ гаштааст. Аз лиҳози равонӣ ишқ бо ҳамбастагии тахайюл, тасаввурот, андеша, ихтиёр ва ақл вучуди ошиқро метавонад тасхир намояд, ки ягонагии ин ҳолати равониро баён месозад.

2. Шахсияти ошиқ айни шахсияти маъшук.

Дар ин ҳолат аз ишқ хабаре нест, зеро ошиқ вучуд надорад.

3. Ду шахсият аз ҳайси андеша, афкор ва махсусиёту тахайюлот бо ҳам даромехта, шахсияти сеюмро ба вучуд меоваранд, ки дар натиҷа, «ман» ё «худ»-и онҳо зода мешавад. Ва «ман»-и шоири ошиқ аз ҳамин маъхаз сарчашма мегирад.

Ибни Рашиқ низ ба монанди шоирони дигар асосан ба нуктаи сеюм таваҷҷӯҳ дошта, бо эҷоди ашъори ошиқона «ман»-и худро ба хонанда ироа менамояд. Масалан, дар ин қасида аз зебоиҳо ва муҳассаноти олам маъшуқаро беҳтарин мавҷудот меҳисобад ва аз дидану висоли ӯ лаззат мебарад. Дар тасвири шоиронаи Ибни Рашиқ маъшук аз беҳтарин зебоиҳои олами ҳастӣ аст. У ишқварзиҳои худро бо дилбарони паривашу танноз «гуноҳ» медонад, вале аз он «рӯзҳо» ба неки ёд меорад. Вале гоҳо дилбарон бо нозу карашма ва шӯру истиғно талаби ӯро рад мекунанд ва ин мафҳумро шоир дар байти «Дилбарро меҳрубонӣ ва навозиш кардем, рад кард моро, Ва «ҳас андохт бар чашмони мо» хеле зебо ба қалам меорад. Шоир бо назокат фиреби дилбарро бо санъатҳои истиора ва рамзу киноя ва истифодаи зарбулмасали машҳури арабии «Хас андохт бар чашмони мо» чамъбаст менамояд. Пас аз ибрози ин андеша маъшуқаи хешро бо муболиға тавсиф менамояд, ки дандонҳояш шабеҳи лӯълӯст: «...чунонки дар қолаб тиллоро гудохта бошанд». Бо ин суханон шоир нахуст меҳоҳад дили маъшукро ба даст оварад, зеро сухани хуб ва дилрабо ро сомеа хуб мепазирад ва зехро барои моил шудани маъшук ба ошиқ омода месозад. Вақте ки ошиқ аз ғунҷаи лабони маъшук бӯса меситонад, маъшуқа шарм менамояд ва чеҳраашро бо дастонаш пинҳон месозад, зеро ҳаё пирохани андоми ноз аст. Авҷи сухани Ибни Рашиқ дар мисраи охир ба гунаи бисёр баланд ва ташбеҳи олии чамъбаст мегардад: «Ин ҳолат ба монои болҳои парандае, ҳангоме ки бо нӯлаш аз замин дона бармечинад».

Яъне шоир бо назокати дарк ва истифода аз ташбеҳи равшан ҳолати бӯсидани лаби ёр ва аз шарм пинҳон сохтани чеҳраи ӯро ба болҳои парандае, ки бо нӯлаш дона мечинад, тасвир месозад. Ин ҷо яке аз муҳассаноти шеъри арабии шоирони кишвари Андалус, ки дар ҳамин сунби маънӣ ва ташбеҳофаринӣ тачаллӣ кардааст аз сарсабз ва пур аз долу дарахт ва обҳои фаровон будани муҳит сарчашма мегирад, барало инъикос ёфтааст:

و من حسنات الدهر عندي ليلة من العمر لم تترك لأيامها ذنباً
خلونا بها نفي القذى عن عيوننا بلؤلؤة مملوءة ذهباً شكباً
و ملنا لتقبيل الثغور و لثمها كمثل جنوح الطير يلتقط الحباً

Тарҷума:

«Ва аз зебоиҳои олам пеши ман шабе

Аз умрам хушаст, ки гуноҳро барои он рӯзҳо раҳо накард.

Дилбарро меҳрубонӣ ва навозиш кардем, рад кард моро

Ва «ҳас андохт бар чашмони мо».

Дандонҳояш ба лӯълӯ шабеҳ аст, чунонки

дар қолаб тиллоро гудохта бошанд.

Моро барои бӯса кардан аз лабонаш маломат кард

ва аз шарм рӯяшро бо дастонаш пинҳон намуд.

Ин ҳолат ба монои болҳои парандаест, ҳангоме ки

бо нӯлаш аз замин дона бармечинад».[8, 37]

Масалан, тасвири фавқро баъзе аз донишмандон гуфтаанд, ки шоир аз Ибни Муътаз рабудаст. Бояд арз кард, ки ҳарчанд аз нигоҳи ягонагии тасвир ин ду образ қаринаи якдигаранд, вале дар мавриди истифодаи калимот ва қорбасти маъно аз ҳам тавофут доранд. Дар ин пораи қасида низ манзараи ишқбозихо тасвир ёфтааст. Шоири ошиқ аз рӯзгори босаодати худ меболад ва шукрона менамояд, ки ин гуна лаҳзаҳо дар зиндагиаш зиёд иттифоқ афтадааст. Бо ин ҳама болидагӣ ва фараҳмандӣ шоир ба худ талқин месозад, ки дар анҷоми ҳар қор бояд аввал андеша кард, барои пешгирии қардани ҳодисоти қарибулвукӯъ тадбир андешид. Агар бо таваккул ва масали «ҳарчи пеш ояд, хуш ояд» - амал намоӣ, ба руҳдодҳо ва ҳодисоте печида мегардӣ, ки барои аз доираи он берун баромадан дар баъзе авқот очиз мемонӣ. Бинобар ин, дар баробари таваккул дар вучуди инсон боз тарс ҳам вучуд дорад, ки инсонро аз анҷоми қорҳои ношоиста хушдор медихад.

Шоир дар ин ду байт мегӯяд, ки қабл аз он ки ошиқ бо зебосанаме мецоҳад ишқбозӣ намояд, бояд каме дар бораи аслу насаб, ҳаёти шахсӣ, пайванду ақрабо ва дӯстони ӯ маълумот дошта бошад. Ҳатто гунчишкон, ҳангоме ки ба хурмои пухта нӯл зада, онро истеъмол менамояд, аз боғбон тарс доранд. Шоир дар ин абёт аз санъатҳои ташбеҳ, истиора, рамзу киноя ва тазодду муқобала истифода бурда, хеле бо мавриду шоирона истилоҳоти «ошиқу гунчишк» ва «маъшуқу боғбон»-ро қорбасти кардааст:

كم من عناق لنا و من قُبَل
نقر العصافير، وهي خائفة من
مختلصاتِ حذارِ مرتقب
النواطير، يانع الرطب

Тарҷума:

«Чи қадр оғӯшҳо ва бӯсаҳо аз мо
бирабоянд. Эҳтиёт бош аз ҳаводиси пешомад.
Гунчишкон меваи пухтаи хурмои тарро нӯл заданд,
Вале ханӯз аз боғбон дар ҳаросанд»[8, 42].

Шоир дар санъати ташбеҳ кӯшидааст, ки тасвираш табиӣ барояд. Ва ин ташбеҳи зебо ва навуғвора аст: **التقبيل مع الامن بالتقات الطير الحب**
Ҳамчунин бояд гуфт, ки ӯ ташбеҳи «бӯсидан»-ро бо «дона чидани паранда» паиҳам оварда, хеле табиӣ ташбеҳи равшан сохтааст.

Аммо Ибни Муътаз баёни суҳанро ба тариқи истиора меписандад ва лутфи суҳанаширо ошқоро иброз намедорад. Ибни Муътаз бӯсахоҳиву бӯса гирифтанаширо пинҳон месозад ва тасвири худро бо истиора ва рамзи «гунчишк меваи пухта расидаи хурмои тарро нӯл мезанад» хулоса менамояд:

كما يفعل العصفور في الرطب اليانع

Ва барои он ки таносуб ва мантиқи суҳан фароҳам ояд, ибороти «тарс аз боғбон»-ро (خائفاً من) меоварад.

Вале Ибни Рашиқ домани андешаи ин маъниро вусъат бахшидааст, ки аз қорбасти Ибни Муътаз куллан фарқ менамояд:

«Моро барои бӯса қардан аз лабонаш маломат қард
ва аз шарм рӯяшро бо дастонаш пинҳон намуд.
Ин ҳолат ба моноӣ болҳои парандаест, ҳангоме ки
бо нӯлаш аз замин дона бармечинад».

Ибни Муътаз аз таворуди ибороти «аз шарм рӯяшро бо дастонаш пинҳон намуд» меҳаросад ва ба ин андеша итминон надорад ва ҳамин маъниро бо гунаи дигар низ бисёр ҷолиб ва шево сурудааст:

أقبله على جزعى
رأى ماء فواقعه
كشرب الطائر الفزع
و خاف عواقب الطمع

Тарҷима:

«Бо дилсӯзӣ ба ӯ наздик шудам,
Мисли обест, ки паранда аз нӯшидани он рам дорад.
Обро дид ва воқеаи пешинро ба ёд овард
Ва ҳаросид аз паёмади бад ва ҳирсу оз». [9, 243].

Ёри тасвирқардаи Ибни Рашиқ ёри заминӣ, олиҳаи хусн ва зинатафзои зиндагӣ аст. Чашмони ин бути хубсурат аз ду чашми охубарра зеботар буда, таровиши нури ҷамолу чеҳраи ӯро моҳи шаби ҷаҳордаҳ эътироф менамояд. Қасам ба номи Худо, ин дилбари моҳпайкару танноз зодаи сарзамини шуқуфону сарсабз буда, рӯхамро болида месозад ва дар ҷодаҳои сангпӯш ва орошта гом мезанад.

Бояд зикр қард, ки аксари заминҳои мамолики араб аз рӯи мавқеи ҷуғрофӣ ва иқлимӣ биёбон ва ниҳоят гарм ҳастанд. Бад-ин васила, ҳангоми вазидани бод дар рӯзгори мозӣ хатти пайроҳаву кӯчаҳо пур аз рег мегашт ва мусофир наметавонист самти роҳро муайян созад ва оқибат дар моварои регистони бузурги биёбон овора мешуд. Хиромидани маъшуқ дар болои реги равон яке аз образҳои маъмули адабиёти араб буда, дар рӯи рег қадам задани маъшуқа ва хиромидани дилбарро аз дур мушоҳида намоем, ба назари мо духтари шиновареро дар болои об ба ёд меоварад. Реги равон бо вазидани бод ба амвоҷи баҳр монанд аст. Ба ин вачҳ, шоир муҳити гузаштаи ҳаёти худро бо шароити кунунӣ қиёс менамояд ва зимнан аз дарахти албон ёдовар мешавад, ки гули зебои сурх дорад. Дар гузашта атторон ва табибон аз гулу пусти он атри олиҷаноб ва рағғани давой истеҳсол мекарданд. Шоир мецоҳад, ки ёри ӯ дар биёбон, дар сояи дарахти албон нишинад ва аз нақхати гули он баҳра барад.

Албатта, ин тасвир яке аз вижагиҳои шеъри арабии кишвари Андалус аст, ки шоирони мутақаддам аз он илҳом мегирифтанд ва дар навбати худ зебоӣҳо ва муҳассаноти ин сарзаминро бо шеъри қухани арабӣ муқобала ва муқояса месохтанд.

Дар робита бо ин, нахуст шоир аз айёми сигарикардаи зиндагии худ дар мамолики гармсера ва биёбону димнаву атлол ёдовар мегардад, ки ба истилоҳи адабӣ онро рӯҷӯи лирикӣ меноманд.

Инчунин, шоир дар сарзаминҳои футӯхоти хилофати араб худро ғариб эҳсос мекунад ва аз билоди хабиби хеш ва асолати фарҳанги араби суҳан меғӯяд ва вобаста ба он аз дигаргуниҳои сарзамини Андалус дар шеъраш тасвирҳои зебову дилкашро ҳамроҳ месозад, ки дар натиҷа, назокати суҳан, қиёсу муқобала ва ҳамзистии арабҳо дар мамолики дигар равшан мегардад. Масалан, Ибни Рашиқ дар ин абёт бутпараст будани маъшуқаро тасвир месозад. Вақте ки маъшуқа ошиқро (ё бильяке) дӯст медорад ва миёни онҳо муҳаббати самимӣ ба вуҷуд меояд, бадеҳист, ки маъшуқа рӯҳан ва ҷисман ба ошиқ таслим мегардад. Зеро ишқ сарҳад надорад ва ошиқон бо як нигоҳ метавонанд байни худ пайванди мустаҳкамро бунёд созанд, дар кӯрраи оташи муҳаббат вучудашонро гудозанд ва муҳимтар аз ҳама, қалби эшон бо садои ишқ тапад. Ҳамоҳангӣ ва ягонагии рӯҳу равон ва тафаккури ошиқи маъшуқ мазҳабхоро бо ҳам меоварад, зеро ба қавли Мавлавӣ «ишқ - устурлоби асрори Худо». Аз ин рӯ, маъшуқай Ибни Рашиқ ба Аллоҳ таъоло имон оварда, мусулмон мегардад ва тавба мекунад, ки дигар асномо неӣш насозад. Дар ин мисраъ шоир аз санъати муболиға истифода кардааст. Ин тарзи баён яке аз вижаҳои шеъри арабии андалусӣ аст, ки коргоҳи эҷодии шоирони ин сарзаминро аз шеъри маркази хилофат-Бағдод тарҷеҳ медиҳад. Худ қазоват фармоед:

ذمت لعينك أعين الغزالان قمرٌ اقرّ لحسنه القمران
و ميث قلا و الله ما حيف النقا مما أرتك و لا قضب البان
و ثن الملاحة غير أن ديانتى تابی على عبادة الاوثان

Тарҷума:

«Нақӯхид барои чашмони ту ду чашми охубарраро,

Моҳ эътироф кард барои зебоии ӯ ду моҳтобро.

Роҳро напаймуд, қасам ба Худо, регтӯдаи

бузург бонг мезанад,

Чунончӣ бар ту нигаристам ва набуд шоҳи дарахти албон

Бути хубсурат, ки ҳамдину ҳамкеши ман нест.

Дар назди ман тавба кард, то бутонро неӣш накунад» [8, 76].

Мувофиқи ахбори аксари сарчашмаҳои дардастбуда, Ибни Рашиқ ҳанӯз аз айёми ҷавонӣ ба сурудани шеъри ганой ва ситоишӣ оғоз намуда, бештар ба шеъри шоирони гузашта ва ҳамзамонаш, махсусан Мутанаббӣ пайравӣ мекардааст, ки ба фикри ин ҷониб ҳадафи шоир дар ин гуна мавридҳо барои ёфтани ҷоҳу ҷалол, маишати рӯзгор ва мақоми худ дар миёни аҳли адаб равона гардидааст.

Дар ашъори боқимондаи шоир ва аксари сарчашмаҳо, ки осори Ибни Рашиқро нақд кардаанд, номи ин ғулом пинҳон нигоҳ дошта шудааст. Қасидае, ки мо ҳоло мавриди таҳлил ва баррасӣ қарор медиҳем, муҳотаби шоир ҳамин ғуломи писандидаи ӯ мебошад. Шоир аз саодати рӯзгор ва сарватмандӣ, инчунин шӯҳрату мақоми худ дар байни аҳли дарбор ва ҷомеа меболад ва ғариқи шӯҳрату молу ҷоҳ аст. Тибқи одат сарватмандон ҳарчӣ бештар соҳиби молу мулк гарданд, ба ҳамон андоза мумсику хасис мешаванд. Ин маъниро шоир хеле хуб дарк карда, ба ғуломи худ мурочиат карда меғӯяд, ки «молик ва мустаҳикқи ҳар чизам, ба ҷуз нақӯӣ». Ҳоло ки синну солам ба ҷо расидааст ва танҳо дар бораи марг фикр мекунам, ҳақатро аз ман талаб кун, то ин ки рӯзгори ту ҳам хуб гузарад:

قد أحكمت مني التجا ربّ كلّ شيءٍ غير جودى
ابدأ أقول: لئن كسبت لا قبضنّ ىدى شديد
لا حتى إذا اثريت عدت إلى السّاحة من جديد
إنّ المقام بمثلّ حا لى لايتّم مع القعود
لا بدّلى من رحلة تدنّب من الأمل البعيد

Тарҷима:

«Оре, ба ту гуфтам, ки аз ман илтиҷо кун,

Молик ва мустаҳикқи ҳар чизам, ба ҷуз нақӯӣ.

Ҳамеша меғӯям: агар мол гирд оварам,

Барои гирифтани аз дастонам саҳт мекушӣ,

Бо сарбаландӣ ва бузургворӣ аз нав

Ҳароина обрӯ ва шӯҳратам ба мисли пешин аст.

Ва бо истодан ба анҷом намерасад.

Ноғузир аст барои ман марг,

Ва марг наздик аст аз ҳаёлу пиндори дур» [8, 53].

Ибни Рашиқ дар баробари бозгӯи мавзӯоти ишқу ҳичрон, ситоиши амирон, панду андарз боз ба тасвири баъзе аз лаҳзаҳои ҷудогонаи зиндагиаш мепардозад ва аз овони кӯдакиаш ёд мекунад. Бинобар гуфтаи шоир, айёми кӯдакиву нодонии ӯ он қадар сабук нагузаштааст. Зеро падари шоир аз маволии озодшудаи қабилаи Азд буд ва то гироиш ба дини Ислом рӯзгори саҳте дошт. Ин саҳафоти талхи сарнавиштро шоир дар ашъораш ёддошт менамояд ва аз гузаштаи худ рӯй наметобад. Воқеан, дар ин рӯзгор падараш зиёд аз азиат кашидааст. Нуктаи мазкурро шоир дар синни чихилу панҷ

солагияш, ки соҳиби иззу чоҳ ва шавкату мукнат аст, ба хотир меоварад ва сипарӣ шудани рӯзҳои вазнини ҳаёти худ ва ачдолашро фаромӯш намесозад. Баръакс, аз ин рӯзгор сабақ мегирад, барои боз ҳам беҳтар гардидани зиндагиаш кӯшиш менамояд ва ишора мекунад, ки андешаам ҳамсинну соли ман аст. Ин гуфта аз он шаҳодат медиҳад, ки шоир дар зиндагӣ ба бархӯрдҳо ва рақобатҳои сангин рӯбарӯ шудааст ва барои аз имтиҳони навбатии сарнавишт гузаштан омодагӣ мебинад:

إِذَا مَا خَفَّتْ لِعَهْدِ الضَّبَا أَتَتْ ذَلِكَ الْخَمْسُ وَالْأَرْبَعُونَ
وَمَا تَفَوَّلَتْ كِبْرًا وَطَائِيًّا وَلَكِنْ أَجْرٌ وَرَأَى السَّنِينَ

Тарҷима:

«Даврони кӯдакиву нодонӣ бар ман сабук набуд,

Хароина рӯзҳо бигзашту ба чихилупанҷ расидӣ.

Ва бар ту бузургсолӣ вазнин нест, зеро роҳ сипарӣ гашт,

Валекин ман ба ин сабаб гаштам, ба андешаам ҳамсинни мост» [8, 38].

Ибни Рашиқ хидмат дар дарборҳои Муиз ибни Бодяс ва Ибни Мактудро кори басо душвор медонад, зеро ҳамеша дар рикоби амир будан ва амру фармонҳои ӯро иҷро кардан ва дар баробари ин, шеър гуфтан заҳмати шабонарӯзиро талаб менамояд. Дар натиҷаи фаъолияти мунтазами бештар аз 35 солааш дар даргоҳи амирон ӯ хаста мегардад.

Дар ашъори охири умри Ибни Рашиқ бештар оҳанги шикоят ба назар расида, ба бемориҳои гуногун гирифтор шуданашро зикр мекунад. Азбаски шоир ба маризии сахте мубталло гардида, дар бистари беморӣ муддати дароз хобидааст, ба шифои комил ёфтаниш умед намебандад. Барои баргараф кардани дардҳои ҷонкоҳ қуввату нерӯяш намерасад ва худро бо гирия тасаллӣ медиҳад ва ба даргоҳи пуршафоати Парвардгор ҳамчун як бандаи хокӣ муноҷот мекунад, ки ба ҷисми ӯ шифо бахшад. Шоир дар байти дуввум ба беҳбуд ёфтани дардҳои ӯ умед надорад ва ба табиб ишора карда мегӯяд, ки «ба ман ҳазор дигаргуниро талқин макун», зеро ҷунон ҷисмам бекуват шудааст, маро ба сӯи марг наздик мебарад ва худро лоиқӣ сӯхтани оташи Намруд медонам:

يَا رَبِّ لَأَقُولُ عَلَى دَفْعِ الْأَذَى وَبِكَ اسْتَعْنَتِ عَلَى الضَّعِيفِ الْمَوْدَى
مَا لِي بَعَثْتَ إِلَيَّ الْفَ بَعِيضَةً وَبَعَثْتَ وَاحِدَةً إِلَى نَمْرُودَ

Тарҷума:

«Эй Худо! Дар тан барои баргараф кардани дардҳо нерӯе надорам,

Аз заифҳои дардҳои худро бо гирия тасаллӣ медиҳам.

Лоиқ нестам (ба дармон), ба ман ҳазор дигаргуниро талқин манамо,

Ва яке аз онро ба Намруд талқин бинамой» [8, 60].

Яке аз сифатҳои ҳамидаи инсонӣ хангоми беморӣ аз ҳолати дӯст ва ақрабои худ боҳабар шудан аст. Дар ин абёт шоир аз дӯсти худ, ки барои дидорбинии ӯ омадааст, бисёр хушхол мегардад. Зеро дар урфият мегӯянд, ки хастагиро сӯхбати ширини дӯстон рафъ месозад. Вақте ки дӯст аз рангу рӯи парида ва заъфи бемории ман пурсид ба ӯ сухани Мушаввақ Алягимро ёдовар шудам: «Ва ба ӯ таоми гӯшти додам, то дар рӯяш хун бидавад». Ибни Рашиқ бо ин матлаб ба бемории дарозмуддати худ ишора месозад ва гуфтан мехоҳад, ки дар ин айём ба ӯ касе аз бузургони дарбор ёрмандӣ накардааст. Дар навбати худ мо аз рӯи оҳанги шеър ва гуфтори шоир ҳаде зада метавонем, ки ин шахс яке аз ходимони дарбор, баҳусус аз дӯстони ҷонии шоир будааст ва ишорати «меҳмони гиromӣ» бар он далолат мекунад:

وَقَائِلَةٌ: مَاذَا الشُّحُوبُ وَذُ الْيُنَى فَقُلْتُ لَهَا قَوْلَ الْمَشُوقِ الْيَتِيمِ
هُوَ أَتَانِي وَهُوَ ضَيْفٌ أَعْرَهُ فَأَطْعَمْتَهُ لَحْمِي، وَاسْقَيْتَهُ دَمِي

Тарҷума:

«Ва гуфт: -Барои чӣ ранги чехраи ӯ лоғару беморгунаву зард аст?

Дар ҷавоби ӯ гуфтам: - Сухани Мушаввақ Алягимро.

Ӯ назди ман омада ва меҳмони гиromиям аст,

Ва ба ӯ таоми гӯшти додам (то дар рӯяш хун бидавад)» [8, 132].

Оҳанги ҳузн ва шикваи шоир ба бақо надоштани оламу одам далолат мекунад ва масали «ҳар кас ки аз худ монд, аз олам монд»-ро ба ёд меоварад. Касе аз афроди олам парво надорад ва ба ёдаш намерасад, ки ӯ бемор аст. Ва заҳмати бисёрсолаи ӯро нодида гирифтани аҳли дарбор шоирро мутаассир месозад, фикру ҳаёлиҳои гуногун хотири ӯро парешон намудааст ва дар моварои ин андешаҳои ҷонгудоз ба дарди ҷунун гирифтор шудани ӯ аз эҳтимол дур ҳам нест. Аммо, муҳимтар аз ҳама, шоир баъд аз гузаштани чанд муддат аз беҳтар шудани вазъи тандурустияш ва шифои комил ёфтаниш хабар медиҳад:

فِي النَّاسِ مَنْ لَا يَرْتَجِي نَفْعَهُ
كَالْعُودِ لَا يَطْمَعُ فِي طَيْبَةٍ
إِلَّا إِذَا مُسَّ بِأَضْرَارِ
إِلَّا إِذَا أَحْرَقَ بِالنَّارِ

Тарҷума:

«Андар миёни мардум касе бар суди ӯ хайрон намешавад,

Ба чуз магар бо зиёнҳо девона гардад.
Монанди онест, ки умед надошт бар тандурустияш,
Ба чуз гар дар оташи дӯзах сӯзад» [8, 82].

Осори Ибни Рашик, албатта, ниҳоят ғаниву гуногунҷабҳа аст ва месазад мавриди таҳқиқи амиқу доманадоре бошад. Аммо як нуқта мусаллам аст, ки баррасии рӯзгору осори ӯ дар маърифати шеъри арабии Андалуси асри X ва бахусус нақди шеър, аҳамияти бузурги илмӣ ва адабиरो молик буда, «Алумда»- аш такони ҷиддие дар ин чола доништа мешавад.

АДАБИЁТ

1. Ибни Халликон. Вафиётулаён ва анбоу абноу-з-замон. Ба таҳқиқи Эҳсон Аббос. Ҷ.1. Маншуроти Шарифи Раӣ. 1324.
2. Маданӣ Аҳмад Тавфик, Ал-Муслимин фӣ ҳазирати Сақлия ва ҷанубун Итолиё, Алҷазоир. 1365 қ.
3. Ибни Бассом. Аз-Захира. Ба қўшиши Эҳсон Аббос. Тунис/Либи. 1395-1399 қ.
4. Ибни Рашиқи Қайрувонӣ. Қирозату-з-заҳаб. Ба қўшиши Шозали Бўяхё, Тунис. 1972 м.
5. Абдурахмони Ёғӣ. Муқаддима бар «Девон»-и Ибни Рашик, Бейрут. 1989.
6. Махлуф Абдурауф. Ибни Рашиқи Қайрувонӣ. Навобиғу-л-фикри-л-араби. Дору-л-маориф. Қоҳира. 1960 м.
7. Хамавий Ёқут. Муъҷаму-л-ғудабо. Ҷ.4. Дору-л-фикр.
8. Ибни Рашиқи Қайрувонӣ. Девон. Ба қўшиши Абдурахмони Ёғӣ. Бейрут. 1989 м.
9. Ибн аль-Муғтаз. Китаб аль-бади. Изд. Текста и пер. И.Ю. Крачковского.- И.Ю.Крачковский. Избранные сочинения. Т. 6. М.-Л., 1960.

«ДИВАН» ИБН РАШИКА КАЙРУВАНИ

В статье рассмотрены различные стороны поэзии Ибни Рашика Кайрувони. Автор старается определить основные аспекты поэзии Ибни Рашика и его роль и место, как поэта в арабской литературе. Следует отметить, что данная тема впервые научно исследуется в Таджикистане.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: арабская литература, поэзия Ибн Рашика Кайрувони, аспекты поэзии Ибн Рашика, «Диван» Ибн Рашика.

“DIVAN” (POETRY) IBNI RASHIK QAIRUVONI

In this article are considered the various parties of of Iбni Rashik Qairuvoni. The author tries to define the basic aspects of poetry of Iбni Rashik both its role and a place, as the poet in the Arabian literature. It is necessary to notice, that the given theme the first time scientifically studied in Tajikistan.

KEY WORDS: the Arabian literature, poetry of Iбn Rashiq Kayruvoni, aspects of poetry of Iбn Rashiq, «Divan» Iбn Rashiq.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: У.Юсупов - аспирант кафедры арабской филологии факультета востоковедения Таджикского национального университета.

МАВҶЕИ РУБОЙ ДАР ЭҶОДИЁТИ СОМЕЪ

З. Холиқова Донишгоҳи миллии Тоҷикистон

Сомеи Одиназодаи Хатлонӣ (1907-1995) яке аз олимони ва адибони асри 20-и тоҷик ба шумор меравад. Ӯ аз ҷумлаи шахсиятҳои буд, ки дар дунёи илму маърифат хуб сайр карда, неку бадро дида ва дар мизони ақл барқашадааст. Ӯ қариб дар ҳамаи жанрҳои шеърӣ қувваозмоя кардааст. Ғазал, марсия, мухаммас, мусаддас, қасида, мутояба ба забонҳои тоҷикӣ, русӣ ва узбакӣ ва инчунин рубоӣ асоси эҷодиёти шоирро ташкил медиҳанд.

Яке аз шаклҳои шеърӣ, ки Сомеи Одиназода ба он даст задаст, рубоӣ мебошад. Рубоӣ калимаи арабӣ буда, навъе аз шакли қадимии шеърӣ форсӣ – тоҷикӣ маҳсуб меёбад, ки он дар 24 вазни шачараи аҳрабу аҳрами баҳри ҳазач гуфта шуда, аз чор мисраъ иборат аст. Мисраъҳои 1, 2 ва 4-уми он ҳамқофия буда, қофияи мисраи 3-юмаш аксар вақт озод аст (3.150).

Дар «Энсиклопедияи советии тоҷик» (ҷилди 6) рубоӣ чунин таъриф дода шудааст: «Рубоӣ (арабӣ – чоргона) яке аз жанрҳои ҷинси лирикист, иборат аз чор мисраъ (ду байт). Дар вазни ҳазач (шачараи аҳрам ва аҳраб) навишта мешавад. Қофиябандии рубоӣ асосан ба шакли *аабба* аст. Баъзан қофияҳои *аааа*, *аабб* дучор меоянд» (4.423).

Рубоӣ дар эҷодиёти Сомеъ мавҷеи маҳсусро ишғол мекунад. Рубоӣҳои эҷоднамудаи шоир мавзӯҳои гуногунро дар бар мегиранд. Ба монанди, ватандустӣ, меҳнатдустӣ, омӯхтану аз худ намудани илму дониш, ишқу муҳаббати инсонӣ ва илоҳӣ, дустии рафоқат, хурмати калонсолон, эҳтиром намудани обу хоки кишвар, боигарӣҳои он ва ғайра.

Якчанд рубоии Сомеъро ба кадри имкон таҳлил менамоем ва умед аст, ки минбаъд ҳам ашъори парокандаи ин шоири нуктасанҷ аз тарафи шахсони мутасаддӣ чамъоварӣ карда мешавад ва ба мухлисонӣ ихлосмандони ин шахсияти таърихӣ пешкаш мегардад.

Аввалин рубоии эҷоднамудаи Сомеъ дар синни дувоздахсолагиаш суруда шудааст. Нақлу ривоятҳои дӯстону пайвандони шоир ва маълумотҳои, ки дар сарчашмаҳо оварда шудаанд, далели ин гуфтаҳои ҷуд.

Чи навъе ки аз сарчашмаҳо бармеояд, падару модараш барвақт аз олам гузаштанд ва ӯ дар тарбияи амакаш менамояд. Дар ҳама қорҳои хочагӣ ба амакаш ёри мерасонад.

Боре Сомеи хурдсол ба қочқамъкунӣ рафта, бегоҳ хаста ба хона бармегардад. Хангоми ба остонаи хона қадам мондан ногоҳ ба хотираш мерасад, ки шохинро дар саҳро фаромӯш кардааст. Амакаш амр мекунад, ки рафта шохинро биёрад. Он вақт Сомеъ 12 сол дошт. ӯ ба хар савор шуда, сӯи саҳро роҳ пеш гирифт. Шохинро ёфта пас гашт. Акнун нисфи роҳро тай карда буд, ки охишта – охишта торикӣ ҳама чоро фаро гирифт. Аз хар тараф уллоси гургон ба гӯш мерасид. Сомеъ хараширо ба дарахте мебардад ва худаш ба болои дарахт мебарояд.

Дере нагузашта галаи гургон дар зери дарахт чамъ шуданд ва харро хӯрданд. Акнун қасди ҷони Сомеъро карданд, вале баландии дарахт ба онҳо имкон намерасид, ки ба мақсадашон расанд. Галаи гургон то дамидани субҳ дар гирди дарахт давр зада уллос мекашиданд. Субҳидам саворе аз саҳро гузашта галаи гургонро дид ва сӯяшон тир ҳоли кард. Гургҳо гурехтанд. Сомеъ аз марг наҷот ёфт (2.85).

Аввалин рубоие, ки ба қалами Сомеи Одиназода тааллуқ дорад, ибтидои ҳамаи қисса аст.

Дар китоби «Дафтари сабз» қайд карда шудааст, ки: «Сомеи Одиназода аввалин шеърҳои навмашқонаи худро дар овони бачагӣ сурудааст. Қаҳҳори Мӯсо –яке аз мусоҳибон ва шогирдони Сомеи Одиназода дар ёддошташ «Шеъри аввал» аз қавли шоир лаҳзаи аҷибӣ шарҳиҳолиеро нақл карда ва рубоии дар вазъи ҳоли худ гуфтаи ӯ:

Э гургаки ноҳалаф, бихӯрдӣ харакам,
Аз хонаи мо касе надорад даракам.
Эй боди сабо, хабар зи ҳолам бирасон,
Шояд ба суроғи ман барояд амакам, –

ро, ки он вақт дувоздахсола будааст, зикр намуда, онро нахустин шеъри адиб тахмин мекунад (1.125).

Чи навъе ки дар боло зикр намудем, мавзӯи рубоии Сомеъ гуногунанд. ӯ як қатор рубоӣҳое дорад, ки мавзӯҳои ҷавонию зуд даргузар будани он ва омӯхтани аз худ намудани илму донишро дарбар гирифтаанд. Масалан, дар рубоии зер шоир айёми ҷавониро аз тоҷу тахти шохӣ боло гузоштааст ва таъкид мекунад, ки ҷаҳд намоед, то илму дониш омӯзад, чунки кушояндаи ҳамаи гирехҳо илм аст.

Чунончи:

Айёми шубоб хуштар аз тоҷу сарир,
Аз салтанати Каёну аз шоху вазир.
Ҷаҳде бинамову олими маъно шав,
Арбоби маонӣ мекушояд занҷир
(1.388).

Дар рубоии дигар Сомеи Одиназода ба ҷавонӣ падарвор насихат кардааст, ки ҷавониро аз ҳама чизи дунё қимат шуморед, хар як сонияю дақиқаи онро самаранок истифода баред, чунки ҷавонӣ монанди барку бод зуд мегузарад.

Чунончи:

Айёми ҷавониро ту қимат бишумор,
Як сония вақтро ғанимат бишумор.
Монандаи барку бод хоҳад бигузашт,
Донишқадаро ба хеш давлат бишумор.

(1. 389).

Дар рубоии дигар шоир аз боби донишгоҳу донишқадаҳо сухан меронад ва ҷавониро ба ин таълимгоҳҳо даъват менамояд. ӯ таъкид мекунад, ки баъди пир шудан илму донишро аз бар намудан мушкул аст ва натиҷаи ин аст, ки саргардон шуда афсӯс меҳуред.

Чунончи:

Донишқадаҳо, ки маъдани ирфонанд,
Онҳо ҳама булбулони хушилхонанд.
Бар одами пир кай муяссар гардад,
Афсӯскунон ба хеш саргардонанд.

(1. 388).

Мавзӯи дигаре, ки Сомеи Одиназода дар рубоӣташ ба он даст задааст, мавзӯи дӯстию рафокат мебошад. Шоир дӯстро васф карда мегӯяд, ки саломӣ дӯст ба кас ҷони тоза мебахшад, андӯху ғамро аз дил дур карда, амну амонӣ меорад.

Чунончи:

Пайғому саломӣ дӯст ҷоне бахшад,
Бар сар зи фараҳ тоҷи каёнӣ бахшад.
Тороҷ кунад лашкари андӯху ситам,
Дар кишвари дил амну амонӣ бахшад.

(1. 390).

Ё ин ки:

Қосид, ки саломӣ дӯстон меорад,
Гӯё гуле аз боғи Ҷинон меорад.
Аз бӯш машоми ҷон муаттар гардад,
Бар мурдаи чандсола ҷон меорад.

(1. 390).

Шоир дар рубоии дигар аз ҷудоии дӯст шикоят мекунад, ҳатто аз ҳаҷри дӯст бемору бемадор шудан ҳам мумкин аст. Баногоҳ паёми дӯст расад, он ранҷу озурдахотирӣ аз дил дур мешавад. Тавачҷӯх бифармоед ба ин рубоӣ:

Дарде, ки зи ҳаҷри дӯст носур шавад,
Озурдаву бемадору ранҷур шавад.
Ногоҳ паёми дӯст орад қосид,
Барҳезаду аз дили ҳазин дур шавад.

(1.390)

«Тиллоӣ сафед», ки бойигарии асосии кишвари мо аст, дар рубоӣти Сомеи Одиназода мавқеъ пайдо кардааст. Шоир пиру ҷавон, марду занро ба ғунучини пахта даъват менамояд. Ободии мамлакатро аз ҳаракату ҷунбиши халқ медонад.

Чунончи:

Эй пиру ҷавону марду зан, маҳруён,
Ҷинед тамоми пахтаро аз дилу ҷон.
Ободии мамлакат зи таҳриқи шумост,
Бошед ҳамеша шод дар амну амон.

(1. 390).

Сомеъ тиллоӣ сафеди кишвараширо обрӯ ва ғунучини онро вазифаи асосии ҳудаш меҳисобад ва ҳар гуна матои нафису ҳарире, ки моҳруён мепаӯшанд, маҳз аз пахта тайёр мешавад, мегӯяд шоир.

Чунончи:

Тиллоӣ сафеди мамлакат номи ман аст,
Аммо ғунучин ба зудӣ ҳангоми ман аст.
Ҳар гуна ҳарир моҳруён паӯшанд,
Медон ба яқин, ки аз саранҷоми ман аст.

(1. 390).

Сомеи Одиназода дар рубоӣҳои хеш мавзӯи ишқро низ ситоиш кардааст. Рубоӣҳои ишқии шоир хеле самимӣ суруда шуда, ишқӣ реалӣ, воқеӣ ва заминӣ аст. Яъне шоир духтари мавзунҷомату дилкашу таннозро дар майдони пахта дида, ўро ҷунин васф мекунад ва шоир дар ин рубоӣаш аз санъати саволу ҷавоб бисёр хуб истифода кардааст:

Дар водии пахтазор як таннозе,
Бо чидани пахтазор ҳамекард бозӣ.
Гуфтам қади сарват аз кадомин боғ аст?
Хандиду ба ғамза гуфт: Ман дарвозӣ.

(1.390).

Дар рубоии дигар шоир ҷону дили худро фидои номи маъшуқа кардан меҳаҳад ва ҳамонро дар байни пахтазор қомати мавзунӣ маъшуқаашро дидан меҳаҳад.

Чунончи:

Ҷону дилакам фидои номи ту кунам,
Ҳар ҷо биравам, мадҳи каломӣ ту кунам.
Дар гулшани пахтазор бинам қадат,
Табрикунон равам саломӣ ту кунам.

(1. 390).

Чуноне ки аз рӯи маълумоти сарчашмаҳо ва нақлу ривоёти дӯстону наздикони Сомеи Одиназода бармеояд, ӯ 25 соли ҳаёти худро дар маҳбас, берун аз ватан гузарондааст.

Аз рӯи нақли писари шоир Абдурашид маълум шуд, ки рӯзи аз маҳбас озод шуданаш Сомеи Одиназода ин рубоии пурсузу гудозро гуфтааст:

Дар ғурбат агар марг расад бар бадани ман,
Оё кӣ канад ғуру кӣ дӯзад кафани ман?
Тобути маро сари баландӣ бибаред,
Шояд, ки расад бӯи ватан дар бадани ман.

Хулоса, рубоӣҳои Сомеи Одиназодаи Хатлонӣ хеле таъсирбахш буда, бо забону услуби содаву равон, фасеҳу ширин, мазмуни баланд ва ҷаззобияти хос доштанишон қалбу шуури ҳар як хонанда ва шунавандаро саҳт ба вачд меоранд.

АДАБИЁТ

1. Сомеи Одиназодаи Хатлонӣ. Дафтари сабз. Матни илмию интиқодӣ (Бо сарсухан, таҳия, танзим, шарҳи луғот, тавзеҳот ва феҳрастҳои Абдулхай Маҳмадаминов). – Душанбе: Сино, 2004. – 575 с.
2. Сомеъ Одиназода. Дили садпора (Маҷмӯаи шеърҳо) – Кӯлоб – 2003. 86 с.
3. Фарҳанги забони тоҷикӣ, ҷ. 2. – Советская энциклопедия. 1969. 950 с.
4. Раҳмонов Ш. Рубоӣ // Энциклопедияи советии тоҷик, ҷ. 6. – Душанбе: Сарредаксияи илмӣи энциклопедияи советии тоҷик, 1986 – С.423-424.

МЕСТО РУБАИ В ТВОРЧЕСТВЕ СОМЕЪ

Сомеъ Одиназода Хатлонӣ (1907-1955) является одним из видных таджикских ученых и поэтов XX-столетия. В данной статье автором проанализированы несколько рубаи поэта, которые содержат различную тематику и получили широкую известность среди народа.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: место рубаи, творчество Сомеъ, тема рубаи Сомеъ, язык рубаи Сомеъ.

A PLACE RUBAI IN CREATIVITY OF SAME'

Same Odinizoda Hatlon (1907-1955) is one of visible Tajik scientists and poets of XX-century. In given article by the author are analyzed a little poem the poet which various subjects and have received wide popularity among the people.

KEY WORDS: a place poem, creativity of Same, a theme rubai Same, language rubai Samei.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: *З. Холликова* – соискатель кафедры теории и новейшей персидской литературы Таджикского национального университета.

НАЗАРИ ФАЙЛАСУФОНИ ҚАДИМ ДОИР БА МАСЪАЛАИ ОФАРИНИШИ ИНСОН

Соро Ҳазорхонӣ
Донишгоҳи миллии Тоҷикистон

Аз дер боз мафҳуми инсон дар таърихи фалсафа ва баҳси ҳукми-фалсафӣ ҳамвора ҷойгоҳи умда ва босазоро ба худ ихтисос додааст. Дар рӯзгори мо низ курсҳои гуногуни падидоршиносӣ дар атрофи меҳвари ҳастӣ, моҳият ва сарнавишти инсон ба ироаи назароти гуногун пардохтаанд. Ин амр ба масобаи нуқтаи сайқал ва ба унвони масъалаи меҳварӣ ҳамвора мавриди тавачҷӯҳи онон қарор доштааст. Пурсишҳои аз ин қабил, ки «Одамі чист? Чӣ гуна? Аз кучо ва барои чи қадам ба арсаи (номутаноҳӣ) ҳастӣ гузорида» ҳеҷ гоҳ андешаи башари мутафаккир ва ҷӯеи ҳақиқатро раҳо накардааст. Чаро ки маънои ҳаёти одамі ба гунае мубтаи бар посухе аст, ки ҳар як аз абнои башар дар иртибот бо чунин пурсишҳои дар меёбад.

Бо ҳамин сабаб аст, ки ҳамвора зарурату аҳамияти шинохти ҳақиқат, моҳият ва аҳволи нафси одамі ба унвони ҷузъи ҷудонопазирии вучудӣ ва муҳимтарин нишони ҳаёт ёфтани ва пайдоиши ӯ амри зарурӣ ба назар меояд, чаро ки пай бурдан ба ин аҳамият ва зарурат аст, ки мушаввиқи инсон барои таҳқиқ ва тафаккур дар перомуни ҳастӣ ва ҷистии худ мегардад. Аз ин рӯ, ба тулуи таърихи фалсафа мо шохиди талошҳои барои ироаи таърифи ҷомеъ ва монъе аз мафҳуми инсон мебошем, то аз ин тариқ посухе барои ҷигунагӣ ва ҷистии одамі дар ҷиҳати шинохти (Ҳавоич) ниёзҳои моддӣ, маънавӣ ва нақши меҳварии чунин авомиле дар ёфтани ҳақиқати инсон, ёфт шавад. Шояд битавон таърифи

файласуфоне аз қабиле Арасту, ки мегӯяд: «Инсон ҳайвонест иҷтимоӣ» ё сухани Франклин мубнӣ бар ин ки «инсон ҳайвони васоилсоз (абзорсоз) аст»-ро далели ин муддао донист.

Ва боз ҳамин салобати шиноخت ва чуқур дар кайфияту камияти ин зубдаи офариниш аст, ки Сукротро ба садои «хештани хешро бишинос» водошт. Сухане, ки ибодатгоҳи Делфро дар навардид, файласуфон ва андешамандоне аз қабиле Декарт ва Гретс ва ғайраро ба тафаккур, посухгӯӣ, муқобила ва мунозира дар боби инсон водошт ва ба ин тартиб сарфасли андешидан дар моҳият ва ҷистии ашрафи махлуқот, дар баҳсҳои фалсафӣ ва ҳақамии, ором-оромии ҷаҳонӣ ва ҷовидонӣ гашт.

Чуноне ки аз мафҳуми баҳси мавриди назар бармеояд, барои ёфтани мафҳум ва моҳияти ҷистии инсон, олам ва мабдои он танҳо мурочиба ба улуми расмӣ шартӣ лозим, аммо кофиро доро намебошад. Ба ин сабаб ҳикмат ва фалсафа ҷойгоҳи вижаеро дар ин замина ба худ ихтисос дода, аз ин тариқ ҷузъи ҷудонопазире аз вучуди инсон мебошад.

Зеро ба гуфтаи Садримутаълаҳин: «Инсон ҳақиқати зумаротибӣ аст ва дар зоти худ ба таври доимӣ дар таҳвил ва сайлон (ҷоришавӣ) аст ва ба воситаи ин ҳаракат метавонад аз мартабаи табиат ба таҷарруди мисолӣ ё барзаҳӣ ва сипас ба таҷарруди ақлӣ ва дар ниҳоят ба мақоми фавқӣ таҷарруд, яъне мақоми илоҳӣ ноил ояд».

Дар ҳикмати парвардигори мутаъолӣ ҳақим ҳар як аз мавҷудот дар ҷойгоҳи муайян ва хос дар ҷарҳаи низоми аҳсан тарбия ёфтааст. Бархе мартабаи наботӣ ва бархе мартабаи ҷамодӣ ва ҳайвониро пазируфтаанд ва боз пораи дигар аз онон дар фавқӣ олами моддӣ ҷой гирифтаанд ва дар сурати малакутиён ва ҷабарутиён ҳаёт ёфтанд.

Аммо инсон аз ҷинси дигар аст, зеро одаммӣ дорои мақомот ва ҳаракати мухталиф мебошад, ба ин маъни, ки ҳаракате дар зоти табиӣ ва ҳаракате дар зоти нафсонии худ дорад. Дар ҳоле ки соири махлуқоти заминӣ дорои ҳаракати ҷавҳари собит дар зоти табиӣ худ мебошанд ва малакутиён низ дар суботи вучуди худ ғуттаваранд, ҳикмати худованд дар офариниши зоти одаммӣ бар ин қарор гирифта, ки ўро «зувучухайн ва зуқувватайн» биофаринад, то вачҳе ба ҳақ дошта бошад ва вачҳе ба халқ.

Аз ин рӯ, бо анбори рабувияти хеш қувваи дурахшон дар вучуди хокии ӯ ба амонат ниҳода, то ба воситаи он муносибати хешро бо олами ваҳдонӣ дарёбад ва аз он баҳраманд гардад. Ин гавҳари дурахшандаро ақл номид ва аз ҷониби дигар бо арзонӣ доштани қувваи моддӣ ва ҷисмонӣ имкон ёфтани касрати ҷисмониро он гуна ки ҳаст, ба ӯ иноят намуд. Аммо ба воситаи нуқс ва кусури вучудӣ, касрати ҷисмонӣ бар ӯ ғолиб мегардад ва имкони маъқулиятро аз вай мерабояд, то он ки бо қуввату тараққии тадриҷӣ зот ваҳдат бар вай ғолиб гашта ва ақл рӯйқарди ҳамаҷонибаи хешро дар вучуди одаммӣ ошқор менамояд. Ва чунин мавҷуде аст, ки маншаи ҳақиқати қуллия, мазҳари исми Оллоҳ, калимаи ху («сур.Нисо, ояти 171») ва нафҳаи Илоҳӣ («сураи Ҳаҷр, ояти 29») мебошад.

Оре ин гуна шуд, ки мутобиқӣ зоти он саноати саной ва пас аз судури фармони хилқат ва муҳотаб сохтани қалами пӯёи сарнавишт ва тафвизи амри офариниш, аз бақоёи аносирӣ саноеи ҷаҳон, арвоҳ ва нуфузи одаммӣро халқ намуд, то ба бино ниҳодани абдони одаммӣ аз салсолу ҳамон маснун, ҷойгоҳ ва гачури аминро барои ниҳодани ин дафинаи беқимат фароҳам овард.

Арасту мегӯяд: «Нафси одаммӣ сурати бадан аст ва фазлу қамоли аввалу ҷисми одаммӣ аст, бинобар ин аз он ҷо ки аҷсоми одаммӣ мутамоизанд нуфузи нотикае ҳам, ки он аҷсомро комил мекунад, мутамоиз хоҳад буд».

Дар ҳақиқат арвоҳ ва нуфузи одаммӣ пеш аз ҳубут ба олами эҳсосот ва вуруд ба абдони бани одам мутааддид ва мутақассир будааст. Афлотун файласуфи бузурги ҷонӣ низ бар ин ақида аст, ки арвоҳ ва нуфуз пеш аз офарида шудани абдон бар хилофи рӯҳи ҷаҳонӣ эҳсосот ба сурати арвоҳи мутақассир ва нуфузи мутааддид офарида мешаванд.

Сухани Афлотун дар боби наҳваи хилқати арвоҳ ва нуфузи одаммӣ, ки сароғози офариниш ва пайдоиши ин ашрафи хилқат мебошад, чунин аст:

«Падар ва сонъи ҷаҳон дубора бар сари ҳамон паймонае рафт, ки аносирӣ рӯҳи ҷаҳонро дар он ба ҳам омехта буд ва бақоёи ҳамон аносирро дар он рехт ва онҳоро тақрибан ба ҳамон наҳв ба ҳам омехт, вале таркибе, ки бад-ин сон муҳаё шуд, ба поқӣ таркиби нахустин набуд (хилқати ҷаҳонӣ маҳсус), балки аз ин ҳайс дар дараҷаи дуввум ва саввум қарор дошт» (Давраи осори Афлотун, ҷ.4, Рисолаи қавонин, китоби даҳум, с. 1737- 1738).

Он гоҳ пас аз халқи қаровул ва талиаи пайдоиши одаммӣ ҳоли навбат ба офариниши абдон саришта аз туроб фаро мерасад ва Худованд дар ин хангом авомили илоҳии хешро маъмур ба фароҳам сохтани бинои қолбад ва тани фонӣ барои ганҷинаи рӯҳи одаммӣ сохт ва худ ба оғози «Ҳамарту Тината одаммӣ баяди» пардохт.

Ва сипас рӯҳ ва нафси одаммӣро ба ҳамроҳи ҷузъи ақлонӣ дар тану қолбади одаммӣ ба вадӣба ниҳод, то инсон ба гунаи мавҷуд ҳаёт ёфта ва комил дар қорхонаи сунъии илоҳӣ мубаддал гардад. Сипас навбат ба сабти тақдир ва сарнавишти махлуқи он холиқи мутаъол бар пояи қонуни илоҳӣ бар

чаридаи лавҳи маҳфуз дар афлоки сабъа фаро мерасад. Афлотун дар рисолаи «Тимонос»-и худ мегӯяд: «Дар таваллуди нахустин ҳамаи инсонҳо дар шароити баробар ва вазъи баробар қарор дода мешаванд, то аз тарафи ӯ, ки устоди созандаи ҷаҳон аст, камтарин беадолатӣ дар бораи ҳеч як аз онҳо нашуда бошад» ва боз мегӯяд: «Танҳо шайи мавҷуде, ки хусусан дорои ақл ва хирад аст, нафс аст ва ин шайи номаръӣ аст».

Ба ақидаи вай арвоҳ ва нафси одамиён пеш аз ҳубут дар олами барин ва пеш аз вуруд дар абдони одамиён ва чи пас аз ҷудой ва муфориқат аз абдон мутааддиду мутақассиранд на воҳид, бинобар ин, тамоми арвоҳ ва нуфузи одамиён дар таваллуди нахустин, яъне он ҳангом, ки нахустин бор дар қолбаде аз қолбадҳои одамиён роҳ меёбад, дар шароит ва вазъи баробар қарор дода мешаванд, то аз ҷониби сонъ ва холиқи ҳеш кӯҷактарин зулм ва ситае мутаваҷҷеҳи ҳеч як аз онҳо нашуда бошад. Ба иборати дигар, он саноеи ҷамил ҳар як аз арвоҳ ва нуфузи ҳосила аз сунъи худро ба ҳангоми ҳубут аз мутани ҳеш ва таваллуди ибтидоӣ танҳо дар қолбади инсонӣ ҷой медиҳад ва лоғай аз малоки сӣҳати ин амр он аст, ки Худованд пас аз офариниши арвоҳ ва нуфузи ҳар якро бар ҳасби зарурат ва лузум ва дар вақти муқтазо дар абдони ҷондорон ва махлуқоте, ки истеъдоди итоат аз ҳақ ва парастии зоти ақдаси ӯро доро мебошанд, ворид мегардонад ва аз миёни тамоми ҷондорон сирфан ҷисми инсонӣ ва қолбади одамӣ аст, ки истеъдоди итоат ва пазириши зоти илоҳиро дорад.

ӯ ҳамчунин бар ин ақида буд, ки хайри аъло ва саодати воқеии инсон танҳо дар маърифати илоҳӣ ҳулоса мегардад, он ҳам маърифате, ки фазилат ва таасис аз сифати илоҳии талоидораш мебошад ва ин ҳосил намешавад, магар он ҷо, ки одамӣ нафси амора ва худбинии зохириро дар ҳам шикаста ва чилваи «нафахту фиҳи мин руҳӣ» Оллохро дар вучуди ҳеш ошкор созад. Зеро ҳақиқати инсонии номиро ва мутаолиист ва ҳамвора майл ба уруҷ ва иттисол ба манбаъ ва асли ҳешро дорад, тамоил ба ваҳдат бо ҳақ, ки мутазаммини раҳмати илоҳӣ ва назми фаротабиӣ ва мовароист, худ гувоҳи ин амр мебошад.

Аз ин дидгоҳи Афлотун табиати ҷисмонӣ одамӣ, ки махлуқи мунҳасири зоти илоҳӣ аст, дороӣ ду ҷинси муҳолиф ва мухталифи олий ва донӣ аст. Ҷинси олии инсон (зан) ва ҷинси олитар (мард) номида мешавад. Ба ибораи дигар ҷинси олии инсон мард ва ҷинси донии он зан номида мешавад ва он чи мубарҳан аст, он ки ҷинси баргару олитари инсон истеъдод ва тавоноии бештаре барои итоат аз қавонини илоҳиро дорост ва ҷинси олий аз тавони камтаре бархӯрдор мебошад.

Аз ин рӯ, арвоҳ ва нуфуз дар таваллуди нахустини худ вориди қолбади ҷинси олии инсон, яъне (мард) хоҳад шуд. Дар ин иртибот аст, ки Сукрот бо исрор аз инсонҳо мехоҳад, то ҳештани ҳешро, ки гаронбаҳотарини ҷизҳост, бишносанд, ҷаро ки ҳама ҷизи одамӣ аз қафи ӯ рахт хоҳад баст. Аммо нафси ӯ, ки ҳамон ҳақиқати хилқат ва пайдоиши ӯст, ҳамеша ҷовид хоҳад монд. Вай дар боби аҳамияти шинохти нафс ва таҳзиби он аз олуида шудан ва хӯ гирифтани ба умури дунявӣ ва лузumi пардохтан ба шинохтани ҳеш ва мувоқибаи он ба ҳамшаҳриёни худ ҷунин мегӯяд:

«Ҳар гоҳ яке аз шуморо бубинам, ба одати пешин хоҳам гуфт: Ай мард... чи гуна шарм надорӣ аз ин ки шабу рӯз дар андешии симу зар ва шӯҳрату ҷоҳ бошӣ, вале дар роҳи донишу ҳақиқат ва бехтар сохтани руҳи худ гом барнадорӣ? ... Хоҳам кӯшид то бар ӯ рушан кунам, ки гаронбаҳотарини ҷизҳо бе эътиноист дар ҳоле, ки ҷизҳои бе арҷро гаронбаҳо меҷуморад».

Бинобар ин, он чи ки одамӣ малзум ва муқаллаф бад-он мебошад, ҳамон худшиносӣ ва майле ба тафоххус дар ҳештани ҳеш аст ва бе шак мурод аз он шинохт, ин нест, ки танҳо бадан ва ҳавоичи он дар қонуни шинохт қарор гирад ва тамоми талошҳо ва кӯшишҳо дар садади баровардани ниёзҳо, шаҳавот ва амёли он сурат гирад. Баръакс, «Он ки ба мо фармон додааст, ки худро бишносем, муродаш ин нест, ки мо рӯҳи худро бишносем».

Зеро шинохти қолбади зоҳирӣ танҳо марбут ба зиндагии дунявӣ аст, аммо он чи ки боқӣ ва ҷовид мемонад, рӯҳи одамӣ аст. Аз ин рӯ, шинохти худ нахустин тақлиф бар зимми одамӣ мебошад.

Ҳамон тавре, ки пеш аз ин гуфта шуд, Афлотун низ худ дар мактаби Сукрот парвариш ёфта ва зонуи таломиз зада, тарафдори сарсаҳти асолати рӯҳ мебошад. Аз дидгоҳи вай нафс ва рӯҳ бо арзиштарин дороии инсон аст. Ҷаро ки дар ҳақиқат инсон ба унвони мавҷуди том ва ашраф аз таркиби нафси мучаррад бо бадани моддишақл ва тамомияте муҳариз ёфта. Ҷаро ки инсон ба унвони мавҷуди ҳаёт ёфта, дар дунёи моддӣ зиндагӣ мекунад ва дар таи ҳаёти худ афъол ва аъмоли моддӣ ва ақлиро муртақиб мешавад. Бинобар ин, наметавон ӯро нафсу рӯҳи маҳз хонд ва на ӯро қолбаду бадани сирф мутасаввир қард, балки таркибе аз ҳардуи онҳо мебошад.

Илова бар ин аз назари фалсафии Арасту низ инсон ва ҷойгоҳи вай дар иртибот бо тааммул ва таъомил бо ҳақ мушаххас мегардад. Дар нигоҳи Арасту олитарин саодати инсон дар кайфияти андешидан ва тафаккури ӯ мутачалли мешавад. Вай барои исботи ин амр мегӯяд:

«Ақл олитарин кувваи инсон аст ва тааммули назарӣ олитарини фаъолияти ақл аст ва саодати воқеӣ даргиру ба кор бастанӣ ақл дар шарифтарин мавзӯот аст, ки метавон саодати комили инсонро ёфт... ва олитарин илми маъбутабаи аз назари Арасту Худост».

Вай вучуди инсон ва чавҳари зоти ӯро дар илми маъбутабаи чустучӯ мекунад, чаро ки ба ақидаи ӯ илми маъбутабаи, аз он ҷое ки ба ботину чавҳари умур мепардозад, муодили «Илоҳиёт» мебошад. Бинобар ақидаи ӯ асл ва мабдаи ҳаёти ҳар мавҷуди зинда нафси ӯст, ки аз он ба унвони камоли аввал ёд мекунад, зеро нафс ва рӯҳ дар ҳақиқат феълияти ҷисмро шомил мешавад ва дар айни ҳол сурати олий ва ғоят ва мабдаи ҳаракат ба сӯи мусаббуласоб аст.

Дар ҷои дигар мегӯяд: «Асл ва мабдаи ашраф моддӣ аст... ва танҳо ӯст, ки фанонопазир, азалий ва абадӣ аст...».

Шояд битавон ин суҳанро ингуна таъбир кард, ки ҳар ҷисми табиӣ, ки ҳосили саной ва офариниш қодири мутаъол бошад, ҷудой аз сурат ва моддӣ нест. Зеро дар ниҳоят ҳамин сурат ва мода ибтидоӣ аст, ки бо гузар аз марҳилаҳои мухталифи ҳаёти инсонӣ ва рӯҳонӣ қобилияти табдил ба феълияти маҳзро меёбад, зеро ӯ мавҷудест, ки олами табиат ба унвони мазраи охирати ӯ ва маъмани рифоҳ ва оромиши ӯст ва хатм ба вай мешавад, чаро ки ӯ ҷомеи ҷамъи ҳақиқӣ носуту лохут аст.

Дар ниҳоят, ин ҳақиқат имкорнопазир аст, ки бигӯем инсон мавҷудест, ки дар ҷараёни ҳастии ҳеш беихтиёр дар ду арса гом мениҳад: олами мутаалиқ ба арсаи волотар аз ҳис ва олами мутаалиқ ба арсаи маҳсусот, ки худ аз тариқи огоҳии ахлоқӣ тобеи олами фавқӣ ҳисси қарор мегирад. Ва инсон, ки мавҷуди маҷбур ва муҳтор аст, вучуди фавқӣ ҳиссии худро ба мафҳум ва ҳузурӣ парвардигор ва вучуди маҳсуси худро бо ҳаёт ва қадамгузорида дар олами ҳастӣ маъно мебахшад ва ҷиҳат медиҳад.

Дар ҳақиқат метавон гуфт, ӯ бо ҳаёт дар олами эҳсосот ва парво додан ба ҳузурӣ ахлоқии ҳеш ба озодии худ эътироф менамояд ва раҳонии худро дар рӯҳи худ ва сайлони (ҷоришавӣ) он мутаҷалли месозад, то ҷое ки метавонад олами илоҳӣ ва мовароиро дарёбад. Шояд битавон барои одамии ба воситаи ҳамин ҳастии озодии ахлоқӣ, шахсияти воло ва мучазо аз соири мавҷудот қоиш шуд. Албатта, бе ҳеч шакке ин озодӣ дорой вазъияти комилан мучазо барои ҳар фард аз афроди одамии мебошад.

Аммо дар назари файласуфони мутааххир низ инсон ҳамвора ба унвони марвориде дар олами кавну макон меҳварияти ҳешро дар конуни тавачҷӯҳи ақли башарӣ ҳифз намуда ва ҳамвора имкони тафаккур ва шарҳу чустучӯ дар аҳволи башарӣ ва ҷиғунагии сайри таквин ва тақомули одамии аз замони пайдоиши ҷисм то ҳулули рӯҳу нафс дар он ва дар ниҳоят ҳаёти инсон ба унвони ашраф ва зубдаи ҳилқат бо андаке тафовут дар навъи ниғориш барои онон фароҳам буда. Аз дидгоҳи аксар файласуфони мутааххир рӯҳ ва нафси одамии, ки муҳимтарин омили тақомули ҳақиқати офариниш ва пайдоиши инсон аст, амри илоҳӣ аст, аз ин рӯ, шиноҳти ҳақиқат ва моҳияти он бағоят душвор аст, чаро ки нафс ва рӯҳ чавҳари рӯҳонӣ ва қоим ба зоти лоязоли ҳақ мебошад ва амри моддӣ нест.

Фаробӣ дар нигоҳи худ ба инсон дар фасли 22-и «фусус» менависад: «Рӯҳи инсон, ки малоки ман будан ва шахсияти инсонии ӯст ва қуввае аст, ки бо он идрок мекунад ва мефаҳмад ва суҳан мегӯяд аз «олами амр», яъне олами мучаррадот аст. Дар идома дар фасли баъд менависад: «Инсон аз ду чавҳар аст, чавҳаре аз олами эҳсосот ва чавҳаре аз олами маъқулот аст, чун рӯҳи ту аз амри парвардигори ту ва бадани ту аз халқи парвардигори ту аст».

Дар ҳақиқат Фаробӣ инсонро шоистаи он медонад, ки дар сирӣ маънавӣ ва ҷисмонии худ зинаҳои таъоло ва камолро яке пас аз дигаре бипаймояд ва дар мақоми инсонии қомил ва вориста ба гавҳари қудсия ва нафси мутмаина даст ёбад. Чаро ки дар ин мақом ва бурҳаи касби фазоил ва тарди разоил ба камол расида шиноҳти парвардигор ва вусули ба ҳақ имкон меёбад. Ва дар ҷунин ҷойгоҳе аст, ки ба қавли Фаробӣ: «Ба қувваи калом худро мешунавад...».

Ва ин гуна аст, ки метавон аз зиндони тан раҳой ёфт ва аз шаҳавоти дунявӣ ба сӯи олами ҳақ уруҷ кард ва аз ҳастии ростиин ва ҳақиқӣ, эҳсосот соя ва ҳоиле аз он ҳастанд, бархӯрдор гашт ва аз тариқи итисоф ба ҳикмати илоҳӣ ва фалсафаи аввали ба сифати нек мулҳақ шуд.

Ибни Сино низ дар «Рисолаи ҳақиқат ва кайфияти силсилаи мавҷудот», он ҷо ки суҳан аз тақомули мавҷудот ва суъуди онон аз ҷисм то набототи ҳайвонот, ҷину инсон Суҳан мегӯяд, ба ин амр ишора мекунад:

«Инсон охири нуктаи тақомули ҳаёт дар ҷаҳони моддӣ аст, ки ҳамаи камолоти мавҷудоти поинбарро дорад, ба иловаи қувваи тафаккур ё рӯҳи муфаккира. Баъд аз он, ки рӯҳи муфаккира дар ӯ падидаи омад ва бар сафои ин рӯҳ изофа шуд, рӯҳи қудсия, ки ақли маҳз аст, дар ӯ падидаи меояд ва баъд аз ин низ боз роҳи камолро тай мекунад ва ин рӯҳ поктару софтар суратҳои илмӣ ақро фаъол мекунад, то ба дараҷае аз камол мерасад, ки мақоми авлиёӣ ва анбиёии ғайри мурсалро касб мекунад ва чун бар камолаш афзуда шавад ба дараҷаи ақли фаъол мерасад ва мақоми рисолат пайдо мекунад ва чун дар мақоми рисолат таоли ёбад ба мақоми малоикаи маҳз ва уқули фаъол мерасад».

Ин мақомоте аст, ки Ибни Сино барои инсон дар сайри тақомули маънавӣ ва нафсонӣ аз моҳият то рӯҳонияти маҳз мутасаввир аст. Тақомуле, ки дараҷоти вусул ба он вобаста ба мизони

зарфият ва тавоноии вучудии инсон ва бахрамандӣ аз фазли илоҳии ӯ мебошад. Чаро ки вай ҳосили коргоҳи он корофарини мутлақ аст ва ҳамвора дар ҷустуҷӯи ҷавори раҳмати илоҳӣ ва бархӯрдорӣ аз ҷавҳи фалоҳу саодати абадӣ дар тобу таби беамони хеш сайъ дар ҳамвор кардани ҷодаи камол барои расидан ба он акмал-ул-акмалиро дорад. Ба андозаи саъйи хеш марҳуми ҳабби илоҳӣ, ки айни зоти бори аст, қарор хоҳад гирифт.

Чуноне, ки дар китоби «Ишорот ва танбеҳот» дар «Наҳт-ул-орифин» ва «Асрор-ул-оёт» низ дар боби мақоми инсон омада: «Инсон бо таҳзиби ботин ва маърифати ҳақоқиқӣ моварои табиӣ ба мақомоте мерасад ва соҳиби маорифе мешавад ва нерӯи анҷоми афъолеро пайдо мекунад, ки боиси шиғифтӣ ва эъҷоби дигарон мегардад».

Оре бавоқеъ чунин мебошад, гуё Парвардигор аз оғози ҷодаи хилқат ва офариниши инсон ва аз ибтидои «Ҳамарат тинат бияди» танҳо бо гувоҳу тазаққури халақал-инсона ғи кабад гарданаҳои ноҳамвори ҳаёти одамиро ҳамвор сохта ва дарди дурии вайро бо таҳзиб ва таҳсили маориф илтиём мебахшад, то шояд одамай ин гуна битавонад худро лоиқӣ сайри илаллоҳ ва касби камоли инсонӣ гардонад.

Шайхӣ Шаҳид Сухравардӣ дар ҳайкали ҳафтум аз «Ҳаёкили нур»-и худ дар боби инсон ва камоли инсонӣ чунин мегӯяд:

«Нафси нотиқаи инсон амри малакутӣ аст ва ин қабои баданӣ аст, ки ӯро саргарми умури хеш карда ва ӯро аз олами хеш боз доштааст. Пас, он гоҳ ки нафси одамай бо фазоили маънави ораста шавад ва ҳокимияти қабои баданӣ бо кам кардани таъом ва шабзиндадорихо заиф шавад, ҷони одамай низ нерӯманд мегардад ва ба сӯи олами малакут парвоз мекунад ва ба падари рӯҳонии хеш мутассил мешавад ва маорифи моварои табииро аз ӯ дарёфт мекунад. Ва гоҳ иттифоқ меафтад, ки нафси нотиқае, ки ранги худой гирифтааст, ибтиҳоҷи муқаддасе пайдо мекунад ва ба мақоме мерасад, ки нури Ҳақтаъоло бар ӯ метобад ва ба он нур нурунӣ мегардад...

«Ва дар миёни касоне, ки ба нури Раб нуруни шудаанд, бузургмардоне ҳастанд, ки суратҳояшон ба гунаи падарони мисоли муқаддасашон аст ва муқошифоту илҳомоте аз олами қудс бар онҳо ошқор мегардад ва ба он ҷо мерасанд, ки мақоми нубувват ва рисолат меёбанд».

Дар воқеъ ин мавҷуди печидаи маснӯӣ сунъии Илоҳи олами асгаре аст, ки дар мароҳили истиқмол (такмил намудан) ва инфиоли (шармандагӣ, шаррмсорӣ, хичолат) вучуди хеш маҳқум ба таи табақоти рӯҳонӣ, ҷисмонӣ ва нафсонӣ аст, то худро мустаъиди дарёфти фазоили инсонӣ ва маорифи ақлонӣ гардонад ва таъоли ёбад ва ба уфуқи малакутиёну малоикаи муқарраб даст ёзад, чаро ки агар одамай шоистваи найл ба чунин мақоме намебуд парвардигори зулҷалол валиқром тавқи ва сахара лақум мо ғи самовоти ва мо фил арзи ҷамиъан. (Сураи Бақара).

Бар гардани бандагии инсон намеовехт ва ба қалами тадбири хеш лавҳи сарнавишти ӯро ба имзои «Лақад халақнал инсона ғи аҳсани тақвим» (Сураи Тин, ояи 4) мунаққаш намесохт. Мулло Садро дар тафсири ояи «Ё бани одам анбахум биасмоаҳум...ани ғаламу ғайбиссамовоти валарз» (сураи Бақара, ояи 33) менависад: Мумкин аст «ғайбиссамовоти валарз» ишора ба ҳақиқати инсон бошад, ки ғояти вучуди мавҷудоти олами қавну фасод ва самараи афлок ва арқони олам, балки баргузидаи олами имкон аст. Олами имкон ба манзалаи доирае аст, ки нуқтаи охири он ба аслаш мерасад. Наздиктарин мавҷудот дар силсилаи эҷод усули муқаддасанд, аммо дар силсилаи бозгашт наздиктарин мавҷудот хирадмандони комил дар вилоят ва маърифат ҳастанд.

Оре, одами бо касби фазоили инсонӣ ва маъорифи ақли мучиботи таъолии хешро фароҳам меоварад ва бад-ин гуна хештани хешро ба масобаи мурғе раҳо аз доми қазо, аз мағраби дунё ва олами эҳсосот ба уфқи малакутиён ва муқарибини қариби ҳақ раҳсипор месозад ва он ҷост, ки анвори аълои илоҳӣ бар ӯ тобидан мегирад ва ҳастиашро маҳқури (дучори қаҳру ғазабшуда) талоълуи беимони хеш менамояд. Ин нуқтаи оғозини иртиқои ҳақиқати вучуди он оинаи тамомномаи ҷилваи ҳастӣ «инсон» мебошад, ҷойгоҳе ки дар он аз одами ҳокими ҳозиқ дар ҳикмати Илоҳи ва ҳомили амин барои илҳомоти ҳақ месозад.

Дар ҳақиқат инсон бе ҳеҷ шубҳа тасвире аз ҷалолу азамати раби вадуд аст ва ҳамвора ба ваҳдат бо холиқи хеш фарохонда шуда ва ба воситаи ҳамин шарофат ва волоият бар соири маҳлуқот аст, ки худованди якто сунъ ва хилқаташро дар инҳисори хеш нигоҳ дошта. Чаро ки вучуд ва ҳақиқати одами номиро фасоднопазир мебошад ва бад-ин сабаб аст, ки маҳлуқияти ӯ метавонад танҳо маъълули он воҷибулвучуд ва мабдаи бошад, ки ҳаёт ва ҷовидонагию қадимияташ зотӣ аст.

Дар ниҳоят ба гуфтаи Садруддини Шерозӣ «Ин инсон аст, ки илова бар дарёфти ҳамаи ҳақоқиқӣ олам имқони ҳақоқиқе аз асмоъ ва сифати ҳақро дарёфт мекунад, ки ӯро шоистваи хилофати бузургтаре дар олами кабир менамояд, баъд аз он ки хилофати сугро дар олами табиат касб кард».

Ва боз бо вучуди тамоми таъориф ва тавзеҳоти барҳоста аз заъми нотавони инсонӣ:

Назоратчиёни рӯи хубат,
Дар оина нақши хеш бинанд.

Чун дар нагиранд аз каронҳо,
3-ин аст тафовути нишонҳо.

АДАБИЁТ

1. Ибни Сино. Ишорат ва танбеҳот. ҷ.3. Тафсир ва баррасии Хоча Насруддини Тусӣ. Интишороти Албалоға, 1575.
2. Ибни Сино. Рисола дар ҳақиқат ва кайфияти силсилаи мавҷудот. Тадқиқ ва тарҷумаи Мусо Амид, Ҳамадон, 1384.
3. Ибни Сино. Бурҳони Шифо. Тарҷума ва пажӯҳиши Маҳди Қавоми Суффо. Интишороти Фикри Рӯз. Техрон: ҷоли I. 1373.
4. Розӣ Начиддин. Мирсоҳ-ул ибод илал меъод. Бо эҳтимоми Муҳаммад Амине Раёҳӣ. Интишороти илмӣ ва фарҳангӣ. Техрон: 1384.
5. Сухравардӣ Ҳаёкил. Нур. Тадқиқ ва тарҷумаи Муҳаммадали Абурён. Миср: 1377 х.к., 1957 м.
6. Садри Мутолиҳин. Асфор арбаъа. Интишороти Дорул ҳаё. Бейрут, 1981.
7. Садри Мутолиҳин. Тафсири Куръон, ҷ.2, тадқиқи Муҳаммад Хочавӣ. Интишороти Бедор. Қум: 1364.
8. Форобӣ Абунасор. Фусус-ул-ҳикма. Тафсири Саид Исмоили Хусайнӣ. Тадқиқи Али Уҷабӣ. Интишороти Амири Кабир, Техрон: 1381.
9. Куръон.
10. Коплстон Фредрих. Таърихи фалсафаи Юнон ва Рум, ҷ.1,2.
11. Ҷалолиддини Мучтабӣ. Интишороти Суруш. Техрон: 1387.
12. Давраи осори Афлотун. Тарҷумаи Муҳаммад Ҳасани Лутфӣ-Ризо Ковиёнӣ. Ширкати саҳҳомии интишороти Хоразм. Техрон: 1380.
13. Дабло К.С. Гапри. Таърихи фалсафаи Юнон. Тарҷумаи Ҳасани Фатҳӣ ва Маҳди Қавоми Саффо. Интишороти Фикри Рӯз. Техрон: 1375-1377.
14. Генри Тумос. Бузургони фалсафа. Тарҷумаи Фаридуни Бадром. Интишороти Кайҳон ва ширкати интишороти илмӣ ва фарҳангӣ. Техрон: 1362.
15. Ричард Попкин. Куллиёти фалсафа. Тарҷумаи доктор Саид Ҷалолиддин Мучтабӯӣ. Интишороти Ҳикмат. Техрон: 1402.
16. Шарофиддини Хуросонӣ. Нахустин файласуфони Юнон. Интишорот ва омӯзиши инқилоби исломӣ. Техрон: 1370.

ВЗГЛЯДЫ ДРЕВНИХ ФИЛОСОФОВ О ПРОБЛЕМЕ СОТВОРЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА

В данной статье автором изучены и подвергнуты анализу взгляды древних философов, таких как Аристотель, Сократ, Фараби, Ибни Сино и др. о проблемах сотворения человека. Также приведены примеры из священной книги мусульман «Коран» по данной проблеме.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: человек, сотворение человека, философские взгляды, проблема человека, человеческий разум.

SIGHTS OF ANCIENT PHILOSOPHERS ABOUT A PROBLEM OF CREATION OF THE PERSON

In given article the author studies and subjects the analysis sights of ancient philosophers, such as Aristotle, Socrat, Farabi, Ibni Sino, etc. about problems of creation of the person. Also examples from the sacred book of Moslems are resulted «The Koran» On the given problem.

KEY WORDS: the person, creation of the person, philosophical sights, a problem of the person, human reason.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Соро Хазорхони - соискатель факультета таджикской филологии Таджикского национального университета.

ХУСУСИЯТҲОИ ТАРҶУМАИ ГӮТЕ ДАР ЗАМОНИ НАВ

М. Карахонов

Донишгоҳи давлатии омӯзгории Тоҷикистон ба номи Садриддин Айнӣ

Тарҷума, агар хеле сода карда гӯем, иборат аст аз баргардонидани навишта ё гуфтае аз забони мабдаъ бо забони мақсад. Бехтарин навиъ ин интиқолро мутахассисон аз он иборат донистанд, ки ҳеҷ бахше аз сурат ва маънӣ аз байн наравад. Аммо гуруҳи дигари донишмандон бар ин назаранд, ки ин кор ғайри имкон аст. Ба ибораи дигар, ҳеҷ паёмеро бидуни тағйир ва коҳишу ирода наметавон аз як забоне ба забони дигар баргардонд. Ин коҳишҳо ва афзоишҳои ногузир дар интиқоли паём метавонад дар арсаи маънӣ ё сурат, ё ҳарду бошад. Ҳарчанд ки аз ҳам чудо кардани сурату маънӣ ба сари худ мушкилоте эҷод мекунад, аммо ба далели равшан кардани баҳс метавон ҳар як аз ин омилро барҷастатар кард ва аз он дидгоҳ матлабро пайгирӣ намуд. Ин кор аз он ҷиҳат лозим аст, ки гоҳо хисороти бар як паёми тарҷумашуда воридгашта ба яке аз вачҳҳои боло муҳимтар ба назар меояд. Яъне, мумкин аст мутарҷим маънӣ ва муҳтаворро нисбатан хуб нақл карда, аммо риояти ҷанбаи суратро камтар карда бошад. Ба ҳар ҳол, он чи ки ин ҷо муҳим аст, ин, ки ҳеҷ паёме ба маъноӣ дақиқи калима бе каму кост ва бидуни тағйир тарҷума наметавад.

Вале таърихи тарҷумаи тоҷик ва ҷаҳон гувоҳ аст, ки касоне соҳиби қарехӣ бо ҳама мушкилот дар ин замина комёб будаанд. Дар солҳои охир камтар осори пурарзише ба дараҷаи «Номи гул»-и Эмбарту Эко боиси ҳаяҷони хонандагони англисзабон шудааст. Аммо хонандагони ин асар, ки назар ба шинохти муҳаққиқон «тақлиде аз дostonҳои асроромези қуруни вусто аст, ба ёд намеоваранд, ки он чи дар ин тарҷума ҷолиб аст, кашфи нависанда нест, балки аз таъби тарҷумон таровидааст. Касе, ки «Номи гул»-ро аз итолиёӣ бо фасохат ба англисӣ баргардонидааст, Вилиям Вейур аст, ки ҳамчун мутарҷими барҷаста дар ғанӣ сохтани адабиёти англисӣ хидмати шоиста кардааст. Мо медонем, ки бархе аз тарҷумаҳо асарҳои адабӣ ҳастанд. Аксари муҳаққиқон (Абдувалий Давронов, Абдунабӣ Сатторзода ва дигарон) бар ин назаранд, ки тарҷумаҳои Лоик ва Бозор Собир аз шоири рус Сергей Есенин ҳамчун моли адабиёти тоҷик пазируфта шудаанд. Тачрибаи Лоик ва Бозор Собир воқеан ҳам собит кард, ки суҳанони зерини Роберт Фрост воқеият надоштаанд: Вай менависад, ки «шеър он чизест, ки дар тарҷума аз даст меравад». Ҳатто шоири рус Владимир Набоков низ дар ин боб таҳқиромез чунин гуфтааст: «Тарҷума чист? Бар тибқи ниҳоде сари рангпаридаи шоире бо чашмони хира, ҷеги тӯтитор, тақлиди маймунвор...». Дар ин замина ҳатто тарҷумони маъруф Манҳолм назараш ба андешаи Набоков монанд аст. Вай бисёре аз тарҷумаҳои Луссирро танқид карда, ҳатто «Фауст»-и Гутеро ғайри қобили тарҷума медонад. Чунин тачрибаи ибратангезро дар таърихи адабиёти ҷаҳонӣ ба ҷуз тарҷумонҳои касбӣ шоиру нависандагон низ мерос гузоштаанд ва ҳосили заҳмати онҳо ин будааст, ки «ба адабиёти ҷаҳонӣ дар забони тоза ҷоне тоза» додаанд. Гуте ин корро яке аз муҳимтарин ва арзишмандтарин умури кулли ҷаҳон медонист ва худ фурсат ёфт, осоре аз даҳ забони мухталифро ба олмонӣ тарҷума кунад.

Гуте на фақат тарҷума кард, балки дар садсолаи нав дар бораи равишҳо ва усулҳои тарҷума, вазифаҳои тарҷумон ва арзиши ҷамъиятию фарҳангии ин соҳаи фаъолият чиддан ва ҳаматарафа меандешид. Вай навишта буд: «Дар бораи тарҷума ду ақида мавҷуд аст: Назар ба ақидаи аввал, муаллифи бегонаро бояд ҷунон кӯчонд, ки мо уро ҳамчун ҳамватан шиносем; дигар ин ки баръакс, мо ҳам ба қалби хоричӣ ворид шавем, он ҷо зиндагӣ кунем, махсусиятҳои забон ва муқаррароти хислатҳои уро дарёбем».

Бисёре аз гуфтаҳои Гуте масъалаҳои асолати тарҷума ва тағйирпазирии онро ба миён мегузорад. Вай дар яке аз мактубҳои ба дӯсти Ваймариаш Шарлоте фон Штейн (декабри 1781) менависад: «Тарҷумаи итолиёӣ «Вертер»-ро ба ман фиристоданд. Чи ҳамоқате! Ин итолиёӣ онро бо тарзи худ фаҳмидааст. Ҳарчанд тарҷума комилан ба нақл устувор аст, вале ранҷу шодии ҷонгудозе, ки махсус буд, ҳис намешавад. Бинобар ин ҳам, комилан номаълум мемонад, ки қаҳрамон чи меҳодад. Илова бар ин, вай номи дӯстдоштаи ман (Шарлота)-ро ба «Аннета» иваз кардааст: инро худат қазоват кун».

Масъалаи нозирии тачдиди тарҷума дар ҳар замоне дар миён будааст. Робессо, ки ҳатто интизор дорад тарҷумаи волои «садои танҳои» бе рақиб намонад ва шояд каси дигар ин асарро тарҷума кунад, тачдиди тарҷумаро ногузир медонад ва тавзеҳ медиҳад, ки «агар имрӯз шумо Сервантесро бо забони испанӣ бихонед, нисбатан модерн ба назар меояд ва ҳол он ки тарҷумаҳои «Дон Кихот», ки ба дасти муосирони Сервантес анҷом шуда, аз фарти қадамоти забон ваҳшатнок аст». Гуноғунии тарҷумаҳо манфиате низ дорад. Яъне, ҳар тарҷумаи нав аз роҳи тозае ба хонандагон таъсир мерасонад. Робессо ин масъаларо онҷунон файласуфона баён мекунад ва менависад: «Юнониҳо як Ҳомер доранд, мо чандин Ҳомер дорем».

Дар таърихи тарҷума ҳодисаи дигар низ ба назар мерасад, яъне фақат осори классикӣ аз нав ва борҳо тарҷума намешавад. Баъзе асарҳои нав низ ба тақрор тарҷума шудаанд. Масалан нависандаи бузурги рус Александр Солженицин, ки аз баъзе тарҷумаҳои осораш розӣ набуд, баъди ба Амрико ҳиҷрат карданиаш, ба тарҷумаи тозаи онҳо исрор варзид ва ин кор анҷом ҳам гирифт.

Ҳодисаи тачдиди тарҷума дар таърихи тарҷумаи мо низ ҷой дорад. Ин корро Шамсӣ Собир бо тарҷумаи «Пӯлод чӣ тавр обутоб меёбад?» шурӯъ кард. Дар ин замина санадҳо зиёданд. Аз тарафи чанд нафар тарҷума кардани осори баъзе аз шеърҳои Гуте низ ба мушоҳида мерасад.

Ба ҳар ҳол аз мушоҳидаҳо метавон ба натиҷае расид, ки замон ва хостҳои он дар назди тарҷума масъалаи тачдиди онро мегузорад, ки ҳалли он, пеш аз ҳама, ба сифати тарҷума ва беҳбудии равоити халқову адабиётҳо кӯмак мекунад. Ба ифодаи дигар, чун ҳар забон барои худаш ҳақиқати беҳамтое дорад, амали тарҷума аз забоне ба забони дигар ҳамано дарёфт ва интиқоли рӯҳи тамаддуни башарӣ мебошад.

Лоикро муҳаққиқон аз беҳтарин тарҷумонҳои ашъори Гуте эътироф кардаанд. Лоик аввалину охирин бор баъзе шеърҳои «Девони ғарби-шарқӣ»-ро ба тоҷикӣ гардонида буд. Лоик шеърҳои Гутеро аз русӣ ба тоҷикӣ гардонида буд. Шеъри Гуте «Ба Ҳофиз»-ро ҳам аввал С. Ҳалимшо ва баъдтар Лоик тарҷума карда буданд.

Салимшо Ҳалимшо ба чуз ду шеъри Гӯте, ки ҳар ду «Ба Ҳофиз» унвон дорад, дигар ба тарҷумаи Гӯте даст назад. Ҳабибулло Файзулло низ фақат як шеъри «Васлу ҳичрон»-ро ба тоҷикӣ гардонид. Матлубаи Мирзоюнус фақат баъзе аз тарҷумаҳои Мирсаид Миршакарро «табииву самимӣ» шинохта, намунаи чунин тарҷумаҳои Миршакарро дар маҷмӯаи аз «Девони ғарбиву шарқӣ» овардааст. Лоик қисме аз тарҷумаҳои таҳрир карда, «аз баҳри баъзе шеърҳо шояд ба иллати заъфшон (мисли шеъри «Найшакар») даргузаштааст.

Мураттиби маҷмӯаи «Аз Девони ғарбиву шарқӣ» М. Мирзоюнус низ «дар баъзе мавридҳо зарурияти интиҳоб»-ро дар назри тарҷумаҳои Гӯте лозим донистааст, ки худ таъйиди савияи тарҷумаҳои Гӯте ба забони тоҷикӣ аст. Вақте ки дар бораи хусусиятҳои тарҷумаи осори Гӯте дар замони нав суҳан ба миён меоварем, бояд ба саволи зер ҷавоб дод: оё мақсад ва воситаҳои интиҳобкардаи мутарҷимон ба ҳадаф ва воситаҳои интиҳобкардаи муаллиф мувофиқат мекунад?

Мутаассифона, дар асоси аксари тарҷумаҳое, ки дар даст аст, наметавон ба ин савол ҷавоби саҳеҳ дод. Барои мисол, китъаеро аз шеъри «Фатво» иқтибос мекунем. Ин китъа ба русӣ В.В. Левик чунин тарҷума карда аст:

Облик поэтический Хафиза
Восхищает полностью правды,
Но порою в частностях выходит
Он из рамок строгого закона.

Тарҷумаи Лоик:

Чехраи шоиронаи Ҳофиз,
Бар дили кас ҳақиқат ангезад,
Нашиносат вале шариятро,
Аз гуноҳу хато напарҳезад.

Аз Фарзона:

Чехраи шоиронаи Ҳофиз,
Рушан аз партави ҳақиқат шуд.
Ғаҳ-ғаҳ аммо ҳамин вучуди афиф,
Хориҷ аз ҷадвали шарият шуд.

Мо наметавонем, ки оё Фарзона дар вақти тарҷума ба нусхаи олмонӣ дастрасӣ дошт ё на? Вале тафовут миёни тарҷумаи ӯ ва тарҷумаи Лоик хеле зиёд аст. Лоик ин шеъри «Девон»-ро замоне тарҷума кард, ки ҳанӯз таҷрибаи кофӣ надошт. Беш аз ин, ҳоло маълум нест, ки Лоик ин шеърро аз руи қадом нусхаи тарҷумаи русиаш анҷом дода буд. Ҳол он ки ин шеър аз тарафи мутарҷимони рус Шервинский ва Левик бо тарзҳои гуногун тарҷума шудааст ва муҳақиқони рус ба тарҷумаи Левик афзалият қоиш шудаанд.

Танҳо дар қиёси як мисраи «Восхищает полностью правды» метавон асосат ва аминии тарҷумаҳои тоҷикиро қазоват кард. Мо метавонем, ки Ҳофиз ва шахсияти ӯ барои Гӯте манбаи илҳом ва худсозӣ буд. Гӯте дар маҷаллаи «Моргенблат» навишта буд: «Китоби «Ҳофизнома» махсуси таҳлили афкор, рӯҳиёт ва таҷлили ин марди фавқулода аст, ки мусалламан назари ӯро дар дунёи адаб ба осонӣ наметавон ёфт. Дар ин китоб ман фақат кӯшидаам то тарзи фикри Ҳофизро, то он ҷое, ки мумкин аст, ба хонандагони ғарбӣ нишон диҳам, зеро тақлид аз тарзи суҳан ва қудрати каломӣ ӯ мутлақан имконнопазир аст».

Муҳаммад Ҳичозӣ дар мақолаи «Дар базми Ҳофиз ва Гӯте» мушоҳидае дақиқ дорад. Вай менависад: «Тарҷума хоҳ бо нақшу ниғор ва ё содаву беранг, бурҷаест, ки бар вай арӯси суҳан кашада бошанд; шоири олмонӣ каломӣ Ҳофизро аз болои ин ҳичоб дида ва дил бохта буд. Эӣ кош, дилдорро бе парда дида буд».

Тарҷумаи зикршудаи Лоик ва Фарзона воқеан «содаву беранг» нестанд, вале бо арӯси Суҳан оро ёфтаанд. Табаддулотӣ андешаи Гӯте дар ин шеър ду самт дорад: таҳаюли шоирона ва нақди олимона. Беш аз ин унсурҳои шарқӣ дар ин шеър қобили ламс қардан аст, ки, мутаассифона, ба чуз дар тарҷумаи Фарзона ин ҳунар эҳсос мешавад. Шеъри Гӯте ошкоро ба сарнавишти Ҳофиз талмех мезанад, вале дар тарҷумаҳои тоҷикӣ ҳадафи ғоявии шоири олмонӣ, ки «барои фирор аз авзои сиёсии номатлуби замони худ ба олами девонаш паноҳ мебарад, то битавонад дар Шарқи пок ҳавои падаршохӣ чашад». Ҳамин ҳолатро мо дар тарҷумаи шеъри дигари Гӯте «Найшакар» низ мушоҳида мекунем, онро Лоик, Миршакар, Фарзона, Шучоуддини Шифо ва Куруши Сафавӣ тарҷума кардаанд. Аз қиёси ин тарҷумаҳо хулоса ин аст, ки танҳо Фарзона мазмуни паёми Гӯтеро пурра ифода карда тавонистааст. Ҳоло барои мо маълум нест, ки Фарзона дар вақти тарҷума аз матни олмонӣ истифода кардааст ё не, вале қиёси тарҷумаи ӯ бо матни русӣ собит месозад, ки вай аз тарҷумаи В. Левик бохабар набудааст. Қиёси мисраҳои «И тростик творит добро» ва «Найшакар, ки шарофатбахш аст,» «с ним вес мир прелестней» ва «з-ӯ қаҳонро ту шакарогин кун», «Ты тростник, мое перо» ва «Қалами ман, ту,

ки аз найшакарӣ» ва «Подари нас песней» ва «Ба сухан коми ҳама ширин кун» гумони болоро комилан яқин месозад.

Ҳамин тариқ, тарҷумаҳои шеърҳои Гӯте «ҷаҳони миллии халқи дигар»-ро (Гӯте) дастоварди маънавии халқи худ сохта, ба тавзеҳи равшангари шоири олмонӣ бо ин амал қаробати бегонаро ба худӣ таъмин менамояд, агар ба забони имруз бигӯем «ваҳдати бо худист».

АДАБИЁТ

1. Дарахволи мутарҷимон: Пайкҳои рӯҳи башарӣ // Нашри дониш, Техрон 1365 №3, с.30.
2. Ҳамон асар, с.30.
3. Низ ҳамон ҷо с.31.
4. Копелев А. Гёте: художественные переводы и мировая литература Дар китоби: Мастерство перевода. М.: Советский писатель. 1973.- с. 410.
5. ҳамон ҷо, с.408.
6. Дарахволи мутарҷимон, с. 36.
7. Гӯте И.В. «Аз Девони ғарбиву шарқӣ», Хучанд: Нури маърифат, 2007, с.15.
8. Ҳамон ҷо, с.14.
9. Ҳамон ҷо, с.19.
10. Ҳамон ҷо, с.170.
11. Ҳамон ҷо, с.99.
12. Ҳамон ҷо, с.44.
13. Гӯте И. Девони ғарбиву шарқӣ. Тарҷумаи Мансури Шучоуддини Шифо» Техрон, 1328, с.50.
14. Ҳичозӣ. М. Дар базми Ҳофиз ва Гӯте // Маориф ва маданият, 13 августи соли 1970.
15. Брюгел К. Гӯте ва Ҳофиз // Садои Шарқ, 1994, №3-4, с.74.
16. Кундзич О. Переводческий блокнот // Мастерство перевода.-М.: Советский писатель, 1968, с.216.

ВЗГЛЯДЫ ДРЕВНИХ ФИЛОСОФОВ О ПРОБЛЕМЕ СОТВОРЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА

В данной статье автором изучены и подвергнуты анализу взгляды древних философов, таких как Аристотель, Сократ, Фараби, Ибни Сино и др. о проблемах сотворения человека. Также приведены примеры из священной книги мусульман «Коран» по данной проблеме.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: человек, сотворение человека, философские взгляды, проблема человека, человеческий разум.

SIGHTS OF ANCIENT PHILOSOPHERS ABOUT A PROBLEM OF CREATION OF THE PERSON

In given article the author studies and subjects the analysis sights of ancient philosophers, such as Aristotle, Socrat, Farabi, Ibni Sino, etc. about problems of creation of the person. Also examples from the sacred book of Moslems are resulted «The Koran» On the given problem.

KEY WORDS: the person, creation of the person, philosophical sights, a problem of the person, human reason

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: *М.Карахонов* – старший преподаватель факультета Романо-германских языков ТПТУ им. Садриддина Айни. Телефон: 918- 67-30-62

УСТУРА

Маҳноз Олимӣ
Донишгоҳи миллии Тоҷикистон

Афсона ва устура ба унвони ҷилвае аз фарҳанг бо халлоқияти қавмӣ робитае мустақим дорад ва мурод аз ин халлоқият дар ин ҷо чизе дар худуди навъе офариниши хунари аст. Шояд нодуруст набошад, агар бигӯем: устура ва хунари ду рӯйи як сиккаанд ва дар хостгоҳ ва ҳадафи муштарақ. Он чи ин дуру аз ҳам ҷудо мекунад, яке нахvae ироа ва ба истилоҳ зарфи баёни он ду аст ва дигар, ин ки падиоварандаи устура халлоқияти вичдони ҷамъӣ аст ва омилҳои пайдоии асарҳои хунари, офариниши фардӣ.

Устура баёне намодин дорад, лизо розомез ва рамзолуд аст. Ҳар касе метавонад бар асоси алоқи ва мановеи худ аз он истифода кунад. Хунари манд метавонад онро моёи яке аз осори худ созад.

Асотир нишондиҳандаи фарҳанг ва нахvaeи тафаккури мардумон дар давронҳои қадим аст; забони гуёи таърихӣ аст, аз давронҳои пешини таърихӣ; сухангуи бозмондаҳои гаронбаҳост, ки аз дили хокҷо берун кашада мешавад ё дар дили санҷо, ё қӯҳҷо ёфт мегардад. Асотир намояндаи тадовуми зиндагии фарҳангии як миллат ва ба навъе таърихи он аст.

Устура дар форсӣ гоҳ бо афсона баробар ниҳода шудааст ва вожаи афсонаро ба ҷойи он ба кор бурдаанд. Аммо, ба дуруст, наметавон афсонаро бо устура дар маъное, ки имрӯза аз он хоста мешавад ва баробару яқсон бо маънои миф- myth аст, ҳаммаъно донист. Афсона, дostonҳо ва ҳикоятҳои мардумӣ аст, ки бар забонҳо раво аст; аммо, ханӯз гунаи пайкараи фарҳангӣ ва созон ва сомони андешае, ки устура номида мешавад, дигаргун нашудааст. Афсонаҳо дostonҳои пароканда ва бесомонанд, ки метавонанд мояҳо ва бунёдҳои сохторӣ шумурда шаванд, ки саранҷом аз онҳо падид хоҳад омад. Пораҳои афсона, он гоҳ ки бо ҳам дармеомезанд ва дар якдигар битананд ва пайкарае ҳамбаста ва басомон аз андешаҳо ва боварҳоро падид оваранд, то ба марзи устура фаро хоҳанд рафт ва дигаргунӣ хоҳанд ёфт. Ба дигар сухан, афсонаҳо пораҳои гусаста ва мояҳои хом аз гунаҳои ҷаҳоншиносии розомез ва бostonӣ метавонанд буд, ки онро устура меномем.

Таъриф ва шинохти устура: Овардаанд, ки Огустини қадис дар посух ба ин пурсиш, ки «устура чист?», гуфтааст: «Хеле сода аст, ба шартӣ он ки аз ман напурсанд! Ҳар гоҳ хостам дар бораи устура тавзеҳ бидихам, очиз мондам!»

Вожаи устура дар забони порсӣ вомвожаест баргирифта аз забони арабии устура ва алустира дар забони араб ба маънои ривоят ва ҳадисе аст, ки асле надорад. Аммо, ин вожаи арабӣ аз асли юнонии historia ба маънии истифсори, таҳқиқ, иттилоъ, шарҳ ва таърих аз ду ҷузъ таркиб ёфтааст: яке вожаи histor- ба маънои довар ва дигарӣ histor бо пасванди ia. Вожаи histor бо мусаввари юнонии idein- ба маънои дидан ҳешованд аст.

Дар забони арабӣ асотир ҷамъи муқассари вожаи устура аст. Дар забони порсӣ низ ин сурати ҷамъ ба кор меравад, аммо аз он аглаб маънои маҷмӯаи дастоварди як қавм дар ин заминаи эътиқодӣ мустафод мешавад, монанди асотири эронӣ, асотири юнонӣ ва ҷуз он, ки мақсуд аз он танҳо канори ҳам ҷидани таъдоде устураи пароканда нест, балки асотири як қавм ба сурати як маҷмӯа дар назар аст.

Дар забонҳои урупой, вожаи myth дар англисӣ ва фаронса, myth, mythe дар олмонӣ, аз назари мӯхтавои маъноӣ баробари вожаи устура ва ҳолати ҷамъи онҳо баробари вожаи асотир дар забони порсӣ аст; вожаи myth аз асли юнонии muthos ба маънои сухан ва афсона гирифта шудааст.

Дар забони рӯзмарра устура дар маънии хиёл ва ғайривоқеъ ба кор меравад ва мушаввиқи ин корбурд бар фарҳанги англисии Оксфорд аст, ки тавсифи устура- ро бо ин калимот оғоз мекунад: «Ривоят, ки ҷанба афсонаии махсус дорад. . .». Ин талаққӣ комилан гумроҳкунанда аст ва аз он чунин бармеояд, ки устураҳои бояд дostonҳои нимавоқеъ пиндошт, ки мумкин аст рост ё дуруғ бошад.

Устура ё митулужӣ- mythologie иборат аст аз дostonҳо ва иттифоқот ва ҳаводисе, ки поя ва асоси таърихи надоранд ва ё ҳовии афсонаҳои ҳастанд, ки аз иттифоқот ва ҳаводиси воқеъ сарчашма гирифта, вале ба манзури мазҳабӣ ҷилва додани онҳо қиёфаи зоҳиршон ивазшуда ё дostonҳои воқеият надоранд ва зойидаи хиёли маҳз ҳастанд.

Вале мит- mythe, ба иборати дигар яъне: афсона, қисса, таърихи муқаддас. Мит таърихи муқаддас аст, ки (дар назди ақвоми бисёре) ҳикоят аз рози офариниш мекунад ва маншаи азалии ҳар ойн, ҳар пиндор ва кирдор аст, ки дар оғози асотире як бор барои ҳамеша ба вукӯъ пайваста ва аз он пас ба сурати намуна даромадааст.

Яъне: намунае, ки хатти маши инсонҳо ва маросими ойнӣ ва ибодии онҳоро танзим мекунад ва ба онҳо эътибор мебахшад, вале, аз он ҷо ки мит марбут ба вақоеи таърихи азалие аст, ки дар замони безамони офариниш рух додааст.

Яке дигар аз донишмандони муосир устураро чунин таъриф кардааст: «Устура таҷассуми ормони оянда аст, яъне тасвире айнӣ аст (бо шахсиятҳои айнӣ) аз оғоҳии инсон нисбат ба он чи феълан дар ҳитаи тасаллути ӯ нест ва бояд дар заминаҳои аз табиат ё ҷомеа, ки ханӯз маҳор нашудааст, таҳаққуқ ёбад. Пас, пардохте ибтидоӣ аст аз таҷорибе воқеъ ва ҳол он ки чехра (portrait) тасвире айнӣ аст аз оғоҳии инсон нисбат ба он чи феълан дар ҳитаи тасаллути ӯст. Пас, пардохте сонавӣ аст аз таҷорибе воқеъ.»

Ва низ дар бораи устура дар китоби «Устура- ҳамосаи Заҳҳок ва Фаридун» омада: «Вожаи устура (дар ҷамъ: асотир) муарраби вожаи лотинӣ ё юнонии хистир ё historia- ба маънои пажӯҳиш, таърих, дар лугат ба маънои афсона, қисса ва дostonи афсонаӣ аст. Хистир ё дар забони англисӣ ба ду шакл: story (қисса ва дoston) ва history (таърих) бозмондааст. Вожаи юнонии мисус (мувис, мутис) дар баъзе забонҳои урупой барои миёни он чи мо акнун истилоҳан устура меномем, ба кор меравад.»

Ҳамчунин, дар таърифи устура мехонем: «Дар устура ҳикояте мавҳум ва шигифт, дорои маншаи мардумӣ ва ноандешида аст, ки дар он омилоне, ки дар зумраи ашхос нестанд ва голибан қувои табиатанд, ба симои ашхос намудор гаштаанд ва аъмол ва мочароҳояшон маънои рамзӣ дорад.»

Бар рӯи ҳам ду гунаи устура дар миёни асотир мавриди назари шоирон метавон ёфт. Нахуст, устураҳои гиноӣ ва дигар устураҳои қахрамонӣ ва ҳамосӣ. Ин ду навъи устура ба ду навъи дигар низ қобили тақсим аст: асотири сомӣ ва асотири эронӣ. Дар миёни асотири сомӣ тақсимбандиҳои дигарро метавон зикр кард. Масалан, асотири барҳоста аз муҳити исломӣ ва ё асотире, ки аз давраи қабл аз

Ислом вучуд дошта ва аз хасоиси нажоди сомӣ аст. Хатто, дар миёни асотири исломӣ низ тақсимбандихоё аз назари ший ва суннӣ метавон дар назар гирифт.

Ҳар кадом аз ин анвои асотир дар шеърӣ форсӣ талаққҳои мухталиф доштаанд ва таҳаввулот, таърихе дар писанд ё радди ин аносири асотирӣ таъсирҳо доштааст. Дар осори сӯфия шоҳаҳои дигаре аз асотир ба вучуд меояд ва талаққии эшон аз асотири давраи қабл низ ранги дигаре дорад ва гузашта аз инҳо адабиёти сӯфия устураҳои вижаи ҳеш дорад. Чунонки дар шеър ва насри сӯфия чехраи Ҳаллоҷ ба як устураи аҷиб бадал шуда ва Фаридуддини Аттор дар «Тазкиратулавлиё»-и худ он ҳамосаи арҷмандро аз чунон устура ба вучуд овардааст.

Калимаи устура ба сурати чамъ(асотир) 9 бор дар Куръони карим омадааст ва ҳама ҷо ба «алаввалина» изофа шудааст.

Намод: Метавон бар он буд, ки намод намунаи баргарин аст, дар он чи онро ба шеваи рамзӣ бозметобонад ва бозменаояд. Аз ин рӯ, намод ба ногузир дар сиришт аз гунаи «ҳамасӯйгӣ» ва «ҳамарӯйгӣ» бархӯрдор аст. Ба сухане дигар, намод гӯёи ҳама фардҳо аст, бе он ки яке аз онҳо ба танҳои бошад, фардҳо, ки парокандаанд ва ҳар кадом ба шеваи он чиро, ки дар намод ҳамасӯя ва ҳамарӯя шудааст, дар худ доранд, дарҳам меафшуранд; бо ҳам дармеомезанд; ва аз он миён намод сар бармеоварад, ки ҳамаи онҳо ҳаст, бе он ки ҳар кадом аз онҳо ба танҳои бошад.

Ба унвони намуна, агар ба намодҳои «Шоҳнома» бингарем, паҳлавоне саккоӣ, ки ному нишони ӯ низ дар таърих камобеш ёфта шудааст, бахти онро ёфтааст, ки ба ҷаҳонпаҳлавони бузурги Эрон ва қаҳрамони беҳамоли «Шоҳнома» дигаргун шавад ва дар ҷаҳони афсонарангу афсуномези устура ба ҷовидонагӣ бирасад; ин намоя Рустам аст. Ҳама паҳлавонони Эрон дар паҳнаи таърих, ҳамаи он ҷанговарони далер ва душманкӯб, ки дар овардгоҳҳо ба ному ба ёди Эрон, ин сарзамини сипанди ҳазораҳо, мардона ҷон бохтаанд, ҳамаи он пулудчангони рашки паланг, ки беному нишон мондаанд, дар намунаи баргарин, дар паҳлавоне намодин ба номи Рустам намодина шудаанд. Ин паҳлавони беному нишон бад- ин сон аз паҳнаи равшану бараҳнаи таърих ба густураи маҳолуда ва розноки устура роҳ ҷустааст ва дар чехраи паҳлавоне намодин, ки ба ҳамсӯйгӣ ва ҳамрӯйгӣ, ба шеваи ҷовидона ҳамаи ононро бозметобад ва гувоҳ аст, ҷовидона гаштаанд. Рустам намоди ҳамаи ин паҳлавононро дар худ нухуфта медорад; дар вижагиҳо ва рафторҳо гӯёи ҳамаи онон аст, бе он ки ҳеч якро ба танҳои боз намояд ва нишонгар бошад.

Дар баробари намодҳои неку бад руҳлодҳои сутурги устураӣ, бавижа ҳамосиро падид меоварад. Намунае аз ин намодҳои бад ва бешугун дар «Шоҳнома» Даҳоки мордӯш (Заҳҳок, Ожидаҳок) аст. Метавон ҳамчунин бар он буд, ки ҳамаи бадихо ва дадихо дар ин намод ба вучуд оварда шудааст. Ҳар аҳриманхӯйи хирарӯй, ки рӯзгоре ба Эрон тохтааст ва бар эронӣён теғ охтааст ва дирафши душманӣ бо ононро барафрохтааст, ба шеваи ниҳонӣ ва ниҳодин дар ин намод фуру фишурдааст; ва аз қаламрави таърих ба паҳнаи устура оварда шудааст.

Тамсил: Устод Аллома Ҳумой дар канори баёни маъноӣ тамсил ба унвони ирсоли масал ба истилоҳи тамсил дар илми мантик ишора карда ва меғӯяд: «Дар тамсили мантиқӣ он аст, ки мобайни ду чиз ба ҳасби зоҳир мушобихате вучуд дошта бошад ва бад- он сабаб ҳол ва ҳукми якеро бар дигаре қиёс кунанд, яъне: ҳукми якеро бар дигаре мутараттиб созанд». Дар бораи фарқи устура бо тамсил чунин изҳор мекунад: «Тафовути устура бо тамсил (= сумбал/ symbole) дар ноҳудогоҳии устура ва худогоҳии устура аст.»

Чунонки гуфта шуд, бо устурасозӣ хусусиёти равони одамӣ ба ашъ интиқол меёбад: дили санг хун мешавад, абр сухан меғӯяд, ситора одамиёноро менигарад. Ба сӯги Сиёвуш ҳамечӯшад об, Кунад чарх нафрин бар Афросиёб. Ин кори шоирона беш аз ҳар чизи кори башар нахустин аст, ки бардошти худро аз зиндагӣ ба сурати устура баён мекунад; дар мавқеи хусуфи аждаҳое моҳро дар даҳон мегирад. Барои вазидани бод фариштае гуморида шуда, аз нигоҳи башари нахустин ин фаришта воқеан вучуд дорад, чунонки Аҳриман- худои бадихо. Ва саҳми асотир дар таквини адён (ғайритавҳидӣ) кам нест. Аммо, барои мо Аҳриман тамсили бадихост. Бад-ин гуна, тамсил устураест, ки аз марҳалаи ноҳудогоҳӣ ба ҷаҳони огоҳӣ омадааст. Баръакс, дар мавриди устура огоҳӣ даркор нест.

Шак нест, ки ҳама қиссаҳои куръонӣ вақоъе аст, ки дар гузашта иттифоқ уфтода ва бисёре аз онҳо дар Таврот ё Талмуд, ё манобеи дигари яҳуд ва осори яҳуди гузашта мунъакис гардида, ё аз сина ба сина интиқол ёфтааст ва дар асри набавӣ мардум бо он қасас каму беш ошноӣ доштаанд. Махсусан, Банӣ Исроил дар бархе аз дostonҳо, бо вучуди мусаллам будани усули онҳо, нисбат ба ҷузъиёт бо ҳам ихтилоф меварзидаанд ва Куръони Карим ба ин матлаб ишора кардааст.

Иблис. Аз юнонии диёблис- Diabolos аст. Лугавиони араб онро аз модаи иблос, яъне: навмед кардан ё калимаи аҷнаби шумурдаанд ва калимаи Diable дар забони фаронса Devil дар забони англисӣ аз ҳамин лафз реша гирифтаанд. Ин калима дар забони юнонӣ ба маънии наммом ва муфтарӣ аст. Он номи меҳтари девон аст, ки пас аз нафхи рӯҳ дар ҷасади Абулбашар, чун аз сачдаи Одам сар боз зад, матруд гашт. Ӯ то рӯзи растохез зинда бошад ва ҷуз бандагони мухлисро иғво тавонад кард, назирӣ

Аҳримани дини зардушт, шайтон, азозил, ханнос, абулбиннӣ, дев, меҳтари девон, падари париён. Чамъ: абалис ва абалиса ва мухаффафи он: иблис, ки борҳо дар шеърӣ форсӣ ба кор рафтааст.

Ибни Дарид навиштааст: «Агар иблис арабӣ бошад, иштиқоқи он аз иблиси яблис, ба маънии маъносшуда бошад, чун иблис аз раҳмати Худо маънос аст.»

Фирӯзободӣ дар китоби «Қомус» чунин менависад: «Иблис, биттаҳрик, касе аст, ки хайру неке назди ӯ набошад, ӯ касе аст, ки аз ӯ шарру баде ба мардум бирасад ва «иблос» ба маънии яъс аст ва иблис низ аз ин калима муштақ аст ва шояд иблис калимаи аҷамӣ бошад. Чаволиқӣ дар «Алмуарраб» менависад: «Иблис арабӣ нест, ҳарчанд бархе онро арабӣ ва аз асли иблос пиндоштаанд. Зеро, агар арабӣ буд, мамнӯъуссарф намешуд. Замахшарӣ ва соҳиби «Лисонулараб» ба аҷамӣ будани иблис тасреҳ кардаанд ва чамъи иблис монанди исмҳои аҷамии дигар бар вазни фаъола ба кор меравад ва аболаса ҳамвазн бо фароана ва каёсара ва акосара аст.»

Номи дигари иблис шайтон аст ва барои иблис куняҳои муҳим зикр кардаанд, аз қабилӣ: Абӯмураҳ ва Абӯхилоф ва Абӯдучона ва Абулбиннӣ номи духтари иблис аст. Дар сураи «Нос» аз шарр ва васвоси ханнос истизоа шуда ва муфассирин ханносро лақаб ӯ ном ӯ сифати шайтон медонанд ва ханнос дар луғат бисёрмаҳфишаванда баъд аз зуҳур ва пайдоӣ аст ва ба ҳамин муносибат ситорагон ҳам хунус номида шудаанд.

Иблис дар ибтидо аз малоикаи муқарраб буд ва номи аслии ӯ Азозил аст. У ҳафтсад ҳазор сол ибодат карда буд ва се ҳазор сол низ шогирди Ризвон буд. Аммо, аз он ҷо ки аз дастури Худованд сарпечӣ карда ва ба Одам сачда набурд, матруд шуд ва аз бихишт ронда гашт ва ба симнон уфтод.

Балъамӣ низ дар хусуси офариниши иблис менависад: «Ва Худои Азза ва Чалла ин гуруҳи фариштагон, ки эшонро ҷон хонд, бар замин нишонд, то ӯро бипарастанд ба замин. Халқҳо биёфарид аз ҷаҳорпоён, мурғон ва сибоъи биёбон. Ва мурғ андар ҳаво ва ин ҷон андар ин ҷаҳон Худойро ҳамепарастиданд ва иблисро меҳтар кард бар эшон ва ҷойи ӯ ба осмони нахустин кард ва бо он фариштагон, ки аз нур офарида буд. Ибодат ҳамекард ва ӯро дарбон ва хозини бихишт кард ва сесад сол чунин буд. Лекин ҷойи ӯ бар осмон буд. Пас, ин гуруҳи ҷон дар Худой таоло осӣ шуданд, Худой таоло мар фариштагони осмони нахустинро бар замин овард ва иблисро бар эшон меҳтар кард. . .»

Дар мавриди сачда накардани иблис бар одам дар сураи «Каҳф» омадааст, ки: «Сачда карданд хама, магар иблис, ки меҳтари эшон буд аз париён, берун шуд аз фармони Худойи ҳеш.»

Ва ҳамчунин, дар сураи «Таҳ» (ояи 116) ва сураи «Ҳаҷр» (ояи 24) ба ин ҳодиса ишора шудааст. Далели ин ки иблис бар одам сачда накард, нахват ва тақаббури ӯ буд. Чунонки меғуфт: ман бартар аз одамам, маро аз оташ офарид ва ӯро аз гил ва асли ман бартар аст ва беҳтар ва ҷавҳари ман равшантар аст ва ҳар чизе шараф ба аслу гавҳар гирад.

Замоне ки иблис аз даргоҳи Худованд матруд ва ронда шуд, аз Худованд хост, то рӯзи қиёмат зинда бошад, то битавонад беҳтарин офаридагони ӯ, яъне: одамро гумроҳ кунад. Лизо, иблис умре тӯлонӣ дорад ва мазҳари пирӣ аст. Дар Қуръон мефармояд: «Парвардгоро, пас маро муҳлат деҳ, то рӯзе, ки одамиён барангехта шаванд.» Гуфт: «Қасам ба иззати Ту, ки ҳамаи эшонро гумроҳ хоҳам кард.» Ва ҳамчунин, дар сураи «Ҳаҷр» низ дар оёти 36, 37, 38 ҳамин иборотро баён мекунад.

Шайтон дар Қуръон муттасиф, ба сифати раҷим ва ба эътибори гарданкашӣ ба сифати мурид ва морид мавсуф шуд. Шайтон аз он ҷиҳат ба сифати раҷим мавсуф гардид, ки Ҳазрати Иброҳим ӯро дар Мино раҷим ва сангсор кардааст.

Модари Марям, ҳангоме ки Марямро зод, гуфт: «Парвардгоро, ман Марям ва зуряшро аз шарри шайтони раҷим ба панӯхи Ту месупорам.»

Номаш ёздаҳ бор дар Қуръон зикр шуда ва ҷуз дар як маврид хама ҷо аз иблис зимни достони Ҳазрати Одам ёд шудааст. Қиссаи шайтон аз он ҷиҳат зимни достони офариниши Одам мундариҷ аст, то одамӣ дарёбад, ки бадӣ муқтазои зоти ӯ нест, аз шайтон ба ӯ талқин мешавад. Инсон барои некӣ офарида шуда ва бояд ба мубориза бо бадӣ, ки ношӣ аз ғаризаи ҷоҳталабӣ ва кибру ҳасад аст ва ҳамаи онҳо ба унвони шайтон муттаҷаллӣ мешавад, қиём кунад. Эҷоди ин фикр дар инсон таъсири фаровон дар тарбияти ахлоқӣ ва тақвияти ҳисси хайрхоҳӣ ва ҳақтарастии ӯ дорад.

Иблис пас аз лаънати Худо зиштӣ гираҳ ва аъвару азрак шуд ва он гоҳ ки Одам ба бихишт даромад, сесад сол бар дари бихишт бинишаст, то магар бад- он роҳ ёбад. То ин ки ба кӯмаки товус ва мор ба бихишт ворид шуд ва Ҳавворо бар хурдани меваи мамнӯъ ташвиқ кард ва Одам бо хурдани гандум ба огоҳӣ расид ва ҳамагӣ аз бихишт ронда шуданд ва ҳар қадом ба нуқтае хубут карданд ва иблис низ ба Абла хубут кард ва ба ривояти Табарӣ ба Симнон. Дар достони мазкур иблис мазҳари ақл аст ва Ҳаво мазҳари ишқ ва ин ду низ ба кӯмаки ҳам буд, ки Одамро ба бедорӣ ва маърифат кашониданд.

Масали «чун иблис аз лоҳавл гурехтан» маъхуз аз иборати «лю ҳавла ва ло куввата илю биллоҳӣ» дар форсӣ ба мафҳуми нафрат доштан ва тазоди зотии мавҷуд аст. Соҳиби «Марзбоннома» оварда: «Деве, ки вақти афсун чун иблис аз лоҳавл бигреҳтӣ. . .»

Дар поре аз кутуби ирфонӣ аз иблис ва шайтон ба гунае ёд шуда, ки мувахҳими тафовути он ду аст. Малак(фаришта) мазҳари иморат ва ободӣ ва фармонбардорӣ ва шайтон мазҳари фасод ва харобӣ ва фармон набурдан ва иблис масали такаббур ва худбинӣ ва фармон набурдан қаламдод гардида. Ва аз ин ҷост, ки гуфтаанд: «ҳар одамай шайтоне дорад», чунонки расул(с) фармуд: «Шайтони ман бар дастам ислом овард.»

Бархе аз сӯфия шайтонро султонӯльборифин хонда ва имтиноӣ ӯро аз сачда бурдан бар одам камоли тавҳид ва ихлосӣ ӯ донистанд ва қисмате аз шатҳиёти сӯфия дар ин мақула аст. Илова бар ин, бархе гуфтаанд, ки худӣ Ҳақтаоло мехост то иблис иғво шавад.

Эронӣён, ки аз дер боз ба достони Аҳриман ва Яздон ошно буданд, иблисро дар адабиёти ҳеш ба унвони як душмани қавипанча пазируфта ва ҳамаи гумроҳро ношӣ аз ӯ донистанд. Лекин, ишқ ва ҳавасҳои чавонӣ, ки моёи шеър ва адабро месозад ва мебоист бад-ӯ мансуб гардад, мақоми ӯро боло бурд. Мазоҳиби ирфонӣ ва динӣ одамиро ба мубориза дар баробари шайтон даъват мекунад. Чунонки, дар кутуби зардуштиён мундариҷ аст, арвоҳ барои мубориза бо Аҳриман ва девон ба замин фуруд омаданд.

Урмузд: Ин ном, ки дар Авасто *Ahuramazdaw* аст, дар порсии бостон *Auramazdah* ва дар паҳлавӣ *ohramazd* мебошад, ки дар форсӣ ба суратҳои Ҳурмазд(ба фатҳи мим), Ҳурмузд, Ҷурмузд, Ҳурмузд ва Ҳурмуз омадааст ва дар асл номи худӣ маздаясно. Мураккаб аз ахура, дар Авасто ба маънии сарвар ва мавло ва маздо, ки ба маънии ҳофиз омадааст, ки чун бо ахура истеъмом мешавад, аз он маънии хушёр ва доно ва огоҳ ирода кунанд. Бинобар ин, ахуромаздо ба маънии сарвари доност. Бархе низ ин калимаро Худованди ҷону хирад маънӣ кардаанд. Эронӣёни бостон ба унвони таяммуни ва табаррук нахустин рӯзи моҳро ба номи Худӣ бузург номзад кардаанд. Абурайҳон дар «Осорулбоқия» номи ин рӯзро дар феҳристи рӯзҳои эронӣ хурмузд ва дар феҳристи рӯзҳои суғдӣ хурмузд ва дар феҳристи рӯзҳои хоразмӣ римужд ёд карда. Баъдҳо ин номро ба ситораи Муштарӣ итлоқ кардаанд, ки номҳои дигари он Зовуш ва Бирчис аст. Ҷурмузд дар ойини маздаясно номи рӯзи аввали ҳар моҳ аст.

Ҷурмузд бар гурӯҳи худӣ ориёӣ(дево) ҳатти бутлон кашид ва аз он пас худопарастонро маздаясно ва мушрикони пайравони ботилро девясно хонданд. Амшоспандон ва эйдон махлуқи ӯ ҳастанд. Ахуромаздо қодир муттаол ва холиқи аъло ва вучудаш айни қудрат ва дониши ӯст. Бар коинот фармон меронад ва шаш амшоспанд дар ҷаҳони минӯй дар идораи ҷаҳон ба ӯ кӯмак мекунанд. Ин ҳафт тан, ки Ахуромаздо дар раъси онҳо қарор дорад, дар айни касрат ваҳдатеро ба вучуд меоваранд. Пас аз амшоспандон эйдон ҳастанд ва баъд аз онҳо фаравашиҳо қарор доранд. «Ҷурмуздяшт», ки дар сароғози 21 яшти «Авасто» ҷой дорад, махсуси Ахуромаздо ва дар воқеъ феҳристе аст аз асомӣ ва фазоили ӯ.

Яштҳо дар ситоиши Парвардгор ва ниёиши эйдон аст. Мазомини онҳо иборат аз суннатҳое аст, ки аз замони бисёр қадим пушт ба пушт миёни эронӣён мегардида ва хидмати бархе аз онҳо то ба аҳди ориёӣ Ҳинд ва Эрон мерасад ва назари онҳо дар «Вед»-и браҳманон низ мавҷуд аст. «Яшт»-ҳо баъд аз «Гот»-ҳо ва «Ҳафт»-ҳо қадимтарин ҷазавоти «Авасто» аст. Ва бояд донист, «Яшт»-ҳо, ки баҳше аз адабиёти маздаясноро ташкил медиҳад, мансуб ба Ашу Зартушт нест. Дар бораи «Яшт» ва «Ясно» бояд ин тавзеҳ дода шавад: ясно ба маънии ситоиш ва ниёиш аст ба таври умум ва ҳол он ки яшт ба маънии ситоиши Парвардгор ва ниёиши Амшоспандон ва эйдон аст. «Яшт»-ҳо аз ҳайси қидмат яқсон нестанд ва замони тадвини поре аз онҳо чун «Ҷурмузьяшт» нест. «Ҷурмузьяшт», ки дар сари 21 «Яшт»-и «Авасто» ҷой дода шуда, дарвоқеъ, феҳристе аст аз асомӣ ва фазоил ва сифоти Ахуромаздо.

Тавачҷӯҳ ба мафҳуми Ахуромаздо ва муқоисаи сифот, номҳо ва партавоҳои ӯ дар «Гот»-ҳо ва бахшҳои дигари «Авасто» равшан мекунад, ки: вай доноӣ комил аст ва огоҳ аз ҳама рӯйдодҳои гузашта ва оянда; оҳанге ҷуз барои ростӣ ва дурустӣ ва некӣ надорад; вучудаш азали аст ва абадӣ; дар оғоз офариниш ба иродаи вай анҷом гирифта ва поёни ҷаҳон ба фармон ва ирода ва роӣ ӯст; он чи ки офарида, аз вучуди ӯ хорич нест ва чун башарро офарид, ӯро озод гузошт, то роҳи ростро баргузинад ё аз зумраи қачравон шавад аммо, ӯ худ бо тамоми нирӯ дар густариши ростӣ ва роҳи нек кӯшиш мекунад.

Ахуромаздо дар асри нахустини дини зардуштӣ Худованди қодир ва яқтоӣ ҷаҳон буд, ки муъминони асри аввалия бо тамоми дилу ҷон ӯро гиромӣ медоштанд. Он қадр мучаррад набуд, то дар уфуқи муғлақи мовароуттабаи муғлак ба сурати асле гунг, ки парастии кӯркурона дошта бошад, дарбиёяд. Мафҳуме буд, ки ба оромӣ бар дилу ҷони пайравон фуруд меомад. Нирӯи таҳаррук ва ҷунбиш дошт ва ҳамин нирӯ буд, ки дар Зартушт мавҷуд буд ва ба гуруҳ ва пайравон сироят мекард. Ахуромаздо саодати мардумонро дар гирави ибодот тақдим мязд (*myazd*) ва қурбонӣ намедонист, балки равшан ва расобандгонро аз забони фиристодаш меомӯхт, ки саодат ва некбахтӣ ва хушфарҷомӣ вобаста ба қору кӯшиш аст.

Ба мӯчиби ишорате, ки дар «Авасто» ва мутуни паҳлавӣ нақл шудааст, Ахуромаздо (= осмон) ва Спанга Армаити (замин) завчу завҷаи якдигар мебошанд. Ин маврид ишора ба як бунмои асотирӣ аст, ки аз замин ва осмон, ки модар ва падари офаридагон ҳастанд, нахустаносири муқаддаса ба вучуд меоянд. Чун онҳо: оташ, замин, гиёҳон ва чонварон ба ҳамин ҷиҳат дар асотири динии эронӣ амшоспандон ва эзидон, ки малоик ва фариштагони сарпараст ва муқарраби аносири табиӣ ҳастанд, писарон ва духтарони худойи замин ва осмон мебошанд.

Дар мутуни исломӣ Ахуромаздо камтар ба маънии Худованд ба кор рафтааст.

Рустам: Рустаҳм- Рустаҳм мураккаб аз ду ҷузъ: рус- raodha (болиш, наму) + тахм= tahma дар порсии бостон ва «Гот»- ҳо ва дигар бахшҳои «Авасто» ба маънии далер ва паҳлавон. Таҳамтан низ аз ҳамин реша аст. Рустам, яъне: кашадаболо ва бузургтан ва қавипайкар, номи ҷаҳонпаҳлавони эронӣ, писари Зол писари Сом. Мор Куворт тасаввур кардааст, ки рустаҳм- и «Авасто»: Raota- stahma унвон ва сифате барои Гаршоспи ҷаҳонпаҳлавон буда. Вале Новилдқа ин қавлро мардуд доништа.

Дар «Фарҳанги Муин» Рустам ин гуна муаррифӣ шудааст: «Писари Зол, ҷаҳонпаҳлавони Эрон, аз мардуми Зобулистон, ки доройи қудрате фавқӣ башарӣ буд. Вай ба чанд тан аз подшоҳони қаблӣ (Кайқубод, Кайковус, Кайхусрав) хидмат кард. Деви Сафедро дар ғораш дар Мозандарон кушт ва Кайковусро наҷот дод ва гурӯҳе аз девони дигарро ба хок афканд. Асби ғулпайкараш Рахш ҳама ҷо бо ўст. Исфандиёр бо ў мечангад, вале мағлуби вай мешавад. Оқибат Шағод, бародари Рустам, ба хиллае Рустам ва Рахшро ба гӯдоле пур аз мева ва шамшер мекашад. Рустам дар дами марг тире аз камон раҳо мекунад ва Шағод ва дарахтеро, ки бад-он паноҳ бурда буд, ба ҳам меузад. Баъзе аз муҳаққиқон Рустамро ҳамон Гундфар\ Gundafart, подшоҳи Шикистон (Систон) донанд ва бархе ин иддаоро рад кардаанд.»

Рустам паҳлавони Зобулистон аст ва мумкин аст тасаввур шавад, ки достони ўро сакоҳое, ки дар айёми таърихӣ ба Систон тохтаанд, бо худ оварда бошанд. Аммо ин тасаввур саҳеҳ нест, зеро шакли аслии номи Рустам ба тамоми маънӣ эронӣ аст ва Новилдқа онро аз номҳои аслии эронӣ медонад. Бинобар ин, метавон достони Рустамро мутааллиқ ба аҳдҳои пеш аз муҳожирати сакоҳо ба сарзамини Эрон доништ.

Рустам, ҷаҳонпаҳлавони номвари ҳамосаҳои Эрон, аз пайванди Зол-паҳлавони сапедмӯйӣ ҳамосаи миллӣ, бо Рудоба, духтари шоҳи Кобул ба вучуд омад. Зодани ў ҳамчун зиндагиаш шигифтиофарин ва ғайриоддӣ буд. Ба ёрии Сатурғи чорағар аз модар бизод ва ба зудӣ тану ёле мардона ёфт. Саросари умр пурифтихор ва ба озодагӣ дар гӯшаи Зобулистон гузашт ва фақат дар тангноҳо ба ёрии эронӣён ва шоҳон ва шоҳзодагон шитофт ва ҳар бор миллати Эронро аз хатари хатмӣ раҳонид. Ковусро ду бор аз бечорагӣ наҷот дод. Пас аз гузаштан аз ҳафт хон, бо деви сапед набард кард. Бежанро аз ҷоҳи Афросиёб раҳонид. Кини Сиёвушро аз Афросиёби аҳриманхӯ бигирифт. Ашқбус ва Комуси Қашониро бикушт. Надоништа ва нашинохта паҳлуи фарзанди баруманди хеш- Сӯхробро бидарид ва саранҷом дар сарошеби умр Исфандиёр, шоҳзодаи мағрур ба дасисаи Гуштоспи номихрад бар дастӣ ў кушта шуд ва тақрибан баъд аз ин мочаро дигар оби хуш аз гулӯи Рустам пойин нарафт, то ин ки саранҷом ба дастӣ Шағод кушта шуд.

Сатурғ: Ин қалима дар паҳлавӣ син мурғ\ sen- moy аст. Муҳаққиқон қалимаи авастоии сайна\ saena дар авасторо ба шоҳин ва уқоб тарҷима кардаанд ва бо varaghan- и авастой яке доништаанд ва бешак байни ду мафҳум: сайна- и авастой ва сатурғи форсӣ, яъне итлоқи он мурғи машҳур ва номи ҳакиме доно робита мавҷуд аст. Медонем, ки дар аҳди қуҳан рӯҳонӣён ва мӯбадон илова бар вазоифи динӣ шугли пизишкӣ меварзиданд. Бинобар ин, тасаввур мешавад, яке аз хирадмандони рӯҳонии аҳди бостон, ки номи вай Сайна, аз номи парандаи мазбур иттихоз шуда буд, самти рӯҳонии муҳиме дошта, ки инъикоси он ба хубӣ дар «Авасто» ошкор аст ва аз ҷониби дигар вай ба табобат ва мудовои беморон шӯҳрат ёфта буд. Баъдҳо номи рӯҳонии мазкурро ба маънии лағвийи худӣ номи мурғ гирифта ва ҷанбаи пизишкӣи ўро дар «Авасто» ба дарахте, ки ошёнӣи мурғи сайна аст, дар «Худойнома» ва «Шоҳнома» ба худӣ Сатурғ додаанд.

Сатурғ дар «Шоҳнома» ва «Авасто» ва адабиёти паҳлавӣ мавҷуде хорикульдод ва аҷиб аст ва дар «Шоҳнома» ўро ҳамвора чун яке аз оқилтарин афрод, одаме соҳиби фикр ва тадбир меёбем.

Дар «Фарҳанги асотир» омадааст: «Тасвире, ки Шихобиддини Сухравардӣ аз ў (Сатурғ) ба даст дода, ки «парвоз кунад бе ҷунбиш ва бипаррад бе пар ва наздик шавад бе қатъи амокин ва ҳама нақшҳо аз ўст ва ў худ беранг, ҳама бад- ў машғуланд ва ў аз ҳама фориғ...» мубаййини ин аст, ки Сатурғро ҷизе дар ҳадди ҷилваи ҳақ доништааст.»

АДАБИЁТ

1. Куръони Карим.
2. Омӯзгор Жола, Тафаззули Аҳмад, Устураи зиндагии Зартушт- Техрон: Чашма, 1380, ҷоги ҷаҳорум.
3. Исмоилпур Абулқосим. Устура- баёни намодин- Техрон: Суруш, 1377, ҷоги аввал.

4. Үшедри Чахонгир, Донишномаи маздаясно-вожаномаи тавзеҳи ойини Зардушт.- Техрон: Марказ, 1371, чопи аввал.
5. Бошид Ружа, Дониши асопир, Тарчимаи Чалол Сагторӣ.- Техрон: интишороти «Тӯс», 1370, чопи аввал.
6. Балъамӣ Абӯалӣ Муҳаммад бини Муҳаммад.- Техрон: Завор, 1383, чопи дуввум.
7. Баҳор Меҳрдод, Пажӯҳише дар асопири Эрон.- Техрон: Огоҳ, 1381, чопи чаҳорум.
8. Пул Сорпур Жон, Адабиёт чист, Тарчимаи Мустафо Раҳимӣ ва Абӯлҳасани Начафӣ.
9. Хивоилӣ Муҳаммад, Иълони Куръон.- Техрон: Амири Кабир, 1380, чопи шашум.
10. Хатафи Табретӣ, Муҳаммад Хусайн, Бурҳони қотъ ба ихтимоми дуктур Муҳаммад Муин.- Техрон: Амири Кабир, ҷ. V, 1376, чопи шашум.

МИФОЛОГИЯ

В данной статье автором дано определение понятия «мифология» и приведены примеры мифических образов из священной книги мусульман «Коран», также из книги «Авеста» и из различных источников персидской литературы.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: миф, мифология, мифические сказания, мифические образы, легенды, сказания.

MYTHOLOGY

In given article the author makes concept definition «Mythology» Also examples of mythical images from the sacred book of Moslems are resulted «The Koran», also from the book «Avesta» and from various sources the Persian literature.

KEY WORDS: a myth, mythology, mythical legends, mythical images, legends, legends.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Махноз Олими – соискатель факультета таджикской филологии Таджикского национального университета

НАҚДИ УСТУРАӢ

Мустафо Бобоҳонӣ
Донишгоҳи миллии Тоҷикистон

Имрӯз дар нақд шоҳаҳои сершуморе вучуд дорад, аз ҷумла нақди фалсафӣ, равоншиносона, устураӣ ва ғайра. Мунтақид дар баррасӣ ва таҳлили асари адабӣ метавонад аз назарияҳои мавҷуд дар ҳар дониш истифода кунад. Аз ҳар донише, ки истифода кунад, нақди вай ҳам ҳамагон самт ва сӯ меравад ва ба номи ҳамагон илме, ки аз назарияҳо ва мавҷӯҳои истифода шуда, мавсум мегардад. Устурашиносӣ низ дониши ҷадидест, ки устурашиносон бо мутолиа бар рӯи устураҳои миллалӣ мухталиф, ба назарияҳои расидаанд, ки усул ва мабноҳои ин донишно ташкил медиҳад ва тавассути ҳамагон назарияҳо метавон қавоид ва қавонини мушаххас ва муназамет низ барои он тақвир кард. Дар нақди адабӣ, ба ӯҳдаи мунтақиди адабӣ аст, ки чи гуна аз ин қавоид ва назарияҳои, ки дарвоқеъ монанди абзори ёригари вай дар нақд ба шумор меравад, истифода намуда, дар араси ин навъ нақд осоре зебо ва мондагон ба вучуд овард. Шимисо дар бораи ин навъи нақд менависад: «Нақди асопирӣ ё нақди устурагаро нақдест, ки асари адабиро бо тавачҷӯ ба мувоҳиси устурашиносӣ, мардумшиносӣ ва равоншиносӣ баррасӣ мекунад» [Шимисо, Нақди адабӣ, саҳ. 131].

Имомӣ дар таърифи нақди устураӣ мегӯяд: «Нақди устураӣ нақдест, ки ба кашфи моҳият ва вижаҳои устураҳову кӯҳан-улғӯҳо ва нақши онҳо дар адабиёт мепардозад» [Имомӣ, Мабони ва равишҳои нақди адабӣ, саҳ.218]. Ҷунонки гузашт, аз назари Шимисо дар нақди устураӣ на танҳо аз устурашиносӣ, балки аз мардумшиносӣ ва равоншиносӣ низ истифода мешавад. Шафеии Қадқанӣ низ дар бораи ноақдоне, ки ба таҳқиқ дар табиати устура мепардозад, мегӯяд: «... дар ин ҷост, ки нақди адабӣ, аз як сӯй ба мардумшиносӣ ва аз сӯйи дигар, ба равоншиносӣ мепайвандад...» [Шафеии Қадқан, Сури ҳаёл дар шеъри форсӣ, саҳ. 237]. Нависандагони китоби «Мабонии нақди адабӣ» низ дар тақвир ва тақомули нақди устураӣ се риштаи муҷоззоро дохил медонанд, ки ҳар қадом дар ин замина нақши умдае ифо кардаанд; Ин се ришта иборатанд аз: а) мардумшиносӣ [саҳ.169]; б) равоншиносии Юнг ва пешниҳоди кӯҳан-улғӯи онҳо [саҳ.178]; в) рӯёи амрикоӣ [саҳ.187]. Дар шарҳи мавриди сеюм овардаанд, ки: «дар нақди устураӣ ахир, бавижа дар тафсири адабиёти Амрико, илова бар мардумшиносӣ ва равоншиносии Юнгӣ, ҷараёни саввумӣ ҳам таъсир гузоштааст. Ин ҷараён... дар алоқаи фазоянда ба маҷмӯаи асопирӣ бумӣ, ки «рӯёи Амрикоӣ» ном дорад машҳуд аст ва дар нақди мӯҷиб шуда, ки кӯшишҳои пажӯҳишгарони адабӣ барои таҳлили аносире, ки хусусиёти ғариб «Амрикоӣ будан»-ро ба адабиёти мо дода, шиддат гирад. Натоиҷи ин таҳлилҳо нишонгари он аст, ки осори муҳиме ки нависандагони амрикоӣ хулқ кардаанд, ягонагии хоше дорад ва баҳши аъзами ин

ягонагиरो метавон ба таъсири мусбат ва манфии рӯъёи Амрико нисбат дод» [Грин Вилфард ва ...Мабонии нақди адабӣ, сах.187].

Баҳрагирии мунтақиди устурае аз равоншиносӣ ва мардумшиносӣ бештар ношӣ аз таваҷҷӯҳи равоншиносоне чун Фарвид ва Юнг ва мардумшиносоне чун Фрайзар ва дигарон таъсири бисёр зиёди онҳо бар нақди адабӣ будааст. Ин назарияпардозон бо вуруд дар мувоҳиси устурае ва ба вучуд овардани осоре дар ин замина, таъсири шигарфери бар нақди адабӣ гузоштаанд. Ба вижа Юнги равоншинос ба заъми Шимисо дидгоҳаш «ба нақди асотирӣ наздиктар аст, то ба нақди равоншиносона» [Шимисо, Достони як рӯҳ, сах.25].

Гарчи байни «нақди устурае ва шеваи равоншинохтӣ иртиботи комилан наздике вучуд дорад, зеро ҳар ду инҳо бо ангезаҳои зербиноии рафтори инсон сару кор доранд», аммо бояд тафовутҳои онҳоро низ дар назар дошт, чун «равоншиносӣ бештар таҷрибӣ ва ташхисӣ аст ва иртиботе наздик бо илми зистшиносӣ дорад, вале устурашиносӣ бештар эҳнӣ ва фалсафӣ аст ва бо мазҳаб, мардумшиносӣ ва таърихи фарҳанг қаробат дорад» [Вилфард Грин, Мабонии нақди адабӣ, сах.160].

Исмоилпур мутааққид аст, ки нақди устурае бештар бо се мактаб робитаи наздике дорад, ки иборатанд аз: падидоршиносӣ, равоншиносӣ, тамсилӣ ва симболик. Вай дар тавзеҳу таҳлили ин макотиб ва иртиботи онҳо бо устура меғӯяд: «Дидгоҳи аввал, дидгоҳи падидоршиносии устура аст, ки ба назаргоҳи Мирчо Илѐда, устурашиносии бузурги муосир, наздик аст. Ин дидгоҳ, яке аз муҳимтарин макотиби устурашиносӣ аст, устураро ба унвони як бовари динӣ-оинӣ талаққӣ мекунад; яъне устураро равиши ҳақиқӣ тасаввур мекунад. Дидгоҳи дуюм, дидгоҳи равоншиносии устура ҷ дидгоҳи равонковии устура аст, ки шомили назариѐти Фривард ва Юнг мешавад. Ин дидгоҳи устура аз зовияи дигаре мебинанд ва мутааққид аст, ки устура, яъне хоб ҷ рӯѐ аст. Устураи рӯѐ чамъи инсон аст, ҳамон гуна ки рӯѐи фард вучуд дорад. Рӯѐи чамъии як қавм низ ҳамон устура аст, ки мутааққид аст, бар намунаҳои куҳан ҷ ораки тойтҳо. Дидгоҳи саввум, дидгоҳи тамсилӣ ва симболик, ки бунѐнгузори он Фредриш Крузер будааст. ӯ аввалин касест, ки баҳси устурашиносиро дар қарни нӯздаҳум оғоз мекунад ва китобе бо оломонӣ дорад бо унвони «Симбол ва асотирӣ қавми бостонӣ». Ба мактаби симболикаи дидгоҳи Косирарро ҳам метавонем изофа бикунем. Дар мавзӯи суратҳои симболик, дидгоҳи Косирар, ки албатта баҳси фалсафӣ аст, вале ба устурашиносӣ марбут мешавад, чунки Косирар усулан андешаи ибтидоии башарро тасаввур мекунад. ӯ мутааққид аст, ки ҳар тасаввур симболик аст. Андешаи фалсафии инсонии ибтидо бо забони симболик оғоз шуда ва ҷаҳонбинии ҳадашро ба забони симболик аз тариқи устураҳо баѐн кардааст» [Исмоилпур, Чамандозҳои нақши устураӣ, сах. [24].

Нақди устурае аз дидгоҳи ҷомеашиносӣ марбут мешавад ва аз манзурӣ дигари он, фосила гирифта вобастагии худро қатъ мекунад; Машият Алой дар таҳлил, тавзеҳи қатъ ва васли ин ду риштаи илмӣ, ки бар нақду осори адабӣ таъсиргузоранд меғӯяд: «Нақди устурашинохтӣ бо таъкид бар фарҳангу ом будани моҳияти осори адабӣ, аз нигаришҳои равоншинохтӣ фардӣ ҷ формалистӣ, ки нақши ҷомеаю таърихро нодида мегиранд, фосила мегирад ва нигариши ҷомеашинохтӣ «наздик мешавад», аммо дар як нукта ва албатта нуктаи бисёр муҳим, аз он дӯр мешавад. Чи дар ҷое, ки нақди ҷомеашинохтӣ, асари адабиро ҳосили шароити вижае мекунад, ки дар набудани он шароит, он асар ҷ зухӯр пайдо намекунад ҷ ба шакле дигари таҳаққуқ меѐбад. Нақди устурашинохтӣ асари ҳунариро мутаалиқ ба ҷомеа ҷ фарҳанги ҳосе ва замони ҳосе намекунад. Аз ин дидгоҳ бар пайдоиши осори ҳунарий, замон ва макони ҳосе ҳоким нест, ба ҳамин эътибор, осори ҳунари низ бар замон ва макони ҳосе далолат надорад. Дар ин нигариш метавон раге аз тафаккури Афлотунӣ ѐфт, ки мувофиқи он, «мусул» аз тасарруфи замон ва макон эминанд» [Машияти Алой, Дорони интиқодӣ бар нақди устурашинохтӣ, сах.9].

Дар миѐни назариѐти мавҷуд, дар нақди устурае, дидгоҳӣ вучуд дорад, ки мунтақиди устурагароро маҷоз мекунад то аз ҳамаи риштаҳо, шеваҳо ва абзорҳои мавҷуд ва лозим, дар раванди нақди худ истифода намояд; ин назария чун ба амал дарояд ва дар нақди устурае зухӯр пайдо кунад, баѐнгари иртиботи ин навъ нақд бо соири риштаҳо низ хоҳад буд; Саминӣ дар шарҳу таҳлили ин дидгоҳ менависад: «Дар бархе аз китобҳои нақди муосир бо истилоҳи Mythopoetic рӯ ба рӯ мешавем, ки дар воқеъ ба маънои корбурди нақди устурае дар адабиѐт аст ва ба назар мерасад. Тавоимони ду гуна нақди устурае ва қӯҳан намунаеро дар бар дорад. Донистане ки, ба унвони абзори кори мунтақиди ин шева қарор мегирад, мутаадид аст; бад ин маъно, ки маҷмӯае равишҳои мавҷуд дар нақди устурае ва нақди қӯҳан намунае метавонад як мунтақидро дар гуфтугӯ бо матн қарор диҳад. Мунтақид ошкоро худро як равиши вижаи дур эҳсос карда аст. Бо ин ҳама, наметавон уро сарфан як гирдоваранда донист; зеро равиши ӯ бар мубанои фарзияе устувор шуда, ки ин фарзия ба тарзе инъитофнопазири куллияи равишҳоро дар худ ҳифз мекунад. Бинобар ин, беҳтарин унвон барои мунтақидони ин ҳавза, чандгарост. Онҳо дар техникаҳояшон чандгароро ва дар эътиқодашон, ки аз ҳастае асли ва марказӣ ҳидоят мешаванд, тағтаро ба шумор меоянд. Дар воқеъ вақте ки, дар ҳавзаи нақди Mythopoetic гом

мезанем, бидуни дағдаға метавонем ҳамон замон аз чанд шеваи мухталиф истифода кунем, баста ба ин ки асари мавриди нақд, чи равзанае бар мо мегуояд» [Саманӣ, Тамошоҳонаи асотир, сах.26-27].

Аз дидгоҳи вижагиҳои устурай, забон он аст, ки барои мухотабонаш бисёр ҷаззоб аст, зеро дар он, аз вожаҳои истифода шудааст, ки инсонро аз ҳисорҳои замону макон меканад ва то дурдастҳои таърихи асотирӣ ва ҳатто фаротар аз он мебарад; Равтон дар ин бора мегӯяд: «Аз диди бисёре аз мардум бетардид забони нақди устура ҷаззоб аст, чун бо вожаҳои пурмуҳоботе чун «нахустин», «нерӯи ҷодуӣ (Моно)», «фавқтабиӣ», «заҳдон», «куҳаннамунавор», «азаллӣ» навишата мешаванд; Вожаҳои ки, бетардид моро аз дилҳои савдозадаи романтик ва сирпурдарди нақди ҷадилии хонандагон сарфан муқайид ба замон, дур мекунад ва мустақиман моро бо дигаре ҷовидоне бекарон ва комил пайванд медиҳад» [Равтон, Устура, сах.106].

Равиши кори мунтақиди устурае бо мунтақиди суннатӣ мутавафут аст; Агар мунтақиди суннатӣ ба зиндагинома ва масоили фаръии нависанда ё шоир мепардозад, мунтақиди устурай вазифа дорад, ки тавачҷӯҳи худро даруни асар ва лояҳои пинҳони он, маътуф кунад то битавонад тасовиреро, ки нерӯи халлоқи таҳаюлӣ, ки ришта дар асотир дорад, кашф намояд ва зебоҳои асари адабиро бо барҷастатар кардани аносире ки, пайванду вобастагӣ доранд, нишон дода, мухотаби асари адабиро мачзубу масхӯри он асар кунад ва нақди худро бар саҳифаи адабиёт сабту мондагон гардонад. Нависандагони китоби «Мабонии нақди адабӣ» дар бораи тафовути мунтақиди устурае бо мунтақиди фуруядӣ ва нақши муҳиме, ки мунтақиди устурай ифо мекунад мегӯянд: «Мунтақиди устура, бар хилофи мунтақиди фуруядӣ, ки мустаъди он аст, то маҳсули хунармандро равои ранҷурии ҷинсе бидонад, куллиёти асарро таҷаллии нерӯҳои ҳаётбахш ва ваҳдатбахше медонад, ки аз эъмоқи равонҷамъӣ навъи башар бармеҳезад» [Вилфард Грин, Мабонии нақди адабӣ, сах. 168].

Нақди устурай бо ҳама маҳсаннот, зебоӣ ва нуқоти мусбате, ки дорад ва ҳамчунин ҷойгоҳи муҳиме, ки дар арсаи адабиёт дорад, бархе мунтақидон мушқилот ва маҳдудиятҳо ва нуқоти заифе низ барои он бар шумурдаанд, ки ишора ба бархе аз онҳо лозим ва зарурӣ ба назар мерасад.

Нависандагони китоби «Мабонии нақди адабӣ» дар бораи бархе мушқилоти мавҷуд дар нақди устура мегӯянд: «Ҳарчанд, ки саҳми мунтақидони устура аҳамиятӣ ҳос дошта аст, ин шева ба далоили мутааддид мафҳум нашуда аст; Аввал он ки тоза дар қарни ҳозир бо таквини риштаҳои чун мардумшиносӣ, равоншиносӣ ва таъриху фарҳанг, абзори муносиби тафсир дар дастрас қарор гирифтаанд. Дуюм он ки, теъдоди зиёде аз паҷӯхишгарон ва муаллимони адабиёт, ҳамчунон ба нақди устура машқуқанд; Зеро дар он, гароишҳои ба сӯйи фирқаҳо ва сеҳру ҷоду мебинанд. Саранҷом он ки, дар байни худ «фуруядгон» ба шеваи устурае ошӯфтагӣ ва ташаннаторо бар сари мафҳум ва таориф вучуд дорад, дилсарқунанда аст ва ин ҳашм ва ҳаёҳӯй сабаб шуда, ки бисёре аз мунтақидони асотирӣ билқувва талошхояшонро маътуфи шеваҳои чун шеваи суннатӣ ё шаклмадорона кунанд, ки равшантар таъриф шудаанд» [Грин, Мабонии нақди адабӣ, сах.168].

Майманат Мирсодикӣ дар бораи бархе аз дидгоҳҳои муҳолифини ин нақд менависад: «Баъзе онро ҷиддӣ талаққӣ намекунанд ва ҳосили онро бисёр муҳолиғаомез ва дӯр аз зехн ва интизоӣ ва дар ниҳоят, маҳсули таҳаюли озоди мунтақид медонанд, ки моҳияти бисёре аз ҳақиқӣ мавҷуд дар асари адабиро қалб мекунад ва онро беш аз нақди адабӣ ба навъи авроди ҷодугарона, ки тавассути мунтақид хонда мешавад, шабех мекунад ва дар ҳақиқат, бештар намоёнгари равоншиносии мунтақид ва олами рӯҳии ўст то нависанда, илова бар он, ҷизе аз арзиши асари хунариро низ ба хонанда нишон намедиҳад» [Майманат Мирсодикӣ, Вожаномаи хунари шоӣ, сах. 269-270].

Дигар аз интиқодҳои қобили зикр дар ин замина, масъалаи қазофат ва арзишгузорӣ аст. Хауф менависад: «Нақди устурагаро арзишгузорӣ намекунад, ин ки фалон асари адабӣ бар бунёни фалон устура аст. Арзиши ҳосе ба асари адабӣ намедиҳад, ҳол он ки осори адабӣ дар марҳаллаи аввал бояд осори бо арзише бошад, аммо нақди устурагаро дар ин боб соқит аст.

Аммо ба назари ман мафҳуми нақди равоншиносӣ ё устурагаро ҷунонки аз исми онҳо равшан мешавад, таҷзияву таҳлил ва тавзеҳи матн бар мабноӣ равоншинохтӣ ва аз дидгоҳи илми асотир аст. Яъне ҳам суҳан аз нақд аст ва ҳам аз устура ва ташреҳу тавзеҳи ҷойгузин арзишгузорӣ шудааст. Ва он вақт мумкин аст, асаре аз дидгоҳи адабӣ чандон ҷоизи аҳамият набошад, аммо аз дидгоҳи баёни асотирӣ муҳим бошад ҷунон ки меъёри азамати як асар, фақат бо масоили адабӣ равшан намешавад.

Интиқоди дигар ин аст, ки ин гуна тавзеҳу ташреҳҳо то чи ҳад бо ҳақиқат мутобиканд? Инҷо баҳс метавонад бисёр муфассал шавад. Ҳамин қадар ишора мекунем, ки набояд ин ҳама дар ин амр васвос дошт. Нақди устурагаро гоҳе фақат як диду навъе тавил аст ва асосан баҳси интибок бо воқеият маҳсусан дар маъноӣ мутаорифаш матраҳ нест» [Шимисо, Нақди адабӣ, сах. 248].

Ҷозеф Камбал доруҳои мухталифиро аз нигоҳи устурашиносон ва мунтақидон меоварад нишон медиҳад, ки илова бар ин ки ҳеҷ қадом шабоҳате ба ҳам надоранд, тафсири онҳо низ номунтазам ҷилва мекунад. Вай дар ин бора менависад: «Ба ҳеҷ унвон назмии ниҳои барои тафсири устураҳо вучуд надорад ва ҳаргиз ҷунин ҷизе ба вучуд нахоҳад омад...; Хуш Мудерн, устураҳо ба

унвони талоши куркӯронаи инсонии бадавӣ дар тавзеҳи ҷаҳон табиат тафсир мекунад (Фрезар); Ва ё онро таҳаюлоту рӯёҳои шоирона медонад, ки аз даврони муқобили таърих омада ва дар аъсои баъд ба дурусти дарк нашудааст (Мюллер); Ва ё онро ганҷинаи тамсилҳои роҳнамо медонад, ки инсонро дар роҳ расидан ба ҷамъи шакл медиҳад (Дуркҳим); ё ин ки устураро хоби ҷамъи медонад, ки нишонгари хостаҳои куҳан- намунаи дар аъмоқи рӯҳи башар аст (Юнг); ва ё онро мураккаби суннатӣ медонад, ки инсонро ба сӯи амиқтарин бинишҳои метофизикӣ меронад (Куморосуомӣ); ва ё онро муқошифоти Худо бо фарзандонаш мешуморад (Калисо).

Устура ҳамаи инҳост. Довариҳои мухталиф аз ҷойгоҳ ва дидгоҳ устура ҷӣ ҳаст, балки бо ин дидгоҳ даврон ношӣ мешавад. Чун вақте ки, устураро ба диққат баррасӣ мекунем, он ҳам на бо ин дид, ки чи тавр амал мекунад, чи тавр дар гузашта хидмат карда ва имрӯз чи тавр метавонад ба ӯ хидмат кунад, устура дар муқобили хостаҳо ва ниёзҳои фард, наҷод ва ё як аср, худро ҳамчун зиндагӣ, посуху ва инъитофпазир нишон медиҳад» [Ҷозеф Камбал, Қаҳрамони ҳазорҷеҳра, сах.383].

Шоёни зикр аст, ки таърифҳои тафсирҳои мухталиф аз устура, баёнгари розолуд ва асроромез будани устура ва ҷаҳони асотирӣ аст. Мунтақиди устура дар пайи он аст, ки бояд бозгушоеи рамзҳои мавҷудро дар он, ба ҷаҳони асотирӣ роҳ ёбад, гарчӣ мумкин аст, ки муваффақ шавад ва воридаи ин ҷаҳон шавад, яъне муваффақ ба кашфи бархе аз асрори асотир аз тариқи фаҳми рамзи он гардад, аммо бояд гуфт, ки ин рамзҳо ҳеҷ вақт тамом намешаванд; ҳар чи мунтақид панҷа дар панҷаи устураҳо бизанад ва рамзҳоро бихонад ва бифаҳмад, боз ба ниҳоят он даст нахоҳад ёфт; зеро хосияти ҷаҳонии устура бениҳоят будани маъноии рамзҳои он аст, ҳаргоҳ рамзҳо тамом шавад ва мунтақид ба кунаҳи он бирасад, ки албатта муҳоли ба назар мерасад, дигар устурае вучуд нахоҳад дошт.

Нақди устураи мунтақидони бузурге аз қабиле Роберт Гриваз, Франсис Фаргсон, Ричард Чиз, Филлип Вилройт, Лесли Фидлер, Муд буд ки ин ва аз ҳама муҳимтар Нортриб фарои дорад, ки дар ҷаҳон машҳур ва шинохта шудаанд, орову дидгоҳҳо ва осори онҳо мавриди таваҷҷӯҳи мунтақидон ва пажӯҳишгарони ин арса ба шумор меравад [Р.К ба: Шимисо, Анвои адабӣ, сах.74, Девид Биданӣ, Устура, намодгароӣ ва ҳақиқат, сах.178].

АДАБИЁТ

1. Исмоилпури Абулқосим. Чамандозҳои нақди устураи// Китоби моҳи адабиёт ва фалсафа, 1382, шумораи 69.
2. Имомӣ Насруллоҳ. Мабони ва равишҳои нақди адабӣ. Техрон, Ҷомӣ, 1378.
3. Бадини Девид. Устура, намодгароӣ ва ҳақиқат. Тарҷумаи Баҳори Мухториён// Аргувон, 1373, шумораи 14.
4. Саминӣ Нағма. Тамшоҳонаи асотир. Техрон, Най, 1387.
5. Равтон Канат Навлаз. Устура. Тарҷумаи Абулқосими Исмоилпур. Техрон, Китоби Маҳноз, 1376.
6. Шафай Кадканиӣ Муҳаммадризо. Сури ҳаёл дар шеърӣ форсӣ. Техрон, Огоҳ, 1370.
7. Шимисо Сирус. Нақди адабӣ. Техрон, Фирдавс, 1383.
8. Камбал Ҷозеф. Қаҳрамони ҳазорҷеҳра. Тарҷумаи Шодӣ Хусравпаноҳ, Машҳад, Гули офтоб, 1388.
9. Грин Вилфред ва дигарон. Мабонии нақди адабӣ. Тарҷумаи Фарзона Тоҳирӣ. Техрон, Нилуфар, 1385.
10. Номвар Мутлак Баҳман. Аз устурашиносӣ то нақди таҳлилӣ. Сайти интернетӣ: www.namvar.wordpress.com

МИФОЛОГИЧЕСКАЯ КРИТИКА

Сегодня в критике существуют различные направления, такие как философское, психологическое и мифологическое. В данной статье автором подвергнуто изучению и исследованию мифологическая критика и приведены ее различные трактовки.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: критика, литературная критика, направления критики, психология, этнография, мифологическая критика.

THE MYTHOLOGICAL CRITICISM

Today in the critic there are various directions, such as philosophical, psychological and mythological. In given article by the author the mythological criticism is subjected studying and research and its various treatments are resulted.

KEY WORDS: criticism, the literary criticism, criticism directions, psychology, ethnography, the mythological criticism.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: *Мустафо Бобоҳони* – аспирант факультета таджикской филологии Таджикского национального университета.

МАДОРИК ВА МАОХИЗИ АСОСИИ «АЛ-УМДА»-И ИБНИ РАШИҚ

У. Юсуфов
Донишгоҳи миллии Тоҷикистон

Ибни Рашиқ хангоми таълифи китоби «ал-Умда» аз як силсила сарчашмаҳо истифода бурда, бо овардани иқтибосот ва истиноди гуногун тавонистааст, ки фанни шеърро дар асари худ чамъбаст намояд. Чунон ки дар фавқ ишора кардем ва саҳафоти китоби «ал-Умда» далели ин андеша аст, ки Ибни Рашиқ аз китобҳои «аш-Шеър ва-ш-шуаро» ва «Маориф»-и Ибни Қутайба, «ал-Баён ва-т-тибён» ва «Ҳайвон»-и Ҷоҳиз, ал-Ҷумаҳӣ, «ал-Ҷамҳара»-и Ибни Дарид, ар-Румма, «ал-Мумтиъ»-и Абдулқарими Нашхалӣ, «Иқду-л-фарид»-и Ибни Абдураббих, Саълаб, ал-Фарроъ, ан-Наҳос, ал-Халил ибни Аҳмад, ал-Асъо, Абиамр, «ан-Наводир»-и Ибни Зиёд ал-Килобӣ, «ан-Нақоиз»-и Абуубайда, «ал-Қавофӣ»-и Ахфаш, «ан-Наводир»-и Абизайд ал-Ансорӣ (тав. тахминан 215 х.), «ан-Набот»-и Абиҳанифа ад-Динаварӣ Аҳмад бинни Довуд (тав. тах. 282 х.), «ал-Бадеъ»-и Ибни Муътаз, «ал-Комил»-и Абилаббоси ал-Мубаррад (тав. санаи 286 х.), «ал-Варқа»-и Муҳаммад бинни Довуд ал-Ҷироҳ (тав. тахминан 292 х.), «Нақду-ш-шеър»-и Қуддома бинни Ҷаъфар ал-Бағдодӣ (тав. 320 х.), Муҳаммад бинни Яҳё ас-Сулӣ (тав. санаи 335 х.), «ал-Анвоъ»-и Абилқосим Абдурахмон бинни Исҳоқ аз-Зучҷоҷӣ (тав. тахминан 337 х.), «ал-Мувозана»-и Ибни Бишри Омадӣ, Руммонӣ, «ал-Кашф ӯан мусовиу-л- Мутанаббӣ» ва аз «Хуллату-л-муҳозара»-и Ҳотамӣ, Ибни Ҷиннӣ, «ал-Воситат»-и Қозии Ҷурҷонӣ, Ибни Вақӣи ат-Тунисӣ ва «Арузу-л-варқа»-и Ҷавҳарӣ ва «ат-Тамсил» ва «ал-Муҳозара»-и Абумансури Саолабӣ истифода намудааст.

У бештар ба китоби «ал-Бадеъ»-и Ибни Муътаз (861-908) таъя карда, аз он 25 маротиба иқтибос кардааст. Дар ҷои дуввум рисоили Қозии Ҷурҷонӣ (15 маротиба) ва ал-Ҳотамӣ (15 маротиба) меистанд. Ба навиштаҳои ар-Руммонӣ -14 маротиба, Асмаъӣ -8 маротиба, Абдулқарими Нашхалӣ - 8 маротиба, Ҷоҳиз 5 маротиба, Мубаррад, ан-Наҳҳос, Қуддома (4 маротибагӣ) Саълаб, Ибн ал-Арабӣ, Алӣ ибни Вақӣ, Сулаймон ал-Ахфаш, ас-Сулӣ (3 маротибагӣ), Ибни Қутайба, Абуамр ибн Ала, Фарроъ, Халил ибни Аҳмад, Ибни Дурайд (2 маротибагӣ) ва олимоне чун Ибни Абдураббих, Ибни Ҷиннӣ, Абуубайди Аскарӣ, Абуҳилоли Аскарӣ ва дигарон як маротиба истинод кардааст.

Ибни Рашиқ хангоми истифодаи иқтибосот ва андешаҳои олимону шоирон ҳатман номи муаллифро ба тариқи зайл «Ҷоҳиз меғӯяд, ал-Ҳотамӣ ё ал-Ҷумаҳӣ ривоят мекунад ё ба қавли Ибни Қутайба... ва амсоли ин» зикр карда, ҳамзамон бо ин андешаҳои худро низ баён месозад.

Барои муқоиса ва муқоранаи гуфтаҳои Ибни Рашиқ ва Ибни Қутайба чанд мисол меоварем, монандии афкори онҳоро ифода месозад:

Ибни Рашиқ иртиботи лафз ва маъниро монанди «робитаи ҷисм ва рӯҳ» медонад.

Ибни Қутайба ин иртиботро ба «булӯр ва корд» шабоҳат медиҳад.

Ибни Рашиқ асоси сохтмони қасидаро, ки «бо насиб ва гиря бар атлол ва сипардани биёбонҳо бар тахтапушти ушғурон оғоз мешавад», рад намесозад, вале онро бо вазъи замони худ муносиб намедонад. Ба ақидаи Ибни Рашиқ муҳити зисти шоири дарбори асри XI нисбат ба шоири замони ҷоҳилият дигар шуда, биёбонҳоро дар ашъораш хоб мебинад ва дар тасвири воқеият дурӯғ меғӯяд, матлуб нест. Аммо Ибни Қутайба биёбонро макони ба вучуд омадани шеър ва парваришгоҳи шоир медонад ва «биёбону ушғур ва атлолу димна»-ро сифат месозад, зеро ба ақидаи ӯ иҷтимоӣ шеър бо шоир робитаи ногуастаи дорад. Ибни Қутайба, шоире, ки соҳиби шутур нест, ӯро шоир ҳисоб намекунад ва ришханду масҳара менамояд.

Ба андешаи Ибни Қутайба шоир пас аз эҷоди шеър бояд ба навиштаи худ таҷдиди назар намояд ва норасоиҳои навиштаашро ислоҳ сохта, онро бо пирояи нав ва мучалло дар биоварад, чунон ки ин амалро Ҳатияи шоир анҷом додааст. Айни ҳамин маънӣ дар китоби Ибни Рашиқ низ ба мушоҳида мерасад.

Асари Ибни Қутайба дар асри 9 мелодӣ навишта шудааст ва бозгӯи вазъи иҷтимоӣ ва фарҳангии замони худаш мебошад. Бояд гуфт, ки Ибни Қутайба идиомадиҳандаи мактаби Ибни Муътаз буда, арабҳоро мубтакири илми балоғат ва шеър медонад. Вале Ибни Рашиқ дар муқоиса бо асарҳои замони гузашта ва муосири худ ҷанбаҳои гуногуни илми шеърро амиқ омӯхта, баъдан ба натиҷаи ниҳой мерасад.

Ҳамзамон меҳодам як нуктаро хотирнишон созам, ки ба андешаи олимони Эҳсон Аббос ва Фаррух Умар рисолаи «ал-Умда»-и Ибни Рашиқ дар пайравии «Китобунмумтиъ»-и Абдулқарими Нашхалӣ навишта шудааст. Онҳо таъкид месозанд, ки Ибни Рашиқ хангоми тадвини асараш, ҳатто унвони фаслҳояшро айнан аз навиштаи Абдулқарими Нашхалӣ аҳз кардааст.

Ибни Рашиқ ҳарчанд унвони фаслҳоро аз «ал-Мумтиъ» гирифта бошад ҳам, вале масъалагузорӣ, тарзи баён андеша ва банду басти «ал-Умда» тафовути хеле зиёд дорад. Ба ин маънӣ, метавон рисолаи Ибни Рашиқро ҳам тазкира ва ҳам доиратулмаорифи адаби номид.

Дар баробари ин, Ибни Рашиқ аз Қуръони шариф ва аҳодиси набавӣ ва эҷодиёти шоирони ҷоҳилӣ то рӯзгори хеш истифода карда, онҳоро нақд баррасӣ мекунад. Муаллиф хангоми таснифи фанни балоғат 57 маротиба ба Қуръони маҷид истинод мекунад ва 10 маротибаи дигар аз аҳодиси набавӣ истифода мебарад. Зеро эҷози каломии Худо ва паёмбари ислом аз бузургтарин намунаҳои

балоғати арабӣ маҳсуб меёбанд. Вале дар маҷмӯи олим ба насри арабӣ ва ривочи он кам аҳамият дода, дар ҳама ҳолат ҷойгоҳи назмро бар наср баланд медонад. Танҳо ҳангоми таснифи бобҳои муқобала ва тақсим ба иқтибосоти насри истинод менамояд. Дар баъзе мавридҳои дигар аз гуфтори котибон ва хатибон низ истифода менамояд.

Азбаски таҳқиқи Ибни Рашиқ ба назм мансуб аст, ӯ бештар ба каломии мавзун таваҷҷӯҳ дошта, дар рисолаи худ дар бораи зиёда аз 200 нафар шоири замони ҷоҳилия, садри ислом, уммавӣ, аббосӣ ва муосирони худ маълумот додааст. Илова бар ин, аз ашъори худ намунаҳои зиёд оварда, бад-ин васила мавҳибати ҳунари шоирии худро ба намоиш мегузорад.

Иқтибоси намунаҳо аз эҷодиёти шоирон мувофиқи шарҳу табсираи мавзӯи ҷойгузин шудааст. Барои мисол, аз ашъори Имрулқайс дар боби «ташбех» 8 маротиба ва боби «тақсим» 2 маротиба шохид меоварад. Дар боби «таҷнис» 12 ва боби «ташбех» 4 намунаи ашъори Абӯтаммомро ёд кардааст. Ҳангоми тадвини фанни бадеъ бештар ба ашъори Мутанаббӣ рӯй оварда, дар аксари ҳолат ҷойгоҳи шеърӣ ўро ҳам шаклан ва ҳам мазмунан аз навиштаҳои шоирони дигар болотар медонад. Ва қариб ҳазор сол инҷониб ҳанӯз ин гуфтаи Ибни Рашиқи Қайрувонӣ дар бораи якчанд нафар бузургони адаб, бахусус Мутанаббӣ пажвok ва эътибори ҳоса дорад: «Дар миёни муваллидон касе ба шӯҳрати Ҳасани Абунувос нест. Сипас Ҳабиб (Абӯтаммом Ҳабиб бинни Авс) аст ва Бухтурӣ. Гуянд ин ду дар рӯзгори худ сабаби гумном мондани панҷсад шоир буданд, ки ҳамагӣ тавоно буданд. Пас аз ин ду нафар ба овозаву шӯҳрат Ибни Румӣ ва Ибни Муътаз аст. Ном ва овозаи Ибни Муътаз ҷунон шуд, ки номи Ҳасан дар миёни муваллидон ва номи Имрулқайс дар байни пешиниён. Камтар касе аст, ки ин се тан (Абунувос, Абӯтаммом ва Бухтурӣ)-ро нашиносад. Сипас, Мутанаббӣ омад: ҷаҳонро пур кард ва мардумро ба худ машғул дошт».

Бешак, Мутанаббӣ саромади эълони шеър дар забони арабӣ ва нобиғаи бебадали шеър мебошад. Маъруфияти ягон шоири араб ба пояи шӯҳрати ӯ, ҷӣ дар замони зиндагӣ ва ҷӣ пас аз марги ӯ нарасидааст. Ба ин хотир, Ибни Рашиқ низ ба ашъори Мутанаббӣ пайравӣ карда, баъзан баъзе мисраҳои шоири мазкурро бидуни нишон додани сарчашма ҳамчун моли худ истифода кардааст. Ибни Рашиқ аз рӯи ихлос ва эътиқод танҳо дар бобҳои марбут ба фанни бадеъ аз ашъори Мутанаббӣ 58 маротиба ёдовар шудааст. Бо дарназардошти ин нукта, мо дар зер рӯихати шоиронро зикр менамоем, ки Ибни Рашиқ ба онҳо таваҷҷӯҳи бештар дошта, ашъори онҳоро меписандидааст:

Аз шоирони замони ҷоҳилия:

Ҷалил ал-Узрӣ – 3 намуна, Кусайир- 8 намуна, Имрулқайс- 10 намуна, Зу-р-Рума- 20 намуна, Ахтал- 6 намуна, Фарздақ- 10 намуна ва Ҷарир-14 намуна;

Аз шоирони давраи аббосӣ:

Абунувос –28 намуна, Абӯтаммом- 38 намуна, Ибн ар-Румӣ-11 намуна, Ибни Муътаз -18 намуна, Мутанаббӣ- 58 намуна.

Аз шоирони ҳамасраш:

Аз Абулғало ал-Маъаррӣ як намунаи шеърӣ ва ҳомиву сарпарасташ Абулҳасан Алӣ ибни Абириҷол (Абенрагел) қариб 10 намунаи шеърӣро иқтибос кардааст. Меҳоҳам як нуктаро хотирнишон созам, ки дар мавриди шоирони Андалус ӯ бештар дар китоби «Анмузач» таваққуф карда, бад-ин сабаб дар рисолаи мазбур нақду баррасии ашъори ҳамасронаш кам ба назар мерасад.

Муаллифи «ал-Умда» дар таърифи санъатҳои бадеӣ ба шеърӣ шоирон истинод карда, инчунин онҳоро ҳамчун намунаи олии назм (муҳассанот) ва дорои нуқсонҳои шеърӣ (муайябот) истифода мебарад. Дар ин хусус шоироне, ки номашонро дар фавқ зикр кардем, истисно нестанд. Масалан, дар ин байти Башшор ибни Бурд санъати истиора нодуруст қорбасти гардида, мавриди нақӯҳиши муаллиф қарор гирифтааст:

«Шамшери ҳичрон гардани пайвастро аз тан ҷудо кард,

Ва пойҳои ҷудой пойафзорро буридан, ки чарми он аз рухсораҳоям буд».

Ба андешаи Ибни Рашиқ истилоҳи «пойҳои ҷудой» вазиғаи истиораро адо менамояд, вале дар зоти худ он ягон маъноеро ифода намесозад.

Дар ин раҳгузар, меҳоҳам чанд нуктае андар боби татаввурӣ нақди адабӣ ва саҳми Ибни Рашиқ дар равнақи онро зикр намоям. Дар асри XI мелодӣ ду асари боарзиши нақди адабӣ вучуд дорад, ки аввали ба қалами Ибни Муътаз ва дуввуми дар тасни Ибни Рашиқ мебошад. Мо дар боби аввал роҷеъ ба хусну қубҳи китоби «ал-Бадеъ»-и Ибни Муътаз андешаҳои худро иброз доштем. Вале бояд иқрор намуд, ки аввалин поягузори нақди илмии араб Ибни Қутайбаи Динаварӣ маҳсуб меёбад. Ӯ дар китоби «аш-Шеър ва-ш-шуаро» дар ҳаҷми 60 саҳифа дар бораи хусну қубҳ ва зебову навоқиси шеърӣ арабӣ баҳс мекунад, ки олимони баъдӣ дар кутуби хеш ин амали Ибни Қутайбаро меъёр қарор дода, андак-андак ба паҳлуҳои гуногуни шеър назар андохтанд, то он тақмил ёфт ва як рукни нақди шеърро имрӯз низ ифода месозад. Тақрибан пас аз 200 сол Ибни Рашиқ бо китоби «ал-Умда фӣ маҳосин-ш-шеърӣ ва одобихи ва нақдиҳи» ба майдони нақд ворид шуд, барпо кард. Ҷунон ки Р.

Николсон дар ин маврид мефармояд: «нақди адабиро аз ҳадди муқаддима ва тавзеҳи зимнӣ ба дарачаи мактабӣ (яъне илмӣ У. Ю)-и муътабар ва лоиқи иноят кашид ва худ силсилаҷунбони асри ҷадид дар ин замина шуд». Умдатарин бардошт аз китоби «ал-Умда» ин пояи илмии нақди арабӣ мебошад, ҳарчанд дар дохили он ривоятҳои ҳикоят ва айёму ансоби арабӣ хеле зиёд ба мушоҳида меравад. Вале сарфи назар аз ин назариёт Ибни Рашиқ бар мавозини нақдӣ истинод мекунад, ки ҳамон моёи нақдӣ аст.

Илова бар ин, Ибни Рашиқ дар китобаш саноеи бадеӣ, улуми маонӣ ва бадеъ, айёму ансоб, нақлу ривоятро хеле устодона ҷойгузин карда, аз пешиниён ба ҳадде пеш рафтааст, ки дарвоқеъ уро метавон муассиси мактаби нақди адабӣ дар Мағриб гуфт.

Доктор Умар Фаррух дар фасли «Нақди адабӣ ва гуфтори Ибни Рашиқ роҷеъ ба вучӯҳи маданият ва хусусиёти фаннӣ дар Мағриби Ифриқӣ»-и китоби «Таърихи адабиёти араб» дар хусуси таҳаввул ва татаввурӣ нақди адабии Андалус мегӯяд: «Дар ин аср наққодони маъруф бархостаанд, ки яке аз онҳо Ибни Рашиқ Қайрувонӣ мебошад. Ӯ бештар дар таълифоти нақдии худ ба асари Абдулқарим Нашхалии Қайрувонӣ (ваф. 405 х. қ.) пайравӣ кардаст. Ҳамзамон бо ин Ибни Рашиқ дар таснифи рисолаи «ал-Умда фӣ синоати-ш-шеъри ва нақдихи» аз якҷанд равияҳои нақдӣ, ки ба Мағриб ворид шуда буданд, баҳра бурдаст.

Бахусус аз рисолаҳои марбут ба нақди адабӣ чун «Шарҳи девони Мутанаббӣ»-и Абулқосим ибни Афилӣ (ваф. 441 х.), Ибни Ҳазми Андалусӣ (ваф. 456 х.), «ал-Мухкам» ва «ал-Мухассис»-и Абулқасани Сайида (398-558 х.), «Шарҳи шоирони шашгонаи ҷоҳилӣ»-и аш-Шантамро (ваф. 476 х.), «Ҷузвату-л-муқтабис» ва «Сабилу ила таъаллами-т-тарси»-и Муҳаммад ибни Футӯҳ ал-Ҳамидӣ (ваф. 488 х.), шуруҳи гуногуни Абубакр Осим ибни Айюб ал-Батлиявӣ (ваф. 494), «ал-Интисор мимман ʻадала ʻани-л-истибсор» ва «Шарҳу сикта-з-занд (дар бораи Абуъало Маъаррӣ), ки ҳамаи онҳо андалусӣ ва дорои мулоҳизот ва оро дар нақди луғавӣ ва нақди наҳвӣ ва нақди баънии рангоранг буданд, истифода кардааст».

Бояд гуфт, ки таҳаввул ва татаввурӣ нақди адабӣ дар Мағриб ва Андалус аз таълифоти Ҳамидӣ оғоз меёбад, зеро сабқу сиёқи ӯ ба услуби нақди адабӣ наздик буд. Муҳаммад ибни Футӯҳ ал-Ҳамидӣ котиб дар фунуни номанигорӣ ва тарассул ба камолӣ устодӣ расида, дар таълифоти худ бештар ба нақди адабии илмӣ тавачҷӯҳи хоса дошт ва нақди ӯ бозгӯи вазъи адабиёти замонаш буд.

Дар Мағриб низ ба монанди Машриқ мавзӯоти ашъори шоирони замони ҷоҳилия, оғози ислом ва давраи хилофоти аббосиёну уммавиён таъсири зиёд дошта, бо кӯшиши шоирони ин хавзаи адабӣ ҳамон нақлу ривояти шеър, ҷаълу интиҳоб, такрори ташбеҳот ва таркиботи ашъори шоирони пешин ва суварӣ ҳаёли шуароӣ асри ҷоҳилӣ, бозёфтҳои шоиронаро фаротар аз биёбон бо рангу бори дигар тасвир намуданд. Яке аз сабабҳои таҳаввули нақди адабӣ дар Андалус ва Мағриб навгонҳои фунуни шеър буд, ки мунтақидони адабиётро водор кард ба адабиёт бо диди дигар назар намоянд ва бо доварӣ ва қазовати фикрии нав ба майдони адабиёт ворид шаванд.

Вале нуктаи муҳим ин аст, ки дар баробари рушди бовусъати адабиёт ва нақди адабии Мағриб ва Андалус ҳеҷ қадоме аз онҳо ба ҷойгоҳ ва манзалати китоби «ал-Умда»-и Ибни Рашиқ расида натавонист.

АДАБИЁТ

1. Абуалӣ ал-Ҳасан ибни Рашиқ ал-Қайрувонӣ ал-Аздӣ. Ал-Умда фӣ маҳосини-ш-шеъри ва одобиҳи ва нақдихи, Бейрут, нашрияти Дору-л-ҷил, таъбиғанҷум, 1401х/1981 м. Бо таҳқиқ ва эҳтимоми Муҳаммад Муҳиддин Абдулқамид. Ҷилди 1, с. 124.
2. Ибни Қутайба ад-Динаварӣ. Аш-Шеър ва-ш-шуаро. Қоҳира. 1950. с. 10.
3. Ибни Рашиқ, Ал-Умда. ҷилди 1, с. 230.
4. Ибни Қутайба. Аш-шеър ва-ш-шуаро, с. 22.
5. Ибни Қутайба. Аш-шеър ва-ш-шуаро, с. 23.
6. Ибни Рашиқ, Ал-Умда. ҷилди 1, с. 200-201.
7. Аббос Ихсон. Таъриху-н-нақди-л-адаби ʻинда-л-араб. Бейрут, 1971. с. 443; ҳамон Таъриху-л-адаби-л-Андалусӣ. Ҷ. 1-2. Бейрут, 1960-1962, с.75; Фаррух Умар. Таъриху-л-адаби-л-араб, Бейрут, 1998. ҷ. 8. с. 552
8. Ибни Рашиқ, Ал-Умда. ҷилди 1. с. 61-62.
9. Ибни Рашиқ, Ал-Умда. ҷилди 1. с. 271.
10. Николсон Роналд. Таърихи адабиёти араб. Техрон, 1380, интишороти Донишгоҳи Техрон. Тарҷимаи Кайвондухти Кайвонӣ. с. 419-420.
11. Фаррух Умар. Таъриху-л-адаби-л-араб, Бейрут, 1997. ҷ.4. ал-Адаб фӣ-л-Мағриб ва-л-Андалус мунзу-л-фатҳи-л-исломия ила охири асри Мулукутавоиф. Дору-л-илми-л-лал-малойин. Чопи ҷаҳорум. с. 409-410.
12. Аббос Ихсон. Фуусу-л-фусун. Бейрут, 1983. с. 80-120.

ОСНОВНЫЕ ИСТОЧНИКИ «АЛ-УМДА» ИБН РАШИКА

Всемирная слава Ибн Рашика прежде всего связана с книгой «Опора в красотах поэзии, её наука и критика». Ибн Рашик обобщил все аспекты красноречия, риторики и поэтической речи, также стихотворную систему и рифму, историю и мифологию арабов

доисламского периода до XI века. Другими словами, он является энциклопедией арабской литературы и одним из достоверных источников исследования литературы того времени. Следовательно, автор в этой статье попытался по отдельности выявить источники и заимствования, служившие для Ибн Рашика как сведения и показать их научные стороны.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Ибн Рашик, аспекты красноречия, риторика, поэтическая речь, книга «Опора в красотах поэзии, её наука и критика»

SOURCES OF THE “AL-UMDA” OF IBN RASHIQ

Worldwide glory to the Ibn Rashiq first of all associated with the book “Bearing of the poetry, its sciences and critics”. Ibn Rashiq generalized all aspects of oratory, rhetoric and poetic speech, also written system and rhyme, history and mythology of pre-Islamic Arab period till XI century. In other words, he was encyclopedia of Arabic literature and one of the reliable sources studying literature of that period. Therefore, author in this article attempt separately reveal source and holdings, serving to Ibn Rashiq as a information and show their scientific side.

KEY WORDS: Ibn Rashiq, aspects of eloquence, the rhetorician, poetic speech, the book «A support in beautiful poetry, its spider and the critic»

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: У. Юсупов - аспирант кафедры арабской филологии факультета востоковедения Таджикского национального университета.

ҚОФИЯ ДАР ҒАЗАЛИ АСРИ Х

Шокириён Муҳаммадҷонус
Донишгоҳи миллии Тоҷикистон

Назми халқҳои форсибазонон дар тӯли таърихи беш аз сеҳазорсолаи худ сарвати гановатманде дар қолаб ва қавонини шеър боқӣ гузоштааст.

Ба тахмин, агар оғози шеъри дариро, ки бо қавонини вазни арӯз эҷод гардидааст, баъд аз истилои араб махсуб донем ҳам, давраҳои басо куҳанеро сипарӣ намудааст. Дар ин муддат оид ба вазни арӯз ва илми қофия асарҳои бешуморе ба миён омадаанд. Бино ба маълумоти муаллифи «Тарҷумонулбалоғ»-и Родуёни мутафаккирони барҷастаи асри Х-и форсу тоҷик Шуштарӣ ва Абуҷоф аз зумраи нахустин фозилоне мебошанд, ки дар баҳши қофия ва арӯз ба забони тоҷикӣ асарҳои арзишманде таълиф кардаанд. Дар ин бобат Муҳаммад Родуёни чунин ишора дорад:

«Чунин гӯяд Муҳаммад Умар Аррудиёни, ки таснифро бисёр дидам, мар-донишиён ҳар рӯзгореро андар шарҳи балоғат ва миёни аҳли саноат ва он чи аз он хезад ва ба вай омезад чун арӯз ва маърифати алқобу қавофӣ ҳама тоъӣ дидам ва фоидаи вай як гуруҳ мардумро махсус дидам ва магар арӯз, ки Абуҷофу Абулғалои Шуштарӣ ба порсӣ кардаанд» (6, 15)

Агарчи то имрӯз оид ба фанни арӯз якҷанд асарҳои гаронбаҳо ва қобили тавачҷӯх ба монанди «Меърулашъор»-и Насриддини Тусӣ, «Тарҷумонулбалоғ» навишта шудаанд, ҳамаи онҳо дар асоси усули Халил ибни Аҳмад, (муҳаққиқи араб, ки 15 баҳро эҷод намудааст,) навишта шудааст.

Манбаи дигари мӯтамаде, ки доир ба қофия ба мо маълумоти саҳеҳ медиҳад, «Алмӯъҷам фи маъирул ашъорулаҷам»-и Шамс Кайси Розӣ аст, ки мавриди истифода қарор додем. Баъдан маъҳазӣ муҳим «Рисолаи қофия»-и Абдурахмони Ҷомӣ ва «Қофия дар назми тоҷик»-и Баҳром Сирус мебошад.

Дар бораи ашъори форсию тоҷикӣ истифода карда тавоништан дар арӯзи арабӣ муҳаққиқи эронӣ Парвиз Хонларӣ ба тариқи мухтасар чунин қайд кардааст: «Чун арӯз ба Эрон расид, донишмандони Эрон нахуст онро айнан иқтибос карданд, аммо ба тадриҷ дарёфтанд, ки забони форсӣ ихтисосот ва заруриёти дигареро дорад. Пас, қавоиде бар он афзуданд ва нукоте костанд» (6, 259)

Олим ва шарқшиноси маъруфи рус Е.Э. Бертелс дар бораи таърих ва инкишофи қофия мулоҳизаронӣ намудааст. Вай дар як асари илмӣ худ «Таърихи мухтасари адабиёти форсӣ» дар қатори дигар масъалаҳо ба ин масъала-қофия даст задааст. Дар бораи вазъияти назми тоҷик дар замони пеш аз истилои араб таваққуф намуда, ба ин фикр омадааст, ки гуё дар шеърҳои китобатии он давраи тоҷик қофия вучуд надоштааст; ба иборати дигар, гуё арӯз ва қофия ба назми мо аз арабҳо гузашта бошад.

Мусаллам аст, ки ашъори шуарои давраи Сомониён дар асоси қонунҳои арӯз сохта шудаанд ва қофия низ доранд.

Муҳаққиқони адабиёти форсии дарӣ-тоҷикӣ дар хусуси шеър, вазн, хусусан қофия ва мақоми он фикру мулоҳизаронӣ намудаанд. Онҳо вақти навиштани шеър доир ба қофия ва таҳлили вай дар навбати аввал ҳичро аз «ҳарф» устувор мекарданд ва ба садонокҳои дароз ва кӯтоҳ диққат медоданд. Дар ин бора Нисорӣ чунин мегӯяд: «Қофия ҳарфи чандест, дар охириҳои байт дар алфози мухталифа оранд, ки дар охири абёт ба ғайри истиқлоли ҳуруф воҷиб аст» (3, 21)

Аз ин чо ошкоро дида мешавад:

а) тахлили қофия аз ҳичо не, аз ҳарф оғоз мешавад;

б) муаллиф дар калимаҳои гуногун айнан такрор шудани қофияро таъкид менамояд;

в) қофия аломати зарурии шеър шуморида мешавад.

Албатта, нақши қофия пас аз вазн калон аст. Қофия бо мусиқии шеър обурани тоза мебахшад, вале вазифааш пояи асосии шеър нест. Қофия фақат ба он дараҷа аҳамият дорад, ки мазмун, шаклро таъин кунад ҳам, нақл низ дар навбати худ воситаи ифокаи мазмун аст ва ба ин маънӣ фаъол аст.

Дар ғазал байтҳо мазмунан пайхам нестанд. Мазмуни ҳар байт ба байти дуом намегузарад, яъне ҳар як байт ба сари худ мустақил аст. Сабабаш дар он аст, ки қофияҳо шаклан ҳамранг бошанд ҳам, маънан аз ҳамдигар дур мебошанд.

Ин чо сухан дар бораи фикру ақидаҳои муҳаққикон доир ба қофия рафт, акнун мепардозем ба маъно ва мазмуни он

Қофия аз калимаи арабии қофият ба забони мо омадааст ва маъноӣ аз пай равандаро дорад. Дар забони тоҷикӣ калимаи пасованд (яъне пасванд) низ ба маъноӣ қофия кор фармуда мешавад.

Пасовандро бо маъноӣ пасоянд – чӯзӣ охири калима, ки маъноӣ онро дигар мекунад, низ кор фармуда мешавад. Намуна аз Лабибӣ:

Ҳама ёва, ҳама хому ҳама суғ,

Маъноӣ аз чакома то пасованд. (3, 16)

Қофия чӯзӣ шакли шеър аст ва дар гузашта шеършиносон маъноӣ вазифаи онро дар қолаби таърифи умумии шеър баён кардаанд. Бо ин сабаб, таъриферо, ки Шамси Қайси Розӣ дар китоби «Алмуъҷам...» додаст, меорем ва вазифаи қофияро дар таркиби мафҳуми шеър маълум менамоем:

Бидон, ки шеър дар асли луғат дониш аст ва идроки маонӣ ба ҳадси соиб ва андеша ва истидлоли рост ва аз рӯи истилоҳ сухане андешаи мураттаби маънавӣ, мазмуни мутақаррар, мутасавви хуруфи охиринаи он ба яқдигар монанд ва дар ин ҳад(д) гуфтаанд: сухани мураттаби маънавӣ, то фарқ бошад миёни назму насри мураттаби маънавӣ, мазмуни мутақаррар, муталовии хуруфи охиринаи он ба яқдигар монанд ва дар ин ҳад(д) гуфтаанд: сухани мураттаби маънавӣ, то фарқ бошад, миёни шеър ҳазён ва каломии нумураттаби бемаънӣ... Ва гуфтаанд: «Хуруфи охиринаи он ба яқдигар монанд, то фарқ бувад миёни муқоффо ва ғайримуқоффо, ки сухани беқофиятро шеър нашуморанд, агарчи мавзун афтад». (2, 161)

Аз ин чо маълум мешавад, ки қофия хуруфи охиринаи ба яқдигар монанди охири байтро меғунд. Муҳимтар аз ҳама, ки ба фикри Қайси Розӣ «сухани беқофиятро шеър нагуфтаанд». (2, 165) Калимаи айнан такроршуда ҳам қофият нест.

Дар ҳар як давру замон, дар соҳаҳои гуногуни илм як тағйирот ё навигарие ба миён меояд. Инчунин дар соҳаи адабиёт низ доир ба санъатҳои шеърӣ дигаргунӣ ба монанди шеъри сафед ба вучуд омад, ки бисёр шоирон ба он даст заданд, яъне дар эҷодиёти худ истифода бурданд.

Ҳоло шеъри беқофия - шеъри сафед (озод) пайдо шудааст, ки писанди ҳамагон нест

Қофия аз ҳарфҳои решагии калима сохта шудааст.

Ҳарфҳои бо ҳам мувофиқи қофия, ба ғайр аз ҳарфи дохил, аз аввал то ба охири ғазал ё қасида бояд дигар нашаванд. Ҳамин тавр, калимаи қофия охири калимаи асли ва такрорнашавандаи байти шеър аст. Ёдовар мешавем, ки дар калимаи қофия миқдори муайяни ҳарфҳо такрор мешаванд, на худӣ калимаҳои бутун.

Илми қофия фанни махсуси шеършиносӣ, чӯзӣ илмҳои адаби мебошад. Вай хусусият ва аҳволи навҳои қофияи шеърро меомӯзад, ташаккули анвои онро мувофиқи низомии қофия муайян мекунад ва арзиши хунарӣ ва эстетикӣ қофияро дар эҷоди бадеӣ, сохти онро дар таърихи шеър ва адабиёти дигар ақвоми ҷаҳон таҳқиқ менамояд.

Сохти қофия бошад, ба қонунҳои савтиёт (фонетика) ва суннатҳои адабии ҳар адабиёт вобаста аст.

Вазифаҳои бадеии қофия аз он иборат аст, ки қофия мустақиман дар ҳамбастагӣ бо радиф ба шеър дар худуди як байт ва дар тамоми шеър ягонагӣ медиҳад. Дар байтҳои зерини шуарои асри X, ягонагии байт ба воситаи қофия ва ягонагии қофияро радиф ба назар мерасанд:

Хиромидани кабк бинӣ ба шах,

Ту гӯӣ, ки дебо фиғандаст нах,

(2, 47)

Ҳама чиз пири пазирад, бидон,

Магар дӯстӣ, к-он бувад ҷовидон.

(6, 61)

Гӯянд сабр кун, ки туро сабр бар диҳад,

Оре, диҳад, валек ба хуни ҷигар диҳад.

(2, 318)

Дар шoми ғами хеш марo субҳи умед аст,
Гар нақши нигин тира бувад, ном сафед. (6, 319)

Қoфия дар шеър фақат вазифаи ба вучуд овардани шакли шеърро надорад. Шоир бо зарби шеър ва қoфия андеша меронад, мазмуни суҳанро ба талаби маънои калимаи қoфия мувофиқ мекунад. Масалан:

То кай қунадӯ хорам, то кай занадӯ шангам,
Фарсуда шавам охир, гар оҳану гар сангам. (2, 81)

Баъзан бо талаби қoфия сабаби ба вучуд омадани суҳане тоза, ташбеҳу тавсияҳои нав шуда метавонад. Санъатҳои шеърӣ вазну қoфия имконият медиҳад, ки ҳатто шахсони аз завқи суҳану таъби эҷодӣ дур шеър гуфта бошанд. Ин гуна қасон дар гузашта кам набуданд ва имрӯз ҳам дар миёни шоирону ҳавасмандони назм ҳастанд.

Дар адабиёти халқҳои олам анвои шеърро бо роҳҳои гуногун муайян мекунад. Масалан, дар адабиёти Юнони Қадим навҳои шеърро аз рӯи вазни онҳо таъин менамуданд. Дар шеъри форсӣ – тоҷикӣ ва арабӣ навҳои шеърро аз тарзи қoфиябандӣ муайян ва тасниф кардаанд. Дар ин хусус хангоми гуфтугӯ дар бораи навҳои асосии шеъри форсӣ-тоҷикӣ таваққуф мекунем. Ҳоло ҳаминро меӯем, ки дар шеъри мо ду навъи қoфия асос шудааст:

Якум, ҳамқoфия омадани ду мисраи шеър, яъне байт, ки воҳиди асосии шакли маъноии шеър аст. Намуна аз Иморай Марвазӣ:

Ба чанги саъдиёнаю бо булӯри шароб,
Омад ба хони чоқари худ хоча бо савоб. (2, 91)

Дуюм, дар байт мисраи якум аз қoфия озод ва мисраи дуюм бо қoфияи умумии шеър мувофиқ аст. Барои он ки мувофиқат доштани қoфия дар абёти шеър маълум шавад, ду байт шеъри шоираи асри X- Робеаи Қаздориро мисол меорем:

... Барои чашми ҳар ноаҳл гӯй,
Аруси боғро шуд чилвагар бод.
Аҷаб, чун субҳ хуштар мебарад хоб,
Чаро афканд гулро дар сахар бод.

Аз истифодаи яке аз ин шакл ва таносубшон ном ва шакли анвои шеър маълум мешавад. Дар ғазал ва қасида байти аввал ҳамқoфия ва дар абёти баъдӣ мисраи дуюм бо он дар қoфия мувофиқ меоянд. Дар дигар навҳои шеър ҳам дар таркибу низоми гуногун ҳамин ду шакли қoфия истифода шудаанд.

Дар хотима, бояд зикр намуд, ки чунин бо як тарзи қолабӣ (формалистӣ) қoфия кардани қoфия, ба адибон имконият намедод, ки дар хусуси муҳимтарин ва пурбаҳотарин вазифаи қoфия – дар бораи нақши ташкилкунандагии қoфия ва аҳамияти маънобахши он дар шеър тадқиқоти илмӣ гузаронанд.

Адабиётшиносони асри миёнаи тоҷик айнан такрор шудани ҳарфҳоро дар қoфия талаб карда, пешрафти ин соҳаро маҳлуд мекарданд, аз ин сабаб шеър аз ҷиҳати мазмун зарар меид.

Фикри банда чунин аст, ки шеъри беқoфия шеър нест, лекин як низоми эҷодӣ шеър ҳатмӣ аст.

А Д А Б И Ё Т

1. Аристотел, Форобӣ, Ибни Сино, Ибни Рушд, Насриддини Тусӣ – Фанни шеър (Танзим, тасҳех ва тавзеҳоти Ш. Хусейнзода, Х. Шарипов) Душанбе: Ирфон, 1985 – с. 190.
2. Шамс Қайси Розӣ – Ал-муъҷам. (Тавзеҳоти У. Тоиров). Душанбе: Адиб, 1991, с. 464.
3. Сирус Б. – Арузи тоҷикӣ, Душанбе: Нашриёти Давлатии Тоҷикистон, 1963. с. 256.
4. Сирус Б. Қoфия дар назми тоҷик. Нашрдавтоҷ, Сталинобод, 1955. с. 18.
5. Ашъори ҳамасрони Рудақӣ А. Мирзоев Нашрдавтоҷ. Сталинобод, 1958. с. 99.
6. Рудақӣ. Девони одамушшуаро Абуабдуллоҳи Рудақӣ. Пажӯҳишгоҳи фарҳанги форсӣ-тоҷикӣ, Душанбе 2000, с. 190.
7. Парвиз Хонларӣ. Таҳқиқи интиқодӣ дар арузи форсӣ ва ҷиғунагии таҳаввули авзони ғазал, Техрон, 1327 х, с. 259.
8. Урватуллои Тоир, Саидмуроди Саидалӣ. Омуси қoфия ва арузи шеъри Аҷам, Душанбе: Ирфон, 1994 – с. 15.

СТИХОСЛОЖЕНИЕ В ПОЭЗИИ X ВЕКА

В данной статье, которая посвящена одному из искусств стихосложения, представлены мысли и идеи критиков разных времён, взятые во внимание методы его использования в поэзии X века и в современное время и представлены в сравнении.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: стихосложение, искусство стихосложения, критика, методы стихосложения, поэзия X века, таджикское литературоведение.

PROSODY IN X CENTURY POETRY

In the given article devoted to a kind of art of versification thoughts and ideas of critics of various times are given and attention is paid to the use of its method of application in the X century poetry in comparison with the contemporary poetry.

KEY WORDS: addition verses, the art addition verses, criticism, the methods addition verses, poetry of X century, the Tajik literary criticism

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Шокириён Мухаммадонус - старший преподаватель кафедры «Культура предпринимательства и языка» Института предпринимательства и сервиса. Телефон: 231-32-53 дом.

ЖЕНЩИНА В «ОБРАМЛЕННОЙ ПОВЕСТИ»

Г.Ш. Шарофова

**Институт повышения квалификации государственных служащих Управления
Государственной службы при Президенте Республики Таджикистан**

Зная всю привлекательность исследования истории и поэтики «обрамленной повести», тем не менее, мы воздержимся от соблазна углубиться в историю жанра. Даже попытка охватить все произведения этой жанровой формы, созданной на опыте санскритской «Панчатантры» (затем получившей название «Калила и Димна»), обречены на неудачу по той причине, что произведения, история и поэтика их исследованы ещё в недостаточной степени.

Известно, что знакомство ираноязычного (подчеркнем, что не персоязычного в современном смысле слова, а именно «ираноязычного»), ибо в VI веке литературным языком большинства иранцев был язык пехлеви) читателя, включение санскритского памятника в сферу иранского литературного обихода происходило еще в середине VI века. По образованию в VIII в. ирано-арабского литературного синтеза, тон который задавали писатели иранского происхождения Абдуллах ибн Мукаффа, Башшар ибн Бурд, Абу Нувас и многие другие, произведение было переведено с пехлеви на арабский. Но уже в X в., с приобретением культурной независимости при правлении Саманидов, «Калила и Димна» была вновь переведена на фарси, но уже на новоперсидский - дари, а гениальный Абу Абдаллах Рудаки переложил ее на язык поэзии. Но более важную роль продолжала играть прозаическая версия.

Для ираноязычного литературного ареала важное значение имеет новый перевод Абу-л-Маали Насраллаха в XII в. Этот перевод сыграл значительную роль в зарождении и эволюции литературной мысли. Исчерпывающие сведения об исторической судьбе книги можно получить в исследованиях иранского литературоведа М.Дж. Махджуба «О Калиле и Димне» (1).

Сегодня еще рано утверждать, что искусство художественной инкорпорации, жизнь жанровой формы связаны исключительно с судьбой и историей санскритской «Панчатантры» и ее традициями в иранской раннесредневековой литературе. С таким же успехом на роль первоисточника, положившего начало истории «обрамленной повести», может претендовать уже достаточно контаминированная в сюжетном отношении, арабоязычная «Тысяча и одна ночь», по всей вероятности, основанная на традициях и значительной части материала «Хазар афсана» («Тысяча сказок») иранского происхождения (2).

Но какая бы линия исторического происхождения ни легла в основу последовавших творческих процессов, «обрамленная повесть» не прекратила свое количественное, а в отдельных случаях и качественное развитие.

Несмотря на огромные потери духовных ценностей, произошедших по различным причинам, мы можем указать на ряд произведений, созданных с использованием композиционных приемов и идейно-художественных принципов, предшествовавших образцам этой жанровой формы.

Включение «Калила и Димна» в литературные творческие процессы во второй половине X в. послужило новым толчком для небывалого развития инкорпоративного искусства в прозе уже на новоперсидском языке. Но здесь необходимо сделать одну немаловажную оговорку.

Дело в том, что первое подражание в новоиранской литературе «Калила и Димна» было осуществлено не на хорасанском литературном языке – дари, а на табаристанском диалекте, все еще сохранившем густой слой среднеиранского. Творцом «иранской версии» санскритской «соседки» явился, как сообщает внук писателя, другой яркий мастер назидательной прозы, создатель «Кабус-наме», по другой версии - «Насихат-наме», Унсур ал-маали Кей-Кавус, царевич из периферийного правящего клана Бавандов, Марзбан б. Рустам б. Шарвин (3). Традиционно образованный Марзбан заимствовал форму уже основательно переложенной и переработанной иранскими писателями санскритской «Панчатантры», но материал для создания книги извлек из родной культуры. Это обстоятельство делает «Марзбан-наме», как назвал свою книгу автор, весьма важным источником культурно-исторической информации.

Два с лишним столетия судьба «Марзбан-наме» остаются в забвении, хотя есть косвенные предложения, что за это время произведение уже было переведено на дари. Тем не менее, документировано это событие имело место в первом году XIII в., сентябре 1201г. В этом году малоазийский писатель Мухаммад Гази перевел и переработал «Марзбан-наме» под названием «Раузат ул-укул» («Сад разума»). Но эта переработка

мало походила на «Марзбан-наме», и широкого распространения не получила. Спустя считанные годы, уже в первой четверти того же века, увидело свет переложение Са'д ид-дина Варавини, сохранившего авторское название книги.

Поводом к переложению оба писателя выставляли стремление к сохранению произведения Марзбана от грозившей ему опасности забвения по причине изменения стиля прозы от простого к искусственному и насыщению эпическим содержанием - «Хекмати амали» («прикладная философия»), как было принято называть это течение.

Вообще, вторая половина XII-XIII вв. была насыщена рассматриваемым направлением. М.Дж. Махджуб в цикле статей даёт некоторые сведения об обрамленной повести «У'джубе и Мах-джубе», сохранившейся в единственном известном на сей день списке, принадлежавшем библиотеке Меджлиса (84,565-568). Это нравоучительное произведение написано в начале XIII в. Хамидом б. Фазлаллах б. Мухаммад Серахси.

Название книги указывает на то, что центральным женским образом выступает Махджуба и художественно-эстетические задачи, поставленные в центре внимания писателя, в дальнейшем разработанные в десяти главах, в каждой из которых речь идет о каком-нибудь нравственном, духовном, социальном, жизненно важном понятии, действие которых на человеческие судьбы, иллюстрируются посредством вставных рассказов. Ученый полагает, что это произведение более всего напоминает «Бахтияр-наме», по всей вероятности созданной на доисламском материале. То, что «Бахтияр-наме» была включена в репертуар народных сказателей, утверждается упрощенной версией произведения, включаемого во многих сборниках произведений народной литературы (127,II,368- 936), хотя и существует не одна авторская обработка сюжета произведения. Так, писателем Дакайки Марвази в XII в. произведение было переложено сложной рифмованной прозой «Рахат ал-арвахфи сурур ил-мафрах» («Упокоение душ в радостях наслаждений») (76). В научном обиходе книги упоминается и «Книга о десяти визириях».

Композиционное искусство инкорпорации в прозе использовалось и в последующих веках. В 1516 г. завершил свое произведение «Хафт кишвар» («Семь стран») Султан-мухаммад Фахри б. Мухаммад-Амир Харави (4).

Такое решение Султан-Мухаммада Фахри, известного писателя и ученого в последующем, по всей вероятности, созрело под впечатлением от прочитанной в юном возрасте, созданной выдающимся ученым, проповедником, мастером эпистолярной прозы Камал ид-дином Хосейном б. Али Ваизом Кошифи новой редакции знаменитой «Калилы и Димнь», также известной «Анвар-и Сухайли» («Свет Сухайли»), названной в честь знаменитого вельможи - шейха Ахмада Сухайли.

Конечно, когда история становится важной жанровой формой, каковой является «обрамленная проза», она систематически не изучается. При разборе отдельных образцов жанра могут возникнуть разные вопросы. Но, возьмём на себя смелость и заметим, что впервые в истории жанра именно Фахри Харави предпринял удачную попытку контаминировать светские и мистические мотивы сотворения и общественно-политической модели мира.

В художественном отношении Фахри Харави также очень далеко отошел от традиционных канонов в распределении идейной нагрузки между обрамлением и вставных сюжетов. В «семи странах» обрамления приобретают глубоко продуманную метафорическую образность. Молодой человек, как сообщает писатель в конце книги, - Фахри достигает плавной контаминации весьма сложных философских, этических, социально-политических, художественно-этических проблем, которые его предшественниками, даже такими мудрыми писателями и учеными, как Абу-л-маали Насраллах и Мавлиана Хосейн Кошифи, выводились за пределы художественных структур и рассматривались с позиций, если использовались современные формы выражения научно-популярной философии или этики. Эти же принципы затем использовались создателем последнего наиболее значительного образца данного жанра, Бархурдаром Момтазом, о книге которого расскажем немного позже.

Следует заметить, когда речь идет о связи авторских произведений, то по ряду художественно-эстетических характеристик, схожих с произведениями народной литературы, не следует ожидать равноценного воплощения всех задач на одном уровне. Именно этот момент препятствует тому, чтобы произведения авторской литературы во всех случаях были включены в репертуар народных сказателей. Произведения однотипной авторской литературы непригодны для устного исполнения, но почти все записи произведений народной литературы предназначены для чтения, непременно для чтения, но не для читателей элитарного культурного уровня. Читатели же произведений народной литературы, в основном, представители срединной культуры, те, кто были обучены грамоте, но не воспитаны «в культуре». И вполне очевидно, что «обвинять» персязычную творческую интеллигенцию в каком-то корпоративном эгоизме не приходится: представители элитарной литературы творили и воспринимали по законам красоты, но, прежде всего, внутренней красоты. Творцы же и «потребители» народной литературы, отнюдь не чуждые к прекрасному, уделяли недостаточно внимания глубине изображаемых явлений. Никакого антагонизма здесь усматривать, конечно, не следует. Здесь каждая художественно-эстетическая «прослойка» реализует не только своё

присутствие, но и свои возможности. Поэтому, если многие образцы авторских «обрамленных повестей» не были целиком включены в репертуар народной литературы, то причину следует искать внутри самих произведений. Но и в этом случае произведения авторской литературы вносили очень много фабул и сюжетов в творческие процессы народной литературы, как и писатели, они вовсе не гнушались использованием творений фольклора и народной литературы.

«Семь стран» Фахри Харави могли служить идеальным источником сюжетов, но «промистическая» трактовка содержания наиболее привлекательных для «базар-и киссахани» («рынка сказительства») вставных сказок и повествований, почти, что чуждая вкусам аудитории, а потому материально невыгодная сказителям, послужила, как нам представляется, причиной отчуждения этого произведения от литературных процессов нижнего уровня. Но в данном случае не следует быть категоричным, ибо народная литература: - во-первых, также была подвержена ущербным явлениям много веков; и, - во-вторых, имеет историю, но не историографию. Именно историография этой литературы, только-только вступившая в полосу формирования, не может позволить себе строго категоричность в трактовке фактов, связанных с происходившими в далекие века творческими процессами. Поэтому, мы склонны принять концепцию, предложенную литературоведом К.Чиллаевым в предисловии к изданному им тексту «семи стран» являются историческими анекдотами, возникшими вокруг исторических и мифических личностей, пишет исследователь. Такие рассказы, которые в персидской и арабской литературе переходили из книги в книгу, в различные века осуществляли в воспитательных процессах функции назидания. Менее половины вставных рассказов по всем признакам имеют источником происхождения простонародную творческую среду, и можно предположить, что Султан-Мухаммад Фахри собрал из уст и подверг литературной обработке» (4,19).

В настоящее время нам известно еще одно произведение авторской прозы жанра «обрамленной повести». Это-произведение писателя XVII в. Мирза Бархурдара Мумтаза ибн Махмуда Фарахи «Махбуб ул-кулуб» («Отрада сердец») (4). В своем произведении Мирза Бархурдар отверг достижения своего ближайшего предшественника Султан-Мухаммада Фахри и воспринял структурные принципы далеких предшественников. Но это крупное по размерам произведение объединяет огромное количество сюжетов - 400, которые он собирал в течение многих лет. Автор предисловия А.Зухуриддинов утверждает, что «большинство рассказов «Махбуб ул-кулуба» составляют произведения устного народного творчества и частично извлечены из исторических и литературных источников» (4,14). Мирза Бархурдар был «секретарем» и свои профессиональные навыки использовал в формировании стиля книги - эпистолярного стиля, который усложнен в части этических размышлений, но упрощен в художественных зарисовках.

Обзор наш будет неполным, если мы не упомянем о творчестве одного из замечательных участников процессов по формированию истории орнаментированной прозы в персоязычном ареале. Речь идет о Зийа уд-дине Нахшаби, выходец из современного узбекского города Карши, в 730/1329-30г. переселившемся в индийский город Бадаун. Здесь он перевел и переработал санскритское произведение орнаментированной прозы «Шукасабтати», которое назвал «Хикаят ад-дирайат» («Повествование о пронизательности»). Но новое название к произведению не пристало, и оно получило распространение под названием «Тути-наме» («Книга попугай») (см.3). Таким образом «фонд» наиболее увлекательных произведений о похождениях и предприимчивости женщин, которые им приписывают, естественно обиженные представители сильного пола, пополнился еще одним высокохудожественным произведением приключенческого жанра.

Перерабатывая санскритский источник, Зийа уд-дин Нахшаби, как выяснил исследователь творчества писателя А.Алимардонов, «в Тути-наме имеется ряд рассказов (13,14,32,33,40,93,48,49,50,51ночей), а также преданий и легенд, которые по своему происхождению связаны с таджикско-персидской, арабской литературой и фольклором» (9,19). Но, следует заметить, произведение Зийа уд-дина Нахшаби имеет и обратную связь с персоязычными литературно-фольклорными традициями. Не очень углубляясь в рассказы «Тути-наме», можно сказать, что «Рассказ о золотых дел мастере и плотнике, о том, как они унесли золотых идолов, и как золотых дел мастер украл их, и о хитрости плотника», «Рассказ об отшельнике, плотнике, золотых дел мастере и портном», «Рассказ о царевиче, семи визирях и несчастье, постигшем его из-за прислужниц» и вариации некоторых других можно найти в произведениях народной литературы.

«Тути-наме» Зийа-уд-дина Нахшаби из-за его сложного орнаментированного стиля не было принято народной литературой. Но оно послужило материалом для более легких версий произведения. В XVIII в. Мухаммад Ходаванд Кадири создал новую персидскую версию «Тути-наме», которая получила признание всех слоев читателей и слушателей. Она вошла и в репертуар сказителей.

Зийа уд-дин Нахшаби написал еще одно произведение в жанре «рамочного» повествования – дастан под названием «Голриз». Сюжет дастана-сказочный: У царя страны Нахшаб, Тайфура родился сын, которого звали Ма' сум-шах. Однажды царевич поймал красивую птицу. Птица, как выясняется, красавица Нушлаб.

Здесь писатель вставляет самостоятельный рассказ – историю любви Нушлаб, которую рассказывает она сама. У царя Туркестана был сын по имени Аждаб-Малек, который, расслышав о красоте Нушлаб, отправляется на ее поиски. По пути царевич освобождает из плена Ифрата молочную сестру Нушлаб,

Назмаст, с помощью которой он встречается с возлюбленной. Мать Нушляб застаёт их вместе за вином и превращает Нушляб в птицу. Царевич же Ма'сумшах, с клеткой Нушляб на плече, отправляется на ее поиски. Его поиски увенчаются успехом. Мать Нушляб, думая, что Ма'сумшах ищет Нушляб ради себя, даст согласие на их брак. Но тут выясняется, что верность Нушляб и любовь пробудили в душе Ма'сумшаха благородное чувство сопереживания. Ма'сумшах способствует соединению возлюбленных, называет Нушляб сестрой, а женится на Назмаст.

Таким образом, вознаграждается чистота и верность сказочное по содержанию в любви, прошедшая испытания многими препятствиями.

Это произведение является оригинальным творением мысли и воображения Зийа уд-дина Нахшаби. Впервые изданное в 1912г. в Калькутте, произведение предстает перед читателем художественно-эстетической продукцией не развлекательного направления, как можно предположить по изложенному нами краткому пересказу его содержания, а нравственно-назидательного. Поэтому стиль произведения отличает орнаментированностью изложения искусственной прозы и занимает место среди других произведений эпического, этико-мистического направления.

«Бахар-е данеш, или Книга о верных и неверных женах Инаятуллаха Канбу, - писал известный ученый М.Н.Османов, переведивший книгу с фарси на русский язык, образец орнаментированной прозы, принадлежит двум литературам - персидско-таджикской и индийской» (7)

«Бахар-е данеш» появился на свет в середине XVII в. в Лахоре и к концу века завоевал такую популярность, которая поставила его рядом с такими шедеврами литературы, как «Гулестан» Саади, «Анвар-е Сохайли» Хосейна Кошифи, и стал предметом обучения в медресе. Такого признания «Бахар-е данеш» завоевал не только огромной занимательностью многочисленных вставных новелл, в которых отразилось красочное многообразие человеческого жизненного опыта, огромные познания автора, преломленные редким талантом остроумного, свободного от напускного ханжества, мастера. По меткому замечанию Н.О. Османова, и знакомясь с новеллами о хитростях и коварстве женщин, читатель в то же время не может не восхищаться их находчивостью, гибким умом, проникательностью, смелостью, а порою и самоотверженностью. Но в отношениях с ними автор спешит предостеречь:

**Мне не верь, а женам верь, оставляй под забором, -
Закрывает хлев ослиный даже тот, кто дружит с вором (7)**

Персоязычная литература Индии окончательно избрала образ свистящей и щиплющей птицы, красочными оперениями которой так богаты тропические леса этой земли, художественным символом мудрости и красноречия. Ведущим персонажем рамочной новеллы, после «Гули-наме», вновь становится попугай, который задает тон коллизиям и конфликтам произведения, на сей раз «Бахар-е данеш». Если читатель сказочных или иного рода произведений прошлого, уже в начинании их встречает фразы типа «гупийан-е шакарестан-е алфаз-у сохан», как в рождении дастана «Ширзад и Гульшад», то он должен вспомнить об этих «сладкоречивых» попугаях, и воспринять это как нить, связывающую традиции взаимодействия литератур и опыта перевоплощения действительности в метафорическую реальность, в которой попугай свободно мыслит и лучше человека анализирует деяния людей.

Конечно, произведения, о которых мы говорили выше, в той или иной мере участвовали в литературной жизни слоев с меньшими художественными или образовательными возможностями. Но если бы наша элитарная литературная жизнь не была так насыщена произведениями мирового уровня, было бы трудно представить судьбы народной литературы, многие творения которой могут поспорить по зрелости и содержательности с литературными достижениями других народов более высокого уровня.

«Повесть о Ширзаде и Гульшаде» («Достони Шерзоду Гулшод») охватывает, на сей день, трехтомное издание произведений народной литературы. Произведений еще много, но издавать их по ряду причин, в основном, финансовых, не удалось.

Средних размеров по объему (4 пл.), «Повесть о Ширзаде и Гульшаде» имеет и другое название – «Нух манзар» («Девять башен»), в каждой из которых в течение девяти дней по одному дню устраиваются собрания с участием персонажей обрамляющей новеллы. Бегло рассмотрим структуру и содержание повести.

В древности в Чине и Мачине правил Горчин-шах, который вел свой род от Джамшида. Долго у Горчин-шаха не было детей. Наконец, жена его забеременела, но раз на охоте лев нанес царю смертельную рану. Умирая, шах опекуном своего еще не родившегося наследника оставил визиря, Фаррох-зада. Но Фаррох-зад задумал узурпировать порученный ему трон. Он велел своему визирю Фарису убить беременную жену Горчин-шаха. Фарис это дело поручает рабам. Те убивают царицу. Когда Фарис приходит в лес, чтобы убедиться в совершении убийства, видит, что родился мальчик. Фарис записал эту страшную историю на куске ткани, в которую завернул ребенка и оставил с ним драгоценный камень. Ребенка подбирает и кормит своим молоком львица. Его у львицы отбирает купец Асад и воспитывает до совершеннолетия.

За это время у Фаррох-зада родилась дочь Гульшад, которой он в тех местах построил дворец, и назвал его «Нух манзар». Раз купец Асад взял с собой и Ширзада, который в том же лесу встречает львицу,

вскормившую его. Затем он случайно встречает Гульшад. Между Шир-задом и войском, завязывается битва, которую с поддержки Асада, выигрывает Шир-зад. Гульшад поддерживает Шир-зада, но добивается того, чтобы между возлюбленным и отцом состоялось примирение. Но Шир-зад требует отмщения за убийство своей матери.

Итак, Шир-зад отнимает у Фаррох-зада наследие отца, и хочет казнить его за подлое убийство матери. Здесь и созревает центральная коллизия произведения. Гульшад любит Шир-зада, но не может отказаться от примирившегося со своей участью отца. В девяти вставных рассказах, каждый из которых она рассказывает, после очередного требования Шир-зад сбрасывает Фаррох-зада с крыши дворца, по примеру опрометчивых поступков людей, за которые они расплачиваются по мере своих деяний. Мудрое решение Гульшад, пример которого известен нам по «Тысяче и одной ночи», рассчитано на смягчение переживаний Шир-зада и превращение гнева в милость.

Те, кто имеет дело с анализом художественной литературы, конечно, сразу же догадываются, что творческая цель того, кто стоял у истоков рассматриваемого произведения, заключалась в справедливой оценке умственных способностей женщины, в защите достоинств целой половины человечества, которую другая половина оценивает слишком эмоционально и поэтому часто поступает несправедливо. Но художественная мысль на то и есть художественная, чтобы выражаться без философских, а тем более - правовых обобщений. Но типизация в художественном творчестве - есть закономерное явление. Любая человеческая среда отображается разнообразно. Художник не может изображать своих героев - беспристрастно. В противном случае они не могут быть положительными и отрицательными, чтобы служить средством духовного воспитания человека.

У Гульшад, конечно, не творческие задачи: демонстрируя свои достоинства через раскрытие своих нравственных норм, своего культурного превосходства над Шир-Задом, который для предвзятости читателя, духовно примитивен. Но престиж Шир-зада, как главного героя произведения, непоколебим, ибо сюжет, его построен на действиях, а не на психологическом анализе действий. Поэтому Шир-зад всякий раз перед новым рассказом Гульшад требует лишь наказания Фаррох-зада. Фаррох-зад не сопротивляется, у него нет оправданий, настолько очевидна его вина. Учёные-правоведы, к мнению которых обращается Шир-зад, также не находят в его поступке разумной меры и потому осуждают его. Жизнь Фаррох-зада висит на волоске: Шир-зад приказывает рабу вывести осужденного и сбросить вниз с крыши дворца. Но Гульшад считает, что в решении Шир-зада нет ничего хорошего. Она в оправдание своих слов выставляет, по крайней мере, два аргумента: - во-первых, если Фаррох-зад был несправедлив и жесток, приговаривая его к смерти, может ли он считать себя лучше Фаррох-зада; - во-вторых, движение планет влияет на поступки людей, так что люди невольны в том, что они совершают в жизни. Иначе говоря, фатализм выступает вторым аргументом Гульшад в оправдании отца. Разве поступки Ахтара Айяра, отрицательного персонажа первого вставного рассказа, совершены по его доброй воле? Конечно, нет. Он тоже игрушка в руках судьбы.

А случилось так, что этот Ахтар влюбился в дочь государя Рума, которую отец отдал за царевича Мехр-асара. Он, не задумываясь о последствиях своего безумного поступка. Но принцесса, которую зовут Мах-манзар, через ряд сюжетных приемов преодолевает все препятствия и судьба неожиданно дарит ей царство. Судьбой ей было предначертано разделить любовь с Мах-асар и она же помогает ей сохранить верность этой любви. Ахтара же Айяра постигает жесткая кара - четвертование.

Шир-зад с одобрением принимает доводы своей возлюбленной и на тот день оставляет Фаррох-зада в живых. Но на следующий день опять (под действием вина вспоминает обезглавленную мать) требует сбросить виновника с крыши дворца. Но Гульшад снова ссылается на рок судьбы, подкрепляя свою правоту другим рассказом.

В этом вставном рассказе Афзал, пользуясь своими способностями гадальщика и колдуна, соблазняет дочь царя Балха по имени Мехр-ангиз (Внушающая любовь). Когда Мехр-ангиз выдают замуж за мервского царевича, Фаррух-руза. Афзал, принявший облик попугая, лишает колдовством царевича силы, а сам продолжает греховную связь с царевной. Когда о проделках Афзала узнает другая колдунья, убивает его, но Мехр-ангиз, чтобы сохранить свое положение и тайну, вместо себя в первую брачную ночь укладывает рабыню, а сама терзается муками ревности.

Этим рассказом Гульшад добивается отсрочки казни отца, как и последующими волшебными сказаниями, в которых красавица и искусная певица Нахид с помощью гранатовых зерен превращает своего мужа, царевича Джамшида в женщину, а себя в мужчину; как див, перевоплотившись, занимает престол царя Нешабур, Хуршид-шаха, но разоблаченный с помощью пера, расстается с жизнью.

Предначертание судьбы выдвигается мотивом и пятого вставного рассказа, но уже бытового. Здесь Мансур, мясник из Андигана, купил отару овец, но ночью волки напали на отару и разогнали ее. Мансур же заблудился и попал в Кашгар, где поступил на работу в дом визиря. Дочь визиря влюбилась в него и сбежала с ним, но попала в руки вора. Но судьба распорядилась по-своему, вор заплатил за свое преступление

жизнью, а Мансур и Нусрат, так звали девушку, соединили свои жизни. От судьбы не уйти, заключает Гульшад.

Шестой вставной рассказ из цикла городских плутовских рассказов более занимателен и насыщен приключениями и сюжетными ходами. В тот день кадий Багдада выехал из дома под знаком Юпитера (Моштари). Проезжая мимо дворца правителя, он получает от кокетливой принцессы цитрон в знак любви.

Раз небо двигает людьми, как кукольник марионетками, Гульшад без всякого ханжества излагает невольные поступки людей. Если принцесса легкомысленная кокетка, ей за мзду потакает кормилица, не должен же быть полным лицемером кадий мусульман. Он не должен сомневаться в том, что в небесной книге идут в учет все деяния тварей. Конечно, мы уже влезем в область подвластную богословам, но имеем дело с образом мысли явного городского реалиста, да еще и насмешливого. Принцесса прикидывается больной. Кормилица приводит к ней переодетого в лекаря кадия. Возвращается с охоты правитель. Принцесса прячет кадия в сундук. Сундук уносит вор, который сталкивается со стражниками и ни где-нибудь, а у дома мохтасиба-чиновника, следящего за исполнением велений шариата. В его отсутствие жена и служанка занесли «богом посланный» сундук в дом. Жена мохтасиба жаждала любовных приключений и не могла отвергнуть «божьего дара» в сундуке. Возвращается мохтасиб. Жена прячет кадия в кувшин, но при этом мешкает. Раздраженный мохтасиб бросает в жену камень. Камень разбивает кувшин. Жена смело бросается на мужа, кадий под «прикрытием» незаметно ускользает. Он прячется у служанки. Утром служанка примиряет своих хозяев, а затем выводит переодетого в женские одежды кадия. Служанка выдает кадия за жену соседа, которая поссорилась с мужем, и идет жаловаться кадию. Мохтасиб обещает «ей» уладить ее дела и отпускает. Лукавый кадий, без ущерба для его чести, идет к себе домой. Гульшад же заканчивает рассказ. «И это все происходило из-за Юпитера, который не хотел, чтобы проделки кадия не стали достоянием чужих ушей, и он оставался живым и здоровым, ибо:

*Когда у человека такая судьба,
Не увидит он печали на этом свете*

Шир-заду не остается ничего другого, как похвалить Гульшад за ее ум и находчивость, а Фаррох-зада отправляет назад в зиндан.

Седьмой вставной рассказ - это волшебная сказка, в которой старый йог показывает чудеса, отправляя царя Джумхурана с его визирями в родник, где они переживают разнообразные приключения.

На восьмой день Гульшад устраивает пир на башне Непокколебимого Небосвода, плодами которого пользуются все существа. Этим вступлением Гульшад заинтригует Шир-зада и еще на день отодвигает исполнение его настойчивого желания, наказать убийцу матери.

Сын царя Юнана Сайяре всем был хорош, но несколько странный. Лекарь велел держать его сорок дней на каком-то острове. Туда же привезли дочь китайского царя, Мехрnaz. Сайяра и Мехрnaz влюбились друг в друга и излечились. Царь Китая был пери, но это не помешало влюбленным соединить свои судьбы. Эта сказка, как и другие вставные рассказы и произведения изложена торопливо и сухо. Можно допустить, что они дополнялись устным рассказом сказителя. Но основная идея передана без отклонения: предназначение судьбы сбывается непременно.

На девятый день Гульшад более настойчиво встает на защиту своего отца: «О Ширзад, - говорит она, - состояние отца таково, что каждый мигон умирает от горя, да и я с горя уже готова принять смерть. Эта башня, где мы сидим, предназначена для веселого времяпрепровождения, а не для кровопролития! На эту тему у меня есть рассказ, который изложу» (3, I, 81).

В Кашмире, рассказывает Гульшад, жил некий ученый, который уединился от людей в пещере. Однажды царевич Кашмира выехал на охоту. Из одной пещеры вылезает огнедышащий дракон и нападает на охотников. Неведомый голос из пещеры превращает дракона в камень. Затем Царевича приглашает к себе старец и учит его тайнам мироздания. Царевич отказался от престола, покинул людей и после смерти своего учителя занял его место.

Завершая свой рассказ, Гульшад оставляет решение судьбы отца на волю Шир-зада, который признал правоту возлюбленной, простил Фаррох-заду его преступления, а за доброту Гульшад, вернул ему должность визиря и свое доверие.

Так завершается произведение, в котором люди пытаются проникнуть в суть совершаемых ими подобных злых и добрых дел, ищут меру возмездия поступкам и деяниям людей. Гульшад - молодая годами, но мудрая разумом. Она с самого начала поняла, что отец ее совершил преступление, и встала на сторону Шир-зада. Этого вполне достаточно, чтобы прекратить дальнейшее терзание духа, которому Создатель predeterminedил путь, по которому тянется линия его жизни.

Но также, как и художественная концепция не преследует цели быть судьбой человеческих поступков, а лишь изображает их и разделяет с персонажами произведения, Гульшад окончательно решение судьбы Фаррох-зада ссылает на мудрость человека, а не кипящего в повседневных страстях бытового сознания, формировавшегося на проходящих эмоциях.

Как быть кашмирскому мудрецу, если бы он жил среди толпы с большими желудками, но страдающих хронической глухотой именно к тому уровню сознания, который уже не одно тысячелетие пещерные индийские мудрецы безуспешно пытаются внедрить в большой круг обычного человека.

Конечно, каждая художественная книга, каждое отдельное произведение не делает человека мудрецом, но непременно пробуждает в его сознании какие-то глубокие мысли. Поэтому, чем разнообразнее художественные концепции восприятия действительности, тем больше надежны предупреждения человека от скатывания в пропасть.

Краткий анализ содержания «Повести о Шир-заде и Гульшад» показывает о стремлении сказителей и сочинителей народной литературы не только развлечь большие массы безграмотных и малограмотных людей подвигами и приключениями богатырей и искателей любви, но и поднять уровень их культурного развития до разумной степени духовных достижений обществ разных эпох.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дарри Дж. Героические образы в иранских народных дастанах (в сб. V-Всесоюзной межвузовской конференции по иранской филологии). – Душанбе: ПУ, 1966.
2. Хазору як шаб - Душанбе: Ирфон, 1963-1964, ч.5., 1963.с.396, ч.6. 1964.,с. 487.
3. Унсуралмали Кайковус. Кабуснаме. В кн.: Энциклопедия персидско-таджикской прозы. Главная научная редакция таджикской советской энциклопедии. Душанбе, 1986, -с.11-128.
4. Алимардонов А. Зиёвуддини Нахшабӣ ва «Тутинома»-и ӯ. – Душанбе: Дониш, 1980. с. 213.
5. Фарохи Мирзо Бархурдор, Махбуб-ул-Кулуб Мурағтаб ва муаллифи сарсухан Абубакр Зухридинов. Нашриёти «Дониш» Душанбе: китоби яқум-1975; китоби дуом-1979.
6. Фаҳрии Ҳарави Султонмуҳаммад. Ҳафт кишвар, ба пешгуфтори Қ.Чилла. - Душанбе. Ирфон, 1992,с.304.
7. Канбу Инаятуллах –Книга о верных и неверных женах или «Бахари дониш» (пер. с форси Н.О.Османова), М., 1964, изд. «Наука», с. 335.

ЖЕНЩИНА В «ОБРАМЛЕННОЙ ПОВЕСТИ»

Образ женщины в легендарной таджикско-персидской прозе переходил из уст в уста, а потом этот образ был помещен в одной литературной рамке и описан в таких великих произведениях как «Калила и Димна», «Марзбаннаме», «Хафт кишвар» и в данной статье автором указаны некоторые из них.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: обрамленная повесть, культурная независимость, проза, новоиранская литература, культурно - историческая информация.

THE WOMAN IN «THE FRAMED STORY»

Image of the woman in legendary Tajik-Persian prose passed by word of mouth, and then the image has been placed by this in one literary framework and has been described by historical persons. For example «Kalila and Dimna» «Marbannameh» «Haft kishvan» And in given article the author specifies some of them.

KEY WORDS: the framed story, cultural independence, prose, the new Iranian literature, cultural - the historical information.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Г.Ш.Шарофова – кандидат филологических наук, доцент, ректор Института повышения квалификации государственных служащих Управления Государственной службы при Президенте Республики Таджикистан

ФАЙЗИИ ДАКАНӢ – АДИБ, ДОНИШМАНД ВА МУТАРҶИМ

К.Нурова

Донишгоҳи технологии Тоҷикистон

Файзии Даканӣ адиб, донишманд ва тарҷумони форсизабони Ҳиндустон буда, баробари ба арсаи адабиёту фарҳанг қадам гузоштан ҳамчун суханвари тавоно шинохта шудааст. Дар бораи ин шахсияти фарҳангии асри XVII форсиғӯени Ҳинд чӣ дар маъхазҳои таърихи, чӣ дар тазкираҳои зиёд, чӣ дар осори илмии ба таърихи адабиёти форсизабонон бахшида ва бахусус асарҳои мутааддиди илмии ба адабиёту фарҳанги форсизабонони шибҳиқораи Ҳинду Покистон номнавис гардида, ишораҳои зиёд, аксар такрор мавҷуд бошанд ҳам, вале рӯзгору осори ӯ, дар як рисолаи мукамал оварда шудаву таҷқиқ нагардидааст. Ишораҳои дар бораи Файзии Даканӣ, лаҳзаҳои алоҳидаи ҳаёташ, алоқои ӯ дар дарбори Акбаршоҳ ва номгӯю теъдоди осори адабиашро, метавон танҳо дар беш аз 25 тазкираи баъди даргузашти ӯ навишташуда, дарёфт намуд, ки шояд ва бешубҳа, теъдоди назаррас аст. Дар ин миён метавон аз «Чаҳор бо»-и Ҳаким Абдулфатҳи Гелонӣ, «Маосири Раҳимӣ»-и Абдулбоқии Наҳовандӣ, «Таърихи фаришта»-и Муҳаммад Қосим, «Ҳафт Иқлим»-и Амин Аҳмади

Розӣ, «Риёзушшуаро»-и Волаи Доғистонӣ, «Сарви озод»-и Ғуломалии Озоди Балгаромӣ, «Оташкада»-и Лутғалибеки Озар, «Ҳафт осмон»-и Аҳмад Алиёғо, «Тазкираи майхона»-и Муллоабдуннабӣ Фахруззамони Қазвинӣ, «Шеърӯлачам»-и Шиблии Нуъмонӣ ва ғайра ёдовар шуд.

Файзии Даканӣ ба соли 1547 м. дар шаҳри Аграи Ҳиндустон, дар хонадони шахсияти мӯътабар ва донишманди замон Шайх Муборакшоҳ (1504–1592 м.) ба дунё омадааст. Авлодони ӯ аслан араб буда, гузаштагонаш дар Яман сукунат доштаанд. Онҳо дар диёри худ соҳибу илму маърифат ва хунар будаанд. Мувофиқи маълумоти сарчашмаҳо, ки Шиблии Нуъмонӣ аз онҳо хулоса намудааст, бобои панҷуми Файзии Даканӣ Шайх Мӯсо баъди саёхати дуру дароз ва саргардониҳои зиёд аз дасти нобасомониҳои рӯзгор ба Рил ном минтақаи Синд омада, иқомати ҳамешагӣ ихтиёр мекунад.[1]

Таълиму тарбия ва донишомӯзии Файзии Даканӣ аз синни хурдсолӣ дар муҳити оила оғоз ёфтааст. Вай дар навбати аввал бо роҳбарии падар ва кӯмакҳои модари босаводаш ба омӯзиши илмҳои гуногуни замон машғул гардид. Абдулқодирӣ Бадоунӣ дар «Ҳолоти Хоча Ҳасани Марвӣ» навиштааст, ки «Файзӣ тарбиягӯфтаи ӯ»-ст.[2] Номбурда дар улуми ақлӣ шогирдии Мулло Асомуддин, дар илмҳои динӣ ва илоҳиёт шогирдии Шайхи Маккиро ба ҷой оварда, дар шеърӯ шоирӣ, иншопардозиву номанигорӣ, ҳусни таҳрир, латифагӯӣ, забону адабиёти арабӣ, форсии тоҷикӣ ва ҳиндӣ, фалсафа, ҳайат, нучум ва ғайра аз рӯи истеъдод ва фаросат бар манфиати худ кор гирифта будааст. Аз илми тиб бархурдор буд ва аз решаи гиёҳҳо доруҳои табобатӣ тайёр мекард. Дар ин бора беҳтарин маъхаз осори худӣ шоир аст, ки дар марсияи ба модараш бахшида аз ҷумла мегӯяд:

Кош бар болини ӯ ман будаме,
То илоҳи кори худ бинмудаме.
Дафтари «Қонун»-и худ овардам,
Хуққаи доруи худ бикшудаме.
Аз мағоки чашм ҳован кардам,
В-аз дили софӣ гиёҳе судаме.
Дар саранҷоми ҳаёташ дидаме,
Умри худ бар умри ӯ афзудаме.
Равған аз бодомии чашми хештан,
Додамеву хоби хуш фармудаме.
Ҷустаме осоиши хону танаш,
То наёсудӣ, намеосудаме.
Дар ҳаёли дафъи беҳобии ӯ,
Ҳамчу ақли худ даме нағнудаме.
Лек аз ӯ будам мани диттанг дур,
Аз ҳарими ӯ ба сад фарсанг дур.[3]

«Дар фунуни ҷузъия аз шеърӯ муаммо ва арӯзу қофия ва таъриху луғат ва тиббу иншо адил дар рӯзгор надошт», - афзудааст Бадоунӣ.

Файзии Даканӣ дар давраҳои аввали фаъолияташ чун шахси озодфикр ва аз хурофоту таассуботи мазҳаби дури ҳанафӣ аз дасти уламои дини ҷохил дар азобу шиканҷа буд. Дар аввалҳои салтанати Акбаршоҳ падараш Шайх Муборакро дар назди подшоҳи ҷавон бадном карданд. Ӯро ба шох пайрави тариқаи шиа, маҳдавия, рофизия, даҳрия ва қуфру илҳод муттаҳам сохта буданд ва «ҳатто барои аз байн бурдани ӯ ва фарзандонаш ҷазо додаанд».[4]

Шайх Муборакшоҳро зарур пеш омад, ки бо ду писараш Файзии Даканӣ ва Абдулфазл (1551-1601) аз мавзее ба мавзее паноҳ барад, машаққат ва саргардониҳои зиёдеро паси сар намояд. Баъдтар Акбаршоҳ аз ҳақиқати ҳол бохабар шуда, соли 1568 эшонро ба дарбор бармегардонад. Дар ин вақт Файзии Даканӣ ҳанӯз 20-сола буд. Ҳадафи ба дарбор рӯй овардани Шайх Муборак ва фарзандонаш чӣ буд? Барои посухи ин савол рӯй овардем ба осори худӣ шоир, ки мададгори аввалияи мост. Ӯ менависад:

Мард бояд зи пайи нафъ расонидани халқ,
Ба дари давлати арбоби қарам ҷо гирад.
Рузу шаб мегузаронад зи хатар мардумро
Бесабаб нест, ки кишти лаби дарё гирад.[5]

Бале, адиб ва донишманди ҷавон мехост ба воситаи ақлу фаросат ва донишу биниши худ ҳокими замонро аз қайди таассубу хурофоти муллоёни нодону ҷохил берун кашад ва ӯро ба роҳи мустақил ба кори мамлакатдориву адолатпешагӣ ҳидоят намояд. Дар дарбор обрӯву эътибор ва эҳтироми Файзии Даканӣ рӯз ба рӯз боло мерафт. Соли 1581 Акбаршоҳ садорати вилояти Дуобро ба ӯ бовар мекунад. Баъдтар назорати се вилоят бар ӯҳдаи вай будааст. Илова ба қорҳои давлатӣ ва ӯҳда намудани масъулияти супоридашуда, ҳамзамон Файзии Даканӣ бо таълиму тарбияи шохзодагон машғул буд.

Соли 1573 маликушшуарои дарбори Акбаршоҳ Ғазолии Машҳадӣ дори дунёро тарк мегӯяд ва ҳокими замон соли 1587 ўро сарвари шоирони дарбори худ таъин менамояд ва унвони ифтихории маликушшуароиро насибаш мегардонад.

Файзии Даканӣ забонҳои арабӣ, форсӣ, ҳиндӣ ва ҳатто туркиро хуб медонист, инро ба инобат гирифта, Акбаршоҳ дар дафтари дарбор гуруҳи махсуси тарҷумонҳоро таъсис менамояд ва сарвари ин гуруҳро ба ихтиёри маликушшуарои дарбор месупорад. Дар ин гуруҳ уламову удабои мусалмон ва ҳинду ба тарҷумаи як силсила ёдгориҳои барҷастаи маданияти қадими ҳиндуҳо камар бастанд. Худи ӯ китоби муқаддаси ҳиндуҳо «Маҳабҳарат»-ро ба забони форсӣ баргардон карда будааст.

Файзии Даканӣ, ки дилбохтаи илму адаб, фарҳанг буд, то охири умраш китоб чамъ мекард, китобҳои лозимиро худ рӯнавис менамуд, барои ин кор аз хаттотони чирадаст кор мегирифт ва аз дӯстонаш ҳам китоб мехост. Ишораҳое вучуд дорад, ки китобхонаи адиб 4006 китоб доштааст ва баъди маргаш онҳоро ба китобхонаи дарбори подшоҳ интиқол додаанд.[6]

Вай соҳиби аёл ва фарзандон низ будааст, аммо дар маъхазу сарчашмаҳо дар ин бора ба назари мо ишорае нарасид. Шоир писаре бо номи Муҳаммад Камол доштааст, ки дар сесолағӣ аз дунё мегузарад ва ӯ дар «Куллиёт»-аш таркиббанде дорад, ки марсияи падари суҳанвар бар писар буда, аз нӯҳ банд иборат ва бо ин байт ҷонгудозона шурӯъ мешавад:

Хоҳам дигар ба ҳалқаи мотам алам задан,
Бар боми шодмонии дил кӯси ғам задан...[7]

Файзии Даканӣ дар айни шўхрату эҷод аз дунё мегузарад. Дар тазкираи «Майхона»-и Фаҳруззамони Қазвинӣ омадааст, ки «... дар Лоҳур дар 47 солағӣ дар санаи 1004 х. (баробар ба сол 1595м.) аз дасти соқии аҷал шарбати марғ чашида ва теғи забон дар ниёми ком кашада, наздиконаш қолбади вайро баъд аз ғавташ ба Агра оварда дар мақбарае, ки бародараш Шайх Абдулфайз дар ҳини ҳаёти худ тартиб дода буд, мадфун сохтанд».[8] Ҳоло ҳам оромгоҳаш зиёратгоҳи аҳли дил ва муҳлисони ашъораш мебошад.

Файзии Даканӣ донишманд ва адиби сермаҳсули адабиёти форсизабони Ҳиндустон маҳсуб ёфта, дар баробари офаридани як силсила ашъори дилписанду мондагор ва тарҷумаи иддае аз осори фарҳангии мардуми Ҳинд ба форсӣ тоҷикӣ рисолаҳое доир ба фалсафа, дин, тиб, хандаса, нучум, адабиёт ва ғайра доштааст, ки шумораи онҳо дар «Муосирулумаро» 101-то нишон дода шудааст. Ин нишондиханда шаҳодати он мебошад, ки Файзии Даканӣ дар ростии қорҳои маъмурии дарборӣ мероси зиёди илмиву адабӣ ба мерос гузоштааст ва навиштаҳои ӯ имрӯз ҳам қораманду ба ин васила номи эҷодкори худро зинда нигоҳ дошта меоянд. Ин ҷо зарур ба таъкид аст, ки суҳанвари Даканӣ бо осори манзуми худ дар байни мо шўхрат дорад. Осори манзуми ӯ қадомҳоянд?

Ин ҷо пеш аз ҳама бояд «Девон»-и Файзии Даканиро номбар кард, ки он шомили беш аз нӯҳ ҳазор байт будааст. Шоир ин «Девон»-ро дар замони дар қайди ҳаёт буданиш бо дасти худ ба он сарсухане навиштааст, ки ин сарсухан то имрӯз омада расида, барои баҳо додан ба рӯзгору осори ӯ дастҳои беминнат доништа мешавад. Мавсуф ба ашъори девони худ ин тавр баҳо додаст: «... Қодире, ки забонро чошнии суҳан дода, гувоҳ аст, ки ҳаргиз даст ба майдаи ҳамагон дароз ва даҳан ба луқмаи дигарон боз накардаам. Бар мондаи муқаррар ва вазифаи маъхӯд, ки аз девони мабдои Файз ба мўчиби қисмат мерасид, хурсанд будаам...».[9]

Дар поёнтарӣ ҳамин дебоча таъкид шудааст, ки падари Файзии Даканӣ Шайх Муборак дар суҳанвар шудани фарзандаш саҳми арзандае дошт. Минбаъд қори эҷодӣ ўро новобаста ба дигар машғулиятҳо ба сўйи худ мекашид, ки «Рафта-рафта дар бандағӣ фош шудам ва ба саодати абад ҳоҷатош гаштам, ҳам дар ҳисоби умаро даромадам ва ҳам хитоби маликушшууро гирифтам. Агарчи шамшер ба миён бастаам, аммо қазалаки маҳбараам қорғартар аст. Агарчи тир бар қамон мениҳам, аммо қалам дар банони ман росттар меравад. Зиҳӣ подшоҳи банданавоз, ки қатраи бевучудро чунин мавҷ дод ва зарраи нобудро чандин ба авҷ бурд. Чун ҳиммати ман воло буд, қори ман боло гирифт...».[10] менависад ӯ.

«Куллиёт»-и Лоҳурии Файзии Даканӣ, ки имрӯз дар даст ҳаст ва дар паҳлӯи «Девон»-и қаламии дар Институти шарқшиносӣ ва мероси хатти АИ Ҷумҳурии Тоҷикистон буда, барои муайян кардани осори хурди лирикии шоир ва навиштани ин қор аз маъхазии аввалиндараҷа маҳсуб меёбад, аз 41 адад қасида, ки 2664 байтро ташкил мекунанд, адад таркиббанд, ки 320 байт аст, 2 адад тарҳеббанд, ки аз 96 байт иборат мебошанд, 765 ғазал, ки чамъи он 5240 байтро доранд ва ғазалиёти нотамоми фардиёт, ки 300 байтанд, иборат аст. Чамъи инҳо қаму беш 8700 байт мешавад, ки ба нӯҳ ҳазор байт»-и гуфтаи шоир хеле наздик мебошад. Шояд қамтар аз «нӯҳ ҳазор» будани ин «Куллиёт» аз ин ҷиҳат бошад, ки дар он рубоӣёт ва қитъаоти шоир ҷой дода нашудаанд.

Бояд гуфт, ки дар қасида ва ғазалиёти Файзии Даканӣ таъсири қасоиду ғазалиёти Амир Хусрави Дехлавӣ хеле хуб эҳсос карда мешавад, аммо ӯ ба шеърӯ сабки гуфтори хеш хеле ва хеле меболад ва ончунон, ки гўё гоҳ-гоҳе шеъраш шевотару равонтар ва пурҷўштар аз шеъри Амир Хусрав ва дар

маснавӣ аз Низомии Ганҷавӣ мебошад. Бо ин ҳама мухалифрон, аз ҷумла муаллифи «Мунтахабулттаворих» Бадоунӣ, ки Файзии Даканиро «ба зандиқа ва илҳод муттаҳам медорад, ҳатто шеърӣ ӯро низ нодуруст мехонад, ки ба қавли ӯ устухонбандии дуруст, аммо бемағз аст ва бо он, ки шатҳиёти он бисёр аст, каломаш аз завқи ҳақиқат ва маърифат холӣ аст».[11] Ин доварӣ дар муқобили офаридаҳои Файзии Даканӣ бешак ғаразнокона аст, ки инро ҳар нафари бо эҷодиёти бадеии ин шоир ошно бо осонӣ дарк менамояд. Ҷушишу ҳаракатҳои нозук ва умқи таровати сухани мавзунӣ ӯро наметавон ноҳида гирифт. Адабиётшиноси эронӣ Абдулҳусайни Зарринқуб чиддан қайд менамояд, ки «... ноқиде мисли муаллифи «Мачмаъуннафоис» мегӯяд: - баъд аз Амир Хусрав ва мисли Шайх Файзӣ касе аз Ҳиндустон барнахостааст, даъвие нест, ки онро битавон газоф ва муқобила хонд».[12]

Соли 1585 Акбаршоҳ, ба таъбири Файзии Даканӣ «Шоҳи ҷаҳон» ба ӯ фармон медиҳад, ки ба истиқболи «Ҳамса»-и Низомии Ганҷавӣ «Ҳамса»-е эҷод намояд. Ишораҳои ҳафт, ки барои ин ӯ мавриди муайянеро, фурсати мувофиқеро меҷусту ҳамин мавриду фурсати муайян бо амри шоҳи замон фароҳам омада буд. Ҳамин аст, ки Файзии Даканӣ ба навиштани «Ҳамса»-и худ оғоз менамояд ва маснавии «Маркази адвор»-ро дар ҷавоби «Махзануласрор», маснавии «Сулаймон ва Билқис»-ро дар ҷавоби «Ширин ва Хусрав», маснавии «Ная ва Даман»-ро дар ҷавоби «Лайлӣ ва Мачнун», маснавии «Ҳафт кишвар»-ро ба ҷои «Ҳафт пайкар» ва маснавии «Акбарнома»-ро дар пайравии «Искандарнома»-и суҳанвари маъруфи Ганҷа оғоз намуда будааст. Аҳли таҳқиқ доир ба «Ҳамса»-и Файзии Даканӣ ангушти таассуф аз он мегазанд, ки онро эҷодкор ба итмом расонида натавонистааст. Дар маснавии «Маркази адвор» аз ҷумла ин абёти хотирмону дилписанд аст, ки Алиасғари Деххудо дар «Луғатнома»-и худ онро иқтибос карда:

Шахномаи бенабард ишқ аст,
 Султони харобагард ишқ аст.
 Дар реғи равон дафинаи ӯ,
 Дар дасти тикӣ хазинаи ӯ.
 Сад маърақа орази сипоҳаш,
 Сад нола нақибӣ баргоҳаш.
 Аз оби чигар гузашта дилтанг,
 Бар оташи дил ниҳода авранг... [13]

Мувофиқи ишораи Шиблии Нуъмонӣ ва баъдтар А.Алимардонов яке аз маснавиҳои ба анҷом расонидаи Файзии Даканӣ достони «Нал ва Даман» мебошад, ки шоир ин достонро дар замина ва асоси яке аз қиссаҳои ҳамосаи қадими мардуми Ҳиндустон «Маҳабҳарата» рӯи дафтар овардааст.[14] Мавзӯи ин достон, асосан бар пояи ишқ рехта шуда, дар он ҳамзамон андешаҳои фалсафӣ, иҷтимоӣ, ахлоқӣ ва ғайраи эҷодкор рехта шудаанд.

Файзии Даканӣ новобаста ба он, ки умри хеле кӯтоҳеро ба сар бурда, дар навиштани асарҳои насрӣ низ рағбати алоҳидае доштааст. Ӯ соли 1577 асари насрии худ «Маворидулкалом»-ро навиштааст, ки он ба масъалаҳои ахлоқӣ бахшида шудааст. Соли 1593 бошад, ба Куръон тафсири навишта, ба он «Савонеъулилтҳом» ном мегузорад. Бояд гуфт, ки ҳам «Маворидулкалом» ва ҳам «Савонеъулилтҳом» бо ҳарфҳои бенуктаи арабӣ навишта шудаанд, ки аз дониши баланд ва ҳунари волои ҳаттоии ӯ гувоҳӣ медиҳанд. Ғайр аз ин, «Савонеъулилтҳом» гӯи он аст, ки адиби нуқтасанҷ ба «Куръони мачид» алоқаи зиёде дошта будааст ва ин аз сабақомӯзии кӯдакиаш оғоз ёфтааст. Вай дар «Добоча»-и ба девонаш навишта, ин ишораро дорад: «Вале неъматӣ ман падари ҳақиқӣ ва Худои маҷозӣ ман аст, ки аз райҳони раёҳини туфулият, ки ақли ҳаюлоӣ доштам, суварӣ маъонӣ ба ман во менамуд ва қарехӣ чомиадаро ба баландӣ раҳнамун мешуд. Вақте ки «Насоб»[15] мехондам, он қадар аз ганҷи илоҳӣ насиб бурда будам, ки ба гурусначашмони суҳан зақот меодам».[16] Ин тафсир берун аз ҳоки Ҳиндустон ҳам шӯҳрат дорад. Илова бар ин ҳама баъд аз вафоти шоир ва донишманди мазкур хоҳарзода ва шогирдаш Нуриддин Муҳаммад Абдуллоҳ ибни Ҳаким Айнулмулк мактубҳои тағояшро ҷамъу тадвин намуда, бо номи «Латифаи Файзӣ» китобе мураттаб кардааст, ки он дар омӯзишу пажӯҳиши ҳаёти сиёсӣ ва иҷтимоӣ фарҳангии замони зиндагии адиб ва таҳқиқи хусусиятҳои умдаи насри он давраи Ҳиндустон аҳамияти алоҳида доранд.

Мувофиқи ишора дар яке аз мактубҳои гӯё Файзии Даканӣ бо номи «Тазкиратушшуаро» китобе мураттаб сохта будааст, ки он ҳам нотамои монда, ҳамон қисмати нотамои ҳам аз байн рафтааст. Ин намое аз донишмандии Файзии Даканӣ, дар баробари тафсири бенукташ.

Дар байни осори ба меросмондаи Файзии Даканӣ «Девон»-и ӯ ба таври мукамал то ба замони мо расидааст, ки нусхаи ҳатти он дар китобхонаҳои зиёди дунё ва маъхазҳои шарқшиносии ҷаҳон маҳфуз мебошанд ва дар он ғазал мавқеи аввалиндарача дорад. Дар «Куллиёт»-и дар Лоҳур интишорёфтаи шоир 765 ғазал ҷой дорад, ки муҳтавои он масоили ишқӣ, фалсафӣ, иҷтимоӣ ва ахлоқӣанд. Ӯ дар навиштани ғазал низ аз пешиниёни ғазалсаро, монанди Амир Хусрави Дехлавӣ,

Саъдии Шерозӣ, Ҳасани Дехлавӣ, Камоли Хучандӣ, Ҷомӣ, баҳусус Ҳоча Ҳофизӣ Шерозӣ баҳраҳои судманд бардоштааст. Ҳоча Ҳофиз мегӯяд:

Соқӣ, ҳадиси сарву гулу лола меравад,
В-ин баҳс бо салосаи ғассола меравад.[17]

Файзии Даканӣ ба ин байти Ҳоча чунин пайравӣ кардааст:

Меноламу дилам зи пайи нола меравад,
В-ин нимҷони монда зи дунбола меравад.[18]

Ин паҳлӯи эҷодиёти адиб таҳқиқи ҳамачонибаро тақозо дорад ва умед аст, ки дар кӯтоҳтарин фурсат анҷом дода шаванду пешкаши аҳли таҳқиқ гардад.

Ниҳоят Файзии Даканӣ аз чехраҳои тобони адабиёт, фарҳанги форс-тоҷик дар хиттаи Ҳиндустон буда, аз худ мероси гаронмояи адабӣ боқӣ мондасту осори қудамои ҳиндиро ба форсӣ аз зарурат баргардонидааст, ки омӯхтани ҳамачонибаи он дар робитаҳои адабии мардуми Ҳиндустону эронитаборон аҳамияти назаррас дорад.

АДАБИЁТ

1. Шиблии Нуъмонӣ. Шерулаҷам ё таърихи шуаро ва адабиёти Эрон.-Техрон, 1334. -с. 27-28.
2. Ҳамон ҷо. -с. 27.
3. Шайх Абдулфайзи Файзӣ. Куллийёт.-Лохур: Интишороти таҳқиқоти Покистон, 1967. -с.166.
4. Алимардонов А.Файзии Даканӣ.Энсиклопедияи адабиёт ва санъати тоҷик. -Душанбе, 2004. -с. 259.
5. Шайх Абдулфайзи Файзӣ. Куллийёт.-с.271.
6. Алиев Г.Персоязичная литература Индии. -Москва, 1968. -с.211.
7. Шайх Абдулфайзи Файзӣ. Куллийёт.-с.156.
8. Муллоабдулнабии Фарухзамони Қазвинӣ. Тазкираи майхона. Ба саъйи эҳтимоми Аҳмад Гулчини Маонӣ. – Техрон, 1339. –с.250.
9. Шайх Абдулфайзи Файзӣ. Куллийёт.-с. «» (Дебоча).
10. Ҳамон ҷо. –«Дебоча».
11. Абдулҳусайни Зарринқуб. Аз гузаштаи адабии Эрон-Техрон,1375.-с.418.
12. Ҳамон ҷо. –с. 418.
13. Алиасғари Деххудо. Луғатнома. Ҷилди 37.-Техрон, 1341.-с.366.
14. Энсиклопедияи адабиёт ва санъати тоҷик. –с.259.
15. Насоб –«Насобуссибён», китоби дарсӣ аст, ки дар Ҳиндустон китоби таълимии аввал доништа мешуд.
16. Шайх Абдулфайзи Файзӣ. Куллийёт. –с. «» (Дебоча).
17. Ҳофизӣ Шерозӣ. Куллийёт. Мурағибӣ китоб ва муаллифи сарсухан Хамшед Шанбезода. -Душанбе: Ирфон, 1983.-с.283.
18. Шайх Абдулфайзи Файзӣ. Девон. Бо муқобила ва муқаддимаи Хусайни Оҳӣ.-Техрон: Фуруғӣ, 1362.-с.374.

ФАЙЗИ ДАКАНИ – ЛИТЕРАТОР, УЧЕНЫЙ И ПЕРЕВОДЧИК

В статье рассказывается о жизненном пути и творческом наследии представителя индийской школы поэзии таджикско – персидской литературы XVII века Файзии Дакани. Следует отметить, что среди многожанрового литературного наследия Файзии Дакани особое место занимает жанр газели. В данной статье также затронута тематика прозаических произведений литератора и подчеркивается его мастерство переводчика.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Индия, жанр, газель, переводчик, поэзия, персидская литература, представители индийской школы, литературное наследие.

FAIZY DAKANY – LITERATOR, SCIENCE AND TRANSLATOR

The article has Information about last life and heritage of one of popular poets of India section of Persian-tajik literature Faizy Dakany. It should be mentioned that if Faizy Dakany wrote his poems in different styles, but “gasal” has important place in his poetry. There is also Information about his poems and as well as his translator skills.

KEY WORDS: India, a genre, a gazelle, the translator, poetry, the Persian literature, representatives of the Indian school, a literary heritage.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: *К.Нурова* – старший преподаватель Технологического университета Таджикистана.

ТАСВИРИ СИМОИ ЗАН ДАР ЭҶОДИЁТИ ПРЕМЧАНД

С. Ёрова

Донишгоҳи миллии Тоҷикистон

Адабиёти ҳиндӣ яке аз адабиётҳои ганиии Ҳиндустон, бо бисёр шоирону нависандагони барҷастаи худ, ки дер боз шӯҳрати ҷаҳонӣ пайдо кардаанд, ифтихор мекунад. Аз нависандагони маъруф ва шинохташудаи ин адабиёт дар асри ХХ пеш аз ҳама бояд Премчандро номбар кунем, ки бо асарҳои баландмазмунӣ худ соҳиби маҳбубияти хос гаштааст.

Премчанд (номи аслиаш Дханпатрай Шривастав), ки дар солҳои 1880-1936 умр ба сар бурдааст, дар таърихи адабиёти ҳиндӣ ва урду ҳамчун асосгузори реализми танқидӣ шинохта мешавад. Ӯ дар адабиёти ҷаҳонӣ дар паҳлуи ҳамон адибони маъруф ҷой дорад, ки тамоми ҳаёт ва эҷодиёти худро ба аҳли заҳмат бахшида, дар мубориза бар зидди истисморгарони дохилию хориҷӣ ва барои ба даст овардани озодии мардуми Ҳиндустон талошҳои зиёд кардаанд. Премчанд хеле барвақт бо ҳаёт, ранҷу ғам ва мушкилиҳои аҳли заҳмат ва хусусан бо беҳуқуқию тирарӯзии занон аз ҳар паҳлу ошно буд. Аз ин ҷост, ки дар эҷодиёти ӯ бештар тасвири ҳаводису рӯйдодҳо аз ҳаёти мардуми бенавои деҳот ва бадбахтии занон ба назар мерасад.

Бебаҳс мавзӯи зан дар эҷодиёти Премчанд мавқеи муҳимро ишғол мекунад. Нависанда зебоии мафтункунанда, мардонагӣ, меҳнатдӯстӣ ва дигар хислатҳои занонро бо меҳри бузург ситоиш кардааст. Аз нигоҳи адиб занони ҳинду ҳамеша дар ишқу муҳаббат вафодор буда, барои ниғаҳдории оила доимо талош мекунанд.

Тақдирӣ занони Ҳинд Премчандро саҳт ба ҳаяҷон меовард ва ӯ сабабҳои муфлисиву бенавоӣ ва бадбахтии онҳоро фаҳмидан меҳост. Нависанда беҳуқуқӣ ва дар ҳаёти ҷомеа мақоми поён доштани занонро бо сӯзу гудоз тасвир менамуд. Дили пурмеҳри ӯ ба инсон аз бадбахтии занҳо ҳамеша дар сӯзиш буд ва як умр нависанда бо қаҳру ғазаб ва нафрати зиёд ба зидди поймолкунандагони ҳуқуқи хоҳарону модарон баромад мекард.

Премчанд дар асарҳои безаволи худ, хусусан, дар он асарҳое, ки бевосита ба занҳо бахшида шудаанд, тартибот, ҷаҳолат, беадолатӣ ва расму одатҳои кӯҳнаи зараровари замонаро, ки боиси нокомӣ ва тирарӯзии занон гардидаанд, зери танқид мегирад. Баробари ин, занони Ҳиндро ба мубориза барои озодӣ, ба мубориза мукобили урфу одатҳои кӯҳна ва аз худ намудани илму маърифат даъват менамояд. Қаҳрамонони асарҳои нависанда, аз ҷумлаи занон як хел нестанд. Онҳо аз одамони оддӣ шурӯъ намуда, то муборизони роҳи озодӣ мебошанд. Вале бояд гуфт, ки дар эҷодиёти Премчанд занҳо далеру пешқадам, иштирокчиҳои фаъоли дигаргунсозиҳои ҷамъиятӣ ва муборизи роҳи озодӣ буда, мавқеи махсус доранд. Ханӯз дар солҳои муборизаҳои сиёсӣ барои ба даст овардани истиқлолият яке аз занҳои намоёни Ҳиндустон Аруна Осаф Алӣ чунин изҳор карда буд: «Инқилоби калонтарин дар мамлакат ҳамон инқилоб ба ҳисоб меравад, ки мақоми занро дар ҷамъият баланд бардорад ва дараҷаи зиндагии ӯро беҳтар намояд».

Яке аз асарҳои Премчанд, ки дар он тақдирӣ талҳи зани ҳинду муфассал акси худро ёфтааст, романи «Нирмола» мебошад. Ин роман бори аввал соли 1923 аз ҷоп баромада, аз ҳамон сол то ба имрӯз дар таърихи адабиёти муосири Ҳинд сазовори мақоми хос гардидааст. Мавзӯи марказии роман тақдирӣ фочияноки занест бо номи Нирмола, ки аз зиндагӣ як лаҳза хушӣ надида, қурбони урфу одатҳои ҷамъият гардидааст. Бо вучуди бомаърифат ва шахси босавод будани падари Нирмола, дар хонаводаи ӯ урфу одатҳои кӯҳна нигоҳ дошта мешуданд ва зери чунин қонуну қоидаҳо тарбия гирифтани Нирмола дар ин хонавода, боиси бадбахтии ӯ гардида буд.

Нирмола дар умри кӯтоҳи худ рӯзҳои саҳт ва бераҳмиро аз сар гузаронида, дар изҳор ва инкишофи хислатҳои хубаш, аз ҷумла, инсондӯстиаш имконият пайдо накардааст. Образи Нирмола – ин ифодакунандаи дараҷаи олиии инкишофи реализми танқидӣ дар эҷодиёти Премчанд мебошад. Ин гуна симоҳо тақмили худро дар дигар асарҳои нависанда низ ёфтаанд.

Дар асарҳои баъди солҳои сегоми қарни гузашта эҷодкардаи Премчанд, бештар образи занҳои пешқадаму мубориз, ҳомиёни озодии Ҳиндустон ба таври реалистӣ тасвир шудаанд. Яке аз ҳикояҳое, ки дар он зан – модар тасвир шудааст, ҳикояи «Ҳабсхона» (1931) мебошад. Сюжети ин асар бо амалҳои мутақобилаи қаҳрамонони ҳикоя дар зиндагӣ сохта шудааст. Яке аз қаҳрамонҳо Вишамбхар, ки донишҷӯ будааст, минбаъд тарқи омӯзиш карда, ба дастаи фидоӣён ҳамроҳ мешавад. Образи дигар образи Ананд мебошад, ки ӯ низ дар аввал ҳисси ватандӯстӣ дошта, ба пуррагӣ ғояҳои «ҳаракати свадешӣ»-ро тарафдорӣ мекунад. Вале бо баҳонае, ки он ҳаракат низомии муайян надорад, якбора аз он рӯй гардонида, дур мешавад. Вишамбхар бошад, часуруна дар фикри худ устувор меистод ва барои озодии мамлакат ҳамеша тайёр буд, ки ҷон нисор кунад. Образи дигар, ки он дар асар образи асосӣ ҳисоб меёбад, образи духтарест бо номи Рупмани. Рупмани аз оилаи сарватманд буда, дар аввал бо Ананд ҳамфикр мешавад ва ба Вишамбхар аҳамияте зоҳир намекунад. Даре нагузашта, Вишамбхар тарқи донишгоҳ намуда, ба деҳаҳо рафта, корҳои таблиғотиро иҷро мекунад. Инро дида, фикри ақидаи Рупмани ба ин ду навҷавон тағйир меёбад. Ӯ ҳақ будани Вишамбхарро дар фаъолият, ки дорад, эҳсос менамояд ва боварӣ пайдо мекунад, ки Вишамбхар барин ҷавонони пешқадам ҳаёти мардуми бенаворо дигар карда метавонанд. Оҳиста-оҳиста Рупмани аз Ананд дур шудан мегирад. Дар

сӯҳбати охирине, ки байни онҳо сурат мегирад, дар пеши назари Рупманӣ хислатҳои манфии Ананд аз ҷумлаи худпарастӣ ва худбинӣ кушода мешавад. Дар сӯҳбат бо фикри андешаи Ананд оид ба устувор будани шароити иҷтимоии мавҷудабада ва дар бораи хизмати бузурги равшанфикрони ҷамъият, Рупманӣ чунин посух медиҳад: «Агар баъди ба даст овардани «свараҷ» ҳам ҳокимияти сарватмандон боқӣ монад, он гоҳ ҷавоби ман чунин аст, ки «свараҷ» бехтараш пайдо нашавад. Ман он «свараҷ»-ро дидан мехоҳам, ки дар он ҳеч набошад, азияткашидагон ҳимоя карда шаванд ва он ҳокимияти ҳиндуҳо бошад».

Аз гуфтаҳои Рупманӣ, ки албатта, ақидаҳои худӣ Премчанд аст, чунин бармеояд, ки муаллиф на танҳо тарафдори ба даст овардани истиқлолияти Ҳиндустон, балки боз орзуи онро мекунад, ки Ҳиндустон ба чунин кишваре мубаддал гардад, ки дар он ҳаёти иҷтимоии мардум хуб шавад ва ҳеч набошад, мардуми бенаво ва қашшоқи ин кишвар ҳимоя карда шавад.

Баъдтар Рупманӣ ба мутолиаи адабиёти сиёсӣ шуруъ мекунад ва дар маҳфилҳои, ки ба хотири ба даст овардани озодӣ барпо мешуданд, фаъолона иштирок мекунад. Ҳамин тарик, ӯ ба як муборизи ҳақиқии роҳи озодӣ табдил меёбад.

Премчанд дар ин ҳикоя хонандаро бо зане шинос мекунад, ки ӯ натавонанд мехоҳад худ озод бошад, балки мехоҳад тамоми Ҳиндустон аз зулмат раҳой ёбад. Нависанда Рупманиро аз як зани бепарво нисбат ба тақдирӣ ватанаш то ба муборизи матини роҳи озодӣ мерасонад. Бо вучуди дар оилаи сарватманд ба воя расидани Рупманӣ ва аз ҳеч чиз камбудӣ надоштаниаш, дар зери таъсири ақидаҳои Вишамбхар ватандӯсти ҳақиқӣ мегардад. Дар он давра дар Ҳиндустон бисёр занҳои буданд, ки ба тақдирӣ худ тан дода, ба воқеаҳои дар атрофи руҳлодаи стода бепарвоёна назар мекарданд. Онҳо ҳаёти талхи худ ва беҳуқуқиҳошонро табиӣ дониста, ҳеч гуна эътирозе намекарданд. Аз ин ҷост, ки чунин адиби пешқадам ба мисли Премчанд, ки худ дар байни мардуми оддӣ ба воя расидааст, бо қалами тези худ замонро, ки бо урфу одатҳои кӯҳан пойбанд аст, тасвир намуда, барои ҳимояи занҳои аз ҳуқуқҳои худ маҳрум шуда талош мекунад. Занҳои тасвир мекунад, ки бедор шуда, барои озодии худ мубориза меканд.

Ҳикояи «Роҳи пуршараф» (1930) низ ба мавзӯи ватандӯстӣ ва ба муборизони роҳи озодӣ бахшида шудааст. Қаҳрамони асосии асар Нохрӣ ном зани ҳинду мебошад. Дар ин ҳикоя Нохрӣ як пиразани солхӯрда ҳамчун муборизи ҳақиқии роҳи озодӣ нишон дода шудааст. Премчанд дар ин ҳикоя мисли дигар ҳикояҳои аз тасвири доманадори симои асосӣ даст кашадааст. Барои нависанда фақат тағйир ёфтани ақидаи зане, ки бехтарин солҳои ҳаёти худро бо саҳтиҳо паси сар кардааст ва ба муборизаи озодихоҳона қадам ниҳодааст, муҳим буд. Нохрӣ аз ҷумлаи онҳое набуд, ки бо сабаби пиронсолӣ худро аз ҳама фаъолияти озодихоҳона ва ватанпарварона канор гирад ва маъносона интизори омадини марг шавад, гарчанде ки то ғуруби офтоби зиндагиаш дақиқаҳо ба шумор монда буданд.

Рӯзе ба деҳае, ки Нохрӣ зиндагӣ мекард, гурӯҳи фидоён, ки баҳри озодию истиқлолияти Ҳиндустон камар баста буданд, барои дам гирифтани меоянд. Онҳо инчунин мехостанд, ки аз фурсати истифода бурда, ҷавонмардони деҳаҳо ба сафҳои худ ҷалб намоянд. Ҳар як бошандаи деҳа кӯшиш мекард, ки онҳоро бо як дастовезе пешвоз гирад. Танҳо Нохрӣ бо сабаби бенаво буданиаш имконияте надошт, ки бо ягон чизе ба пешвози ин мардони муборизи озодихоҳ барояд. ӯ афсӯсхӯрон аз сар мегузaronид: «Агар Худованд маро ин қадар очизу бенаво намекард, он гоҳ, ман имрӯз кулбаи худро меоростам, ба ҳавлиам мусиқанавозонро даъват мекардам, нони гарм пӯхта, зиёфат меодам ва ҳатто пас аз зиёфат пулу пайсаро низ барои онҳо дареғ намедоштам».

Гумон мекунанд, ки акнун ин пиразан ба ҷуз дар ғӯшае нишаста, бо ҳасрат гиря кардан, дигар илоче надорад. Лекин вай мақсади сар фаровардан надошт.

Баробари расидани фидоён, мардуми деҳа онҳоро ихота карданд ва ҳар кадом омода буд, ки ба онҳо аз ягон ҷиҳат нафъи худро расонанд. Нохрӣ дар ёди касе набошад ҳам, худро ба ноумедӣ таслим намекард: «Ҳангоми ин шӯрушар касе ба Нохрӣ, ки ба асои худ тақия намуда, ба омадагон дуои хайр мегуфт, диққат намедод. Аз чашмони пиразан ашки шодӣ мерехт. Андомаш бошад, як гуруҷро ифода мекард, ки гӯё ӯ ягон малика бошад. Гӯё ҳамаи ин ҷавонон фарзандони ӯ буданд. Нохрӣ дар умраш ин қадар руҳбаланд нашуда буд ва ин қадар эҳсоси нерӯмандӣ низ надошт».

Дар мисоли вохӯрии гурӯҳи фидоён ва мардуми як деҳаи хурд, Премчанд ба бедоршавии тамоми мардумони Ҳиндустон ишора кардааст. Гарчанде ҳоло барои худӣ фидоён ва онҳое, ки ба сафи онҳо ҳамроҳ шуданианд, на ҳамаи паҳлуҳои муборизаи даргешистода равшан бошад ҳам, муҳим он аст, ки он фазо, ки дар натиҷаи ташкилҳои чунин дастаҳои ватанпарвар ба вучуд омада, фазои руҳафзо ва умедбахш буд. Маҳз ҳамин фазо қомати ҳамидан Нохрӣро рост ва ҷисми фарғути ӯро ба ҷунбишу ҳаракат меовард. Дар оғози ҳикоя гӯё чизе шаҳодати онро намекард, ки Нохрӣ «қаҳрамон» аст. Як пиразани ҳафтаду панҷсолаи бемадор, дар назди кулбаи нообод, бо чашмони кайҳо боз хирашуда, ҳеч бисоте надошта ва бо садакаи мардум умр басарбурдаи стода.

Дар назди фидоиён якбора ба ракс даромаданаш низ нишони қаҳрамонӣ набуд. Ракси пиразан дар аввал ҳатто боиси захрхандаи атрофиён мегардад. Лекин, вақте ки ӯ аз ракс бозистода, ҳозиринро барои мубориза даъват мекунад, ба назар қаҳрамонӣ мерасад, ки ҳам худ омода аст шучоат нишон диҳад ва ҳам мардумро вориди ҷодаи қаҳрамонӣ намояд. Нохрӣ ягона шахсест, ки ҳатто аз полис ҳам тарсе надошт. Дехотиён чун мешунаванд, ки полис онҳоро латуқуб кардани аст, роҳи гурезро пеш гирифта, пароканда мешаванд. Фақат Нохрӣ дар ҷои худ устувор истода, бо намояндаи тартибу интизом бебоконе баҳс мекунад.

Дар ҳамин баҳс Премчанд матонат, оқилӣ ва бо халқу ватан дилсӯзии зиёд доштани модарро кайд намуда, ӯро дар айни ҳол чун фошкунандаи иллатҳои ҷамъиятӣ тасвир мекунад.

Ин қадар ба чуръату далерӣ бо полис сар ба сар шудани Нохрӣ ба ҳамдеҳагонаш рӯху қувваи тоза мебахшад, ки онҳо оҳиста – оҳиста боз ба назди фидоиён бармегарданд. Нозири полис барои рондани онҳо шамшерро ба кор мебарад. Анбӯҳи мардум аз нав пароканда мешаванд ва боз чун пештара бо вучуди зарбаи саҳти полисхоро хӯрдан, Нохрӣ садди роҳи онҳо мешавад. Пиразан бо сардори баланд ба ҳамдеҳагонаш мурочиат мекунад: «Фарзандон! Чаро фирор мекунад? Оё шумо ба ин ҷо барои зиёфат, ё барои тамошои ягон намоиш омадаед? Ҳамин тарсу хароси шумоён аст, ки ин разилонро шердил кардааст. То ба кай ба ин зарбаҳо тоб меоред? То ба кай хомӯш нишаста, нисбати худ ва ватани худ дашном мешунавед!»

Яке аз полисони ботануманд Нохрӣро саҳт тела дода, аз пой меафтанад, вале ба ӯ муяссар намешавад, ки пиразанро хомӯш кунад. Аз ин рафтори полисҳо Нохрӣ боз бештар онҳоро, ки барои нафси худ ватанфурӯшӣ ва барои манфиати шахсии худ чун ғулом фармонбардориро касб кардаанд, сарзаниш мекунад. Ин сарзанишҳои пиразан ҷашми тамоми дехотиёнро мекушояд. Аввалин шуда худӣ Нохрӣ ба сафи фидоиён дохил шуданро ихтиёр мекунад ва дигарон низ чуръат намуда, ба ин саф шомил мешаванд.

Ҳикояи «Роҳи пуршараф»-ро ҳамчун тасвири ҷунбиши мардуми Ҳиндустон шарҳ додан мумкин аст. Нависанда фаъолияти муборизони роҳи озодиро, ки дигар тоқати бори гарони ғуломиро кашидан надоштанд, реалистона ба қалам додааст.

Нависандаи ҳақиқатгӯ маҳз дар симои одамони оддӣ ватандӯстони ҳақиқиро мебинад. Қаҳрамонҳои марказии асарҳои Премчанд, аз ҷумла, Нирмола, Рупмани, Нохрӣ ва ғайра қаҳрамонҳои мебошанд, ки асосан аз байни мардуми ҷафодидани оддӣ ва алаҳхусус, аз байни дехотиён баромадаанд.

Албатта, ҳамин ҷиҳатхоро ба назар гирифта, чунин хулосабарорӣ намудан лозим аст, ки чеҳра ва кирдори зани муборизи роҳи озодӣ ва дигар занҳоро аз ториқиҳои зиндагӣ берун мекардагӣ аз тарафи нависанда хеле моҳирона тасвир шудааст. Ҳар як хонанда аз мутолиаи чунин асарҳои пурмазмунӣ бо ҳаёти онвақтаи бенавои Ҳиндустон дахлдошта ошно шуда, моҳияти реалистона ва оҳанги инсонпарваронаи эҷодии нависандаи бузурги Ҳиндустон Премчандро ба зудӣ пай мебарад. Он занҳоро, ки Премчанд чун муборизи роҳи озодӣ, чун ватандӯст тасвир намудааст, дорои хислатҳои ибратбахши зиндагӣ мебошанд. Қаҳрамонию шучоати онҳо сарбаландии мардуми Ҳинд мебошад. Ҳамин тариқ ва ба ҳамин васила, Премчанд талош кардааст, ки нерӯи нависандагии худро ба манфиати халқ равона кунад.

АДАБИЁТ

1. «Огонё» (мач), 1985, №50.
2. Премчанд. Манасаровар ҷилди 7, Оллоҳобод, 1965.
3. Премчанд. Нирмола. Оллоҳобод, 1981.
4. Премчанд. Нирмола. Рассказы. М. 1958.
5. Раҷабов Ҳ.Р. Премчанд, Душанбе, 1995.

ОБРАЗ ЖЕНЩИН В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ПРЕМЧАНДА

Образ женщины занимает важное место в произведениях Премчанда. В статье, на примере двух рассказов и романа «Нирмола» анализируется мастерство Премчанда прозаика, прекрасно знающего внешний и внутренний мир своих героинь, простых и в тоже время волевых женщин Индии.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: индийская литература, Премчанд, образ женщин в произведениях Премчанда, женщины Индии.

THE IMAGE OF WOMAN IN PREMCHAND'S WORKS

The image of woman take up an important element in Premchands works. In the article by way of example of two stories and novel «Nimola» is shown the analysis of Premchands mastership Premchand is a prosiest well knowing the in word and outward of this heroines, this heroines are simple and at the same time strung-willed Indian women.

KEYWORDS: the Indian literature, Premchand, image of women in products of Premchand, the woman of India.

НОМА БАЁНГАРИ ҶУЗЪЕ АЗ АНДЕШАҶОИ АДАБИЙ - ЭСТЕТИКИИ С. АЙНИЙ

Н. Аслонова
Донишгоҳи иқтисодии Тоҷикистон

Дар асри ХХI имкон дорад, ки навъи нома ва номанигорӣ дар эҷодиёти чеҳраҳои бузурги адабиёт аз байн биравад. Аз ин ба баъд мо ба ҷойи мукотибот шоҳиди факсо, имайлҳо ва пайёмҳои телефонии ҳунармандон хоҳем шуд. Ба назари мо, ҳеҷ кадом аз инҳо ҷойи номаро иваз карда наметавонанд. Нома ба куллий чизи дигаре аст. Факсу имайл ва пайёмҳои телефонӣ маводе хоҳанд буд, ки бо ғушу чашм назора мешаванд. Аммо он чи, ки дохили покати асту болои он суроға ва исми номанавис сабт аст, мутолиаи он кайфияти дигаре хоҳад дошт. Муҳаққиқини нома бар ин ақидаанд, ки кушодани покати ва берун баровардани нома аз дохили он лаззати дигаре дорад, махсусан, агар он нома аз ҷониби маҳбубе расида бошад. Ба таъбири Имрони Салоҳӣ: “Гирандаи покатиро ҷилуи нӯр мегирад ва бо эҳтиёт ва зарофат онро боз мекунад, то латмае ба нома ворид нашавад. Номаро, ки боз мекунад, рӯй тарафи марбута мебинад ва аз сатр-сатри он бӯйи ӯро мешунавад. Ин ҷӯр номаҳо маъмулан дар ҷамъ хонда намешавад, дар хилват ва танҳоӣ хонда мешавад ва борҳо ва борҳо хонда мешавад ва то муддатҳо ҳамроҳи гиранда аст” (13.- с. 5-6)

Сарфи назар аз ин ки нома ошиқона аст ё мазмуни дигаре дорад, барои гирандаи он масъулиятро бор меорад, зеро дар он чизи меҳостаи шахси гиранда инъикос меёбад. Масалан, вақте ки як адиби навқалам аз устодони сухан монанди С.Айни, А. Лохутӣ, М.Турсунзода нома мегирад, табиист, ки ӯ номаро бо ҳаяҷон боз мекунад ва дар он маъниеро меҷӯяд, ки ба манфиати нависандагии вай гуфта шуда бошад.

Нома ва номанигорӣ ҳамчун навъи хоси адабиёти бадеӣ таърихи ҳазорсола дошта, дар ҳар давру замон дар эҷодиёти адибони бузург аҳамияти хоса касб намудааст. Метавон оғози адабиёти нави тоҷикро ҳам дар мавҷудияти навъи нома, мактуб, муҳлиқот ва ғайра ба мушоҳида гирифт.

Табиист, ки нома дорои шакл ва мавзӯву мазмуни муайян буда, эҷоди он ба маҳорат ва майлӯ завқи адиби мавриди назар вобастагӣ пайдо менамояд. Нома метавонад ба шакли назм ва ҳам наср сурат бигирад. Таърихи номанигорӣ гувоҳи мебахад, ки он аз қадимулайём баёнгарии шахсият ва саҳифае аз зиндагиномаи адиб ҳисоб меёбад. Нома бидуни мақсад ва суроғаи муайян навишта намешавад (11.с. 32). Одатан, ин навъи адабӣ миёни ду шахс сурат мегирад. Яъне, аввал ба суроғаи шахси муайян фиристода мешавад ва агар ҷавоб ба он сурат бигирад, номаи дуввум арзи вучуд мекунад. Ба ибораи дигар, номаи дуввум идомаи мантиқии номаи аввал мебошад. Аммо чунин ҳам шуданаш мумкин аст, ки номаи дуввум, ки заминааш номаи аввал аст, ба вучуд наояд. Гузашта аз ин, нома метавонад ба суроғаи идорае, муассисае фиристода шавад. Дар маҷмӯъ, агар номанавис миёни ду шахси муайян, чунон ки дар эҷодиёти устодон Айни ва Лохутӣ мебинем, мунтазам сурат бигирад, натиҷааш силсилаи мақолаҳои илмӣ-бадеии хурду калонеро менамояд, ки мавзӯҳои гуногуни адабиро дар бар гирифта метавонад (9). Яъне, мавзӯи нома гуногун мешавад: ишқӣ, хонаводагӣ, нақшаи эҷодӣ, мутолиот ва ғ. Масалан, номаҳои маъшуқаҳои А.С. Пушкин дар ду китоб ҷамъоварӣ шудаанд, ки ҳамагӣ меҳру муҳаббат ва садоқату ишқӣ беҳамтоӣ хешро ба шоир ифода менамоянд (11. с.32).

Мавзӯи баҳси назарии жанри номаро ба вақти муносибе ҳавола намуда (14), гуфтанием, ки дар садаи ХХ ин навъи адабӣ дар эҷодиёти устодон Айни, Лохутӣ, М.Турсунзода, Ҷ.Иқромӣ, А.Дехотӣ ва амсоли онҳо аҳамияти муҳими таърихӣ ва адабӣ пайдо кардааст.

Номаҳои устод Айни, ки ба суроғаи шоғирдону ҳамнаслони хеш фиристода шудаанд дорои макон – шахре, замон – рӯзу моҳу соли буда, воқеа, лаҳза, ҷузъиётеро аз рӯзгори хеш, муҳити адабиву фарҳангии мавҷуда мавриди баҳс қарор додаанд. Масалан, мактубҳои, ки миёни устодон Айни ва Лохутӣ аз солҳои бистум то панҷоҳуми қарни ХХ сурат гирифтаанд, аз ҳаёти маишӣ ва моддии оилавии онҳо ҳам баҳс менамояд. Ин ҷиҳат ба он хотир ҷолиб аст, ки ҳаёти шахсии одамони бузург аз ҳаёти ҷамъиятиашон ҷудонашаванда буда, он ҳам аҳамияти таърихӣ, адабӣ ва тарбиявӣ дорад...” (9.- с.3).

Дар адабиётшиносии муосир масъалаи таҳқиқи номаҳои адибон торафт аҳамият пайдо менамояд. Албатта, дар адабиётшиносии Аврупо ва Ғарб вобаста ба мавзӯи мавриди назар, қорҳои бисёре ба анҷом расидааст (14.- с.3-5). Ҳамчунин дар адабиётшиносии муосири Шарқ низ аз солҳои 50-

уми асри XX сар карда, мукотиботи адибон бобҳои алоҳидаи рисолаҳои муҳаққикони адабиёти бадеиро ташкил додаанд (10,11).

Афсӯс, ки дар ҳавзаи адабии Тоҷикистон ин навъ китоб, ба истиснои ду ҷопи “Мукотибаи Садриддин Айни ва Абулқосим Лоҳутӣ” (1978; 2003), рӯйи ҷоп наомадааст. Дуруст аст, ки намунаҳо аз мукотиботи М.Турсунзода, Ҷ. Иқромӣ, С. Улуғзода, Р. Ҷалил, Ф.Муҳаммадиев, Пӯлод Толис ва амсоли онон ҷо-ҷо дар маҷаллаи “Садои Шарқ” ва дигар нашрияҳо ба ҷоп расидаанд. Ҳол он ки аз ин мукотибот бисёре аз саҳифаҳои дар ториқӣ мондаи ҷараёни адабиёти садаи XX-и тоҷикро муайян кардан мумкин аст. Масалан, рисолаи профессор Х.Асозода “Иловаҳо ба шарҳи ҳоли устод Айни” дар заминаи китоби “Мукотибаи Садриддин Айни ва Абулқосим Лоҳутӣ” навишта шудааст (10.-92 с.)

Мо дар ин мақола ба сифати оғоз бахшидан ба таҳқиқи адабиётшиносии мактубҳои устод Айни, фақат як номаи ӯро, ки 22 феввали соли 1954, аз шаҳри Самарқанд ба суроғи мудирӣ музейи таърихӣ кишваршиносии Бухоро Мӯҳсин Яъқубов фиристода шудааст, мавриди таҳқиқ қарор хоҳем дод (7.-с.110-114)

Маълум мешавад, ки мудирӣ музейи номбурда, ба хотири ин ки шакли ҳамонвақтаи “обхона”-ро, ки дар Арки амири Бухоро мавҷуд будааст ва С.Айни ҳам дар баробари садҳо бегуноҳони ҷабрида шаберо дар он сипарӣ намудааст, барқарор кунанд ба устод Айни номае фиристода, хоҳиш кардааст, ки шарҳи ҳаёти шуданаш ва дар “обхона” қарор доштаниро ба тафсил нависад. Мактуби дар боло ишорашудаи С.Айни ҷавобест ба хоҳиши Мӯҳсин Яъқубов.

Номаи М.Яъқубов 22 январи соли 1954 ба унвони президенти Академияи илмҳои Тоҷикистон С.Айни, ба Сталинобод фиристода мешавад. Бинобар ин ки С.Айни дар хонаи худаш дар Самарқанд мезистааст ва ҳамон шабу рӯзҳо бемор будааст, мактуби М.Яъқубовро аз Академияи илмҳо ба ӯ, 18 феввали 1954 мерасонанд. Дар оғози нома устод Айни сабабҳои дар боло овардари зикр намуда, аз М.Яъқубов узр меҷӯяд, ки ба мактубаш дер ҷавоб менависад (7.-с.110-114)

Номаи устод Айни шарҳу эзоҳи “обхона”-и Арки амир буда ва ҳам ҷӣ навъ одамони кушбегӣ-Насруллоҳ С.Айниро аз хучрааш дар мадрасаи Қўқалтош лату қўқунон 9 апрели соли 1917 (ба ҳисоби нав 22 апрели 1917) ба Арки амир оварда, ба “обхона” ҳаёти мекунонанд, мебошад.

“Обхона” ҳамчун яке аз ҷойҳои нигоҳдории одамони бегуноҳи ҷўқоришуда дар сарнавишти С.Айни саҳифаи хузнангез ва даҳшатоваре ҳисоб меёбад. Бесабаб нест, ки устод дар китобҳои: “Таърихи инқилоби фикрӣ дар Бухоро”, “Ҷаллодони Бухоро”, “Мухтасари тарҷумаи ҳоли худам”, “Дохунда” ва дигар мақолаҳои публицистии тақрор ба тақрор тасвири “обхона”-ро лозим медонад ва дар ҳар тасвир доир ба он ҷузъиёти тозаеро кашф кардани мешавад (1.- с.212-222; 2.- с.226-231; 3.- с.14; 4.- с.91-95; 7.- с.110-119; 8.- с.231-237).

Тасвири аввали “обхона”, ки ба соли 1918 рост меояд, чунин омадааст:

“Вақте ки аз дарвозаи Арки Олӣ дохил мешавад, дар ҷониби дасти чап алаттартиб чанд хонача аст, ки “обхона”-аш меноманд ва аз ҷумлаи маҳбасҳои саҳти Бухоро аст. Дари ин хонаҳо тақрибан ним олчин арзу як олчин баландӣ дорад. Вусъати ин хонаҳо баъзе се олчин, баъзе чор ё панҷ олчини мураббаъ аст ...Хонае, ки маро дар он ҷо ҳаёти карданд, тахминан чор олчини мураббаъ вусъат дошт ...” (1.- с. 212)

Ин тасвири “обхона”, тақрибан баъд аз даҳ моҳи аз “обхона” ҳалос шудану 52 рӯз дар шифохонаи Когон табобат дидан ва баъд аз 25 амалиёти ҷарроҳиро паси сар намудан ва Самарқандро иқоматгоҳи худ қарор додани С.Айни навишта шудааст. Яъне, ин тасвир бояд тозагарин дониши устод аз “обхона” бошад. Тасвири дуввуми “обхона”-ро дар қиссаи “Ҷаллодони Бухоро” меҳонем, ки таърихи соли 1920 – ро дорад.

Устод зимни инъикоси “регхона” оид ба “обхона” ҳам мутаваҷҷеҳ шуда, аз ҷумла, онро чунин тасвир мекунад: “Вақте ки шумо аз тахтапули регистони Бухоро боло рафта, ба дарвозаи арк дароед, дар дасти чап, дар долони болопушида як қатор хучраҳо мебинед, ки онҳо “обхона” ном маҳбасҳои амир буданд ...” (3.- с. 14)

Дар романи “Дохунда” (1930), вақте ки қаҳрамони бадеии асар дар яке аз хонаҳои ин “обхона” зиндонӣ мегардад, С.Айниро лозим меояд, ки тасвири сеvvуми “обхона”-ро биофарод (2.- с. 226-231). Вобаста ба ин ки ин тасвир акнун дар асари бадеи - таърихӣ нависанда сурат мегирад, мувофиқи талаботи суҷаи роман, тасвири “обхона”-ро бо тасвири “регхона”, ки бо даричае ба ҳамдигар пайвастанд, пайванди мантиқӣ медиҳад. Яъне, маҳкумшудагон, ки дар “обхона” ба тарзи “ғарғара” ба қатл бояд расонда шаванд, онҳоро аз “обхона” берун набароварда, балки аз даричаи пайвасте ба “регхона” мегузаронданд. Мо ин ҷо тасвири “регхона”-ро зарур надониста (муфассалан ниг.: 3.- с.14-16) шарҳи фақат “обхона”-ро, ки ҷузъиёте аз он нисбат ба инъикоси қаблӣ тозагӣ дорад, зарур донистем: “... боз як қатор хонаҳо ҳастанд, ки инҳоро “обхона” меноманд; ин обхонаҳо аз машҳуртарин ва мустаҳкамтарини маҳбасҳои Бухорои амир буданд. Фароҳии ин обхонаҳо ҳар қадом тахминан 4 ё 5 оршини мураббаъ буда, ҷои даромади ҳаво ва зиёшон танҳо як даричаест, ки ба

таги долони торики дарвозаи арк кушода мешавад...Палоси ин обхона танҳо як бӯрӯчае буд, ки пас аз ҷӯб зада хуншор кардани пушти бандиён, онҳоро пушт ба замин ба рӯи ҳамин бӯрӯча мехобонданд...(2.-с. 227).

Тафовут дар он аст, ки С.Айнӣ дар боби “Дар обхона”, сабаби чунин унвон гирифтандро нишон медиҳад: Сабаби “обхона” номидани ин ҳабсхонаҳо ин буд, ки инҳо ҳам монанди обхона – халочоҳо ҳамеша маргуб, бадбӯй ва мулававс буданд (2.-с. 227).

Тасвири чоруми “обхона”-ро дар “Мухтасари тарҷимаи ҳоли худам”-и С.Айнӣ ба мушоҳида мегирем, аммо ин ҷо С.Айнӣ нахостааст, ки тасвири ҳанӯз соли 1930, дар романи “Дохунда” овардаашро такрор намояд, балки дар қавсайн ҳини “обхона”-ро эзоҳ додан чунин менигорад: (Ман тафсилоти “обхона” ном ҳабсхонаи амир ва ҳаёти маҳбусони он чоро дар “Дохунда” ном романи худ тасвир кардам). (4.-с.92; 2.-с.226-231). Бо вучуди ин, С.Айнӣ менависад: “Маро дар “обхона” ҳаво доданд. Вусъати “обхона” аз чор оршини мураббаъ зиёд набуд. Аммо дар он ҷо одамони маҳбус чунон бисёр буданд, ки қариб болои ҳам менишастанд. Як қисми онҳо ҳафт сол боз он ҷо монда буданд (як маҳбуси ҳафтсола буд, ки ду сол боз чашмаш аз дидан бозмонда будааст). (4.-с.92).

Тасвири панҷуми “обхона”-ро дар номаи ҷавобияи С.Айнӣ, ки зикраш дар боло рафт ва инро метавон аз охири тасвирҳои “обхона” дар қалами устод ҳисобид, чунин мехонем: “Баъди аз дарвозаи Арки Бухоро даромадан, аввалин хона, ки дар чап ҳаст, ҳамин “обхона” аст, ки ман дар он ҷо ҳабс карда шуда будам. вазъияти ин “обхона” дар рӯзи ҳабс карда шудани ман тартиби зерин буд: аз гушаи ғарбии вай як дутани танге, аз зинаи “обхона” баландтар, ба тарафи гулдастаи чапи дарвозаи Арк кушода мешуд. Дар он гулдаста дар баландии қад одам як раваначаи дарозрӯяи танг ба тарафи Регистон кушода мешуд, ки аз он ҷо “рушноӣ” ба ин “обхона” мебаромад. Овози ғул-ғулаи Регистон аз он ҷо шунида мешуд ва касе, ки дар зери он раванача рафта, ба тарафи Регистон нигоҳ мекард, аҳволи дар Регистон бударо дида метавонист.

Дар миёнаҳои “обхона” як бӯрӯчаи дугазӣ паҳн карда шуда буд, ки дар вай доғи хун ва гӯштҳои хушкидамондаи 75-ҷӯбхӯрдагонии пештара намуда меистод.

Баъд аз даромадан аз даричаи “обхона”, дар дасти чап як ҷукричаи сандалимонанд буд, ки вай халлоҷи маҳбусон ба шумор мерафт ва дар айни замон маҳбусон дасту рӯи худро ҳам дар он ҷо мешустаанд. Дар вақти ман дар он ҷо даромаданам он ҷукурча аз ифлосӣ лаб ба лаб пур буда, оби ифлосаш ба ҳар тараф шорида меистод...” (7.-с.110).

Тавре ки аз тасвири чандқаратаи “обхона” дида мешавад, дар ҳар қадам аз тасвирҳо ҷузъиёте ҳаст, ки ба ҳам монанданд ва ӯ ҷузъиёте ҳаст, ки аз як тасвир ба тасвири дигар интиқол наёфтааст. Масалан, дар ҳамин панҷ навъ тасвири “обхона”, ҷузъиёти ҳаҷму ҳудуди хонаҷаҳои обхона, палоси он, ҷукрие, ки вазифаи ташнобро адо менамуд ва ғайра нишонҳои “обхона”, ҳарчанд ки як мақсадро ифода мекунанд, аз нигоҳи тасвир аз якдигар тафовут доранд: “Вусъати ин хонаҳо баъзе се олчин, баъзе чор ӯ панҷ олчини мураббаъ аст” (1.-с.212); “Вусъати “обхона” аз чор оршини мураббаъ зиёд набуд” (4.-с.92); “Фароҳии ин обхонаҳо ҳар қадам тахминан 4 ӯ 5 оршини мураббаъ буда...” (2.-с.227). Тасвири ҳамин ҷузъиёт дар шинохти охири адиб дар мактуби ӯ ба М.Яъқубов ба назар намерасад. Маълум мешавад, ки С.Айнӣ дар тасвири ин ҷузъиёт аз дониши хопиравиаш дар солҳои гуногун истифода кардааст. Яъне, ӯ барои тасвири дувумро ба ҷо овардан ба матни аввалаи ин тасвир мурочиат накардааст. Аз ин ҷост, ки вусъати “обхона”-ро “се олчин, чор ӯ панҷ олчин, аз чор олчин зиёд набуд, 4 ӯ 5 оршин буд” баён мекунад.

Ҷузъиёти дигар: “Палоси ин хона иборат аз як порча бӯрӯи (ҳасири) фарсуда буд, ки аз ғояти кӯҳнагӣ пора-пора гардида буд” (1.-с.212); “Бӯрӯе, ки маро ба рӯи вай хобонда буданд..., ягона давои 75 ҷӯб задашудагон буд...” (4.-с.94); “Дар миёнаҳои “обхона” як бӯрӯчаи дугазӣ паҳн карда шуда буд...” (7.-с.110). Тавре мебинем, ҷузъиёти бӯрӯе ҷое “як порча”, ҷойи дигар “бӯрӯе”, “як бӯрӯчаи дугазӣ...” рӯйи тасвир омадааст. Ба вазифаи палос омадани бӯрӯро С.Айнӣ фақат дар тасвири аввал, ки ба соли 1918 рост меояд, таъкид менамояд.

Ба муҳити дохилии “обхона”, шароити он ва ҷузъиёти бӯрӯе бештар тавачҷӯх зоҳир кардани С.Айнӣ ба он сабаб аст, ки баъд аз 75 ҷӯбро ба пушташ занондан, шаберо он ҷо гузарондааст ва маҳз ҳамон палос – бӯрӯе будааст, ки ҷӯбхӯрдагонро андаке дармон мебахшидааст.

С.Айнӣ дар тасвири нахусти бӯрӯе менависад: “Ба болои бӯрӯе (ҳасир) маро пушт ба зер, яъне ҷароҳатро мулосиқ ба бӯрӯе карда, хобонданд ва ҳаракат накарданамро тавсия фармуданд. Назар ба таҷрибаи эшон ягона давои ибтидоии ин гуна зарб ҳамин хобондан ба бӯрӯе буд... Лекин бӯрӯе, ки дар ин маҳбас буд, бағоят кӯҳनावу чиркин, ба хуни садҳо амсоли мо маҷрӯҳини мазлум олудашудагӣ буд. Ба замми ин, палоси он ҳама маҳбус низ чандин сол боз ҳамин бӯрӯе буд...” (1.-с.220).

Ҳамин тасвири хузнангез баъд аз 31 сол, яъне соли 1949 дар қалами С.Айнӣ ин тавр омадааст: “Маҳбусони кӯҳна як бӯрӯро, ки ба рӯи ӯ менишастанд, ҳоли карда маро ба рӯи вай пуштнокӣ хобонданд ва дар зери сарам ду хишти пухтаро ба ҷои болишт гузоштанд. Аз баданам хун мерафт...”

Агар чои чароҳатшудаи маҷрӯхро ба бӯрӯ зер накунонад, фасод карда мекуштааст. Аммо он бӯрӯ, азбаски пушти маҷрӯҳи дахҳо 75 ҷубҳурдагонро дидааст, мисли тахтаи қассобӣ пур аз порчаҳои хун ва гушти хушкида буд ...” (4.- с.94). Ҷузъиёти “хишт” ба вазифаи болишт дар ҳарсе тасвири ба болои бӯрӯ хобондани С.Айнӣ зикр мешавад, ба он фарқ, ки соли 1918 “дар тахти сарам хиште гузоштанд”, соли 1949 “дар зери сарам ду хишти пухтаро ба ҷойи болишт гузоштанд ва соли 1954 дар зери сарам ду хишт гузоштанд”, менависад. Ин ҷо тасвири: “хиште”, “ду хишти пухта...”, “ду хишт” ҷолиби диққат мебошанд. Бо хондани ин тасвири хонанда назди худ савол мегузорад, ки аз нигоҳи С.Айнӣ кадоме аз ин тасвири воқеият дорад. Тасвири “пухта” дар соли 1949 таъкид мешавад ва “ду хишт” ду дафъа тақрор меёбад. Ба назари мо, агар мантиқан ба ин тасвири баҳо доданӣ шавем, “ду хишт” ва “пухта” будани он воқеияти аслии тасвир хоҳад буд. Зеро як хишт ҳамчун болишт пастӣ мекунад ва пухта будани хишт аз он ҷост, ки Арки амир аз хишти пухта сохта шудааст ва ҳатман хиштхое, ки дар “обхона” маҳбусин нигоҳ медоранд, аз ҷойҳое аз деворҳои Арк бояд чудо гардида бошанд.

Ташбеҳи “тахтаи қассобӣ” дар тасвири дигари бӯрӯ истифода намешавад.

Хулоса, матни мактуби фавқро оид ба “обхона” ба матнҳои дигари ин тасвир дар осори насрии С.Айнӣ муқоиса намудан, бори дигар меъмори наср будани ӯро собит месозад. Ба ин маънӣ, падидаи ҷузъиёти бадеӣ дар номаи номбурдаи устод Айнӣ ҷузъе аз эҷоди ӯ буда, тадқиқи филологии он чанде аз саҳифаҳои тозаи мактаби эҷодӣ ва ҳунари нависандагии С.Айнӣро равшан сохтаниш мумкин аст.

АДАБИЁТ

1. Айнӣ С. Таърихи инқилоби фикрӣ дар Бухоро.- С.Айнӣ. Куллиёт, ҷилди 14.- Душанбе: Матбуот.- 2005.- 270 с.
2. Айнӣ С. Куллиёт, ҷилди 2.- Сталинобод: Нашрдавтоҷ, 1960.
3. Айнӣ С. Осори баргузида дар ду ҷилд, ҷ.2. Акнун навбати қалам аст.- Душанбе: Ирфон.- 1978.- 464 с.
4. Айнӣ С. Мухтасари тарҷимаи ҳоли худам.- Сталинобод: Нашрдавтоҷ, 1958.- 127 с.
5. Айнӣ С. Се мактуб.- Садои Шарқ.- 1977.- №6.- с.97 – 100.
6. Айнӣ С. Ҳашт мактуб.- Садои Шарқ, – 1978.- №1.- с.114-124.
7. Айнӣ С. Ду мактуб.- Садои Шарқ.- 1978.- №4.- с.110-119.
8. Айнӣ С. Дохунда. Роман.- Сталинобод.- 1942, с. 231-237.
9. Муқотибаи Садриддин Айнӣ ва Абулқосим Лоҳутӣ.- Душанбе: Деваштич.- 2003.- 140 с.
10. Асосода Х Иловаҳо ба шарҳи ҳоли устод Айнӣ.- Душанбе: Деваштич.- 2004.- 92 с.
11. Асосода Х. Содик Ҳидоят ва дунёи эҷоди ӯ (Дар заминаи “Номаҳои Содик Ҳидоят”).- Душанбе: Деваштич.- 2007.- 155 с.
12. Номаҳои Содик Ҳидоят (Гирдоваранда: Муҳаммад Баҳорлу).- Техрон: Муассисаи интишороти “Нигоҳ”.- 1382.- 383 с.
13. Аввалин тапишҳои ошиқонаи қалбам. Номаҳои Фуруғи Фаррухзод ба ҳамсараш Парвизи Шопур. (Бо кушиши Комёри Шопур ва Умрони Салоҳӣ).- Техрон: Чопхонаи “Дидовар”.- 1381.- 335 с.
14. Нарзиқул М. Таърих ва назарияи номанигорӣ (аз қадим то замони Амир Хусрави Дехлавӣ).- Душанбе: Сино.- 2009.- 140 с.

ПИСЬМО – КАК ОТРАЖЕНИЕ ЛИТЕРАТУРНО-ЭСТЕТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ АЙНИ

XXI-век дал нам возможность иметь связь как по телефону так и по Интернету и люди перестали писать письма. Но на наш взгляд, ни один из этих видов связи не заменит письма. Письма и переписка занимают определенное место в тысячелетней истории литературы. В каждую эпоху литературная переписка имела огромное значение. Письма С. Айнӣ ученикам и соратникам содержали умные идеи, взгляды на жизнь на литературу и её дальнейшее развитие.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: письмо, публицистика, статья, эпизод, брошюра, изображение, адрес, текст, исследование, талант.

LETTER AND IT'S MEANING IN AINIYS LITERARY-AESTHETIC THOUGHT

This article about Aini's literary-aesthetic thought. As in XX century we have different way of communication, by telephone, e-mail, we don't write letters. But none of them can substitute letters some kind of fiction which reflect the time when letters were written. In we analyze the beginning of Tajik literature in letters we'll find many interesting things for discussion. Aini's letters to his pupils and friends shows the reaches of the language and gives people who read his letters many bright ideas.

KEY WORDS: letter, publicist, article, episode, booklet, representation, address, text, investigation, atlantes.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: *Н. Астенова* – кандидат филологических наук, доцент Института экономики Таджикистана

ПОВЕСТЬ О СЕМИ ВИЗИРЯХ

Г.Ш. Шарофова

Институт повышения квалификации государственных служащих Управления Государственной службы при Президенте Республики Таджикистан

Рассказ «Повесть о семи визирях» (69, II, 205-270) уже много веков гуляет по миру в составе «1001 ночи» (7, V, 384-468), но она была самостоятельным произведением и до этого (17, 32) и после. Но в наши дни эта повесть встречается с разными объемами и в составе с другими произведениями страны.

Повесть построена по принципу инкорпоративного искусства, но, как и рассмотренные нами произведения, не отличается сложностью в многословности. Каждый вставной рассказ является самостоятельным сюжетом в данных рамках. Обрамляющая история определяет общую художественно-эстетическую концепцию произведения, которая дополняется и подкрепляется вставными рассказами.

Центральная коллизия произведения построена на противостоянии добра и зла историко-литературного или фольклорного характера, но по аналогии с другими однотипными произведениями можно сопоставить приблизительное предназначение повести - назидание. Таково предназначение абсолютного большинства произведений «обрамленного жанра».

По мере освобождения от насажденных в недавнем прошлом убеждений, у нас день за днем накапливаются сведения о том, что монархические системы правления не могли быть разнуданными, что они функционировали в системе социально-политических организаций с многовековыми традициями и опытом. На этих традициях и опыте возникли различные научные системы теоретического и прикладного характера. Этика государственного правления была одной из древнейших отраслей знаний, в формировании и развитии которой активно участвовала и художественная литература. «Тайна» же успеха художественной литературы в этих процессах заключается в ее широких возможностях распространять достижения научного характера в легкодоступных формах и больших масштабах. С этим связаны и поиски участников литературных процессов удачных и типичных зеркал, иллюстраций и сюжетов. Как еще эффективнее, чем не через художественную литературу, можно внушить строптивым царям, что они не всегда отсекают ту голову, которая провинилась настолько, что заслужила такого сурового и сомнительного наказания? Как доступнее и безнаказаннее внушить, показать им, что отсечению подвержены и их головы?

Эти функции пополняют советы мудрых министров, усиленных «иллюстрациями» из практики социальных взаимоотношений.

В Индии правил царь, у которого был любимый сын по имени Фарис. Царь отдал Фариса в ученики мудрому учителю, чтобы он освоил основы этики государственного правления. Через некоторое время шаху захотелось увидеть сына, но его учителя вычитали в его гороскопе семь смертельно опасных дней. Если Фарис в эти дни заговорит, то с жизнью распрощается он. Выход один: он строго-настрого велит Фарису молчать, а сам скрывается. Странное поведение царевича удивляет всех и каждый пытается заговорить с ним. Среди других была любимая наложница царя, которая тайно любила Фариса. Эта наложница берется «вернуть речь» царевичу, но наедине с ним домогается сближения. Мудрый юноша даёт ей жесткий отпор. Страх перед разоблачением внушает наложнице оклеветать царевича. Так завязывается интрига, которая приводит к действию всех персонажей произведения. Обвинение - гнусное, жертва - бессловесна, судьбы - в заблуждении и гневе. Он заявляет сыну: «О несчастный, я отдал тебя на учение, чтобы ты отличил хорошее от дурного! Эта моя служанка приходится тебе матерью, а ты приставал к ней. Что ты от нее хотел?! Вижу, от тебя напрасно ожидать сыновних чувств. Ты не способен на добрые помыслы!» (127, III, 208). Конечно, царь в гневе забывает, что существуют более мудрые, опцовские чувства, но логика художественного мышления не допускает иного хода действий. Тем, кто приобщается к этому миру, необходимы резкие перепады биения пульса действий на метафорической сцене, которая должна на время отогнать от читателя или слушателей повести ощущения реальной действительности.

Фариса тут же отдают в руки палача. В дело вмешивается первый из семи визирей, которому кажется странным такой поступок, в сущности справедливого правителя. Часто люди забывают о форме выражения мыслей. Визирь же это помнит всегда. Он не отговаривает царя отказаться от своего решения, но мягко намекает, на то, что, нет ли какой-либо корысти в обвинении принца. Бывает и такое, что люди, совершив поспешный поступок, затем локти кусали. Так было с сыном купца, например. А кому не хочется узнать то, что смысленный ум может преподнести в данной ситуации.

В первом же вставном рассказе, на реалистичско-фантастической контаминации первый визирь показывает, как Сабир - сын богатого купца за короткий срок промотал наследство отца. Он увлекается обществом красивого цыганенка. По его капризу купеческий сын посещает ночью место обитания джинов. Утром он возвращается к друзьям, а за пазухой обнаруживает золотом сшитую ногу, которую преподносит царю для его дочери. Люди - мастера отказываются сшить другую ногу. Царь заставляет его достать вторую ногу. Юноша идет по знакомой уже дороге, попадает в мир пери, становится гостем их принцессы. Она отдает ему вторую туфлю, велит отнести её дочери царя, жениться на ней, прожить с ней несколько дней и вернуться

назад. Когда он вернулся назад, проявил неверность по отношению к пери. Разгневанная принцесса велела диву разорвать клятвоотступника.

Визирь призывает царя быть терпеливым и рассудительным, чтобы понапрасну не лишиться сына, как лишился жизни нетерпеливый Собир.

В дело вступает второй визирь со своим рассказом о сыне другого купца, из Йемена - Саади. Избалованный отцом юноша, прогулял все собранное отцом достояние и остался без средств на жизнь. По совету одного из друзей пошёл путешествовать и попал в Индию. Здесь, как и в предыдущей новелле, в повествование вкрапливается сказочный элемент. Когда он голодный лег спать, некий старец внушил ему на рассвете выйти в путь и у первого встречного, кто бы он ни был - человек или животное, просить помощи. Утром встретил змею, которая подсказала ему способ приобрести половину индийского царства, но сохранить тайну, раскрытие которой угрожает жизни. С помощью змеи Саади стал Саади-шахом и соправителем царя. Прошло три года, индийский царь начал опасаться соперничества Саади и стал допытываться тайны, приведшей его к царству. Он выболтал свою тайну и в ответ получил оплеуху, положившую его на спину. Когда же он поднялся, увидел себя в безжизненной пустыне. Через какое-то время он встретил двоих спутников и узнал, что они такие же обманутые болтуны, как он. Оставшуюся жизнь он дожил на этой земле. Такова цена поспешности в серьезных делах.

Шах немного отошел и отправил Фариса в зиндан (тюрьму). Но шум подняла наложница, что «из-за твоего равнодушия я терплю позор. Что подумают люди о тебе? Если это не так, я готова лишиться головы. Давай, вставной, прикажи его казнить, чтобы потом поздно не было» (127, III, 228). Но на защиту Фариса встает третий визирь, который убежденно заявляет о невинности принца и злобной клевете наложницы царя. Царю не следует забывать о коварстве женщин, разрушающих покой царей и домашнее благополучие, как это было с царем Шама.

Царь Самари на охоте приблизился к развалинам, где подслушал байки трех девушек, одна из которых говорила, что если царь возьмет ее в жены, она одним котлом накормит все войско его. Другая хвасталась, что она бы одним манном хлопком передела все его войско. Лишь третья девушка скромно обещала родить ему прекрасную двойню. Самари забрал их в гарем, но вскоре две первые девушки оказались всего лишь обманщицами. Когда же третья родила двойню, которую подменили щенками, разгневанный шах выкинул ее на дорогу, а детей подобрал прохожий. Он же в поисках кормилицы забрал и их мать к себе.

Когда дети подросли, шах случайно увидел своего сына и выпросил его у старого воспитателя для службы у себя. Шах приблизил юношу к себе, что стало предметом зависти многих. Чтобы погубить его, завистники уговаривают его послать юношу за жар-птицей.

Здесь начинается сказочный элемент третьей вставной новеллы. Юноша достает чудесную птицу, которая говорила человеческим языком. Она рассказала царю об истинных событиях, после чего он восстановил права своих детей. Он возвел на престол сына, а сам сел на молитвенный коврик.

На четвертый день все повторяется снова. Разница лишь в том, что царь иногда не желает слушать. Но это уже нарушение этикета. Четвертый визирь желает сказать «одно слово», а там как решит повелитель. Получив согласие царя, визирь без всяких вступлений начинает свою «историческую справку». Четвертый вставной рассказ - это волшебная сказка с участием мифологических существ, плавно введенных для решения художественной задачи.

Как-то один шах из рода Киянидов на охоте увидел, как черная змея общается с белой. Догадавшись, что они не пара друг - другу, с гневом на них он отсекает ударом плетки хвост белой змеи. Змея пожаловалась своему мужу и потребовала отпущения. Муж-змеи отправляется в парк царя, чтобы умертвить его.

Но когда он услышал, как царь рассказывает своей жене о случившемся, заговорил с царем и научил его речи птиц, но наставлял, чтобы тайну эту не раскрывал. Когда же они с женой гуляли по саду, царь слышал семейные перебранки птиц. В одной паре муж звал жену к себе. Она требовала, чтобы он подошел к ней, не то - его дело, она по традиции, установленной богом, нарушать не станет. Царь над остроумным ответом жены громко смеется. Царица требует объяснить причину смеха. Когда царь отказывается ей, она угрожает ему самоубийством. Царь собирался рассказать ей, как муж второй пары в разговоре с женой осуждал малодушие царя перед женой, что спасло его от смертельной опасности. Царь оставил царицу, зная, что ее угроза - просто женский каприз, как и было на деле: она призналась, что испытывала мужа.

Визирь предлагает царю следовать примеру того Киянида, который спас свою жизнь, прислушиваясь мудрого совета птицы о том, чтобы согласиться с собственным визирем и найти учителя Фариса, а также узнать причину молчания царевича. Царь нашел совет визиря разумным и отправил Фариса в темницу.

Наложница снова в гневе и обвиняет царя в том, что по его вине на дорогах ползут насмешки и сплетни в ее адрес. Царь обещает ей на следующий день покончить с этим делом. Так думает царь.

Но пятый визирь предьявляет свои права: раз царь дал слово четвертому визирю, то пусть и ему окажет милость, выслушает. И царь без сопротивления ему высказывается. Свое мнение визирь выражает сказкой, но приключенческой.

У царя Багдада не было детей. Любимая жена его родила дочь. Ученые нашли, что в возрасте десяти лет ее жизни угрожает опасность. Царь приказал оборудовать подземелье и поместил дочь и ее кормилицу в это помещение. Но кормилица нарушила волю шаха: она посадила девочку в сундук, который пустила в море. Огромная рыба проглотила этот сундук. Рыбу выловил старый рыбак и выгнал из ее желудка сундук. Девочку отдали в служанки принцессе Сарандиб. Девочку звали Шамса. Принцесса решила отдать её в жены своему брату, Бахтияру, который относился к женщинам равнодушно. Но, увидев царицу, Бахтияр влюбился в нее и взял в жены. Это судьба свела их вместе.

Визирь сравнивает Фариса с Бахтияром по их рассудительности и отношению к женщинам. В связи с чем, царю следует остерегаться клеветы на сына.

Напряжение в рамочной новелле возрастает. Наложница требует казнить ее, раз не ограждают от позора. Шах велит палачу в другой раз никого не слушаться, а завершить дело.

В защиту Фариса выступает шестой визирь, который ссылается на разнообразие жизненных явлений, назначение правителя и советует быть осторожным и рассудительным в решении человеческих судеб. Свою позицию шестой визирь закрепляет подробным рассказом об индийском царе Дабшилиме и Ирандохт.

Шестой вставной рассказ повести представляет собой законченное самостоятельное художественное произведение со сложным, захватывающим сюжетом и глубоким художественно-эстетическим содержанием. Стержневым персонажем рассказа является прекрасная, умная, дальновидная и гордая Ирандохт, жена и проницательная советчица царя, ведущая свой род от древних царей Киянидского дома. Коллизию в рассказе создает политика Дабшилима, укрепившего центральную власть и ограничившего власть брахманов. Отсюда между ними - натянутые отношения. Дабшилим очень угрожал жене двумя детьми и еще кое-чем, которых хотели лишиться брахманы. Поэтому, когда он обратился к их помощи по поводу толкования его тревожных снов, они наверно постарались сделать так, чтобы лишиться его этих привязанностей.

Данный рассказ содержит и новеллу второго кольца - притчу о том, как царь Соломон отказался выпить живую воду, если ее не суждено разделить с дорогими ему близкими людьми.

Царь в печали уединяется. Никто не осмеливается войти в его покои. Визирь настаивает, чтобы к нему вошла Ирандохт, ибо не раз слышал, как царь говорит: «Когда меня охватывают печаль и тоска, их изгоняет из меня лишь одно появление пред моим взором лика Ирандохт» (127, III, 255).

Ирандохт входит к царю, изъявляет готовность отдать свою жизнь за царя. Но лучше, советует она, чтобы царь призвал истолковать его сны беспристрастного мудреца – отшельника, ибо решение подчиненных брахманов вызывает подозрение. В конце концов, выясняется, что Ирандохт верно оценила ситуацию, и сны царя – к добру.

Приезжают иностранные послы и преподносят подарки, о которых в своем толковании говорил отшельник. Царь подарки раздаёт близким. Остаётся одна корона и красивый халат, которые царь предназначает Ирандохт и возлюбленной наложнице Аламарой. Выбор остаётся за Ирандохт. Визирь уголком глаз указывает ей на корону. Царь замечает этот молчаливый сговор. Ирандохт, чтобы не подвести визиря, выбирает халат.

Вскоре этот выбор становится причиной крупного конфликта между царем и Ирандохт. Как-то царская чета сидела за столом, когда мимо прошла Аламарой в упомянутой короне и парчовом платье. Красота в этом явлении, видимо, была реальной, потому, что даже царь не удержался сказать похвальный комплимент в адрес наложницы. Красота красотой, но в адрес соперницы он был явно ни к месту. Реакция коронованной подруги царя напоминала грозу: Ирандохт подняла чашу с рисом и по-домашнему опустила на голову царя. Конечно, царь тут призвал визиря и приказал отрубить голову. Поступок Ирандохт наносил непоправимый ущерб высокому престижу царя. Визирь был человек рассудительный и предположил, что царь одумается очень скоро, поэтому спрятал Ирандохт, и получил «премию» за исполнительность. И действительно, всего лишь несколько дней спустя любовь в Ирандохт по-настоящему показала царю непреодолимую силу власти «слабой» половины. Дабшилим начинает хиреть на глазах. А тут еще визирь Никрай, прежде чем, прекратить его мучения, начинает по-своему наказывать его для назидания. Мучимый душевной болью, царь гневно отвечает лукавому Никраю: «О, глупец, это твоя поспешность довела меня до такого состояния! Если я даже приказал тебе казнить ее, ты должен был спрятать ее где-нибудь, но не ввергнуть меня в эти муки» (127, III, 2127). После легкого сопротивления, Ирандохт возвращается к царю, раскаяние которого обещает в дальнейшем увидеть Индии наиболее мудрого и проверенного нелегким испытанием правителя. Царь делает Ирандохт единоличной повелительницей царского гарема и обещает без ее решения не вести иной линии семейного поведения. Так мужчину может покорять каждая умная и достойная женщина.

Наступает последний, решающий день. Наложница требует казнить или Фариса или её, чтобы избавиться от позора. Царь обещает утром завершить дело. Но когда наступает утро и царь отдает Фариса в руки палача, выступает седьмой визирь и требует признать его долголетние заслуги перед страной. Вместо

награды он просил не губить свое прекрасное потомство, чтобы потом горькое раскаяние не преследовало его, как оно преследовало шаха Ирана. И как это было с царем? А было так:

Царь Ирана на охоте отбил от войска и погнался за дикой ланью, попал в какой-то парк, где, как выяснилось, обитал див, превративший дочь царя в пери. Между шахом и пери возникла любовная связь, но пери поставила условие, что шах в дневное время не будет домогаться ее близости. Шах целый год наслаждался ее обществом, но однажды он решил перейти черту соглашения. Когда он пытался притронуться к пери, получил пинок в грудь и потерял сознание. Когда пришел в себя, увидел себя в дикой пустыне. Выбраться из этой пустыни было невозможно. Эта волшебная сказка не помогла Фарису. Царь решил покончить с Фарисом. Палач посадил на коврик и кружился вокруг него, когда раздался голос учителя, остановивший руку палача. Учитель сообщил, что зловещий знак исчез из гороскопа Фариса, и теперь он может говорить все, что для счастья необходимо.

Фарис, призывая в свидетели саму служанку, не обвиняет ее в проявлении любви. Служанка сама признается, что принц не виноват, что она привела царевича к себе и объяснилась в любви, а царевич ударил ее в грудь.

Царь посадил Фариса на престол, а сам отошел от дел. Так победила истина, но не была пролита понапрасну ничья кровь.

Внимательно следившие за содержанием сюжета «Семи визирей», несомненно, обнаруживают больше «реалистического» материала, нежели фантастического, сказочного, мифического или других художественных типов повествования. Тем не менее, все произведения малого жанра разнообразного типа подчинены теме этического назидания, что говорит о солидном возрасте произведения. Но при разборе таких произведений следует учесть, что они служили также аудитории устного сказа. Отсюда, конечно, стихотворные вставки в произведении не только не соответствуют его возрасту, но имеют и определенный возрастной признак.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бартольд В.В. Рыцарство и городская жизнь в Персии при Сасанидах и при Исламе// Сочинение, - М., 1971. т.7. с.371-373.
2. Бахтин М. - Эпос и роман (о методологии исследования романа), ЖС «Вопросы литературы», М., 1970, № 1, - с.95-122.
3. Беляев Е.А. – Арабы, ислам и арабский халифат в раннее средневековье. 2-е изд., М., 1966, ГРВЛ, «Наука», - 279 с.
4. Ибрагимов Н. – Арабский народный роман. Главная редакция восточной литературы. Изд. «Наука», М., 1984, - 256 с.
5. История всемирной литературы. т.2.-М., 1984.-Гл.4:Рыцарский роман. с.548-570.

ПОВЕСТЬ О СЕМИ ВИЗИРЯХ

В данной статье речь идет о повести «Семь визирей», который также встречается в рассказах «Тысяча и одна ночь». Каждый сюжет данной повести в этом исследовании изучается отдельно. Главными героями в этой повести являются Сарандиб, Форс, Бахтиёр, Аламорои и Эрондукт, которые своим умом и рассудительностью делают рассказ ярким и привлекательным.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: содержание сюжета «Семь визирей», инкорпоративное искусство, противостояние добра и зла, этика государственного управления, этические назидания, реалистический материал, художественные типы повествования.

THE NOVEL ABOUT THE SEVEN MINISTERS

The article is devoted about the seven ministers. Which also take at the story dy name «Thousands and one night». Every plot of given hovel in this research study saparety. The mani hero in this novel are Sarandib, Fors, Bakhtiyor, Alamoroi and Erondukht. Who with their minds and reasonableness make story light and attractivite.

KEY WORDS: the plot maintenance "Seven vazir's", the art incorporative, good and harm opposition, ethics of the government, ethical edifications, a realistic material, art types of a narration.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Г.ШШарофова – кандидат филологических наук, доцент, ректор Института повышения квалификации государственных служащих Управления Государственной службы при Президенте Республики Таджикистан

НИГОҶЕ БА АДАБИЁТИ ПОЙДОРӢ БО ТАКЯ БАР ЗУЛМСИТЕЗӢ ДАР ШЕЪРИ ШОИРОНИ ФОРСӢ

Абдулмаҷид Арҷумандӣ
Донишгоҳи миллии Тоҷикистон, Донишгоҳи Озоди Исломии Эрон

Адаби пойдорӣ шеърест, ки дарунмояҳои онро эътироз, муқовимати иҷтимоӣ сиёсӣ, зулмситезӣ, мубориза дар баробари таҷовузгарон ва ҳокимони чавр, тақопӯ ва истоинопазирӣ ташкил медиҳад. Аносири аслии адаби пойдорӣ тааххуд, мардум, таҳаввулоту иҷтимоӣ ва пешравони фикрӣ

мебошанд, ки дар қисми аввали мақола баррасӣ ва дар қисми дуввуми зулмсигезӣ, ки шоҳае аз адаби пайдорӣ мебошад, дар пешинаи адабиёти форсӣ ва теъдоде аз шоирони порсигӯ ба гунаҳои насихат ба ҳокимон, эътироз, интиқод, ситехандагӣ ва ғайра мавриди баррасӣ қарор гирифтааст.

Адабиёти пайдорӣ навъе адабиёти мутааххид ва мултазим аст, ки аз тарафи мардум ва пешравони фикрии ҷомеа дар баробари он чи ҳаёти маънавию моддӣ онҳоро таҳдид мекунад, ба вучуд меояд. Адабиёти мутааххид ва мултазим бинобар он чи дар манобеи марбут ба нақди адабии муосир омадааст, ба назарияи Сортер (1346) нисбат дода шуда, ки пеш аз Ҷанги ҷаҳонии дуввум дар Фаронса иброс намудааст: «Мо мехоҳем дар тағйир додани ҷомеае, ки моро дар миён гирифтааст, ширкат кунем. Мо мехоҳем, адабиёт вазифаи иҷтимоии худро, ки ҳаргиз набояд фуру мегузошт, дубора ба ӯҳда гирад...» (14, с. 54-55). Жан Пол Сортер дар мавриди адабиёти мултазим ба сароҳат мегӯяд: «Ғараз аз адабиёт талош ва мубориза аст. Талош ва мубориза барои дарк ва огоҳӣ, барои тааддӣ ҳақиқат ва барои озодии инсон ва аз ин рӯст, ки нависанда дар муқобили амале, ки мекунад, масъул аст. Барои чӣ менависад ва даст ба иқдоме задааст ва чаро ин иқдом мустатзими тавассул ва нигориш будааст. Зеро суҳан гуфтан дар ҳукми амал қардан аст.» (10, с. 35).

Доираи баҳсҳои илтизом ва адами илтизом дар адабиёт ва ҳунар барои ҳунар ва мавзӯоте аз ин қабил, ба вижа, дар Ғарб вақте густариш ёфт, ки кам-кам ҳадафҳои маънавий аз ҷомеа раҳт барбаст ва таъян боястӣ ҷои он аҳдофи маънавий бо аҳдофи моддӣ пур мешуд ва ин аҳдоф ба таносуб ё материализм буда, ё умонизм, ё материализми сармоядорӣ ва ҷунон ташаттуте дар ҳадафгузори ҳунар ва адабиёт падида омад, ки ба теъдоди гуруҳҳо ва ҳатто афрод аҳдофи маънавий буруз намуд ва ин таҳаввулоти дунёи Ғарб бар дунёи Шарқ бетаъсир набуд ва адабиёти муосири моро низ таҳтулушо қарор дод. Аммо дар як нигоҳи кулӣ дар ҷавомеи шарқӣ мафҳуми илтизом ва тааххуд дар пайванд бо аҳдофи баланд ва осмонӣ буда ва ҷанбаи маънавию илоҳӣ дорад ва таъсирпазируфта аз адён ва мазохиби илоҳӣ ва ғайриилоҳӣ мебошад ва дар милалҳои исломӣ ба замоне бармегардад, ки бузургтарин мӯъҷизаи илоҳӣ барои ҳидоятӣ навъи башар ба вуқӯъ пайваст ва Куръони Карим бар Набии муқарраи Исломи нозил гардид. Куръон, ки роҳнамои ҷомеъ ва комили инсон дар ҳар заминае аст, дар боби шеър ва шоирӣ мағлаберо тасреҳ дорад. Дар Куръони Карим як бор вожаи «шуаро», як бор вожаи «шеър» ва ҷаҳор бор вожаи «шоир» омадааст. Куръон мефармояд: «...ва онҳо бисёр суҳанон мегӯянд, ки якеро амал намекунанд, магар он шоирон, ки аҳли имон ва некӯкор буда ва ёди Худо бисёр қарданд ва барои интиқом аз ҳаҷве ва ситаме, ки дар ҳаққи онҳо (ва соири мӯъминон) шуда, (ба назм ва таъби шеър) аз Ҳақ ёри хостанд (ва ба шамшери забон бо душманони дин ҷиҳод қарданд ва ононро мӯъминон пайравӣ мекунанд)...» (1, Шуаро, оёти 225 то 227). Ва ҳамчунин сураи Яс, ояи 69, Анбиё, ояи 5, сураи Софот, ояи 36, сураи Тоҳо, ояи 30, сураи Ҳоқа, ояи 41 ба шеърӯ шоирӣ ишора шудааст.

Низомии Ғанҷавӣ дар «Маҳзануласор» шеърро замоне муассир ва муфид медонад, ки аз забони шаръ суруда шавад:

Пешу пасе баст сафи кибриё,
Пас шуаро омаду пас анбиё.
Ҷун суҳанат шаҳд шуд, арзон макун,
Шаҳди суҳанро мағасафшон макун.
То накунад шаръ туро номдор,
Номзади шеър машав зинҳор.
Шеър туро сад раҳ нишоне диҳад,
Салтанати мулки маонӣ диҳад.
Шеъри ту аз шаръ бад-онҷо расад,
К-аз камарат соя ба ҷавзо расад.
Шеър барорад ба амирит ном,

Колшуаро амроу алқалом (15, с. 43)

Бо ин тавзеҳот метавон натиҷа гирифт, ки унсури асосии адабиёти пайдорӣ тааххуд аст. Тааххуд дар баробари ҳаёти маънавию моддӣ ва ба иборате, пайдорӣ барои расидан ба ҳадафи зиндагии мутаолӣ. Унсури дигари адабиёти пайдорӣ мардум ҳастанд. Адабиёти пайдориро бидуни дар назар доштани ҳузур ва нақши мардум дар он наметавон шинохт.

Адабиёти пайдорӣ мутааллиқ ба асри миллатҳост. Дар ҷавомеи бедағдаға ва ором, ки таҳти фишори ҳокимон ва ё таҳҷуми бегонагон қарор надоранд, камтар нишоне аз адабиёти пайдорӣ метавон ёфт.

Унсури дигари адабиёти пайдорӣ таҳаввулот ва талотумоти иҷтимоӣ-сиёсӣ аст, ки лозим ва малзумашиносаи қаблӣ (мардум) аст. Дигаргунӣҳо ва илтиҳобҳои иҷтимоӣ мумкин аст бо ҳуҷуми бегонагон ва таҷовузи онҳо ба марзҳои ҷуғрофиёии як кишвар пайдо шаванд ва ё ин ки бо тамаркузи қувво дар вучуди як ҳокими мустабид ҳосил оянд, ё имкон дорад бо ҳоким шудани фарде вобаста ба қудратҳои хориҷӣ ба арқони ҷомеа руҳ намоянд.

Унсури дигари адабиёти пойдорӣ пешравони фикрии ҷавомеъ ҳастанд, ки ба далели тавоноӣ дар баҳрагирӣ аз абзорҳои адабӣ, дар офариниши адабиёти пойдорӣ нақши умдае ифто мекунанд.

Агар бархе осори кӯҳани адабиёти форсиро мулоҳиза кунем, мебинем, ки ҷанбаҳои мавзӣ ва иршод дар онҳо фаровон аст. Ин иршод ва таълим, баҳусус, дар боби одоби мулк ва ахлоқи подшоҳон метавонад то ҳадде ба нахви ғайримустақим авзои рӯзгорро нишон диҳад. Дар давовини шоирони гузашта ҳаҷвиясарой гоҳо ҷанбаи иҷтимоиву сиёсӣ доштааст, зеро гӯяндагон дар он замон, ки қудрати иқдом алайҳи ҳокимонро надоштаанд, аз ҳарбаи ҳаҷв истифода кардаанд. Ҳатто ба гумони нигоранда, ҳасбиҳолгӯӣ, шикваву гилоя аз рӯзгорро низ метавон ба унвони гунаҳое аз адабиёти пойдорӣ дар пешинаи адабиёти форсӣ ба ҳисоб овард ва ё ҳабиҷаҳо ба фарде мутанаввеъ ва зиёд ҳастанд, ки худ яке аз шуъабот ва шоҳаҳои адабиёти пойдорӣ ба шумор меоянд ва ҳатто ҷилваҳо ва намунаҳое аз адабиёти пойдориро метавон бо таҳлили дарунии адабиёти оммаи форсӣ дар қиссаҳо ва зарбулмасалҳо эҳсо ва баррасӣ гардад. Ҳамоса ва устураҳо гунаи боризи адаби пойдорӣ аст, ки достони «Коваи оҳангар» ва «Заҳҳои мордӯш» дар «Шоҳнома»-и Фирдавсӣ мислоки ин суҳан аст.

Арузӣ дар «Чаҳор мақола»-и худ абёти зеро ба Ҳанзалаи Бодғисӣ мансуб намудааст:

Меҳтарӣ гар ба коми шер дар аст,
Шав, хатар кун зи коми шер бичӯй.
Ё бузургию иззу неъмату чоҳ,
Ё чу мардон-ат марги рӯерӯй.

Навбесте адаби пойдорӣ дар ин абёт намоён аст, ки инсонро ба озодиву озодагӣ ва ҷунбу ҷӯш фаро меҳонад. Ин ки Ҳанзала дақиқан ин абётро дар қадом як аз солҳои дуввум ё севвуми ҳиҷрӣ суруд, маълум нест. Аммо мавзӯе, ки барои нигоранда дар мавриди ин ду байти шеърӣ Ҳанзала боаҳамият менамояд, мӯҳтавои он мебошад. Танҳо бо иттиқо ба ҳамин шеър, метавон гуфт, ки шеърӣ форсии дарӣ аз ҳамон оғоз унсури пойдорӣ ва муқовиматро дар худ дошта ва шеърӣ пойдорӣ ҳамвора бахше аз шеърӣ форсии дарӣ будааст. Шояд қасоне бо ин назар мувофиқ набошанд, чунки дарёфти мафҳуми пойдорӣ ҳамеша ҳамгун нест. Шеърӣ пойдорӣ шеърӣ муқовиматгуна, ки дарунмои онро умдатан эътироз, муқовимати иҷтимоию сиёсӣ, зулмсизӣ ва мубориза дар баробари таҷовузгарон ва султагарон ва тақоли истоинопазирӣ ташкил медиҳад. Пойдорӣ дар он даврон ба тариқи ғайримустақим ва аз роҳи таҳлили мавзӯӣ ва кандукови дарунмояҳо мумкин хоҳад буд.

Масъалаи зулмсизӣ ва муқовимат дар муқобала бо зулми дохилӣ, ки худ шоҳае аз адаби пойдорӣ аст, дар ағлаби шоирони барҷастаи Эрон ба ҷашм меҳӯрад, ки ин мавзӯириҳо дар шеърӣ сарояндагон, дар давраҳои мухталиф ва ба шаклҳои гуногун ва бо мӯҳтаво ва маъно мутафовит зухур ва буруз намудааст. Акнун пас аз ин муқаддима дар ҷиҳати ҳуҷҷат бахшидан ба иддаи худ мабнӣ бар қимати адабии пойдорӣ дар шеърӣ классик ба баррасии намунаҳое аз сурудаҳои шоирони шеърӣ классики форсӣ ба сурати мухтасар дар ин мавзӯ мепардозем.

Агар аз қуруни аввалияи ҳузурӣ Ислом дар Эрон дар пайи ёфтани намунаҳои адаби муқовимат ва пойдорӣ бошем, аввалин намунаҳоро дар наҳзати машҳури шуубия меёбем. Пас аз шикасти эронӣ аз ғуби мусулмон, гурӯҳе бо пардохти ҷизя ва хироч бо ойини падарони ҳеш ва фарҳанги гузашта вафодор монданд ва бо пирӯзӣ аз адёни кӯҳан (зардуштӣ, монавӣ, маздакӣ) осори наслҳои пешинро, ки бо ҳатти авастой ё паҳлавӣ буд, ниғаҳ доштанд.

Гурӯҳе дигар, ки умдаи эронӣ аз он гурӯҳ ба шумор меоянд, ба дини Ислом гаравиданд ва пас аз ошноӣ бо забон, фарҳанг ва тамаддуни исломӣ ва арабӣ дар шуъуни мухталифи ҳуқуматӣ нуфуз карданд ва ба мавқеиятҳои ҳассос ва постҳои калидӣ даст ёфтанд. Мутаассифона, фотехони араб (Бани Умайя, Бани Аббос) ба далели пирӯзӣҳои ҷашмгир ва вусъати доманаи фуҷухот ба домгоҳи гурӯр афтоданд ва гоҳ ба эҳёи фарҳанги наҷодпарастонае, ки бо зухури Ислом дар баъзе аз ҷавомеъ аз байн рафта ва дар баъзе дигар камранг шуда буд, ба таҳқири дигарон пардохтанд.

Нахустин эронӣ, ки дар асри Умавӣ дар кашоқаш ва таҳқири бани Умайя забон ба баёни ифтихороти аҷдодӣ пардохт, Исмоил бинни Ясор аз маволии Бани Тамим –шоири шуубӣ Абдулмалик бинни Марвон ва Ҳошим бинни Абдулмалик буд, ки дар соли 101 даргузашт.

Баҷор бинни Бурд -дигар шоири мутаассиби эронӣ аст, ки сурудаҳои ӯ дар таҳқири араб ва ситоиши эронӣ дар ҷилди севвуми «Алоғонӣ» омадааст. Аз миёни осори гузаштагон, ки бад-ин мақола пардохтаанд, ҷомеътарини намунаи онҳо «Шоҳнома»-и Фирдавсӣ аст. Фирдавсӣ дар «Шоҳнома» истодагӣ ва диловарии қавми эрониро дар баробари Туронӣ ба тасвир кашидааст ва бозтоби андешаи шуубияҳо дар шеърӣ Абулқосими Фирдавсӣ ба вузӯ намоён аст:

Зи шири шуғур хӯрдани сусмор,
Арабро ба ҷое расидаст қор.
Ки тоҷи қайро қунад орзу,
Тфу бод бар ту, эй ҷархи гардун, тфу.

Андешаи шуъубигарӣ ва пойдорӣ дар муқобили таъбизгароӣ ва ситамгарии Бани Умайя ва Бани Аббос дар Эрон дар сурудҳое, ки дар китобҳое чун «Фазоил-ал-фурс» асари Абӯубайд Муаммар бинни Ҳамид ал-Бахтгон навишта шуд, ки албатта, ҳамагӣ аз миён рафтаанд ва танҳо қисматҳое аз онҳо боқӣ мондааст.» (3, с. 70)

Фирдавӣ дар абёти мухталиф мардумро бо шохонӯ ҳокимони худкома рӯ дар рӯ қарор дода ва ҳамеша дар ин муқобалаи каломӣ онҳоро бар шоҳ пируз кардааст. Бо шохсолорӣ муҳолиф буда ва шохони худкомаро муфтазаҳ кардааст. Ва вақте ки Ковус бо чанд уқоб ба осмон парвоз кард ва дар бешаҳои Омул танҳо ва бекас бар замин уфтод:

Расиданд пас паҳлавонон бад-ӯй,
Накӯхишкуну тундхӯю пархошчӯй.
Бад-ӯ гуфт Гударз тиморсон,
«Ту аз ҷои зебо, ту аз Шорсон.
Ба ҷанги замин сарбасар тохтӣ,
Кунун б-осмон низ пардохтӣ».

Дар «Шоҳнома» Рустам борҳо шохонро дар ҳузури дигарон хор карда ва аз баландҳиммати худ сухан ронда ва шохро бо хифту хорӣ дар ҷои худ меҳқуб менамояд:

Ҳама корат аз якдигар бадтар аст,
Туро шаҳриёри на андархӯр аст.
Чунин тоҷ бар тораки бебаҳо,
Басе беҳтар андар дами аждаҳо.
Чу хашм оварам, шоҳ Ковус кист?
Чаро даст ёзад ба ман, Тӯс кист?!
Чӣ озорадам ӯ, на ман бандаам,
Яке банда офаринандаам.

Кисоии Марвазӣ – шоири қарни ҷаҳорум, афродеро, ки фирефтаи зоҳири дарборҳои ҳулафо ва амирон шудаанд, муҳотаб қарор дода ва ононро мутаваҷҷеҳи ин ҳақиқат сохтааст, ки қасоне, ки ба ситам бар ҷойгоҳи хонадони Паёмбар (с) таъя заданд, баҳусус ҳулафои Аббосӣ, ситамгароне ҳастанд, ки ноҳақ иддои ҷонишинии Расулуллохро доранд.

Эй, ки бар курсий Оятулқурсӣ ба даст,
Неши занбӯрон ниғаҳ кун пеши хони анғубин,
Ғар ба тахту гоҳ ба курсӣ ғарра хоҳӣ гашт, хез,
Сачда кун курсигаронро дар нигоҳистони Чин.
Сесаду ҳафтад сол аз вақти Пайғамбар гузашт,
Сер шуд минбар зи ному ҳӯи тақсину тагин.
Минбаре, к-олуда гашт аз пойи Марвону Язид,
Ҳаққи содиқ кай шиносат в-они Зайнулобидин.
Муртазову оли ӯ бо мо чӣ карданд аз ҷафо,
Мо чӣ хильғат ёфтем аз муъғасим ё мустаъбин.
К-он ҳама мақтулу масмуманду маҷрӯҳ аз ҷаҳон,
В-ин ҳама маймуну мансуранд амирулфосиқин (8, с. 95, 96)

Носири Хусрав – шоири бузурги садаи панҷуми ҳиҷрӣ, қасоне, ки бар ситам қардан ҳарисанд, вале ҳангоме ки сухан аз адлу дод мешавад, тундӣ мекунанд, накӯхиш кардааст:

Чун дод бихоҳам, аз ту бас тундӣ,
Лекин чу ситам кунӣ хушу рой.
Эдун шабу рӯз бар ситам қардан,
Истода зи баҳри аспу истомӣ (13, с. 27)

Агар доду бедод дору шаванд,
Бувад дод тарёку бедод сам.
Надонӣ ҳама ҷустан аз доду нафъ,
Азеро ҳарисе чунин бар ситам.
Ба мардиву нерӯи бозу маноз.
Ки нозаш ба илм асту фазлу қарам. (13, с. 63)

Мавлоно Ҷалолуддин Муҳаммади Балхӣ – шоири қарни ҳафтуми ҳиҷрӣ дар ғазале нағз ёди шаҳидони Қарбалоро, ки саромади шаҳидон ва андешаи пойдорӣ дар муқобили ҳокимони ҷавр ва беадолативу нифоқ барои ҳамаи қурун ва аъсор мебошанд, ин гуна гиромӣ доштааст:

Кучоед, эй шаҳидони худой,
Балочӯени дашти қарбалой.

Кучоед, эй сабукболони ошиқ,
Парандатар зи мурғони ҳавой («Куллиёти Шамс», с. 1004)

Мавлавӣ бо ёди шаҳидони дашти Карбало эътиқоди худро ба андешаи пойдорӣ ва зулмсизегӣ баён доштааст.

Сайфи Фарғонӣ – шоири қарни ҳаштуми ҳиҷрӣ, бо овозманишии хос ба марсиясароии шаҳидони Карбало пардохта, бо лаҳна таҳайюҷқунанда аз дилхастагони мотами ҳусейнӣ меҳаҳад, ки аз самими қалб бар куштаи Карбало бигирянд ва ин дархости гиристан ҷилваи зебое аз тақрими шаҳидон ва адаби пойдорӣ ва муқовиматро ба тамошо мегузорад:

Эй қавм, дар ин азо бигиред,
Бо куштаи Карбало бигиред.
Бо ин дили мурда ханда то чанд?
Имрӯз дар ин азо бигиред.
...Дилхастаи мотами Хусейнед,
Эй хастадилон, ҳало! Бигиред. (9, баргирифта аз CD)

Аҳлии Шерозӣ – шоири садаи даҳум дар қасидаи пурсӯзу гудозе, ки суруда аст, аз зулму бедоди мавҷуд дар асри ҳеш ба шиддат ба танг омада ва фарёду фиғон сар додааст:

Дардо, ки дар ин шаҳр диле шод намондаст,
Як банда зи банди ситам озод намондаст.
Ҳарчо ки равам, нолаву фарёду фиғон аст,
Дар шаҳр ба ҷуз нолаву фарёд намондаст.
Ғайр аз ҳунари зулм, ки дар ҳадди камол аст,
Дар ҳеч ҳунар ҳеч кас устод намондаст.
Аз зулм ҳикоят чӣ қунам, қисса дароз аст,
Алқисса, мағӯед, ки Шаддод намондаст.
Дод аз ки занам, чун ҳама бедодгаронанд,
Моро ҳам аз ин ҷавр сари дод намондаст.
Бар кеши замон таъби ҳама зулмпазир аст,
Дини падару миллату аҷдод намондаст (5, с. 433).

Воизии Қазвинӣ – шоири садаи ёздаҳум, охи дили бечорагонро ба тӯфон ташбех кардааст, мунтаҳо, тӯфоне, ки ҳукумати подшоҳро воҷун мекунад:

Бечорагон ба оҳ шаҳонро нагун кунанд,
Ин тундбодҳо чӣ аламҳо нагун кунанд (16, с. 569)

Ҳотифи Исфаҳонӣ – сарояндаи садаи дувоздаҳум дар бораи кушта шудани фарде ба номи Хон Аҳмад, ки ситами фаровоне дар ҳаққи мардум карда буд, сурудааст ва дар он аз шодмонии худ ва мардуми ин воқеа сухан гуфтааст:

Хон Аҳмади дун, к-аз ситаму зулми паёпай,
Бар халқ расондӣ аламу ранҷ дамодам.
Он фитнаи олам, ки зи зулму ситамаш буд,
Бас сина пур аз оташу бас дида пур аз нам.
Наздик ба он шуд, ки зи ҳам резаду пошад,
Аз фитнаи ӯ силсилаи оламу одам.
Сад шукр, ки шуд кушта ба хориву зи қатлаш,
Пур гашт зи шодӣ дили халқе тихӣ аз ғам.
Чун баҳри муқофоту сарои амали ҳеш,
Барбаст ба оҳанги сафар рахт зи олам.
Будам паси таърих, ки пири хирадам гуфт:
«Бинвис, ки Хон Аҳмади дун шуд ба ҷаҳаннам». (4, с. 139-140)

Қоонии Шерозӣ – шоири қарни сиздаҳум ба афроди ситамгар тавсия мекунад, ки зулми ҳешро ба ҳадде нарасонанд, ки арса бар мазлум танг шавад ва Худовандро ба ёрии худ фаро хонад:

Эй ситамгар, ситам макун чандон,
Ки ба мазлум кор гардад танг.
З-он ҳазар кун, ки овари рӯзе,
Домани адли Кирдгор ба чанг (12, с. 782)

Ҳаким Сафоии Исфаҳонӣ – шоири авохири давраи Қочор, яке аз роҳҳои мубориза бо зулм ва ҳокимони ҷаврро интиқод аз вазъи мавҷуд медонад. Сафоии Исфаҳонӣ ҳокимонро ба ҷупон ташбех карда меғӯяд:

Агар зи мазраи шоҳ аст ҳосили ғафлат,
Тавон гирифт бад-ин кишти зулм чун мироб.

Гар аз вало буд, не зи шох, вой бар шох!
Ки посбонон дар раҳматанду шох ба азоб.
Камони зулм ба дасти замона аст, ту шох
Бигир дар ҳадафи адл хона чун нашоб? (2, с. 21).

Дар хотимаи ин мақола метавон гуфт, ки мавзӯи адаби пайдорӣ, бахусус, шоҳаи зулмсизии он дар девони шоирони мутааххиди форсӣ бисёр аст, ки ба ҳамин миқдор басанда мешавад. Ва ин бисёрӣ худ бархоста аз андеша ва фарҳанги ғании эронӣёни бостон ва талфиқ шудани он бо андешаи исломӣ аст, ки тавонист ҳар рӯз пӯғтар дар осори адаби форсӣ намоён гардад ва ин масири оғозишудаи худро идома диҳад.

А Д А Б И Ё Т

1. Куръони Мачид. Тарҷумаи Абдулҳамид Оятӣ. Чопи аввал, Техрон: Суруш, 1367.
2. Девони ашъор. Исфохонӣ, Сафой. Ба тасхеҳи Аҳмад Сухайлии Хонсорӣ. Чопи дуввум, Техрон: Иқбол, 1362.
3. Пажӯҳишхое дар таъриху адаб. Ойинавандӣ, Содик. Чопи аввал, Техрон: Муассисаи иттилоот, 1372.
4. Девони ашъор. Исфохонӣ Ҳотиф. Ба тасхеҳи Ваҳид Дастиурдӣ. Чопи шашум, Техрон: Китобфурӯшии Фуруғӣ, 1349.
5. Куллиёти ашъор. Шерозӣ Аҳлӣ. Ба тасхеҳи Ҳомиди Раббонӣ. Техрон: Китобхонаи Саной, 1344.
6. Девони ашъор. Соибӣ Табрзӣ. Ба тасхеҳи Муҳаммади Қаҳрамон. Чопи аввал, Техрон: Илмӣ ва фарҳангӣ, 1370.
7. «Гул, ғазал, гулӯла». Маҷмӯаи шеърӣ шоирони нерӯи мусаллаҳи Эрон. Ба кӯшиши Парвизбеги Ҳабибодӣ. Техрон: Бунёди ҳифзи осори дифоӣ муқаддас, 1373.
8. Кисоии Марвазӣ, зиндагӣ, андеша ва шеърӣ ӯ. Риёҳӣ, Муҳаммадамин. Чопи аввал, Техрон: Интишороти Тавассут, 1366.
9. Девони ашъор. Фарғонӣ Сайф. Баргирифта аз лавҳи фишурда (CD).
10. Адабиёт чист? Сортер Жон Пул. Тарҷумаи Абулҳасани Начафӣ. Ҷилди аввал, Техрон: Китоби замон, 1348.
11. Шохнома,...
12. Девони ашъор. Шерозӣ Қоонӣ. Ба тасхеҳи Носири Ҳиррӣ. Чопи аввал, Техрон: Гулшой, 1363.
13. Девони ашъор. Носири Хусрав. Ба тасхеҳи Мучтабо Минавӣ ва Маҳдии Муҳаққик. Чопи II, Донишгоҳи Техрон, 1365.
14. Вазифаи адабиёт. Начафӣ Абулҳасан. Ҷилди аввал, Техрон: Китоби замон, 1356.
15. Чаҳор мақола. Низомии Арӯзӣ. Ба тасхеҳи Аллома Қазвинӣ. Чопи дуввум, Техрон: Ишроқӣ.
16. Девони ашъор. Воизи Қазвинӣ Муҳаммадрафъ. Ба тасхеҳи Сайид Ҳасан Содоти Носири. Техрон: Муассисаи матбуотии Алиакбари Алавлӣ, Бечо, 1359.

ВЗГЛЯД НА ВЕЧНУЮ ЛИТЕРАТУРУ С ОПОРОЙ НА БОРЬБУ СО ЗЛОМ В ПОЭЗИИ ПЕРСИДСКИХ ПОЭТОВ

Статья посвящена изучению и исследованию извечной литературы с опорой на борьбу со злом в поэзии персидских поэтов. Борьба со злом, несправедливостью в обществе – главная тема в поэзии поэтов данного направления. В своих стихах они призывают правителей к справедливости, миру и добродетели.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: персидская поэзия, поэтические темы, вечная литература, тема борьбы со злом в персидской поэзии.

A SIGHT AT THE ETERNAL LITERATURE WITH A SUPPORT ON STRUGGLE AGAINST HARM IN POETRY OF THE PERSIAN POETS

Article is devoted studying and research of the immemorial literature with a support on struggle against harm in poetry of the Persian poets. Struggle against harm, injustice in a society - The main theme in poetry of poets of the given direction. In the verses they call governors for justice, the world and virtue.

KEY WORDS: the Persian poetry, poetic themes, the eternal literature, a theme of struggle against harm in the Persian poetry.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: **Абдулмалжид Арҷмаңди** – соискатель факультета таджикской филологии Таджикского национального университета.

ТАНЗ ВА ТАФОВУТИ ОН БО ЖАНРҲОИ ДИГАР

Разоки Қадамнон

Институти забон ва адабиёти ба номи Рудакии АИ ҶТ

Танз ҳамчунон ки дар таърифи он хоҳад омад баёни масоили бо лаҳни зебо ва мавриди писан даст. Зеро бо худ ханда ва нишон ба ҳамроҳ дорад, он чи, ки бо таъби мардум ҳамоханг аст, дар ин пажӯҳиши пас аз ироаи таърифхое аз танз, ҳачв ҳазл, факоҳӣ ватанз ва вучуҳи тамоизи он бо мақулаҳои мушобех ба баён шудааст аст ва сипас ба вижагӣ ва расолати танзпардозӣ ва ҳамчунин илалӣ он пардохта шудааст. Бошад, ки гоми кӯчак дар чихати шиносонидани он бардошта бошем.

Танз шеваи муассир ва чиро дар хунари баён ва нависандагӣ аст. Танз яъне ин ки инсон муҳимтарин матлаб ва мабоҳисро бо латифтарин ва дар айни ҳол, тезтарин ва бурандатарин калимаҳо баён кунад ва бинависад. Қаламруве танз бисёр густурда аст ва аз он (дар сурати доштани идиулужӣ ва ормонҳои иҷтимоӣ ва сиёсӣ) метавон дар роҳи бедорӣ мудаҳо суд ҷӯст ва мардумро ба талошу таҳаррук водошт ва ба андеша андохт. Дар танз нависанда пояҳои мубориза бо намедиро пайрезӣ мекунад ва дардхоро мешиносонад ва ҳадафхоро мушаххас ва мутамоиз ва ошкор мекунад.

Ҳазл: Ҳазл ба маънии мазох кардан, беҳуда гуфтан (дар муқобили зид) шӯҳӣ ва зарофат кардан бо дигарон, дуруғ, казби ботил ва хилофи воқеъ аст, муқобили панду ҳикмат.

Дар таърифи дигаре аз ҳазл омада аст: «Сухани беҳуда, ки аз лафз, на маъноӣ ҳақиқӣ он ирода мешавад на маъноӣ маҷозӣ он, дар меъри бисёр ба кор меравад ва мутаасифона онро ба танз иштибоҳ мегиранд. Ҳадафаш барангехтани ханда ва ба масҳарагӣ наздик аст ва камтар дар масоили ғамангезу дардноки ҷомеа қарор дорад».[1]

Ҳачв: Он рӯи сиккаи мадҳаст. Дар дарозноӣ таърихи пур аз маддоҳои сарзамини мо ҳар ҷоу ҳар вақт, ки мадҳ дар хӯро кор омад набуд, шоирон теғӣ ҳачв баркашиданд... гоҳ ба сарҳадди дашномгӯӣ ва ё ришханди масҳараомезу дардовар низ меанҷомад.

«Фройд ҳачвро латифае таҳҷуми номида аст, зеро барои ҳамла ва дифоъ ба кор меравад ва дар айниҳол беҳаёт ва пардадарӣ мекунад».[2]

Ба таври хулоса метавон гуфт ҳавҷ иборат аст аз: «шумурдани айбҳои касе, нақӯхидан ва нақӯхиш, фӯхшу дашном, сухани беҳуда ва чизи бефоида».[3]

Киноя: Киноя, сухан гуфтан бо ишора ва ё таънаомез, сухане, ки бар ғайри мавзӯи худ далолат кунад, сухан гуфтан ба лафзе, ки маъноӣ ҳақиқӣ ва маҷозӣ он ҳар ду баробар бошанд.

Ё «киноя, таъризи гуфтани чизе аст ва хоستان ҷуз он ё каломе, ки муроди он пӯшида аст».[4]

Латифа: Гуфтори нарму некӯ, муҳтасар дар ғояти зебӣ ва некӣ. Ба сухани дигар, «латифа иборат аст аз нуктае, ки маронро дар нуфус таъсир бошад ба нахве, ки мучиби иншироҳи садр ва инбисоти қалб гардад».[5]

Ҷаҳоҳӣ. Ҷаҳоҳӣ бедардисартарин ва саҳлулвусултарин шеваи мазох, инбисоти хотиру ханда аст, ҷаҳоҳӣ на зиштӣ ва рақоқати «ҳазл»-ро дорад. На бепарвоӣ ва интиқодҷӯӣ бепардаи ҳачвро. Ҳадафи ҷаҳоҳинавис фақат хандонидан муҳотаб аст. Гуфтугӯҳои хонавода, масоили мадраса, пизишкон, хунармандон, мағозадорон, девонагон мушқилоти арӯс ва модар шавҳар... ва ҳамагӣ метавонанд дастмолес барои эҷоди як асари ҷаҳоҳӣ бошанд ва ҷанбаи хандаовар будан мавқеият ва гуфтори он пеш аз шоҳаҳои дигараш ҷашмигуру қобили тавачҷӯҳ аст.

Танз. Вожаи танз аз феъли «таназа ятна азу» аст ва дар забони арабӣ танз ба маъноӣ истиехзо ва тамасхур кардан омада аст ва дар истилоҳ ба он даста аз осори адабӣ итлоқ мешавад, ки ба истиехзо ва таъна ба нишон додани айбҳо, зиштиҳои, нодурустиҳо ва мафосид фарду ҷомеа мепардозад[6].

Ин вожеҳо муъодили аврупоӣ satire аст.

Шояд комилтарин таъриф дар китоби «Аз Сабо то Нимо» омада бошад:

«Равиши вижае дар нависандагӣ аст, зимни додани тасвири ҳаҷвомез аз ҷиҳати зишт ва нозури зиндагӣ, мағоибро муфасиди ҷомеа ва ҳақоқиқ талхи иҷтимоиро ба сурати игроқомез яъне зиштару бадтар қибтар аз он ҷӣ ҳаёт намоиш медиҳад, то сифат ва мутаҳасоти равшантар ва намоёнтар ҷилва кунад ва тазоди амиқӣ ваъзи мавҷуд ба андешаи як зиндагӣ оӣ ва маъмул ошкор гардад».[7].

Аммо Каюмарси Собирӣ (Гулоқо) бепарда ва ошкоро танзро ин гунна таъриф мекунад. «Танз ҷароҳӣ аст ва ҳаҷв сароҳӣ. Ҳазлу шӯҳӣ ва мутоиба бедуни ин ки қасди арзишгузорӣ ё бихоҳем онҳоро нафи кунем занги тафриҷи зиндагӣ аст».[8]

Танз ба мафҳуми имрӯзии он тақрибан аз даҳаи 40-1951 дар Эрон мусталаҳ шуд.

Илоли гироиш ба танз метавонад танавуънӯбахшӣ, бахши қанолҷӯӣ, нафрати шахси, майл ба зебӣ, камбудӣ рӯҳӣ[9] ва аз ҳама муҳимтар замоне, ки ҷомеа ғарқ дар ситам шавад ва ҳокимон ба ҷои адолатгарӣ ба ситамгарӣ бипардозанд шоирон ва нависандагон бештар аз мардуми дигар ранҷ мебаранд ва бештар аз ҳама эҳсоси масъулият мекунанд, ин ҷост, ки онҳо ба забони «танз» рӯӣ меоваранд, то ҳақоқиқро дар қолаби ханда ва шӯҳӣ баён кунанд.

Вуҷӯҳӣ тамоизи танҷ ба ҳазлу ҳаҷв. Танз иборат аст аз «сухани эътироз оmez ва латифу нешхандангез, ки мақсадаш интиқод ва ислоҳи ҷомеа аст, дар ҳоле ки ҳазл хашн тунду фӯхш олуда аст ва он сухани хандаоваре аст, ки маъмулан ҳадафи интиқодӣ ва иҷтимоӣ надорад ва гоҳе номӣ аз тамаъ ва қасби молу мақом аст, дар ин сурат онро ҳаҷв мегӯянд, ки намунаҳои фаровон дорад».[10].

Ҳазл ба ноҳинҷорӣ мавҷуд фақат механдад вале танз ноҳинҷорӣ мавҷуд механдад, кина меварзад ва мехоҳад онро аз миён бибарад аз ин рӯст, ки як асари ҷаҳоҳӣ ҳар қадар омехта бо рӯҳи интиқодӣ бошад ҷуз таъсири тафриҷӣ напичае надорад, вале як асари танзолуд метавонад дар тағйири ваъзи мавҷуд гузиниши умурӣ асосӣ муассиртар бошад.

Ҳазл фақат қасди хандондан дорад вале қасди танз дар пайи ханда, иборат аст.

Сарчашмаи танз рӯхи поку соф ва фарзона аст, сарчашмаи ҳазл табъи шӯҳ ва шанг аст.

Ҳазл фақат риндона механдад, вале танз ҳақимона таъна мезанад.

Латифа, киноя ва ҳазл шӯҳӣ мекунанд ва механдонанд ва мегузаранд, вале танз бедор мекунад ва ба чехраи шод мегирёнад. Пас танз нависӣ мубориза аст, мубориза дар роҳи дигаркунӣ беҳзистӣ ва беҳрузӣ.

Ҳавҷ дар кори шоир, омочи шахсӣ ва фардӣ дорад. Бо ҳаҷваш меҳодад ҳарифи маъонидеро сари чояш бинишонад, ки по гилемаш дарозтар накунад. Аммо танз аз довари иҷтимоӣ ҳақими воқеъгаро дар бораи замонааш нашъат мегирад, ки тайфи аз ахлоқ, ниҳодҳои иҷтимоӣ боварҳо ва рафторҳои фардӣ ва ҷамъӣ асрро ба тозиёнаи танз менавозад.

Вижагии танзпардозӣ: Танз нависӣ аз мушқилгарин гунаҳои нигориш аст. Дар ин замона қаламзан бояд ба лабаи бореки роҳ биравад, ки ҳар лаҳза бими сукути ӯ меравад. Зиёда рави ва тафрит ӯро ба он сӯй ибтизол ва ҳазли обакӣ ва мутоибот мекашонанд, ва ифрот ба газандагии муғризна ва жоғихоӣ ва ҳато шатм ва кинхоӣ.

Пас роҳнамоӣ бар гузаргоҳи чуки борик ва дар вартан чунин торик танҳо бо гомҳои устувор имкон меёбад.

«Қалами танз навис корди чароҳӣ аст на чоқӯи одамкӯши бо ҳама теziаш чонкоҳу мӯзӣ ва ишқонанда нест, балки оромбахш ва саломатовар аст, захмҳои ниҳонро мешикофадад, ва мебаррад ва палидихоро берун мерезад, уфунатро мезудояд ва беморро беҳудӣ мебахшад».[11]

Лозимаи танзпардозӣ шакибӣ аст. Фуруҳурдани ҳашм худ нисбат ба руҳдодҳо, мушқилот ва интиқодотро ба ширингарин вачҳӣ ба гӯши дигарон расондан. Лизо омехтани кина ва адоват ба интиқод онро аз ҳарамии танз хорич мекунад.

Нуктаи муҳим дар танз нависӣ ин аст, ки нависанда чӣ мегӯяд ва чӣ ҳадафе дорад ва бо шигирди хоси баргузида аст чӣ идее ва ҳадаферо дунбол мекунад. Ба иборати дигар танз нависӣ бастагӣ ба уфуқу фикрӣ нависанда дорад ва тафаккуроти сокин дар нигориши асари танзолӯд арзиши онро то ҳудуди ҳазл ва ҳаҷв пойин меоварад.

Тафовути танзро бо мақулаҳои мушобеҳ он баршумурдем ва гуфтем, ки танзро набояд бо ҳазлу ҳаҷав ва яке донист, зеро ҳар як ҳадафҳои хоси худро дорад. Танз ҳам шинохт аст. Ҳам дармон. Шеваи матлуб барои баёни масоил ва мубориза бо вазъияти номатлуб- танз навис бидуни муҳаббат ва ҳамдardӣ ва ҳамдилӣ бо ҷомеааш ба вартаи ҳаҷви ҳазл хоҳад афтад.

Лизо онон, ки меҳоянд танз бинависанд, бояд аввал танзро дақиқан бишносанд, дуввум ин ки ба ҷомеа ишқ биварзанд ва савум ин ки бедуни хубу бугзи шахсӣ бинависанд.

АДАБИЁТ

1. Халилолоҳ Муқаддам Аҳмад, Танз чист. Техрон, 1999, с. 5-9.
2. Ҷузи Насрободӣ, Абулфазл, Поёно, корғанноси Аршад, Техрон соли 1995, с. 13.
3. Ҳалабӣ, Алиасар. Муқаддимае бар танзу шӯҳи табъи дар Эрон. Техрон соли 1985. с. 35.
4. Халилолоҳ Муқаддам Аҳмад, Танз чист. Техрон, 1999, с. 4.
5. Ҳамон ҷо. с.4.
6. Дод, Сино. Фарҳанги истилоҳи адабӣ. Техрон. с.1996 с. 208.
7. Оринпур, Яҳи. Аз Сабо то Нимо: Техрон с 2003 с. 36.
8. Собирӣ, Каюмарс. Солномаи Гулоҳо Техрон 1996 с. 47.
9. Ҳалабӣ, Али Асфар. Муқаддимае бар танз вазуҳи табъи дар Эрон 1985 с. 59-64.
10. Содикзода, Маҳмуд. Танҷ дар ашъори Ҳофиз, Техрон. Соли 1990 с. 230.
11. Содикзода Маҳмуд, Танз дар ашъори Ҳофиз. Поёномае коршиносӣ Армад Донишгоҳ Озоди Истломи 1999. с. 30.

САТИРА И ЕЕ ОТЛИЧИЯ

Статья посвящена изучению и исследованию такого литературного направления как сатира. Автором приведены различные виды и направления данного литературного жанра и даны краткие комментарии к ним.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: сатира, юмор, анекдот, особенности сатирического произведения.

SATIRE AND ITS DIFFERENCES

Article is devoted studying and research of such literary direction as satire. The author results various kinds and directions of the given literary genre and short comments to them are given.

KEY WORDS: satire, humors, a joke, features of satirical product.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: *Раззок Кадимюн* - соискатель Института языка и литературы им. Рудаки АН РТ

ВОДИИ ФАРҶОНА: ТАМАДДУН ВА ТАДАЙҶОН

Низомиддин Мурудӣ
Донишгоҳи давлатии Хучанд ба номи Б. Фафуров

Сайри фикрӣ ба ҷаҳони қабл аз Ислом возеҳ мекунад, ки давлатҳои Эрону Юнон, Ҳинду Араб, Руму Чин дар оғози милод аз кишвару халқҳои соҳибтамаддун ба шумор меоманд. Ҳанӯз дар ҳамон даврон онон ихтирову қонунгузорӣ, саноату тичорат ва фарҳангу тибби худро соҳиб буданд. Ин нишонаҳо буд, ки эшонро дар радифи мамолики мутамаддин қарор меод. Замоне ки дар ин давлатҳои абарқудрат лағжиш аз роҳи дини осмонӣ ба миён омад ва ҳокимон, инчунин пайравона одамон ба ахлоқи разила гаравиданд, фасоду фаҳш тадриҷан мардум ва манотикро фаро гирифт, тамаддун ба тазаллуму тазалзул табдил ёфта, ҳатто аз баъзеи он илло ӯде чанд дигар салобате боқӣ намонд.(12)

Магар тамаддуну тараққӣ онро аз фочиаҳои бузург нигоҳ дошта натавонист? На ҳама вақт мутамаддин будан сабаби самароту комёбии воқеӣ аст! Аз ин ҷиҳат, Худованд пас аз нузули арзишҳои ахлоқӣ ва инхирофи зиёд дар дини қаблӣ (исавӣ) динеро ба ягонагӣ ва ниҳой бо номи Ислом ба халқи олам баргузид:

«Имрӯз дини шуморо бароятон ба камол расондам ва неъматамро бар шумо тамом кардам ва дини Исломро бар шумо писандидам». (Қуръон, сураи «Моида», ояти 3)

Дақиқ аст, ки аз оғози таърих мардуми ҷаҳон маслаке ё роҳи муайяни эътиқодро мепарвариданд. (Тамоми адёни мавҷуда қоилад, ки ҳаргиз халқи олам бӯзина набуданд ва улуми антропологии муосир низ хулосаҳои дарвинизмро дар ин бобат бо тадқиқоти нави илмӣ инкор кардан дорад).(12)

Замонеро таърих наредонад, ки лаҳзае кураи арз аз эътиқод бар Худованди ягона берун монда бошад. Агарчи дар қишре муайян мардуми гумроҳ аз оини худҷӯй беҳабар ва ё дур мешуданд, дар қишри дигар дигар қавме ба хидоят шарафёб мегардиданд.(6,113-114)

Аз ин лиҳоз, эътиқод - муайянқунандаи ақидаву равони инсонӣ ва олами ботинии ӯ одамиро ҳаргиз тарк намекард. Фақат фарқият дар он буд, ки иддае бар динҳои осмонӣ ва гуруҳе дигар ба динҳои заминӣ (худҷӯд) пайрав мешуданд.(8,21) Ин ҳолат дар манотиқи ҷаҳон то ҳол идома дорад.

Аз ин ҷиҳат, тадайҷон (гаравидан ба дин, диндор будан, дар роҳи имону хидоят қарор доштан) ҳамрадифи тамаддун омад. Баъдан, ҳар кишваре, ки аз дини ҳеш ҷимоя мекард, бақои давлату сафои миллати ҳешро таъмин мекард. Дар ин бобат «Шоҳнома»-и Фирдавсӣ сарехан ишора дорад:

Чунон дину давлат ба ҳам андаранд,
Ту гӯӣ, ки ин ду чу як гавҳаранд.
На бе дин бувад тахти шоҳӣ ба ҷой,
На бе тахти шоҳӣ бувад дин ба пой

Давлатҳое, ки динашонро ҳам ҷимоя карданду ҳам бар он кор бастанд, сарфарозию сарбаландӣ ҳаргиз онро тарк накард. Лаҳзае, ки хиёнат бар дин ва вичдон ба ҷашм омад, он лаҳзаи оғози таназзули ҳар гуна ҳукумат ва давлат шуморида шуд.

Маҳз шарофати вазири соҳибқазли сосониён Бузургмеҳри яктопараст буд, ки Анӯшервон дар ҷаҳон «Одил» шинохта шуд. Аммо, чун авлоди ӯ роҳи нафсониятро муттақо шуданд, фарри қасбӣ онро тарк кард. Инчунин, ҳарчанд Ислом дини расмӣ буд, сулолаи сомониёнро низ ҷунин тақдир насиб гашт.

Ҳокимони охири сомонӣ аз умури давлат беҳабар, мубталои айшу ишрат гаштанд ва «тӯъмай» ғазнавиён шуданд. Ҷунин қисматро аксари салтанати Ислом асрҳои зиёд аз сар гузаронид.(3, 33-34; 2, 13-14)

Амире сулолаи ҳешро бунёд мекард, баъдина ҳокимони авлодӣ аз роҳи аслии бобой сар мепечиданд ё гумроҳ мешуданд ва давлати хурду кӯҷахро аз даст меоданд.

Аз ин хотир, таърих вузарои соҳибнасабу соҳибкамолеро, монанди Осаф, Балъамӣ, Низомулмулк, Ҳасани Маймандӣ ... мешиносад, ки дар замони ҳеш тавонистанд, ҳокимони худро аз роҳи фаҳшу шаҳват бознигаҳдоранд ва дар умури давлат дили бедору ҷашми хушёрӣ подшоҳ бошанд.

Чунончи ёдовар шудем, яъне тамаддун ҳамон вақт ҳақиқӣ, монданӣ ва беосеб хоҳад буд, агар фарҳанги динӣ ё арзишҳои мазҳабӣ ҳамрадифи ҳаётии ӯ бошад. Ҳол он ки бо вучуди маданият, давлатҳои Руму Юнону Ҳинду Араб натавонистанд, дар мисол ҳуқуқи занонро дар қонунгузории ҳеш риоя намоянд ва манзалаат бахшанд. Чунончи, дар асри VII Ислом ҳуқуқи занонро дар олам бори аввал бо мардон баробар донист ва «Қуръони маҷид аслу маншаи марду занро яке муаррифи намуд ва дар ҳама хитобҳо ва тақлифҳо ва вазоифи зиндагӣ ва аъмоли динӣ ҳар ду ро бо ҳам мухотаф фармуд:

«Ҳар кас аз мард ё зан, ки кори нек кунад ва мӯъмин бошад, ба зиндагонии пок ва писандидае зиндаш медорем ва ба беҳтар аз он ҷи карданд, подошашонро мепардозем». (Сураи «Наҳл», ояти 97)

Барои занон шарофату фазилат ва эҳтироми бисёр монанди мардонро қоиш шуд ва занро бар ҷону мол ва дороии худ мусаллат фармуд ва ҳаққи ҳар гуна мудохала ва тасарруф дар амволи ҳешро бе иҷозаи шавҳар барои ӯ шинохт ва вайро аз ҳар гуна тачовуз ва тааддӣ маҳфуз дошт ва дар илму дониш бо мардон ҳамдӯш донист... Паёмбари Худо (с) дар он таърих барои занон ҳукуке муқаррар фармуд, ки урупоиён бо он ҳама даъвии тамаддун ва тараққӣ, ки доштанд, то қарни нуздаҳум натавонианд, он ҳуқуқро барои занони ҳеш бишносанд.(10, 31-32)

Аммо, мардуми соҳибтаърихи тоҷикро чӣ тадайн ва тамаддун буд?

Таърихи Эрони қухан ин қисме аз таърихи аҷлоди тоҷикон аст. Тамаддуни Эрони қадим тамаддуни тоҷикони қадим аст. Бе миллати тоҷик ва тоҷикони қухан шинохти таърихи Эрони бостон ноқис хоҳад буд. Ҳатто «Сарзамини модар ва пойгоҳи аслии қабоили ҳиндуэронӣ ба эҳтимоми зиёд хиттаи Осиёи Миёна будааст. Тақсими ин қабила ба шӯъбаҳои ҳиндӣ ва эронӣ ношӣ аз кӯчҳои пай дар пай онон буд. Нахустин бор гурӯҳе аз онҳо аз роҳи Афғонистони имрӯзӣ ба сӯи Ҳинд кӯч карданд (қабоили ҳиндӣ) ва пас аз онҳо қабилае, ки дар Осиёи Миёна боқӣ монда буданд, ба сӯи сарзамини Эрон ва Афғонистони қунунӣ кӯчиданд (қабоили эронӣ).

Зистгоҳи қадими қабоили эронӣ аз кӯҳҳои Қафқоз ва саҳроҳои Осиёи Миёна дар Шимол то қаронаҳои дарёи Уммон ва Халиҷи форс дар қануб ва аз Афғонистону баҳше аз фалоти Помир ва даҳанаи рӯди Синд дар ҳовар то сарзаминҳои Миёнрӯдон (Байнаннаҳрайн) дар Бохтар имтидод меёфт ва таъбан, анғезаи падид омадани ғуишҳои гуногун мешуд, ки сипас мароҳили тақомулро тай мекард ва ба гунаи забонҳои қомилу мустақил дармеомад.(1,21-22)

Чунин нуктаи назари эроншиносу авестошиноси машҳур Қалили Дӯстхоҳ аз қониби муаррихону забоншиносони қаҳон қайҳо мавриди истиқбол қарор гирифтааст. Аммо ин паҷӯҳиши на аввалин аст ва на охири. Аз донишмандони ватанӣ дар ин бобат тавачҷӯҳи хоса манзур аст: «Мо чиниён, ҳиндувон, эрониён, яҳудиён ва юнониёнро чунин халқҳо медонем – халқҳои меҳвар. Донишманди олмонӣ Карл Ясперс меғӯяд, ки халқҳои меҳвари таърихи қаҳон он халқҳоеанд, ки таърихи худро пайғирона идома дода, қаҳише ба амал оварданд ва дар ин қаҳиш ғӯё дубора зода шуданд, умри дубора ёфтанд, дар натиҷа, асоси моҳияти маънавии инсон ва таърихи ҳақиқии ӯро бунёд гузоштанд. Пас, бешубҳа, яке аз қавзаҳое, ки «асли таърих» он қо оғоз гирифтааст, Эрон аст. Ва чун зодгоҳи Зардушту Авасто Хуросон аст, бо таъкид бояд бигӯем, ки оғозгоҳи маънавияти Эрон қамин сарзамин, аз қумла Мовароуннаҳр аст, –саҳеҳ навиштааст академик Муҳаммадҷон Шақурӣ ва афзудааст: - яке аз сарғаҳои фарқанги маънавии қама қавзаҳои меҳвар ва таърихи бақар дар Осиёи Миёна буд.(9,6-8)

Водии Фарғона боқад, қалби Осиёи Миёна аст. Чун суҳан аз водии Фарғона меқавад, бояд дар зеҳн дошт, ки суҳан аз водие меқавад, ки на фақат соҳиби тамаддун ва тадайнӣ ҳеш, балки қамҷавори халқҳои меҳвар ба ҳисоб меояд. Суҳан чун аз Фарғона меқавад, ба маънии том Фарғонаи қадим дар назар аст. Рисолаҳои қудоғона дар бобати Фарғона, иқлим, қойғиршавӣ, қуғроғиёи он маълумоти муғид додаанд. Аммо аз қӣ сабаб боқад, бештари таҳқиқот дар қамони охир хусусиятҳои омузиши оморӣ дошта, он қам ба таърихи водии Фарғона, ки бештари худуди он дар имрӯза қумҳурии ба мо бародари Ёзбекистон аст, бақшида мешавад.

Дар қамони мо лоиқҳои хоричӣ низ дар омузиши марому равони мардум, дину ҳунар, қасбу андешаи водии Фарғона амалӣ мешавад. Ин беасос нест.

Шинохти хусусиятҳои мардуми водии Фарғона хусусиятҳои мардуми Осиёи Миёнаро ба даст меорад. Ғайр аз он, омузиши ин минтақа қадвали фишору набзи ҳақиқии қуғроғиро ба даст меорад, ки таҳлили он суди сиёсӣ, иҷтимоӣ ва диниро доро мебошад. . .

Маҷмӯи сарғаде, ки харитаи қомили водии Фарғонаро таҷассум меқнад, шақлан бододро ба ёд меоварад. Қанӯз профессор Н. Л. Карженевский соли 1953 дар таҳқиқи ҳеш «Ферганская долина». («Водии Фарғона») ин истилоҳро ба қор бурда буд. (5, 73)

Ба сарғаду шақл, иқлиму шамоили мардум ниғариста, ба аҳолии он баҳо додан аз қухан дар илми таърих ва мардумшиносӣ мутадовил аст. Дар «Аҳсану-т-тақосим фӣ маърифати-л-ақолим» Мақдисӣ (асри х) ғӯяд, ки «Маъруф аст ва хирадмандон ғӯянд,ки биқишти дунё қаҳор қост: ғӯтаи Димишқ, рӯди Абалла, қамини Суғд, дараи Баввон. Қар қадом хоҳӣ, барғузин, ки инҳоянд биқишти дунё... Албатта, ағар ман аз бадии мардумони шаҳре суҳан ғуфтаам, ақли донишу адаб, ба вижа фақеҳон аз он мустаноянд, зеро ки ман фазилати воқеиро дар эшон медонам... Қар шаҳре,ки саҳт сармо боқад, мардуми пурғушту қоқ ва хушғилу пурриш дорад, чун Фарғона, Хоразм, Андалус, Армания».(7, 48-49)

Чун ба харитаи водии Фарғона назар меаққанем аз 22,2 қазор қм. қв. дар имрӯза Ёзбекистон 17 қазор қм.қв., дар Тоҷикистон 7,9 қазор қм. қв. ва дар Қирғистон 5,3 қазор қм.қв. он тӯл қашидааст. Хусусияти ин тақсимбандиро қайҳо донишмандони мо аз дидгоҳи илми таърих ва сиёсат баҳо додаанд, ки шарҳи он аз мавзӯи мо берун аст.(Муқочият шавад ба қитобҳои Р. Масов. Таджиқи:

история национальной трагедии.-Душанбе:Ирфон, 2008 ва Х, Шарифов. Точикони бурунмарзӣ. - Хучанд: Р. Чалил, 1999).

Чунончи гуфта шуд, водии Фарғона қалби Осиёи Миёна аст. Макони қалби инсон садру чапи он бошад, ин минтақа низ дар ин ҳолат – шимолу шарқи Осиёи Миёна ҷойгир аст. «Танҳо дар ҷониби ғарби худ ба дигар кишварҳои Осиёи Миёна роҳи на он қадар калон дорад, ки дар адабиёт онро «Дарвозаҳои Хучанд» гуянд».(4,6)

Аммо таваҷҷӯҳи сайёҳон бар ин минтақаи бихишпӣ ҳанӯз қабл аз милод ба чашм мерасад. Ҳарчанд сайёҳон бегараз аз ин кишвари пурасрору пурнеъмат дидан мекарданд, қабл аз хучуми Россияи подшоҳӣ ба Осиёи Миёна аз ҷониби муҳаққиқони рус бошад, ин сарзамин хуб омӯхта шуда буд. Мутаассифона, ин гурӯҳи сайёҳон баробари омӯзиши илмӣ- ҷуғрофӣ ва таърихӣ, зарурати ғасби ин минтақаро ба ҳукумати подшоҳии худ собит мекарданд.

Ҳанӯз солҳои 40-50-уми асри XIX В.В. Веляминов-Зернов навишта буд: «Омӯзиши хонигарии Қўқанд (маркази водии Фарғона –Н.М.) - бехтарин кишвар дар Осиёи Миёна буда, барои мардуми рус хеле зарур аст. Чунки ин хонигарӣ барои фабрикаву мануфактураву заводҳои Россия манбаи ашёи хоми тайёр аст (Веляминов-Зернов В.В. Исторические известия о Коканском ханстве от Мухаммада-Али до Худояр-хана, 1856. Сведения о Коканском ханстве/ Вестн. Имп. Рус. геогр. об-ва, СПб, 1856. Кн.V, ч. XV111).(4,8)

«Аз ҷумлаи олимони рус аввалин шуда ба водии Фарғона А.П. Федченко соли 1871 омада буд. Экспедицияи Москва бо номи «Ҷамъияти дӯстдорони табиат» бо роҳбарии ӯ водиву дарёҳои Исфара, Сўх, Шохимардон, Исфайрам...ро тадқиқ кард.Харитаи водии Фарғона тартиб дода шуд.(11,48)

Мардумшинос С.С. Губаева дар таҳқиқи худ «Таърихи омӯзиши қисмати этникии мардуми водии Фарғона» равшан мекунад, ки «Сафари ботаник, географ, зоолог ва геологҳои машҳур А.П. Федченко, Н.А. Северсов, И.В.Мушкетов аз хонигарии Қўқанд (қабл аз тасарруфи Россия! - Н.М.) ду моҳ давом карда, ғайр аз қиматтарин маълумоти табиатшиносиро ба даст овардан, кашфиёти бузурги ҷуғрофиро низ соҳиб шуда, аз мардуми водии Фарғона хислатномаҳои ғароибро ба худ навишта гузоштанд, ки расму оин, ҳоҷагӣ ва муносибати ононро ба халқҳои дигар баён мекард». (с.10)

Албатта, ҷиҳати илмӣ ин пажӯҳишҳо низ буд, ки ба соҳаи таърихнигориву мардумшиносии мо суде чанд ато кард. Натиҷа он буд, ки соли 1882 дар 600 саҳифа китоби А.М. Миддендорф «Водии Фарғона», И.В. Мушкетов «Туркистон», соли 1906 нашр гардиданд.

Дар ин радиф, бо чунин пажӯҳишҳо сайёҳону олимон, табиатшиносу муаррихон, амсоли С.М.Смирнов, А.С.Берг, В. Наливкин, Н.П.Остроумов, А.Шишов, Перу, Вамбери... саҳм гирифтанд.

Дар ин минтақаи пурбаракоти Осиёи Миёна, ки аз шимол ба ҷануб 170 км. ва аз ғарб ба шарқ 330 км. тўл кашадааст, дар ҳудуди Ҷумҳурии Ўзбекистон аз водии Фарғона Андиҷон, Асака, Қўқанд, Қувасой, Марғилон, Намангон, ҳуди шаҳри Фарғона, Косон, Чуст, Сўх дохил мешаванд. Дар Ҷумҳурии Қирғизистон шаҳрҳои Ҷалолобод, Ўш ва Ўзген ва дар Ҷумҳурии Тоҷикистон Исфара, Конибодом, Хучанд ва Ашт бар он шомиланд.

Ибтидои асри XXI дар самти фарғонашиносӣ бо кори хайр оғоз шуд. Ҳарчанд мухтасар аст, маълумоти нодиру илмӣ ва таҳқиқи ҷолибро дар Тоҷикистон олим ва муаррихи нуктасанҷ Ҳасанбой Шарифов анҷом дод. Гарчанде аз нигоҳи муаллиф ин самти таҳқиқ боз ҳам пажӯҳиш меҳодад ва омӯзиши ҳамагонӣ аст, нависандаро даст дода, ки мисолу санадҳои бебаҳсро дар шинохти таърихи ҷуғрофиёи мардуми водии Фарғона бо заҳмати зиёд гирд оварад. Хоссаган «Тоҷикони бурунмарзӣ» (Хучанд, 1999), «Яъқуббеки Бадавлат» (Москва, 2001) ва «Тоҷики гумгашта боз ояд...» (Хучанд, 2003) аз ин муаллиф дар омӯзиши мо қарор дошт. Бе шинохти таърихи ягонаи тоҷикон, шинохти таърихи Фарғонаи қадим муяссар намешавад. Аз ин лиҳоз, сабуку услуби таҳқиқи Ҳасанбой Шарифов дар ин самт комилан нав аст. Ҷустуҷӯҳои илмӣ ӯ метавонад, ҳам олимро ва ҳам омикро ба худ ҷалб кунад.

Кутубе, ки аз таърихи тоҷикон солҳои охир таълиф мешаванд ва ба даст расидаанд, аз ҷумлаи таълифоти арзишманд ба ҳисоб омадаанд. Ёди водии Фарғона дар ин рисолаҳо бошад асосан ба ҷустуҷӯҳои этнографӣ-таърихӣ ва ҷуғрофӣ-табиӣ алоқаманд аст.

Аммо, мутаассифона таҳқиқи адабӣ ё кори адабиётшиносӣ дар ин самти бисёр ҳам муҳим, омӯзиши сайри адаби тоҷику форс дар Фарғонаи қадим, хусусан дар Тоҷикистон ва умуман дар адабиётшиносӣ кофӣ ба чашм намерасад.

«Водие, ки таърихан маъвои тоҷик аст», шинохти он, ҳаёти ҳавзаҳои илмию адабии он, мақоми занони суҳанвару ҳакима дар ин водӣ, инкишофи оини муҳаммадӣ ва таъсири аҳамияти он ҳам дар тақдир ва ҳам дар эҷодиёти удабо, хидмати фарғониҳо дар илму фарҳанг ва ҳунар, фазои муштараки фарҳангӣ бо кишварҳои ҳамҷавор (дар мисоли тоҷикони Кошғари Чин), тавсифи воҳаи Фарғона ё шаҳрҳои он дар осори ниёғони мо, манзалати уламо ва фақеҳон дар ин сарзамини

кӯханбунёд, таърихи тадайнони ин кишвар то ислом, хусусият ва табиату хулқи мардум... фикри собит дорам, ки иншоаллоҳ аз қору паҷӯхишҳои судманд ҳам дар илм ва сиёсати муосир хоҳад буд.

АДАБИЁТ

1. Авесто. Куҳангарин сурудҳо ва матнҳои эронӣ. Гузориш ва паҷӯхиши Ҷалили Дӯстхоҳ, Таҳиягар Муаззами Диловар. - Душанбе.: Қонуният, 2001, 792с.
2. Адам Мепц. Муслъманский Ренессанс.- Москва.: Наука, 1966, 458с.
3. Босворт К.Э. Муслъманские династии.-Москва.: Наука, 1971, 324с.
4. Губаева С.С. К истории изучения этнического состава населения Ферганской долины // Ферганская долина: этничность, этнические процессы, этнические конфликты.-Москва.: Наука, 2004. Ответственные редакторы: С.Н. Абашин, В.И. Вушков, 224с.
5. Корженевский Н.Л. Ферганская долина // Природа.-Москва.: Издательство Академии Наук СССР, 1953.№ 5.
6. Лари, Сайид Муджтаба Рукни Мусави. Западная цивилизация глазами мусульманина. – Баку.: Иршад, 1992, 212с.
7. Мақдисӣ, Шамсиддин Абӯабдуллоҳ Муҳаммад ибни Аҳмад. Аҳсану-т-тақосим фӣ маърифати-л-ақолим. Тарҷумай Алинақли Мунзавӣ. Дарду бахш. –Техрон.: Ширкати муаллифон ва мутарҷимони Эрон, 1361х.ш.
8. Муродии Хучандӣ. Раҳнамои хоксорон. –Хучанд.: Ношир, 2007, 518с.
9. Сайфуллоев А. Фуруғи маънавият. – Хучанд.: Р.Ҷалил, 615с.
10. Содики Эҳсонбахш. Нақши дин дар хонавода. –Эрон: Рашт, 1372х.ш., 434с.
11. Хочаев М. Аз таърихи тадқиқоти ҷуғрофӣ дар води Фарғона // Маводи конфронси илмию назариявӣ ДДХ. –Хучанд, 2002.
12. <http://www.hokrn.yahya>

ФЕРГАНСКАЯ ДОЛИНА: ЦИВИЛИЗАЦИЯ И РЕЛИГИЯ

Данная статья посвящена истории изучения и исследования Ферганской долины со стороны ученых – историков. Особый акцент делается на исследования ученого и историка начала XXI века Хусейнбая Шарифова, который собрал наиболее полную информацию об истории Ферганской долины и завершил очень ценное исследование.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Ферганская долина, цивилизация, религия, исследования, изучение истории.

FERGANA VALLEY: A CIVILIZATION AND RELIGION

Given article is devoted history of studying and research of Fergana valley from scientists-historians. The special accent becomes on researches of the scientist and the historian of the beginning of the XXI century Huseybaya Sharifova who has collected very valuable information on history of Fergana valley and has finished very valuable research.

KEY WORDS: Fergana valley, a civilization, religion, researches, history studying.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: *Низомиддин Муроди* – кандидат филологических наук, доцент Худжандского государственного университета им. Б. Гафурова.

ХУСУСИЯТҲОИ СОҲТОРИИ «ЧАҲОР МАҚОЛА»-И НИЗОМИИ АРҶИИ САМАРҚАНДӢ

М. Абдуқодиров
Донишгоҳи миллии Тоҷикистон

Дар масъалаи соҳт ва таркиби «Чаҳор мақола»-и Низомии Арҷии Самарқандӣ теъдоде аз муҳаққиқон аз қабилӣ Муҳаммади Қазвинӣ, Муҳаммад Муин, Худой Шарифов, А.Н. Болдирев бар он ақидаанд, ки «Чаҳор мақола» аз рӯи принципи дидактикӣ навишта шудааст. Муаллиф меҳодад, мамдӯҳи худро ба бузургии хонадони ӯ бовар қунонад ва дар қисми даромади сухан, дар ситоиши Худованд меғӯяд, ки оламо биефарид, бо амру наҳӣ анбиё биёрост, ба шамшеру калами мулк ниғаҳ дошт. Пас дуруд бар Пайғамбару аҳли байт ва асхобаш мефиристад ва сано ба подшоҳи вақт Муайяди Музафари Мансур Ҳисомуддин меғӯяд ва мақомоту бузургҳои зиёдро мансуби ӯ медонад.[1]

Сипас, тибқи расми қадимӣ муаллиф ва мусанниф дар ташбеҳи сухан ва дебочаи китоб сано ва дуои мамдӯхро гуфта, китоби худро ба номи ӯ пешниҳод менамояд. Малики чибол Фахрудавларо ситоиш намуда, писари ӯ ва амакаш Аловуддинро ёд меорад. Дар қисмати «Оғози китоб» сабаби таълифи асарро баён менамояд.[2]

Фаслҳои дуом ва сеюми китоб як рисолаи мухтасаре дар бораи офариниши олам, мақоми чамоду набототу ҳайвон, ҳосияти чаҳор унсур- хоку обу оташу бод мебошад. Пас аз он сухан аз қувватҳои ҳайвонӣ меравад, ки бо панҷ хавоси зоҳир робита доранд. Хавоси ботин ҳиссиёти муштарак – суратҳои бо ҳиссиёти зоҳир қабул шуданро истикбол мекунанд. Ҳаёл чизи қабулқардаи ҳисси

муштаракро нигоҳ медорад. Қуввати мутахаййила дар пайванд бо нафси инсонии мутафаккира хонда мешавад ва чузъиёти хаёлро таркиб мекунад ва аз якдигар ба ихтиёри андеша чудо мегардад. Қуввати ваҳм маъонии номахсуси мавҷударо дармессбад. Ҳамаи ин қувватҳо ходимони нафси хайвонианд.[3]

Баъди ин ҳикоят меояд, ки онро Низомии Арӯзӣ аз Абуриҷо ибни Абдуссаломӣ Нишобурӣ ном шахсе шунидааст. Ин шахс дар биёбони роҳи Тамғоч, дар болои рег зани бараҳнаи зеборо дидааст, ки ба корвониён нигоҳ мекард ва ба сухани онон ҷавоб намедод. Чун қасди ӯ карданд, ба саҳтӣ давида гурехт. Кирокашонӣ турк гуфтанд: «Ин одами ваҳшист, ки инро наснос хонанд».[4] Ба қавли Низомии Арӯзӣ ҳамаи аҷноси табиӣ ҳосияти табақоти доранд. Инсон низ аз табақот иборат аст ва худ аносири олами ҷамоду наботу хайвонро бо худ овард ва ба туфайли ақл бар ҳамаи хайвонот подшоҳ шуд. Ӯ аз олами ҷамод ҷавоҳиру симу зар зеби худ кард, аз оҳану мису фулузоти дигар истифода карда, аз олами наботот хӯрдани пӯшидани нӯшидани ва густурдани сохт, аз олами хайвон марқабу ҳаммол кард ва аз ҳар се доруҳо сохт. Ба тавассути маъқулот Худойро бишинохт.

Ин олам ва оламииён ба се қисматанд: Қисме наздик аст ба олами хайвон монанди биёбониён, кӯҳистониҳо, ки ҳимматашон аз тадбири маош беш нест. Қисми дуҷум аҳли билоду маодин, ки низомӣ онҳо бар ширкате, ки доранд, мақсур меояд. Қисми сеҷум аз онҳо фароғат доранд ва кори онҳо шинохтани муаммоҳои «Мо киём?», «Аз чӣ ба вучуд омадаем ва бозорандаи мо кист?»-иборат аст. Онҳо дар ҳақоқиқ ашъ баҳс мекунанд, аз омадану рафтани таамул ва тафаккур менамоянд. Ин қисм ду навъанд: яке назди устод бо хондану навиштан ба ин мақом мерасанд ва онҳоро ҳукамо мегӯянд. Анвои дигар бе устод ба мунтаҳои фикрат мерасанд ва ин навъро анбиё мегӯянд. Дар олами инсон болотар аз ӯ нест ва зиёдатии қудрати ӯро нубувват мегӯянд. Баъди наби давомдихандаи суннати ӯ имом аст. Чун имом ба ҳамаи асрори ҷаҳон дастрас нест ва ноиби ӯ дар амри дин малик, яъне подшоҳ аст. «Пас – мегӯяд Низомии Арӯзӣ- подшоҳ ноиби имом аст ва имом ноиби Пайғамбар ва Пайғамбар ноиби Худой» ва дар ин маънӣ Фирдавӣ гуфтааст:

Чунон дон, ки шоҳиё пайғамбарӣ,
Ду гавҳар бувад дар як ангуштарӣ.[5]

Модоме ки подшоҳ чунин мақомӣ олий дорад, наздикони ӯ дабир, шоир, мунаҷҷим ва табиб бояд бошанд ва онҳо бояд аз зумраи шахсиятҳои сазовор баргузида шаванд. Низомии Арӯзӣ ба ҳамин васила табақоти ҷомеаи замони худро гурӯҳбандӣ мекунад ва мувофиқи ҳоли ҳар яке аз намоёнҳои ҷаҳор табақоти надимони подшоҳ китоби ӯ ба ҷаҳор мақолат номгузорӣ ва тақсимбандӣ карда мешавад. Мақолати аввал дар моҳияти илми дабири ва кайфияти дабири балеғи комил; мақолати дуҷум дар моҳияти илми шеър ва салоҳияти шоир; мақолати саввум дар моҳияти илми нучум ва ғазорати мунаҷҷим дар ин илм ва мақолати ҷаҳорум дар моҳияти илми тиб ва ҳидоятӣ табиб ва кайфияти ӯ ихтисос дода мешавад.

Ба гуфтаи худӣ Низомии Арӯзӣ дар сари ҳар мақолат чизҳои лозима аз ҳикмат оварда шуда даҳ ҳикмат аз наводирӣ он соҳа нақл мешавад, «Ҷо подшоҳро равшан шавад ва маълум гардад, ки дабири на хурд корест ва шоирӣ на андак шугле ва нучум илме зарурист ва тиб санъате ногузир».[6]

Чунонки дидем, китоб аз муқаддима ва ҷаҳор мақола ба ҳам омадаст. Ҳар як мақола аз қисмати назарӣ ва 10 ҳикоя иборат мебошад. Мақолати ҷаҳорум 12 ҳикоятро дар бар гирифтааст. Ҳикоятҳои охири мақолатҳои дуҷум, сеҷум ва ҷаҳорум хусусияти тарҷумаи ҳоли доранд ва тасвири лаҳзаҳои ҷудогонаи зиндагии нависандаҳо ҳадаф қарор додаанд. Дар байни ҳикоятҳо ба ғайр аз умумӣ будани мавзӯ алоқаи мантиқие мавҷуд аст ва ба илова ҳамаи ҳикоятҳо хусусияти ахлоқӣ дошта ба таъриф ё тарғиби подшоҳ равона шудаанд. Ҳар як ҳикоя ба сари худ мустақил аст ва дар навбати худ ба қисмати назариявӣ тобеъ мебошад. Қисми назариявӣ ҳар боб дар шарҳу тафсири роҳҳои фаро гирифтани ҳамон навъи илм баҳс карда, толибони онро ба роҳи дуруст ҳидоят менамояд. Ҳикоятҳои ҳар боб аз ҳаёти илму ҳунари муайян оварда шудаанд. Ба ин восита, Низомии Арӯзӣ гӯё исбот менамояд, ки подшоҳи хирадмандро аз дабир, шоир, мунаҷҷим ва табиб чора нест. Чунонки Е.Э. Бертельс қайд мекунад, «Низомӣ бештар на ғами подшоҳонро, балки ғами манфиати ҳамқаламони худро, ки мехост аҳволшонро беҳтар намояд».[7] меҳӯрад. Низомии Арӯзӣ шахси мушфиқ ва ғамхоре будааст ва ба ин сабаб подшоҳони ба аҳли илму адаб номехӯронро саҳт мазаммат мекунад. Ӯ нисбат ба ашхоси зидди илму дониш кинаву адоват дошта, бархоста онҳоро маломату сарзаниш менамояд.

Китоби «Ҷаҳор мақола» бо фасли кӯтоҳе анҷом меёбад. Дар ин фасл нависанда мақсади таълифи асарашро шарҳ медиҳад. Ин фасл бештар дуои хайр дар ҳаққи подшоҳ ва зикри сифатҳо ва мақомоти ӯ мебошад.

АДАДБИЁТ

1. Низомии Арӯзӣ Самарқандӣ. Ҷаҳор мақола. Бо тасҳеҳи муҷаллади Муҳаммад Муин,- Техрон, 1382-с. 1-2.
2. Ҳамон китоб, с. 6.
3. Ҳамон китоб, с. 13-14.

4. Низомии Арӯзии Самарқандӣ. Чаҳор мақола. -с. 15.
5. Ҳамон китоб. с. 15-17.
6. Низомии Арӯзии Самарқандӣ. Чаҳор мақола. -с. 18-19.
7. Бертельс. Е.Э. Избранные труды. История персидско – таджикской литературы.-М., ИПВ, 1960. с. 486.

СТРУКТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ «ЧАХАР МАҚАЛА» НИЗАМИ АРУЗИ САМАРКАНДИ

В статье рассматриваются структурные и композиционные особенности «Чахар мақала» Низами Арузи. Выводы автора свидетельствуют о том, что трактат Низами Арузи написан по принципу дидактической прозы и основная цель всех глав и разделов заключается в этическом и профессиональном воспитании молодых современников писателя.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: дидактическая проза, Низами Арузи Самарканди, трактат Низами Арузи, структурные и композиционные особенности «Чахар мақала», этическое и профессиональное воспитание.

STRUCTURAL PARTICULARITY OF «CHAHAR MAQALA» NIZAMI ARUZI SAMARKANDI

In statement is discussed structural and composing particularity of «Chahar maqala» of Nizami Aruzi the arguments of author witness that tractate of Nizami Aruzi is written according to principals of didactical poems and main goal of all parts are about ethical and professional upbringing of young generation of writers period.

KEY WORDS: didactic prose, Nizami Aruzi Samarkandi, the treatise Bottoms of Aruzi, structural and composition features «Chahor maqola», ethical and professionals education

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: М. Абдукодилов – соискатель кафедры истории таджикской литературы Таджикского национального университета

КОНСЕПСИЯ И ИНСОН ДАР ҲАМОСАИ СОРБОН «ДОСТОНИ ПИСАРИ ХУДО»

Замира Ўлмасова

Донишгоҳи давлатии Хуҷанд ба номи Б. Гафуров

Нависандаи маъруфи тоҷик Сорбон дар давраи шӯравӣ ҳикояву қиссаҳои зиёде аз дасти таълиф бароварда бошад ҳам, романи таърихӣ иншо накарда буд. Фақат дар охири солҳои 80 уми қарни ХХ нияти эҷодии ӯ дар бораи таҷқиқи бадеии воқеаҳои гуногуни таърихӣ қавӣ гардид, ки боиси ба гузаштаи халқи худ амиқтар сар фуру бурдани ӯ гардид. Баъд аз ба вуқӯъ омадани истиқлолияти миллии Тоҷикистон диққату эътибори ӯ ба давраҳои гуногуни ҳаёти халқи тоҷик бештар шуданд. Романи сегонаи ӯ «Зарафшон», ки таърихи муборизаҳои қаҳрамононаи халқи тоҷикро дар роҳи озодӣ ва ҳаёти нав фаро мегиранд, дар ин бора далолат мекунад. Қолиби таваҷҷӯҳ аст, ки Сорбон китоби сеюми ин романро ба ҳаёти пур аз меҳру муҳаббат ва ҷӯҷонаи шоири ширинкалом Туғрали Аҳрорӣ бахшидааст. Минбаъд таваҷҷӯҳи Сорбон ба таърихи хеле қадими халқҳои эронинаҷод бештар гардид. Ӯ ҳаёти пур аз меҳнат ва муборизаи аҷодди худ-мардуми диловари эронитаборро ҳамачониба омӯхт. Нависанда натиҷа гирифт, ки ҳар қадар ба ин халқ ва кишвари ӯ ҳуҷуми аҷнабиён зиёд мегардид, вале ӯ дар пеши аҷнабиёни ғоратгар сари таъзим фуруд намеовард, балки бо қурбонҳои афзун бошад ҳам, кишвар ба шаъну шарафи худро дифоъ менамуд. Ҳамосаи бузурги ӯ «Достони писари Худо» аз зумраи ҳамин гуна асарҳои ӯст.

Романи Сорбон «Достони писари Худо» (иборат аз шаш китоб дар ду ҷилд) аз ҷумлаи беҳтарин асарҳои таърихӣ, ки роҷъ ба ҷараёни зиндагӣ ва қору пайқори пурҷӯҷиҳои Искандари Мақдунӣ (356-323), шоҳи ҷавони Мақдунӣ ва Юнони қадим, лашкарқашӣ ҷаҳонгир навишта шуда дар он ба консепсияи шахсиятҳои қаторӣ аҳамияти қалон дода шудааст. Ӯ бо таърихи Эрон ва Осиёи Марказӣ дар давраи рӯзгор ва кишваркушоӣҳои пурхунаш робитаи ногусастаи доштааст. Искандар ҳамагӣ 33 сол умр дида бошад ҳам, пас аз падари худ шоҳ Файлақуси II чун ба сари қудрат омад, дар роҳи муттаҳид кардани Мақдунӣ ва Юнон мубориза бурд, алайҳи форсоҳи ҷангида, дар соҳилҳои руди Граник (334), Исса (333) ва шаҳри Гавгамела (331) пирузи ба даст овард, ҳокимияти Ҳаҳоманишиёнро сарнагун карда онро ба худ тобеъ намуд, ба Осиёи Марказӣ ҳамла оварда (329), онро ба итоати худ даровард, ба Ҳиндустон лашкар кашид ва дар ғарибӣ ҷон ба ҷаббор супурд. Манзури Искандар Шарку Ғарбро муттаҳид кардан, империяи ягона ташкил намудан ва ҳукмронии ягонаи ҷаҳон гардидан буд. Аммо ба мақсад расида натавонист.

Сорбон дар асоси пажӯҳиш ва фарогири маводи фаровони таърихӣ, ҷуғрофӣ ва адабӣ на танҳо ҷараёни зиндагӣ ва фаъолияти лашкарқашии Искандарро аз айёми кӯдакӣ то вафоташ батафсил тасвир менамояд, балки вазъи сиёсӣ, иҷтимоӣ ва ахлоқии тамоми кишварҳоро, ки ӯ ҷаҳонро ба даст оварда буд,

бо образ ва манзараҳои бадеӣ нишон медиҳад. Искандар ҳар шаҳро, ки ба қуштору сӯхтор ғасб менамуд, бо мақсади шӯҳратпарастӣ ва зиндаю пойдор нигоҳ доштани номи худ ба ҷои он шаҳри тоза месохт. Ин аст, ки ба ин васила маданияти мақдуниву юнонӣ ҳам дар Эрону Осиёи Марказӣ роҳ меёфт.

Мазмуну мӯхтавои таърихӣ романи Сорбон «Достони писари Худо»-ро ҳамаи номҳои ҷуғрофӣ, ки пои номубораки Искандар ва лашкари сершумори ӯ ба он сарзаминҳо расидаанд, солҳову моҳҳо, ҳатто рӯзҳои ба вуқӯъ омадани воқеаҳо, дар асар бо ному насаби худ шомил шудани шахсиятҳои таърихӣ ва ашхоси воқеӣ, муҳимтар аз ҳама ҳаққонӣ ва реалистона ба риштаи тасвир кашидани вақоиси таърихӣ ва қушодани моҳияти онҳо ташкил менамоянд. Гоҳо сарчашмаҳои илмӣ ва адабиёро ишора месозад. Ин усули таълифи Сорбон аз дебочаи роман оғоз ёфта, минбаъд дар тамоми асар давом мекунад. Ӯ дар дебоча усули илмӣ муқоисавиро пеш мегирад, ба «Қуръон» ва «Таврот», хусусан ба асари донишманди ҳиндӣ Абулқаломи Озодӣ «Қуруши Кабир» таъя кардаву иқтибосҳо оварда ба фикри дақиқ шарик мешавад: «Зулқарнайн Қуруш аст, на Искандари Мақдунӣ».[1] Ҳамчунон Сорбон ба исбот мерасонад, ки «...Искандари Мақдунӣ бо он хунхорӣ, қатли ом қарданҳо, зулму ситам, андар ҷазираи Тир дуним ҳазор ҷавони шӯҷоъро маслуб қардан, бо оташ задани Тахти Ҷамшед, сӯxtани китоби «Авесто», ғорату бурданҳо наметавонист пайғамбар бошад, агарчи лақаби Зулқарнайнро мегирифт».[2]

Сорбон аз Мавлоно Ҷалолиддини Балхӣ, романи фалсафии Ксенофонт «Киропедия» (дар бораи Қуруши Кабир), «Қурушнома»-и Газанфун, «Таврот», «Библия», асари Арасту «Аретэ» («Нақӯкорон») ва ғайра иқтибосҳо меорад ва ин сарчашмаҳоро дар қисмати «Шарҳу эзоҳ»-и романи худ тазаққур медиҳад.[3]

Нависанда аксарияти қаҳрамонон ва персонажҳои романро бо ному насаб ё лақабҳои дар таърих машҳури эшон зикр менамояд: Файлақуси дуввум ва Олимпиада-падари модари Искандар, Арасту-файласуфи Юнони Қадим, устои Искандар, Аминта-шоҳзодаи Мақдунӣ, Антипатр-сипаҳсолори Мақдунӣ дар аҳди Файлақус, сипаҳсолори бузург Пармониён, Александрии Линкестидӣ ва ғайра. Сулолаи шоҳони Эронӣ Қуруши Кабир, Дориюш, Хишоёршо, Ардашер, Доро, Қудумон, Арсас, Ох ва дигарҳо, зани Искандар Рухшона, қаҳрамони ватанҳои сӯғдӣ Спитамен, боз дигару дигарҳо дар романи Сорбон бо исми ҳақиқӣ худ ворид ҳастанд. Гоҳо дар андешарониҳои Искандар асомии як идда ашхоси таърихӣ паси ҳамдигар меоянд: «Ӯ (Искандар –З.Ӯ.) суханрониҳои Антипатр ва Файлақусро бори дигар аз эҳн гузаронд ва самимияти онро дарёфт ва дил пур гирифт, ки андар паси ин даъвоҳо ва суханрониҳо нерӯе ҳаст, чун сипаҳсолори размидаву қорзордидаву варзида Пармониёнро бузург. Аввал худованд Зевси баррок пуштибони ӯст, пасон Пармониёнро сипоҳаш. Агар қор ба ҳубӣ анҷом нагазирад, шамшер қор кунад. Вале чун худоёну бузургони юнонӣ мададгор нашаванд, аз дастӣ ёрони ҷавони ӯ -Гарпалу Неарх, Биталамусу Пердикас, Эргию Гефастиян чизе наояд. Ёрон паҳлӯӣ шоҳзодаанд, баробари ӯ ташвиш доранд, андеша мекунанд ва чашмдоранд, то ҷӣ фармояд шоҳзодаанд баробари ӯ ташвиш доранд, андеша мекунанд ва чашмдоранд, то ҷӣ фармояд шоҳзода».[4]

Минбаъд хоҳем дид, ки нависанда нақш ва тақдири ашхоси таърихию дар робита бо Искандар ва набардҳои ӯ дар ҷодаи ҳукмронӣ яққаву танҳои тамоми олам шудан ҷӣ тавр моҳирона тасвир менамояд. Дар роман санаҳои таърихӣ, шумораи лашқар солу моҳу рӯзи ба вуқӯъ омадани ҳаводиси рӯзгор, сабаби номгузорӣ ва ғ тазаққур меёбанд. «Ва он сол –ду ҳазору се саду чихилу ҳашт сол муқаддам – дар шаҳри Пеллаи Мақдунӣ тифле ба дунё омад, ки решааш ба нимхудои Геракл ва қаҳрамони беназир Ахилл мепайваст. Шоҳ Файлақуси II ва малика Олимпиада ба эҳтироми қаҳрамони миллӣ шоҳ Искандари Аввал писари навзоди хешро Искандар хонданд».[5] Мисоли дигар. «Файлақуси ҷавон... даҳ ҳазор сипоҳӣӣ пиёда ва қариб ҳазор сарбози савора гирд оварда, бар зидди душманоне бархост, ки Мақдунӣи Искандари Аввал обод гардондари хароб қарда буданд».[6]

Яке аз масъалаҳои асосии романи Сорбон «Достони писари Худо», ки сужети онро фаро ҳам овардааст, масъалаи ҷаҳонгирии Искандар ва саъю ҳаракати ӯ дар роҳи ба як империяи бузург мубаддал намудани тамоми олами ҳастӣ ба шумор меояд. Аз ибтидо то интиҳои роман тавачҷӯҳи Искандари Мақдунӣ ба ҳамин масъала банд аст ва ӯ ҳама муаммоҳои ҳаётро алоқамандона бо ҳамин ришта ҳаллу фасл менамояд. «Шоҳи ҷавон... орзӯӣ ҷаҳондорӣ мепарварид дар дилу сар» [7]. Сорбон тасвир менамояд, ки Искандар чун ба сари қудрат омад, бо ҷангу ҷидол юнонӣҳои шӯришгару сарқашро зарба зад ва Мақдунӣову Юнонро муттаҳид қард: «Вилояти шимолии Юнон дубора сар фаровард ба мақдунӣён ва Искандари ҷавонро сарвару сардори мулк хонд...»[8] Искандар тамоми Юнонро ба худ тобё қард.

Дар дили Искандар нияти ҳучум ба Порс қавитар мешуд. Манзури ӯ ҷаҳонгириӣ ва ғанӣ гардонидани ганҷинаи мамлақати худ бошад ҳам, баҳона пеш меовард, ки дар вақташ порсийён ба

ватани ӯ лашкар кашида онро хароб кардаанд, акнун чун Искандар шоҳ интиҳоб гардидааст, «барои Юнону юнониён, барои Отини сӯхта интиқом бояд гирифт».[9]

Чанг маънии ҳаёти Искандар буд. Вай на ба хотири бунёдкорӣ, балки бо мақсади шӯҳратпарастӣ, дар баъзе мамлакатҳо ба ҷои шаҳрҳои бо ҳок яқсон кардааш шаҳри нав месохт ва онро мавсум ба худ мекард (чунончи, ба ҷои шаҳри Хучанд Искандарияи ақсо барпо намуд), аммо шаҳрсозӣ тӯл кашад, бо ҳаяҷону изтироб мегуфт: «Шаҳрсозии мо дер давом кунад, дар ин муддат пушти чанг сард гардад, чӣ бояд бикунем?»[10]

Бар хилофи чангҷӯни Искандар шаҳрдорони масъулиятшинос ва башардӯсте буданд, ки бар хотири эҳтиёт қардани ватан аз сӯхтор ва сокинонаш аз қуштор сулҳ мехостанд ва Искандарро хуш истиқбол мекарданд. Дар Милет ва Галикарнас чунин шуд. Аз Иқсандар илтимос мекарданд, ки шаҳрашон озода ва бетараф аст, на мақдунӣро пазирад, на порсиёнро. Бинобар ин, лашкарро ба шаҳри кӯҳна –Мелкарт даровардан беҳтар аст.

Чунин гуфтугӯ шуд дар ҳудуди шаҳри Тир. Искандар зоҳиран ин пешниҳодро пазируфт, аммо шаҳрро харобу абгор кард, чунки тавассути Тир ба Финикия, Кипр ва Миср даромадан осон буд.[11] Дар натиҷа ӯ, тамоми бандарҳои соҳили шарқии баҳри Миёназаминро ишғол кард ва эронихоро аз роҳи оби маҳрум намуд.

Чанг нахостани ӯ нишонаи ватанхоҳӣ не, балки тарсӯй буд. Сипаҳсолори Мақдунӣ ва Юнон Пармониён низ ҷараёни зиндагӣ ва набардҳои худро таҳлилу ҷамъбаст карда, чунин натиҷа гирифт: «Бузургтарин гуноҳ ҷанг бувад. . .» ӯ дар сӯхбат фикри Искандарро дар бораи шаъну шараф будани ҷанг рад кард ва гуфт: «Он чӣ ман дар бораи ҷанг гуфтам, нав набошад. Пешиниён ҷангро чунин пиндоштаанд: Ҷанг–номардӣ, ночавонмардӣ, мақр, фиреб, найранг. . . Вале чӣ гуна, ки моро – шараф. . .».[12]

Искандар ҳар касро, ки дар бораи сулҳ ва хотима додани ҷанг фикру ақидае иброз медошт, бад мидид ва душмани худаш мепиндошт, саҳт ҷазо меодод ва ба қатл мерасонд.

Дар ҳақиқат муносибат ба ватан яке аз риштаҳои асосии сужети романи Сорбон аст. Онҳое, ки манзурашон ҷоҳу мансаб буд, ватанфуруши мекарданд, ҳатто пой Искандарро мебӯсиданд, аммо ватанхоҳони асил то охири қатраи хун дар бадан, то вопасин нафаси худ дар роҳи озодӣ ва ободии кишвари худ алайҳи душманон мубориза мебуданд, шаъну шарафи худ, ватан ва миллатро нигоҳ медоштанд. Намунаи барҷастаи ватанхоҳӣ муборизаи халқҳои Осиёи Миёна, бахусус фарзандони диловари Суғд дар роҳи наҷоти халқу ватан аз душманони аҷнабӣ мебошад. Таҷассуми бадеии қаҳрамонӣ ва фидокорӣ Суғдиён Спитамон маҳсуб мешавад. Вай барои тоҷу тахт ва шӯҳрат мубориза намебарад, балки ягона муродаш ин аст, ки кишвару мардумро хифзу ҳимоя кунад. Спитамон дар муборизаи ватанхоҳонааш ба халқҳои Мароканд, Панҷакент, Киропол, Хучанд (Искандарияи Ақсо), ки мардумони фидокор буданд, таъя мекунад. ӯ аз халқ ва халқ аз ӯ нерӯманд мешаванд. Беҳтарин сифати ӯ муттаҳид намудани ҳамдиёрони худ дар роҳи озодии ватан ва муборизаи ҷасурина ба муқобили лашкари мақдунӣю юнонӣ мебошад. Спитамон борҳо ба қисмҳои артиши пуриктидори аҷнабиёни истиллогар ҳамла оварда онҳоро шикаст дод. Азбаски ҷустуҷӯ буд, ӯ ро дастгир карда натавонистанд. Вай ҳамчун лашкаркаши моҳири Суғд дар набарду пайқори худ алайҳи ғосибони юнонӣю мақдунӣ қаҳрамониҳои зиёд нишон меодод. Сорбон тасвир менамояд, ки маҳз Спитамон пойтахти давлати Суғд шаҳри Марокандро, ҷойгоҳи қӯшунҳои Искандарро озод менамояд ва қалъаро муҳосира мекунад. Спитамон ба лашкари Искандар, ки хеле сершумор ва сар то по мусаллаҳ буд, пайдархам зарбаҳо зада, худ дар оғӯши дашт панох мебуд.

Аз шӯҷоат ва қаҳрамониҳои Спитамон худ Искандари Мақдунӣ ба ҳайрат афтода буд. Вай ба сипаҳсолор, сарфавҷо ва сарбозони худ супориш мидиҳад, ки Спитамонро дастгир намуда, нобуд насозанд, балки зиндаю саломат ба назди ӯ ҳозир кунанд. Искандар мехост бубинад, ки лашкари пурқудрати ӯро чандин маротиба кӣ шикаст дод, вай чӣ гуна қаҳрамон аст, сарчашмаи матонат ва нерӯмандии ӯ дар ҷист, чӣ гуна сару сурат ва чӣ хел сират дорад. Ин аст, ки худаш ҳам Спитамонро шаҳр ба шаҳру деҳа ба деҳа ҷустуҷӯ мекард. Аммо Искандар ба мурод нарасид. Спитамон дарнати ҷаи хиёнати қабिलाҳои кӯчманчӣ ва соддалавҳӣ хамсари худ Зарра, бахусус фиребу найранги Оксарт кушта шуд.

- Гуфтам, - тақрор мекунад Спитамон. – Ман одам накушам! ҳифз кунам хокамро, Ватанамро, халқамро! Инро халқам донанд. . .».[13]

Сарбозони Спитамон низ мисли ӯ гурди ватанхоҳанд, муборизони ғаъоли роҳи озодӣ мебошанд. Суруди онҳо, ки пур аз ғояи ватанхоҳист, чунин бувад:

«Сар мидиҳему ба душман тан намидиҳем!

Ҷон мидиҳему ватан ба душман намидиҳем!»[14]

Сӣ нафар сарбози шӯҷоӣ Спитамон, ки дастгир шуданд, бо сари баланд ва ғурури ҷавонмардӣ ҳамин суруди озодиро бо садои шунаво хонда зеро рафтанд.

Сорбон дунёи образи характерҳои инсониро офарида, сурату симои мухталифи намояндагони дӯсту душман, синфу табақоти рангоранги мардумони замонҳои қадимро эҷод мекунад. Шоҳон, сипаҳсолорон, сарфавҷон, сарбозону хизматгорон, аҳли дарбори мамлакатҳои гуногун – Мақдунияву Юнон, Эрону Осиёи Миёна ва дигарҳо, ҳокимҳо, волиҳо шаҳриёну бодиянишинон, донишмандону таърихнигорон, вафодорону бевафоҳо, содиқону хоинон, занону мардон, пирону барноҳо, завҷаҳои конунию гетерҳо (маъшуқаҳо), хабаркашону хабарчинон, айёрону фолбинҳо, хоҷаҳову ғуломон, соҳибони канизон ва дигарҳо – даҳҳо ва садҳо одаму ноодам дар саҳафоти романи Сорбон, дар саҳнаҳои хурду бузурги ҳамосаи ӯ зухур мекунанд, зиндагӣ ба сар мебаранд, қору пайкор мекунанд, ишқ меварзанд, ҷанг мекунанд, қатл мегарданд ва ғайра. Асари бузург зиёда аз 300 қаҳрамон ва персонаж дорад, ки аксарияти онҳо бо ному насаби аслии худ ба тасвир расидаанд.

Чаро нависанда ӯ қаҳрамони марказии роман Искандари Мақдунро «писари Худо» меномад? Ба ин савол модари Искандар Олимпиада дар сӯҳбати худ бо дугонааш – Ланика посух медиҳад: «Чун падари Ҳама ялони номдор Зевси барроқ».[15]

Дар роман худи Искандар низ борҳо ба ин ишора мекунад, ҳарчанд ки падари расмиаш Филиппи II мебошад.

Сорбон образи Искандарро аз айёми тифлӣ то вафоташ ба тасвир меорад, нишонаҳои қаҳрамониро дар вучуди ӯ нишон медиҳад. «... сари синаи уқобонаи тифли шуданӣ»... «чашмони зираки тифл...», «пурхӯрӣ ва беқарорӣ кӯдакро» тазаккур медиҳад.[16] Протея писари Ланика ва Искандар дар солҳои бачагӣ «тойҷаҳои мастро мемонданд».[17]

Романи Сорбон асари таърихӣ фочиавист. Искандар шахсияти сода набуд. Сорбон образи ӯро аз зиддиятҳо меофарад, бинобар он хеле мураккаб аст. Рушан аст, ки марди доно, ки ба сари қудрат омад, чун азми ҷаҳонгирӣ кард, аз роҳаш барнамегардад, аз мушқилот ва фочиаҳо наметарсад. Ҳарчанд ки ин роҳ ба ҳудаш ҳам хавфу хатар дорад. Фочиае, ки Искандари Мақдунӣ ба сари халқҳои Шарқ овард ба ҳаёти ҳудаш ҳам бетаъсир намонд. Борҳо захмдор шуд, лат хӯрд, ниҳоят дар нимароҳи ҷаҳонгириаш вафот ёфт. Нақшаву ғояҳои Худои зиндаи тамоми ҷаҳон шудан ба иҷро нарасида монд. Искандар тухмаи Ҳахоманиширо аз олам пурра мебардорам, гуфта бошад ҳам, ба мақсад нарасид. Писари Спитамони Суғдӣ Ардашер зинда монд, чунон ки писари Искандар Геракл низ бо номи Искандари Саввум вориси мӯхру нигину тахту тоҷ эълон гардид. Ғояи асар ҳам аз ҳамин иборат аст, ки инсониятро бо зулму зӯрӣ тамоман нобуд карда намешавад, ин гуна зӯр заданҳо миён бишканад, чунон ки камари Искандари ҷаҳонгирро бишкаст. Ҳаёт давом кард ва идома хоҳад ёфт. Ватани ҳар халқу миллат ба ҳудаш насиб мекунад, ҳарчанд сарватҳои моддӣю маънавии онро ба ғорат бурда бошанд ҳам. Ватанро аз ҷои таърихию табиӣ он кӯчонида намешавад. Халқу Ватан ҷовидонист!

Сорбон ҳамин ғояи умумибашариро бо образ ва манзараҳои реалистӣ, бо усули ҳамосавӣ ба риштаи тасвир мекашад. Дар роман тарзи баёни драматикӣ лирикӣ низ ба назар мерасанд, ки дар роҳи тасвири ҳамосавӣ воқеияти таърихӣ кӯмак кардаанд. Шаклҳои гуногуни инъикос, таҳлили ҷамбасти бадеии ҳаёт - афсона, ривоят, нома, хоббинӣ ва амсоли инҳо низ қорбаст шудаанд, то ки таърихи замони Искандар бо тамоми муаммоҳои сиёсӣ, иҷтимоӣ, ахлоқӣ ва фҷеаҳояш тасвиру тадқиқи реалистии худро ёфта бошанд.

АДАБИЁТ

1. Сорбон. Достони писари Худо. Роман иборат аз шаш китоб дар ду ҷилд, ҷилди аввал, Душанбе: «Адиб», 2005, с. 10.
2. Ҳамон ҷо.
3. Ҳамон ҷо, саҳ. 699-701; ҷилди дуввум, с. 668-669.
4. Сорбон. Достони писари Худо, ҷ. 1, с. 49.
5. Ҳамон ҷо, с. 16–17.
6. Ҳамон ҷо, с. 14.
7. Ҳамон ҷо, с. 264.
8. Сорбон. Достони писари Худо. Роман иборат аз шаш китоб дар ду ҷилд, ҷилди аввал, Душанбе: «Адиб», 2005, с. 91.
9. Ҳамон ҷо.
10. Ҳамон ҷо, с. 139.
11. Ҳамон ҷо, с. 366.
12. Достони писари Худо, ҷилди якум, с. 460.
13. Ҳамон ҷо, с. 152, 153.
14. Ҳамон ҷо, с. 484.
15. Ҳамон ҷо, с. 474.
16. Сорбон. Достони писари Худо, ҷилди якум, с. 17.
17. Достони писари Худо, ҷилди якум, с. 17.
18. Ҳамон ҷо, с. 18.

19. Хамон чо, с. 432.
20. Достониписари Худо, чилдиякум, с. 471.

КОНСЕПЦИЯ ЧЕЛОВЕКА В РОМАНЕ СОРБОНА «ПОЭМА О БОЖЬЕМ СЫНЕ»

В статье анализируется роман известного таджикского писателя Сорбона, посвященный жизни и борьбе Александра Македонского за объединение Запада и Востока в единую империю. Автор статьи уделяет особое внимание отражению борьбы сыновей таджикского народа против иноземных захватчиков.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: поэма Сорбона «Поэма о божьем сыне», историческая поэма, концепция человека, отражение борьбы таджикского народа, образ Александра Македонского.

THE CONCEPT OF MAN IN SORBON'S NOVEL "THE POEM OF THE GOD'S SON"

The article dwells on the novel written by the well-known Tajik writer Sorbon devoted to the life of Alexander the Macedonian and his struggle for uniting the East and the West into one empire. The author of the article pays special attention to the reflection of the combat led by the sons of the Tajik people against foreign invaders.

KEYWORDS: a poem of Sorbon «A poem about the divine son», a historical poem, the concept of the person, reflex ion of struggle of the Tajik people, an image of Alexander the Great.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: *Замира Улмасова* - докторант кафедры современной литературы Худжандского государственного университета им. Б. Гафурова. **Телефон:** 92-713-21-79

ЖУРНАЛИСТИКА

РОЛЬ КНП В МИРОТВОРЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ В ЗЕРКАЛЕ ПРЕССЫ

Т.Г. Хасанова

Таджикский национальный университет

СМИ Таджикистана сыграли важную роль в освещении деятельности Комиссии по национальному примирению. С распадом СССР политическая ситуация в бывших советских республиках была очень напряжённой. Свободу, которую они приобрели, оказалась непосильной ношей для многих республик, в том числе и для Таджикистана. Нестабильность, внутренние политические разногласия и многие другие факторы привели республику к вооружённому конфликту. Одна из самых трагичных войн на территории бывшего Союза – это гражданское противостояние в Таджикистане периода 1992-1999гг. в стране воцарился хаос. Голод, разруха, невинные жертвы – таково было «достояние» молодой независимой республики. Таджикистан тонул в собственной крови, и если бы не мудрая, и, прежде всего миролюбивая политика руководства страны, неизвестно, в каком положении была бы сейчас республика и существовала ли вообще на политической карте мира.

В апреле 1994г под эгидой ООН начинаются межтаджикские переговоры между правительством и оппозицией. Внимание всего мирового сообщества и всех СМИ было приковано к этому межтаджикскому диалогу. Это был огромный трудоёмкий процесс, от исхода которого зависело существование республики, государственности и нации в целом. 27 июня 1997г было подписано «Общее соглашение о мире и национальном согласии в Таджикистане». Противоборствующие стороны сложили оружие, наступил долгожданный мир, но появилась масса проблем, которые требовали немедленного вмешательства и решения. Наряду с политическими и геополитическими проблемами, возникли бытовые заботы.

В июле 1997г по приказу Президента Э.Рахмонова была создана Комиссия по национальному примирению. Создание этого неконституционного политического института было не простой формальностью, а именно жизненной необходимостью. Изначально в состав Комиссии вошли 26 членов, по 13 человек со стороны оппозиции и правительства. КНП состояла из четырёх подкомиссий – по политическим, правовым, военным вопросам и подкомиссией по вопросам о беженцах. Председателями подкомиссий были члены КНП как со стороны правительства, так и со стороны оппозиции. Деятельность КНП освещалась различными СМИ в республике и за её пределами.

Касаемо деятельности КНП по политическим вопросам, необходимо отметить две наиболее значимые проблемы, это: внесение изменений и дополнений в статьи Закона «о политических партиях» и об исключении слова «светское» из Конституции РТ.

Оппозиция настаивала на включении всех партий с религиозным характером в политическую систему Таджикистана, на что правительственная сторона ответила отказом. После долгих дебатов и обсуждений были приняты некоторые дополнения и изменения в статьи Закона «О политических партиях». Исходя из контекста данного закона, политическая партия с религиозным характером имеет право существовать и осуществлять свою деятельность только при наличии статуса государственной и при

соблюдении всех норм и законов Конституции. Этой проблеме посвящён ряд статей в прессе Таджикистана. Газеты «Бизнес и политика», «Джумбиш», «Вечерний Душанбе», «Народная газета» достаточно широко освещали ход обсуждения данного вопроса, публикуя интервью со многими членами КНП, а также с председателями подкомиссий. В частности, в газете «Бизнес и политика» за октябрь 1997г. было опубликовано интервью с председателем подкомиссии по политическим вопросам, участником всех раундов межтаджикских переговоров, профессором И.Усмоновым: «Мы будем работать независимо от того совпадают ли наши политические убеждения или нет». На страницах этой же газеты было интервью с Отахоном Латифи (член КНП от оппозиции): «Судьба даёт ещё один шанс Таджикистану».

Второй непростой спорный вопрос – исключение из Конституции слова «светское», который бурно обсуждался в прессе. По мнению оппозиции, сохранение этого слова в Конституции означало признать Таджикистан антирелигиозным, атеистическим государством, а всех таджикстанцев – вероотступниками, обосновывая свои доводы тем, что более 95% населения республики являются мусульманами и соблюдают нормы ислама даже на бытовом уровне. Точка зрения оппозиции по этому вопросу была отражена в статье М.Химматзода в газете «Джумбиш» в октябре 1998г. Правительственная сторона была в корне несогласна с доводами оппозиции и приводила свои примеры мирного сосуществования светского и религиозного. Проблемы, связанные со словами «светское», «религиозное», «атеистическое» широко и всесторонне обсуждались непосредственно на заседаниях КНП, а также в СМИ. В результате бурной полемики данный вопрос вышел за рамки КНП. Статьи К.Олимова «Размышления по поводу дискуссии «светское» и «теократическое» в газете «Джумбиш» (февраль 1994) и «Пусть каждый радуется, что у него своя позиция» («Джумбиш» май 1999), М.Химматзода «Может ли в светском государстве действовать религиозная партия» («Джумбиш» №6 март 1999) посвящены именно вопросу об изъятии слова «светское» из Конституции. В конечном итоге решили слово «светское» из Конституции не исключать.

Что касается военных вопросов, в работе КНП самым основным являлась реализация Протокола по военным проблемам, решение данных вопросов было в компетенции подкомиссии КНП по военным вопросам, под председательством Сангинова Х. (оппозиция). Этот вопрос повседневно освещался в прессе, так как вооружённые столкновения всё ещё продолжались. В результате невыполнения или задержки выполнения некоторых пунктов Протокола вплоть до 2000г, отдельные подразделения бывшей оппозиции остались неинтегрированными в вооружённые силы Правительства, и не было полного разоружения. Деятельность подкомиссии КНП по военным вопросам также освещалась на страницах печатных СМИ. В газете «Вечерний Душанбе» №10 за 1999г было опубликовано интервью члена подкомиссии по военным вопросам от правительства, полковника Х.Хайдарова и начальника штаба вооружённых формирований ОТО Д.Усмона, под заголовком «Через тернии к миру». Также в газете «Бизнес и политика» №32 за 1999г в рубрике «срочно в номер» были опубликованы комментарии зам. председателя КНП А.Достиева по поводу добровольной сдачи оружия и роспуске вооружённых формирований: «Из военно-политической в политическую. Сладце это? Или нет? Поживём, увидим...».

Ещё одной важной проблемой, требовавшей безотлагательного решения на тот момент, было возвращение беженцев на Родину. КНП тесно сотрудничала с Управлением по беженцам и вынужденным переселенцам, Министерством труда и занятости населения РТ и УВКБ ООН. Свою лепту в дело возвращения беженцев внесли и СМИ. Огромную роль в этом вопросе сыграла радиопередача «Хоки Ватан» («Земля отечества»). Она была своеобразной нитью, связывавшей жителей республики с теми, кто в результате войны оказался за её пределами. Посредством этой передачи, уже возвратившиеся беженцы рассказывали о своей жизни и о наступившем мире. Вопрос о беженцах очень остро стоял ещё с начала вооружённого конфликта, когда люди стали бежать от войны не только за пределы Таджикистана, но и становились беженцами в самой республике. Тема беженцев оставалась очень актуальной для прессы почти до 2000г, и ни одно печатное издание не обошло стороной этот вопрос. Такие статьи, как «Из дома гонит страх» («Вечерний Душанбе» №217 ноябрь 1992), «У войны не детское лицо. Помогите, люди добрые» («Бизнес и политика» №21 октябрь 1992), «Турбаза «Варзоб». Мест нет» («Вечерний Душанбе» №195 октябрь 1992), «Беженцев ждут дома» («Народная газета» №20 март 1993), «Беженцы. Почему сложилась такая ситуация? Есть ли какое-нибудь решение?» («Бизнес и политика» №13 март 1997) рассказывали о проблемах беженцев и о предпринятых мерах для возвращения их к нормальным условиям жизни. Подкомиссия КНП по делам беженцев, которую возглавлял Зухуров Ш. (от правительства) совместно с правительством республики, правоохранительными органами находили оптимальные варианты решения острых проблем, связанных с обустройством возвратившихся беженцев. Совместными усилиями КНП, международных организаций и Правительства были восстановлены и возвращены хозяевам более 32 тысяч домов из 33 тысяч. Даже в решении острых споров в вопросах имущества, КНП удавалось урегулировать разногласия путём гражданских переговоров.

О готовности перенять уникальный опыт Таджикистана в решении проблем беженцев, было много сказано во время поездки делегации КНП и Правительства в Японию по приглашению Ассоциации

сотрудничества в Японии в 1999г. Фрагменты этих выступлений транслировались по таджикскому и российскому телевидению. Печатная пресса также освещала эту поездку на страницах своих изданий.

В ходе анализа прессы, писавшей о работе Комиссии, становится очевидным, что в условиях вооружённого конфликта, существование и деятельность такого неконституционного института, как КНП, было необходимым условием в сложном периоде становления мира и согласия и урегулирования самых острых и противоречивых проблем и вопросов.

В апреле 2000г КНП завершила свою деятельность. До 31 марта 2000г комиссия провела 112 заседаний и распространила около 40 документов. 8 документов, в числе которых были проекты законов, постановления и протоколы, были представлены на рассмотрение Президента РТ.

КНП доказала, что при действенной поддержке Президента, Правительства, Международных организаций, дипломатических корпусов дружественных стран и различных СМИ, была выполнена весьма непростая работа в становлении мира и национального согласия в Республике Таджикистан.

Особенности освещения прессы деятельности КНП заключается в том, что позиции сторон сблизились, и постановка вопроса соответствовала интересам сторон. Более активно освещали тему средства массовой информации независимого направления, прежде всего русскоязычные.

РОЛЬ КНП В МИРОТВОРЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ В ЗЕРКАЛЕ ПРЕССЫ

Статья посвящена деятельности Комиссии по национальному примирению, которая была создана по приказу Президента Э.Рахмонова в июле 1997г. В статье рассмотрены несколько основных аспектов работы КНП, касающихся политических, правовых, военных вопросов и проблем по беженцам в послевоенном Таджикистане. Также представлены материалы прессы, освещавшей деятельность этой Комиссии.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Комиссия по национальному примирению (КНП), неконституционный, политический институт, местная и международная пресса, миротворческий процесс, Средства массовой информации (СМИ), правовой, военный, беженец, Правительство.

«ROLE OF CNR IN PEACE-MAKE PROCESS IN THROUGH OF PRESS PRISM»

The article is about a special committee, whose activity was dealt with political, law, military problems and problems of refugee. Committee of National Reconciliation is nonconstitutional, political institute, which was founded by President of Tajikistan E.Rakhmonov in July 1997. CNR activity was published about in local and international press. It's necessary to point out, that CNR foundation played an important role in peace-make process in Tajikistan.

KEY WORDS: Committee of National Reconciliation (CNR), Nonconstitutional, political institute, local and international press, peace-make process, MASS Media, law, military, refugee, United Tajik Opposition (UTO), Government.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Т.Г. Хасанова – преподаватель кафедры иностранных языков факультета журналистики Таджикского национального университета. Телефон: 232-64-33; 98-510-99-79.

МУТОБИҚАТИ САРЛАВҲА БО МУНДАРИҶАИ МАВОДИ РЪЗНОМА

Ҳ.О. Сафаров
Донишгоҳи миллии Тоҷикистон

Сарлавҳа муҳимтарин ҷузъи маводи бадеӣ, илмӣ, публицистӣ, тарғиботӣ аст. Дар ҳар қадам маврид бо хусусиятҳои ба ин ё он услуб вобаста буда сарлавҳаҳо аз ҳам фарқ мекунад. Чунончи, агар дар услуби илмӣ сарлавҳаҳо мушқилфаҳму тӯлонӣ буданашон раво аст, дар услубҳои бадеӣю публицистӣ ин чиз ҷои нест.

Агарчи сарлавҳа ҳамагӣ дар қолаби калима, ибора ва ҷумла меояд, бахусу баррасии тӯлониро талаб мекунад. Мутаасифона, муҳаққиқони забони воситаҳои ахбори омма, ба мисли Д. Розентал, М.П. Сенкевич, М.Д. Феллер (1.3), Л.В. Глебова (1.1) дар хусуси сарлавҳа ба ҷуз ишораҳои ҷузъӣ чизе намегӯянд. Муҳаққиқи рус В.С. Терехова (1.5, с. 57) бошад, доир ба сарлавҳаи асари бадеӣ маълумот дода, мегӯяд, ки: «Сарлавҳа бояд ба мундариҷаи асари бадеӣ далолат кунад».

Ба ин тарик, сарлавҳаҳо аз ҷиҳатҳои гуногун таҳлил кардан мумкин аст, пеш аз ҳама онҳоро метавон аз ҷиҳати мувофиқат бо мундариҷаи мавод баррасӣ намуд.

Муҳаққиқи рус В.С. Терехова дар ин хусус хеле ба маврид мегӯяд: «Унвон ё сарлавҳаи китоб, рисола, мақола ҷузъи муҳим ва зарурии ҳар як асари бадеӣ мебошад». Мо дар таҳлили чунин хусусияти сарлавҳа дар рӯзномаҳои гуногун маводи яхеларо интихоб намудем. Бо ин мақсад,

хабарҳои якхела, ки дар рӯзномаҳои гуногун аз сарчашмаҳои гуногун гирифта ё аз ҷониби рӯзноманигорони ҷудогона таҳия карда мешаванд, интиҳоб гардиданд.

Чунончи, як мавод, дар бораи он ки муҳочирони меҳнатии ноҳияи Панҷакент аз ҳисоби меҳнаташон дар як сол 30 миллион доллар ба ноҳия ворид карданд, дар се рӯзнома ба се тарз бо мундариҷаи қариб якхела, аммо бо се сарлавҳаи гуногун оварда мешавад. Албатта, бо се тарз ва се сарлавҳаи гуногун омадани як мазмун табиист ва ин мавриди тадқиқи дигар аст ва ин ҷо мақсад мундариҷаро то кадом андоза ифода карда тавонистани сарлавҳа аст.

Ба ҳамин маводе (хабар), ки зикраш рафт, дар ҳафтаномаи «Наҷот» (21.12.2006) чунин сарлавҳа гузошта шудааст: «30 миллион доллар ба Панҷакент»; дар ҳафтаномаи «Миллат» (21.12.2006): «...аммо муҳочирон сад миллион сомонӣ фоида» ва дар ҳафтаномаи «Зиндагӣ» (21.12.06 сол) чунин: «Муҳочирони меҳнатии Панҷакент 30 миллион доллар ворид карданд».

Дар мавриди аввал ҳангоми мутолиаи сарлавҳа хонанда ба ҳулосае меояд, ки 30 миллион доллар аз бучаи давлат ба ноҳия ҷудо карда шудааст, ё хайрхоҳе онро бо мақсади бунёдкорӣ ба бучаи ноҳия гузаронидааст. Вақте ки ин сарлавҳа ба донишҷӯён пешниҳод карда шуд, онҳо айнан чунин ҷавоб доданд.

Дар мавриди дуюм, сарлавҳа тамоман бемаънӣ баромадааст. Дар аввал овардани пайвандаки хилофӣ **аммо** хонандаро водор ба он мекунад, то пиндорад, ки дар хабар ду чиз ба ҳам муқобил гузошта шудааст ва мақсади асосӣ аз хабар аз зикри ҳамин муқобилгузори иборат аст. Ва шояд касе ё гуруҳе аз ҳисоби муҳочирон фоидаи муфт ба даст меорад. Дар сарлавҳаи сеюм мақсад равшан ифода шудааст, бо вучуди он ки он низ андаке тӯлонӣ аст, яъне «Муҳочирони меҳнатии Панҷакент 30 миллион доллар ворид карданд».

Ба ҳамин монанд мисолҳои дигарро меорем: Ба муносибати сафари Президенти кишвар Эмомалӣ Раҳмон ба Чин дар ҳафтаномаҳо бо чанд ном хабарҳо ҷоп шуданд. Чунончи, «Сафаре, ки аз пасаш баракат меорад» (Минбари халқ, 24.01.07 с.), «Сафари бобарор ва муродбахш» (Зиндагӣ, 25.01.07) ва «Сафари давлатии Эмомалӣ Раҳмонов ба Чин» (Ҷумҳурият, 23.01.07). Дар сарлавҳаи аввал ғалати дағал дар он аст, ки сафар, иқдом, кӯшиширо воқеан бобарор гуфтан мумкин аст, аммо баракат чизе нест, ки онро ба маънии аз паси чизе оянда ифода кард. Дигар, ин ки сафар ҳанӯз нав оғоз шуда ва пешгӯии он бояд хусусияти таҳлилий дошта бошад, жанри хабар чунин хусусият надорад. Дар сарлавҳаи дуюм ғалат боз ҳам дағалтар аст. Агар мақсад танҳо худӣ сафар мебуд, гуфтан мумкин мегардид, ки мо ё касе ба муродаш расида бошад. Ҳол он ки мақсади сафар комилан чизи дигар аст. Дар мавриди бобарор будани сафар низ метавон чунин мулоҳиза ронд. Сафари бобарор маънии беосеб, безарар, сари вақт ба манзил расиданро равшантар ифода мекунад. Гарчанде ки дар ин ҳар ду маврид ҳам чунин гуфтан ғалати услубӣ мебуд. Дар ин маврид «сафари умедбахш ё самаровар» гуфтан дурусттар менамояд. Калимаи «муродбахш» ба ҳодисаи контроминатсия, ки ғалати маҳз, аммо дар забон ҳодисшаванда аст, дучор омадааст. Асли калима «умедбахш» аст, на «муродбахш». Сарлавҳаи сеюм низ ғалат аст. Сафар давлатиро ғайридавлатӣ намешавад, он моликият нест, балки маъмулан онро расмӣ ва ғайрирасмӣ мегӯянд.

Баъзан сарлавҳаҳо агарчи ғалатанд, ба мазмун далолат мекунанд ва хонанда мақсадро дуруст тахмин карда метавонад. Аслан сарлавҳа бояд чунин бошад, зеро хонанда ба сарлавҳа нигариста муайян мекунад, ки кадом маводи рӯзнома барои ӯст ва ба чи, пеш аз ҳама, тавачҷӯх кунад. Дар сарлавҳа баъзан чунин ҳам мешавад, ки хонанда тамоман чизи дигарро интизор аст, аммо мундариҷа ӯро ба ҷониби дигар мебарад. Ин дар мавриде зарурат дошта бошад, дар мавридҳои дигар зарурат надорад. Имрӯзҳо тавачҷӯҳӣ мардум, аз ҷумла, волидон, донишҷӯён ба ду чиз саҳт ҷалб аст: аввалан, ба фармони Вазири маориф дар масъалаи низоми либоси донишҷӯёну мактибиён ва сару либоси онҳо; дуввум, ба қарори ҳукумат оид ба расму оинҳо ҳангоми гузаронидани маърақаҳо. Мо як сарлавҳаро ба тариқи зайл «Вазир ҷавононро дастирӣ кард» (Ҷавонони Тоҷикистон, 18.04.07 с.) ба донишҷӯён хонда, пурсон шудем, ки ба фикри онҳо дар ин мақола дар бораи чӣ суҳан меравад. Ҳамагӣ ҷавоб доданд, ки суҳан дар бораи воҳӯрии Вазири маориф бо ҷавонон дар бораи тартиботи дохили муассисаҳои таълимӣ меравад. Дар асл дар ин мақола суҳан аз хусуси вазири кишоварзӣ меравад. Ба мисли ҳамин, сарлавҳаҳои зерин низ бо мақсад ва мундариҷаи матн мувофиқ нестанд: «Русҳо муҳочиронро аз ватан меронанд» (Миллат, 25.01.2007) (аз ватани кӣ?), «Ба мо бегонагон лозим нестанд» (Нигоҳ, 25.01.2007). Албатта, сарлавҳа дар матбуот хонандаро ба ваҷд оварад, ӯро ба фикр кардан водор кунад, аммо чунин сарлавҳа сарлавҳаи хабарҳои кӯтоҳ буда наметавонанд. Чунонки гуфта шуд, сарлавҳаро аз нигоҳи гуногун мавриди тадқиқ қарор додан мумкин аст, мо бо ҳамин дар ин мақола иктифо карда, дар оянда доир ба паҳлуҳои дигари он тавачҷӯх хоҳем кард.

АДАБИЁТ

1. Глебова Л.В. Работа над словом. – М.: ИГЛ, 1974.

2. Гуревич С.М. Газета. Вчера, сегодня, завтра. М., 2002.
3. Розентал Д., Сенкевич М.П., Феллер М.Д. Литературное редактирование. – М.: Высшая школа, 1968. – 362 с.
4. Саъдуллоев А.С. Саҳифабандӣ ва чописи газета. Душанбе, 1999.
5. Терехова В.С. Литературное редактирование. Ленинград, 1975. – с. 57.

СООТНОШЕНИЕ ЗАГОЛОВКИ С СОДЕРЖАНИЕМ МАТЕРИАЛА В ГАЗЕТАХ

Заголовок является важным элементом публикуемого материала. Особенно в газетах оно является ключом для привлечения внимания читателя. В современной таджикской прессе отношение к заголовкам очень разнообразно. При анализе огромных количеств заголовков и материалов из таджикской печати нам удалось установить некоторые особенности заголовки. Исследование показало, что авторы иногда пропускают грубые ошибки в сочетании слов, в их лексических и стилистических значениях.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: жизнь, нация, освобождение, взгляд, молодежь Таджикистана, газета «Думхурият», заголовок.

THE CORRELATION HEADLINE WITH CONTENTS OF THE MATERIAL IN NEWSPAPER

The headline is an important element of the published material. Particularly in newspaper, it is a key for attraction of attention of the reader. In modern tajik press attitude to headline is much varied. At analysis enormous amount headline and material from tajik seal us to manage to install some particularities a headline. The Study has shown that authors sometimes miss the blunders in combination of the words, in their lexical and stylistic importance's.

KEY WORDS: life, the nation, clearing, a sight, youth of Tajikistan, the newspaper «Dumhuriyat», heading.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: **Х. О. Сафаров** – аспирант кафедры стилистики и литературного редактирования факультета журналистики Таджикского национального университета. **Телефон:** 907-51-21-21

ВИЖАГИҶОИ БАҲШИ ЗИНДАИ АҲБОР

Ризо Ходӣ

Донишгоҳи миллии Тоҷикистон

Фаъолият дар расонаҳои чопиву электронӣ ва тавлиду интишори иттилооту ахбор маъмулан як фаъолияти гурӯҳист, ки дар се марҳала: гирдоварии иттилоот, пардозии иттилоот ва тавзеҳи иттилоот анҷом мешавад. Дар ҳар як аз мароҳили сегонаи ҷавб, машоғили мутафовит дар расонаҳо вучуд доранд. Дар марҳалаи гирдоварии хабар, авомиле монанди хабарнигорон, гузоришгарон, тасвирбардорон, садобардорон, аккосон ва ғайра ба гирдоварии иттилоот ва додаҳои иттилоотиву танзими он мубодират мекунанд. Дар марҳалаи пардозии хабар авомиле монанди хабарнигорон, мудирони хабар, сардабирон, дабирони хабар, мутарҷимон, тавдвингарон ва ғайра ба пардозии иттилооту ахбори дарёфтшуда мубодират мекунанд. Ва дар марҳалаи тавзеҳи хабар, авомиле монанди мучриён, гӯяндаго, авомили ҷаннини паҳш, графистҳо ва ғайра нисбат ба интишор (паҳш ё чоп)-и ахбор иқдом мекунанд.

Дар асри кунунӣ байни расонаҳои хабарӣ дар арсаи миллий ва байналмилалӣ ба манзури суръат дар иттилоърасонӣ рақобати нафастире вучуд дорад ва расонаҳо дар ду иқдом ҳамзамон ба сӯи кӯтоҳ кардани мароҳили фароянди тавлиду паҳши хабар ё ба иборати дигар, кӯтоҳ кардани фосилаи замони гирдоварӣ то паҳши хабар ва коҳиши авомили инсонии муассир дар он ҳаракат кардаанд. Зеро рамзи тадовим ва бақо дар густираи фаъолиятҳои расонаӣ доштани инъитофи фаровон ва суръати хориқулодаи расонаӣ аст.

Дар гоми аввал, дастандаркорони расонаҳо барои кӯтоҳ кардани фосилаи замони гирдоварӣ то паҳши хабар, ба ҷанноварии паҳши мустақими ахбор мубодират кардаанд ва дар гоми дуввум, асҳоби расонаҳо барои эҷоди суръат дар хабаррасонӣ, авомили инсонии гурӯҳҳои хабариро ба наҳви ҷашмигире коҳиш додаанд. Аз ин рӯ, имрӯза гурӯҳҳои якнафараи хабарӣ (1) ва журналистҳои телевизионии якнафара (2) дар расонаҳои хабарии машхури ҷаҳон ба танҳои кори як гурӯҳи хабарии телевизиониро анҷом медиҳанд ва ҷанноварии иттилоот (IT) дар ҳар замина имкони чунин иқдомотеро фароҳам кардааст.

Дар фароянди интиқоли иттилоот ва ахбор аз манбаъ ба мақсад ва ба таъбири дигар, аз расонаҳо ба мухотаб, ба ду шеваи забту паҳши мустақим метавон иқдом кард, ки таъсири онҳо бар мухотабон мутафовит аст. Паҳши зиндаи ахбор, ҳисси ҳузур дар саҳнаи рӯйдодро дар мухотаб илқо карда ва ўро ба суҷаи хабар наздик мекунад ва ҳарчанд мухотаб эҳсоси наздикиву қаробати бештаре бо саҳнаи рӯйдод ё мавзӯи хабар дошта бошад, бештар таҳти таъсир қарор мегирад.

Паҳши зиндаи ҷазаба ва гирой эҷод мекунад ва мухотабро нисбат ба тавачҷӯҳи бештар ба мавзӯи тарғиб мекунад. Зеро мӯҷиби эҷоди иртиботи мустақим байни мухотаб ва саҳнаи рӯйдод ё мақулаи хабарӣ мешавад ва ҷавосили дигар монанди бахшҳои мухталифи расонаиро, ки дар сохта ва пардохта

кардани як хабар ё гузориши хабарӣ нақш доранд, ҳазф мекунад. Дар чунин шароите иртиботи дучониба байни мухотаб ва мақулаи хабарро бо камтарин воситаи мумкин эҷод мекунад.

Пахши зинда мизони боварпазирии мухотабонро афзоиш медиҳад, зеро дар мавориде, ки ахбору гузоришҳои хабарӣ ба сурати зинда пахш намешавад, мухотабон эҳтимоли дасткорӣ дар воқеиятхоро мутасаввир медонанд. Дар ҳоле, ки дар пахши мустақим имкони дасткорӣ дар воқеият ба пойинтарин ҳадди мумкини худ мерасад.

Дэвид Улсон (1377, 261) дар бораи аҳамияти пахши мустақим мегӯяд: «Аммо ин матлаб, ки телевизион метавонад ба ҷои забт кардан пахши мустақим дошта бошад, робитае бисёр мутафовит бо воқеиятро ба миён мекашад. Ин навъ пахш, бино ба табиати худ бахши умдаи шаклдихиро, ки вижагии филм аст, ҳазф мекунад. Пахши мустақим ҳофизи истимрори замон аст. Тағйири манзар аз як дидгоҳ (дурбин) ба дидгоҳи дигари мумкин, аммо ибтидо ба сокин аст. Намодҳои хубу бад, манозирӣ зишпу зебо каму беш бидуни фарқгузори ба бинанда арза мешавад».

Пахши мустақими ахбор барои он даста аз ахбор қорбурд дорад, ки дорои се вижагии умда ҳастанд:

1. Барои мухотабон бисёр боаҳамият ва ҷаззоб аст.
2. Воқеа дар ҳоли руҳ додан аст.
3. Воқеа ё ҳавошии он дар ҳоли истимрор аст.

«Пахши зинда пешрафти муҳиме ба шумор меояд, дарвоқеъ, абзорест, ки гоҳ-гоҳ дар ҷиҳати ривояти бехтари воқеа ба қор меравад. Пахши зинда барои бархе аз воқеъ танҳо шеваи пӯшиши хабарист. Ин матлаб, баҳусус, дар мавориде сидқ мекунад, ки воқеа ба ҳангоми пахши хабар дар ҳоли руҳ додан аст. Дар чунин мавориде пахши гузориш ба сурати зинда аз сахна, агар танҳо роҳ набошад, ба таври яқин муассиртарин роҳ барои дар ҷараён қарор додани бинандагон аст» (Рай Вайт, 1381, 51).

Пахши зиндаи ахбори мавзӯотӣ, ки дар уфуқи замони тӯлонӣ низ дар расонаҳо қобили ироа ҳастанд, мазияте барои мухотабон эҷод намекунад ва инҳо суҷаҳои муносибе барои иртиботи мустақим нестанд.

Рӯйдодҳо ё мақулаҳои, ки барои пахши зинда интихоб мешаванд, бояд дар ҳоли руҳ додан бошанд, ба ин мафҳум, ки фосилаи замони байни лаҳзаи вуқӯъ (t1) ва лаҳзаи пахш (t2) бояд сифр шавад. Яъне, дар ҳама лаҳзае, ки воқеа руҳ медиҳад, дар ҳама лаҳза низ аз истилоҳи радиои телевизионӣ пахш шавад. Дар чунин ҳолатест, ки мухотаб ба ҳангоми дидани тасовир ва ё шунидани садо эҳсоси ҳузур дар сахнаи рӯйдод мекунад.

Ба гуфтаи Козими Мӯътамаднаҷод (1371, 241), «хабарҳои телевизиониро метавон ба таври мустақим ва бидуни фосила дар ҳама лаҳзоти вуқӯи ҳаводис пахш кард ва бинандагонро мисли шохиди айни дар сахнаи воқеъ ширкат дод».

Иртиботи мустақим аз дасти хабарнигорон ва гузоришгароне сохта аст, ки аз қудрати бадҳоҷагӯӣ ва таҳайюл, ҳозирҷавобӣ ва эътимод ба нафси болое бархӯрдоранд. Ва дар сахнаи рӯйдод ба таври ҳамзамон бар тамоми ҷавониби мавзӯ тасаллутӣ кофӣ доранд. Аз ин рӯ, ин шеваи иртиботӣ ба тавоноӣ ва маҳоратҳои ниёз дорад, ки бахше аз он зотӣ ва бахше иқтисобӣ аст, бино бар ин, хабарнигорон ва гузоришгарон маъмулан дар ин маврид маҳоратомӯзӣ мекунанд. Ҳамчунин, гузоришгароне, ки рӯйдодхоро ба сурати зиндаву мустақим гузориш мекунанд, бо арзишҳои ва хинҷорҳои иҷтимоӣ ва хинҷорҳои расонаӣ ба хубӣ ошноӣ доранд ва бо огоҳиву шинохти амиқе, ки аз вижагиҳои миллий ва байналмилалӣ доранд, аз қудрати интихоб ва тасмимгирии болое бархӯрдоранд ва албатта, муҳбирони расонаҳо ба ин гуна гузоришгарон барои анҷоми вазоифи ҳирфай ихтиёротӣ бештаре медиҳанд. Ба тавре ки як гузоришгар ба таври ҳамзамон вазоифи сардабир, дабири хабар ва хабарнигорро дар онҳо воҳид анҷом медиҳад.

Барои эҷоди як иртиботи мустақим сардабири бахши ахбор ҳангоми пахши як маҷмуаи хабарӣ бо хабарнигор ҳамроҳгӣ мекунад ва хабарнигор бояд дар сахнаи рӯйдод омодабош ва гӯш ба занг бошад. Ба маҳзи ин ки гӯяндаи ахбор ба гузоришгари ҳозир дар сахна иҷоза медиҳад, гузоришгар билофосила гузориши худро шуруъ мекунад. Гузоришгар, қабл аз ҳолати омодабош, бояд мувоқиқ, яъне маҳалли истодан ва манзар, яъне ҷиҳатеро, ки бояд дурбин (*ё дарвоқеъ – ҷашми мухотаб*) ба он назора мекунад, таъйин кунад ва гурӯҳи хабариро дар он мавқеияти маконӣ ва замонӣ мустақар созад.

Дар иртиботи мустақими хабар, гузоришгар маъмулан ба сурати муҳоварай гузориш мекунад, ки мурод аз муҳовара сухан гуфтан ба шеваи кучабозорӣ нест, балки шеваест, ки нишон медиҳад, гузоришгар ба мавзӯи рӯйдод ишроф дорад ва ба сурати табиӣ рӯйдодро барои мухотабон ривоят мекунад.

Мазиятҳои пахши зиндаи ахбор: - ҳисси ҳузур дар сахна барои мухотабон. Мухотабон ҳангоми пахши зиндаи рӯйдод ё мақулаи хабарӣ аз тариқи радио ва телевизион, ҳисси ҳузур дар сахнаи рӯйдодро пайдо мекунанд. Ба ин мафҳум, ки монанди дигар шохидони айни, ки дар сахна ҳузур доранд, чунин ҳиссе ба худ мегиранд ва мизони тавачҷӯҳи онҳо ба феълӣ инфилооти сахнаи рӯйдод ба

мизони қобили таваччӯхе афзоиш пайдо мекунад, ки дар бехтарин вазъият ҳамчун як шоҳиди айни аст, ки дар сахнаи табиӣ як воқеа хузур дорад. Табиӣ чилва додани аҷзои як руҳдод ба хушу заковат ниёз дорад ва таъсире, ки ин шеваи пахш эҷод мекунад, ин аст, ки мухотаб ҳамгом бо гузориш ва гузоришгар лаҳза ба лаҳза пеш меравад ва чунон фарқ дар рӯйдод мешавад, ки бидуни игрок, камтар мутаваҷҷеҳи афъолу ҳаракоти атроф мешавад. Дар ин шеваи пахш чун гузоришгар монанди мухотаб аз лаҳзаҳо ва сонияҳои ояндаи ҷараёни рӯйдод дар ҳоли вуқӯъ беиттилоъ аст, гузориши хабариро аз ҳоли ҳар навъ дасткорӣ мубарро медонад.

- **ҳисси воқеии гузоришгарӣ.** Гузоришгар дар ҷараёни замонику мақоли як рӯйдод ва ё мақулаи хабарӣ эҳсоси ҳаяҷони мутафовит аз худ буруз медиҳад. Эҳсоси ӯ вақте як рӯйдод дар ҳоли руҳ додан аст, бо вақте ки руҳ додааст, бисёр мутафовит аст. Барои мисол, як шоҳиди айниро дар назар бигиред, ки дар лаҳзаи замони соати дақиқ ба як нуқта аз трофики хиёбон чашм дӯхтааст ва дуруст панҷ сония баъд ду василаи нақлия башиддат бо ҳам тасодум ва бархӯрд мекунад, ин шоҳиди айни дар ҳамон лаҳза эҳсос ва ҳаяҷони ҳосе аз худ буруз медиҳад. Аммо фарз кунед, ки ҳамон шоҳиди айни бидуни иттилоӣ қаблӣ дақиқа баъд аз вуқӯи ҳодиса ба сахнаи ин руҳдод ворид мешавад. Ба таври яқин, эҳсосе, ки дар ин шароит аз худ буруз медиҳад, бо марҳалаи аввал комилан мутафовит аст. Гузоришгарӣ низ чунин аст. Вақте гузоришгар ба таври ҳамзамон шоҳиди руҳ додани рӯйдод ва воқеа аст, навъе эҳсос аз худ буруз медиҳад, ки ин эҳсоси ҳаяҷон дар иртибототи каломӣ ва иртибототи ғайрикаломӣ ӯ табалвур меёбад. Албатта, ин ҳисси воқеӣ ва табиӣ хузур дар сахнаи рӯйдод мӯҷиб мешавад, ки гузоришгарон ва хабарнигорон хангоми бознамоии як рӯйдод ё мақулаи хабарӣ комилан хушёр буда ва аз ҳар навъ феъл ва баёни ғайривоқеӣ ва ҳар гуна ҷонибдорӣ (BIAS) хангоми инъикоси рӯйдодҳо, ҳатталимкон парҳез кунанд, то тазоде байни он чи воқеъ шуда ва он чи гузориш мешавад, руҳ надиҳад.

- **афзоиши суръати иттилоърасонӣ.** Дар фароянди пахши мустақим ё зиндаи ахбор ва рӯйдодҳо, мароҳили дарвозабонии хабар ва ё ба таъбири дигар, фароянди пардозии хабарҳо шомили танзим, ҳазфу изофа кардани иттилоот дар ахбор ба шиддат коҳиш меёбад, ки ба ҳар мизоне, ки теъдоди мароҳили контрол ва назорат дар зиёдтар шавад, ба ҳамон мизон суръати иттилоърасонӣ коҳиш меёбад ва аз сӯи дигар, имкони эъмоли салиқа ва дасткории воқеӣ афзоиш меёбад ва дар чунин шароите мухотабон низ маҳсули ниҳони хабарро маҳсуле мебуданд, ки пас аз убур аз дарвозаҳои мутааддид иҷозаи пахш ёфтааст. Аммо дар пахши зинда мизони контроли ҷараёни иттилоот ба пойинтарин ҳадди мумкин мерасад.

Яке аз мазоёи бунгоҳҳои хабарии машҳури ҷаҳон, аз ҷумла, шабакаи хабарии CNN, интиҳоби шеваи пахши зинда барои ироаи хабари теъдоди қобили таваччӯхе аз рӯйдодҳо ва мақулаҳои хабарист. Дастандаркорони ин шабакаи хабарии ҷаҳонӣ бо осебшиносии фаъолиятҳои худ, нигариши суннати худро ба мақулаи хабар тағйир додаанд ва онро боз таъриф кардаанд. Ба гуфтаи Шэнкелман, CNN таърифи хабарро аз «он чи иттифоқ уфтодааст», ба «он чи дар ҳоли иттифоқ уфтодан аст» тағйир додаст.

Кишварҳои дар ҳоли тавсия барои рақобат бо қавлҳои хабарии ҷаҳон ва мубориза бо ҷараёни яқсуи иттилоот ва ахбору муқобала бо олудагии иттилоот бояд аз тариқи муҳандисии муҷаллади фарояндҳо ва бо коҳиши мароҳили зонд ва дастпогир дар созу қорҳои тавлид ва пахши иттилоот ва ахбор таҷдиди назар кунанд ва бо иттак ба манобеи бумӣ ва истифодаи саҳеҳ аз фанновариҳои ҷадид нисбат ба афзоиши суръат, диққат, сиҳҳат ва бетарафӣ дар инъикоси ахбор таваччӯҳи бештаре кунанд. Зеро шароити лозим барои хузур дар бозори расонаӣ, яъне «маҷмӯи масрафкунандагони билқувва ва билфеъли тавлидоту ҳадамоти расонаӣ, ки дорои таъриҳчаи иҷтимоӣ-иқтисодии шинохташудае ҳастанд» (Маккэул, 1380, 51), афзоиши мазиятҳои рақобатист ва бидуни таваччӯҳ ба ин мавзӯ имкони рақобати иттилоотӣ дар сахнаи ҷаҳонӣ муяссар намешавад.

АДАБИЁТ

1. Рай Вайт. Ахбори телевизионӣ. Мутарҷим: Муҳаммадризо Ҳасанзода. –Техрон, Идораи пажӯҳиши муованати сиёсии садо ва симо, 1380 х.
2. Дэвид Улсон. Расонаҳо ва намодҳо. Мутарҷим: Махбуба Муҳочир. –Техрон, интишороти Суруш, 1377 х.
3. Муътамадҷод Козим. Васоили иртиботи ҷамъӣ. –Техрон, интишороти Донишгоҳи аллома Табатабӣ, 1371 х.
4. Луси Шэнкелман. Мудирияти созмони расонаӣ дар BBC ва CNN. –Техрон, Идораи кулли таҳқиқ ва тавсияи садони Ҷумҳурии Ислонии Эрон, 1382 х.
5. Дэнш Маккэул. Муҳотабшиносӣ. Мутарҷим: Маҳди Мунтазирқоӣ. Маркази мутолиот ва таҳқиқоти расонаӣ, 1380 х.

СПЕЦИФИКА ПРЯМОЙ ТРАНСЛЯЦИИ ИНФОРМАЦИОННЫХ ВЕСТЕЙ

Средства массовой информации с целью максимального уменьшения промежутка между процессом сбора материала и моментом ее трансляции, все больше опираются на информационные технологии прямых трансляций, при этом заметно сократив

влияние человеческого фактора творческих групп на данный процесс. В данной статье рассматриваются два метода осуществления прямой записи и трансляции, применяемые в процессе передачи информации от источника к ее потребителю и имеющие различные степени влияния на потребителя. Так, например, прямая трансляция информации способствует уверенности в достоверности получаемой информации и более того, чувству принятия непосредственного участия потребителя на сцене происходящего события.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: средства массовой информации, процесс сбора материала, информационные технологии, журналисты, прямая трансляция, прямая запись и трансляция, специфика прямой трансляции.

CHARACTERISTICS OF THE LIVE BROADCAST NEWS

The live broadcast news is short distance from the time to collect news broadcast' till lives broadcast news. This method speeds in news alerts, and decrease human factors groups of news. Today, a team wrought of one person news and television journalist are alone a TV news group. In the process of transferring information and news have two methods, that consists: recording and broadcast direct action can be "effect on audience. live broadcast news, ceartes a sense of presence in the event at the audience. if the audience feel more closely with the event or an issue that, them will influence of the event.

KEY WORDS: mass media, process material gathering, information technology, journalists, a direct transmission, direct recording and translation, specificity of a direct transmission

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: **Рызо Ходи** – аспирант кафедры телевидения и радиовещания факультета журналистики Таджикского национального университета.

НАЗАРИЁТИ ҲОКИМ БАР РАСОНАҲОИ ЭРОН

Марям Олидой
Донишгоҳи миллии Тоҷикистон

Муҳаққиқон бар ин боваранд, ки баъд аз инқилоби санъатӣ, ки се қарн бар ҷаҳон ҳоким буд, дар ҷаҳоряки охири қарни бистум инқилоби фанноварии иттилоот ва иртиботот рух дод, ки назми ҷадидеро падида овард. Мо акнун ба унвони ҷузъе аз низоми ҷаҳонӣ дар ҷараён ва дар маърази ин инқилоб ҳастем, зеро наметавон тасаввур кард, ки тағйироте дар даруни воҳидҳои низоми байналмилал мӯҷиби тағйир дар сохтори воҳидҳои миллии нагардад.[1]

Расонаҳои гуруҳӣ дар дунёи имрӯз тағйироти бунёдии шадидеро дар ҷавомеи суннатӣ падида оварданд. Дар дунёи ҳозир расонаҳои гуруҳӣ бахши ҷудоинопазири зиндагии иҷтимоӣ мебошанд ва ҳузури онҳо дар ин арса даричае навинро барои зиндагии инсон гушудааст.[2]

Ҷаҳор вазифаи аслии расонаҳои гуруҳӣ ба манзури иртиқои ҷомеа шомили:

- 1) хабарӣ ва омӯзишӣ;
- 2) роҳнамоӣ ва раҳбарӣ;
- 3) тафреҳиву таблиғӣ;
- 4) огоҳсозӣ ва ҳамгунсозӣ аст.

Ин ҷаҳор вазифа аслитарин вазоифи расонаҳои гуруҳӣ шумурда шуда, то бар асоси нави ироа ба муҳотаб сабаби иртиқои фикрӣ ва амалӣ дар ҷомеа гардад.

Аз сӯе дигар, Пол Лазарфелд ва Мартин ба унвони пешгомони таҳқиқ дар вазои ҷамъӣ ва таъсири он, се нақши умда ва воқеитар барои расонаҳои гуруҳӣ баршумурдаанд:

1. Вазифаи ахлоқӣ, ҳимоят аз ҳинҷорҳои иҷтимоӣ
2. Имкони эътои пойгоҳи иҷтимоӣ, ки бо маъруфияти афрод тавассути расона асбоби иртиқои иҷтимоӣ фароҳам мегардад
3. Эҷоди навъе мушорикати маслиҳатомез[3]

Назариёти ҳоким бар расона: Дар ҳавзаи расонаҳои гуруҳӣ шаш назарияи модел, шомили модели масъулияти иҷтимоӣ, расонаи озод, иқтидоргаро, коммунистӣ, тавсияи расонаҳои гуруҳӣ ва модели демократии мушорикатчӯ вучуд дорад. Ин назарияҳо асоси шаклгирии даврони ҷадиди расонаҳои гуруҳӣ ҳастанд ва дар ҳоли ҳозир, дар низоми расонаҳои гуруҳии кишварҳои муҳталифи ҷаҳон дар ҳоли иҷро мебошанд.

Ҳар як аз ин назарияҳо дорои вижагиҳои хоси худ буда ва пояҳои худро дар ҳавзаи хусусӣ ва давлатӣ бино ниҳодаанд. Дар бархе аз назариёт расонаҳои гуруҳӣ иҷозаи фаъолияти озодонаро доранд ва интиқод ба давлатро сареху бепарда ироа менамоянд. Дар бархе дигар интиқод бо шадидтарин вазъи мавҷуд мавриди сарқуб қарор мегирад. Бадеҳист, ки ҷолишҳои давлат ва расонаҳои гуруҳӣ дар байни ин назарияҳо ҳамвора дар талотум аст ва ҳар давлате бар асоси сохтори ҳукумати худ назарияро чун дастовезе барои машруйят бахшидан ба низоми расонаии худ интиқоб намулдааст.

Дар кишвари мо – Эрон баррасии навъи назарияи ҳоким то ҳудуде мушкил мебошад, аз ин рӯ, барои баррасии дақиқи ин мавзӯ, ки низоми расонаҳои гуруҳии Эрон бар асоси кадом як аз назариёти расонаҳои гуруҳии зикршуда дар боло бино ниҳода шудааст, бояд бо таҳқиқе мабсут, аммо дар маҷмӯае кӯчак ва бо кӯмаки таҳлили мӯҳтавои қонуни расонаҳои гуруҳӣ ва бо истифода аз шохисҳои мавҷуд дар назарияҳои ҳокими расонаҳои гуруҳӣ ба истихрочи моддаи воҳидаҳои он ва татбиқи он бо шохисҳои он назарияҳо ба баррасӣ ва шинохти назарияи ҳоким бар расонаҳои гуруҳии Эрон пардохт.

Қонуни расонаҳои гуруҳӣ ва матбуоти Ҷумҳурии Исломии Эрон шомили ҳашт фасл ва 48 модда аст, ки фаслҳои он ба тартиб иборатанд аз:

- 1) таърифи расонаҳо;
- 2) рисолати расонаҳо;
- 3) ҳуқуқи расонаҳо;
- 4) ҳудуди расонаҳо;
- 5) шароити мутақозӣ ва мароҳили судури парвона;
- 6) ҷароими расонаҳо;
- 7) ҳайати мунсифаи расонаҳо;
- 8) мавриди мутафарриқ.

Фаслҳои 1-2 бо як модда камтарин ва фасли 5 бо понздаҳ модда бештарин моддаҳои қонуниро ба худ ихтисос додаанд.

Аз байни 48 моддаи «Қонуни расонаҳо» бештарин моддаи қонун бо назария-модели иқтидоргаро ва дар рутбаи баъдӣ назария-модели масъулияти иҷтимоии расонаҳои гуруҳӣ мунтабиқ будааст. Танҳо як моддаи қонуни расонаҳои гуруҳии кишвари мо мубтаън бар назария-модели демократӣ ва мушорикатҷӯии расонаҳои гуруҳӣ мебошад.

Дарвоқеъ, шохисҳои унвоншуда дар «Қонуни расонаҳо» бо шохисҳои мавҷуд дар назария-моделҳои мавриди баррасӣ мунтабиқ буда ва дар бархе маврид мушобеҳи онҳо будааст.

Тибқи натоиҷи бадастомада, бахше аз «Қонуни расонаҳо»-и Ҷумҳурии Исломии Эрон мунтабиқ бо назария-модели иқтидоргаро ва бахше мунтабиқ бо назария-модели масъулияти иҷтимоии расонаҳои гуруҳӣ будааст.

Дар мавриди судури мучаввиз, танбех ва мучозот, ҳимоятҳои идеологӣ, ба даст овардани иттилоот ва ғ. дар назарияи иқтидоргаро ва дар мавриде чун ҳайати назорат бар расонаҳо, рисолати расонаҳо ва асли бетарафӣ ва ғ. назарияи масъулияти иҷтимоии расонаҳои гуруҳӣ ҳокимият дорад.

Ҳарду модел дорой таорузҳо ва ташобӯҳҳои ҳастанд, назария-модели иқтидоргаро бисёр баставу маҳдуд амал менамояд ва расонаҳои гуруҳиро дар ихтиёри давлат медонад, чаро ки давлатро пуштибони сиёсатҳои худ қаламдод мекунад, ки ба онҳо иҷозаи нашр медиҳад, интиқодро маҳдуд медонад ва танбеху мучозотро абзори миҳор медонад. Дар муқобил, назария-модели масъулияти иҷтимоии расонаҳо рисолати расонаҳоро барои омӯзишу огоҳӣ ва ғ. мӯҳтарам мешуморад, асли интиқодро ба расмият мешиносад, барои расонаҳои гуруҳӣ истиқлоли ҳирфай қоиладор аст ва ғ.

Бад-ин тартиб, аз ҳарду назария дар «Қонуни расонаҳо»-и Эрон истифода шуда ва сабъи гардида, то иқтидори давлат дар расонаҳои гуруҳӣ бештар намоён бошад, чаро ки бештари маводи қонунӣ мунтабиқ бо назарияи иқтидоргарост.[4]

Бо дар назар гирифтани ҳаққи расонаҳои гуруҳӣ барои истифода аз интиқод, он ҳам интиқоди созанда ба унвони абзоре пешбаранда ва боздоранда дар муқобили давлат ва аз тарафе, муҳолифати давлат, ки сабаби эҷоди ихтилол дар фаъолиятҳои дилхоҳи давлат мебошад, бояд аз қонуни расонаҳо пайравӣ намуд, аммо ин қонун ба далели давлатӣ будан дорой навъе ҷонибдорӣ ва сӯғирӣ дар масоил мебошад.

Бештари муҳаққиқони улуми иртиботот ва назариёт барои хуруҷ аз ин бунбасти истифода аз улғу ва назария-модели дигареро, ки бо одоби фарҳанги ҷомеаи Эрон созгорӣ дорад, пешниҳод кардаанд.

Қонуни феълӣ таорузоти мухталифе дар ҳавзаи назарӣ ва ба таъби он, ҳавзаи амалӣ доштааст. Ҳамон гуна ки дар боло ишора шуд, улғуҳои мавриди истифода дорой ихтилофи назар ва салиқа мебошанд, ҷунон ки яке марбут ба кишварҳои озоду тавсияёфта ва дигаре марбут ба кишварҳои иқтидоргарост, ки ҳамвора ҳоҳони нуфуз ва даҳолат дар тамоми умур мебошанд ва ин таоруз ҷомеаро ба самту сӯи аҳдоф ва вазоифи расонаҳои гуруҳӣ ва иртиботот ҳидоят наменамояд ва ҳамвора сабаби дурӣ аз аҳдофи асли мегардад.[5]

Дар мавриди мутанокизи қонун, тибқи назария-модели масъулияти иҷтимоии расонаҳои гуруҳӣ, расонаҳо ҷиҳати ҷамъоварии иттилоот озодии амал доранд, дар сурате ки тибқи назария-модели иқтидоргаро, расонаҳои гуруҳӣ дар ироаи қуллияи матолиб ва иттилоот бояд аз давлат касби иҷоза намоянд.

Тибқи назария-моделҳои масъулияти иҷтимоии расонаҳои гурӯҳӣ, рӯзномаҳо масъули оғоҳсозӣ ва иттилоърасонӣ ба ҷомеа ҳастанд, дар сурате ки тибқи назарияи иқтидоргаро, расонаҳо ва расонаҳо танҳо садои ҳукумат ва мудофеи сиёсатхову идеологияи ҳукумат мебошанд.

Тибқи назария-моделҳои масъулияти иҷтимоии расонаҳо, набояд аз асли бетарафӣ ҳимоят ва воқеиятҳои иҷтимоии ҷомеаро ба мухотабон ироа намоянд, дар сурате ки тибқи назарияи иқтидоргаро, расонаҳо аз ҳаққи интиқод маҳрум мебошанд.[6]

Тибқи назария-моделҳои масъулияти иҷтимоии расонаҳо, расонаҳо васоили умумӣ ҳастанд ва набояд дар ҷиҳати аҳдофу агрови шахсӣ истифода шаванд, дар сурате ки тибқи назарияи иқтидоргаро, расонаҳо абзоре барои пешбурди аҳдоф ва тамойилоти сиёсатҳои давлат мебошанд. Дар мавриди мушобеҳи қонун, тибқи назария-моделҳои масъулияти иҷтимоии расонаҳо, расонаҳо тавассути созмонҳои бозрасӣ, ки таҳти назорати давлат ҳастанд, контрол мешаванд ва тибқи назария-моделҳои иқтидоргаро, давлат бар раванди ғайрифаъолияти расонаҳои гурӯҳӣ назорат дорад.

Мавриди зикршуда дар боло зербинои назарии қавонини расонаҳо мебошад, ки дар «Қонуни расонаҳо»-и Ҷумҳурии Ислонд Эрон мавҷуд аст, ҷунонки бархе аз қавонин ба сурати мустақим мутобиқ бо назарияҳо ва бархе ба сурати ғайримустақим бо ин назарияҳо интибоқ доранд. Аммо вучуди ин таърифи назарӣ сабаби навъе ихтилол ва номафҳум будани қонун дар ҳангоми иҷро мебошад. Мутобиқи назари Пол Лазарсфелд ва Мартин дар мавриди нақши умда ва воқеии расонаҳо, ки муштамил бар се вазифа: вазифаи ахлоқӣ, ҳимоят аз ҳинҷорҳои иҷтимоӣ, имкони аътои пойгоҳи иҷтимоӣ бо маъруфияти афрод тавассути расонаҳо асбоби иртиқои иҷтимоӣ фароҳам мегардад, таҳдирӣ иҷтимоӣ эҷоди навъе мушорикати ҳаёлист ва низ аҳдофи давлат нисбат ба расонаҳои гурӯҳӣ дар ҷомеа, ки шомили оғоҳӣ ёфтанд ва амал намудани расонаҳо ба вазои худ ва талош барои ҷилавгирӣ аз хатоҳои эҳтимолист, рафъи ҷолишҳои мавҷуди давлат ва расонаҳои гурӯҳӣ мушқил хоҳад буд. Аз ин рӯ, ислоҳи қонун ва тағйири услуби он ба яке аз назариёти тавсияи навин ҳамчун модели демократии мушорикатҷӯии расонаҳои гурӯҳӣ метавонад роҳкоре муносиб барои зобитаманд намудани ҷолишҳои давлат ва расонаҳо бошад. Ин назария-модел хоҳони ҷилавгирӣ аз тичорӣ шудани расонаҳои гурӯҳӣ, мамониат аз инҳисорталабӣ, озодии ҷараёни иттилоот, дастрасии содаву мумкинӣ мардум ба расона ба унвони соҳибони расона, мухотаби меҳварӣ ва ҳаракат ба самти тавсияи ҷомеа аст.[7]

Ин усул ҳамагӣ мунтабиқ бар хости ҷомеаи Эрон мебошад, чаро ки бо тавачҷӯх ба санади ҷашмандозӣ 20-солаи кишвар, куллияи ниҳодҳо ва баҳусус, расонаҳои гурӯҳӣ бояд ҷомеаро барои расидан ба тавсия хидоят ва ҳимоят намоянд. Ҳамчунин, бо тавачҷӯх ба ниёзҳои омӯзишии мавҷуд дар ҷомеа ва насли ҷадид, бояд аз расонаҳо барои анҷоми пуррангтари ин рисолат талаби ҳамкорӣ намуд ва бо тарғиби давлат барои шунидани садои мунтақид дар ҷомеа, бо ин истидлол, ки интиқоди созанда сабаби ислоҳи раванди гузашта ва пешрафт мебошад, ҳамагӣ аз натоҷи бархӯрди муносиб ва воқеӣ бо ислоҳи ҷорҷӯби назарии қонунгузор, дар расонаҳо баҳраманд гардем ва дар ниҳоят, битавонем дар ин ҷазои иртиботӣ ва тавсияи ҷаҳони имрӯз гоме дурусту саҳеҳ барои пешрафт ва тавсияи ҳамачониба бардорем. Эҷоди ҷазои бози расонаӣ сабаби иброви интиқодот аз дидгоҳи расонаҳо на ба унвони ҳасми ҷомеа, балки ба унвони санги маҳаки берунии давлат ва арзёбии ғайрифаъолиятҳои анҷомшуда ва садои мутолиботи мардум дар ҷомеа мегардад.[8]

Дарвоқеъ, ҳам расонаҳои гурӯҳӣ ба анҷоми дуруст ва саҳеҳи умури муҳаввалаи худ дар ҷомеа мегардозанд ва ҳам давлат ба унвони ниҳоди қонунгузор ва қонунманд тавоноии назорати саҳеҳ бар ҷазои иттилоърасониро меёбад ва ба вазои худ амал менамояд.

АДАБИЁТ

1. Исмоилӣ, Мӯҳсин. Қонуни расонаҳо. – Техрон, Суруш, 1383 х.
2. Чузв (=брошюра)-и клоссӣ (=дарсӣ). – Техрон, Маркази таксири Мучтамаи донишгоҳии Валии аср, 1371 х., с.68.
3. Деҳқон, Алиризо. Назарияҳои иртиботот. – Техрон, ҷопи Донишгоҳи Техрон, 1383 х.
4. Шаҳидиён, Аҳмад. Таҳқиқоти мудирӣ ва иқтисоди расонаҳо, с. 49.
5. Биби Содот. Мирисмоилӣ. Фаълномаи Таҳқиқоти мудирӣ ва иқтисоди расонаҳо. с. 124.
6. Меҳрдод, Хурмуз. Муқаддимае бар назариёти иртиботи ҷамъӣ. – Техрон, ҷопи Форон, 1380 х.
7. Ҳамон манбаъ, с. 115.
8. Биби Содот, Мирисмоилӣ. Фаълномаи «Таҳқиқоти мудирӣ ва иқтисоди расонаҳо», с. 124.

ТЕОРИИ, УПРАВЛЯЮЩИЕ СМИ ИРАНА

Средства массовой информации в современном мире обеспечивают глобальные и мощные перемены, в частности, в традиционных обществах. Являясь неразделимой частью современной общественной жизни, СМИ открывают в жизни людей окно во все новое. В сфере деятельности СМИ прослеживается существование шести нижеследующих теорий-моделей: модель общественной ответственности; модель свободных СМИ; модель ориентации на мощь; коммунистическая модель; модель развития СМИ и демократическая модель

участия. Данные модели служат основой формирования нового этапа деятельности СМИ и практикуются в сфере СМИ различных стран мира.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: средства массовой информации, традиционное общество, модель развития СМИ, модель свободных СМИ.

RULING VIEWS ON THE MEDIA-IRAN

Magazines Of Each Country Continued Their Professional Activities Based On One International Models And Aspects. From Perspective Media There Are 6 Aspects About Magazine That Each One Have Their Own Features. Performed Each Of Them Caused Forming A Kind Of Media System In Society That Ability To Guarantee Life. In This Paper We Try With Scientific Method and Content Analyzing Method Extent, To Precede any Kind Of Doctoring Of Iran Press Act. According To This Information Press Act of Iran Are Based One Method Theoretic that adopted authority and Social Responsibility magazine and media. Just One Act Flow of magazine in Iran We Conform Democratic Model and Partnership of Media. Therefore to grant all these media in global society and need of getting information.

KEY WORDS: the mass media, a traditional society, model of development of mass-media, model of free mass-media

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: **Марям Олидон** – аспирант кафедры телевидения и радиовещания факультета журналистики Таджикского национального университета.

ХАБАРИ МАҲАЛЛӢ ДАР СИМОИ ШАБАКАИ ИТТИЛООТИИ «ҶАҲОННАМО»

Ҷ. Каримов
Донишгоҳи миллии Тоҷикистон

Муҳимтарин ҷиҳати барномаҳои телевизионӣ ин мазмуну мундариҷа ва нафъи он ба ҷомеа мебошад. Табиист, ки ин гуфтаҳоро метавон дар фаъолияти ҳама телевизионҳо мушоҳида намуд. Ба ин тартиб, вазифаи асосии ҷамъиятиву бадеии телевизион тавассути чор қисмати асосӣ: ахбор, публицистика, намоишҳои сахнаӣ ва мусиқӣ ифода мегардад.

Марҳилаи сифатан нави ҷомеа собит намуд, ки телевизиони муосир ин пеш аз ҳама хабар аст. Зеро, дар замони муосир мушоҳидаҳо нишон медиҳанд, ки бинандаи телевизион, пеш аз ҳама интизори ахбору навгониҳо мебошад.

Ба фаъолият оғоз намудани шабакаи нави иттилоотӣ бо номи «Ҷаҳоннамо» дар муддати начандон зиёд тавонист дар фазои кишвар бо дигаргуниву ҷолибият мавқеи хоса пайдо намояд.

Дар ахбори телевизиони муосир хислати асосии суҷаҳо (навор)-ро худӣ воқеа муайян мекунад.

Ба сифати мисол, дар гузорише, ки рӯзи 31-03-2010 аз пулакӣ гардидани роҳи Душанбе - Чанок тариқи барномаи иттилоотии «Хабар»-и шабакаи иттилоотии «Ҷаҳоннамо» манзур гардид, ки бештар ҷанбаҳои иҷтимоии он масъалагузори шуд.

«Аз ин иқдом мусофирону ронандагон изҳори миннатдорӣ намуда, аз пулакӣ шуданаш норозигӣ баён карданд».

Дар ин ҷо маҳаки асосиро муаллиф чунин меорад:

«Ҳизматрасонии пулакӣ бошад дар роҳҳо ба ду тарз ба роҳ монда шудааст; нақдӣ ва тариқи кортҳои пластикӣ. Вале бештар аз ҳама онҳое нигаронанд, ки дар ҳудуди ноҳияи Варзоб зиндагӣ мекунанду дар як рӯз якчанд бор аз ин роҳ гузашт мекунанд».

Ҳамчунин қайд шуд, ки ҳаҷми маблағ аз шаклу тамғаи воситаҳои нақлиёт вобаста аст.

Сӯхбати масъулини ширкати хоричии роҳсоз маводро пурра намуда, назари вазири нақлиёт ва коммуникатсияи ҷумҳурӣ низ саривақт оварда шуд, ки чунин мушоҳида аз касбияту гузориши маводи таҳлилии хабари маҳаллӣ гувоҳӣ медиҳад.

Аз ин фаврият, дақиқият ва сарехият дар барномаҳои иттилоотии «Хабар» ва «Дунё» возеҳу равшан дида мешавад.

Қабл аз ҳама, ҳар як шабака барои мавҷудият ва дар олами мавҷ пайдо кардани мақоми хос талош менамояд.

Дар замони муосир ҳамон шабакаҳое фаъолият карда метавонанд, ки талабу дархости тамошобинонро сари вақт ба инобат гирифта, онҳоро бо хабари тоза ва дигаргуниҳо ошно намояд.

Афзудани теъдоди бинанда хосияти телевизион аст. Мусаллам аст, ки чун шабакаи «Ҷаҳоннамо» телевизиони давлатӣ аст, пеш аз ҳама сиёсати феълӣи ҳукуматро тарғиб менамояд. Муҳим аз ҳама шаклу пешниҳоди маводи таҳлилию хабарӣ дар ин шабака тарзу усули худро дорад.

Агарчӣ телевизион зодаи асри бист бошад, вале ташаккули соҳа барои мамлакати мо ҳанӯз ҳам ҷавон аст. Ворид гардидан ба таҷҳизоти воситаҳои рақамӣ барои шабакаҳои телевизионии мо далели қадами устувор ба марҳилаи сифатан нав аст.

Албатта, чунин имконият паҳши барномаҳои телевизионии кишварро тамоми рӯз ва ҳаҷми онҳоро аз 12 то 18 соат расонида, фазои холигиро пурра намуданд.

Тавлиди шабакаи иттилоотии шабонарӯзӣ дар амвоҷи кишвар таҳаввули ҷиддии соҳаи телевизион ва радиои тоҷик аст.

Баёну пешкаши хабари маҳаллӣ дар телевизиони «Ҷаҳоннамо»-ро вобаста ба имконияти техникаи рӯз мегавон қонёқунанда номид.

Вале то ба ҳанӯз сатҳи касбияти хабарнигорону кормандони таҳиягар вобаста ба талабу тақозои замон масъулияти ҷиддиро талаб менамояд.

Таҳлилу воқеият дар гузориши дигаре, ки рӯзи 14-04-2010 аз шабакаи иттилоотии «Ҷаҳоннамо» дар мавриди нишастии семоҳаи Вазорати тандурустӣ, асосан паҳлуҳои иҷтимоии ҷомеа дахл карда шуд.

«Марги як нафар, захролудшавии 19 тани дигар танҳо дар семоҳаи аввали соли равон аз ҷониби Вазорати тандурустии кишвар расман ба қайд гирифта шудааст. Дар натиҷаи ташҳиси хунӣ, 71 ҳазору 25 нафар гирифтгори бемории СПИД, инчунин 156 ҳодисаи нави ба қайдгирии сироятёфтагони вируси норасоии масъулияти бадан ошкор шудааст. Маълумоти расмӣ касалиҳои сил бошад, дар ин миён коҳиш ёфтааст. Паҳлуи дигаре, ки маллифи гузориш махсус таваҷҷӯҳ намуд, ин маводи доруворӣ ва аҳамияти он буд. Танҳо давоми се моҳи соли ҷорӣ сифати 7785 намуди доруворӣ санҷида шуда, 36 адади он пастсифат бароварда шуд».

Барномаҳои хабарии ин шабака беш аз даҳ ададро ташкил дода, ҳар яки он бо шакли алоҳида танзим мегардад. Оид ба ҷамъбасти ҳафта ва рӯйдодҳои мавҷуда барномаи «Ҷаҳт рӯзи олам», дар миёни барномаҳои дигар мавқеи намоёнро сазовор аст.

Аз ҷумла, шомии рӯзи 24-03-2010 дар барномаи иттилоотии «Дунё», оид ба ин ки таҳримҳои Амрико ширкатҳои нафтӣ хориҷиро аз Эрон мегузезонанд, чунин оварда шуд: «Ширкати нафтӣ Руссия- «Лукойл» фаъолиятро дар як лоиҳаи нафтӣ Эрон қатъ мекунад ва сабаби ин тасмири худро дар таҳримҳои Амрико бар зидди Эрон арзёбӣ кард. Ширкати «Лукойл» пас аз қатъи фаъолият дар Эрон 63 миллион доллар зарар дидааст.

Дар ин маврид назари барномаи ҷамъбасти «Ҷаҳт рӯзи олам» чунин буд: «Лукойл» нахустин ширкате нест, ки фаъолиятро дар Эрон қатъ мекунад.

Соли гузашта низ ба иллати таҳримҳои Амрико як қатор ширкатҳои бонуфузи олам аз сармоягузори дар ин бахш худдорӣ намуданд.

Амрико ба тамоми кишварҳои ҷаҳон беш аз 20 миллион доллар сармоягузори ба соҳаи нафту гази Эронро манъ кардааст.

Ширкати «Лукойл» яке аз ширкатҳои бузурги ҷаҳон дар бахши нафту газ аст, ки дар заминаҳои мухталиф, аз кашфу истихроҷ то коркард ва фурӯши маҳсулоти нафтӣ дар минтақаҳои гуногуни ҷаҳон фаъолият дорад.

Ҳарчанд хуб аст, ки хабарҳо аз шабакаҳои телевизионии кишварҳои дигар манзури бинанда мегардад, вале агар бо манфиату ҷанбаҳои миллӣ ва хусусиятҳои манфиатовар таҳия шавад, ҷоллибтар хоҳад шуд.

Бо назардошти ба даст омадани таҷрибаи начандон зиёди соҳа, гуфтан мумкин аст, ки хабари маҳаллии шабакаи иттилоотии «Ҷаҳоннамо» қобили омӯзиш буда, бо ба даст омадани имконоти техникаӣ, ин шабака яке аз телевизионҳои маъруфи минтақа хоҳад шуд.

АДАБИЁТ

1. Асадулло Саъдуллоев. «Асосҳои журналистикаи телевизион». -Душанбе.-2005.-с.18.
2. Усмонов Иброҳим. «Журналистика» Душанбе. 2005.к.1.с. 55.
3. ТВ. «Ҷаҳоннамо» б. «Хабар». с.-2010.

НАЦИОНАЛЬНЫЕ НОВОСТИ В ЛИЦЕ ИНФОРМАЦИОННОГО ТЕЛЕВИДЕНИЯ «ДЖАХОННАМО»

Телевидение является идеологическим аппаратом каждого государства. В Таджикистане благодаря независимости год из года увеличивается число телевизионных каналов и радиостанций. Каждый журналист, который занимается творческой деятельностью в том или ином канале с использованием современных технических средств отражает те или иные проблемы общества посредством информационно-аналитических программ и доводит их до сведения своих слушателей и телезрителей. Это все делается для того, чтобы ознакомить общество с выдвинутой темой и узнать их мнения и предложения.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: новости, национальные новости, телевидение «Джахоннамо», журналист, информационно-аналитические программы.

NATIONAL NEWS IN THE NAME OF THE INFORMATION TELEVISION «JAHONNAMO»

Television is the ideological structure of each state. The TV and radio networks are increasing in Tajikistan thanks to the state independence. Each journalist, which active in this or that network using the up to date technologies is reflects the urgent problems of society through informational and analytical programs. This is implying for that, each significant discussing issue birth thinks and debated. The above mentioned material is excellent reflected the urgent problems of the day. After summarizing with the mentioned material, the reader will be able get information about preparation, structure of reportage, the modern example of presenting and the level of professionalism of news presenter on local news presentation.

KEY WORDS: news, national news, television «Jahonnamo», the journalist, information-analytical programs.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Х. Каримов - соискатель кафедры телевидения и радиовещания факультета журналистики Таджикского национального университета.

ГУЗОРИШГАРОНИ ТАХАССУСӢ

Марям Олидой
Донишгоҳи миллии Тоҷикистон

Мақолаи зер ба баррасии гурӯҳе хабарнигорони хирфай, ки тақсими кори онон бар мабной ҳавзаи хидмати онон таъмин мешавад, мепардозад. Доктор Юнуси Шакархоҳ баъзе нерӯҳои ҳавзаи хабарӣ маъно қардаанд (1). Дар идомаи баҳс зимни тавзеҳ дар мавриди ин хабарнигорон маҳоратҳои онон низ баён мегардад.

Гузоришгарони хуб ахборро барои хонандагони худ тарҷума ва тафсир менамоянд. Мутоҳассисин муътақиданд, ки гузоришгарони таҳассусии вижа (ё бит) нуктаи назароти худро дар қорашон эъмом мекунанд. Бисёре аз марокизи хабарӣ хабарнигорони худро ба тавачҷӯҳ бо мавқеияти ҷуғрофияӣ ва ё мавзӯоти хабарӣ бармегузинанд.

Ин навъи гузориш дар санъати хабарнигорӣ гузоришгарии «бит» ном дорад. Луғати «бит» аксаран барои тайъини ҳавзаи амалиёти як пулис ба кор меравад.

Хабарнигорон ба манзури дарки беҳтари мавқеияти минтақаи мавриди назари худ, зимни шинохти мардуми он минтақа, дар бисёре аз маворид ниёз ба ёдгирии луғоти хоси он минтақа низ доранд. Аммо ба ин маъно нест, ки онҳо лузуман ин луғотро ба гузориши худ ба кор мегарданд. Хабарнигорони бит ҳам мутарҷимини хуб ва ҳам муфассирини хубе хоҳанд буд, ки иттилооти пинҳон ва дур аз дастрасро дар ихтиёри умуми мардум қарор медиҳанд.

Табодде аз ин мавзӯот иборатанд аз: пӯшиш додани мавзӯоти давлатӣ, пулис, додгоҳҳо ва тичорат. Гузоришгарон, бо тавачҷӯҳ ба ҷиғунагии сохтори ҷомеа, мумкин аст масъули пӯшиш додан ба мавзӯоте чун муҳити зист, солмандон ва ё омӯзишу парвариш бошанд.

Ба унвони мисол, дар Эрон гузоришгарон бар асоси мавзӯоти мухталиф ҳамчун пизишкӣ ва саломатӣ ва ё бар мабной муносиботи мазаҳабӣ ва бумиву фарҳангӣ, муносиботи рӯзмарра монанди Рӯзи миллии ҷавонон ва Рӯзи модар ва . . . ё бар мабной манотиқи хос (ҳаммонанди дафотири хориҷ аз кишвар ва ё манотиқи ҳошияии шаҳр), ки маъмулан муҳтас ба гузоришгари вижае аст, ки нисбат ба таҳияи гузориш иқдом мекунанд». (6)

«Яке аз асоситарин масъулиятҳои як гузоришгари бит ихотаи комил бар мавзӯи баргузидашуда аст. Онон мувазафанд, ки вақоеи рӯз, мисли анвои ҷаласот, гузоришоти ҷопӣ ва иттилооти мунъақисшуда дар веблогҳоро гузориш намоянд ва дар қанори он аз ахбори маъмулӣ фаротар раванд. Гузоришгарони бит пас аз иртибот бо манобеи аслий, ба манзури қарор гирифтани дар ҷараёни дақиқи ахбор нисбат ба таҳияи гузорише ҳаллоқ иқдом мекунанд. Манобеи аслий ононро дар ҷараёни умуре қарор медиҳанд, ки ошкор набуда ва пушти сахна воқеъ шудаанд. Ба ин равиш, гузоришгарон қодиранд, гузоришҳои мутанавве аз хабарҳо то филмҳои аз зиндагиномаи афрод таҳия кунанд». (3)

«Чип Исконлон, ки собиқан гузоришгари бит барои рӯзномаи «Нойт редар» ва дар холи хозир гузоришгари маркази Пуентер аст, мегӯяд: «Як гузориши хуби ҳавзаии созмонёфта ҳадафдор буда ва дар он аз манобеи гуногун истифода шудааст.» (5)

Маҳоратҳои гузоришгарони бит. «Гоҳе аз авкот гузоришгар худ мавзӯи худро интихоб карда ва гоҳе аз сӯи созмони хабарӣ ба кори хосе ғумошта мешавад. Аммо нуктаи ҳойизи аҳамият барои ироаи як гузориши муваффақ, интихоби саҳеҳ дар маҳдуда ва ё мавзӯи таҳассусии бит аст. Шиносоии дақиқи фаъолияти як систем бисёр вақтгир ва пурзаҳмат аст, вале натиҷаи кор пас аз поёни гузориш ба гунае хоҳад буд, ки ҳеҷ гузоришгари ғайритаҳассусии бит қодир ба рақобат бо ин гузориш нест». (6)

«**Арик Нолдер** гузоришгаре, ки маҷмӯаи гузоришҳои зиёде аз зиндагии афродро бармало кардааст, суолоти зеро барои **бархӯрди бехтар бо як гузориши бит** матраҳ мекунад:

- Чӣ қасоне нақши асли доранд?
- Чӣ қасоне масъулият доранд?
- Чӣ қасоне қонунгузори мекунад?
- Қавонин чӣ ҳастанд?
- Корҳо чӣ гуна анҷом мегиранд?
- Иштибоҳот дар кучо сабт мешаванд?
- Масориф дар кучо сабт мешаванд?
- Чӣ қасе аз мочарои воқеӣ бохабар аст ва ман чӣ гуна метавонам ба ӯ даст ёбам?

Ба манзури дастбӣ ба ҷавоби суолоти боло гузоришгар бояд мутолиоти бисёре анҷом дода ва мушоҳидаи амиқе аз минтақаи марбута дошта бошад. Аммо муҳимтар аз ҳама ин аст, ки гузоришгар роҳ бияфтад ва ба ҳама ҷо саркашӣ кунад» (3).

Гузоришгарони бит набояд танҳо ба телефон иктифо кунанд, балки бояд дар минтақаи гузидашуда рафту омад карда ва бо мардуми маҳаллӣ сӯҳбат намоянд.

Мойк Мотер гузоришгар ва муҳаққиқи корқушта дар шабакаи телевизионии Даблю ТиКиОр дар Нурфулки Верчиниё дар ин иртибот мегӯяд: «Ҳеҷ қас танҳо бо нишастан дар ғӯшае аз утоқи хабарӣ муваффақ ба таҳияи гузориш намешавад.» Саъй дар шинохти афроде дошта бошед, ки ба гунае бароятон муфид аст, афроди давлатӣ ва ё кормандони сода. Корти визити худро ба қасоне, ки дар минтақа мулоқот мекунад, бидиҳед.» (5)

Як гузоришгари муваффақ бояд бозтоби амалқарди афроди калидӣ дар минтақаи мавриди назар – битро бар рӯи мардуми ҷомеа шиносой кунад.

«Гузоришгаре бит ниёзманди созмондеҳии қавӣ ва маҳоратҳои шахсӣ аст. Созмонёфта будан, яъне истифода аз тақвим ба манзури дунбол қардани ҷаласот, додгоҳҳо ва натиҷаёбии гузоришот. Як гузоришгари бит ниёз ба як системи қобили итминон ва қобили ҳамл барои захира ва бозёбии иттилоотӣ, монанди шумораи телефонҳо ва адресҳои эмейл дорад. Ба ин тартиб, иттилооти марбут ба гузоришхосе барои оянда ҷузъи иттилооти рӯзмарраи гузоришгар хоҳад буд.

Бисёре аз гузоришгарон ин иттилоотро дар компютери худ захира кардаанд. Аммо онон ба ин иттилоот хорич аз дафтари кори худ низ ниёз доранд. Ба ҳамин далел, гуруҳе аз онон саҳифаҳои ҷопӣ аз ин фойлҳоро бо худ ҳамроҳ мебаранд. Гуруҳе низ аз лаптоб истифода карда ва ҷамъе низ аз василаи ҷадиди кучаки шахсӣ, ки имкони дастрасӣ ба интернетро ҳам дорад (ПДЕ), истифода мекунад. Албатта, бо таваҷҷӯҳ ба адами эътимод ба текнуложӣ гирифтани нусхаҳои изофӣ аз иттилоот дар фосилаҳои мухталиф зарурӣ аст». (3)

«Пушиш додани як гузориши бит ба ин маънӣ аст, ки мардуми маҳаллиро тавре бишносед, ки онон ба шумо эътимод карда, вале саъе дар ҳифзи робитаи ҳирфаии худ низ дошта бошед. Исконлон мегӯяд: Мушкитгарин кори як гузоришгари бит ҳифзи иртиботи худ бо афроди калидии минтақа алорағми адами мувофиқати онон бо гузориши ӯст». (5)

АДАБИЁТ

1. Доктор Юнуси Шакархоҳ, нависандаи китоби «Воҷаномаи рӯзноманигорӣ».
2. Арик Нолдер, нависандаи китоби «Гузориши бит» Г ҷакидаи бахши дуввуми китоб.
3. Бар асоси иттилооти веблоги «www.newslab.org маркази ғайриинтиқодии омӯзиш ва таҳқиқи рӯзноманигорӣ дар Вашингтони Амрико».
4. an International Information Programs (IIP) publication, “Handbook of Independent Journalism”, scheduled for release in mid.2006.
5. “Beat” Reporters by Deborah Potter “journalism specialized” June 05, 2006.

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ РЕПОРТЕРЫ

Знающие дело репортеры, осуществляют передачу информации синхронно с ее переводом и интерпретацией. По мнению специалистов, репортер-профессионал при подготовке материала опирается на свои собственные взгляды и имеет индивидуальный

подход к делу. Большинство информационных центров в выборе репортеров исходят из учета географического расположения региона или тематической специфики материала. Подобный подход в индустрии массовой информации известен как «региональный».

Одним из ключевых обязанностей регионального репортера считается полное владение выбранной темой. Репортер должен осуществлять обзор важнейшей информации дня, предоставляемой прессой и веблогами, вникая при этом в более подробные детали.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: профессиональные репортеры, передача информации, репортер-профессионал, тематическая специфика материала, информационные центры, региональный репортер.

REPORTERS EXPERTISE

Good reporters, are translation and interpretation news for his readers. Experts believe that Reporters specialty, point their views in their work. Many of the news centers, reporters to attention with the geographical and news subjects or selects this kind of choosing a reporter in industry, service was nominated "domain". One of the most basic responsibilities of a reporter has been dominated on the subject selected. They are bound to events daily, like all kinds of meetings, reports and printed information. The usual reporters after a connection with the main sources for sake lie in the news. The main sources, them apprise about the things that is behind the scenes and ... In this method reporters would be able to report the variety of news films of biography to people...

KEY WORDS: professional reporters, information transfer, the reporter-professional, thematic specificity of a material, information centre's, the regional reporter.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: **Марям Олидон** – аспирант кафедры телевидения и радиовещания факультета журналистики Таджикского национального университета.

НАҚШИ МАТБУОТ ДАР ХУДОГОҶИИ МИЛЛӢ

Мирзоалӣ Чӯраев
Донишгоҳи миллии Тоҷикистон

Назар андӯхтан ба умқи воқеоти на садсолаҳои дур, балки таърихи қариб як қарни пеши халқи тоҷик, билхоса солҳои 20-уми асри ХХ моро ба андешаи мулоҳиза водор менамояд. Зеро, аз як тараф, он давоми мантиқии ҳамон ҳодисаҳоест, ки ҳазор сол ба тарзи гуногун ҷараён дошт. Аз ҷониби дигар, ибтидои асри бист дар таърихи минбаъдаи тоҷикон таҳаввулоте ба амал овард: «Аввали қарни ХХ замони бедории сиёсии Осиёи Марказӣ, пеш аз ҳама, мардуми тоҷик- босаводтарин миллати кишвар, замони суроғи ҳақиқат, адолат ва ростӣ, замони талоши истиклолият аст. Аввали қарни ХХ давраи худшиносии миллӣ, мазабӣ ва дунявӣ мардуми Осиёи Марказӣ, махсусан тоҷикон- соҳибони тамаддуни Самарқанд, Бухоро ва Фарғона аст» [1.260].

Даҳсолаҳои аввали қарни бистум ба тақдирӣ миллати тоҷик дигаргуниҳои ҷиддиеро ворид намуд. Ҳарчанд баъди Инқилоби Октябр як қисм тоҷикон ва баъди Инқилоби Бухоро, қисми боқимондаи тоҷикон аз асорати давраи подшоҳии амири озод гардидаанд, вале мутаассифона, он озодии нисбие буд, ки онон аз тахти юғу истисмори бою амалдорон раҳо ёфта, тахти фишору таъқибӣ туркгароён қарор гирифтанд. Дар он солҳо мавҷудияти миллати хеле сернуфуси минтақа ва дорои таърихи чандинҳазорсола қотеона инкор карда мешуд.

Мутаассифона, дар масъалаи ташкил ва ривочи матбуоти миллӣ тоҷикони дорои илму фарҳанги беш аз ҳазорсола чандон муваффақ нагардидаанд. Матбуоте, ки бо забони тоҷикӣ муддате нашр мегардиданд, ба мисли «Бухорои Шариф», «Шуълаи инқилоб» бо баҳонаи сабабҳои баста шуданд. Алалхусус, маҷаллаи «Шуълаи инқилоб», ки баъди инқилоби октябрӣ ба нашр оғоз намуд, метавонист дар роҳи сарчамъ шудани форсзабонии Осиёи Миёна, худогоҳии ҳештаншиносии онон нақши ҳалқунанда бозад. Зеро он ягона нашрияе буд, ки баъди инқилоб ба забони аксарияти аҳолии минтақа мебаромад. Туркгароён ин хавфро хис намуда, аллакай баъди нашри шумораи аввал барои бастани забони мардуми аслии дар тақопу шуданд ва «инҳо барои буридани забони як ҷамоаи Туркистон, ки тақрибан ду миллион нуфус дорад, шамшерҳои худро тез карданд. Ин ҷавобан ба баҳонаи ин ки забони расмӣ Туркистон туркист, розӣ нашуданд, ки дар ҳамаи Туркистон ақаллан як ҷаридаи форсӣ вучуд дошта бошад» [2].

Ва ибтидои солҳои бистум, ки масъалаи тақсимоти марзи миллӣ ба миён гузошта шуд, мутаассифона, халқи муқимии минтақа ва сернуфустарини он «безабон» буд. Дар ҳоле ки «дар солҳои 1917-1923 дар ҷумҳуриҳои Туркистону Бухоро бештар аз 60 номгӯй рӯнома ва 25 номгӯй маҷалла нашр гардидаанд» [3.6]. Ё худ дар соли 1918 танҳо ба забони ўзбекӣ 11 ҷарида интишор мегардид [4.295].

Чаро пас аз Инқилоби Октябр халқи бумӣ, босаводтарин халқе, ки дигаронро илму маърифат меомӯхт, ҳамушу хайрону сарсон монд? Муҳаққиқони соҳаи журналистикаи тоҷик дар ин масъалаи печида чандин омилхоро, аз қабилӣ ягона халқи ғайритурк будан дар байни муслмонони империяи рус; дар тӯли сесад-чорсад соли охир пурра дар иқтидор будани ҳуққоми туркнаҷод ва ба охистагӣ олула шудани гуфтори тоҷикӣ ба туркӣ дар муҳити расмӣи Хуқанд, Самарқанд ва Бухоро; истифода шудани теъдоди касири тарҷумонҳои тотор дар идораҳои давлатдории Туркистон; тавассути матбуоти туркзабон наздик шудани Осиёи Миёна ба таълим ва тарбияи давр; таҳсили илм кардани ҷавонони бедоршуда дар донишқада ва ҳунаристонҳои Туркия ва ғайраро номбар кардаанд [5.45].

Ва ба андешаи мо, яке аз сабабҳои дигари «дур мондан аз асли хеш» маҳз ҳамин безабонӣ, надоштани матбуот бо забони тоҷикӣ дар ибтидои он солҳои пурушӯби бистум мебошад.

Ҳарчанд нашри рӯнома таҳти унвони «Овози тоҷики камбағал» вақте шуруъ гардид, ки раванди тақсимои худуди миллӣ дар марҳилаи анҷомёбӣ қарор дошт, бо вучуди он, бо матолиби хеле бочуръатона ва баррасии амиқи масъала тавонист бисёр муаммоҳоро ифшо кунад, аз мушкилоти мактабу маориф, китобҳои дарсӣ, поймол гардидани манфиатҳои мардуми тоҷик суҳан ба миён биёварад ва роҳбарони вақти марказро аз мушкилоти моддиву маънавии тоҷикон огоҳ созад, ки на ҳамеша гуши суҳаншунаве пайдо мешуд. Матбуоти навтаъсиси тоҷик, бавижа, рӯномаи «Овози тоҷик» аз ҷумҳурии мухтор ба ҷумҳурии мустақил мубаддал гардидани Тоҷикистон саҳми худро гузошт.

Рӯнома, дар шароити солҳои бистум, ба замии душвориҳои нашр боз ба монеаҳои сунъие дар ҷодаи паҳн гардидан мувҷеҳ гардид, ки ин маънӣ дар гузоришномаи яке аз фидоӣҳои роҳи ҳақиқату адолат Шириншоҳ Шохтемур ба шӯъбаи ташвиқу тарғиби КМ ҲКР(б) зикр гардидааст: «Моҳи сентябри ҳамин сол (1924-М.Ҷ.) дар шаҳри Самарқанд нашри рӯномаи «Овози тоҷик» оғоз ёфт, вале паҳншавии он ба таври ғайрирасмӣ манъ мешавад» [6.20].

Оғози интишори рӯномаро мардуми тоҷик бо хушнудии беҳадду каноре истиқбол намуданд. Онҳо дарк карданд, ки рӯнома на танҳо забони миллат, додраси мазлумон, балки сабаби бедорӣ, ҳудогоҳии халқ ҳам мебошад. Ва ин маъниро мо дар шумораҳои аввали рӯнома дучор меоем. «Муддате буд, ки мо форсзабонон, ки ба сабаби ошно набудан ба забони туркӣ ва русӣ, аз хондани рӯнома маҳрум будем, орзу мекардем, ки, эй кош, дар ин шаҳри бузург, ки маъдани улум ва маркази дониш буда, маорифхоҳон чаридае ба забони тоҷикӣ (форсӣ) нашр кунанд, ки тоҷикон ҳам аз хондани чароид маҳрум набоянд. Хушбахтона, чанде нагузашта, ба зиёрати чаридаи «Овози тоҷик» ноил шудем...

Рӯнома забони миллат аст. Чарида оинаи ҷаҳоннамост. Рӯнома муниси бекасон ва додраси мазлумон аст. Чарида мояи хушёрӣ ва боиси бедории халқ аст» [7].

Маҳз бо дарки ин ҳақиқат тоҷикон рӯномаи миллии хешро гиромӣ доштанд, аз шумораҳои аввал он даст ба даст гашт. Ҳол он ки қабл аз нашри рӯнома душманони миллати тоҷик ин иқдомро амали беҳуда шуморида, бо ҳар роҳу восита монеи интишору паҳн карданиаш мешуданд. «Ҳар миллат забони модарии худро чи қадар дӯст дорад, миллати тоҷик ҳам, ҳамон қадар забони модариашро дӯст медорад. Мо ин матлабро баъд аз баромадани қисми якуми рӯномаи «Овози тоҷик» мушоҳида кардем. Даст ба даст гардидани ин рӯномаро ҳатто дар Тошканд ва Фарғона, ки тоҷикон ақаллиятро ташкил медиханд, дидем. Бо таҷриба дидем, ки тоҷикон бар матбуоташон чи қадар муҳаббатдоранд, вақте ки ба расми кушоди роҳи оҳани Андичону Намангон рафта будем, дидем, ки яке аз ходимони масъули тоҷик ин рӯномаро ҳафт маротиба гашта-гашта хонд. Ҳол он ки вақте ки фикри нашри рӯномаи тоҷикӣ ба миён омад, аз ҳар тараф чунин садоҳо шунида шуд, ки рӯномаи тоҷикиро ҳатто худӣ тоҷикон ҳам нахоҳанд хонд» [8].

Дар нимаи дуоми соли 1924 маҳз ин ду омил- тақсимои худуди миллӣ ва нашри рӯнома ба забони тоҷикӣ боиси бедорию ҳудогоҳии як қисми тоҷикон гардид. Зеро қисми дигари тоҷикон ҳанӯз ҳам аз ҳоби ғафлат бедор нашуда буданд. Он афроди ватанхоҳу миллатдӯсте, ки дар ҷабҳаи тақсимои худуди миллӣ баҳри якпорчагии сарзамини аҷдодӣ талошҳо мекарданд, ҳамзамон баҳри интишори рӯномаи миллӣ ва ин тариқ бедории шуури миллат кӯшишҳо ба ҳарҷ медоданд. Медонистанд, то худӣ тоҷикон ҳаққуӣ накунанд, ба онҳо касе ҳақ нахоҳад дод. «Суҳан дар бораи чарида буд, ки барои интишори ин чарида сабаб кӣ шуд. Бо овози баланд мегӯем, ки аввал сабабшудагон рафиқони муҳтарам Нисор Муҳаммад, Абдулрахим Ҳочибойзода, ки ҳоло ҳам ба садади ёрмандианд, рафиқ Имомзода, ки барои пешрафти умуми корҳо сабаб шуда ва низ Ҳочӣ Раҳматулло, Додобойзода ва Муҳиддинзодагон буданд...

Албатта, як ё ду чарида ба тамоми Осиёи Миёна ба забони тоҷикӣ хеле кам аст. Вале аз адолат ва роҳбарии фирқаи иштирокион умедворем, ки то соли 26 чанд чарида ва маҷалла ба забони тоҷикӣ интишор шавад, то ки халқи тоҷик баҳравар гарданд» [9].

Хамин тавр ҳам шуд. Чаридаи дуввум баъди тақсимои худуди миллӣ барои тоҷикон дар рӯзҳои ҷашни эълони мухторият ба нашр оғоз намуд, ки дар ин хусус «Овози тоҷик» бо хушнудӣ хабар дода буд: «Ба муносибати эълони Ҷумҳурияти Мухтори Тоҷикистон 15 март дар шаҳри Душанбе, ки маркази Тоҷикистон аст, як рӯзномаи тоза ба забони тоҷикӣ ба номи «Иди тоҷик» нашр шудааст...

Мо ба хосияти тақсимои худуди миллӣ дар Осиёи Вусто мебинем, тараққиёти миллати пасмондаи тоҷикро, ки бо ин муносибат тоҷикони Осиёи Вусто дорои ду чарида шудаанд...

Бино ба қарори қумитаи инқилобии Тоҷикистон бояд, ки ин ду чаридаи тоҷик давомот кунад. Барои тоҷиконе, ки дар худуди Ўзбекистон мондаанд «Овози тоҷик» ва барои Тоҷикистон ин чаридаи нав» [10].

Дере нагузашта, тоҷикони Осиёи Миёна ба интишори рӯзномаи саввум бо забони тоҷикӣ шарафёб шуданд. Ҳарчанд ин рӯзнома ба хатти яҳудӣ нашр гардид, аммо вай ҳам боз як нишони худогоҳии тоҷикони минтақа буд. «Миллати тоҷик чой дорад ифтихор кунад, ки имрӯз бо нашри ин рӯзномаи «Рӯшноӣ» дорои се рӯзнома гардидааст. Албатта, тоҷиконро пас аз баланд кардани «овози» худ ва «бедор» кардани хуфтагон, барои фарқ додани роҳро аз ҷох «Рӯшноӣ» ҳам лозим буд, ки имрӯз, хушбахтона, миллати тоҷик ба он ҳам ноил шуд. Имрӯз аз баракати вучуди ҳукумати шӯроӣ дар миёни мо тафрикаи эронӣ, афғонӣ, ҳиндӣ, туронӣ ва яҳудӣ набуда, балки фақат миллати бузурги форс ва тоҷик мавҷуд аст, ки ҳамагӣ ба забони ягона сухан мегӯянд» [11].

Он тарсу ҳароси туркгароён вобаста ба пайдоиши рӯзнома ба забони тоҷикӣ асоси воқеӣ дошт. Зеро дар солҳои бистум ягона воситаи иттилоот матбуот буд ва маҳз он метавонист ҳалқи дар ғафлатмондари бедору хушёр намояд. «То зуҳури ин чарида тоҷикони Осиёи Миёна, ки пас аз Ўзбекистон бузургтарин ва пурнуфустарин миллатро ташкил медиҳанд, аз неъматҳои маориф ва матбуоти миллӣ тамоман маҳрум ва забону адабиётшон дар зери пардаи мастур буд. Миллат ба ин бузургӣ, на ин ки рӯзномае надошт, балки ба забони худ дорои мактабе ҳам набуд...

Дар сояи ташвиқоти ин рӯзнома тоҷикони Ўзбекистон, ки қорҳои таълиму тарбияро ба забони ўзбекӣ қорӣ медоштанд, якбора ба сӯи забони модарӣ майл намуда, забони дарсии мактабхояшонро тоҷикӣ қарор доданд» [12].

Устод Садриддин Айни дар ҷашни дусолагии рӯзномаи «Овози тоҷик» он нуқтаро бахусус таъкид менамояд, ки ҳарчанд пеш аз инқилоб ба забони тоҷикӣ каму беш аҳамият дода мешуд, вале баъди инқилоб ба тоҷикону забони тоҷикӣ касе аҳамият надод. Танҳо дар арафаи тақсимои худуди миллӣ боз аз тоҷикон ёдрас шуданд. «Дар Осиёи Миёна, хусусан дар хоки Бухоро ва Туркистон ба будани як қавми бузурге ба ном «тоҷик» бояд касе инкор надошта бошад.

Соҳиби маданияти кӯҳна ва адабиёти куҳансол будани ин қавм низ ҷои инкор нест.

Сабаб ин буд, ки баъд аз пайдо шудани осори тачаллуд ва навӣ дар Бухоро ва Туркистон аввалин рӯзномае, ки аз Бухоро баромад, ба номи «Бухорои шариф»-и тоҷикӣ буд.

Маҷмӯаи «Ойна»-е, ки дар Самарқанд ҷоп мешуд, қисман тоҷикӣ буд, китобҳои мактабие, ки барои мактабҳои Бухоро ва Самарқанд (пеш аз Инқилоби Уктобр) тартиб ёфта буд, тоҷикӣ буд ва китобҳои мутолиае, ки аз тарафи ҷавонбухориён нашр шуда буд, низ тоҷикӣ буд.

Фақат баъд аз Инқилоби Уктобр ба қавми тоҷик ва адабиёти ӯ ҳеҷ кас аҳамият надод. Ғайр аз маҷаллаи «Шӯълаи инқилоб» асари намоёне ба майдон наёмад. Ин ҳол то таъйину тақсимои худудҳои миллӣ дар Осиёи Миёна давом кард.

Дар арафаи тақсимои худудҳои рӯзномаи «Овози тоҷик», ки мо имрӯз ҷашни дусолашро мегузаронем, ба майдон баромад, ба ҳамаи камбудҳои моддӣ ва маънавий дар сари пур шудани ду сол, ба баровардани шумораи садумаш комёб шуд, ки шоёни муборакбодист...» [13].

Як сабаби дигари ба теъдоди кам интишор гардидани рӯзнома ба гуфтору кирдорҳои бадҳоҳонаи бузургманишони ўзбек марбут буд. Онҳо бо ҳар роҳ ба паҳншавии он монё мешуданд, ҳатто нисбат ба шахсоне, ки бо рӯзнома ҳамкорӣ мекарданд, зӯровариро раво медиданд. «Аҷибтар аз ҳама ин аст, ки дар ҳамин рӯзҳои охир аз як идораи Хучанд як нафар аъзои иттифоқи ҷавонони ленинчиёнро «ту ба чаридаи «Овози тоҷик» хабар навиштаӣ, ба Тоҷикистон рафта хидмат кун»-гӯён аз хидмат баровардаанд» [14].

Дар арафаи тақсимои худуди миллӣ мардуми тоҷик бедор шуда, ба талаби ҳаққи ҳуқуқи хеш шуруъ намуда буд, вале ҳанӯз худогоҳию худшиносии аксарияти тоҷикон дар сатҳи паст қарор дошт, ки садди пешрафту сарҷамъии онҳо мегардид. «Барои тараққи худшиносӣ лозим аст»- сарлавҳаи мақолаест, ки худ баёнгари маънии волост: «Инак бояд донист, ки чӣ чиз сабаби тараққи кардани қори маорифамон мешавад?

Бо ин ҷавоб медиҳем, ки сабаби тараққи маориф ба шинохтани худ ва забони худ вобаста аст. Боз саволи дигаре дар пеши назарамон ҷилвагар аст, ки оё мо худ ва забони худро шинохтем ё не? Ин ошкор аст, ки нашинохтаем. Барои мисол Хучандро бигирем. Аксар аҳолии Хучанд ҳанӯз худ ва забони худро нашинохтаанд ва намедонанд, ки аз қадом миллат ва забони модариашон қадом аст.

Баъзе аз онҳо, ки худро ўзбек таълим дода, бо забони тоҷикӣ тақаллум менамоянд, агар ин сон пурсед, ки шумо чаро худро ўзбек таълим медихед? Ҷавоб медиханд, «ки мо дар ҳудуди Ўзбекистон воқеам, барои ҳамин худро ҳам ўзбек меномам». Дар Хучанд баъзе бародарон ҳастанд, ки аз як падару модар ба вучуд омадаанд ва яке худро ўзбек ва дигаре тоҷик меномад. Аҷабо, ин чӣ ҳолат аст, мастӣ аст ё хушёрӣ, хобест ва ё бедорӣ? Оё мо миллатро тобеи рои худ доштаем, ки мехоҳем худро тоҷик мепиндорем, мехоҳем ўзбек мешуморем? Ин мумкин нест, вале ҳоло ин тавр шудааст» [15].

Ин гуна гузориши масъала ва баррасии воқеият рӯҳияи худшиносиву ҳудогоҳии мардумро бештар мекард. Зеро, матолибе, ки дар саҳифаҳои рӯзнома ба нашр расида, на танҳо бозгӯи ҳолати воқеии тоҷикон, балки кирдорҳои ғаразнокӣ миллатгароёнро ифшо намуда, дар ҳудогоҳии миллат нақши мусбате бозиданд. Дар мақолаи зер як далели ҳайратовару хузангезе ба ҷашм мерасад. Миллати тоҷик, ки дар давраи тақсмоти ҳудуди миллии ба таври расмӣ дар қаламрави Ўзбекистон бештар аз ним миллион нафар эътироф мегардид, баъди ҳамагӣ чанд сола дар натиҷаи рӯйхатпирҳои сохтакорона ба ҷои афзудан баръақс теъдодашон кам гардида, ба сесад ҳазор расид. Ва муаллиф дар ҳақиқат бонги изтироб мезанад, ки агар чунин рӯйхатпирҳои бори дигар гузаронида шаванд, эҳтимол дорад дигар дар Ўзбекистон тоҷикон намонанд.

«Мо гуфта будем, ки дар ҳал қардани масъалаи миллатҳои майда аз тарафи коргарони ҷудогона мамониат мешавад ва ташкилотҳои оммавӣ нағз аҳамият намедиханд. Ин даъво, албатта, ҳақиқат аст. Барои мисол, воқеаҳои, ки дар маркази Ўзбекистон- Самарқанд шудааст, гуфта мегузарем: «Яке аз роҳбарони маориф мегӯяд, ки «мо бояд дар пеши худ вазифаро монем, ки дар Самарқанд 18 мактаби тоҷикӣ, ки будааст, то чанд моҳ нисфи онро пӯшем. Ва дар байни муаллимҳои тоҷик ташвиқот карда, то охири сол ҳамаашро пӯшем. Чунки дар маркази Ўзбекистон давом қардани мактабҳои тоҷикӣ хуб нест» (фаросатро бинед!). . .

Мисоли дигар: Ба наздикӣ рафиқ Рубенштейн аз тарафи Бюрои Осиеи Миёна ба Бухоро омада, кори миллатҳои майдари тафтиш карда, баъд аз он маҷлиси аъзоёни фирқаро ҷеғ зада, маъруза мекунад. Да он ҷо котиби округ Р.Абушаҳмедов мегӯяд, ки «ман ба ҳамаи мактабҳои ибтидоии шаҳр рафтаам ва дидам, ки дар онҳо фарзандони тоҷик аксариятро ташкил медиханд ва забони ўзбекиро ҳам намедонанд. Муаллимҳо дарсро ба забони тоҷикӣ тарҷума мекунанд. Албатта, бисёр душвор аст»...

Мо масъаларо қатъӣ менамоем. Аз идораҳои фирқавӣ боло мепурсем, ки модоме, ки дар дохили Ўзбекистон тақрибан як миллион тоҷик бошанд (дар Самарқанд, Бухоро, Хучанд, Фарғона ва ғайра) (як миллион сифр ба ҳақиқат наздик мебошад. Рафиқ Сибирски дар рақами 34 «Провдо Восток» 351 625 нафар мегӯяд. Ин дуруст нест. Чунки ба мо натиҷаи тафтишоти миллии Туркистон, ки аз тарафи шарқшинос Бортулд тайёр шудааст, маълум аст. Хусусан ба ҳеҷ кас махфӣ нест, ки баъд аз ташкил шудани ҷумҳурияи Ўзбекистон дар ҳамаи вилоятҳо шумораи тоҷикҳо кам шуда истодааст. Агар идораи марказӣ ҳисобот боз як бор гузаронад, эҳтимол дорад, ки дар Ўзбекистон тоҷик намонад), бояд ки таъминоти маданӣ, иқтисодӣ ва идоравӣ ин як миллион халқ таъмин карда шавад. Яъне, мактабҳои тоҷикони Самарқанд, Бухоро, роҳҳои тоҷики Фарғона, Зарафшон, Қашқадарё, Сурхондарё, Тошқанд ва ғайра ҳақиқатан ба забони тоҷикӣ гардонда шавад. Барои онҳо мактабҳои дараҷаи дуввум, миёна кушода шавад. Идораҳои суд, корҳои идорагии фирқавӣ ва шӯроӣ ба забони тоҷикӣ бурда шавад» [16].

Бо тақия аз ин матолибе, ки каму беш мавриди баррасӣ қарор гирифт ва маводи сершумори дигари рӯзномаи «Овози тоҷик» дар солҳои бистум бо итминон метавон гуфт, ки ҳамаи онҳо дар ҳудогоҳию ҳештаншиносии тоҷикон нақши азиме бозиданд. Дар дастовардҳои, ки тоҷикон дар ҷанбаи истиқлоли миллии ва ваҳдати сарзамин дар интиҳои солҳои 20-ум ноил гардидаанд, саҳми матбуот бузург аст.

АДАБИЁТ

1. Усмонов И.К. Журналистика. қ. 1. -Душанбе, 2005. -480 саҳ.
2. Ализода С. Як сӯйқасди ғаразкорона ба маҷаллаи мо// Шӯълаи инқилоб. -1919. -5 сентябр.
3. Азимов А. Воқеияти зиндагӣ ва матбуоти тоҷик. -Душанбе, «Сино», 2000.
4. История Узбекской ССР. -Ташкент: «Фан», 1974.
5. Усмонов И. Давронов Д. Таърихи матбуоти тоҷик. -Душанбе: «Маориф», 1999.
6. Дарси ҳештаншиносии. -Душанбе: «Ирфон», 1989. -272 саҳ.
7. Кошони А. Мужда ва табрик// «Овози тоҷик». -1924. -12 сентябр.
8. Исмоилов. Боз дар атрофи масъалаи тоҷикӣ// «Овози тоҷик». -1924. -28 сентябр; -5 октябр.
9. Д.Н. Интиқол ва таракқӣ// «Овози тоҷик». -1925. -8 июн.
10. Иди тоҷик// «Овози тоҷик». -1925. -30 март.
11. Рустой. Рӯзномаи тоҷикӣ бо хатӣ яҳудӣ// «Овози тоҷик». -1925. -10 декабр.
12. Яке аз муаллимони тоҷик. Ҷашни солони рӯзномаи «Овози тоҷик»// «Овози тоҷик». -1925. -25 август.

13. Айни С. Матбуоти тоҷик // «Овози тоҷик». -1926. -6 сентябр.
14. М.Х. Дар атрофи сармақолаи шумораи 86 // «Овози тоҷик». -1926. -5 август.
15. М.Н. Барои тараққи худшиносӣ лозим аст // «Овози тоҷик». -1926. -17 июн.
16. Мӯъмин Хӯча. Мухорибаи қатъӣ ба миллатчиғӣ. -1929 // «Овози тоҷик». -8 март.

РОЛЬ ПЕЧАТИ В НАЦИОНАЛЬНОМ САМОПОЗНАНИИ

Суть данной статьи заключается в том, что в процессе национального самопознания печать играет важную роль. В 20-е годы прошлого века газета «Овози тоҷик» выступала со злободневными материалами и глубоко обсуждала различные проблемы, которые помогали решать многие вопросы. В опубликованных материалах были затронуты такие важные вопросы, как проблемы образования и нехватка школ, учебных пособий, дискриминация прав и свобод таджикского народа, а также газета осведомляла руководителей разного уровня о материальных и духовных проблемах коренного населения.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: печать, роль печати, газета, процесс национального самопознания, проблемы образования, материальные и духовные проблемы.

PRESS ROLE IN NATIONAL SELF-KNOWLEDGE

The essence of given article consists that the press plays the important role in the process of national self-knowledge. In 20th years of the last century the newspaper «Ovozi Tojik» acted with topical materials and deeply discussed various problems which helped to solve many questions. In the published articles report covers such crucial issue as problems of education and shortage of schools, teaching aids, discrimination law and freedoms of the people of Tajikistan, and also the newspaper informed to heads of split-level on material and spiritual problems of indigenous population. Newspaper articles have enriched national self-knowledge of people by examining of the important issues and discussion real life. As many published articles reflected real position of Tajik and exposed mercenary intentions of nationalists, they played a positive role in national self-knowledge of Tajik.

KEY WORDS: the press, a press role, the newspaper, process of national self-knowledge, a formation problem, material and spiritual problems.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: М. Джурасев - соискатель кафедры печати факультета журналистики Таджикского национального университета. Телефон: 918-70-17-64

МАВҶЕИ РАДИОИ ТОҶИК ДАР РАВАНДИ ИСТИҚЛОЛИЯТ

Б. Мирзоев

Донишгоҳи миллии Тоҷикистон

Тоҷикистон бо роҳи тараққиёти муназзам ва устувори иқтисодӣ пеш рафта истодааст. Истиқлолияти миллии заминаи воқеии воридшавии ҷомеаи мо ба олами технологияи иттилоотӣ ва инкишофи самтҳои нави илм, таҳаввулоту ҷиддии техникии дар тамоми ҷабҳаҳои соҳавӣ мегардад. Дар ин ҷода журналистикаи ватанӣ ва умуман васоити ахбори умум мавҷеи хоса гирифтааст.

Иттилоот ва паҳши он тавассути шаклҳои коммуникатсионӣ-матбуот, радио, телевизион, интернет амалӣ мешавад, ки ин васило дар якҷоягӣ васоити ахбори умум меноманд. Ба қавли муҳаққиқони тоҷик Саъдуллоев А. ва Шоев М. “коммуникатсия тамоми паҳлуҳои ҳаёти инсонро фаро мегирад. Вай ҷомеаро ба ахбор табдил дода, онро ташхис менамояд. Вай ба ҳар субъекти муҳити макро ва микросотсиологӣ имкон медиҳад, ки ҳар гуна маълумот ва дониши барои фаъолият, татбиқи эҷоди шахсӣ ва иҷтимоӣ зарурро гирад. Мавҷудияти мақсадхоро бо базаи зарурии технологияи муосир пайваст намояд. Тамоми раванди истеҳсоли ва идора таври очил автоматӣ ва роботӣ қарда шаванд. Дар микромуҳити иҷтимоӣ барои фаъолият ва хидмати иттилоотӣ шароиту тағйироти бемисл шомил намояд”. (1)

Чӣ бояд қард, ки имрӯз шунаванда воқеан барои гирифтани маълумот ва иттилоот хавасманд бошад? Чӣ тавр аз маҳорату малака ва қобилияти журналисти радио истифода бурд ва барои ниғаҳдошти пайвастии шунаванда ба ин ё он барномаи тавачҷӯхдошта шароити мусоид фароҳам овард? Чӣ бояд қард то журналист ба мақсаде, ки дар раванди паҳши барнома гузоштааст, ноил шавад ва аз он қаноатманд гардад?

Дарёфти ҷиҳатҳои арзандаи системаи коммуникатсионӣ ва технологияи навини алоқа, дониш ва истифода бурдани шаклу усулҳои фаъоли барномаофарӣ, ҷорӣ намудани принсипи лоиҳасозӣ дар раванди омодаسازی барномаҳои радиои, тархрезии модулҳои фардии ҳамкорӣ бо шунаванда, истифодабарии усули инфиродӣ дар таҳияи барномаҳо, ворид намудани хассосияти равонӣ дар раванди омодаسازی иттилоот ва паҳши он аз ҷустуҷӯҳои радиои имрӯз ба шумор мераванд ва бевосита ба рушду такомули ҷаҳонибинии шахсият ниғаронида шудаанд. Радиои муосир рӯ овардан ба фардияти шунавандаро тақозо мекунад.

Имрӯз дар радиои ҷумҳурӣ чор шабакаи давлатӣ – “Садои Душанбе”, “Радиои Тоҷикистон”, “Овози тоҷик”, “Радиои фарҳанг” дар мавҷи ФМ ва АМ фаъолият менамоянд. Ба ғайр аз радиои

ҷумхуриявӣ инчунин радиостансияҳои вилоятӣ, шаҳрии ноҳиявӣ барномаҳои худро паҳш менамоянд. Масалан, барномаҳои радиои шаҳрҳои Хучанд ва Кӯлоб муддати 1-2 соат ҳамарӯза дар радиои ҷумхуриявӣ садо медиҳанд. Дар баробари ин, радиостансияҳои мавҷи кӯтоҳ-“Имрӯз”, “Ориёно”, “Азия плус”, “Ватан”, “Азия ФМ”, “Тироз” бо барномаҳои ҷолиби худ муҳлисони зиёди шунавандаро ба худ ҷалб намудаанд.

Радио дар тақвияти иқтисодиёт, сиёсат ва инкишофи давлат нақши хело бузург дорад. Тарғиби дарки зарурати таъмини истиқлолияти энергетикӣ, аз бунбасти коммуникатсионӣ баровардани кишвар, баланд бардоштани сатҳи сифати зиндагии мардум, ташкил кардани корхонаҳои истехсолӣ, афзоиш додани ҳаҷми истехсоли маҳсулоти дохилӣ ва амсоли он тавассути гузоришҳои алоҳидаи радиои маъмул шудаанд. Чунончи, дар радиои Тоҷикистон бо унвони “Роҳ ба сӯи нур”, (рӯзҳои чоршанбе), “Маъвои Роғун” (рӯзҳои сешанбе) оид ба нақши нерӯгоҳи барқии Роғун, баланд бардоштани мавқеи шаҳрвандии ҷавонон, бедор намудани ҳисси ватандӯстиву ватанпарастӣ ва истиқлолияти кишварро азиз доништан, дар доираи имкониятҳои ҳеш обод намудани ҳар як гӯшаи деҳа ё шаҳру ноҳияи худ ва дар маҷмӯъ дар ободу шукуфо гаштани Тоҷикистони соҳибистиклол мавқеи ғайбӣ доштани ҳар як фарди кишвар барномаҳои махсус паҳш мегарданд. Барномаҳои радиои тавассути истифода бурдан аз воситаҳои гуногуни иттилоотӣ ба афкори шунавандагон таъсири худро мерасонад. Вале дар баробари ин, талабот ба тақмили донишу маҳорати ҳамҷониби касбии кормандони радио меафзояд, зеро аз усули расонидани иттилоот дар бораи инсон, ҷомеа ва ягон рӯйдод метавон тасаввуроти мусбат ё манфиро дар тафаккури инсон ба вуҷуд овард.

Имрӯз коллективҳои эҷодии техникаи радиои тоҷик торафт ба шахсони соҳибистеъдод, эҷодкору соҳибзавқ эҳтиёҷ пайдо мекунанд. Майл ба шахсони соҳибзавқу эҷодкорро талаботи давру замони муосир тақозо мекунанд. Соҳибкасб будани журналист аз хусусияти ғайбӣ дар ин ё он жанр ва васоити техникаи технологияи истифодабарии паҳши барномаҳо вобастагӣ пайдо намудааст.

Эҳтиёҷ ба воситае, ки метавонад иттилоъро зуд ба масофаҳои дуртар равона кунад, доимо мавҷуд буд. Радио маҳз ҳамин функсияро ба зиммаи худ гирифтааст. Саҳми радио дар олами иттилоот бузург буда, дар ҷомеаи инсонӣ ниҳоят нақши хотирмон дорад. Пас аз соҳибистиклол гаштани Ҷумҳурии Тоҷикистон мавқеи радио дар ташаккули ҷаҳонбинию мавқеи шаҳрвандии мардуми кишвар афзун гардид. Зеро васоити электронии ахбор имконияти гуногун ва бехтари ба мардум расонидани ақидаву андеша ва тарғибу ташвиқро ба миён овард.

АДАБИЁТ

1. Саъдуллоев А., Шоев М. Асосҳои журналистикаи телевизион. - Душанбе: Эҷод, - 2005. с. 74.
2. Усмонов И., Давлатов Д. Таърихи журналистикаи тоҷик. Душанбе, 2008
3. Эрик Фихтелиус. Даҳ қондаи журналистика. Душанбе, 2010.

РОЛЬ ТАДЖИКСКОГО РАДИО В ГОДЫ НЕЗАВИСИМОСТИ

В статье рассматривается специфика радио как вид связи и средство массовой информации в годы независимости Таджикиского государства. Раскрываются особенности труда на радио, результативность деятельности радиожурналиста в степени достижения целей, соответствующих потребностям современного общества. Рассматриваются жанровые подходы воздействующие на радиослушателя и формирование их убеждений.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: информационные технологии, независимость, гражданственность, пропаганда, общество, убеждения, коммуникация, радиостанция, специфика, современность.

ROLE OF TAJIK RADIO IN YEARS OF SOVEREIGNTY

In this article were considered the specificity of radio as sort of communication and sort of Mass Media in the years of sovereignty of Tajik commonwealth. The article discover the peculiarities of labor in the radio stations, effectiveness, of radio journalists labor on the way of achievement of aims which meet the requirements of society. The article examines genre approaches for forming the opinion of auditorium.

KEY WORDS: Information technologies, independence, citizenship, popularization, society, credo, communication, radio station, specificity, contemporaneity.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Б. Мирзоев – соискатель кафедры телевидения и радиовещания факультета журналистики Таджикского национального университета.

ЭДУАРД БРАУН ВА МАТБУОТИ АСРИ МАШРУТА ДАР ЭРОН

Ромин Расулоф
Донишгоҳи миллии Тоҷикистон

Нигоҳе ба зиндагӣ ва осори Эдуард Браун. Эдуард Гранвил Браун, эроншиноси машҳури англис, дар 7 феввали 1862 (баробар бо 8 шаъбони 1278) дар Гластершер ба дунё омад. Тахсилоти донишгоҳии худро дар коллеҷи Итан оғоз кард. Падараш сер Бенҷамин Браун корхонаи киштисозӣ дошт ва мехост, ки писараш риштаи муҳандисиро идома диҳад, вале ӯ ба пизишкӣ бештар алоқа дошт ва саранҷом дар 1879 мелодӣ (1297 қамарӣ) дар донишгоҳи Кембриҷ ба таҳсили ин ришта пардохт. Аз он ҷо, ки ахбори ҷанг миёни Туркия ва Русия 1877 мелодӣ (1294 қамарӣ) тавачҷӯҳи ӯро ҷалб карда буд ва ҳақро бо туркҳо меид, далерӣ ва ғайрати онон ӯро таҳти таъсира қарор дода буд, ба таъриху забони мардуми турк алоқаманд шуд ва зимни таҳсили пизишкӣ ба омӯхтани забони туркӣ ва сипас форсӣ ва арабӣ пардохт. Дар тобистони 1882 мелодӣ (1299 қамарӣ) ба Истанбул сафар кард. Ошноии ӯ бо забон ва адабиёти туркӣ таъан вайро ба омӯхтани забони форсӣ ва мутолиаи шеърӯ адаби ин забон завқ дод ва аз он пас дар даврони таҳсил ва пас аз он рӯзгораш бештар ба хондани китобҳои форсӣ, хусусан шеърӯ таърих ва муошират бо эронӣён мегузашт. Дар 1887 мелодӣ (1304 қамарӣ) давраи пизишкӣро ба поён расонд ва ҷарроҳи бемористон шуд, вале ҳаргиз ба он дил набаст. Дар 1888 мелодӣ (1305 қамарӣ) ба қасди саёҳат, мутолиа ва таҳқиқ раҳсипори Эрон шуд ва дар иқомати яқсолаи худ дар Эрон, бо мардум ва одобу ахлоқи эронӣён ошно шуд ва забони форсиро ба хубӣ фаро гирифт. Китоби «Як сол дар миёни эронӣён» ҳосили ин сафар ва баёни дидгоҳҳо ва омӯхтаҳои ӯ дар ин даврон аст.

Браун пас аз бозгашт дар Донишгоҳи Кембриҷ ба тадриси забон ва таъриху адаби форсӣ ва таҳқиқ дар ҷараёнҳои фикрӣ ва нахзатҳои иҷтимоии Эрон машғул шуд ва ин роҳе буд, ки то поёни умр дар он боқӣ монд. Дар 1902 мелодӣ (1320 қамарӣ) пас аз даргузашти эроншиноси маъруф Чарлз Рев раёсати мадрасаи Забонҳои шарқӣ ба ӯ бозгузошта шуд.

Осори Браун дар мавзӯот ва масоили сиёсӣ ва иҷтимоии Эрон дорои аҳамияти таърихии бисёр аст ва аз асноду манобеи муҳими таҳқиқии ин даври таърихи ин кишвар ба шумор меравад.

Таҳқиқот ва таълифоти гаронқадри Браун дар заминаи таърихи адабиёт ва назму насри форсӣ ва таъбу нашри мутуни куҳан ба равиши илмӣ ва интиқодии ҷадид аз ҳадамоти бузург ва бисёр пурарзиши ӯ ба фарҳанги Эрон будааст. «Таърихи адабиёти Эрон» дар ҷаҳор ҷилд муфассалтарин ва ҷомеатарин таълифот дар Аврупост. Ин китоби шарҳи аҳвол ва осори шоирон ва нависандагону муаррихон ва донишмандони эронӣ ва сайру таҳаввули афқору ақоид дар ин сарзамин аз оғози даврони исломӣ то авоили қарни бистум аст.

Браун дар 5 январӣ 1926 мелодӣ дар 64 солагӣ дар наздикии Кембриҷ даргузашт. Китобҳои ӯ пас аз маргаш ба китобхонаи Донишгоҳи Кембриҷ мунтақил шуданд.

Дар 23 майи 1913 мелодӣ профессор Эдуард Браун дар Донишгоҳи Кембриҷи Англис нутқе роҷеъ ба таърихи рӯзноманигории Эрон эрод кард, ки баъдҳо ба сурати ҷузъае кӯчак дар Ландан ба ҷоп расид. Суҳанронии профессор Браун ва ҷузъаи ибтидоии ӯ маҳсули ҷузъа ва мутолиоти Рабинуф[1] дар Эрон буд ва донишманди англисӣ дар навиштаҳои баъдии худ ба ин мағлаб эътироф мекунад. Дар ҳамин солҳо профессор Браун, ки машғули мутолиа ва таҳқиқ дар адабиёт ва таърихи Эрон буда, алоқаи фавқулӯда ба таърихи рӯзноманигории Эрон ва маҳсусан таъсири он дар адабиёт ва шеърӣ форсӣ пайдо мекунад ва дар соли 1914 мелодӣ китоби «Матбуот ва шеър дар Эрони нав»-ро мунташир месозад. Ин китоб ба ду қисмати асли тақсим шудааст:

1. Таърихи ҷоп ва рӯзноманигорӣ дар Эрон, маҳсусан рӯзномаҳои инқилоби машрута.
2. Шуарои муосири нахзати озодихоҳӣ.

Профессор Браун дар ин китоб пас аз муқаддимаи мухтасар, ки роҷеъ ба фанни ҷоп ва шуруи рӯзноманигорӣ дар Эрон навишта, қисмати аъзами мутолиоти худро ба зикри номи нашрия, номи мудир ва сардабир ва нависандагону маҳалли ҷопи 371 рӯзнома ва маҷаллаи форсӣ ихтисос додаст. Қисмате муҳиме аз мутолиоти профессор Браун роҷеъ ба матбуоти Эрон мебошад, ки дар ҳақиқат тарҷума ва натиҷаи таҳқиқоти донишманди эронӣ Мирзо Муҳаммад Алихони Тарбияти Табрзӣ аст. Муҳаммад Алихони Тарбияти Табрзӣ таҳқиқоти бисёр ҷолибе дар бораи фанни ҷопу рӯзномаҳои давраи машрута анҷом дода буд, вале муваффақ ба ҷопи навиштаҳои худ нашуд ва фақат ба эҳтимоми профессор Браун буд, ки мутолиоти ӯ ба сурати мураттабе дар китоби «Матбуот ва шеър дар Эрони нав» мунташир гардид.

Профессор Браун дар соири навиштаҳои худ, аз ҷумла «Инқилоби Эрон» ва «Таърихи адабиёти Эрон» гоҳ-гоҳе ба мутолиаи васеъ ва нақши матбуот дар Эрон пардохтааст ва маҳсусан дар навиштаҳои давраи нахзати Машрута аҳамияти рӯзноманигорӣ ва рӯзноманигоронро дар пешрафтҳои иҷтимоӣ ва сиёсии Эрони муосир баррасӣ мекунад.

Браун дар мавриди ҷигунагии интишори матбуот дар Эрон дар давраи қабл аз инқилоби Машрута ва баъд аз он чунин баён мекунад, ки: «Чунон ки интизор мерафт, сарнавишти матбуоти Эрон бастагии комил ба сарнавишти нахзати Машрутия дошт. Пеш аз дода шудани машрутият аз тарафи Музаффариддиншоҳ дар августи ҳазору нӯҳсаду шаш (1906) фақат теъдоди ками рӯзнома дар

Эрон интишор меѐфт, ки ин рӯзнамаҳо низ аз лиҳози сиёсӣ камаҳамият буданд ва арзиши онҳо ба таври кулӣ фақат ва фақат аз нуқтаи назари адабӣ, аз ҷанбаи доштани ашъор ва мӯҳтавои мақолати интиқодӣ буд, ки гоҳ-гоҳе дарҷ мешуданд. Дар соли ҳазору нӯҳсаду шаш, рӯзнамаҳои муҳими мутааддаде бо ҳуруфи сурбӣ шуруъ ба интишор карданд, аз қабилӣ «Мачлис» (дар бисту панҷи ноябри ҳазору нӯҳсаду шаш) ва «Нидои ватан», ки як моҳ баъд аз он нашр гашт. Таъи соли баъд (ҳазору нӯҳсаду ҳафт) идомаи интишори матбуот тавсеа пайдо кард ва теъдоди он рӯ ба афзоиш гузошт, то ин ки қудатои бисту саввуми июни соли ҳазору нӯҳсаду ҳашти Маҳаммадалишоҳ пеш омад, ки дар Эрон оғози истибдоди сағир номида мешавад. Дар ин давра озодии матбуот амалан ба таътил афтод.

Браун дар мавриди нақши тавсеаи матбуот дар тараққӣ ва тақомули афкори умумӣ мӯътақид аст: дар давраи машрутият бедории афкори умумӣ ба суръат ва шиддат авҷ гирифт ва рӯзнамаҳо нуфузи азим ва саҳми муҳиме дар таҷаллии ҳаёти афкори умумӣ доштанд, ба вежа гузориши музокироти мачлиси Шӯрои Миллӣ, ки дар рӯзнамаи ба номи «Мачлис» ва дигар органҳои матбуот интишор меѐфт ва таъсири басазое дар иҷтимоъ дошт. «Сури Исрофил» ва «Эрони нав» ҳам дар тавсеа ва тақомули афкори умумӣ хуб хидмат карданд ва «Шарофат», «Ал-Мачол» ва «Ҷангаи побараҳна» ва дигариҳо низ дар бедории тӯдаи мардум фаъолияти мусбат доштанд.

Браун дар мавриди нахустин рӯзнамаҳои эронӣ баъд аз эълони Машрутият мӯътақид аст: «Баъд аз эълони Машрутият ҷаҳор рӯзнамаи явмия ба номи: «Мачлис», «Нидои Ватан», «Ҷубулматин» ва «Субҳи содиқ» шуруъ ба интишор карданд, баъзе аз инҳо дар авоил ҳафтагӣ буданд, то ин ки ба тадриҷ тавсеа ѐфта ва рӯзнана шуданд. Аз инҳо рӯзнамаи «Мачлис» дар интишори музокироти Мачлиси Шӯрои миллӣ тақаддум дошт. Ин нашрияро Мирзо Муҳаммад Содикӣ Таботабой (фарзанди Саид Муҳаммади Таботабой, мучтаҳид, яке аз бонийён ва ҳомиёни умдаи Машрутияти Эрон) дар ҳаштуми шавволи ҳазору сесаду бисту ҷаҳори ҳичрии қамарӣ (бисту якуми ноябри ҳазору нӯҳсаду шаш) мелодӣ) падида оварад.

Баъд аз ҳалби Муҳаммадали Мирзо, рӯзнамаҳои явмияи мутааддаде, аз ҷумла «Эрони нав» ба қатъи бузурги нимварақӣ, шабеҳи рӯзнамаҳои хоричӣ, ки аз ҳайси шақл ва услуби нигориш низ бад-онҳо шабоҳат дошт, интишор ѐфт. Шумораи нахусти ин рӯзнама дар рӯзи шанбе, ҳафтуми шаъбони ҳазору сесаду бисту ҳафти ҳичрии қамарӣ (24 августи 1909) мунташир шуд.

Браун дар идома чунин баён мекунад, ки: «Дар қисмати аъзами давраи Машрутият микдори муайяне аз рӯзнамаҳои умда ба таври мурағаб ба дасти ман расидааст, аз ҷумла:

«Мачлис», «Нидои Ватан», «Тамаддун», «Сури Исрофил», «Мусаввот», «Ҷабулматин» дар давраи нахусти Машрутият ва «Эрони нав», «Барқ», «Шарқ», «Аср», «Вақт» ва ғайра, ки дар давраи дуввум интишор ѐфта. Теъдоди аз рӯзнамаҳои шайх Ҳасани Табрэзӣ, устои собиқ забони форсӣ дар Донишгоҳи Кембриҷи Инглистон, низ пас аз мурочиати мушоруилайҳ ба Эрон насиби ман гардид. Лизо каллексионӣ ман ҳанӯз нуқси бисёр дошт, Агар саховати хориқуллодаи мистер Х. Л. Рабинудф дар миён набуд, мушоируилайҳ хангоми интиқоли худ аз Рашт ба Мароқаш, мачмӯаи муфассалу нафиси худро ба илтимом бароям пешкаш кард, ин каллексион дорой адвори комиле ѐ нисба ҷомеи рӯзнамаҳои бисёр, ба вежа матбуоти мунташира дар Рашт аст, аз ҷумла: «Насими Шимол», «Канқош», «Садой Рашт», «Гелон» ва «Ҷайрулкамол» ва низ мутаамминӣ баъзе аз намунаҳои тақрибан дасткам куллиияи рӯзнамаҳои мазкур дар расоили (Таърихчаи матбуот) мушоируилайҳ мебошад. Дар сояи ин саховат, ақида дорам, ки ман соҳиби комилтарин ва ҷомеътарин каллексионӣ рӯзнамаҳои эронӣ, мавҷуд дар хоричи Эрон, мебошам ва ҳамин мачмӯа кӯмаки бисёр бузурге дар таҳия ва тадвини китоби кунунӣ ба ман кардааст.

Браун мӯътақид аст, ки рӯзнамаи «Мачлис», ҷопи Техрон, дар таърихи ҳаштуми шавволи 1324 ҳичрии қамарӣ, мутобиқ бо бисту панҷуми ноябри 1906 мелодӣ, тавассути Саид Муҳаммад Содик (фарзанди Саид Муҳаммад Таботабойи машҳур) ва ба нависандагии Адибалмамолик ношири адаб мунташир шудааст.

Ин рӯзнама аввалин рӯзнамаи эронӣ аст, ки музокироти мачлиси Шӯрои миллиро баъд аз ифтитоҳи он дарҷ мекард. Бад-ин сабаб шӯҳрати азиме ѐфт ва дар вилоёт чунин мепиндоштанд, ки ба мачлис вобастагӣ дорад.

Пас аз барқарории мучаддади Машрута (дар июли соли 1909 мелодӣ) ин рӯзнама таҳти назорати Шайх Яҳёи Қошонӣ, нависандаи собиқ рӯзнамае ба номи «Ҷубулматин», ҷопи Техрон, мунташир ва то даврони Машрутаи дуввум, охири соли 1911 ва аввали соли 1912 мелодӣ, интишори он идома ѐфт.

Рӯзнамаи «Мачлис» сиёсати эътидолӣ дошт ба гунае, ки дар шумораи дуввуми ин рӯзнама қасидаи бисёр зебоне дар мадҳу санои мачлиси Шӯрои Миллӣ, ки тавассути Адибулмамолик суруда шуда буд, дарҷ гардид ва яке аз беҳтарин ашъоре аст, ки дар даврони Машрутият суруда шудааст, чунин шуруъ мешавад:

Шод бош, эй мачлиси миллӣ, ки бинам анқариб,

Аз ту ояд дарди миллатро дар ин даврон табиб.

Рӯзномаи дигаре, ки Браун ба таҳлилаш пардохтааст, «Эрони нав»-и рӯзномаи бузурги варақӣ аст, ки дар Техрон ба соли ҳазору сисаду бисту ҳафти ҳичрӣ, мутобиқи ҳазору нӯҳсаду нӯҳи мелодӣ, чоп шуда ва шумораи нахусти он ба таърихи ҳафтуми шаъбони соли мазкур, мутобиқи бисту чаҳоруми августи ҳазору нӯҳсаду нӯҳ, интишор ёфтааст.

Молик ва ношири ин рӯзнома Саид Муҳаммад Шабистарии Озарбойҷонӣ, машҳур ба Абулзиё, ношири собиқи («Алҳадид») ва «Мучоҳид») буд, вале ношири ҳақиқӣ ва сардабири амалии он Муҳаммадамин Расулзодаи Бокуғӣ ва умури молии рӯзнома ба ўҳдаи Бозили армании Техронӣ будааст.

«Эрони нав» бузургтарин ва муҳимтарину машҳуртарин нашрияти явмиаи эронӣ аст, ки барои нахустин бор ба қатъи рӯзномаҳои мутадовили фарангистон интишор ёфтааст. Нашри ин рӯзнома дар «давраи маршрутяти сонӣ» пас аз фатҳи Техрон ба дасти озодихохон (июли ҳазору нӯҳсаду нӯҳ) оғоз ёфт ва ба таври муназзам мунташир гашт. Ин рӯзнома сабки рӯзноманигории аврупоиро вориди Эрон кард ва сармашқи матбуоти дигар шуд.

Браун ақида дорад, «Мусавот», рӯзномаи чопи Техрон, ки дар таърихи 1325 ҳичрии қамарӣ, мутобиқ бо солҳои 1907-08 мелодӣ, ба мудирияти Саиди Муҳаммадризои Шерозӣ ва Саид Абдулрахими Халқолӣ мунташир шуд. Ба шарофати часорати Ҷавқуллодда ва устуворӣ дар ақидаи Маршрутият яке аз муқаддамтарин ва пешравтарин нашриёт дар матбуоти замони Маршрутаи аввал будааст.

Дар натиҷаи танқиди қонуни матбуот шӯҳрати азиме ба даст овард ва барои эълони он шуморае, ки пур аз ҳикоёт барои вақтузаронӣ, афсонаҳо ва дostonҳои ҳаёли буд, мунташир кард ва ин ҳоки аз ин аст, ки минбаъд дар натиҷаи қонуни Ҷавқулзикр ҳар чизе аз ин мавзӯоти мамнӯъ будааст ва интишори мавзӯи муҳиме алайҳи Муҳаммадалишоҳ таҳти унвони «Шоҳ дар чӣ ҳол аст?» сабаб гардид, ки рӯзнома тавфиқ шуд ва ношири он таҳти таъқиби қонунӣ қарор гирад.

Саид Муҳаммадризо яке аз ҳашт нафарест буд, ки тақозое барои ташкили Маҷлиси шӯро таслими Муҳаммадалишоҳ намуданд, вале пас аз ба тӯп бастанӣ Маҷлис дар таърихи бисту савуми июни 1908 мелодӣ раҳой ёфт ва натавонистанд тавфиқаш намоянд. Билохира муваффақ гардид, ки ба Қафқозия фирор кунад ва аз он ҷо ба Табрз бозгашт ва дар он ҷо дар тайи муддати инқилоб ва муҳосираи шаҳр боз ҳам «Мусавот»-ро мунташир кард ва билохира аз шаҳри Табрз ба узвияти дувумин Маҷлиси шӯро интихоб шуд.

Ин рӯзнома дар сиёсати маршрутаҳо ифротӣ ва либерал будааст. Браун дар идомаи муаррифии ин рӯзнома мегӯяд, ки аз ин рӯзнома ҷамъан 25 шумора дар Техрон мунташир гардид, ки аввалин шумораи он ба таърихи панҷуми рамзони соли 1325 ҳичрии қамарӣ, мутобиқ бо дувоздаҳи октябри соли 1907 мелодӣ ва охири шумораи он рабеъулвали соли 1326 ҳичрии қамарӣ мебошад, ки мутобиқ аст бо дувуми майи соли 1908 мелодӣ ва сипас мегӯяд инҷониб коллексиони нисбатан комиле аз ин рӯзнома дорам.

Браун дар мавриди рӯзномаи «Сӯри Исрофил» менависад: «Сӯри Исрофил» маҷаллаи ҳафтагӣ аст, ки ба соли ҳазору сисаду бисту панҷи ҳичрӣ, мутобиқи ҳазору нӯҳсаду ҳафти мелодӣ, дар Техрон таъ ва мунташир шуда. Соҳиб ва ношири ин маҷалла Мирзо Ҷаҳонгирхони Шерозӣ ва тобеъу ношири дувуми он Мирзо Қосимхони Табрзӣ ва нависандаи умдааш Мирзо Алиакбархони Қазвинӣ, машҳур ба Дехудо ё Деху, будааст».

а). Браун мӯътақид аст, ки: «Сӯри Исрофил» яке аз беҳтарин матбуоти қадиму ҷадиди Эрон ба шумор меравад, ба вежа қисмати фоқоҳӣ ё ҳаҷвӣ (қумикӣ ё сатирикӣ)-и он таҳти унвони «Чаранду паранд» таъ гашта, олитарин намунаи адабиёти ҳаҷвӣ (интиқодӣ)-и Эрон мебошад.

Ин маҷалла саҳт мавриди ғазоби муртаҷеин (Муҳаммадалишоҳ ва атрофиёну тарафдорони вай) буд, ҷунон ки ношири он Мирзо Ҷаҳонгирхон, ки дар ҳодисаи бомбордмони маҷлис (бисту савуми июни ҳазору нӯҳсаду ҳашти мелодӣ) дастгир шуда буд, ба фармони Муҳаммадалишоҳи Қочор кушта шуд.

Аз нуқоти бисёр муҳим дар давраи интишори «Сӯри Исрофил» пайкори он бо рӯҳониён ва тазкироти интиқодӣ дар хусуси шикасти милали исломӣ ба иллати рӯҳониён аст, ки дар шумораи чаҳоруми маҷалла мунташир ва ғавғои азиме дар миёни муллоён ва оммаи аҳоли падид овард ва мунтаҳӣ ба тавфиқ ва таътили он дар ҳудуди ду моҳ гашт. Дар шумораи ҳафтум мақолаи дифоияе дар исботи бароати худ интишор дод, ки шоёни таваҷҷӯҳи маҳсус мебошад.

Сабки адабии «Сӯри Исрофил» дар қисмати мақолоти ҷиддӣ ба шеваи Мирзо Малқумхон аст ва шабоҳати азиме бо навиштаҳои вай дорад, аммо матолиби фоқоҳӣ ва ҳаҷвӣ (интиқод)-и он аз маҷаллаи туркӣ (озарбойҷонӣ) «Мулло Насриддин», мунтабаи Тифлис, илҳом гирифтааст.

Хатти машқи сиёсии «Сӯри Исрофил» маршрутияти муллақ ва озодихоҳӣ аст.

Браун дар идома меафзояд: «Ин маҷалла дар ҳабдаҳуми рабиъулсонии соли ҳазору сисаду бисту панҷи ҳиҷрӣ, мутобиқи сиёми май ҳазору нӯҳсаду ҳафти мелодӣ, ба интишор оғоз ва дар бистуми чимодаввали соли ҳазору сисаду бисту шаш, мутобиқ бистуми ирони ҳазор нӯҳсаду ҳашт, се рӯз пеш аз бумбордмони Маҷлис ва чаҳор рӯз қабл аз эъдоми Мирзо Ҷаҳонгирихон, тавассути Муҳаммадалишоҳ хотима ёфтааст.

Ба назари Браун «Рӯҳулқудс» рӯзномаи (нашрия) аст, ки ба соли ҳазору сисаду бисту панҷи ҳиҷрии камарӣ, мутобиқи ҳазору нӯҳсаду ҳаштуми мелодӣ, дар Техрон ба мудирияти Султонлуламои Хуросонӣ, бо чопи сурбӣ интишор доштааст.

Нависандаи ин рӯзнома соҳиби ақидаи собити дорои ҳамияти фавқуллодае будааст ва дар дифоъ аз Машрутият ва пешрафти нахзати миллий саҳми хосе доштааст. Чунон ки ҳангоми қудатои иртиқои Муҳаммадалишоҳ муарриҳаи бисту саввуми ирони ҳазору нӯҳсаду ҳашт туфанг ба даст гирифта, ворида суфуфи миллион гашт ва дар дифоъ аз маҷлиси Шӯрои миллий бо қувваи шох саҳт ба набард пардохт ва оқибат гирифтӣ шуд ва бо ғелу занҷир дар Боғшоҳ маҳбус ва мақайид гашт ва пас аз таҳаммули шиканҷаҳои бисёр, шарбати шаҳодат нӯшид ва ҷасадашро ба чоҳе андохтанд. Хатти машӣи «Рӯҳулқудс» инқилобӣ будааст.

Баҳши дигаре аз таҳқиқоти Браун дар мавриди матбуоти интиқодӣ, истехзоя ва фоқоҳӣ дар давраи Машрутият мебошад. Ба назари вай: «Дар даврони Машрутият рӯзномаҳо ва маҷаллоти истехзоя ва фоқоҳӣ танавӯ ва қасрат пайдо кард, аз қабилӣ: «Кашқул», «Танбех», «Ҷашаротуларз», «Баҳлул», «Шайдо», «Шайх Ҷағандар» ва рӯзномаҳои дигар. Аз байни инҳо рӯзномаҳои «Кашқул», «Ҷашаротуларз» ва «Баҳлул» хушмазза ва зариф ва қабилӣ мутолиа буданд. Ба назари Браун дар ин ришта аз матбуоти баҳши истехзоя ва интиқодии «Сури Исрофил», ки таҳти унвони «Чаранду паранд» интишор меёфт, мақоми аввалро ҳоиз аст ва маҷаллаи «Мулло Насриддин», ки ба соли ҳазору сисаду бисту чаҳори ҳиҷрии камарӣ (1906-07) дар Тафлис ба забони туркии озарбойҷонӣ ба мудирияти Мирзоҷалил Муҳаммадқулизодаи Нахҷавонӣ, як шахсияти қомилан ошно бо одоб ва одоти эронӣ, шурӯъ ба интишор кард, яке аз бехтарин ва пурсудтарин матбуоти фоқоҳӣ-интиқодӣ будааст. Ин маҷалла, дар ҳақиқат дар машриқзамин беназир буда ва чун дар мавзӯот ва масоили Эрон низ ворида баҳс шуда, таъсири таъриҳии муҳиме дар аёлот ва виллоъти Эронӣ ва Қазқозия ва ҳатто худ Техрон доштааст, чунон ки сутуни «Чаранду паранд»-и маҷаллаи «Сури Исрофил» қомилан таҳти таъсири илҳом ва сабуку шеваи «Мулло Насриддин» нигошта шуда ва нависандаи он Мирзо Алиакбархони Қазвинӣ маъруф ба Деху ё Деххудо бо забони озарбойҷонӣ ошно будааст.

Ҳамин тавр, донишманди англис Э. Браун аз аввалин муҳаққиқони фарҳангиест, ки матбуоти эронро омӯхт, таҳқиқ кард ва бо аврупоӣён муаррифӣ намуд. Аслан таҳқиқи ӯ барои худ эронӣён низ арзиши муҳиме дорад. Ӯ раҳқушоӣ омӯзиши таъриҳи матбуоти Эрон аст.

АДАБИЁТ

1. Аввалин рисолае, ки дар Эрон роҷеъ ба рӯзномаи гӯри ва матбуот мунташир шудааст, ба қалами оқои Ч. Л. Рабинӯф дар Рафт будааст. Ин ҷузъа дар 29 саҳфа таҳти унвони «Сураи ҷароиди Эрон ва ҷароиде, ки дар хориҷи Эрон ба забони форсӣ таъб шудааст» дар ҷопхонаи Урва-ал-вуско» дар соли 1911 мелодӣ ҷопшуд.
2. Edward G. Browne. "The Persian press and Persian Journalism, Persian society" published by John Hogg 13 paternoster Row, London, 1913.
3. Edward G. Browne. "The press and poetry in Modern Persian". Cambridge university press, 1914.
- 4 - براون - ادوارد گرانویل. تاریخ مطبوعات و ادبیات ایران در دوره مشروطیت، ترجمه: عباسی. تهران، نشر علم، 1386.
- 5 - مولانا، حمید. سیر ارتباطات اجتماعی در ایران، تهران، انتشارات دانشگاه علامه طباطبائی، 1358.
- 6- پروین، ناصرالدین. تاریخ روزنامه‌نگاری ایرانیان و دیگر پارس‌نویسان، تهران، مرکز نشر دانشگاهی، جلد دوم، 1379.
- 7 - کسروی، احمد. تاریخ مشروطه ایران، تهران، موسسه انتشارات نگاه، چاپ دوم، 1384.
- 8 - براون، ادوارد گرانویل. یک سال در میان ایرانیان، ترجمه: مانى صالحى علامه. تهران، نشر اختران، چاپ چهارم، 1387.

ЭДВАРД БРАУН И ПРЕССА В ЭПОХЕ КОНСТИТУЦИОННОЙ РЕВОЛЮЦИИ ИРАНА

Эдвардом Брауном была рассмотрена история прессы в эпоху конституционной революции и были представлены 371 иранских газет от времени правления Амира Кабира в 1330 год хиджры камари (1912 г.). Эдвард Браун также исследовал газеты, которые печатались за пределами Ирана в алфавитном порядке и составил каталог. Критически изучал каждую газету с точки зрения социальной, литературной, исторической особенности. В процессе исследования Эдвард Браун информировал о содержании газет, наименованиях,

издателях, месте и времени публикации, начало и конец печати, язык и политическое направление каждой газеты В данной статье также рассмотрена теория содержания газет.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Эдвард Браун, эпоха конституционной революции, пресса.

EDWARD BROWNE AND JOURNALISM IN THE ERA OF THE CONSTITUTIONAL REVOLUTION

Edward Browne presented during his study of the history of Iranian journalism 371 papers since the chancellor of Mirza Taghi Khan Amir Kabir (1912) at home and abroad, which have appeared as an Iranian newspaper. He named them alphabetically, and traded them critically and scientifically during his work he finds the social and literary value of these journals and examined their historical and scientific value. Browne examines and summarizes the information about these magazines Features: the name, the editors, the owner, location, periodical Issue, style, beginning and end of the publication, the language and the political guidance. In this paper I will discuss his views.

KEY WORDS: Edward Browne, constitutional era, journalism

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: **Ромин Расулоф** - соискатель факультета журналистики Таджикского национального университета, член ученого совета Исламского свободного университета Джахрум (ИРИ).

САДРИДДИН АЙНИ ВА «ОВОЗИ ТОЧИК»

Мирзоалӣ Чӯраев
Донишгоҳи миллии Тоҷикистон

Қаҳрамони Тоҷикистон, Сардафтари адабиёти навини тоҷик, устод Садриддин Айни дар солҳои пуршӯби бистум бо нашри силсилаи мақолаҳо дар рӯзномаи «Овози тоҷик» ва таълифи китоби машҳури «Намунаҳои адабиёти тоҷик» барои эътибори эътироф ва ҳифзи манфиатҳои миллии тоҷикон хидмати арзанда намуд. «Муборизаи устод Айни барои ривоҷи забону адабиёти тоҷик, барои инкишофи илму маданиятамон барои ҳар як хонанда маълум аст. Мақолаҳои вай дар «Овози тоҷик»-у «Роҳбари дониш» роҷеъ ба масъалаи номбурда, китоби «Намунаҳои адабиёти тоҷик» дар ҳалли масъалаи миллии-тақсироти ҳудуди миллии Осиёи Миёна ва ташкили ҷумҳурии Тоҷикистон нақши муайяне дорад, ки ба ин ҳуди устод ҳам дар «Мухтасари тарҷумаи ҳоли худам» ишораҳо кардааст. Аз «Аҳгари инқилоб» силсилаи мақолаҳои ба тоҷикон бахшидаи ўро «Қобилияти ташкилотӣ дар тоҷикон», «Ба ошиқони адабиёти тоҷик мурочиат», «Кори Тоҷикистон гул карданист», «Дар атрофи забони форсӣ ва тоҷикӣ», «Забони тоҷикӣ», «Ба муносибати эълони ҷумҳурияи мухтори Тоҷикистон» ва дигаронро хонда, кас ба ҳубӣ аз муборизаи босуботи вай ба манфиати миллати худ, ки бар алайҳи туркпарастон равона шуда буд, огоҳ мешавад»[13.431-432].

Дар солҳои бистуми асри бист туркгароён бо шиорҳои назаррабо ниятҳои нопоки худро бо ҳар роҳу восита амалӣ кардани шуда, аз роҳҳои гуногуни ба мафкураи ҷавонону наврасон таъсир расондан, ба мисли интишор ва паҳн намудани матбуот, татбиқи усули нави таълим ва ифтиҳои мактабҳои усули ҷадидӣ, ташкили ҷамъиятҳои мухталиф ва ғайраро васеъ истифода мебарданд.

Алалхусус, ҷамъиятҳои, ки бо мақсади тарбияи атфол пинҳонӣ ташкил мегардид, ғояи нек дошт, аммо онро туркгароён кӯшиш мекарданд ҷиҳати амалӣ намудани мақсадҳои ғаразноки худ истифода баранд: «Чунончи дар боло навиштем, кори муҳими ҷамъият («Тарбияи атфол»- М.Ч.) талаба фиристодан ба хорич буд. Дар соли таҳсили 1911 шумораи талабагон, ки ба ташвиқи ҷамъият дар Истанбул ба хондан фиристода шуда буданд, ба 15 ва дар соли 1914 калону хурд ба 30 нафар расид. Харчи бештари ин хонандагон ба ўҳдаи ҷамъият буд»[2.100].

Мақсадҳои ғаразноки туркгароён дар нигоштаҳои академик Б.Ғафуров ба таври возеҳ баён гардидааст: «Баъди дар Истанбул охири соли 1909 таъсис ёфтани «Ҷамъияти Бухоро оид ба интишори дониши муфид дар байни ом» омаду рафти ҷосусони пантуркия аз Туркия ба Осиёи Миёна хеле зиёд шуд. . .

Аллакай соли 1910 бо имдоди «Чамъияти Бухоро оид ба интишори дониши муфид дар байни ом» мактабҳои олии Истамбул аз Туркистон ва давлатҳои Осиеи Миёна қариб сад студент қабул карданд»[10.257-258].

Мутаассифона, аксари ин зумра муҳассилин ба доми туркгароён гирифторм шуда, баъди бозгашт ба ватан худро гуму миллатро фаромӯш ва носипосихои афзуне бар забони модариашон намуданд: «Баъд аз Револютсияи Феврал дар сари ҳаракати ислохотталабӣ, мисли Фитрат ва Усмонхӯча чадидоне гузаштанд, ки онҳо дар Туркия хонда омада, ташвиқоти пантуркистӣ мекарданд. Онҳо на танҳо дар байни худ, балки ба ба мардуми шаҳри Бухоро ҳам, ки бештарини онҳо забони ўзбекиро намедонистанд, бо забони турки усмонӣ гап мезаданд»[1.71-72].

Дертар С.Айни воқеияти замонаро дарк намуда, ба зодгоҳ барнагашт, зеро «ман дар қорҳои Ҳукумати Шӯроии Халқии Бухоро бевосита иштирок карданро нахостам. Чунки дар раҳбарияти он ҳукумат баъзе одамони шубҳанок буданд. . .

Албатта, ман дар ин шароит дар Бухоро истода наметавонистам ва ин ҳолро ман дар рӯзҳои барпо шудани Ҷумҳурияи Шӯроии Халқии Бухоро ҳис мекардам. Бинобар ин, ман аз Самарқанд хонадор шуда, бо ҳама саҳтиҳои онвақта дар он ҷо мондам ва ба Бухоро рафта «комиссар» нашудам»[1.92-95].

Мутаассифона, ин ҷо нуктаеро таъкид карданием, ки баъзе муаррихон, ки сатрҳои мазкури устодро нахондаанд ё чун одати дерина бо мақсади гумроҳ кардани мардум Садриддин Айниро шомили ҳукумати Ҷумҳурии Халқии Шӯравии Бухоро карданӣ мешаванд. Аз ҷумла, дар китоби «Таърихи ҶШС Ўзбекистон» сатрҳои зерин ба ҷашм бармеҳуранд: «Ба ҳайати ҳукумати инқилобии ҶХШБ, ки Файзулло Хочаев роҳбарӣ мекард, намояндагони туркман (А.Амонов) зиёиёни миллий (Фитрат, Садриддин Айни ва дигарон) дохил карда шуданд»[11.324].

Устод С.Айни на танҳо ба ҳайати он ҳукумати ба ном халқӣ шомил нагардид, балки дур аз зодгоҳ дар шаҳри дигари бостонии тоҷикон баҳри имрӯзу фардои миллати худ қору пайкор намуд. Хотираи нафароне, ки дар он солҳо бо устод шиносӣ равуо доштанд, шаҳодат медиҳад, ки дар Самарқанд низ, вобаста ба воқеаи сарнавиштасозии он солҳо, яъне тақсмоти худуди миллий он қасро ором намегузоштанд:

«Боре Файзулло Хочаев, сардори ҳукумати Ўзбекистон, ба Болохона омада, хоҳиш намудааст, ки С.Айниро даъват намоянд. «Айни саркашӣ карда тан намедиҳад», - гуфтааст ӯ. Падари ман, Нарзуллобекро барои овардани Айни фиристодаанд. Файзулло Хочаев аз хона барои сигоркашӣ баромада будааст. С.Айни аз дар даромада мепурсад: «Барои чӣ даъват кардед?» Нарзуллобек гуфтааст: «Шуморо Файзулло Хочаев даъват кардааст». Айни мепурсад: «Боз бо ҳамон масъала?» Нарзуллобек мегӯяд: «Бале». Он гоҳ Айни пиёларо гирифта ба девор мезанад ва мегӯяд: «Ба ӯ расонед, ки ин қор ҳеч гоҳ намешавад» ва меравад. Ф.Хочаев ҳамаи инро мешунавад. Сухан аз ҳамроҳ шудани Тоҷикистон ба ҳайати Ўзбекистон будааст»[9].

Оре, устод дар мавқеи худ устувор монд. Зеро ӯ мегӯид, ки дар ҳукумати ба ном халқии Бухоро халқи асосии он эътироф намешуд, забону таърихи он халқ аз решаю пайвандаш гусаста мегардид. Нашр нагардидани асарҳои устод низ маҳз ба ҳамин омил вобаста буд. «Дар соли 1920 аз моҳи август (дар арафаи инқилоби Бухоро) «Ҷаллодони Бухоро» ном асари худро сар карда дар сари ноябр тамом намуда, Бухоро бурда ба Нашриёти давлатии Ҷумҳурияи Халқии Шӯроии Бухоро супурдам. Аммо онҳо ин асарро ҷоп накарданд. Вақте ки асарро пас талаб намудам, «гум шуд» гуфтанд. . .

Дар соли 1920-21 «Материалҳои таърихи инқилоби Бухоро» ном асари худро навишта, ба Нашриёти давлатии Бухоро додам. Инро ҳам ҷоп накарданд»[1.96]. Ба қадри зар танҳо заргар мерасад. Ва он заргар Ҷумҳурии Мухтори Тоҷикистон, дақиқтараш сарвари ҳукумати кишвар А.Муҳиддинов буд: «Чун Ҷумҳурияи Мухтори Тоҷикистон таъсис ёфт (1924), яқумин қоре, ки нахустин сарвари ҳукумати он Абдулқодир Муҳиддинов қард, ин буд, ки ба устод Айни тартиб додани китобе ба номи «Намунаи адабиёти тоҷик»-ро супориш дод, то ки мавҷудияти халқи тоҷик, забон, адабиёт ва фарҳанги вай исбот шавад»[14.154].

Устод воқеаҳои он замонро чунин тасвир менамояд: «Дар баҳори соли 1925- баъд аз таъсис ёфтани Ҷумҳурияи Автономии Советии Тоҷикистон бо ҳукумати вай шартнома баста ба навиштани «Намунаи адабиёти тоҷик» даромадам ва дар ҳамон сол тамом кардам.

Ин асар дар замони худ ба фоидаи сиёсати миллии партия роли қалон бозӣ қард. Чунки дар он вақтҳо пантуркистон ба муқобили тақсмоти миллий иғво паҳн мекарданд ва ин сиёсати миллии партияро парча-парча кардани «туркҳо» мешумурданд ва бар зидди барпо шудани Ҷумҳурияи Советии Тоҷикистон бошад, боз ҳам саҳттар иғво паҳн мекарданд, «дар Осиеи Миёна тоҷик ном як халқ нест, инҳо ҳамон ўзбеконанд, ки бо таъсири эронӣ ва мадраса забони худро гум карданд» мегуфтанд. Ана ин асар- «Намунаи адабиёти тоҷик» бо фактҳои таърихӣ пардаи он иғвогаронро дарронид ва ба даҳони онҳо мӯҳри хомӯшӣ зад»[1.97].

Ин чанд пораеро аз хотираҳои Садриддин Айни ва ҳамсафу шогирдон вобаста ба воқеаҳои он давр мухтасар ёдрас шуда, як зумра маводи дарҷшудаи устодро дар саҳифаҳои рӯномаи «Овози тоҷик» аз назар мегузаронем, ки дар ҷодаи ҳимояи манфиатҳои миллӣ тоҷикон нақши муассире бозидаанд.

Дар шумораи аввали рӯнома С.Айни аз соҳибзабон гардидани миллати тоҷик изҳори хушнудӣ менамояд. Зеро баъди аз хомӯшию ғафлати чандсола соҳиби рӯнома гардидан ва дарду доғ, фикру андеша ва орзуо омоли хешро тавассути он баён кардан таконе буд бар худогоҳию ҳештаншини тоҷикон. Миллате, ки тӯли чандин сол «забон» надошт ва ё аниқтараш ўро аз гуфтор ба забони модариаш манъ намуда буданд, боз соҳиби забон гардид.

«Рӯномаи ҳар қавм ва миллат забони эшон аст. Ҳар қавме, ки рӯнома надорад, гӯё ки забон надорад. Яъне қавми берӯнома мисли одами безабон аст...

Дар пас мондани тоҷикон аз дигар қавмҳои Туркистон, албатта, сабаб бисёр аст. Сабаби калон камсабии ҳуди тоҷикон аст...

Акнун гуфта мешавад, ки қавми тоҷики Туркистон ҳам забон баровард»[12].

Садриддин Айни бо камоли ифтихор қобилияти ташкилотии тоҷиконро аз дигар миллатҳои Осиёи Миёна боло мегузорад ва ин ақидаи хешро бо далелҳои эътимодбахш асоснок менамояд: «Қобилияти ташкилотии шӯроӣ дар тоҷикони кӯхистон аз сойири қавмҳои Туркистон бештар аст. Заминаи ташкилотӣ дар усули идораи шӯроӣ синфи коргар ва ранҷбар аст, ки ин синф дар қавми тоҷик феълан мавҷуд аст... Тоҷиконе, ки дар Самарқанд, Фарғона ва сойири қитъаҳои Туркистон истиқомат доранд, ҳама ранҷбар буда, таъбан муттафиқанд. Агар дар байни тоҷикони ранҷбар роҳбарҳо монда раҳнамоӣ карда шавад, ба андак вақт хеле коркунони шӯроӣ ба ҳам мерасад»[6].

Он пешниҳоди устод дар мавриди раҳбариву раҳнамоӣ тоҷикон моро ба андеша водор месозад, ки дар ҳақиқат ҳалқи тоҷик дар байни дигар миллатҳои Осиёи Миёна синфи коргар ва муттаҳидро ташкил меод. Танҳо роҳбарии миллие надоштанд, ки дар он солҳои тақдирсоз онҳоро раҳнамоӣ намояд. Агар чунин роҳбарони воқеан ҷонфидои миллат хеле барвақт ба арсаи сиёсат қадам мениҳоданд аз ҳуқуқи озодиҳои халқашон дифоъ менамуданд, шояд тоҷиконро дар солҳои бистум ба қатори миллатҳои майдаю пасмондаи минтақа маҳсуб намекарданд.

Дар мақолаи дигаре, ки ба тоҷикони кӯхистон бахшида шудааст, устод ақидаи дар он солҳо паҳнгаро вобаста ба бесаводии миллати тоҷик ботил мебарорад: «Аҳолии кӯхистон нисбат ба сойири ҷоҳои Туркистон бисёртар соҳиби хатту савод ҳастанд. Дар аҳди кӯхна мадрасаҳои Бухоро ва Самарқандро бисёртар талабаи тоҷикони кӯхистон ишғол мекарданд. Аҳолии кӯхистон, умуман соҳиби заковат ва зеҳни соф буда, ба хондан зиёда муҳаббат доранд»[5].

Адиби барҷастаи Шарқ дар мақолаи дигараш аз гузаштаи пурифтихори тоҷикон ёдрас мешавад, ки нашри чунин мавод дар он солҳо боиси сарафрозӣю сарбаландии тоҷикон мегардид: «Мо аз таърихи қадим чашм пӯшида, танҳо аҳволи баъд аз исломиятро ба назар орем, мебинем, ки ба ҳар кори маданӣ пешгарами роҳбар тоҷикон буданд. Чунончи: дар аҳди Сомониён адабиёт ва саноеъ чи қадарҳо пеш рафта ва роҳбарони ин корҳо тоҷикон буданд. Он иморатҳои бузург, кӯшкҳои фалакнамоӣ, айвонҳои кайвонбунён ва боғҳои чаннатнишон, ки дар аҳди Сомониён дар Бухоро бино ёфта буд, муассиси ҳамаи инҳо тоҷикон буданд. Таъсири ин маданият буд, ки ҷаҳонгири бузург Темури қуррагон, бо вучуди ин ки ирқан турк буд, «Тузуки темури»-ро бо тоҷикӣ навишт»[8].

Садриддин Айни ҳамчунин дар бобати пасмондагии илму маорифи тоҷикон ва масъалаи ҳаёту мамотро гирифтани масоили мактабу маорифи онон маводи пураарзишро ба нашр расонидааст. Дар яке аз он мақолаҳо чунин оварда мешавад: «Ба ҳама кас маълум аст, ки тоҷикони Туркистон дар бобати илм ва маорифи замони аз дигарон ба қафо мондаанд. Як масъалае, ки имрӯз ҳаёт ва мамоти қавми тоҷик ба он вобаста аст, масъалаи мактаб ва маориф аст.

Шак нест, ки барои андохтани мактаб ва маорифи тоҷик, аз лозимтарин корҳост. Аммо ба чи ранг пеш бурдани мактаб ва маорифи тоҷик, ҷои музокира ва муҳоҷиса аст.

Барои ба роҳ андохтани мактабҳои тоҷик нахустин мартаба муаллим (омӯзгор) ва китоб даркор аст»[3].

«Ба фикри ман мерасад, ҳеч фурсат нагузаронида, дар Самарқанд, ки ба кӯхистони тоҷикон наздик аст ва маркази маданият ба шумор меравад, як курс кушода шавад. Дар ин курс аз Фалғар, Мастҷох ва сойири кӯхистон ва деҳоти тоҷикон толибилмон бирасанд ва ҷавононе, ки дорой хатту саводанд, тахминан 40 ё 50 нафарро ҷамъ карда, 4 ё 5 моҳ тарбият карда шавад. Барои ин гуна курс дар Самарқанд қувваи маънавий ҳозир аст, зеро қадом муаллимони самарқандие, ки имрӯз дорулмуаллимин ва курсҳои таълиму тарбияи Самарқандро идора карда истодаанд, забони тоҷикиро хуб медонанд»[3].

Аз ин навиштаҳои устод эҳтиёткори он кас нисбат ба авзои замон ба назар мерасад. Ҳарчанд ошкоро намегӯяд, ки Самарқанд шаҳри тоҷикон аст, вале аз он ки «маркази маданият»-и онҳост ва ба

«кӯхистони тоҷик» наздик будани он маънии зайтро медиҳад. Дар он замоне, ки пойтахти Ёзбекистон шаҳри Самарқанд таъйин шуда ва роҳбарияти ҷумҳури омодаи ба ин ҷо омадан дошт, чунин пешниҳод дар ҳақиқат бочасоратона аст. Дар маркази Ёзбекистон курсҳои таълиму тарбияи тоҷикӣ?! Ҳол он ки бинобар маркази ҷумҳури шудани Самарқанд масъулини соҳаи маориф ба кам кардан ва бастании мактабҳои тоҷикӣ иқдом намуда буданд.

Аз навиштаҳои мазкури устод натиҷаи дигаре ҳам метавон бардошт. Агар ҳукумати Туркистон ҷиҳати кушодани дорулмуаллимини тоҷик дар шаҳри Тошқанд қарори дахлдор ба тасвиб намерасонд, Садриддин Айни ҳатман таклиф менамуд, ки ин гуна мактаб дар шаҳри Самарқанд ифтидох ёбад. Зеро тибқи навиштаи мазкур шаҳри Самарқанд барои чунин иқдом аз Тошқанду дигар шаҳрҳои Осиёи Миёна мусоидтару омодаатар буд.

Ҳамин тавр, Садриддин Айни дар марҳилаи кунунӣ масъалаи маорифро барои тоҷикон аз муҳимтарин масоил арзёби намуда, ҳамзамон бо омода кардани муаллимон, тайёр кардани китобҳои дарсиро низ зарур меҳисобад. Зеро дар он солҳои сарнавиштсоз маҳз ҳамин ду омил сабаб ва баҳона шуд, ки кӯдакони тоҷикро иҷборан ба забони ўзбекӣ таълим дода, онҳоро аз забони модарӣ ва миллати аслии дур карданд. Тоҷикони тамаддунофар дар ин солҳои бесоҳибӣ муҳтоҷ ба фарҳангу маорифи дигарон гардида буданд.

«Барои қавми тоҷик масъалаи маориф вочибтарин масъалаҳост. Барои ба роҳ андохтани мактаб ва маорифи тоҷик ҳозир намудани муаллим чи қадар лозим бошад, тайёр кардани китоб ҳамон қадар зарур аст»[4].

Муаллиф барҳақ қайд менамояд, ки бе китоб кушодани мактаб дар кӯхистони тоҷик ғайриимкон аст. Ба андешаи мо, устод масъалаи харҷи зудтар нашри китобро ба миён гузошта, на танҳо танқисии тоҷикони кӯхистонро дар мадди назар дошт. С.Айни дар шаҳри бузурги тоҷикнишин истиқомат карда, мидид, ки чи тавр масъулони соҳаи маориф набудани китобҳои дарсиро ба забони тоҷикӣ баҳона карда, тифлони маъсуми тоҷикро маҷбур мекарданд ба забони ўзбекӣ таълим гиранд. Ва ин кӯдакон ба воя расида, на забони модариашонро пурра медонистанду на забони ўзбекиро комилан аз худ намуда: «Чунончи мегӯянд: «Аробаро кӯш карда биёр- буғули карда монд- йиқили карда рафт»[4].

Дар мақолаи дигари вобаста ба адабиёту китобҳои тоҷикӣ Садриддин Айни ба масъалаи муҳиме рӯй меоварад. Ин ҷо беаҳамиятии тоҷикон қайд мегардад, ки аз ҳаққи ҷудошудаи худ наметавонанд истифода баранд: «Аз Маскав, аз Нашриёти марказии Шарқ як дӯсти ман навишта: «дар ин ҷо шӯъбаҳои нашриёти ўзбекӣ, тоҷикӣ ва туркманӣ ҳаст. Барои ҷоп кардан ба соли 1925 ба ўзбекҳо 125, ба тоҷикҳо 25 ва ба туркманҳо 40 варақи ҷопӣ ҳақ доданд, кори ўзбекон ба пешрафтагӣ аст, аммо аз тоҷику туркман ин ҷо одами коркун нест. Барои тоҷикон танҳо як алифбо аз тарафи бародар Лохутӣ тартиб дода шудааст. Дар ин бора дӯстам аз ман мепурсад: «Оё дар Самарқанд барои тоҷикон чизе тартиб ёфтааст? Ё ки дар дасти таълиф чизе ҳаст? Чизҳои барои тоҷикон тартибефта, ё ки тартибебандаро ҳаёли дар Маскав таъб кардан ҳаст ё не? Кордорони ҷумҳурияи Тоҷикистон дар ин роҳ дар ҷи фикранд?»[7].

Оре, аз мост, ки бар мост. Агар он солҳо дар Тоҷикистон шароити нашри китоб мавҷуд набошад ва дар Ёзбекистон чунин шароитро муҳаё накунанд, пас имконияти дар Маскав ҷойдошта чаро истифода намегардид? Ҳол он ки дар он солҳо на танҳо тоҷикони Тоҷикистон, балки тоҷикони Ёзбекистон низ ба китобҳои тоҷикӣ саҳт муҳтоҷ буданд. Ва душвортар барои тоҷикони берун аз марзҳои миллии буд, ки вазъи мазкур баҳонае баҳри бештар ўзбекгардонии онҳо мегашт.

Ҳамин тавр, силсиламақолаҳои устод Садриддин Айни дар он солҳои сарнавиштсоз, ки душманони миллати тоҷик мавҷудияти ин миллати ғайритурки тамаддунофарро дар Осиёи Миёна инкор кардани мешуданд ва бо кӯшишҳои аҷнабиёна тавонистанд ононро аз марказҳои таърихӣю фарҳангиаш маҳрум намоянд, дар исботи миллати бумӣ будани онҳо ва ҳимояи манфиату қонъ намудани эҳтиёҷоташон нақши муассире бозидаанд.

АДАБИЁТ

1. Айни С. Куллиёт. ҷ 1. –Сталинобод: Нашриёти Давлатии Тоҷикистон, 1958.
2. Айни С. Таърихи инқилоби Бухоро, –Душанбе: «Адиб», 1987. –240 с.
3. Айни С. Дар бораи мактаб ва маорифи тоҷик // Овози тоҷик. –1924. –4 сентябр.
4. Айни С. Дар бораи китобҳои мактабии тоҷикон // Овози тоҷик. – 1924. – 12 сентябр.
5. Айни С. Тоҷикони кӯхистон // Овози тоҷик. –1924. –21 сентябр; 5 октябр.
6. Айни С. Қобилияти ташкилотӣ дар тоҷикон // Овози тоҷик. –1924. –14 октябр.
7. Айни С. Дар бораи адабиёт ва китобҳои мактаби Тоҷикистон // Овози тоҷик. –1925. –12 феврал.
8. Айни С. Ба муносибати эълони Ҷумҳурияи мухтори Тоҷикистон // Овози тоҷик. –1925. –15 март.
9. Асадуллоев И. Болохона // Ҷумҳурияг. –2008. –27 май.

10. Фафуров Б. Тоҷикон. Охири асрҳои миёна ва давраи нав. – Душанбе: «Ирфон», 1985.-Қ2.-416с.
11. История Узбекской ССР. -Ташкент: «Фан», 1974.
12. С.А. Қавми тоҷик ва рӯзнома // Овози тоҷик. -1924. -25 август.
13. Усмонов И.К. Журналистика. қ.1. -Душанбе, 2005. -480с.
14. Шакурӣ М. Хурсон аст ин ҷо. -Душанбе: «Оли Сомон», 1997. -292с.

САДРИДДИН АЙНИ И «ОВОЗИ ТОЧИК»

Суть данной статьи заключается в том, что основоположник таджикской советской литературы Садриддин Айни в своих опубликованных статьях в газете «Овози тоҷик» в тех сложных 20-х годах прошлого века, когда пантюркисты отрицали существование коренного таджикского населения в Средней Азии, доказывал их древнейшую историю и богатейшую культуру. Наряду с этим он защищал национальные интересы таджиков и их право на формирование самостоятельной республики.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Садриддин Айни, газета «Овози тоҷик», история таджикского народа, формирование самостоятельной республики.

SADRIDDIN AYNI AND «OVOZI TOJIK»

The essence of given article is that founder of the Tajik Soviet literature Sadrididdin Aini in their published articles in the newspaper «Ovozi Tojik» in 20th of the last century, when the Panturk denied the existence of the indigenous population of Tajikistan in Central Asia, proving their long history and a rich culture. However, he defended the national interest of Tajik and their eligibility to form an independent republic.

In the given article analyzes a several articles of the author, including «on school and education of Tajik», «on the textbooks of Tajik», "Mountain Tajik", «Organizational ability of the Tajik», «The proclamation of the Autonomous Republic of Tajikistan» and etc.

KEY WORDS: Sadrididdin Ayni, the newspaper «Ovozi tojik», history of the Tajik people, formation of independent republic.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: *М. Джурев* - соискатель кафедры печати факультета журналистики Таджикского национального университета. **Телефон:** 918-70-17-64

ПЕДАГОГИКА

МАОРИФ ВА ФАРҶАНГИ ТЕХНИКӢ ДАР АҲДИ СОМОНИӢН

А. Ҳалимов

Коллеҷи омӯзгории Донишгоҳи давлатии Кӯлоб ба номи Абӯабдуллоҳи Рӯдакӣ

Сулолаи Сомониён дар таърихи тамаддуни тоҷикон яке аз давраҳои сарнавиштсози руди илму маърифат ва маориф мансуб меёбад.

Пажӯҳишгарон давраи Сомониёнро аҳди тиллоӣ ва рушду тақомули афкори педагогӣ, фарҳанг, Эҳёи Аҷам ва эҳёи илм маънидод намудаанд.

Дар Асрҳои Миёна, олимону шоирон, табибон ва мутафаккирон бо офаридани асарҳои бунёди миллати форсиҷаҳонро аз вартаи нобудшавӣ ба авҷи аъло расонданд. Барои тасдиқи ин фикрҳои мазкур кофист, ки ба ҳолати илмҳои он замона назар намоем.

Рушди илмҳои дунёшиносӣ ҳанӯз дар Юнони Қадим ба вучуд омада буд ва диққати донишмандонро ба худ ҷалб менамуд. Асрҳои

IX-X донишмандони маъруфро ба майдони илм овард.(1-250).

Аз ҷумла Абуҷусуф Яъқуб ибни Исроҳи Қиндӣ (соли вафот 873),Абубақр Муҳаммад ибни Закариё ибни Яҳёи Розӣ (865-925), Абунаср Муҳаммад ибни Муҳаммади Форобӣ (873-950) Абуабдулло Муҳаммад ибни Аҳмад ибни Юсуфи Хоразмӣ (асриX),Абуалӣ Хусайн ибни Абдулло ибни Алӣ ибни Синои Бухорӣ (980-1037),Абуҳомид Муҳаммад ибни Муҳаммад Тусӣи Ғазолӣ (1058-1111) дар улуми он замон чун ситораи дурахшон буданд. Ва ҳатто баъзе аз ин донишмандон,ба монанди Шарафулмулк Абуалии ибни Сино ва Абуабдуллоҳ ибни Аҳмади Хоразмӣ рочеш ба илмҳои алоҳида рисолаи махсус тасниф намудаанд. Хусусан, Абуабдулло Муҳаммади Хоразмӣ (набоҷад ӯро бо Муҳаммад ибни Мӯсои Хоразмӣ иштибоҳ кард) ки дар китоби худ «Мифтоҳулулум» тамоми илмҳои замонаашро ба илмҳои арабӣ ва ғайриарабӣ таълиф карда буд.

Ҳамаи муҳаққиқон, донишмандони Асрҳои Миёна ва муосир, ки ба таснифоти илмҳои асримёнӣ сару қор доштаанд, бар он ақидаанд, ки илмҳои ғайри арабӣ одатан илмҳои замонавӣ ба ҳисоб мераванд. «Ва илмҳои замонавиро илмҳои ақлӣ ва илмҳои арабиро илмҳои нақлӣ меноманд»(2-207).

Пас метавон гуфт, ки ҳамаи илмҳои дунёи қадим ва Асрҳои Миёнаро ба ду гурӯҳ: илмҳои аҷамӣ ё ақлӣ ва илмҳои арабӣ ё нақлӣ ҷудо кардан мумкин аст. Тибқи баъзе маълумотҳо пояи илмҳои илмҳои ақлий Юнони Қадимро илмҳои форсиҷаҳонӣ бостонӣ ташкил медиҳад. Барои тасдиқи

фикр ба далелу маълумотҳо рӯ меорем. «Масалан, донишманди маъруфи асри XIV Абусаид Абдуррахмон ибни Муҳаммад ибни Халдун (1332-1406) дар ин бора овардааст, ки «форсиён бар шевае буданд, ки ба илми ақлӣ аҳамияти калон меоданд ва доираи он илм дар он кишвар тавсия ёфта буд, зеро давлатҳои мансуби онҳо дар мунтаҳои паҳновари ва азамат буданд ва ҳам гуянд, ки ин илм пас аз он ки Искандар Дороро кушт, аз форсиноҷодон ба юнониён расидааст.

Дар тамаддуни асримиёнагии форсиноҷодҳо дар баробари рушди назму насри безаволи форсӣ - дарӣ (точикӣ) тамоми навҳои илми табиатшиносӣ, аз ҷумла риёзиёту хандаса, илми ҳайату ҷуғрофиё, физикаю кимиё, тиббу фалсафа, маъданшиносиву ҷонваршиносӣ, кишоварзиву обёрӣ ва ғайра дар авҷи тараққиёт буд.

Миллате, ки ба монанди Рӯдакиву Фирдавсӣ, Мавлонову Носири Хисрав, Низомии Ганҷавию Хусрави Дехлавӣ, Саъдию Хофизу Камол, Абдурахмони Ҷомӣю Зайниддин Маҳмуди Восифӣ, Абубакри Розиву Ибни Сино, Абумансур Ҳасани Бухориву Исмоили Ҷурҷонӣ ва монанди инҳо ҳазорҳо нафар мутафаккирони дигарро ба воя расонидааст,

Ҳоло ба таври мухтасар аз дастовардҳои донишмандони он рӯзгор сухан хоҳем гуфт. Илми ҳисоб ва назарияи ададҳо. Аввалин донишмандони асри VIII ва IX ки бузургтарини онҳо Абӯабдулло Муҳаммад ибни Мӯсои Хоразмӣ (780-850) буд, бо лақаби «падари ҷабр» маъруфи Ховару Бохтар аст, ба истеъмоли рақамҳои арабӣ, ки аслан рақамҳои ҳиндианд, сомон доданд. Ҳамин рақамҳои бо ном арабӣ маҳз дар замони Сомониён, яъне дар асри X ба дунё ба майдони ақл расид ва дигаргунӣ куллие дар он ҷо ба вучуд овард. Абулвафо ибни Муҳаммади Бузҷонӣ (940-998), Абусаид ибни Муҳаммади Сичизӣ (951-1024), Абубакр Муҳаммад ибни Аҳмад Берунии Хоразмӣ (973-1048) ва Абӯалӣ Сино аз зумраи он донишмандоне буданд, ки дар илми ҳисоб ва назарияи ададҳо ба таҳқиқ пардохтанд ва таснифоте барои ояндагон ба мерос гузоштанд. Яке аз рисолаҳои Абулвафо Бузҷонӣ Хуросонӣ, ки аз назарияи ададҳо баҳс мекунад ва ҷолиби тавачҷӯҳо боиси тадқиқоти муҳаққиқон гаштааст, «Рисола фил-арисмотикӣ» (яъне «Рисола дар арифметика») ном дорад, аз дастовардҳои донишмандони замон маҳсуб мешавад.

Ва ҳамчунин бояд гуфт, ки олимони Аврупоӣ аввалин маротиба дар асри XI милодӣ ба навиштани рисолаҳои доир ба илми ҳисоб бо ададҳои ҳиндӣ бо истифодаи сифр шурӯъ карданд. Донишмандони он замон сифрро ҳадди ақал 250 сол пештар аз аҳолии мағрибзамин мешинохтанд.

Илми ҷабр ва муқобала, тақмили илми ҷабр яъне аз бузургтарин дастовардҳои донишмандони форсиноҷод буд. Абулвафо Бузҷонӣ ба таҳқиқ ва ҳалли муодилоти дараҷаи чаҳорум пардохта буд.

Ёдовар шудан бамаврид аст, ки танҳо баъди шашуним аср донишманди аврупоӣ Пиер Ферма (1601-1665) соли 1637 теоремаи муҳими худро баён карда буд, ки мувофиқи он муодиларо ба таъб расонида буданд. Чехраи барҷастаи дигари дар илми ҷабру муқобала дар ин замон Абубакр Муҳаммад ибни Ҳасан Карачӣ буд, ки ду китоби маъруфи ӯ бо номҳои «Китоб ал-Фаҳрӣ» ва «Ал-қофи фи-л-ҳисоб» диққати муҳаққиқонро ба худ ҷалб карда ва мавриди таҳқиқу таҳлил қарор гирифтааст.

Қобили қайд аст, ки Архимед (масъалае маъруф дар таърихи риёзиёт, ки дар бораи ба ду қитъаи муайян тақсим кардани кура баҳс мекунад) низ аввалин маротиба дар ҳамин давра, аз тарафи Абуҷаъфар Хозинӣ Хуросонӣ (асри X) ҳалли худро ёфта буд.

Хандаса ва илми мусалласот. «Яке аз муҳимтарин давра дар таърихи илми хандасаву мусалласот маҳз ҳамин замони ҳукмрониву салтанати хонадони Сомонӣ ба шумор меравад» (2-217). Машхуртарин намоёндогони чехраҳои ин фан Абуҷаъфари Хозинӣ (соли вафот 971), Абулвафо Бузҷонӣ, Абусаид Аҳмад ибни Муҳаммади Сичизӣ, Қушҷор ибни Лаббони Ҷилӣ (950-1030), Алӣ ибни Аҳмади Насавӣ (970-1070), Абумаҳмуди Хучандӣ, Абунаср Мансур ибни Ироқ (925-1036, яке аз устодони Беруни), худӣ Абурайҳони Беруни ва Шайхурраис Абӯалии ибни Сино ба шумор меравад. Донишмандони замони Сомониён дар соҳаи илми мусалласот аз ҷайб (синус), ҷайби тамом (косинус), залл (тангенс) ва залли тамом (котангенс) ба хубӣ огоҳӣ доштанд. Аз ҷумла ин донишмандон Абулвафо Бузҷонӣ нахустин олиме буд, ки қазияи ҷайбхоро дар мусалласот куравай ба исбот расонидааст.

Эй он ки шумо пири чавондидоред,
Аз рақибҳои ин кӯҳан деворед,
Тифле зи шумо дар бари мо маҳбус аст,
Уро ба ҳалос ҳиммате бигморед.

Абӯалии Сино дар муайян намудани вазни ҳоси ҷисмҳо низ чун Абурайҳони Беруниву Абубакри Розӣ саҳмгузори кардааст, ки аз ин ҷаҳолияти ӯ Абдурахмони Хозинӣ дар рисолаи «Мизон ал-ҳикма» маълумот додааст.

Умуман, дар баробари тарбия, таълими фалсафаву тибб ва назму насри замони худ Буалии Сино дар инкишофи пешрафти фанҳои табиатшиносии замонаш низ саҳми бузург дорад. «Беҳуда дар

бораи тавоноии ин абармарди»(3-219) майдони ақлу хиради инсонӣ яке аз донишвари бузурги асри XI-и форсу тоҷик Анварии Абевардӣ (1126-1190) фармудааст:

Дар камоли Буалӣ нуқсони Фирдавсӣ нигар,
Ҳар кучо бошад «Шифо», Шохнома» гӯ ҳаргиз мабош.

Ва ҳамчунин муаррихи шинохтаи замони мо А.Ю. Якубовский навишта буд, ки дар охири асри X ва нимаи аввали асри XI дар дунёи мутамаддин ба мисли ду нобиғаи бузург: Ибни Сино тоҷик ва Абурайҳон Беруний хоразмӣ дигар донишманде набуд.

Хизмати марди фозил, оқилу донишманд Буалии Сино дар инкишофу пешрафти ҳамаи соҳаҳои илм ки инсонро ба қуллаи мурод мерасонад, аз ҷумла Омӯзиши ҳамаи фанҳои асрҳои миёна бешубҳа бузург буда, сазовори таҳсину эҳтироми донишмандони ҳам олими маъонӣ давру замон қарор гирифтааст ва худро ӯро барҳақ метавон яке аз асосгузори мактаби ақлу хирад ва дунёи маърифати форсу тоҷик шуморид.

Хизмати арзанда ва олии олами илм Буалии Сино дар таърихи тамаддуни форсиҷаҳон чуноне бояд бошад, ки мавқеи И.Нютон барои англисҳо, Г.Галилей барои италиянҳо.

Ҳамин тавр тоҷикон бо нобиғаҳои нотақрорашон дар соҳаи илм шухрати ҷаҳонӣ пайдо кардаанд. «Аз ин ҷост, ки Ҳукумати Ҷумҳурии Тоҷикистон соли 2010-ро Соли маорифи соли Бузургдошти Фарҳанги техникӣ эълон намуд. Мақсад ки тоҷикон ба таърихи гузаштаи худ боз зиёдтар рӯ оранд ва мавқеи худро дар илмҳои ҷаҳони муайян созанд»⁽⁴⁻²⁴²⁾.

Ҳамчунин Абумахмуди Хучандӣ, Ибни Ироқӣ, Абулҳасани Алӣ ибни Абусаид ибни Юсуф (950-1009) ва Абурайҳони Беруний аз риёзидонони он замон буданд, ки файзу баракати кашфиётҳои то ба мо омада расидаанд. Яке аз арзандатарин китобе, ки дар ин давра таълиф шудааст, «Китоб-ут-тафҳим ли авоили саноат-ит-танҷим»-и Абурайҳони Беруний ба ҳисоб меравад, ки дар таърихи илм бо номи ихтисории «Китоб-ут-тафҳим» маълуму машҳур аст. Муаллиф ин китобро ба мисли «Донишнома»-и Ибни Сино беҳтарин ва нодиртарин намунаи таълифоти форсии дарӣ (тоҷикӣ) дар асрҳои миёна номидааст. Китоб ба ду забон: бо забони арабӣ ва форсӣ (тоҷикӣ) таълиф шудааст.

Дар китоби мазкур ба ғайр аз масъалаҳои муҳими нучуми ҳамон даврон, инчунин масъалаҳои гуногуни илми ҳисобу ҳандаса ва ҷуғрофиё низ мавриди баррасӣ қарор гирифтааст. Ҳамчунин Абурайҳони Беруний яке аз барҷастатарин донишмандони он замон буда, аз маъруфтарин олии олами ҳисоб дар радифи шарафулмулк Абуалии Сино ба ҳисоб меравад, ки дар бораи ӯ қариб ҳамаи муҳаққиқони муосир аз Ҷорҷ Саратон то М.М. Рожанская- тадқиқот бурдаанд. Тадқиқотчиён асори илмӣ Ал-Беруний, бар он ақидаанд, ки ин донишманди асрҳои X-XI комилан дар дараҷаи рушди тафаккури илмӣ дар радифи олимони муосири асри XX ва ибтидои асри XXI қарор дорад. Ба маврид аст, ки ин донишманди овозадори форсиҷаҳоди Хоразмӣ ҳанӯз панҷсад сол қабл аз Николай Коперник (1473-1543)-олими ҷаҳоншумули лаҳистонӣ (польшагӣ) ба дурустии системаи гелиосентрии олам замина гузошта буд.

«Ва ҳамчунин Абурайҳони Беруний чун муаррихи илм яке аз аввалинҳо шуда дар бораи тақвими нисбонии қадими мо – хоразмиёну суғдиён дар «Осор-ул-боқия»ном асараш маълумоти нодире овардааст»⁽⁴⁻²⁴⁵⁾.

Ҳайатшиносии дигари ин замон Абумахмуди Хучандӣ низ дар наздикии шаҳри бостонии Рай (наздикии Техрони имрӯза) расадхонае бино карда буд ва гумон меравад, ки Абурайҳони Беруний дар ҳамин расадхона дар назди олими хучандӣ мурид будааст. Абумахмуди Хучандӣ дар таърихи илми ҳайатшиносии асбобе ихтироъ кардааст, ки муаррихони илм аз он бо номи «сектанти Фаҳрӣ» ёд мекунанд.

Дар қарни X-XI мутафаккирон ва донишмандони табиатшинос ва файласуфони баландмартаба ба монанди Абунасири Форобӣ ва Абуалии Сино дар бораи иксир ва ҷизҳои марбут ба иксир таълифоте ба мерос гузошта ва ҳамчунин дар навиштаҳои худ аз илми кимиё баҳсҳо карданд. Дигар файласуф ва таърихшиносӣ садаи X-XI-и форсу тоҷик Абӯали Аҳмад ибни Муҳаммад ибни Яъқуб ибни Мискавейх (соли вафоташ 1030) низ ба илми кимиё тавачҷӯҳи зиёд дошт. Бино ба маълумоти бархе аз муҳаққиқон ӯ беш аз ҳар каси дигар, ба истиснои Закариёи Розӣ, дар асрҳои миёна ба таҳқиқи масоили кимиёи пардохтааст.

Ҳамчунин аз кимиёшиносони машҳур он замон Абумуслим Муҳаммад ибни Иброҳими Маҷритӣ – муаллифи «Ал-авзон фи илм ал-мизон» ва Абулҳаким Муҳаммади Косӣ-муаллифи «Айн-ус-санъат ва таъвн-ус-синоат»-ро наметавон ёд накард. Дар китобҳои таърихи илми кимиё собит шудааст, маҳз донишмандони асрҳои X-XI олами соҳаи кимиё ба кашфиёт ва тақмили усулҳои тақтиру таҳҷонкунӣ ҳиссаи бузург гузоштанд. Қобили зикр аст, ки он Абубакри Розӣ аввалан шахсият, ки роҷеъ ба саҳми донишмандони овозадори олами фазл дар илми физикаи асрҳои миёна нақши назаррас дорад. Абӯбакри Розӣ олими энциклопедист буда, рушди дар ҳамаи соҳаҳои илми замонааш

сахми арзанда гузошта ва рисолаҳои зиёде таълиф намудааст. Шумораи асарҳои ӯро дар сарчашмаҳои таърихӣ ҳар хел маънидод мекунанд.

Муҳаммад Закариёи Розӣ ва дигар намоёндагони соҳаи табиатшиносии форсинаҷод физикаро ба он маъно, ки имрӯз мо дар назар дорем, намеомӯхтанд. «Маълум аст, ки «физика» аз калимаи юнонии «фюсис» пайдо шуда ва тарҷимааш табиат аст». (5-149). Ва ҳуди юнониёни қадим ҳам «фюсис»-и худро ба маънои «физика»-и имрӯза таҳқиқ намекарданд. Вале бояд гуфт, ки «илмат-табиӣ»-и ниёгони мо, ки ҳаммаъноӣ ҳамон «фюсис»-и юнони бостонӣ аст, роҷеъ ба ҳалли баъзе масъалаҳои физикаи асрҳои миёна нақши муҳимро иҷро кардааст.

Аз сарчашмаҳо маълум мешавад, ки вазни ҳоси ҷисмҳо дар дунёи қадим ва асрҳои миёна яке аз масъалаҳои муҳим ва мушкили физикаи амалӣ ба ҳисоб мерафт. Абубакр Муҳаммад ибни Закариёи Розӣ чун донандаи илми физика дар замони худ маъруфу машҳури замони худ гардида буд. Ӯ ба муайян намудани вазни ҳоси ҷисмҳо машғул шуда, ҳамчунин усули нави фарқкунанда аз усули пешиниён ба монанди Архимидус (Архимед, 287-212 п.а.м) ва Менелаус (Менелай, асри I-II милодӣ) ба миён овард. Дар ин бора рисолае зери унвони «Мизон ат-табиӣ» («Тарозуи табиӣ») ё худ онро «Тарозуи физикӣ» ҳам номидан мумкин аст) ба мерос гузошт, ки аз он ҳам Абурайҳони Берунӣ ва ҳам дорандаи физикаву ҳаётшиносии асри XII Абдурахмони Хозинӣ маълумот додаст.

Дар асрҳои XI-X- мутафаккирон, олимон, файласуфони зиёде ба масъалаҳои мухталифе марбут ба илми физика машғул буданд. Абунаслр Муҳаммади Форобӣ, ҳмад ибни Хусайни Аҳвозӣ (асри X), Абусаҳли Кӯхӣ (асри X-XI), Абуали Исо ибни Исҳоқ (943-1008), Муҳаммад ибни Аҳмад ибни Муҳаммад ибни Юсуфи Хоразмӣ (нимаи дуввуми асри X), Абусаҳл Исо ибни Яҳё Чурҷонӣ Масеҳӣ (977-1011), Абуали ибни Хайсам, Абуали Хусайн ибни Сино, Абурайҳони Берунӣ, Абдурахмон ибни Халифи Мухӣ (асри XI), буабдуллоҳ ибни Юсуфи Ҷаънӣ (989-1080) ва чанде дигарон аз барҷастатарин донишмандони соҳаи физикаи ҳамон замон мансуб мешаванд.

Абунаслри Форобӣ ки яке аз чеҳраҳои барҷастаи ҳамин даврон ва донишманди маъруфи форси наҷоди мебошад ва бо лақаби «муаллими сонӣ», («муаллими аввал» Арастуро меномиданд) дар байни олимони олами ислом шӯҳрати зиёде пайдо карда буд, бо баъзе масъалаҳои замонааш из ҷиссагузорӣ кардааст. Ин донишманди маъруф ба монанди Бурайҳони Берунӣву Буалии Сино порчаҳои шеърӣ низ ба шакли рубоӣ ба мерос гузоштаанд, ки рубоии зайл намунае аз рубоҳои ба забони тоҷикӣ (порсии дарӣ) эҷодкардаи ӯст:

Аз қаҳри гили сиёҳ то авҷи зуҳал,
Кардам ҳама мушкилоти гетиро ҳал.

Ҳамин тавр, мутафаккирони аҳди сомониён дар рушди соҳаҳои илм, мактабу маориф ва фарҳанги техникӣ нақши назаррас доштанд.

А Д А Б И Ё Т

1. Эмомалӣ Раҳмон. Нигоҳе ба таърих ва тамаддуни Ориёӣ. Душанбе, Ирфон соли 2006.- 449 с.
2. Неъматов Н. Давлати Сомониён. Душанбе, Ирфон, соли 1989; 304 с.
3. Мухторов А. Сомониён: Замон ва макон. Душанбе, Сурушон, соли 1999; 288 с.
4. Муҳаммадҷон Шакурӣ. Хуросон аст ин ҷо. Душанбе, Оли Сомон соли 1997.-290 с.
5. Отахонов Тему рва диг. Очерҳои Афкори педагогӣ. Душанбе, Деваштич, с. 2005.- 224 с.

ОБРАЗОВАНИЕ И ТЕХНИЧЕСКИЕ ЗНАНИЯ В ПЕРИОД САМАНИДОВ

Династия Саманидов в истории таджикской цивилизации занимает особое место. На этой период приходится наивысший расцвет и развитие науки, культуры и образования таджикского народа.

Автором в данной статье изучена история развития образования и технических знаний в период правления династии Саманидов.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: период Саманидов, образование, наука, технические знания, развитие образования и науки в период Саманидов.

FORMATION AND TECHNICAL KNOWLEDGE DURING THE PERIOD SAMANIDOV

The dynasty Samanidov in the history of the Tajik civilization takes a special place. On this the period is necessary the highest dawn and development of a science, culture and formation of the Tajik people. The author in given article studies history of a development of education and technical knowledge in board of a dynasty Samanidov.

KEY WORDS: the period Samanidov, formation, a science, technical knowledge, a development of education and sciences during the period Samanidov.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: А.Халимов – кандидат педагогических наук, доцент, директор Педагогического колледжа Кулябского государственного университета им. А.Рудаки. **Телефон:** 918-93-72-58

РЕЧЕВАЯ ПОДГОТОВКА РЕБЕНКА К ШКОЛЕ

Л.М.Иматова, Ш.Котибова

Институт развития образования Академии образования Таджикистана

Интеллектуальное развитие человека проходит возрастные ступени и при переходе от одной ступени к другой происходит совершенствование познавательных процессов, речи, а также эмоционально-волевой сферы.

Интеллект и речь у человека появляются на ступени раннего детского возраста и интенсивно совершенствуются в дошкольном, младшем школьном и подростковом возрасте.

Внимание к развитию речи ребенка на первых возрастных ступенях особенно важно потому, что в это время интенсивно растет мозг ребенка и формируются его функции.

«Функции и формы речи на протяжении дошкольного возраста становятся чрезвычайно разнообразными. Ребенок овладевает всеми основными формами устной речи, присущими взрослым. Новые потребности общения и деятельности, приводящие к развитию новых форм речи, ведут к интенсивному овладению языком, его словарным составом и грамматическим строем. Речь ребенка становится все более связной» [11].

Если взрослые, окружающие ребенка, начинают правильно учить его говорить уже с младенческого возраста, то такой ребенок развивается нормально: у него появляется способность представлять, затем и мыслить, и воображать; с каждой возрастной ступенью эти способности совершенствуются.

Когда дошкольник меняет свой статус и становится школьником, взрослые начинают предъявлять ему более высокие требования. Прежде всего это касается уровня речевого развития. Поэтому педагоги и родители должны позаботиться о полноценном развитии речи ребенка еще в дошкольном возрасте, чтобы в школе он не испытывал дискомфорта, тревожности, неуверенности в себе.

Воспитатель обязан помнить, что обучая ребенка родной речи, одновременно способствуют развитию его интеллекта и готовят основу для успешного его учения в школе, для творческого поведения его в трудовой деятельности. Конечно же, задержка речевого развития на первых возрастных ступенях не может быть компенсирована впоследствии.

В развитие речи ребенка существуют задачи, которые имеют значение для становления всех форм речи. Одним из таких важных задач является формирование звукопроизношения у детей дошкольного возраста.

Неправильное звукопроизношение и другие речевые недостатки приносят ребенку немало огорчений в старшем дошкольном возрасте, а в школе трудностей становится ещё больше. Многие родители считают подобные проблемы возрастными и полагают, что они исчезнут сами по себе. Однако это не так. Ребенок начинает стесняться во время общения со сверстниками и взрослыми, отказывается участвовать в праздниках с рассказыванием стихов, неуверенно чувствует себя во время ответов на занятиях и уроках. Именно в этой ситуации ребенку нужна помощь взрослого, а в отдельных случаях требуется специальная логопедическая работа.

Предпосылкой успеха является создание благоприятных условий для работы по формированию правильного звукопроизношения: необходимо вызвать интерес у ребенка, а для этого нужно использовать игру, рисование, художественное слово и другие средства, побуждающие познавательную активность ребенка, позволяющие избежать быстрого утомления.

Темп речи ребенка, четкость произношения каждого слова, правильность ударений в словах и интонационная выразительность речи — составные компоненты культуры речи. Это надо учитывать во всех формах речевого общения с ребенком.

В норме формирование правильного звукопроизношения заканчивается у детей к 4—5 годам и работа идет по улучшению дикции, то есть умения правильно пользоваться звуками в потоке речи. Дети не затрудняются в произнесении слов любой структуры, применяя многосложные слова в предложениях. Конечно, совсем новое слово может вызвать затруднение в произнесении, поэтому требуется выбрать более медленный темп речи, произнесение по слогам, чтобы трудное слово воспринялось и запомнилось правильно. Очень важно именно первый раз безошибочно произнести новое слово, а затем закрепить его в разных предложениях.

Шестилетние дети четко различают на слух все звуки родного языка. Вычлениют слова из потока речи, устанавливают последовательность звуков в том или ином слове, то есть развиваются навыки звукового анализа слов.

Однако не все дошкольники в состоянии самостоятельно освоить произношение отдельных звуков родного языка. Надо отметить, что большая роль в развитии этих навыков принадлежит взрослым, работающим с детьми в данном направлении. Можно даже утверждать, что без участия взрослых эти очень нужные умения могут совсем не сформироваться.

Словарный запас дошкольника шести-семи лет достаточно велик и уже не поддается точному учету, тем более существует большой разрыв в количественном отношении у детей с разным речевым развитием: есть дети, обладающие богатейшим словарным запасом, очень осведомленные в разных областях знаний, умеющие читать и поэтому развивающие свой словарь самостоятельно, и, с другой стороны, среди поступающих в первый класс встречаются дети, чей словарь очень беден и ограничивается бытовой тематикой, речи. Так как в словаре будущих первоклассников имеются слова всех частей речи, используются в речи довольно много числительных, разными глагольными формами, в частности, причастиями и деепричастиями.

Дети хорошо понимают и используют в речи антонимами обозначающих пространственные понятия (высокий — низкий), состояние предметов (горячий-холодный), чувства человека (грустный — веселый), свойства характера (добрый — злой). Им не составляет труда подбирать слова противоположным значением и к наречиям, выражающим пространственные и временные понятия (рано — поздно, здесь — там, раньше - позже, слева-справа и другие).

Также, при целенаправленной подготовке ребенка к школе, в их активном словаре появляются первые научные термины: звук, буква, - звуки в потоке, сложение, деление цифра. Взрослым надо учить детей точно употреблять звуки, термины, чтобы в школе ребенку было легче ими оперировать,

При развитии словаря ребенка-дошкольника очень важно обратить внимание на наличие в его **речи** слов-обобщений. Ребенок легко самостоятельно усваивает названия конкретных предметов и явлений, что совершенно необходимо для его речевой практики, но общие же понятия формируются только с помощью взрослых. На 5-м году жизни малыш должен владеть такими общими понятиями, как овощи, фрукты, одежда, игрушки, обувь, посуда и т.п. В старшем возрасте вводятся новые обобщения: дерево, стекло, профессия, цвет, форма и многое другое.

Знакомить ребенка с такими понятиями можно в бытовых ситуациях, на прогулке, при чтении книг, а активизировать употребление обобщенных слов лучше всего в различных играх. Например, кто больше назовет знакомых игрушек, профессий, стеклянных предметов или кто скорее догадается назвать одним словом все предметы, которые начал перечислять взрослый (например, платье, рубашка, сорочка, брюки и т.п. — это одежда).

Предложите детям игру «Составь загадку». Один из играющих перечисляет характерные признаки определенного предмета (например, животное, серый, косялапый, любить мед — о медведе; профессия, лечит, белый халат одевает — о докторе и т.п.), а играющие должны назвать его. Отгадавший сам составляет свою загадку. Такая игра требует от детей умения определить класс предметов, о которых идет речь, а затем перечислить характерные признаки предмета.

Третья важная задача в развитии речи дошкольника является овладение ее грамматическим строем. Несмотря на то что ребенок в очень короткий срок довольно успешно усваивает грамматический строй языка, педагогу и родителям необходимо внимательно следить за речью ребенка и исправлять все его ошибки.

Главное направление в работе по развитию грамматического строя речи - это помочь им начать относиться осознанно к грамматике. До сих пор они овладевали практически грамматической системой, не подозревая, что они склоняют, спрягают, изменяют по родам, числам слова различных частей речи, употребляя при этом сложные и простые предложения. Об этом они узнают конечно позже в школе, но уже в 6-7 лет можно познакомить детей с понятием «предложение», «слово» и показать, что речь состоит из предложений, а предложение из слов. Вначале данные понятия вводятся с помощью вспомогательных средств: для предложения применяется длинная полоска, а для слов короткие полоски.

Дети слушают предложение и выкладывают сначала длинную полоску, а затем короткие по числу слов в предложении. Первые предложения для анализа не содержат в составе предлогов и союзов, но конечно, постепенно такие предложения обязательно нужно учить анализировать, чтобы дети усваивали навык разделительного написания предлогов и союзов еще задолго до того, как начнут овладевать письмом.

Для того чтобы ребенок грамотно строил свою речь, желательно проводить с ним некоторые специальные игры и упражнения. Так, например, для большинства детей представляет известную трудность правильно назвать детенышей животных особенно во множественном числе, поэтому потренируйте ребенка в образовании множественного числа (лиса и лисята, курица и цыплята, а не лисенки, цыпленки и т.п.).

При поступлении в школу, конечно каждый ребенок должен научиться содержательно, грамматически правильно, связно и последовательно излагать свои мысли. В связной речи отражается его умение осмыслить воспринимаемое и выразить его в правильной и логичной речи. По тому, как ребенок умеет строить свое высказывание, можно судить об уровне его речевого развития.

Во время связного изложения своих мыслей ребенок должен соблюдать нормы словоупотребления, словоизменения, произношения звуков, а также правильно построить высказывание с точки зрения логики события, о котором рассказывается.

Известна два основных вида речи – диалогическая и монологическая. Для детского возраста каждый из них имеет свои особенности. Диалогическая речь побуждает детей к неполным, односложным ответам. Неполное предложение, восклицание, интонационная выразительность, жест, мимика и т.д. – основные черты диалогической речи.

Собственно монологической речью дети начинают овладевать на основе диалогической речи. Не все дети испытывают потребность подолгу и связно говорить. Со стороны взрослых должна прослеживаться огромная заинтересованность в развитии данного вида речи.

По мнению Ф.А.Сохина «В связной речи наглядно выступает осознание ребенком речевого действия. Произвольно выстраивая свое высказывание, он должен осознать и логику выражения мысли, связность речевого изложения» [10].

Как уже было сказано, монологическая речь строится на хорошо развитом умении вести беседу, то есть на диалоге. Нужно побольше общаться с ребенком, вызывая его на разговоры на различные темы, при этом давая возможность ему сказать как можно больше.

Игры по развитию речи детей дошкольного возраста, позволяют ребенку научиться сравнивать предметы, объекты, явления, способствуют развитию речи, наблюдательности. В основу работы должны быть положены принципы перехода от простого к сложному, системность и концентричность при изучении материала:

Кто назовет больше действий: Учить подбирать глаголы, обозначающие действия.

- Что можно делать с цветами? (Рвать, сажать, поливать, смотреть, любоваться, дарить, нюхать, ставить в вазу.)

- Что делает дворник? (Подметает, убирает, поливает цветы, чистит дорожки от снега, посыпает их песком.)

- Что делает самолет? (Летит, гудит, поднимается, взлетает, садится.)

- Что можно делать с куклой? (Играть, гулять, кормить, лечить, купать, наряжать.)

За каждый правильный ответ воспитатель дает ребенку цветную ленточку. Побеждает тот, кто наберет ленточки всех расцветок.

Где что можно делать: Активизация глаголов, употребляющихся в определенной ситуации.

- Что можно делать в природе? (Гулять, играть, слушать птиц, отдыхать.)

- Что можно делать на реке? (Купаться, нырять, загорать, кататься на лодке, ловить рыбу.)

Закончи предложение: Учить подбирать глаголы, обозначающие окончание действий.

Воспитатель начинает предложение, а ребенок заканчивает: «Наргис проснулась и... (пошла умываться, чистить зубы, делать зарядку). Фирдавс ... (пошел гулять, играть в футбол, вышел на улицу). Зайчик испугался и ... (спрятался в кусты, задрожал, помчался прочь). Насиба обиделась и ... (заплакала, не стала разговаривать с детьми)». Незавершенность предложений воспитатель подсказывает интонацией.

Расскажем про Лолу и зайчика: Составлять совместный повествовательный текст, учить оканчивать интонационно предложения рассказа по схеме.

Воспитатель предлагает рассказать про Лолу: «Как-то раз Лола (проснулась, сделала зарядку и решила пойти в лес). Она ... (пригласила на прогулку брата Комрона). Дети взяли с собой ... (мячи, прыгалки). На полянке ... (они увидели зайчика), который ... (так испугался, что не мог двигаться). И вдруг ... (заяц побежал от ребят). А Лоле и Комрону ... (стало очень весело)».

Игра-инсценировка с игрушками: Учить разыгрывать инсценировки по содержанию хорошо знакомых произведений.

Сначала воспитатель читает сказку, затем идет совместный пересказ, а потом проводится инсценировка. Например, в сказках «Заюшкина избушка», «Три зайчонка» можно изменить сюжет или его окончание, включить новых персонажей. В сказке «Коза – кудрявые ножки» в избушку приходит не волк, а медведь. В новом сюжете дети интереснее привлекаются к диалогу между героями сказки.

Из всего сказанного ясно, что развитие речи является одной из наиболее и значимых сторон подготовки ребенка к школе, так как именно речь ребенка включается в развитие всех познавательных процессов.

А. Н. Гвоздев отмечает: «Достижимый к школьному возрасту уровень овладения родным языком является очень высоким. В это время ребенок овладевает всей сложной системой грамматики, включая самые тонкие действующие в родном языке закономерности синтаксического и морфологического порядка» [2].

Речевая подготовка ребенка к школе будет идти интенсивно только в том случае, если мы, взрослые создадим такие условия, которые и будут стимулировать это развитие.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеева М.М., Яшина В.И. Методика развития речи и обучения родному языку дошкольников. – М., 2000.
2. Гвоздев А.Н. Усвоение ребенком звуковой стороны русского языка. – М., 1948.
3. Дьяченко О.М., Лаврентьева Т.В. Психологические особенности развития дошкольников. – М. 2009.
4. Попова Т. Интонационная выразительность речи // Дошкольное воспитание, №5, 2008, с.46-49

5. Козырева Л.М. Развитие речи детей 5-7 лет. - Ярославль, 2002.
6. Красильникова Л. Осознанная речевая активность детей 6-7 лет // Дошкольное воспитание, №4, 2008, с79-85
7. Лутфуллоев М. Асосноии таълими ибидоии забони модарӣ. - Душанбе, 2007.
8. Макасов А.И. Правильно ли говорит ваш ребенок - Москва, 1988.
9. Развитие речи и творчества дошкольников /Под ред. О.С.Ушаковой. - М., 2009.
10. Развитие речи детей дошкольного возраста /под ред. Ф.А.Сохина - М., 1976
11. Тумакова Г.А. Ознакомление дошкольника со звучащим словом. - Москва, 1991.
12. Федоренко Л.П., Фомичева Г.А., Лотарев В.К. "Методика развития речи детей дошкольного возраста", М., 1977
13. Эльконин Д.Б. Детская психология. - М., 2007.

РЕЧЕВАЯ ПОДГОТОВКА РЕБЕНКА К ШКОЛЕ

Развитие речи является одним из основных аспектов развития детей дошкольного возраста. В данной статье автором рассмотрены вопросы, которые имеют очень важное значение для развития всех форм речи

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: интеллект, речь, познавательные процессы, общение, речевая подготовка, формирование звукопроизношения, словарный запас, грамматический строй, связная речь, игры по развитию речи

SPEECH PREPARATION OF THE CHILD FOR SCHOOL

Speech development is one of the most difficult and significant parties of development of children of the senior preschool age. In given article problems which matter for formation of all forms of speech are considered.

KEYWORDS: intelligence, speech, informative processes, dialogue, speech preparation, formation voice speech, a lexicon, a grammatical system, coherent speech, games on speech development

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ: *Л.М.Иматова* – кандидат педагогических наук, заведующий отделом дошкольного и начального образования Института развития образования Академии образования Таджикистана.

Ш. Котибова – старший научный сотрудник Института развития образования Академии образования Таджикистана

ФОРМИРОВАНИЕ НРАВСТВЕННЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ У ДЕТЕЙ В ПРОЦЕССЕ ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Р.Х. Давлатшоева

Академия образования Таджикистана

В начале исследования необходимо раскрыть сущность базовых понятий, которыми мы будем оперировать на протяжении всей работы. Ключевыми понятиями в данном исследовании являются: структура морали, общечеловеческие ценности, этические знания, развитие этических знаний. В истории развития человеческого общества менялся подход к рассмотрению моральных ценностей. Каждый исторический период характеризуется новым этапом в развитии морали. Нашей целью является осветить в первом параграфе, каким образом сформировались ценности современного общества; выявить основные подходы педагогов к целям воспитания подрастающего поколения. Рассмотрим в кратком изложении гносеологические корни современных подходов, определим сущность терминов. Термин «этика» был введен Аристотелем. Это греческое слово «ethos» - обычай, характер, образ мыслей.

Предметом этики у Аристотеля являлось учение о добродетелях, добродетельном поведении [1. 32]. Наряду с понятием этики со времени завоеваний Александра Македонского используется понятие мораль. Это слово латинского происхождения «moralize» и имеет более узкое значение по сравнению с понятием этики. Мораль, по понятиям древних римлян, является отражением степени приобщенности к «своей» культуре. Для того, чтобы сохранить свою культуру от ассимиляции в эллинской, римлянам необходимо было четко разграничить «свои» обычаи и «чужие». Мораль служила в этом отношении мериллом усвоения общепризнанных черт в поведении собственных предков. Данные различия в происхождении и сущности понятий послужили в дальнейшем тому, что "этика" и "мораль" стали наполняться разным содержанием.

Под этикой понимают науку, область знания, предметом которой является мораль (А.А. Гусейнов, Р. Г. Апресян, И.С. Кон, Ф.Т.Хаматнуров). С понятиями «мораль» и «нравственность» дело обстоит сложнее. Здесь существует два основных подхода. Эти понятия ранее не разделялись в философии (И.С. Кон, В.П. Кобляков). Но современные авторы их разводят. Под моралью понимается специфическое общественное явление, определяемое совокупностью объективных условий жизни общества, это форма общественного сознания, совокупность норм и принципов, которыми люди руководствуются в своем поведении.

«Нравственность» же трактуется как более узкое понятие, как область субъективно-индивидуальной моральности, сфера моральной свободы личности (Ф.Т.Хаматнуров, А.И.Шемшурин и др.).

Для нашего исследования такое разграничение имеет принципиальное значение. Нравственное воспитание предполагает усвоение человеком общественных норм. В большей степени это уровень

обыденного сознания, дети просто воспринимают, запоминают с помощью учителя моральные нормы, присваивая их, тем самым, переводя в область субъективно-индивидуальной нравственности. Этические же знания, исходя из определения этики предполагают теоретический уровень осмысления, обоснование абсолютного и всеобщего характера моральных законов.

Таким образом, с нашей точки зрения, более эффективно применение термина этические знания, нежели нравственные нормы. Роль морали в обществе огромна. Для нас важным моментом является то, что учеными признается мораль как один из основных механизмов управления, регулирования общественной жизни. Например, Л.М. Архангельский выделяет три функции морали: гносеологическая (отражательная), регулятивная и гуманистическая (воспитательная). Е.А. Якуба - функции социальной ориентации и регулирования. Также выделяются функции гносеологическая, воспитательная, революционно-критическая, апологетическая (С.Ф.Анисимов, В.П.Кобляков), функция предвосхищения (А.И. Титаренко), функция формирования социального субъекта (Т.С. Лапина).

Таким образом, мораль имеет всеобъемлющий характер и осуществляет основные функции:

1. Функция социальной ориентации или социального регулирования;
2. Познавательная (отражательная), революционно-критическая и апологетическая;
3. Мораль как система ценностей, побуждений и ограничений личности воспитательная и более широко - функция формирования социального субъекта.

Говоря о структуре морали, необходимо сказать, что мораль конкретного общества отражается, во-первых, в сфере общественного сознания, во-вторых, в сфере общественной деятельности и, в-третьих, в сфере общественных отношений. Для выявления условий нравственного развития человека, необходимо знать структурную иерархию нравственного сознания. Элементарной формой требования являются нравственные нормы. Посредством предъявления норм в обществе предписывается или же запрещается поведение определенного типа. Следующий уровень морального сознания - нравственное качество. Когда у индивида сформировались определенные нравственные качества, конкретные предписания или запрещения определенных действий в сознании не фиксируются, поскольку человек способен самостоятельно принимать решения.

Еще более обобщенно моральное сознание отражается в понятии «нравственный принцип», в котором обозначаются выработанные в моральном сознании общества требования, касающиеся нравственной сущности человека, его назначения и которые служат основанием для частных норм поведения.

Наконец, наиболее абстрактный слой морального сознания отражается в понятии «нравственной ценности». Обобщенные представления о чем-то предпочитаемом называются ценностями, на них ориентированы нормы и принципы, подчиняющие поведение человека.

Понятие ценности является высшим результатом развития потребностей человека. Ценности являются наиболее высоким уровнем мотивации поведения по сравнению с потребностями, которые составляют ее низший, элементарный уровень. На первый план выступает не то, что безусловно необходимо, без чего нельзя существовать (эта задача решается на уровне потребностей), не то что выгодно с точки зрения материальных условий бытия (это уровень действия интересов), а то, что должно, что соответствует представлению о назначении человека, его достоинстве, те моменты в мотивации поведения, в которых проявляется самоутверждение и свобода личности. По сравнению с интересом, который представляет собой утверждение единичного во всяком общем деле, ценность — это утверждение всеобщего в деятельности индивида.

Существует понятие высшей ценности, которая обладает свойствами безусловности (абсолютности), то есть независимой от преходящих обстоятельств и универсальности, то есть должна быть принята каждой личностью. Эту высшую ценность также называют идеалом.

С нашей точки зрения именно усвоение общечеловеческих идеалов и ценностей, понимание их абсолютного и универсального характера должно стать перспективной целью в воспитательной работе с детьми. Особое значение при этом получает система ценностных ориентации. Ценностные ориентации индивида имеют решающее значение в регуляции его поведения. Если в системе ценностных ориентации существует непоследовательность, противоречия в иерархии ценностей, то человек способен изменить своим высоким идеалам под внешним давлением или из-за эгоистических интересов. И наоборот, целостная, осмысленная иерархия ценностей обеспечивает последовательность в поведении, верность выбранной цели, несмотря на обстоятельства [2, 203].

Содержание ценностных ориентации (мировоззренческие, нравственные убеждения, глубокие и постоянные привязанности, нравственные принципы поведения) является элементом саморегуляции деятельности личности. Благодаря тому, что мораль пронизывает все сферы жизнедеятельности человека, любые действия имеют определенное нравственное значение. Поэтому нравственная деятельность это не какая-то отдельная изолированная

Слова «нравственность», «мораль», «этика» близки по смыслу. Но возникли они в трех разных языках. Слово «этика» происходит от греч. *ethos* — нрав, характер, обычай. Его ввел в обиход 2300 лет назад Аристотель, который назвал «этическими» добродетели или достоинства человека, проявляющиеся в его поведении, — такие качества, как мужество, благоразумие, честность, а «этикой» — науку об этих качествах. Слово «мораль» — латинского происхождения. Оно образовано от лат. *mos* (мн. ч. *more*), что означало примерно то же, что *ethos* в греческом — нрав, обычай. Цицерон, следуя примеру Аристотеля, образовал от него слова *moralis* — моральный и *moralitas* — мораль, которые стали латинским эквивалентом греческих слов *этический* и *этика*. А «нравственность» — русское слово, происходящее от корня «нрав». Оно впервые попало в словарь русского языка в XVIII столетии и стало употребляться наряду со словами «этика» и «мораль» как их синоним. Так в русском языке появились три слова с примерно одним и тем же значением. «Нравы не вечные и не неизменные категории, они воспроизводятся силой привычки масс, поддерживаются авторитетом общественного мнения, а не правовых положений.» (3. с. 155)

Мораль исторически конкретна, она изменяется с развитием общества. Нет морали, единой для всех времен и народов. По мере смены общественно-экономических формаций менялись представления о нравственности, приличествующих нормах и нравах поведения в общественной среде.

Процесс формирования представлений о нравственности начался в середине первого тысячелетия до нашей эры в Древней Греции, Индии, Китае. Проблемами нравственности активно занимались Сократ (469-399 гг. до н.э.), Платон (428-348 гг. до н.э.), Аристотель (384-322 гг. до н.э.). Тогда о нравственном человеке говорились: «*Нравственно прекрасным называют человека совершенного достоинства ... Ведь о нравственной красоте говорят по поводу добродетели: нравственно прекрасным зовут справедливого, мужественного, благоразумного и вообще обладающего всеми добродетелями человека.*» (3, с. 360). Словом, в V веке до нашей эры исследования нравственности начинают занимать важное место в духовной культуре. Разумеется, появление интереса к этим исследованиям было не случайно, а явилось следствием социально-экономического, духовного развития человечества.

В предшествующий период на протяжении тысячелетий был накоплен первичный мыслительный материал, который закреплялся, главным образом, в устном народном творчестве — в мифах, сказках, религиозных представлениях первобытных людей. Много общества, в пословицах и поговорках и в котором делались первые попытки как-то отразить, осмыслить отношения между людьми, отношения человека и природы, как-то представить место человека в мире. Далее, началу процесса способствовала и крутая ломка общественной жизни, которая происходила в середине первого тысячелетия до нашей эры. Все более укреплявшаяся государственная власть выпесняла родоплеменные отношения, старые традиции, обычаи. Возникла потребность в формировании новых ориентиров, идеалов, новых механизмов регулирования отношений между людьми.

В. Даль толковал слово мораль как «нравственное ученье, правила для воли, совести человека» (4, с. 345) Он считал: «*Нравственный — противоположный телесному, плотскому, духовный, душевный. Нравственный быт человека важнее быта вещественного.*» (5, с. 558).

А. Ницше считал: «Быть моральным, нравственным, этическим - значит оказывать повиновение издревле установленному закону или обычаю» (41, с. 289). «*Мораль - это важничанье человека перед природой.*» (6, с. 735).

В научной литературе указывается, что мораль появилась на заре развития общества. Определяющую роль в ее возникновении сыграла трудовая деятельность людей. Руководствуясь моральными нормами, личность тем самым способствует жизнедеятельности общества. Мораль поддерживается силой общественного мнения и обычно соблюдается в силу убеждения. При этом мораль оформляется в различных заповедях, принципах, предписывающих, как следует поступать.

С годами понимание нравственности изменилось. Так, например, в словаре **Онжегова С.И.** мы видим: «*Нравственность — это внутренние, духовные качества, которыми руководствуется человек, этические нормы, правила поведения, определяемые этими качествами.*» (7, с. 414).

Л.А. Григорович дал следующее определение: «*нравственность — это личностная характеристика, объединяющая такие качества и свойства, как доброта, порядочность, дисциплинированность, коллективизм.*» (8, с. 104)

«*Нравственные нормы — это правила, требования, определяющие, как человек должен поступить в той или иной конкретной ситуации. Нравственная норма может побуждать к определенным поступкам и действиям, а может и запрещать или предостерегать от них.*» (9, с. 104)

Воспитание - это двусторонний процесс, основанный на взаимодействии воспитателя и воспитуемых. 10. с.25)

Понятие **нравственное воспитание** профессор Подласый П.И. раскрывает как целенаправленное и систематическое воздействие на сознание, чувства и поведение воспитанников с целью формирования у них нравственных качеств, соответствующих требованиям общественной морали. (11. с. 163)

Основные задачи нравственного воспитания: «1. формирование нравственного сознания; 2. воспитание и развитие нравственных чувств; 3. выработка умений и привычек нравственного поведения.» (12. с. 163)

*«Нравственное сознание – активный процесс отражения ребенком своих нравственных отношений, состояний. Субъективной движущей силой развития нравственного сознания является **нравственное мышление** – процесс постоянного накопления и осмысления нравственных фактов, отношений, ситуаций, их анализ, оценка, принятие нравственных решений, осуществление ответственных выборов. (13. с. 266)*

Нравственные чувства, сознание и мышление являются основой и стимулом проявления нравственной воли.

В психологической литературе понятие о мотиве трактуется по-разному. Мы считаем, что задача учителя формировать у младшего школьника именно устойчивые осознаваемые причины поведения, поэтому мы будем пользоваться определением **«мотив – это внутренняя устойчивая психологическая причина поведения человека».**

Отметим еще, что мотивами поведения (устойчивыми причинами) могут являться взгляды, убеждения, понятия человека о нравственности.

Термином **«мотивация»** в современной психологии обозначаются два психических явления:

1. Совокупность побуждений, вызывающих и определяющих активность индивида, то есть система факторов, детерминирующая поведение.

2. Процесс образования, формирования мотивов, характеристика процесса, который стимулирует и поддерживает поведенческую активность на определенном уровне.

В нашем исследовании мы будем иметь в виду второе определение, так как в данном случае важна не совокупность побуждений сама по себе, а именно процесс формирования мотивов в младшем школьном возрасте, который имеет педагогическую характеристику.

Мотивационные явления, неоднократно повторяясь, со временем становятся чертами личности.

К таким чертам можно отнести мотивы достижения успеха и избегания неудачи.

Для правильной организации своей работы учителю необходимо знать, как формируется мотивация личности. Существует два механизма.

1. Заключается в том, что стихийно сложившиеся или специально организованные воспитателем условия учебной и трудовой деятельности и взаимоотношений избирательно актуализируют отдельные ситуативные побуждения, которые при систематической актуализации постепенно переходят в устойчивые мотивационные образования. Это механизм формирования «снизу вверх».

2. Механизм же «сверху вниз» заключается в усвоении воспитуемым предъявляемых ему в готовой форме побуждений, идеалов, содержания направленности личности, которые по замыслу воспитателя должны у него сформироваться и которые сам воспитуемый должен постепенно превратить из внешне понимаемых во внутренне принятые и реально действующие.

Полноценное формирование мотивационной системы личности должно включать в себя оба механизма.

О нравственности человека обычно судят по его поведению, но поведение – понятие весьма широкое и охватывает все стороны жизнедеятельности личности. Поэтому для раскрытия его нравственной сущности необходимо выделить какую-то наименьшую единицу, которая сохраняла бы свойства целого. Такой наименьшей единицей поведения может служить поступок. *Под **поступком** понимают какое-либо действие или состояние человека, но всякое действие или состояние становится поступком только при условии, если оно рассматривается во взаимосвязи с порождающими его целями, мотивами и намерениями личности.*

Таким образом, *под поведением понимают совокупность поступков человека, выделяя при этом внешние действия и внутреннюю обусловленность поступков, то есть их мотивацию, переживание.*

Однако нравственное поведение характеризуется не только поступком, но и системой нравственных привычек. **Нравственная привычка** – это способность и умение произвести действие не только без особого на то контроля, но и в силу выработанной потребности в данной деятельности.

Нравственное поведение характеризуется тем, что оно у каждого определяется сознательным выбором тех или иных действий. Поведение нравственно, если человек взвешивает, продумывает свои действия, поступает со знанием дела, выбирая единственно возможный, верный путь решения стоящей перед ним проблемы.

«Нравственное поведение личности имеет следующую последовательность: жизненная ситуация – порождаемое ею нравственно-чувственное переживание – нравственное осмысление ситуации и мотивов

поведения, выбор и принятие решений - волевой стимул – поступок. В жизненной практике, особенно в экстремальных условиях, всегда реализуются в единстве все названные компоненты.

Важнейшим средством нравственного воспитания является использование созданных в культуре на разных этапах исторического развития нравственных идеалов, т.е. образцов нравственного поведения, к которому стремится человек.

Специфической особенностью процесса нравственного воспитания следует считать то, что он длителен и непрерывен, а результаты его отсрочены во времени.

Существенным признаком процесса нравственного воспитания является его концентрическое построение: решение воспитательных задач начинается с элементарного уровня и заканчивается более высоким. Для достижения целей используются все усложняющиеся виды деятельности. Этот принцип последовательности реализуется с учетом возрастных особенностей учащихся.

Процесс нравственного воспитания **динамичный и творческий**: учителя постоянно вносят в него свои коррективы, направленные на его совершенствование.

Проанализировав этот вопрос, мы пришли к **выводу**, что основными критериями нравственности человека могут являться его убеждения, моральные принципы, ценностные ориентации, а также поступки по отношению к близким и незнакомым людям. Мы считаем, что нравственным следует считать такого человека, для которого нормы, правила и требования морали выступают как его собственные взгляды и убеждения, как привычные формы поведения.

Вопросы о решающей роли нравственного воспитания в развитии и формировании личности осознавались и ставились в педагогике с давних времен. Подчеркнем, что они связывались главным образом с тем, что только нравственное воспитание обеспечивает формирование у личности добродетельного характера и доброжелательных отношений к людям. Вот что писал об этом **Я.А. Коменский**. В своем трактате «наставление нравов» он приводил изречение древнеримского философа Сенеки: *«научись сперва добрым нравам, а затем мудрости, ибо без первой трудно научиться последней».*

Такую же большую роль нравственному воспитанию отводил выдающийся швейцарский педагог-демократ **Генрих Песталоцци**. Нравственное воспитание он считал главной задачей детского воспитательного учреждения. По его мнению, только оно формирует добродетельный характер и сочувственное отношение к людям.

Разрабатывая вопросы педагогики, нравственное воспитание выдвигал на первый план немецкий педагог **Иоган Герbart**. Он писал: *«Единую задачу воспитания можно целиком выразить в одном только слове: нравственность».*

Из педагогов-классиков прошлого столетия наиболее ярко характеризовал роль нравственного воспитания в развитии личности **К.Д. Ушинский**. в статье «о нравственном элементе в воспитании» он писал:

Конечно, образованием ума и обогащение его познаниями много принесет пользы, но увы, я никак не полагаю, чтобы ботанические или зоологические познания... могли сделать гоголевского городничего честным чиновником, и совершенно убежден, что будь Павел Иванович Чичиков посвящен во все тайны органической химии или политической экономии, он останется тем же, весьма вредным для общества пронырой.

Понятие нравственное воспитание всеобъемлюще. Именно поэтому выдающийся педагог **В.А. Сухомлинский**, разработав воспитательную систему о всестороннем развитии личности, вполне обосновано считал, что ее системообразующий признак – нравственное воспитание. *«Сердцевина нравственного воспитания – развитие нравственных чувств личности».* Он говорит: *если человека учат добру – учат умело, умно, настойчиво, требовательно, в результате будет добро. Учат злу (очень редко, но бывает и так), в результате будет зло. Не учат ни добру, ни злу – все равно будет зло, потому что и человеком его надо сделать».*

Рассматривая систему нравственного воспитания, **Н.Е. Ковалев, Б.Ф. Райский, Н.А. Сорокин** различают несколько условий:

Во-первых, осуществление согласованных воспитательных влияний учителя и ученического коллектива в решении определенных педагогических задач, а внутри класса – единство действий всех учащихся.

Во-вторых, использование приемов формирования учебной деятельности нравственным воспитанием.

В-третьих, под системой нравственного воспитания понимается также взаимосвязь и взаимовлияние воспитываемых в данный момент моральных качеств у детей.

В-четвертых, систему нравственного воспитания следует усматривать и в последовательности развития тех или иных качеств личности по мере роста и умственного созревания детей.

«Практически любая деятельность имеет нравственную окраску», считает **О.Г. Дробницкий**, в том числе и учебная, которая, по мнению **Л.И. Божович**, «обладает большими воспитательными возможностями».

По **И.Ф. Харламову** содержание нравственности заключается в следующем:

В отношении к Родине (*патриотизм*) – любовь к своей стране, истории, обычаям, языку, желание стать на ее защиту, если это требуется.

В отношении к труду (*трудолюбие*) – предполагает наличие потребности в созидательной трудовой деятельности и ее, понимание пользы труда для себя и общества, наличие трудовых умений и навыков и потребность в их совершенствовании.

В отношении к обществу (*коллективизм*) – умение согласовывать свои желания с желаниями других, умение координировать свои усилия с усилиями других, умение подчиняться и умение руководить.

В отношении к себе – *уважение себя при уважении других*, высокое сознание общественного долга, честность и правдивость, нравственная чистота, скромность.

В человеколюбии или *гуманности*.

Результатом нравственного воспитания является нравственная воспитанность. Она материализуется в общественно ценных свойствах и качествах личности, проявляется в отношениях, деятельности, общении. О нравственной воспитанности свидетельствует глубина нравственного чувства, способность к эмоциональному переживанию, мучениям совести, страданию, стыду и сочувствию. Она характеризуется зрелостью нравственного сознания: моральной образованностью, способностью анализировать, судить о явлениях жизни с позиций нравственного идеала, давать им самостоятельную оценку.

«Нравственная воспитанность – это устойчивость положительных привычек и привычных норм поведения, культура отношений и общения в условиях здорового детского коллектива.»

Нравственным следует считать такого человека, для которого нормы, правила и требования выступают как его собственные взгляды и убеждения, как привычные формы поведения.

Л.А. Григорович рассматривает содержание нравственного воспитания через гуманность.

«Гуманность – это интегральная характеристика личности, включающая комплекс ее свойств, выражающих отношение человека к человеку. Как качество личности гуманность формируется в процессе взаимоотношений с другими людьми: внимательности и доброжелательности; умений понять другого человека; в способности к сочувствию, сопереживанию; терпимости к чужим мнениям, верованиям, поведению; в готовности прийти на помощь другому человеку.»(18. с.104)

Особой воспитательной силой обладает пример гуманного отношения учителя к ученикам. Другое средство воспитания гуманности – *морально-этическое посвящение* (изучение биографий великих людей, их творческой деятельности, жизненных принципов, нравственных поступков).

Важным условием воспитания гуманности является *организация коллективной учебной, общественно полезной деятельности*, особенно таких ее видов, где учащиеся поставлены в ситуации непосредственного проявления заботы о других, оказания помощи и поддержки, защиты младшего, слабого.

Кроме гуманности в содержание нравственного воспитания входит воспитание сознательной дисциплины и культуры поведения. *«Являясь составной частью нравственности, дисциплина основана на личной ответственности и сознательности, она готовит младшего подростка к социальной деятельности.»*

Дисциплинированность как личностное качество имеет разные уровни развития, что находит свое отражение в понятии культуры поведения. Оно включает в себя:

- *культуру речи* (умение вести дискуссию, понимать юмор, использовать выразительные языковые средства в разных условиях общения, владеть нормами устного и письменного литературного языка);

- *культуру общения* (формирование навыков доверия к людям, вежливости, внимательности в отношениях с родными, друзьями, знакомыми и посторонними людьми, умение дифференцировать свое поведение в зависимости от окружающей обстановки – дома или в общественных местах, от цели общения – деловое, личное и т.д.)

- *культуру внешности* (формирование потребности соблюдать личную гигиену, выбирать свой стиль, умение управлять своими жестами, мимикой, походкой);

- *бытовую культуру* (воспитание эстетического поведения к предметам и явлениям повседневной жизни, рациональная организация своего жилища, аккуратность в ведении домашнего хозяйства и т.п.).

Культура поведения младших школьников в значительной мере формируется под влиянием личного примера учителей, родителей, а также традиций, сложившихся в школе и семье.

Со стороны психологии гуманистическая теория видит развитие личности под углом зрения нравственного самосовершенствования человека, расширение его внутренней свободы и повышения творческого потенциала. Этот подход можно показать на примере теории **Л.Колберга**. Главная задача, которая здесь решается, состоит в том, чтобы выявить, как происходит усвоение детьми тех или иных нравственных

ценностей на разных этапах индивидуального развития в зависимости от складывающихся социальных условий.

Во время бесед Л. Колберг предлагал детям решать моральные задачи, где человек должен выбрать между добром и злом, смелостью и трусостью, верностью и предательством.

Для того, чтобы ребенок совершил нравственный поступок в сложной жизненной ситуации необходимы три условия:

1. Возникновение перед человеком сложной жизненной ситуации, требующей морального выбора.
2. Возникающая ситуация должна быть лично значимой для данного человека.
3. Человек оказавшийся в ситуации морального выбора быть способен к морально - волевой саморегуляции.

Используя для бесед с детьми ситуации морального выбора и по высказываемым ими суждениям, он делал обобщенное представление. В итоге Колберг выделил следующие *стадии морального развития детей:*

Доконвенциональный, или доморальный, уровень, (с периода раннего детства до 9 – 10 лет), для которого характерно послушание ребенка не из - за сознательного подчинения нормам морали и требованиям взрослых, а из - за страха быть наказанным.

Конвенциональный уровень (9 - 10 лет и до 16 лет), деятельного характерно подчинение человека принятым моральным требованиям и следование нравственным ожиданиям семьи, группы или нации.

Постконвенциональный, или автономный уровень, (с периода ранней юности и старше), который характеризуются выработкой собственных нравственных взглядов, убеждений, идеалов и мотивов нравственного поведения.

Переход от одного этапа личностного развития к другому обычно связан с двумя обстоятельствами: проявлениями кризиса возрастного развития и сменой ведущего типа общения. В это время изменяется отношение ребенка к самому себе, к окружающим людям и к своим обязанностям.

К окончанию школы личность можно считать в основном уже сформированной. Если педагоги, психологи и другие ученые разных времен признавали огромную роль нравственности в развитии и формировании личности, тем больше значение имеет эта проблема в системе современного воспитания. На нравственное формирование личности оказывают воздействие многие социальные условия и биологические факторы, но решающую роль в этом процессе играют педагогические, как наиболее управляемые, направленные на выработку определенного рода отношений.

Статья посвящена изучению нравственного воспитания в младшем школьном возрасте. Поэтому, рассмотрев основные понятия, задачи, содержание нравственного воспитания и идеи известных ученых о нем, целесообразно рассмотреть характеристики младшего школьного возраста.

ЛИТЕРАТУРА

- 1.Абрамова Г.С. Практическая психология. Учебник для высшей школы М., 2004.
- 2.Азбука нравственного воспитания/ Под ред. И. А. Каирова, О. С. Богдановой. – М.: Просвещение, 1996;
- 3.Аристотель. Сочинения в 4-х томах – М.: 2004, т.4.
- 4.Арпихова И. С. Ценности и воспитание// Педагогика, 1999, №4;
- 5.Архангельский Н.В. Нравственное воспитание. – М.: Просвещение, 1979.
- 6.Бабанский Ю.К. Педагогика. - М., 1992г.
- 7.Болотина Л.Р. Избр. Пед. Соч. М., 1988.
- 8.Богданова О.С., Калинина О.Д., Рубцова М.Б. Этические беседы с школьниками. - М., 1997г.
- 9.Божович Л.И., Конникова Т.Е. Нравственное формирование личности школьника в коллективе. - М., 2000г.
- 10.Болдырев Н.И., Гончаров Н.К. Педагогика. - М., 1988г.
- 11.Болдырев Н.И. Нравственное воспитание школьников: (Вопросы теории). – М.: Педагогика, 1989.
- 12.Виноградова Н. Д. Привычка – основа нравственного воспитания// Педагогика, 1997, №5;
- 13.Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. – М.: 2005, т.11.
- 14.Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка, 2 издание - М: 2002.
- 15.Рахимов А.З. Роль нравственного воспитания в формировании личности. //Классный руководитель. 2001 №6.
- 16.Харламов И.Ф. Нравственное воспитание школьников: Пособие для клас. руководителей. – М.: Просвещение, 1983.
- 17.Харламов И.Ф. Педагогика: Учеб. пособие. 4е изд., перераб. И доп.-М.: Гардарики, 2002.

ФОРМИРОВАНИЕ НАВРСТВЕННЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ У ДЕТЕЙ В ПРОЦЕССЕ ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Статья посвящена изучению нравственного воспитания в младшем школьном возрасте. Поэтому, рассмотрев основные понятия, задачи, содержание нравственного воспитания и идеи известных ученых о нем, целесообразно рассмотреть характеристики младшего школьного возраста.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: нравственность, нравственное воспитание, младший школьный возраст, мораль, общечеловеческие ценности.

FORMATION OF MORAL REPRESENTATIONS AT CHILDREN IN THE COURSE OF HISTORICAL DEVELOPMENT

Article is devoted studying of moral education at younger school age. Therefore, having considered the basic concepts, problems, the maintenance of moral education and idea of known scientists about it, have expediently considered characteristics of younger school age.

KEY WORDS: morality, moral education, younger school age, morals, universal. values.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: *Р.Х. Давлатишоева* – соискатель Академии образования Таджикистана **Телефон:** 93-508-36-13

СУЩНОСТЬ И РОЛЬ ДИФФЕРЕНЦИРОВАННОГО ОБУЧЕНИЯ В ПОВЫШЕНИИ КАЧЕСТВА УСВОЕНИЯ УЧЕБНОГО МАТЕРИАЛА (на примере сельских школ)

Д.Л. Сайдамадова

Таджикский государственный педагогический университет им. Садриддина Айни

Для обеспечения педагогических условий учебного процесса в сельских школах при дифференцированном обучении по естественным предметам школа, кроме хорошо оснащенных кабинетов, должна иметь учебные лаборатории, где можно было проводить количественные и качественные анализы, практические работы, а также подготовленных учителей, учебников и учебные пособия, учебные планы и программы.

Для организации дифференцированного обучения возникает принципиально новая задача, которая не может быть решена старыми средствами. Учёные и практики опираются на педагогическую мысль и опыт республики, а также на результаты целевой программы Министерства образования Республики Таджикистан, многолетней опытно- экспериментальную работу в школах по проблеме дифференцированного обучения.

В республике для осуществления дифференцированного обучения в V-XI классах разработаны учебный план, учебные программы, учебники, книги практических работ для факультативного обучения и углублённого изучения естественных предметов.

Накоплен опыт работы классов и групп с углубленным изучением предметов. В школе №39 Муминабадского района имеющей статус школы с углубленным изучением математико-естественных предметов, в параллелях 7-8-ых классов, где мы проводили исследование, применяются различные способы разноуровневой дифференциации. Использование дифференцированного и индивидуального подхода к учащимся способствовало повышению эффективности обучения всех групп. Сформировались условия для учета возможностей каждого ученика, групп учащихся для дальнейшего совершенствования и повышения качества образования путем поиска и реализации новых форм дифференцированного обучения.

Таким образом, большинство учителей сельских школ Хатлонской области поддерживают идею дифференцированного обучения на основе выделения обязательных требований к подготовке учащихся и используют различные элементы этой технологии в повседневной деятельности. Широко используется блочная подача материала, преподавание ведется на высоком уровне, при этом явным образом выделяется «базис» - тот минимум, который должны усвоить все учащиеся.

Классы с углубленным изучением отдельных предметов и профильные классы являются формами дифференциации по интересам учеников, которые широко распространены в сельских школах Республики Таджикистан.

Третьей формой дифференциации являются дифференциации по интересам, которые в основном используются изучением факультативных курсов по интересам учащихся.

Некоторой альтернативой факультативным курсам можно считать организацию «элективной дифференциации». Эта форма дифференциации обучения основана по интересам учащихся и праве выбора ряда предметов. Предметами по выбору могут быть психология, история религии, история искусств. Основная цель элективной дифференциации дать возможность каждому ученику реализовать свои возможности в различных сферах познания, определить свои склонности и способности, развить познавательные интересы.

Для реализации дифференцированного обучения, главные задачи общеобразовательных учреждений состоят в том, чтобы создать благоприятные условия для развития учащегося, обеспечить освоение учащимися системы знаний о природе, обществе, человеке, формировать приемы самостоятельной деятельности:

- дифференциация обучения не утратила своей актуальности;
- дифференциацию обучения применяют большинство зарубежных школ;

- дифференциация обучения при грамотной ее организации способна улучшить работу школы, активизировать и направлять работу учащихся;
- при современных тенденциях развития общества в целом, и образования в частности, это один из способов обеспечения учащихся требуемым объемом общеобразовательных знаний, практических умений и навыков и действительный учет их интересов, способностей, склонностей и индивидуальных способностей.

Работа, проводимая учителями в рамках уровневой дифференциации, показала, что новая система, оценивая достижения школьников в целом, дала положительный результат. Разделяя основные принципы технологии, учителя отмечают, что:

- - обязательные результаты обучения действительно становятся основой для индивидуализации и дифференциации к учащимся;
- - ориентация на посильность и доступность обязательных результатов обучения абсолютному большинству учащихся приносит положительные изменения в учебный процесс.

При работе по уровневой дифференциации каждый учитель пользуется своим индивидуальным подходом для того, чтобы обеспечить достижение учащимися базового уровня по предмету. Например, проверка знаний и умений, учащихся по биологии в условиях уровневой дифференциации проводилась следующим образом. Технология уровневой дифференциации биологического образования в средней школе предполагает получение учителем в процессе обучения регулярной достоверной информации о достижениях школьников и пробелах их в учебной подготовке. На ее основе учитель может своевременно внести коррективы в планирование учебного процесса и его организацию, целенаправленно руководить работой по усвоению учебного материала всеми школьниками. Самой распространенной формой дифференциации процесса обучения в сельских школах является внутриклассная дифференциация. Основной формой внутриклассной дифференциации является выполнение учениками заданий различного уровня сложности. Усложнение заданий может происходить за счет усложнения видов работы. Усиление уровня творческой деятельности, необходимой при выполнении задания. Среди дифференцированных заданий широко распространены задания различной направленности: задания, устраняющие пробелы в знаниях, и задания, учитывающие имеющиеся у учеников предварительные знания по теме. При организации такой формы дифференциации каждый ученик получает право и возможность самостоятельно определять, на каком уровне он усвоит учебный материал.

Преподаватели сельских школ обычно критикуют, что объем материала, предлагаемого к изучению в школах недопустимо велик, даже для возможностей сильного ученика. Перегрузка программ закладывалась уже в 30-е годы, когда целью школы была объявлена подготовка к высшему образованию. Однако всякий реализм был утерян при так называемом «переходе школы на новое содержание образования», осуществленном в 60-е 70-е годы под выдвинутым партией лозунгом приближения школы к уровню современной науки. В эти годы академическая схоластика заполнила учебники. Плотность «научного» материала оказалась столь велика, что и сегодня на каждом уроке учителям приходится вводить новый учебный материал. Завышенный объем содержания препятствует нормальной организации учебного процесса, в которой должно выделяться достаточное время на подготовку и закрепление. Объем содержания душист развитие детей, не позволяя реализовать необходимое для этого вида деятельности. Объем содержания начисто закрывает дорогу иному содержанию образования. Непосильный объем содержания гасит естественные интересы ребенка и вызывает его неприязнь к учению и к школе. Большой объем содержания негативно сказывается на физическом и умственном здоровье детей.

Не случайно за последние годы XX века неоднократно звучали призывы освободить школу от «второстепенного и чрезмерного усложненного учебного материала».

Необходимую разгрузку содержания образования нельзя осуществить в короткое время: этот процесс потребует десятка лет целенаправленной работы. Однако первый шаг в указанном направлении должен быть к реализации дифференцированного обучения.

Говоря о таджикских исследователях в целом, хочется с удовлетворением отметить, что реализация дифференцированного обучения в том или ином виде идет успешно. Учителя сельских школ приняли исходные положения дифференциации, освоили ее основные принципы. Эксперимент, как это сейчас уже видно, расширяется, он будет продолжаться и развиваться. В школах Кулябской зоны Хатлонской области идет напряженная творческая работа. Ведутся оживленные обсуждения и дискуссии, появились замечательные находки. Эксперимент из основной школы перешел и в старшую школу. Вместе с тем можно сказать, что опыт работы в условиях дифференциации у большинства учителей сельских школ невелик. Несмотря на это, за такой короткий срок большинство учителей усвоили особенности новой технологии.

В условиях дифференциации ученик выступает как равноправный партнер, наделенный правом принимать самостоятельные решения относительно характера своего образования и отвечать за них.

Психолого-педагогические основы дифференцированного подхода заключаются в том, что он строится на учете индивидуальных различий учащихся и на знании его учебных возможностей.

Индивидуальные различия могут быть выражены в памяти, внимании, мышлении и других познавательных процессах. Можно сказать, что овладение мыслительными операциями выражается в некоторых умениях, как:

- понимание задания;
- умение определить порядок действий;
- самостоятельность в работе;
- умение контролировать себя в процессе работы;
- быстрота учебных действий;
- отношению к учению.

А также можно распределить учащихся на временные подвижные группы, количество которых может быть 3-4 в зависимости от конкретных условий и желания учителя.

Если взять в основу критерия уровень знаний, умений и навыков, владение различными умственными действиями по предмету или уровень мышления, то при подготовке к уроку учитель определяет различные варианты заданий по объему трудности и по способам их выполнения. Однако дифференцированное обучение возможно не только в самостоятельной работе, но и на всех звеньях урока.

При изучении нового материала повторное объяснение некоторых вопросов дается специально для слабых учащихся. Полезно использовать ряд приемов подготовки учащихся к усвоению нового материала, к ним относятся:

- индивидуальные задания повторения, на которые учителя опираются при изложении нового;
- консультация ученика накануне, объяснение основных вопросов темы перед сообщением ее всему классу и др.

Количество вариантов заданий при самостоятельной работе может быть больше, чем количество групп, т.к. в каждой группе тоже есть необходимость дифференцировать работу по трудности и объему.

Проводимые исследования по реализации дифференцированного обучения в сельских школах Республики Таджикистан показали, что главным стимулом активизации учащихся является:

- посильность заданий, в этом случае ученик находится в уравновешенном настроении, он имеет удовлетворение от результатов своей работы. Это стимулирует его желание учиться, укрепляет уверенность в свои силы;
- появляется возможность перехода к более сложным заданиям, раскрывает перспективу на будущее, прилив энергии и волевого напряжения. Ученик ощущает справедливое отношение к нему, а это повышает его настрой, укрепляет жизнелюбие;
- дифференцированное обучение- это конкретное руководство работой каждого ученика. Ощутимый успех обеспечивается потому, что слабые места, пробелы быстро исправляются. Ученики испытывают чувство защищенности, приподнятое эмоциональное состояние;
- посильная для всех работа вовлекает всех учащихся в активную работу, включает их как бы в соревнование. Это воспитывает привычку всегда быть деятельным, укрепляет чувство коллективизма, усиливает переживание общей радости за успехи класса. Все это стимулирует формирование внутренних побуждений, личной ответственности и заинтересованности в учебном труде со стороны каждого ученика.

ЛИТЕРАТУРА

1. Выготский Л.С. Избранные психологические исследования. -М.: Изд. АПН РСФСР, 1956.
2. Давыдов В.В. Проблема развивающего обучения. - М., 1986.
3. Занков Л.В. Беседа с учителями. М.: Просвещение, 1970.
4. Зубайдов У.З. Тафрика нерӯи пешбари раванди таълим. Душанбе, Сарпараст, 2003.
5. Зубайдов У.З. Равайёно дар таълим - талаби замон. Душанбе, Статус, 2003.
6. Крутецкий В.А. Психология математических способностей школьников. - М.: Просвещение, 1968.
7. Лейтес Н.С. Умственные способности и возраст. - М.: Просвещение, 1971.
8. Лернев И.Я. Процесс обучения и его закономерности. - М., 1980.
9. Унт И.Я. Индивидуализация и дифференциация обучения. - М., 1966.

СУЩНОСТЬ И РОЛЬ ДИФФЕРЕНЦИРОВАННОГО ОБУЧЕНИЯ В ПОВЫШЕНИИ КАЧЕСТВА УСВОЕНИЯ УЧЕБНОГО МАТЕРИАЛА (НА ПРИМЕРЕ СЕЛЬСКИХ ШКОЛ)

В данной статье говорится о пользе введения дифференцированного обучения в повышении качества усвоения учебного материала на примере сельских школ. Это воспитывает привычку всегда быть деятельным, укрепляет чувство коллективизма, усиливает переживание общей радости за успехи класса. Все это стимулирует формирование внутренних побуждений, личной ответственности и заинтересованности в учебном труде со стороны каждого ученика.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: дифференциация, профиль, разноуровневая дифференциация, самостоятельная работа, конструировать, фронтальная, индивидуальность, концепция, склонности, одарённость.

THE GOAL AND ROLE OF DIFFERENTIATION IN INCREASING OF QUALITY OF LEARNING OF STUDY MATERIAL (IN RURAL SCHOOLS)

In this article it was proved that, according to differentiation study in theory and practice of biology in secondary schools of villages, accomplishment of differentiation branches is requirement of time. Should be noted that it is important to include into the content of biology various materials according to the ability and desire of pupils and establish two or three study branches.

KEY WORDS: differentiation, profile, multilevel differentiation, home task, constructed, frontal, individual, conception, leaning, talent

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Д.Л. Сайдамадова – соискатель кафедры общей педагогики Таджикского государственного педагогического университета им. Садрриддина Айни. **Телефон:** 93-506-02-55

ВОСПИТАНИЕ ДЕТЕЙ В РАЗЛИЧНЫХ ПО СТРУКТУРЕ СЕМЬЯХ

Р.Х.Давлатшоева
Академия образования Таджикистана

Особенности воспитания единственного ребенка в семье

На этот счет существует две наиболее распространенные точки зрения. Первая: единственный ребенок оказывается более эмоционально устойчив, нежели другие дети, потому, что не знает волнений, связанных с соперничеством братьев. Вторая: единственному ребенку приходится преодолевать больше трудностей, чем обычно, дабы приобрести психическое равновесие, потому что ему не достает брата или сестры. Что бы там ни говорили психологи, жизнь одного - единственного ребенка в семье нередко складывается так, что подтверждает именно эту, вторую, точку зрения. Трудности, однако, не являются абсолютно неизбежными, и тем не менее встречаются настолько часто, что было бы глупо их не замечать.

Бесспорно, родители, имеющие единственного ребенка, обычно уделяют ему чрезмерное внимание. Короче, они слишком заботятся о нем только потому, что он у них один, тогда как на самом деле он всего лишь первый. И действительно, немногие из нас способны спокойно, со знанием дела обращаться с первенцем так, как мы держимся потом с последующими детьми.

Главная причина тут - неопытность. Имеются, однако, и другие основания, обнаружить которые не так - то легко. Если не касаться некоторых ограничений физического порядка, одних родителей пугает ответственность, которую накладывает на них появление детей, другие опасаются, что рождение второго ребенка скажется на их материальном положении, третьи, хотя никогда не признаются в этом, просто не любят ребят, и им вполне достаточно одного сына или одной дочери.

Некоторые помехи психическому развитию детей имеют совершенно определенное название - тепличные условия, когда ребенка холят, нежат, балуют, ласкают - одним словом, носят на руках. Из - за столь чрезмерного внимания психическое развитие его неизбежно замедляется. В результате чрезмерной снисходительности, которой мы окружаем его, он непременно столкнется с очень серьезными трудностями и разочарованием, когда окажется за пределами домашнего круга, поскольку и от других людей будет ожидать внимания, к какому привык в доме родителей. По этой же причине он слишком серьезно станет относиться и к самому себе. Именно потому, что его собственный кругозор слишком мал, многие мелочи покажутся ему слишком большими и значительными. В результате общение с людьми будет для него гораздо труднее, чем для других детей. Он начнет уходить от контактов, уединяться. Ему никогда не приходилось делить с братьями или сестрами родительскую любовь, не говоря уже об играх, своей комнате и одежде, и ему трудно найти общий язык с другими детьми и свое место в ребячьем сообществе.

Как предотвратить все это? С помощью второго ребенка - скажут многие из вас. И это верно, но если некоторые особые проблемы и можно разрешить подобным путем, то где уверенность, что стоит родить еще одного ребенка, как мы сразу же добьемся полной адаптации первого. В любом случае нужно всеми силами преодолевать наше стремление растить ребенка в тепличных условиях. Можно утверждать, что воспитание единственного сына или единственной дочери гораздо более трудное дело, чем воспитание нескольких детей. Даже в том случае, если семья испытывает некоторые материальные затруднения, нельзя ограничиваться одним ребенком.

Единственный ребенок очень скоро становится центром семьи. Заботы отца и матери, сосредоточенные на этом ребенке, обыкновенно превышают полезную норму. Любовь родительская в таком случае отличается известной нервозностью. Болезнь этого ребенка или смерть переносится такой семьей очень тяжело, и страх такого несчастья всегда стоит перед родителями и лишает их необходимого спокойствия. Очень часто единственный ребенок привыкает к своему исключительному положению и

становится настоящим деспотом в семье. Для родителей очень трудно бывает затормозить свою любовь к нему и свои заботы, и волей - неволей они воспитывают эгоиста.

Для развития психики каждый ребенок требует душевного пространства, в котором он мог бы свободно передвигаться. Ему нужна внутренняя и внешняя свобода, свободный диалог с окружающим миром, чтобы его не поддерживала постоянно рука родителей. Ребенку не обойтись без испачканного лица, разорванных штанов и драк.

Единственному ребенку часто отказано в таком пространстве. Осознано или нет, ему навязывают роль образцового ребенка. Он должен особенно вежливо здороваться, особенно выразительно читать стихи, он должен быть образцовым чистоплей и выделяться среди других детей. Относительно него строятся честолюбивые планы на будущее. За каждым проявлением жизни ведется внимательное, с затаенной озабоченностью, наблюдение. Недостатка в хороших советах ребенок не испытывает на протяжении всего детства. Такое отношение к нему несет опасность, что единственный ребенок превратится в избалованного, несамостоятельного, неуверенного в себе, переоценивающего себя, разброшенного ребенка.

Но этого может и не быть, так как в поведении с единственными детьми есть основополагающие правила. Они все могут быть сформулированы в одном предложении, которое должно стать законом для каждой семьи, где растет один ребенок: только никакой исключительности!

Специфика воспитания в многодетной семье

Воспитательный потенциал многодетной семьи имеет свои положительные и отрицательные характеристики, а процесс социализации детей - свои

трудности, проблемы. С одной стороны, здесь, как правило, воспитываются разумные потребности и умение считаться с нуждами других; ни у кого из детей нет привилегированного положения, а значит, нет почвы для формирования эгоизма, асоциальных черт; больше возможностей для общения, заботы о младших, усвоения нравственных и социальных норм и правил общежития; успешнее могут формироваться такие нравственные качества, как чуткость, человечность, ответственность, уважение к людям, а также качества социального порядка - способность к общению, адаптации, толерантность.

Дети из таких семей оказываются более подготовленными к супружеской жизни, они легче преодолевают ролевые конфликты, связанные с завышенными требованиями одного из супругов к другому и заниженными требованиями к себе. Однако процесс воспитания в многодетной семье не менее сложен и противоречив.

Во - первых, в таких семьях взрослые довольно часто утрачивают чувство справедливости в отношении детей, проявляют к ним неодинаковую привязанность и внимание. Обиженный ребенок всегда остро ощущает дефицит тепла и внимания к нему, по - своему реагируя на это: в одних случаях сопутствующим психологическим состоянием для него становится тревожность, чувство ущербности и неуверенность в себе, в других - повышенная агрессивность, неадекватная реакция на жизненные ситуации. Для старших детей в многодетной семье характерна категоричность в суждениях, стремление к лидерству, руководству даже в тех случаях, когда для этого нет оснований. Все это естественно, затрудняет процесс социализации детей.

Во - вторых, в многодетных семьях резко увеличивается физическая и психическая нагрузка на родителей, особенно на мать. Она имеет меньше свободного времени и возможностей для развития детей и общения с ними, для проявления внимания к их интересам. К сожалению, дети из многодетных семей чаще становятся на социально опасный путь поведения, почти в 3,5 раза чаще, чем дети из семей других типов.

Многодетная семья имеет меньше возможностей для удовлетворения потребностей и интересов ребенка, которому и так уделяется значительно меньше времени, чем в однодетной, что, естественно, не может не сказаться на его развитии. В этом контексте уровень материальной обеспеченности многодетной семьи имеет весьма существенное значение. Мониторинг социально - экономического потенциала семей показал, что большинство многодетных семей живет ниже порога бедности.

Воспитание ребенка в неполной семье

Ребенок всегда глубоко страдает, если рушится семейный очаг.

Разделение семьи или развод, даже когда все происходит в высшей степени вежливо и учтиво, неизменно вызывает у детей психический надлом и сильные переживания. Конечно, можно помочь ребенку справиться с трудностями роста и в разделенной семье, но это потребует очень больших усилий от того родителя, с которым останется ребенок. Если же разделение семьи происходит, когда ребенок находится в возрасте от 3 до 12 лет, последствия ощущаются особенно остро.

Разделению семьи или разводу супругов нередко предшествуют многие месяцы разногласий и семейных ссор, которые трудно скрыть от ребенка и которые сильно волнуют его. Мало того, родители,

заняты своими ссорами, с ним тоже обращаются плохо, даже если полны благих намерений уберечь его от разрешения собственных проблем.

Ребенок ощущает отсутствие отца, даже если не выражает открыто свои чувства. Кроме того, он воспринимает уход отца как отказ от него. Ребенок может сохранять эти чувства многие годы.

Очень часто после разделения семьи или развода мать вновь вынуждена пойти на хорошо оплачиваемую работу и в результате может уделять ребенку меньше времени, чем прежде. Поэтому тот чувствует себя отвергнутым и матерью.

Какое-то время после разделения семьи или развода отец регулярно навещает ребенка. Во всех случаях это очень глубоко волнует малыша. Если отец проявляет к нему любовь и великодушие, развод окажется для ребенка еще мучительнее и необъяснимее. Кроме того, он с недоверием и обидой будет смотреть на мать. Если же отец держится сухо и отчужденно, ребенок начнет спрашивать себя, почему, собственно, он должен с ним видеться, и в результате у него может зародиться комплекс вины. Если родители охвачены вдобавок желанием мстить один другому, они заполняют сознание ребенка вредным вздором, ругая друг друга и подрывая тем самым психологическую опору, которую обычно ребенок получает в нормальной семье.

В этот период ребенок может, воспользовавшись расколом семьи, сталкивать родителей друг с другом и извлекать нездоровые преимущества.

Заставляя их оспаривать свою любовь к нему, ребенок будет вынуждать их баловать себя, а его интриги и агрессивность со временем могут даже вызвать их одобрение. Отношения ребенка с товарищами нередко портятся из-за нескромных вопросов, сплетен и его нежелания отвечать на распросы об отце.

На ребенке, так или иначе, отражаются страдания и переживания матери. В новом положении женщине, конечно, гораздо труднее выполнять свои материнские обязанности. Что можно сделать, чтобы помочь ребенку в разбитой семье? Объяснить ему, что произошло, причем сделать это просто, никого не обвиняя. Сказать, что так бывает с очень многими людьми и поэтому пусть лучше будет так, как есть.

Ребенка можно уберечь от излишних волнений, когда разделение семьи происходит для него так же окончательно, как и для родителей. Визиты отца, особенно если они со временем становятся все реже, каждый раз вновь и вновь вызывают у малыша ощущение, что его отвергли. Чем меньше ребенок в момент разделения семьи или развода, тем проще отцу расстаться с ним. Ребенка непременно нужно подготовить к уходу отца. Помогать ребенку взрослеть и становиться самостоятельным, чтобы у него не сложилась чрезмерная и нездоровая зависимость от вас. Одна из наиболее распространенных ошибок - чрезмерная опека матери над сыном. Казалось бы, мать все делает из лучших побуждений: хочет дать сыну больше внимания, окружить большей заботой, хочет повкусней накормить, получше одеть и т.д. Но, предпринимая эти усилия, нередко героические, жертвуя собой, своими интересами, желаниями, здоровьем, мать буквально выхолащивает все мужское в характере мальчика, делая его вялым, безынициативным, не способным на решительные мужские поступки. Если родители не живут вместе, если они разошлись, то очень болезненно отражается на воспитании ребенка. Часто дети становятся предметом распри между родителями, которые открыто, ненавидят друг друга и не скрывают этого от детей.

Необходимо рекомендовать тем родителям, которые почему-либо оставляют один другого, чтобы в своей ссоре, в своем расхождении они больше думали о детях. Какие угодно несогласия можно разрешить более деликатно.

Можно скрыть от детей и свою неприязнь и свою ненависть к бывшему супругу.

Трудно, разумеется, мужу, оставившему семью, как-нибудь продолжать воспитание детей. И если он уже не может благотворно влиять на свою старую семью, то уже лучше постараться, чтобы она совсем его забыла, это будет более честно. Хотя, разумеется, свои материальные обязательства по отношению к покинутым детям он должен нести по-прежнему.

Вопрос о структуре семьи - вопрос очень важный, и к нему нужно относиться вполне сознательно. Если родители по-настоящему любят своих детей и хотят их воспитывать как можно лучше, они будут стараться, и свои взаимные несогласия не доводить до разрыва и тем не ставить детей в самое трудное положение.

Семейная жизнь сложилась с давних пор так, что родительские обязанности делятся между отцом и матерью, и притом делятся неравномерно.

Важнейшие заботы по уходу за детьми и первоначальному воспитанию детей ложатся на мать как потому, что она в состоянии отдать детям больше времени, чем отец, так и потому, что по традиции она больше привыкла к этому, а по натуре может внести в это больше нежности, мягкости, ласки и внимательности. Этим близким участием матери в жизни детей в их раннем возрасте определяется и нравственное ее влияние на них в эти первые их годы.

С годами, однако, значение этого непосредственного ухода утрачивает нравственную роль. Дети начинают становиться самостоятельнее, несколько определяются, продолжая нуждаться в помощи родителей и взрослых, но ищут уже не исключительно материальной поддержки. Дети индивидуализируются. У одних являются вкусы и потребности, которые лучше удовлетворяет отец, чем мать, у других - наоборот.

Воспитывать - не значит говорить детям хорошие слова, наставлять и назидать их, а, прежде всего, самому жить по - человечески. Кто хочет исполнить свой долг относительно детей, оставить в них о себе добрую память, которая служила бы потомству заветом, как жить, тот должен начать воспитание с самого себя.

Воспитание детей требует самого серьезного тона, самого простого и искреннего. В этих трех качествах должна заключаться предельная правда жизни.

Цель воспитания - содействовать развитию человека, отличающегося своей мудростью, самостоятельностью, художественной производительностью и любовью. Необходимо помнить, что нельзя ребенка сделать человеком, а можно

только этому содействовать и не мешать, чтобы он сам в себе выработал человека.

Главные основания, которых необходимо держаться при воспитании ребенка во время семейной его жизни: чистота, последовательность в отношении слова и дела при обращении с ребенком, отсутствие произвола в действиях воспитателя или обусловленность этих действий и признание личности ребенка постоянным обращением с ним как с человеком и полным признанием за ним права личной неприкосновенности.

Вся тайна семейного воспитания в том и состоит, чтобы дать ребенку возможность самому разворачиваться, делать все самому; взрослые не должны забегать и ничего не делать для своего личного удобства и удовольствия, а всегда относиться к ребенку, с первого дня появления его на свет, как к человеку, с полным признанием его личности и неприкосновенности этой личности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Введение в специальность" под ред. Л.И.Рувинцкого, М. 1988, С. 34-47.
2. Внешняя среда и психическое развитие ребенка" под ред. Р.В.Тонковой- Ямпольской. Москва. Медицина. 1999.
3. "Новая газета", №2, 8.06.1999, "Нарушаются права детей".
4. "Советы родителям о воспитании детей" под ред. А.П.Усовой Изд. АПН РФ. Москва 1999. 234с.
5. "Умом и сердцем: Мысли о воспитании" - 5-е - Полииздат, 1999.
6. "Психологическая газета", №3(18) 1999, "Дети насилия".
7. Нечаева А. М. Брак. Семья. Закон - М., 1999
8. Аллан Фромм "Азбука для родителей" - Лениздат, 1999.
9. Закон Республики Таджикистан «Об образовании». Душанбе 1994.
10. Никитины Ли.Б. "Мы и наши дети" - Москва. 1999.
11. Положение детей и молодежи в Таджикистане. Проблемы, политика, благотворительная деятельность: Обзор Международного молодежного фонда. 1998. С. 9, 14, 15.

ВОСПИТАНИЕ ДЕТЕЙ В РАЗЛИЧНЫХ ПО СТРУКТУРЕ СЕМЬЯХ

В данной статье автором подвергнуты исследованию особенности воспитания детей в различных по структуре семьях: полноценная семья, многодетная семья, неполная семья. Также автором предложены пути и методы воспитания в этих семьях.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: семья, воспитание, родители, неполные семьи, многодетные семьи, развитие воспитания, воспитательный потенциал.

EDUCATION OF CHILDREN IN VARIOUS FAMILIES ON STRUCTURE

In given articles the authors are subjected research of feature of education of children in various families on structure: a high-grade family, a large family, an incomplete family. Also the author offers ways and education methods in these families.

KEY WORDS: a family, education, parents, incomplete families, large families, development of education. educational potential.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Р.Х. Давлатшоева – соискатель Академии образования Таджикистана. Телефон: 93-508-36-13

МУНДАРИЧА - СОДЕРЖАНИЕ

ЗАБОНШИНОСЙ - ЯЗЫКОЗНАНИЕ

**ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ГЛАГОЛОВ В СТРУКТУРЕ НАУЧНЫХ ТЕКСТОВ
ПО ТЕХНОЛОГИИ ПРОИЗВОДСТВА КОНДИТЕРСКИХ ИЗДЕЛИЙ**

***Х.К Каримбаева* 3**

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СТРУКТУРЫ ТЕКСТА РАССКАЗА

<i>З. Мухторов</i>	6
ДАР БОРАИ БАЪЗЕ ВИЖАГИҶОИ «ФАРҶАНГИ ТАФСИРИИ ЗАБОНИ ТОҶИКӢ» (2008) <i>Г.С. Юнусова</i>	11
ТЕРМИНОТВОРЧЕСТВО – ПЕРВАЯ ФАЗА ФОРМИРОВАНИЯ НАУЧНОГО СТИЛЯ НАЦИОНАЛЬНОГО ЯЗЫКА (ОПЫТ ИБН СИНО И ДРУГИХ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ МИНУВШИХ ПОКОЛЕНИЙ) <i>Ширин Хаитова</i>	16
ШАРҶИ МУРОДИҶОИ ҶУФТ ДАР «ФУТУВВАТНОМАИ СУЛТОНӢ»-И ҶУСАӢН ВОӢЗИ КОШИҶӢ <i>У. Саъдуллоев</i>	20
ГЛАГОЛЬНЫЕ КОНСТРУКЦИИ С МОДАЛЬНЫМИ ГЛАГОЛАМИ <i>ШОЯД</i> И <i>МА УВ</i> ТАДЖИКСКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ <i>Исмоилзода Эрадж</i>	23
ИСТИФОДАИ УСУЛҶОИ РИВОҶ ДОДАНИ МАЛАКАҶОИ ТАДҶИҚОТӢ ҶАНГОМИ ТАЪЛИМИ ЗАБОН БА ДОНИШҶӢӢ <i>Қ. МухторӢ, С. Низомова</i>	27
ВИДЫ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ С НАЦИОНАЛЬНО- КУЛЬТУРНЫМ КОМПОНЕНТОМ СЕМАНТИКИ <i>М.Х. Ходжиева</i>	29
ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ И МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ <i>А.А. Нозимов</i>	33
ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ: АСПЕКТЫ ДЕФИНИЦИИ И ПРОБЛЕМА ИХ РАЗГРАНИЧЕНИЯ (СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОГО, РУССКОГО И ТАДЖИКСКОГО ЯЗЫКОВ) <i>А.Ш. Шарипов, М.М. Саидов</i>	36
КАЛИМАҶОИ <i>ДАСТ, ҶАШМ, САРДАР</i> ТАРКИБИ ВОҶИДҶОИ ФРАЗЕОЛОГИИ ЗАБОНИ ТОҶИКӢ ВА ТАРҶУМАИ ОН БА ЗАБОНИ ОЛМОНӢ (ДАР АСОСИ ПОВЕСТИ С. АЙНӢ «МАРГИ СУДХӢР») <i>Т.С. Талабов</i>	45
КОНТЕКСТУАЛЬНАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ФОРМ СИНТАКСИЧЕСКОЙ СВЯЗИ УПРАВЛЕНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА И ОТБОР ПАДЕЖНЫХ ФОРМ ПРИ ИНТЕНСИВНОМ ОБУЧЕНИИ РЕЧИ <i>Ф.М. Хамрокулов</i>	48
МУАРРАБОТ ДАР «ФУТУВВАТНОМАИ СУЛТОНӢ»-И ҶУСАӢН ВОӢЗИ КОШИҶӢ <i>У. Саъдуллоев</i>	50
ГУНАҶОИ (ВАРИАНТҶОИ) ВОҶИДҶОИ ФРАЗЕОЛОГӢ ДАР ЗАБОНИ ТОҶИКӢ ВА АРАБӢ <i>З. Шарипова</i>	53
К ВОПРОСУ О СОПОСТАВЛЕНИИ НАИМЕНОВАНИЯ ЛИЦ ПО ПРОФЕС- СИИ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО И ТАДЖИКСКОГО ЯЗЫКОВ) <i>Т. Мухиддинова</i>	56

ЧУМЛАҶОИ САВОЛИИ ЭҲСОСӢ С. Собирҷонов.....	59
ХАТАРИ АЗБАЙНРАВИИ ЗАБОНИ ИШКОШИМӢ З.О.Назарова, Н.О.Назаров	63
УТВЕРЖДЕНИЕ КАК РЕЧЕВАЯ ТАКТИКА В ПУБЛИЧНОМ ДИАЛОГЕ Р.А. Усмонов.....	66
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ НОМИНАЦИИ ТАДЖИКСКОГО И УЗБЕКСКОГО ЯЗЫКОВ Р. Хидиров.....	69
ВОЖАҶОИ СЕРМАӢНОИ ИФОДАКУНАНДАИ УЗВИ БАДАН ДАР «ЁДДОШТҶО»-И С. АЙНИ ВА ТАРҶУМАИ АНГЛИСИИ ОНҶО Н. Туйғунов.....	74
ТАФОВУТИ КАЛИМА ВА ИБОРАҶОИ ЗАБОНИ ТОҶИКӢ ДАР МУҶОИСА БО ЗАБОНҶОИ РУСӢ ВА АНГЛИСӢ М. Ҷомидова, А. Байдуллоев	78
МУЛОҶИЗАҶО ДАР БОРАИ ЗАБОНИ РОМАНИ «ДЕВОРИ ХУРОСОН»-И МУҶАММАДЗАМОНИ СОЛЕҶ Замира Ёлмасова.....	81
ШАРҶИ БАӢЗЕ ПАСВАНДҶОИ КАЛИМАСОЗ ДАР «ФАРҶАНГИ РАШИДӢ» Ф. Мирзоёров.....	85
АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО И ЕГО ТЕРМИНЫ Т.С. Шокиров.....	88
ЭЛЛИПСИС ГЛАВНЫХ ЧЛЕНОВ ПРЕДЛОЖЕНИЯ В ТАДЖИКСКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ М.Э. Усмонова, Х. Саидов.....	92
ВЫРАЖЕНИЯ МЕР ДЛИНЫ И ВЕСА В ШУГНАНСКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ Т.Д. Шозимова.....	96
АКТУАЛЬНОЕ ЧЛЕНЕНИЕ И СТРУКТУРНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ СЛОЖНОГО СИНТАКСИЧЕСКОГО ЦЕЛОГО В РУССКОМ И ТАДЖИКСКОМ ЯЗЫКАХ С.Д. Алламуродова.....	99
ВОЖАҶОИ ИФОДАКУНАНДАИ НОМАҶО ДАР «ТАӢРИХИ БАЙҶАҚӢ» Ҷ. АбдулҶадов.....	102
ВОЖАҶОИ МУАРРАБИ ФОРСИИ ТОҶИКӢ ДАР КАЛИМАСОЗИИ ЗАБОНИ АРАБӢ А. Наҷотов.....	107
АЗ ТАӢРИХИ ТАШАККУЛИ ИМЛОИ ЗАБОНИ АДАБИИ ТОҶИК ДАР САДАИ ХХ	

<i>З.А. Ҳомидова</i>	110
ВАЛЕНТНОКИИ АГЕНСИИ ФЕЪЛҲОИ ЭҲСОСИ БИНОӢ ДАР ЗАБОНҲОИ ТОҶИКӢ ВА УЗБЕКӢ <i>С. Иноятов</i>	115
ХИМИЧЕСКАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ КАК ПРЕДМЕТ И СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ НАУЧНОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ УЧАЩИХСЯ В ОБУЧЕНИИ ХИМИИ <i>Р. Киматов</i>	118
СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ НАРЕЧИЯ В ПРОИЗВЕДЕНИИ ЛЕССИНГА И ЕГО ПЕРЕВОД НА ТАДЖИКСКИЙ ЯЗЫК <i>Д. Кенжаева</i>	124
РОЛЬ ТЕРМИНОЛОГИИ В ФОРМИРОВАНИИ РУССКОЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ РЕЧИ <i>Г.М. Ходжиматова</i>	127
ХУСУСИЯТҲОИ ХОСИ ФОНЕТИКӢ (ОВОЗӢ)-И МУАРРАБОТИ ФОРСИИ ТОҶИКӢ ДАР ЗАБОНИ АРАБӢ <i>А. Наҷотов</i>	130
ТОПОНИМЫ УСТРУШАНЫ, СВЯЗАННЫЕ С ДУХОВНОЙ ЖИЗНЬЮ НАСЕЛЕНИЯ <i>А.Р. Аюбов</i>	134
ПАЖӢҲИШИ ВОСИТАҲОИ ТЕХНОЛОГИЯИ ИТТИЛООТӢ ДАР АДАБИЁТ- ШИНОСӢ (ДАР МИСОЛИ НАЗМИ КЛАССИКИИ ФОРСУ ТОҶИК) <i>М.А. Умаров, Д.Ф. Ҷаъфарова</i>	139
ОБРАЗОВАНИЕ ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ В ТАДЖИКСКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ <i>Ф.К. Баротов</i>	141
ТРУДНОСТИ ИЗУЧЕНИЯ ВИДОВ РУССКОГО ГЛАГОЛА УЧАЩИМИСЯ-ТАДЖИКАМИ <i>М.Ф. Камолова</i>	146
МЕТОДЫ И ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ТОПОНИМОВ УСТРУШАНЫ <i>А.Р. Аюбов</i>	149
ФАСЛЕ ТААММУЛ БАР СУХАНИ ҲОҶӢ ҲУСАӢН <i>Х.Н. Табаров</i>	154
МАЪЛУМОТИ МУХТАСАРИ ЭТНОЛИНГВИСТӢ ДОИР БА ОРОИШИ МУӢ ВА ЛЕКSIKAИ МАРБУТИ ОН <i>М. Бобомуродова</i>	158
СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ОПРЕДЕЛЕНИЯ В ТАДЖИКСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ <i>Г.Г. Шосафарова</i>	161
МАВҶЕИ ПЕШВАНДҲО ДАР КАЛИМАСОЗИИ ҲИССАҲОИ НОМИИ НУТҚ (ЗИМНИ МАВОДИ ДОСТАНИ “СИӢВУШ”-И ФИРДАВСӢ) <i>ДавлатӢи Акбарова</i>	164

МАВҚЕИ ЗАРБУЛМАСАЛУ МАҚОЛҶО ВА ПАНДУ ҲИКМАТҶО ДАР АШЪОРИ ТУҒРАЛ <i>Суҳайлӣ</i> <i>Расулов</i>	168
ВОЖАҶОИ ИФОДАКУНАНДАИ ЧЕНАКУ АНДОЗА ДАР «ШОҶНОМА»-И АБУЛҚОСИМИ ФИРДАВСӢ <i>Муаттара Раҳматова</i>	170
ОРГАНИЗАЦИЯ ВНЕКЛАССНОЙ РАБОТЫ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ В ПРОЦЕССЕ МЕЖПРЕДМЕТНЫХ СВЯЗЕЙ <i>Д.Р. Таирова</i>	173
<u>АДАБИЁТ</u>	
СУФИЙСКАЯ ПРАКТИКА НАЗАР ИЛА-Л-МУРД В ГАЗЕЛЯХ ИРАКИ <i>Б. Максудов</i>	175
МАВЗӢЪ ВА ТАСВИРИ БАДЕИИ АСП ДАР ЭҶОДИЁТИ САЛИМИ ЗАРАҶШОНҶАР <i>Ҳасани</i> <i>Муродиён</i>	185
ОРОЯҶОИ ШАКЛӢ ВА МАЪНАВИИ АШЪОРИ МУҶРИМИ РОҶӢ <i>Қ. Наймов</i>	184
РАНГИ МАӢИ РӢДАКӢ <i>Варқа Охониёзов</i>	189
ХУСУСИЯТҶОИ ҶОЯВИИ ДОСТОНИ “ЗОЛ ВА РУДОБА” <i>Н. Ашӯрова</i>	191
ТАРБИЯ ВА АҶКОРИ ПЕДАГОГӢ АЗ НИГОҶИ А. ФИРДАВСӢ <i>А. Ҳалимов</i>	196
ҶОЙГОҶИ ТАРҶУМАҶОИ «ШОҶНОМА»-И ФИРДАВСӢ ДАР ТАЪРИХИ ПАЙВАНДҶОИ АДАБИИ ТОҶИКУ ОЛМОНИ <i>З. Фуломова</i>	199
ОСОБЕННОСТИ ОСВЕЩЕНИЯ ИДЕЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ДЖАДИДСКОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ <i>М.А. Абдуллаев</i>	208
МАСЪАЛАИ ҶАНГ ВА СУЛҶ ДАР ШЕЪРИ ҚАЙСАРИ АМИНПУР <i>Зайнуллобиддини</i> <i>Даргоҳӣ</i>	214
ЗАМИНАҶОИ НАЗАРИИ ШЕЪРИ РӢШАНГАРИИ ФОРСӢ ВА ТОҶИКӢ <i>Муҳаммад</i> <i>Бейронвандӣ</i>	219
ҶОЯ ВА АҶАМИЯТИ ОН ДАР «ХУСРАВНОМА»-И ШАӢХ АТТОРИ НИШОПУРӢ <i>С.З. Зикаева</i>	223
АЗРАҚИИ ҶИРАВӢ ДАР САБҚАТИ ШОИРӢ <i>Шохрух Ғаффоров</i>	228
АЗ ТАЪРИХИ БИЛИНГВИЗМ ВА АНЪАНАИ ЗУЛЛИСОНАЙНИ ДАР	

АДАБИЁТИ ТОҶИКУ ЎЗБЕК <i>У. Абдуллоева</i>	232
НАШРИ АШЪОРИ ҲОФИЗ ДАР ТОҶИКИСТОН <i>М. Раҳимова</i>	236
ИРФОН ВА МАЪРИФАТИ ИРФОНӢ АЗ ДИДГОҶИ ФУРӢҒИ ФАРРУХЗОД ВА ФАРЗОНАИ ХУҶАНДӢ <i>Парвонаи Барорпур</i>	240
ТАҶҚИҚИ ҚИЁСИИ СУҶЕТИ ДОСТОНИ «САЛТАНАТИ КАЙКОВУС»-И «ШОҲНОМА»-ҲОИ АБУЛҚОСИМ ФИРДАВСӢ ВА АБӢМАНСУР АБДУЛМАЛИК САОЛИБИИ НИШОПУРӢ <i>Р.Б. Ризоева</i>	244
АЗ «АСПИ ОБӢ» ТО «АСПИ ЗАРИНӢЛИ МАН» <i>Ҳасани Муродиён</i>	251
ИШОРАҲОЕ АЗ РӢЗГОРИ СИПАРИШУДАИ САНОИИ ҒАЗНАВӢ ДАР САРЧАШМАҲО <i>Х. Давлатова</i>	253
БАЪЗЕ АНДЕШАҲОИ АДАБӢ - ЭСТЕТИКИИ С. АЙНӢ <i>Н. Аслонова</i>	259
ОМИЛҲОИ ДИДИ ТАБРИХШИНОСИИ СОТИМ УЛУҒЗОДА <i>Сайрам Бақозода</i>	263
ВАЗЪИ ШЕЪРИ ФОРСӢ ДАР ДАВРАИ ТЕМУРИЁН (ҚАРНИ НУҲУМИ ҶИҶРӢ) <i>Фарибо Ато ШайбонӢ</i>	266
«МИРЪОТИ ИБРАТ» ВА УСЛУБИ ЭҶОДИ ОН <i>Дориюш БайромӢ</i>	269
ДОРО НАҶОТ, ШЕЪРИ САПЕДЕ АЗ ШАҲРИ САПЕДА (НИГОҲЕ БА ЗАБОНИ ШЕЪРИ ДОРО НАҶОТ) <i>Митро Шарифзода Муд</i>	274
НАФСИ АММОРИ ДАР ЯҚ ДОСТОНИ ТАНЗИИ «МАСНАВИ»-И МАВЛАВӢ <i>Раззоқи Қадамнон</i>	283
ЭССЕ ДАР ЭҶОДИЁТИ А. САМАД <i>Н.А. Кучарова</i>	285
ТАБСИРИ АДАБИЁТИ АВРУПО БА ЭҶОДИЁТИ А. ЛОҲУТӢ <i>М. Нуров, П. Исмагуллоева</i>	288
ҒОЯ ВА АҲАМИЯТИ ОН ДАР «ХУСРАВНОМА»-И ШАЙХ АТТОРИ НИШОПУРӢ <i>С. З. Зикаева</i>	291
БАРҲЕ АЗ ОДОБУ РУСУМИ МАРДУМӢ ДАР АШЪОРИ ҲОҶА ҲОФИЗ	

<i>Фарибо</i>	296
<i>Рансӣ</i>	
НАШРИ НАВИ "ТАЪРИХИ БАЙҲАҚӢ"	
<i>Муҳаммадҳасани Санъатӣ</i>	300
ҲАДИСИ ИШҚ АЗ ДИДИ ЛОИҚ	
<i>Бибихаво Шарофова</i>	302
ДОИРАИ АДАБИИ КҶЛОБ ДАР ЗАМОНИ ЗИНДАГИИ АШӢР САФАР	
<i>Ф. Шафиев</i>	311
ҲУНАРИ НАВИСАНДАГӢ АЗ ДИДГОҲИ МАҲМУДИ ДАВЛАТОБОДӢ	
<i>Сураё</i>	314
<i>Тоҳирзода</i>	
«ДЕВОН» - И ИБНИ РАШИҚИ ҚАЙРОВУНӢ	
<i>У. Юсупов</i>	317
МАВҚЕИ РУБОӢ ДАР ЭҶОДИЁТИ СОМЕЪ	
<i>З. Холиқова</i>	325
НАЗАРИ ФАЙЛАСУФОНИ ҚАДИМ ДОИР БА МАСЪАЛАИ ОФАРИНИШИ ИНСОН	
<i>Соро</i>	328
<i>Ҳазорхонӣ</i>	
ХУСУСИЯТҶОИ ТАРҶУМАИ ГӢТЕ ДАР ЗАМОНИ НАВ	
<i>М.</i>	333
<i>Карахонов</i>	
УСТУРА	
<i>Маҳноз</i>	336
<i>Олимӣ</i>	
НАҚДИ УСТУРАӢ	
<i>Мустафо Бобохонӣ</i>	342
МАДОРИК ВА МАОХИЗИ АСОСИИ «АЛ-УМДА»-И ИБНИ РАШИҚ	
<i>У. Юсуфов</i>	345
ҚОФИЯ ДАР ҶАЗАЛИ АСРИ Х	
<i>Шокириён</i>	349
<i>Муҳаммадҷонус</i>	
ЖЕНЩИНА В «ОБРАМЛЕННОЙ ПОВЕСТИ»	
<i>Г.Ш. Шарофова</i>	351
ФАЙЗИИ ДАКАНӢ – АДИБ, ДОНИШМАНД ВА МУТАРҶИМ	
<i>К.Нурова</i>	358
ТАСВИРИ СИМОИ ЗАН ДАР ЭҶОДИЁТИ ПРЕМЧАНД	
<i>С. Ёрова</i>	362
НОМА БАЁНГАРИ ҶУЗЪЕ АЗ АНДЕШАҶОИ АДАБӢ - ЭСТЕТИКИИ С. АЙНӢ	
<i>Н.</i>	365
<i>Аслонова</i>	

ПОВЕСТЬ О СЕМИ ВИЗИРЯХ <i>Г.Ш. Шарофова</i>	369
НИГОҲЕ БА АДАБИЁТИ ПОЙДОРӢ БО ТАКЯ БАР ЗУЛМСИТЕЗӢ ДАР ШЕЪРИ ШОИРОНИ ФОРСӢ <i>Абдулмаҷид</i> <i>АрҷумандӢ</i>	373
ТАНЗ ВА ТАФОВУТИ ОН БО ЖАНРҲОИ ДИГАР <i>Разоқи</i> <i>Қадамнон</i>	378
ВОДИИ ФАРҶОНА: ТАМАДДУН ВА ТАДАӢЮН <i>Низомиддин МуродӢ</i>	380
ХУСУСИЯТҲОИ СОҲТОРИИ «ЧАҲОР МАҚОЛА»-И НИЗОМИИ АРӢЗИИ САМАРҚАНДӢ <i>М.</i> <i>Абдуқодиров</i>	384
КОНСЕПСИЯИ ИНСОН ДАР ҲАМОСАИ СОРБОН «ДОСТОНИ ПИСАРИ ХУДО» <i>Замира</i> <i>Ӯлмасова</i>	386

ЖУРНАЛИСТИКА

РОЛЬ КНП В МИРОТВОРЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ В ЗЕРКАЛЕ ПРЕССЫ <i>Т.Г. Хасанова</i>	390
МУТОБИҚАТИ САРЛАВҲА БО МУНДАРИҶАИ МАВОДИ РӢЗНОМА <i>Ҳ.О. Сафаров</i>	392
ВИЖАГИҲОИ БАҲШИ ЗИНДАИ АХБОР <i>Ризо</i> <i>Ходи</i>	394
НАЗАРИЁТИ ҲОКИМ БАР РАСОНАҲОИ ЭРОН <i>Марям Олидой</i>	397
ХАБАРИ МАҲАЛЛӢ ДАР СИМОИ ШАБАКАИ ИТТИЛООТИИ «ЧАҲОННАМО» <i>Ҳ. Каримов</i>	400
ГУЗОРИШГАРОНИ ТАҲАССУСӢ <i>Марям Олидой</i>	402
НАҚШИ МАТБУОТ ДАР ХУДОГОҲИИ МИЛЛӢ <i>МирзоалӢ</i> <i>Ҷураев</i>	404
МАВҚЕИ РАДИОИ ТОҶИК ДАР РАВАНДИ ИСТИҚЛОЛИЯТ <i>Б. Мирзоев</i>	408
ЭДУАРД БРАУН ВА МАТБУОТИ АСРИ МАШРУТА ДАР ЭРОН <i>Ромин Расулоф</i>	409

САДРИДДИН АЙНӢ ВА «ОВОЗИ ТОҶИК» <i>Мирзоалӣ</i> <i>Ҷӯраев</i>	414
---	-----

ПЕДАГОГИКА

МАОРИФ ВА ФАРҶАНГИ ТЕХНИКӢ ДАР АҲДИ СОМОНИӢН <i>А.</i> <i>Ҳалимов</i>	418
РЕЧЕВАЯ ПОДГОТОВКА РЕБЕНКА К ШКОЛЕ <i>Л.М.Иматова, Ш.Котибова</i>	421
ФОРМИРОВАНИЕ НРАВСТВЕННЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ У ДЕТЕЙ В ПРОЦЕССЕ ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ <i>Р.Х. Давлатшоева</i>	425
СУЩНОСТЬ И РОЛЬ ДИФФЕРЕНЦИРОВАННОГО ОБУЧЕНИЯ В ПОВЫШЕНИИ КАЧЕСТВА УСВОЕНИЯ УЧЕБНОГО МАТЕРИАЛА (НА ПРИМЕРЕ СЕЛЬСКИХ ШКОЛ) <i>Д.Л.</i> <i>Сайдамадова</i>	431
ВОСПИТАНИЕ ДЕТЕЙ В РАЗЛИЧНЫХ ПО СТРУКТУРЕ СЕМЬЯХ <i>Р.Х.Давлатшоева</i>	434
<i>МУНДАРИҶА</i>	439

ПОРЯДОК РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ МАТЕРИАЛОВ ПРЕДСТАВЛЯЕМЫХ В НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Пр. Рудаки 17, 734025 Душанбе, Республика Таджикистан Тел.: (992 37) 227-74-41.
E-mail:vestnik - tnu@mail.ru

Статьи, поступающие в редакцию, проходят предварительную экспертизу (осуществляется членами редколлегии специалистами по соответствующей отрасли наук) и принимаются в установленном порядке. Требования к оформлению оригинала статьи представлены в каждом номере журнала и предоставляются редакцией по запросу автора.

Если рукопись принята, то редакция сообщает автору замечания по содержанию и оформлению рукописи, которые необходимо устранить до передачи *текста* на рецензирование.

Затем статьи рецензируются в обязательном порядке членами редколлегии журнала или экспертами, соответствующей специальности («кандидатами или докторами наук»). Рецензия должна содержать обоснованное перечисление положительных качеств материала, в том числе научную новизну проблемы, её актуальность, фактологическую и историческую точность, точность цитирования, хороший стиль изложения, использование современных источников, а также мотивированное перечисление недостатков материала. В заключении дается общая оценка материала и рекомендация для редколлегии (опубликовать материал, опубликовать материал после доработки, направить на дополнительную рецензию специалисту по определенной тематике, отклонить)

Объем рецензии - не менее одной страницы текста.

Статья, принятая к публикации, но нуждается в доработке, направляется авторам с замечаниями рецензента и редактора. *Авторы* должны внести все необходимые исправления в окончательный вариант рукописи и вернуть в редакцию исправленный текст, а также его идентичный электронный вариант вместе с первоначальным вариантом рукописи. После доработки статья повторно рецензируется, и редакция принимает решение о её публикации.

Статья считается принятой к публикации при наличии положительной рецензии и если её поддержало большинство членов редколлегии. Порядок и очередность публикации статьи определяется в зависимости от даты поступления её окончательного варианта.

При наличии замечаний рецензента статья передается авторам для их устранения с обязательным последующим согласованием внесенных исправлений с редакцией.

Рецензирование рукописи осуществляется конфиденциально. Разглашение конфиденциальных деталей рецензирования рукописи нарушает права автора. Рецензентам не разрешается снимать копии с рукописей для своих нужд.

Рецензенты, а также сотрудники редакции не имеют права использовать информацию, содержащуюся в рукописи, до её опубликования в своих собственных интересах.

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

В научном журнале «Вестник Таджикского национального университета» печатаются статьи, содержащие результаты научных исследований по естественным, гуманитарным и экономическим наукам.

При направлении статьи в редколлегию авторам необходимо соблюдать следующие правила:

1. Размер статьи не должен превышать 10 страниц компьютерного текста, включая текст, таблицы, библиографию, рисунки и тексты аннотаций на русском и английском языках.

2. Статья должна быть подготовлена в системе Microsoft Word. Одновременно с распечаткой статьи сдается электронная версия статьи. Рукопись должна быть отпечатана на компьютере (гарнитура Times New Roman Tj 14, формат А4, интервал одинарный, поля: верхнее - 3см, нижнее – 2,5см, левое – 3см, правое – 2см;), все листы статьи должны быть пронумерованы.

Сверху страницы по центру листа указывается название статьи, ниже через один интервал инициалы и фамилии автора (авторов). Ниже название организации, адрес, e-mail. Далее через строку следует основной текст. В конце статьи приводятся ключевые слова на русском и английском языках (до 10-12 слов).

Ссылки на цитируемую литературу даются в квадратных скобках, например [1]. Список литературы приводится общим списком после ключевых слов (под заголовком «литература») в порядке упоминания в тексте.

3. К статье прилагается аннотация на русском и английском языках с указанием названия статьи. Текст аннотации приводится в конце статьи после списка использованной литературы.

4. Научные статьи, представленные в редакцию журнала, должны иметь направление учреждения, экспертное заключение и отзыв специалистов о возможности опубликования.

5. Плата за опубликование рукописей аспирантов не взимается.

Редколлегия оставляет за собой право производить сокращения и редакционные изменения статьи. Статьи, не отвечающие настоящим правилам, редколлегией не принимаются.

Масъули чоп: **М. Ибодова**
Мухаррирон: **И. Ҳакимова, М. Муродов**
Хуруфчини компютерӣ: **Д. Назарова**

Ответственный редактор: **М. Ибодова**
Редакторы: **И. Ҳакимова, М. Муродов**
Компьютерный набор: **Д. Назарова**

ДМТ, ш. Душанбе, хиёбони Рӯдакӣ, 17, бинои асосӣ, утоқи 37
ТНУ, г. Душанбе, проспект Рудаки, 17, главный корпус, каб. 37
Тел: 227-74-41 *E-mail: vestnik - tnu@mail.ru*
Сайт ТНУ: www.tgnu.tarena.tj

Ба чоп 25.06. 2010 таҳвил шуд. Қоғаз аз чопи офсет.
Андозаи 60x84 1/16. Теъдод 250 нусха.
Супориши № 000 . Нархаш шартномавӣ.